

Т Р У Д Ы П О
*н*ематематике

К Н И Г А

5

Владимир Андреевич Успенский

Т Р У Д Ы
ПО
*не*МАТЕМАТИКЕ

Второе издание,
исправленное и дополненное

В пяти книгах

МОСКВА

ОБЪЕДИНЁННОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ФОНД «МАТЕМАТИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ»

Владимир Андреевич Успенский

ТРУДЫ
ПО
*не*МАТЕМАТИКЕ

Книга пятая

ВОСПОМИНАНИЯ
И НАБЛЮДЕНИЯ

МОСКВА

ОБЪЕДИНЁННОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ФОНД «МАТЕМАТИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ»

2018

УДК 80
ББК 72.3
У77

Успенский В. А.

У77 Труды по нематематике / В. А. Успенский. — 2-е изд.,
испр. и доп. : В 5 кн. — М. : ОГИ : Фонд «Математические этюды», 2012— .

ISBN 978-5-94282-674-1

Кн. 5 : Воспоминания и наблюдения. — 2018. —
1118 с.

ISBN 978-5-94282-679-6

«Труды по нематематике» в пяти книгах содержат нематематические сочинения профессора математики В. А. Успенского, заведующего кафедрой математической логики и теории алгоритмов Механико-математического факультета Московского университета.

В пятую книгу «Воспоминания и наблюдения», подготовленную В. А. Успенским (1930—2018) к изданию, включены воспоминания о событиях и местах, наблюдения за людьми и их нравами.

УДК 80
ББК 72.3

ISBN 978-5-94282-674-1
ISBN 978-5-94282-679-6 (кн. 5)

© В. А. Успенский,
В. В. Успенский, 2018
© ОГИ, 2018
© Фонд «Математические
этюды», 2018

Всё было не так, как на самом деле.

Не объясняй. Бери, как есть,
Что есть, что было и что будет.
Предоставляется нам честь
Смотреть на жизнь, не как все люди.

Биологический инстинкт
Заставит их искать решений
И все явления свести
К цепочке неких объяснений.

Но объяснят ли объясненья?
Скажи, не вымысел ли мысль.
И разве значимы значенья?
И разве не бессмыслен смысл?

Всё всё равно. Смеясь иль мучась,
Не зная, бодрствуешь иль спишь,
Ты человеческую участь
Не объясняй — не объяснишь.

Борис Успенский.

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомненьем взволновал?..

Александр Пушкин.

Но кто мы и откуда,
Когда от всех тех лет
Остались пересуды,
А нас на свете нет?

Борис Пастернак.

Моя няня Маша пекла пироги на свадьбе моей
бабушки.

Оглавление

От издателя	14
Предисловие к книге 5 «Воспоминания и наблюдения»	15
Из предуведомления от автора [к первому изданию «Трудов по НЕматематике»]	18
I. Как возникло это издание	18
II. Почему у этого издания такое название	20
III. Что входит в состав этого издания	21
IV. Как устроено это издание	22

Часть 1. ЛЮДИ

Воспоминания о детстве	23
Успеня	41
Василий Дмитриевич	45
Моя няня Маша	50
Одноклассник Алик	56
Опубликовано в книге: <i>В. А. Успенский. Апология математики: Сборник статей.</i> — Изд. 2-е, испр. — СПб.: Амфора, 2012. — С. 260—263 (в качестве приложения к гл. 1 статьи «Апология математики»).	
Колмогоров как центр моего мира	59
Опубликовано в сборнике: <i>Колмогоров в воспоминаниях учеников / Ред.-сост. А. Н. Ширяев.</i> — М.: МЦНМО, 2006. — С. 272—371.	
1. Колмогоров на экране	60
2. Колмогоров как чудо	62
3. Колмогоров — оратор	84
4. Письма Колмогорова	99
5. Как в мою жизнь вошёл Колмогоров	110
6. Моё ученичество у Колмогорова	116

7. Встречи с Колмогоровым в шестидесятых, семидесятых и восьмидесятых годах	152
8. Болезнь и кончина Колмогорова	180
Приложение 1. П. С. Александров о Комаровском доме	199
Приложение 2. Письмо А. Н. Колмогорова А. И. Бергу	202
Приложение 3. Как я перепрыгивал через класс	204
Приложение 4. Отзыв П. С. Новикова на дипломную работу В. А. Успенского	209
Приложение 5. Письмо Н. А. Шанина В. А. Успенскому	211
Приложение 6. Нумерации и номинации	212
Приложение 7. А. Н. Колмогоров о Н. Н. Лузине (интервью)	216
Приложение 8. Наш большой факультет	219
Мой кумир Натали (с включением «Оды»)	232
Опубликовано в книге: <i>Н. Л. Трауберг. Домашние тетради: [В 7 тетрадях] / Сост. М. В. Чепайтите. — Тетрадь 7: Комментарии. — СПб.: Книжные мастерские. Мастерская «Сеанс», 2013. — С. 9—24. Ода сочинена в январе 1962 года.</i>	
Ода	239
Комментарии	243
Приложение. <i>Р. А. Минлос. «Ягломы всей Москвы»</i>	<i>249</i>
Прогулки с Лотманом и вторичное моделирование	253
Опубликовано в сборнике: <i>Лотмановский сборник. — Т. 1 / Ред.-сост. Е. В. Пермяков. — М.: ИЦ-Гарант, 1995. — С. 99—127.</i>	
I. Тарту. Похороны	253
II. Эльва. Прогулки	255
III. Кяэрику. Школа	262
IV. Свободы и запреты. Константин и Конституция	266
V. Петербург. Декабристы	268
VI. Москва. Утраченный автопортрет	282
Примечания	283
Литература	295
Послесловие от августа 2001 года	299
Алексей Андреевич Ляпунов — вспышки памяти	302
Отредактированная запись выступления на Конференции, посвящённой 100-летию Алексея Андреевича Ляпунова (10 ноября 2011 года, Президиум Российской академии наук, президентский зал, Москва, Ленинский пр-т, 32а). Расшифровка Н. М. Панюнина.	

В. К. Финн на фоне зарождения семиотики в ВИНТИ . . .	311
Опубликовано в журнале: Научно-техническая информация. — Серия 2: Информационные процессы и системы. — 2013. — № 7. — С. 2—4.	
Татьяна Михайловна Николаева как собеседник	317
Опубликовано в сборнике: Язык. Личность. Текст: Сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой / Ин-т славяноведения РАН; Отв. ред. В. Н. Топоров. — М.: Языки славянских культур, 2005. — 975 с. — (Studia philologica). — С. 953—958.	
Определение брака	319
Определение романа	320
Гендерная дифференциация комплимента	321
Классификация учёных	322
О Саше Шене	325
Опубликовано 25 июня 2012 года в номере 12 (106) газеты «Троиц- кий вариант» под заголовком «Саша Шень — человек и пароход».	
Приложение. Анна Ахматова о Саше Шене	330
Вспомнишь странного человека (гости Елены Фанайловой гово- рят о жизни и творчестве философа Александра Пятигорского)	332
Опубликовано 31 января 2010 года на сайте радио «Свобода».	
Ректоры МГУ	335
Петровский: воспоминания школьника	335
Вокруг Несмеянова	338
Петровский: воспоминания студента	339
Петровский: общий взгляд на него	345
Петровский: материалы к портрету	347
Смерть Петровского	353
Хохлов	354
Смерть Хохлова	357
Логунов	360
Александр Сергеевич Есенин-Вольпин	365
0. Происхождение, фамилия, краткая биография	365
1. Философ	373
2. Поэт	374
3. Правозащитник	380
4. Математик	385
5. Шизоид	394
Примечания	395

Несколько слов о Димитре Скордеве	400
Воспоминания о Виталии Арнольде	404
Наташа Рычкова	414
Опубликовано в журнале: Новый мир. — 2009. — № 5 (в качестве послесловия к живо написанной мемуарной статье Н.Г.Химченко «Пять детств и три юности»).	
Николай III	419
Ирина Буяновер	423
Евтушенко	430
Как И. М. Гельфанд и Е. Ф. Мищенко стали академиками . .	447
Об И. М. Виноградове	451
Столетие Лузина; Никольский умер на 108-м году жизни . .	458
О Л. С. Понтрягине	468
О Л. В. Канторовиче	515
О П. С. Александрове, а также о «деле Лузина» и Айседоре Дункан	523

Часть 2. МЕСТА

Светлые воспоминания	562
Опубликовано в сборнике: Институт вычислительной математики и математической геофизики (ВЦ) СО РАН: Страницы истории / Отв. ред. Б. Г. Михайленко. — Новосибирск: Гео, 2009. — 612 с.: ил.	
Предисловие к книге «Теория алгоритмов: основные открытия и приложения»	566
Опубликовано в книге: <i>В. А. Успенский, А. Л. Семёнов.</i> Теория алгоритмов: основные открытия и приложения. — М.: Физматлит, 1987. — С. 6—10. (Соавтор: Алексей Львович Семёнов.)	
Литература	570
Приложение 1. Алгоритмы на родине аль-Хорезми . . .	572
Приложение 2. Международная встреча учёных в Хорезме	579
Приложение 3. Вспоминая Хорезм и Ташкент	581
I. Год 1977. Ташкент, Ургенч, Хива (581). II. Годы 1978—1979. Москва (586). III. Год 1979. Ургенч, Хива (593). IV. Год 1980. Москва — Юрмала (606). V. Год 1986. Ташкент (609). VI. Год 1986. Самарканд (614).	

Парижские сюрпризы	616
Опубликовано в журнале: Новый мир. — 2006. — № 10. — С. 141—145.	
У них всё не по-нашему: Западный Берлин и Железный Занавес	623
Вступление	623
Проблемы временного выезда из СССР	624
Проход через Железный Занавес	625
Первые впечатления	627
Стена	631
Отъезд	638
Прибавление	640
Наш ЖСК «Советский писатель»	642
Остров Кихну	656
Путешествие на Курильские острова	663
Часть 3. ПРАВЫ	
Химико-филологический конфликт	680
Лермонтов, Колмогоров, женская логика, выездная виза и сексуальный харассмент	708
Опубликовано в журнале: Неприкосновенный запас. — 2001. — № 1 (15). — С. 91—99.	
Русская литература о женской логике	709
Колмогоров и логика	710
Правило Колмогорова для женской логики	712
Выездная виза	712
Никогда не повторяй ту же шутку — даже для других слушателей	720
Ничто не предвещало грозы	722
«Я — Гойя» (как сказано Андреем Вознесенским)	724
Сексуальный харассмент	726
Утешительный вывод	728
Д о б а в л е н и е 1 от июля 2016 года. Кое-что о политкорректности	731
Д о б а в л е н и е 2	733
Материалы для классификации цивилизаций	734
Опубликовано в журнале: Неприкосновенный запас. — 2001. — № 4 (18). — С. 120—131.	

Шаги навстречу	734
Различие в направлениях	737
Различия в менталитетах	741
Различия в культурах поведения	746
Сортирные проблемы	753
К терминологии	753
Не прерывая движения	755
К литературе вопроса	759
Несколько замечаний о сортирном деле в США	767
Инфраструктура: от Франции до Японии	769
Примечания	774
Приложение. Биотуалеты в Москве	777
Из записок председателя экзаменационной комиссии	785

Часть 4. РАЗМЫШЛЕНИЯ

Ещё раз о словесных квипрокво	800
Опубликовано в журнале: Новое литературное обозрение. — 1998. — № 30. — С. 441—444.	
Послесловие от августа 2001 года	803
Послесловие от августа 2008 года	807
Привычные вывихи	808
Опубликовано в журнале: Неприкосновенный запас. — 2002. — № 3 (23). — С. 110—115.	
Безобидны ли семантические сдвиги?	817
Опубликовано 14 июня 2002 года на сайте «Русского журнала».	
О двух архетипах тоталитарного мышления	826
Опубликовано 4 июля 2002 года на сайте «Русского журнала».	
О единстве человеческого рода, или Зачем ставят памятники	842
Опубликовано в разделе «Философия. История. Политика» в журнале: Новый мир. — 2005. — № 1. — С. 121—136.	
Ономастический комментарий	857
Культурологическое прибавление	865
Речь при получении премии «Просветитель»	878
Речь произнесена 18 ноября 2010 года в Театральном центре на Страстном бульваре. Опубликовано в журнале: Вокруг света. — 2011. — № 1 (2844). — С. 128.	

Часть 5. ЭПИЗОДЫ И СОБЫТИЯ

Требуется секундант	880
Опубликовано в журнале: Неприкосновенный запас. — 1998. — № 1. — С. 72—73.	
Послесловие от ноября 1999 года	885
Послесловие от января 2002 года	886
Похороны Сталина	889
НСО и шифрованная телеграмма	894
Третий Математический съезд	897
Примечания	905

Часть 6. ИНТЕРВЬЮ

А здесь я всё-таки привык...	913
Интервью для журнала «Вокруг света». Опубликовано на сайте журнала в двух частях. Беседовала Анастасия Дмитриевна Нарышкина 2 декабря 2010 года.	
О роли математики	943
Отредактированная запись видеобеседы, состоявшейся 6 декабря 2010 года с А. Н. Приваловым в рамках авторской программы «Угол зрения» на телеканале «Эксперт-ТВ».	
Об «Апологии математики» и не только	955
Это интервью было дано в январе 2011 года и предназначалось для журнала «Вокруг света», однако ввиду внутриредакционных проблем опубликовано не было. Беседовал Владимир Леонидович Щербаков.	
Кажется, что студенты в среднем стали умнее	961
Интервью для журнала «Афиша», № 319 за 23 апреля — 6 мая 2012 года, с. 44—48. Беседовал Пётр Владимирович Фаворов.	
Математика — это гуманитарная наука	966
Интервью для газеты «Троицкий вариант», №2(146) от 28 января 2014 года, с. 4—6. Беседовал Михаил Сергеевич Гельфанд.	
От редакции «Троицкого варианта»	966
Математика, физика и лингвистика	966
Математика и музыка	969
Как думают математики	971
Какой математике учить	974
Любимые лекторы	976
Примечания (составлены М. Гельфандом)	981

Мы ничтожно мало знаем о мире, в котором живём 983

Интервью опубликовано 17 июня 2011 года на сайте Регионального информационного агентства Нижегородской области «Время Н». Беседовала Катерина Ткаченко.

Часть 7. ДВЕ ЭПОПЕИ**Эпопея первая 989****Приложение. Володечка 992****Эпопея вторая 998**

Примечания 1041

Приложение. Где похоронен великий лингвист Андрей Зализняк? 1047**Часть 8. ЗАСТОЛЬНЫЕ РАССКАЗЫ****Table talks в Forest Falls 1049**

Опубликовано в журнале: Terra Nova. — 2006. — № 5/11. — С. 24—27.

Про царя и айсорку Анну Бадаловну 1049

Про иностранный язык 1052

Парадоксы карьеры 1053

Из рассказанного М. В. Ардову 1056

Опубликовано М. В. Ардовым в его мемуарах «Довески» (Новый мир. 2010. № 8) и затем в его книге «Исподтишка меняются портреты» (М.: Б.С.Г.-Пресс, 2013); а также в книге «Мелочи архи..., прото... и просто иерейской жизни» (М.: Б.С.Г.-Пресс, 2013).

Застольные рассказы в Дубне 1062**Указатель имён 1083**

От издателя

Владимир Андреевич Успенский всю свою жизнь (27.11.1930—27.06.2018) внимательно и пытливо наблюдал за людьми, фиксировал и анализировал события. При этом, зачастую, он был не просто пассивным созерцателем, но, и провокатором-исследователем. Именно в этой книге это отражается особо.

Первое издание сборника «Труды по нематематике» вышло в двух томах в 2002 году в издательстве ОГИ. Последние годы жизни Владимир Андреевич много сил и внимания уделял подготовке второго издания: существенно дополнял старые и включал новые тексты. Работа над вторым изданием началась в 2011 году. ВАУ был очень доволен решением, что новое издание будет представлять собой пятикнижие: выйдут в 5 книгах. Сразу был составлен генеральный план, что войдёт в каждую из них, который помещался на суперобложках. Из него вытекало, что первая книга будет печататься в последнюю очередь, так как она должна содержать именную указатель ко всему изданию (а всевозможным указателям ВАУ уделял особое внимание).

Переработка и издание начались с наиболее «простых» книг. В 2012 году вышла книга 4 «Филология», в 2013 году — книга 3 «Языкознание» и в конце 2014 года — книга 2 «Философия». Подробная история первого издания и начала работы над вторым изложена в предисловиях и предуведомлениях к этим книгам.

Работа над настоящей, пятой книгой началась в январе 2015 года. Включающая неформальные воспоминания и наблюдения, накопленные за жизнь, книга была самой сложной для подготовки. Только к концу 2017 года текст был в основном закончен (из письма ВАУ к Никите Панюнину от 17 декабря: «Книгу я практически закончил в первом приближении. Сейчас собираюсь заняться предисловием/предисловиями. <...> Я сделаю поправки и вставки и верну текст Вам. После одного-двух-трёх таких сеансов обмена с текстами получится окончательный текст»). До последних своих дней Владимир Андреевич вносил небольшие правки и, тем самым, подготовил пятую книгу к изданию.

На протяжении всего этого времени, начиная с 2011 года, в скурпулёзной (или даже дотошной) работе по внесению исправлений и дополнений в старые тексты, добавлению новых, поиску материалов, неизменным и верным помощником для Владимира Андреевича служил Никита Панюнин. Заключительный аккорд — причёсывание текста как в техническом так и литературном плане — во всех книгах за Михаилом Пановым.

Ещё неопубликованная книга 1 «Памяти ушедших. Аппарат издания», состоящая по плану ВАУ из уже опубликованных некрологов и памятных речей, по характеру текстов не предполагает большой переработки относительно первого издания. Так она и будет выпущена, теперь — дополненная небольшим блоком про самого Владимира Андреевича.

Николай Андреев. Октябрь 2018 года.

Предисловие к книге 5 «Воспоминания и наблюдения»

На воде, всё равно что нигде,
я пишу спотыкаясь и наспех
и не глядя, остался ли след...

Эти строки Натальи Горбаневской я помню наизусть, поскольку люблю их больше всего из её поэзии. Видеть, как пишут на или по воде, мне не удалось, но зато удалось увидеть, как пишут водой. Для этого нужно было ехать в Китай.

В центре Пекина находится парк Бэйхай, на большей части которого простирается озеро с островом Цюньхуа. Чуть ли не весь остров занимает относительно высокий холм, вершина которого увенчана 40-метровой буддийской ступой Бай Та (Белой Ступой). Не знаю, как сейчас, но в 2006 году вершина холма была огорожена со ссылкой на реставрационные работы и попасть на неё было невозможно. Остров соединён с берегом двумя мостами.

В марте 2006 года меня пригласили на небольшую конференцию по математическому образованию, и я имел возможность побывать в парке Бэйхай. Обстановка напомнила мне советские парки, прежде всего ЦПКиО, в дни моей молодости. По озеру катались на лодках и катерах. На берегу просто гуляли или же танцевали под звуки принесённых с собою источников музыки. Погода была прекрасная, было ещё не жарко, но уже совершенно тепло.

По моим воспоминаниям, мощёная набережная начиналась почти сразу после входа в парк. Войдя, я пошёл налево, и вскоре наткнулся на старого китайца с ведёрком воды и кистью, сидящего на маленьком рас-



Парк Бэйхай в Пекине.
Спутниковый снимок
20 сентября 1967 года.

кладном стульчике лицом к воде. Макая кисть в воду, он выводил ею иероглифы на гладкой поверхности набережной. Написав иероглиф, он сдвигался вправо и писал следующий иероглиф. Предыдущий иероглиф оставался непосредственно слева. На иероглифе перед предыдущим уже были заметны отдельные точки высыхания. По мере продвижения влево следов высыхания становилось всё больше и больше, пока иероглиф не исчезал совершенно. Прохожие и танцующие тщательно обходили не только почти высохшие иероглифы, но даже те места, где по представлениям посетителей парка, некогда существовал иероглиф.

В процессе написания настоящей пятой книги меня нередко посещала мысль, что то, чем я занимаюсь, есть не то писание на воде подобно Горбаневской, не то писание водой (с последующим высыханием) подобно старому китайцу, не то то и другое вместе.

Одна из причин этой мысли заключается в том, что хотя все «Труды по нематематике» привязаны к текущему времени, пятая книга привязана в наибольшей степени. Вот два простых примера.

В 2017 году Сколтех выпустил сборник интервью «Математические прогулки»¹. Никити́ Введенскую интервьюировала заведующая отделом науки и медицины журнала «Огонёк» Елена Владимировна Кудрявцева. Отвечая на один из вопросов, Введенская рассказала, что во время войны в Ташкенте электричество подавалось в дома лишь на несколько часов в сутки. Кудрявцева удивлённо спросила: «А как же холодильники?». (Этот вопрос и Никитин ответ на него не вошёл в опубликованный текст.) Ей и в голову не могло прийти, что квартирных холодильников тогда вообще не было. Кстати, первый холодильник, появившийся у нас в родительской квартире в Тихвинском переулке Москвы, был газовым: в корпусе имелась небольшая ниша, и в ней постоянно горел подключённый к газу огонёк.

Людам моего поколения и вокруг оно́го не надо объяснять связи между понятиями «Ленин» и «бревно». *Ленин и бревно* — знаменитый эпизод из жизни *Ленина*, в котором он принял участие в переноске *бревна* во время субботника в Кремле 1 мая 1920 года².

¹ Математические прогулки: Сборник интервью / Науч. ред. А. Н. Соболевский; Сост. И. В. Григалионене. — М.: Паулсен, 2017. — 248 с.

² Журнал «Дилетант» в своём номере от 24 октября 2016 года пишет:

В нашем мифологическом сознании они неразрывно срослись. Мы говорим: «Бревно», подразумеваем — «Ленин». Малозначительный исторический факт — участие председателя Совнаркома в кремлёвском субботнике 1 мая 1920 года — породил могучий эпос. Художники написали и наваяли целую «третьяковку» лениных-с-брёвнами, а писатели и поэты набряцали на лирах форменную «бревниаду».

Говорят, что около сотни человек доказательно утверждают, что вместе с Лениным принимали участие в переноске знаменитого бревна.

Однако всякая печатная продукция, включая «Труды по неакадематике», рассчитана на современного изданию читателя. Чтобы сделать текст, скажем, настоящей пятой книги, полностью понятным названному читателю, то — выражаясь с большим преувеличением — чуть ли не к каждому слову следовало бы сделать разъясняющее примечание. Но тогда книгу будет невозможно читать. Что же делать?

Мы рассчитываем на помощь Интернета. Набрав в поиске «холодильники» или «Ленин бревно», любой может получить нужную информацию.

Осталось сообщить необходимые детали устройства текста. И литература, и затекстовые примечания приводятся после каждой статьи. Ссылки на затекстовые примечания в тексте даются белыми цифрами в чёрных квадратах. Внутри текста встречаются также семафоры: открывающий «●●» и закрывающий «◀●●». Они означают, что фрагмент текста, заключённый между ними, не мог быть написан во время предыдущей публикации. (Подробнее о семафорах — в разделе III предисловия, идущего сразу вслед настоящему предисловию.) Всевозможные изменения в тексте предыдущей публикации, которые могли бы быть написаны при её написании, никак не отмечаются.

22 декабря 2017 года.

Из предуведомления от автора [к первому изданию «Трудов по НЕматематике»]

Настоящее предуведомление имеет целью ответить на четыре вопроса:

- как возникла эта книга?
- почему у неё такое название?
- что входит в её состав?
- каково её устройство?

Ответам на эти вопросы и посвящены четыре соответственных раздела предуведомления.

I. Как возникла эта книга

Настоящее издание придумала Катя (Екатерина Владимировна) Рахилина, и если бы не она, его бы не было. Данное заявление следует рассматривать как недостойную попытку снять с себя если не всю ответственность, то хотя бы основную её часть.

Я никогда не осмелился бы выпускать собрание собственных сочинений, да у меня и в мыслях такого не было. Однако Катя пришла ко мне весной 2000 года и заговорила об этом как о деле, для неё очевидном и решённом. Я сперва сильно удивился, а потом сопротивлялся, но уже не так сильно. Не знаю, должен ли я благодарить её за эту идею, в правильности какой у меня и сейчас нет уверенности. Но за что я ей благодарен бесконечно, это за то, что она взяла на себя все хлопоты по организации издания.

Именно Катя (Екатерина Владимировна) Рахилина написала и подписала своим именем заявку в Российский фонд фундаментальных исследований (РФФИ) на получение издательского гранта. Таким образом, она стала руководителем проекта (в котором я не являюсь даже участником, так что от меня потребовалось только определить состав издания и предоставить необходимые материалы: рукописи, книги, журналы, оттиски, ксерокопии); она же взяла на себя все переговоры. Не менее важно и то, что Катя оказывала мне необходимую моральную поддержку, в которой я временами остро нуждался, и не позволяла сомневаться в правильности затеянного.

Всякий проект нуждается в организационном центре. Для данного проекта таким центром согласился стать Научный совет Российской академии наук по комплексной проблеме «Кибернетика», а основную ответственность и всю реальную работу взял на себя заместитель председателя Научного совета Валерий Арамович Варданян.

В середине сентября 2000 года обширная папка с рукописями, оттисками и ксерокопиями была готова и сдана в РФФИ. А 22 декабря 2000 года мне были вручены, в качестве сюрприза, два держателя для бумаг, расписанных Катинной дочерью Надей Плунгян и содержащих в общей сложности 1027 страниц компьютерной распечатки. Эти страницы, изготовленные из того разношёрстного материала, что был сложен в указанную папку, образовывали предварительную версию оригинал-макета издания. Я не мог поверить своим глазам: ведь для получения оригинал-макета надо было многое отсканировать, затем свести всё воедино, набрать и отпечатать.

Выяснилось, что Катя поделилась своим замыслом с Сашей (Александром Ханевичем) Шенем, который не только поддержал её проект, но и согласился принять на себя ответственность за всю техническую часть операции. Он, в свою очередь, привлёк к работе Аню (Анну Юрьевну) Зарубину, которая под его руководством осуществила — и притом в очень сжатые сроки — сканирование и латеховский набор и изготовила упомянутую выше предварительную версию оригинал-макета.

Со второй половины января 2001 года я начал редактировать подаренные мне 1027 страниц, внося изменения и дополнения, иногда довольно значительные. С мая того же года эти изменения и дополнения стали поступать к Максиму (Максиму Александровичу) Ушакову и Вите (Виктору Валерьевичу) Шувалову, которые внесли их в текст. С октября эту работу продолжил Саша Шень. Их усилиями к марту 2002 года был создан чистовой оригинал-макет.

Оказалось, что количество упоминаемых в книге имён превышает две тысячи; было решено, что в этих условиях необходим именной указатель. Труд по его созданию взяла на себя Аня (Анна Владимировна) Шипунова. В процессе её работы над указателем обнаружилось много таких опечаток, выявить которые на предыдущих этапах было практически невозможно. Аня взяла на себя ответственность не только за их устранение, но и за потребовавшиеся в связи с этим изменения в чистовом макете (и, тем самым, за возможные новые ошибки — *А. Шипунова*).

Созданию доброжелательной атмосферы, в которой проходили заключительные фазы работы над книгой, немало способствовал главный редактор Объединённого гуманитарного издательства (ОГИ)

Евгений Владимирович Пермяков, чьи редкие человеческие и деловые качества я имел возможность оценить ещё в 1994 году, во время работы над Первым Лотмановским сборником.

II. Почему у этой книги такое название

Название «Труды по нематематике» придумал Владимир Александрович Плунгян. И в самом деле, здесь собраны нематематические сочинения автора. Но ведь эти сочинения также неастрономические и неботанические; так почему же книга не называется «Труды по неастрономии» или «Труды по неботанике»?

Объяснение таково. Провозглашение отрицания чего-нибудь всегда намекает на выделенную возможность существования отрицаемого. В данном случае название книги намекает на то, что её автор связан с математикой. Действительно, он получил математическое образование (окончил в 1952 году Московский университет по специальности «математика»), исполняет «математическую» должность (с 1993 года заведует кафедрой математической логики и теории алгоритмов механико-математического факультета того же Университета), и основные его сочинения принадлежат математике.

В предыдущей фразе не сказано, что автор — математик. И это не случайно. «Математик» — так, без каких-либо званий, написано на могиле глубочайшего, быть может, мыслителя из встреченных мною в жизни, — Петра Сергеевича Новикова. В применении к академику и лауреату, каким он был, это может звучать скромно. Но может и горделиво, как звучит для меня. Быть математиком трудно, и мне не кажется, что я справился с этой трудностью.

Я выбрал математическую профессию по двум причинам. Во-первых, математика влекла меня со школьных лет — с восьмого класса (с осени 1945 года) я посещал школьный математический кружок при Московском университете и участвовал в организованных Университетом математических олимпиадах. Во-вторых, окончив школу летом 1947 года, в сталинское время, я не видел для себя иной судьбы, кроме поступления на механико-математический факультет Университета. Окажись я в ином времени или в ином месте, я скорее всего поступил бы на юридический факультет и сделался бы юристом по конституционному или каноническому праву.

Но мне в моей «математической карьере» повезло и притом неслыханно повезло: один из трёх (наряду с Ломоносовым и Менделеевым) великих учёных России, Андрей Николаевич Колмогоров, принял меня в число своих учеников.

III. Что входит в состав этой книги

В 50-х годах прошлого века, по возвращении с индийских научных конференций, мои московские математические коллеги с изумлением рассказывали мне, что в Индии математику — при стандартном разделении наук на естественные и гуманитарные — относят к наукам гуманитарным. Хотя такое местоуказание математики, на мой взгляд, совершенно справедливо, я всё же буду придерживаться традиционного для отечественной культуры противопоставления. Такая отчасти беспринципная позиция позволяет так сформулировать критерии, по которым происходил отбор материала для данной книги: в книге собраны те сочинения её автора, которые он квалифицирует не как математические, а как гуманитарные («Гуманитарные очерки» — таков был первый, рабочий вариант названия). Сюда относятся очерки мемуарного и мемориального характера, избранные предисловия, статьи по философии, по языкознанию, по филологии. Как известно, термин «филология» может употребляться в двух смыслах: в широком, включающем в себя языкознание (как, скажем, в словосочетании «филологический факультет»), и в более узком, языкознание не включающем, а покрывающем собою литературоведение, текстологию и, вообще, исследование (в том числе интерпретацию) текстов. Не отдавая преимуществ какому-либо из этих двух смыслов, здесь — по прагматическим соображениям — мы предпочитаем пользоваться смыслом более узким.

Для каждой ранее опубликованной статьи указан источник её первоначальной публикации; указание даётся на первой странице статьи, внизу. Однако слова «ранее опубликованы» и «источник первоначальной публикации» не следует понимать слишком буквально. Как уже отмечалось, при подготовке этой книги в составляющие её публикации автором внесены изменения, в том числе добавки в первоначальный текст. Одни из этих изменений оговариваются в тексте, другие — нет.

Положение вещей здесь таково.

Некоторые изменения следовало бы сделать ещё перед представлением той или иной статьи для первоначальной публикации; они хотя и не были своевременно сделаны (как правило, из-за нехватки времени), но могли бы тогда сделаны. Такого рода улучшающие изменения сделаны сейчас, они никак в тексте не выделены. Таким образом, ссылка на источник первоначальной публикации той или иной помещённой в книгу статьи (а она приводится, как уже говорилось, в подстрочном примечании на первой странице статьи)

относится, вообще говоря, не к публикуемому в данном издании окончательному варианту статьи, а к её первоначальной редакции.

Совершенно другой род изменений составляют такие добавки в текст, которые и не могли быть сделаны при его первоначальной публикации — не могли потому, что они используют сведения, возникшие уже после этой публикации, или потому, что были при первоначальной публикации неуместны. Все такие добавки отмечены специальными семафорами: семафор «●►» открывает позднейшую добавку, т. е. непосредственно ей предшествует, семафор «◄●» добавку закрывает, т. е. непосредственно за нею следует. Исключением из общего порядка служат позиции, добавленные в библиографические списки. Как правило, они никак не отмечены. Ведь и так ясно, что если для какой-то позиции из подобного списка указан год выхода в свет более поздний, нежели год первоначальной публикации той статьи данной книги, к которой этот список относится, то это значит, что эта позиция добавлена в список уже после указанной публикации.

IV. Как устроена эта книга

К некоторым статьям сделаны приложения, добавления, послесловия; все они указаны в Оглавлении.

●●► Устройство настоящего издания разъясняется выше на с. 17. ◄●●

15 мая 2002 года.

Воспоминания о детстве

Моё детство имело точное начало и почти точный конец.

Оно началось в день моего пятилетия. Я стоял на табурете в комбинезоне клоуна и тогда сказал себе: «Сегодня 27 ноября 1935 года, и тебе пять лет. Запомни это и с этой минуты живи, осознавая последующие моменты жизни с их местом во времени и пространстве». Наверное, всё-таки, про моменты жизни, пространство и время я сказал менее учёно, но смысл был именно таков.

На табурет меня поставили, чтобы родители получили возможность гордиться тем, как их сын произнесёт текст или только его начало — сейчас уже не помню — известной французской песенки про козу, забредшую в капусту и не желающую покидать капустный огород. В песенке коза именуется Козочкой, по-французски Biquette. Желающие могут послушать и посмотреть эту песенку по адресу <http://youtu.be/X8m0E6cXRi8>. Вот слова, которые я произносил:

Ah! tu sortiras Biquette, Biquette
Ah! tu sortiras de ce chou là!

Буквальный перевод:

А! ты [у меня] выйдешь, Козочка, Козочка!
А! ты выйдешь из этой капусты.

Художественный перевод:

Ох, ты, коза! Прогоню я тебя,
Прогоню я тебя из капусты.

Среди восхищённых слушателей, каковыми были, в основном, позванные на празднование дня рождения дети, находилась Вика Атлас, интеллигентная девочка с нашего обширного двора с адресом Тихвинский переулок, 10/12¹, двумя годами старшая меня. Её восхи-

¹ Дробь в данном случае означала не угловой дом с номерами по сторонам угла, а союз «и».

щение имело практические последствия: желая не отстать от меня, она принялась изучать иностранные языки и выучила их несколько. Когда я был студентом мехмата МГУ, я встречал её в коридорах филологического факультета. (Впоследствии она стала кандидатом наук, специалистом по Льву Толстому, а также переводчицей; подписывалась фамилией «Горная».) А я так и остался хорошо, если на уровне «Viquette, Viquette».

Меня, конечно, учили иностранным языкам, да я и сам учился по самоучителям — но всё совершенно безуспешно. Кое-какому английскому выучила жизнь. А французскому меня учила мама, знающая его с детства. Метод её обучения был своеобразный: она читала мне вслух небольшой кусок элементарного французского текста и искренне удивлялась, что я ничего не понимаю. «Как же ты можешь не понимать? Это же так просто».

Я учёл собственный опыт при обучении английскому сына. Учитель (Юрий Арсеньевич Здоровов) входил в комнату к сыну, а далее строжайше соблюдалось правило: ни слова по-русски. Мне было разрешено присутствовать на первом занятии. Оно было необычным. Учитель увидел шахматную доску, расставил фигуры и стал играть в шахматы со своим учеником, комментируя ходы. Далее почти год они читали «Алису в стране чудес» — неадаптированный английский оригинал. Давались задания на дом — прочесть несколько абзацев, а потом и страниц из «Алисы». При этом пользоваться англо-русскими словарями было запрещено — только английским толковым. Такой метод обучения оказался замечательным. Настал момент, когда сын объявил, что больше не нуждается в учителе.

Разумеется, до моего пятилетия я тоже кое-что помню. Эти воспоминания я отношу к доисторическому периоду. Самые ранние из них отложились в моей памяти в виде цветowych пятен — песок на берегу реки, и я иду по нему с мамой. Более отчётливо помню события, связанные со страхом. Я один в комнате, играю на полу в столовой нашей квартиры, а рядом со мной на полу же шевелится страшная бяка-заколяка. Я её боюсь, она похожа не на иллюстрацию к стихам Чуковского, а на редкие изображения Ктулху, когда его рисуют не зооморфно, а в виде бесформенного существа; разумеется, о Ктулху я тогда ничего не знал. Наконец, я решаюсь призвать на помощь папу, который работает в своём кабинете и не велит его беспокоить. Он приходит и спасает меня. Бяка-заколяка оказывается комком шерсти, волос и пыли, шевелящимся от малейшего движения воздуха. В другой раз папа взял меня с собой в библиотеку и вдруг исчез. Никого нет. Я страшно испугался, стал громко плакать и звать

папу. Папа возник с театральной мгновенностью: ему достаточно было разогнуться; он всего лишь нагнулся за книжной стойкой. Третий случай. Летом в деревне, где мы снимали избу, я гулял в палисаднике при этой избе и чувствовал себя в полной безопасности. Как вдруг кто-то повалил меня и стал катать по земле. Оказалось, в палисадник забрёл телёнок, он меня боднул лбом с шишками вместо рогов и продолжал бодать после того, как я упал. Было очень страшно, а я даже не мог кричать. Внезапно появился отец и прогнал телёнка. Я был впечатлён могуществом отца. Но на всю жизнь стал бояться коров. Четвёртый случай. Я ем вишнёвое варенье, которое очень люблю. И вдруг это варенье больно кусает меня за губу, которая немедленно опухает. Оказалось, на ложку села пчела, чего никто не заметил. Потом мне объяснили, что если бы варенье с живой пчелой дошло до глотки, я мог бы умереть от отёка.

То, что хорошо запоминаются именно отрицательные воспоминания, кажется мне естественным. Вот три таких воспоминания, относящихся к периоду, когда мне уже исполнилось пять. В Шуколове, около нашей избы, я раскладываю шезлонг, сажусь на него и кричу от чудовищной боли. Оказывается, кончик моего пальца попал между двух складывающихся реек, и под тяжестью моего тела они задели палец, как клещами. На следующий день отец повёз меня в Москву, в поликлинику, где мне сняли ноготь. Однако наибольшее впечатление у меня осталось не от этой операции, а от мужчины, ходившему взад-вперёд и пугающе стонавшего. Ходил он в конце коридора за поставленной по этому случаю ширмой. Отец мне потом сказал, что, скорее всего, у него шёл почечный или жёлчный камень. Второй эпизод произошёл тоже летом в деревне, но не в Шуколове, а в Соколовой Пустыни, точнее, на Оке. Старшие взяли меня с собой в Каширу. Начиналось всё замечательно. Близ Каширы был понтонный мост, раздвигающийся при прохождении баржи. Сила, раздвигающая мост, принадлежала лошадям, вращавшим барабан, на который натягивался канат. Как всякому мальчику, смотреть на это мне было интересно. А в Кашире мне купили соломенный картуз! Я напялил его на себя и наслаждался. Увы, наслаждение было недолгим. Обрато в нашу деревню мы плыли на катере. Стоя на корме, я загляделся на исходящие от катера волны, и картуз свалился с моей головы в реку. Мне осталось наблюдать, как он покачивается на волнах, а мы от него уплываем. С трудом мне удалось сдержать слёзы. Больше никогда такого картуза у меня не было. Теперь перенесёмся в Москву. Мне подарили нехитрый прибор для пускания мыльных пузырей. Прибор состоял из сосуда для мыльной

воды и одной или двух трубочек специальной формы. Не предвидя ничего ужасного, я вышел пускать пузыри в наш тихий Тихвинский переулочек. А мальчишки с другой стороны переулочка отняли у меня мой мыльный прибор.

Когда я уже мог ходить, Маша гуляла со мной как в нашем дворе, образованном пространством между корпусами, так и в Тихвинском переулочке и даже в Зуевском саду, как все называли Сад имени Зуева. Теперь бывший Зуевский сад потеснён окружающими домами, и на его месте расположился Детский парк № 1 Центрального административного округа, он же Новослободский парк; адрес: Новослободская улица, 58/9². Там я замороженно смотрел, как художник, сидя на раскладном стульчике, установленном среди обильной жёлтой опавшей листвы, переносит на растянутый перед ним холст чёрные стволы деревьев; это привлекало моё внимание не меньше, чем прыжки с установленной в саду парашютной вышки. Когда я ещё больше подрос, меня стали выпускать гулять одного, но пространство прогулок сузилось и ограничилось участком между нашим 6-м и параллельным ему 2-м корпусом. Иногда я всё же позволял себе специальное развлечение: обогнув 2-й корпус, покататься на металлических воротах, отделяющих двор от Тихвинского переулочка; можно предполагать, что в незапамятные времена они запирались. Удовольствие обычно прерывалось посторонней силой, а именно дворником с метлой.

Незабываемое впечатление производили на меня окна домов, становящиеся яркими и разноцветными с наступлением темноты. Цвет окна определялся матерчатым абажуром с неперменной бахромой; абажур окружал свешивающуюся с потолка «лампочку Ильича» или увенчивал настольную лампу. (Сейчас, в 2016 году, мне кажется, что в предвоенное время в СССР люстра считалась предметом роскоши.) Эти абажуры были самых различных цветов, что и приводило к колористическому разнообразию окон. Тёмных окон не было: жили очень плотно, в каждой комнате кто-то жил, в большинстве случаев несколько человек; нормой была коммунальная квартира, отдельная (на семью) квартира воспринималась как исключение. Меньшее, но тоже запомнившееся впечатление, проистекало из развешанных по двору для сушки простыней. Они висели на длинных верёвках, протянутых от корпуса к корпусу. Конечно, они мешали проходу и ограничивали пространство двора. Зато в мороз они становились твёрдыми и хрупкими и ломались под пальцами, это было интересно.

² Здесь дробь означает не угол и не величину территории, а нечто третье — что именно, предоставляем выяснить читателю, достаточно пытливому, чтобы потратить время на это занятие.

Когда я стал ещё старше, двор преподнёс мне неожиданный урок теории относительности. Дело в том, что семиподъездный 9-й корпус отделял наш двор от соседнего, также многокорпусного двора, имевшего адрес улица Палиха, 7/9³. Мы называли этот двор *проходным*, поскольку через него можно было выйти на Палиху, что сокращало путь в сторону центра. Каково же было моё негодование, когда я узнал, что мальчишки этого соседнего двора называют свой двор *двором*, а наш двор — *проходным двором*. У меня появилось желание, слегка умеряемое опасением быть поколоченным, пойти и объяснить им истину. Как вдруг до меня дошло, что на каждый мой аргумент они могут ответить дословно таким же, лишь заменив один двор другим. Эта мысленная конструкция произвела на меня тогда сильнейшее впечатление.

В соседнем подъезде нашего двухподъездного корпуса на последнем, четвёртом этаже жил Николай Никитич Кондратенко, под псевдонимом Олег Дрожжин написавший изданную в 1939 году Детгизом и достаточно известную в те времена научно-популярную книгу «Удар и защита», рассказывающую о том, как с древнейших времён каждое усовершенствование средств нападения приводило к усовершенствованию средств защиты, что, в свою очередь, приводило к дальнейшему усилению средств нападения, и т. д. С довоенных времён я дружил с его сыном Олегом, старшим меня года на два, который не гнушался дружбой с «маменькиным сынком» и обучал меня по чердаку переходить из одного подъезда в другой. (Смерть его отца была трагичной: он заснул на кухне при включённом, в целях отопления, газе; ночью газ временно отключили, как всегда делали при авианалётах, а потом включили, и Николай Никитич уже не проснулся.) После войны мы вместе с ним ходили пешком в нашу 167-ю школу — из Тихвинского переулка в Дегтярный. А на первом этаже того же соседнего подъезда жил со своей женой и красавицей дочерью Майей Соломон Бенедиктович Телингатер, классик советского шрифтового искусства, создатель ряда наборных акцидентных и заголовочных шрифтов. Осенью 1939 или 1940 года в нашем дворе внезапно появились года на два старшие меня брат и его старшая сестра: Саша и Юля с фамилией Беккер. Саша обращал на себя внимание непривычно взрослой одеждой — коричневым кожаным пальто на меху и коричневой кожаной шапкой наподобие шлема. Постепенно удалось выяснить, что они родственники жены Телингатера и являются детьми расстрелянного 29 июля 1938 года

³ Здесь дробь имела тот же смысл, что и в адресе нашего двора.

крупного партийного деятеля И. М. Варейкиса. Саша сделался моим другом, и мы стали дружить втроём: Саша, Олег и я. С Юлей связан один из наибольших позоров, которые я имел в своей жизни. Я был приглашён к ней на день рождения. Это было большой честью для меня: она была почти барышня, и гости были соответствующие. Часов в 11 вечера за мной, по собственной инициативе, пришла Маша. Как мне было стыдно! Никто не смеялся, но в компанию, где уже пьют вино, за одним из гостей приходит няня! Остаться после этого унижения было невозможно, поэтому я покорно дал себя увести без какой-либо попытки сопротивления.

В начале 1900-х годов существовал такой писатель, Тулумбайский. Родители, чтобы позлить меня, иногда называли меня Тулумбайским. Я почему-то смертельно обижался. Это было наивысшее оскорбление, которое мне можно было нанести. Когда родители меня так называли, я выходил из столовой в переднюю, брал толстую отцовскую трость и начинал с силой стучать по полу, чтобы он провалился.

Отец был драматургом, а мать — театральной переводчицей с французского. Все доходы нашей семьи были связаны с театром: и автору пьесы, и переводчику положен некий процент от продажи билетов⁴. Такие доходы очень непостоянны. Бывали времена, когда денег не было, и тогда отец продавал книги в Ленинскую библиотеку. Но зато иногда бывали и времена изобилия. Когда я об этом узнал, я спросил: «И что, теперь мы можем купить пирожное просто так, без праздника?». В один из таких денежных периодов родители купили два предмета красного дерева — секретер в мамину комнату и небольшой буфет в столовую. Мне объяснили их ценность, и я решил, что такие предметы должны хорошо пахнуть. Взяв акварельную кисточку, я обмакнул её в мамины духи и обмазал секретер и буфет. Образовались подтёки лака, смешанного с духами. Родителям я благодарен за то, что они меня не ругали, а вызвали мастера-лакировщика.

Как мне потом сообщили родители, я умел читать с четырёх лет. Первая книжка, которую я помню, была «Пожар» Маршака с пре-

⁴ С какого времени гонорар авторам и переводчикам пьес для театра исчисляется процентом со сбора билетов, я не знаю. Но сама идея, что пьеса должна ставиться театром лишь с разрешения и на условиях автора или переводчика возникла в 1870 году и закреплена в Уставе «Общества русских драматических писателей», первое собрание учредителей которого состоялось 21 октября 1874 года. Первым председателем Общества до своей смерти 2 (13) июня 1886 года был Александр Николаевич Островский.

красными иллюстрациями Конашевича. Пожарные мчатся на пожар на конной тяге, а на иллюстрации мчащиеся кони лучше передают стремительное движение, нежели автомобили. Я как читатель был захвачен этим движением и заворожён сияющими медными касками. Впоследствии стихотворение было осовременено. Вот пример иллюстрации из моей книжки:



Главным героем книжки был героический пожарный Кузьма. Естественно, я захотел стать пожарным — это была первая выбранная мною будущая профессия.

Я научился писать раньше, чем читать. Дело в том, что у отца была поражавшая детское воображение дореволюционная ещё машинка Смиль-Премьерь. Её особенностью было отсутствие клавиши верхнего регистра; вместо этого была двойная клавиатура, на которой клавиши строчных и прописных букв существовали отдельно. Мне разрешалось пользоваться этой машинкой. Довольно быстро я научился рисовать на ней домик с трубой, из которой шёл дым. А потом, постепенно, и печатать буквы. Для чтения книг этого было достаточно. Но писать, как положено в школе, я так и не научился, почерк у меня настолько чудовищный, что мне самому не всегда удаётся его разобрать.

Но вернёмся из времён доисторических к сознательному детству. Время чётко делилось на две части: длинное зимнее и короткое летнее. Главным событием зимнего времени было поступление в

приготовительный класс школы, располагавшейся в Тихвинском переулке напротив нашего двора; теперь там лицей. В этой школе я учился четыре года — приготовительный класс и первые три класса, составлявшие в то время начальную школу. С окончанием начальной школы закончилось и моё детство. Все четыре года у нас была одна и та же учительница, Лидия Фёдоровна, фамилии, возможно, я и не знал. Учительница начальных классов занимает одно из центральных мест в жизни всякого ребёнка. Лидия Фёдоровна была учительницей замечательной, и благодарность к ней я сохранил на всю жизнь. После возвращения из эвакуации группа моих одноклассников разыскала меня и позвала посетить Лидию Фёдоровну, жившую неподалёку, на нечётной стороне Новослободской улицы. Она была очень больна, приняла нас лёжа в постели, и вскоре мы её хоронили.

Неприятной стороной зимнего времени было принудительное обучения меня игре на фортепиано. Ради этого было куплено пианино, которое с трудом уместилось в нашу маленькую столовую. Меня обучали потому, что так было принято. Слуха у меня не было и нет никакого. Впрочем, учительница музыки, к которой меня водили, была вполне симпатичной. Но надо было играть дома — выполнять домашние задания, — что было ужасно. От уроков музыки меня избавила война.

Любимым занятием моего детства было чтение. Подробно на эту тему рассказано в статье «Книги моего детства» на с. 552—565 книги 4 «Филология» настоящего издания (оригинал интервью см. http://polit.ru/article/2012/02/10/vauspensky_about_books/). Здесь я ограничусь несколькими эпизодами.

Чтобы облегчить мои страдания при горчичном укутывании во время очередного воспаления лёгких, мама утешила меня тем, что когда укутывание окончится, она даст мне *сэтонтомпсондомино*. Этот загадочный объект оказался книгой в зелёном переплёте под названием «Домино» автора Сетон-Томпсона. Книга содержала рассказы о диких животных, в том числе рассказ «Домино» — историю одного чёрно-бурого лиса. С тех пор Сетон-Томпсон сделался одним из моих любимых авторов; особенно я любил зачитанную книгу «Маленькие дикари» с иллюстрациями на полях на индейские темы. Любимым временем чтения было утро, четверть часа перед школой. Хорошо помню, как под подушкой у меня лежали «Дети капитана Гранта», и пробудившись я немедленно принимался читать эту довольно толстую книгу. Родители не влияли на выбор читаемых книг. Впрочем, были два поучительных исключения. Первое относится к летнему времени, когда я читал мало: были и другие увлекательные занятия.

Мне в руки попался первый том «Агасфера» Эжена Сю. Я раскрыл его и стал читать с нарастающей невозможностью оторваться. Это заметил отец. Он сказал: «Я вижу, что ты получаешь удовольствие от чтения этой книги. Советую тебе отложить чтение, потому что когда ты подрастёшь, ты будешь получать во много раз большее удовольствие». Отец был для меня непререкаемым авторитетом, я ему поверил и читать перестал. Второй, совершенно такой же случай произошёл с «Морским волком» Джека Лондона, писателя, которого отец очень любил. Но этот второй случай был уже после конца детства, в эвакуации. В обоих случаях отец оказался неправ. Когда уже в состоянии почти взрослом я взялся за обе эти книги, я был сильно разочарован, и «Агасфера» бросил читать в самом начале. Не всегда надо верить родителям и никогда не надо откладывать получаемое наслаждение в надежде получить большее впоследствии.

Я рос послушным мальчиком, в презумпции, что родители всегда правы. У меня были хорошие родители, и, как я теперь понимаю, они действительно почти всегда были правы — но не всегда. Только что я рассказал, что отец был неправ в истории с моим чтением; полагаю, что его заблуждение было искренним. История с «Агасфером» произошла во второй половине моего детства, когда мы летом жили в Шуколове. А в первой половине произошёл случай, травмировавший мою детскую психику и потому запомнившийся очень ярко. В то лето (кажется, это был 1936 год) мы жили в Соколовой Пустыни, а неподалёку, ниже по Оке, находилась деревня Лужники. Там был пионерский лагерь. В какой-то день, в его второй половине, родители взяли меня туда. В лагере происходил какой-то праздник, наверное, торжественное открытие лагеря или торжественное закрытие. Вечером развели огромный костёр. Сейчас он, может быть, и не показался бы мне таким огромным, а тогда мне казалось, что языки пламени достигают потемневшего неба. Я смотрел на костёр, не отрываясь, и испытывал наслаждение. Когда стало совсем темно, вывесили большой кусок белой материи и стали показывать кино «Том Соьер». Никогда раньше я не видел движущихся фигур на экране. Но минут через десять после начала родители сказали, что уже поздно и совершенно темно и что надо идти домой. Я стал умолять их остаться. Они были непреклонны и, несмотря на мои рыдания, меня увели. Не припомню, чтобы я когда-нибудь плакал так сильно. Но в сознании моём отложилось, что нельзя лишать ребёнка наслаждения. И эта идея актуализировалась в применении к моему сыну. Как-то мы со Светланой решили повести его в ЦПКиО имени Горького на аттракционы. Сначала он боялся войти в самый безобидный из всех — так называе-

мую «Комнату смеха», наполненную зеркалами, искажающими облик в них смотрящего. А потом пожелал пройти через все аттракционы, против чего мы не возражали. Когда мы уже собрались уходить, мы заметили, что на асфальте расчертили огромную шахматную доску; стало понятно, что на ней будут играть живыми шахматами. Не без труда мы выяснили, когда начнётся игра. Оказалось, что через четыре часа. Сын молча смотрел на нас умоляющими глазами, и мы решили ждать четыре часа. Погуляли по парку, поели невкусной еды в каком-то кафе, короче — как-то, зевая, провели четыре часа. В назначенное время появились костюмированные фигуры и пешки, в том числе четыре всадника. Однако мы все трое так устали за четыре часа ожидания, что никто из нас не получил ожидаемого удовольствия. Тем не менее, мы со Светланой считали, что поступили правильно. Ни у кого не осталось мучительных воспоминаний.

В детстве я, как и большинство моих сверстников, интересовался марками. Не то, чтобы я был филателистом, но интересовался. Тем более, что в моё распоряжение отцом были предоставлены каталог на французском языке, которого я не знал, и два альбома для марок; сейчас это всё у моего младшего брата, а скорее — у его потомков. Марок к тому времени было выпущено не столь много, как ко времени сегодняшнему, и каталог, кажется, учитывал их все. Один из альбомов был выпущен в XIX веке, и я любил его разглядывать. Альбом включал все имеющиеся тогда государства, и при названии каждого государства даны портрет и имя его правителя. Это даёт возможность с точностью до нескольких лет установить время его выхода в свет. Дело в том, что там в качестве одного из государств указаны Конфедеративные Штаты Америки (КША) — конфедерация южных штатов, существовавшая с 1861 по 1865 год во время гражданской войны в США. Можно сказать и несколько точнее, поскольку приведён портрет первого и единственного президента КША Дэвиса занимавшего этот пост с 18 февраля 1861 по 10 мая 1865 года. Альбом был замечателен тем, что там был отведён пустой прямоугольник для каждой марки мира, выпущенной к моменту издания альбома; было и изображение этой марки (правда, бесцветное).

Летом наша семья выезжала, как тогда говорили, «на дачу». Своей дачи у нас не было, в дачных посёлках мы никогда не жили, а снимали помещение в деревне, у крестьян. Всё необходимое, включая крупу и огромную бутылку с керосином для керосинок и керосиновых ламп, везли на нанятом грузовике из Москвы. Меня обычно укутывали и сажали в кузов. Несмотря на довольно сильную тряску, ехать в кузове и смотреть по сторонам было специальным

удовольствием. Сам момент приезда в деревню я не помню, в отличие от приезда в город, который всегда встречал меня запахом свежей извёстки: летом в подъезде всегда делался ремонт. Вторым приветствием, помимо этого запаха, был отдалённый звук заводского гудка, доносившегося до нашего Тихвинского переуллка из каких-то таинственных дебрей за Белорусским вокзалом.

Деревень в моём детстве было две. В раннем детстве — Соколова Пустынь, на высоком левом берегу Оки, километров пятнадцать-двадцать выше Каширы. Там был замечательный пляж, к которому, однако, надо было спускаться с почти стометровой высоты. По реке плыли катера вверх из Каширы в Серпухов и вниз из Серпухова в Каширу. Иногда проходили баржи. Время от времени Оку переходили вброд. Плавать я не умел, но родители — спасибо им за это — позволяли мне брать лодку и одному плавать на ней по Оке. Вероятно, кто-нибудь из старших за мной присматривал — с берега или из соседней лодки. Приходили рыбаки, приносили интересную рыбу — сома, например; считалось, что его надо хлестать прутьями, чтобы у него увеличилась печень; я не мог на это смотреть. Добраться до Соколовой Пустыни было непросто. Легковые автомобили были редкостью. На поезде надо было ехать с Павелецкого вокзала и, не доезжая Каширы, сойти на платформе Акри, каковая платформа была много короче состава. А потом идти семь вёрст по лесной дороге.

В Соколовой Пустыне мы снимали избу целиком. Главной её достопримечательностью была русская печь. Она создавала впечатлявший меня архитектурный эффект: внутри дома можно было совершить кольцевой маршрут. Но главным её эффектом был ни на что не похожий и не воспроизводимый в городских условиях вкус изготавливаемых блюд, особенно молочных с красной корочкой: топлёное молоко, варенец, манная каша. Моя няня Маша готовила всё это изумительно. Маша и на примусе готовила очень хорошо; говорила «картофь и морковь». На её готовке я научился отличать картофельное пюре от мятой картошки; первое любил, вторую нет.

Вне избы были огромные, выше моего роста лопухи, на некотором отдалении бил ключ кристально чистой холодной воды, летали жуки и бабочки. Я читал тогда «Жизнь насекомых» Фабра, ловил бабочек и жуков, для чего ходил с сачком и, через плечо, цилиндрическим сундучком с крышкой сбоку, в котором хранились предметы первой необходимости: вата, эфир, распялка, булавки. С меня можно было рисовать иллюстрацию для журнала «Юный натуралист»; впрочем, нет: на мне не было пионерского галстука. Одна из застеклённых коробок моей коллекции жуков и бабочек цела у меня до сих пор.

Недалёко от нашей избы на небольшом холме стояла дача Карла Адольфовича Круга, основателя московской электротехнической школы. Жены его я не помню, а помню двух высокорослых дочерей-близнецов, Елену и Наталью (в общении — Тата) 1922 года рождения и их младшего брата Германа (28.07.1924—1993), старшего меня более чем на шесть лет, но, тем не менее, достаивающего общением с собой. У него был шалаш на дереве, построенный им самим, и он меня туда брал с собой. Я бегал за ним, как собачка. Дом Круга выделялся из всех домов деревни. В нём было электричество от собственной небольшой электростанции и водопровод, качавший воду из протекавшего в лесу под холмом ручейка. На столе стоял невиданный электрический прибор для ловли мух. Кроме того, у них был набор для игры в крокет, и меня иногда допускали играть в эту прекрасную игру. С тех пор я полюбил крокет. Позже, кажется, родители приобрели крокетный набор (шары, молотки, воротца).

В 1972 году я посетил Соколову Пустынь из ностальгических соображений. Добраться до неё было просто: от станции Ступино ходил автобус. Я мало что помнил из географии деревни, но помнил, что мы жили близко от въезда в неё. Найти нашу избу я не мог. Но первым, кого я увидел, войдя в деревню, был человек, чинивший крышу. Я объяснил ему свою проблему и рассказал, что вблизи нашей избы жил мальчик Миша. Мальчика Мишу, ненамного младшего меня, я хорошо помнил. Как-то мой отец спас его от гнавшейся за ним разъярённой свиньи. (Тогда я узнал, что свинья может быть очень опасной, и стал относиться к свиньям с осторожностью. Но не бояться — боялся и боюсь я только коров. Почему-то никогда не боялся собак.) «А я и есть мальчик Миша», — сказал человек, слез с крыши и показал мне нашу избу, которая оказалась гораздо меньше, чем я её представлял. Самые высокие из лопухов оказались мне по пояс. Ключ оказался совершенно рядом и, вообще, все расстояния сделались небольшими. Деревенским трудом никто в деревне не занимался, разве что в собственном огороде. Миша работал в Ступине. Он и его жена накормили меня прекрасным обедом и проводили на автобус.

В моём позднем детстве года примерно с 1937 года мы жили в деревне Шуюково. Пассажир, севший на Савёловском вокзале на поезд и смотрящий в окно в левую сторону, чуть-чуть не доезжая станции Турист⁵ увидит холм, а на холме церковь. Избы вокруг неё и образуют Шуюково. Я бывал там только в советское время,

⁵ С 1936 года, до этого Влахернская.

когда церковь была полуразрушена, в ней был склад, а довоенные времена иногда ещё и продавали малину. (Сейчас этот Успенский храм восстановлен, и с 2002 года в нём идут богослужения.) Хотя в 1935 году церковь была закрыта и село Шуколово стало, тем самым, простой деревней, храмовый престольный праздник — Успение Пресвятой Богородицы — остался в памяти местных жителей. В этот день, 28 августа по новому стилю, девки из окрестных деревень в шёлковых голубых платьях приходили в Шуколово и голосили до утра. А я довольно долго, понимая центром сознания, что это не так, краешком сознания считал, что это праздник в нашу честь.

Мы жили в довольно обширном, но не предназначенном для зимнего проживания доме, пристроенном к хозяйской избе специально, чтобы сдавать этот дом на лето дачникам. Хозяин дома, Макар Максимович Горьков, принадлежал к деревенской интеллигенции: он был колхозный счетовод. Как звали его жену я не помню. Детей было двое: дочь Тоня (Антонина), которой на момент начала войны было лет шестнадцать и её младший брат Андрик (Андрей). Андрик потом приходил к нам в Москве, а Тоня вышла замуж в соседнюю деревню Новлянки. Там, на её сеновале, куда надо было взбираться по приставной лесенке, я провёл замечательную первую часть лета 1957 года. Во второй половине июля за мной приехала Светлана, чтобы мы были в Москве и могли наблюдать VI Всемирный фестиваль молодёжи и студентов, когда тысячи заграничных молодых людей приехали в Москву и с ними можно было свободно общаться — событие беспрецедентное! (Из Новлянок мы со Светланой пошли не на «Турист», а лесами на «Икшу»; прогулка была непростой, так как руководствовалась исключительно моей интуицией, но восхитительной!) За жительство на сеновале мне попало от начальника местного отделения милиции, куда я был доставлен бдительными гражданами за «фотографирование поезда во время прохода через стрелку» — и это при том, что фотоаппарата у меня не было; иного объяснения моим бесцельным прогулкам по близлежащей рощице у бдительных граждан не было. Упрёк начальника заключался в том, что я живу на сеновале без прописки, хотя бы временной. «Зачем же вы нарушаете законы, вами же установленные», — сказал мне начальник. Но всё это было потом, потом. А сейчас вернёмся в детство.

Хозяйская изба выходила на единственную деревенскую улицу, пристройка для дачников — на огороды. Чтобы попасть из одной в другую, надо было выйти наружу. Изба не запиралась, но дверь закрывалась на щеколду. Как-то моя няня Маша забыла опустить щеколду, в избу вошла хозяйская коза, съела лежащую на столе

буханку чёрного хлеба и умерла. Полагаю, что родителям пришлось возместить убыток.

В огороде стояла уборная для дачников; хозяева отправляли свои надобности из сеней во «двор», где жила скотина. Уборная для дачников была особенной. Вместо обычной выгребной ямы испражнения попадали в выдвижной ящик, частично заполненный землёй. Функции спуска воды выполнял ящичек с землёй и при нём совок. После завершения своих дел полагалось набрать в совок землю из ящичка и засыпать ею нечистоты. Время от времени выдвижной ящик выдвигался из задней стены уборной, и его содержимое использовалось как удобрение. Кроме нашего хозяина, ни у кого в деревне такой уборной не было. Откуда к Макару Максимычу пришла столь прогрессивная идея, я не знаю. Однако слух о прогрессе, реализованном в деревне Шуколово, дошёл до Москвы, и однажды в деревне появился легковой автомобиль. В те годы легковой автомобиль в деревне представлял редкое событие сам по себе. А здесь ещё на автомобиле с водителем приехало важное лицо из Москвы. Важное лицо было сравнительно молодо и ещё не обрюзгло. Говорили, что это был сам нарком земледелия СССР Иван Александрович Бенедиктов. На моих глазах нарком посетил нашу уборную, а наш хозяин давал пояснения. Помнится, этим наркомовским визитом в нашу уборную я был немало горд. После отъезда наркома председатель колхоза шёл по улице из конца в конец и кричал: «Стройте уборные, как у Макара».

Меж тем вокруг шла жизнь благополучной довоенной деревни. Я просыпался часов в пять от хлопанья бича — это пастух собирал стадо. Корова была непременной принадлежностью каждого хозяйства. Кое у кого были и козы, их тоже пускали в стадо. Днём хозяйки с вёдрами и бидонами ходили на дневную дойку, реже на дневную дойку стадо пригоняли в деревню. Когда начинало смеркаться, деревня покрывалась бабьим зовом: «Машка, Машка, Машка». Всех коров звали Машками, но каждая Машка откликалась на зов именно своей хозяйки и шла к себе домой. Иногда я присутствовал при дойке, это было интересно. Пастух кормился во всех избах по очереди. Кормили его хорошо: плохо накормишь пастуха, твоя корова будет пастись в кустах, где нет травы. Много лет спустя, в 1970—1980-х годах, гуляя в Подмосковье, я забрёл в какую-то деревню и попросил молока. Мне отвечали, что здесь одна корова на две деревни и молоко дают только имеющим грудных детей.

Но вернёмся в довоенное Шуколово. У заметного числа крестьян были лошади. В отличие от коров и коз, лошади принадлежали кол-

хозу, но распоряжался ими тот или иной мужик. Вечером лошадей отводили в ночное. Доверяли это деревенским мальчишкам. Мне тоже захотелось, и родители мне позволили. Лошадь была у нашего соседа. В качестве платы за то, что он разрешит мне отвести в ночное его лошадь, я отнёс ему пачку папирос, с этой целью выданную мне некурящими родителями. Я оказался верхом в компании моих деревенских сверстников. Разумеется, не было не только седла, но и чего-нибудь минимально его заменяющего. Оказалось, что сидеть верхом на остром хребте лошади довольно болезненно, особенно в движении. Деревенские, казалось, не испытывали никакого неудобства. В какой-то момент они пустили своих лошадей в галоп. Моя лошадь, естественно, тоже пошла в галоп. Хребет невыносимо резал промежность, и, как мне казалось, я вот-вот упаду: никакой сбруи, конечно, не было. Изю всех сил я вцепился в гриву и, тем самым, сумел с трудом удержаться. Но ограничиться одним разом означало признать своё поражение. Поэтому следующим вечером я снова взгромоздился на лошадь. На этот раз галопа не было; видимо, мои спутники решили, что с меня достаточно.

Предел мечты — проехаться на возе с сеном. Вот я стою на околице, и мимо меня проезжает такой воз. «Дядя Семён, — кричу я ему, — подвези!». — «А Симпомпони скажешь?» — спрашивает он меня. — «Скажу». — «Ну, полезай». Я забираюсь на вершину большого стога, дядя Семён слегка хлещет лошадь вожжами, а я говорю:

Жили были три японца:

Як, Як Цедрак, Як Цедрак Каляцитрони.

Жили были три японки:

Ципа, Ципа Дрипа, Ципа Дрипа Симпомпони.

И женился Як на Ципе,

Як Цедрак на Ципе Дрипе,

Як Цедрак Каляцитрони на Ципе Дрипе Симпомпони.

Владение этим почти заклинанием представляло для местных крестьян большую ценность и выделяло меня среди прочих дачных мальчиков.

Другой, хотя заметно меньшей ценностью, было наличие фотоаппарата. Фотоплёнка была редкостью. Мне подарили дешёвенький детский фотоаппарат, снимавший на фотопластинки на стеклянной подложке. Такие фотоаппараты иронически назывались тогда мыльницами. Наибольшее впечатление на меня самого производил не сам фотоаппарат, а приложенное к нему устройство для определения выдержки, т. е. длительности открытия затвора при съёмке. Устройство представляло собою картонный круг, к которому было

приделано несколько картонных же кругов с прорезями. Надо было прорезь одного круга наставить на качество погоды, другой — на степень освещённости, третий — на расстояние до фотографируемого объекта и т. п. Если всё это сделать, то в специальной прорези появлялась цифра выдержки. Механизм приводил меня в восторг. Как-то к нам приехал гость и показал заграничный механизм — чёрную коробочку, которая все эти операции проводила автоматически. Это было гораздо скучнее, картонка была куда интереснее. Встретив меня с фотоаппаратом, крестьяне, особенно женского пола, обычно просили их сфотографировать, что я с удовольствием совершал. Замечательно, что они совершенно не интересовались дальнейшей судьбой своего изображения, никто никогда не просил фотокарточки, им было важно зафиксировать себя в мировом эфире. Это отношение крестьян к фотографированию заслуживает, на мой взгляд, специального изучения.

Продолжала пополняться и моя коллекция бабочек и жуков. Как я понимаю, у меня было счастливое детство.

22 июня 1941 года было воскресенье, хорошая погода, наша семья (родители и два сына) сидела на обращённой в сторону огородов просторной открытой террасе. Застеклённых террас мы не признавали, считая застеклённую террасу комнатой. Терраса, по нашим понятиям, должна быть открыта ветрам. Пришёл почтальон. Не помню, должен он был приходить в этот день или же его приход был неожиданно. «Сегодня на ночь надо сделать затемнение», — сказал он без каких-либо эмоций, совершенно обычным тоном. «Опять эти учения, надоели уже», — сказал отец. На даче учения были впервые, но в городе они бывали довольно часто. Гудела сирена, все обязаны были выйти из квартир, часто с противогазами в специальной сумке через плечо, и пойти в бомбоубежище⁶. «Да нет, не учения. Началась война с Германией». Родители были ошеломлены и подавлены. Этого не ожидал никто. Ещё вчера Германия была дружественной страной, сам Сталин 24 августа 1939 года провозглашал тост за Гитлера, а главные империалисты сидели в Англии, а ранее также и во Франции, капитулировавшей ровно год назад — 22 июня 1940 года.

В ближайшие дни родители, иногда вместе с другими москвичами, снимавшими дачи в Шуколове, обсуждали только один вопрос: что безопаснее — оставаться в Шуколове или возвращаться в Москву.

⁶ Моя тётя с материнской стороны, Мирра Исаковна Меклер, получила высшую оценку по предмету, который теперь именуется «гражданская оборона», в качестве единственной, кто правильно ответил на вопрос: «Что надо делать в бомбоубежище?». Она сказала: «Играть в тихие игры».

(Впоследствии я узнал о нескольких семьях, эвакуировавшихся из Москвы в деревни и там захваченных наступающими немцами.) Выдвигались убедительные аргументы за и против. Отчётливо помню промелькнувшую в моём мозгу мысль: «Как хорошо, что я ещё маленький, и могу не участвовать в принятии таких ответственных решений».

Наконец, решили ехать в Москву. Но назавтра передумали. На следующий день опять решили ехать, заказали телегу с возницей, чтобы везти наши вещи на станцию, но когда она подъехала к дому и мы погрузили вещи, то снова передумали, телегу разгрузили и отослали. Снова заказали телегу, погрузили вещи и поехали на станцию. Однако, когда приехали, повернули телегу назад. Через день снова погрузили вещи в телегу, приехали на станцию и сели в поезд. Электрички тогда по Савёловскому направлению, к каковому относится станция Турист, ещё не ходили. Локомотивом поезда, в который мы сели, был паровоз.

Оба раза, когда нагружённая телега ехала из Шуколова на станцию, а мы все, кроме маленького брата Бори, шли пешком, рядом с нами бежала хозяйская собака. Мы её подкармливали, и она нас любила. Особенно она любила меня, потому что хозяин держал её на цепи, желая сделать из неё цепного пса, а я её снимал с цепи и брал с собою на прогулки. Она понимала, что мы уезжаем, и страдала, и хотела войти с нами в вагон поезда. На память приходит одно из моих любимейших стихотворений Гумилёва — «Осень»:

Оранжево-красное небо...
Порывистый ветер качает
Кровавую гроздь рябины.
Догоняю бежавшую лошадь
Мимо стёкол оранжереи,
Решётки старого парка
И лебединого пруда.

Косматая, рыжая, рядом
Несётся моя собака,
Которая мне милее
Даже родного брата,
Которую буду помнить,
Если она издохнет.

Стук копыт участился,
Пыль всё выше.
Трудно преследовать лошадь
Чистой арабской крови.

Придётся присесть, пожалуй,
Задохнувшись, на камень
Широкий и плоский,
И удивляться тупо
Оранжево-красному небу,
И тупо слушать
Кричащий пронзительно ветер.

22 июля 1941 года моя мама со мною и младшим братом Борей, а также с моей и Бориной няней Машей выехали в эвакуацию в Новосибирск. Отец оставался в Москве. Я впервые ехал в дальнем поезде, и мне всё было ново и интересно. Вагон был плацкартный. Запомнилась буфетчица в кружевных передничке и наколке (ранее я таких никогда не видел) со словами «А вот портвейнчик для дамочек, для дамочек портвейнчик». В день отъезда, вечером, ещё не отъехав далеко от Москвы, наш поезд начал вести себя странно: он то шёл, то останавливался, то шёл дальше, чтобы через несколько минут снова остановиться. Были слышны отдалённые звуки взрывов. Потом я узнал, что это был первый налёт на Москву вражеской авиации.

С приездом в Новосибирск кончилось моё детство.

10 февраля 2017 года.

Успеня

Моим отцом был Андрей Васильевич Успенский (22.06(05.07). 1902—03.05.1978). Он родился в маньчжурском городе Гирин, где мой дед, военный ветеринар, служил в российских войсках, охранявших Китайско-Восточную железную дорогу (КВЖД). И хотя отец в двух- или трёхмесячном возрасте был перевезён в Россию, в графе «место рождения» его паспорта был указан этот Гирин, и в советское время мне приходилось прилагать к своим анкетам пространное объяснение, почему это мой отец родился в Китае.

Моя мама звала его ласковым именем *Успеня*. Так же его стал называть и мой сын, с которым у него были особые отношения. В детстве мой сын приходил к деду в его кабинет, садился к нему на живот, и тот рассказывал внуку различные увлекательные, как реальные, так и в большинстве случаев придуманные на месте истории. Первый раз по окончании его детства я увидел сына плачущим, когда ему сообщили о смерти Успени. Смерть произошла дома в квартире моих родителей в Тихвинском переулке дней через десять после третьего инсульта. В этой квартире вырос я, и вырос мой брат Борис. Узнав о смерти деда, мой сын сел на пол и заплакал.

Отец окончил Харьковский медицинский институт, но диплома не имел, поскольку не прошёл необходимую для получения такового ординатуру. А не прошёл он её потому, что должен был сделать выбор между медициной и драматургией и предпочёл второе. Он стал членом Союза писателей СССР с момента создания Союза в 1934 году, и его членский билет был подписан Максимом Горьким.

Краткая статья об отце имеется в 5-м томе «Театральной энциклопедии»¹. Её текст, взятый с сайта <http://istoriya-teatra.ru/theatre/item/f00/s09/e0009917/index.shtml>, приводится ниже.

УСПЕНСКИЙ, Андрей Васильевич [р. 22. VI (5. VII). 1902] — рус. сов. драматург. Лит. деятельность начал в 1921 в газ. «Харьков-

¹ Театральная энциклопедия: В 5 тт. — Т. 5 / Гл. ред. П. А. Марков. — М.: Советская энциклопедия, 1967. — 1136 стлб. с илл., 8 л. илл.

ский пролетарий». Выступает как драматург с 1927. Автор пьес «Константин Терёхин» (совм. с В. М. Киршоном, 1927, Т-р им. МГСПС, Ленингр. Большой драматич. т-р), «Поединок» (1930, Ленингр. т-р Комедии), «Молодой человек» (1936, Моск. т-р транспорта), «Жили три друга» (1948, Моск. драматич. т-р), «Навстречу жизни» (1949, Моск. т-р им. Станиславского). Комедия У. «Девушка с веснушками» (1961, Т-р им. Ермоловой) прошла в 120 т-рах страны, ставилась в Румынии и Болгарии. У. — автор инсценировки (совм. с И. В. Штоком) романа Тургенева «Дворянское гнездо» (1958, МХАТ).

Соч.: Поединок, М., 1934; Молодой человек, М., 1935; Навстречу жизни, М., 1950; Девушка с веснушками, М., 1963; Пьесы, М., 1964. *Н. Мор.*

Более полное и довольно объективное описание драматургической деятельности моего отца, а отчасти и его личности обнаруживается на интернет-странице <http://www.rulit.me/books/zabytye-pesy-1920-1930-h-godov-read-411289-308.html>. Эта интернет-страница воспроизводит с. 308 из книги: Забытые пьесы 1920—1930-х годов / Сост., текстологич. подготовка, вступ. статья, историко-реальный коммент., сведения о постановках пьес и биографиях авторов В. В. Гудковой. — М.: Новое литературное обозрение, 2014. — 984 с. — ISBN 978-5-4448-0136-9.

Знакомство с сайтом в его полном объёме приводит к заключению, что доктор искусствоведения Виолетта Владимировна Гудкова, ведущий научный сотрудник Сектора театра Отдела исполнительских искусств Государственного института искусствознания, проделала большую и полезную работу. Ниже приводится текст, взятый с указанной страницы.

УСПЕНСКИЙ Андрей Васильевич (1902—03.05.1978) — ещё один литератор в ряду тех, кто оставил врачебную карьеру для литературной. Родился в Маньчжурии, затем семья вернулась в Россию. Среднюю школу окончил в Кисловодске. «В 1919 году при белых вёл среди молодёжи пропаганду советской власти, дважды был арестован контрразведкой», — сообщал Успенский в автобиографических заметках (1934). Поступив в 1921 году в Харьковский медицинский институт, одновременно ежедневно печатал фельетоны в газете «Харьковский пролетарий». Пьеса «Константин Терёхин» («Ржавчина») (1926), написанная Успенским вместе со школьным товарищем В. М. Киршоном, стала его первой крупной драматургической вещью, её театральный успех определил дальнейший путь молодого человека. В 1927 году, на волне общественного резонанса, вызванного «Ржавчиной», Успенский переезжает в Москву.

Следующей пьесой литератора стала комедия «Поединок» (1930), за которой последовали «Молодой человек», «Жили три друга», «Наследники» (совместно с А. Я. Бруштейн), «Анка», «Навстречу жизни», инсценировка тургеневского романа «Дворянское гнездо» (в соавторстве с И. В. Штоком) и др., но даже самое популярное из сочинений Успенского, комедия «Девушка с веснушками», прошедшая на сценах 120 театров страны, заметного следа в отечественной драматургии не оставила. Человек средних литературных способностей, но, по-видимому, с практической сметкой, Успенский прожил неяркую союзписательскую жизнь² — с готовностью включиться в очередную тематическую кампанию с непременно отпуском в Малеевке и Дубултах, хлопотами о путёвках, пайках и льготах, но тем не менее репутацию не запятнал.

Был дружен с Афиногеновым (в драматургическом семинаре которого занимался) и Киршоном, вместе с ними участвовал в организации Союза советских писателей (секции драматургов). «...Я знаю среди своих знакомых три-четыре человека подлинно мне интересных как человеческие образцы — и среди них двое драматургов — ты и Киршон», — писал Успенский 24 мая 1934 года Афиногенову (РГАЛИ. Ф. 2172. Оп. 1. Ед. хр. 210. Л. 5). Спустя три года за дружбу с Афиногеновым и Киршоном Успенскому пришлось оправдываться на собрании московских драматургов, где обличали обоих недавних лидеров. На фоне выступлений прочих участников (таких, например, как Б. В. Алперс) речь Успенского выглядит сдержанно-корректной. «Афиногенов предложил собираться, чтобы вести исследования по драматургии классиков и для того, чтобы коллективно писать пьесу — обсуждать сюжет, различные вариации его, обдумывать методы обрисовки характеров <...> вырабатывать точный и чёткий сценический язык и т.д. <...> Мы написали первый акт коллективной пьесы, а дальше работа наскучила. <...> Все мы порядком друг другу надоели. <...> Я пришёл к Афиногенову и заявил, что я ухожу. <...> Семинар распался и больше не собирался», — рассказывал Успенский (цит. по: Стенограмма собрания московских драматургов 3 мая 1937 года // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 2. Ед. хр. 223. Л. 48). Что же до отношений с Киршоном, то Успенский сообщил, что они были «товарищи по

² На моей памяти он неизменно был членом бюро Секции драматургов Московского отделения Союза писателей СССР, членом правления Московского отделения Литературного фонда СССР и одним из не то руководителей, не то учредителей Профессионального комитета московских драматургов (его портрет висел в помещении этого комитета). — В. У.

детству, учились в одной школе. <...> После постановки пьесы <„Константин Терёхин“ — В. Г.> в Москве я переехал в Москву, но совместной литературной работы у нас больше не было, и личная связь тоже сразу ослабела. <...> Это произошло потому, что у меня были некоторые личные обиды на Киршона, а также потому, что в нём стало замечаться равнодушие и пренебрежение к старым товарищам...» (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 2. Ед. хр. 223. Л. 46). Сам Успенский травли и репрессий, по всей видимости, избежал.

Репрессий отец, действительно, избежал, но с осени 1943 года, т. е. с возвращения в Москву из эвакуации, по весну 1953 года, т. е. до смерти Сталина, смертельно их боялся — как я понимаю, главным образом, из страха за семью. Что же касается травли, то настоящей травли, какая была принята в сталинские времена, не было, но всё же, всё же... В моей памяти отложилась опубликованная в 1949 году в журнале «Театр» статистика, согласно которой пьеса «Жили три друга» в каком-то месяце заняла первое место в стране по количеству спектаклей. Коллеги по профессии этого не простили. И вот в том же году в сатирическом журнале «Крокодил» была помещена большая картинка с карикатурным изображением неугодных литераторов (кажется, только драматургов и театральных критиков). Отец, без фамилии, но с портретным сходством, предстал там в образе рыболова, ловящего удочкой рыбу в луже с мутной водой; рядом стоял столб, а на столбе щит с надписью «Здесь жили три друга».

Ссылку на страницу из «Забытых пьес» я послал своему брату Борису. И в ответ получил два письма.

Первое письмо (от 4 мая 2017 года):

Да, написано почти точно. О Киршоне папа всегда на моей памяти отзывался очень плохо (а Афиногенова любил). Я не уверен, что у него были средние литературные способности — просто они были подавлены.

Второе письмо (от 5 мая 2017 года):

Киршон был злым гением папы. Вначале он фактически присвоил себе их совместную пьесу «Константин Терёхин». Папа мне говорил, что его (папы) имя исчезало то ли при публикациях, то ли при упоминаниях — как если бы Киршон был единственным автором. Может быть, это оказалось к лучшему: когда Киршона арестовали, папа осознал, насколько опасна ассоциация их имён. Тут он на много месяцев уехал со всей семьёй в Соколову Пустынь.

Василий Дмитриевич

Насколько я помню домашние рассказы, дед мой, как и бабушка — рязанский и даже пронский. Выйдя из бедной семьи, он при чрезвычайных материальных затруднениях получил сперва среднее образование, а потом и высшее в Варшавском ветеринарном институте. Затем он сделался военным ветеринаром — а следует помнить, что вся армия держалась тогда на лошадях. В качестве такового он, уже женатый, служил в Маньчжурии в русских войсках, охранявших Китайско-Восточную железную дорогу (КВЖД)¹. Помню рассказ моей бабушки, как они давали обед важным китайцам в национальных одеяниях со стеклянными шариками, увенчивающими головные уборы; поев, китайцы стали рыгать, что было обязательным проявлением благодарности. Там же 22 июня (5 июля) 1902 года родился и мой отец (умер 3 мая 1978 года). В подробных анкетах сталинского и примыкающего к нему времени мне приходилось писать подробное объяснение, почему это мой отец родился в китайском городе Ги́рín; выручало то, что в двухмесячном возрасте отца перевезли в Россию. Во время русско-японской войны мой дед попал в японский плен, из которого репатриировался не через Дальний Восток, а в восточном направлении, через Тихий океан. Почему так произошло — не знаю, но из своего путешествия он привёз морские достопримечательности, главным образом засохшие морские звёзды с изъятыми внутренностями. Всё это частично сохранилось в доме моих родителей, и я на этом вырос. Помню своё изумление, когда в аквариуме зоопарка я осознал, что морские звёзды — мягкие, а дома я видел лишь их заизвестковавшиеся скелеты. Основным же чудом из привезённого дедом был висевший в кабинете отца нос рыбы-пилы; его длина превосходила метр², и в моём детстве он мне казался огромным. Нос рыбы-пилы и некоторое количество высохших морских звёзд хранятся теперь у моего брата Бориса Андреевича Успенского, но одной из звёзд я и сейчас могу любоваться в своей квартире.

¹ КВЖД шла от Читы на Харбин, а далее раздваивалась на две ветки — на Владивосток и на Порт-Артур.

² Точная длина — 1 м 18 см.

СВИДѢТЕЛЬСТВО.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, изъ Рязанской Духовной Консисторіи дано сіе, на основаніи 1048 статьи

законовъ о состояніяхъ Свод. Зак. Т. IX, изд 1876 г., въ томъ, что

по метрическимъ, Свирского уезда, села Вранского
Александровъ тѣмъ, Троицкой церкви за тѣмъ же восемь
сотъ шестидесятъ восемь / 1868 / годъ по рожденью
ея: Свѣдѣніе по номеру Александрій Чепенинъ и
законная жена его Евдокия Александровна, оба пра-
славнаго вѣроисповѣданія, сынъ ихъ Василий рожденъ
закрытыхъ пятиса, крещенъ 27 Января тѣмъ же селомъ
им. Евдокия / 1868 /

Въ Консисторіи
Секретарь [подпись]



Секретарь [подпись]

М.п. Сноссокарашника [подпись]

Метрическое свидетельство Василия Дмитриевича Успенского.

СВИДѢТЕЛЬСТВО.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, изъ Рязанской Духовной Консисторіи дано сіе, на основаніи 1048 статьи законовъ о состояніяхъ Свод. Зак. Т. IX, изд. 1876 г., въ томъ, что по метрическому Городу Тромскоу, Архангельской губерніи за тысячу восемьсотъ семьдесятъ восьмой годъ по № 113 ^{мн.} упоминается: Городу Тромскоу Архангельской губерніи настоятель Священникъ Дмитрій Ивановичъ Виноградовъ и жена его Марія Ивановна чина 4го Юлія рожденная восьмью, преставилась 10 Іюня. Гробовый сборъ чина 5 рубль Августомъ 5 числа 1888 года.

№ 5711
Меню Консисторіи, Кав. Протоіерей С. Романовъ



Сиротаръ В. Д. Успенскій

Смолобродская С. Васильевна

Метрическое свидетельство Юлии Дмитриевны Виноградовой,
жены В. Д. Успенского.

Профессия ветеринарного врача была востребована и после революции. Семья моего деда (он сам, его жена, их сын и Маша) осела на Северном Кавказе и, в конечном счёте, оказалась в Кисловодске. Там он сделался заведующим «лечебницей для животных», как тогда говорили. Лечебница для животных в курортном городе занимала важное положение — не только как место, где приезжие дамы могли лечить своих собачек, но, главным образом, как место, куда извозчик мог привести заболевшую лошадь. Извозчиков в курортном городе было достаточно, и для каждого из них здоровье лошади было вопросом жизни и смерти. В отличие от, скажем, жены извозчика, больная лошадь не могла сказать, что у неё болит. Найти новую жену подчас было легче, чем купить новую лошадь, — в условиях, когда денег на такую покупку не было. А без лошади извозчик обрекал семью на голодную смерть. Маша с гордостью рассказывала мне, что если она шла с покупками с рынка — Маша говорила «с базара», — а мимо проезжал незанятый извозчик, он останавливался и бесплатно подвозил её до дому: как же иначе, «докторова прислуга!».

В начале 1920-х годов Василий Дмитриевич умер «после тяжёлой и продолжительной болезни», как было написано в приводимом ниже некрологе. У него был рак; считалось, что он произошёл вследствие удара лошадиным копытом в грудь.

В. Д. Успенский.

Тергубземотдел и вся Терская губерния понесла большую потерю в лице умершего после тяжёлой и продолжительной болезни известного ветеринарного врача, Василия Дмитриевича Успенского, заведующего в Кисловодске лечебницей для животных.

Покойный пользовался большой популярностью и любовью не только среди товарищей по профессии, но и среди широких слоёв населения не только в Кисловодске, но и далеко за пределами Терской губернии.

Глубоким знанием своего ветеринарного дела, неизменно добросовестным отношением к своему профессиональному долгу, он вполне заслужил и благодарность, и признательность при жизни и искреннюю

печаль по поводу смерти со стороны всех тех, которые с ним соприкасались.

Выйдя из бедной среды, он единственно благодаря своей энергии и жажде знания проторил себе дорогу и при чрезвычайных материальных затруднениях получил сперва среднее образование, а потом высшее в Варшавском ветеринарном институте и добился в конце концов того, что стал незаурядным работником на ветеринарно-общественной ниве.

Он являлся крупной научной силой почти во всех областях ветеринарной медицины, в особенности, в области животноводства. Можно без преувеличения сказать, что только благодаря ему во многих культурных скотоводческих очагах сохранился скот от полной гибели во время стихийного процесса разрушения.

Василий Дмитриевич Успенский, при всех положительных качествах специалиста, сохранил в себе и другое, не менее ценное качество—объективно-добросовестное отношение в сфере своей работы в период строительства республики трудящихся. С самого начала установления на Кавказе советской власти, она работала не за страх, а за совесть, оставаясь бессменным гарнизонным врачом Красной армии.

В самый печальный момент общего развала, он принимал горячее участие в организации школы молочного хозяйства и животноводства в Кисловодске, стараясь всеми силами сблизить ветеринарную дисциплину с сельским населением, и своей талантливой популяризацией ветеринарных знаний среди многих и многих курсантов заронил доброе семя, которое не заглохнет.

Признавая заслуги покойного, губернская ветеринарная секция постановила называть его именем лечебницу для животных, где покойный работал более 12 лет и которая, благодаря его трудам, стала очагом ветеринарного просвещения для местного населения.

Семья покойного осталась безо всяких средств и нуждается в помощи.

Губветсекция.

«Семья покойного осталась безо всяких средств и нуждается в помощи», было написано в том же некрологе. Чтобы как-то прожить, Юлия Дмитриевна открыла в своём доме частный пансион, т.е. начала сдавать комнаты с питанием. Готовила Маша, но также и её брат Василий, профессиональный повар, обслуживавший, в частности, банкеты, непременно сопровождавшие защиты диссертаций. Слово *диссертация* привлекало его своей учёностью. Василий говорил: «Вот летит целая диссертация галок». Для него *диссертация* означало скопление людей, пришедших на банкет. Думаю, что Василию Маша отчасти обязана своим умением вкусно готовить.

В этот-то пансион моей бабушки и приехала на отдых семья моей будущей матери. Так произошла встреча моих родителей, закончившаяся браком. Брак был заключён «убёгом»: мой будущий отец увёз мою будущую мать в другой город, там они в 1924 году расписались и известили о случившемся Юлию Дмитриевну. Реакция последовала незамедлительно: отец получил от неё телеграмму следующего содержания: «Возмущена. Мать».

Моя няня Маша

Моя няня Маша пекла пироги на свадьбе моей бабушки. Эта фраза, когда я её произношу, на одних моих собеседников производит большее впечатление, на других — меньшее. Большое впечатление она производит на меня самого.

Дело было так. Названная бабушка, Юлия Дмитриевна, тогда ещё не Успенская, а Виноградова, шестнадцатилетней барышней приехала из уездного города Пронска Рязанской губернии учительницей в село Дурное Пронского уезда. Расположенное к юго-западу от центра уезда, село Дурное было вторым по количеству населения после самого этого центра, т. е. Пронска. Школа в Дурном была самая что ни на есть на-

чальная, и бабушка приехала учить «всему». Не знаю, была ли она единственной учительницей в школе; скорее всего, единственной. Приезд «учительши» был воспринят должным образом. Сельское общество выделило ей «квартиру», а также, для услуг, девочку Машу — не может же городская барышня сама себя обслуживать. Юлия Дмитриевна родилась в 1878 году, так что её приезд в Дурное состоялся примерно в 1894 году. Маша была двумя годами младше своей хозяйки.

Маша была взята из одного из беднейших дворов села. По документам (которых я, впрочем, не видел) она была Мария Ивановна Бирюкова. Отца своего Маша не знала. Рассказывали, что отцом её был неведомый смуглый человек,



Юлия Дмитриевна Успенская.

вышедший из леса. Предполагаю, что фамилия ей была дана по прозвищу отца. Слово *бирюк*, происходящее из татарского, имеет два значения: 'волк' и 'нелюдимый человек'. Куда потом делся Машин отец, никто не знает. От него, как считается, Маша унаследовала смуглость и узкоглазость. Роста Маша была невысокого, а с возрастом расплнела книзу. Художник Борис Берендгоф, приятель моих родителей, зайдя как-то раз к нам и посмотрев пристально на Машу, изрёк: «Это не няня. Это старый японский полковник, работающий нянькой».

Поступив к моей бабушке, она уже не расставалась с ней до конца 1920-х годов, когда она оказалась в Москве в семье сына бабушки, а моего отца; да и тут связь с Юлией Дмитриевной, жившей в том же московском дворе, в соседнем доме, оставалась очень тесной. Вот потому Маша и пекла пироги на свадьбе бабушки с моим дедом, Василием Дмитриевичем Успенским.

Маша воспитывала моего отца Андрея Васильевича с его рождения, и её привязанность к нему была очень сильной. Юлия Дмитриевна решила проявить заботу о её дальнейшей судьбе и выдала Машу замуж за человека по фамилии Кураев. Через короткое время муж привёл Машу обратно. «Мне такая жена не нужна, — твёрдо сказал он. — Она только и говорит: „Как там мой Андрюша?“». Больше об этом Кураеве ничего неизвестно. Следы этого брака (возможно, так и не расторгнутого) остались в новой Машинной фамилии — она стала Марией Ивановной Кураевой.

В конце 1920-х годов мои будущие родители получили квартиру в Москве в только что построенных домах для работников просвещения. Мать работала в издательстве, а отец в 1926 году оказался соавтором становящегося весьма известным драматургом В. М. Киршона¹ по пьесе «Константин Терёхин» («Ржавчина»). Пьеса имела успех и принесла деньги². В 1934 году при образовании Союза писателей отец сразу был принят в его члены, и его членский билет был подписан Горьким. Дома для работников просвещения

¹ Маша знала Киршона по Северному Кавказу. Киршон 6 (19) августа 1902 года родился в Нальчике (где какое-то время, до Кисловодска, жила семья моего деда), а в 1917 году со своей матерью, по профессии фельдшерницей, переехал в Кисловодск. В 1925 году Киршон переехал в Москву, где пользовался как творческим, так и административным успехом и где, обвинённый в троцкизме, был расстрелян 28 июля 1938 года.

² В том же 1926 году пьеса была поставлена в Москве Театром имени МГСПС (ныне Театр имени Моссовета), а затем и за рубежом: в Риге (1929), в Лондоне (1929), в Париже (1929—1930), в Лейпциге (1929), в Нью-Йорке (1929—1930), а также в Берлине и в разных городах Германии и Франции. Пьеса переведена на немецкий, французский, английский, украинский, армянский, финский, испанский и другие языки, издана во Франции и в Америке.

эти образовывали с десятков кирпичных корпусов, в основном четырёхэтажных, в Тихвинском переулке, расположенном напротив Бутырской тюрьмы перпендикулярно двум соседним параллельным улицам: Новослободской и Тихвинской. Квартира моих родителей находилась на последнем, четвёртом этаже 6-го корпуса (впоследствии достроенного до пятиэтажного; достройка причиняла немало мучений жителям четвёртого этажа). Юлия Дмитриевна получила комнату в коммунальной квартире соседнего, 7-го корпуса. Адрес всех этих корпусов был «Тихвинский переулок, 10/12», причём знак дробь не означал, как обычно, угол улицы (переулок, проезда³) с другой улицей (переулком, проездом), где цифры, стоящие до и после знака, указывают на номера одного и того же дома на разных сторонах угла. В данном случае дробь означала величину домовладения, простирающегося аж на два номера.

Вот там, в 6-м корпусе (а если буквально — то в родильном доме имени Клары Цеткин), в ноябре 1930 года я и родился. Для ухода за мной Машу выписали из Кисловодска в Москву.

Когда Маша была затребована в Москву, деньги на поездку ей были посланы с избытком, но удивительно, как ей их хватило. Поезд из Кисловодска в Москву идёт по маршруту Кисловодск — Минеральные Воды — Армавир — Ростов — Харьков — Курск — Москва. Маша пришла на кисловодский вокзал и спросила билет до Москвы. Ей назвали цену, которая показалась ей заоблачной. Повторяю, деньги у неё были, но такую сумму и даже много меньшую она никогда не платила. Отдать такие деньги — это не укладывалось в её сознании. Маша выяснила, какая ближайшая большая станция по дороге в Москву. Ей назвали станцию Минеральные Воды, но это было уж слишком близко к Кисловодску (64 километра). Подходящей станцией ей показался Армавир, куда она и взяла билет и где выгрузилась со всеми своими узлами. Из Армавира до Москвы также было слишком дорого; подходящей станцией ей показался Ростов, где она снова выгрузилась. Следующими этапами были Харьков и Курск. Так, с чудовищной переплатой, она доехала до Москвы и стала моей няней. (Возможно, впрочем, что станциями Машиной выгрузки были лишь Ростов и Харьков.)

В обязанности Маши входило ходить за детьми — сначала только за мною, а затем и за моим младшим братом, а также готовка. Иногда она выходила купить продукты, но вообще-то для покупок и уборки квартиры помимо няни была ещё домработница. Главная проблема с домработницей заключалась в том, что квартира была

³ Удивительно, но в русском языке вроде бы нет термина, обобщающего эти три понятия.

тесная, и домработнице негде было спать. Первой домработницей была Машина крестница Нюша, выписанная из того же Дурного. Она поступила к нам в 16-летнем возрасте. Мама сказала ей: «Будешь спать со мной», — имея в виду, что Нюша будет спать в её комнате. Каково же было мамино изумление и даже лёгкий испуг, когда к ней, уже улёгшейся на ночь, кто-то полез в кровать. В Нюшином понимании *спать со мной* означало 'спать в одной постели'. В скором времени были сделаны специальные полаты с прибитыми к ним лестницей, на которых спала Нюша, а потом и послевоенная домработница, Нюшина племянница Катя, опять-таки из Дурного. Нюша называла Машу *крёстная*, а Катя — *бабушка*.

Моё детство неотделимо от Маши. На ночь она рассказывала мне русские сказки, а также читала стихи из своего не слишком обширного репертуара. По-видимому, это были те стихи, которые запомнились ей с молодости и которые она читала моему отцу. Чаше всего в её исполнении звучала «Сиротка»⁴:

Вечер был; сверкали звёзды;
На дворе мороз трещал;
Шёл по улице малютка,
Посинел и весь дрожал.

«Боже! — говорил малютка, —
Я прозяб и есть хочу;
Кто ж согреет и накормит,
Боже добрый, сироту?».

Шла дорогой той старушка —
Услыхала сироту;
Приютила и согрела,
И поесть дала ему;

Положила спать в постельку.
«Как тепло!» — промолвил он.
Запер глазки... улыбнулся...
И заснул... спокойный сон!

Бог и птичку в поле кормит,
И кропит росой цветок,
Бесприютного сиротку
Также не оставит Бог!

⁴ Под заглавием «Молитва» опубликовано в № 9 журнала «Звёздочка» за 1843 год. Автор — Карл Александрович Петерсон.



Няня Маша с автором. 1931 год.

Борисовича Хесина («Мир без денег тесен, вышли денег, Хесин»). Отец бросил все дела и примчался домой. «С Первым апреля», — сказала ему Маша.

На моей памяти в наши корпуса провели газ. До этого на кухне стояла плита, которую топили углём или дровами. Маша, по старой привычке, возникшей ещё при общении с русской печью, вставала в шесть утра и со словами «надо затоплять» зажигала все конфорки и ставила на них кастрюли и котелки с водой. Минут через двадцать вода закипала, и Маша впадала в растерянность; так продолжалось сравнительно долгое время.

Иногда на кухне появлялся уже упоминавшийся Машин брат Василий, приходивший к Маше в гости. Он любил побеседовать со мной «об умном», называя меня при этом на «вы»; больше на «вы» меня никто не называл. Впервые на «вы» меня, как и других учеников 5-го класса, назвали в сентябре 1942 года в школе города Новосибирска, где наша семья, включая, разумеется, Машу, была в эвакуации. С 5-го класса начинался предмет «Русский язык», пришла новая учительница, которая всех учеников называла на «вы»; надо сказать, что это много способствовало и дисциплине, и усвоению материала. «Русский язык — язык музыкальный», — говорила она

Из другого помню только встречавшееся в каком-то из читанных мне ею стихотворений словосочетание «инок молодой», пленявшее меня своей загадочностью. Машин юмор концентрировался в слове *пошехонцы*. Это слово она не могла ни слышать, ни произносить без смеха. «Пошехонцы, — говорила она, преодолевая смеховой спазм, — огурцом тёлушку резали. Козу на крышу затаскивали, чтобы соломой покормить». Но неверно полагать, что Машин юмор пошехонцами и ограничивался. Помнится, она позвонила в кабинет начальника Управления по охране авторских прав, где мой отец временно замещал хозяина кабинета Григория

нам, и думаю, что не только я запомнил эту формулу навсегда.

С Машей я, как и впоследствии мой брат, были, естественно, на «ты». На «ты» она была и с моим отцом, которого по-прежнему называла Андрюшей, и с приятелем отца ещё по Кисловодску академиком Петром Александровичем Рёбиндером, которого называла Пьериком. (Рёбиндер в 1916 году окончил в Кисловодске гимназию, в 1920 году преподавал химию и физику в школе Кисловодска, а в 1921 году работал в местной химической лаборатории. По рассказам отца, одно время они вместе варили мыло.) С моей мамой Маша была на «вы», но называла её её детским именем *Котя* — так, как называл её мой отец и мамыны подруги. Мою бабушку, свою бывшую

хозяйку, Маша называла *Юльмитрна* (а мама называла свою свекровь *Юльдимитна*); старухи иногда ссорились. Сама же Юлия Дмитриевна, прожившая первые сорок лет своей жизни при старом режиме, Машу, а также дворников и другую дворовую службу, а также всех деревенских мужиков называла, как в старые времена, на «ты». Помню, как однажды, в возрасте примерно шестилетнем, я спросил свою бабушку, почему она называет на «ты» лодочника на Оке. Дело было в Соколовой Пустыни под Каширой, где наша семья иногда снимала избу на лето. Помнится, бабушка сначала растерялась, но быстро нашлась. «Это потому, что я его очень люблю», — объяснила она мне.

В марте 1937 года родился мой брат Борис, и Машино внимание в значительной степени переключилось на него, к чему я отнёсся без ревности. Как и нашего отца, как и меня, Бориса Маша довела до взрослого возраста. Возращать моего сына Володю, родившегося в 1959 году, Маша уже не могла по дряхлости; единственное, что она могла, это сказать моей жене: «Светлана, мальчик плачет».

Что бы Маше ни рассказывали, она в конце всегда спрашивала: «А он убёг?».



Няня Маша на балконе нашей квартиры. 1950 год.

2015 год.

Одноклассник Алик

Он позвонил мне домой 6 июля 2008 года, и я во второй раз осознал, что за те 65 лет, что я его знаю, его голос практически не изменился. Предыдущий раз он звонил 25 октября 2007 года (а до этого не звонил никак не меньше полусотни лет), поэтому на этот раз я узнал его сразу. Это был Алик Гуревич, мой одноклассник по замечательной московской 167-й школе в Дегтярном переулке (сейчас её уже нет). Он был старше меня на два месяца: родился 19 сентября 1930 года (в один день с Мишей Поливановым). В школьные времена мы были достаточно близкими друзьями и какое-то время сидели за одной партой. Мы оба поступили в выпускной, десятый класс прямо из восьмого, миновав девятый. Но при этом я — серьёзно подорвав на этом здоровье — летом не отдыхал ни единого дня, а учил материал девятого класса и сдавал экзамены по всем предметам¹. Он же, всегда превосходивший меня сообразительностью, сумел поступить в десятый класс, программы девятого класса не проходя вовсе, и получить при этом золотую медаль, причём получить совершенно заслуженно. Дело было так. В сентябре 1946 года я пошёл в десятый класс нашей школы, а Алик, как и следовало, в девятый. Но его самолюбие не могло допустить, что я буду учиться в десятом классе, а он в девятом, да ещё и встречаться со мной, десятиклассником, на переменах. Поэтому, проучившись сентябрь в девятом классе, он перешёл в вечерний экстернат, в десятый класс. Свою операцию Алик осуществил так. В том десятом классе, куда я перешёл, учился его однофамилец Аркадий Гуревич. Алик попросил Аркадия взять в канцелярии школы справку, в которой было бы сказано, что «А. Гуревич окончил 9 классов». Получив от Аркадия такую справку, Алик предъявил её в экстернат и был принят. Поучившись в экстернате какое-то время, он заболел

Опубликовано в книге: *В. А. Успенский. Апология математики: Сборник статей.* — Изд. 2-е, испр. — СПб.: Амфора, 2012. — С. 260—263 (в качестве приложения к гл. 1 статьи «Апология математики»).

¹ См. с. 204—208 настоящей книги. — *Прим. ред.*

скарлатиной, а после болезни, в начале 1947 года, перешёл в десятый класс школы рабочей молодёжи. Были в то время такие школы. Правда, для обучения в них необходимо было где-то работать. Не возникает сомнений, что Алик сумел обойти и это препятствие.

В 1947 году мы с ним поступили в Московский университет, но на разные факультеты — он на физический (физфак), а я на механико-математический (мехмат). Ныне Алик — известный (и, по моим сведениям, хороший) физик, академик Александр Викторович Гуревич. За те годы, что он мне не звонил, я звонил ему — по служебному телефону — дважды: в 1984 году с поздравлением по случаю избрания его членом-корреспондентом Академии наук СССР и в 2003 году с поздравлением по случаю избрания его академиком Российской академии наук. Он говорил со мной вполне дружелюбно, но несколько отстранённо: я явно попадал в общий хор поздравителей. Меньше всего я ожидал его звонка. «Ты что, не узнаёшь, кто с тобой говорит?» — раздался 25 октября 2007 года весёлый, чем-то знакомый, но не опознанный мною голос в трубке. Выяснилось, что Гуревич по некоторым делам вступил в контакт с Владимиром Михайловичем Тихомировым, и тот сказал ему: «Так вы тот Алик, про которого Успенский рассказывает такие замечательные истории?». После чего Гуревич — видимо, польщённый — взял у Тихомирова мой домашний телефон и позвонил. Его тон был необычайно тёплым, совсем другим, нежели при ответах на мои поздравления. И тут я полюбил Гуревича почти с той же силой, как прежде в шестом и седьмом классах. Я понял, что для него быть академиком менее важно, чем заслужить восхищение и зависть одноклассников в школьные годы. И что воспоминание о том, как он утёр мне нос шестьдесят лет назад, до сих пор согревает его душу.

Однако вернёмся к его звонку 6 июля 2008 года. «Слушай, — сказал он мне не здороваясь, а по своему обыкновению сразу переходя к сути, — я сейчас в санатории, делать здесь нечего, я читаю тут всякую ерунду, и вот попалась твоя „Апология математики“ в „Новом мире“². Я её не то чтобы изучил, но прочёл. Не хватает заключения с выводами. Необходимо резюме, в котором перечислялись бы основные математические проблемы, упомянутые в статье, которые надлежит знать каждому интеллигентному человеку. А то всего слишком много и длинно. А НЛО — это полная чепуха, и все разговоры о „рассекречивании“ не должны создавать веру в НЛО. А конец о физике неудачен».

² Журнальный вариант статьи был опубликован в 11-м и 12-м номерах «Нового мира» за 2007 год. — В. У.

Тут я его прервал в испуге: «Я написал что-нибудь неверное?». — «Да нет, неверного ничего нет, но видно, что написано непрофессионалом. Физика — совсем не то, что ты думаешь, в физике очень важны числовые значения, например, масса электрона».

Признаться, у меня были более романтические представления о физике. Я полагал, что физика объясняет общее устройство мироздания (или, по крайней мере, к этому стремится). Но, может быть, я под физикой понимал нечто другое, что скорее следует назвать космологией? Как бы то ни было, спорить о физике с академиком-физиком было бы нелепо³. Это означало бы быть смешным в собственных глазах, что куда хуже, чем в чужих.

«И зачем ты полез в чёрные дыры⁴, — продолжал Алик. — Нечего тебе было о них писать». Я снова испугался: «Я написал что-нибудь неверное?». — «Да нет, — с неохотой признал Алик, — не в этом дело. Чёрные дыры — это сложная проблема, всё время поступают новые данные...».

Я почёл своим долгом ознакомить читателей последовавшего книжного издания «Апологии» с мнением авторитетного физика. А ведь в первой главе того журнального варианта, который он читал, не было ни фантастических рассуждений о четырёхмерном слоне, ни сомнительного противопоставления геометрического смысла четвёртого измерения его временному смыслу (а ведь с точки зрения физики время и пространство как бы единосущны: «неслиянны и нераздельны»). Страшно даже подумать о реакции моего друга на всё это!

«А Вселенная конечна или бесконечна?» — спросил я его под конец разговора. Он не сказал «Не знаю», а дал более глубокий, если вдуматься, ответ: «Не имею точки зрения».

³ Не хотелось бы уподобиться филологу Юрию Владимировичу Рождественскому, под административной властью которого как заведующего кафедрой филологического факультета МГУ на шесть с лишним лет, с 1982 по 1988 год, оказалось преподавание математики на этом факультете. Он прочёл мне небольшую лекцию о том, как надо её преподавать: «Главное в математике — это число, число в платоновском смысле. Вот этому понятию и надо обучать студентов в первую очередь. Раскрывать им смысл чисел: один — это единство мира, два — это его дуальность, три — это троичность, четыре — это четыре стороны света или четыре стихии...».

⁴ Они упоминаются в главе 9 книги «Апология математики». — В. У.

Колмогоров как центр моего мира

1. Колмогоров на экране. — 2. Колмогоров как чудо. — 3. Колмогоров — оратор. — 4. Письма Колмогорова. — 5. Как в мою жизнь вошёл Колмогоров. — 6. Моё ученичество у Колмогорова. — 7. Встречи с Колмогоровым в шестидесятых, семидесятых и восьмидесятых годах. — 8. Болезнь и кончина Колмогорова. — Приложения: 1. П. С. Александров о Комаровском доме. — 2. Письмо А. Н. Колмогорова А. И. Бергу. — 3. Как я перепрыгивал через класс. — 4. Отзыв П. С. Новикова на дипломную работу В. А. Успенского. — 5. Письмо Н. А. Шанина В. А. Успенскому. — 6. Нумерации и номинации. — 7. А. Н. Колмогоров о Н. Н. Лузине (интервью). — 8. Наш большой факультет.

Первый вариант этой статьи, законченный 20 марта 1990 года, писался в ответ на инициативу А. Н. Ширяева выпустить к 90-летию нашего Учителя сборник воспоминаний о нём. Составленный А. Н. Ширяевым сборник «Колмогоров в воспоминаниях» вышел под его редакцией в 1993 году в московском издательстве «Физматлит». Я признателен Альберту Николаевичу и за его инициативу, и за проявленную по отношению ко мне настойчивость, и за организацию издания в сложное для издательского дела время.

В отредактированном и несколько расширенном виде статья далее была перепечатана во втором томе моего двухтомника «Труды по нематематике» (М.: ОГИ, 2002).

Для сборника «Колмогоров в воспоминаниях учеников» статья заново отредактирована при самоотверженном участии Н. Г. Рычковой (Химченко). Пользуюсь случаем благодарно отметить труд покойной Натальи Григорьевны. Её подстрочные замечания отмечены инициалами «Н. Р.».

Так называемое «авторское время» осталось в статье прежним — 20 марта 1990 года. Поэтому все добавления, относящиеся к событиям после этой даты, оговорены: начало каждого такого добавления отмечено знаком «●►», а его конец — знаком «◄●».

12 апреля 2004 года.

1. Колмогоров на экране

С чего начать?
Всё трещит и качается.
Воздух дрожит от сравнений.
Ни одно слово не лучше другого...
О. Мандельштам. Нашедший подкову.

Начну с письма читателя А. Лунина из Севастополя, опубликованного в № 278 газеты «Известия» за 1985 год на с. 6. Привожу его полностью:

Советского математика Андрея Николаевича Колмогорова знает весь мир. Один из создателей кибернетики Норберт Винер называл его своим учителем, а у нас о нём, о его математической школе знают далеко не все. Три года назад я написал об этом руководителем программы «Очевидное — невероятное». Со мной согласились. Редактор программы Лев Николаев сообщил, что такую передачу подготовят. Но её всё нет...

Письмо это свидетельствует, что если действительно «мы ленивы и нелюбопытны», как укорял нас Пушкин, то всё-таки не погловно. В письме слышна тревога, которую разделяю и я: как же так, среди нас жил (а к моменту опубликования письма можно ещё было сказать «живёт»¹) великий учёный, единственный, может быть, великий учёный, живший в пределах нашей страны в качестве современника нашего послевоенного поколения, а мы... — одни этого просто не знали, другие не понимали, третьи недопонимали, а четвёртые, которые и знали, и понимали, не смогли донести до остальных. А ведь, по правде сказать, в Академии наук должна бы быть Колмогоровская комиссия, как есть Пушкинская комиссия, и наряду с пушкиноведением должно существовать колмогороведение.

Писателю легче, чем учёному, быть знаменитым. Писатель воздействует на людей непосредственно, учёный же весьма косвенно. Кроме того, писатель скорее придумывает, чем открывает, а учёный скорее открывает, чем придумывает, и потому возникает ощущение, часто несправедливое, что открыть мог бы и кто-либо другой.

Я не знаю, показали или нет сюжет про Колмогорова в программе «Очевидное — невероятное». Может быть, кто-нибудь это знает и сообщит мне. Вообще этот текст включает в себя призыв ко всем, кто его прочтёт, вносить свои поправки, уточнения и дополнения.

¹ Письмо опубликовано в московском выпуске «Известий» 5 октября 1985 года, т. е. за два с небольшим года до смерти Колмогорова.

Однако 17 апреля 1988 года по второй программе Центрального телевидения, в рамках цикла «Жизнь замечательных людей», была показана передача «Академик А. Н. Колмогоров». В передачу почти целиком вошёл фильм «Рассказы о Колмогорове» автора и режиссёра Александра Николаевича Марутяна, подготовленный к 80-летию Колмогорова и выпущенный студией «Центрнаучфильм» в первой половине 1984 года. В этом фильме, пока на экране мелькают какие-то пейзажи, за кадром А. Н. Марутян берёт у Колмогорова интервью. Голоса Колмогорова, впрочем, в фильме нет: колмогоровские ответы произносит артист Э. С. Геллер² (хотя это и не оговорено в титрах, несмотря на обещание, данное А. Н. Марутяном). Пишу это для того, чтобы потомки, обнаружив этот фильм, не думали бы, что слышали голос Колмогорова³.

Первый вопрос А. Н. Марутяна: «Кем Вы хотели стать в юности, Андрей Николаевич?». Ответ: «Первой взрослой идеей моей будущей профессии было лесоводство. Был довольно длинный период, когда наиболее увлекавшей меня перспективой было положение директора школы». Здесь я вспоминаю, что весной 1965 года во время подмосковной прогулки от Комаровки к Загорянке Колмогоров сказал мне примерно следующее: «Для меня наиболее почтенна профессия и позиция сельского агронома, готового работать при любых условиях». Следующий вопрос, обращённый в фильме к Колмогорову: «Андрей Николаевич! Как Вы относитесь к тому, что большинство людей не понимает сущности предмета, которым Вы занимаетесь всю жизнь?». Вопрос правильный. Ответ: «Спокойно отношусь. <...> Человечеству достижения математики оказались нужными, ну а нам, математикам, она доставляет такое внутреннее наслаждение! По-моему, самое лучшее решение — такое мирное сосуществование. У меня был приятель, гуманитарий, с его точки зрения математики — такие полезные домашние животные; надо относиться к ним именно с такой, утилитарной точки зрения».

² Я никогда не видел Э. С. Геллера. Мне сказали, что это пожилой человек, за интеллигентность голоса выбранный для чтения колмогоровского текста.

³ Если уж говорить о неточностях, следует сказать ещё вот о чём. В фильме «Рассказы о Колмогорове» приведена схема путешествий Колмогорова. Эта схема дана на фоне географической карты. Так вот, показанная в фильме схема является зеркальным отражением истинной схемы, а потому её наложение на карту не соответствует действительности. (Это недоразумение имеет довольно очевидное объяснение. Съёмка этого места велась так. Совмещались два плана: карта и начерченная на чём-то прозрачном, скажем, на стекле, схема. Стекло со схемой не имело обозначения лицевой и оборотной стороны. Поэтому при наложении на карту оно с вероятностью 1/2 должно было лечь неправильной стороной. Что и произошло.)

Чтобы не возвращаться более к теме «Колмогоров на телеэкране», прибавлю к сказанному, что 25 апреля того же 1988 года, т. е. в первый день рождения Колмогорова уже без него, по первой программе Центрального телевидения был показан телевизионный документальный фильм объёмом пять частей «Спрашивайте, мальчики» режиссёра Генриетты Васильевны Визитёй, созданный в 1970 году на творческом объединении «Экран» Гостелерадио СССР. Фильм посвящён физико-математической школе-интернату при МГУ, основанной Колмогоровым в 1963 году. Там в отличие от «Рассказов о Колмогорове» показаны две реальные беседы с Колмогоровым, с его характерными движениями и его голосом. В каких ещё кино- или телефильмах запечатлён облик или голос Колмогорова, мне неизвестно⁴.

Если говорить только о голосе, то он должен быть на магнитофонной плёнке того интервью, которое брал у Колмогорова Алексей Брониславович Сосинский, — и оно было напечатано в журнале «Квант» (1983 год, № 4, с. 12—13) и перепечатано в сборнике статей А. Н. Колмогорова «Математика — наука и профессия» (М., 1988, с. 14—19). Когда бралось это интервью, Колмогоров уже тяжело страдал болезнью Паркинсона, и речь его была затруднена. Как вспоминал потом А. Б. Сосинский, сперва казалось, что расшифровать плёнку — дело безнадежное. На проверку же оказалось, что если убрать все повторы слов, паузы, покашливания и т. п., то остаётся безупречно синтаксически организованный текст, а когда интервьюер попытался нечто отредактировать, Колмогоров, прослушивая через несколько дней привезённый Сосинским текст, сказал в соответствующем месте: «Нет, так я не говорил».

Я пишу об этих незначительных, казалось бы, деталях, поскольку жил и живу в убеждении, что Колмогоров — это чудо, и всякое оставленное им свидетельство бесценно.

2. Колмогоров как чудо

Колмогоров давал окружающим новое, не сравнимое ни с чем ощущение почти физиологического свойства — ощущение присутствия при великом и гениальном. Неудивительно, что общение с ним было вдохновляющим, увлекательным, напряжённым и непростым. А каждое свидание с ним было событием.

⁴ В канун столетнего юбилея Колмогорова, 24 апреля 2003 года, Первый канал телевидения показал специально подготовленную в цикле «Гении и злодеи уходящей эпохи» программу «Андрей Колмогоров» студии «Цивилизация» (автор — Ольга Балакина; ведущий — профессор Лев Николаев). — *Прим. Н. Р.*

Тем бóльшим событием были поездки в Комаровку. Всякое истинное паломничество должно быть затруднительным. Затруднительным было и паломничество в Комаровку. Комаровка — это деревня под Москвой, а юридически — улица в посёлке Первомайский, расположенном на примерно равных расстояниях от железнодорожных станций Тарасовка (на основной линии Ярославского направления) и Болшево (на ветке, ответвляющейся в Мытищах от основной линии). От Болшева, в свою очередь, отходит однопутная ветка на Фрязино, и расположенная на ней станция Фабрика 1 Мая значительно ближе к Комаровке, чем Тарасовка и Болшево. Теперь до станции Фабрика 1 Мая можно доехать на электричке прямо из Москвы. А в мои студенческие и аспирантские годы нельзя было попасть туда без пересадки в Болшеве; паровик Болшево—Фрязино, который комаровские обитатели называли «кукушкой», ходил всего несколько раз в сутки, а никаких автобусов в ту сторону не ходило вовсе. И обратно от Комаровки до Болшева надо было идти примерно час в кромешной мгле и часто в великой грязи. Когда я после большого перерыва снова побывал в Комаровке, на которую уже начали надвигаться многоэтажные дома, я был почти оскорблён тем, что туда можно доехать от Болшева на автобусе, что попасть к Колмогорову стало в транспортном отношении просто.

В Комаровке П. С. Александрову и А. Н. Колмогорову принадлежал старый и деревянный, вместительный и уютный дом; большинство, и я в том числе, воспринимали его как двухэтажный — на самом же деле, как разъяснила мне Н. Г. Рычкова, он — полуторазэтажный, т. е. одноэтажный с антресолями. Хозяева дома проводили там своё основное время, работали и принимали учеников, а в Москву приезжали еженедельно на два-три дня, но лишь по необходимости, для преподавания, «казённых» дел и встреч с разными людьми⁵.

В студенческие и аспирантские годы вся моя жизнь делилась на две части — редкие, исключительные по своей значимости дни, когда я бывал в Комаровке, и всё остальное время. И каждый раз после поездки в Комаровку хотелось начать жить заново. Это чувство, по-видимому, разделялось многими. В фильме «Рассказы о Колмогорове», например, желание начинать новую жизнь после каждой поездки в Комаровку провозглашает за кадром Борис Александрович Севастьянов⁶.

⁵ Краткая история Комаровского дома, написанная П. С. Александровым, приведена в приложении 1, с. 199.

⁶ В процессе работы над фильмом режиссёр дважды собирал в Комаровке учеников Колмогорова. Это было в начале 1984 года, в феврале или первых числах марта. В Комаровку на съёмки приезжали В. И. Арнольд,

Острое ощущение колмогоровской необыкновенности хорошо согласовывалось со следующим сверхъестественным явлением, которое мог бы подтвердить мой покойный друг Роланд Львович Добрушин, проходивший аспирантуру у Колмогорова в одно время со мной. Когда нам с Добрушиным надо было не упустить учителя при его выходе из аудитории, имевшей две двери, каждый из нас караулил у своей двери (другая дверь при этом была не видна); так вот, бывали случаи, когда Колмогоров всё-таки ускользал, причём каждый из двух наблюдателей был уверен, что он исчезал через другую дверь.

Производила впечатление сама его походка — быстрая, с наклоном вперёд, разрезающая воздух. Многие усматривали черты внешнего сходства Колмогорова и Пастернака, включая и фонетическую особенность — характерное для обоих «мычание».

Что же касается внутреннего мира Колмогорова, то судить о нём так же трудно, как о внутреннем мире атома. Прямые наблюдения невозможны, и более или менее приблизительные заключения можно делать лишь на основе весьма и весьма косвенных отражений. Да, собственно, и языка-то нет, чтобы описать этот мир... Подстраховавшись этими оговорками, сделаем осторожное предположение, что сходство Колмогорова и Пастернака было не только внешним. Так, обоим были свойственны демократизм в общении и охотная готовность к физическому труду. Оба следовали принципу, отражённому в пастернаковской строке: «Во всём мне хочется дойти до самой сути». И каждый из них занимал первенствующее положение в своей области — один в поэзии, другой в науке — и имел право на титул «великий»⁷.

Б. В. Гнеденко, В. М. Золотарёв, А. С. Монин, С. М. Никольский, Б. А. Севастьянов, В. М. Тихомиров, В. А. Успенский, А. М. Яглом (не утверждаю, что все они были оба раза). Нам дали возможность говорить свободно, без заранее подготовленного текста, кто что хочет. И вот, когда я на экране рассуждаю о роли в моей жизни поездок в Комаровку, в образовавшейся паузе слышен дополняющий меня голос невидимого Севастьянова: «И каждый раз хотелось начать новую жизнь».

⁷ Отмечая очевидные черты внешнего сходства между Колмогоровым и Пастернаком (которые особенно выпукло видны на некоторых фотографических портретах) и осторожно предполагая наличие некоторых деталей внутреннего подобия, не беру на себя смелость заявить также и об общности судеб. Здесь я отсылаю к мнению академика Андрея Петровича Ершова, известного специалиста в области информатики. Выступая в августе 1988 года в Будапеште на VI Международном конгрессе по математическому образованию, он сказал: «...Не могу не провести параллели с судьбой другого гениального современника Андрея Николаевича Колмогорова. Я имею в виду писателя и поэта Бориса Леонидовича Пастернака <...> Та же мера таланта, высокого профессионализма и способности к рядовой работе. Та же несочетаемость

В поисках сути Колмогорову нередко удавалось достичь очень просто формулируемых представлений — как, например, при аксиоматическом построении теории вероятностей или при определении понятия сложности объекта (сейчас это понятие называется «колмогоровской сложностью»). По-видимому, им руководило естественное для большого учёного убеждение, что чем более общий характер носит идея, тем более простой она, в сути своей, является и тем яснее и короче должна быть выражена. Простота идей и лаконизм формулировок, к которым приходил Колмогоров, позволяли сообщить их слушателям (а то и единственному слушателю) за сравнительно короткое время. Нередко бывало, что Колмогоров излагал свои идеи и формулировки в частной беседе или в короткой реплике на семинаре — и далее уже не заботился об их публикации или иной форме распространения (а тем более о своём приоритете). Именно так, в беседе со мною, было им сформулировано определение грамматического понятия «падеж» — первое научное определение этого понятия (ниже в этом разделе мы ещё вернёмся к этой теме). Убеждён, что это определение было выработано им задолго до разговора со мною (однако мне неизвестно, чтобы он с кем-нибудь делился этим своим открытием).

Иначе обстояло дело с определениями понятий, лёгших в основу теории нумераций, ныне представляющей собою самостоятельную область теории алгоритмов. Указанные понятия возникли у Колмогорова непосредственно на одном из занятий университетского семинара по рекурсивной арифметике и были им сформулированы во время его краткого импровизированного выступления. Это произошло 9 февраля 1954 года, так что для теории нумераций можно назвать точную дату рождения. Мне выпала честь не только услышать, но и опубликовать и колмогоровское определение падежа⁸, и колмогоровскую систему базисных понятий теории нумераций. Но невольно приходит мысль, что многие вскользь брошенные Колмогоровым идеи так и остались неопубликованными. А возможно — и не услышанными.

Глубина теоретических идей сочеталась у Колмогорова со свободным и радостным владением численными методами, с умением довести решение «до числа». Это своё отношение к конкретным

со многими реалиями повседневной жизни и обстановки. Та же неразрывная связь с культурой и природой. Та же смертельная ревность и пристрастность со стороны многих братьев по цеху. То же высокое ощущение своей бескомпромиссной предназначенности для некоторой общечеловеческой миссии».

⁸ См. с. 18—32 в кн. 3 «Языкознание» настоящего, 2-го издания «Трудов по нематематике».

методам вычислений, к числам, таблицам, графикам, номограммам (так и хочется сказать: а также свои дружеские отношения с ними) он старался передать как своим прямым ученикам, так и всем студентам механико-математического факультета МГУ.

Не знаю, когда в учебном плане мехмата появилась дисциплина под названием «математический практикум». Но когда бы она ни появилась, можно считать, что математический практикум ввёл в 1946/1947 учебном году Колмогоров — для тогдашних второкурсников. Потому что даже если строка «математический практикум» в учебном плане и существовала раньше этого срока (в чём, повторяю, я не уверен), то именно Колмогоров наполнил эту строку совершенно новым, действительно содержательным смыслом. Именно он придал математическому практикуму подлинно вычислительный характер. Задания для первого практикума Андрей Николаевич составил сам. Никакой вычислительной техники тогда на мехмате не было (а о компьютерах вообще никто не слыхивал), и Колмогоров произвёл подлинную революцию, предложив перейти от единственно тогда возможного счёта «на бумажке» к вычислениям с помощью «техники». Он на собственные деньги купил для практикума десять арифмометров «Феликс».

Практикум вводился на втором курсе, но и в следующем учебном (стало быть, 1947/48) году, Колмогоров составил новые, усложняющие предыдущие, задания для третьекурсников, а для новых второкурсников снова составил новые задания! К тому же задания «специализировались»: для студентов кафедры дифференциальных уравнений составлялись одни, а, скажем, для студентов-вероятностников — совсем другие. Несколько лет подряд Колмогоров сам, в одиночку, составлял и просчитывал задания для практикума, предлагая иной раз до пятидесяти вариантов разных числовых параметров. Математический практикум с полным основанием можно назвать детищем Колмогорова, и притом очень им любимым.

Нечего и говорить, что стоило Колмогорову чуть ослабить своё личное участие, практикум начал вянуть и скукоживаться — никто другой просто не в состоянии был поддерживать должным образом и уж тем более развивать это сложное хозяйство. Поэтому в 50-х годах, а особенно в бытность свою деканом (т. е. с 1 ноября 1954 года по 31 января 1958 года) Андрею Николаевичу пришлось снова приводить математический практикум в порядок. Боюсь, что порядок держался не слишком долго.

Ныне математический практикум на мехмате неразрывно связан с компьютерным обеспечением. Это прогрессивно и правильно; более того, иначе и быть не может. Но это с одной стороны. А с другой...

► В 2003 году в московском Международном университете я сам видел первокурсников (москвичей!), не знавших таблицу умножения и даже не знающих, что её надо знать. Зато они могли умножить что хочешь на что хочешь на карманном калькуляторе. ◀

Не без грусти вижу, что современный математический практикум имеет мало общего с тем, что хотел в него вложить Андрей Николаевич. А ведь Колмогоров старался объяснить и студентам, и преподавателям пользу непосредственного владения численными методами и развития любви к вычислениям, а там и вычислительной интуиции. 14 марта 1948 года он писал в стенгазете мехмата:

Общеизвестно и, по-видимому, бесспорно, что пассивное усвоение математической теории бесплодно без систематической тренировки в активном решении математических задач и проблем (от простейших примеров на дифференцирование и интегрирование до попыток решения ещё не решённых научных проблем). На младших курсах такая тренировка осуществляется, прежде всего, на упражнениях, ведущихся по всем основным предметам. <...> Решение большого числа лёгких примеров одновременно всеми студентами группы с вызовом одного из них к доске — система слишком ученическая для старших курсов. <...>

Однако распространённый, особенно среди математиков нашего факультета, взгляд, что единственным достойным высокого положения студента старших курсов видом активной работы является решение настоящих научных проблем, ведущее к самостоятельной «печатной работе», кажется мне чрезвычайно вредным.

Попробовать свои силы на том или ином рубеже известного с неизвестным, на котором уже прошлось несколько исследователей и результаты не валяются зря совсем лёгкие и не найденные только потому, что их никто не искал, и самому передвинуть хотя бы немного этот рубеж — такой опыт самостоятельной работы даёт очень много и в смысле общего развития молодого математика. Ради его приобретения можно иногда и поступиться кое-какими другими сторонами дела. Но для того, чтобы после этой первой пробы не быть осуждённым вечно толочься в случайной области своих первых успехов, студентам, уже приобщившимся к самостоятельному исследованию, не менее других важно активно владеть всеми основными классическими разделами обычного университетского курса: иметь некоторый глазомер насчёт того, например, чего можно ждать от различных методов решения или исследования дифференциальных уравнений, — глазомер, приобретаемый лишь путём практических проб.

В самом Колмогорове соединялись теоретик и практик, математик и естествоиспытатель. Фундаментальные теоретические исследования по созданию аксиоматики теории вероятностей соседствуют у него с работами по теории стрельбы и статистическому контролю качества продукции, а труды по теоретической гидромеханике естественно приводят к участию в многомесячных морских экспедициях для изучения океанических течений. В его статьях, скажем, по теории информации и по стиховедению мы находим, с одной стороны, новые и неожиданные идеи по реконструкции основных представлений теории информации и математически точные формулировки основных понятий теории стиха, а с другой стороны — результаты лично им выполненных статистических обследований текстов. В известной монографии П. С. Александра «Комбинаторная топология»⁹ имя Колмогорова встречается дважды — на с. 483 как имя автора одной из формулировок знаменитого закона двойственности и на с. 22 как имя исполнителя многих чертежей.

Колмогоров обладал и огромной вычислительной интуицией. Вот один из типичных эпизодов: в одной из упомянутых морских экспедиций производились измерения каких-то гидрологических параметров. Колмогорову, возглавлявшему научный отряд экспедиции, были представлены обширные листы с результатами этих замеров, записанных с помощью так называемого писчика (данные непрерывно поставлялись измерительными приборами). Указав на одну из тысяч числовых записей, Колмогоров уверенно сказал: «Вот эта цифра неверная». Это выглядело совершенно невозможным, однако Колмогоров стоял на своём. Повторное измерение показало, что он был прав.

Другой случай привожу по памяти из рассказа Александра Михайловича Обухова, директора Института физики атмосферы АН СССР (и ученика Колмогорова). Могу ошибаться в деталях, но суть помню точно. Обухов с коллегами безуспешно пытался вывести некую формулу — ну, скажем, для истечения энергии через некую поверхность.

⁹ Здесь уместно вспомнить, что Комитет по присуждению Сталинских премий в области науки, членом которого чуть ли не с самого его основания состоял А. Н. Колмогоров, поручил именно ему дать отзыв на эту монографию, выдвинутую на Сталинскую премию 1943 года вместе с циклом статей П. С. Александра по близкой тематике. (Монография «Комбинаторная топология» входила в план издательства физико-математической литературы на 1943 год, но вышла, по не зависящим от автора причинам, лишь в 1947-м.) Этот отзыв теперь опубликован на с. 583—585 книги второй юбилейного издания «Колмогоров». Добавим здесь, что П. С. Александров был действительно удостоен Сталинской премии (первой степени) 1943 года. — *Прим. Н. Р.*

Обратились к Колмогорову. Тот произнёс формулу сразу — что-то вроде «корень квадратный из ..., помноженный на ...». После чего получившему ответ коллективу ещё месяца два пришлось, уже имея в руках формулу, доказывать её справедливость.

Я не смогу лучше, чем это сделали П. С. Александров, И. М. Гельфанд и А. Я. Хинчин на праздновании колмогоровского пятидесятилетия, сформулировать отличительные особенности математического творчества Колмогорова, и перескажу выступления этих выдающихся математиков дальше (в разделе 6, с. 128—130). В глазах значительной (а может, и большей) части математической общественности Колмогоров был в 40—60-х годах XX века первым математиком мира. И сам Колмогоров, по моим ощущениям, осознавал себя в этот период если не первым, то одним из двух первых и не противился параллели с Джоном фон Нейманом. Есть хорошая иллюстрация этой параллели. Раз в четыре года происходит Международный конгресс математиков. Очередной такой конгресс, состоявшийся в Амстердаме в 1954 году, открылся выступлением Дж. фон Неймана, а закрылся выступлением А. Н. Колмогорова. В изданной по следам конгресса книге об этом сообщается:

Thursday, Sept. 2. Opening address by John von Neumann,
03:00 PM in the Concertgebouw;

<...>

Thursday, Sept. 9. Closing address by A. N. Kolmogorov,
02:30 PM in the Concertgebouw.

Обратим внимание на то, что открытие и закрытие конгресса (и думаю, что только эти две церемонии) происходили в самом крупном зале Амстердама, знаменитом Концертгебау. Не знаю, как фон Нейман, но Андрей Николаевич превратил своё выступление в феноменальный научный доклад, в котором прозвучали начала знаменитой КАМ-теории (теории Колмогорова—Арнольда—Мозера), которая и теперь остаётся на переднем крае современной математической науки.

Вот телеграмма, посланная 28 октября 1987 года ректору Московского университета из знаменитого американского Массачусетского технологического института и подписанная «The Laboratory for Computer Science of Massachusetts Institute of Technology»:

PLEASE ACCEPT OUR DEEPEST CONDOLENCES
FOR THE DEATH OF ACADEMICIAN ANDREI
KOLMOGOROV ONE OF THE GREATEST
MATHEMATICIANS OF ALL TIMES AND WHO
SO GREATLY INFLUENCED ALL OF US.

(«Просим принять наши глубочайшие соболезнования по поводу смерти академика Андрея Колмогорова, одного из величайших математиков всех времён, который оказал столь сильное влияние на всех нас».)

Знаменитая Британская энциклопедия («The New Encyclopaedia Britannica») так определяет Колмогорова: «Russian mathematician whose works influenced several branches of modern mathematics» («Российский математик, чьи труды оказали влияние на ряд ветвей современной математики».)

Не знаю, должна ли входить в определение великого математика широта спектра интересов. Мне неоднократно приходилось, и в России и за рубежом, слышать такое высказывание: «Колмогоров внёс вклад во все области математики, кроме теории чисел».

И каждый раз этот вклад был выдающимся.

Математические интересы Колмогорова простирались от таких наиболее абстрактных, пограничных с философией, областей математики, как теория множеств и математическая логика, до таких прикладных её разделов, как небесная механика и математическая статистика. В теории вероятностей он был признанным мировым лидером, «живым воплощением математической теории вероятностей», как писала о нём лондонская «Таймс» 26 октября 1987 года, откликаясь на его кончину. Официальная эмблема Первого Всемирного конгресса по математической статистике и теории вероятностей (конгресса Общества имени Бернулли), состоявшегося в 1986 году, была составлена из символов, введённых в 1933 году Колмогоровым для его аксиоматики теории вероятностей.

Возьмём известную хрестоматию ван Хейеноорта «От Фреге до Гёделя» (*van Heijenoort J. From Frege to Gödel: A Source Book in Mathematical Logic, 1879—1931.* — Harvard University Press, 1967). Хрестоматия входит в серию, каждая из книг которой, как сказано в аннотации к серии, представляет собой «собрание статей, определивших структуру той или иной науки». Хрестоматия ван Хейеноорта посвящена математической логике. Мы найдём в ней английский перевод статьи двадцатидвухлетнего Колмогорова «О принципе tertium non datur» — статьи, охарактеризованной составителем как «первое систематическое изучение интуиционистской логики». Действительно, в этой статье интуиционистская логика впервые сделана предметом математического исследования. Можно добавить, что эта статья была вообще первым отечественным сочинением по математической логике, содержащим математические результаты; в области математической логики у Колмогорова в России ни учителей, ни пред-

шественников не было. Здесь уместно напомнить, что с 1 января 1980 года и до конца своих дней Колмогоров заведовал кафедрой математической логики Московского университета, куда он перешёл с заведования кафедрой математической статистики — «прыжок в длину», который мало кому доступен.

А теперь откроем известную монографию Абрахама и Марсдена «Основания механики» (*Abraham R., Marsden J. E. Foundations of Mechanics.* — 2nd ed. — The Benjamin/Cummings Publ. Co., 1978). Галерея портретов крупнейших учёных в области классической механики, открывающаяся портретом Архимеда, включает и портрет Колмогорова. А упоминавшийся уже его доклад «Общая теория динамических систем и классическая механика» на амстердамском математическом конгрессе 1954 года охарактеризован здесь как важная историческая веха в развитии науки и потому полностью воспроизведён в монографии в виде специального приложения. И это при том, что классическая механика составляла лишь часть интересов Колмогорова в механике — он внёс выдающийся вклад в аэрогидродинамику, став признанным классиком современной теории турбулентности. Некоторые выдающиеся западные авторитеты рассматривают Колмогорова именно как выдающегося механика.

Пожалуй, и впрямь лишь Джон фон Нейман, чей исследовательский спектр также простирался от математической логики до гидродинамики, мог бы сравниться по широте своих математических интересов и занятий с А. Н. Колмогоровым.

В начале пятидесятых годов нередко случалось так, что Колмогоров принимал для беседы (на московской квартире или в Комаровке) одновременно двух своих аспирантов — по гидродинамике и по математической логике. Первым был Гриша Баренблатт¹⁰, вторым — я. Каждый из нас не понимал того, что составляло предмет разговора его научного руководителя с другим аспирантом. Обоих поражала лёгкость, с которой Колмогоров переходил от математической логики к гидродинамике и обратно.

В качестве куратора университетской аспирантуры по математике Колмогоров лично содержательно беседовал со всеми аспирантами — всех математических специальностей — по сути их диссертаций. Никто кроме него не мог и ставить перед собой такой задачи! На механико-математическом факультете Московского университета

¹⁰ Григорий Исаакович Баренблатт ► (1927—2018) ◀ — иностранный член Лондонского Королевского общества, Национальной академии наук США, Американской инженерной академии, Академии искусств и наук США, Академии Европы и ряда других авторитетных научных сообществ мира.

существуют два диссертационных совета по математике — по двум группам математических специальностей; Колмогоров был единственным, кто входил в состав обоих советов. И на защитах диссертаций, я уверен, он был единственным членом совета, который на каждой защите понимал всё, что говорилось.

Среди учеников Колмогорова мы встречаем физика и кибернетика, геофизика и океанолога¹¹. Действительно, Колмогоров больше, чем великий математик, он — великий учёный.

«Великий» — слишком ответственный эпитет, и чтобы уберечь его от намечающегося (уже и увы) процесса девальвации, стоит пояснить, как автор этих строк понимает понятие «великий учёный». По моему разумению, великий учёный — это не просто тот, кто велик в своей области науки — это тот, кто велик в науке в целом. Так, Ивана Петровича Павлова предпочтительнее называть великим (может быть, даже величайшим) физиологом. Ещё пример: Тютчев и Некрасов — великие поэты, а Ивана Андреевича Крылова, при всей его значимости для русской культуры, великим поэтом назвать как-то неудобно, к нему приложимо понятие «великий баc-нописец».

Понятие «великий учёный» предполагает выдающийся вклад в науку в целом и потому имеет некий оттенок космичности. Среди российских учёных такому критерию удовлетворяют, на мой взгляд, трое: Михаил Васильевич Ломоносов, Дмитрий Иванович Менделеев и Андрей Николаевич Колмогоров. (Возможно, к этому списку следует добавить и четвёртого — Александра Леонидовича Чижевского, но моих знаний хватает лишь на то, чтобы восхититься смелостью и разнообразием его открытий, но не на то, чтобы оценить их достоверность.)

Универсальность Ломоносова общеизвестна.

А Менделеев не только дал миру «таблицу Менделеева», но внёс вклад в метрологию (и был учёным хранителем Палаты мер и весов); он успешно создавал бездымный порох и проводил критический анализ спиритических опытов; он разработал экономически обоснованную программу добычи полезных ископаемых; его волновали проблемы речного судоходства и освоения Северного морского пути; он в одиночку поднимался на аэростате; действительным членом

¹¹ Колмогоров любил повторять, что один из его учеников заведует атмосферой, а другой — океанами: имелись в виду директор Института физики атмосферы академик Александр Михайлович Обухов и директор Института океанологии член-корреспондент (впоследствии академик — *Прим. Н. Р.*) Андрей Сергеевич Монин.

Российской академии наук (в его времена она называлась Императорской Санкт-Петербургской) его не избрали (он состоял лишь членом-корреспондентом), но вот действительным членом Императорской академии художеств Менделеев был.

Колмогоров на аэростате не поднимался, но участвовал в качестве научного руководителя в двух больших океанических экспедициях на научно-исследовательском судне «Дмитрий Менделеев» Института океанологии АН СССР: атлантической с июня по сентябрь 1969 года (по маршруту Калининград — Рио-де-Жанейро — Калининград) и атлантическо-тихоокеанской с января по май 1971 года (по маршруту Калининград — Панамский канал — Владивосток). В этих экспедициях он открыл слоистую структуру мирового океана и стал обладателем специального мореплавательского удостоверения, так называемой матросской книжки, каковым обстоятельством гордился больше, чем иными из полученных им наград.

Если задаться вопросом, сколько почётных членов Американского метеорологического общества одновременно являются исследователями русского стиха, то напрашивается ответ: «Ноль». Однако такой ответ будет поспешен, потому что Американское метеорологическое общество избрало Колмогорова своим почётным членом в признание его заслуг в метеорологии, а по мнению компетентных филологов он входит в плеяду крупнейших российских стиховедов. Кстати, у великого русского филолога современности Михаила Леоновича Гаспарова Колмогоров был оппонентом по докторской диссертации в области стиховедения.

Возвращаясь к разговору о падеже. Грамматические справочники указывают четыре падежа для немецкого языка, шесть — для русского (более тонкий анализ увеличивает это количество по меньшей мере до восьми), четырнадцать — для финского. Однако остаётся не вполне ясным, каких именно сущностей четыре в немецком, шесть или восемь (а то и больше) в русском, четырнадцать в финском. Короче говоря, встаёт вопрос об определении понятия «падеж». Традиционные грамматики не дают такого определения, а ограничиваются примерами и расплывчатыми описаниями. Первое научное определение падежа принадлежит Колмогорову. Опубликовано мною в 1957 году (потому что в 1956 году Колмогоров сообщил его мне — причём, что для него характерно, мимоходом), оно затем было уточнено и развито великим лингвистом Андреем Анатольевичем Зализняком.

В своих мемуарах профессор Московского университета языковед Пётр Саввич Кузнецов пишет, что Колмогоров, «который ещё

будучи студентом занимался историей... и который... путешествовал по Пинеге и в её верховьях, высказал предположение, что колонизация [т. е. заселение. — *В. У.*] в верховья Пинеги шла с Северной Двины (от Верхней Тоймы) на восток через водораздел, а не по реке от впадения её в Двину. Если так, то граница Восточной и Поморской группы северорусских говоров должна была проходить севернее, чем предположительно проведена на карте МДК [Московской диалектологической комиссии. — *В. У.*], и верховья Пинеги должны входить в Восточную группу. Оказалось, что так и есть».

Не припоминаю, чтобы Колмогоров когда-либо говорил со мной о верховьях, но вот о низовьях Пинеги говорил: он подробно рассказывал о приёмах, применяемых поморами при управлении лодками в устьях рек в условиях приливной или отливной волны. Он вообще знал совершенно неожиданные вещи, причём знал очень точно и полно. Иногда возникало впечатление, что он знает всё.

Обратим внимание на упоминание П. С. Кузнецова о том, что Колмогоров ещё будучи студентом занимался историей. Приведу в связи с этим ещё одну цитату из воспоминаний — на этот раз из воспоминаний самого Колмогорова:

Семи лет меня определили в частную гимназию Е. А. Репман¹² в Москве. <...> Одно время я мог заниматься математикой на класс старше, чем другими предметами. Впрочем, на время интерес к другим наукам взял верх. Первое большое впечатление силы и значительности научного исследования на меня произвела книга К. А. Тимирязева «Жизнь растений». Потом вместе с одним из своих друзей (Н. А. Селивёрстовым) я увлёкся историей и социологией. Увлечение это было настолько сильным, что самым первым научным докладом, который я сделал в семнадцатилетнем возрасте в Московском университете, был доклад в семинаре профессора С. В. Бахрушина о новгородском землевладении. В докладе этом, впрочем, использовались (при анализе писцовых книг XV—XVI веков) некоторые приёмы математической теории.

Долгое время считалось, что результаты исторических исследований Колмогорова безвозвратно утеряны. Однако при разборке домашнего архива Колмогорова, уже после его смерти, среди многочисленных бумаг были обнаружены и рукописи по истории Новгорода. Над этими рукописями их автор работал с ноября 1920 года по январь 1922 года.

¹² Особенностью этой гимназии было совместное обучение мальчиков и девочек (по программе мужских гимназий). — *В. У.*

Таким образом, первым научным сочинением Колмогорова (если считать по времени начала работы) было исследование по истории!

В 1994 году работы Колмогорова по истории были опубликованы его учеником Леонидом Александровичем Бассальго и вышли отдельным изданием под названием «Новгородское землевладение XV века». Л. А. Бассальго не только тщательно подготовил рукопись к печати и снабдил её своими комментариями, но и дополнил некоторыми собственными статистическими исследованиями, проведёнными на основе тех же, колмогоровских, числовых данных. Известный историк и наиболее авторитетный специалист по истории Новгорода академик Валентин Лаврентьевич Янин консультировал Л. А. Бассальго и написал к книге предисловие, в котором, в частности, сказано: «Некоторые наблюдения А. Н. Колмогорова способны пролить свет на источники, обнаруженные много десятилетий спустя после того, как он вёл своё юношеское исследование».

Выступая 15 декабря 1989 года на вечере памяти А. Н. Колмогорова в Московском доме учёных, В. Л. Янин так охарактеризовал историческое исследование Колмогорова: «Эта юношеская работа в русле исторической науки занимает место, до которого её [исторической науки] развитие ещё не докатилось. Будучи опубликованной, она окажется впереди всей исторической науки. Молодой автор не испугался большого массива данных и в 17 лет взялся за его обработку, проявив себя независимым учёным. Два вопроса, по сию пору считавшихся нерешёнными, были, как теперь выяснилось, решены в работе Колмогорова. Во-первых, это вопрос о том, кто такие упоминаемые в писцовых книгах „люди“; ответ Колмогорова: работающие люди. Во-вторых, это вопрос о том, что есть так называемая „обжа“, является ли она единицей размера земельного участка или же единицей труда, затрачиваемого на обработку этого участка; ответ Колмогорова: обжа не является ни тем, ни другим — она служит для оценки доходности земельного участка».

Столь непропорционально подробно о колмогоровских нематематических исследованиях я пишу с целью продемонстрировать уникальную широту интересов и научных занятий Колмогорова, что и позволяет, по моему убеждению, говорить о Колмогорове как о великом учёном, а не только как о великом математике. И потом, эти исследования менее известны широкой публике, справедливо воспринимающей Колмогорова как математика и несправедливо только как математика.

Широта спектра научных интересов была у Колмогорова отражением широты диапазона его интересов и занятий вообще. Он был

глубокий знаток и ценитель литературы, музыки и живописи, скульптуры и архитектуры. Но прежде всего — мыслитель. Одновременно — прекрасный лыжник, превосходивший многих своих учеников на дальних расстояниях и поднимавшийся на так называемых полугорных лыжах (спортивными горными он никогда не пользовался) на возвышающийся над Бакуриани хребет Цхра-Цхарó¹³ (который он сам называл «хребтиком»), умелый и опытный гребец, участник многих водных и горных путешествий.

Он был по натуре своей именно путешественник в старомодном, «географическом» значении этого слова. Его путешествия по воде и суше были поучительны и для него самого, и для окружающих. Как-то мы с А. А. Зализняком и Е. В. Падучевой совершили трёхдневную прогулку по дальнему Подмосквью, и многое из увиденного нас так озадачило, что мы просто не смогли понять того, что сами же видели. Когда при случае мы рассказали об этом Колмогорову, он по словесным описаниям всё понял и нам разъяснил, поскольку, оказалось, хорошо знал именно эти места. Правда, для него любые места оказывались «именно этими».

Вообще, какие бы только что узнанные мною экзотические сведения я ему ни сообщал — касались ли они геральдики или шахматной литературы, — обнаруживалось, что он это уже знал.

О геральдике. Для меня было неожиданностью, что на гербе правой и левой сторонами считается не то, что мы видим, а наоборот: это потому, что герб рисовался на щите и рассматривался с точки зрения щитоносца. Оказалось, Андрей Николаевич знал и об этом.

О шахматной литературе. Кто сейчас знает «Руководство к изучению шахматной игры» Жана Дюфрени? Книга эта, вышедшая в русском переводе (с немецкого издания) в конце XIX века, случайно сохранилась в отцовской библиотеке. Стоило мне заговорить с Колмогоровым о шахматах, как одним из первых произнесённых им слов оказалось «Дюфрени» — и он пересказал мне содержание учебника.

Более того, создавалось впечатление, что практически любой вопрос Колмогоров знал лучше собеседника, если даже этот вопрос в приоритетах собеседника занимал одно из первых мест, а у Колмогорова, казалось бы, должен был находиться где-то на периферии. Когда мы с Баренблаттом после бесед «втроём, но по двое» возвращались от Колмогорова, мы оба поражались не только той лёгкости, с какой он переключался с одной темы на другую (а каждый из нас, напоминая, тему другого представлял более чем смутно), не только

¹³ Впоследствии я узнал, что на местном диалекте грузинского языка название хребта означает «Девятый источник».

глубиной его проникновения, но и тем, что он лучше нас помнил, на чём прервалась беседа неделю или две назад, — и это при том, что каждый из нас занимался обдумыванием своей проблемы как главным делом, а у него были, понятно, и другие заботы.

Я с детства любил Гумилёва и самоуверенно полагал, что неплохо его знаю. И действительно, я знал почти все его сборники. Как-то в 1984 году я приехал на «дежурство» к Колмогорову в санаторий «Узкое» — к этому времени он уже года три не мог на прогулке обходиться без посторонней помощи. В санаторном парке мы заговорили о поэзии, и я назвал Гумилёва в качестве одного из любимых поэтов. Он сразу же процитировал: «Из-за свежих волн океана красный бык приподнял рога. И бежали лани тумана под скалистые берега». Я не знал этих строк. «Гумилёв. Поэма „Дракон“», — сказал Колмогоров и потерял значительную часть интереса к беседе со мной. Каким-то образом эта поэма (а более точно — первая часть задуманной Гумилёвым двенадцати-частной «Поэмы начала») не отложилась в моей памяти. Именно в неё Колмогоров и сунул меня носом с первого же попадания. Надо сказать, Андрей Николаевич всегда несколько недоверчиво относился к тому, что его собеседник любит поэзию и такого-то поэта, и всегда просил прочесть наизусть несколько строчек из поэта, объявленного любимым. Не все выдерживали столь суровое испытание.

Я никогда не встречал человека, ведущего более полноценную жизнь, чем Колмогоров. Профессиональные занятия математикой, и притом на высшем доступном человеческому интеллекту уровне, гармонически сочетались с чтением стихов¹⁴, созерцанием картин, слушанием музыки, путешествиями, высокой физической культурой —

¹⁴ Вслух (на моей памяти) он читал стихи редко (если не считать профессиональных занятий со своими сотрудниками стиховедением), но чрезвычайно замечательно. Помню вечер в Комаровке осенью 1955 года — едва ли не единственный вечер, когда я остался там ночевать при жизни Колмогорова. Антресоли Комаровского дома. Мне только что была показана картинка с подписью «Гусепёсий дом плывёт по реке времён». «Гусь» — это сам Колмогоров, «пёс» — это П. С. Александров; полагаю, что картинка была нарисована Колмогоровым. (На других картинках, заведомо нарисованных Колмогоровым, Александров изображён в виде пса, а сам Колмогоров в виде гуся или даже гусёнка.) Колмогоров читает мне «Отрывки из посланий» из волошинского сборника «Иверни»: «Я соблюдаю обещанье и замыкаю в чёткий стих моё далёкое посланье. Пусть будет он, как вечер, тих...».

И ещё о стихах. Как-то — это было в шестидесятых, когда Колмогоров занимался теорией стиха, — я выразил удивление, что ему может нравиться Маяковский. Колмогорову не понравилось моё высказывание. С раздражением он сказал: «Вы, конечно, имеете точку зрения, какие поэты мне должны нравиться, а какие нет. А я просто люблю хорошие стихи и не люблю плохие».

именно культурой, а не спортом: состязательным спортом Колмогоров не занимался никогда¹⁵. Помню, как в период работы школы-семинара «Сложность задания и сложность описания конечных объектов», проходившей под руководством А. Н. Колмогорова с 14 по 25 марта 1973 года в Цахкадзоре (Армения) за месяц до его семидесятилетия, он купался на моих глазах в горном озере, знаменитом Севане, разложив одежду на заснеженных камнях. Правда, поплавав (не столь уж недолго), он вылез из воды слегка недовольный и объявил, что ему было холодно, что он стал стар и что отныне для зимних купаний он будет прибавлять по градусу каждый год.

Когда становилось всё более ясно, что у Андрея Николаевича болезнь Паркинсона, я нашёл в 3-м издании Большой советской энциклопедии статью «Паркинсонизм» и посмотрел, кто её автор. Им оказался профессор Э. И. Кандель. Его я и привёз в начале ноября 1980 года к Колмогорову. Точнее, это он привёз меня, сев за руль собственного автомобиля. По дороге я объяснил Эдуарду Израилевичу, что мы едем к престарелому академику, и он, видимо, настроился соответствующим образом. Профессор Кандель был слегка ошарашен, услышав на стандартный вопрос врача пациенту «Что вас беспокоит?» ответ: «Я стал испытывать затруднения при плавании на спине». И когда у Андрея Николаевича ухудшилось зрение, его поначалу больше всего волновало, что он не видит лыжню.

Личная познавательная и физическая деятельность сопровождалась у Колмогорова деятельностью социальной. Он не уклонялся ни от поста академика-секретаря Отделения физико-математических наук Академии наук, ни от поста директора университетского Научно-исследовательского института математики и механики¹⁶, ни от деканства на механико-математическом факультете, ни от заведования отделением математики на этом факультете. Я не застал его академиком-секретарём (он был им с 1939 по 1942 год); мне известна лишь такая деталь: на этой должности он произвёл переполох в Симеизской астрономической обсерватории, когда обнаружилось, что человек, спустившийся с гор с рюкзаком и в шортах, — академик-секретарь Отделения физико-математических наук, явившийся отчасти их инспектировать.

¹⁵ Но свою телесную выучку очень ценил. Помню, он вернулся с горнолыжного курорта (сам, повторяю, спортивными горными лыжами он не пользовался) с рукой, сломанной в области кисти при катании на горе. Он счёл нужным объяснить мне, что, разумеется, умеет так падать, чтобы ничего не сломать, но что на него наехал другой лыжник (кажется, как раз на горных лыжах) и тут уж он не виноват.

¹⁶ До создания на мехмате отделений математики и механики все аспиранты факультета числились при этом НИИ.

А уже в послевоенные годы Колмогоров шёл с рюкзаком от подмосковной станции Тарасовка в Комаровку лесом, и по дороге, в этом лесу, его ограбили. Грабителей вскоре поймали. Они, говорят, сильно удивились, узнав, что ограбленный — академик. Более того, они были возмущены, считая ситуацию нечестной: академик должен выглядеть и вести себя, как академик, и тогда бы — с полной искренностью заверяли грабители — им бы и в голову не пришло его грабить. Андрею же Николаевичу нравилось, что он не выглядел академиком. Он не без удовольствия рассказывал (рассказ свидетельствует, что моему великому учителю не были чужды маленькие человеческие радости) о следующем эпизоде. Однажды во время пребывания на юге в санатории или доме отдыха его соседом по столу в столовой оказался некий майор. Тогда были трудности с приобретением обратных билетов. Майор объявил Колмогорову, что ему, майору, билет непременно достанется, а вот достанется ли Колмогорову — это очень сомнительно. Каково же было удивление майора, когда выяснилось, что дефицитный билет достался как раз Колмогорову!

О тех административных должностях, коим я был свидетель, могу сказать: Колмогоров пребывал на них чрезвычайно содержательно, отдавая этой работе частичку себя. К счастью, не всего себя. Чувство соразмерности никогда его не покидало. Никакие административные обязанности не прерывали его личного математического творчества. На период деканства (1.11.1954—31.01.1958) приходятся напряжённые размышления Колмогорова над тринадцатой проблемой Гильберта о суперпозициях непрерывных функций, размышления, увенчавшиеся выдающимися результатами. По-видимому, деканство и наука временами вступали в противоречие. Как-то раз Колмогорова ждали в деканате на какое-то совещание, которое он должен был проводить, а он так и не явился: просто-напросто не приехал из Комаровки в Москву. Убеждён (хотя и не имею доказательств): это случилось потому, что он не захотел прервать ход мысли. Отдаю себе отчёт, что этот эпизод может произвести неоднозначное, как теперь модно говорить, впечатление, и кое-кто обвинит Колмогорова в неуважении к собравшимся и к своим обязанностям. Думаю, однако, что когда гений действует именно в качестве гения, он не подлежит обычному мирскому суду (аналогия: папа римский непогрешим не вообще, а именно когда он выступает в качестве папы *ex cathedra*). Л. С. Понтрягин в своём *Жизнеописании*¹⁷

¹⁷ Закурсивленное слово *Жизнеописание* служит для указания книги: Л. С. Понтрягин. *Жизнеописание Льва Семёновича Понтрягина, математика, составленное им самим.* — М.: ИЧП «Прима В», 1998.

на с. 21—22 осуждает поведение Колмогорова, хотя в одном месте правильно, на мой взгляд, понимает причину его поведения:

Хочу отметить ещё одну отрицательную черту колмогоровского характера, с которой сталкивались, я думаю, все, имевшие с ним дело. Это — неконтактность. Беседуя с человеком, Колмогоров очень часто вдруг прекращал разговор, просто отвернувшись и уйдя в сторону без всякого предупреждения. Я замечал это много раз. На всех эта манера разговаривать производила, конечно, крайне неприятное впечатление. Она воспринималась как пренебрежение, презрительное отношение к собеседнику. В действительности же, возможно, было совсем другое. Колмогоров внезапно отрывался мыслью от разговора и перескакивал для себя на другую тему¹⁸.

Особенно забавен случай разговора Колмогорова с академиком Петром Петровичем Лазаревым¹⁹ в начале пребывания на посту академика-секретаря Отделения [физико-математических наук]. Желая представиться новому академику-секретарю, Пётр Петрович Лазарев подошёл к нему и сказал: «Я — академик Пётр Петрович Лазарев». Колмогоров, не отвечая ничего, отвернулся и пошёл прочь. Лазарев повторил свою попытку ещё два или три раза, и, наконец, Колмогоров сказал ему: «Ну, чего Вы хотите? Я и так знаю, что Вы — Пётр Петрович Лазарев. Чего Вам надо?»²⁰. И снова пошёл прочь. Быть может, той же неконтактностью объясняется и то, что Колмогоров весьма непедантично относился к своим обязанностям. Так, будучи членом редакции «Математического сборника», он в течение последних семнадцати лет пребывания в редакции в самом точном смысле ни одного раза не был на заседании редакции.

Колмогоров является членом комиссии по Чебышевским премиям, председателем которой состою я. Так как для принятия

¹⁸ С этим объяснением я согласен. — В. У.

¹⁹ Пётр Петрович Лазарев (1(13).04.1878—23.04.1942) — российский и советский физик, биофизик и геофизик, академик АН СССР с 1917 года, причём стал первым академиком, постоянно работавшим в Москве (до этого в академики избирались лишь те, кто проживал в Петербурге). В 1918 году организовал издание журнала «Успехи физических наук» и стал его первым главным редактором. — В. У.

²⁰ Полагаю, что подлинные слова Колмогорова были менее грубыми. Понтрягину — скорее всего, подсознательно — было нужно подтвердить свои слова: «...Очень часто он бывает неоправданно груб с собеседником. Я знаю это по себе» (*Жизнеописание*, с. 22). Здесь я не могу согласиться с Понтрягиным, хотя допускаю, что именно с ним Колмогоров мог быть груб, что как раз было оправдано. — В. У.

решений комиссии необходим кворум, присутствие каждого члена комиссии весьма важно.

Несмотря на все усилия, я никогда не бывал уверен, что Колмогоров явится на заседание. <...> В другой раз он просто не явился, несмотря на то, что обещал сейчас прийти, а пришёл часом позже на заседание другой комиссии.

Постараюсь прокомментировать последнюю фразу из приведённой цитаты. К сотрудничеству с Институтом проблем передачи информации АН СССР меня привлёк мой друг Роланд Львович Добрушин, незадолго до внезапной смерти в 1965 году основателя Института А. А. Харкевича и назначения в 1966 году директором В. И. Сифорова. Педантичный Сифоров рассказывал Добрушину, что количество его обязанностей равняется девятиности шести. Не без иронии Добрушин говорил мне, что Сифоров гордился как этой цифрой, так и тем, что он старается с равномерной добросовестностью выполнять эти обязанности, в частности присутствовать на различных заседаниях. Колмогоров был устроен явно по-другому. Вряд ли он знал, сколько у него обязанностей, а при выборе того из накладывающихся друг на друга мероприятий, на которое он пойдёт, выбирал то, которое казалось ему действительно существенным. Как-то я попросил его пойти на заседание некой коллегии и выступить там. Он мне ответил примерно так: «Я никогда туда не хожу и надеюсь, что меня, наконец, выведут из этого органа. Моё появление вызовет большое удивление и может повредить делу. Лучше я напишу туда письмо, оно как раз может подействовать в желаемом направлении». Колмогоров оказался прав.

На мой взгляд, Колмогоров не смог вписаться в систему ни в роли академика-секретаря и члена Президиума Академии, ни в роли декана. И в этой неписываемости — одно из его достоинств. Что же касается уважения к людям, то как раз здесь Андрею Николаевичу были присущи высокие степени уважительности и демократизма (этому я приведу свидетельства когда, например, буду рассказывать о письмах Колмогорова).

Однако административные должности Колмогорова составляли лишь малую толику социального аспекта его жизни. Ему было в высшей степени безразлично, как происходит обучение новых математиков. Он создавал новые программы, новые лекционные курсы. Так, он учредил обязательный курс математической логики для студентов-математиков МГУ и сам впервые его прочёл весной 1972 года. Точно так же ранее именно он ввёл и тоже первым прочёл сразу ставший знаменитым на мехмате курс «Анализ-III».

Я не останавливаюсь здесь на научно-методической и преподавательской деятельности Колмогорова просто потому, что это слишком большая тема, требующая совершенно отдельного изучения.

Точно так же отдельного изучения заслуживает его работа со школьниками. Знаменитая физико-математическая школа-интернат № 18 при МГУ, которую все сразу стали называть Колмогоровской, была открыта в 1963 году в результате его усилий. Впоследствии имя А. Н. Колмогорова было присвоено школе-интернату официально²¹. Все ли помнят, что он лично там преподавал в качестве школьного учителя? Вот его расписание на 1963/64 учебный год: среда — начало в 9 часов 25 минут и далее пять уроков; четверг — начало в 15 часов, далее одна лекция (Колмогорову принадлежала сама идея замены некоторых уроков лекциями) и кружок; пятница — начало в 9 часов 25 минут и далее три урока.

Впервые я оказался в Колмогоровской школе в четверг 20 февраля 1964 года. Отдельные моменты этого моего посещения ярко врезались мне в память. Прежде всего, незабываемо само созерцание великого учёного, боком входящего в девятый, помнится, класс с классным журналом под мышкой. На последовавшей затем перемене великий учёный выслушал два сообщения. Первое от завуча: приближается конец четверти, а у него чуть ли ни половина класса не аттестована; Колмогоров характерным для него жестом вскинул руки и сказал: «Ах, батюшки!» — полностью признав свою вину. Второе от завхоза: назначен сбор металлолома, и потому следующее его занятие откладывается, пока металлолом не будет собран; Колмогоров терпеливо стал ждать начала своего занятия и не протестовал против внезапно возникшего окна.

А издательское служение Колмогорова, в котором он ни в малейшей степени не был «свадебным академиком»! Возглавление (с 1946 по 1952 год) математической редакции Издательства иностранной литературы (ныне издательство «Мир»). Многолетнее редактирование журнала «Успехи математических наук». Основание журнала «Теория вероятностей и её применения», первого нашего журнала, посвящённого не вообще всей математике, а одной её конкретной

²¹ Имя было присвоено распоряжением Совета Министров РСФСР № 333-р от 19 апреля 1989 года. Полное название: «Средняя специализированная школа-интернат физико-математического профиля № 18 имени академика А. Н. Колмогорова». (Сейчас название знаменитой школы вновь изменилось — она теперь является подразделением непосредственно университета и называется «Специализированный учебно-научный центр МГУ — школа имени А. Н. Колмогорова». — *Прим. Н. Р.*)

области. Основание совместно с академиком И. К. Кикоиным физико-математического журнала для школьников «Квант» и возглавление его математического отдела. Одна только деятельность Колмогорова по изданию энциклопедий заслуживает отдельного очерка. Возглавление математической редакции при 2-м (а отчасти и при 1-м) издании Большой советской энциклопедии и одновременно, как я понимаю, при 3-м (а отчасти и при 2-м) издании Малой советской. При этом Колмогоров сам написал более ста блестящих статей для этих энциклопедий. Если статьи для Большой энциклопедии ещё как-то можно атрибутировать, то со статьями, скажем, для 2-го издания Малой советской дело обстоит почти безнадежно — а ведь и там есть колмогоровские.

Надо сказать, что жанр энциклопедической статьи — едва ли не самый сложный из литературных жанров (сложнее, вероятно, лишь жанр ещё более короткой и ёмкой статьи для толкового словаря). Я помню колмогоровскую лекцию о том, как надо писать статью для энциклопедии. Если заглянуть во 2-е издание Большой советской энциклопедии, то увидим, что энциклопедическая статья начинается с названия статьи, за которым идёт тире, затем дефиниция и затем точка; дефиницией как раз и называется текст, идущий сразу вслед за тире и до ближайшей точки. В минимальном случае статья может этим и исчерпываться. Если же автору статьи дают ещё место, то, учил Колмогоров, следует написать несколько фраз, доступных человеку с начальным образованием. Если допустимый объём исчерпан, этим и следует ограничиться. Если же объём позволяет, надо написать абзац, требующий уже семиклассного образования, затем — десятиклассного (тогда это было полное среднее). Если статья достаточно большая, можно перейти к сюжетам, предполагающим образование высшее, а в конце — даже требующим специальных знаний. Наконец, при очень большом объёме и в самом конце автор в качестве премии самому себе может поместить текст, который понимает он один. Эта лекция — одна из многочисленных публичных лекций (и докладов) Колмогорова, которые он читал на самые разные темы.

И выступления с публичными лекциями; и преподавание в школе-интернате; и писание учебников, энциклопедических статей, предисловий к переводным книгам (за отбором которых он следил); и редактирование журналов; и составление новых учебных программ; и учреждение новых лекционных курсов, кафедр, лабораторий, журналов; и принятие на себя руководства отделением в Академии наук, редакциями в издательствах, различными подразделениями в универ-

ситете; и многое другое — всё это свидетельство того достоинства Колмогорова, которое почти физически, как и гениальность, им излучалось — его чувства личной ответственности за то, что вокруг него происходит.

Эти три соединённые вместе качества — гениальность, постоянное стремление к духовному и телесному совершенству (как бы конструирование себя совершенной личностью), чувство личной ответственности — и определяли уникальность Колмогорова.

3. Колмогоров — оратор

Колмогоров как оратор — это отдельный и непростой сюжет. Непростой потому, что здесь придётся сказать, что понимать его было довольно трудно — даже в личной беседе, но в личной беседе ещё можно было переспросить. В большой аудитории это было сделать сложнее. Меж тем сам Колмогоров всегда предполагал наличие у собеседника или слушателя интеллекта, равного своему. Это было следствием уважительного отношения к другому, следствием того «дворянского чувства равенства со всем живущим», о котором писал Пастернак²²: Колмогоров как бы считал, что мир населён Колмогоровыми. Поэтому его лекции для школьников были доступны (не по терминам и понятиям, а по логике рассуждений) скорее старшекурсникам, чем школьникам (и с интересом первыми воспринимались). Его лекции для аспирантов с интересом и пользой для себя слушали доктора наук, доклады же для докторов не понимал никто, кроме докладчика. Разумеется, в сказанном много преувеличения, это скорее пересказ расхожего мнения, чем констатация факта. Однако расхожее мнение не было лишено оснований.

Помнится, я читал чьи-то воспоминания о разговоре Андрея Белого с Пастернаком — присутствующий при разговоре автор воспоминаний всё слышал, но ничего не понимал. Только потом он догадался, что великие собеседники просто опускают те фразы, те логические переходы, которые кажутся им очевидными и потому избыточными и которые обычные люди никогда не опускают. Нечто подобное происходило с Колмогоровым и теми, кто его слушал. Нередко после его докладов они выясняли друг у друга, кто что понял, и результаты оказывались плачевными.

Тем более удивительно, что впечатление от публичных выступлений Колмогорова было всегда ошеломляющим. Список тем этих

²² «Доктор Живаго», I, 4.

выступлений поражает своим разнообразием. Достаточно взглянуть на перечень²³ его докладов (а их более ста!) на заседаниях Московского математического общества. Неоднократно выступал он также на секциях этого общества — секции средней школы и созданной по его инициативе секции теории вероятностей и математической статистики. Так, 18 октября 1961 года на секции теории вероятностей и математической статистики ММО Колмогоров выступил с докладом «Совещание по применению математических методов в изучении языка художественных произведений в городе Горьком». А 20 февраля 1964 года на заседании секции средней школы состоялся его доклад о работе физико-математической школы-интерната.

Первым докладом Колмогорова, который я слушал и даже (правда, весьма неразборчиво) записал, был доклад «Теория и практика в работах П. Л. Чебышева», сделанный 17 января 1951 года на методологическом семинаре механико-математического факультета МГУ; в этом докладе Колмогоров, в частности, возражал против одностороннего выпячивания вычислительной стороны в работах Чебышева и подчёркивал, что Чебышев создавал и новые логические схемы. А первый из прослушанных мною (и столь же неразборчиво записанный) его докладов на Московском математическом обществе назывался «Алгебра двузначных функций двузначных переменных и её применение к теории релейно-контактных схем» и был сделан 27 ноября 1951 года. В этот день мне исполнился двадцать один год, и я рассматривал происходящее как подарок себе на день рождения. Думаю, что это был первый в нашей стране доклад на такую, сильно развившуюся с тех пор тему в представительной математической аудитории. В обсуждении участвовали Пётр Сергеевич Новиков, Михаил Александрович Гаврилов (только что выпустивший монографию «Теория релейно-контактных схем»²⁴), Виктор Иванович Шестаков (доцент одной из физических кафедр МГУ, в январе 1935 года, т. е. за три года до известной публикации Клода Шеннона 1938 года, написавший рукопись «Алгебра релейных схем»; первая публикация Шестакова на эту тему появилась, однако, лишь в 1941 году.).

Полагаю, что и доклад «О понятии „информации“ в математической статистике и в шенноновской теории передачи информации»,

²³ Такой перечень можно найти, например, на с. 277—283 1-й книги («Библиография») юбилейного издания «Колмогоров». — *Прим. Н. Р.*

²⁴ Тогда я ещё не знал, что эта книга, написанная инженером для инженеров и потому для меня трудная прежде всего психологически, будет мне через год назначена Колмогоровым в качестве основного материала для сдачи одного из кандидатских экзаменов.

сделанный Колмогоровым в Московском математическом обществе 8 декабря 1953 года, был первым в нашей стране публичным докладом в данной области, а именно в области теории информации. Сам термин «теория информации» находился тогда почти что под запретом, поскольку ассоциировался с кибернетикой, имевшей в те годы статус буржуазной лженауки. Знаменитая статья Шеннона 1949 года «Математическая теория связи» («The mathematical theory of communication») была стыдливо названа в русском переводе «Статистическая теория передачи электрических сигналов» ещё в 1953 году. А сама теория информации называлась «теорией передачи электрических сигналов при наличии помех» — именно так был назван сборник, содержащий указанный перевод и изданный Издательством иностранной литературы в 1953 году. Сборник этот вышел под редакцией некоего Николая Андреевича Железнова, который следующим образом обеспечил себе место в истории теории информации в СССР: при публикации перевода статьи Шеннона он не только извратил её название, но также опустил — по всей видимости, как идеалистические — существенные её части, в том числе полностью § 3 и приложение 7. Это печальное обстоятельство привело ко многим недоразумениям. Так, А. Н. Колмогоров, знакомясь со статьёй Шеннона по указанному переводу, самостоятельно пришёл к некоторым утверждениям и идеям и только потом узнал, что они уже содержались у Шеннона — как раз в опущенных местах.

Разумеется, в пятидесяти основных томах второго издания Большой советской энциклопедии не могло найтись место таким словам, как «Винер», «Информация», «Кибернетика» и т. п. В 1958 году был выпущен дополнительный, 51-й том, куда вошли все эти статьи. Колмогоров написал для 51-го тома статьи «Информация» и «Кибернетика» (на подготовительном этапе написания этой последней ему помогали Вячеслав Всеволодович Иванов, Михаил Константинович Поливанов и я, в свою очередь написавшие для того же тома статью «Винер»). Как мне рассказывал впоследствии Андрей Николаевич, выход 51-го тома был задержан на некоторое время, поскольку само название статьи «Информация» вызвало озабоченное внимание ведомств, прикосновенных к информации.

Погружение Колмогорова в проблематику кибернетики и теории информации перекликалось с его давним интересом к формальным (читай: строгим, математическим) методам в филологии. Поэтому, когда осенью 1956 года на филологическом факультете Московского университета открылся первый в нашей стране семинар по математической лингвистике под руководством Петра Саввича Куз-

нецова²⁵, Вячеслава Всеволодовича Ива́нова и моим, я обратился к Андрею Николаевичу за напутствием и советом. Он поддержал идею семинара и посоветовал предложить его участникам две задачи для самостоятельного решения. Каждая из них состояла в том, чтобы дать формальное определение некоторого филологического понятия: в одной задаче требовалось это сделать для понятия «ямб», в другой — для понятия «падеж». Колмогоров не стал дожидаться этих определений от меня, а сформулировал их сам. На первом же занятии семинара, состоявшемся 24 сентября, обе колмогоровские задачи были предложены в качестве домашнего задания.

19 мая 1959 года ректор Московского университета Иван Георгиевич Петровский созвал совещание по вопросу о создании на филологическом факультете отделения (точнее, специальности) по прикладной лингвистике. Колмогоров принял участие в этом совещании и высказывался на нём несколько раз. Предложение Колмогорова состояло в том, чтобы создать смешанную группу из студентов старших курсов как филологического, так и механико-математического факультета; группа должна была специализироваться по прикладной и математической лингвистике, состоять при филологическом факультете и иметь шестилетний срок обучения. Однако, внося это предложение, Колмогоров несколько наивно предполагал, что филологический факультет, подобно мехмату, делится прежде всего на два отделения — литературоведения и языковедения, а создаваемое отделение прикладной лингвистики мыслится как часть отделения языковедения. Так, впрочем, как оказалось, думал и ректор Петровский. Для них обоих было полной неожиданностью узнать на совещании 19 мая, что литературоведение и языковедение на филологическом факультете перемешаны и разделены не по предмету исследования, а по группам языков. Мне выпала сомнительная честь сообщить им истинное положение вещей (оба даже несколько растерялись). Колмогоров тогда энергично поддержал моё предложение о необходимости обязательного курса математики для всех студентов-лингвистов — дело, не осуществлённое до сих пор. Что касается ежегодного числа студентов, то оно, по позже высказанному мнению Колмогорова, должно быть порядка нескольких десятков; в качестве основания для такого мнения Андрей Николае-

²⁵ С профессором филологического факультета МГУ П. С. Кузнецовым я познакомился через Колмогорова. Пётр Саввич был четырьмя годами старше Андрея Николаевича и ещё до его рождения воспитывался в доме его деда; всю последующую жизнь они сохраняли дружеские, почти родственные отношения.

вич сообщил, что столько лингвистов ежегодно принимает на работу компания «Bell Labs»²⁶. Что же до учебного плана для этой новой специальности, то Колмогоров неоднократно подчёркивал, что в университете можно готовить только к массовой профессии; поэтому и перечень изучаемых дисциплин, и их программы должны быть ориентированы на приобретение знаний и навыков, полезных для такой профессии (а не на, скажем, «инкубаторное» выращивание талантов).

В 1962 году Колмогоров опубликовал совместную с А. М. Кондратовым статью о ритмике поэм Маяковского и по 1968 год включительно ежегодно публиковался на стиховедческие темы. Это широко известно. Не столь широко известно, что ещё раньше, 19 октября, 10 и 24 ноября 1960 года, Колмогоров прочёл серию из трёх лекций, объединённых общим названием «Теория вероятностей и анализ ритма русского стиха». Лекции читались на механико-математическом факультете МГУ, но на них приходили и «посторонние». Привожу полный список лиц, не принадлежащих к факультету и специально приглашённых мною на эти лекции: Вяч. Вс. Иванов, М. К. Поливанов, А. А. Зализняк, Н. Б. Томашевский, Н. Л. Трауберг, М. Г. Марецкая, Б. А. Успенский; затем меня попросили пригласить их: В.-Ю. В. Чепайтис, В. Ю. Розенцвейг, Л. Н. Ланда, Т. Д. Вентцель. В свою очередь Вяч. Вс. Ивановым были приглашены Е. В. Падучева, В. Н. Топоров, И. И. Ревзин, А. К. Жолковский, Н. Н. Леонтьева, Ю. С. Мартемьянов, Ю. К. Щеглов, И. А. Мельчук, Л. Н. Иорданская, Р. М. Фрумкина. (Кроме физика Поливанова и, может быть, Ланды, все приглашённые — филологи.) Естественным завершением этих лекций был доклад А. Н. Колмогорова и его молодых сотрудников Александра Владимировича (тогда — Саши) Прохорова и Натальи Григорьевны (тогда — Наташи) Рычковой «О русском четырёхстопном ямбе», сделанный 22 декабря 1960 года на совместном заседании секции теории вероятностей и математической статистики Московского математического общества и семинара по математической лингвистике (им руководили Андрей Андреевич Марков, Андрей Анатольевич Зализняк и я) кафедры математической логики механики. В докладе, в частности, приводились — думаю, что впервые — оценки количества энтропии, которое «тратится» на те или иные элементы стиха (метр, рифму и т. д.).

²⁶ «Bell Labs» («Bell Laboratories») — знаменитая американская организация, занимавшаяся исследованиями в области коммуникационных технологий (в частности, в области распознавания и синтеза речи).

Написав выше «естественным завершением», я понял, что это неправильно. Дело в том, что лекции Колмогорова были объявлены им как часть цикла «Некоторые вопросы математической лингвистики», хотя цикл, помимо указанных трёх стиховедческих лекций, так и не состоялся. Колмогоров начал свои лекции с постановки общего вопроса: «Что такое математическая лингвистика?». Он указал, что возможны два понимания этого термина. При первом понимании математическая лингвистика — это теория абстрактного формализованного языка, близкая к математической логике и теории алгоритмов. При втором понимании математическая лингвистика состоит в применении математических методов в обычной лингвистике. Лектор сообщил, что его самого интересует второе понимание, и в связи с этим поставил следующий вопрос: «Какая математика нужна лингвистам?». И предложил ответ: во-первых, та, что нужна для акустики, во-вторых, математическая логика, в-третьих, теория вероятностей, статистика, теория информации. Далее было сообщено, что лекции будут посвящены применению абстрактно-логических методов к силлабо-тоническому стихосложению и что это напоминает совместную деятельность математиков и лингвистов, связанную с определением падежа, фонемы и т. п.

Впоследствии, через шесть без недели лет, 12 октября 1966 года Колмогоров говорил в своей лекции «Современная математика в школе и на практике», происходившей в Актовом зале МГУ: «Что касается лингвистов, то они распались на две части. Одни чрезмерно верят в математику. Другие протестуют и боятся дегуманизации языкознания — по-моему, напрасно. Первые иногда увлекаются больше, чем необходимо. Они не всегда знают, что логическая формализация языка даётся весьма нелегко. Николая Бурбаки вводит формальный язык, но сам же объявляет о необходимости вольностей речи — в предположении, что их будут понимать и будут осознавать стоящую за ними формализацию (а иначе бумаги не хватит). Математики говорят не на формализованном языке. И надо бы знать, что то, что язык не формализован, — это его преимущество, а не недостаток».

17 января 1961 года происходит доклад Колмогорова «Математика и стиховедение» на учёном совете механико-математического факультета. В этом докладе занятия кибернетиков машинным переводом приравниваются к занятиям военных оптиков астрономическими инструментами (и там, и там — полезная шлифовка методов при сомнительной экономической пользе). В этом же докладе Колмогоров ратовал за прикладную лингвистику, за математическую грамотность всех, а не только прикладных, языковедов.

Уже стиховедческие лекции и доклады²⁷ Колмогорова имели отчётливую кибернетическую направленность. «Необходимо изучать высшую нервную деятельность, — говорил Колмогоров в упоминавшейся уже лекции 19 октября 1960 года, — с учётом переплетения людей и машин. Почему бы в качестве образцового объекта изучения не выбрать процесс создания стихов? Чем это хуже, чем изучать слюноотделительные функции как проявление высшей нервной деятельности?».

Но подлинным началом кибернетического этапа в публичных выступлениях Колмогорова следует считать его знаменитый доклад «Автоматы и жизнь», состоявшийся 6 апреля 1961 года. О докладе извещало следующее объявление:

В четверг, 6 апреля 1961 г., в 18 час. в ауд. 02
Главного здания МГУ на Ленинских горах состоится заседание

МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО СЕМИНАРА

механико-математического факультета МГУ
(руководители семинара: проф. С. А. ЯНОВСКАЯ
и К. А. РЫБНИКОВ).

ПОВЕСТКА:

1. Доклад А. Н. КОЛМОГОРОВА —
«АВТОМАТЫ И ЖИЗНЬ».
2. Обсуждение доклада.

С тезисами доклада можно познакомиться в библиотеке (15 эт.)
и на кафедрах механико-математического факультета.

Было изготовлено стеклографическим (литографическим?) способом энное число экземпляров тезисов. Сами тезисы, напечатанные Колмогоровым на его портативной пишущей машинке «Москва», датированы 1 марта 1961 года. Эти тезисы были впоследствии опубликованы на с. 3—8 шестого выпуска ротاپринтного сборника «Машинный перевод и прикладная лингвистика» (М., 1961). При публикации допущена опечатка в дате доклада: указано пятое число

²⁷ Стиховедческие занятия Колмогорова комментируются в § 3 («Колмогоров и литературоведение») моей статьи «Предварение для читателей „Нового литературного обозрения“ к „Семиотическим посланиям“ Андрея Николаевича Колмогорова», опубликованной в журнале «Новое литературное обозрение», 1997, № 24, с. 122—215. Исправленный вариант этой статьи см. на с. 54—206 кн. 4 «Филология» настоящего, 2-го издания моих «Трудов по нематематике».

вместо правильного шестого²⁸. Доклад в действительности к тому же состоялся не в объявленной аудитории 02, одной из двух самых больших учебных аудиторий университета, а в большом помещении Дворца культуры МГУ. Думаю, что перемена места была вызвана обилием публики²⁹.

Популярное изложение этого доклада Колмогорова было затем по просьбе журнала «Техника — молодёжи», открывавшего на своих страницах дискуссию «Обсуждаем проблемы кибернетики сегодня», составлено — по поручению Андрея Николаевича — Н. Г. Рычковой по стенограмме доклада, конечно, очень неудачной. Изложение было опубликовано в 10-м и 11-м номерах журнала за 1961 год как статья А. Н. Колмогорова и с его портретом (а Н. Г. Рычкова получила в редакции журнала уникальный статус «автор статьи академика Колмогорова»).

Подробно история этой публикации излагается в заметке Н. Г. Рычковой в сборнике «Колмогоров и кибернетика» (см. *Химченко (Рычкова) Н. Г.* Как это было... // Колмогоров и кибернетика / Под ред. Д. А. Поспелова и Я. И. Фета. — Новосибирск: Изд. ИВМиМГ СО РАН, 2001. — С. 110—114). В этом же новосибирском сборнике на с. 115—117 помещено письмо А. Н. Колмогорова академику А. И. Бергу, председателю Научного совета по комплексной проблеме «Кибернетика» при Президиуме АН СССР. В этом письме — написанном, когда составленный Н. Г. Рычковой текст был уже представлен в редакцию «Техники — молодёжи», но ещё не опубликован — содержалось, в частности, такое суждение:

Я опасаясь, что уже содержание моих тезисов вызовет большие споры. Более того, я думаю, что всё беспокойство, возникшее в

²⁸ А отсюда эта неверная дата перекочевала на с. 276 книги Колмогорова «Математика — наука и профессия» (М., 1988).

Не так давно обнаружилось, что куда более существенная ошибка вкралась при тиражировании этих тезисов на факультетском стеклографе: в колмогоровском вопросе «Могут ли машины мыслить и испытывать эмоции?» слово «мыслить» пропущено! И в таком искажённом виде тезисы не только тогда, в 1961 году, были розданы по библиотекам и кафедрам, но и просуществовали более сорока (!) лет, будучи неоднократно перепечатываемы. — *Прим. Н. Р.* При воспроизведении колмогоровских тезисов на с. 501—505 в кн. 2 «Философия» настоящего, 2-го издания «Трудов по математике» пропущенное слово восстановлено. — *Прим. В. У.*

²⁹ Сохранилась копия бумаги от 6 апреля 1961 года за подписью замдекана мехмата по административно-финансовой работе А. В. Зыкова, адресованной «В охрану Московского университета» и содержащей просьбу пропустить на доклад А. Н. Колмогорова лиц, не являющихся сотрудниками МГУ, по приложенному списку. Список насчитывал 442 человека.

связи с подготовленным Н. Г. Рычковой изложением моего доклада для «Техники — молодёжи», связано не с дефектами изложения Н. Г. Рычковой, а с содержанием моих подлинных тезисов. Сам я не нахожу в изложении Н. Г. Рычковой (и даже во внесённых редакцией журнала в её работу изменениях, несколько вульгаризирующих некоторые детали) чего-либо криминального. Мне кажется, что по этому изложению серьёзная сторона моего выступления будет понята правильно³⁰.

Достойно быть отмеченным, что процитированное письмо А. И. Бергу содержит также ряд принципиальных высказываний Колмогорова о жизни и мышлении. Заинтересованный читатель найдёт его полный текст и записку А. А. Ляпунову в приложении 2, с. 202.

Впоследствии это изложение было перепечатано с заменой третьего лица («Колмогоров») на первое («я») в сборнике «Кибернетика ожидаемая и кибернетика неожиданная» (М., 1968) и уже из этого сборника — в книге А. Н. Колмогорова «Математика — наука и профессия» (М., 1988). В предварении к публикации «Автоматов и жизни» в «Технике — молодёжи»³¹ Колмогоров говорит: «Мой доклад „Автоматы и жизнь“, подготовленный для семинара научных работников и аспирантов механико-математического факультета Московского государственного университета, вызвал интерес у самых широких кругов слушателей».

И действительно, интерес был чрезвычайный, приподнятый, возбуждённый. И было отчего возникнуть такому интересу. Пришедший на доклад мог не только узнать, что числа бывают маленькие, средние, большие и сверхбольшие (это из моих записей в качестве слушателя), но и включиться в обсуждение вопроса о таких, например, возможностях машин: могут ли они воспроизводить себе подобных в рамках прогрессивной эволюции, испытывать эмоции, хотеть чего-либо, ставить перед собой новые задачи (это из опубликованных тезисов). Как уже говорилось, тезисы доклада были сделаны доступными публике ещё перед докладом. Однако сам доклад в его устном

³⁰ Читатель да не пропустит содержащееся в первой фразе цитаты опасение Колмогорова. «Большие споры» — это ещё мягко сказано. Кибернетика ещё недавно была *буржуазной лженаукой*, и её противники по-прежнему имели немалое влияние на официальную советскую идеологию. — В. У.

³¹ После публикации в журнале Колмогоров внёс в это предварение небольшую редакционную правку (сохранился экземпляр журнала с карандашной правкой Колмогорова). В книге «Математика — наука и профессия» эта правка учтена, в сборнике «Кибернетика ожидаемая и кибернетика неожиданная» — нет.

исполнении значительно уклонялся от тезисов. Во-первых, Колмогорову, конечно, скучно было повторять уже написанный и тем самым выпущенный из сознания на волю текст. Во-вторых, уже после приготовления тезисов Колмогоров, надо полагать, много думал над содержанием доклада и пришёл к новым, не отражённым в тезисах представлениям. Среди этих новых идей — упомянутая только что классификация натуральных чисел. Постараюсь воспроизвести её, следуя своим карандашным и очень конспективным записям, сделанным на знаменитом докладе.

Колмогоров иллюстрировал различие между четырьмя видами чисел на примере контактных схем алгебры логики. Число n является по определению *малым*, если имеется практическая возможность перебрать все схемы из n элементов. Число n , не являющееся малым, определяется как *среднее*, если можно перебрать все элементы одной схемы из n элементов или предложить обозначения для всех таких схем. Число n — *большое*, если все элементы схемы из n элементов хотя и нельзя перебрать, но можно все их обозначить. О *сверхбольших* числах было сказано только, что они нам не понадобятся. Поскольку изложенная классификация зависит от возможностей перебора, для человека и для машины получаются разные классы. Слушателям демонстрировалась таблица:

Числа	Человек	Машина
Малые	3	10
Средние	1000	10^{10}
Большие	10^{1000}	$10^{10^{10}}$

Ввиду того, что «машинные» и «человеческие» классы сильно разнятся, может создаться впечатление неопределённости, подвижности предлагаемой классификации. Колмогоров предостерегает от такого ощущения. Он говорил: «Можно написать 10^{1000} среднего размера поэм. Никакая машина ни при каком развитии техники их не переберёт. Различие между категориями чисел не преодолимо ни при каком развитии техники». И далее: «Средние числа указывают число элементов систем. Большие — их разнообразие, число возможностей им существовать. Это мало меняется с развитием техники. Существует диалектика большого в пределах конечного».

По докладу выступили двое: полковник Игорь Андреевич Полетаев (автор вышедшей в 1958 году популярной книги «Сигнал» — первой отечественной монографии по кибернетике) и математик Александр

Сергеевич Есенин-Вольпин. Полетаев охарактеризовал доклад как событие, как большой праздник. А Есенин-Вольпин говорил о необходимости развития нравственности, понимаемой как наука о нормах поведения живых существ. Мотивировка: «Мы сейчас вступаем в период, когда нам предстоит общаться с не похожими на нас живыми существами: 1) с существами, созданными нами; 2) с существами на других планетах. Здесь важно не впасть в ошибку антропоморфизма».

Эхо от этого доклада, усиленное публикацией в «Технике — молодёжи», звучало долго. 5 января 1962 года обсуждение колмогоровского доклада «Автоматы и жизнь» состоялось в Центральном Доме литераторов (ЦДЛ)³². Открытие вечера задержалось, поскольку из-за наплыва публики потребовалось переходить из Малого зала ЦДЛ в Большой. Обсуждение проходило в рамках дискуссии «Возможное и невозможное в кибернетике», вёл вечер главный редактор «Техники — молодёжи» Василий Дмитриевич Захарченко. Объявленные в приглательном билете академики И. И. Артоболевский, Н. Г. Бруевич, Б. Н. Петров не почтили мероприятие присутствием. После краткого вступительного слова Захарченко выступил А. Н. Колмогоров. Сам он охарактеризовал своё выступление как «экстракт из слишком популярных писаний» его сотрудницы (т. е. Н. Г. Рычковой) для «Техники — молодёжи» и из его собственных писаний. Он говорил о том, что моделирование любых реально существующих сложных систем на дискретных арифметических машинах возможно в принципе — но именно в принципе. «Практически, — сказал Колмогоров, — я большой скептик. Однако попытки спрятаться за то, что в машине нет диалектики, — это неправильно». Здесь явный намёк на придирки философов; ведь в 1966 или в 1967 году на философском факультете МГУ даже возникла кафедра (так и хочется сказать — «так называемой») диалектической логики. Обсуждение было очень оживлённым, Колмогоров отвечал на вопросы, дважды выступал небезызвестный Кольман³³ (сообщивший, в частности, что с кибер-

³² Литераторы не могли правильно написать такое трудное слово, как «Автоматы», и в разосланных, напечатанных в типографии «Литературной газеты» извещениях вместо него стояло простое и модное тогда «Автоматика».

³³ Эрнест, или Арношт, Кольман, родившийся в 1892 году в Праге и подвизавшийся то в СССР (до 1945 года и в 1948—1959 годах), то в Чехословакии (в 1945—1948 годах и с 1959 года) — философ-марксист. Занимался философией математики с позиций диалектического материализма и временами бывал довольно влиятелен в деле партийного управления математикой в СССР. Считается одним из организаторов политической травли академика Н. Н. Лузина (так называемое «дело Лузина», 1936 год). В 1936 году в московском издательстве «Соцэкгиз» вышла книга Кольмана «Предмет и

нетикой не всё так просто, как думают некоторые, поскольку к её противникам принадлежат «уважаемые учёные-философы, авторы журнала „Коммунист“ Вислобоков и Анисимов»³⁴).

А через шесть дней, 11 января 1962 года, в Политехническом музее состоялось ещё одно выступление Колмогорова, которое он сам охарактеризовал как некое повторение выступления в ЦДЛ. Конечно, пересечения были (например, провозглашение Ч. Дарвина и И. П. Павлова основными предшественниками кибернетики), но много было и совершенно нового. А главное — новой была сама обстановка. Лекция называлась «Жизнь и мышление как особые формы существования материи». Все билеты в Политехнический были проданы. У входа — толпа, спрашивавшая лишний билетик. Зал настолько переполнен, что братья-близнецы Акива (Кика) и Исаак (Изя) Ягломы сидят прямо на сцене.

Так начиналась «Большая серия» знаменитых, проходящих в тысячных залах, публичных лекций Колмогорова. Как видим, начиналась она с будоражившей тогда умы кибернетической проблематики. Эта серия продолжалась затем во вмещавшем не менее полутора тысяч человек Актовом зале Главного здания МГУ на Ленинских горах.

Регулярные лекции на различные темы в этом зале организовывались совместно университетом и обществом «Знание». Вход на лекции был свободный. Лекции начинались в одно и то же время — в 18 часов 30 минут. Как правило, к лекциям в Актовом зале МГУ типография общества «Знание» печатала афиши, а типография МГУ — пригласительные билеты. Приведу перечень лекций Колмогорова в Актовом зале МГУ по сохранившимся у меня афишам и билетам:

22 апреля 1964 года «Кибернетика в изучении жизни и мышления»;

6 января 1965 года «Теория информации»;

17 ноября 1965 года «Бесконечность в математике»;

12 октября 1966 года «Современная математика в школе и на практике»;

метод современной математики». Книга получила скандальную известность вследствие того, что из орнаментированных первых букв её предисловия и десяти глав слагалось выражение «Моей Катинке»; Катинкой же Кольман называл свою жену Екатерину Концевую, которой и была посвящена книга; читатели задавались вопросом, как оказались бы структурированы предмет и метод математики, зовись супруга автора книги по-другому.

³⁴ Журнал «Коммунист» был не рядовым журналом, а «теоретическим и политическим журналом ЦК КПСС». Статья С. Анисимова и А. Вислобокова «Некоторые философские вопросы кибернетики» в № 2 этого журнала за 1960 год содержала тенденциозно искажённое изложение идей и методов кибернетики.

- 4 октября 1967 года «50 лет Великого Октября и развитие математики»;
- 2 октября 1968 года «Математические структуры и реальный мир»;
- 29 октября 1969 года «Теория вероятностей (общий очерк её истории и её значение)»;
- 27 октября 1971 года «Математика бесконечного и финитная математика с точки зрения их применений»;
- 25 октября 1972 года «Математика в изучении произведений искусства»;
- 23 февраля 1977 года «Закономерность, случайность, вероятность и информация (логические основы теории вероятностей и теории информации)».

Многие, и я в том числе, хорошо помнят обстановку, сопутствовавшую первым лекциям Колмогорова в Актовом зале. Зал буквально ломится (а значит, не менее полутора тысяч). Парадные, сталинских времён двустворчатые двери в зал запирают, а за ними бушуют негодующие непопавшие. Для них в фойе организуется трансляция. А со сцены в зал летят непривычные, тревожащие сознание мысли, идеи, предположения — например, что на других планетах нам может встретиться разумная жизнь в виде размазанной по камню плесени; что, напротив, для инопланетян, наблюдающих нашу жизнь из своего далека, наиболее удивительным может показаться концерт в консерватории: «люди просто сидят и потом расходятся безо всякого обсуждения» (колмогоровскую формулу «расходятся безо всякого обсуждения» я запомнил точно); что если нам даже удастся перехватить сообщение, посланное одной высокоразвитой космической цивилизацией другой такой же цивилизации, мы не сможем ввиду высокой плотности кодирования отличить его от случайного.

Происходили и забавные эпизоды. В окружении Колмогорова в начале 60-х годов появился Саша (Александр Михайлович) Кондратов, известный мне до того как способный писатель «в стол». Я уже упоминал его как соавтора Колмогорова по первой из опубликованных колмогоровских стиховедческих статей. (К характеристике Кондратова — такое воспоминание. В Москву приехал всемирно знаменитый филолог Роман Якобсон. Стоя в группе людей в фойе на первом этаже высотного университетского здания, он сказал, что вечером приглашён на встречу с Колмогоровым. «Я рад за тебя, Роман», — ответил Якобсону Кондратов, едва ли не хлопая его по плечу.) Кондратов вызывал у Колмогорова некоторое раздражение своей излишней расторопностью. Как-то на большой лекции в Акто-

вом зале Колмогоров неодобрительно промышчал примерно следующее: «Ну вот, Кондратов, он как-то уж печатается во всех журналах», — и полагал, по-видимому, что этим он Кондратова сразил. Эффект действительно был, но в точности обратный: в перерыве можно было наблюдать выстроившуюся перед Кондратовым очередь из редакторов тех журналов, в которых он ещё не напечатался. И впрямь, более авторитетной рекламы нельзя было и пожелать!

Другой запомнившийся мне эпизод произошёл на лекции, также организованной университетом и «Знанием», но состоявшейся на этот раз (1 марта 1975 года в те же 18 часов 30 минут) не в Актовом зале, а в конференц-зале так называемого Первого гуманитарного учебного корпуса. Лекция называлась «Что ожидает выбравшего математику?». В анонсе лекции организаторы сообщали: «В лекции будет рассказано, чем занимаются математики, в частности, оканчивающие математическое отделение МГУ». Приглашались школьники старших классов, учителя и все желающие. Среди желающих оказалась моя жена Светлана (искусствовед по образованию), захотевшая узнать, чем занимаются окружающие её математики и что ждёт нашего сына, собирающегося летом того же 1975 года сдавать вступительные экзамены на мехмат. Мы пошли все втроём. Колмогоров читал лекцию очень живо и непривычно понятно. Он много говорил на околomатематические темы, в частности указал, что шофёр автобуса получает больше, чем математик, но и работа куда труднее. Потом он отвечал на многочисленные записки. Их оглашал председательствующий, каковым был Борис Владимирович Гнеденко (на всех мероприятиях общества «Знание» полагался президиум, состоящий хотя бы из одного председательствующего). Вопрос одной из записок был таков: «Можно ли, окончив мехмат, попасть в Кембридж?». Гнеденко огласил его, сделав ударение в слове «Кембридж» на втором слоге, и, не доверив ответ лектору, лаконично ответил сам: «Можно». Так вот, на этой лекции, говоря о математических способностях, Колмогоров объявил, что для занятий математикой на не слишком высоком уровне — во всяком случае, на уровне, достаточном для обучения на мехмате — не требуется никакой специальной одарённости, что это доступно всякому нормальному человеку, но что, конечно, некоторые элементарные способности всё же надо иметь, в частности, надо обладать тем, что называется пространственным воображением. И каждый в состоянии сам проверить наличие у себя этих простейших необходимых способностей с помощью несложных тестов. Слушателям был предложен один из таких тестов, как раз на наличие пространственного воображения: понять, каким образом

при пересечении куба плоскостью может получиться шестиугольник. Это не очень сложно, сказал Колмогоров, и каждый претендующий на то, чтобы выбрать математику своей профессией, должен уметь представить себе соответствующий чертёж. А уж кто не умеет, тому разумно поискать другую профессию (так что не решивший задачу не должен расстраиваться, а должен радоваться тому, что вовремя уберётся от ошибочного выбора будущей специальности). Тут Колмогоров дал всем минуты три для самостоятельных попыток, после чего нарисовал на доске куб и стал пересекать его плоскостью. Как он ни старался, шестиугольник у него не получался. Он слегка разозлился, стёр куб и перешёл к следующей теме.

Стоит, наверное, привести хотя бы некоторые из заданных на этой лекции вопросов и ответов на них Колмогорова.

Вопрос. Что понимается под основаниями математики?

Ответ. Математика изучает предметы, не совсем реально существующие. Основания математики занимаются переходом от опыта к этим абстракциям, чтобы мы не запутались.

Вопрос. Почему сейчас не свободное посещение?

Ответ. Я учился в университете с двадцатого по двадцать пятый год. На первом курсе ничего не давали, на втором — пуд хлеба и килограмм масла в месяц. Я зарабатывал тем, что проводил электричество в частных квартирах. Учились только те, кто хотел. А сейчас перейти на свободное посещение — была бы беда. Многих пришлось бы отчислить. А я из-за пуда хлеба и кило масла сдал экзамены за первый курс уже в сентябре-октябре. Одно время считалось, что постное масло полноценное, и вместо сливочного давали постное. А потом — опять сливочное. Впрочем, я считаю, что время сидения в аудитории должно быть сокращено. Лучше проводить занятия не по 4 часа в неделю с тридцатью человеками, а по 2 часа с пятнадцатью.

Вопрос. Чем Вы занимаетесь в последнее время?

Ответ. Пишу учебники для средней школы — что мне уже надоело.

Вопрос. Кем Вы были в 20 лет?

Ответ. В 19 лет я поступил преподавателем математики и физики в среднюю школу на Потылихе (и при этом учился в университете). Там был интернат, и учителей кормили наряду с интернатчиками. Я был секретарём школьного совета и занимался проведением дальтон-плана³⁵. В 20 лет я поступил вести упражнения в Медико-педагогический институт на Погодинской улице, где было 200 девушек и 3 мальчика.

³⁵ О дальтон-плане и о том, как он проводился в Потылихинской школе, можно прочесть в «Последнем интервью» А. Н. Колмогорова, на с. 186 сборника «Явление чрезвычайное. Книга о Колмогорове». — *Прим. Н. Р.*

Тут председательствующий Б. В. Гнеденко прибавил: «А через десять лет был директором Института математики МГУ». На этом замечании лекция Колмогорова завершилась.

Читатель заметит, что в приведённом перечне больших публичных выступлений Колмогорова имеется разрыв между январём 1962 года и апрелем 1964 года. Может быть, конечно, у меня не сохранилось следов выступлений за этот промежуток, но, скорее всего, их действительно не было.

4. Письма Колмогорова

► Когда четырнадцать лет назад я писал свои воспоминания для сборника «Колмогоров в воспоминаниях» (М.: Физматлит, 1993), ещё не был издан трёхтомник, выпущенный к столетию со дня рождения А. Н. Колмогорова: Колмогоров: Юбилейное издание в трёх книгах / Ред.-сост. А. Н. Ширяев; Подготовка текста Н. Г. Химченко. — М.: Физматлит, 2003. Вторую книгу этого издания составляют избранные места из переписки А. Н. Колмогорова и П. С. Александрова. Разумеется, письма Колмогорова своему самому близкому другу дают более полное представление об их авторе и его эпистолярном стиле, нежели те письма, которые — целиком или в отрывках — приводятся ниже. Однако и приводимые ниже тексты заслуживают внимания, поскольку знакомят со стилем письменного общения Колмогорова как со своими учениками, так и с людьми, совершенно ему неизвестными. *12 апреля 2004 года.* ◀

10 мая 1962 года ко мне пришло письмо, отправленное Колмогоровым из города Николаева. В Николаеве он оказался по пути в Индию, куда отправился в феврале 1962 года для работы в Индийском статистическом институте в Калькутте. Там, в Индии, он написал свою знаменитую статью «О таблицах случайных чисел», опубликованную в 1963 году в индийском журнале «Санхиа» («Sankhyā»), весьма авторитетном у специалистов по математической статистике англоязычных стран, но, к сожалению, мало распространённом в СССР. Статья отражала начальный этап размышлений Колмогорова о частотной интерпретации случайности, принадлежащей Р. фон Мизесу, и при этом закладывала фундамент так называемой алгоритмической теории вероятностей.

Колмогоров выехал на поезде в Одессу, чтобы далее в Индию следовать уже морским путём. На моей памяти самолётами он не летал никогда: у него что-то было с носом и ушами, что делало полёты для него труднопереносимыми. А плавать по морю на больших судах он как раз любил.

По дороге в Индию он и отправил мне письмо, которое привожу полностью. На конверте — штемпель города Николаева 6 марта 1962 года.

Итак, письмо Колмогорова, написанное им от руки:

Николаев, 5-III-1962.

Дорогой Володя!

С 24 февраля как кибернетик я с интересом наблюдаю организацию погрузки морских судов. Наибольшая вероятность выйти в море у нас была 28-го февраля, так как это содействовало бы выполнению февральского плана выхода судов в море. В соответствии с этим в ночь с 28-го февраля на 1-е марта мы вышли из Одессы в Николаев. До вчерашнего воскресного дня наше пребывание в Николаеве было осмысленно и в другом отношении. Вчера одесские футболисты побили николаевский «Судостроитель» (мастера класса Б) на Николаевском стадионе, и присутствие возможно большего числа одесских моряков было желательно для обеспечения безопасности одесских футболистов.

Впрочем, у нас был ещё «культпоход» на «Марию Стюарт» Шиллера в местном театре, возможность смотреть бокс и т. д. 14—15 марта сюда придет Игорь Безродный, но я имею слабую надежду быть в это время в Индийском океане.

Сделавшись Вашими стараниями кибернетиком, я всё более в самом деле вовлекаюсь в её *общие* проблемы, выходящие за рамки математики, приходя к нескромному мнению, что ими мало кто занимается с должной широтой.

Вот, например, вопросы обучения (людей — напр., иностранному языку). Станным образом, кажется, никто из *кибернетиков* (на другом, старомодном языке нечто из нижеследующего давно говорилось!) не пришёл к той естественной идее, что учитель (для конкретности — преподаватель математики) находится в том же положении, как учёный, приходящий со своей проблематикой в уже существующий вычислительный центр с определённым набором вычислительных машин, запасом заготовленных (с другими целями!) программ, даже со штатом программистов. Задача его состоит в том, чтобы обучить этот сложный организм выполнить новую работу, используя все свои уже заготовленные заранее механизмы, программы, навыки.

Поэтому преподаватель математики должен хорошо понимать, например, природу геометрических воображения, интуиции, развившихся на решении практических задач управления собственными движениями, перемещения предметов, их метания и т. д. Выбирая символику, он должен считаться с уже выработанными

навыками создания и запоминания систем знаков: надо думать, что даже у совсем хороших математиков сложность системы знакомого им родного языка превосходит и по сложности строения, и по объёму всё, что они усваивают как математики (в смысле количества знаков, понятий, отношений, их элементарных свойств, соответствующих грамматике).

Всё необычайное преимущество человеческой культуры (и особенно самой новой — именно нашего века) в её полной свободе — готовности создавать совсем новые необычные структуры, хотя бы и значительно более простые, чем уже созданные веками культуры и сотнями миллионов лет органической эволюции. Но эти простые (и даже очень примитивные) новые структуры приобретают подлинную значительность лишь управляя или направляя по новым путям старые, более консервативные, но в своём роде, конечно, значительно более совершенные, чем все, что мы создали вновь или создадим в обозримом будущем.

Ваш А. К.

Адрес: Indian Statistical Institute
Calcutta 35, India

До 1 мая

Я привёл это письмо не только потому, что оно, как и все вообще письма, демонстрирует эпистолярный стиль его автора, но прежде всего потому, что оно выпукло показывает, над какими темами напряжённо размышлял Колмогоров в те годы.

Иногда эти размышления были довольно мучительны, как показывает нижеследующий отрывок из письма, написанного Колмогоровым тремя днями раньше, 2 марта 1962 года, в первый же день по прибытии в Николаев. Письмо адресовано Лёне Бассалыго, в то время пятикурснику механико-математического факультета МГУ³⁶. «Полуфилософские размышления», о которых говорится в письме, — это размышления о задуманной Колмогоровым перестройке теории информации и теории вероятностей на совершенно новых, алгоритмических основаниях; эти основания составляют то, что теперь называется теорией колмогоровской сложности (the theory of Kolmogorov complexity).

³⁶ ●► Леонид Александрович Бассалыго, ныне доктор физико-математических наук и главный редактор журнала «Проблемы передачи информации», подарил мне по моей просьбе копию этого письма (полный текст письма опубликован в «Проблемах передачи информации», 2002, т. 38, вып. 1, с. 108—110). ◀●

Вот что писал Колмогоров:

Сейчас я особенно чувствую, насколько последнее время плохо руководил Вашей работой (и другими). Вы знаете, что к этому имелись «объективные» причины. Не только то, что я запутался в одновременном ведении чрезмерного количества дел, но и то, что занятия совсем общими, полуфилософскими размышлениями у меня самого заняли больше времени и энергии, чем, может быть, кажется издали.

В такой выработке совсем общих взглядов итог усилий заключается не в формулировке точно фиксированных «результатов», а в общей перестройке собственного сознания и размещения всего в надлежащей перспективе. Поэтому потом оказывается, что как бы ничего и не открыл «нового», а потратил много сил и времени.

Другая тема того же письма наглядно иллюстрирует стиль работы Колмогорова со своими учениками:

Я принялся редактировать Вашу прошлогоднюю работу [имеется в виду курсовая работа Л. А. Бассалыго, выполненная им на четвёртом курсе. — В. У.] и обнаружил там множество недоделок. <...>

Насколько я вижу, всё поправимо, но писать придётся довольно много. Работа же получилась хорошая (в том смысле, что рассуждения интересны и красивы). Конечно, следовало вовремя заставить Вас всё это выписывать самого. Но сначала меня подвёл Володя Тихомиров, которого я рассматривал как старшего и за Вас отвечающего. А потом я совсем оторвался от этой темы.

<...>

Во всяком случае теперь мне уже легче эту Вашу прошлогоднюю работу написать самому начисто на парохоме, где даже есть пишущая машинка, чтобы её печатать.

Колмогоров полностью переписал курсовую работу Бассалыго, сам перепечатал её на пишущей машинке, своей рукой вставил формулы и 5 марта отправил почтой из Николаева³⁷.

³⁷ Впоследствии эта статья была опубликована — см. *Бассалыго Л. А.* О представлении непрерывных функций двух переменных при помощи непрерывных функций одного переменного // Вестник Московского университета. — Серия 1. Математика. Механика. — 1966. — № 1. — С. 58—63.

Приведём ещё один фрагмент того же письма — просто потому, что он показывает, как жил Колмогоров на своём пароходе:

Моё «путешествие» развивается самым непредвиденным образом: мы всё ещё стоим в Николаеве и грузимся. Вероятно, отойдём завтра (3-III) или даже 4-III³⁸.

Назад я поплыву более культурным образом и надеюсь попасть в Одессу в соответствии с расписанием пассажирских рейсов Бейрут — Александрия — Одесса — 15 мая.

В своей каюте, впрочем, я чувствую себя очень приятно. Утром делаю гимнастику на палубе, принимаю душ, завтракаю и сажусь заниматься. В 12 часов мы обедаем, в 6 ужинаем. Сегодня со всей командой собираемся в «культпоход» на «Чемодан с наклейками» в местном театре.

Но в Бомбей мы попадаем около 1 апреля. Все мечтают об

1) отплытии;

2) хорошей погоде;

3) купальном бассейне, который будут ещё сооружать на палубе из материалов, запасённых в Одессе.

Предыдущий рейс парохода в Индонезию продолжался пять месяцев, и все полны рассказами о нём.

Какие-либо оценочные комментарии к двум следующим письмам излишни — письма говорят сами за себя. Надо только объяснить, чем были вызваны эти письма.

Летом 1973 года Колмогоров получил письмо из Смоленска от учительницы математики школы № 26 Акименковой (даты на письме нет, на конверте штемпель Смоленска 18 июля 1973 года). Письмо, которое я привожу не полностью, начиналось так:

Многоуважаемый Николай Андреевич!

Извините, пожалуйста, извините, что обращаюсь к Вам с таким вопросом. Я знаю, у Вас очень, очень много работы. Вы очень много уделяете внимания новым программам по математике. Я обращалась в «Учительскую газету», но такой ответ мне ничего не дал. Решила обратиться к Вам. Мне нужна консультация по тексту контрольной работы, предложенной Смолгороно в декабре 1972 года для учащихся 4-го класса. Работа на 45 минут. Текст и

³⁸ Как видно из письма ко мне, 5 марта пароход всё ещё был в Николаеве, а в отношении 14—15 марта Колмогоров уже питал лишь «слабую надежду быть в это время в Индийском океане». — В. У.

ответ из «Учительской газеты» прилагаю. Я считаю, что условие задачи неграмотно, но со мной никто не соглашается.

В конце письма Акименковой Колмогорову была сделана приписка:

Николай Андреевич, в нашей школе учится Ваш двоюродный внук, Колмогоров Валерий. Его отец Павел Афиногенович Колмогоров, военнослужащий в/ч 15401.

По математике у Валерия «5».

Приложенный текст задачи был таков:

В магазин привезли 840 диванов, а шкафов на 380 меньше. На общую сумму 134400 рублей. Причём все диваны стоили точно столько же, сколько все шкафы. Что стоит больше — диван или шкаф? (Решение записать неравенством.)

Приложенный текст ответа из «Учительской газеты» (№ 80238/12 от 26 января 1973 года) гласил:

Уважаемая тов. Акименкова!

К сожалению, не можем взять на себя ответственность оценивать текст контрольной работы по математике. Но в то же время считаем, что проблемы, которые Вы поднимаете в письме, заслуживают внимания заинтересованных сторон.

Ст. литсотрудник — подпись — (Н. Горбачёв)

Теперь посмотрим, как ответил на это письмо Колмогоров, собственноручно напечатав ответ на своей машинке (он всегда печатал сам):

Москва В-234

Университет

Зона Л, кв. 10

А. Н. Колмогорову

29 августа 73.

Глубокоуважаемый товарищ Акименкова!

Вы правы, считая в формулировке задачи требование «записать ответ в виде неравенства» ненужным. Ответ «шкафы дороже, так как их купили меньше, чем диванов, на такую же сумму» я склонен считать достаточно полным решением задачи (за вычетом требования «записать в виде неравенства»). Решением задачи я склонен считать любое обоснование правильного ответа.

Предложение «составить числовое неравенство по условию этой задачи»³⁹ мне кажется тоже излишним. Не надо искусственно простые вещи делать ребятам сложными. Если бы текст задачи попался мне, я написал бы для «Учительской газеты» заметку «Излишняя учёность».

Ваш — подпись — (А. Колмогоров)

Зовут меня Андрей Николаевич. Не думаю, чтобы Павел Афиногенович Колмогоров приходился мне родственником. У нас довольно много однофамильцев. Впрочем, если он имеет какие-либо основания считать себя моим родственником, я буду очень рад получить от него письмо.

И ещё одно письмо. Оно тоже требует предварения.

18 апреля 1975 года Колмогорову пишет, как она сама себя обозначает, «Коровина Ирина Михайловна, пенсионерка, проживающая в городе Черкассы». Приведу выдержки из этого письма И. М. Коровиной.

Работа в области теории множеств выполнена моим супругом Коровиным Вячеславом Ивановичем в 1973 году незадолго до его кончины. Единственной его просьбой перед смертью было, чтобы я обратилась с этой работой в Академию наук и в МГУ, куда я обращалась и откуда не получила ответа.

И далее:

По Вашему лично запросу я представляю Вам машинописную копию для Вашего отзыва об этой работе. Рукопись на 112 страниц (9 школьных тетрадей).

И наконец:

Я с удовольствием дала бы согласие на соавторство человеку, кто смог бы взять на себя труд по доработке материала и редактированию его. Соавтор, конечно, фигурировал бы вторым.

Колмогоров, видимо, послал запрос, потому что в его бумагах найдена упомянутая машинописная копия тетрадей В. И. Коровина,

³⁹ Гипотетическая возможность «составить числовое неравенство по условию этой задачи» рассматривалась в письме Акименковой. — В. У.

а также несколько вариантов отзыва⁴⁰ Колмогорова на сочинение В. И. Коровина и несколько вариантов ответа Колмогорова его вдове. Само многообразие вариантов ответа производит на меня большое впечатление. Их сравнение поучительно. Как бы воочию видишь муки эпистолярного творчества Колмогорова, которому в данном случае приходилось решать одновременно три задачи: 1) наиболее точно и честно выразить свою мысль; 2) не обидеть адресата; 3) поддержать «горячность в преследовании своих идей» (выражение Колмогорова из варианта от 27 апреля). (Заметим в скобках, что мы имеем здесь тот редкий и счастливый случай, когда творческий процесс Андрея Николаевича оказался — хотя бы и в отдельных своих точках — видимым для нас.)

На протяжении 26—28 апреля 1975 года Колмогоров четырежды принимается писать И. М. Коровиной.

Вот первый вариант письма:

Москва В-234
Университет
Корпус Л, кв. 10
А. Н. Колмогоров

26 апреля 75.

Глубокоуважаемая Ирина Михайловна!

Взявшись читать подряд рукопись Вячеслава Ивановича, я сначала пришёл в полное отчаяние, так как первые две тетради содержат лишь без нужды осложнённое изложение самых начальных положений теории множеств. В следующих двух тетрадях излагается теория «концентраций», т. е., в обычной терминологии, плотностей расположения множеств на числовой прямой. Всё это элементарно и известно, но стало более чувствоваться биение самостоятельной мысли автора, который открывал всё это для себя сам.

С появлением в пятой тетради «трансфинитных чисел» мне стало интересно читать, так как я почувствовал, чем автор имел действительно основание увлечься. Окончательное его достижение — построение системы «ранговых чисел», будь оно сделано на границе девятнадцатого и двадцатого века, произвело бы впечатление. Я написал коротенькое объяснение содержания именно

(Здесь письмо остаётся недописанным.)

⁴⁰ В одном из вариантов отзыва сказано: «Я не знаю, как случилось, что В. И. Коровин работал в полной изоляции и отрыве от знакомства с серьёзными работами по теории множеств и общей алгебре».

Второй вариант письма:

Глубокоуважаемая Ирина Михайловна!

К моему большому сожалению, я не могу Вас обрадовать. Вы не можете себе представить, сколько у нас происходит аналогичных тому, что произошло с Вячеславом Ивановичем, случаев. Ко мне одному по несколько раз в год поступают работы, написанные искренними и увлечёнными людьми, пробивающимися к, как им кажется, новым и важным идеям в математике, не познакомившись с тем, что уже сделано.

Дать работу Вячеслава Ивановича кому-либо из моих молодых сотрудников оказалось невозможным, так как они, встретившись с неясностями и противоречиями на первых же страницах, отказались бы читать дальше. Я прочёл работу сам и, кажется, разобрался в том, что автора, по-видимому, увлекло всего более. К сожалению, это лишь один специальный вид «неархимедовой» системы «чисел» в обобщённом понимании этого слова, к тому же в несколько ином изложении известной. В прилагаемом отзыве я объясняю содержание этой, заключительной части рукописи Вячеслава Ивановича на современном языке. Этот отзыв может помочь разобраться в рукописи любому математику с современным образованием.

Одновременно я пишу хорошему математику из Вашего города — Александру Фёдоровичу Семеновичу⁴¹. В Вашем педагогическом институте, кажется, есть ещё неплохой алгебраист, которому рукопись Вячеслава Ивановича была бы ближе. Может быть, они найдут возможным отредактировать изложение примера неархимедовой системы, так увлечённой Вячеслава Ивановича, и где-либо напечатать.

Повторяю, однако, что всё это в лучшем случае лишь вариации на темы давно исчерпанные, так что такое предложение я делаю более в мемориальном порядке. Хочется, чтобы горячность в преследовании своих идей, пусть уже ранее пройденных, не исчезла совсем бесследно.

Я не пишу отдельно Виктору Петровичу Черникову. Мне жаль, что он в качестве «общественного эксперта» не побудил математиков Черкасс разобраться самим в этой рукописи, правда, действительно трудно читаемой.

27 апреля 1975

(А. Колмогоров)

⁴¹ Фамилия Александра Фёдоровича произносится с ударением на третьем слоге. — В. У.

Третий вариант письма:

Москва В-234
Университет
Корпус Л, кв. 10
А. Н. Колмогоров

28 апреля 75

Глубокоуважаемая Ирина Михайловна!

Рукопись Вячеслава Ивановича написана так, что разобраться в ней трудно. Обозначения и терминология необычны и очень сложны. Формулировки часто весьма туманны.

В целом надо лишь пожалеть о том, что человек, по-видимому, способный открывать новое, пошёл слишком рано своим путём, пренебрегая тем, чтобы воспользоваться уже сделанным.

Лишь в конце работы появляется кое-что хоть частично новое, хотя тоже очень близкое к уже известному.

Дать читать рукопись кому-либо из моих молодых сотрудников я не могу, так как они на первых же страницах обнаружат много несообразностей и откажутся читать дальше. Причём в части несообразностей они будут правы.

Тем не менее я сам ещё продолжу розыски и м. б. смогу выделить
(Здесь письмо осталось недописанным.)

Наконец, ещё один вариант письма:

Москва В-234
Университет
Корпус Л, кв. 10
А. Н. Колмогоров

28 апреля 75

Глубокоуважаемая Ирина Михайловна!

Рукопись Вячеслава Ивановича написана так, что разобраться в ней трудно. Обозначения и терминология необычны и излишне сложны. Формулировки часто весьма туманны, а иногда противоречат одна другой. В основном остаётся лишь пожалеть о том, что человек, видимо, способный к большим усилиям мысли, слишком рано пошёл своим путём. Это привело к тому, что он открывает заново и в несовершенной форме то, что уже было сделано.

Я ещё продолжу изучение рукописи с целью выделить то, что по существу, а не по необычной форме изложения, сколько-либо ново. После этого пришлю отзыв по Вашему желанию Викт. Петровичу Черникову или более мне известному в Черкассах А. Ф. Семеновичу.

Может быть, можно будет присоветовать что-либо из последних разделов рукописи обработать в удобопонятном виде для печати.

Только получится, если пользоваться общепринятой терминологией, небольшая заметка, а не большой труд по основаниям теории множеств. Как это ни грустно, а в таком плане (новых оснований теории множеств) я в рукописи чего-либо объективно ценного не нашёл. Вы не можете себе представить, сколько ко мне поступает аналогичных манускриптов, в которых авторы с горячим увлечением излагают, как им кажется, совсем новые идеи.

С искренним уважением
(А. Колмогоров)

Своим молодым сотрудникам я дать рукопись не решаюсь. Они обнаружат на первых же страницах ряд несообразностей и откажутся читать дальше. Редактирование того, что я надеюсь выделить как хоть частично новое, потребует искреннего желания помочь сохранению памяти о больших усилиях, вложенных в работу В. И. С другой стороны, после моих указаний, я думаю, работа будет посильна какому-либо из коллег В. И. по педагогическому институту.

И ещё одно маленькое дополнение к теме писем. К сохранившемуся в колмогоровских бумагах свидетельству о смерти его тётки по матери Надежды Яковлевны Колмогоровой приложен написанный рукою Колмогорова список из пяти адресов. На небольшом конверте, куда вложено и свидетельство, и этот список, надписано, также рукой Колмогорова: «*Адреса отправителей последних адресованных Н. Я. писем*». Надежда Яковлевна (сестра его умершей родами матери Марии Яковлевны и усыновившей и вырастившей его Веры Яковлевны, двумя годами младшая Веры Яковлевны) родилась в 1865 году, а скончалась 1 февраля 1952 года. По некоторым деталям можно судить, что список адресов составлен 2 февраля 1956 года, т. е. через четыре года после её смерти. За эти четыре года ей пришлось пять писем, каждое из которых Андрей Николаевич не оставил без внимания (а может быть, и написал адресатам).

И этот трогательный список, и уважительная переписка с учительницей Акименковой и с пенсионеркой Коровиной (а сколько ещё таких корреспондентов было в жизни Колмогорова!) не только, на мой взгляд, отражают душевные качества Андрея Николаевича, что очевидно, но и лишний раз свидетельствуют о том его чувстве личной ответственности за происходящее вокруг, о котором я уже говорил и которое отношу к наиболее примечательным и даже уникальным его чертам.

5. Как в мою жизнь вошёл Колмогоров

Впервые я увидел Колмогорова в апреле 1946 года на IX Обще-московской математической олимпиаде учащихся средних учебных заведений (таково было её полное название). Я тогда был как раз таким учащимся, а именно учеником 8-го класса «б» замечательной 167-й московской школы, что в Дегтярном переулке. (Впрочем, первая моя четвертная оценка по алгебре в 7-м классе этой школы — за первую четверть 1944/45 учебного года — была двойка, после ненужных препирательств переправленная, правда, на тройку, о чём я теперь жалею.)

Знаменитые московские математические олимпиады предваряла тогда разнообразная сопутствующая деятельность, оформленная как ведущаяся в порядке подготовки к очередной олимпиаде. Главная роль отводилась кружкам для школьников. Для них же московские профессора читали по воскресеньям блестящие популярные лекции по математике (помню до сих пор лекции Б. Н. Делоне, Л. А. Люстерника, С. А. Яновской). И оба тура олимпиады, за каждым из которых следовал интереснейший разбор его задач, и награждение победителей⁴², и лекции, и кружки — всё это происходило в открытом для всех старом здании университета в центре Москвы. Трудно уловимый таинственный запах полутёмных университетских лестниц, по которым я, восьми- и десятиклассником (почему не девятиклассником — о том ниже), поднимался на третий этаж на занятия кружков, усиливал, казалось, эмоциональную приподнятость этих занятий.

Сталинский тоталитаризм оставлял мало места для свободной интеллектуальной деятельности и ещё меньше для подлинно добровольной, не скованной идеологическим надзором общественной работы. Зато на немногочисленных островках свободы всходил богатый урожай. В интеллектуальной сфере такими островками были математика и шахматы. Как ни неприятно это признавать, но именно тяжесть, с которой партийно-идеологический пресс давил на большинство остальных областей этой сферы, немало способствовала тому, что в послевоенные годы математика и шахматы в СССР вышли на передовые позиции в мире. (Эта парадоксальная ситуация потом повторилась в программировании: отсталость советской, а потом и российской компьютерной техники сделала

⁴² Каждая олимпиада занимала четыре последовательных воскресенья: I тур; разбор задач I тура; II тур; разбор задач II тура и вручение премий и похвальных отзывов. Для IX Олимпиады эти воскресенья приходились на 7, 14, 21 и 28 апреля.

российских программистов едва ли не лучшими в мире. Демосфен, как известно, овладевал ораторским искусством, набрав в рот камней и преодолевая шум моря.)

Школьные математические кружки при Московском университете были для их ведущих одним из оазисов сравнительно свободной общественной деятельности. Они возникли ещё в предвоенные годы; война прервала их функционирование, зато на первые послевоенные годы пришёлся их расцвет. В то время эти кружки были совершенно уникальным явлением. Тем, кто их вёл (а это были аспиранты и студенты мехмата МГУ), кружки предоставляли возможность заниматься чем-то, что было одновременно и разумным, и лишённым какого бы то ни было бюрократизма. (Неудивительно, что комсомольские начальники с большой неохотой засчитывали руководство школьными кружками в счёт той обязательной общественной работы, которую должен был вести каждый комсомолец — а комсомольцами были практически все студенты и аспиранты. «Какая же это общественная работа, если она доставляет удовольствие!» — такое можно было услышать на заседаниях комитетов комсомола.) Для своих участников (т. е. для школьников) кружки создавали неповторимую творческую атмосферу демократического сотрудничества. Демократические традиции тщательно соблюдались. К участникам кружков обращались только на Вы. Руководителей же принято было называть только по имени — а не по имени и отчеству, как школьных учителей. Подобные детали производили на школьников сильное впечатление.

О публичных лекциях для московских школьников оповещали типографские афиши, расклеиваемые на городских тумбах. Весною 1945 года я, семиклассник, увидел такую афишу и пришёл на лекцию, не помню уж чью. По-видимому, это было закрытие сезона, так как после лекции руководители кружков рекламировали свои кружки следующего сезона. Здесь я и узнал о существовании школьных кружков в университете. Из выступавших руководителей мне запомнились Е. Б. Дынкин и А. С. Кронрод (который обещал на своём кружке объяснить, почему круг не может быть равносторонним с квадратом, но, между прочим, не выполнил своего обещания). Когда всё кончилось, я подошёл к Дынкину, мы разговорились, произвели друг на друга благоприятное впечатление, и он пригласил меня в свой кружок на будущий учебный год.

Так я познакомился с Евгением Борисовичем Дынкиным (11.05.1924—14.11.2014), тогда просто Женей, студентом-пятикурсником мехмата (а впоследствии — профессором Корнеллского университета и членом Национальной академии наук США), моим первым учителем

в области математики, которому я благодарен за многое, в частности, за то, что он, проявляя искреннюю заботу обо мне, способствовал тому, чтобы моим учителем стал впоследствии его собственный учитель — Колмогоров.

С осени 1945 года я стал постоянным участником кружка Дынкина и уже в качестве такового весной 1946 года явился на IX Олимпиаду. Там при церемонии не то её открытия (тогда — 7 апреля), не то закрытия (тогда — 28 апреля) я и увидел впервые академика Колмогорова. На трибуну вышел молодежавый⁴³ человек, слегка смуглый и ни на кого не похожий. Говорил он как-то гнусаво, держа голову несколько набок. Начал он фразой: «Президент Московского математического общества Павел Сергеевич Александров поручил мне приветствовать участников [это если дело было при открытии; если при закрытии, то «победителей». — В. У.] математической олимпиады». На меня, воспитанного в иерархическом советском обществе, эти слова произвели тогда впечатление: сколь же велик должен быть тот, кто может поручать академику!

Премия на олимпиаде состояла в те поры из грамоты и стопки математических книг, причём величина этой стопки зависела от ранга премии. Первая премия была столь объёмистой, что, как правило, стопка рассыпалась, пока счастливый победитель нёс её, придерживая подбородком, от стола президиума к своему месту в зале. Никакой верёвочки, чтобы связать стопку, не полагалось: возникающие затруднения должны были, видимо, способствовать тому, чтобы сделать премию незабываемой. Непросто было и доставить премию домой: вспоминаю победителей олимпиад, сидящих в радостной растерянности во дворике (там, где памятник Ломоносову) напротив Манежа на ступенях старого университетского здания (того, что со стеклянным куполом — там был мехмат), окружённых своими книгами и ждущих вызванных по телефону-автомату и спешащих на помощь родителей. Заботливые организаторы олимпиад старались индивидуализировать подбор книг в соответствии с предполагаемыми вкусами лауреата. На церемонии закрытия IX Олимпиады мне была вручена первая премия по восьмым классам. Среди выданных мне книг я обнаружил новенький экземпляр «Введения в теорию функций действительного переменного» П. С. Александрова и А. Н. Колмогорова, третье издание (1938 год), с надписью синими чернилами на форзаце: «От авторов. А. Колмогоров». Охвативший меня трепет я помню до

⁴³ Теперь бы я сказал «молодой». Прямо в дни проведения IX Олимпиады, 25 апреля 1946 года, Колмогорову исполнилось 43 года.

сих пор, а книгу храню как реликвию. В 1956 году П. С. Александров поставил и свою подпись под подписью Колмогорова, и рядом приписал: «*Дорогому Владимиру Андреевичу Успенскому. Весна 1946 — весна 1956 г. (Дистанция огромного размера.)*».

По инициативе и с помощью Е. Б. Дынкина я перескочил через девятый класс⁴⁴ и в 1946/47 учебном году учился уже в десятом. Разумеется, я продолжал ходить на кружок Дынкина⁴⁵ и там нашёл решение одной задачи, которое и тогда и сейчас кажется мне очевидным, но которое сыграло роль в моей судьбе.

Как-то Дынкин рассказал на кружке следующую известную задачу о размножении бактерий, которую он при этом называл «задачей о размножении лордов». Изложу её суть в терминах бактерий. Каждая бактерия через единицу времени после своего появления на свет делится с вероятностью p_k на k потомков, $k = 0, 1, \dots, n$. Вероятность p_0 естественным образом понимается как вероятность смерти бактерии через единицу времени после рождения. Спрашивается, какова вероятность того, что весь род, начавшийся с данной бактерии, когда-либо целиком вымрет.

Объяснив эту задачу, Дынкин написал на доске уравнение, которому должна удовлетворять искомая вероятность x :

$$x = p_0 + p_1x + p_2x^2 + \dots + p_nx^n,$$

— и сказал, что доказывается это с помощью техники производящих функций, недоступной участникам школьного кружка. Я возразил, что это очевидно, и предложенное мною объяснение понравилось Дынкину настолько, что он счёл нужным сообщить о нём Колмогорову, который, по словам Дынкина, также остался доволен. Надо думать, именно тогда Колмогоров впервые услышал и, как потом выяснилось, запомнил моё имя.

В 1947 году я поступил на первый курс механико-математического факультета МГУ — знаменитого мехмата⁴⁶ — продолжая ходить

⁴⁴ Подробнее об этом — в приложении 3, с. 204.

⁴⁵ Результат этого «хождения» нашёл отражение в нашей с Е. Б. Дынкиным книге «Математические беседы», содержащей, в частности, материалы дынкинского кружка; книга вышла в 1952 году ◀▶ (а вторым изданием — в 2004 году). ◀●

⁴⁶ «Который был одним из лучших математических вузов мира в 1955 году, когда я пришёл на 1-й курс» (Новиков С. П. Экзамен для академиков // Московские новости. — № 7 (501). — 18 февраля 1990 года. — С. 15). В 1947 году мехмат, на мой взгляд, вполне соответствовал оценке Новикова. Перерождение факультета началось, когда 1 декабря 1969 года его деканом сделался Пётр Матвеевич Огибалов. (П. М. Огибалов оставался деканом

в кружок Дынкина, ставший семинаром для первокурсников. Руководство же своим кружком для школьников Дынкин передал мне, и я стал таким образом первым первокурсником, получившим школьный кружок в «собственное владение» (до того первокурсники допускались лишь к роли помощника руководителя; моими помощниками сделались мои однокурсники Лёня (Ион Зельманович) Розенкноп и Эрик (Эрих-Грегор Эрвинович) Б́алаш; думаю, что «омоложение руководства» было неправильным, и именно отсюда надо отсчитывать начало распада школьных кружков на мехмате).

В конце первого курса Дынкин предложил мне серию задач, последовательное решение которых должно было составить статью «Геометрический вывод основных свойств гармонических функций», предназначенную для публикации в «Успехах математических наук» (статья действительно была написана и весной 1949 года опубликована в этом журнале). Первый написанный мною вариант был ужасен. Как многие начинающие математические авторы, я старался избегать слов на естественном языке и всюду, где можно, заменял их формулами. Дынкин, разумеется, вариант отверг, но сказал: «Вам бы надо работать с Колмогоровым [и это было предвестием моей будущей судьбы. — В. У.], он тоже любит всякие обозначения».

С начала третьего курса я стал слушать совершенно для меня необязательный (во всяком случае, я его никогда не сдавал) спецкурс⁴⁷ Колмогорова «Теория меры и интеграла Лебега». Первая лекция состоялась 14 сентября 1949 года, а последняя — 17 мая 1950 года. Среди слушателей я был самым младшим и понимал не слишком хорошо (посещавшая тот же спецкурс пятикурсница Лена, впоследствии профессор Елена Валериевна, Гливенко утешала меня тем, что теория меры — такая наука, что её и полагается не понимать). Тем не менее, я осмелился возразить на одно из утверждений Колмогорова. Речь на лекции шла о неизмеримых множествах. Кол-

механико-математического факультета вплоть до весны 1977 года, когда его сменил Алексей Иванович Кострикин. В предвоенные годы П. М. Огibalов возглавлял Первый отдел Московского университета, о чём с умилением вспоминал на восьмидесятилетии Огibalова в 1987 году проректор университета академик Евгений Михайлович Сергеев, который в те же предвоенные годы был начальником университетского комсомола.)

«Наш большой факультет», — сказал мне Колмогоров в начале восьмидесятых годов. См. приложение 8, с. 219.

⁴⁷ Спецкурсами (т. е. специальными курсами) на мехмате традиционно называются не входящие в общеобязательный учебный план лекционные курсы, которые студенты выбирают для слушания. В течение обучения студент должен сдать определённое количество спецкурсов.

могоров сообщил, что окружность нельзя разбить на два взаимно дополнительных неизмеримых множества так, чтобы эти множества были конгруэнтны. «Я не буду этого доказывать, — сказал Колмогоров, — но вы уж мне поверьте». Я не поверил и оказался прав. В перерыве я подошёл к нему с контрпримером. Колмогоров немедленно согласился и спросил мою фамилию. Оказалось, что он её знал: «А-а-а, Вы тот самый дынкинский Успенский». На втором часу лекции, после перерыва, он изложил на доске мою конструкцию, назвав моё имя в качестве автора. Нетрудно представить, что это означало для третьекурсника. Я запомнил и дату — это было 19 октября 1949 года.

На одной из следующих лекций (а, может быть, даже и на этой) Колмогоров пригласил меня к себе в Комаровку, спросив, способен ли я только говорить о математике или готов также кататься на лыжах. Я должен был приехать в воскресенье 22 января 1950 года (кажется, я сперва был приглашён на более раннее воскресенье, ещё в конце 1949 года, но не смог приехать по болезни) к 12 часам дня, если предполагаются лыжи, и к 4 часам дня, если без лыж. (Лыжами и обувью обеспечивал хозяин.) У меня сохранился выданный из блокнота листок, на котором на одной стороне рукою Колмогорова написано:

*ст. Болшево ст. Тарасовка
дер. Комаровка д. 14*

— а на другой стороне его же рукой начерчен план, как идти от Тарасовки и как от Болшева. Не помню, какой путь я выбрал, кажется от Тарасовки, но что помню точно, это что я приехал к 12 часам и тем самым выбрал лыжи. Знал бы я, на что себя обрекаю!

О том, что существует разница между детским катанием с продетым в ременную (а то и верёвочную) петельку носком валенка, которое, собственно, я только и знал, и оперированием с лыжами чуть ли не на профессиональном уровне, я как-то не задумывался. Первое изумление постигло меня, когда мне были выданы лыжи с не виданными мною до той поры креплениями — жёсткими или полужёсткими, не помню сейчас. Крепления тоже, видимо, изумились при виде меня и долго не могли ко мне привыкнуть — лыжи на мне просто не держались. Они постоянно с меня спадали, при этом всякий раз Колмогоров, стоя в снегу на коленях, поправлял крепления. Наконец, одна лыжа уехала от меня под гору. Кажется, я в этом не вполне был виноват, поскольку при правильной постановке дела лыжа не должна уезжать даже при полной бездарности лыжника. Мы вернулись, и на меня надели другие лыжи, которые

уже не уезжали. Горка, с которой мы катались, называлась «Горка Соболева», поскольку Сергей Львович Соболев⁴⁸ когда-то облюбовал её для катания. Думаю, что это был первый случай, когда я катался на лыжах с горки. Думаю также, что это был первый случай в биографии Колмогорова, когда он, замечательный лыжник, катался с таким, мягко сказать, дилетантом. Но он нашёл повод похвалить меня. Когда мы вернулись, он сказал: «Вот видите, Вы делали такие изящные движения, что мало вспотели». Думаю, что я старался вообще не делать никаких движений.

С этого кошмара началось моё близкое знакомство с Колмогоровым, с Комаровским домом, который он делил с Павлом Сергеевичем Александровым⁴⁹. Сам дом, старый, полтораэтажный и многокомнатный, его интерьер небогатой дворянской усадьбы рубежа веков, подававший к обеду самодельный чрезвычайно шипучий квас с обязательной изюминкой в каждой запечатанной бутылке — всё это не могло не произвести впечатления. А висевшая в уборной подробная инструкция, как, какой кружкой и откуда черпая следует заливать унитаз, инструкция, предписывавшая выполнять самоё себя неукоснительно, сражала наповал. В ней, в частности, указывалось: «По завершении соответствующих процедур воду спустить полностью независимо от грандиозности поставленных целей и величия достигнутых результатов».

Впечатление полной непохожести комаровского дома ни на что другое усугубляли гуси, разводившиеся там не в хозяйственных целях, а просто так. Не помню, появлялись ли они на дворе зимой. Но весной, летом и осенью они злобно шипели и агрессивно вытягивали шею на посетителя; я боялся их всерьёз.

6. Моё ученичество у Колмогорова

Меня одолевали сомнения, смогу ли я стать профессиональным математиком; да и сейчас, сравнивая себя с коллегами, не могу считать себя таковым. Тогда, 22 января 1950 года, после лыжных катаний, обязательного душа и обеда с упомянутым квасом, я поделился этими сомнениями с Колмогоровым. Мы довольно долго

⁴⁸ С. Л. Соболев (1908—1989) — известный математик, избранный действительным членом Академии наук СССР в один день с А. Н. Колмогоровым (29 января 1939 года). В 1957 году стал одним из отцов-основателей Сибирского отделения АН СССР. Институт математики этого отделения теперь носит его имя.

⁴⁹ Об Александрове см. статью «О П. С. Александрове, а также „деле Лузина“ и Айседоре Дункан» на с. 523—561 настоящей книги.

разговаривали с ним в одной из комнат на антресолях, и Андрей Николаевич, выяснив мои математические пристрастия, подарил мне оттиски трёх своих знаменитых работ по математической логике и теории множеств: «О принципе *tertium non datur*»⁵⁰ (из «Математического сборника» за 1925 год), «Об операциях над множествами» (из «Математического сборника» за 1928 год) и «Zur Deutung der intuitionistischen Logik»⁵¹ (из «*Mathematische Zeitschrift*» за 1932 год). На последнем оттиске он сделал надпись: «*Володе Успенскому в час его сомнений насчёт своей математической судьбы. 22-1-1950. А. Колмогоров*». Тогда же, не без некоторой торжественности, я был произведён в ученики и мне была назначена тема занятий: рекурсивные функции⁵². Мне было сообщено, что это важная вещь, но что в нашей стране они мало кому известны. Получалось, что Колмогоров решил иметь собственного специалиста по этим функциям — как бы своего «наместника» в этой области. Мне были выданы на время иностранные журналы со статьями Клини и других для самостоятельного изучения. «В крайнем случае, — сказал Колмогоров, — если из вас ничего не выйдет, будете делать нам грамотные рефераты».

В 1950 году Колмогоров обсуждает проблематику рекурсивных функций со мной, а также, по переписке, с Борисом Авраамовичем Трахтенбротом. 1 декабря 1949 года Колмогоров представил в «Доклады Академии наук» заметку Трахтенброта «Невозможность алгоритма для проблемы разрешимости на конечных классах» (а в сентябре 1950 года упомянул о ней на съезде венгерских математиков при обсуждении пленарного доклада Ласло Кальмара). Не исключено, что именно эта заметка была тем детонатором, который побудил Колмогорова загрузить меня рекурсивными функциями. Трахтенброт жил тогда в Киеве и собирался осенью 1950 года защищать кандидатскую диссертацию «Проблема разрешимости на

⁵⁰ *Tertium non datur* (в буквальном переводе: третьего не дано, т. е. или—или, одно из двух) — латинское изречение, выступающее здесь в качестве названия одного из законов логики — закона исключённого третьего.

⁵¹ «К толкованию интуиционистской логики» (нем.). Мог ли я думать тогда, что через тридцать пять лет и два дня будет подписан к печати первый том избранных трудов Колмогорова, в котором мне доведётся участвовать в роли переводчика и комментатора этой статьи!

⁵² Понятие рекурсивной функции является строгим математическим аналогом интуитивного понятия «вычислимая функция с натуральными аргументами и значениями». Слово «вычислимая» означает «вычисляемая с помощью какого-либо алгоритма». Слово «натуральные» в применении к аргументам и значениям означает, что они суть натуральные (т. е. неотрицательные целые) числа.

конечных классах и определение конечности множества». Он просил Колмогорова быть его оппонентом. Колмогоров приехать в Киев не смог (и не знаю, числился ли он официальным оппонентом), но он отправил туда отзыв, в котором высоко оценил диссертацию. Защита благополучно состоялась 31 октября 1950 года — это была, скорее всего, первая защита диссертации по математической логике в нашей стране. А второй, по-видимому, была защита на механико-математическом факультете Московского университета в 1952 году кандидатской диссертации Александра Александровича Зыкова «О проблеме сведения проблемы разрешимости в логических исчислениях». Здесь уж точно (я был на защите) Колмогоров числился официальным оппонентом, хотя на защите и не присутствовал, а был представлен лишь своим отзывом. (По тогдашним — и сохранявшимся десятилетиями — правилам в случае отсутствия на защите официального оппонента назначался дополнительный оппонент; в качестве такового на защите Зыкова выступил логик Дмитрий Павлович Горский, сам только что ставший кандидатом философских наук.) По моему незыблемому убеждению, эти два отзыва, как и все отзывы Колмогорова (и все принадлежащие ему тексты вообще!) следует разыскать и опубликовать.

К концу 1951 года Колмогоров начинает всё более и более концентрированно размышлять над проблемой общего определения понятия «алгоритм». По-видимому, он думал об этом и раньше. В моей памяти остались какие-то относящиеся к тому времени неопределённые слухи, что Колмогоров где-то когда-то делал доклад, в котором излагал общую концепцию алгоритма в терминах вкладываемых друг в друга ящиков. Или так «испорченный телефон» преобразовал знаменитую статью Э. Л. Поста (E. L. Post) о финитных комбинаторных процессах, где исполнитель процесса перемещается по ящикам? Но у Поста ящики не вкладывались друг в друга.

2 декабря Колмогоров интенсивно обсуждает со мной проблему определения алгоритма, уже употребляя термин «комплекс». Затем в самом конце года я получаю от Колмогорова лист, на одной стороне которого размашисто написано «Успенскому» с длинным, вертикально вниз висящим хвостом у последнего «у». А на другой стороне — машинописный текст, начинающийся фразой: «Состояние машины S есть одномерный комплекс K с выделенным на нём активным множеством вершин A и заданной на всех его вершинах функцией $f(e)$ со значениями $1, 2, \dots, n$ ». Это был первый текст, содержащий определение знаменитых теперь машин, или алгоритмов, Колмогорова.

Мне поручалось развить это определение, что я и сделал в своей дипломной работе «Общее определение алгоритмической вычислимости и алгоритмической сводимости». Защита состоялась в субботу 10 мая 1952 года и происходила на кафедре истории математических наук, которой заведовала Софья Александровна Яновская и к которой была тогда причислена математическая логика⁵³. На защите, кроме Колмогорова, научного руководителя работы, выступил и рецензент, каковым был Пётр Сергеевич Новиков, один из крупнейших российских учёных XX века. Такие были времена! Отзывы Колмогорова и Новикова сохранились в архиве кафедры математической логики и теории алгоритмов. Отзыв Колмогорова приводится ниже⁵⁴, отзыв Новикова вынесен в приложение 4, с. 209.

Отзыв на дипломную работу студента Успенского В. А.

Тема: «Общее определение алгоритмической вычислимости и алгоритмической сводимости»

Руководитель: академик Колмогоров А. Н.

Работа интересна в двух отношениях:

1) В ней впервые подвергнута подробному исследованию алгоритмическая сводимость вычисления функции

$$y = \gamma(x)$$

к вычислению функции

$$y = \delta(x)$$

(x и y — натуральные числа).

2) В ней подвергается более полному, чем до сих пор делалось, анализу само понятие алгоритмической вычислимости.

1) Автор приводит только одно предлагавшееся до него формально безукоризненное определение алгоритмической сводимости, которое он на стр. 22 приписывает Б. А. Трахтенброту: функция γ сводится к функции δ , если γ принадлежит рекурсивному замыканию δ . Автор показывает, что в действительности такая сводимость может всегда быть осуществлена очень простым каноническим образом при помощи раз навсегда заданных

⁵³ Сейчас такой кафедры нет (существует только «кабинет истории математики и механики»), а тогда при ней состоял ещё «Большой логический семинар», происходивший по субботам с 7 часов вечера (позже он был перенесён с субботы на среду). В отведённые для этого семинара время и аудитории и была назначена защита дипломной работы.

⁵⁴ Отзыв печатается по опубликованному ранее в сборнике «Явление чрезвычайное. Книга о Колмогорове», с. 234—235. — *Прим. ред.*

примитивно-рекурсивных функций $\tau(u)$ и $\omega(u)$ и зависящих от пары γ, δ примитивно-рекурсивных функций $h(u, v, \omega)$ и $\varphi(m)$. См. об этом теорему на стр. 28. Это основной новый с чисто математической точки зрения результат работы. Определение сводимости по Трахтенброту нуждается в известном «оправдании» его соответствия интуитивной идее сводимости в смысле существования «механического» способа получения при любом x значения $\gamma(x)$ в предположении, что получение значений $\delta(x)$ сделано каким-то способом доступным для любого x . Общие контуры возможной формализации этой идеи были намечены Поустом⁵⁵. В дипломной работе полностью воспроизведён перевод соответствующего места статьи Поуста. Автор дипломной работы, по-видимому, впервые даёт соответствующее этой идее определение сводимости с полной отчётливостью и доказывает его эквивалентность определению Трахтенброта. Это тоже весьма существенное достижение автора дипломной работы.

2) Кроме того, в работе содержится хороший обзор различных предлагавшихся ранее определений алгоритмической вычислимости числовой функции $y = \delta(x)$. В центре изложения помещено определение, предложенное мною, интерес которого, на мой взгляд, убедительно аргументирован автором дипломной работы. Доказана равносильность этого определения прежде предлагавшимся. В известном смысле слова этот результат можно рассматривать как «обоснование» прежних определений, так как в моём определении становится особенно ясной основная идея алгоритмической вычислимости, которая отличается от вычислимости обыкновенным реальным счётным механизмом только неограниченным объёмом «запоминающего устройства» механизма.

8 мая 1952 года.

А. Колмогоров

Помню, перед самой защитой Андрей Николаевич сказал: «Что такое примитивно-рекурсивные функции — неясно. Какие у них дескриптивные характеристики?».

В те годы (и ещё долго потом) на еженедельных заседаниях Московского математического общества происходило по два доклада. Два доклада состоялись и на заседании 17 марта 1953 года. Первым был доклад А. Н. Колмогорова «О понятии алгоритма», вторым —

⁵⁵ Написание «Поуст» заимствовано из текста дипломной работы, относящейся к времени, когда русское написание фамилии американского математика E. L. Post'a ещё не установилось как «Пост». — *Прим. ред.*

мой «О понятии алгоритмической сводимости» (Колмогоров предлагал некоторую конструкцию, позволяющую вычислять функцию, так сказать, «из ничего»; я же использовал эту колмогоровскую конструкцию для того, чтобы свести вычисление одной функции к вычислению другой). Помню, что после заседания, на Моховой улице возле университета, я познакомил Колмогорова с моей будущей женой Светланой Киселевской.

Колмогоров жил тогда в квартире 144 дома 13 («Дом академиков») по Большой Калужской улице (это давно Ленинский проспект). Зимой и весной 1952 года он дважды (23 января и 13 марта) приглашал меня, тогда пятикурсника, туда к себе для продолжительных разговоров на математические темы. От этих тем кружилась голова. В первый из визитов он обрушил на меня проблему: «Можно ли определить, что это такое — называемое множество натуральных чисел?». И сам же ответил: «Очевидно, этого никогда нельзя будет сделать». А далее эта проблема оказывалась увязанной с вопросом о классификации подмножеств натурального ряда, с понятием конструктивного трансфинита, с тонким выяснением обстоятельств использования трансфинитных чисел вообще, с континуум-гипотезой. Тогда же обсуждалась аналогия между теорией рекурсивных функций и дескриптивной теорией множеств.

Моё студенчество закончилось. Колмогоров предложил мне поступать к нему в аспирантуру. Летом 1952 года я жил с родителями на даче в деревне Шуколово близ станции Турист Савёловской ветки железной дороги, готовился ко вступительным экзаменам и трижды — 6 июля, 3 августа и 15 августа — ездил в Комаровку.

Во время второго визита Колмогоров вручил мне обширную рукопись ленинградского математика Н. А. Шанина «О некоторых логических проблемах арифметики», предназначенную для «Успехов математических наук»⁵⁶ и велел сообщить моё мнение о ней. Это было моё первое знакомство с тем, что многие (в том числе, кажется, сам Н. А. Шанин и его учитель А. А. Марков младший) обозначали термином «оголтелый конструктивизм»⁵⁷. Этот оголтелый конструктивизм статьи обрушился на мою неподготовленную

⁵⁶ Но в конце концов опубликованную не в «Успехах», а в качестве 43-го тома «Трудов Математического института Академии наук СССР».

⁵⁷ Конструктивизм, или конструктивное направление в математике, отвергает (а «оголтелый» конструктивизм делает это особенно бескомпромиссно) многие традиционные представления и логические законы, издавна используемые в математике, — такие, например, как представление о бесконечном множестве или закон исключённого третьего. Математику, использующую традиционные законы и представления, сами конструктивисты называют «классической».

голову — неподготовленную, несмотря на знакомство с упоминавшейся уже статьёй Колмогорова 1925 года. Дело в том, что статья Колмогорова, написанная хотя и с интуиционистских позиций⁵⁸, отличалась мягкостью стиля, как бы приглашающего читателя к размышлениям⁵⁹. Статья же Шанина была написана категорично. Всё это я пишу скорее в объяснение, чем в оправдание чрезмерной резкости моего отзыва, который я сообщил Колмогорову сперва в устной (во время визита в Комаровку 15 августа), а потом и в письменной форме. При этом, как мне казалось, между нами было достигнуто взаимопонимание, что текст мой носит сугубо внутренний характер и не предназначен для глаз автора. Тем не менее текст попал-таки к Шанину, который был справедливо уязвлён тем, что какой-то мальчишка вздумал учить его, доктора физико-математических наук (правда, получившего докторскую степень за самую что ни на есть традиционную, совершенно «неконструктивную» теоретико-множественную топологию). Николай Александрович Шанин, надо сказать, повёл себя благородно. Мы не были с ним знакомы. Он разыскал меня и повёл в кафе. Я чувствовал себя смущённым. Мы объяснились, и мне показалось, что Шанин меня простил. А через одиннадцать лет, показалось, отомстил⁶⁰.

Основоположителем конструктивизма был Андрей Андреевич Марков младший (1903—1979). Конструктивизм можно считать дальнейшим развитием интуиционизма, вождем которого был знаменитый голландский математик Л. Э. Я. Брауэр (1881—1966).

⁵⁸ И даже более строгих, чем позиции самого Брауэра, основоположника интуиционизма: 22-летний автор бросал вызов великому Брауэру, косвенно обвиняя его в недостаточно последовательном отстаивании собственных принципов!

⁵⁹ Тут я хотел бы заметить, что эта мягкость вообще отличала стиль общения Колмогорова. В разговоре для него было менее естественно сказать категорически: «Нет, это неверно, а верно так», чем полувопросительно: «Может быть, лучше так?». И хотя бывало, конечно, что он злился, даже в этих случаях его раздражение проявлялось иногда в непривычно сдержанных формах. Помню, как весной 1972 года, читая в аудитории 02 Главного здания МГУ лекции по математической логике для первокурсников мехмата, он в очередной раз запутался в шнуре от прикрепленного к лацкану его пиджака микрофона и с неожиданным спокойствием сказал: «Я, кажется, сейчас выйду из себя».

⁶⁰ ► В памяти Н. А. Шанина вся история отложилась совершенно иначе. Его негодующее и во многом справедливое письмо ко мне с изложением собственной версии этих событий опубликовано в приложении 5, с. 211. Должен признаться, что пока я не достиг «возраста Иисуса Христа», я вёл себя по отношению к конструктивистам вызывающе, да и просто глупо — при том, что состоял учёным секретарём кафедры, которую возглавлял вождем конструктивистов Андрей Андреевич Марков младший. ◀

Тогда я обиделся на Колмогорова: мне казалось, что он не выполнил нашей договорённости. Потом я понял, что причина обиды глубже: мне тогда пришлось впервые осознать столь же очевидное, сколь и справедливое, естественное положение вещей — в моём мире Колмогоров занимает несоизмеримо более высокое место, чем я в его, и он имеет полное право забыть или даже не обратить внимания на нашу договорённость. Сказанное относится к тонким нюансам и никоим образом не должно интерпретироваться как даже намёк на невнимательное отношение Колмогорова к своим ученикам.

5 сентября 1952 года я сдавал вступительный экзамен в аспирантуру по математике — принимали его у меня А. Н. Колмогоров и С. Л. Соболев. Среди других вопросов мне достался пример на замену переменных в частных производных, в какой-то замене я благополучно запутался. (А мог бы предвидеть, зная, что экзаменовывать будет Соболев! К тому же именно за эту тему, будучи на втором курсе, Фридрих Карпелевич, впоследствии известный математик и заведующий кафедрой в МИИТе, и я получили двойки за контрольную работу по математическому анализу у Бориса Павловича Демидовича, который вёл в нашей группе упражнения, — и поделом, потому что накануне до поздней ночи пробродили под окнами упоминавшейся уже Светланы.) Тем не менее, на вступительном экзамене я получил либеральную пятёрку и был зачислен в аспирантуру к академику Колмогорову по специальности «Математическая логика» на срок с 15 октября 1952 по 15 октября 1955 года. Для меня было неожиданно обнаружить, что я не одинок в этом качестве: у меня оказался коллега с тем же руководителем, той же специальностью и тем же сроком. Им был до того неизвестный мне Юрий Тихонович Медведев, только что окончивший Воронежский университет. Мы оба, Медведев и я, формально числились аспирантами кафедры истории математических наук, той кафедры, к которой была приписана математическая логика — а приписана она была по персональным причинам: историей математических наук заведовала Софья Александровна Яновская, читавшая спецкурс по математической логике и руководившая (совместно с П. С. Новиковым) научно-исследовательским семинаром по математической логике. Руководителем же нашим был А. Н. Колмогоров — заведующий кафедрой теории вероятностей.

Кандидатский минимум для аспирантов-математиков Московского университета был устроен тогда совсем не так, как сейчас. Сейчас центральным экзаменом минимума является экзамен по более или менее узкой математической специальности — той самой специальности, по которой и происходит обучение в аспирантуре. Тогда такого

экзамена не было. Считалось, что свою-то специальность аспирант должен знать и безо всякого экзамена, просто потому, что он ею занимается — или, во всяком случае, должен заниматься, — на должном уровне. (Колмогоров вообще, мне кажется, считал, что аспирант, сдающий кандидатский экзамен, должен временно становиться чуть ли не первым специалистом в мире по теме этого экзамена — а уж к теме-то диссертации это относилось в полной мере!)

Перечень подлежащих сдаче экзаменов аспирант получал от своего руководителя. Когда я явился к Колмогорову, чтобы он указал мне темы моих предстоящих экзаменов, он отнёсся к проблеме очень серьёзно. Немного подумав, он назвал высшую алгебру (по двухтомнику Ван дер Вардена «Современная алгебра»; экзамен я вспоминаю как один из самых трудных в моей жизни, а принимали его А. Н. Колмогоров и А. Г. Курош⁶¹ в колмогоровской квартире). В качестве темы второго экзамена были названы уравнения математической физики — по «Методам математической физики» Д. Гильберта и Р. Куранта и «Уравнениям математической физики» С. Л. Соболева. Надо сказать, что сюжеты обоих экзаменов, в особенности же второго, были весьма далеки от моих собственных математических интересов. Колмогоров, конечно, это понимал, но хотел сделать из меня образованного человека. Поэтому, говоря об уравнениях математической физики, он прибавил: «И уж, пожалуйста, с численными методами. А математическую логику вы и так должны знать». По-видимому, что-то отразилось на моём лице, потому что Колмогоров меня пожалел и объявил, что в качестве третьего экзамена назначит нечто близкое к логике. В качестве такого близкого была выбрана теория релейно-контактных схем по незадолго до того вышедшей книге М. А. Гаврилова. Я уже писал, что эта книга относилась к жанру технических, а не математических наук и что мне нелегко было сквозь неё прорваться. Так, месяца два я не мог понять, как работает триод — а книга начиналась с физических основ релейной контактности. И только, наконец, разобравшись, обнаружил, что и понимать-то это было необязательно.

Пять кандидатских экзаменов сдавались на отметку от «неудовлетворительно» до «отлично»: по иностранному языку, философии

⁶¹ Александр Геннадиевич Курош (1908—1971) — ученик П. С. Александрова, блестящий лектор и автор широко распространённого университетского учебника «Курс высшей алгебры», в 1949 году сменивший Отто Юльевича Шмидта в должности заведующего кафедрой высшей алгебры механико-математического факультета МГУ (кафедра была создана О. Ю. Шмидтом в 1929 году, когда мехмата как отдельного факультета ещё не было).

(разумеется, марксистско-ленинской) и три математических экзамена. Помимо экзаменов полагалось ещё сдать три отчёта, уже без отметки. В качестве одного из них мне было велено перевести на русский язык книгу Рожи Петер «Рекурсивные функции» (первую в мире книгу на эту тему), вышедшую на немецком языке в Будапеште в 1951 году. Я не решился сказать Колмогорову, что не знаю немецкого языка. К счастью, Рожа Петер была венгерка, и её немецкий был не слишком сложен. К тому же в книге было много формул. Всё это способствовало тому, что я успешно сдал этот отчёт. Русский перевод книги вышел в Издательстве иностранной литературы в 1954 году. Колмогоров написал к этому изданию замечательное предисловие, в котором, в частности, впервые была опубликована следующая общеизвестная теперь идея: доказывать существование неразрешимого перечислимого множества, исходя из существования такой не везде определённой вычислимой функции, которая не может быть продолжена до другой — вычислимой же, но всюду определённой.

А 2 декабря 1952 года Колмогоров изложил мне весьма кратко, в течение пяти минут, — но зато дал списать с заготовленной им бумажки, озаглавленной «Гёдель и рекурсивная перечислимость», — основополагающие идеи о связи теоремы Гёделя о неполноте аксиоматических систем (для самых общих исчислений) с существованием множеств, не являющихся рекурсивными, и пар множеств, не являющихся рекурсивно отделимыми. Бумажка была написана им «для себя», и разобраться в ней, а тем более в его сопутствующих устных комментариях, мне было тогда непросто. Потом всё как-то выстроилось, и 8 мая 1953 года Колмогоров представил в «Доклады АН СССР» мою заметку «Теорема Гёделя и теория алгоритмов», написанную на основе его идей. Высокое искусство Колмогорова как учителя состояло в умении создать у ученика впечатление, что именно он, ученик, полноценный автор статьи. Колмогоров во много раз реже, чем имел на это все права, выступал в роли соавтора своих учеников (ср. с пересказываемым ниже выступлением А. Я. Хинчина 5 мая 1953 года на колмогоровском юбилее, с. 128—129). В 1958 году в «Успехах математических наук» под двумя нашими фамилиями вышла статья «К определению алгоритма», в которой мне принадлежит, по существу, лишь черновая работа.

На аспирантуру приходится наибольшая плотность моего общения с Колмогоровым. О чём только не узнавал я в разговорах с ним! И о проблеме полноты для конструктивной логики. И о вероятностном методе решения уравнения Лапласа. И о том, что обычная теория множеств состоит из фактов, стабилизирующихся с некоторого

момента. И о том, что сам Колмогоров «в душе конструктивист». Но он достаивал меня также разговорами об Академии наук, о Чюрлёнисе, о музыке, о моих вкусах, о женщинах в науке, о новом здании МГУ, о том, как неторопливо и обдуманно выбирает себе вино к обеду аббат в парижском ресторане... Колмогоров был меломан. У него не было времени ходить на концерты, но он неоднократно заявлял, что для человека, интересующихся именно музыкой, а не туалетами дам — тут он явно пользовался какими-то старыми воспоминаниями, — хорошая запись ничем хуже концерта. В Комаровском доме была собрана представительная коллекция записей — на пластинках, а потом на магнитофонных лентах. Мой великий учитель пытался приобщить меня к музыке, в частности к пению. Я не любил пения как вида искусства. В частности, меня раздражало, что в оперном пении слов, как правило, разобрать невозможно. Колмогоров просветил меня, объяснив, что человеческий голос — это особый вид музыкального инструмента. Я готов был изменить свои взгляды, но чёрт дёрнул меня спросить, а зачем тогда слова, в большинстве случаев неразборчивые, а при попытке их осознать оказывающиеся стихами низкого качества. Колмогоров задумался, но не смог мне ответить. Помню, что этот разговор происходил после арии Орфея из оперы Глюка «Орфей и Эвридика»; эта пластинка сравнительно часто ставилась, и из неё мне запомнились слова, в виде исключения разборчивые: «Потерял я Эвридику, Эвридики нет со мной...».

От Колмогорова услышал я, что подлинно возвышенна лишь атеистическая мораль, поскольку она основана на внутреннем нравственном чувстве, а не на страхе перед Божьей⁶² карой. Что писатель Пришвин считал себя учреждением (чувствовалось, что это нравится Колмогорову и что он тоже склонен так себя рассматривать). Что существуют предельные размеры научного института, при превышении которых прекращается разумный обмен информацией с внешним миром, а все обменные процессы протекают только внутри института — между его отделами. Иногда Колмогоров рассказывал мне короткие истории — то, что в старину на классическом русском языке называлось анекдотами. Одну из таких историй я сейчас приведу. К сожалению, я не могу воспроизвести ни неподражаемой колмогоров-

⁶² Писать «Бог» с прописной буквы приучил меня П. С. Александров. Александров был яркой и весьма неоднозначной личностью. Он заслуживает более подробных воспоминаний, чем те обрывки, почерпнутые отчасти из моей памяти, отчасти из других источников. Эти обрывки вынесены в отдельную статью «О П. С. Александрове, а также о „деле Лузина“ и Айседоре Дункан», публикуемой в настоящей книге на с. 523—561.

ской интонации, ни особого блеска его глаз, каковой блеск часто был единственным внешним показателем юмористического настроения.

Дело было сразу после окончания войны. Юру Смирнова (впоследствии Юрий Михайлович Смирнов — профессор заведомой Александровым кафедры высшей геометрии и топологии Московского университета), любимого ученика П. С. Александрова, никак не хотели демобилизовывать: он служил радистом и был приписан к флоту. Академик Колмогоров, надев для пущей важности два своих ордена Ленина, орден Трудового Красного Знамени и знак лауреата Сталинской премии, посещает заместителя Главнокомандующего военноморским флотом. Аудиенция согласовывается заранее, и, как рассказывал Колмогоров, он был проведён через анфиладу огромных и практически пустых (за исключением одного-двух-трёх высоких морских чинов) комнат. Адмирал принял его в ещё более огромном кабинете. Аудиенция длилась не более минуты: её единственная цель состояла в передаче письма на имя Главнокомандующего, подписанного знаменитым кораблестроителем академиком Алексеем Николаевичем Крыловым, бывшим для моряков примерно таким же высокочтимым авторитетом, как Н. Е. Жуковский для лётчиков. В своём письме Крылов ссылался на желание Александрова, именуя его при этом «наш Президент»; он имел в виду президентство Александрова в Московском математическом обществе, членом которого состоял Крылов. Тем самым, Александров был поставлен как бы выше Крылова, что произвело на Главнокомандующего требуемое впечатление (сравнимое с тем, которое произвело на меня упоминание того же Александрова Колмогоровым во время его выступления перед участниками школьной олимпиады). Разумеется, Юра Смирнов был немедленно отпущен (более точно, откомандирован «в распоряжение члена-корреспондента АН СССР П. С. Александрова»). Мне казалось, что Колмогоров наслаждался этим византийским ритуалом как тонкий ценитель.

У меня, меж тем, продолжались «сомнения насчёт моей математической судьбы». Мне казалось, что у меня не получается и никогда не получится кандидатская диссертация. Колмогоров пришёл мне на помощь самым действенным образом. Он сказал мне, чтобы я не думал о диссертации совершенно, а просто занимался математикой. И тогда диссертация получится сама собой (с тех пор и я пытаюсь распространять этот подход к диссертациям). А чтобы создать у меня чувство уверенности, сообщил, что на худой конец за диссертацию сойдут мои изыскания о связи теоремы Гёделя с теорией алгоритмов.

Во вторник 5 мая 1953 года в 20 часов
в аудитории № 74 механико-математического факультета МГУ
(Моховая, 9)

состоится совместное заседание

Учёного совета механико-математического факультета Московского университета, Московского математического общества, Отделения физико-математических наук и Математического института имени Стеклова Академии наук СССР, посвящённое
пятидесятилетию академика Андрея Николаевича Колмогорова.

П о в е с т к а з а с е д а н и я :

1. И. Г. Петровский *«Роль А. Н. Колмогорова в математической жизни нашей страны»*.
2. П. С. Александров, И. М. Гельфанд, А. Я. Хинчин *«А. Н. Колмогоров как математик»*.
3. Приветствия.

Это пригласительный билет. На самом деле заседание происходило в более вместительной Коммунистической аудитории, расположенной в том же здании. Я был на этом заседании, кое-что записал и по сохранившимся записям попытаюсь восстановить сейчас, что там происходило. Помню, что все говорили взволнованно.

Иван Георгиевич Петровский, в частности, отметил, что по инициативе Колмогорова в 1947 году на мехмате был введён математический практикум, тем самым подчеркнув роль этого нововведения в математической жизни страны.

Павел Сергеевич Александров сказал: «Я знаю Андрея Николаевича дольше всех, с 1922 года! Он тогда работал под руководством Алексея Константиновича Власова по проективной геометрии и слушал курс Павла Самуиловича Урысона. В осенний день он пришёл ко мне и принёс работу по дескриптивной теории множеств». Далее Александров указал, что и в этой классической работе Колмогорова, и в работах по расходящимся рядам Фурье проявились следующие характерные черты Колмогорова как математика: 1) необычная простота и общность идеи; 2) поразительная сила техники.

Выступивший вслед за Александровым Александр Яковлевич Хинчин начал так: «В теорию вероятностей мы с Андреем Николаевичем вошли одновременно и через одну и ту же дверь. Мы оба не предполагали заниматься теорией вероятностей, но обнаружили её общность с метрической теорией множеств и функций. Андрей Николаевич увидел неблагоустроенность теории вероятностей. Книга Колмогорова

„Основные понятия теории вероятностей“⁶³ сделала для теории вероятностей то, что в начале столетия сделала книга Гильберта⁶⁴ для геометрии». Далее Хинчин отметил, что в Колмогорове редчайшим образом дар к предельно абстрактным математическим исследованиям сочетается с умением чувствовать прикладные задачи. «Самой важной и самой обаятельной чертой Андрея Николаевича как математика, — говорил Хинчин, — является богатство идей. Из каждой фразы, которую он произносит по поводу какой-либо работы, может родиться диссертация. Многие работы, в которых А. Н. Колмогоров не указан как автор, написаны под его сильнейшим влиянием, вдохновлены им и иницированы. Я написал книжку „Асимптотические законы теории вероятностей“, там изложены методы И. Г. Петровского. Но ведь мы с Петровским знаем, что подлинный-то вдохновитель всего этого — Андрей Николаевич».

Израиль Моисеевич Гельфанд объявил: «То, что математика воспринимается как единая наука, происходит в значительной мере благодаря Андрею Николаевичу». Далее он отметил, что Колмогорову принадлежит первая советская работа по функциональному анализу. В заключение Гельфанд сказал, что выступает как ученик Колмогорова, стремившийся научиться у своего учителя умению проводить в жизнь следующие принципы: 1) иметь ясное, трезвое и оптимистическое отношение к математике; 2) не ждать, пока придёт гениальная идея; 3) воспринимать математику как единую науку.

После Хинчина и Гельфанда снова взял слово П. С. Александров, которому, как он выразился, «осталось подобрать все концы». Он перечислил следующие свойства Колмогорова как математика: 1) способность к общим и отвлечённым идеям; 2) способность к острой математической технике; 3) умение в реальной, окружающей обстановке непосредственно чувствовать математику (здесь Павел Сергеевич привёл следующую формулировку, принадлежащую Колмогорову: «Взаимодействие математики с практикой заключается не в пресловутой

⁶³ Книга Колмогорова вышла в Берлине в 1933 году: *A. Kolmogoroff. Grundbegriffe der Wahrscheinlichkeitrechnung.* — Berlin: Springer, 1933. Переведена на много языков. Первое русское издание — в 1936 году, второе — в 1974 году.

⁶⁴ Имеется в виду книга великого немецкого математика Давида Гильберта «Основания геометрии», вышедшая 1-м изданием в 1899 году (*D. Hilbert. Grundlagen der Geometrie.* — Leipzig: Teubner, 1899). В России известен перевод, сделанный с 7-го, переработанного и расширенного издания 1930 года: *Д. Гильберт. Основания геометрии / Пер. с 7-го немецкого издания И. С. Градштейна; под ред. и с вступительной статьёй П. К. Рашевского.* — М.—Л.: Гостехиздат, 1948.

прикладной математике, а в том, что математик погружается в практику и понимает, что он как математик может сделать»); 4) чрезвычайная философская направленность творчества Андрея Николаевича, который явился первым математиком, поставившим философскую проблематику обоснования математики как математическую, т. е. как проблематику внутри математики. В заключение Александров сказал:

Андрей Николаевич Колмогоров принадлежит к числу тех математиков, у которых каждая работа в каждой области производит полную переоценку ценностей. Трудно найти математика в последних десятилетиях не просто такой широты, а с таким воздействием на математические вкусы и на развитие математики. Эта фраза не может быть произнесена с поправкой на юбилейную дату — она слишком ответственна. Харди считал его специалистом по тригонометрическим рядам, а Карман — механиком.

Гёдель сказал, что существо человеческой одарённости заключается в продолжительном юношеском возрасте. Юношескому возрасту свойственно несколько черт, и среди них — взволнованность. Взволнованное отношение к математике — одна из основ дарования А. Н. Колмогорова. (Тут есть и обратная сторона, мы знаем её по художникам Возрождения, — это большое количество невыполненных планов.) Взволнованность Андрея Николаевича Колмогорова — и в высоком творчестве, и в статьях в Большой советской энциклопедии, и в выработке аспирантских программ. Это одна сторона.

А другая сторона — это самозабвенный труд. Один крупный математик сказал мне: математическое дарование затухает рано потому, что в некоторый доюбилейный момент люди начинают ценить комфорт. А творчество — вещь некомфортабельная.

Далее зачитывались многочисленные адреса, приказы⁶⁵, телеграммы: И. Г. Петровский от министра культуры СССР⁶⁶ и Пре-

⁶⁵ Мало кому сейчас известная, чисто советская, форма поздравления юбиляра — поздравительный приказ начальства организации, в штате которой юбиляр состоит, содержит в преамбуле перечень заслуг поздравляемого, в заключительной части — благодарность оному, а в постановляющей и денежное премирование (как правило, «в размере оклада»). Может быть, именно благодаря этому, последнему, форма эта сохранилась и до наших дней, пережив социальные перемены и организационные пертурбации.

⁶⁶ Приветствие от министра культуры требует пояснения. Дело в том, что по случаю смерти Сталина (случившейся, заметим, ровно за два месяца до этого заседания) произошло впечатляющее укрупнение союзных министерств. Спорт был отдан Министерству здравоохранения (и я помню, что оно утверждало календарь футбольного чемпионата страны), а высшее образование — Министерству культуры.

зидиума АН СССР; П. С. Александров от президента АН СССР; Ю. Н. Работнов от университета; С. Л. Соболев от Отделения физико-математических наук Академии; В. В. Голубев от механико-математического факультета; К. К. Марджанишвили от Математического института Академии наук (в адресе МИАН было указано, что Колмогоров 15 лет возглавляет отдел теории вероятностей и математической статистики); Д. К. Фаддеев от ректора Ленинградского гос. университета (ЛГУ) А. Д. Александрова и математико-механического факультета ЛГУ; С. Ф. Лидяев от НИИ математики и механики МГУ; А. Г. Курош от Московского математического общества⁶⁷; С. М. Никольский от отдела конструктивной теории функций МИАН; С. П. Фиников от журнала «Математический сборник»; А. Ю. Ишлинский от Института математики АН УССР; В. А. Диткин от Института точной механики и вычислительной техники; А. Н. Тихонов от кафедры математики физического факультета МГУ. Были приветствия от физического факультета в целом, от журнала «Доклады АН СССР», от Большой советской энциклопедии и прочая, и прочая, и прочая. И ещё, и ещё, и ещё... Выступали В. Б. Бажуков от Всесоюзного заочного политехнического института и завода «Фрезер», Гостев от Центральной статистической лаборатории автозавода имени Сталина, П. Л. Ульянов от аспирантов и молодых преподавателей факультета.

Выступивший с ответными словами благодарности юбиляр начал так: «Когда мне исполнилось 35 лет, я подумал, что протекла половина жизни. Сейчас приходится сдаться и признать, что осталось меньше половины». А кончил так: «Мне посчастливилось открыть некоторые закономерности природы. Но моя основная любовь — математика. Берясь за многое, я много ошибался и вызывал много острых обид. Большинство из присутствующих было на меня остро обижено. В трудные минуты жизни, когда мне казалось, что я провалился и перессорился, ко мне вдруг все тепло относились. Вероятно, потому, что я всегда ошибался не для себя, а для дела».

⁶⁷ В Комаровском доме сохранился приветственный адрес от Московского математического общества — судя по стилю, его наверняка составил П. С. Александров, президент ММО. В приветствии, в частности, говорится: «Для большинства членов Общества Ваш 50-летний юбилей явился неожиданностью — мы все привыкли видеть в Вас не только одного из руководителей советской математической науки, не только одного из крупнейших математиков нашего времени, но и учёного, постоянно, с поистине юношеской энергией, включающего в круг своих творческих интересов всё новые и новые отделы математики и её приложений, и в то же время, со столь же юношеским запасом сил, несущего совершенно необычный груз служебных и общественно-научных обязанностей». — *Прим. Н. Р.*

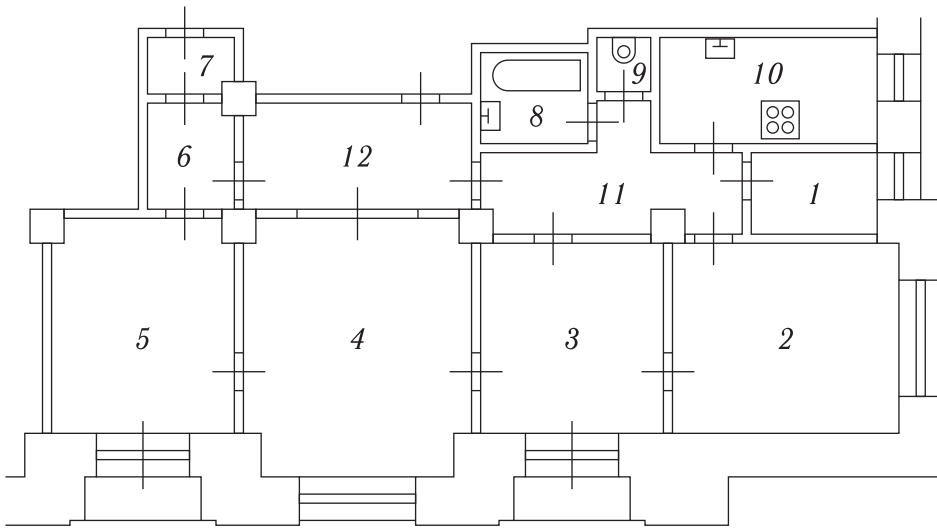
Вспоминаются и слова Колмогорова о том, что он считает и всегда считал себя учеником Николая Николаевича Лузина.

1 сентября 1953 года торжественно открылось новое высотное здание МГУ. Мехмат переехал туда (как говорили, из-за нерасторопности потеряв при этом в площади занимаемых помещений). Новое здание блистало мрамором, гранитом, «ценными породами дерева». Четыре угловые башни («И», «К», «Л» и «М») Главного здания были, по существу, жилыми домами: в них располагались квартиры для преподавателей. Колмогоровы (т. е. Андрей Николаевич и его жена Анна Дмитриевна) и Александровы (т. е. Павел Сергеевич и его сестра Варвара Сергеевна) получили соседние квартиры на третьем этаже башни «Л»: Колмогоров — 10-ю, Александров — 9-ю. Бывать в Москве у Колмогорова стало совсем просто.

Юрий Михайлович Смирнов — тот самый Юра, ученик П. С. Александрова, которого не хотели демобилизовывать, а в 1953 году доцент александровской кафедры высшей геометрии и топологии — получил квартиру № 16 двумя этажами выше. К новоселью он изготовил три однотипные металлические дверные таблички — с выбитым изображением страусёнка для себя, с изображением ежа для Александрова, с изображением гуся для Колмогорова. Как сообщил мне Ю. М. Смирнов, такие эмблемы для трёх названных лиц были предложены Александровым. Александров всегда называл Колмогорова гусем (с ударением на первом слоге); гусь был не только домашним именем, но и чем-то вроде тотема Колмогорова. В Комаровке держали гусей (и они были очень агрессивны); их изображения, скульптурные и живописные, встречались в обоих (комаровском и московском) домах Колмогорова.

Квартира № 10 состояла из четырёх последовательно расположенных жилых комнат и идущего вдоль них коридора, упирающегося в пятую комнату, которая считалась комнатой для домработницы и не входила в общий счёт комнат, так что квартира числилась четырёхкомнатной. (В александровской квартире № 9 было на одну жилую комнату — номер 5 на нашем чертеже — меньше.) В каждую из четырёх «основных» комнат вела дверь из коридора, а кроме того, в каждой из трёх стен, отделяющих друг от друга эти комнаты, также была дверь, и, когда все эти соединительные двери открывались, возникала анфилада. Здесь я едва ли не впервые увидел настоящие смежные комнаты — не проходные, когда в комнату н е л ь з я пройти, не проходя через другую, а именно смежные, когда в комнату м о ж н о пройти и через другую.

Вот, как сам Колмогоров описывает свою будущую квартиру. Он пишет А. И. Мальцеву в Иваново, где тот тогда работал, уго-



План университетской квартиры А. Н. Колмогорова — квартиры 10 в башне «Л» Главного здания Московского университета. Назначение помещений: 1 — комната для домработницы; 2 — личная комната Анны Дмитриевны; 3 — столовая; 4 — большой кабинет; 5 — рабочий, или малый, кабинет (личная комната Андрея Николаевича); 6 — прихожая; 7 — прихожая (из неё — дверь на парадную лестницу); 8 — ванная; 9 — уборная; 10 — кухня; 11 — коридор; 12 — холл (из него — всегда запертая дверь на чёрную лестницу).

варивая Мальцева стать профессором кафедры высшей алгебры на мехмате:

А. Н. Колмогоров А. И. Мальцеву
Комаровка, 31 октября 1953 года

Глубокоуважаемый и дорогой Анатолий Иванович!

Случилось так, что мы с Вами вновь не увиделись, так как в начале недели я болел и приехал в Москву только в четверг к двум часам на занятия в университете, когда Вы уже уезжали в Иваново.

Вы наверное уже чувствуете, что пишу я Вам опять об университете.

Ал. Ген. Курош бушует по тому поводу, что он всё один на кафедре, и действительно сейчас там слишком много самой необходимой работы (будь то лекций, курсовых и дипломных работ, или руководства аспирантами).

Ещё раз повторяю, что столь серьёзный вопрос нельзя ставить в зависимость от временных обстоятельств данного года, или семестра. По моему мнению надо поскорее согласиться, занять

пустующую квартиру⁶⁸ и сформулировать желательные Вам начала переходного режима на остаток этого полугодия более или менее произвольные, на весеннее же полугодие, если необходимо, достаточно льготные, чтобы не перегружать себя работой и в Москве, и в Иваново.

Та комната (№ 5), которая была первой направо при движении от второй прихожей (№ 6) вглубь квартиры, служила личной комнатой Андрея Николаевича и одновременно его рабочим кабинетом. Там он спал на узкой железной койке, там же и работал, когда приходилось работать в Москве. Главная и любимая пишущая машинка находилась в Комаровке; здесь, в Москве, была немецкая, а впоследствии появилась электрическая пишущая машинка. Дверь из личной комнаты в прихожую была закрыта наглухо. Вторую направо комнату (№ 4) я бы назвал официальным (а Андрей Николаевич, кажется, называл большим, в отличие от того, малого) кабинетом; здесь он вёл беседы с посетителями, в то время как остальные, если их было несколько, ждали своей очереди сидя в холле, — впрочем, вполне комфортабельно, при настольной лампе, газетах и журналах, разложенных на столе с телефоном. Далее по коридору (№ 11) следовали столовая (№ 3), которая использовалась по прямому назначению, и личная комната (№ 2) Анны Дмитриевны. Вскоре двери между комнатами (за исключением двери между большим и малым кабинетами!) были заставлены мебелью, а комната для домработницы превратилась в склад вещей, чрезвычайно редко, если когда-либо вообще, востребуемых. (Домработницы же у Колмогоровых были, сколько я помню, проходящими.)

Большая часть окон квартир 9 и 10 выходили на спортплощадку, где зимой устраивали каток с музыкой, хорошо слышной в обеих квартирах. Александров и Колмогоров добивались, и не без успеха, чтобы музыкальный репертуар не был бы им, по меньшей мере, противен.

⁶⁸ Все наши четырёхкомнатные квартиры вполне однотипны и мне хорошо известны, т. к. я переезжаю в одну из них. Они содержат четыре комнаты + маленькая, но вполне приятная комнатка в 5 кв. метров «для домашней работницы». Из четырёх основных комнат одна очень большая и разделённая стеклянной раздвижной перегородкой на проходную заднюю часть (вроде коридора при задвинутой перегородке) и большую светлую переднюю часть. Остальные три не велики (немного более 4 × 4 метров каждая). Кухня и удобства отделаны очень хорошо, но не велики. Так что ещё подумайте, достаточно ли Вам это. Вот напр. Ал[ександр] Сав[вич]. Предводителев требует себе в добавок к такой квартире ещё двухкомнатную для возможности их соединения. Но не знаю, дадут ли ему.

В 1953/54 учебном году Колмогоров объявил на мехмате семинар по теории вычислимых функций и перечислимых множеств под названием «Рекурсивная арифметика». Вероятно, это был первый такой семинар в нашей стране. Колмогоров пригласил меня в соруководители и сам написал на листке клетчатой бумаги и вывесил объявление о семинаре.

Вот его текст:

Семинар по рекурсивной арифметике для студентов III—IV курса под руководством А. Н. Колмогорова и В. А. Успенского будет работать по вторникам с 9 до 11 час. в ауд. 14-03.
22 сентября — вводное сообщение А. Н. Колмогорова о задачах семинара.

Колмогоров вставал рано и многие свои мероприятия назначал с утра. В том числе и наш семинар. Станция метро «Университет» тогда ещё в помине не было, университет стоял в чистом поле, и хотя приглашение быть соруководителем семинара я воспринимал как большую честь, едучи из своего Тихвинского переулка (между станцией метро «Новослободская» и Савёловским вокзалом), я часто опаздывал⁶⁹. Теперь мне стыдно об этом вспоминать.

Цель семинара состояла в том, чтобы изучать вычислимые функции и перечислимые множества не как объекты математической логики, а как объекты теории множеств и теории функций. Среди постоянных участников семинара помню Юрия Тихоновича Медведева, моего коллегу по аспирантуре у Колмогорова, Сергея Ивановича Адяна, бывшего тогда аспирантом П. С. Новикова в пединституте, Арлена Михайловича Ильина, в то время студента-пятикурсника кафедры дифференциальных уравнений мехмата (впоследствии оба они стали членами-корреспондентами Российской академии наук, ●► а в 2000 году и академиками ◀●).

Именно на этом семинаре возникла характеристика гипериммунных множеств в терминах быстроты роста их прямого пересчёта⁷⁰.

⁶⁹ Те, кому приходилось добираться до университета на Воробьёвых горах до открытия станции метро «Университет», хорошо помнят эти переполненные автобусы — № 1 (ходивший к университету от Калужской, ныне Октябрьской, площади) и № 23 (от Киевского вокзала). Можно даже сказать, что москвичи, учившиеся тогда в университете, делились на два сообщества — тех, кто ездил на 1-м, и тех, кто на 23-м. Именно в этих очередях на конечных станциях и в последующей давке в автобусе велись яростные математические споры и завязывались близкие знакомства. — *Прим. Н. Р.*

⁷⁰ Пересчёт какого-либо множества натуральных чисел называют прямым, коль скоро элементы множества пересчитываются в порядке возрастания.

Но главным событием явилось то, что именно здесь, причём как бы походя, при состоявшемся 9 февраля 1954 года обсуждении принадлежащей Клини системы обозначений для ординалов, Колмогоров высказал идею абстрактного изучения нумераций и сформулировал те два базисных понятия будущей *теории нумераций*, на которых и зиждется эта теория: понятие нумерации и понятие сводимости нумераций. (Общее понятие нумерации, мимоходом введённое Колмогоровым, представляется автору настолько фундаментальным, что ему посвящено специальное приложение 6, с. 212.) Таким образом, можно считать, что теория нумераций, эта новая область теории алгоритмов, родилась прямо на глазах участников семинара. Мне посчастливилось опубликовать колмогоровские определения и приступить к реализации колмогоровских идей⁷¹. Теперь теория нумераций служит предметом монографий (см., например, *Ершов Ю. Л.* Теория нумераций. — М.: Физматлит, 1977).

В 6 часов вечера 28 октября 1955 года на мехмате открылось заседание учёного совета, на котором были поставлены три кандидатские защиты. Уже тогда инструкциями ВАК запрещалось ставить три защиты на одном совете, и уже тогда советы приучались обманывать сами себя, разделяя одно заседание на два. Председательствовавший в тот день Александр Геннадиевич Курош виртуозно перемежал одно заседание другим. Все три диссертанта были аспирантами Колмогорова: они должны были сгруппироваться, чтобы попасть в просвет между двумя сравнительно длительными отъездами своего руководителя. Первым из защищающихся был Ю. Т. Медведев (оппоненты: П. С. Новиков и А. С. Есенин-Вольпин), вторым — я (оппоненты: П. С. Новиков и С. А. Яновская), третьим — Р. Л. Добрушин (оппоненты: Ю. В. Линник и С. Х. Сираждинов). Все три диссертации были признаны советом выдающимися⁷².

После защиты состоялся многолюдный банкет, данный совместно тремя диссертантами в «Праге». Там я впервые увидел, как Колмогоров пьёт сухое вино, разбавляя его минеральной водой. А на вопрос: «С кем бы вы хотели сидеть рядом, Андрей Николаевич?» — Колмогоров ответил: «Посадите меня рядом с Павлом Сергеевичем: нам так редко выпадает сидеть рядом на банкетах».

⁷¹ *Успенский В. А.* Системы перечислимых множеств и их нумерации // Доклады АН СССР. — 1955. — Т. 105. — № 6. — С. 1155—1158.

⁷² Признать диссертацию *выдающейся* было правом учёного совета, в те поры очень редко используемым. В последующие годы это вошло чуть ли не в традицию — едва ли не на каждом заседании совета обнаруживалась такая диссертация. С годами эта «мода» ушла.

Моя аспирантура у Колмогорова кончилась. По инициативе Андрея Николаевича Р. Л. Добрушин и я были оставлены на механико-математическом факультете в должности ассистентов — Добрушин, естественно, на кафедре теории вероятностей, где он и числился аспирантом, я же — на кафедре математического анализа, которой тогда заведовал Александр Яковлевич Хинчин. Дело в том, что на кафедре истории математических наук, по которой числился аспирантом я, для меня бы не нашлось разумной работы в должном объёме: студентов, проявляющих хоть какой-то интерес к математической логике, было тогда немного, и их потребности удовлетворялись специальными, т. е. не являющимися обязательными, курсами, которые читали П. С. Новиков и С. А. Яновская (а с 1954/55 учебного года начал читать и я). А на кафедре математического анализа, осуществляющей преподавание не только на мехмате, но и на многих других факультетах, всегда нужны сотрудники. Через какое-то время кафедра истории математических наук перестала существовать как отдельная кафедра и влилась в состав кафедры теории чисел, которой тогда заведовал Александр Осипович Гельфонд. Расширенная кафедра получила новое название: «кафедра теории чисел и оснований математики». Это добавка к прежнему названию свидетельствует, что внимание к математической логике повысилось — упор в этом дополнении делался не на историко-математический, а на логико-математический аспект. Можно сказать, что эти новые веяния перевели на эту кафедру и меня. А весной 1959 года на мехмате открылась уже самостоятельная кафедра математической логики во главе с А. А. Марковым младшим. С тех пор я на ней и состою. 20 июля 1992 года кафедра получила новое наименование: кафедра математической логики и теории алгоритмов. (Добавлю, что вскоре после создания кафедры математической логики кафедра А. О. Гельфонда обрела своё первоначальное название — кафедра теории чисел.)

Наши с Андреем Николаевичем, решусь сказать, дружеские (хотя и очень несимметричные) отношения продолжались. Помню, в феврале 1957 года Колмогоров рассказал мне о своём происхождении. Я узнал тогда, что он — сын дочери предводителя дворянства (уездного? губернского? — но такого, что принимал государя), богатого ярославского помещика Якова Степановича Колмогорова⁷³. Мария Яковлевна, умершая через несколько часов после рождения сына, не

⁷³ За последнее время разыскано немало документов, из которых, в частности, стало известно, что Я. С. Колмогоров был предводителем Угличского дворянства и почётным попечителем гимназий всей Ярославской губернии. — *Прим. ред.*

была венчана с отцом Андрея Николаевича, и фамилию новорождённый получил по деду и матери. Отец — сын благочинного (так сказал сам А. Н.). У этого благочинного было три сына: Николай, Георгий и Иван⁷⁴. Николай Матвеевич Катаев — отец Колмогорова — «учёный агроном», как говорил о нём Андрей Николаевич, тут же объяснивший, что в начале века так называли лиц с высшим агрономическим образованием. Раннее детство А. Н. провёл в доме своего деда, в именье Туношна под Ярославлем; его воспитывала и фактически (а, может быть, и юридически⁷⁵) усыновила сестра его матери Вера Яковлевна Колмогорова. В туношенском доме воспитывался и ещё один мальчик, приёмный сын Матильды Исидоровны Сенаи (или Синаи, а по другим сведениям, Дубёнской) — близкой подруги Веры Яковлевны. В Москве, куда Вера Яковлевна и Матильда Исидоровна переехали со своими воспитанниками в 1910 году для определения мальчиков в гимназию, они продолжали жить вместе в большой (вскоре ставшей коммунальной) квартире в одном из арбатских переулков — Трубниковском. Дружеские связи с Колмогоровым этот мальчик, Пётр Саввич Кузнецов, впоследствии один из интереснейших московских лингвистов, с 1948 года — профессор филологического факультета МГУ, пронёс через всю свою жизнь (20 января (1 февраля) 1899 года — 21 марта 1968 года). Он оставил замечательные воспоминания, коих фрагменты, имеющие отношение к Колмогорову, были мною опубликованы в мемориальном «колмогоровском» выпуске «Успехов математических наук» (1988. — № 43. —

⁷⁴ Георгий Матвеевич преподавал географию в учительском институте города Камышина под Волгоградом; Иван Матвеевич (отец писателя Ивана Катаева) тоже преподавал, только российскую историю — в Москве, Суздале и Перми.

Писатель Иван Иванович Катаев, двоюродный брат Колмогорова, был схвачен в 1937 года органами НКВД и погиб. Он оставил после себя двух сыновей — Георгия, 1929 года рождения, и Дмитрия, 1937 года рождения. Андрей Николаевич помогал им обоим. Я помню, как Дмитрий Иванович, тогда Митя, приехавший в 1954 году из Магнитогорска в Москву поступать на химический факультет МГУ, жил с лета 1954 года по весну 1956 года в колмогоровской квартире, в малом, или «рабочем», кабинете. И тогда двери из этого кабинета в коридор позволялось открываться. А спальное место Колмогорова переехало в смежный, «официальный», или большой, кабинет. В 1959 году Д. И. Катаев стал кандидатом химических наук, ●► в 1993—2005 годах был депутатом первых трёх созывов Московской городской думы. ◀●

⁷⁵ В бумагах Андрея Николаевича недавно обнаружился листок — черновик, а вернее, начало черновика письма А. Н. к президенту АН СССР, в котором Колмогоров сообщает о смерти Веры Яковлевны; там он называет В. Я. своей матерью. — *Прим. ред.*

Вып. 6. — С. 197—208)⁷⁶. Мне довелось нести гроб Петра Саввича и говорить над его могилой на Ваганьковском кладбище в присутствии Андрея Николаевича и Анны Дмитриевны Колмогоровых.

Пётр Саввич рассказывал, что математические способности Колмогорова проявились очень рано. Однажды некоторое количество детского населения Туношны, включая П. С. Кузнецова, занимались арифметикой с нанятым домашним учителем. Андрея, которому тогда было года три, на эти занятия не пускали, чтобы не мешал. Однако он пробрался и спрятался под стол. Учитель предложил задачу на приведение дробей к общему знаменателю. Дети не могли её решить. Внезапно Андрей вылез из-под стола и выдал ответ — он сам придумал, как приводить дроби к общему знаменателю.

В пятом номере журнала «Вопросы философии» за 1953 год была напечатана статья «Кому служит кибернетика» за подписью «Материалист». Опытному читателю уже из названия было ясно, что никому и ничему хорошему, по мнению автора статьи, она служить не может. И действительно, Материалист стоял на доминирующей в те времена позиции советской философии: кибернетика служит буржуазной социологии и идеалистической философии. Но уже в 1955 году, в четвёртом номере, тот же журнал публикует защищавшую кибернетику статью С. Л. Соболева, А. И. Китова, А. А. Ляпунова «Основные черты кибернетики». Колмогоров решительно поддержал не окрепший ещё на советской почве росток. (В приветствии к 80-летию Колмогорова от киевского Института кибернетики говорилось: «В нашем институте всегда помнят о Вашем выдающемся вкладе в становление советской кибернетики».) Колмогоров начинает работать над статьёй «Кибернетика» для дополнительного, 51-го, тома 2-го издания Большой советской энциклопедии.

Для сбора материалов к статье «Кибернетика» Колмогоров привлёк меня, а я призвал на помощь двух своих друзей — лингвиста Кóму (Вячеслава Всеволодовича) Ива́нова и физика Мишу (Михаила Константиновича) Поливанова. В 1956—57 годах мы трое занимались поисками и реферированием зарубежной литературы на кибернетические темы — для Колмогорова. У меня хранится обложка папки, на которой рукою Колмогорова надписано: «Рефераты по книгам и статьям. Первая серия, полученная от В. А. Успенского». Обмен текстами кибернетического⁷⁷,

⁷⁶ Машинописная рукопись хранится у моего брата — филолога Бориса Андреевича Успенского.

⁷⁷ ► В начале 1967 года Ива́нов, Поливанов и я составили «Тезисы о кибернетике», которые 17 января я передал Колмогорову. Он ответил нам своими собственными «Тезисами о кибернетике», датированными 20 января. Оба

а затем семиотического⁷⁸ характера между Колмогоровым, с одной стороны, и нашей троицей — с другой, продолжался до начала 1965 года.

В декабре 1956 года Андрей Николаевич поделился со мною важными мыслями. «То, что разные организованные системы материи можно изучать вместе, — это было известно давно, — говорил Колмогоров. — Новой является идея, что дискретные системы лучше непрерывных. При этом было обнаружено, что всё, что получается с использованием дискретных систем, можно получить, ограничиваясь только системами, составленными из небольшого числа знаков и действий». А 19 декабря он сказал, что, по его мнению, кибернетика — это не наука, а научное направление.

25 апреля 1963 года, в самый день, когда Колмогорову исполнилось шестьдесят, в 17 часов в аудитории 02 главного здания МГУ открылось торжественное заседание механико-математического факультета и Московского математического общества, посвящённое этому юбилею.

Вступительное слово произнёс П. С. Александров, он же огласил в конце заседания приветственные телеграммы. С докладом «О работах А. Н. Колмогорова по классической механике» выступил В. И. Арнольд. Сам Колмогоров сделал небольшой доклад под названием «Из опыта работы». В этом докладе он, в частности, указал те свойства, которыми должен обладать математик. В качестве главного и обязательного свойства математика Колмогоров назвал бескорыстный интерес к прогрессу математики в целом. В массовой профессии, говорил Колмогоров, человек либо трудится в большом коллективе, либо интересуется диссертацией и известностью собственного имени. Вот выдержки из дальнейших его мыслей: «К диссертации надо относиться безразлично. Индивидуальным творчеством можно заниматься чисто романтически, без уверенности, что что-то выйдет. Это я хотел бы внушить тем, кто на такое способен». В качестве уже необяза-

текста теперь опубликованы на, соответственно, с. 137—142 и с. 142—145 в сборнике: Очерки истории информатики в России / Ред.-сост. Д. А. Поспелов, Я. И. Фет. — Новосибирск: НИЦ ОИГТМ СО РАН, 1998. Они перепечатаны также на с. 487—494 и на с. 495 в кн. 2 «Философия» настоящего 2-го издания моих «Трудов по нематематике». ◀●

78 ●► «Семиотические послания» А. Н. Колмогорова с моими комментариями и предварением составили специальный раздел «Колмогоров и семиотика» в 24-м номере журнала «Новое литературное обозрение» за 1997 год (с. 121—245). Затем колмогоровские «Семиотические послания» были помещены в качестве приложения на с. 1319—1364 двухтомника: *Успенский В. А. Труды по нематематике*. — М.: ОГИ, 2002 и далее переизданы на с. 207—250 кн. 4 «Филология» настоящего 2-го издания «Трудов по нематематике». ◀●

тельного (хотя, разумеется, желательного) требования к математику было выдвинуто такое: поиск новых путей за пределами математики. «Вообще, — сказал Колмогоров, — в наше время очень актуальна задача понять, что должны делать математики».

После выступления Колмогорова были многочисленные приветствия: И. Г. Петровский от Московского университета, Министерств высшего образования СССР и РСФСР и журнала «Математический сборник»; М. Д. Миллионщиков от Президиума Академии наук и её Отделения физико-математических наук («а также, — прибавил Миллионщиков, — от турбулентщиков: Обухова, Мони́на, Яглома, Баренблатта и меня», и здесь Колмогорову был вручён букет); А. И. Маркушевич от Минпроса РСФСР и ЦК соответствующего профсоюза (и здесь Колмогорову был вручён значок отличника просвещения); Л. Д. Кудрявцев от Математического института АН СССР; Н. В. Ефимов от мехмата и Московского математического общества; А. И. Мальцев от новосибирских математиков; Э. С. Цитландадзе от Академии наук Грузии; В. С. Королюк от украинских математиков; И. М. Гельфанд от отделения прикладной математики МИАН; Й. П. Кубилюс от литовских математиков; А. А. Марков от Совета по кибернетике АН СССР; представитель узбекских математиков; Л. В. Келдыш и Л. А. Тумаркин от выпуска 1925 года, т. е. колмогоровского выпуска (этот адрес подписали ещё С. В. Бахвалов, В. В. Немыцкий, П. С. Новиков, А. Н. Черкасов); О. А. Ладыженская от Ленинградского математического общества (что-то говорила об Ахматовой и Жирмунском, но я не могу вспомнить, что именно); Р. Л. Добрушин от учеников.

Банкет, по приглашению юбиляра, состоялся в тот же день в 8 вечера в диетической столовой на 2-м этаже Главного здания.

И в этот же день, 25 апреля 1963 года по радио и в газетах было объявлено о присуждении А. Н. Колмогорову звания Героя Социалистического Труда с вручением (уже седьмого) ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот».

А полтора месяцами раньше, 10 марта 1963 года газета «Правда» привела текст приветственного послания, направленного Н. С. Хрущёвым папе Иоанну XXIII в связи с решением комитета Фонда Бальцана присудить папе премию «За мир и гуманизм» за 1962 год. Тут же сообщалось, что «премия за достижения в области математических исследований за 1962 год присуждена выдающемуся советскому математику академику А. Н. Колмогорову». Разъяснялось, что Э. Бальцан — это итальянский журналист и издатель и что международный Фонд Бальцана создан в 1956 году в его память.

Премии Фонда Бальцана были установлены в 1961 году с целью получить возможность отметить достижения в тех областях, в которых не присуждаются Нобелевские премии⁷⁹. Как известно, Нобелевские премии присуждаются не по всем областям науки и культуры. В частности, они не присуждаются по математике (существуют различные — как правило, недостоверные — версии причин, по которым математика не попала в число «нобелевских» наук). Поэтому и была сделана попытка учредить не менее престижные премии, способные покрыть те сферы, которые не охвачены Нобелевскими премиями: музыку «вместо» литературы; математику «вместо» физики и «вместо» химии; биологию «вместо» медицины (включающей и физиологию); историю. Именно эти области наук и искусств были избраны для первого присуждения премий. При последующих присуждениях назывались новые номинации (ещё одно отличие от Нобелевских премий, где номинации фиксированы раз навсегда).

Так возникли так называемые Бальцановские премии, а точнее — премии Фонда Бальцана (*Fondazione Internazionale Balzan*). Были приняты специальные меры, чтобы Бальцановские премии воспринимались в общественном сознании на том же высоком уровне, что и Нобелевские; если Нобелевские премии в области наук и литературы вручает король Швеции, то Бальцановские премии должен был вручать президент Итальянской республики; в денежном отношении Бальцановские премии были даже выше Нобелевских. Премию за мир и гуманизм предполагалось присуждать раз в несколько лет, премии же по наукам и искусствам — ежегодно, по четыре премии за каждый год. К сожалению, Бальцановский фонд не выдержал испытания на прочность, его радужные поначалу финансовые возможности истощились, и премии на время заглохли. После присуждения премий за 1962 год наступила длительная пауза. Затем Бальцановскую премию за мир и гуманизм за 1978 год присудили матери Терезе Калькуттской — и премий за тот год уже более никому не присуждали. Что же касается Бальцановских премий по наукам и искусствам, то впервые после перерыва состоялось присуждение таковых за 1979 год⁸⁰.

Первые присуждения Бальцановских премий были столь знаковыми

⁷⁹ См. *The American Academy of Arts and Sciences Bulletin*. — Jan. 1987. — V. 40. — No. 4. — P. 6.

⁸⁰ Одну из них, в номинации «Гуманитарные и политические науки», получил швейцарский психолог Ж. Пиаже. Среди лауреатов следующего, 1980-го, года — аргентинский писатель Х. Л. Борхес (в номинации «Философия, лингвистика и литературная критика»).

и были обставлены столь торжественно, что имелись все основания полагать, что действительно рождается нечто, равное Нобелевским премиям. Первая Бальцановская премия (премия за мир и гуманизм за 1961 год) была присуждена Нобелевскому фонду; других премий за 1961 год не присуждалось. Следующее присуждение состоялось в 1963 году (премии за 1962 год). И 12 мая 1963 года та же «Правда» сообщила:

Ватикан, 11 мая (ТАСС). Здесь состоялась торжественная церемония, посвящённая присуждению премии имени Бальцана «За мир и гуманизм» папе римскому Иоанну XXIII. Почётный председатель международного Фонда Бальцана, президент Итальянской республики Антонио Сеньи вручил папе в Ватикане почётный диплом и золотую медаль лауреата.

Сегодня в Квиринальском дворце в Риме (резиденция главы итальянского государства) состоялось вручение премий имени Бальцана, присуждённых советскому математику Герою Социалистического Труда академику А. Н. Колмогорову (премия в области математики), американскому историку профессору С. Э. Морисону (премия в области исторических наук), немецкому композитору, проживающему в США, П. Хиндемиту (премия в области музыки) и австрийскому исследователю профессору К. фон Фришу (премия в области биологических наук).

Историк Морисон в нашей стране мало известен (что неудивительно, поскольку его специальность — история Соединённых Штатов Америки), чего нельзя сказать ни о композиторе Хиндемите, музыка которого нередко исполняется, ни о биологе фон Фрише — он прославился тем, что расшифровал «язык танцев» пчёл, т. е. тот способ, посредством которого пчела, обнаружившая корм, передаёт другим пчёлам сведения о его местонахождении. Присуждение Бальцановской премии Колмогорову практически означало признание его первым математиком мира.

Как видно из газетного сообщения, одному папе премия вручалась «на дому» (в Ватикане), остальные были приглашены к президенту республики. Однако папа пожелал проявить солидарность со своими солауреатами и почтить своим присутствием церемонию вручения им премий. Поведение папы вызывает восхищение: за своей премией он не поехал, но на церемонию вручения премий другим — поехал. Однако это обстоятельство едва не лишило Колмогорова возможности присутствовать на церемонии. Вот, что он мне рассказал.

Папа объявил, что поедет во дворец президента Италии. Оказалось, что это первый визит папы к главе светской власти, имеющей резиденцию в Риме за сколько-то там — чуть ли не за сотни — лет. Поэтому Рим жил этим событием. Улицы были запружены народом. Я видел у Колмогорова итальянские журналы тех дней. Они были заполнены красочными фотографиями: папа выходит из своего кабинета, папа на ступенях такого-то из подъездов Ватикана (и такой-то кардинал его там встречает), папа садится в автомобиль, чтобы ехать к президенту. О самом событии, послужившем причиной и целью путешествия папы, сообщалось куда более скупо и более мелким шрифтом. За Колмогоровым, как и за другими лауреатами, президентом был послан парадный автомобиль. Но Колмогоров от него отказался — сказал, что хорошо знает Рим, особенно любит утренний Рим и предпочитает дойти от своего отеля пешком, совместив визит к президенту с прогулкой. (Это всё очень по-колмогоровски!) Когда Колмогоров приблизился к президентскому дворцу, он обнаружил, что дворец оцеплен. Охрана была чрезвычайной — ведь во дворце должен быть папа. Колмогорову вежливо, но твёрдо объяснили, что приблизиться к дворцу нельзя, поскольку там Его Превосходительство, в присутствии Его Святейшества, будет вручать премии Весьма Дistinguished Господам из разных стран. Убедить охрану, что говорящий и есть один из тех господ, оказалось почти невозможным: Дistinguished Господа не ходят пешком, а с почётом прибывают на президентском автомобиле. С большим трудом Колмогорову удалось уговорить стражника вызвать какого-то начальника, того — ещё более высокого начальника, и, наконец, его всё-таки впустили. Я нашёл в тех же итальянских журналах упоминание о вручении премии Колмогорову. Однако вручение премии ему и другим его мирским солауреатам было отодвинуто на второй, и даже третий, план событиями, связанными с папой — даже не столько вручением ему премии (перед глазами фотография, где папа получает премию, сидя на чём-то напоминающем трон), сколько сенсационным проездом папы по Риму из Ватикана в Квиринальский дворец.

Как рассказал Андрей Николаевич, после церемонии он имел краткую беседу с папой (язык беседы — французский, тема — всеобщее стремление к миру на Земле).

Разумеется, — я перестал уже и удивляться — Колмогоров был глубокий знаток и темы римских пап. Это он подметил, что в XX веке толстые папы чередовались с худыми, причём толстые имели в своей фамилии букву «р» (толстый Пий XI — Ратти, худой Пий XII —

Пачелли, толстый Иоанн XXIII — Ронкалли, художник Павел VI — Монтини). Специальный интерес проявлялся к спортивным увлечениям пап. Это от Колмогорова я узнал, что один из пап XX века (кажется, Пий XI и, кажется, всё же до своего понтификата) был альпинистом и автором фотографий горных пейзажей, что будущий папа Иоанн Павел II в бытность кардиналом Войтылой был прекрасным лыжником и, приехав в Ватикан, интересовался, какой процент римских кардиналов катается на лыжах. (Выяснилось, что нулевой, на что Войтыла сказал, что у них в Польше 40% кардиналов катаются на лыжах. А на вопрос, как же это может быть, когда в Польше всего два кардинала, Войтыла отвечал, что Вышинский⁸¹ в Польше идёт за 60%). А. Н. Ширяев как-то сообщил мне, что Колмогоров хранил в памяти порядковые номера главнейших пап.

Из Италии Колмогоров привёз некие знаки отличия бальцановского лауреата — но заведомо не все, потому что по прошествии времени в дверь его московской квартиры позвонили и передали свёрток, чуть ли не обёрнутый в газету. В свёртке находилась полагающаяся лауреату надеваемая на шею цепь. Раньше такие цепи (да и то, конечно, муляжи) я видел только издали, на сцене детских и оперных театров.

Что касается денежного выражения премии, то основная часть денег была потрачена Колмогоровым на создание в Московском университете общедоступной уникальной библиотеки по теории вероятностей и математической статистике и на последующее регулярное снабжение этой библиотеки иностранной литературой⁸². Из остальной части премии ему время от времени разрешалось тратить на покупку себе заграничных лекарств. Кажется, каждый раз нужна была подпись чуть ли не министра финансов и, главное, неукоснительно требовался личный визит Колмогорова в какое-то финансовое ведомство. И, конечно, эти визиты становились тем затруднительнее, чем бóльшая возникала нужда в лекарствах.

⁸¹ Вышинскому и Колмогорову как-то довелось ехать в одном вагоне, и Вышинский произвёл на Колмогорова большое впечатление.

[Подробно занимательную (и поучительную) историю об этой поездке, рассказанную самим А. Н. Колмогоровым, можно прочитать на с. 194 сборника «Явление чрезвычайное. Книга о Колмогорове» (М., 1999). — *Прим. Н. Р.*]

⁸² До конца своих дней Андрей Николаевич живо интересовался делами библиотеки. Она была открыта в начале 1966 года в помещении лаборатории статистических методов. Ещё до её открытия, в 1964 году, на деньги Колмогорова было закуплено много иностранных книг, а оплаченное им поступление иностранных журналов продолжалось по 1993 год. ◀• К только что сказанному уместно прибавить, что, бывало, Колмогоров за свой счёт возил своих сотрудников на иногородние конференции.

Бальцановская премия Колмогорову косвенно затронула и меня лично. Дело в том, что весной 1963 года у меня намечалась защита докторской диссертации в Сибирском отделении Академии наук в Академгородке под Новосибирском (защита пришлось на тот недолгий период, когда запрещалось защищать докторскую диссертацию в том учреждении, где работает диссертант). Последний возможный для сибирского совета срок был 1 июня, а иначе всё переносилось на осень. С другой стороны, раньше тоже было нельзя, потому что мой официальный оппонент Колмогоров возвращался из Италии после вручения премии только во второй половине мая. Всё однозначно сходило на первом июня.

Защита была поставлена на 11 утра. Поспеть к ней оказалось не просто. Как уже говорилось, Колмогоров не летал на самолётах, а расписание всех поездов Советского Союза менялось с зимнего на летнее как раз в период предполагавшегося отъезда из Москвы (или даже когда поезд был бы уже в пути). Я проводил дни в коридорах Министерства путей сообщения, где с большим трудом сумел получить ответ о том, когда нужный поезд приходит в Новосибирск.

Поезд отошёл от Ярославского вокзала 29 мая в 13 часов 55 минут, увозя Андрея Николаевича, его жену Анну Дмитриевну и меня. Предварительно А. И. Мальцеву (главе сибирской школы алгебры и логики, академику и, кстати, ученику Колмогорова) в Новосибирск была послана телеграмма:

ПРИЕДУ АННОЙ ДМИТРИЕВНОЙ ПЯТНИЦУ 31 ПОЕЗДОМ 10
ОСТАНУСЬ НОВОСИБИРСКЕ ПЯТЬ СЕМЬ ДНЕЙ
=КОЛМОГОРОВ

Поздним вечером 31 мая на вокзале в Новосибирске нас встречали колмогоровские ученики Анатолий Иванович Мальцев и Александр Алексеевич Боровков. Меня отвезли в гостиницу Академгородка, а Колмогоровых — в коттедж, в котором до того располагался во время своего приезда в Академгородок Хрущёв.

Путешествие из Москвы в Новосибирск и обратно с Колмогоровыми — ярчайшее событие в моей жизни. Дни в вагоне туда и обратно были заполнены бесконечными разговорами с непривычно свободным во времени, не имеющим жёсткого графика дел Колмогоровым. Тем удивительнее, что я почти ничего не помню из этих разговоров, кроме, пожалуй, разговора о Томасе Манне («Тонио Крёгер», «Смерть в Венеции»). Вспоминаются отдельные мелочи. Вот две из них, обе идущие по ведомству питания. Светлана дала мне в дорогу очень вкусные и не похожие на покупные пирожки с мясом.

Колмогорову они понравились. «Ваша жена кулинар?» — спросил он меня с уважением. «Нет, она их купила», — отвечал я. «Знать, где продаются такие пирожки, это не менее важное искусство, чем уметь их изготовить», — возразил Колмогоров, не убавляя уважения. Туда мы ехали в международном вагоне в хвосте поезда, и, чтобы попасть в вагон-ресторан, надо было пройти несколько вагонов. Мы с Анной Дмитриевной, не сговариваясь, надели перчатки, прежде чем тронуть рукоятку вагонной двери. У Колмогорова это вызвало сильное раздражение. Он потребовал, чтобы мы сняли перчатки, а за это он сам будет открывать и закрывать все двери. Так он и делал — по четыре двери, т. е. по восемь рукояток, на вагон. Он картинно распахивал дверь, ждал, когда мы пройдем, и поворачивал рукоятку за нами. А вот уже более серьезное. «Что вы всё время хлопчете?» — сказал мне Колмогоров. Природная деликатность не позволила ему сказать «суетитесь». А вот совсем серьезно. «Я превосхожу вас, — сказал Колмогоров. — Я, как и вы, получаю удовольствие от поездки в международном вагоне, но я могу получать удовольствие и на третьей полке, а вы не можете». К сожалению, он был прав. Тем не менее я не хотел подвергать его, да ещё с Анной Дмитриевной, какому-нибудь дискомфорту на обратном пути и потому посетил в Новосибирске начальника дороги, и он дал телеграмму на все следующие станции, чтобы в занимаемое Колмогоровыми четырёхместное купе в мягком вагоне никого по дороге не подсаживали. Международный же вагон получить было нельзя, поскольку таковые в Новосибирске не формировались, а следовали транзитом и, разумеется, практически пустыми в поездах из Пекина и Владивостока.

Захватывающие разговоры с Колмогоровым на пути туда привели к тому, что я не выполнил свой план: подготовить в пути обязательный доклад диссертанта. Мне пришлось его готовить в ночь с 31 мая на 1 июня, сидя в вестибюле гостиницы под пыльной пальмой.

Народу пришло неожиданно много — многие пришли для того, чтобы увидеть Колмогорова. Кроме него оппонентами были: Анатолий Иванович Мальцев, Пётр Сергеевич Новиков, представленный лишь отзывом, и назначенный дополнительно⁸³, ввиду неприезда Новикова, Борис Авраамович Трахтенброт. Неожиданно для меня выступил Леонид Витальевич Канторович, будущий наш единственный Нобелевский лауреат по экономике, с которым до того я не был знаком.

⁸³ Инструкции ВАК всё время меняются. В последние периоды от отсутствующего оппонента достаточно было получить письменный отзыв. Тогда такой отзыв тоже был нужен, но кроме того прямо на месте назначался дополнительный оппонент (который, как правило, был готов к этому заранее).

Защита прошла благополучно, и вечером был банкет в столовой Дома учёных, который власти столовой провели мне в долг (я не взял с собой денег), потребовав список приглашённых и узнав, что на банкет приглашена местная научная знать. Более того, пока посланные мне из Москвы деньги не пришли, я обедал в этой столовой бесплатно, за счёт приписывания к долгу; да ещё просил вернуть мне на вынос пару банок дефицитных крабов. Вряд ли сейчас такое возможно.

Когда я после защиты вёл переговоры в Доме учёных об организации банкета в тот же день, на длинной чёрной машине⁸⁴ подъехал А. И. Мальцев. Он был явно разочарован тем, что мне удалось организовать вечернее мероприятие. Ещё утром, за несколько минут до начала защиты, он подошёл ко мне в зале учёного совета и спросил, буду ли я устраивать банкет. «Дело в том, — сказал Мальцев, — что я собираюсь вечером позвать к себе в гости Андрея Николаевича, но признаю за вами в данном случае право первой ночи». — «Как же я могу знать, — отвечал я, — вот я сейчас провалюсь, и какой же тогда банкет». — «А вот это вы напрасно, — возразил Анатолий Иванович, — это вещи совершенно разные. Вот недавно защищал докторскую диссертацию *ММ*, у него тоже Андрей Николаевич был оппонентом, так он провалился, а банкет устроил, и на банкет пришло больше членов совета, чем голосовало за». Пользуюсь случаем отметить, что Анатолий Иванович Мальцев немало содействовал как возникновению самой идеи моей защиты, так и реализации этой идеи; я сохраняю о нём признательную память.

Сказать, что А. И. Мальцев (14(27).11.1909—07.07.1967) содействовал идее моей защиты — это ничего не сказать. Вот как это было. Осенью 1962 года Сергей Всеволодович Яблонский защищал свою докторскую диссертацию в Учёном совете Математического института имени Стеклова. В числе оппонентов были академики А. И. Мальцев и П. С. Новиков; последний был научным руководителем Яблонского, когда тот проходил аспирантуру на мехмате. В своём вступительном слове Яблонский объявил, что в диссертации решена проблема перебора. Это, разумеется, было не так; однако в оппонентских выступлениях никакой критики не прозвучало. Новиков был (и остаётся) моим кумиром, его молчание было мне непонятным

⁸⁴ В те времена каждому академику полагался длинный чёрный лимузин, персонально за ним закреплённый. Как мне рассказал П. С. Александров, это обстоятельство произвело большое впечатление на знаменитого французского академика-математика Арно Данжуа, который сказал: «У нас на таком автомобиле ездит только президент Республики».

и тягостным, и после защиты я задал ему прямой вопрос. «Ну конечно, — отвечал он безо всякого смущения. — О решении проблемы перебора нет и речи, но результаты интересные». До сих пор, когда вспоминаю этот эпизод, мне становится грустно. Утешение явилось в виде традиционного банкета, устроенного диссертантом. На банкете мы с Мальцевым оказались соседями. И тут, достаточно неожиданно для меня, он сказал мне: «А вы почему не подаёте диссертацию?». Я растерялся, но вроде бы нашёлся и, совершенно не надеясь на положительный ответ, просто чтобы достойно закрыть тему, возразил: «Это легко так абстрактно советовать. А вот вы лично, Анатолий Иванович, готовы ли быть моим оппонентом?». И вдруг он отвечает: «Готов. Но попросить меня об этом должен Андрей Николаевич Колмогоров. Не обижайтесь, но в таких делах есть определённая этика». (Ответ Мальцева меня многому научил, и с тех пор я отказываюсь рассматривать вопрос об оппонировании, если просьба поступает от диссертанта.) С этого момента я стал относиться к проблеме собственной защиты всерьёз и немедленно доложил Колмогорову о моём разговоре с Мальцевым. Результатом явилось письмо Колмогорова Мальцеву от 24 октября 1962 года⁸⁵:

А. Н. Колмогоров А. И. Мальцеву
24 октября 1962 года.

Глубокоуважаемый Анатолий Иванович!

Владимир Андреевич Успенский рассказал мне, что он хочет подавать свою книгу о вычислимых функциях в качестве докторской диссертации.

У меня нет сомнения, что на фоне традиций, создавшихся за последние годы и в математической логике и в математике вообще, Владимир Андреевич — достойный доктор. В книге достаточно научных результатов, так что по существу наличие в ней кроме того и элементов популяризации не должно бы её обесценивать в глазах общественного мнения.

Судя по словам В. А. Успенского, П. С. Новиков готов выступить оппонентом. По его же словам Вам до полного согласия хотелось узнать моё мнение, которое я Вам и сообщаю.

С искренним уважением, Ваш А. Колмогоров.

⁸⁵ Цитируется по изданию «Сибирские электронные математические известия» (Siberian Electronic Mathematical Reports, <http://semr.math.nsc.ru>) в Интернете: <http://www.abstrakt.xlibx.com/ab-other/423176-4-sibirskie-elektronnie-matematichieski.php>

Колмогорова несколько удивила категоричность ответа Мальцева, содержащая, как сообщил мне Колмогоров, слова «сомнения здесь неуместны».

Что до самой моей 492-страничной книги, то она называлась «Лекции о вычислимых функциях», вышла в 1960 году и явилась первой отечественной книгой о вычислимых функциях (что отчасти объясняет колмогоровские слова об «элементах популяризации»⁸⁶). Второй была книга Мальцева «Алгоритмы и рекурсивные функции», вышедшая первым изданием в 1965 году, а вторым, посмертным, в 1986 году; я храню экземпляр первого издания с дарственной надписью автора: «Глубокоуважаемому Владимиру Андреевичу Успенскому в память о сибирских днях». До моей книги на русском языке имелась книга венгерской исследовательницы Рожи Петер, вышедшая в 1954 году в моём переводе с немецкого оригинала и под редакцией и с предисловием Колмогорова (в Будапеште она вышла в 1951 году и была, кажется, первой в мире книгой на эту тему). Однако идеология книги Петер была чрезвычайно устарелой, основное внимание уделялось так называемым примитивно-рекурсивным функциям, которых было совершенно недостаточно для охвата всех вычислимых функций. (Характерный пример: из вычислимых действительных чисел рассматриваются только примитивно-рекурсивные действительные числа, а других как будто и не бывает.)

На своей защите я встретил своего однокурсника Лёву Савельева⁸⁷, работавшего в Институте математики Сибирского отделения АН СССР. В Москве мы с ним не были близкими друзьями, однако, встретив меня в Академгородке, он совершил поступок, который я мог бы ожидать лишь от ближайшего друга. Узнав, что я живу в гостинице и отнюдь не в одноместном номере и что мне там неуютно, он уступил мне свою трёхкомнатную квартиру, а сам куда-то переехал. Я был и есть бесконечно благодарен Лёве за эту щедрость, и жить бы мне в Лёвиной квартире как у Христа за пазухой, если бы не одно обстоятельство. Прямо подо мной находилась квартира заместителя директора Института математики СО АН Анатолия Илларионовича Ширшова, которую я систематически заливал. Я был не виноват, дело бы в какой-то водопроводной неисправности,

⁸⁶ Рекурсивные функции, как уже отмечалось — это одна из математических формализаций понятия вычислимой функции.

⁸⁷ Лев Яковлевич Савельев, род. 9 марта 1929 года. См. его воспоминания на сайте <http://www.world-war.ru/shestnadcatiletnij-gvardii-serzhant/>. В них содержится небольшая неточность: я покинул военный лагерь по болезни, а не потому, что должен был сопровождать полковника Тараканова.

но ясно, что семья Ширшова отнеслась к неожиданному и проблемному жильцу сверху с законным раздражением. А я при этом принуждён был несколько раз ходить к Ширшову на приём с целью подписания протокола защиты и сопутствующих бумаг. Потому что именно он ввиду временного отсутствия постоянного председателя Учёного совета был председательствующим на моей защите. Понятный дискомфорт подобная ситуация мне обеспечивала. В качестве напутствия будущим диссертантам я не советовал бы им заливать квартиру председательствующего на совете.

Хорошо известно, что мало диссертацию защитить, надо ещё грамотно составить сопутствующие защите документы. Боюсь, что, занятый оформлением необходимых документов уже состоявшейся защиты, я не уследил за многим из пребывания Колмогорова в новосибирском Академгородке, где ему был оказан очень уважительный, порою даже восторженный приём. («Император приехал», как сказал мне кто-то.) Помню его беседу в Институте математики Сибирского отделения АН СССР с работающими там кибернетиками; в беседе участвовали Алексей Андреевич Ляпунов — заведующий отделом теоретической кибернетики и математической логики, состоящим из 7—8 человек, сотрудники этого отдела Б. А. Трахтенброт и И. А. Полетаев (уже без военной формы), занимавшиеся в рамках этого отдела соответственно автоматами и машинным моделированием (сам Ляпунов занимался программированием), а также заведующий отделом теории вычислений (или он назывался «отдел дискретного анализа»?), состоящим из 12 человек, Юрий Иванович Журавлёв. Юрий Леонидович Ершов, впоследствии, когда уже не стало Мальцева, возглавивший сибирскую школу алгебры и логики, был тогда ещё только пятикурсником и в те дни был на военных сборах. 7 июня Колмогоров сделал доклад на заседании ККК (расшифровывалось, кажется, «Кофейный кибернетический клуб», и главным там был молодой человек — Андрей Александрович Берс). О чём точно был доклад, не помню. Иногда, когда Колмогорова звали в гости, звали и меня. Так я попал в дом к Л. В. Канторовичу⁸⁸ (где я увидел и С. А. Христиановича⁸⁹ — почему-то запомнилось, что он был в кожаной куртке) и в дом к А. И. Мальцеву. Вечер Мальцева запомнился мне сибирским хлебосольством. На столе было подано, в частности, невообразимое

⁸⁸ Мои воспоминания о Канторовиче собраны в отдельной статье «О Л. В. Канторовиче», публикуемой в настоящей книге на с. 515—522.

⁸⁹ Сергей Алексеевич Христианович (1908—2000) — академик в области механики, один из трёх (вместе с М. А. Лаврентьевым и С. Л. Соболевым) отцов-основателей Сибирского отделения Академии наук.

количество пельменей. Водки и других напитков тоже было немеряно, чем я воспользовался, не задумываясь о последствиях. А последствия могли бы быть ужасными. Напившись, уже в темноте, я вышел из дома на огороженный участок, где встретился с собакой, не привыкшей церемониться с незваными гостями. Но свойства собаки мне объяснили позже. Не зная, что её следует бояться, я направился к ней и стал её гладить; мы подружились. Когда я вернулся в дом, то обнаружил, что меня ожидали увидеть покусанным.

9 июня 1963 года, в 3 часа 44 минуты по московскому времени, мы тронулись в обратный путь, в Москву.

7. Встречи с Колмогоровым в шестидесятых, семидесятых и восьмидесятых годах

1959 год начался для меня с важного события — 30 января у меня родился сын.

В апреле того же, 1959-го, года на мехмате была создана кафедра математической логики во главе с переехавшим (в 1955 году) из Ленинграда в Москву Андреем Андреевичем Марковым младшим, и я естественным образом попал на эту кафедру. Поскольку Марков был непримиримый конструктивист, а я не хотел поступаться принципами классической математики, у нас с ним возникла некоторая конфронтация.

С сентября 1960 года на филологическом факультете МГУ стало действовать отделение теоретической (с сентября 1962 года — структурной) и прикладной лингвистики⁹⁰ с большим объёмом преподавания математики, значительная часть которого выпала на мою долю.

Меж тем у Колмогорова появилось новое поколение учеников. Мои встречи с ним постепенно становились сперва менее регулярными, а потом и более редкими. Пишу об этом с грустью. В моей памяти отложились какие-то обрывки разговоров с Андреем Николаевичем, которые мне трудно точно датировать. Поскольку всё сказанное Колмогоровым представляет ценность, постараюсь здесь их привести.

Как-то я спросил Колмогорова, бывали ли случаи, чтобы кто-то его обогнал в науке. Колмогоров отнёсся к вопросу серьёзно, задумавшись.

⁹⁰ ОТИПЛ, затем ОСИПЛ. (Ныне снова ОТИПЛ.) Колмогоров сыграл немаловажную роль при создании этого отделения, поддержав саму идею своим авторитетом. Как уже говорилось, он принимал активное участие в самом первом совещании по этому вопросу, созванном ректором И. Г. Петровским 19 мая 1959 года.

мался, а потом сказал: «Когда я понял, что Людмила Всеволодовна Келдыш⁹¹ глубже меня понимает проблематику открытых отображений, я перестал этим заниматься». Других примеров он не мог назвать⁹².

Другой обрывок разговора связан с метеорологическими интересами Колмогорова (который был, вспомним, почётным членом Американского метеорологического общества). Эти интересы были связаны с его занятиями аэрогидродинамикой. Здесь, как это часто бывало у Колмогорова, его теоретические построения тесно соприкасались с практикой. Вот, что он говорил мне о метеорологических прогнозах. Достоверный долгосрочный прогноз, говорил Колмогоров, в принципе невозможен, так как атмосфера находится в неустойчивом состоянии; поэтому чей-нибудь чих в Южной Америке может послужить причиной возникновения через какое-то время тайфуна в Азии. Что же касается достоверных краткосрочных прогнозов, то они возможны; однако, чтобы сделать совершенно достоверный прогноз

⁹¹ Л. В. Келдыш (27.02(12.03).1904—16.02.1976) была и помимо математики, безусловно, выдающейся женщиной. Сестра знаменитого «теоретика космонавтики» (так его, не называя по имени из соображений секретности, именовали в советских газетных статьях на темы космических полётов) и президента Академии наук Мстислава Всеволодовича Келдыша, жена одного из крупнейших учёных России XX века академика-математика Петра Сергеевича Новикова, мать пятерых детей, из которых двое стали академиками — это академик-физик Леонид Вениаминович Келдыш и академик-математик Сергей Петрович Новиков. Леонид Келдыш восьмиклассником посещал тот школьный кружок по математике, который достался мне «в наследство» от Дынкина; я даже помню трудную задачу, которую он там решил — о раскраске вершин пространственного графа (точной формулировки не помню). Сергей Новиков на своих первых двух курсах (1955/1956 и 1956/1957) учился в той студенческой группе, в которой я вёл практические занятия по математическому анализу. Когда Л. В. Келдыш, уже известный учёный, был приглашён в США, он встретил необъяснимо странное к себе отношение, причину которого не мог понять. Наконец, американцы признались: «Мы думали, что вы — женщина»; дело было в совпадении инициалов с его матерью.

⁹² ●► 20 октября 2012 года я рассказал об этом эпизоде в небольшой компании колмогоровских учеников. Среди присутствующих был В. М. Тихомиров. Он меня публично высмеял. «Вы что, действительно поверили в то, что вам ответил Андрей Николаевич?» — сказал Тихомиров. По его мнению, в реальности происходило вот что. Когда я задал свой вопрос Колмогорову, тот заметался (выражение Тихомирова). Сказать, что никто его никогда не обгонял — этого он не мог себе позволить. Он выбрал какую-то статью Келдыш — Тихомиров почти назвал эту статью — и объявил содержащийся в ней не слишком существенный результат обогнавшим его, Колмогорова, публикации. А вы (Тихомиров имел в виду меня) отнеслись к этому с полной серьёзностью. ◀●

на какой-то сравнительно близкий момент времени в будущем, надо затратить больше времени, чем пройдёт до этого момента (разговор был до появления современных быстродействующих компьютеров); поэтому такой прогноз бесполезен. Он рекомендовал мне следующую методику прогноза погоды на завтра: «Всегда предсказывайте на завтра такую же погоду, какую вы наблюдаете сегодня. Конечно, время от времени вы будете ошибаться, но не чаще, чем ошибается бюро прогнозов».

Вот ещё два разрозненных высказывания Колмогорова, объединённые лишь тем, что оба рисуют Колмогорова как заинтересованного и внимательного наблюдателя деталей окружающей его реальной жизни.

Одно снова связано с метеорологией: для проведения метеорологических измерений, рассказывал мне Колмогоров, иногда приходится прибегать к помощи военной авиации. Так вот, добиться взлёта одного самолёта бывает очень трудно. Несравненно проще поднять в воздух воздушную армию. Как видим, парадоксальные стороны социальной реальности не оставались для Колмогорова незамеченными.

Второе — на совсем иную тему. В конце пятидесятых годов мой брат, тогда аспирант филологического факультета МГУ, какое-то время был в Дании на стажировке. Оттуда он привёз мне чёрную вязаную кофту на пуговицах (такие кофты будто бы называются кардиганами). Колмогоров, увидав её на мне, обратил на неё внимание (сказав что-то вроде: «А-а, у вас новая кофта»), оценил вещь положительно и отметил её заграничность. На вопрос, как он это понял, ответил, что это очень просто: явленное в кофте сочетание дешёвого материала с хорошим фасоном у нас невозможно. Получается, что Колмогоров не был чужд внимания к мелочам, а по наблюдательности и умению делать быстрые выводы из наблюдений приближался к Шерлоку Холмсу.

Я чрезвычайно редко, думаю, что не более двух раз, позволял себе не соглашаться с Колмогоровым и высказывать ему своё несогласие. Поэтому случаи, когда это происходило, остро врезались мне в память. Один из таких случаев был связан с его попыткой реформировать школьное математическое образование. На школьное математическое образование Колмогоров обратил внимание между 1963 и 1965 годом (более точно сказать не берусь). Вспомним его ответ на вопрос «Чем Вы занимаетесь в последнее время?», заданный ему 1 марта 1975 года на его публичной лекции «Что ожидает выбравшего математику?». Колмогоров тогда ответил: «Пишу учебники для средней школы, что мне уже надоело».

Ближайший ученик Колмогорова в последний период его жизни, В. М. Тихомиров, в ответ на мой запрос любезно прислал следующую информацию:

Вторник, 27 октября 2015, 0:33 +03:00 от Vladimir Tikhomirov:

Дорогой Володя!

В наше с Вами время статьи Колмогорова, посвящённые школьному математическому образованию, появляются впервые, начиная с 1964 года: Реферат доклада на совещании по проблемам математического образования в школе 25 июня 1964 года // Математика в школе, 1964, № 6, с. 90—91. До 1964 года в том же журнале две статьи с П. С. Александровым в 1941 году, в 1965 году 4 статьи, а всего 76 статей.

Первый учебник (по геометрии) вышел в 1970 году: Геометрия для 6 класса (совм. с А. Ф. Семеновичем, Ф. Ф. Нагибиным и Р. С. Черкасовым). Изд-во Просвещение, 1970 (всеми оплётанный замечательный учебник).

Ваш В.

Ужасаясь своему дурновкусию (или своей непочтительности, а то и наглости), я обнаруживал, что не все детали в колмогоровских школьных учебниках мне нравятся. Точнее было бы назвать эти учебники не колмогоровскими, а имеющими Колмогорова в составе своих авторов. Про некоторые из этих учебников было ясно, что Колмогоров практически не принимал участия в их написании. Я спросил Колмогорова, зачем он ставит свою фамилию на учебники, которых не писал. Колмогоров ответил мне честно. Он сказал: «Без моей фамилии в числе авторов их бы не издали, а их издание я считаю полезным для дела». Под делом подразумевалась задуманная Колмогоровым серьёзная реформа школьного математического образования. О ней мы поговорим чуть позже, а пока ограничимся учебниками. Кстати, учебников для школы, обычной школы, у Колмогорова не было. Здесь я опять ссылаюсь на В. М. Тихомирова⁹³.

⁹³ Вот что написал мне В. М. Тихомиров 28 октября 2015 года:

Учебников Андрей Николаевич писал несколько (по действительному переменному для университетов и по алгебре для школ с П. С. Александровым), по Анализу III с Фоминым, для школ он писал учебные пособия по геометрии (для 6 класса, затем отдельно для седьмого и для 6—8 классов) в соавторстве, наконец, писал учебник по алгебре и началам анализа также в соавторстве.

Набравшись смелости, я как-то предстал перед своим Великим Учителем и произнёс небольшую речь. Я сказал примерно следующее: «Вы не должны писать учебники для школьников. Это не Ваше дело. Даже писать учебники для студентов пединститутов — не Ваше дело. Ваше дело — писать учебники для профессоров пединститутов, которые, усвоив их, будут правильно обучать будущих учителей — с тем, чтобы те, в свою очередь, правильно обучали школьников. Конечно, когда Ваша программа дойдёт до школьников, пройдёт немало времени, но это единственный правильный путь». Я и сейчас так считаю. Колмогоров молча выслушал меня и ничего не сказал. Но было видно, что он не согласен.

Колмогоров был недоволен постановкой математического образования в средних школах нашей страны и задался целью его преобразовать. Он не был инициатором создания физико-математических школ-интернатов, но в 1958 году горячо поддержал эту идею. (С инициативой публично выступил Нобелевский лауреат Н. Н. Семёнов.) Главная же идея Колмогорова состояла в том, чтобы значительно обновить программу школьного курса математики. Планы Колмогорова были грандиозны:

1. Для школы следовало построить систематический курс математики.
2. Курс должен быть построен на дедуктивной основе, чтобы ни у кого ни в какой момент не возникало вопроса «А почему это так?».
3. Следовало построить курс так, чтобы любой учащийся мог понять основы ньютоновского математического естествознания.
4. Изложение геометрии должно дойти до такого уровня, чтобы евклидова геометрия и геометрия Лобачевского оказывалась частными случаями общего замысла.

●► К пункту 2 хотелось бы сделать несколько замечаний. А. А. Зализняк, учившийся в обычной московской школе, жаловался мне, что в школьной математике ему было непонятно, почему некоторые утверждения считаются очевидными, притом что другие, не менее, с его точки зрения, очевидные, доказываются. Когда

Помимо этого он издавал ротапринтно свои курсы, читавшиеся на мехмате (про теории меры и по случайным процессам — их ещё предстоит издать; когда мой друг Витя Леонов, затратив огромные усилия представил Андрею Николаевичу текст спецкурса по случайным процессам, Андрей Николаевич полистал-полистал его и воскликнул: «Боже, какой урод у нас с Вами получился». Мы с Витькой смеялись до слёз).

Но были ещё учебники для Интерната. Некоторые из них написаны Колмогоровым в одиночку. Таков учебник «Введение в анализ» (М.: МГУ, 1966. 56 с.).

советское математическое начальство набросилось на программу Колмогорова, то учебникам геометрии, изданным под патронажем Колмогорова, был противопоставлен учебник геометрии А. В. Погорелова, для 6—10 классов средней школы, впервые опубликованный в 1982 году. Он усиленно внедрялся, к нему выпускались задачки, решебники и прочее. Начиная с 1983 года большинство школьников России изучало геометрию по учебнику А. В. Погорелова. На самом же деле учебник плохой. Как блестяще показал Э. Б. Винберг в своей рецензии⁹⁴, учебник Погорелова лишён логики изложения. Привожу фрагмент рецензии:

Утверждение о том, что прямая разбивает плоскость на две части, относится к числу «основных свойств», а, казалось бы, более простое утверждение о том, что точка разбивает прямую на части (число которых, впрочем, остаётся неясным: см. ниже), выводится из него (7—9 кл., п. 6). Из этого же свойства в учебнике для 10—11 кл. (п. 6) путём довольно сложного рассуждения выводится, что плоскость разбивает пространство на две части. Последний факт без ущерба для чего бы то ни было можно было бы принять без доказательства, особенно если учесть, что при его выводе используются ничуть не более очевидные факты, отнесённые к числу «основных свойств», а именно, что через любые две пересекающиеся прямые проходит плоскость и что линия пересечения двух плоскостей есть прямая. Это классическая ситуация, о которой писал ещё А. Пуанкаре: «Если я, без предварительной подготовки, скажу им [ученикам]: „нет, вы этого не знаете, вы не понимаете того, что вам казалось понятным; я должен вам доказать то, что вы считали очевидным“, и если я в своих доказательствах буду опираться на посылки, которые им кажутся менее очевидными, чем заключения, то что подумают эти несчастные? Они подумают, что математическая наука есть не что иное, как произвольно собранная груда бесполезных умствований; и они либо почувствуют к ней отвращение, либо будут забавляться ею, как игрою, и в умственном отношении уподобятся греческим софистам». (Наука и метод // А. Пуанкаре. О науке. — М.: Наука. 1983. — Раздел «Математические определения и преподавание». — С. 359.)

Зализняк явно был одним из «этих несчастных», о которых писал Пуанкаре.

⁹⁴ «О концепции учебника геометрии А. В. Погорелова» (Математическое просвещение. — 2015. — № 19).

Я рассматривал себя как колмогоровского адепта, привык восхищаться его идеями и довольно поздно понял, что грандиозные планы Колмогорова по реорганизации математического образования в школе нереализуемы. Могли ли десятки тысяч учителей математики по всей России, годами привыкшие рутинно учить «по старому», по мало изменяющимся программам, внезапно начать «учить по новому»? Особенно если представить себе быт сельской учительницы, для которой одна из главных забот — обеспечить козу кормом и вовремя её подоить.

Виталий Арнольд в конце октября 2015 года дал сжатую формулировку:

Колмогоров поставил заведомо неразрешимую задачу:

- учить всех одинаково;
- учить всех одинаково хорошо;
- учить имеющимися средствами;
- учить с завтрашнего дня.

Такая задача если и могла реализоваться, то в пределах мехмата, а не в масштабах всей страны.

Иногда возникает вопрос, с какого времени Колмогоров стал вплотную заниматься школьным математическим образованием (в широком смысле, т. е. не только интернатами), да так, что эта тема стала для него, пожалуй, важнейшей. Разумеется, эти вопросы были более чем близки для него всегда. Но, пожалуй, с большой долей условности можно назвать дату: 25 июня 1964 года. В этот день министр просвещения РСФСР провёл совещание по проблемам математического образования в средней школе. Это было первое широкое, да к тому же на высоком официальном уровне, совещание по совершенствованию школьного математического образования. Основной доклад делал Колмогоров.

Итак, Колмогоров сделал школьное математическое образование едва ли не основным своим занятием в середине 1960-х годов. На ту же точку во временной шкале приходится фактическое прекращение Колмогоровым активных занятий математикой. Случайно ли это совпадение? Полагаю, что нет. Последним математическим шедевром Колмогорова было введение понятия сложности объекта, понятия, известного ныне в мировой математике под названием *колмогоровской сложности* (*Kolmogorov complexity*), и заложение основ соответствующей теории. Это было сделано в его знаменитой статье «Три подхода к определению понятия „количество

информации“», опубликованной в 1965 году⁹⁵. Колмогоров высказал правильную в целом гипотезу, что понятие сложности объекта позволяет получить определение индивидуальной случайной последовательности: последовательность будет случайной, если сложность её начальных отрезков растёт достаточно быстро при удлинении отрезка (и не будет случайной в противном случае). Словам «достаточно быстро» Колмогоров придал точный смысл. Однако ученик Колмогорова⁹⁶ выдающийся шведский математик Пер Мартин-Лёф вскоре обнаружил, что последовательностей с требуемой быстротой роста сложности начальных отрезков не существует. Тем не менее, как только что было сказано, гипотеза Колмогорова в целом оказалась правильной. Развитие теории показало, что возможно несколько определений сложности объекта, объединённых общим замыслом, но различающихся в деталях. В 1973 году другой выдающийся ученик Колмогорова, Леонид Александрович Левин⁹⁷, нашёл тот вариант определения сложности объекта (тот язык описания объектов), при котором идея Колмогорова об определении случайной последовательности через рост сложностей начальных отрезков оказывается верной. Осмеливаюсь выдвинуть нижеследующее предположение. Тот факт, что найденная Колмогоровым версия понятия сложности — версия сама по себе очень интересная и используемая в математике и теоретической информатике — оказалась неадекватной с точки зрения вероятностных применений, удручил автора этой версии. Колмогоров почувствовал, что абсолютная математическая сила, присутствие коей он в себе ощущал, покинула его. И он перестал двигать вперёд математику, а переключился на среднюю школу.

Тут мне вспомнилась фраза, как-то сказанная Колмогоровым за обеденным столом в Комаровке: «Когда я выйду на пенсию, я буду писать трактат о свойствах элементов пустого множества».

Было бы непростительным, однако, не сказать здесь, что своё понятие сложности объекта Колмогоров положил в основание амбициозного проекта построения теории информации, свободной от вероятностных представлений, каковые представления лежали в основе традиционной теории информации, построенной Клодом Шенноном. Колмогоров связал сложность и информацию простым соображением: чем объект сложнее, тем больше информации он в себе несёт.

⁹⁵ Проблемы передачи информации. — 1965. — Т. 1. — Вып. 1. — С. 3—11.

⁹⁶ В 1964 и 1965 годах, в качестве стажёра, он учился у Колмогорова на мехмате МГУ.

⁹⁷ В 1969—1970 годах он был моим дипломником на мехмате МГУ, но конечно же он не является моим учеником.

23 апреля 1965 года в Институте философии АН СССР Колмогоров сделал доклад «Понятие „информация“ и основы теории вероятностей», в котором, в частности, сказал⁹⁸:

Возникают последовательно такие проблемы:

1. Нельзя ли теорию информации (и понятие «количество информации») освободить от вероятностей?

2. Нельзя ли воспользоваться идеей, что случайность — это не поддающийся сокращению (описанию более коротким, чем уже привычный, способом) закон?

Ответы на эти вопросы сформулированы Колмогоровым в его знаменитой статье 1969 года «К логическим основам теории информации и теории вероятностей»⁹⁹:

1) основные понятия теории информации должны и могут быть обоснованы без помощи обращения к теории вероятностей и так, что понятия «энтропия» и «количество информации» оказываются применимы к индивидуальным объектам;

2) введённые таким образом понятия теории информации могут лечь в основу новой концепции *случайного*, соответствующей естественной мысли о том, что случайность есть отсутствие закономерности. ◀●

Прежде вся моя жизнь как бы измерялась встречами с Колмогоровым, проскакивая от встречи до встречи. Теперь, с ходом лет, жизнь делалась более независимой, а встречи с Андреем Николаевичем освещали её яркими вспышками.

Эти вспышки и сохранились в моей памяти.

Весна 1965 года. Гениальный¹⁰⁰ лингвист Андрей Анатольевич Зализняк представляет в Институт славяноведения Академии наук диссертацию «Классификация и синтез именных парадигм современного русского языка» на степень кандидата филологических наук. Поскольку в диссертации присутствовали математические сюжеты (в частности, теорема про устройство русского ударения), помимо

⁹⁸ Цитата приводится по стенограмме, опубликованной в сборнике «Колмогоров и кибернетика» / Под ред. Д. А. Поспелова, Я. И. Фета. — Новосибирск: Изд-во ИВМ и МГ СО РАН, 2001. — (Вопросы истории информатики; Вып. 2). — С. 118—137. Цитата взята со с. 126.

⁹⁹ Проблемы передачи информации. — Т. 5. — Вып. 3. — С. 6.

¹⁰⁰ Я отнюдь не разбрасываюсь словом «гениальный». Колмогоров, Пастернак, Зализняк — вот все очевидным образом гениальные люди, которых я встречал.

положенных двух оппонентов-лингвистов, каковыми были Пётр Саввич Кузнецов и Юрий Дереникович Апресян, было определено иметь ещё и оппонента-математика. Эта роль достаётся мне. Все три оппонента оценивают диссертацию как докторскую. Найден и четвёртый оппонент (необходимый потому, что Ю. Д. Апресян, впоследствии академик, тогда ещё не был доктором): таковым соглашается быть член-корреспондент Рубен Иванович Аванесов. Тем не менее, для руководства Института славяноведения ситуация оказывается слишком нестандартной, и назначенная на 31 марта кандидатская защита Зализняка отменяется. Решение об отмене принимается начальством прямо на месте, явившись не только полной неожиданностью для членов учёного совета, но и большим разочарованием для многочисленных друзей и почитателей диссертанта (им в утешение банкет отменён не был, хотя и состоялся в отсутствие оппонентов и членов совета). Отмена заседания совета 31 марта была мотивирована необходимостью глубже разобраться в деле и, в благоприятном случае, объявить новую защиту, поставив на этот раз на голосование два вопроса — отдельно о кандидатской и о докторской степенях: так полагалось по процедурным правилам, действовавшим в те годы. Однако обнаружилось, что сама мысль о возможности присуждения степени доктора филологических наук за кандидатскую диссертацию многими воспринимается с трудом: понятие о научном результате, естественное для математиков, оказалось чуждым для гуманитариев-традиционалистов. К тому же, большинство в Институте славяноведения и его учёном совете составляли не лингвисты и даже не филологи, а историки и экономисты. Эти-то историки и экономисты (не исключаю, что среди них могли быть, скажем, и музыковеды — специалисты по музыке славянских народов) стали говорить — и, надо признать, не без оснований, — что если диссертация Зализняка такая новаторская и замечательная, то пусть она защищается в каком-нибудь языковедческом институте. В частности, против защиты в совете Института славяноведения выступил историк М. Н. Тихомиров — единственный в то время академик в составе института.

Однако обстановка в советском языкознании в 1965 году была такова, что диссертацию, открывающую новый этап в языкознании (а именно такой и была диссертация Зализняка), в любом из двух языковедческих институтов Академии наук, т. е. в Институте языкознания или в Институте русского языка, непременно бы зарубили ещё даже до вынесения на учёный совет. Вот три характерных эпизода. Когда в 1964 году студенты кафедры структурной и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ обратились к своему

заведующему В. А. Звегинцеву с просьбой привлечь А. А. Зализняка к преподаванию, Звегинцев ответил: «Зализняк — это несерьёзно». Рубен Александрович Будагов, которого через 5 лет после описываемых событий, в 1970 году, изберут членом-корреспондентом, как-то, когда проблема диссертации ещё не возникла, сказал в моём присутствии: «Ну вот Зализняк — он же не имеет научного профиля. То он преподаёт старославянский, то санскрит, то арабский...». А Тимофей Петрович Ломтев, управлявший языкознанием на филологическом факультете, уже в связи с диссертацией сказал мне: «А что, до вашего Зализняка никто не знал, как склонять русские существительные?».

Поэтому было необходимо добиться, чтобы диссертацию, и притом в качестве докторской, согласился рассмотреть именно тот самый совет Института славяноведения, куда она была представлена в качестве кандидатской. Напряжённость ситуации внезапно усугубилась тем, что Зализняка как раз в это время стали призывать в армию — как лицо, не имеющее учёной степени, зато знающее много (несколько десятков) языков. Как выяснилось, этого не случилось бы, если бы 31 марта произошла нормальная кандидатская защита (а в том, что она не произошла, я ощущал и свою вину).

Дело было столь серьёзным, что я решил обратиться за помощью к Колмогорову и 2 мая отправился в Комаровку. Андрей Николаевич оценил как важность проблемы, так и степень моей взволнованности и уделил мне достаточно времени. Тут же он написал на машинке письмо в учёный совет Института славяноведения.

Привожу это письмо полностью:

В УЧЁНЫЙ СОВЕТ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ АН СССР

Общеизвестно, что одним из существенных течений современного языкознания является стремление к уточнению приёмов логического анализа языковых явлений с применением навыков мысли, выработанных в теории множеств и математической логике. Образцовые работы этого направления не столь многочисленны. К ним принадлежат и работы А. А. Зализняка

а) о категориях рода и одушевлённости в русском языке (Вопросы языкознания, 1964, № 4);

б) об ударении в современном русском склонении (Вопросы языкознания, 1964, № 1 и подробнее — Русский язык в национальной школе, 1963, № 2).

Эти работы с логической стороны безупречны и радуют соединением нетривиальных логических приёмов анализа с полным владением фактическим материалом и пониманием связей между результатами «синхронного описания» и задачами реконструкции исторического генезиса изучаемых явлений.

Но работа «Классификация и синтез именных парадигм современного русского языка», представленная А. А. Зализняком в качестве кандидатской диссертации, по моему мнению должна занять выдающееся место не только в русском, но и в общем языкознании, так как, насколько мне известно, ни в отечественной, ни в зарубежной литературе исчерпывающему формальному исследованию современными в смысле логических приёмов методами не подвергался столь большой массив фактов. Судя по отзывам оппонентов, фактическая состоятельность проведённого анализа не вызывает сомнения¹⁰¹. Я думаю, что выполненный А. А. Зализняком труд вполне логично было бы отметить присуждением за него докторской степени.

2 мая 1965 года
А. Колмогоров

Вручить это письмо заместителю директора Института славяноведения Игорю Михайловичу Шептунову, в те поры фактически заправлявшему институтом, и получить у него расписку (!) на копии я попросил одну из близких сотрудниц Колмогорова, Наталью Дмитриевну (тогда — просто Наташу) Светлову. Светлова и вручила, и добилась требуемой расписки, сославшись на поручение академика Колмогорова (какового поручения, разумеется, не было). «Академик Колмогоров поручил вам потребовать от меня расписки?» — спросил изумлённый Шептунов. Светлова недрогнувшим голосом отвечала: «Да». Шептунов стал было хвататься за телефон, но потом сдался и расписку написал. Любопытно, что сказал бы Колмогоров, дозвонись до него Шептунов!¹⁰²

¹⁰¹ Очень колмогоровская фраза. Колмогоров готов подписаться лишь под тем, в чём убедился сам. Уровень мировой литературы по языкознанию ему известен, но в отношении того, соответствует ли описание фактам, он ссылается на оппонентов. — В. У.

¹⁰² А незадолго до того я имел и непосредственную беседу с Шептуновым, в которой пытался убедить его в необходимости поставить диссертацию Зализняка на защиту в управляемом им институте. Я решился на блеф. Я сказал: «Если диссертация Зализняка не будет поставлена на защиту, ваш институт закроют». Шептунов вытаращил на меня глаза — но не так сильно, как можно было бы себе представить, потому что некоторые неуловимые

Защита Зализняка состоялась 26 мая 1965 года. Формально она была объявлена как кандидатская защита, но состоялась при четырёх оппонентах, и в конце заседания было проведено два тайных голосования — отдельно за кандидатскую и за докторскую степени. Оба дали положительный результат, и решением пленума ВАК от 19 июня 1965 года А. А. Зализняку была присуждена докторская степень за кандидатскую диссертацию¹⁰³. (При наличии такого важного документа, как докторский диплом, В. А. Звегинцев переменял своё мнение об уровне компетентности Зализняка и пригласил его на свою кафедру. Блестящая преподавательская деятельность Зализняка на отделении структурной и прикладной лингвистики во многом определяла лицо этого отделения вплоть до лета 1982 года, когда он был отстранён от преподавания новым заведующим кафедрой Юрием Владимировичем Рождественским, сменившим либерального Звегинцева¹⁰⁴.)

черты смутного времени в воздухе всё-таки ощущались: всего полгода, как сняли Хрущёва (так что постхрущёвская стагнация ещё не наступила), да и постановление о создании Института семиотики (который должен был стать центром либерализма в гуманитарных науках) никто не отменял. Всё же он возразил: «Институт Академии наук закрыть невозможно». Тогда я вынул из портфеля и показал ему последний из ежегодных справочников Академии наук, в котором на том месте, где раньше были сведения об Институте механики, — причём сведения достаточно подробные, с указанием всех заместителей директора, телефонов парткома и профкома и т. п. — теперь было написано «Институт проблем механики» без каких-либо подразделений и начальников кроме директора-организатора (каковым был указан академик Александр Юльевич Ишлинский — человек, на мой взгляд, замечательный; он действительно сумел закрыть Институт механики и создать в тех же стенах Институт проблем механики). На Шептунова это произвело впечатление, и он поверил. Он немедленно организовал мне аудиенцию у директора Института славяноведения — с тем, чтобы я объяснил тому положение вещей. Директора звали Иван Александрович Хренов, и он был динозавром старой школы. Он мне не поверил (и правильно сделал). Когда я вернулся к Шептунову и сообщил, что Хренова мне убедить не удалось, Шептунов выразился в том смысле, что вот, дескать, Хренов уже окостенел и не в состоянии адекватно реагировать на изменяющуюся ситуацию. Хренова удалось убедить позже, прибегнув к помощи Андрея Сергеевича Монины, колмогоровского ученика, работавшего тогда в аппарате ЦК КПСС (и сам факт его работы там я отношу к тем «неуловимым чертам смутного времени», которые только что были упомянуты); мы с Р. Л. Добрушиным посетили А. С. Монины в знаменитом сером здании на Старой площади, и визит оказался успешным.

¹⁰³ ► Некоторые связанные с защитой Зализняка материалы (в частности, мой оппонентский отзыв и отзыв В. В. Виноградова) опубликованы на с. 123—145 кн. 3 «Языкознание» настоящего 2-го издания «Трудов по нематематике». ◀►

¹⁰⁴ Более точно, кафедра Звегинцева была упразднена и влита в кафедру Рождественского.

Уверен, что колмогоровское письмо явилось одним из факторов, приведших к успеху предприятия. Роль Колмогорова в лингвистике требует отдельного анализа, его участие в судьбе диссертации Зализняка — лишь одна из граней этой роли.

Весной того же 1965 года мы со Светланой решились позвать Колмогорова в гости. До того он у нас никогда не был. Были задуманы «большие гости» — это значит человек пятнадцать (больше не умещалось за столом). Тщательно обдумывалось, кого позвать «на Колмогорова», — с тем, в первую очередь, чтобы ему было приятно и интересно. В то время в Москве оказался глава тартуской семиотической школы Юрий Михайлович Лотман, с которым в ту пору мы тесно дружили. Мы со Светланой его пригласили. Время суток было выбрано традиционное — вечер, не очень поздний. Что же касается дня, то и день определился легко — приближалась Пасха. В тот год она приходилась на 25 апреля (по новому стилю). Я набрался смелости и позвонил за несколько дней до того Колмогорову. Он выразил полную готовность прийти, но только не в этот день. «Видите ли, — сказал он, — в этот день у меня день рождения». Моему смущению не было границ. Если бы меня разбудили ночью и спросили, когда родился Колмогоров, я бы, конечно, назвал правильный день. Но тогда, поглощённый идеей позвать Колмогорова в гости на Пасху и одновременно страшась самой процедуры приглашения (всё-таки это было впервые), я сумел отождествить во времени только два события из трёх (Пасха, 25 апреля, день рождения Колмогорова). Колмогоров, скорее всего, отнёсся к этой моей оплошности с юмором, и всё мероприятие было перенесено на другое число, в каковое благополучно состоялось. Я думал заинтересовать Колмогорова пением Галича (и с этой целью одолжил у кого-то магнитофон и раздобыл плёнку), даже не песнями вообще, а одной-единственной песней о том, как «гады физики на пари раскрутили шарик наоборот». Мне казалось, что Колмогорову в этой песне должно было понравиться выраженное в ней отношение простого народа к науке — отношение, складывающееся из двух убеждений: во-первых, в неограниченных возможностях науки и, во-вторых, в том, что ничего хорошего от реализации этих возможностей ждать не приходится. (Возможно, впрочем, что я приписал простому народу моё собственное отношение.) Колмогорову, однако, с его классическим музыкальным вкусом, Галич оказался противопоказан.

Андрей Николаевич был у нас дома ещё раз — с Тихомировыми (Владимиром Михайловичем Тихомировым и его женой Натальей Ильиничной Пригариной) и Зализняками (Андреем Анатольевичем Зализняком и его женой Еленой Викторовной Падучевой).

И ещё я хотел его пригласить, когда в Москву приехал польский писатель Станислав Лем. Это было незадолго до публикации его повести «Насморк» в одном из наших толстых журналов. Повесть была только что переведена близко мне знакомым Виргилиусом-Юозасом Чепайтисом и существовала ещё только в виде рукописи. Чепайтис, зная о моём восторженном отношении к Лему, решил сделать мне подарок — привести его к нам домой. Нам со Светланой показалось, что торжественнее всего будет позвать Лема к завтраку¹⁰⁵. И к этому же завтраку я пригласил Колмогорова. Андрей Николаевич отказался — и то, как он мотивировал свой отказ, побуждает меня вставить этот эпизод в свои воспоминания. Он сказал, что слишком уважает Лема, чтобы встретиться с ним всего лишь мимоходом, а «начинать новую линию своей жизни» (так мне помнятся колмогоровские слова) у него нет возможности.

Осенью 1966 года моему сыну Володе предстояло идти в первый класс, и мы со Светланой уже с весны обдумывали, в какую школу его определить. Все были буквально помешаны на английских, французских или, на худой конец, немецких школах. Какое-то время и я по наивности думал, что в таких школах всё преподавание ведётся на соответствующем языке. В этом заблуждении меня поддерживало наличие необычных школьных учебников — например, я держал в руках учебник истории на английском языке. Некоторые слова из этого учебника отсутствовали в самых больших английских словарях (оказалось, что это изобретённые нашими историками термины, отражающие классовый подход к истории). В общем, стало понятно, что записывать надо в обычную школу — но в какую? Ввиду серьёзности для меня этого вопроса я отправился к Колмогорову за советом. Он отнёсся к проблеме с полным вниманием и разъяснил мне, что школы бывают хорошие и плохие и что возникает это деление так: в какой-то школе путём флуктуации образуется ядро хороших (или плохих) учителей. И далее это ядро начинает притягивать к себе подобных же учителей, а учителя с противоположным знаком не уживаются. Вот под этим углом и надо присматриваться к школам. Рассматривая школы под указанным Колмогоровым углом зрения, мы со Светланой остановили свой выбор на «школе под окном», а именно на ближайшей к нам 152-й школе (у метро «Аэропорт», где

¹⁰⁵ Полагаю, что сыграли свою роль полудетские впечатления от чтения газетных сообщений о завтраке, даваемом, скажем, в честь иностранного посла. «Дать обед» или «дать ужин» — это было понятно: к обеду или к ужину гостей приглашали и дома. Но «дать завтрак» — это звучало возвышенно и таинственно.

мы жили). В этом выборе нам не пришлось раскаиваться (с поправкой на то, что наша школа есть бедствие как бы по определению).

Следующая вспышка. Весной 1972 года Колмогоров читает для первокурсников «Введение в математическую логику» — им же учреждённый, первый в истории мехмата, обязательный курс по математической логике. В том году этот курс читался впервые, и Колмогоров читал его сразу для обоих «потоков» студентов-математиков (т. е. не менее чем для трёхсот человек) в огромной аудитории 02. Лекции происходили по четвергам, начинались в 9 утра, и их посещал ряд лиц, отнюдь не являющихся первокурсниками, — от заведующего кафедрой математической логики члена-корреспондента А. А. Маркова до моего сына-семиклассника. Колмогоров сам печатал на машинке методические материалы к своему курсу, вошедшие затем в его совместную с А. Г. Драгалиным книгу под тем же названием «Введение в математическую логику».

Март 1973 года. Упоминавшаяся уже в разделе 2 школа-семинар в Цахкадзоре (Армения), организованная по случаю наступающего в апреле семидесятилетия Колмогорова. Комнаты на три койки в более чем запущенном пансионате «Мать и дитя». В одной из комнат койки отводятся А. Н. Колмогорову, В. М. Тихомирову и мне. Но Колмогоров в нашей комнате не живёт, а, как и А. А. Марков, живёт в правительственном пансионате, расположенном, как и положено, выше нашего. Однако, в отличие от Маркова, Колмогоров спускается в столовую «Матери и дитяти» для совместного со всеми питания — самого отвратительного в моём личном опыте. Колмогоров много ходит на лыжах, часто — в одних шортах. Расположение его ко мне проявилось в том, что ещё в Москве мне было велено взять с собою беговые лыжи, хотя я не могу поверить, чтобы он забыл наше первое (и последнее) с ним катание. Слава Богу, здесь мне уже не предлагалось кататься вместе с ним.

Три эпизода из жизни в Цахкадзоре заслуживают, на мой взгляд, упоминания.

Эпизод первый. Колмогоров всегда председательствовал на заседаниях школы сам, но тут решил вздремнуть после обеда и поручил провести очередное занятие мне, сказав, что придёт позже. Надо же было случиться, что именно на этот раз на двери той пансионатской избы-читальни или клуба, где проходили занятия, висел большой амбарный замок, и, разумеется, никто не знал, где ключ. Лёня Левин (некогда мой дипломник, ныне профессор Бостонского университета и один из виднейших мировых специалистов в области теоретической информатики) не осилил сбить замок, зато сумел

открыть окно в библиотеку, а через библиотеку уже можно было внутри здания перейти в зал. Окно было высоко над землёй, к окну приставили лестницу, и все взобрались. Лестницу не решились оставить снаружи: её, несомненно, украли бы и, главное, создавалась опасность разворовывания книг. Поэтому лестницу втянули внутрь, а для Колмогорова вывесили небольшое объявление, не привлекающее внимания. Все сошлись на том, что Колмогоров сможет вскарабкаться и без лестницы. В середине занятия Колмогоров и впрямь появился. На вопрос: «Как Вы вошли?», — он ответил не без раздражения моею бестолковостью: «Через окно, разумеется».

Эпизод второй. Третий день школы-семинара, 17 марта, начался, как обычно, в 9 утра. Была лекция Леонида Александровича Бассальго о быстром преобразовании Фурье. Марков вдруг начал, что называется, задирается. Такое с ним случалось нередко. Стоило Бассальго произнести выражение «комплексные числа», как Марков объявил, что имеет к лектору вопрос. Вопрос был таков: «Что такое комплексное число?». Бассальго отвечал, что это число вида $a + bi$. «А что такое a и b ?». — «Это действительные числа». — «А что такое действительное число?». Тут даже невозмутимый Бассальго пришёл в некоторое замешательство и ответил, что действительные числа трактуются в обычном понимании этого термина. Марков такого ответа только и ждал. Он заявил, что поскольку обычное понимание действительных чисел совершенно бессмысленно, лекция не может быть продолжена. (Можно предположить, что ему не давали покоя лавры математика Николая Васильевича Бугаева, президента Московского математического общества и отца Андрея Белого, не допустившего проведения лекции «Есть ли сознание у животных?», когда выяснилось, что никто из слушателей не знает, что такое сознание.) Колмогоров довольно резко попросил Маркова не мешать нормальному ходу школы. Марков демонстративно покинул занятие и потребовал немедленного авиабилета в Москву. Мне (как ученику Колмогорова и сотруднику кафедры Маркова) пришлось выступить «челночным дипломатом» и выслушивать раздражённые заявления с обеих сторон. Чтобы охладить Маркова, его повели гулять по заснеженному лесу к источнику, что за Главной олимпийской базой. Марков шёл прямой и торжественный, в чёрном пальто и чёрной шляпе. Легенда гласит, что здесь наперерез процессии выехал на лыжах Колмогоров в одних шортах. Это красиво, но, к сожалению, неверно. Колмогоров действительно катался в это время на лыжах примерно там же и, кажется, в шортах, но противники

прошли точку пересечения маршрутов в разное время. На заключительном банкете (меня там не было) Колмогоров поднял тост за старейшего участника, имея в виду Маркова. Разумеется, он считал Маркова старше себя по возрасту, да и большинство так считало. Марков сказал, что он горячо поддерживает тост за старейшего участника. Дело в том, что на самом деле Марков младше Колмогорова: он родился в том же 1903 году, но 22 сентября, а Колмогоров 25 апреля (обе даты по новому стилю). Противники, теперь уже бывшие, поцеловались.

Эпизод третий. Как-то было замечено, что от города Раздана вверх по ущелью движется колонна чёрных лимузинов, из коих первый был длинным, правительственного вида. Когда колонна остановилась у пансионата, где должны были как раз начаться послеобеденные занятия, оказалось, что это президент Академии наук Армении, знаменитый астрофизик Виктор Амазаспович Амбарцумян со свитой (в её составе помню, в частности, известного математика, армянского академика и союзного члена-корреспондента Сергея Никитовича Мергеляна¹⁰⁶), узнав, что тут Колмогоров, приехал его приветствовать. Колмогорова гости перехватили во дворе пансионата по дороге в ту самую избу-читальню. Беседа — тут же во дворе, стоя, — была чрезвычайно краткой. Колмогоров имел две просьбы: 1) помочь в устройстве на работу Лёни Левина (кандидатскую диссертацию которого «Некоторые теоремы об алгоритмическом подходе к теории вероятностей и теории информации», научный руководитель академик А. Н. Колмогоров, не слишком задолго до того благополучно провалили на защите в Институте математики Сибирского отделения Академии наук); 2) если будет организовано посещение основанной и возглавляемой Амбарцумяном астрофизической обсерватории на горе Арагац, принять во внимание желание Колмогорова спуститься с Арагаца на беговых лыжах. И всё. Андрей Николаевич привычным жестом, как бы в знак извинения, взмахнул руками над головой и, сказав, что ему надо идти открывать вечернее заседание, удалился. До сих пор не знаю, действительно ли он не понял, что все эти важные люди специально ехали из Еревана только для того, чтобы побеседовать с ним, или лишь сделал вид, что не понял. А веренице чёрных машин пришлось некоторое время ехать ещё по дороге вверх, потому что только у правительственного пансионата возникала первая возможность развернуться.

¹⁰⁶ С. Н. Мергелян прославился тем, что стал членом-корреспондентом Академии наук СССР в двадцать пять лет.

Цахкадзорская конференция проходила на фоне довольно мрачной обстановки в стране. Начинаясь травля Сахарова. 29 августа 1973 года в газетах появилось «Письмо членов Академии наук СССР», подписанное сорока главными советскими академиками от Басова до Энгельгардта, включая всех имевшихся тогда в СССР нобелевских лауреатов в области науки. В письме «выражалось возмущение» заявлениями Сахарова и «решительно осуждалась» его деятельность. Среди подписавших письмо Колмогорова, к счастью, не было.

Не прошло и полугодя, как 12 февраля 1974 года арестовали и на следующий же день выслали Солженицына. Теперь требовалось всенародное одобрение этого действия властей. 15 февраля 1974 года на 3-й странице газеты «Правда» было опубликовано письмо за двумя подписями: «П. Александров. Академик, Герой Социалистического Труда», «А. Колмогоров. Академик, Герой Социалистического Труда». В письме выражалось «глубокое удовлетворение» в связи с «выдворением» Солженицына¹⁰⁷. Признанное величие Колмогорова делало негативную реакцию на эту публикацию особенно острой.

У всех достаточно близко знавших Колмогорова стиль публикации не оставлял сомнений, что он не является её автором. Вполне возможно, что он и не подписывал письма — в буквальном, физическом смысле слова «подписывать». По поводу возникновения этого текста ходили тогда различные слухи — в частности, что участвовать в письме уговорил Андрея Николаевича его ближайший друг (известный своей сверхосторожностью). Подлинная же история письма, надо полагать, так навсегда и останется скрытой.

Бесспорно, однако, что никаких высказываний, дезавуирующих письмо, Колмогоров не делал. Считаю это событие трагическим фактом в биографии Колмогорова. И трагическим фактом в истории России. Выше я уже соглашался с точкой зрения, что гений не

¹⁰⁷ ► В газете «Известия» № 71 за 1992 год (московский выпуск от 24 марта) опубликованы секретные документы из архива ЦК КПСС, относящиеся к присуждению в 1970 году Солженицыну Нобелевской премии по литературе. Среди них — донесение председателя КГБ Андропова в ЦК от 10 октября 1970 года. В этом документе, в частности, говорится:

В кругах советской интеллигенции решение Нобелевского комитета воспринято в основном неодобрительно.

Отдельные представители интеллигенции выразили положительное отношение к факту присуждения Солженицыну Нобелевской премии.

Академик А. Колмогоров: «Солженицыну присудили Нобелевскую премию за 1970 год. Хорошо, что дали, он этого заслуживает. Пустят ли Солженицына за границу получить эту премию?»



подлежит мирскому суду. Но это тогда, когда он действует в качестве гения. В данном же случае Колмогоров, на мой взгляд, действовал в качестве простого смертного. И потому подлежит мирскому суду. Но — не моему.

Я никогда не обсуждал с Колмогоровым это событие. Не знаю как с другими, со мною он почти никогда не говорил ни о своём отношении к власти, ни о своих отношениях с властью. С тем большей отчётливостью я помню страдание, изобразившееся на его лице, когда, уже в период его болезни, мне выпало доложить ему, что первым лицом государства сделался К. У. Черненко. Страдание было настолько явным, что я спросил, что случилось. «Да вот — то, что Вы мне сказали», — ответил Колмогоров.

Весной 1977 года происходила 40-я Московская математическая олимпиада. Я числился председателем её оргкомитета. Скорее, всего, впрочем, это не было моей формальной должностью, так как созданного «в установленном порядке» оргкомитета, возможно, и не существовало. Так или иначе, на грамотах олимпиады я подписывался в качестве председателя жюри. Моя подпись стоит второй и последней. А первой — подпись президента Московского математического общества. Им был тогда Колмогоров. Надо было подписать несколько сот грамот. Я пришёл к Колмогорову на квартиру. Он тут же предложил такую процедуру: я разложу грамоты на столе на возможно большем пространстве, а он будет ходить и подписывать. Действительно, так оказалось менее утомительно. Для сравнения, на грамотах IX и X Олимпиад (1946 и 1947 годов) четыре подписи: председатель оргкомитета, декан механико-математического факультета МГУ, президент ММО, заведующий Мосгороно. И гербовая печать университета. В 1977 году — только скромная печать ММО. «Моя» 40-я Олимпиада была первой, когда Московский университет, в лице заместителя проректора — начальника учебно-методического управления МГУ В. С. Ленского¹⁰⁸, отказался оплатить премии. Чест-

¹⁰⁸ Виктора Степановича Ленского (1913—1998) я представлял себе достаточно хорошо. Он был моим коллегой по мехмату, одним из тех, кто работал в направлении превращения мехмата из царства света в царство тьмы, одним из тех, на борьбу с которыми Колмогорову приходилось тратить своё время и силы. Почему-то все такие личности, включая Ильюшина, — все, разумеется, члены КПСС — группировались на кафедре теории упругости. (Кстати, заведующий кафедрой в 1946—1998 годах Алексей Антонович Ильюшин не казался мне принадлежащим к той мафии, которая составляла ядро его кафедры.) Сайт кафедры теории упругости сообщает, что Ильюшин работал в составе руководства научно-методического и научно-технического советов высшей школы.

ная история Московских математических олимпиад эпохи застоя ещё будет, надо надеяться, написана. Вот ещё два эпизода этой истории. Кажется, именно на 40-й Олимпиаде (но не исключено, что и на другой, где я также, формально или неформально, был председателем оргкомитета), когда все победители разного уровня были уже определены и оставалось только заполнить грамоты, ко мне робко обратился незнакомый мне молодой человек, прося оказать ему великую милость. А именно, он просил разрешения, в эстетических целях, заполнить грамоты не от руки, как это предполагалось сделать, а на пишущей машинке. Машинка находилась у него за спиной в рюкзаке. Я предоставил ему просимую возможность, и он усиленно меня благодарил. Этот случай произвёл на меня неизгладимое впечатление. Я понял, что мне довелось увидеть представителя вымирающей породы истинных энтузиастов Математических Олимпиад. Что касается второго эпизода, то его я знаю по рассказам. Только руководители Олимпиады, среди которых не было представителей власти, определяли, кого и чем награждать — почётной грамотой или премией, а если премией, то какой степени, или даже специальной премией за лучшее решение какой-либо задачи. Партийно-гебистское начальство факультета такая ситуация не устраивала. И они придумали вот что. На первом туре одной из Олимпиад всем участникам были розданы подробные анкеты. Спрашивали имена-отчества родителей и, главное (что было всем понятно) национальность участника. Всё это было собрано и заперто под ключ (кажется, в партбюро). К большому неудовольствию начальства все анкеты оказались украдены.

Осень 1978 года. Объявлен мой доклад на Методологическом семинаре отделения математики мехмата под названием «Нестандартный, или неархимедов, математический анализ». Указанный в названии доклада анализ предлагал иную, нежели стандартная, модель прямой линии. Стандартная модель подчиняется аксиоме Архимеда, утверждающей, что если на прямой заданы две точки, то, сколь мелкими шажками мы бы ни шли от первой точки в сторону второй, рано или поздно мы до этой второй точки дойдём. В нестандартной модели действуют все аксиомы, кроме аксиомы Архимеда; допускается возможность, что до второй точки мы не дойдём никогда. Тогда появляются бесконечно малые отрезки, длина которых меньше $\frac{1}{n}$ при любом натуральном числе n . Каждая точка превращается в *монаду*, состоящую из этой точки и всех бесконечно близких к ней точек. В телескоп мы видим звёзды как точки, а планеты как диски, но если бы мы сумели построить невероятно сильный телескоп, то и

звёзды увидели бы как диски. Нестандартный анализ и представляет собою такой телескоп, что точки становятся промежутками, хотя и бесконечно малой длины. Автоматически появляются бесконечно большие числа. Определение предела становится весьма естественным. Много чего ещё можно было бы рассказать, но в рамках данной статьи это кажется неуместным. Скажу только, что эти идеи меня чрезвычайно увлекли, и я стал их пропагандистом¹⁰⁹. Доклад мой был объявлен на 30 ноября, но по каким-то причинам был перенесён на 7 декабря. Неожиданно для меня на доклад явился Колмогоров. Эта честь одновременно создавала для меня ответственность. После доклада мы вместе пришли к нему домой, и там он подарил мне учебное пособие для 10-класса средней школы «Алгебра и начала анализа», вышедшее под его редакцией в 1976 году тиражом 3950 000 экземпляров в издательстве «Просвещение»¹¹⁰. На книге Колмогоров сделал следующую дарственную надпись: *Дорогому Володе в день его восторженного доклада о нестандартном анализе. 7-ХII-78. АК.*

Весна 1979 года. Банкетом в «Метрополе» 4 апреля отмечается двадцатилетие кафедры математической логики Московского университета. Тяжело больной заведующий кафедрой А. А. Марков уже в больнице, и осенью его не станет. Однако от него мне (как учёному секретарю кафедры) поступает указание провести празднование. Андрей Николаевич, приглашённый на банкет, сидит слева от меня и даже пьёт вино. Я впервые замечаю, что ему трудно положить носовой платок в правый карман пиджака. Я ему помогаю. Возможно, здесь я в первый раз осознаю, что Колмогоров стареет. (Меня это потрясло — ведь сама мысль, что Колмогоров может постареть, прежде была просто невозможной.) Мы выходим вместе и расстаёмся в десятке метров от «Метрополя» у метро «Площадь Революции»...

А завтра или послезавтра мне звонит жена Колмогорова, Анна Дмитриевна, и сообщает, что Андрей Николаевич просит меня заменить его на лекциях по курсу «Введение в математическую логику», для чего предварительно приехать к нему в больницу Академии наук. Оказалось, что на следующий день после банкета, когда он входил

¹⁰⁹ Впоследствии я даже выпустил две популярные брошюры на эту тему: В. А. Успенский. Нестандартный, или неархимедов, анализ. — М.: Знание, 1983. — 61 с.; В. А. Успенский. Что такое нестандартный анализ?. — М.: Физматлит, 1987. — 128 с.

¹¹⁰ Авторы: А. Н. Колмогоров, О. С. Ивашев-Мусатов, Б. М. Ивлев, С. И. Шварцбург.

в свой подъезд, он получил сзади удар в голову такой силы, что на время потерял сознание. Было много крови. На помощь пришла вахтёр-лифтёр. Как объяснял потом Колмогоров, ему казалось, что сразу за ним кто-то идёт, и поэтому, войдя в подъезд, он не стал заботиться о том, чтобы аккуратно закрыть за собой дверь. Эта дверь, обладающая мощнейшей пружиной¹¹¹, и ударила, по официальной версии, Колмогорова сзади, при этом архитектурные излишества, имевшиеся на бронзовой дверной ручке¹¹², ударили его в голову. (А я и сейчас не могу себе зрительно представить, как это дверная ручка могла оказаться на уровне головы Андрея Николаевича, и не могу отделаться от фантазмагорической мысли, что сзади действительно кто-то был — он-то и ударил.) Удар, конечно же, повлёл и сотрясение мозга, и внутричерепное кровоизлияние. Убеждён, что всё это если и не было основной причиной недомогания Колмогорова (ведь ещё за день до удара я заметил скованность руки), то значительно это недомогание усилило и ускорило его переход в тяжёлую и тяжкую болезнь.

Когда я явился в больницу, Колмогоров лежал с забинтованной головой, но сравнительно бодрый, в трёхместной палате — с двумя соседями. По академической иерархии ему полагалась одноместная, но для этого надо было переселять пациентов, на что Колмогоров не согласился (через несколько дней освободился люкс для академиков, и Колмогорова перевели туда). Больше всего его волновало, чтобы очередная лекция прошла нормально. В весеннем семестре следующего, 1980 года Колмогоров читал своё «Введение в математическую логику» в последний раз. Это был последний лекционный курс Колмогорова в Московском университете.

¹¹¹ Пружины на дверях университетских подъездов были вообще одним из уродств нашего бытия. Уродство заключалось в том, что даже в таком всенародно известном ипользуемом правительственным покровительством здании, как Главное здание Московского университета, украшениям на дверных ручках придавалось больше внимания, чем возможности пользоваться самими дверьми. Чтобы открыть дверь Главного входа, надо было приложить немалую силу, и у меня (и не только у меня) стоит перед глазами маленькая профессор С. А. Яновская, отчаянно сражающаяся с входной дверью, пытаясь её открыть.

¹¹² Главное здание университета на Ленинских горах, в целом построенное довольно разумно, снаружи, однако, согласно эстетическим воззрениям сталинской эпохи, изукрашено декоративными башенками, фестонами, розетками и т. п. В хрущёвские времена этот безвкусный макияж стали называть архитектурными излишествами. Архитектурные излишества на бронзовых ручках университетских подъездов выражались в виде завитушек с острыми концами.

Весна 1983 года. Восьмидесятилетний юбилей Колмогорова. Чествование происходит ровно в день восьмидесятилетия, 25 апреля, в конференц-зале 1-го корпуса гуманитарных факультетов МГУ. Начало в полдень. Председательствует и открывает собрание вице-президент Академии наук В. А. Котельников¹¹³. Далее следуют приветствия — от МГУ (первый проректор В. А. Садовничий), от Госкомитета по науке и технике (зампред Арнольд Романов), от Отделения математики Академии наук (Ю. В. Прохоров), от мехмата (О. Б. Лупанов), от факультета вычислительной математики и кибернетики МГУ и Института прикладной математики АН СССР (А. Н. Тихонов), от Математического института АН СССР (Е. Ф. Мищенко), от Президиума Академии педнаук (В. Г. Разумовский), от Минпроса СССР (нач. отдела Т. А. Сарычева, она же зачитывает адрес от Всесоюзных олимпиад), от Правления Московского математического общества (А. Н. Ширяев), от кафедры математической логики мехмата (А. Л. Семёнов) и, наконец, от города Тамбова, в котором довелось родиться Колмогорову, доцент Аркадий Моисеевич Чубарев. Затем выступают коллеги и ученики: Б. В. Гнеденко, С. Л. Соболев, А. М. Обухов, А. С. Монин, И. М. Гельфанд, И. К. Кикоин (который сказал, что мы все — современники Колмогорова), Л. В. Канторович, С. Х. Сираждинов, В. С. Михалевич, А. Ю. Ишлинский и В. А. Успенский, т. е. я. Завершил выступления директор школы-интерната при МГУ И. Т. Тропин, вышедший на сцену в окружении представителей школьников интерната.

В кратком заключительном слове, которое он уже произносил с трудом, Колмогоров сказал, что его предки были долгожителями и он обещает прожить до 90 лет¹¹⁴. Ему не суждено было выполнить это обещание. Тогда мы этого ещё не знали и надеялись.

Во второй половине того же 25 апреля и весь день 26 апреля в аудитории 02 Главного здания МГУ происходили совместные научные заседания механико-математического факультета и Московского математического общества, посвящённые юбилею. Было прочитано 12 пятидесятиминутных докладов, распределённых по четырём секциям: «Теория приближений», «Динамические системы и классическая механика», «Статистическая гидромеханика», «Предельные

¹¹³ Колмогоров уважительно отнеслся к Владимиру Александровичу Котельникову, нашупавшему ещё в своих довоенных публикациях некоторые факты, занявшие впоследствии важное место в теории информации.

¹¹⁴ Мне кажется, я помню это точно. Однако в памяти некоторых отложилось, что Колмогоров упомянул о девяноста годах, лишь говоря о предках; в памяти других — что, выступая на юбилейном банкете, он назначил себе 85 лет.

теоремы теории вероятностей». Секции работали последовательно, а не параллельно, и, насколько я помню, Колмогоров на всех докладах присутствовал. А вечером 26 апреля в профессорской столовой Главного здания был банкет на 130 персон.

11 октября 1979 года умер Андрей Андреевич Марков, и с 1 января 1980 года Колмогоров, оставив заведование кафедрой математической статистики, стал заведующим кафедрой математической логики механико-математического факультета МГУ (впрочем, известно это и нам всем, и Колмогорову стало значительно позже: ректор А. А. Логунов подписал приказ лишь 5 февраля). Мне Андрей Николаевич предложил быть заместителем заведующего (при Маркове я выполнял обязанности учёного секретаря, а заместителя вообще не было). Учёным секретарём кафедры стал Алексей Львович Семёнов. Помимо названных лиц на кафедре математической логики в то время работали: Сергей Иванович Адян, Альберт Григорьевич Драгалин, Валерий Борисович Кудрявцев, Александр Сергеевич Кузичев, Елена Юрьевна Ногина, Александр Сергеевич Подколзин. За тот период, что Колмогоров заведовал кафедрой, в её персональном составе произошли большие перемены. Во-первых, в октябре 1981 года на мехмате возникла кафедра дискретной математики во главе с О. Б. Лупановым, и Кудрявцев и Подколзин перешли туда. Во-вторых, Семёнов ушёл с кафедры в Совет по кибернетике АН СССР (и учёным секретарём стала Ногина), а Драгалин уехал в Венгрию. В-третьих, благодаря усилиям Колмогорова на кафедре появились новые сотрудники — Николай Константинович Верещагин и Валерий Егорович Плиско.

► После кончины Колмогорова в октябре 1987 года кафедра математической логики некоторое время оставалась без заведующего, а затем её возглавил — и возглавлял вплоть до своей внезапной смерти — мой двойной тёзка директор Института проблем кибернетики Академии наук СССР академик Владимир Андреевич Мельников (18 августа 1928 года — 7 мая 1993 года); я оставался заместителем заведующего.

20 июля 1992 года кафедра была переименована и стала называться *кафедра математической логики и теории алгоритмов*. В 2005 году кафедра имела такой состав: профессора Сергей Иванович Адян, Николай Константинович Верещагин, Мати Рейнович Пентус (заместитель заведующего), Владимир Андреевич Успенский (заведующий), Валентин Борисович Шехтман; ведущий научный сотрудник Алексей Львович Семёнов, доценты Владимир Николаевич Крупский, Валерий Егорович Плиско, Татьяна Леонидовна Яворская (учёный секретарь); старший лаборант Регина Александровна Чистякова.

Кроме того, 13 апреля 1995 года на кафедре была создана лаборатория логических проблем информатики во главе с Сергеем Николаевичем Артёмовым.

И новое название, и создание лаборатории — всё это соответствовало представлениям Колмогорова о векторе развития его кафедры. Он готов был прибавить к названию кафедры слова «и теоретической информатики», а я ещё при его жизни и по его поручению вёл с В. А. Мельниковым переговоры о привлечении последнего к работе на кафедре. ◀●

В начале февраля 1980 года (думаю, что это было в воскресенье третьего числа) я едва ли не последний раз был в Комаровке при хотя и постаревшем, но ещё вполне бодром хозяине дома (помню, когда я приехал туда летом 1986 года, он мог ходить только с посторонней помощью). Мы гуляли, и он на местности объяснял мне устройство бывшего имения, включавшего Комаровку как свою часть и принадлежавшего тому роду Алексеевых, из которого вышел режиссёр Станиславский. По дороге, что когда-то была парадной аллеей, он привёл меня в почти пустынную Любимовку, которая когда-то была имением Алексеевых, к зданию бывшего домашнего театра и далее к Клязьме, к месту, где в старину на Крещение делали Иордань. П. С. Александров был уже сильно болен и в Комаровке не появлялся, пребывая либо в больнице, либо на своей московской квартире.

Когда после смерти в марте 1983 года Ивана Матвеевича Виноградова, Колмогорова не любившего (хотя и не так озлобленно, как Лев Семёнович Понтрягин¹¹⁵), директором Математического института имени В. А. Стеклова Академии наук СССР (сокращённо МИАН) стал Николай Николаевич Боголюбов, Колмогорова, напротив, глубоко уважавший, Андрей Николаевич перешёл на полную ставку в МИАН, где стал заведовать специально для него созданным отделом математической статистики и теории информации¹¹⁶. И вот с 4 октября 1983 года, едва ли не впервые за всю свою жизнь, Колмогоров

¹¹⁵ О Понтрягине см. отдельную статью, публикуемую в настоящей книге на с. 468—514.

¹¹⁶ О назначении Колмогорова руководителем нового отдела в Математическом институте С. И. Адян, работавший на кафедре математической логики по совместительству, а на основной работе — в названном институте, узнал раньше других членов кафедры. Когда весть об указанном назначении дошла до кафедры, Сергей Иванович подтвердил её правдивость, произнеся запомнившуюся мне фразу — запомнившуюся тем сильнее, что она была произнесена в присутствии Колмогорова: «Да, теперь Андрей Николаевич такой же как и я, заведующий отделом Математического института имени Стеклова».

оказался работающим в Московском университете по совместительству — по-прежнему в роли заведующего отделением математики и заведующего кафедрой математической логики, но формально числясь лишь профессором на полставки. До 1960 года Колмогоров работал в МИАН по совместительству в качестве заведующего отделом теории вероятностей. Однако 10 октября 1959 года вышло печально знаменитое Постановление Совета Министров СССР № 1367 «Об ограничении совместительства по службе», нанёсшее непоправимый удар по развитию науки и высшей школы в нашей стране. Мой начальник по работе (по совместительству же) во Всесоюзном институте научной и технической информации (ВИНИТИ) Антон Михайлович Васильев¹¹⁷ сказал мне об этом постановлении: «Совместительство запрещали много раз. Ограничивают впервые. Это серьёзно». Это действительно оказалось серьёзным. Управляющий делами Совмина лично звонил в Президиум Академии наук и добивался исполнения; я случайно оказался в помещении Президиума во время этого звонка. Колмогоров должен был выбирать между отделом в МИАН и кафедрой в МГУ. Он выбрал университет. Впоследствии, в нечастую минуту откровенности, он говорил мне, что, скорее всего, совершил ошибку, переоценив возможности университета, и что, по-видимому, следовало остаться в МИАН и укрепить свои позиции именно там.

Решению Колмогорова перейти в 1983 году из университета в академию немало способствовал следующий эпизод. В том, 1983 году, Колмогоров был избран иностранным членом Академии наук Финлян-

¹¹⁷ В сталинские времена Васильев был начальником той самой шарашки, в которой работал Солженицын и которая описана в его романе «В круге первом». (В этой же шарашке в качестве заключённого работал и первый муж Анны Дмитриевны Колмогоровой художник Сергей Николаевич Ивасьев-Мусатов, присутствующий в солженицынском романе под именем «Кондрашев-Иванов».) А. М. Васильев выведен в романе под именем Антона Николаевича Яконова — с поразительным по наблюдательности и психологическому провидению сходством (в частности, Солженицын сумел углядеть тайную религиозность Васильева, открывшуюся его сотрудникам по ВИНИТИ лишь во время его похорон, когда, придя на кладбище на гражданскую панихиду, они застали конец церковного отпевания). В ответ на мой прямой вопрос Васильев вспомнил и Солженицына (по роману — Нержина), и его сошарашника Льва Зиновьевича Копелева (по роману — Рубина), но отрицал, что списал Солженицына из шарашки в лагерь по своей инициативе (глава «Розенкрейцеры» романа заканчивается фразой «Нержина — списать», которую Яконов заносит в настольный блокнот); Васильев утверждал, что вышел общий приказ Берии, запрещающий совместное использование вольных и заключённых в подобных учреждениях.

дии. Надо сказать, что к этому времени он уже состоял членом почти всех наиболее авторитетных академий и научных обществ мира, включая Национальную академию наук США, Лондонское Королевское общество, Американское философское общество. (Членство в последнем Колмогоров считал особенно почётным, всегда указывая, что это общество было основано самим Франклином.) Членство в иностранной академии не полагалось тогда принимать без соизволения начальства — фактически оно приравнивалось к поездке за рубеж. А мои сверстники, конечно, помнят, что в те годы для получения разрешения на такую поездку помимо написанной от руки подробной автобиографии требовалось представить как так называемую развёрнутую (т. е. много бóльшую обычной) анкету, так и подписанную факультетским «треугольником» (декан — секретарь парткома¹¹⁸ — председатель профкома) характеристику (с ритуальными словами о моральной устойчивости и идеологической выдержанности) и даже пройти серьёзную медицинскую комиссию. Не знаю, как обстояло дело с другими зарубежными академиями и обществами, в которых состоял Колмогоров, но в случае финляндской академии один из влиятельных партийно-административных функционеров мехмата¹¹⁹ потребовал оформления дела по полной форме — разве что без медицинского заключения. Ничего этого Колмогоров делать не захотел и не стал, но обиделся (и перешёл на полную ставку в Математический институт имени В. А. Стеклова). «Как если бы он хотел ещё раз дать мне этот орден Октябрьской Революции», — сказал мне по этому поводу Андрей Николаевич, имея в виду награждение его к восьмидесятилетию названным орденом. (Анатолий Алексеевич Логунов, ставший ректором университета после внезапной смерти Рема Викторовича Хохлова¹²⁰, наследника И. Г. Петровского, отказался тогда представить Колмогорова к более высокой награде — факт, не заслуживающий упоминания, если бы он не отражал грустной сущности: ректор Логунов не был в состоянии осознать, что в подведомственном ему университете работает великий учёный.)

¹¹⁸ Именно эта подпись и была решающей: она ставилась — если ставилась — в первую очередь, тогда остальные две ставились как бы автоматически.

¹¹⁹ А именно, Валерий Борисович Кудрявцев, курировавший на факультете иностранные дела.

¹²⁰ Рем Хохлов, как его все звали в университете, был, на мой взгляд, замечательной личностью. И замечательным ректором. Я имел с ним немногочисленные, но впечатляющие контакты во время его ректорства. До сих пор не могу примириться с его случившейся летом 1977 года гибелью, приведшей к резкому ухудшению обстановки в Московском университете.

16 ноября 1982 года умер Павел Сергеевич Александров — в больнице, после длительного и мучительного там пребывания. Колмогоров навещал его в больнице изредка, их общение было и затруднительным, и трагичным: Колмогорову уже было очень трудно говорить, а Александров стал совсем плохо слышать. Смерть Александрова потрясла Колмогорова. На гражданской панихиде в университете 19 ноября Колмогоров с трудом смог дойти до микрофона, Василию Сергеевичу Владимирову пришлось его поддерживать. Но все расслышали тихий голос Андрея Николаевича: «Мы всегда были вместе, и вот он умер, а я остался».

Здесь я подхожу к завершающему и печальному разделу своего повествования — к рассказу о болезни и смерти Колмогорова.

8. Болезнь и кончина Колмогорова

С начала восьмидесятых физическое состояние Андрея Николаевича стало неуклонно ухудшаться. Скованность движений¹²¹ была не единственной проблемой. Резко падало зрение: обследование обнаружило высокое глазное давление — признак надвигающейся или уже надвинувшейся глаукомы. Антиглаукомное хирургическое вмешательство не привело к заметным улучшениям. Стали говорить об операции по снятию сопутствующей катаракты, но для операции катаракта почему-то должна была ещё «созреть». Зрение между тем ухудшалось катастрофически. Он мог уже видеть только очень крупно и жирно написанные буквы, а вскоре перестал видеть и их. Мне довелось возить Андрея Николаевича в глазную клинику профессора Краснова на улицу Россолимо. Проведённое там подробное исследование показало, что значительные участки сетчатки изменены настолько, что вообще не исполняют своих зрительных функций, и в поле зрения образовались обширные «слепые пятна». «Если бы дело было в катаракте!» — сказали мне тогда в клинике. Из клиники мы шли пешком до станции метро «Спортивная» (туда ехали на академической машине), затем ехали на метро до станции «Университет», а там снова шли пешком. Казалось, что Колмогоров рад вынужденной прогулке, хотя и дававшейся ему с большим трудом.

¹²¹ Хотя болезнь Паркинсона называют ещё дрожательным параличом, дрожаний у Андрея Николаевича почти или даже вовсе не было. Зато нарастали остальные симптомы: всё более затруднённой делалась речь, сокращалась ширина шага, усиливались напряжённость и скованность всех мышц. Вспоминать об этом больно.

А первым признаком ухудшения здоровья Колмогорова стал голос: сила его стала заметно падать, а временами голос вовсе пропадал. Тем не менее, в первой половине 1980 года он ещё читал — в последний раз! — свой курс «Введение в математическую логику», своё любимое детище. Как-то я пришёл на одну из лекций и с ужасом осознал, что сидящие в аудитории студенты, в своём подавляющем большинстве, не отдают себе отчёта, что тихо и не всегда разборчиво говорящий старик — один из величайших учёных двадцатого века, гордость России и что они детям и внукам будут рассказывать, что видели и слышали Колмогорова. Сам Колмогоров, впрочем, был настроен оптимистически¹²². Помню, придя весной 1980 года на кафедру, он сказал, что интенсивно лечится с тем, чтобы поправить свой голос и продолжать в следующем году чтение лекций; оказалось, увы, что это уже было ему не суждено.

Старела и слабела и Анна Дмитриевна, младшая своего мужа всего на полгода. Московский быт Колмогоровых стал затруднителен без посторонней помощи¹²³. Сперва появились какие-то женщины, приносящие продукты. Потом — и готовящие. Все они были приходящими, приходили через день, а значит, чтобы обеспечить ежедневную помощь, надо было найти двух домработниц. Пищу обо всём этом потому, что бытовые проблемы начинали, к сожалению, занимать всё большее и большее место в жизни четы Колмогоровых. К тому же постепенно физический центр существования Андрея Николаевича смещался из Комаровки в Москву. Духовный же центр, безусловно, оставался для него в Комаровке. И в этом была своя трагедия. Колмогоров очень любил Комаровку, и там он действительно как-то оживал. Однако его пребывание в Комаровке было нелегко обеспечить — уже начинала складываться ситуация, когда при Колмогорове должен был кто-нибудь безотрывно находиться для персональной помощи ему, а в Комаровке по понятным причинам это организовать было труднее, чем в Москве. Нелегко было организовать там и постоянное врачебное наблюдение.

Да и в Москве были проблемы. Найти подходящую домашнюю работницу (впрочем, многие из них искренне привязывались к Кол-

¹²² Андрей Николаевич вообще был «по жизни» оптимистом и прямо об этом заявлял. Но в литературе предпочитал пессимизм, так обосновывая своё предпочтение: «Оптимистическая литература — это уж как-то противно».

¹²³ Пока была возможность, Колмогоровы в Москве обходились без домработницы; в Комаровке же всегда были постоянные домоправительницы, из коих самой знаменитой была Маруся — она-то и делала упоминавшийся квас с изюминкой. История комаровского дома и всех его обитателей была бы достойна специального летописца.

могорову) было нелегко. Я принимал посильное, но всегда неудачное участие в этих поисках. Уж лучше бы я в это дело не встревал. Две найденные мною женщины отпали сразу, как говорится, «по независящим причинам», третья, к несчастью, была принята, проработала некоторое время у Колмогоровых, но оказалась особою совершенно неудовлетворительной. Вместе с тем я (может быть, от гордыни?) не мог преодолеть в себе чувство личной ответственности за неустройство колмогоровского быта. Как же так, думал я, величайший учёный, гений, которым должно гордиться Отечество, — и нельзя решить для него простейших повседневных проблем: кому приготовить, постирать, убрать? Я знал, конечно, что великому художнику положено умирать в нищете (а пророку — так даже быть побитым камнями). Но это где-то там, в литературе и истории, и к тому же величие творца обычно признаётся лишь после его смерти. Здесь же величие признавалось как бы и при жизни, да и нищеты, конечно, никакой не было, а было какое-то безобразное, отнюдь не романтическое нестроение всей нашей жизни вообще и бытового существования Колмогорова в частности.

Впервые я ощутил это нестроение ещё в семидесятых годах, когда как-то приехал в Комаровку зимой. Колмогорову понадобилось какое-то издание (а надо сказать, что математическая библиотека в Комаровке была хорошо организована и содержала комплекты иностранных математических журналов, начиная с очень ранних годов, не говоря уже практически обо всех наших журналах). Меня поразило, что он надел тёплую куртку, прежде чем отправиться в ту часть дома, где находилась библиотека. Она оказалась холодной. На вопрос, почему эта половина не отапливается, он отвечал: «Дорого, да и дров (тогда ещё в Комаровке было дровяное отопление. — В. У.) не достать. Вот в прошлом году приезжал мужик с возом дров, а в этом году не приехал». Помнится, я несколько дней не мог прийти в себя: Боже, у кого же есть дрова в нашей стране, если у Колмогорова нет дров для отапливания своего жилья!

Все эти бытовые неурядицы (которые, повторяю, представляются мне существенными) делались всё более заметными на фоне нарастающих проблем со здоровьем Колмогорова. Он всегда был спортивного склада, болел редко. Теперь с каждым годом он страдал всё сильнее, но держался стоически.

Лечение Колмогорова — это отдельная и отдельно болезненная тема. Болезненная потому, что и теперь не покидает мучительная мысль, что организовано было всё не наилучшим образом, хотя все, конечно, старались. Главная беда состояла в том, что было неясно,

кто должен взять на себя основную ответственность за лечение. Командуют генералы, но верховную власть и ответственность имеет президент, лицо гражданское. Лечат врачи, но некое гражданское (в данном случае — немедицинское) лицо должно брать на себя высшую стратегическую миссию. Прежде всего, конечно, надо было решить, какому врачу следует полностью довериться. Но кто должен был взять на себя это ответственное решение? Сам стареющий, слабеющий пациент, которому трудно было уже говорить даже с близкими? Его жена Анна Дмитриевна, ровесница, которая сама мучилась с позвоночником? Кто-то из учеников? Никто не решался (хотя, надо сказать, профессора Эдуарда Израилевича Канделя я привёз к нему вполне волонтаристски, открыв, как я уже писал, Большую Советскую Энциклопедию на слове «Паркинсонизм»¹²⁴ и посмотрев, кто её автор). Мы с Владимиром Михайловичем Тихомировым и Альбертом Николаевичем Ширяевым ощущали некую ответственность за происходящее и поэтому время от времени встречались втроем, пытаясь выработать какие-то коллективные решения. Но наши полномочия были неясны нам самим, и мы не всегда знали, как претворить в жизнь свои решения.

Я не хочу обижать обслуживавшую Колмогорова спецполиклинику Академии наук, т. е. поликлинику для академиков и докторов наук (ранее называвшуюся диспансерным отделением поликлиники АН СССР), но её уровень вряд ли сильно возвышался над убогим уровнем нашей медицины середины восьмидесятых. Конечно, время от времени к Колмогорову приглашались консультанты, но «вести» больного должен всё же не консультант, а постоянный лечащий врач. Могла ли таковой быть милейшая участковый врач академической поликлиники? Хотя, конечно, от консультаций была несомненная польза. Так, профессор Кандель рекомендовал входящий тогда в моду на Западе, но ещё недостаточно известный у нас бромкриптин и отменил витамин В₆, поскольку он нейтрализует принимавшийся Колмогоровым препарат наком (поликлинике Академии наук этот фармакологический факт был неизвестен).

¹²⁴ Из сказанного следует, что к моменту первого визита Канделя, состоявшегося (думаю, я помню точно) 6 ноября 1980 года, диагноз «паркинсонизм» уже был поставлен. Примерно в те же дни А. Н. по собственной инициативе написал профессору Александру Моисеевичу Вейну из Клиники нервных болезней 1-го Московского мединститута (кто-то принёс Колмогорову книгу Вейна, и она его заинтересовала). Следствием этого письма было то, что Колмогорова стал более или менее регулярно посещать Валерий Леонидович Голубев, ученик и сотрудник Вейна, ставший за период пользования Колмогорова доктором медицины.

Специально для консультации был за счёт Академии наук выписан из Киева профессор Абрам Яковлевич Минц, доктор медицины, заведовавший отделением возрастных изменений нервной системы находившегося в Киеве Института геронтологии Академии медицинских наук СССР. 18 ноября 1985 года на квартире Колмогорова состоялся консилиум в таком составе: Абрам Яковлевич Минц, Леонид Болеславович Лихтерман (профессор из Института нейрохирургии имени Бурденко) и две представительницы поликлиники Академии наук (заведующая неврологическим отделением и участковый врач). Собрались и близкие Андрея Николаевича: А. Д. Колмогорова, Ю. В. и А. В. Прохоровы, В. М. Тихомиров, А. Н. Ширяев и я. Присутствовал и мой однокурсник В. А. Лихтерман, при посредничестве которого к этому консилиуму был привлечён его двоюродный брат Л. Б. Лихтерман. Результатом консилиума явились многие полезные рекомендации, самые главные из которых (ежедневная многократная ходьба и ежедневный же массаж — и так в течение всей оставшейся жизни), увы, не были выполнены. Легче было с выполнением лекарственных рекомендаций, но и их осуществление требовало постоянного оперативного контроля (но опять неизвестно, с чьей стороны), потому что, скажем, уменьшение дозы даваемого Андрею Николаевичу препарата наком приводило к усилению скованности, а увеличение — к другим неприятным последствиям, вплоть до галлюцинаций. При галлюцинациях я терялся, не знал, как себя вести и, думается, вёл себя неправильно. Вот мы идём под руку с Колмогоровым по полуосвещённой комнате; без поддержки он уже не ходил. Он спрашивает меня, кто эти люди, наполняющие комнату. Кроме нас двоих в комнате никого нет. Что я должен был ему ответить? Я так и отвечаю, что никого нет, и вижу, что он значительно погрустнел: он понял, что с ним происходит. До сих пор не знаю, как я должен был поступить. А вот в другом эпизоде знаю, что поступил неправильно. В аналогичной ситуации он сказал: «А вот эти огоньки в отдалении — очень изящно». Здесь бы мне промолчать. А я сказал, что огоньков нет и тем испортил Колмогорову настроение, которое и без того нельзя было назвать оптимистическим.

13 декабря 1983 года состоялось совместное заседание Московского математического общества и механико-математического факультета Московского государственного университета, посвящённое 100-летию со дня рождения академика Николая Николаевича Лузина (27 ноября (9 декабря) 1883 года — 28 февраля 1950 года).

ПОВЕСТКА ДНЯ ЗАСЕДАНИЯ:

1. Вступительное слово Президента Московского математического общества А. Н. Колмогорова.
2. С. М. Никольский «О Всесоюзной школе по теории функций, посвящённой 100-летию со дня рождения академика Н. Н. Лузина (город Кемерово, 9—19 сентября 1983 года)».
3. П. Л. Ульянов «О работах Н. Н. Лузина по метрической теории функций».
4. Е. П. Долженко, Г. Ц. Тумаркин «Н. Н. Лузин и теория граничных свойств аналитических функций».
5. В. А. Успенский «Н. Н. Лузин и дескриптивная теория множеств».

Андрей Николаевич, однако, не сдавался; он боролся с болезнью единственным доступным ему способом: по возможности активным участием в жизни.

Так, 8 июня 1983 года, года за полтора до первых галлюцинаций, Колмогоров дал мне интервью в связи с предстоящим (9 декабря того же года) столетием со дня рождения его учителя Николая Николаевича Лузина. (Это по новому стилю, по юлианскому календарю столетие наступило бы 27 ноября.) Интервью было предназначено для многотиражки¹²⁵ «Путь в науку» Кемеровского университета и под названием «Ученик об учителе» опубликовано в номере 29 (796) этой газеты от 7 сентября 1983 года. Дело в том, что этот университет явился, наряду с Математическим институтом Академии наук, одним из двух организаторов Всесоюзной школы по теории функций, посвящённой лузинскому юбилею¹²⁶.

Позже это интервью было перепечатано в юбилейном «лузинском» выпуске журнала «Успехи математических наук» (1985. — Т. 40. — Вып. 3) и в сборнике популярных статей Колмогорова «Математика — наука и профессия»¹²⁷. Вот как в этом интервью

¹²⁵ ●► Не знаю, насколько популярен этот термин сейчас. В советское время многотиражкой называлась газета предприятия, учреждения или организации (замечательно, что советский язык так и не выработал обобщающего термина), выпускаемая тиражом, превышающим тираж стенгазеты (каковая изготовлялась в одном экземпляре). ◀●

¹²⁶ Полностью интервью приведено в приложении 7. ●► О том, как отмечался юбилей Лузина, см. в статье «Столетие Лузина; Никольский умер на 108-м году жизни» на с. 458—467 настоящей книги. ◀●

¹²⁷ ●► А потом и в вышедшем в 1999 году сборнике «Явление чрезвычайное: Книга о Колмогорове». ◀●

Колмогоров ответил на вопрос, как проходили индивидуальные занятия Лузина со своими учениками:

Каждый ученик приходил к Николаю Николаевичу Лузину в его арбатскую квартиру раз в неделю вечером, в постоянно выделенный для него день недели. <...> Интенсивная работа с учениками была одним из тех новшеств, которые культивировал Николай Николаевич.

Идущая от Лузина, замечательная традиция индивидуальной работы университетского профессора с учениками, была воспринята и развита и Колмогоровым, и Александровым, тоже лужинским учеником, сделавшими их общий дом в подмосковной Комаровке уникальным местом не только научного, но и культурного, да и просто человеческого общения со своими учениками.

К сожалению, не зафиксировано ни когда Колмогоров последний раз пришёл на свою кафедру математической логики, ни когда последний раз вообще был в здании МГУ, ни даже когда последний раз гулял по улице. Ведь кто мог тогда знать, что данный «раз» окажется последним! (Я буду признателен за любые сведения об этих последних разгах.) Но вот что, например, известно: 29 ноября 1983 года Колмогоров проводит музыкальный вечер клуба «Топаз» в продолжение цикла «Александровские вторники» в Доме студента МГУ, т. е., попросту говоря, в студенческом общежитии Главного здания университета. П. С. Александров, пока он был жив и здоров, регулярно, обычно по вторникам, проводил такие вечера. Выбиралось творчество одного какого-нибудь композитора, Павел Сергеевич немного рассказывал о нём и затем ставил на проигрыватель принесённые из дома пластинки. Мне рассказывали, что Колмогоров для своего вечера выбрал два концерта — в обоих одним из солирующих инструментов была виолончель: «Концерт для фортепиано, скрипки и виолончели» Бетховена и «Концерт для скрипки и виолончели» Брамса. Вечер проходил на 14-м этаже сектора «Б» (в гостиной Б-14) и начинался в 19 часов. Могу предположить, что Андрей Николаевич, скорее всего, неявно, посвятил его памяти своего ближайшего друга Павла Сергеевича Александрова, скончавшегося 16 ноября 1982 года — почти ровно за год до этого вечера.

13 декабря 1983 года Колмогоров присутствует на этом заседании Московского математического общества (ММО) и мехмата, посвящённом столетию со дня рождения Н. Н. Лузина, произносит краткое вступительное слово, слушает доклады, в том числе мой, а на следующий день звонит мне, чтобы высказать свои впечатления.

Я был рад не только самому звонку Андрея Николаевича (тем более, что его впечатление от моего доклада было положительным), но и тому, что речь его была достаточно разборчивой. К сожалению, такие просветы происходили всё реже.

2 апреля 1985 года Колмогоров участвует в заседании ММО, посвящённом 50-летию московских математических олимпиад. В повестке было объявлено несколько сообщений, первым — его сообщение «I Московская школьная математическая олимпиада». Заседание 2 апреля началось в 18 часов 15 минут в аудитории 16-24 (имени И. Г. Петровского) Главного здания МГУ. Председательствовать Колмогоров поручил вице-президенту ММО В. И. Арнольду. Колмогоров говорил с трудом, недолго и медленно, и я смог записать его почти дословно.

Вот эта моя запись:

Я — такой неполноценный участник этого собрания. Полноценный сначала участвует в олимпиаде, а потом делается руководителем. Я никогда не был участником ни олимпиад, ни других состязательных соревнований в области математики и в других областях. Но я принимал участие в составлении задач (смотрите мою брошюру «О профессии математика»), в классификации способностей. Так что я — участник олимпиадного движения. Павел Сергеевич Александров сказал: «Если бы в моей молодости были олимпиады, я никогда не был бы математиком». Если олимпиадные способности есть, это хорошо, но если их нет, это не означает неспособности к математике.

Тем не менее, накоплен материал, свидетельствующий, что большинство творческих математиков имеют отчасти и олимпиадные способности. Но всё же это два разных типа способностей, и поэтому победители олимпиад не должны зазнаваться, а неудачники не должны огорчаться¹²⁸.

В заключение своего выступления Колмогоров пожелал успеха олимпиадному и особенно кружковому движению. Скорее всего, это

¹²⁸ При закрытии весной 1947 года X Общемосковской математической олимпиады учащихся средних учебных заведений (где я получил вторую премию) председатель её оргкомитета будущий ректор университета Иван Георгиевич Петровский заявил, что он хочет обратиться к тем участникам олимпиады, которые не получили на ней наград, и сказать им в утешение, что если собрать профессоров механико-математического факультета и предложить им олимпиадные задачи II тура, то многие профессора за отведённое время не решат ни одной задачи. — В. У.

было последнее публичное выступление Колмогорова. Возможно, это было вообще последнее его появление в публичном месте. Откликнитесь, пожалуйста, те, кто знает что-нибудь о более поздних событиях такого рода. Возможно, например, что Колмогоров присутствовал в мае 1985 года на проводившихся на мехмате ежегодных Александровских чтениях, посвящённых памяти Павла Сергеевича. Но он уже не присутствовал на распорядительном заседании Московского математического общества 15 октября 1985 года, когда А. Н. Ширяев зачитал письмо Колмогорова, в котором тот просил освободить его от обязанностей президента ММО и предлагал избрать на этот пост Сергея Петровича Новикова. Оба пожелания Колмогорова тут же и были исполнены (Новиков получил при избрании 182 голоса из 183).

Но вернёмся ко 2 апреля. После Колмогорова выступил один из участников I Олимпиады Игорь Николаевич Зверев, который поделился своими воспоминаниями. В частности, он отметил, что после первого тура состоялось пять лекций, которые читали П. С. Александров, А. Н. Колмогоров, А. Г. Курош, С. А. Яновская (и ещё кто-то, кого он не запомнил) и что лекция Колмогорова была непонятна, но интересна. Затем выступил Николай Михайлович Коробов, который так же, как и Зверев, в 1935 году кончал школу и участвовал в I Олимпиаде. Лидия Ивановна Головина рассказала о кружке (более точно — о «секции школьного кружка») Давида Оскаровича Шклярского¹²⁹. Николай Борисович Васильев¹³⁰ говорил о распространении традиций московских олимпиад на всю страну: в 1961 году проходила первая Всероссийская (а по существу — Всесоюзная) олимпиада, и в 60—70-х годах всесоюзными олимпиадами занималась группа энтузиастов во главе с Колмогоровым. Елена Александровна Морозова изложила историю участия команды СССР в международных олимпиадах; Сергей Николаевич Киро познакомил собравшихся с математическими олимпиадами города Одессы; Николай Христович Розов указал, что ещё до московской олимпиады 1935 года и даже до ленинградской олимпиады 1934 года была олимпиада в Тбилиси в 1933 году.

¹²⁹ Дневниковая запись от 19 апреля 1944 года в 3-й книге юбилейного издания «Колмогоров» свидетельствует о взволнованном отношении Андрея Николаевича к Д. О. Шклярскому и его судьбе (Шклярский окончил МГУ в 1941 году, ушёл на фронт и погиб).

¹³⁰ Николай Борисович Васильев, необыкновенный энтузиаст и сподвижник А. Н. Колмогорова по олимпиадному движению и журналу «Квант», буквально жил олимпиадами. ●► Он умер обидно рано, в 1998 году, в возрасте 58 лет. ◀●

Казалось бы, я мог не перечислять всех выступивших 2 апреля 1985 года, ведь это всё опубликовано в рамках информации о заседаниях Московского математического общества, которую печатают «Успехи математических наук». Но дело в том, что публикации иногда отражают лишь намечавшуюся, а не фактически осуществлённую повестку дня — так случилось и с заседанием 2 апреля (см. УМН. — 1985. — Т. 40. — Вып. 5. — С. 189). Пишу это, чтобы предостеречь будущих историков науки и отдельно колмогороведов.

Когда Гурий Иванович Марчук ещё до своего президентства в Академии наук был заместителем Председателя Совета Министров СССР и председателем Государственного Комитета СССР по науке и технике, он регулярно проводил научный семинар прямо в помещении ГКНТ на улице Горького, 11. В самом конце 1983 года А. Н. Колмогоров, А. Л. Семёнов и я были приглашены сделать на этом семинаре доклад на тему «Математические аспекты создания ЭВМ нового поколения и математическая подготовка кадров». Такой доклад состоялся 12 января 1984 года. Колмогоров уже передвигался с большим трудом, но у него не было сомнения, что он будет и присутствовать, и говорить. Организован доклад был следующим образом: сравнительно короткое вступление — Колмогоров, сравнительно длинная середина — Успенский, сравнительно короткое заключение — Семёнов. (Помню, одним из участников семинара, Игорем Александровичем Болошиным, заместителем директора ВИНТИ, по окончании моего выступления был задан вопрос: «Что такое база знаний?». Когда я стал мычать что-то, стараясь выиграть время, чтобы придумать ответ, Марчук встал и твёрдо сказал: «На этот вопрос не надо отвечать, потому что этого не знает и не может знать никто».) После заседания Г. И. Марчук предложил Андрею Николаевичу отвезти его домой, и все трое докладчиков вместе с Гурием Ивановичем сели в его длинную чёрную правительственную машину (без номера спереди). Дорóгой, пока Марчук не вышел из машины у подъезда своего дома, он обсуждал с Колмогоровым проблематику переборных задач и их сводимости.

Полагаю, что это было последнее выступление Колмогорова вне стен университета или Математического института имени Стеклова — да и просто последнее его появление вне этих стен (если не считать медицинских и финансовых учреждений).

Май и июнь 1984 года Колмогоровы провели в академическом санатории «Узкое» в ближнем Подмоскowie (а теперь в черте Москвы). Каждый день туда приезжал кто-нибудь из учеников (или сотрудников), чтобы сопровождать Колмогорова в прогулках по парку.

Привожу те имена, которые помню: А. М. Абрамов, В. И. Арнольд, С. Н. Артёмов, Л. А. Бассальго, А. В. Булинский, И. Г. Журбенко, В. М. Золотарёв, О. С. Ивашев-Мусатов, В. В. Козлов, В. А. Логвинова¹³¹, А. В. Прохоров, А. Л. Семёнов, Я. Г. Синай, В. М. Тихомиров, А. Н. Ширяев и я (в один из таких приездов А. Н. и «накол» меня с Гумилёвым).

Кажется, именно там, на аллеях парка, он сообщил мне открытое им правило вывода, которое должно присутствовать в формализации так называемой женской логики: если из пэ следует ку и ку приятно, тогда пэ. (Замечательно, что, когда летом 1989 года я привёл это правило Колмогорова на конференции по математической логике в Западном Берлине, это было встречено живым смехом; когда осенью того же года я сделал то же самое в лекции в Бостонском университете, это было встречено гробовым молчанием, а потом мне объяснили, что моё высказывание носило абсолютно неуместный, как если бы расистский, характер¹³².) Впоследствии мне пришлось встречать коллег, знакомых с правилом Колмогорова для женской логики. Однако всякий раз, прослеживая цепочку, я обнаруживал, что источником информации оказывался я. Пишу это не для защиты своего «приоритета», а для того, чтобы прибавить ещё один штрих к портрету Колмогорова: он почти никогда не повторялся, я не помню у него так называемых «любимых сюжетов», которые он излагал бы разным собеседникам. Все колмогоровские новеллы, о которых я пишу здесь, будь то ироническая формализация женской логики или занимательные истории из жизни римских пап, были услышаны мною от него лично — и не потому, конечно, что он выделял меня, — просто я подвернулся ему под руку в нужный момент. Здесь отражение в малом большой (и достаточно уникальной) черты Колмогорова как творческой личности (на эту черту обратил моё внимание В. М. Тихомиров): добившись в какой-либо области выдающихся, часто пионерских результатов, Колмогоров, как правило, покидал эту область, с тем чтобы более к ней не возвращаться.

¹³¹ Валентина Антоновна Логвинова — сотрудница, выделенная факультетом для помощи Колмогорову. Ранее она помогала незрячему доценту кафедры высшей геометрии и топологии (и хорошему человеку) Алексею Серапионовичу Пархоменко — до самой его кончины.

¹³² Заметная часть корреспонденции, получаемой Колмогоровым от различных американских академий и обществ в последние годы, состояла из проектов поправок к уставам следующего характера: в таких-то и таких-то статьях слова «он», «его» и т. д. заменить на слова «он или она», «его или её» и т. д. Осмеливаюсь полагать, что и борьба за женское равноправие всё же должна протекать в рамках чувства юмора.

Не помню, с какого времени установилось положение, когда Колмогорова уже не оставляли одного ни на минуту: кто-нибудь из учеников или сотрудников дежурил возле него денно и нощно. Непростую обязанность по обеспечению такого непрерывного дежурства взял на себя Саша (Александр Владимирович) Прохоров; он же составлял расписание поездок для помощи в «Узкое»; эти свои обязанности Саша выполнял ответственно и с душой. Дежурный должен был неукоснительно выполнять всё предписанное специально составленной подробнейшей инструкцией, помогать Андрею Николаевичу в чём понадобится и стараться скрашивать медленные и мучительные часы его борьбы с болезнью.

В последние годы Андрей Николаевич уже не мог передвигаться без посторонней помощи даже в пределах комнаты. Он подолгу сидел в кресле или просто погружённый в свои мысли, или слушал музыку по программе УКВ, по-прежнему тщательно выбирая и композитора, и исполнителя. Иногда внимательно слушал то, что ему читали вслух.

К дежурствам старались привлекать только близких Колмогорову людей. Таким близким человеком в последние годы жизни стала для Андрея Николаевича Ася Александровна Буканова, приглашённая Анной Дмитриевной на условиях частного найма. (А. Д. познакомилась с ней ещё задолго до болезни А. Н., когда Ася Александровна помогала ухаживать за родной сестрой А. Д., попавшей в автомобильную аварию.)

Ася Александровна имела специальную квалификацию по реанимации и работала фельдшером на скорой помощи больницы Академии наук. Когда академик И. Е. Тамм несколько лет перед своей кончиной был подключён к аппаратуре искусственной вентиляции лёгких, А. А. Буканова была откомандирована больницей для руководства бригадой медперсонала, работавшей у Тамма на дому. Всё это сложное лечение организовывала и оплачивала Академия наук. Лечение Колмогорова, как я уже говорил, никто не организовывал и не оплачивал — вернее, организовывали, как могли, его ученики, а оплачивала Анна Дмитриевна (из колмогоровских, разумеется, денег). Ася Александровна, работая в больнице в режиме «сутки на работе, трое отдыха», имела возможность проводить с Андреем Николаевичем много времени. Кроме договорённых дежурств, её, бывало, вызывали и вдруг, и ночью (благо жила она неподалёку на Молодёжной улице, близ Детского музыкального театра). Нередко она оставалась ночевать подле Андрея Николаевича, а иногда выезжала с ним на короткое время в Комаровку.

Ася Александровна оказалась помощницей и умелой, и чуткой. Андрей Николаевич очень к ней привязался и слушался её, причём не только разумом, но и телом. Помню вечер, когда он не мог встать с кресла, в котором обычно подолгу сидел. Произошёл острый приступ внезапной слабости. Ни я, ни тем более Анна Дмитриевна не могли его поднять: он не мог стоять. Больше в доме никого не было. В тревоге Анна Дмитриевна вызвала Асю Александровну. Та вскоре появилась. На меня произвело впечатление, что снимая пальто в прихожей, ещё не увидев своего пациента, она уверенно сказала: «Ну, у меня он встанет». Вошла в комнату и решительно произнесла: «Андрей Николаевич, вставайте». И он встал. Когда летом 1987 года Колмогоров был госпитализирован в Кремлёвскую больницу в Кунцеве, А.А.Буканова получила туда постоянный пропуск и часто у него бывала. На день смерти Колмогорова ей было лет семьдесят.

С 8 по 14 сентября 1986 года в Ташкенте состоялся Первый всемирный конгресс Общества математической статистики и теории вероятностей имени Бернулли. Конгресс проходил под знаком Колмогорова. Сама эмблема конгресса была составлена из символов, введённых Колмогоровым в его давно ставшей классической монографии «Основные понятия теории вероятностей». Колмогоров же был почётным председателем советского оргкомитета конгресса.

Организаторам казалось естественным, что конгресс должен открыться докладом Колмогорова, посвящённым его последним занятиям в области теории вероятностей. Такие принадлежали к алгоритмической проблематике¹³³, которая интересовала и меня. В мае 1986 года была сдана в набор книга: *В. А. Успенский и А. Л. Семёнов*, «Теория алгоритмов: основные открытия и приложения» — в этой книге связям между теорией алгоритмов и теорией вероятностей уделялось повышенное внимание. Кроме того, в течение нескольких лет к публикации в «Успехах математических

¹³³ Парадоксальным образом оказалось, что именно теория алгоритмов, а не традиционная теория вероятностей в состоянии предложить определение понятия «случайный объект». Парадоксальность состоит в том, что в основе определения лежит несовместимое, казалось бы, со случайностью понятие алгоритма, т. е. точного, не допускающего вариативности предписания, однозначно определяющего строго детерминированный процесс. В первой половине шестидесятых годов Колмогоров выдвинул широко задуманный план перестройки теории вероятностей и теории информации на алгоритмических началах. Сейчас центральное для этого плана понятие колмогоровской сложности (Kolmogorov complexity) является одним из основных понятий теоретической информатики (theoretical computer science).

наук» готовилась большая статья: *В. А. Успенский, А. Л. Семёнов, А. Х. Шень* «Может ли (индивидуальная) последовательность нулей и единиц быть случайной?» (опубликована в 1-м выпуске за 1990 год); замысел этой статьи был в своё время одобрен Колмогоровым, а название им предложено.

Физическое состояние Андрея Николаевича исключало возможность его личного участия в конгрессе. У организаторов конгресса возникла идея поставить в программу совместный доклад Колмогорова и Успенского, с тем чтобы я произнёс его на открытии. Я начал подготовку доклада. К сожалению, Андрей Николаевич уже не мог в этом участвовать. Разумеется, доклад был полностью основан на его идеях.

Конгресс Общества имени Бернулли открылся 8 сентября 1986 года в ташкентском Большом театре оперы и балета имени Навои. Со сцены этого театра я на своём плохом английском¹³⁴ сперва оглашал приветствие Колмогорова участникам конгресса, а затем произносил наш доклад «Алгоритмы и случайность». К счастью, у меня были заготовлены написанные крупно многоцветные формулы для проектора. Использовались два проектора (отдельно для чётных и для нечётных листов), одним из них управлял генеральный секретарь конгресса А. Н. Ширяев (ставший на этом конгрессе президентом-элект Общества имени Бернулли и бывший полноправным президентом этого Общества в 1989—1991 годах), другим — представитель гостеприимных хозяев Марат Захидов. По окончании доклада Ширяев сказал мне: «Мы были готовы к гораздо худшему».

Ещё до этого, в июне 1986 года я, взяв с собою своего уже двадцатисемилетнего сына Володю, поехал в Комаровку. Это был последний раз, когда я был в Комаровке у Колмогорова. Андрей Николаевич любезно поговорил с Володей, пригласил его бывать в Комаровке, но на моё упоминание предстоящего ташкентского доклада видимым образом не прореагировал никак. Приветствие участникам конгресса, однако, он впоследствии продиктовал В. М. Тихомирову сам.

Когда в 1987 году я вернулся после летнего отпуска в Москву, я узнал, что Андрей Николаевич в Кунцевской больнице Четвёртого главного управления¹³⁵.

¹³⁴ Английский язык был официальным языком конгресса.

¹³⁵ Официально больница называлась «Центральная клиническая больница», хотя все называли её по старой памяти «Кремлёвкой»; находилась она в Кунцеве. Что же касается Четвёртого главного управления, то хотя оно формально входило в состав Министерства здравоохранения, но на самом деле было совершенно автономно и предназначалась для медицинского

Больше я его не видел.

Во вторник 20 октября 1987 года Колмогоров умер.

Это произошло в 14 часов 9 минут. В палате при этом находились Ася Александровна Буканова, Александр Михайлович Абрамов, Василий Васильевич Козлов и Владимир Михайлович Тихомиров. Колмогоров был подключён к аппаратуре, и, как рассказал мне Тихомиров, можно было видеть на экране и явственно слышать последний удар сердца Колмогорова.

Хотя в последние месяцы Андрей Николаевич был уже очень плох и я должен был быть психологически готов к его уходу, известие о его кончине меня потрясло. Не поверив чьему-то звонку на нашу кафедру, я тут же позвонил в больницу. Там подтвердили.

Я понял сокровенный смысл слов «Великий бог Пан умер!».

Когда на завтра я вышел на улицу, я видел перед собой другой мир — мир без Колмогорова.

В четверг 22 октября 1987 года сообщение о смерти Колмогорова появилось в вечерней телевизионной программе «Время», там же были прочитаны диктором выдержки из правительственного некролога. На следующий день некролог целиком был напечатан в центральных газетах.

В пятницу 23 октября 1987 года состоялись похороны Колмогорова. (Газеты поместили информацию о них под заголовком «В последний путь» 24 октября.)

Академия наук образовала комиссию по организации похорон во главе с президентом Г. И. Марчуком. Но накануне похорон Марчуку пришлось уехать в Вильнюс — если не ошибаюсь, на давно запланированную сессию Совета по координации научной деятельности академий наук союзных республик. Его должны были сопровождать ряд руководящих сотрудников Президиума. Однако перед отъездом Гурий Иванович успел завизировать некролог, подписать другие необходимые бумаги и отдать должные распоряжения; в частности, он поручил управляющему делами Академии наук Григорию Гайковичу Чахмахчеву остаться в Москве и проследить, чтобы всё было в порядке. Полагаю, что участие всевластного Чахмахчева благоприятно отразилось на организационной стороне дела.

обслуживания верхнего партийно-государственного слоя. Иногда удавалось устраивать в эту больницу и деятелей науки и культуры — при условии их достаточной известности и наличия достаточно авторитетных ходатайств (в общем, контингент был тот же, что и на Новодевичьем кладбище). Лечили в больницах 4-го ГУ плохо (именно там погибли Сергей Павлович Королёв и Рем Викторович Хохлов), но уход был хороший.

Руководить похоронами за Г. И. Марчука остался вице-президент Академии Евгений Павлович Велихов. Он пришёл задолго до начала гражданской панихиды и целый день, примерно с половины одиннадцатого утра, находился среди тех, кто пришёл почтить память Андрея Николаевича, а после предания тела земле посетил и поминки в его московской квартире.

Чья-то многоопытная рука (скорее всего Виктора Алексеевича Дмитриева, старшего инспектора Орготдела Управления делами Академии наук) составила «План мероприятий по организации похорон академика А. Н. Колмогорова». План содержал 18 мероприятий, от пункта 1 «Заседание похоронной комиссии» до пункта 18 «Продукты для поминок». Пунктом 11 шло «Получение тела в морге». Отвечать за этот пункт 11 было поручено мне.

Утром 23 октября, около 8 утра, у одного из флигелей Президиума Академии наук собрались те, кто должен был вместе со мной отправиться в морг: А. М. Абрамов, В. И. Арнольд, Л. А. Бассалыго, Д. И. Гордеев, А. В. Прохоров, Ю. П. Соловьёв, А. Б. Сосинский. Появился и В. А. Дмитриев. Прибыл улучшенного качества катафалк, и мы отправились.

Морг Центральной клинической больницы в Кунцево поражал обилием пространства и мрамора. Вынесли гроб с телом, и от нас потребовали идентификации. По-видимому, это была процедура, предусмотренная правилами. Не знаю, кто решился бы безоговорочно подтвердить, что перед нами — Колмогоров. «Это он?» — спросил я у стоявшего рядом Бассалыго, и услышал в ответ: «Не знаю». Скорее повинуюсь логике, чем на основе непосредственного визуального ощущения, мы согласились признать Колмогоровым это измождённое тело.

По дороге к университету катафалк на несколько минут остановился на Кременчугской улице, у любимого детища Колмогорова — физико-математической школы-интерната при МГУ. На холодном ветру молча стояли школьники во главе с военруком в офицерской форме.

В четверть одиннадцатого подъехали ко входу во Дворец культуры МГУ на Ленинских горах и установили гроб в фойе.

Уже с 11 часов стали собираться люди.

В 13 часов началась гражданская панихида. Её открыл Евгений Павлович Велихов. Свою вступительную речь он закончил словами: «Колмогоров является крупнейшей фигурой в истории русской культуры». Затем говорили Василий Сергеевич Владимиров, Виктор Антонович Садовничий, Юрий Васильевич Прохоров, Олег Борисович Лупанов, Сергей Петрович Новиков, Сагды Хасанович Сираждинов, Владимир Михайлович Тихомиров.

Все старались найти какие-то особенные слова. Владимиров отметил, что, являясь крупнейшим математиком современности, Колмогоров по широте охвата принадлежит скорее кругу великих естествоиспытателей прошлых времён; а его поиски в области преподавания математики в школе привели к формулированию современных взглядов на эту проблему. Садовничий поставил имя Колмогорова в математике XX века рядом с именами Гильберта и Пуанкаре¹³⁶; он сказал ещё, что воспитанники интерната называют имя Колмогорова рядом с именем своего отца и что лицо мехмата определено идеями и талантом Колмогорова. Прохоров: «Мировое сообщество математиков потеряло сочлена, университет — профессора, Отечество — одного из разумнейших и честнейших своих граждан. В его жизни и смерти есть назидание: пример того, как нужно служить своему отечеству». Лупанов отметил роль Колмогорова в развитии дискретной математики и кибернетики и сказал, что современная программа мехмата создана фактически под руководством Колмогорова. «Мы прощаемся с великим учёным, — сказал Новиков. — Для математиков моего поколения А. Н. Колмогоров был главным математиком. Он был универсалом, теоретиком и прикладником. К нему обращались все. Николай Николаевич Боголюбов и я в последний раз посетили Андрея Николаевича в марте 1987 года, вручая ему международную премию Лобачевского. Он уже не мог передвигаться и практически не говорил». Тихомиров сказал, что Колмогоров был тем гением, само существование которого освещает жизнь. Он призвал всех, кто знал Колмогорова, передать детям и внукам ощущение соприкосновения с такой необыкновенной личностью.

Траурный митинг продолжился на Новодевичьем кладбище в 14 часов 45 минут. Выступили три ученика Андрея Николаевича: Сергей Михайлович Никольский, Владимир Игоревич Арнольд¹³⁷ и Борис Владимирович Гнеденко.

В 15 часов Евгений Павлович Велихов обратился со словами соболезнования к Анне Дмитриевне, родным и близким и закрыл митинг.

Московская квартира Колмогорова ещё несколько раз собирала его учеников: поминки, девятый день, сороковой день, год со дня смерти — уже без Анны Дмитриевны¹³⁸.

¹³⁶ Знаменитый бельгийский математик Пьер Делинь, побывавший в Москве, сказал: «Для меня увидеть Колмогорова — это было как увидеть живого Пуанкаре».

¹³⁷ Статьи Новикова и Арнольда в 6-м, посвящённом памяти Колмогорова, выпуске 43-го тома «Успехов математических наук» (1988 год) примерно соответствуют тексту их надгробных речей.

¹³⁸ А. Д. Колмогорова родилась 1 октября 1903 года (по новому стилю). Урождённая Егорова: дочь известного историка Дмитрия Николаевича Егорова

В квартире 10 жили только двое — Андрей Николаевич и Анна Дмитриевна Колмогоровы. После кончины обоих квартиру надо было сдать университету¹³⁹. Чтобы сохранить память об этой квартире, 5 февраля 1989 года была организована видеосъёмка. В квартире собрались: А. М. Абрамов, Б. В. Гнеденко, А. В. и Ю. В. Прохоровы, В. М. Тихомиров и я. Собравшиеся рассказывали что-то о квартире и её обитателях. Это был последний раз, когда я был в колмогоровской квартире, в тот день уже почти пустой.

► Я не знаю, кто сейчас живёт в этой квартире Л-10 на третьем этаже башни «Л», одной из угловых башен так называемого высотного здания МГУ на Ленинских горах...

В отличие от квартиры, с домом в Комаровке не пришлось расставаться. Титаническими усилиями Альберта Николаевича Ширяева, его теперешнего владельца, дом капитально отремонтирован и поддерживается ныне в идеальном виде и порядке.

Обе «резиденции» Колмогорова, московская и комаровская, отмечены теперь мемориальными досками.

18 ноября 1997 года состоялось торжественное открытие досок Колмогорова и Александрова у входа в ту самую башню «Л», на третьем этаже которой располагались их квартиры¹⁴⁰. Из всех мемориальных досок, коими отмечены стены Московского университета, лишь на одной, колмогоровской, есть слово «великий»: великий учёный России — так написано на этой доске.

А 11 июня 2003 года, также в торжественной обстановке, были открыты барельефы Колмогорова и Александрова и сопровождающая их мемориальная доска на стене комаровского дома.

(1878—1931). Анна Дмитриевна — одноклассница Андрея Николаевича. Семейное предание гласит, что дружба между ними возникла, когда их класс летом выезжал на каникулы — сейчас мы бы сказали «в лагерь», тогда говорили «в колонию»... Ранней осенью 1942 года (3 сентября) Анна Дмитриевна стала женой А. Н. Колмогорова. Не пережив Андрея Николаевича и года, она скончалась 16 сентября 1988 года и похоронена рядом с ним на Новодевичьем кладбище в Москве.

¹³⁹ Ответственная и многотрудная работа по разбору всего находившегося в колмогоровской квартире и подготовке её к сдаче была осуществлена ближайшей сотрудницей Колмогорова времён его занятий филологией Натальей Григорьевной Рычковой (Химченко).

¹⁴⁰ Моё выступление на этой церемонии напечатано в сборнике «Историко-математические исследования», вторая серия, выпуск 4 (39) за 1999 год (с. 185—188), а также — с прибавлением текстов надписей на досках — в моих «Трудах по нематематике» (с. 1279—1281; в настоящем втором издании — в кн. 1 «Памяти ушедших. Аппарат издания»).

Как заповедал нам Пушкин,

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

На них основано от века
По воле Бога самого
Самостоянье человека,
Залог величия его. ◀●

В одной из комнат комаровского дома стояла когда-то чёрная доска для писания мелом. Буквально полдоски много лет (думаю, что не меньше пятнадцати) занимала английская фраза, написанная рукою Колмогорова, ещё его хорошо знакомым, уверенным почерком. Потом её кто-то стёр, но следы мела можно было явственно разобрать и годы спустя. Вот эта фраза¹⁴¹:

Men are cruel but Man is kind.

Что в переводе значит:

Люди жестоки, но Человек добр.

¹⁴¹ Известное недоумение порождал язык, на котором была написана эта фраза. Все знали, что Колмогоров почему-то недолюбливал английский, и я, например, никогда не слышал, чтобы он пользовался им. Французский и немецкий он знал хорошо, можно сказать, что любил их и, во всяком случае, активно употреблял. (Я помню, как он неоднократно говорил, что существуют три языка международного общения: английский, немецкий и французский. И если каждый будет знать какие-либо два из них, то сможет общаться с каждым.)

●► Теперь мне известно, что написанная на доске по-английски фраза принадлежит Рабиндранату Тагору; она включена в его книжку «Stray Birds» (1916): см. «Колмогоров: Юбилейное издание в 3 книгах», кн. 1, с. 242. Заглавие этой небольшой книжки ритмической прозы, содержащей около двух сотен подобных изречений, можно перевести как «Заблудившиеся (или бездомные) птицы». ◀●

Приложение 1 (к сноске 5 на с. 63). П. С. Александров о Комаровском доме¹⁴²

В 1935 году А. Н. Колмогоров и я купили дом в Комаровке, до сих пор остающийся в нашем владении. Дом этот до 1935 года составлял собственность родной сестры К. С. Станиславского Анны Сергеевны Алексеевой (в замужестве сначала Штекер, а потом Красюк). Фактически владением Анны Сергеевны управлял и распоряжался её сын от первого брака Георгий Андреевич Штекер, с которым и велось дело по переходу дома к новым владельцам. Им, кроме А. Н. Колмогорова и меня, стал и Владимир Иванович Козлинский, художник,



среди произведений которого наибольшую известность получили, с одной стороны, некоторые театральные постановки в ленинградских и московских театрах (в том числе и московском Большом), с другой стороны, — многочисленные книжные иллюстрации¹⁴³. В. И. Козлинский со своей женой (также художницей) Марианной Михайловной Кнорре, А. Н. Колмогоров и я были хорошими соседями по комаровскому дому и дружно прожили в этом доме 15 лет, до 1950 года, когда доля В. И. Козлинского в нашем совместном домовладении перешла к А. Н. Колмогорову. С этих пор Андрей Николаевич и я стали единственными владельцами этого дома.

¹⁴² П. С. Александров. Страницы автобиографии. Ч. 2 // Успехи математических наук. — 1980. — Т. 35. — Вып. 3 (213). — С. 255—256.

¹⁴³ Некоторые работы В. И. Козлинского хранятся в Третьяковской галерее. (В декабре 2007 года я имел радостную возможность обнаружить три его линогравюры 1919 года на некоторой выставке, проходившей в названной галерее. Там же я узнал его годы жизни: 1891—1967. — В. У.)

При продаже своего дома Анна Сергеевна Алексеева сохранила за собою право пожизненного пользования одной из его комнат. Однако этим своим правом Анна Сергеевна пользовалась недолго. В 1936 году она умерла.

Комаровский дом заслуживает того, чтобы ему самому посвятить несколько строк. В одной своей части он был построен в двадцатых, а в другой части — в семидесятых годах XIX столетия Нарышкиными, соответственно Алексеевыми, которые и были тогда его владельцами. К дому имеется летняя пристройка (двухэтажная, как и весь дом), построенная в 1912 году тоже Алексеевыми. В течение долгого времени в этой пристройке любила проживать в летнее время выдающаяся русская артистка Мария Петровна Лилина (жена К. С. Станиславского).

В эпоху приобретения нами комаровского дома Анне Сергеевне Алексеевой было уже 68 лет. В её лице ещё видны были черты большой прежней красоты, в частности черты сходства с её братом К. С. Станиславским. В молодости Анна Сергеевна тоже была артисткой и выступала в Художественном театре под фамилией Алеевой. В 1935 году уже склонилась к закату её богатая впечатлениями, знакомствами и эмоциями жизнь, про которую в семье Алексеевых говорили, что если бы она была описана под заглавием «Моя жизнь около искусства», то получилась бы книга, не менее интересная, хотя и в другом роде, чем знаменитая книга К. С. Станиславского «Моя жизнь в искусстве». К числу очень близких знакомых Анны Сергеевны принадлежал великий музыкант дирижёр Артур Никиш. На письменном столе Анны Сергеевны до конца её жизни стоял большой портрет А. Никиша с его собственноручной выразительной надписью на немецком языке. А. Никиш умер в 1922 году. В Москве он концертировал в 1913—1914 годах. К этому времени относится и упомянутый его портрет. Однажды сын Анны Сергеевны наигрывал на рояле сцену графини из «Пиковой дамы». Когда он дошёл до знаменитого романса графини, Анна Сергеевна сбоку подошла к роялю и в задумчивости опёрлась на него, погружившись в воспоминания. Ей было о чём вспомнить под звуки этой музыки.

Во времена Алексеевых, в частности, во всё первое десятилетие 1900-х годов, Комаровка составляла как бы филиал основной усадьбы Алексеевых, Любимовки, расположенной на расстоянии около километра от Комаровки в сторону Тарасовки¹⁴⁴. Комаровка соединялась

¹⁴⁴ Комаровский дом Колмогорова и Александрова был, по моим наблюдениям, членом кластера, состоящего из трёх домов. Одним из них — назовём его

с Любимовкой хорошо утрямбованной пешеходной дорожкой, содержащейся всегда в большом порядке и существующей и сейчас¹⁴⁵, а в начале века ежедневно посыпавшейся свежим песком: она служила местом ежедневной утренней прогулки Елизаветы Васильевны Алексеевой (матери К. С. Станиславского). Небольшой лес между Комаровкой и Любимовкой со стороны Любимовки примыкал к также небольшому парку на берегу реки Клязьмы, в котором и находился огромный барский дом Алексеевых. Именно в нём родились К. С. Алексеев-Станиславский, его брат Владимир Сергеевич и сёстры Анна Сергеевна и Людмила Сергеевна. В этом доме, сейчас находящемся в состоянии полного упадка и состоящем из множества запущенных коммунальных квартир и отдельных комнатушек, бывало много выдающихся представителей русской литературы, театральной и музыкальной культуры, прежде всего, Чехов и Горький, Собинов, Шаляпин и много других.

Уже в последние годы своей жизни, находясь в глубокой старости, в Комаровку как-то приехала О. Л. Книппер-Чехова и обратилась к А. Н. Колмогорову и ко мне с просьбой предоставить ей на лето одну из комнат нашего комаровского дома. В это время наш дом уже представлял собою довольно сложный организм, пополнять который новым лицом, требовавшим столь большого внимания и забот, как О. Л. Книппер-Чехова в её тогдашнем возрасте, нам казалось очень трудным¹⁴⁶. И, хотя нам было очень неприятно отказывать Ольге Леонардовне в её просьбе, когда она говорила о дорогих ей воспоминаниях, связывающих её с комаровским домом, мы всё же не могли исполнить её просьбу.

вторым — владели наследники Алексеевых, артистка Елизавета Владимировна Алексеева, которую многие называли Лёля, и её сын Халил Алиевич Атакшиев по прозвищу Буба. Не знаю, кто в те времена, когда студентом и аспирантом я посещал Комаровку был владельцем третьего дома, имевшего с первым общий забор. Но помню, что как-то раз приехав туда, я с удовлетворением обнаружил солидные ворота на крепких веревках. Только пройдя через ворота и оказавшись на маленьком пустыре, я обнаружил, что ворота относятся вовсе не к дому двух академиков, а к третьему дому, вход же к Колмогорову осуществляется по-прежнему через ветхие ворота и калитку — только теперь не прямо с деревенской улицы, а с названного пустыря. Оказалось, что третий дом приобрёл писатель Борис Владимирович Захoder; он же воздвиг ворота. — В. У.

¹⁴⁵ Как-то раз Колмогоров провёл меня по этой дорожке и провёл экскурсию по Любимовке, довольно-таки запущенной. В частности, он показал мне специальное здание летнего театра; здание было заперто, но снаружи сохранилось в на удивление приличном виде. — В. У.

¹⁴⁶ Напомню, что Книппер-Чехова скончалась в 1959 году на 91-м году жизни. — В. У.

С самого приобретения комаровского дома в 1935 году и до 1939 года включительно происходила серия его капитальных ремонтов. Дом нуждался в капитальном ремонте от фундамента до крыши, ремонты эти поглощали значительную долю нашего времени, энергии и наших средств в течение нескольких лет¹⁴⁷.

Приложение 2 (к с. 92). Письмо А. Н. Колмогорова А. И. Бергу¹⁴⁸

Черновик письма Бергу (машинопись с авторской правкой) вместе с приложенной запиской к Ляпунову, подписанной Колмогоровым, был обнаружен в домашнем архиве Ляпунова в ноябре 2000 года. Академик Аксель Иванович Берг с 1959 года до своей кончины в 1979 году — председатель научного совета по комплексной проблеме «Кибернетика» при Президиуме АН СССР. Алексей Андреевич Ляпунов — его заместитель, «отец советской кибернетики». Мстислав Всеволодович Келдыш — президент Академии наук СССР с 19 мая 1961 года по 19 мая 1975 года.

Глубокоуважаемый Аксель Иванович!

Весной этого года я прочёл доклад «Автоматы и жизнь», тезисы которого (размноженные ещё перед докладом) прилагаю. Тезисы эти

¹⁴⁷ После смерти Колмогорова, когда ещё была жива его вдова Анна Дмитриевна, и года его не пережившая, в колмогоровской квартире состоялось небольшое совещание. Присутствовали сама Анна Дмитриевна, её сын от первого брака О. С. Ивашев-Мусатов и колмогоровские ученики: В. М. Тихомиров, А. Н. Ширяев, А. В. Прохоров и автор этих строк. Решалась судьба комаровского дома. Все сошлись на том, что главное — его сохранить. Конкурировали две точки зрения. Первая состояла в том, что дом сохранится до тех пор, пока в нём будут звучать детские голоса. Вторая — что дому надо придать мемориальный характер. Вторая точка зрения возобладала, и Анна Дмитриевна, которой принадлежало окончательное решение, передала комаровский дом во владение А. Н. Ширяеву. Ширяев произвёл капитальный ремонт, также с затратой времени, энергии и средств. Он, в частности, снёс одну или несколько перегородок между маленькими комнатками, и тогда открылась достаточно вместительная зала, прежнее существование коей доказывалось лепниной на потолке. Ширяев сохранил в неприкосновенности несколько комнат, придав им музейный характер. А 11 июня 2003 года состоялось торжественное открытие барельефов Александрова и Колмогорова и мемориальных досок на стене Комаровского дома. — В. У.

¹⁴⁸ Колмогоров и кибернетика / Под ред. Д. А. Пospelова, Я. И. Фета. — Новосибирск: Изд. ИВМ и МГ СО РАН, 2001. — С. 115—117. Также: Алексей Андреевич Ляпунов / Ред.-сост. Н. А. Ляпунова, Я. И. Фет. — Новосибирск: Филиал «Гео» изд-ва СО РАН; Изд. ИВМ и МГ СО РАН, 2001. — С. 375—377.

мною тщательно продуманы и отредактированы. Сейчас для журнала «Техника — молодёжи» я сформулировал некоторые из этих тезисов так:

1. Определение *жизни* как особой формы существования белковых тел (Энгельс) было прогрессивно и правильно, пока мы имели дело только с конкретными формами жизни, развившимися на Земле. В век космонавтики возникает реальная возможность встречи с «формами движения материи» (см. статью «Жизнь» в БСЭ), обладающими основными важными для нас практически свойствами живых и даже мыслящих существ, устроенными иначе. Поэтому, приобретает вполне реальное значение задача более общего определения понятия *жизни*.

2. Современная электронная техника открывает весьма широкие возможности моделирования жизни и мышления. Дискретный, «арифметический», характер современных вычислительных машин и автоматов не создаёт в этом отношении существенных ограничений. Системы из очень большого числа элементов, каждый из которых действует чисто «арифметически», могут приобретать качественно новые свойства.

3. Если свойство той или иной материальной системы быть «живой», или обладать способностью «мыслить» будет определено чисто функциональным образом (например, материальная система, с которой можно разумно обсуждать проблемы современной науки или литературы, будет признаваться «мыслящей»), то придётся признать в принципе вполне осуществимым *искусственное создание* живых и мыслящих существ.

4. Следует, однако, понимать, что реальные успехи кибернетики и автоматики на этом пути ещё значительно более скромны, чем иногда изображается в популярных книгах и статьях. При описании «самообучающихся» автоматов, или автоматов, способных «сочинять» музыку или писать стихи, иногда исходят из крайне упрощённого представления о действительном характере высшей нервной деятельности человека, в частности, человеческой творческой деятельности.

5. Реальное же продвижение в направлении понимания механизма высшей нервной деятельности (включая и высшие проявления человеческого творчества), как и успехи в её моделировании, не могут ничего убавить в *ценности* и *красоте* творческих достижений человека.

Я опасаясь, что уже содержание моих тезисов вызовет большие споры. Более того, я думаю, что всё беспокойство, возникшее в связи с подготовленным Н. Г. Рычковой изложением моего доклада для «Техники — молодёжи», связано не с дефектами изложения Н. Г. Рычковой, а с содержанием моих подлинных тезисов. Сам я не нахожу в изложении Н. Г. Рычковой (и даже во внесённых редакцией журнала в её работу изменениях, несколько вульгаризирующих некоторые детали)

чего-либо криминального. Мне кажется, что по этому изложению серьёзная сторона моего выступления будет понята правильно.

Естественно, что в защиту своих тезисов я буду выступать и в более солидной печати, но для подготовки такой статьи требуется время. С моей точки зрения, в предварительном появлении изложения доклада, составленного Н. Г. Рычковой, ничего страшного нет. Мы, однако, договорились с редакцией журнала, что в случае, если М. В. Келдыш найдёт появление популярного изложения моих идей (вообще-то, кажется, совсем не новых и многими у нас разделяемых) до их обсуждения на основе солидной моей собственной публикации по каким-либо, мне непонятным причинам, совсем недопустимым, то редакция журнала прислушается к его голосу.

Ваш А. Н. Колмогоров

ЗАПИСКА

Глубокоуважаемый Алексей Андреевич!

Послав прилагаемый ответ на запрос Акселя Ивановича, я потом стал сомневаться, разумно ли было помещать именно в этот ответ пункт 4. Надеюсь на мудрость Акселя Ивановича. По существу, я писал для кибернетиков в порядке внутренних обсуждений.

В этом же, последнем, порядке пункт 4 тщательно обдуман, и мне хотелось бы знать Ваше мнение по его поводу.

Ваш А. Н. Колмогоров

Приложение 3 (к сноске 44 на с. 113). Как я перепрыгивал через класс

Через девятый класс я перескочил не только и даже не столько с помощью, сколько по инициативе Евгения Борисовича Дынкина. Он явно переоценивал мои математические способности. Я помню, как весной 1946 года на одном из занятий его кружка он ошарашил меня заявлением, что в школе мне делать нечего, надо её как можно скорее заканчивать и поступать в Университет. Я не мог устоять против искушения — а надо бы. Вскоре Дынкин вручил мне бумагу следующего содержания.

ДИРЕКТОРУ ШКОЛЫ № 167

Воспитанник Вашей школы, ученик 8-го класса Успенский В. А. получил на закончившейся 28-го апреля т. г. IX Математической Олимпиаде 1-ю премию за решение одной из самых трудных задач Олимпиады, предназначенных для учеников 9—10-х классов¹⁴⁹.

¹⁴⁹ Все ли читатели знают, что тогда среднее образование было десятилетним? — В. У.

В течение всего 1945/46 уч. года Успенский успешно работал в школьном математическом кружке при Университете¹⁵⁰ и обнаружил не только серьёзный интерес к математике и умение справляться с трудными задачами, но и настойчивость и работоспособность.

Математические способности, подобно музыкальным, развиваются вообще очень рано и дают наилучшие результаты при систематической работе, начиная с ранней молодости. Механико-математический факультет заинтересован поэтому в том, чтобы Успенский, наряду с другими победителями Олимпиады, по возможности скорее мог поступить в Университет. Учитывая, что по математике Успенский уже сейчас почти готов к поступлению на 1-й курс механико-математического факультета, мы считаем желательным дать ему возможность окончить школу в более короткий срок и поддерживаем просьбу о переводе его — при условии сдачи необходимых экзаменов — в 10-й класс.

Председатель Организационного Комитета
IX Математической Олимпиады:

(и здесь подпись С. А. Гальперна¹⁵¹)

Члены:

Профессор-доктор (и здесь подпись Л. А. Люстерника¹⁵²)

Профессор-доктор (и здесь подпись С. В. Бахвалова¹⁵³)

Украшавшая документ печать Московского математического общества и титул «профессор-доктор» произвели должное впечатление. Кроме того, бумага была составлена весьма дипломатично, о чём свидетельствуют обороты «наряду с другими», «почти готов», «считаем желательным» (а не «просим»), «при условии». И 19 июля 1946 года Свердловский районный отдел народного образования издал приказ: «Разрешить уч. Успенскому Владимиру, окончившему 8 кл. в 1946 г., держать экзамены за 9 классов при 167 школе».

В школе я ходил в отличниках (за что был слегка презираем ближайшими друзьями) и потому имел дурацкую амбицию сдать экзамены

¹⁵⁰ Сейчас надо было бы разъяснить, о каком из многочисленных университетов Москвы идёт речь. Тогда университет в Москве был один. — В. У.

¹⁵¹ А когда я буду на третьем или четвёртом курсе мехмата, он будет вести в нашей группе упражнения по дифференциальным уравнениям. — В. У.

¹⁵² А в начале пятидесятых я прослушаю на мехмате его совершенно факультативный курс о вычислительных машинах и программировании — один из первых таких курсов в нашей стране. — В. У.

¹⁵³ А на первом курсе он будет вести в нашей группе упражнения по аналитической геометрии, излагая виртуозные решения задач (виртуозность состояла, в частности, в том, что надо было переменные трактовать как постоянные, а постоянные как переменные, и тогда всё получалось немедленно). — В. У.

по всем предметам 9-го класса на отлично, что, конечно, было совсем не обязательно. Экзамены я сдавал, в основном, летом, приезжая для этого в Москву с подмосковной станции Турист, близ которой, в деревне Шуколово, родители снимали «дачу» (а попросту — пристройку к деревенской избе). Впервые прочёл тогда «Войну и мир» (прочсть её было предписано программой 9-го класса; мог бы, конечно, прочсть и раньше); читал я четыре дня, по тому в день, и такое интенсивное чтение очень способствовало, на мой взгляд, усвоению и впечатлению. До сих пор помню толстый учебник неорганической химии с химическими реакциями, непонятно почему идущими в одну, а не в противоположную, сторону, и с теорией электролитической диссоциации Сванте Аррениуса («И когда Аррениуса имя вдалбливал в себя, в чаду и забытьё, у меня на полке рядом с „Химией“ стоял том Теофиля Готье»: «Эмали и камней» в гумилёвском переводе и в самом деле помогали). Труднее всего давалась экономическая география зарубежных стран, где в каждой точке земного шара что-то произрастало, возделывалось, добывалось, перерабатывалось и производилось, — а я по глупости считал обязательным всё это выучить. Не знаю, как сейчас, в эпоху одиннадцатилетки, а тогда самым трудным (хотя бы просто по объёму материала) классом школы определённо был девятый.

На всём этом я надорвался и, как считаю, не оправился до сих пор. Придя осенью 1946 года в десятый класс, я почувствовал сильнейшее переутомление. У меня болели глаза — так, что я не мог читать, и врачи так и не смогли определить, почему они болят. Боль в глазах совпала (а, может быть, была следствием) с желтухой — слово «гепатит» ещё не было в ходу. Короче, почти всё первое учебное полугодие десятого класса я пролежал дома. Не знаю, как сейчас, но тогда в выпускном классе, в отличие от всех прочих классов, на второй год не оставляли. Но не выдавали и аттестата зрелости, который был необходим для поступления в вуз. Вместо него выдавали не дающую прав справку, что такой-то действительно прошёл курс средней школы. Моего отца вызвали в школу и директор, Лидия Петровна Мельникова, сообщила ему, что он может не волноваться: она обещает, что для меня будет сделано исключение; ввиду моих заслуг она добьётся того, что мне будет разрешено остаться в десятом классе на второй год. Позитивным следствием моего перескакивания было то, что помня собственный опыт, своего сына я «перескочил» через второй класс, а мой сын своего сына — через третий. (Как известно, когда какое-либо событие происходит в первый раз, это случайность, когда второй — это совпадение, а когда третий — это привычка, она же традиция; в переговорах с властями той школы в

штате Огайо, где учился мой внук, его отец ссылался прежде всего на традицию, и это подействовало.)

Школа № 167, располагавшаяся в Дегтярном переулке, — сейчас в этом здании что-то другое — была замечательной школой. Я поступил в её 6-й класс «б», когда в конце ноября 1943 года наша семья вернулась из Новосибирска — из эвакуации. Первый же день поразил меня тремя событиями. Во-первых, ряд мальчиков класса подошли ко мне и поздоровались за руку (в Новосибирске новичка скорее уж побили бы для знакомства). Во-вторых, кто-то взял стул и выбросил его из открытого окна четвёртого этажа на школьный двор; самым же поразительным было то, что никого это не удивило. В-третьих, один из мальчиков, Паремусов, предложил вместе с ним уйти домой. На моё робкое замечание, что ведь предстоит ещё урок ботаники, мне было сказано, что я как новичок не знаю здешних обычаев: ходить на ботанику не принято. Я поверил и был сильно удивлён, что почему-то оказался не в толпе покидающих здание одноклассников, а только вдвоём с Паремусовым, причём нам сперва пришлось прятаться в гардеробе, а потом прыгать на задний двор с козырька чёрного хода. Ботанику в 6-м и зоологию в 7-м классе вела, кстати, довольно безвредная и даже скорее симпатичная учительница неопределённого возраста, рыхлая и с низкой посадкой корпуса, вследствие чего имела прозвище Медуза.

В классе у меня последовательно было два друга, с которыми я в той же последовательности сидел за одной партой, — сперва Алик (впоследствии Александр Викторович и известный физик) Гуревич, а затем Женя (впоследствии Евгений Семёнович и известный искусствовед) Левитин. Характеров они были противоположных: Левитин — в школьные годы — был тихий, отчасти робкий, держался незаметно; Гуревич — взрывного темперамента; в портрете на сайте Российской академии наук он напоминает молодого Троцкого. Гуревич позвонил мне 25 октября 2007 года, а до того не звонил никак не меньше полусотни лет. Его звонок и вызвал к жизни настоящее приложение.

Однажды у Гуревича на уроке зоологии возник конфликт с Медузой — он как-то не так понял, чего она хочет, домыслив её слова по-своему. Конфликт был настолько серьёзен, что наш класс в качестве судьи посетила гроза всей школы — устрашающего вида завуч Варвара Петровна. Она попыталась объяснить Гуревичу, в чём он не прав, что не его дело искать объяснения поступкам и желаниям учительницы. «Откуда ты можешь знать, что в голове у ... (были названы имя и отчество Медузы)?». — «Да нет у неё ничего в голове», — отвечал Гуревич, не осознавая двусмысленности своего высказывания. Он-то всего-навсего имел в виду, что у Медузы не было никакой задней мысли, что

в её речи — никакой хитроумной риторической конструкции и что её якобы неправильно поняты им слова как раз и следовало понимать буквально. Гнев Варвары Петровны не поддавался описанию. Гуревич был приговорён если и не к высшей мере, то к близкой к ней — к исключению из школы на две недели. В течение этих двух недель мы с завистью наблюдали из окна, как в то время, что мы проводим в классе, Гуревич в длинных белых носках гоняет футбол на школьном дворе. Разумеется, он мог выбрать для этого и другой двор, но он садистски наслаждался нашей завистью.

Совершенно ясно, что такой человек не мог спокойно смотреть, как я иду в десятый класс в то время как он должен идти в девятый. В том десятом классе, куда я перешёл, учился Аркадий Гуревич. Алик изготовил машинописный текст, гласящий, что А. Гуревич окончил 9 классов, и попросил Аркадия заверить этот текст в школьной канцелярии. Обретя подпись и печать, бумажка превратилась в справку, с каковой Алик поступил в экстернат, затем перевёлся в десятый класс школы рабочей молодёжи, одновременно со мной окончил среднюю школу (не сдавая при этом никаких экзаменов за девятый класс!), получил при окончании золотую медаль и без вступительных экзаменов (тогда медаль давала большие права) поступил на физический факультет Московского университета. И утёр мне нос. Эту замечательную историю я рассказывал разным лицам и, в частности, В. М. Тихомирову.

За те не менее чем полсотни лет, что Гуревич мне не звонил, я звонил ему — по служебному телефону — дважды: в 1984 году с поздравлением по случаю избрания его членом-корреспондентом Академии наук СССР и в 2003 году с поздравлением по случаю избрания его академиком Российской академии наук. Он говорил со мной вполне дружелюбно, но несколько отстранённо — я, хотя и школьный (и некогда достаточно близкий) друг, явно попадал в общий хор поздравителей. Меньше всего я ожидал его звонка. «Ты что, не узнаёшь, кто с тобой говорит?» — раздался в трубке весёлый, чем-то знакомый, но не опознанный мною голос. Выяснилось, что Гуревич по некоторым делам вступил в контакт с Тихомировым, и тот сказал ему: «Так вы тот Алик, про которого Успенский рассказывает такие замечательные истории?». После чего Гуревич — видимо, польщённый — взял у Тихомирова мой домашний телефон и позвонил. Его тон был необычайно тёплым, совсем другим, нежели при ответах на мои поздравления. И тут я полюбил Гуревича почти с той же силой, как прежде, в шестом классе. Я понял, что для него быть академиком менее важно, чем заслужить восхищение и зависть одноклассников в школьные годы. И что воспоминание о том, как он утёр мне нос шестьдесят лет назад, до сих пор согревает его душу.

Приложение 4 (к с. 119). Отзыв П. С. Новикова на дипломную работу В. А. Успенского

Московский ордена Ленина Государственный университет имени М. В. Ломоносова

Механико-математический факультет

кафедра истории математических наук

ОТЗЫВ НА ДИПЛОМНУЮ РАБОТУ

студента У курса УСПЕНСКОГО В.А.

(Фамилия и инициалы)

Тема Общее определение алгоритмической вычислимости и алгоритмической сводимости

Руководитель, рецензент профессор доктор физ.-матем. наук П.С.НОВИКОВ
(ученая степень, ученое звание, фамилия и инициалы)

В отзыве должны быть отмечены достоинства и недостатки дипломной работы.

Определение алгоритма не является определением в обычном для математики смысле этого слова. С его помощью не вводится в рассмотрение какое-нибудь новое понятие (и соответствующий ему термин). Оно должно выразить точных математических терминах наиболее существенные свойства всякого математического алгоритма, позволяющего по заданию исходных данных, выполняя строго некоторые предписания, получить искомое. За последние годы предложен ряд определений алгоритма, которые все, однако, как убедительно показал автор, страдают рядом недостатков. Они либо носят очень специальный характер и не дают поэтому достаточных оснований не сомневаться в том, что ими отражены действительно наиболее существенные черты всякого математического алгоритма, либо же описывают не сам алгоритм (как процесс получения по входным данным искомого результата). В основу работы ^(автором) положено определение алгоритма, сообщенное ^(ему) автору А.Н. Колмогоровым. Глубоко и тонко проведенное В.А. Успенским исследование алгоритма Колмогорова показало, что это определение наилучшим образом выражает существо дела. Геометрический характер этого определения, использование в нем топологических комплексов делает его весьма наглядным, убедительным и общим.

В ходе проведенного им исследования алгоритма Колмогорова В.А. Успенскому пришлось решить ряд задач, относящихся к переводу алгорит-

мов в смысле других определений в алгоритм Колмогорова и доказательству рекурсивности последнего. ^{Таким образом)} ~~При этом~~ автор не только дал методологически правильное - материалистическое - объяснение причин эквивалентности различных определений алгоритма, но и получил возможность включить их в единую теорию. Последнее оказывается особенно существенным во второй части работы, где автор дает - в терминах обобщенного на случай бесконечного числа входных данных алгоритма Колмогорова - общее определение алгоритмической сводимости ~~и~~ вычисления значений одной функции к вычислению значений другой и доказывает ряд теорем о сводимости. Здесь особенно интересна теорема, ~~содержащая~~ дающая каноническое выражение для факта алгоритмической сводимости, аналогичное выражению всякой частично-рекурсивной функции через примитивно-рекурсивные функции и оператор μ .

Работа представляет значительный научный интерес и должна быть оценена как выдающаяся. Следует отметить также высокое качество оформления работы: работа написана простым, ясным и точным языком и читается с неослабевающим интересом. Ее, конечно, следует опубликовать.

Подпись ~~руководителя~~ рецензента *П. Новик*

_____ 19__ г.

Оценка дипломной работы *отлично*

Зав. кафедрой *Р. Новикова*

_____ *мая* 1952 г.

Отзыв на дипломную работу как руководителем, так и рецензентом представляется в 2 экземплярах, отпечатанных на машинке. Один экземпляр отзывов хранится в личном деле студента, второй экземпляр вместе с дипломной работой - на кафедре или в библиотеке факультета.

Приложение 5 (к сноске 60 на с. 122). Письмо Н. А. Шанина В. А. Успенскому

Владимир Андреевич!

Я только что прочитал Ваши воспоминания об Андрее Николаевиче Колмогорове, в частности, прочитал тот фрагмент, в котором фигурирует моя фамилия (с. 330 и 331¹⁵⁴).

Из этого текста я впервые в жизни узнал (подчёркиваю: впервые!), что когда-то Вы писали рецензию на мою статью «О некоторых логических проблемах арифметики», направленную мной в УМН. О каких-либо «закулисных» процедурах, связанных со статьёй, я не имел ни малейшего представления, и Вы напрасно «катите бочку» на Андрея Николаевича, подозревая его в нарушении договорённости, а меня — в некоей уязвлённости. Не было этого! Для меня ход событий выглядел следующим образом.

Очень долго я не имел сведений о судьбе рукописи, и в конце концов на мой запрос я получил ответ: рукопись находится у А. Н. Колмогорова. Прошло ещё немало времени, и я, по совету А. А. Маркова, решил «переадресовать» рукопись в Труды МИАН — А. А. был готов её рекомендовать. Оказавшись в то время в Комаровке у П. С. Александрова, я встретился и с А. Н., и попросил его рукопись мне возвратить, указав на предоставившуюся возможность. Он это сделал, помнится, с единственным комментарием: некоторые фрагменты статьи имело бы смысл написать более лаконично. Такое замечание не давало ни малейших оснований предполагать, что оно «индуцировано» чьей-либо рецензией.

Я не помню деталей нашего знакомства, состоявшегося больше сорока лет назад. Возможно, что я Вас действительно разыскал. В то время я был активным молодым человеком и стремился знакомиться с московскими (и не только московскими) математиками, причастными к математической логике, — знакомиться не в последнюю очередь для того, чтобы «классиков» обращать в «конструктивистов». Часто такое «обращение» имело вид энергичных дискуссий, и очень похоже на то, что наша первая беседа имела как раз такой характер. Вы же, не зная о моей особенности, восприняли мой напор как «разборку» по подразумеваемому Вами поводу. И ещё одна деталь: в Москве я никогда не обсуждал построенные мною правильные погружающие операции — главное содержание той работы. Не обсуждал в том числе

¹⁵⁴ Номера страниц в сборнике «Колмогоров в воспоминаниях» / Под ред. А. Н. Ширяева. — М.: Физматлит, 1993. — *Прим. ред.*

и с Вами. Как же это получилось: мы, по Вашей версии, говорили о Вашей рецензии, и ни слова о самом главном в рецензируемой работе?

Всё сказанное выше — это лишь реконструкция некоторых событий, и можно было бы отложить обсуждение этой темы до подходящего случая. (В частности, для меня остаётся загадкой: как могло у Вас сложиться мнение о том, что А. Н. нарушил договорённость с Вами?) Но вот я дочитал Ваши воспоминания до фразы: «...и Шанин нашёл способ мне отомстить примерно тем же способом».

Ну уж нет, Владимир Андреевич, за мной такие «дела» не водятся!

В моей жизни бывали и невыдуманные поводы для «отмщений» (например, дважды в моей жизни конкретные люди создавали условия, вынуждавшие меня уходить с математико-механического факультета ЛГУ). Но никогда я не опускался до мщений, до «поисков способов» мщений или чего-либо подобного. Если я когда-либо писал отзыв о математической работе и этот отзыв не соответствовал представлениям автора и даже тех или иных признанных авторитетов, то знавшие меня люди понимали: я выразил в отзыве моё личное «видение» содержания работы, а не «видение» личности автора. Так было всегда!

К большому сожалению, высокопоставленные коллеги, направлявшие мне работы на отзыв, очень долго не понимали, что это целесообразно делать лишь в таких случаях, когда поручение не предполагает моего превращения в «плюралиста».

Напечатав цитированную выше фразу, Вы, Владимир Андреевич, предложили сообществу математиков версию, обладающую всеми признаками сплетни. Поскольку это Вы учинили публично, я не буду рассматривать это письмо как чисто личное и познакомлю с ним коллег.

20.02.1996 г.

Н. Шанин

Приложение 6 (к с. 136).

Нумерации и номинации

К сожалению, понятие нумерации не занимает в математике, да и шире, в науке вообще, того места, коего оно достойно. В этом приложении мы попытаемся разяснить величие этого понятия, однако сперва приведём абзац, рассчитанный на математиков и для чтения нематематиков не адаптированный.

А б з а ц д л я м а т е м а т и к о в. Нумерацией множества M называется сюръекция на это множество из натурального ряда, т. е. отображение на M какого-либо множества натуральных чисел.

Это понятие оказывается весьма содержательным. Вот убедительный пример. Пусть M состоит из вычислимых функций. Рассмотрим отображение, относящее каждой программе ту функцию, которую вычисляет эта программа. Программы являются словами в некотором алфавите. Перенумеруем все слова в этом алфавите натуральными числами, а затем заменим каждую программу её номером. Мы получим нумерацию множества вычислимых функций. В этом примере, глубоко самом по себе, скрыта ещё более глубокая идея. Программу можно рассматривать как имя соответствующей вычислимой функции, а всякую нумерацию — как соответствие между какими-то объектами и именами этих объектов, закодированными в виде чисел. То, что каждая вычислимая функция имеет не одну, а очень много программ, полностью соответствует общим представлениям теории имён. Предложенные Стивеном Клини обозначения для ординалов (иначе — порядковых чисел) как раз и представляют собою не что иное, как имена этих ординалов. А сводимость одной нумерации к другой означает возможность эффективно найти по всякому имени объекта в одной системе имён какое-либо имя того же объекта в другой системе имён.

Дальнейшее изложение рассчитано на образованных дилетантов, готовых проявить интерес к использованию языка в познании. Термин *язык* употребляется в двух основных значениях (об органе в полости рта мы позволяем себе здесь забыть). Первое значение общее, абстрактное; оно означает некую способность человека и стоит в том же ряду, как слух, зрение, мышление. Второе значение частное и означает один из языков мира; это может быть естественный язык, такой как русский, английский, японский и т.д., а может быть и искусственный, подобный языку математики, одному из языков программирования или, скажем, эсперанто. Лингвистика сопротивляется тому, чтобы обозначить эти два понятия — языка в общем смысле и языка в частном смысле — разными словами; причины сопротивления укрыты от непосвящённых, к каковым принадлежит и автор этих строк.

При использовании языка в познании познаваемым предметам, как конкретным, материальным, так и абстрактным, идеальным, присваиваются имена. Каждый из языков в частном значении термина «язык» пользуется своим набором имён. Соответствие между именами и именуемыми ими предметами называется *номинацией* (согласно словарю Ушакова, номинация — это называние, наименование). Более точно, номинация — это функция, аргументом которой является выражение языка, т. е. слово или словосочетание, а значением — обозначаемый этим словом предмет. Указанная функция, разумеется, не всюду определена: для некоторых выражений значения не существует; так,

не существует значений для имяподобных выражений, таких как «воля народа» или «старшая дочь короля Уругвая». С другой стороны, нет препятствий для того, чтобы один и тот же предмет имел несколько имён; пример: автор «Евгения Онегина» и автор «Медного всадника». Математики сказали бы, что в данном случае номинация как функция принимает одно и то же значение на разных аргументах (подобно тому, как функция возведения числа в квадрат принимает одно и то же значение на аргументе $+2$ и на аргументе -2).

Исключим из рассмотрения экзотические языки, в которых нет числительных (как их нет в южноамериканском языке пирахán) и других стандартных средств основных европейских и азиатских языков. Произвольно выберем какой-либо из многочисленных оставшихся языков. Оказывается, что подойдя с позиции математики к номинации на этом языке, можно получить содержательные математически результаты. Вот несколько примеров.

Для положительных *рациональных* чисел в русском языке имеется традиционная номинация: «семнадцать», «три тысячи семьдесят один», «девятьсот сорок девярых» и т. п. Можно доказать, что для всех положительных действительных чисел никакая номинация невозможна. Отсюда вытекает два следствия, из которых первое относится к гносеологии, другое — к математике. Гносеологическое следствие гласит, что какую бы мы ни выбрали систему имён, найдутся действительные числа, не имеющие имени в этой системе. Математическое следствие утверждает, что существуют *иррациональные* (т. е. действительные, но не рациональные) числа; при этом никакого конкретного иррационального числа не предьявляется, так что классический результат об иррациональности квадратного корня из двух никоим образом не обесценивается.

Квадратный корень из двух иррационален, но всё же *алгебраичен*. *Алгебраическим* называется всякое число, являющееся корнем какого-либо алгебраического уравнения с одним неизвестным и целыми коэффициентами. Квадратный корень из двух является корнем уравнения $x^2 - 2 = 0$, и потому числом алгебраическим. Числа, не являющиеся алгебраическими, называются *трансцендентными*. Первый пример трансцендентного числа появился в 1851 году, тем самым, было доказано их существование. В 1878 году существование трансцендентных чисел было доказано (без предьявления конкретного примера) тем же способом, что существование иррациональных чисел: для совокупности всех алгебраических чисел номинация возможна, а для совокупности всех действительных чисел невозможна — отсюда следует требуемое.

На этом же, но несколько усложнённом, пути можно получить и теорему Гёделя о неполноте в её семантической версии. В огрублённой

по необходимости форме эта версия великой теоремы гласит, что какие бы средства вывода мы ни придумали, всегда в языке найдётся такое истинное утверждение, которое этими средствами вывести невозможно. Укажем общую схему доказательства; кстати, этот способ доказательства теоремы Гёделя предложил Колмогоров. Назовём номинацию *эффективной*, коль скоро существует алгоритм, приводящий от выражения языка к называемому этим выражением объекту. Фиксируем средства вывода. Оказывается, что множество всех выводимых утверждений языка допускает эффективную номинацию, в то время как множество всех истинных утверждений языка эффективной номинации не имеет. Возникают две возможности. Первое: существует выводимое утверждение, не являющееся истинным; это означает, что мы выбрали негодные средства вывода. Второе: существует истинное утверждение, не являющееся выводимым; это и провозглашается в семантической версии теоремы Гёделя о неполноте. (Для полноты картины укажем другую версию теоремы о неполноте — синтаксическую. Синтаксическая версия отличается тем, что не использует понятие истины в применении к утверждениям языка. В огрублённой форме эта версия теоремы гласит, что какие бы средства вывода мы ни придумали, всегда в языке найдётся такое утверждение, что ни оно, ни его отрицание не являются выводимыми. Заметим, что сам Гёдель доказал свою теорему именно в синтаксической версии.)

Два заключительных замечания.

Первое замечание. Надеемся, что читатель согласится с тем, что понятие номинации достойно самостоятельного изучения. Важную роль в этом изучении занимает введённое Колмогоровым понятие *сводимости* номинаций. Говорят, что номинация α сводится к номинации β , коль скоро существует алгоритм, дающий по всякому имени в α , служащему именем какого-то объекта, имя в номинации β , служащее именем того же самого объекта. Например, если мы возьмём всем известные традиционные номинации рациональных чисел в русском и французском языках, то обнаружим, что каждая из них сводится к другой.

Второе замечание. Выберем какой-нибудь язык и остановимся на нём. Выражения этого языка легко занумеровать натуральными числами. Вместо того, чтобы говорить о функции, дающей по выражению именуемый этим выражением объект, будем говорить о функции, дающей по натуральному числу объект, именуемый тем выражением, которое имеет наше натуральное число своим номером. Мы приходим к понятию *нумерации* и видим, что это понятие является ничем иным, как математической моделью понятия номинации.

Приложение 7 (к с. 185).
А. Н. Колмогоров о Н. Н. Лузине (интервью)¹⁵⁵

Ученик об учителе¹⁵⁶

*Интервью с академиком А. Н. Колмогоровым
8 июня 1983 года в связи со столетием со
дня рождения академика Н. Н. Лузина.*

— *Что Вы знали о Н. Н. Лузине до того, как впервые увидели его?*

— Когда осенью 1920 года я поступил на первый курс математического отделения физико-математического факультета Московского университета, имя Н. Н. Лузина и как учёного, и как лектора было очень популярно среди студентов. Я сразу же стал слушать его лекции по теории функций комплексного переменного; параллельно Б. К. Млодзиевский читал курс ТФКП в более традиционном жанре. Мы, студенты, живо обсуждали различия в стиле изложения этих двух курсов. Помню, что одновременно Н. Н. Лузин читал курс линейной алгебры, но я его не слушал.

— *Был ли курс ТФКП обязательным? Должны ли Вы были его слушать?*

— Студенты тогда почти ничего не были должны в современном понимании слова «должны». Посещение было вольное. Нужно было лишь сдавать экзамены. Список экзаменов, которые требовалось сдать, чтобы перейти на второй курс, был очень небольшим. Я сдал все эти экзамены в начале первого курса, чтобы получить студенческий паёк (пуд печёного хлеба и килограмм масла в месяц; этот паёк прибавлялся к обычной карточке) и потом уже до начала пятого курса почти ничего не сдавал (но за студенческое время написал пятнадцать научных работ и с чрезвычайным увлечением преподавал в школе, так что на экзамены оставалось мало времени). Вообще, с современной точки зрения, был довольно большой хаос.

¹⁵⁵ Опубликовано в журнале: Успехи математических наук. — Т. 40. — Вып. 3 (243). — С. 7—8.

¹⁵⁶ Статья перепечатана из газеты Кемеровского университета «Путь в науку». — № 29 (796). — 7 сентября 1983 года. — *Прим. редакции журнала УМН.*

Что же касается лекций по ТФКП, то они предназначались для второго курса.

— *Когда и каким образом состоялось Ваше личное знакомство с Н. Н. Лузиным?*

— Знакомство состоялось, когда я был студентом второго курса. На этом курсе я начал заниматься в семинаре В. В. Степанова. Работая в этом семинаре, я решил задачу, которой интересовался Н. Н. Лузин. Возможно, что и сама эта задача была им поставлена. Во всяком случае, именно со ссылкой на Н. Н. Лузина формулировка задачи обсуждалась на семинаре В. В. Степанова. Речь шла о построении ряда Фурье со сколь угодно медленно стремящимися к нулю коэффициентами. Мне удалось решить эту задачу (эта была моя первая самостоятельная работа). Когда об этом рассказали Н. Н. Лузину, он обратился ко мне (помню, это было на университетской лестнице) и предложил регулярно приходить к нему на занятия.

— *В чём состояли эти занятия с Н. Н. Лузиным?*

— Каждый ученик приходил к Николаю Николаевичу Лузину в его арбатскую квартиру раз в неделю вечером — в постоянно выделенный для него день недели. Мой день был общий с Петром Сергеевичем Новиковым, Людмилой Всеволодовной Келдыш, Игорем Николаевичем Хлодовским.

Занятие состояло в беседе Н. Н. Лузина с нами четырьмя на научные темы¹⁵⁷. Интенсивная работа с учениками была одним из тех новшеств, которые культивировал Николай Николаевич.

— *Какое влияние оказали на Вас эти занятия?*

— Все мои первые работы были посвящены темам, развивавшимся Николаем Николаевичем: тригонометрическим рядам, теории интегрирования, дескриптивной теории множеств и функций. Возможность общаться с Н. Н. Лузиным, рассказывать ему ещё не полностью завершённые результаты была очень важна. Надо, правда, признаться, что дескриптивной теорией множеств и функций я занимался вопреки желанию Николая Николаевича. Николай Николаевич всех своих учеников делил на тех, кто должен заниматься метри-

¹⁵⁷ ► Как видим, ученики — за двумя исключениями, о котором ниже, — приходили к Н. Н. Лузину не по одному, а заранее сформированными группами. Но в двух случаях, которые по просьбе А. Н. Колмогорова не включены в интервью, в назначенный день и час, приходило всего лишь одно лицо. А именно, каждую из двух своих учениц, Нину Карловну Бари и Юлию Антоновну Рожанскую, Николай Николаевич принимал индивидуально. — В. У. ◀

кой (т. е. тригонометрическими рядами, теорией интегрирования) и дескрипцией. Мне была назначена метрика¹⁵⁸.

— Каково было влияние Н. Н. Лузина на Ваши последующие работы?

— В 1925 году я окончил Московский университет как студент и поступил в университетскую аспирантуру. Моим руководителем в аспирантуре по-прежнему был Н. Н. Лузин. (Напомню, что пребывание в аспирантуре не завершалось тогда диссертацией, как сейчас: ведь учёные степени были введены лишь в 1934 году.) Ещё в 1924 году я начал интересоваться теорией вероятностей. Моя первая работа в этой области относится к тому же 1924 году. Она была выполнена совместно с А. Я. Хинчиным (также учеником Н. Н. Лузина). Все мои занятия по теории вероятностей совместно с А. Я. Хинчиным, весь вообще первый период занятий этой теорией отмечен тем, что мы применяли методы, разработанные в метрической теории функций. Такие темы, как условия для применимости закона больших чисел, условие сходимости ряда независимых случайных величин, велись по существу методами, выкованными в общей теории тригонометрических рядов, т. е. методами, разрабатываемыми Н. Н. Лузиным и его учениками.

— Как Вы оцениваете роль Н. Н. Лузина в развитии математических знаний?

— Н. Н. Лузин вошёл в математику как автор первоклассных работ в метрической и дескриптивной теории функций, дескриптивной теории множеств. Для Москвы, для Московской математической школы важное значение имел новый подход к работе с молодёжью. Существенным в этом подходе было вполне индивидуальное личное руководство, а также умение придавать избранной тематике особенную значимость. Н. Н. Лузин настойчиво внедрял следующий метод работы (он и сам работал таким образом, и приучал к этому своих учеников): берясь за какую-либо проблему, надлежит смотреть на неё с различных точек зрения. Надо пытаться доказывать гипотезу и одновременно опровергать её. Если доказательство не выходит, надо переходить к опровержению гипотезы, к построению противоречащего примера. Если не получается построение — надо снова вернуться к доказательству. И пока не получится результат, нельзя покидать данную область. В теории функций действительного переменного такая установка двойного видения (поиск доказательства —

¹⁵⁸ Не могу утверждать, что здесь есть причинная связь, но общепринятая аксиоматика теории вероятностей, созданная Колмогоровым на рубеже 1920-х и 1930-х годов, имеет в своей основе метрику. — В. У.

поиск опровержения), такой подход к делу естественно привёл к культивированию чрезвычайно высокой техники построения примеров (или, как теперь принято говорить, контрпримеров). В этом направлении школа Н. Н. Лузина двадцатых годов была им поставлена на уровень, превосходящий все другие научные центры мира. Число тонких примеров, построенных в школе Н. Н. Лузина, очень велико. Из того, что сейчас приходит мне на память, назову нуль-ряд Д. Е. Меньшова и построенное М. А. Лаврентьевым обыкновенное дифференциальное уравнение первого порядка с непрерывной правой частью, для которого единственность нарушается в каждой точке.

Интервью взял В. А. Успенский.

Приложение 8 (к сноске 46 на с. 113—114) Наш больной факультет

«Наш больной факультет», — сказал мне Колмогоров в начале восьмидесятых годов.

«...Который был одним из лучших математических вузов мира в 1955 году, когда я пришёл на 1-й курс» — написал об этом факультете один из крупнейших российских математиков XX века С. П. Новиков (Экзамен для академиков // Московские новости. — 18 февраля 1990 года. — № 7 (501). — С. 15).

Когда я поступил на мехмат в 1947 году, он вполне соответствовал оценке Новикова. Перерождение факультета началось, когда 1 декабря 1969 года его деканом сделался Пётр Матвеевич Огибалов. До войны он возглавлял Первый отдел Университета¹⁵⁹. В качестве декана Огибалов сменил либерального Николая Владимировича Ефимова, бывшего деканом с 1962 года. Смена деканов была знаковой и была следствием инициированной с самого верха травли мехмата. Причиной травли была характерная для естественных и точных наук тенденция к свободомыслию, которая порой вырывалась за пределы профессиональных границ¹⁶⁰. Поводом — знаменитое «Письмо девятости девяти» с протестом против принудительной госпитализации

¹⁵⁹ Во всяком достаточно большом учреждении был Первый отдел, через который осуществлялась связь с ГБ.

¹⁶⁰ Толчок к всплеску вольной мысли в МГУ дал XX съезд КПСС с разоблачением «живого бога» — Сталина. Съезд проходил в феврале 1956 года. На физическом факультете вывесили стенгазету «Колоколь» с твёрдым знаком в конце названия. На мехмате вывесили «Литературный бюллетень», где не было ничего, чего было бы нельзя извлечь из разрешённых источников (например, два сведения о книге Джона Рида «Десять дней,

в психиатрическую больницу Александра Сергеевича Есенина-Вольпина; он был насильственно, с участием милиции, госпитализирован 14 февраля 1968 года «по распоряжению главного психиатра города Москвы». Госпитализация была произведена с грубым нарушением действующего законодательства. Не помню, кому принадлежит подходящая к этому случаю фраза, высказанная, кажется, ещё в 1920-х годах: «Большевики не удосуживаются соблюдать законы, произвольно ими же установленные».

О «Письме девяноста девяти» см. Википедию: http://ru.wikipedia.org/wiki/Письмо_девяноста_девяти.

По воспоминаниям Юлия Ильяшенко¹⁶¹ среди организаторов письма были Александр Кронрод и Евгений Ландис¹⁶², а первыми его подписали Израиль Гельфанд и Игорь Шафаревич. (Колмогоров и Александров коллективного письма не подписали, но направили аналогичные письма от собственного имени.)

Уже после сбора подписей, до отправки адресатам: министру здравоохранения и генеральному прокурору СССР (а в копии — главному психиатру Москвы) — в письме была сделана приписка: «Ответ просим присылать по адресу: Москва-234, Ленинские Горы, Московский государственный университет имени Ломоносова, механико-математический факультет, на имя любого из числа подписавших это письмо». С подписавшими письмо приписка не согласовывалась. Ясно, что приписка подставляла мехмат под сильнейший удар. (Говорят, кстати, что большинство подписавших на мехмате не работало.) Письмо было также опубликовано на Западе (в частности, газетой «Нью-Йорк Таймс») и транслировалось радиостанцией «Голос Америки».

которые потрясли мир», переиздание которой только что вышло: что в своё время книга была высоко оценена Лениным и что имя Сталина там не упоминается ни разу, а имя Троцкого — много раз). На собрании так называемого «комсомольского актива» мехмата, созданного для осуждения «Литературного бюллетеня», произошло немыслимое: во-первых, решением собрания был сменён председатель (за то, что не в очередь дал слово представительнице райкома партии); во-вторых, другим решением собрания подлежащий осуждению бюллетень был — при увёртках и сопротивлении властей — найден, принесён в зал и полностью зачитан. Особую остроту происходящему придавали венгерские события, происходящие в то же время и смертельно напугавшие советское руководство.

¹⁶¹ *Ильяшенко Ю. С.* «Чёрное 20-летие» мехмата МГУ // Полит.ру. — 28 июля 2009 года. — [<http://polit.ru/article/2009/07/28/ilyashenko2/>].

¹⁶² На мой взгляд, Кронрод и Ландис были скорее инициаторами, а не организаторами. Одним из основных организаторов была ближайшая подруга Есенина-Вольпина Ирина Кристи; в 1950-х годах, третьекурсницей, она писала у меня курсовую работу по топологии.

Реакция властей последовала незамедлительно. На подписантов было оказано давление, сила которого в значительной степени зависела от места их работы. Скажем, в Институте проблем передачи информации АН СССР последствия ограничились тем, что с каждым из трёх подписантов была проведена индивидуальная беседа так называемой «тройкой», состоящей из директора и руководителей партийной и профсоюзной организации. С другой стороны, Кронрод, который с начала 1950-х годов возглавлял лабораторию в Институте экспериментальной и теоретической физики АН СССР, был уволен из этого института. Некоторые были понижены в должности. Некоторых же, в частности тех, кто работал в МГУ, заставляли не просто отказаться от своей подписи, но и публично или, по крайней мере письменно, покаяться. Кажется, этому давлению уступили почти все. Список подписавших можно найти в СМИ, списка покаявшихся мне найти не удалось. Акт публичного покаяния приводил к тяжёлым психологическим последствиям как для покаявшейся личности, так и для зрителей. Заведующий кафедрой высшей алгебры А. Г. Курош на собрании не то своей кафедры, не то учёного совета, с тем же ораторским искусством, с каким читал свои блестящие лекции по алгебре, произнёс примерно следующее: «Если человек нашёл в себе силу сделать гадость, то он должен найти и силу признать, что сделал гадость». Избави Бог, я его не осуждаю. Заведующий кафедрой математической логики А. А. Марков, который, как член Академии наук, должен был каяться в Математическом институте имени Стеклова, широко расставил ноги, опустил голову и сказал с интонацией ребёнка: «Я больше не буду...».

Письмо оказало значительное отрицательное влияние на последующее развитие математики в СССР, учитывая роль властей тоталитарного государства в таком развитии. Не сразу стало понятно, что письмо это — срежиссированная провокация. Встаёт вопрос, чья провокация. Ответ оказался неожиданным. А именно: это была провокация с двух сторон. Во-первых, со стороны властей, которым нужен был предлог если не для полного разгрома мехмата, то по крайней мере для решительной смены морально-политической обстановки на нём, для полной отмены его «вольностей». Во-вторых, со стороны тех кругов, которые протестовали против действий властей; как мне разъяснил один из видных представителей названных кругов, каждое протестное письмо повышает допустимый уровень протеста в обществе (не уверен, что это справедливо).

В поддержку «во-первых» я ссылаюсь на весьма содержательное интервью С. П. Новикова, которое он 20 марта 2013 года дал пор-

талу Полит.ру: http://polit.ru/article/2013/03/20/novikov_75/. Интервью называлось «Видение математики»; взяла его Н.В.Дёмина. Вот соответствующая цитата:

Сейчас более-менее ясно опытным людям, что письмо в защиту Алика Есенина-Вольпина, которые мы все подписали, было провокацией. Целью ареста Алика и заключения его в психическую больницу было то, чтобы мы подписали это письмо. Леонид Ильич Брежнев был уже деятель полудемократического типа, ему для того, чтобы начать кого-то преследовать, нужно было, чтобы они сами доказали, что они виновны. Кстати, потом про некоторых участников, тех, которые подсовывали нам эти письма, Сахаров тоже писал с большим сомнением, на своём опыте.

В поддержку «во-вторых» я ссылаюсь на то, что при мне было сказано одним из идеологов подписания одному из неподписавших. А именно, с улыбкой, если не со смехом, было сказано следующее: «Что ж, на это раз ты не поддался на нашу провокацию».

На обсуждаемую тему см.: *Юрий Неретин*. Золотому веку не бывать! (Москва, 9 марта 1968). — [<http://www.mat.univie.ac.at/~neretin/misc/1968plus.html>]. Вот цитата оттуда:

Часто произносимые слова «разгром мехмата» — преувеличение или, скорее, неточность, вызывающая неверные ассоциации. За этим, впрочем, стоит суровая реальность: установление власти мехматского парткома и усиление комсомола, частичная смена администрации (она, видимо, прошла с некоторым запаздыванием), известная вступительная политика, право комсомольского «вето» при приёме в аспирантуру, кадровая политика, которая вела к «заболачиванию».

Когда я был студентом, беспартийный декан В. В. Голубев на заседании партбюро факультета ставил задачи перед партийной организацией. Теперь партбюро стало парткомом ввиду роста количества членов партии, и этот партком указывал декану (в частности, Колмогорову) линию поведения. При приёме в аспирантуру необходима была рекомендация парткома, но заседанию парткома предшествовало заседание комитета комсомола факультета. По негласной указке влиятельных членов парткома комитет комсомола вписывал в характеристику нежелательного кандидата в аспирантуру какую-нибудь фразу, достаточную, чтобы воспрепятствовать попаданию в аспирантуру. При обращении в партком там лицемерно разводили руками и говорили: «Ну что мы можем сделать. Комсомольцы отрицательно отозвались о своём товарище. Им виднее». К тому же заседание парткома происходило, как правило, на сле-

дующий же день после заседания комитета комсомола, так что для прогрессивных сил не оставалось времени что-нибудь предпринять. Разумеется, это закручивание гаек происходило не только на мехмате, а во всех вузах страны, но, во-первых, не без влияния мехматских событий, слух о которых достиг высших партийно-государственных сфер, а во-вторых, я стараюсь писать о том, чему был свидетель.

П. М. Огибалов оставался деканом механико-математического факультета вплоть до весны 1977 года. Есть точка зрения, что именно глядя на лица представленных ему участников очередной международной математической олимпиады, каковых участников он не мог не принять на факультет¹⁶³, Огибалов произнёс свою историческую фразу: «Национальный состав студентов должен отражать национальный состав страны».

Помню свой разговор с одним школьником, учащимся в предпоследнем классе. Он хотел поступить на мехмат, но имел препятствие в виде своей еврейской национальности. Он рассказывал мне, что собирается переехать в один из провинциальных областных центров и там заканчивать школу. Чтобы попасть на Международную математическую олимпиаду, нужно получить высокое призовое место на Всесоюзной математической олимпиаде, а для этого надо туда попасть. Чтобы попасть на Всесоюзную олимпиаду, нужно участвовать в региональной олимпиаде и там войти в квоту победителей. Участвуя в московской региональной олимпиаде попасть в квоту почти нереально ввиду невероятно сильного состава конкурентов. А вот выйти во Всесоюзную олимпиаду из региональной Орловской или Тамбовской олимпиады реально. В том, что он окажется одним из победителей Всесоюзной олимпиады, он был уверен.

Технология проваливания на вступительном экзамене по математике сильных в математическом отношении абитуриентов-евреев была блестяще разработана на мехмате. О ней много говорилось и писалось. В частности, очень ясно высказался Юлий Сергеевич Ильяшенко в интервью, данном им portalу Полит.ру и озаглавленном «„Чёрное 20-летие“ мехмата МГУ» [<http://polit.ru/article/2009/07/28/ilyashenko2/>]:

На устных экзаменах люди группировались по аудиториям, и в одной аудитории ставили «пятёрку» за решение пустяшных задач, а в других «двойку» тем, кто не мог решить так называемые «задачегробы». Составление этих «гробов» было очень большим искус-

¹⁶³ Участники международных олимпиад получали право поступать в любой вуз Советского Союза без экзаменов.

ством, потому что эти задачи должны были выдерживать критику. Естественно, возникали голоса, что на вступительных экзаменах на мехмат МГУ даются «гробовые» задачи. Ответ на такие заявления был такой: «Они никакие не гробовые, вот посмотрите, какое у них простое решение». И действительно предьявлялось решение в несколько строк¹⁶⁴. А мастерство состояло в том, чтобы изобрести задачи, очень трудные по существу, но допускающие очень короткое решение. Эти задачи потом публиковались Американским математическим обществом, и эта политика имела широкий резонанс, но, тем не менее, она проводилась. Всем давали один и тот же вариант. Пятёрку было получить почти невозможно. Можно было получить четвёрку. Первые четыре задачи вместе были сравнимы с одной пятой. И четвёрку могли получить десятки людей. Но, тем не менее, всего лишь немногочисленные десятки из многих сотен экзаменовавшихся. А дальше тройку могли получить как те, кто решил почти четыре задачи, так и те, кто решил три или две. Тем самым, одна и та же отметка «тройка» ставилась совершенно не сравнимым по силе абитуриентам. Это называлось «широкая тройка». Против этого очень трудно было спорить. Такие были нормы. И надо сказать — «совершенно справедливые», по отношению ко всем совершенно одинаковые.

Я, молодой преподаватель, был уверен, что на мехмате такая политика невозможна. Потому что совсем недавно мы были студентами и прошли «ежовые рукавицы» преподавателей мехмата. Я думал, что если на мехмат начнут набирать слабых абитуриентов, то эти же самые «ежовые рукавицы» выбросят их с факультета.

Но нет. Администрация факультета начала чрезвычайно сильно давить на преподавателей, и в результате этого давления люди, которые заслуживали двоек, стали получать тройки.

Интервьюер Н. В. Дёмина: Т. е. общий уровень мехмата МГУ снизился?

Да. На мехмате появилась категория круглых троечников, которой ни до, ни после не существовало. Я прекрасно помню, как я беру зачётку типичного студента из этой категории и там страница за страницей покрыты удовлетворительными отметками.

<...>

...Машина, которая сначала браковала евреев, потом начала работать и против способных людей вообще. Сейчас 57-я школа —

¹⁶⁴ Но додуматься до короткого решения было практически невозможно. — В. У.

одна из самых знаменитых и всеми уважаемых. Но тогда выпускники 57-й школы, которые были не слабее, чем сейчас, не могли поступить на мехмат, и когда из выпуска, содержавшего чуть ли не 100 человек, поступали 3—4, это было удачей.

<...>

Школьный учитель Валерий Сендеров совместно со своим коллегой написал книгу (1982), которая называлась «Интеллектуальный геноцид» о дискриминации евреев на приёмных экзаменах, прежде всего, на мехмат. За эту книгу он был отправлен в тюрьму, а книгу конфисковало КГБ.

Следует ещё учесть, что вчерашний школьник, если он был нежелательным, сразу сталкивался на экзамене с нескрываемым недружелюбием, выдержать которое было тяжело. Вот ещё одна цитата, автора которой трудно заподозрить в юдофилии:

Во время экзаменов происходила борьба, война с подростками, почти детьми. Им задавали бессмысленные или двусмысленные вопросы, сбивающие с толку. Это разрушающе действовало на психологию, на психологию их и других подростков, которые видели, что поступающих для экзаменов делят на группы. Когда они видели, например, что из одной аудитории выходят со сплошными двойками, а другая группа с четвёрками и пятёрками.

Создавался класс таких экзаменаторов. Эти люди, конечно, были бы готовы и к другим действиям подобного рода.

*(И. Р. Шафаревич. Мы все оказались на пепелище...
// Полное собрание сочинений: В 6 томах. — Т. 1. —
М.: Ин-т русской цивилизации, 2014. — С. 159—160.)*

Описанная политика приёма на факультет фактически приводила к его разрушению. Можно сделать некоторые выводы и указать по меньшей мере четыре следствия этой политики.

Первое (но, быть может, не главное) — факультет лишился наиболее талантливых студентов.

Второе. Факультет становился серым. Когда я поступал на него в 1947 году, он соответствовал моему представлению о консерватории — горящие глаза и безграничная преданность своему искусству. В начале XXI века я не поверил своим ушам: на Учёном совете мехмата обсуждался вопрос о необходимости начать обучение с пропедевтического курса математики, в каком повторить программу средней школы. Потому что иначе студенты не в состоянии понять содержания читаемых им курсов. А потом наши ракеты падают.

Третье и очень важное. Обстановка на вступительных экзаменах приводила к деморализации коллектива факультета, включая и студентов и преподавателей.

Четвёртое и не менее важное. То, о чём пишет Шафаревич в конце цитаты: воспитание мерзавцев. Тех, которые готовы голосовать за запрет иностранцам усыновлять детей-инвалидов (вспомним, что этот запрет получил наименование «Закона подлецов»). Вот эти мафиози и стали управлять факультетом.

Как факультетская мафия влияла на повседневную деятельность мехмата, рассмотрим на примере защит диссертаций лицами еврейской национальности. Это могли быть собственные аспиранты, а могли быть и соискатели со стороны.

В начале 1977 года на заседании Учёного совета¹⁶⁵ отделения математики была объявлена защита блестящей по отзывам специалистов кандидатской диссертации по топологии Бориса Эмильевича Шапировского (1948—19.08.1991). При тайном голосовании она не набрала необходимых для получения степени двух третей голосов «за». Однако к этому времени был разработан способ борьбы с подобной наглой несправедливостью. Решение счётной комиссии надлежало утвердить открытым голосованием членов совета, только после этого оно считалось принятым. Тут требовалось простое большинство голосов. Как уже происходило в аналогичных ситуациях ранее, решение счётной комиссии по Шапировскому при утверждении не собрало этого большинства¹⁶⁶. По правилам ВАК, в этом случае процедура защиты считалась продолжающейся, и всем задействованным лицам, т. е. диссертанту и оппонентам, снова давалось слово. Фактически происходило повторение защиты. Как правило — и я не помню ни одного исключения — продолжение происходило в другой, специально назначенный день; в этот день приходили отсутствовавшие на первом голосовании математики, считающие себя обязанным противостоять мафии, и две трети голосов набиралось. (Как я понимаю, этим вновь пришедшим позволялось участвовать в новом голосовании.)

¹⁶⁵ Кажется, тогда ещё не было разделения советов на учёные и диссертационные.

¹⁶⁶ Впервые предложение не утверждать протокол счётной комиссии прозвучало на Совете отделения математики мехмата незадолго до того, весной 1976 года. Внёс это предложение я, но я считаю автором идеи не себя, а Н. В. Ефимова, председательствующего на заседании. Когда огласили протокол и стало ясно, что диссертация провалилась, Ефимов сказал, что к утверждению протокола следует отнестись очень внимательно. Я понял намёк, встал и предложил не утверждать протокол.

Для понимания дальнейшего следует иметь в виду, что ВАК разрешал ставить не более двух заседаний совета в день, а на каждом заседании — одну докторскую или не более двух кандидатских диссертаций. Не помню, какой по счёту в этот день была защита Шапировского, но в любом случае продолжению её в тот же день препятствовала нехватка времени. Поэтому продолжение перенесли на две недели, когда уже была назначена защита трёх кандидатских диссертаций. Защиту Шапировского поставили четвёртой. Когда настал этот день, случилось так, что защита первых трёх диссертаций патологически затянулась. Обычно такое происходило, когда диссертантом оказывался иностранец (болгарин, араб и т. п.); по дурацкой традиции научный руководитель не решался объяснить ему, что его вступительное слово не должно продолжаться более десяти минут, и он на невнятном русском языке иногда говорил почти час; представители посольства и диаспоры с почтением слушали. Короче говоря, когда настала очередь Шапировского, был уже вечер, все устали, а председатель совета П. С. Александров прямо объявил, что ввиду позднего времени защита Шапировского (точнее, её продолжение) состояться не может и переносится на специально для этой защиты назначаемый день.

Наступил третий день защиты Шапировского. Тут выяснилось, что нет кворума, необходимого для правомочности заседания. Члены совета разошлись кто куда. Защита в третий раз не завершилась.

Согласно давней традиции после защиты диссертации диссертант устраивал так называемый банкет. Я пишу «так называемый», потому что масштабы этого мероприятия могли быть весьма различными — от настоящего банкета в ресторане с десятками участников до скромных посиделок на кафедре на несколько человек или даже ужина на дому диссертанта. Но независимо от размеров, эти мероприятия было принято называть банкетами. Обычно банкет происходил в день защиты. Диссертант шёл на защиту с презумпцией её успешности, а организацией банкета заранее занималась его семья и подруги жены. Разумеется, банкет требовал затрат. Не знаю, как обстояли дела у Шапировского, но полагаю, что были организованы три банкета, затраты на кои оказались напрасными.

Прошло уже, думается, не меньше месяца. Четвёртая попытка завершения защиты была организована в тот же день, когда происходила защита докторской диссертации Виталия Витальевича Федорчука; последний был сыном от первого брака Виталия Васильевича Федорчука, генерал-лейтенанта КГБ, в том же году ставшего генерал-полковником КГБ и председателем КГБ Украины, а впоследствии

генералом армии и, последовательно, председателем КГБ СССР и министром внутренних дел СССР. Ясно, что на защите диссертации младшего Федорчука кворум должен был быть обеспечен, что и имело место. И защита Шапировского, продолжавшаяся четыре дня, наконец, успешно завершилась.

Попусту затраченное время — диссертантом, болельщиками, оппонентами, терпеливо приходившими четыре раза, — налицо. О материальных затратах семьи Шапировского история умалчивает. О затраченных нервах можно догадываться.

Четыре заседания совета по одной диссертации — это был всё же уникальный случай. Два заседания для нежелательного диссертанта — это было нормально. События разворачивались по одной и той же схеме: на первом заседании мехматской мафии удавалось собрать блокирующую треть и провалить диссертацию при тайном голосовании, но не удавалось собрать большинства голосов при открытом голосовании по утверждению протокола счётной комиссии. Защита объявлялась продолжающейся, а на второе заседание «трубился общий сбор» порядочных людей: мне самому неоднократно доводилось приводить на второе заседание Колмогорова, который, как правило, манкировал рядовыми защитами. Таким образом, всемогущая мафия оказывалась не столь всемогущей, чтобы вовсе провалить защиту, а могла лишь затянуть процесс. Для мафии, естественно, это было невыносимо, и она сделала два сильных ответных хода. Не уверен, что первый ход можно назвать ответным, поскольку я не помню, когда он был сделан. И касался он отнюдь не только мехмата, но всех диссертационных советов страны. Было постановлено, что при формировании совета не менее половины его членов должны состоять в Национал-социалистической рабочей партии, простите, описался, в Коммунистической партии СССР. Второй ход я наблюдал ровно один раз в середине 1980-х годов при попытке видного математика Виктора Матвеевича Бухштабера защитить на мехмате докторскую диссертацию. Этого допустить было никак нельзя. (Сейчас, во втором десятилетии XXI века, его, уже члена-корреспондента РАН, не пускают в академики.) Первый тур состоялся с обычным исходом: блокирующая треть при тайном голосовании и большинство против утверждения протокола при голосовании открытом. На втором туре не было кворума. А перед третьим туром произошло неожиданное: собралась партийная группа членов Учёного совета, состоящая из всех членов КПСС, в этом совете состоящих. Никогда не слышал, чтобы она до того как-то себя проявляла. Эта партийная группа предписала всем своим членам только тогда не голосовать

за утверждение протокола счётной комиссии, когда обнаруживаются явные процедурные нарушения. Провал Бухштабера был гарантирован. Однако на третий тур снова не пришло достаточное для кворума количество членов Совета: не пришедшие то ли прознали про решение партгруппы, то ли просто не пожелали терять время, ожидая, что кворум с большой вероятностью не соберётся. Если бы защита состоялась с отрицательным результатом и утверждением протокола, то её нельзя было защищать повторно, а надо было писать новую. Но диссертант имел право без дурных для себя последствий снять диссертацию с защиты на любой стадии процесса до тайного голосования. Этим правом и воспользовался Бухштабер и вскоре благополучно защитился в другом месте.

И ещё один эпизод на тему диссертаций. 1975 год. Сотрудник кафедры теории функций и функционального анализа мехмата Александр Яковлевич Хелемский защитил докторскую диссертацию о банаховых алгебрах, причём, от греха подальше, сделал это не на мехмате, а где-то на стороне. Но мехмат его всё равно поймал. Дело в том, что ВАК, рассматривая поступившую к нему защищённую докторскую диссертацию, мог послать её на рецензию как человеку (который в быту назывался «чёрным оппонентом»), так и в организацию — на так называемую «коллективную рецензию». Диссертация Хелемского была послана на мехмат. В таких случаях диссертация выносилась на рассмотрение Совета рецензирующего учреждения, и Совет принимал решение тайным голосованием; однако здесь для принятия рецензии было достаточно простого большинства. Но голосующих должно было быть никак не меньше двух третей от числа присутствующих членов Совета. В случае Хелемского ситуация была критической: достаточно было исчезнуть одному из голосующих, так сразу голосующих становилось меньше двух третей. Все эти объяснения были необходимы, чтобы понять суть происшедшего. А произошло вот что: внезапно меня, сидящего на Совете и уже расписавшегося в списке присутствующих, вызвали в учебную часть факультета. В помещении учебной части я обнаружил несколько человек, не последних в руководстве факультета, которые говорили со мной подчёркнуто вежливо и завели разговор о каких-то делах, не требующих срочности. Разговор затягивался, и тут меня осенило: они хотят, чтобы я пропустил момент тайного голосования. Когда я это осознал, я встал на полуслове, извинился, сказал, что вынужден прекратить разговор, чтобы не опоздать на тайное голосование и, не дожидаясь их реакции, вышел. Если бы они догадались запереть дверь на лестницу между 15-м этажом, где находилась учебная часть,

и 14-м, где заседал Совет, я бы опоздал и положительная рецензия по диссертации Хелемского не была бы принята. Не знаю, почему был выбран именно я; впрочем, может быть, кто-нибудь ещё из членов Совета был тоже куда-то вызван.

«Теории, развиваемые Николаем Алексеевичем Слѣзкиным, противоречат основным законам механики. Но поскольку в своих лекциях для студентов Николай Алексеевич не использует свои теории, он может быть профессором механико-математического факультета». Эти слова были произнесены в сентябре 1957 года на заседании Учёного совета мехмата Леонидом Ивановичем Седовым, с 1953 года заведующим кафедрой гидромеханики. Поводом для произнесения этих слов было баллотирование Н. А. Слѣзкина на профессорскую должность по названной кафедре. До этого Слѣзкин довольно долго работал на этой кафедре на половинной ставке, имея в качестве основной работы должность начальника кафедры теоретической механики Военно-артиллерийской академии. Сейчас речь шла о полноценном штатном месте профессора мехмата. На это место был объявлен конкурс и было подано два заявления (от кого второе — не помню). Представители партийного руководства (а один из них входил в состав Совета по должности, равно как и представитель профсоюзов), которые лоббировали Слѣзкина, требовали от Колмогорова, который с 1954 по 1958 год был деканом и председателем Совета, чтобы тот устроил для Слѣзкина отдельный баллотировочный бюллетень; Колмогоров отвечал, что это никак невозможно; по инструкции, бюллетень должен быть один, и туда вписывались все конкуренты. Слѣзкин прошёл, но со скандалом, довольно безобразным. «Распустили Вы их, Андрей Николаевич», — в сердцах сказал Седов, когда голосование завершилось. В гневе подскочил к нему влиятельнейший партиец А. Я. Сагомоян и истерически закричал, почти завизжал: «Андрей Николаевич не может распустить партийную организацию».

Колмогоров, действительно, не мог распустить партийную организацию, но ему приходилось тратить непомерно много времени на преодоление её сопротивления в кадровых вопросах. В 1958 году Слѣзкин сменил Колмогорова на посту декана.

Осенью 1998 года мне довелось быть гостем Чилийского Университета в Сантьяго. Я не ожидал, что университет этой латиноамериканской страны хорошо оборудован в компьютерном отношении. Профессора физико-математического факультета мне объяснили, что в этом заслуга Пиночета: когда он пришёл к власти, то сразу выделил деньги на образование и, в частности, на закупку компьютеров.

Тем не менее, все эти профессора были очень левые и Пиночета не любили. Меня просили выступить с лекцией о Колмогорове. Когда я стал говорить о если не постоянном, то будничном противостоянии Колмогорова и парткома, эти слова вызвали крайнее неудовольствие аудитории. Меня как бы заподозрили в сочувствии к Пиночету. Вспоминается разговор с простым чилийцем. Он рассказал мне, что как только пришёл Пиночет, так в ту же ночь стало возможным вывесить постиранные простыни для сушки во дворе; а раньше бы их немедленно украли. «А при Пиночете, — с восторженным удивлением говорил мне чилиец, — одинокая дама в дорогом колье могла свободно идти по тёмным улочкам, не боясь ограбления». Короче, наступил порядок. Казалось бы, левые должны выражать мнение простого народа — но нет, они выражают собственное представление о социальной справедливости.

В заключение скажу, что я сам едва отбил от вступления в партию. Ко мне подошёл член парткома Михаил Константинович Потапов. Он был одним из умнейших людей из тех, кого я знал, и пользовался на факультете большим влиянием. Именно он осуществлял общее руководство приёмом на факультет. Он сказал, что мне пора вступить в партию. Я был взят врасплох и стал лепетать что-то жалкое, что вот, я недостойн. «А вот мы на парткоме обсуждали и решили, что вы достойны». Но этих минут хватило мне, чтобы собраться и выдвинуть неопровержимый аргумент. Я сказал чистую правду, хотя и не без некоторого лукавства. «У меня есть недостаток, — сказал я, — с которым я ничего не могу поделать, но который не позволяет мне быть в партии». (Вот здесь лукавство: я вовсе не считаю это своё качество недостатком.) «Дело в том, что я ставлю личные обязательства выше общественных».

Мой кумир Натали (с включением «Оды»)

Ода. — Комментарии. — Приложение. Р. А. Минлос. «Ягломы всей Москвы».

Наталью Леонидовну Трауберг многие — в том числе и я, да и она сама — называли Натали. «Божественная Натали» — так, в глаза и за глаза, называл Наталью Леонидовну Томас Венцлова. Божественной Натали целиком посвящено приложение 2 к книге 2 Философия настоящего издания (с. 533—550); там же — её портрет. Соглашаясь с эпитетом «божественная», я всё же почти никогда с этим эпитетом её не называл, а довольно быстро стал называть детским именем *Татя*. В устном и письменном общении со мною она тоже называла себя Татей. (Здесь и в дальнейшем курсивом выделяются те слова, встречающиеся в «Оде», а также в примечаниях к ней и в преамбуле к сделанной в 1985 году её перепечатке, которые прямо или косвенно комментируются в «Комментариях к „Оде“».)

Познакомился же я с божественной Натали на знаменитой защите Вячеславом Всеволодовичем (Комой) Ива́новым кандидатской диссертации о хеттской клинописи, состоявшейся не то 24, не то 30 мая 1955 года на секции языкознания Учёного совета филологического факультета Московского университета по адресу Моховая, 11¹.

Опубликовано в книге: Н. Л. Трауберг. Домашние тетради: [В 7 тетрадях] / Сост. М. В. Чепайтите. — Тетрадь 7: Комментарии. — СПб.: Книжные мастерские. Мастерская «Сеанс», 2013. — С. 9—24. Ода сочинена в январе 1962 года.

¹ Защита имела большой резонанс, поскольку диссертация была признана секцией языкознания Учёного совета достойной докторской степени. По процедурным правилам того времени в таких случаях Совет должен был испрашивать у Высшей аттестационной комиссии (ВАК) разрешения представить на защиту на другом заседании ту же диссертацию как докторскую. Разрешение было получено, и в октябре того же 1955 года состоялась повторная, уже докторская защита на заседании уже не секции, а всего Учёного совета. На ней Учёный совет единогласно присудил Иванову учёную степень доктора филологических наук, а более точно — ходатайствовал

Красивая молодая женщина с тонкими манерами робко жалась к стене. Мы обменялись несколькими репликами.

Через какое-то время, длительность коего мне затруднительно сейчас оценить, это мимолётное знакомство было закреплено совместным пребыванием в гостях у общих друзей — Кати Малаховской и Коли Томашевского. Они сравнительно недавно перебрались из Ленинграда в Москву и, не имея постоянного жилья, снимали в то время дачу в Серебряном бору. Когда мы со Светланой² туда приехали, оказалось, что там уже находится ещё одна гостья, а именно — Наташа Трауберг (тогда ещё не Натали и тем более не Татя). Всего за столом сидело пять человек, Наташа была моей соседкой справа.

Тут произошло событие, оставившее след в памяти присутствовавших и значительно продвинувшее моё сближение с Наташей. В ходе застолья Катя вдруг сказала мне: «Да вы посмотрите, какие у неё жёлтые штанишки» — и, перегнувшись через меня, задрала Наташину серую юбку. Штанишки действительно были жёлты и достойны внимания. Ведь советская лёгкая промышленность производила в то время женское бельё настолько уродливое, что, по слухам, какой-то обласканный здесь визитёр вывез к себе во Францию коллекцию такого белья и устроил там выставку. Основным видом нижнего в обоих смыслах женского белья были лиловые или голубые панталоны с резинкой под коленкой. Наташины штанишки отличались а) необычным цветом; б) изяществом вязки трикотажа; в) правильной геометрической формой: плотно и равномерно обтягивая бедро, недлинная штанина, казалось, не сужалась книзу и не расширялась кверху (каковые сужение и расширение были характерны для ана-



Н. Л. Трауберг в 1959 году.

перед ВАК о присуждении таковой. После чего диссертацию мурыжили в ВАК несколько лет, в течение коих не выдавали Иванову ни докторского, ни кандидатского диплома. В конце концов, диссертацию в ВАК благополучно потеряли, а Иванову выдали в утешение диплом кандидата филологических наук (доктором он стал много позже, защитив другую диссертацию).

² Это моя жена (06.10.1930—15.11.1980). Катя (Екатерина Брониславовна, 08.12.1926—04.02.1988) и Коля (Николай Борисович, 01.03.1924—09.08.1992) первоначально были, собственно, её друзьями, а потом уже стали и моими.

логичных советских изделий). Столь подробное описание, делаемое сейчас, через без малого шестьдесят лет, показывает, что Катин расчёт на моё шоковое впечатление оказался верным. Но главное было в другом, в вызвавшей мои уважение и восхищение реакции Наташи. Наташа оставалась невозмутимой. Она не пыталась одёрнуть юбку и, вообще, не изменила позы, а как ни в чём ни бывало продолжила светскую беседу.

С того момента наши отношения стали достаточно близкими и совершенно доверительными. Помню, я повёл её в гости к моему другу Мише Поливанову³. По дороге она сказала, что хочет пи-пи.

Мы зашли в неосвещённый двор, и я отвёл её в укромный уголок. Сам же, удалившись в другой угол двора, где мною были обнаружены сложенные листы железа, стал на них с шумом мочиться — дабы создать максимальный звук и тем самым отвлечь от писающей Натали эвентуальных свидетелей (каковых, впрочем, не оказалось). До самого последнего времени я гордился рыцарственностью своего поведения. С печалью узнал я на днях, что сама Наталья Леонидовна моё шумное мочеиспускание истолковала как желание её испытать, проверить реакцию. Такое мнение она в своё время высказала в своих устных воспоминаниях, надиктованных ею на магнитофон Юрию Михайловичу Табаку⁴. Впрочем, в тех же воспоминаниях она, дав понять, что испытание выдержала (поскольку, как она сообщила собеседнику, не реагировала никак), прибавила: «и мы уже не разлучались»; эта прибавка несколько уменьшила мою печаль.

Мария, старшая из двух младших сестёр Миши, после смерти своих и Мишиных родителей, употребляла выражение «Миша Поливанов раз». На мой вопрос, что это значит, последовало такое разъяснение. «Когда пересчитывают интеллигентных людей Москвы, то начинают так: „Миша Поливанов — раз“».

Автор этих строк очень не любит слово «интеллигентный». Однако избежать его в этой статье совсем было бы затруднительно. Приходится смириться с этим малоприятным словом. Смирившись же,

³ Михаил Константинович Поливанов (19.09.1930—23.01.1992). С ним я был знаком с довоенных ещё времён. За глаза его нередко называли Мишелем, под каковым именем он и упоминается в «Оде» в качестве автора одного из эпиграфов.

⁴ Магнитофонная запись была сделана около 2005 года. Однако при сделанной через пять лет попытке её расшифровать звук оказался весьма невнятным. Так, Андрей Белый превратился при расшифровке в загадочную «Анну Бельмиш», а фраза «Фармацевт седая, в буклях» — в «Фармацевт сидает в будках». Тем не менее, отдельные фрагменты удалось восстановить достаточно удовлетворительно.

скажу, что в конце 1950-х и начале 1960-х годов я взял за обыкновение брать с собою Татю-Натали на различные «интеллигентные» мероприятия. (Это, если сказать грубо. А если сказать куртуазно, Натали оказывала мне честь, соглашаясь сопутствовать мне.) Визит к Поливанову был одним из первых в череде таких мероприятий. В памяти сохранились ещё пять совместных посещений: лекции Тамма о молекулярной генетике, трёх лекций Колмогорова⁵ по теории стиха, лекции Колмогорова в Политехническом музее.

Однако прежде всего надо упомянуть о появлениях Наташи Трауберг на семинаре «Некоторые применения математических методов в языкознании», проводившемся на филологическом факультете Московского университета. Этот семинар учредили Иванов и я⁶.

Его первое занятие состоялось 24 сентября 1956 года. Столь длинное и довольно неуклюжее название семинара, сохранившееся до сих пор, было вынуждено обстоятельствами того времени. Дело в том, что в 1956 году сказать прямо «математическая лингвистика» было ещё нельзя, математическая лингвистика была в статусе «так называемой». В числе посетителей семинара была и Наташа Трауберг. Обычно она появлялась так. Примерно через четверть часа после начала в аудиторию входил какой-нибудь незнакомец, приносивший мне от неё записку с мольбой о помощи. Я выходил на лестницу, спускался с третьего этажа и на лестничной площадке между первым и вторым этажами заставлял рыдающую Натали. Там находился пост вахтёра, и вахтёр её не пускал. Теоретически проход на филологический факультет предполагал предъявление служебного удостоверения, студенческого билета или пропуска, однако в действительности эти документы редко с кого требовали. Натали задерживали едва ли не всегда. При взгляде на неё, в чёрных пер-

⁵ Андрей Николаевич Колмогоров (25.04(12.04).1903 — 20.10.1987) — великий учёный России — наряду с Ломоносовым, Менделеевым и, может быть, Александром Леонидовичем (не путать с Николаем Прокопьевичем, академиком АН СССР) Чижевским. (Больше великих учёных в России не было: скажем, Лобачевский и Павлов были, соответственно, великим геометром и великим физиологом и, конечно, относились к разряду учёных, но великими учёными я бы их не назвал — так же как поэта и великого баснописца Крылова не назвал бы великим поэтом.)

⁶ В Университете в это время мы оба были ассистентами (он — филологического, я — механико-математического факультета) и, тем самым, слишком «маленькими», чтобы самостоятельно открыть новый семинар, да ещё на столь вызывающую (по тем временам!) тему. Поэтому в качестве «прикрытия» мы пригласили профессора филологического факультета Петра Саввича Кузнецова — замечательного лингвиста и замечательного человека, друга детства Колмогорова.

чатках выше локтя, трудно было предположить, что она идёт в МГУ с дурными намерениями, однако остановить такую даму и вызвать у неё истерику — это было удовольствие, которое вахтёр не мог упустить. Первый раз она пришла в длинных перчатках без моего влияния, но в дальнейшем я просил её приходить в них всегда, просил с целью поддержать возвышенно-светский уровень семинара. *Курсистки с видом светских дам*, сказано в «Оде» (сама «Ода» будет приведена ниже). Хотя это сказано не про Натали, а про других слушательниц лекции Колмогорова (и про них же слова самой Натали в затекстовом примечании vii), но всё же, всё же...

О лекции Тамма, упоминаемой в затекстовом примечании хх к «Оде», мало что помню. Она проходила во второй половине 1950-х годов в одной из больших, амфитеатром, аудиторий старого здания Университета на Моховой. Кажется, на ней присутствовал генетик Н. П. Дубинин. Поражала она тем, что «подпольные» слова ген, хромосома, ДНК открыто звучали с трибуны. Из неопубликованных, но записанных на плёнку магнитофона, воспоминаний Натальи Леонидовны: «Очень приятно было, что мы пошли на лекцию Тамма о ДНК и он потом преподнёс мне стихи. Читали стихи». Упоминаемый в цитате «он» — это не Игорь Евгеньевич Тамм, а я. Что до стихов, то имеется в виду написанная мною в 1957 году «Поэма о ДНК», заканчивающаяся так:

Разевай бесстыжий рот!
Получай дезоксирибо-
Нуклеиновых кислот!⁷

И семинар НПММВЯ, и генетическая лекция Тамма, и «политехническая» лекция Колмогорова происходили во время так называемой «хрущёвской оттепели». Атмосфера этого периода была наэлектризована в интеллектуальном и в эмоциональном отношениях. Перечисленные события невозможно правильно оценить без учёта специфики этой атмосферы. Ведь только что ничего было нельзя. Не будем касаться сферы литературы и искусства, в которой запретным было почти всё сколько-нибудь подлинно современное. Ограничимся наукой. Здесь «нельзя» относилось к объявленным идеологически вредными и одновременно лженаучными кибернетике⁸, молекуляр-

⁷ «Фармацевт» из сноски 4 — из этой поэмы. Полностью поэму можно прочесть в кн. 4 «Филология» 2-го издания моих «Трудов по нематематике» на с. 52—53.

⁸ Вот, например, заголовок одной из статей в «Литературной газете» от 5 апреля 1952 года: «Кибернетика — „наука“ мракобесов».

ной генетике, теории резонанса в химии. Была попытка запретить квантовую механику и теорию относительности с их принципами неопределённости и относительности, более чем подозрительными с точки зрения правящего «диалектического материализма», но, к огорчению советских философов, оказалось, что эти буржуйские теории нужны для создания атомной бомбы. Автор этих строк наблюдал начальные попытки запретить некоторые математические теории, но математика оказалась слишком непонятной и потому устояла. И вдруг умирает диктатор, и кое-что становится можно. Это «можно» поначалу было очень дозированным. Я бы сравнил ситуацию с убийственно душной комнатой, где в стенах в нескольких местах внезапно провертели дырочки и через них снаружи с силой дунули струйки свежего воздуха. Те, кто нуждался в таком воздухе⁹, устремились к этим струйкам и прильнули к ним. Быть в числе прильнувших сделалось модным.

Первые струйки появились в кибернетике. «Дырочки» были пробиты военными, от инженер-лейтенанта до полковника-инженера, — теми, кто работал над созданием военной техники, отвечающей вызовам времени. По меньшей мере троих из них следует здесь назвать (кстати, все трое посещали те или иные лекции и семинары Колмогорова). Это Анатолий Иванович Китов, Игорь Андреевич *Полетаев* и Модест Георгиевич *Гаазе-Раннопорт*.

Первый из них разделяет с Алексеем Андреевичем Ляпуновым титул отца советской кибернетики¹⁰. Второй — автор знаменитой научно-популярной книги «Сигнал», первой отечественной книги, посвящённой кибернетике. Полетаев был широко образован, говорил на трёх основных европейских языках, читал на итальянском и польском, имел познания в литературе и искусстве. Помню, что вид упоминаемого в «Оде» *тома Цветаевой* в портфеле человека в погонах произвёл на меня в своё время большое впечатление, так как противоречил моему предвзятому — и уже тем самым несправедливому — мнению о сочетаемости погон и высокой поэзии¹¹. От каких нападков *защищал*, согласно «Оде», Полетаева

⁹ Оказалось, кстати, что нуждались далеко не все. За время существования в духоте большинство к ней привыкло.

¹⁰ Именно Китов был инициатором (и единоличным автором первого, рукописного варианта) знаменитой статьи трёх авторов, опубликованной в «Вопросах философии», после которой запрет на кибернетику был снят: [академик] С. Л. Соболев, А. И. Китов, А. А. Ляпунов. Основные черты кибернетики // Вопросы философии. — 1955. — № 4.

¹¹ Хорошо помню Евгения Борисовича Пастернака в погонах майора танковых войск. Но тогда меня удивили скорее погоны, нежели литературные интересы.

Колмогоров, уже не помню. Третий, Гаазе-Раппопорт, автор книги «Автоматы и живые организмы» (1961 год) был в то время неизменным посетителем и участником всех кибернетических мероприятий.

Надо сказать, что Колмогоров решительно поддержал ростки кибернетики в СССР и лично написал статью «Кибернетика» для дополнительного, 51-го тома третьего издания Большой советской энциклопедии (том подписан к печати 28.04.1958). Кроме того, он сделал несколько резонансных выступлений на эту тему. Так, 6 апреля 1961 года состоялся его доклад «Автоматы и жизнь» на механико-математическом факультете МГУ, ввиду обилия слушателей перенесённый в университетский Дом культуры. А 5 января 1962 года Центральный дом литераторов пожелал обсудить названный доклад; по-видимому, в представлении литераторов автоматы плохо сочетались с жизнью, поэтому в отпечатанных в типографии «Литературной газеты» приглашениях колмогоровский доклад был назван так: «Автоматика и жизнь». Приведу автоцитату:

11 января 1962 года, московский Политехнический музей. Лекция Колмогорова «Жизнь и мышление как особые формы существования материи». У входа — толпа спрашивающих лишний билет. Слушатели не помещаются в зале, и часть из них сидит на сцене. Всё это напоминает известное по описаниям и фотографиям выступление Маяковского в том же зале.

22 апреля 1964 года, актовый зал МГУ на Ленинских горах. Лекция Колмогорова «Кибернетика в изучении жизни и мышления». Полуторатысячный зал переполнен. Огромные двустворчатые двери запираются, и толпа ломится в них снаружи. Для неё устраивается трансляция в фойе. Затаив дыхание, слушатели впитывают слова о возможности инопланетной разумной жизни, реализованной в виде распластавшейся на камнях плесени.

В шестидесятые годы в России кибернетика была существенной частью общекультурного фона. Заметную роль здесь сыграли публичные выступления Колмогорова¹².

Колмогоровские выступления вызывали ажиотаж. Ажиотаж объяснялся тем, что вот было нельзя и вдруг стало можно.

¹² В. А. Успенский. Труды по нематематике. — 2-е изд. — Кн. 4: Филология. — М.: ОГИ; Фонд «Математические этюды», 2012. — С. 128.

Ода

Предуведомление к Оде. Ода была напечатана 22 января 1962 года в Переделкине и перепечатана 3 января 1985 года в Комаровке (на колмогоровской машинке «Олимпия») по настоянию Владимира Михайловича Тихомирова, потребовавшего от автора выполнения обещания. При перепечатке обнаружилось, что большинство ассоциаций и аллюзий, связанных почти с каждой строкой оды и примечаний к ней, безвозвратно утеряны (даже для автора) и только машина времени, которая бы перенесла читателя на без года четверть века назад, могла бы их восстановить. Впрочем, и в те легендарные времена смысл, по-видимому, был полностью внятен только автору и адресату (Н. Л. Трауберг), так что упомянутая машина должна была бы ещё втиснуть читателя ~~в шкуру~~ в душу названных лиц. Помеченные римскими цифрами примечания помещены в конце Оды.

**Ода на совместное с Натальей Леонидовной Трауберг
посещение известной лекцииⁱ в Политехническом музее
11 января 1962 года**

Наша жизнь подобна арфе,
Две струны у арфы тойⁱⁱ:
На одной играет счастье,
Любовь играет на другой.

Из Мишеля Поливанова

Предавшая единый жребий
И стебли лебединых лир.

Из Бенедикта Лившица

Подобная двуструнной арфе, —
Материя! — ты жизнь и мысль!
...Введенская Никита в шарфе,
Надетом вместо коромысл.

Толпа. И — «Лишних нет билетов?»ⁱⁱⁱ,
И много Анн^{iv}, и много морд,
И восседает в эполетах
Полковник Гаазе-Раппопорт;

И Татя Т., и гномы, феи,
И вся Москва, и круг наш весь
(Красножилетые лакеи^{vi},
Вас только не хватает здесь).

Ягломы делятся на сцене;
Курсистки с видом светских дам^{vii}
(Моих татических прозрений
Я вам, о дамы, не отдам).

Но гаснет свет. Кобольд^{viii} колдует
(В нём есть татизм! в нём есть татизм!),
Из мглы космической^{ix} он дует,
Вдувает в нас рационализм.

Уничтожая грани между,
Уничижая род людской,
Отняв надежду у невежды
На обладание душой,

Приводит он к душевным травмам...
Вопрос: а как же быть с душой?
— Вопрос татически оправдан^x;
Но это ведь вопрос большой.

И потому, уйдя от споров,
В ладонях грея тихий культ^{xi},
Мы слушаем, как Колмогоров
Упоминает Инфизкульт^{xii},

Как защищает Полетайва.
Который (не без эполет^{xiii})
В портфеле носит том Цветайвой
— Так тайно носят амулет,

Так тайно носят крест нательный
(Хотя ношение креста,
Есть акт, как учат нас, бесцельный,
Его, зная, носят неспроста),

Так тайно ходят на крестины,
Так тайно курят, бьют детей,
Так тайно хитрые машины
Таят сознание от людей^{xiv};

Так тайны мира скрыты в моли,
Почуявшей другую моль:
Телепатическое поле
Они соткут^{xv} усильем воль;

Так можно говорить быстрее,
 Чем поспевают мысль и смысл...
 — Так становился мир острее^{xvi},
 Разложенный в цепочку числ;

Так логарифмы, алгорифмы
 Слетали в зал с листов таблиц
 И увеличивали рифмы
 Число двоичных единиц^{xvii};

Так в циркулящую информацьи
 Укладывалось бытие —
 И визионера дивинацьи^{xviii},
 И облигации рантье;

Так начинал, как зуб, ломаться
 Наш добрый пикквиковский мир;
 Так совершалась сублимацья
 И, совершившись, шла в эфир.

Я сублимировал, хоть знал я,
 Что бесполезно, что вообще
 Мне тронуть одой Вас, Наталья,
 Пытаться было бы вотще:

Зане мои писанья втуне,
 Они совсем не нужны Вам,
 Сменившей на Марьяну Бруни
 Мой неустанный фимиам.

Хоть жизнь и может быть дискретна,
 Но истина — увы! — конкретна.

(Сочинена 11—15 января 1962 года.)

- ⁱ На тему «Жизнь и мышление как особые формы существования материи».
- ⁱⁱ Как заметил ещё Б. Н. Бугаев, «рвутся струны страстных арф».
- ⁱⁱⁱ Ср. «Бурбон... И — рой матрон „мегёрых“» у Б. Н. Бугаева.
- ^{iv} К составленному Н. Трауберг списку Анн В. Успенским были добавлены Анна Болейн, Анита Экберг и — ошибочно — Жанна д'Арк.
- ^v «Аа» в «Гаазе» — всего лишь транслитерация продолжительного (но односложного) звука «а»; ср. в эстонском: «Сааремаа».
- ^{vi} О них см. у Б. Н. Бугаева («О, эти розовые феи!.. О, эти, голубые!.. Ишь: — красножилетые лакеи играют веером афиш»).

- vii Н. Л. Трауберг по этому поводу записала: «Приятно смотреть на старинные, красивые лица лингвисток. Сидят, важно кивают в такт лекции. В них — густой привкус 60-х (тех) годов. Они — как тогдашние красавицы — лица тёмные, строгие, по канонам тех лет, „но функции курсисток“ (В. Усп-кий)». То, что в оде не используется напрашивающаяся рифма «лингвистики — курсистки», показывает, что автор не гонится за рифмой ради рифмы, но стремится выразить определённое содержание. О количестве информации, заключённом в рифмах, см. ниже, в 55—56-й строках оды.
- viii На самом деле не кобóльд, а кóбольд^{xix}, но это, во-первых, не важно, а, во-вторых, означает, что в Политехническом музее был именно кобóльд, но не кóбольд^{xx}.
- ix О космической мгле см. опять же у Б. Н. Бугаева («Над мглой космической он пел, развив власы и выгнув выю, что парадоксами Максвелл уничтожает энтропию». Упоминание энтропии делается в свете последних изысканий особенно актуальным.)
- x Ср. у Б. Н. Бугаева «Вопрос гностически не труден».
- xi Ср. у Б. Н. Бугаева «Приподымая громкий култ».
- xii В связи с А. Кондратовым.
- xiii Я знал его ещё майором; 6 апреля 1961 года — день, на который делается ссылка — он был уже полковником (хотя и произведённым позже, нежели М. Г. Гаазе-Раппопорт); сейчас он штатский.
- xiv Какая страшная и вместе правдоподобная, мысль! Фраза «Бьют детей» усиливает мрачную напряжённость, впрочем, «тайно... таят» явно неудачно^{xxi}.
- xv Поле, конечно, можно ткать, как паутину, — особенно поле, возникающее при наложении и взаимодействии (переплетении) двух полей (как, возможно, в случае двух молей). Тут нужно различить основу и уток (надо бы тем самым проиерархировать поля, разделив их на доминантные и рецессивные, как гены^{xxii}), и такие сотканые (sic!) поля различаются не только цветом^{xxiii}, но и системой переплетения (взаимодействием между основой и утком^{xxiv}). Так возникает геометрия полей, в отличие от их хроматографии. Сферы с ручками (см. «Жизнеописание Томаса-Тристрамаса») имеет к этому непосредственное отношение.
- xvi Ср. у Б. Н. Бугаева: «Мир — рвался в опытах Кюри».
- xvii Ср. у Н. С. Гумилёва: «И ласкали плечи дамам, улыбаясь и играя».
- xviii См. об этом у Б. Л. Пастернака.
- xix Отсюда «кóбальт».
- xx Цитирую по «Энциклопедическому словарю» издания Брокгауза и Ефрона (отнюдь не по «Новому энциклопедическому словарю» издания Акционерного Общества «Издательское дело бывшее

Брокгауз—Ефрон»): «К. называются собственно лишь духи домашнего очага, пригл. соответствующие русским домовым; иногда это же название применяется к горным духам. К. приписывается подшучивание над людьми, они постоянно возятся и шумят».

^{xxi} Ср. «случился случай раз, случившийся случайно».

^{xxii} А тут уже всплывают хромосомы, и лекция И. Е. Тамма, и ДНК.

^{xxiii} Интересно, кстати, какого цвета поле моли^{xxv}.

^{xxiv} «Ткацкими переплетениями называются различные способы соединения нитей основы с нитями утка...» (*Н. Ф. Бавструк. Курс ткацких переплетений.* — М.: Искусство, 1951. — С. 3).

^{xxv} Не нафталинового ли?

На последней странице машинописной копии, послужившей оригиналом для данной перепечатки, в правом нижнем углу рукописная дата «22/1 1962».

Комментарии

Напомню, что лекция в Политехническом была 11 января 1962 года. Я начал писать «Оду» в тот же день и 15-го её закончил. 18-го закончил составление примечаний, необходимость в которых понял уже тогда. 22-го напечатал на машинке и отправился снежным вечером из дачного посёлка Переделкино, где я тогда жил у друзей, в пристанционный посёлок, чтобы отправить пять страниц машинописного текста заказным письмом Наталье Леонидовне на её московский адрес. Лет этак через двадцать я прочёл оду Владимиру Михайловичу Тихомирову, любимейшему ученику Колмогорова. По его настоянию 3 января 1985 года «Ода» была перепечатана в Комаровке на машинке «Олимпия». Комаровка — маленькая подмосковная деревня на берегу Клязьмы между станциями Болшево и Тарасовка (поезда в каковые станции расходились в Мытищах); в Комаровке находилась дача Колмогорова, бывшая для него основным местом обитания (в Москву он приезжал лишь по необходимости). «Олимпия» была той пишущей машинкой, на которой печатал Колмогоров.

Подобная двуструнной арфе. Для целей настоящего издания текст «Оды» был подвергнут сканированию с распознаванием. При этом случились некоторые искажения. Так, в первой строке первой строфы слово «двуструнной» превратилось в «двустопной». Восстановить истину я попросил Марию Чепайтите. Она выполнила просьбу, но была разочарована. Вот что она написала в ответном письме:

Ого! Потрясающе, а я думала — как красиво и витиевато.
Двуструнная — это как у всех.

Красивость и витиеватость пришлось принести в жертву ради переключки с эпиграфом из Поливанова.

Введенская Никита Дмитриевна — математик, посетительница выставок, кинопросмотров, публичных лекций.

Толпа. И — «*Лишних нет билетов?*». Ощущение было, что билеты спрашивают чуть ли не от метро. «В Политехнический! В Политехнический! <...> Милиционеры свистят панически. Кому там хнычется?! В Политехнический!» (Андрей Вознесенский).

И Татя Т. Следовало бы вставить тире и многоточие: «И — Татя Т...». Потому что очевидно влияние строки из «Первого свидания» (из какового — большинство цитат в примечаниях к «Оде»):

И — Алексей Сергеич П-овский...

Влияние этой гениальной поэмы сказывается не только здесь, а во всём тексте «Оды». Описание посещения автором «Оды» лекции Колмогорова в московском Политехническом музее эмоционально и ритмически отсылает читателя к сделанному в 3-й главе «Первого свидания» описанию посещения автором поэмы симфонического концерта в московском Благородном собрании.

Гномы, феи составляли важную часть того мира, в котором обитала Татя.

Ягломы — гомозиготные (однойцовые) близнецы Акива (Кика) и Исаак (Ися) Моисеевичи, математики, посетители выставок, кинопросмотров, публичных лекций. Роберт Адольфович Минлос посвятил свою замечательную поэму «Ягломы всей Москвы» обобщённым Ягломам¹³. Из неё две цитаты. Первая:

Кто бдительно стоит на страже
Изо-пластических искусств? —
Отчёт о каждом вернисаже
Из их всегда услышишь уст.

И вторая, прямо относящаяся к той колмогоровской лекции, которой посвящена «Ода»:

Когда отечественный гений
С Политехнических высот
Поток высоких озарений
В наш слабый ум бесстрашно льёт,
<...>

¹³ Поэма эта приведена в приложении к данной статье.

— Пред ним, сражённые, как громом,
 В благоговейной тишине
 В каком-то странном полусне
 Сидят Ягломы за Ягломом!

На лекции Колмогорова в Политехническом музее братьям Ягломам не было места в зале, и они сели прямо на сцену (*Ягломы делятся на сцене*).

Колмогоров упоминает Инфизкульт. Институт физкультуры Колмогоров упоминал в связи с тем, что его окончил Александр Михайлович Кондратов, одно время сотрудничавший с Колмогоровым в проводимых последним исследованиях стихотворных ритмов и даже ставший колмогоровским соавтором по статье «Ритмика поэм Маяковского» (Вопросы языкознания, 1962, № 3)¹⁴. Википедия даёт Кондратову такую дефиницию: советский и российский лингвист, биолог, журналист и поэт. Кондратов, которого я немного знал, был ярким и разносторонним человеком. Интернет содержит о нём много заслуживающих внимания сведений. Кондратов вызывал у Колмогорова некоторое раздражение своей излишней расторопностью. На одной из своих публичных лекций в актовом зале Главного здания МГУ Колмогоров неодобрительно промышчал примерно следующее: «Ну, вот Кондратов, он печатается как-то уж сразу во всех журналах», — и полагал, видимо, что этим он Кондратова сразил. Эффект действительно был сильный, но в точности обратный: в перерыве можно было наблюдать выстроившуюся перед Кондратовым очередь из редакторов тех журналов, в которых он ещё не напечатался. И впрямь, более авторитетной рекламы нельзя было и вообразить!¹⁵

¹⁴ Колмогоров прекратил сотрудничество, когда обнаружил у Кондратова недопустимые, с колмогоровской точки зрения, небрежность, неточность и безответственность в статистических подсчётах. Колмогоров всегда (иногда слишком) доверял собеседнику, и ему в голову не приходило, что представленные ему цифры могут быть недостоверными.

¹⁵ Этот эпизод остро напоминает восхождение Игоря Северянина к его всероссийской славе, увенчавшееся избранием его 27 февраля 1918 года «королём поэтов» в том же самом Политехническом музее. Как известно, Северянин за свой счёт издавал свои стихи небольшими брошюрами и рассылал эти брошюры по редакциям. Там их воспринимали как графоманию и бросали в корзину. Так продолжалось до января 1910 года, когда Иван Фёдорович Наживин во время своего визита в Ясную Поляну прочёл Толстому стихи из одной из таких брошюр. Услышав «Хабанеру II» («Вонзите штопор в упругость пробки, / — И взоры женщин не будут робки!..»), Толстой был возмущён: «Чем занимаются!.. Это литература? Вокруг — виселицы, полчища безработных, убийства, невероятное пьянство, а у них — упругость

В портфеле носит том Цветайвой. Полагаю, что имеется в виду сборник Цветаевой «Избранное», выпущенный в 1961 году издательством «Художественная литература». Это было первым изданием Цветаевой в СССР после 1920-х годов, и оно сразу стало редкостью. Вскоре после выхода сборника в свет Полетаев приоткрыл свой портфель и показал мне том в его полутёмных недрах. Полетаевым двигала двойная гордость — счастливого обладателя и человека приобщённого; книга Цветаевой была знаком приобщённости. Как у всех выходящих в СССР книг, в выходных данных этого издания имелась надлежащая пометка о цензурном разрешении. Тем не менее, Цветаева была явно не тем поэтом, которого надлежало читать советскому офицеру. Советскому офицеру полагалось читать стихи в том жанре, в каком писал, до встречи с Мастером, Иван Бездомный. Содержимое портфеля Полетаева не понравилось бы политотделу той воинской части, где он служил, и хозяин портфеля был бы поставлен под негласное наблюдение компетентных органов. Поэтому Полетаев присутствие названного тома в своём портфеле не афишировал (*так тайно носят*). Разумеется, Колмогоров защищал Полетаева не за чтение Цветаевой, а за его высказывания в пользу кибернетики.

Так тайно носят крест нательный. В наши дни, в XXI веке, когда нательный крест многими носится напоказ, а то и вовсе поверх одежды, эта фраза может показаться непонятной. Разъяснение даётся ниже.

...ношение креста, / Есть акт, как учат нас, бесцельный. В 1959 году «Основы научного атеизма» были введены в программы вузов СССР в качестве обязательного курса¹⁶. Разумеется, с точки зрения ортодоксального атеизма ношение креста является бесцельным, в том смысле, что — с указанной точки зрения — оно не может, как и любое религиозное действие, приводить к каким-либо последствиям (разве что, в советское время, к политическим репрессиям в отношении носителя креста)¹⁷.

пробки!». На железнодорожной станции Козлова Засека на всякого, вернувшегося из Ясной Поляны, набрасывались журналисты. Наживин рассказал им о реакции Толстого на стихи некоего Северянина. На следующий день это было опубликовано в газетах. Тексты Северянина тут же были затребованы редакциями и немедленно опубликованы. Так началась слава. Северянину было тогда 22 года.

¹⁶ После падения Советской власти кафедры научного атеизма были переименованы в кафедры религиоведения, и те же их сотрудники, которые учили, что Бога нет, стали преподавать основы религий.

¹⁷ В среде математиков бытует исторический анекдот, что официальное учение об отсутствии связи между религиозными действиями и реальными событиями помогло в трудной ситуации одному из самых выдающихся оте-

Так тайно ходят на крестины. В советское время демонстрировать религиозность было опасно. Не только прямое проявление религиозности (такое, как, скажем, *ношение креста*), но и любая форма солидарности с нею (например, присутствие на крестинах) могло повлечь серьёзные неприятности со стороны властей. Дело в том, что господствующая в СССР идеология, провозглашённая в программе правящей Коммунистической партии, была, по существу, религией и потому с нетерпимостью относилась к существованию другой религии на своей «канонической территории»¹⁸.

Так тайны мира скрыты в моли, / Почувявшей другую моль: / Телепатическое поле / Они соткут усилием воли. Лекция Колмогорова содержала такой пассаж. Моль может чувствовать другую

чественных математиков Александру Яковлевичу Хинчину (1894—1959). В 1930-е годы его пригласили прочесть лекцию по теории вероятностей в одну из военных академий. После лекции ему был задан провокационный вопрос: вот, де, товарищ лектор, вы нам тут толковали о независимых событиях, а марксизм-ленинизм учит, что всё в природе диалектически взаимосвязано. Хинчин нашёлся. Вы же не будете отрицать, сказал он, что есть ещё отсталые крестьяне, которые верят в Бога. Вот такие крестьяне организовали молебен о дожде. И случилось так, что на следующий день пошёл дождь. Могло такое случиться? Могло. Как вы считаете, дождь был связан с молебном или произошёл независимо?

¹⁸ Религиозный характер господствующей идеологии хорошо иллюстрируется рассказом протоиерея Михаила Ардова из его книги «Мелочи архи..., прото... и просто иерейской жизни»:

Много лет тому назад в Ярославле произошла забавная история. Некий чудаковатый батюшка пошёл в день выборов отдать свой голос. Он был в облачении и при нём был прислужник в стихаре. Прежде чем получить бюллетень, батюшка окропил урну и всё вокруг святой водой.

Члены избирательной комиссии буквально зашлись от гнева:

— Вы нам тут всё осквернили!

(Реплика, не оставляющая никаких сомнений в том, что выборы в те времена были отнюдь не формальностью, а носили ритуальный, идолослужебный характер.)

Священника этого немедленно вызвали к уполномоченному, и он навсегда был лишён регистрации. Когда я служил в Ярославской епархии, я его видел — места ему так и не дали, и он кормился тем, что нелегально крестил детей в частных домах.

Тому, что «атеистический марксизм» по существу является некоей «псевдорелигией», можно привести великое множество свидетельств. Ну, например, такое. В Московском университете на механико-математическом факультете преподаватель марксистской философии однажды обратился к своим студентам со следующими словами укоризны:

— Вот вы все тут комсомольцы... А вот была недавно Пасха, так каждый из вас наверняка и крашеные яйца ел, и кулича попробовал...

С точки зрения этого «марксиста», потребляя то, что освящено в Церкви, комсомолец «оскверняется».

моль на большом расстоянии — настолько большим, что объяснить феромонами появление связи между молями делается затруднительным.

Так становился мир острее, / Разложенный в цепочку числ. Кибернетический подход, развиваемый Колмогоровым, предполагал возможность оцифровки если не всего и вся, то многого.

И увеличивали рифмы / Число двоичных единиц. В целях изучения текстов, в том числе поэтических, с точки зрения теории информации, эти тексты кодируются в двоичном коде, т. е. записываются в виде цепочек нулей и единиц. Различные характеристики текстов, в частности рифмовка, отражаются при таком кодировании в виде свойств указанных цепочек, т. е., в конечном счёте, в виде расположения нулей и единиц в цепочках. Утверждение, что наличие рифм приводит к увеличению числа единиц, представляет собой поэтическую вольность, допущенную автором «Оды».

Сменившей на Марьяну Бруни / Мой неустанный фимиам. Я ревновал Натали к её приятельницам¹⁹. В конце 1950-х годов Натали сблизилась с Марьяной Бруни²⁰ и часто о ней говорила.

Хоть жизнь и может быть дискретна. Колмогоров настойчиво отстаивал идею о возможности существования полноценной жизни, с наличием у неё сознания, мышления, эмоций, на дискретной основе.

К п р и м е ч а н и ю х v. «*Жизнеописание Томаса-Тристрамаса*» Имеется в виду: Томас Чепайтис²¹. Жизнь и мнения Тристрама Шейди, джентльмена. — Вильнюс: Домашнее изд-во В. Чепайтиса и Н. Трауберг, 1960. — 130 с. — Тираж 1 экз.

К п р и м е ч а н и ю х v i i i. «Визьонера дивинация», сказано в стихотворении «Кремль в буран конца 1918 года». Помнится, при первом чтении это словосочетание казалось мне привлекательно загадочным и непонятным.

¹⁹ Полагаю, что имел на это некоторые основания. Излагаемая ниже ситуация была довольно типичной. Мы со Светланой приглашаем Натали в гости в согласованный с нею день и в согласованное время. Светлана готовится к приёму, накрывает стол. Через час после того, как назначенное время прихода Натали истекло, а она не пришла, я ей звоню (ей не приходит в голову позвонить нам). «Ах, Успенский, — говорит Татя, — ко мне пришла Ангелиночка (имя условное). Она такая несчастная. Он её бросил. Она рыдает». Во мне всё кипит, хотя, наверное, в том, что Натали нарушает договорённость ради утешения Ангелиночки, она проявляет своё отсутствующее у меня христианство.

²⁰ Внучка Бальмонта Марьяна Бруни родилась 20 марта 1940 года. Она — шестая из семи детей Льва Александровича Бруни и Нины Константиновны Бальмонт. Смотри о ней статью http://amberbridge.org/userfiles/file/amberjournal/issue6/rus/life_without_start_and_finish.pdf.

²¹ Томас Чепайтис — сын Натали, родившийся 5 июня 1959 года. Его отец Виргилиус Чепайтис называл его Тристрамас.

Приложение.

Р. А. Минлос. «Ягломы всей Москвы»²²

К сожалению, посещение публичных лекций Колмогорова отчасти стало модой (а, может быть, как раз не к сожалению, а к счастью: пусть будет такая мода, а не какая-нибудь другая, дурная) — модой, наподобие той, которой стал марксизм на рубеже XIX и XX веков: «Марксизм стал модой», писал товарищ Сталин во 2-м абзаце 2-го раздела 2-й главы своего знаменитого «Краткого курса» («История Всесоюзной коммунистической партии (большевики). Краткий курс», с. 30). Смерть Сталина и последовавшая за ней хрущёвская «оттепель» допустили — хотя и в узких пределах — проникновение в Советский Союз с Запада некоторых научных и эстетических идей и явлений, до того считавшихся едва ли не антисоветскими, в том числе кибернетики²³ и (очень не сразу) генетики²⁴ в науке, импрессионизма и абстракционизма в живописи²⁵ и т. п. А когда в шлюзовых воротах открывается отверстие, вода начинает хлестать оттуда со страшной силой, с пеной, брызгами и водоворотами. С аналогичным эффектом начинает дуть сильный ветер в барокамеру с пониженным давлением, если пробить дыру в её стенах. То же случалось, если хотя бы слегка приоткрывалась форточка в отделявшем от остального мира СССР и так называемые «страны социалистического лагеря»²⁶ железном занавесе (выражение, пущенное в оборот Черчиллем 5 марта 1946 года в его знаменитой Фултоновской речи). Особенно сильно это дутьё ощущалось так называемой «советской интеллигенцией», прежде всего её наиболее активным слоем. Нет сомнения, что всё, что происходило за железным занавесом, при этом сильно идеализировалось. Типичными представителями «московской интеллигенции» были братья Ягломы. Эмоциональную обстановку культурной атмосферы Москвы

²² Ранее не публиковалось. Печатается с разрешения автора Роберта Адольфовича Минлоса.

²³ А ведь при Сталине кибернетика именовалась не иначе, как «буржуазная лженаука, состоящая на службе американской военщины»; казалось бы, радоваться надо, что мощь американской военщины опирается на лженауку, и эту лженауку всячески развивать, но ни того, ни другого почему-то не происходило...

²⁴ Научная генетика именовалась не иначе как *вейсманизм-морганизм*; в укор ей шло и то, что она основана была монахом (а именно, Менделем).

²⁵ Художников новых, ему непонятных направлений глава Советского государства Н. С. Хрущёв величал *абстракцистами и пидорасами*.

²⁶ В СССР было принято лицемерно называть этот лагерь также *лагерем мира и демократии*.

60-х годов XX века блестяще описал Роберт Адольфович Минлос в своём ироническом стихотворении «Ягломы всей Москвы», написанном к 50-летию Ягломов (оба родились 6 марта 1921 года). В стихотворении упоминается и колмогоровская лекция в Политехническом музее. Стихотворение публикуется с любезного разрешения его автора.

I

Когда заезжего маэстро
Дают единственный концерт,
И контрамарочный процент
Переполняет все реестры,
И стайка жалких меломанов
Шныряет бойко меж колонн
И клянчит — с трёшником в карманах
На антресоль входной талон,
Мимо искательных знакомых,
По сторонам даря кивки,
Самоуверенно-легки
Идут шеренгами Ягломы;
И занимают все подряд
В партере чуть не целый ряд.

II

Когда отечественный гений
С Политехнических высот
Поток высоких озарений
В наш слабый ум бесстрашно льёт,
И спектром ямба и хоря,
С поправкой малой на дактиль —
Определяет точно стиль
Баркова, Пушкина и Мея,
И заключительным салютом
Нам предрекает без затей
Саморифмующий компьютер
Саморазвившихся идей,
— Пред ним, сражённые, как громом,
В благоговейной тишине
В каком-то странном полусне
Сидят Ягломы за Ягломом!

III

К нам из Европы — в захолустье —
Через уже давным-давно
Туда пробитое окно,
Глядишь, и что-нибудь пропустят;
И я готов держать пари,
Что в ВеТеО или ЦеДРИ
Уже какой-нибудь арап
Подпольно прокрутил «Блоу ап».
Туда проходит осторожно
Лишь посвящённых строгий ряд —
Они молчание хранят
С достоинством почти вельможным.
Как будто съезд масонской ложи
Иль чёрной мессы торжество...
Опять Ягломы — а то кто же? —
Там составляют большинство.

IV

Пронёсся слух, что вдалеке,
В каком-то Красном Уголке,
Где бацают обычно твист,
Опальный выставлен фовист.
Он повисит денёк-другой,
Покуда лёгкою рукой
Стукач из интеллектуалов
Начальству не подаст сигналов.
(О бедные массовики! —
Как вправят вам тогда мозги...)
Ну, а пока фовист висит,
То весь бомонд туда спешит:
На быстром гребне той молвы
Катят Ягломы всей Москвы.

V

О Господи!
Где взять досуг,
Чтоб перечислить дивный круг
Их похождений и потуг —
И их самих, и их подруг?

Ведь каждый, помнится, сызмала
Слывёт великим театралом,
Служа блистательным примером
Особой ревности к премьерам.
Кто бдительно стоит на страже
Изо-пластических искусств? —
Отчёт о каждом вернисаже
Из их всегда услышишь уст.
И даже в рвении культурном
Они спускаются в подвал,
Где занимают целый зал
Лишь черепки античной урны.
И если уж пошло на то —
Бывают в цирке Шапито!

VI

О нищета!
О наша стадность!
О, странный феномен души,
Взращённой в запертой глуши,
— Неизлечимая всеядность!
А я — отшельник и поэт —
На всё с улыбкою взираю, —
Избави Бог, не презираю, —
Лишь прозреваю свой портрет.
И хоть взыскую жизни строгой
И воздержания души —
Частенько я и сам спешил
К тем соблазнительным порогам.
Необорима эта страсть:
Всегда успеть везде попасть!

1971 год. Б²⁷. Минлос.

Отпечатано в Комаровке
2 января 1986 года.

²⁷ Инициал «Б» объясняется тем, что друзья автора, да и он сам именовали его Бобом. — В. У.

Прогулки с Лотманом и вторичное моделирование

Мне было довольно видеть тебя <...>.
Новелла Матвеева.

I. Тарту. Похороны. — II. Эльва. Прогулки. — III. Няэрику. Школа. — IV. Свободы и запреты. Константин и Конституция. — V. Петербург. Денабристы. — VI. Москва. Утраченный автопортрет. — Примечания. — Литература. — Послесловие от августа 2001 года.

I. Тарту. Похороны

Подвал шестой страницы газеты «Известия» от 2 ноября 1993 года состоит из трёх секций, и в каждой речь идёт о смерти: в первой — о смерти Феллини, во второй — о гибели от пожара лесов близ Ялты, в третьей — о смерти Лотмана. На известинской фотографии Лотман похож на Чаплина, на других фотоснимках — на Эйнштейна. На Эйнштейна он похож и на экране телевизора, в своём знаменитом цикле «Беседы о русской культуре» по четвёртому, учебному каналу. Не все, кому я сообщал о кончине Юрия Михайловича, сразу понимали, кто это. Но все узнавали его, когда я показывал фотокарточку. Спасибо телевидению: через него Лотман вошёл в каждый дом. А с ним вместе и неповторимая (увы) русская культура двух предшествующих веков. Феллини создавал для себя и для нас фантастический, ирреальный мир знаков и образов. Лотман учил нас находить знаки и образы, часто неожиданные, в окружающем нас реальном мире. В сообщении о гибели лесов сказано, что «для полного восстановления природы в этих местах потребуется 500—600 лет». Можно только гадать, через сколько времени появятся — и появятся ли вообще — новый Феллини и новый Лотман.

Похороны Лотмана состоялись 3 ноября 1993 года в эстонском городе Тарту — в том университетском городе, в котором он жил и работал последние десятилетия (с 1950 года) и где он умер в больнице 28 октября. По свидетельству очевидцев (меня не было среди

Опубликовано в сборнике: Лотмановский сборник. — Т. 1 / Ред.-сост. Е. В. Пермяков. — М.: ИЦ-Гарант, 1995. — С. 99—127.

них), похороны были необычайно торжественные, долгие и — если это слово не покоробит в данном контексте — красивые. Они приобрели характер общенационального события. Когда гроб выносили из здания Тартуского университета, площадь была запружена народом — и отнюдь не только студентами. Людьями — и опять же отнюдь не только жильцами прилегающих домов — были усеяны балконы и распахнутые окна. Весь день — сперва рядом с гробом, а затем на поминальном ужине на несколько сот человек — провёл на траурной церемонии Президент Эстонской республики Леннарт Мери. В своём выступлении за поминальным столом (а все выступления имели место только там и тогда) он отметил, что покойный имел заслуги не только на научном, педагогическом, литературном, но и на дипломатическом поприще. «Когда я, — сказал Президент, — приезжаю в какое-либо иностранное государство, то обычно обнаруживаю, что Эстония известна как та страна, в которой живёт профессор Лотман». Когда это рассказали, мне представился Николай I, говорящий: «Собственно, я царствую в эпоху одного своего камер-юнкера». Картина, в случае Николая, немыслимая.

Из России на похороны приехало человек пятьдесят, примерно половина из них — из Москвы. Всем приехавшим были предоставлены стол и кров — об этом позаботилось Министерство культуры Эстонии и Тартуский университет. Распорядок похорон был тщательно продуман и зафиксирован в виде приводимого ниже документа.

ИНФОРМАЦИЯ О ПОХОРОНАХ ЮРИЯ МИХАЙЛОВИЧА ЛОТМАНА

- 10.30. Гроб вносят в Главное здание Университета.
- 11.15. Двери актового зала открыты для прощания. Звучит музыка.
- 12.00. Первый почётный караул.
- 12.02. *Gaudeamus* в исполнении университетского мужского хора.
- 12.03. Ректор университета открывает прощальную церемонию.
- 12.05. Поёт мужской хор. Сменяются почётные караулы. Звучит музыка.
- 12.55. Почётный караул кафедры русской литературы и кафедры семиотики (у изголовья гроба).
- 13.00. Зав. кафедрой семиотики проф. И. А. Чернов объявляет, что с Ю. М. Лотманом прощаются студенты (входят со свечами).
- 13.05. Студенты уходят. Проф. И. А. Чернов просит всех проститься с Ю. М. Лотманом. Все выходят из первой двери актового зала и ожидают выноса гроба перед Главным зданием, расположившись таким образом, чтобы гроб можно было пронести к

- зданию языков. Пришедших с венками просят вынести венки и встать с ними между Главным зданием и зданием языков.
- 13.30. Гроб выносят из Главного здания к воротам здания языков и затем в машину.
- 13.45. Автобусы отъезжают от Главного здания Университета на кладбище.
- 14.00. Почётный караул студентов со свечами выстроен перед входом.
- 14.15. Начинается похоронный церемониал. Играет скрипка. Гроб опускают в землю. Проф. И.А.Чернов просит каждого бросить три горсти земли. Гроб предают земле. На могилу возлагают венки и цветы. Студенты зажигают свечи.
- 15.00. Автобусы отъезжают с кладбища.

По желанию Ю. М. Лотмана ни в актовом зале, ни на кладбище речей не будет.

Прощальное слово можно будет сказать за поминальным столом.

II. Эльва. Прогулки

В шестидесятые годы Эльва близ Тарту воспринималась как дачное место не только тартуанцами¹, но и многими москвичами. Туда на лето 1964 года был отправлен мой пятилетний сын Володя со своей бабушкой, а моей тёщей, Наталией Александровной Брюханенко. Для них была снята комната. Туда же, с целью побыть подле сына, отправились через некоторое время моя жена Светлана и я. Мы рассчитывали пробыть не так много дней, а потому сняли помещение в строящемся доме, привлёкшем нас своей безлюдностью; однако получилось так, что мы задержались и прожили почти всё лето под казавшийся непрерывным стук молотка и топора.

В июле нас посетил мой младший брат Борис Андреевич (оказавшийся по каким-то своим делам в Прибалтике). В Эльве он и свёл меня с Юрием Михайловичем Лотманом, с которым был знаком и ранее.

В то время Юрий Михайлович оправлялся после недавно перенесённой сердечной болезни (как я помню, по этой причине ему нельзя было пить). Лотман снимал в Эльве дачу для своей семьи из пяти человек: он, его жена Зара Григорьевна Минц и три сына — одиннадцатилетний Миша, десятилетний Гриша и четырёхлетний Алёша ■.

¹ Так жителей Тарту называл Лотман.

Старшие мальчики поражали моё воображение тем, что с довольно высокого (на мой взгляд) трамплина прыгали солдатиком в местное озеро; как выяснилось много позже, они это для того и делали, чтобы поражать моё воображение, а ранее никогда не прыгали.

Лотманы жили по другую, чем мы, озёрную сторону от железной дороги. Нередко я заходил к ним — как правило, днём — и погружался в шумный и весёлый быт лотмановского семейства. Нередко Юрий Михайлович заходил к нам — как правило, вечером, — а я едва не засыпал прямо на стуле, так как бывал ранним утром разбужен стуком плотника.

Вокруг озера можно было гулять. Прогулки с Лотманом и увлекательные разговоры с ним составляли часть живой дачной жизни и не рассматривались, в момент их свершения, как материал для последующих мемуаров — а потому, увы, я мало что помню. Скорее помню озёрную гладь сквозь стволы аллеи. По-видимому, всё же мы сошлись на любви к знаковым системам. Тогда я был под впечатлением дуэльного кодекса Дурасова с его классификацией оскорблений; отнесение оскорбления к той или иной из трёх степеней влияло на права дуэлянтов. Оскорбление третьей степени — это оскорбление действием, а также приравненное к нему устное заявление о нанесении оскорбления действием, заменяющее фактическое; эта приравненность демонстрирует роль знака весьма наглядно.

Нечего говорить, что лучшего, чем Юрий Михайлович, собеседника для обсуждения подобных сюжетов мне было не найти. Лотман был не только знатоком и пропагандистом русской дворянской культуры, но, конечно же, и носителем этой культуры — быть может, одним из последних, по духу и поведению, дворян в нашей стране. Думаю, что в этом личном «дворянстве» заключалась немалая часть его обаяния.

Другим семиотическим сюжетом наших прогулок были широко обсуждавшиеся тогда в прессе предложения по реформе русской орфографии. Мы быстро сошлись на том, что проблема замены действующей орфографии, даже если признать, что она дурна, на новую, даже если признать, что эта новая замечательна, есть проблема не столько научная (как пытались убедить общество Академия наук, состоящий при ней Институт русского языка и состоящая при нём Орфографическая комиссия), сколько социальная и политическая. Можно было, однако, рассмотреть вопрос на возвышенно-абстрактном уровне, отвлекаясь от нежелательных потрясений, неизбежных при смене одного орфографического строя другим. И тут суждение Лотмана меня поразило. Дело в том, что предложенная новая орфо-

графия, за исключением некоторых перехлестов (вроде пресловутых «огурцей»), представлялась мне в целом более логичной, более простой и уже потому предпочтительной. Лотман готов был согласиться с логичностью и простотой, но отказывался выводить из этих качеств предпочтительность. Он заявил, что простота орфографии не является сама по себе положительным качеством, что реформа правописания 1917—1918 годов, приведшая к его упрощению, сыграла скорее отрицательную роль. По его мнению, известные затруднения в овладении грамотностью скорее полезны. Если до революции слова «грамотный» и «образованный» были до известной степени синонимичны, то теперь их значения сильно разошлись, и это плохо. Возможно, что он критически отозвался даже и об идее поголовной грамотности, но не берусь сейчас на этом настаивать. Мне, воспитанному в стандартных ценностях разночинной интеллигенции («Ученье — свет, неученье — тьма» и пр.), подобные суждения казались неожиданными, смелыми и опасно-привлекательными.

Во время этого обсуждения проблем орфографии я впервые столкнулся с парадоксальным стилем мышления и речи Лотмана — столкнулся и восхитился. Именно этот аспект моего многостороннего восхищения Лотманом впоследствии побудил меня откликнуться на приглашение участвовать в сборнике статей к его шестидесятилетию [FDL] четырёхстраничной заметкой «Что такое парадокс?» [Успенский 1982]. Там я назвал «парадоксом Лотмана» следующее утверждение: «иногда жизнь следует за литературой, подражая последней». Действительно, этот тезис Лотман аргументировано развивал со всей доступной ему страстностью — как в частных беседах, так и в публичных выступлениях. Возможно, было бы правильнее назвать этот парадокс парадоксом Уайльда—Лотмана, имея в виду следующее высказывание Вивиана из диалога «The Decay of Lying» (= «Упадок лжи»): «Life imitates art far more than Art imitates life» (= «Жизнь копирует искусство в гораздо большей степени, чем Искусство копирует жизнь») [Wilde 1923: 38].

Как и Уайльд, Лотман постоянно излучал ту мысль, что парадоксальна сама действительность. Вот ещё два примера. Первый — из военной биографии Лотмана, прошедшего войну в сержантском составе. Он говорил: «Есть два основных способа, каким люди на войне реагируют на смертельную опасность в виде бомбёжки или артиллерийского обстрела. Одни начинают неумеренно есть, другие — неумеренно спать. Я принадлежал ко вторым, и как только начинался обстрел, тут же засыпал». Второй пример — из его лекции для студентов в Тартуском университете, которую мне довелось

слушать: «Когда Наполеон ступил на российскую землю, он отчасти рассчитывал на поддержку русского крестьянства, которому он, по его мнению, нёс освобождение от помещичьего гнёта и крепостного права. Однако русское крестьянство его не только не поддержало, но, как мы знаем, приняло активное участие в партизанской войне. Потому что для русского крестьянина было невозможно, чтобы русским царём был француз. В сознании русского крестьянина законным, природным русским царём мог быть только немец».

Но взгляды Наполеона и русского крестьянства друг на друга — это уже было потом, в феврале 1965 года, когда я приехал в Тарту по приглашению Лотмана, чтобы в самом начале весеннего семестра прочесть в Тартуском университете двухнедельный курс «Математика для гуманитариев»² (Юрий Михайлович почтил лекции своим присутствием³). А тогда, летом 1964 года, всё более значительное место в наших разговорах стали занимать вопросы более приземлённые, а именно — организационные. Лотман задумал проводить под эгидой Тартуского университета летние школы по семиотике, и первая такая школа была намечена на август 1964 года. Лично Лотмана и его структуралистские начинания решительно поддерживал ректор Тартуского университета Ф. Д. Клемент, специалист по люминесценции кристаллов, обладавший столь же редким, сколь необходимым для университетского администратора чутьём на подлинных учёных и подлинную науку. Московско-тартуская семиотическая школа должна хранить о нём благодарную память. Было что-то общее между ним и Р. В. Хохловым, выдающимся ректором Московского университета в более поздние годы: оба были физики; оба занимали видное поло-

² Содержание курса, полностью забытое мною, сохранилось в начальных страницах очерка Томаса Венцлова «Мои встречи с Ю. М. Лотманом» // [Венцлова 2015].

³ Из других слушателей помню Томаса Венцлова (р. 11.09.1937), Пауля Эрика Руммо (р. 29.01.1942), которому тогда сулили будущее большого поэта, что оправдалось (теперь Руммо — один из крупнейших поэтов Эстонии), и Арсения Рогинского (р. 30.03.1946), ставшего в 1988—1989 годах одним из основателей, а с 1998 года Председателем правления Общества «Мемориал». Венцлова в своём очерке (см. предыдущую сноску) на с. 505 вспоминает, как «в тёмные февральские вечера мы с ним изучали тартускую улицу Тяхе». Совместное изучение этой улицы я тоже помню, но помню тоже и то, как Томаса собрались выселить из гостиницы, где он остановился, и как я пошёл к директору спасать его от выселения. Этот эпизод я запомнил, как проявление следующего психологического закона, который мне стал сразу ясен уже тогда: если бы выселяли меня и я пошёл бы к директору гостиницы и произнёс те же самые аргументы, они не подействовали бы. Как правило, просительные речи достигают успеха, только когда речь в них идёт о другом человеке.

жение в партии, но использовали это положение во благо. Лотман, однако, опасался идеологического и административного противодействия и менее всего хотел подвести Клементя. Для опасений были основания: ведь то было противоречивое хрущёвское время.

С одной стороны, как известно, оттепель. Разрешены кибернетика, ещё недавно ходившая в буржуазных лженауках, и, под её прикрытием, структурная лингвистика и семиотика; 4 февраля 1960 года Президент Академии наук СССР А. Н. Несмеянов подписывает распоряжение о создании Комиссии из 14 лиц под председательством академика В. В. Виноградова для рассмотрения на Президиуме Академии вопроса о «применении метода структурного анализа в лингвистических исследованиях»; 6 мая 1960 года Президиум принимает постановление «О развитии структурных и математических методов исследования языка». Исполненный первый пункт этого постановления предписывал создание структуралистических секторов в Институте языкознания, Институте русского языка и Институте славяноведения и структуралистической группы в Ленинградском отделении Института языкознания. Седьмой пункт постановления гласил: «Считать целесообразным создание в 1961—1962 годах в системе Академии наук СССР Института семиотики, в котором должны вестись исследования по структурной лингвистике и всему комплексу теоретических и прикладных семиотических дисциплин. Поручить Научному совету по кибернетике (акад. А. И. Берг) в двухмесячный срок представить в Президиум АН СССР предложения по организации этого Института». Хотя этот пункт остался лишь на бумаге, он имел немалое морально-психологическое влияние на развитие семиотики в СССР. С 19 по 26 декабря 1962 года в Москве прошёл организованный совместно Институтами славяноведения и Научным советом по кибернетике Симпозиум по структурному изучению знаковых систем — в просторечии «Симпозиум по семиотике».

С другой стороны, генетика по-прежнему в загоне, и Хрущёв грозит разогнать Академию наук за отказ поддержать лысенковские креатуры на академических выборах. Абстракционизм в искусстве фактически объявлен государственным преступлением. Весной 1963 года для ознакомления (и как бы для обсуждения) распространяется, хотя и не слишком широко, текст доклада «Методологические проблемы естественных и общественных наук», с которым секретарь ЦК КПСС Л. Ф. Ильичёв собирается выступить на сессии Академии наук; Симпозиум по семиотике подвергается в этом тексте критике. На критику надо было реагировать, и 26 марта 1963 года новый Президент Академии М. В. Келдыш, сменивший в мае 1961 года

либерального Несмеянова, подписывает распоряжение о создании Комиссии из десяти лиц под председательством академика А. И. Берга «для подготовки предложений по улучшению работы в области семиотики». Эта формулировка целей (а тем самым как бы и названия) Комиссии — результат немалых дипломатических усилий А. И. Берга. Признавая, что с семиотикой не всё в порядке (а иначе зачем же улучшать), Комиссию всё же нацелили не на закрытие, а всего лишь на улучшение. (Подробнее о роли А. И. Берга и о работе этой комиссии я писал в [*Успенский 1992*: гл. 8⁴].) Пятеро входили как в эту, так и в ранее упомянутую комиссию, назначенную Несмеяновым: А. И. Берг, В. В. Виноградов, Н. Д. Андреев, Вяч. Вс. Иванов и я. Мне удалось попасть на приём к другому члену ЦК КПСС, П. Н. Федосееву, бывшему в те годы вице-президентом АН СССР «по гуманитарным наукам», и вручить ему в письменном виде свои несогласия с содержащейся в докладе Ильичёва критикой. (Возможно, что это было простое совпадение, но в окончательном тексте критика была значительно смягчена. Попасть к Федосееву было непросто, и мне очень помогла своими личными связями в аппарате Президиума Академии Ирина Георгиевна Макашева, в то время референт директора ВИНТИ; пользуюсь случаем выразить ей признательность.)

Я был не совсем прав, назвав выше чутьё ректора Клемента на науку и её носителей редким: редким было то, что это чутьё было у него со знаком плюс. Надо признать, что острое чутьё было у многих администраторов — но только чутьё со знаком минус. Власти чутко реагировали на научную истину и старались её уничтожить (поскольку, как учит Солженицын, ложь есть неизбежный спутник и помощник насилия). Отсюда — подозрительное отношение к математической логике и теории относительности, борьба с генетикой, кибернетикой, психоанализом, структурализмом, формализмом, резонансной теорией в химии, принципом неопределённости в физике и пр. То обстоятельство, что гораздо умнее, а в конечном счёте даже приятнее и безопаснее не бороться с прогрессом, а, как Тарелкин, идти впереди прогресса (и даже его возглавить) — это поняли лишь много спустя.

Политическая ситуация в науке в начале 60-х годов была довольно неустойчива и легко могла качнуться в любую из двух сторон. Не пережившим те годы трудно представить, какую роль играли слова. Идеология сталинского общества, из которого тогда мы ещё только-только выбирались, имела мистический характер, и сознание повсе-

⁴ См. с. 325—326 кн. 3 «Языкознание» настоящего издания. — *Прим. ред.*

дневно определяло бытиё ². Назвать по имени понятие или область знания означало дать им жизнь, материализовать. К именам абстракций относились поэтому с осторожностью. Скажем, не полагалось говорить «теория информации», а надо было говорить «теория передачи электрических сигналов при наличии помех». Лишь в 1958 году, в дополнительном 51-м томе, подписанном к печати 28 апреля, второе издание Большой Советской Энциклопедии решилось дать статьи «Информация», «Информации теория» (эти две статьи послужили причиной задержки выхода тома в свет, поскольку вызвали интерес авторитетного ведомства, занимавшегося изучением информации), «Кибернетика», «Семантика в логике». В подписанном к печати 15 декабря 1955 года 38-м томе была лишь статья «Семантика в языкознании». В том же 38-м томе была статья «Семиотика» со следующей дефиницией: «изучение и оценка проявлений, признаков, симптомов болезней». Статью о семиотике как о науке о знаковых системах оказалось преждевременным дать даже в 51-м томе. Мне (с моими соавторами Д. Г. Лахути и В. К. Финном) удалось, однако, обнародовать это значение слова «семиотика» в рамках упомянутой статьи «Семантика в логике», поместив в неё следующую фразу: «Здесь С. тесно соприкасается с семиотикой — общей теорией знаковых систем (не смешивать с семиотикой в медицине)». Упоминание какой-либо науки в энциклопедии как бы давало ей не могущее быть оспоренным право на существование. Решение о создании Института семиотики закрепляло это право. Однако на лето 1964 года Институт семиотики не только не был создан, но даже те предложения по его организации, которые было предписано представить, не были представлены (почему так получилось, рассказано в [*Успенский 1992*: гл. 9⁵]). На заседании комиссии Берга «по улучшению» её члены Н. Д. Андреев и В. З. Панфилов настаивали, чтобы Комиссия фиксировала «преувеличение роли семиотики».

В свете сказанного, во время наших прогулок для Юрия Михайловича было естественно поделиться со мной своею тревогою за судьбу задуманной им серии летних семиотических школ и, в частности, с повышенной серьёзностью обсудить вопрос об их названии. Было ясно, что семиотика «засветилась» и назвать летние школы школами по семиотике нельзя. К этому времени вышла статья А. А. Зализняка, Вяч. Вс. Иванова и В. Н. Топорова «О возможности структурно-типологического исследования некоторых моделирующих семиотических систем» [*Зализняк, Иванов, Топоров 1962*].

⁵ См. с. 326—328 кн. 3 «Языкознание» настоящего издания. — *Прим. ред.*

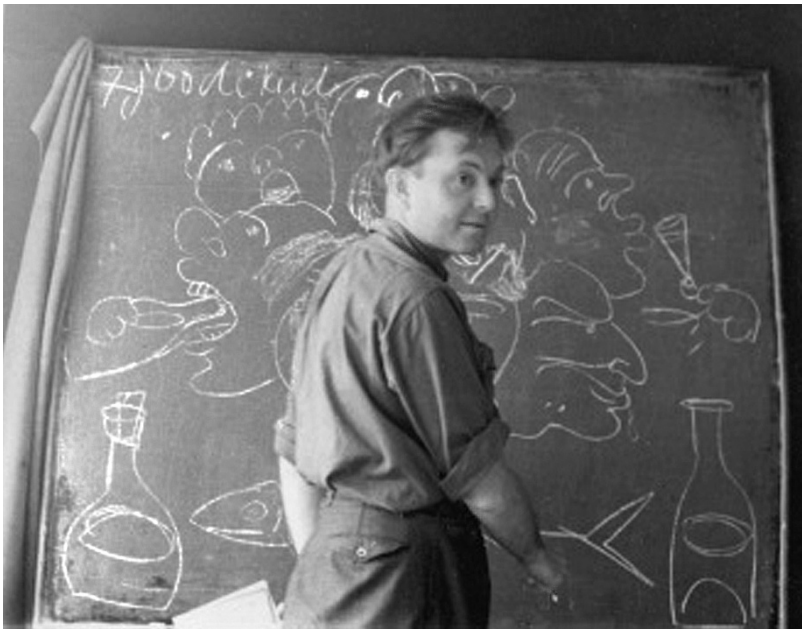
Пятый раздел сборника тезисов докладов, выпущенного к Симпозиуму по семиотике, назывался «Моделирующие семиотические системы» [*Симпозиум 1962*: 92]. Под впечатлением этих заголовков я предложил Лотману назвать его школы «Летними школами по вторичным моделирующим системам». Название, на мой взгляд, обладало следующими ключевыми достоинствами. 1) Звучит очень научно; 2) совершенно непонятно; 3) при большой нужде может быть всё же объяснено: первичные системы, моделирующие действительность — это естественные языки, а все другие, над ними надстроенные — вторичные. К этому названию невозможно было придаться. Борис Михайлович Гаспаров [*Гаспаров 1994*: 283] квалифицирует его как «несколько загадочное (для непосвящённых)» **3**. Борис Фёдорович Егоров [*Егоров 1994*: 307] справедливо указывает, что «сама формула „вторичные моделирующие системы“ вместо простого понятия „семиотика“ была придумана <...> не только для затуманивания смысла конференций и сборников, чтобы бдительное начальство ничего не поняло, но и ради научного развлечения». Я бы усилил здесь слово «развлечение», заменив его на «хулиганство». Я не скрывал от Лотмана развлекательно-хулиганский характер моего предложения; тем не менее, к моему удивлению, он сразу за него ухватился **4**. Он разъяснил мне, что непонятность не есть черта пародии, как я ошибочно думаю, а есть черта высокой науки. Точных слов Лотмана я не помню и процитирую поэтому его последнее интервью [*Лотман 1993*]: «Один крупный учёный (полагаю, что это сам Ю. М. Лотман. — В. У.) сказал в своё время, что наука идёт не от непонятного к понятному, а от понятного к непонятному. Пока мы находимся в донаучном состоянии, нам всё понятно, а первый признак науки — непонимание. Чем больше я знаю, тем больше я не знаю».

III. Кяэрику. Школа

Первая Летняя школа по вторичным моделирующим системам происходила с 19 по 29 августа 1964 года на учебной спортивной базе Тартуского университета в Кяэрику (Käätiku) **5**. Лотман пригласил Светлану и меня участвовать в работе школы **6**. Мы с тем большим удовольствием приняли приглашение, что Кяэрику находится сравнительно близко (полагаю, что километрах в сорока) от Эльвы. Автобус, арендованный Тартуским университетом и вёзший из Тарту основной состав участников школы, сделал короткую

остановку в Эльве и подобрал нас — об этом вспоминает Г. А. Лесский (см. [Лесский 1994: 313]). Считаю, что мне повезло, что в тот год я оказался в нужное время в нужном месте: на последующие кяэрикские Летние школы мне уже выбраться не удалось.

Занятия школы Лотман поручил открыть мне. Если перевести на эстонский выражение «7 пьяниц», получится «7 joodikut». Если теперь полученное выражение произнести вслух, читая «7» по-русски, а «joodikut» по-эстонски, то (учитывая, что звонкие буквы произносятся на эстонском глухо) произнесение окажется очень близким к произнесению слова «semiootikud». А это слово означает «семиотики» — множественное число от слова «семиотик». Поэтому я кого-то попросил нарисовать мелом на доске семь пьяных рож. Из них кто-то пил из рюмки, кто-то из горла, кто-то с вождением смотрел на бутылку. Ровно тридцать лет назад (а я пишу эти строки 19 августа 1994 года), стоя у этой доски и используя нарисованных на ней семь семиотиков в качестве иллюстративного материала, я произносил какие-то слова о соотношении различных сторон знака, включённого в различные знаковые системы. Каково же было моё изумление, когда 13 апреля 1994 года я узнал, что моё собственное фотоизображение на фоне упомянутых пьяных рож



В. А. Успенский открывает Первую Летнюю школу по вторичному моделированию.

сохранилось в коллекции Ю. И. Левина: в тот день газета «Сегодня» опубликовала статью А. С. Немзера о сборнике [ЮМЛ], сопровождающуюся указанным снимком.

В названном сборнике идёт интересный спор между Б. М. Гаспаровым (не участвовавшим в двух первых школах), видящем в Летних школах башню из слоновой кости, подчёркивающим их герметизм, эзотеризм и т. д. (см. [Гаспаров 1994]) и возражающими ему Ю. М. Лотманом (см. [Лотман 1994а] и [Лотман 1994б]) и Б. Ф. Егоровым (см. [Егоров 1994]), настаивающими на научном, просветительском характере школ. По моему скромному суждению, правы обе стороны: было и то, и другое. Замечательно, что никто не возражает Б. М. Гаспарову там, где он видит в деятельности школ «явственные черты утопического мышления» [Гаспаров 1994: 292].

Для меня отличительными свойствами школы были следующие четыре: изолированность, демократизм, эмоциональный подъём, одухотворяющее присутствие Ю. М. Лотмана.

Изолированность. Кяэрику расположено в живописнейшем месте что-нибудь в десятке километров от города Отепя, вдали от железных дорог и населённых пунктов. Автобусы ходят редко — во всяком



А. Я. Сыркин, В. Н. Топоров, Т. Я. Елизаренкова, В. А. Успенский. Первая Летняя школа в Кяэрику. Август 1964 года.

случае, редко ходили в 1964 году. Вокруг — холмы, леса и озёра. В самом Кяэрику, кроме весьма немногочисленного обслуживающего персонала учебной базы, — только студенты Тартуского университета, приезжающие на свою базу и работой школы не интересующиеся. Прогулки в лесу, роскошное купание в озере, на берегу которого — финская банька на троих, максимум на четверых, выстроенная специально для останавливавшегося в Кяэрику президента Финляндии Кекконена. Округа полна прелестных анекдотов о его пребывании **7**.

Демократизм. Все живут на казарменном положении, на двухэтажных деревянных нарах, в комнатах, напоминающих четырёхместное купе вагона, при минимуме мебели и свободного пространства. (В одном из таких купе помещались братья Успенские, т. е. я и Борис, со своими ныне покойными жёнами Светланой и Галей **8**.) Кормление в строго обозначенные часы, с одновременным для всех началом и концом, за длинным деревянным столом. Опаздывать не полагалось. После еды надо убрать за собой посуду и вытереть стол. Разумеется, никакого чинопочитания ни в трапезной, ни в аудитории.

Эмоциональный подъём. Все захвачены чувством полной свободы мысли и, главное, полной свободы её выражения, роскошью человеческого общения. Далее — варианты: у одних превалирует ощущение пребывания в храме, у других — ощущение открывающейся в этом храме истины (или видимости её). Но и то, и другое даёт необычайный взлёт.

Юрий Михайлович Лотман — камертон, настройщик, дирижёр и первая скрипка этого оркестра. Он следит за высотой интеллектуальной планки и одновременно блюдет демократический ритуал. Он следит, чтобы после завтрака, обеда и ужина вся посуда была унесена со стола. Когда автобус нас куда-нибудь привозит, он выходит первым, чтобы предложить в качестве опоры свою руку каждой выходящей из автобуса даме. Он называет всех участников, включая студентов, только по имени-отчеству. Г.Г. Суперфин был тогда весьма молод и казался мне совершенно мальчиком. Все его звали «Гарик». Все — но не Лотман. «Как отметил Габриэль Гаврилович» — это была если и не самая частая, то наиболее запомнившаяся фраза Лотмана. Каноническая мифология семиотики гласит, что в какой-то момент во время занятий школы Владимир Николаевич Топорóв не выдержал и, обратившись к Татьяне Яковлевне Елизаренковой, спросил достаточно громким шёпотом: «Тася, а кто это Гаврила Гаврилыч?».

IV. Свободы и запреты. Константин и Конституция

О чём только я ни узнавал от Лотмана из разговоров с ним, из его лекций и докладов! О правилах ношения российских орденов. О том, что Людовик XVIII, давая парадный обед в честь европейских монархов, восстановивших его на троне, первым вбежал в зал и сел за стол, желая тем самым показать, что не считает себя хозяином. Что во время восстания декабристов солдаты считали Конституцию, за которую их призывали выступить, женой Константина — законного, с их точки зрения, императора, томящегося в цепях, если не убитого. Что русский роман отличался от западноевропейского тем, что в одном из них (если я правильно помню, в русском) герой развивается на протяжении повествования, в другом же герой остаётся тождествен сам себе, но пытается изменить окружающий его мир. Что культура состоит в разрешениях и запретах.

Всё это не только сообщало новые сведения, но и учило методу. Не знаю, кого можно и можно ли кого-нибудь назвать прямым учеником Лотмана. (А были ли ученики у Эйнштейна?) Лотман был человек весёлый и азартный; а азартность и стремление делать всё самому не облегчают задачу иметь непосредственных учеников. Но к косвенным его ученикам я отношу себя. Лотман учил своих слушателей, и меня в том числе, смотреть на окружающий культурный фон под особым углом зрения. Роль Лотмана подобна здесь роли Андрея Белого, которого недаром же Мандельштам в своём известном стихотворении, написанном через два дня после смерти Белого, наименовал «учителем» — тот тоже предлагал особый взгляд: «Передо мною мир стоит мифологической проблемой <...>».

После введения в действие 4 марта 1789 года Конституции Соединённых Штатов (кстати, самой старой из ныне действующих конституций) возобладало мнение, что некоторые важнейшие права граждан ею не защищены. Поэтому уже в 1791 году вступили в силу первые десять поправок к Конституции, получившие в своей совокупности название «Билль о правах». Без настойчиво проводимой Лотманом мысли о системах разрешений и запретов я мог бы и не заметить, что гражданские свободы формулируются в Билле о правах не в терминах разрешений, как естественно было бы ожидать. С в о б о д ы ф о р м у л и р у ю т с я в т е р м и н а х з а п р е т о в. (Замечательное обстоятельство, которое своею парадоксальностью наверняка пришлось бы по вкусу Лотману!) В самом деле: «Конгресс не должен» в поправке I, «ни один солдат не должен» в поправке II, «ни один факт <...> не может быть пересмотрен» в поправке VII,

«наказания не должны назначаться» в поправке VIII — и так во всех поправках Билля, кроме шестой и десятой. Разумеется, наибольшей силой обладают запреты неписанные. К таковым относится, например, запрет изменять текст Конституции США. Одна из замечательнейших её особенностей заключается в том, что принимаемые поправки дописываются после исходного текста Конституции, оставляя первоначальный текст в неприкосновенности; то же происходит, когда одна поправка отменяет другую: отменённая поправка продолжает занимать своё место в списке поправок. Мне не известна ни одна конституция, обладающая обсуждаемым качеством, кроме, пожалуй, Конституции Аргентины, — да и та обладает им лишь частично. Не это ли демонстративное уважение к записанной формуле обеспечивает столь удивительную действенность Конституции США? Удивление вызвано тем, что джентльмены в камзолах, чулках, башмаках с пряжками и панталонах до колен, собравшись в Филадельфии 14 мая 1787 году, сумели создать и 17 сентября того же года подписать такой текст, который действует сегодня, в век телевидения и компьютеров.

К подножию нерукотворного памятника моему учителю Юрию Михайловичу Лотману я почтительно кладу ещё два наблюдения в его духе, сообщённых мною ему и получивших его одобрение.

Первое из них филологическое. Как подметил Роман Якобсон, три произведения Пушкина обладают следующей общностью. В каждом из них центральное место занимает изваяние живого существа, это изваяние в конце оживает и убивает главного героя. В заглавии произведения изваяние указано в качестве существительного, а материал изваяния — в качестве прилагательного, так что существительные — одушевлённые, а прилагательные — как бы неодушевлённые. Эти три персонажа суть: Каменный гость, Медный всадник и Золотой петушок. Моё наблюдение состояло в следующем. Самое одушевлённое существительное — это «душа». Самое неодушевлённое прилагательное — это «мёртвый». Поэтому и Каменный гость, и Медный всадник, и Золотой петушок могут быть объединены общим термином *Мёртвые души*. Как указывает Гоголь в своей так называемой «Авторской исповеди», Пушкин «отдал мне свой собственный сюжет, из которого он хотел сделать сам что-то вроде поэмы <...>. Это был сюжет Мёртвых душ». Можно было бы также заметить, что к трём пушкинским сочинениям в стихах, одноимённым с названными персонажами, примыкает (но именно примыкает, а не прямо входит в тот же ряд) одно прозаическое: «Пиковая дама» **9**.

Второе наблюдение историческое и связано с упоминавшимися уже Константином и Конституцией. О нём — в следующем разделе.

V. Петербург. Декабристы

Дважды в истории России случалось, что предполагаемый император отказывался принять царствование. Оба раза это имело катастрофические последствия. И оба раза виновен был предшествующий правитель. Кстати, оба раза этот предшествующий правитель был старшим братом отказавшегося.

Второй раз это случилось в марте 1917 года, когда Николай II передал престол своему брату Михаилу. Михаил, как известно, отказался принять престол. Последствия этого также известны. Вина Николая заключалась в том, что формула манифеста об отречении:

Не желая расставаться с любимым Сыном НАШИМ, МЫ передаём наследие НАШЕ Брату НАШЕМУ Великому Князю МИХАИЛУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ и благословляем Его на вступление на Престол Государства Российского.

— незаконна. Царь никому не может передать наследия, а может только отречься **10**. В этом случае новым императором автоматически делался его сын Алексей, при котором, ввиду его малолетства, учреждалось регентство. Точно так же, уже в наше время, А. И. Казанник был не вправе отречься от своего места в Верховном Совете СССР в пользу Ельцина, а мог только отречься безусловно, а тогда уже это место автоматически переходило к Ельцину как к следующему по числу набранных голосов **11**. Вину Николая разделяют принявшие отречение А. И. Гучков и В. В. Шульгин, составлявшие депутацию Временного комитета Государственной думы. Они настолько хотели и настолько спешили получить отречение, что не придали значения юридической правильности документа. К тому же именно Михаила они и хотели сделать регентом. Выходило, казалось бы, что нет никакой разницы и даже получается ещё лучше. Вышла большая разница и получилось много хуже. Процессуальные нарушения почти всегда кажутся несущественными, почти всегда удобны и почти всегда, хотя бы в исторической перспективе, мстят.

А первый раз отказ принять царствование произошёл за сто без малого лет до второго отказа, в конце 1825 года, когда после смерти Александра I отказался стать императором его брат Константин. Только тогда открылось, что имеется манифест Александра об

устранении Константина от наследования — но манифест настолько тайный, что не был известен даже Константину и Николаю (хотя и отвечал желаниям Константина). Возникшее междуцарствие привело к выступлению декабристов, которому трудно было бы осуществиться в других условиях. Последствия этого выступления были ужасны для России. Казнь пятерых декабристов (а надобно помнить, что при Александре казней не было вовсе), жестокие наказания остальным, а также возникшее и с готовностью укоренившееся в простом народе убеждение, что все дворяне — предатели (ведь в заговоре был замешан цвет российского дворянства!), — всё это раскололо общество и в конечном счёте привело к убийству в 1881 году сына того, кто в 1826 году повелел повесить.

События 14 декабря тяжко отразились как на характере нового императора, так и на характере его правления. Россия погрузилась во мглу, хотя и более прозрачную, чем в 1917 году. Вот что писал автор знаменитого «Тарантаса» граф В. А. Соллогуб: «По мнению людей истинно просвещённых и искренне преданных своей родине, как в то время, так и позже, это восстание затормозило на десятки лет развитие России, несмотря на полный благородства и самоотвержения характер заговорщиков» ¹². По-видимому, декабристы не понимали, что в случае неуспеха восстания пострадают не только они, но и вся Россия. Возможно, впрочем, что она пострадала бы и в случае успеха.

Вина Александра состояла в том, что своё решение сделать наследником Николая, а не Константина, он не объявил при жизни, как это следовало бы при нормальном, законном ходе дел, а, напротив, держал в глубочайшей тайне. Если незаконное поведение Николая II легко объяснимо (и явно в его манифесте объясняется: «не желая расставаться с любимым сыном нашим»), то незаконное поведение Александра I представляет собою загадку. Цель предпринимаемого здесь изложения — попытаться её разгадать.

Для начала напомним схему событий.

У императора Павла было четыре сына: Александр (р. 1777), Константин (р. 1779), Николай (р. 1796) и Михаил (р. 1798). В 1801 году Павел умер и на трон взошёл старший сын Александр. У Александра сыновей не было, поэтому наследовать ему должен был его брат Константин. Для правильного устройства государства важно, чтобы в любой момент было недвусмысленно известно не только, кто правитель, но и кто наследник, дабы при смерти правителя не возникало смуты и борьбы за власть. Все знали, что наследник — Константин. Он единственный носил титул Цесаревича. Тем не менее, когда в

1825 году умер Александр, началась та самая смута, которая и привела к выступлению (восстанию, мятежу — зависит от вкуса **13**) декабристов.

Смерть Александра наступила 19 ноября по старому стилю, а по новому стилю — 1 декабря; далее все даты — по старому стилю.

Александр умирает неожиданно, не дожив до своего 48-летия, к тому же вдали от столицы — в Таганроге. Наследник Константин пребывает в Варшаве. Именно ему, адресуясь как к Императорскому Величеству, направляет свой первый рапорт о случившемся состоявшийся при Александре начальник Главного штаба барон И. И. Дибич. Рапорт попадает в Варшаву в семь часов вечера 25 ноября. В Петербург сообщение о смерти Александра приходит утром 27 ноября.

Немедленно по получении известия о кончине Александра Николай первым присягает Константину и приводит к присяге гвардию. По городу расклеиваются объявления Санкт-Петербургского обер-полицмейстера, датированные 27 ноября, извещающие, что «Его Императорскому Величеству, Государю Императору Константину Павловичу учинена присяга Его Высочеством Великим Князем Николаем Павловичем, Государственным Советом, Святейшим Синодом и Войском», и призывающие жителей совершать присягу в храмах.

Во все концы Империи отправляются гонцы с распоряжениями от Главного штаба и от Сената о присяге. В тот же день 27 ноября Министерство иностранных дел уведомляет находящиеся в Петербурге иностранные дипломатические представительства о состоявшейся «присяге на верность подданства Его Величеству Императору Константину»; 28 ноября Святейший Синод публикует новую форму молитвенного возношения о царствующем доме: «О Благочестивейшем, Самодержавнейшем Великом Государе нашем Императоре Константине Павловиче всея России <...>»; 30 ноября присягает Москва. Типографии печатают стандартные бланки подорожных, начинающиеся словами: «По указу Его Величества Государя Императора Константина Павловича». Происходит чеканка монет с профилем Константина. Короче, с 27 ноября по 14 декабря 1825 года Константин являлся общепризнанным российским императором.



Рубль с профилем Константина Павловича.

Параллельно, однако, развивается другая линия событий. На два часа дня того же 27 ноября назначено было чрезвычайное собрание Государственного Совета. Тут только собравшиеся узнали, что в архиве Совета лежит запечатанный пакет с собственноручной надписью Александра: «Хранить в Государственном Совете, до востребования Моего, а в случае Моей кончины, прежде всякого другого действия, раскрыть в чрезвычайном собрании Совета» ¹⁴.

Происходит дискуссия, надо ли вообще вскрывать конверт. Некоторые выступают против; среди них — министр юстиции князь Д. И. Лобанов-Ростовский, произнёсший при этом случае свою знаменитую фразу «Мёртвые воли не имеют» ¹⁵. Пакет всё же вскрывается — хотя ясное указание «прежде всякого другого действия» уже нарушено: ведь к этому моменту Николай, гвардия и многие военные и гражданские чины уже присягнули. Предоставим слово государственному секретарю А. Н. Оленину: «После сего я, собравшись с силами, несмотря на шумный довольно разговор между членами, обращаясь к г. председателю, спросил: „приказано ли будет распечатать пакет или нет“? Получив в ответ, что должно это непременно сделать, <...> я, перекрестясь, сломал печать и вынул из него два листа бумаги: на одном была написана копия манифеста во всенародное известие, а на другом копия же письма на высочайшее имя. Обе были скреплены собственною рукою покойного Государя Императора» [*Оленин 1877*: 506].

Письмо, о котором говорит Оленин, было письмом Константина к Александру от 14 января 1822 года, содержащее отречение от права на наследование престола. Манифест, подписанный Александром 16 августа 1823 года, утверждал отречение Константина и назначал наследником Николая. Оба документа опубликованы в книге Корфа (см. [*Корф 1857*: 17—18/19—20 и 22—24/25—29]). Из манифеста следовало, что аналогичные пакеты находятся также в Успенском соборе Московского Кремля, в Синоде и в Сенате. (Последние два пакета, насколько известно, не были распечатаны никогда; московский пакет — единственный, содержащий подлинники документов — был распечатан только 18 декабря и то, кажется, только благодаря настойчивости московского архиепископа Филарета, ср. [*Филарет 1874*: 254—255] ¹⁶.)

Николай отказывается признать действительность открывшихся документов без подтверждения со стороны Константина. Между Петербургом и Варшавой начинается переписка, в которой каждый из братьев обращается к другому как к монарху и заверяет в верно-подданнических чувствах. Даже барон М. А. Корф, книга которого

вызвала крайнее раздражение Герцена верноподданнической манерой изложения, находит нужным отметить, что «от этих писем затруднительность положения скорее возросла, чем уменьшилась» [*Корф 1857*: 75/86]. Надобно ещё принять в расчёт скорость тогдашней связи и что письма, посланные в противоположных направлениях, нередко встречались в дороге. Наконец, 12 декабря к Николаю приходит категорический отказ Константина принять царствование, и к вечеру Сперанским составляется проект манифеста о вступлении Николая на престол с 19 ноября, т. е. со дня кончины Александра **17**. В тот же день, около 9 часов вечера, 22-летний офицер Я. И. Ростовцев вручает Николаю своё письмо, в котором, в частности, говорится пророчески: «<...> погодите царствовать. Противу Вас должно таиться возмущение; оно вспыхнет при новой присяге, и, может быть, это зарево осветит конечную гибель России» (см. [*Корф 1857*: 99/114]). Николай не соглашается погодить, и в ночь на 13-е манифест, в условиях секретности, переписывается набело доверенным чиновником Гавриилом Поповым (см. [*Корф 1857*: 105/121]). Манифест подписывается Николаем 13-го утром, но помечается задним, 12-м числом. На 14 декабря назначается новая присяга.

«Никакой другой случай не мог быть благоприятнее для приведения в исполнение намерения Тайного Общества», — указывает декабрист С. П. Трубецкой **18**. И он же: «План действия был основан на упорстве солдат остаться верными императору, которому присягнули (т. е. Константину. — *В. У.*), в чём общество и не ошиблось» [*Трубецкой 1875*: 114; *1906*: 86]. «Действительно, когда по утра 14 декабря выведены были в полках люди для присяги, то вообще они оказали недоумение и нерешительность **19**, которая при первых словах офицеров, изъявивших сомнения относительно законности требуемой присяги, обратилась в явное упорство» **20** [*Трубецкой 1875*: 18, *1906*: 37].

Присяга 27 ноября для того и давалась, чтобы в случае смертельной опасности выступить на защиту законного царя, каковым, в глазах поднятых на восстание солдат — да и не только их, — был Константин, от узурпатора, в роли которого оказался Николай. Происходят известные события на Сенатской площади. Об их влиянии на судьбу России уже говорилось.

Мы видим, что главной пружиной всего хода событий было упорное (и в значительной степени осуществлённое) стремление Александра сохранить в глубочайшей тайне установленный им порядок престолонаследия. Любопытность побуждает исследовать эту пружину. Во-первых, надлежит убедиться, что указанное стремление действи-

тельно имело место. Во-вторых, понять его причину. Обнаружение причины желания Александра окутать тайной вопрос о престолонаследии и составляет упомянутое «второе наблюдение», должное в своё время Ю. М. Лотману и представляемое здесь на суд читателя.

Сперва о доказательствах стремления к тайне. Судьба престола определялась тремя документами: упомянутым письмом Константина от 14 января 1822 года (кстати, отредактированным адресатом), ответным письмом Александра Константину от 2 февраля 1822 года ²¹ и упомянутым манифестом Александра от 16 августа 1823 года. Будем именовать их *Отречение*, *Рескрипт* и *Манифест*. Примечательно, что в первых двух имя Николая не упоминается вовсе; «вся официальная фразеология писем витает в области тщательно оберегаемого инкогнито» [*Шильдер 1903*: 149]. Об *Отречении*, помимо двух корреспондентов, знали их мать, их сестра Мария, их брат Михаил и, в намёках, их брат Николай (см. [*Корф 1857*: 19/21, 51/58—59]; [*Шильдер 1903*: 123, 137]); Михаил в 1847 году вспоминал: «И тогда, и после при дворе соблюдалось мёртвое молчание насчёт случившегося, и никто не показывал вида, чтобы что-нибудь знал» (см. [*Шильдер 1903*: 149]). О *Рескрипте*, скорее всего, не знал никто, кроме Александра и Константина; Константин по меньшей мере дважды ²² письменно удостоверяет, что *Рескрипт* ему было повелено хранить в тайне до кончины Александра.

Рескрипт, хотя и признавал отречение Константина, но был составлен в выражениях осторожных и обтекаемых. На словах Константину было обещано утвердить его отречение государственным актом. «Акт, которого составление Александр обещал Цесаревичу на словах, но о котором не упомянул в своём письме, <...> был составлен уже гораздо позже, в непроницаемой тайне» [*Корф 1857*: 20/22]. Этим актом и был *Манифест*. О том, что он написан и подписан, Константин извещён не был. Не был извещён и Николай.

О самом факте существования *Манифеста* в России знали четверо: сам Александр, составивший манифест московский архиепископ, впоследствии митрополит, Филарет (Дроздов) и два личных и доверенных друга Александра: своею рукою делавший копии с *Отречения* и с *Манифеста* князь А. Н. Голицын и граф А. А. Аракчеев ²³. Правда, уже после того, как всё открылось, в частном письме от 3 января 1826 года Карамзин писал: «Сам покойный государь ещё осенью 1823 года сказывал мне и Катерине Андреевне об этом распоряжении наследства» (см. [*Шильдер 1905*: 486, примеч. 435]). Не знаю, можно ли полностью верить свидетельству Карамзина, обиженного, надо полагать, тем, что 12 декабря проект манифеста

Николая о воцарении, который последний поручил ему составить, не удостоился одобрения Николая, и само почётное поручение было у него отобрано и передано Сперанскому (см. [*Корф 1857*: 94—95/108—109]; [*Шильдер 1903*: 205, 254—255 и 507, примеч. 286]). Впрочем, я, наверное, несправедлив к Карамзину, и Александр, уважая в Карамзине летописца, пожелал сообщить ему о своём решении для правильного отражения в последующей летописи.

Ни один из посвящённых в тайну не проговорился. Характерно, например, поведение Филарета. Он был убеждён (как потом выяснилось, ошибочно), что московский генерал-губернатор осведомлён по меньшей мере о самом факте наличия конверта в Успенском соборе: ведь именно ему, генерал-губернатору, вместе с московским епархиальным архиереем препоручал Александр собственноручной на конверте надписью вскрыть конверт в случае своей кончины ²⁴. Тем не менее, в своих беседах с генерал-губернатором Филарет о конверте ни разу не упомянул. Рассказ М. А. Корфа (см. [*Корф 1857*: 27/30]) о том, с какими, по требованию Александра, предосторожностями Филарет 29 августа 1823 года внёс конверт в алтарь Успенского собора Московского кремля и положил на престол в запечатанный ковчег, читается как глава детективного романа. Сходные чувства возникают и при чтении описания того, как конверт хранился в Государственном Совете, сделанного Константином в его Торжественном объявлении: «<...> Я усмотрел из присланной Мне копии журнала Государственного Совета: что в Архиве Государственной Канцелярии (о чём Мне самому, как то Я выше упомянул, вовсе не было известно) хранится, за замками и за печатью Председателя, пакет, присланный от покойного Государя Императора 16-го Августа 1823 года, собственноручно Его Величеством подписанный, на имя Статс-Секретаря Оленина; — что в сём пакете был пакет на имя Председателя Государственного Совета Князя Лопухина, а в сём последнем запечатанный пакет с следующей собственноручной Его Величества надписью <...>» [*Константин 1857*: 18/25]. Надпись, в версии Константина, уже приводилась.

Конечно, какие-то неопределённые слухи в обществе ходили ²⁵. Ведь было официально известно, что Константин вступил в 1820 году в морганатический брак, а потому его потомки устранялись от престолонаследия. «Помнили, что Константин много раз говорил, что царствовать не хочет, и прибавлял: „Меня задушат, как задушили отца“», — пишет в своих записках С. П. Трубецкой [*Трубецкой 1875*: 5]. Он же: «Давно носилась молва, что покойный император Александр Павлович готовил наследником престола брата своего Николая Пав-

ловича, говорили, что это сделано с согласия прямого наследника Константина Павловича, при женитьбе его на польке Грудзинской; говорили, что Александр сделал духовную на этот случай; но никакого положительного сведения по этому предмету не было. <...> Но всё это <...> имело только небольшие отголоски в обществе» [*Трубецкой 1875*: 1].

Но нас здесь интересует не столько то, насколько тайна была сохранена (а она была сохранена в степени, высокой до неправдоподобия), сколько наличие у Александра желания эту тайну сохранить. По-видимому, желание это со временем только укреплялось. 13 июля 1819 года Александр имел с Николаем первый и последний разговор о престолонаследии. Это случилось в Красном Селе под Петербургом, где была расквартирована та бригада, командиром которой состоял Николай. Александр посетил её учения. Отобедав в интимном кругу Николая и его жены Александры Фёдоровны, он объявил им, что намерен отречься от престола, что Константин не хочет ему наследовать и что потому царём суждено быть Николаю. Об этом вспоминает в своих опубликованных мемуарах Александра Фёдоровна [*Александра Фёдоровна 1896*: 52—53]. Об этом же вспоминает и Николай в своих записках о 14 декабря, цитируемых Шильдером (см. [*Шильдер 1903*: 122]). В этих записках, предназначенных для своего семейства, Николай писал: «С тех пор часто Государь в разговорах намекал нам про сей предмет, но не распространяясь более об оном, а мы всячески старались избегать оного» (см. [*Шильдер 1903*: 123])⁶. Шильдер отмечает: «Несмотря на этот разговор, служебное положение великого князя Николая Павловича несколько не изменилось в последующие годы: он продолжал с обычным рвением исполнять свои скромные обязанности бригадного командира и по-прежнему находился в стороне от государственных дел. Он не был даже назначен членом государственного совета» [*Шильдер 1903*: 123]. Сведения, что якобы с 1819 года Николай начал присутствовать на докладах в кабинете Александра, убедительно опровергаются Шильдером [*Шильдер 1905*: 478; *1903*: 489—490].

Согласно Корфу, 30 августа 1825 года, за два дня до отъезда в Таганрог, Александр имел беседу с Николаем. «Ни одно слово в этой беседе, — пишет Корф, — не коснулось разговора 1819-го года» [*Корф 1857*: 32/36]. С 1822 года императрица-мать стала касаться этой темы в разговорах с Николаем, «упомяная, — как пишет Николай в своих записках, — о каком-то акте, который будто

⁶ ► Данную цитату можно найти на с. 318 в [*Рудницкая 1994*]. ◀

бы братом Константином Павловичем был učinён для отречения в нашу пользу, и спрашивала, не показывал ли нам оный государь» (см. [Шильдер 1903: 149]). Не показывал — ни *Отречения*, ни *Рескрипта*, ни *Манифеста*. Вот что пишет Николай в собственноручной заметке, датированной 1848 годом и цитируемой Шильдером: «Мне содержание манифеста было вовсе неизвестно, и я первый раз видел и читал его, когда совет принёс его ко мне. (Имеется в виду прине- сение *Манифеста* Николаю Государственным Советом 27 ноября. — В. У.) Если бы я манифест и знал, я бы и тогда сделал то же, ибо манифест не был опубликован при жизни государя, а Константин Павлович был в отсутствии» (см. [Шильдер 1903: 202]).

Но довольно об этом. Факт тайны достаточно выяснен. Пора переходить к причине тайны.

Нельзя сказать, чтобы вопрос о причине совсем не занимал историков — хотя, на наш взгляд, занимал совершенно недостаточно. Так, даже Натан Эйдельман (*сам* Эйдельман, кумир советской интеллигенции!), много писавший о декабристах, ни разу, насколько мне известно, не задался вопросом о причине тайны. Почему? Нет ответа.

Н. К. Шильдер на ряде страниц выражает недоумение странностью поведения Александра (см. [Шильдер 1905: 278, 282; 1903: 344]). Он пишет: «Вообще же, во всём этом деле, начиная от его зародыша до окончательной развязки, проглядывает какая-то бесцельная страсть к тайне, какое-то тщательное и последовательное уклонение от прямого названия вещей настоящим именем; всё сводится к какой-то непостижимой игре в прятки <...>» [Шильдер 1903: 149]. «Вот какими странными и непонятными мерами императору Александру благоугодно было обставить столь важный и жизненный для государства вопрос, заранее обрекая избранного им наследника престола на крайне двусмысленное положение <...>» [Шильдер 1903: 144]. «Невольно представляется вопрос: почему император Александр решил хранить эти акты в столь глубокой тайне от назначенного им наследника, а также и от России? Трудно найти для подобного образа действий разумное объяснение, и тайну свою Александр унёс с собой в могилу» [Шильдер 1905: 350].

М. А. Корф задаёт вопрос «от чего, когда при перемене в порядке наследия ничто не противостояло немедленному провозглашению акта самодержавной власти, а отсрочка обнародования его до эпохи упразднения Престола могла, напротив, грозить важными замешательствами, предпочтено было облечь всё дело тайною?». И сам отвечает: «дóлжно искать ответ в тогдашнем расположении духа и направлении мыслей Государя, <...> отчасти же, может быть, в

опасении — плоде предшедших разговоров, — чтобы и второй брат не отказался, по примеру старшего, принять бремя правления» [*Корф 1857*: 30/33—34]. Ответ этот трудно признать удовлетворительным. Ссылка на возможность отказа со стороны второго брата кажется странной, потому что непонятно, что, при том способе действий, который избрал Александр, помешало бы Николаю отказаться от престола впоследствии, при открытии тайного манифеста: если уж допускалось, что Николай может отказаться сразу, то следовало допустить, что он может отказаться и потом. Что же касается «расположения духа и направления мыслей» Александра, то ведь вопрос как раз и состоит в том, чтобы понять, в чём эти расположение и направление заключались. С другой стороны, ссылка на «направление мыслей» заставляет предположить, что Корф, возможно, знал ответ на поставленный им вопрос — знал, но не мог предать этот ответ гласности; невозможность предания гласности делается ясной всякому, кто этот ответ узнаёт.

Не возбраняется предполагать, что под «расположением духа и направлением мысли» имелись в виду известные мистические увлечения Александра. Это косвенно подтверждается той критикой, которой подверг Корфа Н. П. Огарёв (см. [*Огарёв 1858*: 210]⁷): «Зачем отречение Константина оставалось тайною, зачем акт о престолонаследии не был обнародован, — этого барон Корф не может понять; оно и не легко понять. Действительно, мистицизм приводит к бездействию; упование на силы небесные мешает приводить в порядок дела земные. Жаль, что барон Корф ничего не разведал о разговоре Александра со схимником Алексием. Такой разговор в то время, когда усталость и мистицизм приводили Александра к прежней мысли отречься от престола, — такой разговор мог бы ярче выставить характер Александра и объяснить его действия. Но положимте, что Александр, вследствие мистического настроения, хотел, пока жив, облечь тайной престолонаследие; положимте, что тайна нравилась его фантазии <...>». Мы видим, что Огарёв, упрекая Корфа в непонимании причин поведения Александра, сам также не выдвигает никаких отчётливых причин, а относит всё за счёт мистицизма и фантазии. (Кстати, в рассуждениях Огарёва усматривается некоторое противоречие: он говорит о вызванном мистицизмом бездействии, но как раз в том, как оперативно Александр действовал в отношении престолонаследия, никакого бездействия не замечается.)

⁷ ●► Эту цитату из Огарёва можно найти также в [*Рудницкая 1994*] на с. 164. ◀●

Итак, и Корф, и Огарёв, и Шильдер, словом, все, кто что-то писал о причинах сокрытия Александром его манифеста о престолонаследии, либо открыто объявляли, что не понимают этих причин, либо указывали их корень в Александровом мистицизме.

Дерзаю предположить, что ответ на вопрос, почему Николай не был открыто объявлен наследником, лежит на поверхности и достаточно прост. Для его большей убедительности предварю его напоминанием ещё одного общеизвестного факта. Император Павел был убит заговорщиками. Официально это признано не было, писать об этом не разрешалось **26**, говорить не полагалось, но это знали решительно все. И прежде всего — Александр. «Ранним июньским утром 1872 года я убил своего отца — поступок, который в то время произвёл на меня глубокое впечатление»⁸. Александр, конечно, не убивал Павла. Но он был замешан в заговоре и, тем самым, хотя и косвенно, содействовал убийству. Надо думать, этот поступок производил на него глубокое впечатление всю оставшуюся жизнь. Александр помнил и то, что его дед Пётр III, отец Павла, был также убит заговорщиками. Убит в результате заговора, в котором участвовала жена Петра Екатерина. Итак, Екатерина II и её любимый внук Александр I получили свои царствования вследствие того, что их предшественники были убиты людьми, сделавшими ставку на то лицо, которому предстояло унаследовать престол. Здесь разгадка тайны. **Александр пребывал в страхе, что судьба ему отомстит и с ним случится то же, что и с Павлом. Поэтому он сделал так, что Константин, которого все считали наследником, на самом деле не был таковым и знал об этом, истинный же наследник, Николай, не знал о своём официальном статусе;** а потому ни у Константина, ни у Николая — у первого по знанию, у второго по незнанию — не было оснований желать смерти Александра. И главное для Александра было даже не то, чтобы Николай не знал, что он-то и есть утверждённый наследник. Главное, чтобы **не знали те потенциальные заговорщики, которые могли бы сплотиться вокруг Николая с целью убийства Александра.** Попытки же сплотиться вокруг Константина не должны были ни к чему привести ввиду полной незаинтересованности Константина.

⁸ Так, в переводе Н. Дарузес, начинается рассказ Амброза Бирса (Ambrose Gwinnett Bierce) «Несостоявшаяся кремация», помещённый на с. 32—36 книги [*Бирс 1938*]. В подлиннике рассказ называется «An imperfect conflagration», а его первая фраза такова: «Early one June morning in 1872 I murdered my father—an act which made a deep impression on me at the time».

По выходе из Лицея Пушкин написал оду «Вольность», которая и послужила главным поводом, если не главной причиной, его ссылки на юг. В ней он описывает убийство Павла (выказывая при том отвращение и к убийцам, и к убитому) и прямо предостерегает Александра:

<...> в лентах и звездах,
 Вином и злобой упоенны,
 Идут убийцы потаенны,
 На лицах дерзость, в сердце страх.

Молчит неверный часовой,
 Опущен молча мост подъёмный,
 Врата отверсты в тьме ночной
 Рукой предательства наёмной...
 О стыд! о ужас наших дней!
 Как звери, вторглись янычары!..
 Падут бесславные удары...
 Погиб увенчанный злодей.

И днесь учитеь, о цари:
 Ни наказанья, ни награды,
 Ни кров темниц, ни алтари
 Не верные для вас ограды. <...>

Действительно, алтари и темницы в России не спасают. Если проследить непрерывную цепь последних десяти российских монархов — от Ивана VI до Николая II, — то не без изумления обнаружим, что ровно половина из них (пять императоров!) были убиты: двое на троне (Павел I и Александр II), трое (Иван VI, Пётр III и Николай II) были предварительно свергнуты (надо полагать, из милосердия); из этих троих двое (Иван и Николай) убиты в темнице. Итак, алтари и темницы не спасают. Спасает только хитрость. К ней и прибег Александр I **27**.

Роль личности в истории нигде так не велика, как в России (особенно это верно для того периода российской истории, когда отрицание этой роли было частью правящей официальной доктрины). А там, где личность, — там и личные интересы, среди которых не последнее место занимает страх. Судьба завещательного *Манифеста* Александра — не единственный тому пример. Как известно, система российского престолонаследия, просуществовавшая до падения монархии, была сформирована при Павле (а до того правитель назначал преемника, что было узаконено Петром I в 1722 году;

бывало, что правитель умирал, не сделав назначения, и тогда возникали проблемы). Спрашивается, почему именно при Павле. Ответ очевиден. Павел, вводя наследование престола старшим сыном, желал избежать участи своего отца Петра III, свергнутого Екатериной с целью сделаться правящей императрицей. Причём Павел позаботился об этом заблаговременно, и до своего вступления на престол в 1796 году связал свою жену такими обязательствами, которые делали для неё невозможным повторение карьеры Екатерины: «Акт о порядке престолонаследия в России, составленный Павлом Петровичем 4 янв. 1788 г. и опубликованный 5 апр. 1797 г., носит форму у нас совершенно необычную: он писан в форме договора между наследником престола и его супругою (Марией Фёдоровной), утверждённого при короновании Павла <...>. <...> он признаётся в настоящее время государственным законом» [*Лазаревский 1898*: 85]. «<...> Павел Петрович нашёл необходимым, чтобы великая княгиня Мария Фёдоровна отстранила от себя всякую мысль о восшествии на престол после его смерти, предоставив престол старшему своему сыну. С согласия великой княгини, они совместно подписали акт, составленный в этом смысле и устанавливавший порядок престолонаследия на самых незыблемых основах. Впоследствии этот акт, подписанный цесаревичем и великой княгиней 4-го января 1788 года, обнародован был в день коронации Павла I и преобразился в основной закон о престолонаследии по праву первородства в мужской линии царствующего дома: „Дабы государство не было без наследника. Дабы наследник был назначен всегда законом самим. Дабы не было ни малейших сомнений, кому наследовать. Дабы сохранить право родов в наследовании, не нарушая права естественного, и избежать затруднений при переходе из рода в род“» [*Шильдер 1901*: 215].

Когда лет десять—пятнадцать тому назад я рассказывал Ю. М. Лотману свои соображения, связанные с наследованием российского престола в 1825 году, я ещё не читал многих источников и потому не знал многих деталей. Большинство источников я прочёл недавно, при подготовке этой статьи. И убедился, что чтение исторической литературы — это раздолье для текстолога (каковым себя, разумеется, не считаю). В примечаниях ¹⁴ и ¹⁵ уже отмечались некоторые текстологические проблемы. Шильдер [*Шильдер 1903*: 501, примеч. 225; *1905*: 487, примеч. 455] упрекает в текстологической небрежности Корфа. Позволительно и нам упрекнуть Шильдера. Приводя на с. 498 в своей книге об Александре [*Шильдер 1905*] рассказ Александры Фёдоровны о беседе в Красном Селе, автор не только не помечает сделанные им купюры, но даже не предупреждает читателя о

наличии таковых. Наконец, на с. 400—405 приводится текст записки от 3 декабря 1825 года, озаглавленной «от брата Николая к брату Константину» и излагающей события с 27 ноября по 3 декабря. Остаётся неясным, кто писал эту записку: 1) Николай упоминается в ней всегда с полным титулом и только в третьем лице; 2) в записке (см. [Шильдер 1905: 403]) содержится утверждение, что якобы Николай знал о содержании Манифеста с 13-го июля 1819 года, — утверждение, которое Николай в своих заявлениях и собственноручных текстах отрицал.

Шильдер (см. [Шильдер 1903: 202]) упрекает Корфа и в фактической неточности по вопросу о том, подносился ли Николаю на просмотр журнал Государственного Совета за 27 ноября. Отдавая дань научному подвигу Н. К. Шильдера, выразим и ему своё недоумение. Шильдер утверждает, что из распечатанного в собрании Государственного Совета конверта были извлечены не только *Манифест* и *Отречение*, но и *Рескрипт* **28**; однако это не подтверждается другими источниками, в частности запиской Оленина (см. [Оленин 1877: 506]), лично раскрывавшего пакет и доставившего оттуда бумаги, и манифестом Николая от 12 декабря (см. [Корф 1857: 107/123]). Это же необоснованное мнение встречаем в 41-м полутоме Энциклопедического словаря Брокгауза—Ефрона (в статье «Николай I») и в ряде других изданий.

Но гораздо интереснее моих придилок те случаи, где Корф и Шильдер сами отмечают противоречия в свидетельствах. Так, указывая, что журнал Государственного Совета за 27 ноября составлялся в большой спешке, Корф констатирует, что «в образе изложения журнала пострадала истина событий» [Корф 1857: 58/66]. Корф совершенно правильно делает, что приводит и версию журнала, и противоречащие ей заявления Николая, хотя с Корфом в этом вопросе не соглашается великий князь Михаил Павлович, критическое замечание которого сочувственно приводит Шильдер (см. [Шильдер 1903: 202]). Шильдер обращает также внимание на странное расхождение в изложении последовательности действий Николая сразу по получении известия о смерти Александра: «В изложении события 27-го ноября в сочинении барона Корфа одно обстоятельство вызывает недоумение. Судя по его рассказу, оказывается, что Николай Павлович обратился сперва с речью к дворцовым караулам, а вслед за тем присягнул в большой церкви дворца императору Константину. Между тем в действительности имел место как раз обратный порядок, т. е. Николай Павлович сперва присягнул в церкви один, без всяких свидетелей (Жуковский случайно при этом

присутствовал и не был замечен). Мы придерживаемся в нашем изложении записки „От брата Николая к брату Константину“» (см. [Шильдер 1903: 499, примеч. 212]). Точность записки «От брата...» уже была подвергнута некоторому сомнению. Версия Жуковского была изложена им в частном письме от 25 июня 1848 года. Как указывает сам Шильдер (см. [Шильдер 1903: 498, примеч. 211]), имеющаяся у него рукописная копия письма расходится с текстом письма, опубликованным во 2-м томе сочинений Жуковского в 1857 году.

Мы легко соглашаемся с тем, что будущее имеет много вариантов. Нам труднее согласиться с многовариантностью прошлого. Возможно, когда-нибудь **многовариантность прошлого** станет такой же общепризнанной истиной, как сегодня теория относительности **29**.

Как известно, материя есть объективная реальность, данная нам в ощущении Господом Богом. То же, надо полагать, справедливо и в отношении исторической материи.

VI. Москва. Утраченный автопортрет

Тогда, в Эльве, мы сдружились с Лотманом. Пока была жива Светлана, Юрий Михайлович, приезжая в Москву, непременно посещал нашу с ней квартиру на Красноармейской улице. Весной 1965 года он встретился там с А. Н. Колмогоровым. Эту встречу помнит присутствовавший на ней Вяч. Вс. Иванов (см. [Иванов 1994: 486]; см. также [Успенский 1993: 355—356] ●●► и [Успенский 2006: 346]; с. 165 в настоящей книге ◀●●). Случалось, Лотман у нас останавливался. Как-то раз он приехал к нам с вещами, но без предупреждения, и, никого не застав, оставил на стене лифтовой кабины, под потолком, знак посещения, а именно, свой автопортрет — примерно такой же, как в книге [ЮМЛ] на той не имеющей номера странице между с. 484 и 485, которая помечена словами «Автошарж Ю. М. Лотмана». Портрет этот держался несколько лет, пока в лифте не сделали косметический ремонт; тогда портрет покрасили. Как поёт Новелла Матвеева,

Мне было довольно того, что след
Гвоздя был виден вчера.

2 октября 1994 года.

●●► А потом лифт поменяли. ◀●●

Примечания

1 [к с. 255]. Юрий Михайлович Лотман (28.02.1922—28.10.1993), Зара Григорьевна Минц (24.07.1927—25.10.1990); их сыновья: Михаил (р. 02.09.1952), Григорий (р. 01.12.1953), Алексей (р. 16.05.1960).

2 [к с. 261]. Разумеется, при этом одним из основных лозунгов этой идеологии была марксистская догма «Бытие определяет сознание». Но так и должно быть в оруэлловском обществе. Вспомним три партийных лозунга, приведённые в самом начале романа «1984»: «Война — это мир», «Свобода — это рабство», «Незнание — сила».

3 [к с. 262]. ●●► С Борисом Михайловичем Гаспаровым я познакомился в апреле 1995 года в Дрездене, куда я был приглашён на конференцию по структурализму (International conference «Strukturalismus — Osteuropa und die Entstehung einer universalen Wissenschafskultur der Moderne», Dresden, Germany, April 1995). Знакомство состоялось при следующих обстоятельствах. Как-то раз желающих кормили казённым обедом. Обед происходил в харчевне (иначе не скажешь), за длинными деревянными столами. Бумажные салфетки отсутствовали, а они очень требовались. У меня в сумке был рулон туалетной бумаги, который я поставил на стол — для всеобщего пользования, но с извинениями. Принося таковые я, в частности, сказал: «Вот это и есть постмодернизм». А надо сказать, что термин «постмодернизм» был на конференции вторым по частоте (после термина «семиотика»). «Нет, — сказал Б. М., — это ещё не постмодернизм. Вот если бы бумага была использована, тогда это был бы постмодернизм». ◀●●

4 [к с. 262]. Встретив неожиданно благосклонное отношение Лотмана к моему хулиганству, я ощутил себя на коне, и на этом коне меня занесло дальше, чем следовало бы. Сразу по окончании Первой школы я составил текст в несколько строк, синтаксически правильный, но — как мне казалось — совершенно бессмысленный. Инвентарь его лексики состоял из слов типа «система», «структура», «глобальный», «универсум» и т. п. Текст был замыслен как пародия на то, что нередко звучало на занятиях школы, и мне казалось, что его пародийный характер будет очевиден всякому. Я ошибся. Я не учёл простого обстоятельства: любой синтаксически правильный текст, составленный из реальных (т. е. не таких, как в *глокой куздре*) лексем, можно воспринять как осмысленный. Именно это и сделал Лотман — из деликатности ко мне. Когда я протянул ему (кажется, ещё в автобусе, увозящем участников школы) бумажку с текстом,

он воспринял мои формулировки всерьёз и даже сказал что-то одобрительное. Разумеется, не потому, что они ему понравились, а не желая меня огорчить. А потом, узнав истину, обиделся. У меня сохранился этот текст. Вот он:

Можно показать, что глобальная модель мира на всех уровнях манифестируется не в самом тексте, а лишь в его знаковой структуре. Наблюдающаяся при этом относительная стабильность референтов может интерпретироваться как косвенное подтверждение того, что система денотатов, вообще говоря амбивалентная, служит коррелятами соответствующих значений. Эти значения возникают на пересечении разноплановых (семантических, синтаксических и других) сигнификативных рядов как интерференция порождаемых указанными рядами сигналов. Проекция этих сигналов на универсум вещей и есть информация, понимаемая здесь не как структура, а как система.

Самое же страшное заключается в том, что, написав сейчас эту абракадабру, я начал находить в ней смысл.

5 [к с. 262]. Вот адрес этого вошедшего в историю семиотики места, который записал для меня Лотман на вырванном листке из блокнота листке: Эстонская ССР, Валгский район, почтовое отделение Пюхе-ярве, ТГУ, Кяярику, спортбаза.

6 [к с. 262]. У меня сохранился отпечатанный на ротапринте документ, озаглавленный «ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО ВТОРИЧНЫМ МОДЕЛИРУЮЩИМ СИСТЕМАМ. БИЛЕТ УЧАСТНИКА». Заглавие — только по-русски. А далее текст на двух языках, эстонском и русском:

Уважаемый тов.

Просим Вас принять участие в летней школе по вторичным моделирующим системам.

Занятия будут проводиться на спортивной базе ТГУ в Кяярику с 19 по 29 августа с. г.

К занятиям приглашаются только выступающие (по персональному билету участника).

ОРГКОМИТЕТ

7 [к с. 265]. Историю о том, как устанавливали линию прямой связи Кяэрику—Хельсинки, вряд ли можно считать анекдотом. А из анекдотов запомнились два. Один про то, как к финскому президенту был приставлен советский генерал с наказом не отходить от

президента ни на шаг. Кекконен стал на лыжи; генерал тоже стал на лыжи. Но оказалось, что Кекконен ходит на лыжах хорошо, а генерал плохо. Кекконен дунул в лес, и генерал не смог за ним угнаться. По слухам, у генерала были большие неприятности (возможно, впрочем, что эстонцы выдавали желаемое за действительное). В другом анекдоте рассказывалось, как Кекконен выбежал голышом из сауны на берег озера и тут обнаружил, что противоположный берег усеян людьми с биноклями, желающими полюбоваться на голого финского президента. Кекконен не стал окунаться в озеро, а повернул обратно и скрылся в бане, сказав при этом несколько крепких слов по-русски — а до этого он по-русски не говорил и не понимал, общаясь только через переводчика.

8 [к с. 265]. Галя (Галина Петровна Коршунова) умерла 17 апреля 1978 года (родилась 17 марта 1937 года), а Светлана (Светлана Марковна Успенская) — 15 ноября 1980 года (родилась 6 октября 1930 года). Ю. М. Лотман присутствовал на их похоронах в Москве. К десятилетию смерти Светланы Анатолий Генрихович Найман почтил её память стихотворением, которое опубликовал в своём сборнике «Облака в конце века», изданном в 1995 году нью-джерсийским издательством «Эрмитаж», и которое так и называется: «15 ноября». В стихотворении отмечены некоторые характерные черты Светланы — её «весёлые губы» и то, что её любой монолог «был сладок без лести и солон без злости».

9 [к с. 267]. «Пиковая дама» только примыкает к ряду под условным названием «мёртвые души», а не прямо входит в этот ряд потому, что имеет два существенных отличия. Во-первых, нет изваяния старухи-графини — лишь на мгновение на игральной карте возникает подмигивающий портрет покойной. Во-вторых, Германн не умирает, а лишь сходит с ума.

10 [к с. 268]. Сказанное, отрицая право монарха передавать престол по своему усмотрению, как бы признаёт его право на отречение. Следует, однако, заметить, что законы Российской империи не предусматривали не только передачи престола, но и отречения царствующего монарха. В Полном своде законов Российской империи содержится лишь статья, предоставляющая законному наследнику престола свободу отречься от права наследования [ЛСС 1911: кн. 1, т. 1, ч. 1, стлб. 3, статья 37]. Автор этих строк, однако, склонен рассматривать право на отречение как часть так называемого естественного права — идёт ли речь об отречении российского императора или (о чём будет рассказано далее) депутата Верховного Совета СССР. Можно, однако, с этим не соглашаться, считая, что

царь как помазанник получает в момент помазания божественную миссию, каковую снять с себя уже не может.

¶ [к с. 268]. Сейчас всё меньше людей помнит, как это было; поэтому напомним. Верховный Совет СССР состоял из двух палат: Совет Союза и Совет Национальностей. Согласно конституционной реформе Горбачёва, обе палаты должны были избираться не все-народно, как было прежде, а учреждённым им же высшим органом власти — Съездом народных депутатов СССР. Первый съезд заседал с 25 мая по 9 июня 1989 года (см. [*Первый 1989*]). Совет Национальностей в количестве 271 человека избирался по квотам, установленным для административных образований: по 11 для каждой из 15 союзных Советских Социалистических Республик (ССР), по 4 для каждой из 20 Автономных ССР, по 2 для каждой из 8 автономных областей, по 1 для каждого из 10 автономных округов. Столько кандидатов и было выдвинуто, за одним исключением — от РСФСР было выдвинуто не 11 кандидатов, а 12. Таким образом, ровно один из двенадцати должен был оказаться неизбранным. И даже было более или менее понятно, кто. Так и произошло. На 4-м заседании 27 мая был оглашён протокол счётной комиссии, и стало ясным, что этим единственным неизбранным является Б. Н. Ельцин как получивший наименьшее (среди российских кандидатов) число голосов: за 1185, против 964. На 5-м заседании 29 мая Алексей Иванович Казанник, до того мало кому известный доцент одной из юридических кафедр Омского университета, идущий в списке избранных от РСФСР третьим по числу голосов (за 2078, против 71), выступил с неожиданным заявлением. Он заявил, что снимает свою кандидатуру, но не безусловно, а в пользу Ельцина. В действующих законах и правилах такой ситуации предусмотрено не было. Происходит оживлённая дискуссия. Казаннику разъясняют, что он не может отказаться от своего кресла в пользу кого-то, а может только отказаться безусловно (по-видимому, в силу того же естественного права, на которое ссылалось предыдущее примечание); он же не без оснований возражает, что вот, дескать, он откажется, а Ельцина в Верховный Совет всё равно не пустят; все ещё помнят, как власти старались не допустить избрания Ельцина депутатом съезда. Юридическую ясность вносит депутат А. А. Собчак. Он указывает, что Казанник может отказаться лишь безусловно, а дальше возможны два варианта действий: 1) место Казанника занимает следующий по списку при условии, что он набрал больше половины голосов (это Ельцин); 2) все неизбранные кандидаты (т. е. опять же Ельцин) баллотировались на освободившееся место. Горбачёв соглашается на

первый вариант, и Ельцин становится депутатом Верховного Совета СССР. Когда Ельцин пришёл к верховной власти, то через некоторое время вызвал Казанника в Москву и наградил его должностью Генерального прокурора, с каковой вскоре снял за слишком ревностное соблюдение законов (Казанник отказался не выполнить решение Госдумы об амнистии участникам осеннего мятежа 1993 года).

12 [к с. 269]. Цитируется по изданию [*Соллогуб 1931*: 260]. К этому месту комментатор издания, С. П. Шестериков, делает следующую сноску: «Вряд ли нужно опровергать это совершенно неверное заключение Соллогуба. Впрочем, так действительно думали тогда многие современники декабристского восстания. „Ах, князь! Вы причинили большое зло России, вы её отодвинули на пятьдесят лет“, — сказал арестованному кн. С. П. Трубецкому генерал-адъютант В. В. Левашёв вечером 17-го декабря 1825 года („Записки князя С. П. Трубецкого“, С.-Пб., 1906, с. 45)».

От себя прибавим, что в книге [*Трубецкой 1906*] фраза Левашёва приведена по-французски, без русского перевода: «Ah! Mon Prince, vous avez fait bien du mal a la Russie, vous l'avez reculée de cinquante ans».

13 [к с. 270]. Вот суждение графа Ф. В. Ростопчина: «Ordinairement ce sont les cordonniers qui font les révolutions pour devenir grands seigneurs; mais chez nous ce sont les grands seigneurs qui ont voulu devenir cordonniers» (цит. по [*Шильдер 1905*: 488, примеч. 479]). (Русский перевод: *Обычно это сапожники устраивают революции, чтобы стать большими господами; а у нас захотели стать сапожниками большие господа.*) **30**

14 [к с. 271]. В манифесте Николая I от 12 декабря 1825 года, возвещающем о восшествии его на престол, указывается, что пакет поступил в Государственный Совет 15 октября 1823 года (см. [*Корф 1857*: 106/121]; здесь и в дальнейшем при ссылках на книгу Корфа в числителе указываются страницы по 3-му и 4-му изданиям, а в знаменателе — по 5-му). Текст надписи на пакете приводится нами по *Торжественному объявлению* Константина, найденному в бумагах министра двора князя П. М. Волконского после смерти последнего (т. е. более чем через двадцать лет после смерти Константина!) и помещённому в книге Корфа в качестве одного из приложений: см. [*Константин 1857*]. В манифесте Николая от 12 декабря, помещённом в той же книге, даётся другая редакция той же надписи: «Хранить в Государственном Совете до Моего востребования, а в случае Моей кончины, раскрыть прежде всякого другого действия в чрезвычайном собрании» (см. [*Корф 1857*: 106—107/122]). С точностью до орфографии и пунктуации редакцию манифеста воспроизводят

С. С. Татищев (см. [*Татищев 1893*: 140]) и Н. К. Шильдер (см. [*Шильдер 1905*: 282]). Между оборотами «до востребования Моего» и «до Моего востребования» разница, конечно, невелика, а вот указания «раскрыть в чрезвычайном собрании Совета» и «раскрыть в чрезвычайном собрании» (сановников Империи?) можно считать отнюдь не совпадающими по смыслу.

15 [к с. 271]. Д. И. Лобанов-Ростовский произнёс эту историческую фразу по-французски: в варианте «*Les morts n'ont pas de volonté*» согласно М. М. Сперанскому (см. [*Сперанский 1905*]); в варианте «*Les morts n'ont point de volonté*» согласно М. А. Корфу (см. [*Корф 1857*: 53/61]) и Н. К. Шильдеру (см. [*Шильдер 1903*: 499, примеч. 214]; далее в том же примечании Шильдер пишет: «Если вникнуть в подробности хода дела при обращении с последнею волею Александра I, то нечего удивляться исчезновению распоряжения императрицы Екатерины II по престолонаследию; как гласит предание, в сенате и в синоде в 1796 году также хранились какие-то таинственные пакеты»).

16 [к с. 271]. ●●► По крайней мере один из мотивов поведения Филарета разъяснил мне в декабре 2006 году Максим Леонидович Хижий. Филарет хотел отвести от себя малейшее подозрение в том, что он скрывает подлинную волю Александра (вспомним слухи о завещании Екатерины, упомянутые в комментарии **15**). Именно Филарет настоял на том, чтобы с предназначенных для Успенского собора подлинных документов были сняты копии и чтобы эти копии хранились в иных ответственных местах. Филарет хотел также, чтобы процедура положения пакета в алтарь Собора происходила при свидетелях, — но в этом ему было отказано. Можно полагать, что Филарет хотел быть чист не только перед лицом истории, но и перед лицом возможных обвинений с малоприятными для него последствиями; ведь как пойдёт дело и чем всё может обернуться, наперёд было совершенно неясно. ◀●●

17 [к с. 272]. Это ли не замечательный пример переписывания истории! Все — и первым Николай — признавали императором, начиная с 19 ноября, Константина. А тут вдруг оказалось, что всё это время все заблуждались. Тут пища и для юриста, и для священнослужителя. Каков правовой статус актов, совершённых с 27 ноября по 12 декабря именем Константина? Какова судьба молитв, вознесённых в церквях за Константина как за императора?

18 [к с. 272]. Цитата нами оборвана: в [*Трубецкой 1875*: 10] она заканчивается словами «еслиб оно было довольно сильно для приведения в действие своих предположений», а в [*Трубецкой 1906*: 33] только словами «еслиб оно было довольно сильно».

19 [к с. 272]. Здесь уместно сказать, что подобные недоумение и нерешительность были замечены у части солдат ещё при приведении их к присяге Константину. Они не хотели присягать, потому что не верили в смерть Александра. Тогда их удалось уговорить. Но сказанное подтверждает ту истовость, с которой солдаты относились к присяге — в частности, к соблюдению присяги, уже принесённой.

20 [к с. 272]. Упорство проявляли не только солдаты. Так, в Лейб-Гвардии Конном полку, командуемом А. Ф. Орловым, священник Поляков не решился зачитать солдатам текст присяги Николаю, несмотря на прямой приказ командира полка. Об этом эпизоде рассказывает М. А. Корф [*Корф 1857*: 123/141]. Надо полагать, что священник, не говоря уже о солдатах, не был знаком с манифестом от 12 декабря, в котором не только провозглашалось вступление Николая на престол, но весьма внятно объяснялось, почему царствовать будет Николай, а не Константин. Тот же Корф указывает: «<...> за обеднею 14-го декабря, на эктениях во всех церквах столицы уже возглашали имя нового императора, а самый манифест, которым возведена эта перемена и объяснялись её причины, был прочитан по с л е о б е д н и, перед молебствием. С другой стороны, не озаботились выпустить и рассыпать в народе достаточное число печатных экземпляров этого акта, тогда как частные разношники на улицах продавали экземпляры новой присяги, но без манифеста, т. е. без ключа к ней. Манифеста в это утро почти нельзя было и купить <...>» [*Корф 1857*: 122/139—140] **31**. Если в «констатирующей» части манифеста разъяснялись причины событий, то в «постановляющей» части содержалось повеление присягать. Начальство и исполняло это повеление, полагая не слишком обязательным объяснять что-либо тем, кого оно заставляло присягать. Это всё очень по-русски. Недоумение народа продолжалось в Петербурге и на следующий день, о чём свидетельствует А. Х. Бенкендорф: «<...> я подошёл к одной толпе и, увидев стоявшего в ней купца, которого знал, как человека скромного и тихого, спросил его, по какому поводу этот народ <...> теперь не хочет меня знать и даже как бы кичится передо мною, купец отвечал с некоторым смущением, что он первый не знает сам, как ему смотреть на меня: „Вчера, — продолжал он, — вы дрались, и сегодня, кажется, снова хотите начать бой; вы присягнули Николаю Павловичу и преследовали солдат⁹,

⁹ Солдатам предстояли наказания шпицрутенами и ссылки в отдалённые гарнизоны. Расправы с солдатами за то, что они не изменили присяге «нашему государю», т. е. Константину Павловичу, и выполнили приказы своих командиров, являются, на мой взгляд, чудовищным преступлением Николая I, самым преступным его действием в деле декабристов. — В. У.

оставшихся верными нашему государю; что нам обо всём этом думать, и что с нами будет?». Видя из его слов, что беспокойство народа проистекает из общего неведения о манифесте <...>» (см. [Шильдер 1903: 307]). «Пока всё это происходило в столице, на всём пространстве России присягали новому государю, одному вслед за другим, так что во многих местах были споры за церкви. Военные, получившие прежде приказы о присяге Николаю, оспаривали храмы у гражданских, которые в то же время присягали Константину» [Трубецкой 1875: 20; 1906: 38] ³².

²¹ [к с. 273]. Письмо Александра Константину публикует Корф (см. [Корф 1857: 19—20/21—22]), но без обращения и подписи, а полностью — Шильдер (см. [Шильдер 1903: 148]).

²² [к с. 273]. В письме к матери от 26 ноября 1825 года (см. [Корф 1857: 39/45]) и в своём Торжественном объявлении (см. [Константин 1857: 16/23]).

²³ [к с. 273]. Шильдер пишет: «О существовании акта, назначавшего великого князя Николая Павловича наследником престола, при жизни Александра никто не знал, за исключением трёх государственных сановников: графа Аракчеева, князя А. Н. Голицына и архиепископа московского Филарета. По роковому стечению обстоятельств ни один из них не присутствовал при кончине государя в Таганроге» ([Шильдер 1905: 388]). А из числа в Таганроге присутствовавших в тайну не был посвящён никто — ни императрица Елизавета Алексеевна, ни состоявшие при особе императора генерал-адъютанты: князь П. М. Волконский (впоследствии светлейший князь и генерал-фельдмаршал), барон И. И. Дибич (начальник Главного штаба, впоследствии граф Дибич-Забалканский и генерал-фельдмаршал), А. И. Чернышёв (впоследствии светлейший князь). Шильдер записал рассказ Дибича о том, как он побоялся задать императрице непростой, но необходимый вопрос и уговорил сделать это Волконского. «Когда в Таганроге болезнь Александра не подавала уже никакой надежды на выздоровление, рассказывает Дибич, князь Волконский советовал мне спросить у императрицы, к кому, в случае кончины государя, должно будет относиться мне как начальнику Главного штаба его величества. <...> Я настоятельно просил его принять на себя объяснение с государынею. <...> Мы вошли к ней вдвоём в комнату государя, лежавшего в забытьи, и князь Волконский, подойдя к Елизавете Алексеевне, сказал ей, что я как начальник штаба прошу её сказать, к кому, в случае несчастья, мне должно будет относиться. <...>. — Разумеется, в несчастном случае надо будет относиться к Константину Павловичу, сказала императрица» ([Шильдер 1905: 388—389]).

24 [к с. 274]. Московский (основной) конверт прибыл по назначению 27 августа 1823 года. «27-го августа государь прислал Филарету манифест, подписанный в Царском Селе, 16-м числом того же месяца, в запечатанном конверте, с собственноручной его величества надписью: „Хранить в Успенском соборе с государственными актами до востребования моего, а в случае моей кончины открыть московскому епархиальному архиерею и московскому генерал-губернатору в Успенском соборе прежде всякого другого действия“. <...> Впоследствии оказалось, что князь Голицын ничего не знал о существовании акта, хранившегося в Успенском соборе» ([Шильдер 1905: с. 280]). Далее Шильдер указывает, что копии, предназначенные для Государственного Совета, Синода и Сената, поступили значительно позже. Так, в Госсовет копия поступила лишь в середине октября.

25 [к с. 274]. Слухи могли доходить и из-за границы. Дело в том, что Александр посвятил в свои планы двух принцев Вильгельмов, а именно: осенью 1823 года будущего императора германского Вильгельма I и весной 1825 года будущего короля нидерландского Вильгельма II. Есть основания полагать, что за границей требование Александра о сохранении тайны было исполнено не так скрупулёзно, как в России.

26 [к с. 278]. Например, в полутоме 44 «Энциклопедического словаря» издания Брокгауз—Ефрон, выпущенном в 1897 году, о смерти Павла в одноимённой статье говорится на с. 551 лишь то, что в ночь с 11 на 12 марта 1801 года он «скоропостижно скончался». Аналогичное умолчание («Павел скончался 11 марта 1801 года») — и в гимназическом учебнике 1901 года (см. [Елпатьевский 1901: 387]). Слова Константина *задушили отца*, приведённые С. П. Трубецким и дважды встречающиеся на страницах заграничного издания его книги (см. [Трубецкой 1875: 5, 96]), в России могли быть напечатаны только после событий 1905 года (см. [Трубецкой 1906: 32]). Мне было любопытно узнать, как разрешит эту проблему Николай Карлович Шильдер — Шильдер, написавший семь увесистых томов, основательных и увлекательных одновременно, о трёх последовательных императорах, Павле, Александре и Николае, — Шильдер, впервые опубликовавший ряд важных документов (относительно некоторых из них можно только поражаться, как ему удалось до них добраться), — добросовестный Шильдер с его подчёркнутым вниманием к исторической истине. Шильдер извернулся так: он описал ситуацию с точки зрения караула Михайловского замка: «В главном карауле все дремали. Вдруг прибегает лакей с криком: „Спасайте!“. Поручик Полторацкий обнажил шпагу и, обращаясь к солдатам, воскликнул: „Ребята, за царя!“. Все бросились вслед за Полторацким, перебежали двор и поднялись

по парадной лестнице. Но вдруг на верхней площадке появились граф Пален и генерал Беннигсен. Раздалась команда: „Караул, стой!“, а затем они услышали слова: „Государь скончался апоплексическим ударом; у нас теперь новый император, Александр Павлович!“» [*Шильдер 1901*: 492].

27 [к с. 279]. Легенда о старце Фёдоре Кузьмиче — не свидетельствует ли она о бытовавшем отчасти в народе мнении именно о хитрости Александра?

28 [к с. 281]. Вот что сказано по этому поводу на с. 188 книги Шильдера: «Воцарилось молчание, и совет выслушал чтение манифеста императора Александра, заключавшего его последнюю волю, и письмо цесаревича Константина Павловича на имя покойного государя с ответом на него императора Александра» [*Шильдер 1903*].

29 [к с. 282]. Под многовариантностью прошлого мы понимаем реализацию следующей ситуации. Имеется несколько гипотетических картин прошлого, причём нет и не может быть никакого способа предпочесть одну из них другой. В такой ситуации можно считать, что **каждая из этих картин прошлого имела место в действительности**. Это, конечно, требует известной перестройки нашего сознания, но, возможно, не большей, чем та перестройка, которая произошла, когда теория относительности разъяснила нам, что понятие одновременности не является абсолютным, а зависит от точки зрения наблюдателя.

30 [к с. 287]. 14-е декабря 1825 года

Вас развратило Самовластье,
И меч его вас поразил, —
И в неподкупном беспристрастье
Сей приговор Закон скрепил.
Народ, чуждаясь вероломства,
Поносит ваши имена —
И ваша память от потомства,
Как труп в земле, схоронена.
О жертвы мысли безрассудной,
Вы уповали, может быть,
Что станет вашей крови скудной,
Чтоб вечный полюс растопить!
Едва, дымясь, она сверкнула,
На вековой громаде льдов,
Зима железная дохнула —
И не осталось и следов.

*Ф. И. Тютчев. 1826 год, не ранее августа;
впервые опубликовано в 1881 году.*

31 [к с. 289]. ●●► Как это по-русски! Российские традиции сохраняются столетиями и не зависят от общественного строя. «Ведущие российские ликёроводочные заводы с 1 января [2006 года] прекратили производство алкогольной продукции. Причина — не успели напечатать новые акцизные марки, которые введены в России вступившим с нового года в силу законом „О госрегулировании производства и оборота спирта и алкоголя“», — пишет деловая газета «Взгляд» в номере от 12 января 2006 года, в статье «Вынужденная остановка» [<http://www.vz.ru/society/2006/1/12/18497.html>]. ◀●●

32 [к с. 290]. ●●► История российская богата подобными примерами — примерами того, когда дурные последствия имело не столько суть какого-либо нововведения, сколько неуклюжее проведение этого нововведения в жизнь. Как известно, дьявол — в деталях, а демократия — в процедурах. Процедуры у нас всегда были в дефиците, радующие же князя тьмы детали, напротив, в избытке. Взять хотя бы приведшие к расколу реформы патриарха Никона. Оставим в стороне богословскую справедливость или же несправедливость этих реформ (хотя не упустим заметить, что двуперстное крестное знамение — как у боярыни Морозовой на картине Сурикова — ныне признано Русской православной церковью равночестным трёхперстному). И ограничимся констатацией того, что именно непродуманное, поспешное и насильственное проведение реформы привело к трагедии раскола с её массовыми репрессиями и саможжениями.

Примеры поставляет и наша новейшая история. Возьмём так называемую «монетизацию льгот», заключающуюся в замене различных льгот, предоставляемых пенсионерам, на денежные выплаты, по замыслу — эквивалентные соответствующим льготам. Оставим в стороне разумность или же неразумность принятого властями (Госдума — Совет Федерации — Президент) закона о монетизации (авторитеты в области рыночной экономики говорят, что в принципе он разумен; впрочем, достаточность заменяющих льготы выплат подвергается серьёзному сомнению). Но для несчастных пенсионеров внезапная отмена — с 1 января 2005 года — бесплатного проезда и прочих льгот явилась внезапно, как гром среди ясного неба. Замена была воспринята как отмена и вызвала народные волнения. Волнений было бы меньше или не было бы совсем, если бы сначала были произведены денежные выплаты, а потом отменены льготы или хотя бы закон о монетизации не был принят так поспешно, в конце 2004 года, и тем самым пенсионеры были бы заранее предупреждены. Но тогда можно было бы спросить себя: в России ли мы живём. Разумеется, все отмены были произведены строго 1 января, а выплаты — с задержками,

иногда немалыми. К тому же как раз с 1 января 2005 года было увеличено количество нерабочих дней в начале января. Первая декада 2005 года оказалась нерабочей. Это обстоятельство, с одной стороны, задержало выплаты, а с другой — сделало чиновников недоступными для каких-либо вопросов со стороны населения.

И ещё о последствиях внезапно наступившего нового, 2005-го года. С того же 1 января были изменены таможенные правила, что сильно задержало растаможивание некоторых поступающих в Россию предметов. В частности, такая задержка произошла с заказанными за рубежом для медицинских целей радиоактивными веществами. Следует иметь в виду, что эти вещества заказываются с тем расчётом, чтобы они поступили в операционный блок не позже определённого числа, поскольку они сравнительно быстро теряют свои радиоактивные лечебные свойства. Задержка как раз к такой потере и приводила. Эту неувязку я испытал на себе. В конце 2004 года у меня был диагностирован рак простаты и квалифицированный консилиум постановил применить ко мне брахитерапию, заключающуюся в помещении внутрь простаты радиоактивных зёрен. Зёрна выписываются из Европы и стоят довольно дорого. У онкологического института, который меня лечил, имелся хорошо налаженный канал связи с европейским производителем зёрен, и было известно, когда надо их заказать, чтобы они прибыли в Москву в нужный момент. Я заплатил 10 тысяч евро и зёрна были заказаны. Но вместо того, чтобы оказаться в Москве в запланированное время, они надолго застряли на таможне. Потому что с 1 января 2005 года был изменён порядок провоза радиоактивных веществ через государственную границу РФ. Контроль за провозом переходил от одного ведомства к другому, что требовало соответствующих бланков, которые не были готовы. И неудивительно, поскольку закон об изменении таможенных правил, как и другие судьбоносные законы (о монетизации льгот, о нерабочих днях в начале года, об отмене налоговых льгот для типографий¹⁰ и т. д.) был принят в самые последние дни 2004 года, после чего 2005 год начался со всеобщих многодневных каникул. Когда мне сделали операцию

¹⁰ Последствия этой отмены я имел возможность наблюдать. В конце января 2005 года торжественно, не без шикарности, отмечалось 80-летие журнала «Новый мир». Предполагалось подарить каждому присутствующему юбилейный первый номер за 2005 год. Вместо этого главный редактор помахал со сцены единственным отпечатанным экземпляром номера. Потому что налогообложение типографских работ по печатанию СМИ с 1 января 2005 года перешло из строки «Культура» в строку «Коммерция» (могу ошибаться в деталях и названиях). Стандартной суммы, уплаченной журналом типографии, хватило лишь на демонстрационный номер.

(а делавшая её бригада состояла из пяти врачей), я не удержался и сказал: «Но вы же положили мне зёрна, утратившие радиацию». Отводя глаза, мне отвечали: «Ну, мы вам больше положили». Рецидив возник через три года. Ввиду присутствия в простате зёрен, хотя и практически утративших радиоактивность, обычные в таких случаях методы лечения были неприменимы. С тех пор я вынужден посещать онкологический диспансер и получать там уколы в живот.

И ещё на тему о таможене. Время от времени приходится читать о миллионных убытках, произошедших от простоя экспортируемого товара на таможнях, причиной же простоя было несвоевременное поступление в таможни новых бланков и новых инструкций. Сходный случай случился на алкогольном рынке (см. примечание 31): были введены новые акцизные марки, и с какого-то числа всякая бутылка, не носящая на себе марки нового образца, считалась незаконной; сами же марки как физические тела были изготовлены гораздо позже указанного числа (а ведь как просто — сперва напечатать и распространить марки, а уже потом вводить принятый закон в действие; но тогда это была бы не Россия). ◀●●

Литература

- [Александра Фёдоровна 1896] Воспоминания императрицы Александры Фёдоровны с 1817 по 1820 год // Русская старина. — 1896. — Т. 88. — Октябрь. — С. 13—60.
- [Бирс 1938] Бирс А. Рассказы / Под ред. И. А. Кашкина. — М.: Художественная литература, 1938. — 152 с.
- [Венцлова 2015] Венцлова Т. Пограничье: Публицистика разных лет. — СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2015. — С. 501—523.
- [Гаспаров 1994] Гаспаров Б. М. Тартуская школа 1960-х годов как семиотический феномен // [ЮМЛ], с. 279—294.
- [Егоров 1994] Егоров Б. Ф. Полдюжины поправок // [ЮМЛ], с. 304—308.
- [Елпатьевский 1901] Елпатьевский К. Учебник русской истории. — СПб., 1901. — 486 с.
- [Зализняк, Иванов, Топоров 1962] Зализняк А. А., Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. О возможности структурно-типологического изучения некоторых моделирующих семиотических систем // Структурно-типологические исследования: Сб. статей / Отв. ред. Т. Н. Молошная. — М.: Изд-во АН СССР, 1962. — С. 134—143.
- [Иванов 1994] Иванов Вяч. Вс. Из следующего века // [ЮМЛ], с. 486—490.

- [*Константин 1857*] Любезнейшим Своим соотчичам от Его Императорского Высочества Цесаревича, Великого Князя Константина Павловича торжественное объявление // [*Корф 1857*], приложение № 4¹¹.
- [*Корф 1857*]¹² *Корф М. А.* Восшествие на престол императора Николая I. — 3-е изд. [первое для публики¹³]. — СПб., 1857. — XIV + 236 с.; 4-е изд. [второе для публики]. — СПб., 1857. — XIV + 206 + 31 с.; 5-е изд., дополненное [третье для публики]. — СПб., 1857. — XIV + 238 + 42 с. [Примечание. На титуле указано: «Составлено по Высочайшему повелению». В предисловии указаны годы первых двух изданий: 1848 год для 1-го и 1854 год для 2-го — и сказано: «описание было дважды напечатано, но оба раза лишь в 25 экземплярах, единственно для членов Императорского Дома и немногих приближённых, как семейная тайна»¹⁴. Издания 3-е и 4-е совпадают до с. 206 включительно; далее идут приложения с отдельной в издании 4-м пагинацией.]
- [*Лазаревский 1898*] *Лазаревский Н.* Престолонаследие // Энциклопедический словарь. — Т. XXV, полутом 49. — СПб.: Изд. Брокгауз—Ефрон, 1898. — С. 84—87.
- [*Лесскис 1994*] *Лесскис Г. А.* О летней школе и семиотиках // [*ЮМЛ*], с. 313—318.
- [*Лотман 1993*] Более всего опасна победа. Последнее интервью Юрия Лотмана / Интервьюер Л. Глушковая // Известия. — 1993. — 1 декабря. — С. 10.
- [*Лотман 1994а*] *Лотман Ю. М.* Зимние заметки о летних школах // [*ЮМЛ*], с. 295—298.
- [*Лотман 1994б*] *Лотман Ю. М.* Заметки о тартуских семиотических изданиях // [*ЮМЛ*], с. 497—501.
- [*Огарёв 1858*] Разбор книги Корфа [впервые напечатано в книге «14 декабря и император Николай», изданной в 1858 году в Лондоне редакцией «Полярной звезды» с подзаголовком «По поводу книги Барона Корфа»] // [*Огарёв 1952*], с. 203—270¹⁵.

¹¹ ► Текст торжественного объявления Константина перепечатан в сборнике [*Рудницкая 1994*: 305—309]. ◀

¹² Напоминаем, что при ссылках на страницы этой книги перед косой чертой указываются номера страниц по 3-му или 4-му изданию (они совпадают), а после косой черты — по 5-му изданию.

¹³ ► Третье (первое для публики) издание книги Корфа перепечатано в вышедшем в 1994 году сборнике [*Рудницкая 1994*: 207—314]. ◀

¹⁴ Согласно [*Черняк 1952*: 819], первое издание называлось «Историческое описание 14-го декабря 1825-го года и предшествующих ему событий», а второе издание — «Четырнадцатое декабря 1825 года».

¹⁵ ► А также [*Рудницкая 1994*: 159—206]. ◀

- [Огарёв 1952] Огарёв Н. П. Избранные социально-политические и философские произведения: В 2 тт. — Т. 1. — [М.]: Госполитиздат, 1952. — 863 с.
- [Оленин 1877] Записка государственного секретаря А. Н. Оленина о заседании Государственного Совета, по получении известия о кончине Императора Александра I // Сборник Императорского русского исторического общества. — Т. 20. — СПб., 1877. — С. 499—516.
- [Первый 1989] Первый съезд народных депутатов СССР (25 мая—9 июня 1989 года): [В 6 тт.]: Стенографический отчёт. — Т. 1. — М.: Издание Верховного Совета СССР, 1989. — 574 с.
- [ПСС 1911] Полный свод законов Российской империи: В 2 книгах / Сост. А. Л. Саатчиан; Под ред. А. А. Добровольского. — СПб.: Книжн. магазин «Законоведение», 1911.
- [Рудницкая 1994] 14 декабря 1825 года и его истолкователи (Герцен и Огарёв против барона Корфа) / Отв. ред. Е. Л. Рудницкая. — М.: Наука, 1994. — 455 с. ◀●
- [Симпозиум 1962] Симпозиум по структурному изучению знаковых систем: Тезисы докладов. — М.: Изд. АН СССР, 1962. — 159 с.
- [Соллогуб 1931] Соллогуб В. А. Воспоминания / Редакция, предисл. и примеч. С. П. Шестерикова. — М.—Л.: Academia, 1931. — 654 с.
- [Сперанский 1905] Краткая собственноручная записка [М. М.] Сперанского о событиях 27 ноября 1825 года // [Шильдер 1905], приложение XXVIII, с. 616.
- [Татищев 1893] Татищев С. Воцарение Императора Николая. По неизданным источникам Парижского архива Министерства иностранных дел // Русский вестник. — 1893. — Т. 225. — № 3. — С. 136—167.
- [Трубецкой 1875] Трубецкой С. П. Записки (с приложениями). — 2-е изд. — Лейпциг: Э. Л. Каспрович, 1875. — 127 с.
- [Трубецкой 1906] Трубецкой С. П. Записки. Издание его дочерей. — СПб., 1906 [на титуле] — 1907 [на обложке]. — 210 + VI с.
- [Успенский 1982] Успенский В. А. Что такое парадокс? // [FDL], с. 159—162. [В настоящем издании: кн. 2, с. 337—341.]
- [Успенский 1992] Успенский В. А. Серебряный век структурной, прикладной и математической лингвистики в СССР и В. Ю. Розенцвейг: Как это начиналось (заметки очевидца) // Wiener Slawistischer Almanach. — Sonderband 33. — Wien, 1992. — S. 119—162. [В настоящем издании: кн. 3, с. 293—471.]
- [Успенский 1993] Успенский В. А. Колмогоров, каким я его помню // Колмогоров в воспоминаниях / Ред.-сост. А. Н. Ширяев. — М.: Физматлит, 1993. — С. 280—384.

- [Успенский 2006] Успенский В. А. Колмогоров, каким я его помню // Колмогоров в воспоминаниях учеников / Ред.-сост. А. Н. Ширяев; Подготовка текста Н. Г. Химченко. — М.: МЦНМО, 2006. — С. 272—371. [В настоящей книге: «Колмогоров как центр моего мира», с. 59—198.]
- [Филарет 1874] Филарет, митрополит Московский и Коломенский. Слова и речи. — Т. 2. — М., 1874. — 426 + IV с.
- [Черняк 1952] Черняк Я. З. Примечания // [Огарёв 1952], с. 805—861.
- [Шильдер 1901] Шильдер Н. К. Император Павел Первый. — СПб., 1901. — 606 с.
- [Шильдер 1903] Шильдер Н. К. Император Николай Первый, его жизнь и царствование. — Т. 1. — СПб.: Изд. Суворина, 1903. — 800 с.
- [Шильдер 1905] Шильдер Н. К. Император Александр Первый, его жизнь и царствование. — Т. 4. — 2-е изд. — СПб.: Изд. Суворина, 1905. — 651 с.
- [ЮМЛ] Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа / Сост. А. Д. Кошелев. — М.: Гнозис, 1994. — 548 с.
- [FDL] Finitis duodecim lustris: Сборник статей к 60-летию проф. Ю. М. Лотмана / Сост. С. Исаков. — Таллин: Ээсти раамат, 1982. — 176 с.
- [Wilde 1923] Wilde O. The Complete Works of Oscar Wilde. — V. 5: Intentions. — Garden City, N.Y.: Doubleday, Page & Co., 1923. — P. 5—63.

Послесловие от августа 2001 года

1. Послесловие это касается лишь третьего раздела статьи, а точнее — той части этого раздела, где обсуждается тайна, окружавшая завещание Александра I, её причины и её последствия.

2. Когда я писал свою статью, то не знал, что параллельно с «Лотмановским сборником» выходит в свет подготовленный Е.Л. Рудницкой и А.Г. Тартаковским сборник «14 декабря и его истолкователи (Герцен и Огарёв против барона Корфа)», теперь добавленный в список литературы под фамилией его ответственного редактора¹⁶, — см. [*Рудницкая 1994*]. Оба сборника появились практически одновременно: «Лотмановский сборник» был подписан к печати 18.12.1994, а «14 декабря и его истолкователи» — 13.10.1994. Тексты, которые я выписывал из книг Корфа, ставших библиографическими раритетами, оказалось теперь возможным найти на страницах сборника [*Рудницкая 1994*], потому что на с. 207—314 этого сборника было полностью перепечатано третье издание Корфа (почему не дополненное пятое, осталось непрояснённым). Вот состав сборника: вступительная статья составителей «Вольная русская печать и книга барона Корфа» (с. 5—64); перепечатка изданной в 1858 года в Лондоне редакцией «Полярной звезды» книги «14 декабря 1825 и император Николай» (с. 65—206); перепечатка книги Корфа (с. 207—314); записки Николая I (с. 317—341); замечания Николая I на книгу Корфа (с. 342—354); воспоминания великого князя Михаила Павловича о событиях 14 декабря, записанные Корфом (с. 353—369); возражения Корфа на «Письмо к Александру II (по поводу книги барона Корфа)» Герцена (с. 370—374); Корфово «Самовосхваление против Герцена» (с. 375—377); В.Е. Якушкин, «Заметки А.Н. Сутгофа о 14 декабря 1825 года» (с. 378—382); замечания С.П. Трубецкого на книгу Корфа (с. 383—389).

Окажись сборник [*Рудницкая 1994*] доступным при написании моей статьи, я, во-первых, сослался бы на него, а во-вторых, адреса цитат из Корфа давал бы не только по изданиям 1857 года, но и по этому сборнику. Из уважения к читателю и для его удобства приведу некоторые примеры соответствия страниц из [*Корф 1857*] и страниц из [*Рудницкая 1994*]. Мы будем обозначать эти книги для краткости [Ko] и [Ru] и внутри тех же квадратных скобок указывать соответствующие страницы (у Корфа, как всегда, в числителе —

¹⁶ Определение правильного алфавитного места для названий, начинающихся с цифры, встречает очевидные затруднения. Кажется, высокая наука требует, чтобы названная книга помещалась на букву че.

номера страниц по 3-му и 4-му изданиям, а в знаменателе — по 5-му):

а) *Отречение* Константина, *Рескрипт* и *Манифест* Александра: [Ко: 17—24/19—29] — [Ру: 220—223];

б) фраза «Мёртвые воли не имеют», произнесённая при вскрытии пакета с *Манифестом* Александра: [Ко: 53/61] — [Ру: 236];

в) подготовка манифеста Николая (Н. М. Карамзин, М. М. Сперанский, Яков Ростовцев, Гавриил Попов): [Ко: 94—105/108—121] — [Ру: 252—257]; начало манифеста: [Ко: 106/121] — [Ру: 257];

г) кафкианская обстановка, в которой происходило принесение присяги Николаю: [Ко: 122—123/129—141] — [Ру: 263—264].

3. Автор полагает, что сокрытие Александром своего завещательного манифеста имело своим непосредственным результатом неудавшееся восстание (или подавленный мятеж¹⁷) 14 декабря 1825 года, что без этого сокрытия не было бы и восстания (или мятежа) и что потому сокрытие это имело для России тяжелейшие последствия («это зарево осветит конечную гибель России» — вспомним эту цитату из письма Ростовцева Николаю). Со сказанным спорить невозможно — и не потому, что оно верно, а потому, что оно слишком субъективно. Кто-то скажет, что последствия были самые радостные: декабристы разбудили Герцена и т. д. Другие скажут, что восстание всё равно произошло бы, поскольку восстания вызываются не субъективными действиями отдельного человека, пусть даже царя, а причинами объективными, как-то: пауперизацией, разложением крепостнического строя, капитализацией (или, напротив, декапитализацией) производства и т. п.

Вопрос о роли субъективного фактора в истории, конечно же, не нов. Рассуждения о том, мог ли Наполеон выиграть сражение при Ватерлоо, не будь у него насморка, уже набили оскомину. Автор допускает, что мог бы (хотя и в этом гипотетическом случае Наполеон вскоре лишился бы престола). Вообще, автор — решительный защитник субъективных факторов. Так, он полагает, что на приведший к революции кризис монархии в России в XX веке значительное усиливающее этот кризис влияние оказала гемофилия наследника престола.

Спорить на эти темы бесполезно, потому что речь идёт об оценках, а они субъективны по определению. Так, покойный Андрей Григорьевич Тартаковский, один из создателей сборника [*Рудницкая 1994*] и один из авторов вступительной статьи к этому сборнику, будучи

¹⁷ От пристрастий называющего зависит, как назвать это событие.

мною приглашён высказаться по поводу мнения о том, что одной из главных движущих пружин Декабрьского восстания была тайна, которой был окутан вопрос о престолонаследии, решительно не согласился с этим мнением, заявив, что главным было намерение Александра провести конституционную реформу. Хотя заявленная в этом суждении связь между явлениями остаётся для меня непонятной, считаю необходимым привести здесь точку зрения известного историка. (Уж не рассердил ли я Андрея Григорьевича? Неужто справедливо суждение Бориса Заходера, высказанное им мне про прочтении моей статьи из «Лотмановского сборника»: «Представляю, как разозлятся историки»?)

4. Иначе обстоит дело с обсуждением причин сокрытия Александром своего манифеста. Здесь речь идёт уже не об оценках, а о конкретной версии. Здесь мне было бы любопытно услышать возражения, но пока я таковых не услышал. Напротив, один из ведущих специалистов по александровской эпохе Андрей Леонидович Зорин, ознакомившись с моей статьёй и согласившись с моей версией, указал на документальное свидетельство, эту версию косвенно подтверждающее. Вот что рассказал, а потом, по моей просьбе, и написал мне А. Л. Зорин:

Р. С. Стурдза (в замужестве Эдлинг), фрейлина императрицы Елизаветы Алексеевны, очень близкая с императором, в 1814—1815 годах напряжённо пыталась примирить его с женой. В своих воспоминаниях об их тогдашних беседах она писала, что, по её ощущениям, император боялся, что у него может появиться наследник.

Воспоминания были напечатаны сначала по-французски, их русский перевод печатался в «Русском архиве» и вошёл в недавнюю книжку мемуаров об Александре: см. *Эдлинг Р. С. Записки // Державный сфинкс / Сост. А. Либерман, В. Наумов, С. Шокарев. — М.: Фонд Сергея Дубова, 1999.*

Алексей Андреевич Ляпунов — вспышки памяти

Первым, после вступительного слова вице-президента Академии наук, выступление на этой конференции, было выступление Риммы Ивановны Подловченко, ученицы Ляпунова. Оно было озаглавлено так: «А. А. Ляпунов — яркое явление духовной культуры». Полностью соглашаясь с этой характеристикой Алексея Андреевича, хотел бы прибавить к ней следующее. Алексей Андреевич Ляпунов — яркое явление в судьбе, в памяти каждого человека, с которым он общался. Он выжигал в душе человека какие-то искорки. В моей душе он тоже выжег некоторое количество искр. Некоторые мне удалось раздуть до вспышек, и о них я сейчас расскажу (другие искры были, увы, погашены ассистентами доктора Альцгеймера).

Первая вспышка. Впервые я увидел Алексея Андреевича Ляпунова, когда я был восьмиклассником. Я не знаю, присутствуют ли здесь такие люди, которые видели его осенью 1945-го года. Я ходил на всевозможные математические мероприятия для школьников в Московский университет. Там были разные кружки школьные, читались замечательные лекции по воскресеньям. Вот Юрий Иванович¹ качает головой, тоже, я чувствую, слушал эти лекции.

Весной 1945 года кончилась война, осенью после какой-то лекции появляется человек в шинели и с боевым орденом Красной звезды. Я бы сказал, вид у него был странствующего проповедника, необычный совершенно. Рядом с ним стоят помощники, которые будут вести кружок. И он говорит: «Я приглашаю вас на кружок, который будет изучать бесконечность». Ну, у меня сердце замерло. И конечно, я на этот кружок побежал.

Отредактированная запись выступления на Конференции, посвящённой 100-летию Алексея Андреевича Ляпунова (10 ноября 2011 года, Президиум Российской академии наук, президентский зал, Москва, Ленинский пр-т, 32а). Видео Конференции выложены в Интернете: <http://www.mathnet.ru/conf261>. Расшифровка Н. М. Панюнина.

¹ ●► Юрий Иванович Журавлёв председательствовал на моём выступлении. ◀●

К сожалению, сам Алексей Андреевич на своём кружке появлялся редко, и фактически кружок вели помощники руководителя — Саша Лунц, который тогда был аспирантом, и Лена Гливенко, которая тогда была студенткой. Но самое главное другое. Я уже ходил на кружок Евгения Борисовича Дынкина, моего первого учителя математики. И как я ни пытался совместить два кружка, не получалось. Поэтому я походил-походил и перестал, о чём, конечно, сожалею.

Вот это впечатление от первого появления человека в шинели, оно незабываемо. Я тогда не понимал, что это Алексей Андреевич Ляпунов, мне, может, кто-то и сказал, но я, конечно, пропустил мимо ушей. У него были горящие глаза. У него всегда горели глаза, сколько я его видел. Я не думаю,

что он тушил эти глаза, когда я его не видел. И всегда потрясающие интонации в выступлениях. Я никогда таких интонаций не слышал. Выступления его были очень эмоциональны, всегда с ударами на союзы. Он говорил «И» и поднимал палец, он говорил «Но» и тоже поднимал палец. Все замирали.

Впечатление было совершенно потрясающее. Было видно, что он в науку влюблён. Он был влюблён в науку и в истину. Он всегда получал зарплату за занятия наукой и добывание истины. Но у меня было всегда впечатление, что он был готов платить сам, за то, чтобы ему позволили заниматься наукой и искать эту истину. И притом не просто искать истину, а бороться за истину. Тут уже говорили, что было труднейшее время. Сергей Петрович Капица уже говорил об этом. Вспомним преследование генетики и кибернетики. За генетику вообще в тюрьму сажали, а за кибернетику не сажали, но могли уволить. Это всё было более-менее на моих глазах. Так вот он боролся. Он рисковал своей карьерой. Он был бесстрашен. Он был Дон Кихот. Боролся с совершенно не очевидным исходом. Он всегда поддерживал



А. А. Ляпунов в 1943 году.

Фото из книги: *Н. Н. Воронцов.*

А. А. Ляпунов. Очерк жизни и творчества. Окружение и личность. — М.: Новый хронограф, 2011.

всё новое, которое только пробивалось сквозь асфальт и на которое вот-вот наедет каток власти. А он всегда пытался встать поперёк катка. И ему удавалось отогнать каток. Это производило неслыханное впечатление, в том числе и на меня. Такое впечатление, что в нём сидел ген тех Ляпуновых, которые участвовали в смуте в конце 16 — начале 17 века, он в нём бурлил. Но вернёмся в 1945-й год.

В 1945/46 учебном году я был ещё восьмиклассником, но в 1946/47 — уже десятиклассником и осенью 1947 года поступил на первый курс механико-математического факультета (мехмата) Московского университета. В Университете я изредка встречал Алексея Андреевича в коридорах и на семинарах по математической логике, которые вели Пётр Сергеевич Новиков, один из крупнейших учёных России 20-го века, и Софья Александровна Яновская, чрезвычайно много сделавшая для развития в СССР математической логики. Яновская не имела математических теорем. Но, скажем, Дягилев тоже не танцевал, но русский балет, как его сегодня понимают во всём мире, создал он. Так вот, она сыграла огромную роль в развитии математической логики. Но это отдельный вопрос.

Как мы с ним познакомились, я, честно скажу, не помню. Вторая вспышка в 1952-м. Первая вспышка в 1945-м, я восьмиклассник, а вторая вспышка — я уже аспирант Колмогорова по математической логике. Колмогоров велит мне заниматься рекурсивными функциями. Он говорит мне, что это такие функции, которые почти никто не знает в нашей стране, но что они очень важные. Рекурсивные функции — это одна из математических формализаций интуитивного понятия вычислимой функции. А вычислимые функции — это такие, для которых имеются алгоритмы их вычисления. Назначает мне экзамены кандидатского минимума, которые нужно сдавать. Причём тогда было совершенно не так, как сейчас. Никакой экзамен по специальности не сдавался. Потому что Колмогоров сказал мне так: «Смешно вам сдавать экзамен по математической логике, вы и так её должны знать, без всякого экзамена. А вот по уравнениям математической физики — это один возможный экзамен». Алгебра — это был для меня самый страшный экзамен, его у меня принимали Колмогоров и Курош. И ещё теория релейно-контактных схем. Ещё были так называемые отчёты — это как зачёты. Просто да-нет. Так вот, Колмогоров велит мне выучить дескриптивную теорию множеств и сдать в качестве зачёта. Дескриптивная теория множеств — это та ветвь теории множеств, которая противопоставлена метрической теории множеств. Метрическая теория множеств связана с измерением длины множества (если оно расположено, например, на прямой

или на окружности), площади множества, объёма множества; и это не просто, скажем, объём шара. Измеряемое множество может быть очень сложно устроено, быть, так сказать, «разбрызганным». А к дескриптивной теории относится, в частности, проблема континуума, все вопросы мощностей. И она связана с изучением того, как, какие множества строятся из элементарных множеств посредством тех или иных процессов; например, в качестве элементарных множеств могут быть взяты отрезки, а затем трансфинитными процедурами из них строятся более сложные множества. Это довольно тяжёлая дисциплина. Колмогоров задаёт мне выучить две статьи Ляпунова. Точнее, задаёт много статей, но среди них, в частности, две статьи Ляпунова в «Успехах математических наук» за 1950 год. Одна — большая статья по теории A -множеств (совместная с Василием Яковлевичем Арсениным), страниц на 50, и другая, более короткая статья о B -функциях. B -множества и B -функции — это борелевские множества и борелевские функции; A -множества и A -функции — это более сложные множества и функции, и буква A противопоставлена букве B . Буква B — от фамилии Borel, а вот буква A — не известно от кого или от чего. Из изучения того, откуда происходит буква A возникали трагедии в математике: происходила ли эта буква от фамилии Павла Сергеевича Александрова или же от слова «аналитический», потому что у Лузина была знаменитая книга «Лекции об аналитических множествах» как раз об этих A -множествах. Страшно сказать, к чему приводили споры на эту тему.

В 1952 году Сергей Львович Соболев стал заведовать кафедрой вычислительной математики мехмата и сразу же пригласил Ляпунова профессорствовать на этой кафедре, которой тогда было 3 года от роду. 1 сентября 1953 года состоялось открытие нового здания университета. Туда, в частности, переехал мехмат. Я в это время аспирант, и Алексей Андреевич привлекает меня к деятельности этой кафедры. Он вообще меня немножко вёл по жизни. Патронировал. Я ходил на семинары кафедры вычислительной математики, участвовал в её заседаниях².

² На одно из заседаний, помнится, Соболев сильно опоздал — почти на час. Это вызвало ропот (в большинстве своём молчаливый) собравшихся: вот, де, раз академик, что себе позволяет. Ропот, как и повод для него, прекратился с появлением Соболева с забинтованной рукой на перевязи. Оказывается, когда он из-за города ехал на заседание, сидя за рулём своей машины, в открытое окно влетела оса, которая стала кружиться вокруг его лица. Соболев пытался её отогнать, машина вильнула, обо что-то ударилась, и он сломал себе руку. На кафедру он явился прямо из травмпункта — теперь можно сказать: опоздав сравнительно незначительно. Молчаливый ропот сменился молчаливым же уважением.

Третья вспышка. Весной 1954 года он меня приглашает сделать длинный, на три занятия, доклад о рекурсивных функциях на его семинаре. Я делаю этот доклад, и по завершении доклада он мне говорит: «А теперь вы на следующий год объявляете годовой спецкурс». И вот в 1954/55 году я читаю этот годовой спецкурс. Это был важный шаг в моей судьбе. Потому что, старшие товарищи меня всегда учили: «Если человек хочет что-то выучить, он должен прочесть курс по этому предмету». Вот на этом спецкурсе про рекурсивные функции (я повторяю, рекурсивные функции — это одна из формализаций понятия вычислимых функций) я много чего узнал про эти рекурсивные функции, что легло в основу моей книги «Лекции о вычислимых функциях». Это была первая отечественная книга по вычислимым функциям, по вопросам, связанным с алгоритмами, с функциями, вычисляемыми алгоритмами. Она потом была переведена на французский язык, и перевод вышел в Париже. Она же, в свою очередь, была мной защищена как докторская диссертация. Можно считать, что Алексей Андреевич сыграл важнейшую роль в моей жизни: сначала пригласил докладчиком на семинар, а потом велел читать спецкурс, на котором я от самого себя много чего узнал.

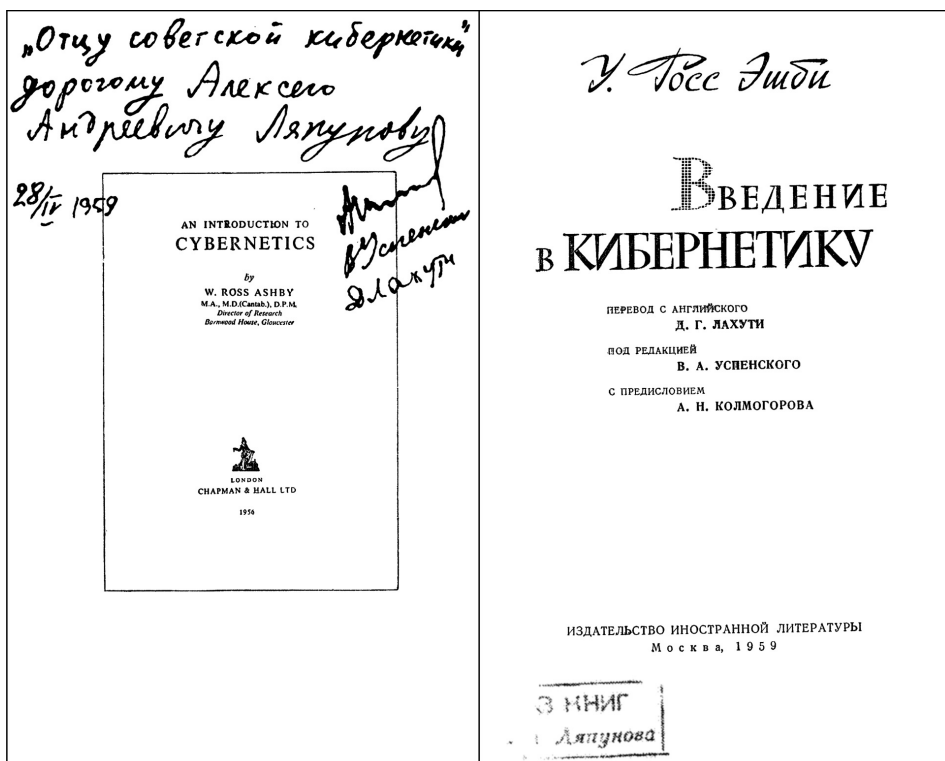
Вспышка четвёртая, с 1955 по 1956 год. Дело сестёр Ляпуновых на биологическом факультете. Дочерей Алексея Андреевича собираются исключать из комсомола, выгонять из университета за занятия неправильной биологией — не мичуринской, не лысенковской, а настоящей биологией. Математической биологией, в частности. Это сёстры Ляля и Туся. (*Вопрос в зале: Они публичке предъявлялись? Ю. И. Журавлёв: Я думаю, что их все знают.*) Нет, так не пойдёт. Ляля и Туся, вставайте и оборачивайтесь лицом к публике. (*Улыбающиеся Ляля и Туся встают под бурные аплодисменты присутствующих.*) Теперь они Елена Алексеевна и Наталья Алексеевна, доктора биологических наук. А тогда они были Ляля и Туся, и был жуткий скандал. Там, на биофаке, их удалось отстоять, но на мехмате это отдаётся, потому что речь шла о занятиях математической биологией, причём отдаётся очень сильно, потому что собираются кого-то исключать за занятия именно математической биологией. Вспоминаю, как ещё за несколько лет до того, когда мехмат располагался на Моховой улице, я иду по его коридору. За закрытой дверью происходит какое-то заседание, то ли Учёного совета, то ли его партийной группы — чего-то такого. И слышу из-за двери совершенно истерический крик: «Мракобес!». Это заведующий кафедрой небесной механики Николай Дмитриевич Моисеев орёт на Алексея Андреевича Ляпунова, который сделал доклад о

математических методах в биологии или о чём-то подобном. Этот крик у меня стоит до сих пор. Время и история показали, кто мракобес. А Николай Дмитриевич Моисеев был человек непростой и, надо сказать, неглупый. Ходил на костылях, всегда носил орденские ленточки, был суперпартийный. Сражаться с такой опасной фигурой в те страшные сталинские годы, мягко говоря, не рекомендовалось.

Пятая вспышка имеет точную дату: 17 февраля 1957 года. Дело в том, что я запротоколировал то, что происходило в этот день. Более чем через полвека отдал эти бумаги, написанные неразборчивым почерком, Якову Ильичу Фету, подвижнику в деле издания материалов по истории кибернетики в СССР. У себя в Новосибирске он эти мои бумаги издаёт, и мой «протокол» попадает в «Очерки по истории информатики в СССР». А происходило в тот день одно из кибернетических совещаний на квартире Алексея Андреевича. Он нередко созывал неформальные встречи у себя на квартире. Они имели традиционный формат. Все сидели за большим столом, обязательно подавался чай, к которому полагались бутерброды с исключительно толсто нарезанной колбасой. Я это помню, потому что всюду бывали такие микросрезы колбасные, а тут — по-другому. Всё это делала Анастасия Савельевна, супруга Алексея Андреевича и мама Ляли и Туси. Очень гостеприимная хозяйка. Как она нас всех терпела, я до сих пор понять не могу. Всех терпела, всех угощала чаем, всех угощала бутербродами. И было замечательное совещание. Сидело за круглым столом 20 человек, включая хозяина. Среди них два крупнейших биолога 20 века. Это Тимофеев-Ресовский и Малиновский. Тимофеев-Ресовский более известен, Малиновский менее, но он был не менее крупным.

Вспышка шестая. В 1959 году выходит русский перевод книги английского психиатра и кибернетика У. Эшби «Введение в кибернетику». Это было важным фактором в развитии кибернетики в СССР. Потому что до 1956 года кибернетика в СССР была запрещена. Ничего хорошего с ней не происходило. Плюньте в глаза каждому, кто скажет, что кибернетика была продажной девкой империализма, потому что продажной девкой была молекулярная генетика. А кибернетика была буржуазной лженаукой на службе у американской военщины. (*Ю. И. Журавлёв дополняет*: Прошу прощения, я точно помню: «Таким образом, кибернетика служит орудием в руках самых ярких поджигателей новой мировой войны».) Я всегда недоумевал, почему у нас кибернетику запрещают. Если ею пользуется потенциальный противник, американская военщина, поджигатели войны, надо эту кибернетику всячески развивать и подсовывать им, пусть они и

далее опираются в своих империалистических планах на лженауку. Но почему-то эта логика не действовала. Книга Винера «Кибернетика» вышла в 1948 году, а её русский перевод только через десять лет, в 1958 году. Что же касается книги Эшби, то оригинал вышел в 1956-м, а у нас русский перевод в 1959-м, это для тех времён очень быстро. На титульном листе русского перевода книги Эшби, помимо Эшби, ещё три имени. Прежде всего, имя Андрея Николаевича Колмогорова, который написал замечательное предисловие. Он было тоже одним из первых борцов за кибернетику. Он написал две статьи в дополнительный, 51-й том 50-томного второго издания Большой Советской Энциклопедии (помните у Стругацких: тройка заседала в полном составе — были все четверо). В частности, им была написана статья «Информация». Как мне рассказывал Колмогоров, том был задержан на несколько месяцев, потому что некое компетентное ведомство, занимающееся проблемами информации, её сбором и распространением в нашей стране, очень заинтересовалось



Разворот книги У. Р. Эшби «Введение в кибернетику» с дарственной надписью и автографами А. Н. Колмогорова, В. А. Успенского и Д. Г. Лахути.

названной статьёй. Ничего вредного оно не нашло, но выход тома задержало. Вторая статья, написанная Колмогоровым, это статья «Кибернетика». И ещё два имени на титуле: переводчик книги Делир Гасемович Лахути и я, титульный редактор. Когда книга Эшби в русском переводе вышла, я решил, что первый человек, которому нужно её подарить — это Алексей Андреевич Ляпунов. И что написать? Можно просто: «Дорогому, многоуважаемому...». Я решил, что нужно написать: «Отцу советской кибернетики». Делал я это с некоторой гордостью, поскольку до того этот термин никто не употреблял. Я решил, что подписать должен, в частности, и Колмогоров. Но это ответственное дело. Я пошёл к Колмогорову и спросил: «Андрей Николаевич, я собираюсь от вашего имени написать „отцу советской кибернетики“ и дать вам на подпись. Вы с такой формулировкой согласны?». Он сказал: «Согласен». После это было написано: «Отцу советской кибернетики, дорогому Алексею Андреевичу Ляпунову». И все, кроме Эшби там расписались. То что, под этим подписался Колмогоров — это важный факт.

Последняя, седьмая вспышка. Это мой приезд в Новосибирск для защиты докторской диссертации. Дело в том, что это был такой короткий период, может быть, присутствующие его помнят, когда нельзя было защищать диссертацию в своём учреждении. Это правило ввели и быстро отменили. Поэтому я поехал в Новосибирск, в Академгородок. Это было замечательное путешествие. Мы ехали на поезде вместе Андреем Николаевичем Колмогоровым, который согласился быть официальным оппонентом. На самолётах Колмогоров не летал по причине проблем в системе ухо-горло-нос (так, в Индию он плыл на корабле). Замечательность путешествия с Колмогоровым меня отчасти погубила. Потому что я думал так, что вот я поеду и по дороге напишу своё вступительное слово. Но я ехал с Колмогоровым, и была возможность с ним разговаривать целыми днями. Поезд пришёл 31-го мая очень поздно, почти ночью, а 1 июня рано утром у меня защита диссертации. Я ночь, конечно, не сплю, пишу. И утром из гостиницы иду в какой-то научный институт, в конференц-зале которого заседает тот учёный совет, который должен рассматривать моё дело. Тогда не было разделений советов на учёные и диссертационные. На пороге института сталкиваюсь с Алексеем Андреевичем Ляпуновым. Он член этого совета. Он говорит: «Слушайте, вы ведь, наверное, не завтракали». Он совершенно прав. Я даже не знал, где завтракать. Никаких завтраков в гостинице, конечно, не было, а был коридор с тусклым светом и пыльными пальмами, под сенью которых я и записывал тезисы своего выступления. «Пойдёмте ко мне, выпьем

кофе». Я: «Алексей Андреевич, что вы говорите, я иду на совет, где сейчас начнётся защита моей диссертации». Он: «Ну, опоздаете на несколько минут. Это всё близко, рядом, я тут живу просто рядом». Я с трудом сумел отказаться от приглашения. Это было очень характерно. Ляпунов был человек чрезвычайно заботливый. Он понял, что я не завтракал. Это было первое, что его заинтересовало.

Мои приключения на коротком пути от порога института до входа в зал на этом не кончились. Другим моим оппонентом был Анатолий Иванович Мальцев. Академик, один из главных начальников сибирской математики, глава новосибирской школы алгебры и математической логики, вся эта школа пошла от него. Он встретил меня уже внутри, перед входом в зал. И сказал мне замечательную фразу. Он меня спрашивает: «Вы банкет собираетесь устраивать?». Я говорю: «Анатолий Иванович, что вы говорите, вот я сейчас провалюсь, какой банкет». Он говорит: «Я ведь почему вас спрашиваю, я хочу сегодня вечером позвать Андрея Николаевича к себе в гости, но если вы устроите банкет, я признаю за вами право первой ночи. А что вы говорите, что провалитесь, — он не говорит, что не провалюсь, — то вот недавно защищался такой-то. Андрей Николаевич Колмогоров тоже был у него оппонентом, и диссертант провалился. Но банкет устроил. Был замечательный банкет, пришло больше членов совета, чем голосовало „за“. Так что вы совершенно напрасно связываете разные вещи».

И последнее. Предстоит доклад Николая Николаевича Константинова, об отношении Алексея Андреевича к талантливой молодёжи. Не хочу себя причислять к этой категории. Безусловно, не считаю себя талантливым. Но он обо мне, безусловно, заботился. Потому что я помню в качестве такой заботы не только то, что Ляпунов спросил, позавтракал ли я, и был готов немедленно вести к себе завтракать, но и то, что он послал меня на биологический факультет в середине 50-х годов. Там происходила лекция Тимофеева-Ресовского, и там Ляпунов меня с ним познакомил. Это было до 17 февраля 1957 года, до встречи в квартире. Благодаря Ляпунову я познакомился с этим великим человеком.

В. К. Финн

на фоне зарождения семиотики в ВИНТИ

С Виктором Константиновичем Финном судьба свела меня и моего младшего брата Бориса в конце января 1957 года. Местом встречи она назначила плацкартный вагон поезда «Москва—Рига». Только что начались студенческие каникулы, и мы с братом ехали отдыхать в популярный Дом творчества Литфонда, расположенный на самом берегу Рижского залива близ пригородной станции Дубулты. Боря был второкурсником филологического факультета МГУ, а я — ассистентом механико-математического факультета (мехмата) того же Московского университета. Сравнительно недавно, в ноябре 1955 года закончилась моя аспирантура по математической логике, в которой я обучался на мехмате под руководством А. Н. Колмогорова; в октябре я защитил диссертацию, а в ноябре, ещё до формального окончания аспирантуры, стал кандидатом физико-математических наук и начал работать на мехмате на кафедре математического анализа (кафедра математической логики, на коей я подвизался впоследствии, появилась на мехмате весной 1959 года).

В том же вагоне оказался и Виктор Константинович (к которому я обращался тогда и обращаюсь сейчас только так, по имени и отчеству), пятикурсник философского факультета МГУ по кафедре логики. Финн ехал в тот же Дом творчества. Мы разговорились. Довольно быстро выяснилось, что его интересы направлены в сторону тех аспектов логики, где эта область граничит с математикой. Большую роль в этом становлении названных интересов сыграла Софья Александровна Яновская, которая, будучи профессором и заведующим кафедрой мехмата, самоотверженно заботилась о благополучии разумной логики в нашей стране и, в частности, читала лекции по математической логике на философском факультете.

Тут уместно упомянуть, что я не сообщил В. К. Финну ни своей фамилии, ни места работы, да он и не спрашивал, поскольку, как

Опубликовано в журнале: Научно-техническая информация. — Серия 2: Информационные процессы и системы. — 2013. — № 7. — С. 2—4. [<http://www.raai.org/about/persons/finn/materials/uspensky-finn.pdf>].

выяснилось впоследствии, был убеждён, что я состою на филологическом факультете. С почтением Финн говорил о теореме Гёделя¹ и с сожалением о том, что на его философском факультете подобной проблематикой не занимаются, а занимаются ею лишь на мехмате. Он перечислил несколько фамилий тех, кто на мехмате был не чужд математической логике, в том числе и мою; кое-что обо мне он слышал. В те годы публикации на русском языке по математической логике были редкостью, а у меня в 1955 году в Докладах Академии наук как раз вышла статья «Теорема Гёделя и теория алгоритмов»; возможно, Финн её видел. Как бы то ни было, он увлечённо беседовал со мною о теореме Гёделя и о научных интересах некоего Успенского.

Как известно, утаённая правда подобна шилу в мешке. Прокол мешка случился через несколько дней после нашего прибытия, когда я случайно встретился на дорожках Дома творчества с моим вагонным собеседником. Он сделался сильно смущён. Этот эпизод, однако, не мог нас не сблизить. Так началось наше сотрудничество. В первые годы оно было достаточно интенсивным. Дело в том, что с апреля 1957 года я стал работать по совместительству в Лаборатории электро моделирования (ЛЭМ), заведующим которой был Лев Израилевич Гутенмахер.

У Гутенмахера были обширные прожекты кибернетического характера. Вот типичный пример, доставлявший Виктору Константиновичу много радости: «Машина будет отвечать на вопросы голосом любимого артиста», говаривал Лев Израилевич. А вопросы были, в частности, такие: «Что мы знаем о ромбе?». Машину, рассказывающую о ромбе голосом любимого артиста, Л. И. Гутенмахеру создать не удалось, и вообще в Лаборатории электро моделирования делалось много бессмысленного (возможно, впрочем, не больше бессмысленного, чем во многих аналогичных учреждениях)².

Необходимо, однако, твёрдо заявить следующее. Несмотря на всё прожектёрство Льва Израилевича Гутенмахера (а может, как

¹ У Гёделя несколько теорем, и все великие, но когда говорят просто *теорема Гёделя*, то обычно имеют в виду самую замечательную из них — теорему о неполноте (на сей день единственную, пожалуй, теорему гносеологии).

² Вспоминаются десятки девушек в белых халатах, мотавших тонкую проволоку; это занятие требовалось для создания устройств, которые так и не заработали. Нередко мне казалось, что если полностью прекратить в ЛЭМ всякую деятельность по созданию новой техники и все поставки дорогостоящего оборудования, а всех сотрудников ЛЭМ, занятых созданием технических устройств, отправить за казённый счёт на курорт на всё время их службы в ЛЭМ, то возникла бы ощутимая экономия средств.

раз благодаря этому прожектёрству³), роль его самого и созданной им Лаборатории электромоделирования в становлении свободной научной мысли в СССР была однозначно положительной.

Хотя осуществимость грандиозных планов Гутенмахера в обозримое время вызывала сомнения, но вектор движения мне нравился. О моём существовании Гутенмахер узнал от своей сотрудницы Азы Леонидовны Шумилиной, посещавшей семинар по математической лингвистике, учреждённый в сентябре 1956 года Вячеславом Всеволодовичем Ивановым и мною на филологическом факультете МГУ. Гутенмахер поручил Шумилиной пригласить меня работать в ЛЭМ по совместительству с моей основной работой на мехмате. В свою очередь я пригласил В. К. Финна, а он попросил меня взять на работу его однокурсника и друга Делира Гасемовича Лахути. И Финн, и Лахути стали сотрудниками ЛЭМ, ещё будучи студентами. И Гутенмахер, и Финн, и Лахути, и я были в то время романтиками; к тому же начавшаяся хрущёвская оттепель романтизму способствовала. С духом романтики гармонировал и географический ландшафт. Действие происходило в обстановке почти трущобной. ЛЭМ помещалась в бараке, сам же барак — в лабиринте переулков между Якиманкой и рекой, а именно во Втором Бабыгородском переулке. Ныне на месте этого лабиринта Центральный дом художника.

Гутенмахер учредил в Лаборатории два новых отдела: отдел математической лингвистики во главе с Вяч. Вс. Ивановым и отдел математической логики во главе со мной; мы с Ивановым назывались *начальниками отделов*. Финн и Лахути естественным для себя образом оказались в отделе математической логики. В том же, что и Финн, и Лахути, 1957 году Московский университет окончила Елена Викторовна Падучева, и Иванов, помнится, добился того, что уже состоявшееся её распределение в одну из железнодорожных школ Хабаровского края было отменено и она получила распределение в его отдел математической лингвистики. Разделение на отделы было в достаточной степени условным, и оба отдела поддерживали тесные связи. В частности, для становления Финна как исследователя были существенны его контакты с Ивановым.

Как я уже писал, романтический дух властвовал над нами. Не столько верилось, сколько хотелось верить, что машинный перевод и машинный поиск информации вот-вот реализуются. (Сегодня вместо *машинный* сказали бы *автоматический*.) Следует заметить, что работы в этом направлении и лично Л. И. Гутенмахер опирались

³ Ведь и Америка не была бы открыта Колумбом, не будь он прожектёром со своей идеей обнаружить Индию на западе.

на поддержку Президента Академии наук Александра Николаевича Несмеянова. Сам химик, Несмеянов не без основания полагал, что автоматизация позволит как-то разобраться в невообразимом количестве химических соединений, известных химикам⁴. А для этого каждое соединение необходимо прежде всего записать в машинно-читаемом виде. Но этого мало: надо, чтобы запись позволяла организовать поиск вещества по тем или иным признакам — в основном по наличию или отсутствию тех или иных фрагментов структуры (а хорошо бы и по более тонким признакам — по биологическому, в частности фармакологическому, воздействию, например). По инициативе Несмеянова гражданин Румынии Георге Влэдуц не был отправлен на родину после окончания аспирантуры и защиты диссертации в Москве, а, не меняя гражданства, был устроен на работу в ЛЭМ. Он сделался Георгием Эмильевичем⁵ и присоединился к нашей троице (Лахути, Успенский, Финн). Мы считали, что решение практических задач невозможно без развития соответствующей теории, каковую мы видели в *семиотике* — общей науке о знаках. Вяч. Вс. Иванов придерживался тех же взглядов.

Семиотику можно было числить по ведомству только что разрешённой кибернетики, которая ещё недавно пребывала в статусе *буржуазной лженауки*⁶ на службе империалистической военщины. И поэтому наши семиотические устремления поддерживал Научный совет по кибернетике Академии наук и лично две замечательные личности: Председатель Научного совета Аксель Иванович Берг и его заместитель Алексей Андреевич Ляпунов. Удалось добиться постановления Президиума Академии наук от 6 мая 1960 года, включавшего такую фразу: «Считать целесообразным создание в 1961—1962 годах в составе Академии наук СССР Института семиотики...». Из-за внутриакадемических интриг, однако, Институт семиотики так и остался на бумаге.

Семиотика в глазах публики была чем-то весьма новым и революционным — прогрессивным для одних, подозрительным для других. Но время было такое, что как бы, если выразиться словами Кандида Касторовича Тарелкина, «объявили прогресс». Семиотику к тому же поддерживало существование двух сформировавшихся уже наук, не то сестёр, не то прародителей семиотики; предметом этих наук, как и у

⁴ По состоянию на 2012 год в реестре Американского химического общества содержалось более 64 миллионов соединений, притом что ежедневно добавлялось примерно 15 тысяч новых.

⁵ Впоследствии Г. Э. Влэдуц продемонстрировал качества крупного учёного.

⁶ Плюньте в глаза тому, кто скажет, что кибернетика была продажной девкой, потому что *продажной девкой* была молекулярная генетика, уничтожаемая любимцем Хрущёва «народным академиком» Трофимом Лысенко.

семиотики, служили знаки. Это были математическая логика и структурная лингвистика (тоже, впрочем, вызывавшие подозрение у некоторых влиятельных советских динозавров). Финн тянулся к математической логике, но имел, как уже отмечалось, тесные контакты и с Вяч. Вс. Ивановым, олицетворявшем в СССР структурную лингвистику.

Практические занятия семиотикой включали в себя изучение сочинений Рудольфа Карнапа на семинаре, который мы с Ивановым учредили для этой цели в Лаборатории электромоделирования. Там Падучева, Финн, я и другие познавали разницу между интенционалом и экстенционалом.

В 1960 году ЛЭМ была поглощена Всесоюзным институтом научной и технической информации (ВИНИТИ). Перед тем, как Лаборатория электромоделирования потеряла свою самостоятельность и была влита в ВИНТИ, и для того, чтобы сделать эту процедуру более гладкой, внутри ВИНТИ был создан специальный отдел, в каковой и должна была влиться Лаборатория. Отдел этот имел красивое название, напоминающее не то об арабских сказках, не то о фантастических романах: ОМАИР, что означало Отдел механизации и автоматизации информационных работ. ЛЭМ растворялась в ОМАИР постепенно, ещё несколько лет сохраняя атрибуты отдельного советского учреждения (так, Г. Э. Влэдуц, о котором говорилось выше, был переведён из ЛЭМ в ВИНТИ только 1 февраля 1964 года).

А в 1965 году произошло знаменательное событие: в ВИНТИ был создан Отдел семиотики. Тем самым, можно было считать, что семиотика в ВИНТИ зародилась.

Первым заведующим Отделом семиотики ВИНТИ был замечательный человек — Дмитрий Анатольевич Бочвар (1903—1990). Бочвар был известный логик, автор одной из версий трёхзначной логики и специалист по теории логических парадоксов, и в то же время известный химик, заведующий сектором квантовой химии Института элементоорганических соединений АН СССР. Но главным качеством Бочвара была его безукоризненная интеллигентность. Финн работал с ним в близком и плодотворном контакте.

Появление в Институте научной и технической информации, едва ли не главной задачей которого был поиск нужной информации, отдела семиотики, было совершенно естественным. В самом деле, информация хранится в знаках; в знаках же записывается и поисковый запрос, т. е. запрос на требуемую (специалисты говорят *перти-нентную*) информацию. На формальном уровне процедура поиска состоит в сравнении одних цепочек знаков с другими. В определённой степени информационный поиск моделирует осуществляемый

человеком процесс познания. В самом деле, и то, и другое можно описать как процесс получения ответов на задаваемые вопросы — задаваемые явно в случае поиска и в большинстве своём неявно в случае познания. Та сфера человеческой деятельности, которая называется наукой, состоит, в частности, в формулировании разумных вопросов и осмыслении получаемых ответов. Но не только в этом. Получаемые ответы используются для построения гипотез и теорий, из которых возникают новые вопросы и новые проблемы осмысления. Вся эта активность происходит в переплетении как индуктивных, так и дедуктивных методов. При этом наука стремится к точности, тем самым, сознательно прибегая к упрощению и обрекая себя на некоторое отдаление от реальности⁷, каковая по своей природе неточна. Названные упрощение и отдаление проявляются и в классической двузначной логике, приписывающей каждому суждению одно из двух значений, *истина* или *ложь*. Более адекватное, но и более сложное описание действительности предлагает многозначная (в частности, трёхзначная) логика, допускающая для суждений также и значения «возможно», «бесмысленно», «не определено» и т. п. (Уместно вспомнить, что в трудах отца науки логики Аристотеля мы находим не только двузначную, но и многозначную логику.) Аналогичным образом ведут себя и понятия. Точные границы между ними существуют лишь в идеале. При приближении к реальности эти границы размываются.

Если учесть, с одной стороны, персональную роль Д. А. Бочвара в логике и в теории многозначных логик в частности, а с другой — научные контакты с ним В. К. Финна, последний просто не мог оказаться вне указанной в предыдущем абзаце проблематики. Мощный философский бэкграунд Финна оказался полезен при решении задач информационного поиска, стоящих перед ВИНИТИ и сосредоточенных в его Отделе семиотики. Самим Виктором Константиновичем и руководимым им коллективом были выполнены как теоретические исследования, относящиеся к логическим основаниям информационного поиска, так и практически работы, связанные с поиском биологически активных химических соединений.

В. К. Финн сумел создать в ВИНИТИ научную школу, в составе которой, в частности, четыре доктора наук. Российская академия естественных наук избрала его своим членом-корреспондентом. Своё восьмидесятилетие Виктор Константинович встретил 15 июля 2013 года в расцвете творческих сил.

⁷ Для простоты будем исходить из презумпции, что таковая существует, не слишком вдаваясь в смысл используемых в этой сноске слов.

Татьяна Михайловна Николаева как собеседник

Определение брака. — Определение романа. — Гендерная дифференциация комплимента. — Классификация учёных.

Могу указать точную дату, с которой я знаю Татьяну Михайловну: 21 мая 1958 года. В тот день состоялось закрытие Первой (она же и последняя) Всесоюзной конференции по машинному переводу, проводившейся в стенах Первого Московского государственного педагогического института иностранных языков (I МГПИИЯ; ныне — Московский государственный лингвистический университет). На заключительном пленарном заседании я делал доклад об итогах работы одной из двух секций Конференции, а именно Секции алгоритмов машинного перевода. После доклада ко мне подошла незнакомая молодая женщина — подошла с тем, чтобы выразить крайнее неудовольствие (если не сказать возмущение) по поводу некоторых моих высказываний¹. Эта молодая женщина и оказалась Т. М. Николаевой. Оказалось также, что она меня знает уже

Опубликовано в сборнике: Язык. Личность. Текст: Сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой / Ин-т славяноведения РАН; Отв. ред. В. Н. Топоров. — М.: Языки славянских культур, 2005. — 975 с. — (Studia philologica). — С. 953—958.

¹ Память, сверенная с опубликованным текстом доклада («Машинный перевод и прикладная лингвистика», № 1 (8), М., I МГПИИЯ, 1959, с. 31—62; перепечатано на с. 314—333 в моих «Трудах по нематематике», М., ОГИ, 2002; а также на с. 40—61 в кн. 3 настоящего издания) подсказывает, что столь негативную реакцию вызвала формула «Изабелла Кузьминична Бельская и её последователи». Это выражение было истолковано моей собеседницей в том смысле, что я и её отношу к указанным последователям, поскольку она в то время работала в Институте точной механики и вычислительной техники (ИТМ и ВТ) АН СССР, в группе машинного перевода, а И. К. Бельская была руководителем этой группы. С отнесением же себя к последователям И. К. Бельской моя собеседница решительно не соглашалась; мне было твёрдо заявлено, что она — самостоятельная научная сила. (Для уяснения почти забытой теперь роли ИТМ и ВТ в развитии отечественного языкознания упомяну ещё, что впоследствии работы по машинному переводу в этом институте возглавил сам Вяч. Вс. Иванов, а Елена Викторовна Падучева

более полутора лет, поскольку регулярно посещает занятия семинара «Некоторые применения математических методов в языкознании», которые с сентября 1956 года проходили на филологическом факультете Московского университета; семинаром руководили Пётр Саввич Кузнецов, Вячеслав Всеволодович Ива́нов и я.

Это был не единственный реприманд, который я получил от Татьяны Михайловны: помню её остроумное возражение на одно из положений моего оппонентского выступления на защите её кандидатской диссертации в Институте русского языка АН СССР в апреле 1962 года².

С тех пор Т. М. Николаева написала много научных трудов³. Однако некоторые замечательные свойства её интеллекта никогда не были зафиксированы. Оно и понятно, поскольку эти свойства раскрываются прежде всего в её частных беседах. Каким термином следует обозначить эти свойства, я не знаю, но проявляются они в её умении охарактеризовать то или иное явление посредством лаконичной и часто неожиданной формулы⁴. Татьяна Михайловна всегда стремится представить собеседнику свою мысль в максимально ясной форме и предложить чёткое определение обсуждаемым предметам. Некоторые из таких определений будут приведены ниже, и читатель сможет оценить их почти математическую точность.

обучалась там в заочной аспирантуре под руководством Вячеслава Всеволодовича и там же в октябре 1965 года защитила диссертацию на степень кандидата филологических наук.)

² Научным руководителем был Александр Александрович Реформатский, официальными оппонентами — доктор филологических наук Пётр Саввич Кузнецов и кандидат физико-математических наук В. А. Успенский, т. е. я. (Эта триада была уже привычной: те же лица в тех же ролях участвовали в состоявшейся в ноябре 1960 года в Институте языкознания АН СССР защите кандидатской диссертации Татьяны Николаевны Молошной.) В своём отзыве я сделал 52 больших и малых замечания. При этом я предупредил диссертанта, что если она в положенном ей по ритуалу ответе на отзыв будет мне возражать, то я возьму слово вторично с целью опровергнуть её возражения. То, как она вышла из положения, меня восхитило. Про что-то я написал и сказал, что это разработано (или предложено) в диссертации впервые. И вот тут меня поправили, и поправили с блеском. «Это высказывание оппонента, — заявила Татьяна Михайловна в своём ответном слове, — свидетельствует о его незнакомстве с литературой: ведь это было сделано ещё тогда-то тем-то».

³ В сборнике «Язык. Личность. Текст», откуда перепечатывается данная статья, на с. 959—975 приведён «Список научных трудов Татьяны Михайловны Николаевой». Список содержит 412 позиций.

⁴ Согласно Толковому словарю Ушакова, первое значение слова *формула* таково: «общее краткое и точное выражение (мысли, закона), определение».

В этой заметке я попытался воспроизвести те из сообщённых мне Татьяной Михайловной формул, которые мне запомнились. Наверное, были и другие, которые мне не удалось запомнить. Но в этом естественном отборе, произведённом памятью, есть и свои преимущества: кто-то верно подметил, что начинать изучение звёздного неба следует в сумерках, потому что тогда видны только самые яркие звёзды.

Определение брака

Начну с определения брака, сформулированного Т. М. Николаевой на рубеже пятидесятих и шестидесятих годов XX века. Датировка здесь существенна, поскольку определение годилось именно для того времени. Оно оставалось справедливым ещё два-три десятилетия, но, пожалуй, уже не отражает реалий сегодняшнего дня. В ноябре 2003 года Татьяна Михайловна призналась мне, что ныне она уже не знает, что такое брак. Свою мысль она пояснила таким пассажем:

Теперь кинозвезда говорит: «Мы с Джоном уже столько лет вместе, имеем троих детей, а вчера он сделал мне предложение. Это было так неожиданно, и я очень рада». И ведь это реальный текст!

Определение Т. М. Николаевой начинается с того, что вводятся в рассмотрение три признака: регистрация (гражданская или религиозная), совместный быт, наличие интимных отношений. Браком считается состояние, при котором присутствуют любые два признака из перечисленных трёх. То же самое более подробно: 1) наличие любых двух признаков из трёх порождает брак; 2) если имеет место брак, то какие-то два признака из трёх непременно присутствуют. Недостаточность присутствия только одного признака подчёркивается тем, что в языке имеется специальная терминология для таких случаев: *фиктивный брак* для случая, когда наличествует только регистрация, и *любовная связь* для случая, когда наличествуют только интимные отношения.

Как недавно сказал Т. М. Николаевой один из лингвистов среднего поколения (выпускник знаменитого ОСИПЛ, а ныне профессор РГГУ): «Мы ухаживали и женились, ни на минуту не забывая того Вашего определения брака, с которым мы выросли». Предполагаю, кстати, что автору приведённых только что слов определение брака известно, скорее всего, от меня, хотя и не прямо, а косвенно, через цепочку посредников. Потому что Татьяна Михайловна, сообщив мне более сорока лет назад своё определение, далее — насколько мне

известно — его уже никому не повторяла. Пишу об этом для того, чтобы указать следующее качество Т. М. Николаевой как собеседника: найдя удачную формулу и высказав её кому-нибудь, она как бы избавляется от этой формулы и не видит нужды её повторять в последующих беседах с другими лицами. Поскольку, очевидным образом, я не был единственным её собеседником, то почти наверняка она делилась другими своими формулами с кем-нибудь другим. Но пока этот другой об этом не расскажет или не напишет, эти другие формулы так и останутся неизвестными.

Определение романа

Примерно в те же годы, когда Татьяна Михайловна дала своё классическое определение брака, ею было случайно обронено определение романа. Понятие 'роман' представляется мне с ещё большим трудом поддающимся определению, чем понятие 'брак', а потому предложенное определение я нахожу ещё более замечательным. Под словом *роман* здесь понимаются романические отношения, а не литературный жанр⁵. Определение Т. М. Николаевой было на редкость простым.

⁵ Впрочем, сформулировать точное определение романа как жанра также довольно затруднительно. В то же время эта задача — дефинировать понятие 'роман как жанр' — существенна не только с литературоведческой, но даже и с юридической точки зрения. В самом деле, ежегодно присуждаемая литературная Букеровская премия, выражаемая в ощутимой сумме в долларах, даётся за лучший русский роман. Каким же условиям должен удовлетворять текст, чтобы считаться романом и, тем самым, иметь право быть заявленным на Букеровскую премию? Летом 1998 года я обратился с этим вопросом к тому, кто обладал наибольшей компетентностью для ответа на такой вопрос — к председателю действовавшего в то время жюри Букеровской премии за 1997 год. Таковым был Андрей Леонидович Зорин. Согласно сообщённому мне им определению, романом является любое произведение, удовлетворяющее трём требованиям: во-первых, оно объявлено романом его автором; во-вторых, оно написано в прозе; в-третьих, оно имеет объём не менее 80 страниц стандартной машинописи. На мой вопрос, будет ли жюри рассматривать телефонную книгу, представь я её в качестве романа, ответ был утвердительным. Заметим, что предложенное определение оказывается неприменимым к двум из числа наиболее известных произведений русской литературы — к роману «Евгений Онегин» (нарушено второе требование) и к поэме «Мёртвые души» (нарушено первое требование). И это неудивительно, поскольку понятие жанра представляет собою одно из наиболее сложных в литературоведении. Вот пример, лишний раз подтверждающий эту истину. Как известно, товарищ Сталин наложил на текст более чем слабого сочинения Горького «Девушка и смерть» бессмертную резолюцию: «Эта штука посильнее, чем „Фауст“ Гёте». Менее известно, что по поводу ему

«Роман, — сказала она, — это когда люди встречаются только для того, чтобы встречаться». И пояснила: «При расставании они договариваются о следующей встрече, не нуждаясь в том, чтобы объяснять друг другу её причины или поводы: то, что им необходимо встретиться снова, для них самоочевидно. Разумеется, влюблённые могут маскировать свои чувства разными способами — например, вместе учить язык, ходить на лекции, готовиться к зачёту и т. д.».

Гендерная дифференциация комплимента

Столь же мимоходом Татьяна Михайловна поделилась со мною следующим своим наблюдением. Женщине и мужчине приятно разное, они по-разному хотят выглядеть в собственных глазах. Мужчина хочет быть уникальным, женщина — типической.

Поэтому женщина, чтобы обольстить мужчину, говорит ему примерно следующее: «Вы такой необычный, ни на кого не похожий, я таких никогда раньше не встречала и даже не подозревала, что такие бывают».

Успех у женщины достигается прямо противоположным способом. Вот дебютная схема.

— Вы мне нравитесь.

Этот комплимент слишком персонален и потому не достигает цели. Женщина молча пожимает плечами: успеха мало. Мужчина продолжает:

— Мне вообще нравятся такие, как Вы.

— (*Заинтересованно.*) А какие?

Потому что женщине интересно, когда её причисляют к типу, а не тогда, когда её рассматривают в её отдельном, персональном качестве. Поэтому ответом на её «А какие?» может служить:

— Такие миниатюрные чёрненькие (*варианты*: беленькие пухленькие; серьёзные в очках; ироничные непрístupные; и т. д.).

Про мужчин же женщины придумали самое для них, мужчин, убийственное: «Все вы одинаковы!».

поднесённой и его прославляющей оды, сочинённой одним из классиков многонациональной советской литературы, он высказался так: «Это подхалимская штука». Ввиду того, что слово «штука» было употреблено в контекстах с противоположным оценочным значением, становилось ясно, что само оно оценочного значения не имеет и, тем самым, обозначает не что иное, как жанр. (Ходили слухи, что готовились диссертации на тему «Штука как жанр».)

Классификация учёных

Примерно тридцать лет тому назад Татьяна Михайловна предложила классификацию учёных, разделив их на четыре типа. При этом как истинный структуралист она опиралась на подходяще выбранную бинарную оппозицию, в данном случае на оппозицию «старое — новое». Комбинируя эти два признака с двумя тематическими позициями: позицией 'что' и позицией 'о чём' — она пришла к четырём классам, или типам, своей классификации: 1) старое о старом; 2) старое о новом; 3) новое о старом; 4) новое о новом. Для каждого из этих типов Т. М. Николаевой был охарактеризован круг принадлежащих данному типу учёных. Эти характеристики были совершенно справедливы лет тридцать тому назад и несколько позже; сегодня, возможно, они нуждаются в некотором уточнении. Однако сами четыре типа кажутся вечными. Вот беглое изложение предложенных Т. М. Николаевой характеристик её четырёх типов.

Учёные первого типа — это мастодонты от науки. Именно они подходят под определение *маститый учёный* в обыденном понимании. Их охотно приглашают во всевозможные комиссии, редколлегии, учёные советы и т. п. Поэтому они наиболее влиятельны в организационном отношении. Гении в этой категории весьма редки. Зато встречаются великие эрудиты.

Второй тип едва ли не самый престижный. Учёный этого типа выбирает новый предмет исследования, но применяет к нему испытанные и потому понятные широкой публике методы. Типичный пример подобного исследования — описание какого-либо ещё не исследованного языка — только что открытого или, напротив, очень древнего: описание производится по схеме, заимствованной из известных описаний родного языка исследователя; а расшифровка описываемого языка состоит в переводе написанных на нём текстов на тот же родной язык.

Третий тип включает как шарлатанов (сознательных и бессознательных), так и гениев. Ясно, что первых больше, чем вторых. Попытку посмотреть на хорошо известные вещи с неожиданной точки зрения, если она не связана с сознательным обманом, саму по себе можно приветствовать — но только такая попытка чаще всего оборачивается предприятием с негодными средствами. (В своё время так называемые руководящие инстанции были завалены письмами самородков, заявлявших, что они расшифровали Фестский диск или решили сложнейшие математические проблемы, остававшиеся нерешёнными в течение веков.) Лишь в сравнительно редких случаях

оказывается, что попытка предпринимается теми, кого провидение наделила правом такую попытку предпринять.

Четвёртый тип включает первопроходцев. Однако поскольку у них новыми и, следовательно, необычными, непривычными являются и предмет, и метод, их чаще всего просто не понимают, а потому и не слушают. А они, подобно библейским пророкам, не унимаются и продолжают о своём. Если всё же им удаётся пробить ментальную стену, их ждёт триумф. Нередко, увы, посмертный⁶.

Nomina sunt odiosa, поэтому мы оставляем изложенные характеристики без персональных примеров; предоставляем читателю подобрать такие примеры по своему усмотрению.

Способность Т. М. Николаевой к блестящим формулировкам с годами не угасла. Вот, например, что она сказала мне в одном из последних наших разговоров, состоявшемся в ноябре 2003 года:

Одно из отличий мужчин от женщин состоит в том, что женщина живёт по принципу 'пока', а мужчина — по принципу 'когда'. В самом деле, женщина говорит: «Пока картошка варится, я допишу статью». Мужчина же говорит: «Когда картошка сварится, я допишу статью».

В том же разговоре она сказала:

Можно говорить о людях партии, о людях тусовки и об индивидуалах. В партию можно вступить. Но в партии — строгая

⁶ Как тут не вспомнить ранжирование гениев, предложенное Станиславом Лемом. Лем разделил гениев на три ранга. Гении низшего, третьего ранга получают признание при жизни. Гении среднего, второго ранга при жизни признания не получают, но получают его после смерти, по прошествии времени, требуемого обществом для понимания их достижений. Гении высшего, первого ранга не получают признания никогда. Дело в том, что открытия, сделанные гением первого ранга, столь революционны, что будь они поняты и признаны человечеством, оно, человечество, пошло бы по принципиально другому пути развития. Но поскольку это открытие вовремя не получило признания, вся мировая цивилизация уже пошла и идёт по другому пути, с течением времени всё более и более удаляясь от того нереализованного пути, который проистекает из учения гения; а потому это учение с каждым годом делается всё более и более недоступным для своего осознания. (Прибавим от себя, что бывают случаи, когда ранг гения впоследствии повышается. Так произошло с Лейбницем. Он был, конечно, признан при жизни, однако, как выяснилось впоследствии, признан не в полной мере. Его учение о бесконечно малых величинах было отброшено в XIX веке как антинаучное, но в середине XX века неожиданно получило строгое математическое обоснование. Тем самым, Лейбниц переместился из третьего ранга во второй.)

дисциплина, и условием вступления служит готовность на полное подчинение своей деятельности этой дисциплине. Границы партии строго очерчены. Границы тусовки расплывчаты, но это не означает, что в неё легко попасть. Более того, вступить (как в партию) в тусовку по собственному желанию невозможно, одного желания тут недостаточно. В тусовке нужно каким-то иррациональным образом оказаться. Индивидуалы же не принадлежат никакой партии и никакой тусовке. Сейчас спрос на индивидуалов.

Татьяна Михайловна считает — и заслуженно считает — себя индивидуалом. Мне показалось, что она этим слегка гордится. Что ж, она имеет на это право: на неё спрос.

3 декабря 2003 года.

О Саше Шене

Предисловие. 1 июня 2012 года мне пришло нижеследующее электронное письмо от известной научной журналистки Наталии Дёминой:

Я сделала интервью с А. Шенем¹, математиком и человеком, который мне кажется очень интересным, но он человек скромный и о своих математических штудиях мало что захотел рассказать. И ему вообще кажется, что интервью с ним не нужно, так как он не «звезда». Не могли бы Вы сказать мне несколько добрых слов о нём. Он в интервью говорит, что был Вашим учеником, а не Колмогорова, как порой говорят.

Предложение, которое сделала мне Н. Д., относится к известной категории *предложений, от которых невозможно отказаться*. Предупрежу читателя, что упоминаемое Н. Дёминой интервью я увидел лишь после написания настоящего текста, так что мои «несколько добрых слов» никоим образом нельзя рассматривать как комментарий к этому интервью.

Саша Шень, которого я достаточно хорошо знаю, — личность уникальная. Он ярко выделяется как своими математическим и педагогическим талантами, так и своими человеческими качествами. Начать с того, что осенью 1972 года, ещё девятиклассником, Саша стал ходить на мехмат Московского университета и слушать мой факультативный курс о вычислимых функциях, предназначенный прежде всего для студентов 3-го года обучения; там мы с ним и познакомились.

Опубликовано 25 июня 2012 года в номере 12(106) газеты «Троицкий вариант» под заголовком «Саша Шень — человек и пароход». В интернете: <http://trv-science.ru/2012/06/25/sasha-shen-chelovek-i-parokhod/>.

¹ Имеется в виду упоминаемое ниже интервью Шеня, взятое у него Н. Дёминой для «Троицкого варианта»: <http://trv-science.ru/2012/06/25/uchenikom-kolmogorova-ya-ne-byl/>.



Александр Шень.
Фото с сайта МЦНМО
<http://www.mccme.ru/>.

В 1974 году Шень поступил на мех-мат и, когда второкурсникам было предложено выбрать кафедру на следующий учебный год, он выбрал нашу кафедру математической логики (теперь к её названию прибавилась клаузула «и теории алгоритмов»). Будучи студентом, а затем и аспирантом этой кафедры он, действительно, сделался моим учеником, т. е. я был руководителем и его курсовых работ, и его дипломной работы, и его диссертации. Не знаю, бывают ли бывшие ученики или же таковых не бывает, как не бывает бывших князей или бывших сенбернартов. Если он по-прежнему на-

зывает себя моим учеником, это честь для меня. Возможно, я и обучил его некоторым азам, но со временем перестал его чему-нибудь учить, а скорее стал учиться у него.

Разумеется, у Колмогорова, с которым Шень сотрудничал, он мог научиться гораздо более важным вещам. Сотрудничество Шеня с Колмогоровым было многообразным: тут и прямые беседы, и участие в работе семинара, основанного и руководившегося Колмогоровым и продолжающегося после его смерти; семинар теперь называется «Колмогоровский семинар», а Шень входит в число его руководителей. Кроме того, Шень выполнил перевод с английского на русский язык принципиальной статьи Колмогорова 1963 года, опубликованной в индийском журнале; в этой статье были изложены начальные идеи алгоритмической теории вероятностей.

Наконец, Шень с двумя коллегами осуществил трудную работу по реконструкции выступления Колмогорова «О логических основаниях теории вероятностей» на Четвёртом советско-японском симпозиуме по теории вероятностей и математической статистике, состоявшемся в Тбилиси в августе 1982 года. Выступление сохранилось в виде весьма некачественной магнитофонной записи; на ней были неразборчиво слышны русская речь Колмогорова и английская речь переводчика. В результате реконструкции возникли и английский текст, опубликованный в 1983 году за рубежом, и русский текст, опубликованный в 1986 году в России. Стоит прибавить, что в свои последние годы Колмогоров был тяжело болен, уже не мог существовать без посторонней помощи, и круглосуточно рядом с ним дежурил кто-либо из его учеников; Шень участвовал в этих дежурствах, и уже

поэтому имеет право на членство в братстве колмогоровских учеников.

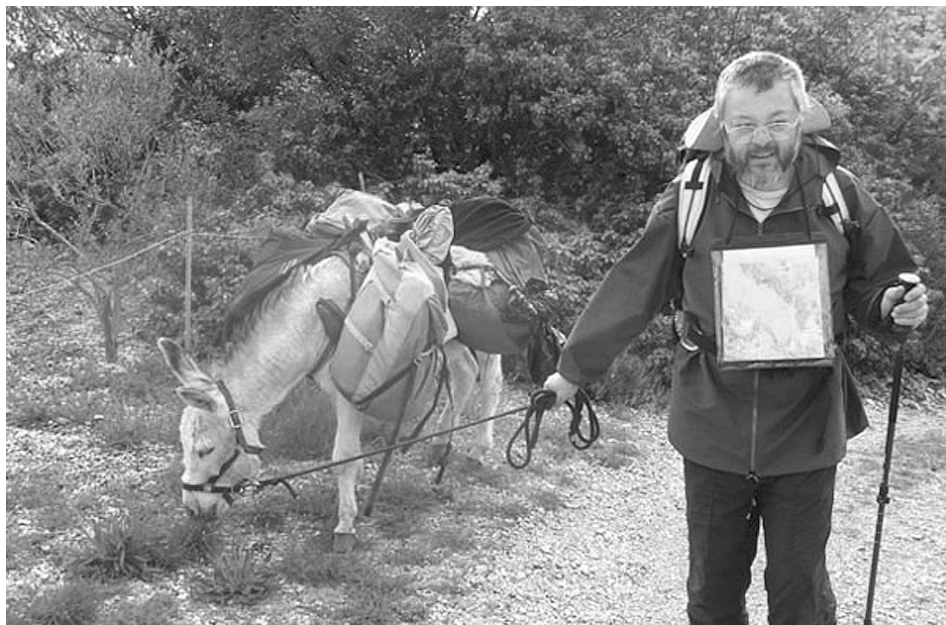
Собственные математические занятия Шеня как исследователя относятся, прежде всего, к так называемой *колмогоровской теории сложности*, она же теория *колмогоровской сложности*. Речь в этой теории идёт о попытке измерять сложность объектов (до того пытались измерять лишь сложность процессов). Эта теория была создана Колмогоровым с целью перестроить на основе понятия алгоритма как теорию информации, традиционное изложение которой опирается на теорию вероятностей, так и самоё теорию вероятностей. В рамках этой тематики Шень получил один из основополагающих результатов. Дело в том, что алгоритмический подход к понятию случайности приводит к нескольким вариантам определения случайной последовательности; некоторые из этих определений равносильны, некоторые нет, есть и такие, равносильность которых остаётся нерешённой проблемой.

Так вот, Шень показал, что определение случайности, основанное на анализе частот, не равносильно определению, основанному на понятии колмогоровской сложности: класс последовательностей, случайных согласно частотному критерию, шире того класса случайных последовательностей, который возникает на основе сложностного критерия. Хотя принципиальность этого факта очевидна, мне пришлось потратить немало усилий, чтобы заставить Шеня опубликовать своё доказательство или хотя бы анонсировать его. С характерной для Шеня скромностью, переходящей в данном случае в упрямство, он отказывался, безуспешно пытаясь заставить меня поверить в то, что его заслуги тут нет никакой, поскольку, по его словам, он всего лишь использовал метод, опубликованный другим автором. И другие свои математические результаты Шень зачастую не публикует, выдвигая такую аргументацию: специалисту это очевидно, а неспециалисту будет ни к чему. В действительности же и не всем специалистам рассматриваемый факт очевиден, да и сам этот факт мог просто пройти мимо внимания данного специалиста; но вряд ли мне удалось бы переубедить Сашу.

В отношении к собственным математическим достижениям проявляются две характерные черты Шеня: скромность и честность. В данном случае скромность состоит в нежелании выпячивать свои достижения, а честность — в обязательной ссылке на предшественника (даже в тех случаях, в каких такая ссылка по обычным нормам необязательна). Шень вообще человек высоких моральных качеств. Он имеет твёрдые представления о добре и зле, о правде и лжи. В этих вопросах он негибачем — но подчас не только в этих.

Случается, что негибкость Шеня оказывает ему дурную услугу, мешая нормальным отношениям с тем или иным коллегой, особенно из числа тех, кто связан с компьютерами и с компьютерной полиграфией. Тут мнения Шеня о том, какими операционными системами, какими издательскими программами и какими шрифтами следует пользоваться, особенно тверды. Замечу, что как раз мне Сашины взгляды оказались очень полезными: без его щедрой помощи я не освоил бы компьютер, а мой двухтомник «Труды по *нематематике*» вряд ли увидел бы свет.

Мой первый компьютер Шень принёс мне в рюкзаке вместе с монитором в 1995 году; вспомним, что плоских экранов тогда не было, и монитор был весьма объёмен. Компьютер был в операционной системе DOS, и Саша терпеливо учил меня ею пользоваться. Уже в XXI веке у меня появился новый компьютер с нелюбимой Шенем операционной системой Windows. Саша организовал наладку нового компьютера, однако впоследствии на мои вопросы, возникавшие, когда что-либо не работало, Саша не без удовольствия неизменно отвечал: «А это не ко мне, это к Биллу Гейтсу». Но потом всё-таки помогал. А на мой вопрос, будет ли теперь компьютер работать правильно, обычно отвечал уклончиво: «Я не могу вам гарантировать, что завтра он будет работать неправильно».



Это фото герой статьи прислал в редакцию «Троицкого варианта» с подписью «крайний справа».

Как и у Колмогорова, значительная часть устремлений, времени и энергии Шеня направлена на педагогическую и просветительскую деятельность. В течение десятилетий он преподавал математику и информатику в средней школе — в специализированных математических классах. Он любит это дело, тем более что обладает нечасто встречающейся способностью внятно и доходчиво объяснять. Многие считают его одним из лучших лекторов Москвы. Много лет он очень активно преподавал на мехмате и принимал самое деятельное участие в работе Независимого московского университета.

Сейчас он — к сожалению для его московских друзей и учеников — половину своего времени проводит во Франции, где совместно с французскими коллегами занимается исследовательской работой в области теоретической информатики. При этом московских связей он не теряет и фактически (хотя и не юридически) руководит рядом студентов кафедры математической логики и теории алгоритмов мехмата МГУ. О том, что он является одним из руководителей Колмогоровского семинара, уже было сказано. Непосредственный, визуальный контакт с учениками и слушателями образует, как известно, лишь одну из сторон просвещения.

Другая сторона — это общение косвенное, общение с читателями. На сайте <http://www.mccme.ru/free-books/> указаны названия свыше десятка изданий, написанных Шенем в соавторстве (таковых меньшинство) или в одиночку. Хорошо известен выдержавший два издания его учебник алгебры, сочинённый в соавторстве с великим математиком И. М. Гельфандом; зная обоих, могу — не умаляя роли Гельфанда как автора — утверждать, что текст написан Шенем. Многие книги Шеня предназначены для школьников, другие (как «Лекции по математической логике и теории алгоритмов» в соавторстве с Верещагиным) являются учебными пособиями для студентов, третьи (например, «Программирование: теоремы и задачи») полезны и школьникам, и студентам. Замечательна и по замыслу, и по исполнению, и по оформлению небольшая книга Шеня «Космография», в которой объясняется, «отчего бывают день и ночь, зима и лето, почему Луна иногда видна в виде серпа и т. д.» (теперь, увы, этого многие не знают, и — ещё более увы — не хотят знать). Кстати, все книги Шеня доступны для свободного скачивания с названного сайта.

Несколько раз мне приходилось убеждаться, что Саша, не афишируя это, хорошо знает классическую литературу. Как-то я допустил ошибку в цитировании Гёте; Саша мягко меня поправил. В другой раз выяснилось, что литературно-критические тексты Пушкина он знает, как мало кто (если бы я Шеню это сказал, он бы возмутился

и стал меня разуверять). Подобно моему великому учителю Колмогорову, Шень прекрасно знает музыку, но, в отличие от Колмогорова, играет и сам — на фортепиано, на клавесине, на гитаре, на флейте; не исключая, что и на других музыкальных инструментах. У меня полностью отсутствует музыкальный слух. Саша, возможно, не верит в это, потому что трогательно (хотя и безуспешно) заботится о моём образовании в области музыкальной классики, снабжая как соответствующими дисками, так и средствами их прослушивания. В этой своей заботе он так же напоминает мне Колмогорова, который, начиная с моих студенческих лет, стремился приобщить меня к классической музыке.

На мой взгляд, Саша Шень вообще человек очень добрый. На помощь он приходит тогда, когда видит, что реально может помочь. И помощь его нередко бывает бесценна.

Приложение. Анна Ахматова о Саше Шене²

10 января 63 • На днях — 6-го или 7-го? уже не помню — повидалась я с Анной Андреевной. Она по-прежнему у Ники. Несколько раз в комнату вбегал китайчонок — первый китайчонок в моей жизни! Четыре года³, жёлтый, чёрно- и жёстковолосый, глаза косые, очень хорошенький, чем-то похож на маленьких узбеков. Но он не настоящий: отец китаец, мать русская. Не думаю, чтоб он знал по-китайски, а по-русски разговаривает свободно, как и положено коренному четырёхлетнему москвичу. Но вот в чём вундеркиндство: не только говорить, а читать умеет и писать! Читает — это случается: я сама в четыре года читала. Но он пишет! Анна Андреевна попросила: «Напиши мне что-нибудь, Сашенька!». Ника дала ему большой лист бумаги и карандаш. Он разостлал бумагу на низеньком столике, попрыгал, опираясь о столик жёлтыми ладонями, потом пососал карандаш и, стоя, вывел крупными, круглыми буквами:

Я поздравляю Вас с Новым Годом Саша.

Даже все заглавные буквы на месте. Ни единой ошибки, только перед своим именем забыл поставить точку.

Попрыгал ещё, опираясь ладонями о стол, и убежал обратно в соседнюю комнату. (Он, вместе со своей матерью, гость Никиной мамы. Отца нет — отец оставил семью и уехал в Китай⁴.)

² Фрагмент из «Записок о Анне Ахматовой» Лидии Чуковской. Взято из электронной книги «Записки об Анне Ахматовой. Том 3. 1963—1966» [<http://www.litmir.me/br/?b=73287>].

³ Несколькими днями раньше китайчонок был ещё трёхлетним: он (Саша Шень) родился 31 декабря 1958 года. — В. У.

⁴ Формула «оставил семью» не соответствует действительности, здесь Чуковская неточна. Будущие Сашины родители (Хан-Хань Шень — а по совре-

— Восьмое чудо света! — сказала Анна Андреевна, прочитав Сашину записку. — Буду показывать всем. Ни одной ошибки. Мне бы так научиться. Я ведь ни на одном языке не умею писать грамотно.

Мой приход — и Сашин набег! — оторвал Анну Андреевну от работы: она диктовала Нике свой, как она пояснила мне, «конспективный ответ» на предисловие к первому тому Собрания Сочинений Гумилёва.

●●► **Комментарий выросшего китайчонка.** 26 октября 2014 года Саша Шень прислал мне следующий комментарий.

Вот что помнит моя мама: она в это время была в Китае (вместе с моим отцом), а я оставался в Москве, так как в Китае, как считалось, мне быть небезопасно, с бабушкой, Софьей Семёновной Бокгольд, и именно бабушка была хорошо знакома с отцом Ники Николаевны Глен, она с ним работала в одном оркестре, и, скорее всего, меня водила в гости.

Так что всё было не так, как на самом деле...



менным правилам написания Ханхань — и Маргарита Фридриховна Бокгольд) в 1956 году окончили Станкин, т. е. Московский станкоинструментальный институт. За сим последовала цепь драматических событий. Как всякий китайский студент, обучающийся в России, будущий отец по завершении обучения обязан был вернуться в Китай, и он туда уехал. Не вернуться в Китай он не мог. Китайские власти сперва не давали разрешения своим гражданам на брак с советскими гражданами и хотя потом стали давать, но вступить в брак всё равно было невозможно, потому что советские власти не давали разрешения своим гражданам на выезд, если брак с иностранцем ещё не заключён. Через некоторое время будущий Сашин отец приехал в СССР в качестве переводчика на срок, достаточный для того, чтобы Сашины родители смогли заключить брак. Будущей Сашинной матери разрешили выезд, и оба родителя уехали в Китай. Уже потом родился Саша, и для этого Сашина мать на некоторое время приезжала в Россию. Однако позже, в феврале 1964 года, она была вынуждена вернуться в Россию окончательно — тогда, когда советским гражданам стало реально опасно оставаться в Китае. Отношения Китая с СССР резко ухудшились в 1960 году; к тому же приближалась так называемая «культурная революция», начавшаяся в 1966 году. Отца, естественно, из Китая не выпускали, и в течение долгого времени (до начала 1980-х годов) Саша и его мать о его судьбе ничего не знали. Затем выяснилось, что он пострадал в ходе культурной революции, сидел в тюрьме, но выжил. После тюрьмы он был очень болен и женился (вторично) на вышедшей его женщине. От этого брака у Саши есть единокровный брат. Сашин отец приезжал в Москву в конце 1980-х годов, а Саша был у него в гостях в середине 1990-х годов, незадолго до его смерти. Как мне рассказывал Саша, все китайские родственники принимали его чрезвычайно тепло. Это был второй раз, когда Саша видел своего отца — первый раз Сашу возили в Китай совсем маленького, настолько маленького, что этого он не помнит. — В. У.

Вспомнишь странного человека

Гости Елены Фанайловой говорят о жизни и творчестве философа Александра Пятигорского

ЕЛЕНА ФАНАЙЛОВА: Свобода в Клубе «Квартира 44». «Вспомнишь странного человека» — так называлась книга прозы великого философа Александра Моисеевича Пятигорского. 30 января ему исполнился бы 81 год. И вспомнить этого выдающегося человека я сегодня попросила Андрея Парамонова, научного сотрудника Института философии Российской Академии наук и редактора книги Пятигорского и Мамардашвили «Символ и сознание». За нашим столом — финансист и попечитель Кукольного театра в Ислингтоне (Лондон) Дмитрий Боски, ученик и друг Александра Моисеевича Пятигорского, его жена художник Екатерина Боски, главный редактор журнала «Неприкосновенный запас» Илья Калинин, главный редактор издательства и журнала «Новое литературное обозрение» Ирина Прохорова и мой коллега, историк, эссеист и редактор последних трёх книг Александра Пятигорского Кирилл Кобрин. И я бы хотела, чтобы для начала мы послушали Владимира Андреевича Успенского, математика и литератора, человека, который, пожалуй, дольше всех знал Пятигорского, 50 лет.

Об одних говорят «мне довелось его знать», о других «мне повезло его знать». Пятигорского мне знать именно повезло. Сказать, что я много и часто с ним общался, было бы преувеличением. До его эмиграции мы встречались, впрочем, довольно регулярно, хотя и реже, чем мне хотелось бы. После эмиграции — лишь во время его кратких наездов в Москву. Однако стаж нашего знакомства приближается к полувеку. И во все времена он был мне глубоко небезразличен, я питал к нему не только уважение, но и любовь.

Об индологических, буддологических и философских концепциях Пятигорского напишут, надо надеяться, индологи, буддологи и философы. Я же не являюсь ни тем, ни другим, ни третьим. А посему ограничусь несколькими личными впечатлениями. И вот одно из таких

Опубликовано 31 января 2010 года на сайте радио «Свобода» [<http://www.svoboda.org/content/transcript/1946080.html>].

впечатлений, относящееся к лету 1964 года. Тогда в Эстонии состоялась первая Летняя школа по вторичным моделирующим системам, организованная нашим великим культурологом Юрием Михайловичем Лотманом. В перерывах между занятиями Пятигорский ходил в паре с Елеазаром Моисеевичем Мелетинским, и они играли в литературную игру: один из них произносил стихотворную строку, а другой должен был её продолжить следующей строкой. Когда я впервые увидел Пятигорского, то был, прежде всего, поражён его внешностью. Его выпуклые глаза постоянно смотрели в разные стороны. Он сильно косил, что видно и на портретах. Это придавало его облику некую обаятельную сумасшедшинку.

Пятигорский, на мой взгляд, был чрезвычайно гармоничен, и его философия была под стать его облику. Вспомним знаменитые слова Нильса Бора: «Это, конечно, сумасшедшая теория, однако она мне кажется недостаточно сумасшедшей, чтобы быть правильной новой теорией». Философия Пятигорского была достаточно сумасшедшей, чтобы быть правильной новой теорией. Здесь мы отвлекаемся от того, что понятие правильности вряд ли применимо к философским теориям. Вообще, на мой взгляд, философия, а тем более, та философия фундаментальных понятий, которую избрал для себя Пятигорский, — это не совсем наука, в ней много от искусства, это искусство говорения о том, о чём говорить невозможно, потому что язык не располагает для этого адекватными средствами. Но, повторяю, я не философ, а совершеннейший дилетант. Однако философия Пятигорского действует и на меня. Это философия широкого действия, которая влияет даже на тех, кто не читает философских текстов. С философией Пятигорского я знаком в его устном исполнении. Я сравнил бы Пятигорского с создателем музыки. Я ведь не понимаю партитур, но когда слушаю музыку некоторых композиторов, то воспринимаю её как прекрасную. То же самое и с Пятигорским.

Как я понимаю Пятигорского, философия неотделима от личности философа, и поэтому правильность философии, если о такой вообще можно говорить, состоит примерно в следующем: я, философ, в данный момент и в данном месте так хочу и так говорю. Своеобразие Пятигорского в его честности. Он говорит: «Я так думаю не потому, что это истина, а потому что так хочу». Философия Пятигорского столь же парадоксальна, как и современные физические теории. Одно из её основных положений состоит в том, что всё совершенно бессмысленно. Как однажды заявил Пятигорский: «Всё бессмысленно, кроме мысли об этом, которая может вдруг иметь смысл». Это его высказывание я помню точно, хотя сам

Пятигорский как-то упрекнул меня, что я слишком уж напирал на всеобщность бессмысленности как положения его философии. Тем не менее, осмысленное провозглашение, что всё бессмысленно, — это первая, на мой взгляд, черта философии Пятигорского. Вторая черта — тщательное проведение различия между «Я», мышлением о «Я», т. е. о самом себе, и мышлением об этом мышлении. Вот когда я назвал Пятигорскому эту черту его философии, он со мной полностью согласился. И наконец, третья черта — философия Пятигорского крайне музыкальна, она неотделима от его устного исполнения. Он может сидеть, он может ходить по сцене, делая резкие жесты, голос его то понижается, то повышается почти до крика, он как бы дирижирует оркестром, состоящим из него самого. И в этом оркестре преобладают медные и ударные. Само исполнение, художественный образ, создаваемый Александром Моисеевичем, — это всё каким-то образом проникает куда-то чрезвычайно глубоко, куда-то в селезёнку. Исполнитель, я бы сказал, злоупотребляет своим обаянием, навязывая нам свою точку зрения при помощи художественного воздействия этого обаяния. Причём навязывает её так, что начинаешь в неё верить, несмотря на то, что понимаешь, вслед за Пятигорским, что всё бессмысленно.

Когда полвека назад я стал слышать о Пятигорском, то первоначально я отнёсся к нему с большим подозрением, потому что мне сказали, что он философ. Надо представить себе, какое во времена советской власти было отношение нормального человека к профессии философа. Но потом, помню, я пришёл в Московский университет на его курс по индийской философии и был совершенно потрясён. Я пришёл не на самую первую лекцию. Александр Моисеевич опоздал, по-моему, минут на 40. На меня уже произвело положительное впечатление, что никто не ушёл, все сидели, затаив дыхание, и ждали. Сразу стало ясно, что я пришёл в такое место, где лектора чрезвычайно уважают. Потом я прослушал эту лекцию и понял, что уважают не зря. До сих пор помню некоторые положения этой лекции, касающиеся различия между природой древнеиндийского знания, основой которого является внутреннее ощущение, и природой европейского знания, основой которого является внешний опыт.

После состоявшейся в 1974 году эмиграции Пятигорский редко бывал в России, промелькивая своей пылающей душой, как незаконная комета в кругу расчерченных светил. Но сама мысль, что он где-то существует, была утешительной. Теперь в окружающем мире образовалась дыра.

<...>

Ректоры МГУ

Петровский: воспоминания школьника. — Вокруг Несмеянова. — Петровский: воспоминания студента. — Петровский: общий взгляд на него. — Петровский: материалы к портрету. — Смерть Петровского. — Хохлов. — Смерть Хохлова. — Логунов.

«Видел я трёх царей», — писал Пушкин жене 20 и 21 апреля 1834 года в письме, посланном из Петербурга в Москву. «...Письмо Пушкина было вскрыто на почте и прочтено полицией. Это крайне оскорбило Пушкина и омрачило его душевное состояние, о чём он записал в дневнике 10 мая» — указывает комментатор И. М. Семенко (27.06.1921—29.07.1987), с 1958 года жена Е. М. Мелетинского. Надеюсь, что моему тексту это не грозит, тем более, что я пишу не о царях России, а о ректорах Московского университета. И если заниматься подсчётом количества виденных мною ректоров, то не уверен, что мне довелось видеть Александра Николаевича Несмеянова в качестве ректора МГУ. Я его неоднократно видел и даже беседовал с ним, и он вроде как помнил меня, — но в качестве Президента Академии наук СССР, коим он был с 1951 по 1961 год. Ректором же он проработал без малого три с половиной года, с 31 декабря 1947 года по 18 мая 1951 года, в каковой день его сменил Иван Георгиевич Петровский, пребывавший ректором до самой своей смерти 15 января 1973 года. Что до меня, то я поступил в Московский университет 1 сентября 1947 года в качестве студента, а затем был там аспирантом, ассистентом, доцентом, профессором. Вплотную я общался лишь с двумя ректорами — И. Г. Петровским и Р. В. Хохловым. Оба были людьми совершенно выдающимися.

Петровский: воспоминания школьника

Петровского я впервые увидел весной 1946 года, когда я учился в восьмом классе, а он ещё не был ректором. Встреча произошла в библиотеке Математического института имени Стеклова Академии наук



Могила Н. Д. и М. Н. Виноградовых на Новодевичьем кладбище.

СССР. Как я оказался в таком сакральном месте, требует объяснения, которое сейчас будет дано.

У моей бабушки — так пишут в юридических документах — по отцу Юлии Дмитриевны, в девичестве Виноградовой, был брат Николай Дмитриевич Виноградов (1868—1936), мой двоюродный дед, профессор философии, психологии, педагогики. О нём есть статья в X томе «Нового энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона, а его могила находится на Новодевичьем кладбище.

Образ Николая Дмитриевича сохранился в моей памяти в виде почтенного господина в серой тройке. Полагаю, что запомнил я его главным образом потому, что на моё пятилетие он подарил мне

потрясающий меня подарок. Это была модель военного корабля, достаточно грубая, как я понимаю теперь, которая «взрывалась», т. е. распадалась на разлетающиеся части при попадании в определённую точку. Стрелять надо было из специального духового пистолета деревянной палочкой с резиновым раструбом на конце. Жена Николая Дмитриевича Мария Николаевна Виноградова заведовала упомянутой выше библиотекой Математического института и разрешала мне этой библиотекой пользоваться. Тогда я пришёл за «Теорией множеств» Хаусдорфа. Пока я разговаривал с Марией Николаевной, в комнату зашёл Петровский. Он пожал мне руку. Я впервые пожимал руку академику, и это было для меня событием. Академиков тогда было мало, и контакт с академиком производил на школьника впечатление. (Предыдущая фраза, хотя и отражает реальность, имеет целью затушевать позорную черту автора этих строк — чинопочитание.) Петровский поговорил со мной и узнав, что я собираюсь перепрыгивать через класс, выразил крайнее недовольство. Дело в том, что он принял меня за студента и решил, что я намерен перепрыгнуть через курс. Когда всё разъяснилось, Петровский меня простил.

Но ещё более сильное, чем встреча с академиком, впечатление произвёл на меня обратный путь из Математического института на трамвае

домой, в Тихвинский переулок. Институт находился тогда в начале Большой Калужской улицы, образовавшей впоследствии начальный отрезок Ленинского проспекта. Трамвай шёл долго, я сидел. С трепетом я раскрыл Хаусдорфа. Красота а́лефов ударила по моему сознанию. Я смотрел в окно и не мог понять, как это дома могут стоять, как прежде, как будто ничего не происходит. Это ощущение продолжалось довольно долго, и следы этого восторга, надеюсь, сохранились до сих пор.

Второй раз я видел Петровского 6 апреля 1947 года на открытии X Московской математической олимпиады. Он открывал её в качестве председателя Оргкомитета олимпиады. Он обратился со словами утешения к тем, кто не станет призёром. «Уверю вас — примерно так сказал Петровский, — что если собрать всех профессоров механико-математического факультета и дать им задачи второго тура Олимпиады, то большинство из них за отведённое время не решит ни одной задачи». Вот как выглядела грамота X Олимпиады:

МОСКОВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М. В. ЛОМОНОСОВА
МОСКОВСКОЕ МАТЕМАТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ ОТДЕЛ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

X

ОБЩЕМОСКОВСКАЯ МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ОЛИМПИАДА
учащихся средних учебных заведений
1947 г.

ГРАМОТА

Дана Купенскому Владимиру Андреевичу
ученику класса 10 167 школы, получившему
на X ОБЩЕМОСКОВСКОЙ МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ОЛИМПИАДЕ
вторую премию

Председатель Оргкомитета X
Математической Олимпиады
Лауреат Сталинской Премии академик И. Г. Петровский
(И. Г. ПЕТРОВСКИЙ)

Президент Московского
Математического Общества
Лауреат Сталинской Премии
Доктор-корреспондент АН СССР П. С. Александров
(П. С. АЛЕКСАНДРОВ)

Декан Механико-математического
факультета МГУ, генерал-майор ИАС
член-корреспондент АН СССР В. В. Голубев
(В. В. ГОЛУБЕВ)

Заведующий Московским Городским
Отделом Народного Образования
(А. Г. ОРЛОВ)

789944 16IV—1947 г. Типография МГУ, Москва, 9. зак 246 тир. 150 экз.

Вокруг Несмеянова

Как я уже писал, я поступил на мехмат 1 сентября 1947 года, когда ректором был Несмеянов. Возможно, где-то в Университете я его и видел, но если и видел, то не запомнил. Но помню рассказ о нём двух замечательных ректорских секретарей, Анастасии Порфирьевны Новичковой и Татьяны Владимировны Семёновой, состоявшийся много лет спустя после окончания ректорства Несмеянова. Я слышал, что они пришли на работу в Университет совсем молодыми девушками и работали ещё с предшественником Несмеянова, Галкиным, ректором с декабря 1943 года. Анастасия Порфирьевна была более простой и домашней, в ней было что-то материнское; Татьяна Владимировна — более сухой и холодной, более дамистой (но тоже «доброй внутри»). Через день одна сменяла другую, так что видеть их вместе — это была редкость. Но начал я с ними общаться уже в Новом здании МГУ. Когда ректором стал Логунов, он их через некоторое время уволил, и я застал их собирающими свои вещи. Они мне рассказали о характерной детали несмеяновского быта. Несмеянов всегда обедал дома, а жил он в «Доме академиков» по адресу Большая Калужская, дом 13. Туда от Университета по Моховой и далее через Большой каменный мост шёл прямой троллейбус. Часто из окна приёмной, рассказывали мне упомянутые дамы, можно было видеть, как Несмеянов бежит к троллейбусу, только что прибывшему на остановку, а то и за троллейбусом, на остановку прибывающим. Разумеется, ректору был положен персональный автомобиль, но этот автомобиль, как правило, был использован в это время всевластным первым проректором Григорием Даниловичем Вовченко. Вовченко исполнял роль комиссара при либеральном и интеллигентном Несмеянове. Думаю, что стремление обедать дома связано с вегетарианством Несмеянова. Вспоминает его сестра Татьяна Николаевна [<http://www.chem.msu.ru/rus/chair/nesmejanov/nesmej.html>]:

В девять лет Шура отказался есть мясо, а в двенадцать лет стал полным вегетарианцем, отказавшись и от рыбы. В основу легло твёрдое убеждение, что нельзя убивать животных. Это не было никем внушено, и всю свою жизнь он не изменял данному себе однажды в детстве слову.

Тогда становится понятным удивлявший непосвящённых, к коим относился и я, размах развёрнутой в 1960-х годах кампании в прессе об успехах в изготовлении на основе белков молока искусственной

зернистой икры, не отличимой от икры осетровых рыб. Рассказывали, что Несмеянов не носил ни кожаных ремней, ни кожаной обуви.

И вот ещё одна тема, вызванная Несмеяновым, но относящаяся не к нему, а к культуре речи. Мой близкий друг, поступление которого в МГУ зависело от одного крупного университетского хозяйственника, говорил: «Иду к академику», «Я сейчас от академика» (а не «к ректору», «от ректора»). Мне вспомнилось, что военачальники «Войны и мира» не говорили «Иду к Главнокомандующему», «Главнокомандующий велел» и т. п., а говорили «Иду к Светлейшему», «Светлейший велел». Какая-то поразительная устойчивость форм.

Петровский: воспоминания студента

До сих пор я писал всё, что мог собрать в памяти о Петровском в мои школьные годы. В студенческие годы я непосредственно общался с ним дважды, причём оба раза моё участие в этом общении меня не украшает, и я вспоминаю о нём не без стыда.

Первое общение происходило на IV курсе, на каковом он читал нам лекции по обязательной дисциплине «Уравнения с частными производными» (УРЧП). Его стиль изложения был диаметрально противоположен моему. Правильнее было бы сказать — тогда я этого ещё не понимал, — что я тогда ещё не дорос до понимания подобного стиля и, вообще, того, что стили могут быть разными. Я застрял на «эпсилон-дельта»-стиле, выработанном теорией функций действительного переменного (ТФДП), теоретико-множественной топологией и сходными науками. А Петровский читал так: вот эта плоскость непрерывно вращается и наступит момент, когда она коснётся нашей поверхности. Всем в аудитории было понятно, кроме меня. Мне бы, дураку, понявшему идею, дома попытаться довести её до устраивающего меня уровня строгости, но вместо этого я задавал лектору вопрос. Читатель должен знать, что устные вопросы с места были на мехмате совершенно допустимым явлением. Петровский принимался мне объяснять, на что уходило время. В итоге мои сокурсники попросили меня вопросов не задавать. Однако математическая лекция, на которой я не могу задать вопрос, теряла для меня специфическую мехматскую прелесть. И я перестал ходить на лекции Петровского, решив, что экзамен сдам по его учебнику «Лекции об уравнениях с частными производными», первое издание которого как раз недавно вышло. Угодно же было Провидению свести нас с Петровским в коридоре, по которому он, слегка опаздывая, шёл на свою лекцию. Конечно, он меня хорошо запомнил с моими несомненно мешающими

ему вопросами. Поздоровавшись, он признался, что забыл номер аудитории и просил меня этот номер указать. Он не сомневался, что я шёл туда же. Я довёл его до аудитории, открыл перед ним дверь и после очень краткого и очень мучительного колебания закрыл её за ним, оставшись в коридоре. Экзамен я сдал без особого труда, но сам этот экзамен запомнился мне тем, как его сдавал мой однокурсник талантливый Фридрих Карпелевич. Он внимательно прочёл учебник Петровского и обнаружил там много опечаток, небрежностей, а то и прямых (но незначительных) ошибок. Экзамен Карпелевича происходил так. Петровский и Карпелевич прогуливались по круговой балюстраде на 3-м этаже здания, где был расположен мехмат. Балюстрада шла вокруг проёма, в котором была видна сверху парадная лестница на 2-й этаж, а сверху, над проёмом, располагался стеклянный купол; всё это можно видеть и сейчас. Собеседники ходили кругами, а я стоял на балюстраде у двери в ту аудиторию, где шёл экзамен. С определённой периодичностью они проходили мимо меня, и тогда я слышал голос Карпелевича: «Замечание 84-е. Страница такая-то, теорема такая-то. Ошибка...» (разумеется, кавычки здесь не означают буквального цитирования). Они ходили примерно час. После чего Петровский затребовал у Карпелевича зачётную книжку и поставил «отлично».

В СССР каждый учащийся или служащий должен был вести какую-либо общественную работу по месту учёбы или службы. Закона такого не было, но никто не хотел выделяться, ухудшая свою «характеристику» (особый письменный документ), что влекло отрицательные последствия для карьеры и зарплаты. Общественная работа ценилась тем выше, чем более неприятной она была. «Какая же эта общественная работа, если она доставляет удовольствие», — эта великая фраза была произнесена когда-то одним из партийных или комсомольских начальников (разумеется, деятельность этих начальников по определению считалась общественной работой). Вот, например, Андрей Анатольевич Зализняк в бытность свою младшим научным сотрудником Института славяноведения АН СССР (т. е. с 1959 года, года прекращения своей аспирантуры в МГУ¹), по 1965 год, год присуждения ему докторской степени) отвечал за работу имевшейся в названном институте ячейки ДОСААФ (т. е. Добровольного общества содействия армии, авиации и флоту). Несмотря

¹ Аспирантуру МГУ Зализняк не кончил, а из неё ушёл примерно за год до её планового конца — ушёл в ситуации начавшегося парткомовского гонения за подписание совместно с Мельчуком и Дыбо письма в защиту уволенного Ив́анова.

на слово «добровольный», уклониться от членства было довольно трудно. Члены ДОСААФ должны были платить весьма необременительные, копеечные, членские взносы, а Зализняк их собирать и потом сдавать, куда следует. Ожидать, что члены ДОСААФ будут сами приходить к Зализняку и приносить ему взносы, не приходилось. Бегать же за коллегами, требуя с них денег, было для Зализняка невозможно. Он вышел из положения следующим образом: сам платил за всех из своего кармана, а потом общую сумму относил в вышестоящую по линии ДОСААФ организацию и расписывался в ведомости, что он внёс деньги от имени Института славяноведения. Система, при которой тот, кто платил, тот и расписывался, была одним из извращений советской реальности. Когда некий маляр взял наперёд небольшие деньги за ремонт в доме водителя грузинского академика Элевтера Луарсабовича Андроникашвили, а ремонт не сделал, упомянутый водитель нашёл обманщика и страшно его избил. Но с наибольшей гордостью водитель рассказывал, что он отнял у маляра расписку — расписку, которую водитель выдал маляру в том, что он дал тому деньги. «Теперь он у меня в руках», — говорил водитель. Вот что написал мне А. А. Зализняк:

Я приносил в райком ДОСААФ (клетушка в полуподвале у Никитских ворот) не то 60, не то 35 рублей (не помню точно), пожилой отставной военный радостно и откровенно удивлённо принимал у меня деньги, решительно ничего не спрашивая; численность института в каком-то его кондуите, видимо, была записана. Думаю, что именно тут и только тут работал описываемый Вами механизм подписи, т. е. я подписывался, что я, то бишь институт, заплатил. Бывало, что военный пояснял мне своё удивление: как же у вас замечательно поставлена в институте работа — сдаёте взносы на две не то на три недели раньше крайнего срока! Недаром же я получил похвальную грамоту ДОСААФ Краснопресненского района за образцовую работу. Где-то наверное лежит в пыльных недрах квартиры.

На III курсе мои приятели со старших курсов устроили мне сравнительно «не пыльную» общественную работу. Я был избран в Совет Научного студенческого общества (НСО) мехмата, в каком-то Совете имел поручение быть редактором «Бюллетеня НСО» — стенной газеты, которая отчасти заполнялась аннотациями лучших студенческих работ, отчасти информационными материалами. Надвигался день 21 декабря 1949 года, день всенародного торжества, — семи-

десятилетие вождя и учителя прогрессивного человечества великого Сталина. Ясно, что «Бюллетень» должен был на это откликнуться соответствующей статьёй. Но кто её напишет? Я задал этот вопрос партийному бюро факультета и получил ответ, что статью пусть напишет Павел Сергеевич Александров. Я пришёл в смятение оттого, что именно я должен сообщить уважаемому человеку, другу Колмогорова, эту гадостную новость. Но делать нечего, пришлось ехать в Комаровку. Там, за обедом, сидя напротив Александрова и умирая от страха, я передал ему поручение партбюро. К моему изумлению, он воспринял новость совершенно невозмутимо. А как ещё он мог реагировать? Сказать что-нибудь вроде «Мне всегда выпадает делать нечто постыдное» и быть расстрелянным на следующий день? Кстати, не все знают, что было строжайшее указание с самого верха, чтобы при праздничном оформлении нигде не стояли рядом две даты: «21 декабря 1879 года» и «21 декабря 1949 года». Полагаю, что такое совместное расположение двух дат напоминало о некрологах и надписях на гробовых плитах. Указание поступило сравнительно поздно, потому что я ещё успел увидеть красочное двухдатное оформление. По-видимому, увидел не только я. Я слышал разговор двух партийных начальников, тон был зловецкий. Старший говорил младшему: «Чтоб нигде двух дат. Ответишь своей головой».

На IV курсе меня снова избрали в Совет НСО и на этот раз я стал председателем Совета, в каковой должности оставался и на V курсе. Из членов Совета помню студентов Никиту Введенскую, занимавшуюся школьными делами, и Таню Вентцель, занимавшуюся делами организационными, а также аспиранта Тимура Энеева, отвечавшего за работу кружков по механике; он был старше всех нас, с ампутированной почти по самое плечо правой рукой (рука была исковеркана неисправным станком на военном заводе, куда он поступил на работу). Наша деятельность казалась мне довольно разумной, во всяком случае, мы, т. е. члены Совета НСО, пытались сделать её таковой. Но раз в год следовало провести отчётно-перевыборное собрание НСО мехмата, которое было действительным лишь при наличии кворума в две трети от общего количества членов НСО факультета. На таком собрании избирался новый состав Совета НСО, а также избирались новые члены. (Кстати, члены НСО пользовались некоторыми привилегиями, среди которых — право пользоваться профессорским читальным залом; в те времена он назывался «Кабинет математики» и находился в здании фундаментальной библиотеки МГУ, располагавшейся на Моховой улице в том же дворе, что и мехмат, но в особом здании.)

Назначение даты, часа и места собрания сталкивалось с несколькими проблемами.

Во-первых, время собрания должно было быть выбрано так, чтобы большинство его потенциальных участников были свободны от обязательных занятий. Во-вторых, в это время должна иметься свободная и достаточно большая аудитория. Маленьких аудиторий в здании было сравнительно много, а больших совсем немного. В-третьих, должен был быть обеспечен кворум в две трети. Для Московского математического общества таких проблем не возникало, и вот почему. Время и аудитория, отведённые этому обществу, были раз навсегда фиксированы: вторник, 18 часов, аудитория 76; в обычные вторники проходили научные доклады, а раз в год — распорядительное (отчётно-выборное) собрание с избранием новых составов Правления Общества и Ревизионной комиссии. Вопрос о кворуме решался замечательным образом. В уставе Общества была статья, разрешающая Правлению при отсутствии кворума назначить новое распорядительное собрание, действительное при любом количестве присутствующих. Я не припомню случая, чтобы кворум состоялся с первого раза. Собравшиеся выслушивали решение Правление о новом собрании, назначаемом обычно через неделю, и расходились. Затем процедура, без изменения устава, была усовершенствована. В сообщении о распорядительном заседании указывалось (пишу по памяти, так что не дословно): «В случае отсутствия кворума Правление назначает новое распорядительное собрание на тот же день в 18 часов 30 минут». Эта формулировка, державшаяся относительно долго, у многих, в том числе у меня, вызывала восторг. Не помню когда устав был поменян, уровень автономности Общества понизился, а указанная формулировка исчезла. Форма моего недовольства была крайней: я перестал считать себя членом Общества. Однако вернёмся к НСО. Речь будет идти о 1951/1952 учебном году, году моего V курса, и председателем Совета был я. Ректором был уже Петровский (с 18 мая 1951 года).

Необходимо было провести отчётно-выборное собрание НСО, а обязанность выбрать его время и место ложилась на меня. О проблемах, которые при этом возникали, уже было сказано. Допускаю, что для многих и даже для большинства людей эти проблемы не представляли серьёзных трудностей, но только не для меня. Мне же их решение было тяжёлым мучением, наказанием, посланным мне за грехи. С огромным трудом и с помощью моих коллег по Совету НСО удалось, тем не менее, найти и время, и большую аудиторию, и даже хорошие перспективы кворума. В назначенное время мы, т. е. члены

НСО мехмата, собрались у назначенной аудитории (кажется, на 2-м этаже) и стали туда заходить. Но одновременно с нами в аудиторию стали входить неизвестные нам взрослые люди. Они объяснили нам, что здесь и сейчас будет проходить профсоюзное собрание экономического факультета. (Экономический факультет МГУ был учреждением своеобразным, поскольку на нём учили, что советская экономика процветает, а западная загнивает; все своими глазами видели обратное. Руководство факультета было ультрасоветским, а иногда и полубандитским.) Попытки как-то с ними договориться ни к чему не привели. Оба разнородных контингента прочно обосновались в аудитории. Какие права экономисты имели на эту аудиторию в эти часы, понять мне не удалось. Но за нами аудитория была зарезервирована заранее. Чтобы лишний раз убедиться в этом, я спустился вниз, где у входа в здание (Моховая, 9) сидел дежурный комендант. Он посмотрел в своих записях и подтвердил, что аудитория — наша. Экономистов это, естественно, не убедило, и уходить они отказались. Проводить в одной и той же аудитории два различных мероприятия было невозможно. Моему отчаянию не было границ. Не нахожу адекватных слов, чтобы описать меру этого отчаяния. Как же так, наивно думалось мне, не только правда, но и локальный университетский закон на моей стороне, а я не могу добиться осуществления своего права. К кому обращаться? В моей голове стали крутиться два ответа: «в вооружённую охрану МГУ» (а я даже не знал, существует ли таковая) и «к ректору». Кабинет ректора в другом здании, на другой стороне Большой Никитской, по адресу Моховая, 11. Тут в моей голове мелькнуло, что в данный момент рядом, в одной из больших аудиторий, проходит семинар Петровского. Откуда я это знал, не помню. Я ринулся туда и ворвался в аудиторию, уже пребывая в полной истерике. Слова «вооружённая охрана» и «ректор» вырывались из меня как бы в бреду. Петровский действительно вёл семинар. Вместо того, чтобы сказать «прошу вас выйти и не мешать проведению занятия», он вышел вместе со мною в коридор, выслушал мой уже сравнительно связный рассказ и направился к аудитории, явившейся предметом раздора. К этому времени туда уже прибыл основатель и первый декан, с 1941 по 1955 год, экономического факультета Иван Дмитриевич Удальцов (1885—1958), некогда (с 1928 по 1930 год) ректор МГУ. Два ректора, действующий и бывший, тепло приветствовали друг друга и стали гулять перед входом в аудиторию. После этой дружеской прогулки Петровский объявил, что уступает нам свою аудиторию, а свой семинар переводит в другую, меньшую.

Петровский: общий взгляд на него

Иван Георгиевич Петровский (18 января 1901 года (н. ст.) — 15 января 1973 года) был очень крупный математик и очень порядочный человек. Я относился к нему с уважением и почти с любовью. Он был ректором Московского университета в течение 22 лет, и до него никто не был университетским ректором дольше: Лобачевский был ректором Казанского университета 19 лет, с 1827 по 1846 год, а Садовничий является ректором МГУ с 1992 года. Быть ректором большого университета всегда непросто, а в советское время — в особенности, потому что над ректором стоял партийный комитет университета: партийная организация любого учебного заведения обладала правом контроля деятельности администрации².

Ректорство было для Петровского не службой, а служением. Имея и другие обязанности (член двух Президиумов — Академии наук с 1953 года и Верховного Совета СССР с 1966 года), заведующий кафедрой дифференциальных уравнений мехмата МГУ и т. д., не говоря уже об обязанностях исследователя, лектора, руководителя

² Так было не всегда. Зимой 1951/52 учебного года Пётр Вениаминович Мясников, заместитель по научной работе декана механико-математического факультета МГУ, разъяснял мне, четверокурснику и председателю Совета Научного студенческого общества факультета, основы субординации. «Вот сейчас будет заседание партбюро (Тогда на мехмате было ещё партбюро, это потом число партийцев увеличилось настолько, что факультетское партбюро преобразовалось в партком. — В. У.), — сказал мне Мясников, — и беспартийный декан Владимир Васильевич Голубев будет ставить задачи перед партийной организацией факультета». В те годы право контролировать деятельность администрации имели парторганизации заводов и фабрик, колхозов и совхозов, но не учебных заведений. Потом — когда, точно не помню, предполагаю, что в эпоху Брежнева — это право было распространено и на многие другие парторганизации, в том числе на парторганизации вузов. Парторганизация университета стала управлять жизнью университета и деятельностью его ректората, парторганизации факультетов — жизнью факультетов и деятельностью их деканатов, парторганизации кафедр — жизнедеятельностью кафедр. Атмосфера в Московском университете сразу же стала заметно более душной. («Сугубо профессиональные текущие дела кафедры решались не заведующим и не профессиональным преподавательским коллективом, а безликим партийно-цеховым большинством, никакого отношения к делу не имеющим, за его успех не болеющим и за результаты своих решений не отвечающим», — пишет А. Е. Кибрик в своей статье «Из истории кафедры и отделения структурной/теоретической лингвистики (ОСИПЛ/ОТИПЛ)» на с. 360 сборника «Филологический факультет Московского университета: Очерки истории» (под общ. ред. М. Л. Ремнёвой, М., МГУ, 2001). С чисто юридической точки зрения любопытно, что указанное распространение права контроля произошло не путём изменения законодательства, а путём изменения в уставе партии (т. е. путём дальнейшей узурпации власти).

семинара, он находился в своём ректорском кабинете с раннего утра до позднего вечера.

Президиум Верховного Совета СССР был, по выражению Сталина, «коллективным президентом» Советского Союза; именно этот орган издавал указы юридически аналогичные тем, которые после введения в марте 1990 года поста Президента СССР начал издавать Горбачёв, а затем — в масштабах России — Ельцин и Путин. Ощутимая часть времени Петровского уходила на переговоры по телефону, в том числе по телефону правительственной связи. При том Петровский не состоял в КПСС; он был последним беспартийным ректором МГУ.

По моим понятиям, он ежедневно приносил себя в жертву во имя блага Университета. Вопрос об оправданности такой жертвы, как всегда, остаётся открытым. Безусловно, ему, беспартийному интеллигенту, приходилось идти на компромиссы и подлаживаться к советской власти. По моему убеждению, вынесенному из анализа самого себя, такое приспособленческое поведение, сколь бы вынужденным оно ни было, не может не отразиться отрицательно на внутреннем мире человека.

Однако даже в этой малоприятной сфере сотрудничества с дьявольской властью Петровский вёл себя нестандартно. Помню собрание выпускников МГУ 1952 года, на котором Петровский вручал дипломы об окончании Университета. (Наверное, это было собрание только красnodипломников, а то вручить всем выпускникам — это была бы непосильная задача для ректора.) Собрание проходило ещё в старом актовом зале на Моховой, 11: Главное здание МГУ на Воробьёвых (тогда Ленинских) горах было торжественно открыто кандидатом в члены Президиума ЦК КПСС Пантелеймоном Кондратьевичем Пономаренко (бывшим тогда министром культуры, которому подчинялось всё высшее образование) лишь 1 сентября 1953 года. «Давайте пошлём письмо товарищу Сталину», — сказал ректор Петровский; эта безупречная, с грамматической точки зрения, форма повелительного наклонения первого лица множественного числа глагола запомнилась мне своей необычностью: принято было произносить в таких случаях ритуальную формулу: «Поступило предложение послать письмо...».

Второй нестандартный эпизод. Однажды Петровский (возможно, в ответ на мои жалобы) учредил комиссию человек этак из шести для проверки того, как обстоят дела с внедрением кибернетики на филологический факультет. Разумеется, работа комиссии кончилась ничем, но не об этом речь. Не помню точно, кто в комиссии был,

но помню, что в основном это были люди внешние по отношению не только к факультету, но и к университету. Он собрал нас в своём рабочем кабинете для напутствия, но прежде всего представил друг другу. Церемония представления понравилась и запомнилась мне тем, что он начал с себя: «Я Петровский Иван Георгиевич, ректор Московского университета». Сомневаюсь, что кто-либо из присутствующих этого не знал.

Так и вижу Петровского, несколько опасливо идущего по фойе Главного здания на Ленинских горах и первым здоровающегося чуть ли не с каждым встречным (это чтобы его не заподозрили в надменности, надо полагать). Он двигался как-то боком, чтобы, как я полагаю, встречаться глазами с возможно меньшим количеством людей. Думаю, что если бы это было возможно, он шёл бы спиной.

В моём конфликте с филологическим факультетом³ он как математик не мог не поддержать математику и он же как математик боялся быть обвинённым в великоматематическом шовинизме, т. е. в том, что математик возобладал в нём над ректором. Он, конечно, понимал, что по существу я прав (или, если плюралистически допустить возможность моей неправоты, он заблуждался, считая меня правым), но должен был блюсти дипломатический баланс собственных взаимоотношений с филологическим факультетом. Полагаю, что моя бескомпромиссность, если даже была ему понятна, выглядела в его глазах мальчишеской, тактически вредной и к тому же создающей лично ему досадную помеху в многотрудном деле управления Московским университетом.

Петровский: материалы к портрету

1. Мне рассказывали, как были построены гуманитарные корпуса на Ленинских горах, но не на так называемой «новой территории», а на старой, примыкающей к Главному (высотному) зданию. Ведь сперва их не было. Петровский велел сделать макет всего университетского кампуса и поставил его на стол на заседании Секретариата ЦК КПСС, а то и Политбюро. Он правильно учёл довольно примитивный уровень вкуса членов этих верховных органов. Они любили симметрию и очень удивились, что кампус такой несимметричный: справа здания есть, а слева нет. Вопрос, решения которого Петровский долго и безуспешно добивался, был решён на месте.

³ Этот конфликт подробно описан в статье «Серебряный век...» в кн. 3 «Языкознание» настоящего издания, а именно в § 11 и Послесловии к этому параграфу.

2. А один раз я видел, как Петровский рассердился. На каком-то совещании он спросил: «А вы в Министерство писали?». — «Писали». — «Ну, и что они ответили?». — «Ничего не ответили». — «А на следующее ваше письмо что ответили?». — «А мы следующего не писали». — «То есть как не писали?». — «А чего писать, мы всё изложили в первом письме и ничего нового прибавить бы не смогли». Вот тут Петровский разозлился и стал почти кричать, что он делал крайне редко. «Вы что, не понимаете, что в министерство надо писать три раза?! Запомните: три раза. Первое ваше письмо они выбрасывают, не читая — и правильно делают. Второе письмо, если вы в нём указываете, что оно второе и что об этом вы уже писали раньше, они читают — но только читают и никак не реагируют. И тоже правильно делают. А вот когда вы им о том же самом пишете в третий раз, только тут они понимают, что вам это действительно нужно и только тут начинают разбираться по существу. И это совершенно правильно. Не могут же они читать все первые письма и отвечать на все вторые!».

3. Петровский был членом Президиума Верховного совета СССР («нашего коллективного президента» по выражению Сталина). Реальная процедура принятия решений Президиумом ВС СССР (ПВС), насчитывающим почти сорок членов (37 до октября 1977 года, а затем на 2 больше), никогда публично не раскрывалась. Кое-что я узнал от Петровского. Как-то, когда я находился в его кабинете, ему позвонили, и у него произошёл короткий разговор по телефону, после которого он счёл нужным поделиться со мной содержанием разговора. Оказалось, что ему звонили из аппарата ПВС и согласовывали очередной указ, — правильное было бы сказать, что спрашивали его согласие. Я позволил себе задать несколько вопросов, после которых вырисовалась такая технология принятия указов. Заседания Президиума ВС происходили с некоторой периодичностью, но на этих заседаниях обсуждались не все указы, а только проблемные. Обычно же Петровскому (как и каждому, надо думать, члену ПВС) звонили, кратко излагали суть предлагаемого указа и спрашивали, есть ли у него какие-нибудь замечания. Как правило, у него замечаний не было и он изъявлял согласие на издание указа. Но он мог и затребовать полный текст указа. Он мог также проявить к этому указу повышенный интерес в той или иной форме (в частности, заявить, что у него есть возражения); в этом случае принятие указа задерживалось и вопрос выносился для обсуждения на заседание ПВС. В тот день речь шла о дополнительных льготах для работников Крайнего Севера. (В СССР были,

а в современной России есть как районы *Крайнего Севера*, так и *местности, приравненные к районам Крайнего Севера*. Не знаю, как сейчас в России, но в СССР некоторые из льгот, действующих для жителей районов Крайнего Севера, не действовали для жителей местностей, приравненных к районам Крайнего Севера. (Это к вопросу о семантике слова *приравненный*.) Когда я был школьником, ко мне во сне явился «Всесоюзный Староста», а именно, Председатель Президиума ВС Михаил Иванович Калинин и сообщил, что о подписанных им указах он узнаёт из газет.

4. А ещё Петровский при мне кричал кому-то в телефон: «А вы им скажите, что у вас ректор самодур, ну самодур. Ему хоть кол на голове теши, и вы ничего не можете с ним поделаться!».

5. При мне Петровскому (а он сидит в своём небольшом рабочем кабинете на девятом этаже высотного здания) звонят из поликлиники МГУ, которая тогда находилась в подвале старого здания (того, где когда-то был мехмат, а во дворе стоит, а раньше сидел Ломоносов) и говорят: «Мы тут проводим сплошное рентгенологическое обследование студентов, а Алабин снимает кабель». Петровский говорит: «Ну, вы скажите ему, чтобы не снимал». Снова звонят: «Мы сказали, а он всё равно снимает». Петровский: «Передайте ему, что я прошу его не снимать». Третий звонок: «Мы передали, а он всё равно снимает. Тут уже сам Петровский, несколько уязвлённый, звонит Алабину. А я всё слышу, потому что речь собеседников доносится из какого-то комбайна и слышна на весь кабинет. И тут начинается разговор кафкианский, который я могу привести весьма приблизительно — как Толстой передавал речь французов в восприятии русского мужика. Алабин говорит: «Иван Георгиевич, у меня объём земляных работ на триста сорок восемь тысяч рублей, месяц кончается, а почти ничего не освоено. Если я не закрою левую строку титула баланса этим месяцем, Мосремпроектстройбанк снимет с меня баланс титула, и я останусь без финансирования». К моему полному изумлению, заведующий кафедрой дифференциальных уравнений, академик от математики Петровский отвечает Алабину на том же птичьем языке: «А Вы перенесите титул баланса в правую строку следующего месяца». — «Но Главтрамтарарам мне этого не позволит». Было ещё что-то говорено, и довольно оживлённо, чего я решительно не помню. В конце концов Петровский сказал: «А Вы вот что: задолженность по незавершённому строительству перенесите на капитальные фонды, строку закройте этим месяцем, в Главтрамтарарам не обращайтесь, а с Мострамтарарамом я сумею договориться. Это я Вам обещаю. А кабель не снимайте».

6. Это есть добавление к пункту 2. Иногда у Петровского, по-видимому, уже не хватало сил сердиться — как в случае с высказыванием Будагова, о котором ниже. Как-то он созвал совещание, на которое я был приглашён. Это потому, что совещание было по вопросу о математической лингвистике, т. е. не о самой этой науке, а о внедрении новых, в том числе математических, методов на филологический факультет. Петровский всё такое любил. Он ощущал себя главой учреждения с корнем *универс* в его названии, и ему нравилось, когда одни науки внедрялись в другие. Кроме того, он был математиком и поэтому любил, когда внедрялась математика. Но не только поэтому. Он справедливо полагал, что когда математика где-либо применяется — разумеется, не на шарлатанском уровне — это всегда хорошо, а когда этому внедрению математики сопротивляются — как это делали консервативные филологи или академик Лысенко, прикрываясь в обоих случаях неповторимой спецификой своих наук (вспомним слова Лысенки, сказанные под аплодисменты Сталина: «Колхозная практика опровергает законы традиционной биологии») — это всегда плохо. Поэтому он любил математическую лингвистику, поддерживал соответствующее отделение на филфаке и традиционные олимпиады по языковедению и математике.) Не все приглашённые пришли, и это обеспокоило Петровского. Он спросил Рубена Александровича Будагова, тогда (формально или нет, не помню) возглавлявшего лингвистическую часть филологического факультета, впоследствии члена-корреспондента, которому, как я понял, был поручен созыв совещания, он спросил его, все ли из должностных быть приглашёнными получили приглашения. Ответ Будагова я помню, как сейчас: «Поскольку ни от кого не поступило заявление, что он не получил приглашения, то все, кто нужно, приглашение получили».

7. О римских каникулах. Когда университет на Ленинских горах только что построили (а его торжественно открыли 1 сентября 1953 года, и открывал его тогдашний министр культуры Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко), там было много замечательного. Например, очень продуманные по интерьеру студенческие комнаты в общежитии, рассчитанные на одного человека. Не знаю, кто их проектировал, но он был великий дизайнер. Через год в них стали селить по двое, а потом и по трое (тогда ночью, чтобы пройти в уборную, надо было перелезть через соседа, а то и через двух), и весь замысел пошёл насмарку. Дольше всего, лет двадцать продержалась так называемая профессорская столовая. С самого начала там были прекрасные повара, и пока они не вымерли, кормили там

очень вкусно. Ректор Петровский ходил обедать туда. Последующих ректоров я там уже ни видел. В профессорскую столовую ходили все, кто угодно, но профессора шли без очереди, и для них было выделено четыре или пять (не помню, но это легко выяснить) столов. И, представьте себе — хватало! (Это несмотря на то, что помимо профессоров за указанными столами имел обыкновение откушивать А. С. Кузичев.)

И вот однажды... Не помню, когда это было, но можно восстановить: это было вскоре после упоминаемых ниже торжеств в Калуге, а они где-то зафиксированы историей. Итак, однажды я там (не за профессорскими столами, но неподалёку от них) обедаю. Точнее, ещё не обедаю, но уже сделал заказ. Вижу, что приходит Петровский и садится за совершенно пустой угловой профессорский столик. Через некоторое время он тоже меня замечает и делает мне знак, чтобы я перебирался к нему: видимо, ему скучно (развитие событий подтвердило эту гипотезу). Я перехожу за его столик чуть ли не с тарелкой супа в руке. Официантка моего столика (а у его столика — другая) не осмеливается протестовать и носит мне еду на не обслуживаемый ею столик (что, может быть, и составляет наиболее удивительный момент всей истории). Петровскому, повторяю, скучно, он явно хочет со мною поговорить, но не сразу находит, о чём. Помню, кто-то к нам подсаживается, но, осознав, с кем он оказался за одним столом, уходит.

Наконец, Петровский меня спрашивает: «Вы смотрели фильм „Римские каникулы“?». (Этот прекрасный фильм с Одри Хэпбёрн в главной роли тогда сравнительно недавно вышел на наши экраны.) Я отвечаю, что смотрел. Было бы вежливо спросить «А что?». По-видимому, Петровский этого от меня ждал. Но я подло промолчал. Петровский какое-то время ждал моей реакции, но не дождавшись сказал: «А я тут себе устроил недавно римские каникулы». Тут уже мне ничего не оставалось, как спросить что-то вроде «Это в каком же смысле?». Смысл был прояснён нижеследующим рассказом Петровского, из которого, в частности, выяснилось, что он сам уподобляет себя наследной принцессе Анне, героине названного фильма, которую и играет Хепбёрн. Вот, что рассказал Петровский:

Тут недавно в Калуге было мероприятие. Торжества (кажется, в связи с десятилетием первого спутника) по случаю открытия мемориала Циолковского и монумента советской космонавтике. Всё на высоком уровне. Зарубежные гости, правительственная делегация из Москвы. Меня включили в делегацию. Пришлось

ехать. Ну, Вы сами понимаете: митинги, торжественные собрания, приёмы. И всюду речи, речи, речи... И так мне всё это надоело... Пошёл я на автобусную станцию, купил билет в город Козельск⁴ и поехал туда. Приезжаю я в Козельск, никто там меня не знает. Это хорошо, но ведь надо где-то ночевать. Я спрашиваю, есть ли здесь гостиница. Как же, отвечают, есть, хорошая очень гостиница. Показывают, как пройти. Нахожу гостиницу: действительно, не очень далеко от автобусной станции. Правда, на вывеске почему-то написано «Дом колхозника». Я захожу, спрашиваю: «Можно ли у вас снять номер?». Вижу, что меня не понимают. Наконец, понимают, что я хочу здесь остановиться. Спрашивают теперь уже меня: «Есть свободная койка в семиместном номере. Будете брать?». Я отвечал, что буду. Определили мне койку, я немножко побродил по городу, но вскоре на своей койке заснул. Боже, как я там жил! (Не могу вспомнить, одну или две ночи он там ночевал. — *В. У.*) Утром просыпаюсь, и сразу в лес. Благо он недалеко. А в лесу как хорошо! Никого нет. Цветы какие-то цветут. Птицы летают. В кустах и траве кто-то шуршит. Но наслаждался я недолго. На следующий (или через следующий? — *В. У.*) день ко мне на улице подошли два очень вежливых молодых человека. Они сказали, что у них ко мне только один вопрос: не найдётся ли у меня время, а если найдётся, то когда, встретиться с первым секретарём райкома. (А я представил, как его, бедолагу, взгрели из Москвы: «Ты хозяин района или нет? Ты контролируешь ситуацию или тебе пора на заслуженный отдых? У тебя в лесах ходят члены Президиума Верховного Совета СССР, а ты...».) Я понял, что надо сдаваться, и ответил, что время у меня найдётся и притом прямо сейчас. Первый секретарь райкома тоже оказался очень тактичным человеком и тоже имел ко мне только один вопрос: не нужна ли мне машина. Я отвечал, что нужна и попросил отвезти меня куда-нибудь в красивые места — и не пожалел об этом. Меня отвезли в места и впрямь очень красивые, к лесному озеру, куда я сам ни за что бы не добрался: я бы и не знал, куда идти, да если бы и знал, то довольно далеко, без машины туда попасть было бы трудно. Вернулись мы в райком, секретарь меня ждёт, спрашивает, нет ли у меня каких желаний. Я спрашиваю, нельзя ли меня на этой же машине сразу же отвезти домой в Москву (потому что мои римские каникулы всё равно кончились).

⁴ Козельск — уездный, ныне районный, центр в Калужской губернии, ныне области, в 70 примерно километрах к юго-западу от Калуги; под Козельском была знаменитая в свои времена Оптина Пустынь. — *В. У.*

«Конечно, какой разговор, немедленно Вас и отвезут». Если бы Вы только видели, как он обрадовался! Никогда я так хорошо не жил, как тогда.

8. Как-то в разговоре я темпераментно возразил Петровскому: «Но ведь это же несправедливо!». И тут он меня ошарашил. Он сказал: «А вы можете объяснить мне, что такое справедливость?». Я не мог и был повержен.

9. Я почти вбежал в кабинет Петровского в волнении и едва ли не закричал прямо с порога: «Иван Георгиевич! Иван Георгиевич! Ваш приказ не выполняется!». Он поднял на меня усталые мудрые глаза и сказал: «А вы представьте себе, что бы было, если бы все мои приказы выполнялись». Пятясь, я вышел из его кабинета.

Смерть Петровского

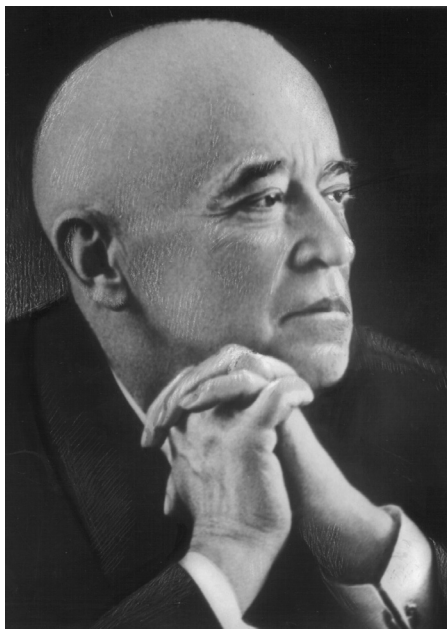
Петровский умер днём 15 января 1973 года не то прямо на ступенях серого здания ЦК КПСС на Старой площади по выходе оттуда, не то его всё-таки успели переместить обратно в подъезд. Вот что говорит по этому поводу всезнающий Г. И. Баренблатт:

Иван Георгиевич умер прямо в здании ЦК на Старой площади после очередного разговора с С. П. Трапезниковым, заведовавшим тогда в ЦК агитацией и пропагандой⁵, а заодно и наукой с образованием. Умер накануне собрания ректоров университетов страны. Уже были забракованы пять (!) вариантов речи ректора главного университета, Московского. Что важнее: учить студентов или «воспитывать» их — это «непримиримое противоречие» стоило жизни Петровскому.

Г. И. Баренблатт. Что я помню и буду помнить всегда
// Колмогоров в воспоминаниях учеников. —
М.: МЦНМО, 2006. — С. 54—97. — С. 85.

Сергей Павлович Трапезников (06(19).02.1912—12.03.1984) — советский партийный деятель, с 23 декабря 1976 года член-корреспондент Академии наук СССР по Отделению истории (история СССР). Согласно некоторым утверждениям, он возглавил кампанию по реабилитации Сталина, которая всё интенсивнее проводилась в 1965—1966 годах. Известен эпизод с провалом его избрания в члены АН СССР в 1967 году. Утверждается, что его избрание в

⁵ В 1965—1983 годах С. П. Трапезников был заведующим Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС.



Иван Георгиевич Петровский
(5 (18) января 1901 года, Севск,
Орловская губерния —
15 января 1973 года, Москва).



Сергей Павлович Трапезников
(6 (19) февраля 1912 года,
Астрахань —
12 марта 1984 года, Москва).

члены-корреспонденты состоялось после получения заверения, что он никогда не будет претендовать на звание академика, хотя уже на следующих выборах в 1979 году он выставил свою кандидатуру в академики.

Хохлов

Одно из проявлений мудрости Петровского состояло в том, что ещё при жизни он наметил себе преемника и добился соответствующего решения Политбюро. Рем Викторович Хохлов (15.06.1926—08.08.1977). Про него было известно, что он физик, профессор физического факультета МГУ, член-корреспондент АН СССР и что в России он считался одним из основателей нелинейной оптики. С 1951 года он был членом КПСС, а в 1976 году на XXV съезде партии был избран членом Центральной ревизионной комиссии КПСС.

22 февраля 1973 года Р. В. Хохлов был назначен ректором МГУ.

Моя первая встреча с новым ректором была вызвана тем, что я был назначен председателем экзаменационной комиссии, принимающей вступительные экзамены по математике у поступающих на

те гуманитарные факультеты МГУ или отделения этих факультетов, где среди вступительных экзаменов значится математика. Довольно быстро у меня возникло непонимание на грани конфликта с руководством экономического факультета. Это руководство мне очень хочется назвать здесь бандой — да и чего ждать от факультета, где обучали превосходству советской экономики над западной.

Попасть к Хохлову, также как и к Петровскому, было легко. Процедура была такой, как это описано в русской литературе XIX века: просители собирались в приёмной, а высокопоставленное лицо выходило к ним в эту приёмную и обходило их, спрашивая каждого, по какому он делу. Некоторых он сразу направлял в нужный департамент, у некоторых брал заранее написанные прошения, некоторых же приглашал в свой кабинет для беседы. Петровский и Хохлов поступали точно так же.

В приёмной я кратко представился Хохлову и сказал, что у меня возникла проблема в отношениях с экономическим факультетом и мне необходимо его решение. Хохлов пригласил меня в кабинет. Я изложил проблему и спросил его, как я должен поступить. Ответ Хохлова меня поразил. «Как ректор Московского университета я Вам отвечаю так, — сказал Хохлов, — а как частное лицо — вот так», — и сказал нечто прямо противоположное. Это он сказал человеку, которого видел впервые в жизни! Я вышел потрясённый и избавиться от этого потрясения не могу до сих пор.

Не знаю, запомнил ли меня Хохлов. Но всегда разговаривал со мной очень откровенно. Все эти разговоры я помню. Их было пять. Первые три из них касались моей деятельности в качестве председателя экзаменационной комиссии по математике для гуманитарных факультетов, в каковой функции я пребывал дважды, в два несмежных года, из коих в памяти отложился лишь один — 1975. Не помню, происходили ли указанные разговоры в один и тот же год или в разные годы.

О первом разговоре уже сказано. Второй разговор произошёл по его инициативе. Он вызвал меня и попросил поставить тройку за письменную работу, получившую двойку. (Председатель комиссии имел право перечеркнуть любую оценку и поставить свою.) При этом он страшно смущался, краснел от стыда, объяснял, что это нужно не для него, а для Университета, пытался объяснить, для чего именно это нужно, но я его остановил. «Ну как же я поставлю тройку, когда там не решена ни одна задача. Потом кто-нибудь посмотрит эту работу, а меня посадят в тюрьму», — возражал я. — «Ну, во-первых, вы не хуже меня понимаете, что никто никогда эту

работу смотреть не будет. А во-вторых, для вашего спокойствия, если кто-либо когда-либо придерётся, чего никогда не будет, вы скажете, что я оказывал на вас незаконные методы воздействия, топал ногами, угрожал увольнением... Вы верите, что я не отопрусь?». — «Верю», — сказал я и пошёл ставить тройку.

Третий разговор также произошёл по его инициативе и также был связан со вступительными экзаменами. Он снова вызвал меня и попросил посмотреть письменную работу, получившую двойку. На этот раз он не просил повышать отметку, а только изучить, справедливо ли поставлена двойка. В отличие от предыдущей работы эта уже прошла апелляционную комиссию факультета, подтвердившую выставленную оценку. Поэтому мне пришлось снова обратиться в эту комиссию и заявить о необходимости ещё раз вернуться к этой, уже рассмотренной работе и перепроверить оценку. Я сослался на указание ректора, чего, скорее всего, мог и не делать. Двойка оказалась поставленной правильно. Члены комиссии, особенно её гуманитарной части, очень удивились, что я не сделал попытки изменить оценку. Я отправился к ректору и доложил, что не нашёл оснований для пересмотра оценки. «Но если вы скажете мне, что надо поставить тройку, я её поставлю, потому что я полностью вам доверяю», — сказал я Хохлову. Он отвечал, что достаточно того, что мною сделано.

Четвёртый разговор состоялся по моей инициативе. В этом разговоре я произвёл на него поначалу странное впечатление. Я сказал: «Полагаю, Вы согласитесь со мной, что главное для мехмата — это иметь правильную партийную организацию». Он посмотрел на меня совершенно ошеломлённо. Пришлось объяснять, что я имел в виду. К этому времени партийцы сильно продвинулись в захвате власти на мехмате, и противостоять им можно было только изнутри их партии — КПСС. Поэтому было существенным, чтобы среди членов парторганизации мехмата были приличные люди. Такие люди существовали среди кончающих в 1977 году аспирантуру мехмата. Необходимо было оставить их на работе на факультете. Конкретно я назвал ему двух кандидатов на эту роль: тополога А. и специалиста по теории управления Г. Про А. Хохлов отвечал, что он уже выполнил несколько просьб П. С. Александрова о зачислении людей на возглавляемую Александровым кафедру высшей геометрии и топологии и больше в этом направлении делать ничего не будет. Что до Г., Хохлов сказал: «После лета я его *продавлю*». Слово «продавлю» я запомнил буквально. Почему он принял мои рекомендации — кто я такой? — без вопросов, остаётся для меня загадкой. Этот разговор имел место весной 1977 года, но до конца лета Хохлов не дождался.

Пятый и последний разговор также состоялся в 1977 году, ранним летом. Наша встреча произошла случайно — в фойе Главного здания. К этому времени Хохлов был назначен и. о. вице-президента АН СССР; приставка «и. о.» была обусловлена тем, что вице-президента избирает Общее собрание Академии наук, каковое ещё не произошло. Ходили упорные слухи, что на ближайшем Общем собрании он будет избран Президентом, сменив А. П. Александрова, которому к этому времени исполнилось 74 года. Я прямо спросил Хохлова: «Говорят, что вы в ближайшее время станете Президентом Академии наук». — «Да, стану», — отвечал Хохлов, нарушая принятый советский этикет. Согласно этому этикету, он должен был ответить так: «Ну, если я буду выдвинут на эту должность и Общее собрание окажет мне доверие...». Но он не стал играть со мной в эти игры. Он знал, что Политбюро его уже утвердило, и подозревал, что я об этом если не знаю, то догадываюсь. «Но как же вы нас покидаете! Это же трагедия для Университета», — в искреннем ужасе сказал я. — «Не бойтесь, — возражал Хохлов. — Я поставлю правильного человека и сам буду присматривать». Злая судьба не позволила сбыться ни тому, ни другому.

Хохлов был замечательным ректором Московского университета и замечательным человеком. Некоторые мои коллеги упрекают меня за то, что я позволяю себе ставить его на одну доску с великим ректором Петровским. Как моё восхищение Хохловым уживается с его партийностью, объяснить себе не могу.

Смерть Хохлова

В своей частной жизни Хохлов был альпинистом, кандидатом в мастера спорта по альпинизму. В 1979 году был выпущен небольшой документальный фильм «Такой это был человек, Рем Хохлов» в двух частях. Если повезёт, он откроется в Интернете: <http://www.net-film.ru/film-8225/>. Там будет нечто вроде оглавления. В конце первой части оглавления найдите любую из рубрик «Р. Хохлов и другие альпинисты в лагере» и «Руководитель группы читает приказ». Если ещё больше повезёт, то рубрика откроется в виде фрагмента фильма; автору этих строк такое везение давалось в одном случае из десяти. Во фрагменте можно увидеть, как альпинисты стоят строем в лагере перед руководителем группы, и на правом фланге радостный Рем Хохлов в шортах; он сбежал в альпинистский лагерь от празднования своего пятидесятилетия. Впрочем, эти же кадры можно увидеть в легче открывающемся документальном

39-минутном фильме «Последняя высота», вышедшем в 2006 году, http://tvkultura.ru/brand/show/brand_id/28052/.

Текста, связно излагающего обстоятельства смерти Хохлова, я не нашёл. Поэтому попытаюсь изложить события так, как я их вижу, по существу пересказывая фильм «Последняя высота».

Говорили, что Хохлов хотел летом 1977 года, в последнее лето своего ректорства, подняться на гору Мак-Кинли высотой 6190 м — высшую точку Северной Америки, а до продажи Аляски — высшую точку Российской империи. С 2015 года эта гора называется Денáли, что на одном из индейских языков Аляски означает 'великая'. Естественно, что Хохлову пришлось испрашивать разрешения в ЦК. Столь же естественно, что ему не разрешили по принципу «как бы чего не вышло». Тогда он поехал на Памир и предпринял восхождение на пик Коммунизма высотой 7495 м — высочайшую вершину на территории бывшего СССР. (В 1998 году пик Коммунизма был переименован в пик Исмойла Самонí). Здесь ничьего разрешения спрашивать было не надо. Именно этого пика не хватало Хохлову до звания «снежного барса»⁶.

К сожалению, восхождение пошло в нештатном режиме: возникли непредвиденные неудачи.

Руководителем экспедиции был человек очень опытный — Иван Дмитриевич Богачёв (р. 1928), трижды чемпион СССР по альпинизму, с 1969 года «снежный барс» № 7. Однако при восхождении он заболел ангиной, и с высоты 6000 м ему пришлось спуститься. (Ангина прошла лишь в больнице в Душанбе.) На этом неудачи не кончились. Альпинистам, чтобы подняться на высоту свыше 7000 м, следует делать это постепенно, проходя так называемую акклиматизацию, т. е. приучая организм к высоте. В случае с восхождением той группы, в которой участвовал Хохлов, полагалось разбить лагерь на высоте 5000 м с обязательной ночёвкой, а затем — лагерь на высоте 6000 м, также с обязательной ночёвкой. Однако всего этого не произошло ввиду участия в спасательной экспедиции для соседней группы альпинистов, где четверо сорвались с высоты 6900 м и висели на верёвках, зацепившись за скалы. Кроме того, Хохлов торопился: ему нужно было быть в Москве к определённом сроку для участия в переговорах об открытии важного для него Института лазерной физики. (Институт лазерной физики открылся лишь 1991 году в Новосибирском Академгородке. Не знаю, то ли это,

⁶ «Снежный барс» — неофициальное почётное звание для совершивших восхождение на все семитысячники СССР.

о чём мечтал Хохлов.) Группа начала восхождение без акклиматизации.

Сравнительно легко группа дошла до высоты 6900 м. Но на высоте 7200 м Хохлову стало плохо. Ночёвка была для Хохлова ужасной. Богачёв по телефону в резкой форме рекомендовал ему спускаться, однако тот пошёл наверх. Телефонной связи между Богачёвым и Хохловым уже не стало, но Богачёв мог наблюдать в зрительную трубу и видел, что когда до вершины оставалось 150 м, Хохлов сел на снег, очень долго смотрел на вершину, после чего начал спуск. На спуске у одного из альпинистов случилось прободение язвы, и Хохлов нёс его вместе с другими. Не донесли, он умер. На высоте 6000 м было плато, что теоретически позволяло сделать попытку осуществить дальнейший спуск с помощью вертолётa. Однако прецедентов посадки и подъёма вертолётa на такой высоте в мировой практике не было. Нашёлся пилот-доброволец. Всю ночь альпинисты утапывали рыхлый снег, готовя вертолётную площадку. Им сбросили уголь, чтобы этим чёрным углём они могли очертить границы вытопанной площадки. Сочетание высоты, погодных и высокогорных условий делала задачу подъёма и посадки вертолётa очень трудной. Посадка вертолётa и последующий подъём с пассажирами были успешно осуществлены.

Альпинистов доставили в больницу Душанбе. Тамошние врачи имели большой опыт лечения всевозможных недугов, связанных с пребыванием на больших высотах. В частности, Хохлову спасли от ампутации сильно обмороженные пальцы ног, восстановили кровообращение. Говорили, что Хохлов просил оставить его в этой больнице. Но какой-то чиновник ЦК решил по другому и прислал за Хохловым кремлёвского врача. Самолёт доставил Хохлова в сопровождении врача в Москву, внутрь самолётa внесли носилки, и далее пациент оказался в кремлёвской больнице, врачи которой, славящиеся своей некомпетентностью, впервые столкнулись с заболеваниями, типичными для альпинистов. Жена Хохлова просила пригласить альпинистского врача, но ей отказали. Ему устроили массажированное переливание крови, заменив чужой кровью несколько литров собственной крови, несущей следы пребывания на высоте свыше 7000 м. Этого, по мнению Богачёва, делать было нельзя ни в коем случае. И Рем Викторович Хохлов умер, как до него в той же больнице умер Сергей Павлович Королёв. Считается, что останься он в Душанбе, он остался бы жив. И Петровского, и Хохлова убил ЦК КПСС в лице своих чиновников — Трапезникова в случае Петровского и неизвестного в случае Хохлова.

Логунов

Хохлов не успел, как он хотел, «поставить правильного человека», и 22 сентября 1977 года ректором Московского университета был назначен вице-президент АН СССР Анатолий Алексеевич Логунов (30.12.1926—01.03.2015). Это было результатом интриги Президента Академии наук Анатолия Петровича Александрова. 70-летний Александров устал от своего президентства и хотел на ближайшем Общем собрании Академии от него отказаться и поддержать на эту должность Хохлова. По-видимому, Александров был одним из инициаторов выбора Хохлова в качестве своего преемника. Хохлова не стало, и была более чем реальная угроза, что в кресло Президента сядет Логунов. Следует знать, что обширная приёмная Президента Академии ведёт в два кабинета: направо от входа в приёмную кабинет Президента со столиком секретарши перед ним, и напротив другой кабинет со своей секретаршей перед входом. В этом другом кабинете сидел один из вице-президентов, неформально, а, может быть, и формально — первый вице-президент. В 1977 году там сидел Логунов, и было естественно, что он и займёт место уходящего Президента. Отдать Академию в руки Логунова Александров не мог. Чтобы этого не случилось, нужно было найти для Логунова если не равную, то приближающуюся к таковой должность. И Александров решил пожертвовать Университетом и сделать ректором Логунова; он отчасти пожертвовал и собой, поскольку отказался от плана уйти в отставку.

Предыдущий абзац подразумевает, что автор видит в Логунове фигуру отрицательную. Это верно. Дело в том, что основным делом его жизни была упорная борьба с Эйнштейном и его общей теорией относительности (ОТО). Кем-то было остроумно подмечено, что создают великие теории, меняющие лицо науки, скромный монах Мендель (сын крестьянина, постригшийся в монахи из-за материальных трудностей) и скромный сотрудник патентного бюро Эйнштейн, а вот борются с ними Т. Д. Лысенко и А. А. Логунов, которые и академики, и Герои Социалистического Труда, и лауреаты высших премий, и президенты (как Лысенко) или, в крайнем случае, вице-президенты (как Логунов) академий, и депутаты Верховного совета.

В качестве альтернативы ОТО Логунов создал так называемую «релятивистскую теорию гравитации», почти никем не признаваемую. Вот что писал Логунов: «Эйнштейн в ОТО отождествил гравитацию с метрическим тензором риманова пространства, но этот путь привёл к отказу от гравитационного поля как физического поля, а также к утрате фундаментальных законов сохранения. Именно

поэтому от этого положения Эйнштейна нам необходимо полностью отказаться»⁷.

С именем Логунова связан мрачноватый период в истории Московского университета. Не должен быть ректором человек, борющийся с общепризнанной теорией, даже если последняя неверна. Точно так же не должен заведовать Отделением математики мехмата МГУ Фоменко, борющийся с общепризнанной хронологией, даже если она неверна. Место таким людям, если они искренни, в исследовательских институтах, но не на руководящих должностях в учебных заведениях.

Не помню, когда, не исключая, что в годы своего ректорства, Логунов слушал факультативный курс на темы статистической и математической физики, который младший меня курсом Феликс Александрович Березин (25.04.1931—14.07.1980) читал для всех желающих на физическом факультете МГУ. Аудитория была довольна многочисленна. Но так продолжалось недолго. Придя на очередную лекцию, Феликс обнаружил, что в аудитории всего несколько человек, в том числе Логунов. Он поинтересовался, в чём дело. Оказалось, Логунов распорядился не пускать студентов. Мотивировка была такова. Слушатели из числа преподавателей физического факультета могут чего-то не понять и задать вопрос лектору; а студентам не положено знать, что преподаватели могут чего-то не понять. Для человека, воспитанного в мехматских традициях, подобный запрет и такое объяснение запрета были чудовищными.

С приходом Логунова обстановка в МГУ изменилась. Пovyлезла серость и стала командовать. Кафедра структурной и прикладной лингвистики, административное ядро ОСИПЛ, была ликвидирована как самостоятельная кафедра. Логунов всеми силами сопротивлялся назначению Колмогорова заведующим кафедрой математической логики. Из достоверных источников известно, что он даже ходил в Математический институт АН СССР к его директору, влиятельному и не любившему Колмогорову И. М. Виноградову, но тот сказал, что

⁷ Здесь уместно вспомнить следующий анекдот, имеющий несомненную философскую глубину. Когда Эйнштейн умер, на небесах его встретили с уважением и спросили, нет ли у него каких пожеланий. Он отвечал, что хотел бы встретиться с Богом. Ему возразили, что этого хотели бы многие, что это почти невозможно, но они постараются. И действительно, через какое-то время Эйнштейну сообщили, что ему назначена аудиенция. Когда такая состоялась, Бог спросил: «Чего ты хочешь?». — «Господи, — отвечал Эйнштейн, — покажи мне уравнение единой теории поля» (создание единой теории поля — «религиозная» мечта физиков). — «Изволь», — сказал Бог. Тут же появилась чёрная доска и мел или белая доска и фломастер (тут сведения расходятся), и Бог начал писать. Эйнштейн заворожённо следил. И вдруг он воскликнул: «Тут ошибка!». — «Знаю», — сказал Бог и продолжал писать.

не может ничего сделать. Колмогорова поддерживал Боголюбов; членами кафедры были организованы и другие формы поддержки. Когда оттягивать подписание приказа было уже невозможно и по нашим сведениям текст лежал на столе у Логунова и ждал его подписи, Логунов предпринял последнюю попытку. Он попытался найти Колмогорова по телефону и его отговорить, что было нетрудно: сам Колмогоров колебался. В это время Колмогоров ходил по коридору возле кафедры математической логики, с кем-то беседуя. На кафедре раздался звонок, и сказали, что с Колмогоровым желает говорить ректор. Было отвечено, что Колмогорова здесь нет. Приказ был подписан.

Аристократический стиль приёмной ректора, когда хозяин кабинета сам выходил из него в зал к «просителям», существовавший при Петровском и Хохлове, исчез при Логунове и более уже не возобновлялся. Поэтому когда мне понадобилось некоторое своё мнение довести до сведения Логунова, я написал ему письмо. Дело было так. После смерти Колмогорова заведующим кафедрой математической логики был назначен директор академического Института проблем кибернетики, конструктор компьютеров, но, тем не менее, академик АН СССР по Отделению математики Владимир Андреевич Мельников (18.08.1928—07.05.1993). (Читатель может заметить, что автору везёт на полных тёзок: сперва Владимир Андреевич Звегинцев, теперь Владимир Андреевич Мельников.) Я остался заместителем заведующего кафедрой, каким был при Колмогорове. Мы с Мельниковым не докучали друг другу. На кафедре он никогда не был. Мехмат довольствовался моей подписью на бумагах по всем вопросам, включая кадровые. Но один раз я всё же решил, что моей подписи будет недостаточно. Речь шла о переименовании кафедры математической логики в кафедру математической логики и теории алгоритмов. Я позвонил в приёмную его института, сказал, что говорят с его кафедры. «С какой?» — спросили меня. «С той, которой он заведует», — отвечал я. «Но он заведует тремя кафедрами». Я сам поехал к нему в его институт с бумагой на подпись. Он посмотрел на бумагу и спросил меня так, как Манилов спросил бы Чичикова, «Это надо?». — «Надо», — твёрдо отвечал я, и он, без дальнейших вопросов, подписал.

Как уже было сказано, Мельников не бывал на кафедре. Более того, он даже не знал, где она находится. Он, конечно, знал, где находится Университет, но я подозревал, что он никогда в нём не был. Это уже было слишком, могло вызвать и, кажется, уже вызывало ненужные толки. Следовало исправить эту ситуацию. Удобным поводом были очередные Ломоносовские чтения. Такие чтения происходят

ежегодно и начинаются с двух докладов — один на гуманитарную тему, другой на естественнонаучную — на общеуниверситетском уровне в Актовом зале или Доме культуры. Затем чтения растекаются по факультетам, где происходят сначала на факультетском уровне, а потом дробятся по секциям. На мехмате чтения по секции математической логики обычно совмещались с заседанием кафедрального семинара. Я написал ректору Логунову письмо с предложением пригласить академика Мельникова сделать общеуниверситетский доклад на приближающихся Ломоносовских чтениях. Предположение, что эта идея Логунову понравится, оказалось верным. Через некоторое время Мельников мне позвонил, сказал, что получил приглашение сделать доклад на Ломоносовских чтениях, и просил заехать за ним, чтобы отвезти в Университет. Его просьба меня не удивила: Главное здание имеет четыре входа по числу сторон, а внутри легко запутаться; когда я впервые оказался в этом здании 1 сентября 1953 года, моим первым чувством был страх, что я никогда не разберусь в этой внутренней симметрии. В надлежащее время я приехал к нему. Не считая водителя, в машине оказалось трое: он взял с собою жену. Я привёл его в Актовый зал или, не помню, Дом культуры. Туда же пришёл и Логунов, и после доклада о строительстве компьютеров состоялась, при свидетелях, историческая встреча Мельникова с Логуновым. Теперь уже никто не мог сказать, что Мельников не бывал в Университете. Там же и тогда же состоялось уже не историческое, но первое и последнее моё рукопожатие с Логуновым.

Выше, в главке «Вокруг Несмеянова», уже было написано, что последний раз я видел замечательных ректорских секретарш, Анастасию Порфирьевну Новичкову и Татьяну Владимировну Семёнову, когда в приёмной ректора они собирали свои вещи: Логунов их уволил или перевёл на другую работу. Скорее, впрочем, уволил: их возраст был уже пенсионный. И вот какие слова о Логунове они нашли, чтобы сказать мне: «Вы не думайте, он хороший».

«Летопись Московского университета» за 1992 год [<http://letopis.msu.ru/letopis/1992>] свидетельствует:

Март, 23

Заседание Совета Учёных советов МГУ. Повестка дня: Выборы ректора Московского университета. Председатель комиссии по выборам ректора чл.-корр. РАН Д.П. Костомаров. Избрана счётная комиссия в составе 17 человек (председатель проф. В.Т. Трофимов, секретарь В.Ф. Шевельков).

Выступления кандидатов на должность ректора МГУ: А. М. Емельянова, В. В. Лунина, В. А. Садовниченко, В. П. Скулачёва.

Согласно протоколу счётной комиссии, из 1096 членов Совета Учёных советов МГУ зарегистрировано на заседании 997 человек. Выдано для голосования 984 бюллетеня.

При вскрытии урны обнаружено 980 бюллетеней. Результаты голосования:

- А. М. Емельянов — «за» 238, «против» 740;
- В. В. Лунин — «за» 29, «против» 949;
- В. А. Садовничий — «за» 461, «против» 517;
- В. П. Скулачёв — «за» 244, «против» 734.

Два бюллетеня признаны недействительными. Ни один из кандидатов не собрал необходимых 493 голосов. По большинству поданных «за» голосов в бюллетень для тайного голосования во втором туре вносятся фамилии В. А. Садовниченко и В. П. Скулачёва.

Роздан для голосования 921 бюллетень. При вскрытии урны обнаружен 921 бюллетень. Результаты голосования:

- В. А. Садовничий — «за» 537 (58,3%) голосов, «против» 383;
- В. П. Скулачёв — «за» 357, «против» 563.

В соответствии со статьёй 34 Устава МГУ на должность ректора избран В. А. Садовничий, профессор механико-математического факультета.

*(Секретариат Учёного совета МГУ,
Протокол № 3, 23.03.92;
Отдел приказов Управления делами МГУ,
Приказ № 230, 24.03.92)*

Март, 24

Акад. АН СССР А. А. Логунов уволен с должности ректора МГУ в связи с истечением срока полномочий.

Март, 27

Проф. В. А. Садовничий принял присягу и вступил в должность ректора МГУ.

Александр Сергеевич Есенин–Вольпин

0. Происхождение, фамилия, краткая биография. — 1. Философ. — 2. Поэт. — 3. Правозащитник. — 4. Математик. — 5. Шизоид. — Примечания.

В 1960-х годах до моего слуха донёлся конец песни Булата Окуджавы «Былое нельзя воротить». И название этой сочинённой в 1964 году песни, и её полный текст стали мне известны позже. А тогда я услышал лишь последние две строки:

...Извозчик стоит, Александр Сергеич прогуливается...
Ах, завтра, наверное, что-нибудь произойдёт!

Извозчик как-то прошёл мимо ушей и не отложился в сознании, и я был уверен, что Александр Сергеевич — это Есенин-Вольпин. Потому что с ним всегда что-то происходило или, по крайней мере, могло что-то произойти с повышенной вероятностью.

Есенин-Вольпин был человек многогранный. Не уверен, что все грани его личности были мне известны, но те пять из них, которые были известны, будут сейчас указаны. Он был философ, поэт, правозащитник, математик, шизоид.

Все эти грани были смежными одна с другой. В реальном пространстве, даже многомерном, это невозможно. Но Есенин-Вольпин существовал в ирреальном пространстве, не укладывающемся в законы математики.

0. Происхождение, фамилия, краткая биография

Родителями Александра Сергеевича были Сергей Александрович Есенин (21.09(03.10).1895, село Константиново Рязанской губернии — 28.12.1925, Ленинград), знаменитый поэт, и Надежда Давыдовна Вольпин (06.02.1900¹, Могилёв — 09.09.1998, Москва), переводчица,

¹ Установить, по какому календарю — старому, юлианскому, или новому, григорианскому, — эта дата, не удалось.

любительница шахмат² и отчасти поэт; подумывая жениться на ней, Есенин ставил ей неперемное условие: она должна была бросить писать стихи.

У Есенина было немало подруг, отношения с иными из них были оформлены официально. Отношения с Вольпин оформлены не были, тем не менее некоторыми она считается фактической женой Есенина. Как утверждает сайт http://esenin-museum.narod.ru/jeny_i_podrugi.html, она занимала особое место в жизни Есенина и именно она является северной девушкой из последних строк есенинского стихотворения «Шаганэ...»:

Там на севере девушка тоже.
На тебя она страшно похожа.
Может, думает обо мне...

Дальнейшие подробности, вынесенные в затекстовое примечание, взяты из названного сайта **1**.

Послушаем свидетеля:

...Квартира в писательских домах на Аэропортовской³. Я причался сюда после вполношного звонка: «Ты что, не знаешь? В Москву прилетел Есенин-Вольпин! Да-да, тот самый, гениальный математик и поэт, которого не выпускали при Андропове из психушек...».

— **Итак, Вы — сын Сергея Есенина.**

— В моём метрическом свидетельстве записано: «Гражданин Вольпин Александр Сергеевич, родился 12 мая 1924 года. Отец — Есенин Сергей Александрович, мать — Вольпин Надежда Давыдовна». Под фамилией Вольпин я жил до отъезда из Советского Союза и никогда ни к каким властям с просьбой об изменении фамилии не обращался. Хотя получалось так, что многие называли меня Есениным. Но если я Вольпин, а меня кличут Есениным, то объяснять каждому, что Есенин — это мой отец, неудобно.

² Хотя уровень её игры вряд ли поднимался выше 2-го разряда, любовь к шахматам сохранилась у Надежды Давыдовны до конца её жизни. В 1980-х годах она жаловалась мне, что только при помощи сильного увеличительного стекла может разбирать партии в шахматных журналах, которые она выписывает. Во второй половине 1930-х годов Вольпин вела активную шахматную жизнь: принимала участие в массовых женских турнирах и в сеансах одновременной игры, которые давали гроссмейстеры, общалась с Эммануэлем Ласкером в его маленькой московской квартире (чему немало способствовало владение ею немецким языком).

³ Имеется в виду квартира Н. Д. Вольпин в ЖСК «Московский писатель». — В. У.

Менять материнскую фамилию на отцовскую я не хотел, потому что вырос с фамилией Вольпин. На двойную фамилию требовалось разрешение Министерства внутренних дел, но обращаться в такую инстанцию не было никакого желания. Так я и остался с данной мне мамой фамилией, хотя когда-то мой учитель Павел Сергеевич Александров посоветовал подписывать научные статьи двойным именем. Возник как бы псевдоним. Так я и живу, уже теперь официально имея двойную фамилию⁴.

— ***Вы не были на родине целую вечность...***

— Да, уехал я из Советского Союза 31 мая 1972 года. Сейчас я, гражданин Соединённых Штатов Америки, нахожусь в СССР в частной поездке в связи с преклонным возрастом моей мамы.

— ***Александр Сергеевич, Ваше имя, я это помню, одно время было довольно громким, а потом Вы пропали, о Вас забыли. Что случилось, как Вы оказались за границей?***

— Причины отъезда я чётко указал в анкете для ОВИР. Отъезду предшествовала беседа в милиции, где мне сообщили, что появилась возможность покинуть Советский Союз. Так, не вдаваясь в детали, я и написал, что «причиной отъезда является появление возможности покинуть Советский Союз». Вы улыбаетесь, а мне тогда было не до смеха.

(Ф. Н. Медведев. Мои великие старики. — М.: ВHV, 2012. — 448 с. — Гл. 8.)

Теперь послушаем второго свидетеля:

Я познакомилась с ним осенью 1995 года в Москве, в большой и странной захламлённой квартире на Старом Арбате. Он приехал на празднование 100-летия отца и ещё для того, чтобы вывезти в США свою новую жену и её детей⁵. Когда-нибудь напишу и свои впечатления от той встречи.

Роман Сергея Есенина и молодой поэтессы-имажинистки Надежды Вольпин, как и многие есенинские романы, поначалу был одухотворённо-сложным, под конец — мучительным. Начался он ещё до знакомства и женитьбы Есенина на Айседоре Дункан,

⁴ Как будет следовать из помещаемой ниже статьи Ирины Тосунян, официальность двойной фамилии появилась в 1972 году в Париже. — В. У.

⁵ Этих взрослых сыновей мне не довелось увидеть, знаю только по рассказам, что после того, как Есенин-Вольпин перевёз их в США, они успешно выселили его из квартиры, каковой и завладели. А их мать я видел на квартире Надежды Давыдовны в ЖСК «Советский писатель». У меня не хватает слов, чтобы описать своё впечатление. Это была почти старуха с частичным отсутствием зубов и полным отсутствием намёков на обаяние, Алик познакомился с ней в книжном магазине. — В. У.

возобновился после разрыва со знаменитой танцовщицей и возвращения поэта в августе 1923 года в Москву. Точку поставили в начале 1924 года. По инициативе Вольпин, которая в то время уже твёрдо была «намерена одарить его ребёнком». Нежеланным для него, Есенина, ребёнком. «Зря вы всё-таки это затеяли, — говорил он перед отъездом Вольпин в Петербург. — Понимаете, у меня трое детей. Трое!». — «Так и останется: трое, — ответила она. — Четвёртый будет мой, а не ваш. Для того и уезжаю».

— На самом деле до тех пор, пока я не покинул в 1972 году страну, фамилия моя была Вольпин, я никогда от неё не отказывался. А Есенин-Вольпин — научный псевдоним. И мне всегда бывало неловко, если меня называли просто Есенин. В метрике записано: отец — Есенин, мать — Вольпин, но, когда я хотел узаконить двойную фамилию, мне сказали, что это можно сделать, только обратившись в высокие сферы МВД. Как вы понимаете, с этими людьми я не хотел связываться. И документы на выезд оформлял как Вольпин, и в Европе так несколько месяцев жил. Но когда в Париже получил эмиграционную карту в США, там уже значилась двойная фамилия. Кто постарался, я так и не узнал. Но никогда не буду сам себя именовать Есениным. Это совершенно другие ассоциации.

Да, в первый раз меня посадили именно за поэзию. Хотя обвинение звучало так: «за антисоветскую агитацию и пропаганду». Это было в 1949 году, вскоре после окончания аспирантуры. В июне я защитил кандидатскую диссертацию по математике, в июле — за стихи — уже сидел на Лубянке.

— *А что это были за стихи?*

— Те самые, которых власти заслуживали.

Никогда я не брал сохи,
Не касался труда ручного.
Я читаю одни стихи,
Только их — ничего другого...
Но, поскольку вожди хотят,
Чтоб слова их всегда звучали,
Каждый слесарь, каждый солдат
Обучает меня морали:
«В нашем обществе все равны
И свободны — так учит Сталин.
В нашем обществе все верны
Коммунизму — так учит Сталин».

<...>

...Что ж поделаешь, раз весна
Неизбежное время года,
И одна только цель ясна,
Неразумная цель: свобода.

31.VIII—1946⁶.

После ареста я написал ещё около тридцати стихотворений, за каждое из которых меня ещё минимум тридцать раз можно было посадить за решётку. Но давайте сразу всё расставим по местам. Сейчас я могу сказать: кое-что в поэзии я сделал. Кое-что. Но это было давно. Стихов я не пишу уже лет двадцать [сказано в 1996 году] и от литературы отошёл довольно далеко. Занимаюсь математикой и философией. Причём философом ощущаю себя всё-таки больше, чем поэтом, и даже больше, чем математиком.

(И. Тосунян. Есенина она любила. Но меня любила больше
// Пятница: независимый еженедельник. — 2016. —
№ 46. — 18 (20) марта. — Раздел «Люди и судьбы».)

Сайт <http://rvb.ru/np/publication/02comm/02/01volpin.htm> даёт о нём такую справку:

ВОЛЬПИН Александр Сергеевич

12.05.1924, Ленинград — 15.03.2016, Бостон.

Известный правозащитник. Крупный учёный-математик⁷.

Сын Сергея Есенина и поэтессы и переводчицы Надежды Давыдовны Вольпин (1900—1998). В 1933 вместе с матерью

⁶ К показаниям 2-го свидетеля прибавим подражание «Ворону» Эдгара По, которое так и называется «Ворон» и начинается так:

Как-то ночью, в час террора,
Я читал впервые Мора,
Чтоб Утопии незнание мне не ставили в укор
<...>

...Тут вломились два солдата, сонный дворник и майор..
Перед ними я не шаркнул, одному в лицо лишь харкнул,
Но зато как просто гаркнул чёрный ворон: «Nevermore!».
И вожу, вожу я тачку, повторяя «Nevermore...».
Не подняться... Nevermore!

— В. У.

⁷ Назвать Есенина-Вольпина крупным учёным-математиком никак невозможно. (В свои аспирантские годы он действительно получил результат в области теоретико-множественной топологии, который я осмелился бы назвать почти классическим.) Столь же неправильно писать, что он имеет «фундаментальные результаты в области математической логики». — В. У.

переехал из Ленинграда в Москву, где в 1946 окончил с отличием механико-математический факультет МГУ.

В 1949 защитил кандидатскую диссертацию по математической логике. В том же году арестован за «антисоветские стихи» и направлен на принудительное психиатрическое лечение. С осени 1950 — ссылка в Караганде. В середине 50-х, после возвращения из ссылки, начинает правозащитную деятельность, прерываемую время от времени новыми арестами и отправками в тюремные психушки.

А. Есенин-Вольпин — один из создателей (вместе с Чалидзе и Сахаровым) Комитета прав человека. Автор самиздатского руководства «Как вести себя на допросах».

В 1972 эмигрировал в США, где продолжал заниматься математикой и философией.

Стихи публиковал только под фамилией Вольпин: «...как поэт, я существую только под этой фамилией» (письмо К. К. Кузьминскому от 27 марта 1979).

П у б л и к а ц и и⁸:

Весенний лист. — Нью-Йорк, 1961. [Книга включает стихи и «Свободный философский трактат»].

Юридическая памятка. — Париж: Editions de la Seine, [1973]. — 24 с.

Философия. Логика. Поэзия. Защита прав человека: Избранное. — М.: РГГУ, 1999. — 452 с. [Стихи на с.246—276 (на с.277—308 — стихи Н. Д. Вольпин)].

Памятка для не ожидающих допроса: Беседа с А. Есениным-Вольпиным⁹ // Неприкосновенный запас. — 2002. — № 1 (21). — С. 67—80. [<http://magazines.russ.ru/nz/2002/21/dopr.html>].

Михаил Айзенберг. Опережающее примечание к беседе с Александром Есениным-Вольпиным¹⁰ // Неприкосновенный запас. — 2002. — № 1 (21). — С. 66. — [<http://magazines.russ.ru/nz/2002/21/aizenb.html>].

Интерлюдия. Из только что упомянутых публикаций выделим одну: *Есенин-Вольпин А. С.* Логика. Поэзия. Защита прав человека: Избранное / Сост. А. Ю. Даниэль, С. М. Лукашевский, В. К. Финн; Под общ. ред. В. К. Финна и А. Ю. Даниэля. — М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1999. — 450 с.

⁸ Приведены не полностью. — В. У.

⁹ Орфографическая ошибка. Надо: Вольпином. — В. У.

¹⁰ Орфографическая ошибка. Надо: Вольпином. — В. У.

При ссылках на неё будет использоваться условное название *Сборник*. Одну ссылку дадим уже сейчас. На с. 9, в предварении «От составителей», подписанном Даниэлем и Финном, написано: «Приводим малую дозу [исторической] правды, рассказанной нам автором этой книги:

Я был арестован органами МГБ в Черновцах 21 июля 1949 года, доставлен на Лубянку 24 июля, в Институт Сербского — 13 августа; там пробыл до 29 октября, а затем через Лубянку направлен в ЛТПБ¹¹ (Питер), где сидел с 21 октября 1949 года по 14 октября 1950 года, а затем отправлен в ссылку в город Караганда, Казахстан, откуда вернулся в Москву 29 апреля 1953 года.

31 июля 1957 года был помещён в больницу имени Ганнушкина и освобождён 24 августа 1957 года.

12 сентября 1959 года я был в Москве вновь арестован органами КГБ и в период с 7 октября по 10 ноября находился вновь в Институте имени Сербского, затем до 13 февраля 1960 года — в Бутырской тюрьме, а потом, с 14 февраля 1960 года по 14 февраля 1961 года — в спецпсихбольнице Питера.

30 декабря 1962 года я был вновь госпитализирован и до 18 марта 1963 года находился в больнице имени Ганнушкина — на этот раз без формального ареста, как и в 1968 году, когда в период с 14 февраля по 12 мая, находился в больнице имени Кащенко — и месяц, в феврале-марте, в больнице на станции Столбовая.

Москва, 28 июня 1994 года.

Александр Серг. Есенин-Вольпин».

Состоявшийся в 1961 году выход в свет, да ещё в Нью-Йорке, книги Есенина-Вольпина «Весенний лист» не остался без последствий. Вскоре произошла встреча руководства КПСС с творческой интеллигенцией. На ней, в частности, выступил член ЦК КПСС Леонид Фёдорович Ильичёв:

Сравнительно недавно в Нью-Йорке была издана книга Александра Есенина-Вольпина, сына Есенина, «Весенний лист». Автор книги — сравнительно молодой человек, родившийся в 1924 году, окончил механико-математический факультет и аспирантуру Московского университета и даже защитил диссертацию на степень кандидата физико-математических наук. Говорят даже, что в математической области просто был способный человек, ему бы

¹¹ ЛТПБ — Ленинградская тюремная психиатрическая больница. (Разъяснение Л. М. Алексеевой. — В. У.)

трудиться и создавать те кирпичи, о которых говорил Никита Сергеевич, класть хорошие добротные кирпичи в фундамент. А он решил положить другие кирпичи, какие — я вам сейчас передам. Он написал стихи и сочинил философский трактат. Что касается философского трактата, то кредо его таково: «анархия — мой политический идеал». А каково его идейно-художественное кредо? Вот как он изображает нашу жизнь, советских людей:

Как я многого ждал! А теперь
Я не знаю, зачем я живу
И чего я хочу от зверей,
Населяющих злую Москву!
...Женщин быстро коверкает жизнь.
В тридцать лет уже нет красоты...
А мужья их терзают и бьют
И, напившись, орут как коты.
А ещё — они верят в прогресс,
В справедливый общественный строй;
Несогласных сажают в тюрьму,
Да и сами кончают тюрьмой.

Такие подлые «откровения», конечно, привлекли зарубежных издателей. Есенин-Вольпин с презрением пишет о нашей молодёжи, призывая её к самым чёрным делам, убеждает её подняться против социализма. Он настолько пропитан ненавистью, настолько мыслит «соками жёлчного пузыря», что даже тем, кто пойдёт за ним, он не сулит никакого добра. Человеконенавистник исповедуется перед зарубежным буржуазным миром:

Очень жаль, но не дело моё
Истреблять этих мелких людей. (Населяющих Москву—Л.И.¹²)
Я зато совращу на их казнь
Их же собственных глупых детей!
Эти мальчики могут понять,
Что любить или верить — смешно,
Что тираны их — мать и отец
И убить их пора бы давно!
Эти мальчики кончат петлёй,
А меня не осудит никто, —
И стихи эти будут читать
Сумасшедшие лет через сто!

¹² Так в тексте документа. Очевидно, добавлено Л. Ф. Ильичёвым от себя во время чтения стихотворения.

Вот характерный образец звериной идеологии врага социалистического строя, советского общества, строящего коммунизм. За рубежом книга Есенина-Вольпина разрекламирована как манифест нового поколения «бунтующей» советской молодёжи. Конечно, этот проходимец не имеет никакого отношения к советской творческой интеллигенции — это сгнивший на корню ядовитый гриб.

Теперь начнём осторожно и последовательно прикасаться к тем пяти граням личности Александра Сергеевича, о которых было сказано в начале статьи.

1. Философ

Сам Есенин-Вольпин прежде всего считал себя философом. Вот что он пишет в своём программном «Свободном философском трактате»¹³ (*Сборник*, с. 40—41):

Я знаю, что говорю грубые и вредные для жизни вещи. Я этим выражаю своё отношение к жизни и мысли. Мысль состоит в поисках истины, а жизнь — в поисках пользы. Два идеала, находящиеся в разных направлениях от каждого, кто должен выбирать между ними. (Говоря о «поисках истины» я, конечно, не предполагаю существования истины.)

Тут конфликт.

(А) Как живое существо, я ставлю жизнь выше мысли.

(В) Как мыслящее существо, я ставлю мысль выше жизни.

Пытаться примирять эти противоположности — всё равно, что пытаться служить и Богу, и мамоне. Это и неинтересно, потому что ничего путного получиться не может.

Последнюю фразу многие будут оспаривать, поэтому уточню: путного для мысли. А для жизни ничего лучшего, чем демагогия предложить не имею, мне на неё сейчас наплевать.

Я знаю, так не пишут философские трактаты, но у меня сейчас нет времени выразить указанный конфликт иначе. Предлагаю каждому, кому не лень, выразить всё это изящным стилем. Я думаю, что ясно дал понять, что сам я выбрал путь (В).

¹³ «Свободный философский трактат» включён в *Сборник* (с. 31—52) и в книгу «Весенний лист», изданную двуязычно, по-русски и по-английски: *А. Есенин-Вольпин. Весенний лист.* — Нью-Йорк: Фредерик А. Прегер, 1961. — 175 с. — [*A. Yesenin-Vol'pin. Leaf of Spring.* — New York: Frederick A. Praeger, 1961. — 175 p.]. — [http://vtoraya-literatura.com/pdf/esenin-volpin-vesennij_list_1961_text.pdf].

Свой «Свободный философский трактат» автор начинает фразой: «Я имею всего несколько часов для краткого изложения моих взглядов». (И прибавляет: «Это трудно, поэтому я не уверен, что сам буду доволен написанным. Для скорости пишу по-русски».) Эта же мысль о крайней поспешности повторяется в последних строках Трактата. Очевидно, возникла возможность передать рукопись за границу, что в СССР воспринималось как преступление, тем более, что советский суд мог приписать любой рукописи клевету на советский строй.

Самые последние строки Трактата, отделённые чертой от предыдущего текста, таковы:

Я изложил свой взгляды по большинству вопросов. Буду очень рад, если эта рукопись будет опубликована на Западе. В России это невозможно.

Разрешаю публиковать без изменений по-русски, а также по-английски, немецки, французски и итальянски.

До последствий мне нет дела.

Я писал наспех. Ничего не проверил и не перечитывал, потому что срочно должен это передать.

<...> Многое здесь не ново, но в России каждый студент, который своим умом дошёл до философского скептицизма, может считать себя Колумбом. <...>

В России нет свободы печати — но кто скажет, что в ней нет свободы мысли?

Москва, 1/VII—1959.

О философских взглядах Есенина-Вольпина, относящихся к математике, будет коротко сказано ниже, в разделе «Математик».

2. Поэт

1 мая 1948 года стояла хорошая погода. У меня заканчивался мой первый учебный год на мехмате. Учиться было интересно. Хотя на демонстрации 1 мая и 7 ноября сгоняли принудительно, настроение было подстать погоде. Я находился в весёлой толпе, которая, как всегда на советских майских и ноябрьских демонстрациях, в основном стояла, потом внезапно совершала короткие перебежки и снова стояла. Лишь при приближении к Красной площади толпа формировалась в колонны, каковыми колоннами быстро проходила по площади. (Несколько колонн шло одновременно и параллельно.) В остальное время это была тусовка, хотя слова такого тогда ещё не было. Главным развлечением было распевание «студенческих песен», из которых запомнились две. Первая начиналась так: «На далёком

Севере эскимосы бегали, эскимосы бегали за моржо-о-ой. Эскимос догнал моржу и всадил в неё ножу глыбоко-о-о». Вторая имела более глубокий смысл и подразумевала поездку в вагоне, где она чаще всего и исполнялась: «„А ну-ка убери, а ну-ка убери, а ну-ка убери чемоданчик!“ — „А я не убери, а я не убери, а я не убери чемоданчик“. — „А я его выброшу в окошко...“ и т. д.». В результате этой перебранки первый её участник сообщает второму, что он действительно выбросил чемоданчик в окошко, после чего узнаёт, что это был чемоданчик замдекана; фигура замдекана по учебной работе была куда более страшной фигурой, чем декан, которого мало кто видел, и тем более, чем ректор, которого практически не видел никто (я говорю о студентах).

Торжественным проходом по Красной площади, где на колонны рабов смотрели стоящие на Мавзолее их владельцы — так называемые «вожди» (или их двойники, никто не знает) демонстрация заканчивалась и все могли расходиться кто куда. У лиц, в счастливом окружении которых я оказался, возникла мысль дойти до Ленинских гор и символически заложить новые здания Университета. Строительство ещё не начиналось, но решение уже было принято, и о нём было известно. Я радостно присоединился. Сколько нас туда пошло, не помню. Но помню, что стало ещё веселее. Упомянутых выше песен уже не пели. Я перенёс знакомую второкурсницу через ручей, что вызвало крайнее неудовольствие знакомой третьекурсницы. Настроение было настолько приподнятым, что я забрался на статую быка и успешно спрыгнул оттуда; попытка повторить этот «подвиг» года в какой-то из следующих годов привела к тому, что я серьёзно отбил себе пятку. (Я не один раз замечал, что в состоянии эйфории человек способен без дурных последствий для своего здоровья проявить физкультурные способности, в обычном состоянии невозможные.) Всё это я пишу, чтобы было понятно, на каком эмоциональном фоне я впервые услышал имя Есенина-Вольпина.

С нами шёл Дынкин, мой первый математический учитель, от которого я перешёл к его учителю великому Колмогорову, ставшему моим вторым и основным учителем. Дынкин тогда заканчивал аспирантуру, а может к этому времени уже защитил кандидатскую. Он распевал такую песенку:

Из Сан-Франциско в Лиссабон
 Шёл пароход сто тысяч тонн,
 Шёл волнам наперерез
 И на риф налез.

И никто не был спасён,
Кроме трёх персон:
Мисс Кэт,
Особа юных лет,
Дочь миллионера
Из Монтильера;
Матрос
Юпитер Питер Тос;
И вождь индейцев Лисий Нос.

А далее пелось что-то вроде «А что было дальше, узнаете потом» и «Снова начинается песенка моя». И вдруг Дынкин перешёл на поэзию. Что именно он читал, не помню, но помню, что сообщил о существовании на мехмате поэта Есенина-Вольпина и привёл цитаты из его стихов. Из этих цитат помню две пронзительные. Первая о крокодиле в зоопарке: «И долго бился выпуклыми глазами о стеклянные стены аквариума». Я не знаю, кто из нас, Дынкин тогда или я сейчас, искажил цитату, но только у Есенина-Вольпина таких строк нет. В его книге «Весенний лист» (*Сборник*, с. 247) есть стихотворение «В зоопарке» от 4 февраля 1941 года, где о крокодиле сказано:

И увидев меня, пригвождённого к раме,
Он ко мне захотел и дополз до стекла, —
Но сорвался и больно ушибся глазами
О неровные, скользкие стены угла.
<...>
Я проснулся и долго стучался глазами
О холодные, жёсткие стены угла.

И вторая, пронизывающая меня до сих пор:

Но сегодня ты ночуешь дома,
И тебе пора домой;
А родня твоя мне незнакома —
Значит, мне нельзя с тобой.

Это из не вошедшего в «Весенний лист» стихотворения «Прогулка» (*Сборник*, с. 274) от 27 февраля 1944 года с такой последней строфой:

Нас обоих завтра ждёт могила.
Злая в городе беда...
Отвечай мне, ты меня любила?
Ты меня любила? — Да.

Это был конец моего первого курса. А на втором курсе я уже видел Алика, как все называли Есенина-Вольпина (или Алека, как его называли избранные), и слушал чтение им своих стихов. Вот, что сказано на сайте «Хроноса»:

«Алик читал свои стихи. По ощущению яркости то был один из самых счастливых моментов моей жизни. Молодой, красивый, очень кудрявый человек. Звонящий голос. Сын полузапрещённого Есенина. И совершенно необычные стихи, тогда так никто не писал».

(Из воспоминаний математика Вл. Успенского.)

[http://www.hrono.ru/biograf/bio_we/volpin.html]

Моё впечатление передано верно, однако установить источник моих процитированных воспоминаний мне удалось не сразу.

Оказался я на чтении Есениным-Вольпином своих стихов при следующих обстоятельствах. Ещё на первом курсе я попал под опеку трёх «старших товарищей», объединённых личной дружбой и общими интересами — теория функций действительного переменного, теоретико-множественная топология, теория меры. Входили в эту группу аспиранты Саша Кронрод¹⁴ и Саша Лунц **2** и примкнувшая к ним третьекурсница Лена **3**.

Несмотря на разницу в возрасте (Кронрод был старше меня более чем на 9 лет) мне велено говорить им ты. Они меня просвещали во всех вопросах, включая знакомство с непристойными анекдотами, чем в основном занималась Лена.

И вот однажды они меня завели в небольшую, плохо освещённую аудиторию — так и хочется сказать *тайную*, но тайных аудиторий на мехмате не было, разве что были такие по линии Первого отдела. Там я впервые увидел и услышал Есенина-Вольпина. На сайте <http://www.hrono.ru>, именуемом «Хронос. Всемирная история в интернете», в разделе «Биографический указатель», дана содержательная биографическая справка о Есенине-Вольпине, а в ней приведены процитированные выше мои впечатления от этого события. Я совершенно не помню, как эти воспоминания попали в Интернет. По-видимому, они были в устной форме сообщены автору биографической справки Сергею Марковичу Лукашевскому. Как бы то ни было, как уже было сказано, цитата из «Хроноса» достаточно точно отражает мои ощущения.

¹⁴ Саша Кронрод был личностью выдающейся и одной из самых ярких в моей жизни. На своём кружке, который я посещал на первом курсе мехмата, он учил нас решать задачи, принадлежащие описанному выше кругу его интересов.

Два из услышанных тогда стихотворений я запомнил сразу же. Оба трагические. Привожу их так, как запомнил, а не так, как они напечатаны в *Сборнике* на страницах, соответственно, 274 и 252. Впрочем, второе из напечатанных стихотворений отличается от запомненного только совершеннейшими мелочами и присутствием заглавия «Пьяница».

Первое:

Я помню годы юные,
Мои шестнадцать лет...
Любил Джордано Бруно я
И солнц далёких свет.
С наукой был обвенчан я
И жизнь была полна,
Хоть не любил я женщин — и
Не пил вина.
А двадцать лет — о грубое
Паденье дно!
Теперь целую губы я
И пью вино...
А ты, которая мне дала
Любви обет,
Какие ты предала
Шестнадцать лет?

4 марта 1944 года.

Второе (в книге «Весенний лист» — на с. 32):

Я пью помногу без запинки
И я из тех,
Кто каждый раз на вечеринке
Пьянее всех.
Кричит хозяин: вот настойка,
А вот икра,
Чтоб не наскучила попойка
Нам до утра!
И я, как прочие, сначала
Иду к столу,
Потом, рассчитывая мало
На похвалу, —
— Стихи! — воскликну я, но: «Брось-сьте» —
Услышу стон...

...И до утра танцуют гости
 Под патефон...
 ...И, безнадежный алкоголик,
 Придя домой,
 Я ставлю зеркало на столик
 Перед собой,
 И каждый раз мне очень грустно,
 В глазах — слеза,
 И я никак не нагляжусь на
 Свои глаза...

17 марта 1944 года.

Из некоторых услышанных тогда стихов в памяти остались отдельные строки и строфы, не всегда верно запомненные. Так, навсегда запомнилась строфа:

Иного нет уж мне пути —
 Один лишь этот путь:
 По краю пропасти пройти
 И в бездну заглянуть.

Оказалось (*Сборник*, с. 271), что не *мне*, а *ей*, потому что в этих строках речь идёт о душе (стихотворение «Когда б кто дал мне сотни лет», написанное в Ашхабаде 10 апреля 1942 года).

Потом, когда мы сблизились, Алик декламировал мне и давал читать свои стихи. Первая из трёх строф «Стансов о Гамлете», сочинённых в Москве 13 февраля или марта 1944 года показалась, да и сейчас кажется мне замечательной и исполненной редкой для Вольпина трогательной лирики:

Не спеша и задумчиво оба по саду брели,
 В осторожной беседе случайно сбиваясь на ты...
 Собирали цветы...
 И дохнуло прохладой от влажной и чёрной земли.
 Не фибрин ли сгустился в крови?
 Миг — и Гамлет влюблён в Офелию.

А вот нечто совсем другое. Это одно из первых стихотворений Вольпина, написанное 16-летним автором в Москве 7 января 1941 года. Приведу начало:

По углам заснули мухи,
 Жадно жрут их пауки,
 Чинят кислые старухи
 Пропотевшие носки <...>

3. Правозащитник

Людмила Михайловна Алексеева была спрошена мною, кем следует считать Есенина-Вольпина, можно ли назвать его отцом российского правозащитного движения. Она меня поправила: «Он всех нас учил, и правильнее его назвать так: *Отец и учитель российского правозащитного движения*». К 80-летию юбилею Есенина-Вольпина Владимир Константинович Буковский (р. 30.12.1942) **4** предложил наградить Есенина-Вольпина премией имени Сахарова за его заслуги в правозащитном движении. При этом Буковский сказал: «Честно говоря, это Андрей Дмитриевич должен был бы получить премию имени Есенина-Вольпина. Алик был его учителем (в правозащитной деятельности)».

Готовность бороться за права была присуща Алику чуть ли не с рождения. Вспоминает его мать:

<...> Но я твержу своё — о гадких, которых не любят, не целуют. И отсылаю малыша к няне. Послезавтра день его рождения. Стукнет три.

Утром двенадцатого мая ещё до моего завтрака я услышала слова, которые врезались в мою память на многие годы. На всю мою жизнь.

— А всё-таки, мамочка, придётся тебе научиться и гадкого мальчика любить!

<...>

Так трёхлетний воитель выиграл свой первый бой за свои человеческие права. (Сборник, с. 413.)

Далее приводится рассказ Л. М. Алексеевой с небольшими добавками, взятыми из Интернета.

В сентябре 1965 года арестовали Синявского и Даниэля. Синявский был арестован 8 сентября 1965 года на московской улице, Даниэль — 12 сентября при выходе из аэровокзала «Внуково». В московских литературных кругах об этом узнали сразу, в советских газетах сообщений не было, а первыми новость сообщили 19 октября 1965 года корреспонденты «Нью-Йорк Таймс» сразу в трёх материалах. В одном из них говорилось: «Достоверные источники сообщают, что в дополнение к Андрею Д. Синявскому власти арестовали журналиста по имени Даниелло, который, как говорят, написал книгу под названием „Московский призыв“». Ходили слухи, что суд будет закрытым. Есенин-Вольпин был возмущён: ведь статья 111 действующей на то время Конституции СССР (так называемой «Сталинской

конституции»), принятой 5 декабря 1936 года, гласила: «Разбирательство дел во всех судах СССР открытое, поскольку законом не предусмотрены исключения, с обеспечением обвиняемому права на защиту». Он решил устроить протестную демонстрацию — первую мирную протестную демонстрацию в СССР. День 5 декабря был тогда нерабочим, так как в этот день отмечался государственный праздник — День Конституции. Были отпечатаны листовки, созывающие на демонстрацию в День Конституции. Демонстрация назначалась на 6 часов вечера 5 декабря 1965 года на Пушкинской площади. Листовки были разбросаны у Ленинской библиотеки и в других местах, посещаемых молодёжью. На демонстрацию собралось человек двадцать. В основном это были молодые люди; один из них пришёл с лыжами, дабы в случае чего сказать, что он просто вышел на лыжную прогулку. Тротуары были запружены наблюдающими, в числе которых была и Л. М. Алексеева, чей рассказ я сейчас излагаю. Среди наблюдающих было и большое число кегебешников, выделяющихся тем, что все они были одеты совершенно одинаково. Один из них сидел на столбе и всё фотографировал. Была нормальная прохладная погода декабря, все пришли в шубах или тёплых куртках. Ровно в 18 часов двое, Есенин-Вольпин и художник Юрий Титов¹⁵ распахнули свои куртки и развернули спрятанные под ними плакаты, написанные на ватмане. На плакате Есенина-Вольпина было написано: «УВАЖАЙТЕ СОВЕТСКУЮ КОНСТИТУЦИЮ»¹⁶, а на

¹⁵ Юрий Васильевич Титов родился 19 января 1928 года в городке Струнино, что между городами Сергиев Посад и Александров. Сообщается во избежание смешения с другими художниками Юриями Титовыми.

¹⁶ Из статьи «Памятка для не ожидающих допроса: Беседа с А. Есениным-Вольпиным» // Неприкосновенный запас. — 2002. — № 1 (21). — [<http://magazines.russ.ru/nz/2002/21/dopr.html>];

Лев Смирнов: Когда вы впервые 5 декабря, в День Конституции вышли на Пушкинскую площадь?

Александр Есенин-Вольпин: Это было в 65-м году, когда посадили Синявского и Даниэля. 5 декабря следующего, 66-го года мой дом на Речном окружили, я не смог через год это повторить. Если бы я вышел из дому, меня бы тут же схватили — стояли хорошо известные машины. Ребята ко мне приходили, я помню, я ещё предложил тогда лозунг «Гласность нужна не только в судах!».

Л. С.: Лозунг «Соблюдайте конституцию!» — это Ваш?

А. Е.-В.: Это был бы мой лозунг, но они написали «Уважайте конституцию!». Но я не находился рядом, не мог.

Вадим Янков: Считают вторым автором идеи демонстрации 5 декабря Буковского. Это верно?

А. Е.-В.: На самом деле автор — Буковский. Я был инициатором другой идеи — организовывать в ответ на аресты «митинги гласности». Дальше

плакате Титова: «ТРЕБУЕМ ГЛАСНОГО СУДА НАД СИНЯВСКИМ И ДАНИЭЛЕМ». Гебисты налетели со скоростью молнии, скрутили обоих и увезли. Остальным участникам демонстрации, в том числе молодому человеку с лыжами, тоже не дали уйти, их запихнули в автобус и увезли. Наблюдавшие за демонстрацией разошлись. Л. М. Алексеева жила тогда близ метро «Динамо», соединённым с Пушкинской площадью прямым троллейбусом. Некоторые из наблюдавших пришли вместе с ней к ней домой. Мысли у всех были наполнены грустными размышлениями о судьбе Алика. Однако в 20 часов он звонит и спрашивает, можно ли прийти. Придя, рассказывает, что их привезли на Петровку, в ближайшее отделение милиции. Там офицер КГБ — кажется, в чине майора — показывает Алику свёрнутый плакат и спрашивает: «Это ваш?». Есенин-Вольпин отвечает: «А я не знаю, вы разверните, я прочту и тогда скажу». Майор разворачивает, у него отвисает челюсть. Сажать в День Конституции за плакат, требующий эту Конституцию уважать, как-то неудобно, и он отпускает Алика. Юру Титова отпустили вместе с ним. Остальных задержанных прорабатывали в их вузах, кого исключили, кто отделался более легко.

С 1961 года Александр Сергеевич Есенин-Вольпин работал в ОМАИР (ВИНИТИ). Легко понять, что и до демонстрации 5 декабря у советской власти были основания относиться к Вольпину с подозрением. И вот возник вопрос об его увольнении из ВИНТИ. Как будет ясно из дальнейшего, ни директор А. И. Михайлов, ни заведующий ОМАИР А. М. Васильев не были здесь инициаторами. (Надо сказать, что честностью своей позиции Вольпин произвёл сильное положительное впечатление даже на секретаря парткома ВИНТИ Юрия Николаевича Сорокина.) Я узнал о предстоящем увольнении при следующих обстоятельствах. Раскол тогда ещё не состоялся и даже не предполагался; я состоял в ОМАИР, который размещался на улице Усиевича. Васильев завёл меня в свой кабинет и объявил, что сейчас идёт на Балтийскую улицу в главное здание ВИНТИ к директору Михайлову и несёт рапорт с предложением уволить Вольпина. Он пояснил, что он этого не хотел и не хочет, но поделаться ничего не может — такое указание он получил от Михайлова. При этом Васильев раскрыл передо мной папку «К докладу» и показал

этого моя идея не шла. Систематически организовывать митинги в ответ на каждый арест по статьям за агитацию и т. п. И так как арестовали Синявского и Даниэля и естественно было ожидать негласного суда, то я и предложил.

свой рапорт, лежащий там среди прочих предназначенных директорскому глазу бумаг. Положив передо мною раскрытую папку, он вышел, оставив меня одного в своём кабинете. Я пришёл в некоторое замешательство, которому, однако, не мог позволить продлиться слишком долго — я понимал, что Васильев может вернуться в любую минуту. Я вынул рапорт об увольнении Вольпина из папки и положил его к себе в карман. После чего закрыл папку. Васильев вернулся, и мы распрощались. Потом мне рассказывали, что Михайлов спросил про рапорт, а Васильев кричал и топал ногами на неповинного Михинова, который нёс за Васильевым папку с документами (он и был, полагаю, одним из инициаторов рапорта). Но ведь рапорт вещь легко восстанавливаемая, и Михайлов мог потребовать его восстановления — но ведь не потребовал! И Вольпин уволен не был. Дополнительные детали о пребывании Вольпина в ВИНТИ содержатся в очерке В. К. Финна (*Сборник*, с. 425—435) **5**.

Есенин-Вольпин работал в ВИНТИ вплоть до своего отъезда в 1970-х годах. Уехать из СССР ему настойчиво рекомендовали власти. На вопрос «Почему выезжаете?» стандартной анкеты, выдаваемой аппlikантам американским посольством, он написал «Потому что представилась возможность». В. К. Финну он сказал, что уезжает потому, что ещё одно пребывание в психбольнице вынести будет невозможно.

В период работы Есенина-Вольпина в ВИНТИ, помимо описанной выше демонстрации 1965 года произошли три события, одно очень значительное и очень известное, другое значительное, но малоизвестное, третье — незначительное и неизвестное никому.

Начну с очень известного.

В феврале 1968 года Есенин-Вольпин был вновь заключён в спецпсихбольницу. В связи с этим ряд известных математиков подписали так называемое «Письмо девяносто девяти» с протестом против насильственной госпитализации Есенина-Вольпина (см. в «Википедии» статью «Письмо девяносто девяти»: http://ru.wikipedia.org/wiki/Письмо_девяносто_девяти). После истории с «Письмом девяносто девяти» мехмат уже никогда не был прежним, таким, каким я застал его с 1952 по 1961 год. А ведь в названное десятилетие он был одним из лучших математических учебных заведений мира¹⁷.

Теперь о менее значительном и менее известном.

16—26 августа в Москве состоялся Международный конгресс математиков (International Congress of Mathematicians, 15-й по счёту в списке Конгрессов. Президентом Конгресса был выдающийся мате-

¹⁷ См. в настоящей книге с. 220 и след. — *Прим. ред.*

матик ректор МГУ Иван Георгиевич Петровский, а Генеральным секретарём Петровский назначил Владимира Георгиевича Карманова. И вот однажды Карманов позвонил мне домой. Он передал мне поручение от Петровского. Иван Георгиевич просил меня съездить к Есенину-Вольпину и уговорить его не приходить на свой доклад. Поручение было малоприятным, но деваться было некуда. В моё распоряжение был предоставлен автомобиль. Пришлось ехать к Есенину-Вольпину. Как я и ожидал, он отказался не приходить на свой доклад. О чём мною и было доложено Карманову. Есенин-Вольпин пришёл и сделал свой доклад на секции «Математическая логика и основания математики». Доклад назывался «Об ультраинтуиционистской программе обоснования» математики, в которой докладчик пропагандировал изобретённый им ультраинтуиционизм. Пятнадцатиминутный, как все «рядовые» доклады, доклад Есенина-Вольпина был поставлен последним, с 10:20 до 11:35 в последний день работы Конгресса, в пятницу 26 августа. Полагаю, что это было сделано с умыслом, дабы в случае скандала не задерживать начало следующего доклада. Однако скандала не было: доклад был на темы оснований математики и ничего, чего могли бы опасаться власти, не произошло.

И, наконец, незначительное и неизвестное никому событие.

В свои процветающие времена ВИНТИ делился на отделения, отделения на отделы, отделы на секторы, секторы на группы. В какой точно день, не помню, но заведомо в период работы в ВИНТИ Есенина-Вольпина утром, часов около 9, у меня раздался неожиданный звонок в дверь. За дверью стоял Руджеро Сергеевич Гиляревский, начальник того отделения, к которому принадлежали и Есенин-Вольпин, и Шрейдер, и я. Ввиду полной нежданности появления Гиляревского делалось ясным, что должно произойти что-то чрезвычайное. Гиляревский сказал, что машина стоит у подъезда и мы должны немедленно ехать в Академию наук. Что было бы, если бы меня не оказалось дома, это осталось для меня неизвестным. Машина действительно стояла у подъезда, и в ней сидел Шрейдер. Мы ехали втроём, не считая водителя. Нас привезли к начальнику Управления кадров АН СССР. Цель беседы, которую этот начальник провёл со Шрейдером и со мной, была выяснить истинное место Есенина-Вольпина в науке. Хотя он, вне всякого сомнения, действовал по приказу более высоких инстанций, мне показалось, что он действительно хотел выяснить истину. Думаю также, что мы были не единственные, с кем он беседовал на эту тему. Он показал нам отзывы, которые Шрейдер и я писали несколько лет назад, пытаясь оценить Есенина-Вольпина как математика, и хотел, чтобы мы их

прокомментировали. Отзыв Шрейдера был написан с сильнейшими преувеличениями, в панегирических тонах, вызвавших начальственное неудовольствие. Я не только сегодня, в сентябре 2017 года, но и тогда не помнил, что я писал; однако перед тем, как перечесть собственный отзыв, сделал хозяину кабинета заявление. Я признался, что я не помню, что написано в моём достаточно старом документе, но готов и сейчас ответить за каждое слово. Начальник прочёл мой отзыв и не нашёл, что возразить; он пробормотал: «Ну, это ещё как-то...». Нас отвезли обратно — меня домой, а моих спутников в ВИНТИ.

Не только Шрейдер писал о Есенине-Вольпине, преувеличивая его математические достижения. Нематематики обычно использовали слова *выдающийся математик* или даже *гениальный математик*. Ни тем, ни другим Есенин-Вольпин не был. Но бесспорные математические заслуги имел.

4. Математик

По складу своего характера Алик не мог не стать математиком, а занявшись математикой, не мог не выбрать предметом своих занятий теоретико-множественное направление в оной. Основателем теории множеств был, как известно, Георг Кантор. 23 января 1946 года Алик писал в одном из своих стихотворений:

<...> И, презренья к жизни не тая,
Лет в пятнадцать мыслил только строго...
Для таких неистовых, как я,
Кантором проложена дорога.

В написанном через месяц стихотворении «Посвящение» Есенин-Вольпин сообщал, что успешно завершил движение по этой дороге и получил результат.

Последние две строчки этого стихотворения и отчасти две предпоследние понятны и близки автору этого очерка. Вот это стихотворение:

ПОСВЯЩЕНИЕ

(По случаю доказательства одной теоремы)

Прими подарок, Древняя Наука!
Пришла догадка — твой зажётся взгляд —
Я понял долг — и я сказал: «А ну-ка,
Я докажу!» — и начал невпопад...

...Ты отвернулась, я пришёл в смятенье,
И снова труд... Второй неверный шаг...
Чего искать? Казалось, нет спасенья,
И я не первый гибнущий простак.
И снова труд — и, наконец — готово!!
Ошибок нет — и я всецело твой!
Я буду впредь искать всего, что ново,
И ненавидеть славу и покой!
И не отравит горечь отрешенья
Мой светлый ум: передо мною — Ты!
В тебе сплелись Познание и Сомненье,
Ты — мать Наук, Ума и Простоты!
...Пускай любви мне недоступна сладость,
Пускай веселья не приемлю я —
Да здравствует искусственная радость,
Умело созданная дочь моя!

В 1946 году Есенин-Вольпин окончил с отличием механико-математический факультет МГУ (в армию призван не был из-за психиатрического диагноза); в 1949 году он окончил аспирантуру НИИ математики при МГУ и защитил кандидатскую диссертацию по топологии. Его научным руководителем был П. С. Александров.

Есенину-Вольпину принадлежит приятная теорема из области общей топологии: всякий диадический бикомпакт с первой аксиомой счётности метризуем. Эта теорема дала ответ на вопрос, поставленный П. С. Александровым. Отметим ясность и краткость формулировки теоремы. Большинство математических теорем формулируются менее элегантно **6**.

П. С. Александров ценил своего бывшего ученика. Это следует из того, что именно Есенину-Вольпину Александров поручил написание комментариев к Первой и Второй проблемам Гильберта. В 1969 году под общей редакцией Александрова впервые на русском языке вышел перевод знаменитого доклада «Математические проблемы» великого немецкого математика Давида Гильберта, произнесённого 8 августа 1900 года в Париже на II Международном конгрессе математиков. С тех пор решение каждой из этих проблем считается большим событием в математической жизни. Изданный Физматлитом перевод вышел в виде сборника, где сначала шли поставленные Гильбертом 23 проблемы, а затем — подробные комментарии к этим проблемам. Как уже было сказано, комментарии к первым двум проблемам Александров поручил написать Есенину-Вольпину.

Первую из своих проблем Гильберт назвал так: «Проблема Кантора о мощности континуума». Обычное название для неё — *проблема континуума* и *континуум-проблема*. Она состоит в требовании узнать, справедлива ли *гипотеза континуума*. А гипотеза континуума заключается в том, что в количественном отношении существуют только два класса бесконечных числовых множеств: *счётные множества*, у которых количество элементов такое же, как в натуральном ряду, и *континуальные множества*, у которых элементов столько же, сколько действительных чисел.

Андрей Андреевич Болибрух в своей популярной брошюре¹⁸ пишет:

Оказалось, что первая проблема Гильберта имеет совершенно неожиданное решение. В 1963 году американский математик Паул Коэн доказал, что континуум-гипотезу *нельзя ни доказать, ни опровергнуть*. Это означает, что если взять стандартную систему аксиом Цермело—Френкеля (ZF) и добавить к ней континуум-гипотезу в качестве ещё одной аксиомы, то получится *непротиворечивая* система утверждений. Но если к ZF добавить *отрицание* континуум-гипотезы (т.е. противоположное утверждение), то вновь получится *непротиворечивая* система утверждений. Таким образом, ни континуум-гипотезу, ни её отрицание *нельзя* вывести из стандартной системы аксиом. Этот вывод произвёл очень сильный эффект и даже отразился в литературе <...>. Как же поступать с этой гипотезой? Обычно её просто присоединяют к системе аксиом Цермело—Френкеля. Но каждый раз, когда что-либо доказывают, опираясь на континуум-гипотезу, обязательно указывают, что она была использована при доказательстве.

При всём уважении к А. А. Болибруху (30.01.1950—11.11.2003) следует признать, что его текст неточен. Вторая половина результата, приписанного Болибрухом Полу Коэну¹⁹, принадлежит не Коэну, а великому австрийскому математику и философу Курту Гёделю²⁰. Именно Гёдель в 1938 году получил фундаментальный результат, связанный с континуум-гипотезой Кантора: он доказал, что отрицание континуум-гипотезы недоказуемо в стандартной аксиоматике теории множеств (система Цермело—Френкеля) с аксиомой выбора.

¹⁸ Болибрух А. А. Проблемы Гильберта (сто лет спустя). — М.: МЦНМО, 1999. — (Библиотека «Математическое просвещение»; вып. 2).

¹⁹ Paul Joseph Cohen, 02.04.1934—23.03.2007.

²⁰ Kurt Friedrich Gödel, 28.04.1906—14.01.1978. В 1999 году журнал «Тайм» провозгласил Гёделя самым великим математиком XX века и включил его в список «Ста великих людей столетия»

Заметим, что в нашем обсуждении Первой проблемы *фигурирует аксиоматика теории множеств*, в постановке проблемы Гильбертом не упоминаемая. Есенин-Вольпин по этому поводу писал в комментариях:

Между тем Кантор основал и завещал нам теорию множеств не в виде ZF, и именно в этой первоначальной, «наивной» теории множеств и возникла континуум-проблема. Наивная теория была противоречива и нуждалась в замене непротиворечивой формальной системой, но, несмотря на то, что система ZF достаточна для нормальных математических конструкций и я доказываю её непротиворечивость²¹, я считаю необходимым напомнить о том, что проблема отождествления ZF — или другой подобной системы — с теорией множеств отнюдь не тривиальна. («Проблемы Гильберта», с. 80.)

Автор настоящего очерка согласен с оценочными суждениями автора цитаты.

Свою Вторую проблему Гильберт назвал так: «Непротиворечивость арифметических аксиом». Мы видим, что здесь понятие *аксиома* входит в самоё название проблемы. Формулируя Вторую проблему, Гильберт указывал

Доказательство непротиворечивости аксиом геометрии достигается тем, что строится соответствующая числовая область так, что геометрическим аксиомам соответствуют аналогичные соотношения между числами этой области; тем самым, каждое противоречие, полученное в следствиях аксиом геометрии, должно быть обнаружено также в арифметике этой числовой области. Таким образом, желательное доказательство непротиворечивости аксиом геометрии сводится к предложению о непротиворечивости аксиом арифметики. Напротив, непротиворечивость аксиом арифметики требует прямого доказательства. («Проблемы Гильберта», с. 26.)

Однако нельзя считать известным, какие именно аксиомы арифметики полностью отражают наши наивные представления о натуральном ряде. Да и что такое натуральный ряд при тщательном рассмотрении оказывается тем менее ясным, чем тщательнее мы его пытаемся понять. Поэтому неудивительно, что среди математического сообщества нет консенсуса относительно того решена или нет Вторая проблема. Напомним её формулировку: *аксиомы арифметики противоречивы или нет?* Как доказал Гёдель, непротиворечивость никакой системы аксиом арифметики нельзя доказать, исходя из самих этих аксиом (если только сама рассматриваемая система не является на самом деле противоречивой).

²¹ Оставим это утверждение на совести автора комментария. — В. У.

Немалая заслуга Есенина-Вольпина в том, что он явился переводчиком двух классических и часто используемых (или, по крайней мере, использовавшихся) книг по математической логике:

1. *Клини С. К.* Введение в метаматематику [*Kleene S. C.* Introduction to Metamathematics. — 1952] / Пер. с англ. А. С. Есенина-Вольпина; Под ред. В. А. Успенского. — М.: ИЛ, 1957. — 526 с.

2. *Коэн П. Дж.* Теория множеств и континуум-гипотеза [*Cohen P. J.* Set Theory and the Continuum Hypothesis. — 1966] / Пер. с англ. и пред. А. С. Есенина-Вольпина. — М.: Мир, 1969. — 347 с.

«Введение в метаматематику» Клини было самой обширной из имевшихся на момент её выхода в свет — в 1952 году в США, в 1957 году в СССР — монографий по математической логике и теории рекурсивных функций. Она не предполагает со стороны читателя никаких специальных познаний и поэтому может считаться общедоступной. Книга предназначена для глубокого изучения предмета и рассчитана как на специалистов по математической логике и теории рекурсивных функций, так и на лиц, желающих впервые, но серьёзно, изучить эти науки. Сам Клини произносил свою фамилию как «Клейни», ошибочная транслитерация «Клини» утвердилась в Советском Союзе в связи с изданием перевода «Введения в метаматематику» именно под такой фамилией. Вина за это целиком и полностью ложится на титульного редактора перевода, т. е. на меня.

Есенин-Вольпин, переведя книгу Клини, совершил этим подвиг. Но стиль его перевода я покажу на примере. Фраза оригинала «All f's of E are g's» была переведена так: «Все f E g»; даже и нельзя сказать, что грамматически неправильно: E стоит в родительном падеже, связка опущена, и т. д. Если вина за неправильный перевод фамилии автора лежит на мне, то на мне лежит и заслуга в том, что читатель не увидит только что приведённой патологии в изданном тексте. Летом 1955 года под раскалённой крышей «пансионата» литовских писателей в Паланге я исправлял рукопись перевода — вместо того, чтобы заниматься написанием собственной кандидатской диссертации, ради чего я в Палангу и приехал. В Москву я вернулся без текста диссертации, однако успел до 15 ноября (окончания срока аспирантуры) этот текст написать, пройти защиту на математической секции Совета мехмата и процедуру утверждения на Совете мехмата²².

К каждой из двух книг, которые переводил Есенин-Вольпин, им были написаны «Добавления переводчика» — семь к Клини, два к Коэну. После ясного изложения, присущего авторам, читать их было

²² В те годы справка об утверждении Советом мехмата давала немедленное право на получение зарплаты кандидата наук.

непросто, а в случае Клини даже очень трудно. Поэтому перед 1-м Добавлением к Клини была дана такая сноска от редакции: «Редактор перевода не принимал участия в редактировании этих добавлений». Сказанное не означает, что Есенин-Вольпин был не в состоянии написать ясный текст на математическую тему. Так, предисловие переводчика к русскому переводу книги Коэна написано вполне внятно. Не без изящества написана и топологическая статья, о которой шла речь в начале настоящего раздела.

Более ясно, чем можно было бы ожидать, Есенин-Вольпин изложил свои взгляды на темы оснований математики. Здесь прежде всего следует обратить внимание не его статью «Анализ потенциальной осуществимости» (*Сборник*, с. 119—164), впервые опубликованной в сборнике статей «Логические исследования», выпущенном Институтом философии АН СССР в 1959 году в Издательстве АН СССР. Названный сборник целиком присутствует в Интернете: <http://www.mat.univie.ac.at/~neretin/esenin/logicheskie1.djvu>.

Основной вклад Есенина-Вольпина в логические основы математики состоит во введении концепции *ультраинтуиционизма*. Полностью понять, что это такое, мне не дано. То, что я понял, состоит в отвержении очень большого как недостижимого. Новой мне показалась следующая идея. Если мы отвергаем очень большие цепочки символов и очень длинные доказательства, то мы должны распространять это отвержение и на долгие отождествления. Поясню на примере. Пусть в доказательстве используется силлогизм «если доказано A и доказано „если A , то B “, то доказано B ». Применяя его, мы обязаны проверить совпадение обеих цепочек A , или, другими словами, что в обоих случаях мы имеем дело со вхождением одной и той же цепочки символов. Эта проверка может оказаться недостижимо долгой, а тогда и всё доказательство должно быть отвергнуто. В своих лекциях по математической логике Софья Александровна Яновская рассказывала, что основатель интуиционизма Брауэр²³ учил, что понять суть интуиционизма можно лишь читая на нидерландском языке, на котором Брауэр писал. Есенин-Вольпин писал по-русски, но я вспомнил рассказ Яновской, читая его статью «Анализ потенциальной осуществимости» на с. 119—164 *Сборника*. Однако, «нидерландским» владеет Вадим Анатольевич Янков (р. 1935), к статье которого «Об исследованиях А. С. Есенина-Вольпина по основаниям математики» на с. 115—118 того же *Сборника* мы имеем счастливую возможность отослать читателя.

²³ Лейтзен Эгберт Ян Брауэр (нидерл. Luitzen Egbertus Jan Brouwer, 27.02.1881—02.12.1966).

Математика, а точнее основания математики, с 50-х годов стала главным в творчестве Есенина-Вольпина. И здесь в основе всего — непримиримая и бескомпромиссная воля к истине, определяемой как результат доказательства. Обычно доказательства ведут от каких-то признанных посылок (аксиом), которые в случае конкретных математических дисциплин признаются наглядно очевидными. Превратив своё стремление к бескомпромиссной истине в некий таран, Есенин-Вольпин на протяжении сорока с лишним лет крушил этим тараном старые устои аксиом как не очевидные, не наглядные, а часто, по его мнению, ложные. Его задачей было смести всё промежуточное, ненадёжное и добраться до несокрушимых устоев, на которых может быть возведено новое математическое здание.

Нужно сказать, что у него были предшественники, в первую очередь — основатель и глава интуиционистской школы Брауэр. Последний свёл математику с теоретико-множественных небес на землю натуральных чисел и ввёл жёсткие нормы для логических средств, считая пустым и ненадёжным делом рассмотрения, допускавшие актуальное существование бесконечного. Это был некий возврат к установке греческой математики, но ещё более радикальный, поскольку евклидова геометрия оказалась под вопросом.

Брауэр в своей арифметике допускал, однако, бесконечность «потенциальную», развёртывание натурального ряда и изоморфных ему рядов. И это было первое, против чего выступил Есенин-Вольпин. Потенциальная бесконечность натурального ряда означает возможность дойти до любого его члена, т. е. натурального числа, последовательными шагами, начиная от нуля. В этом была некоторая идеализация, так как ни реальный человек, ни реальный компьютер не доберутся до произвольно больших чисел — у них не хватит для этого ни времени, ни материальных ресурсов. Математика вообще добивается успеха, когда она вводит идеализацию такого рода и требует от тех, кто её изучает, эту идеализацию принять — это тоже вид «постулатов»-требований. И актуальная бесконечность до Брауэра была таким постулатом. Таким же, казалось бы, нерушимым постулатом была потенциальная бесконечность натурального ряда, и с отказа от неё началась новая «ультраинтуиционистская» математика Есенина-Вольпина.

В ней рассматриваются многие «натуральные ряды», которые, однако, вовсе не изоморфны друг другу. Одни из них могут быть «короче» или «длиннее» других. Это поясняется следующим образом. Пусть некий процесс начинается своим первым шагом (первый вдох рождённого младенца), пусть далее за каждым шагом этого процесса

следует обязательно новый шаг — тем не менее какой-то другой процесс (скажем, оборот Луны вокруг Земли) будет иметь шаг, до которого первый процесс никогда не доберётся. На первый взгляд, эти предположения противоречивы, однако реально обнаружить противоречие, не используя отвергаемые принципы, всё же не удаётся, и, надо полагать, такая математика имеет право на существование.

В рамках «ультраинтуиционизма» Есенин-Вольпин интерпретирует классическую теоретико-множественную математику, так называемую систему Цермело—Френкеля. Эта интерпретация скорее всего была с самого начала путеводной звездой и стимулом интереса к области оснований математики. Интерпретация строится на основании гипотезы о существовании разных натуральных рядов, так что некоторые из них замкнуты относительно каких-то операций и при этом всё равно не могут догнать другие ряды.

Таким образом, с точки зрения ультраинтуиционизма классическая математика оказывается непротиворечивой — результат, который в силу известной теоремы Гёделя самой классической математике не под силу. Однако необходимость прибегнуть к гипотезам умаляет ценность результата, что понимали и другие математики (именно это говорил мне когда-то П. С. Новиков), и сам автор. Во всяком случае, обрисованная картина была только первым шагом в развитии ультраинтуиционизма. Автор этих строк, к сожалению, мог только издали следить за последующими шагами. Есенин-Вольпин, кажется, не в состоянии сделать такую обстоятельную остановку на своём пути, которая позволила бы ему дать полный обзор достигнутой стадии. Две занимавшие его темы знакомы мне по беседам и докладам. Первая относится к 60-м годам и представляет развитие теории модальностей, которая является новым началом и мало похожа на теории такого рода в современной науке. Есенин-Вольпин считал тогда, что эта теория позволила избавиться от гипотезы интерпретации теории множеств. Вторая тема — это рассмотрение с точки зрения основ теории процесса формального доказательства. Здесь важную роль играет процесс отождествления формальных выражений, встречающихся в разных частях доказательства. Если отождествление превышает естественную «длину» процесса построения доказательства, то оно, по мысли автора, как бы недоступно, и доказательства на самом деле нет.

Одной из последних работ на этом пути является анализ доказательства упомянутой уже теоремы Гёделя. Анализ этот, как полагает автор, позволяет выявить противоречие уже в элементарной арифметике.

То, что Есенин-Вольпин в одних случаях говорит о непротиворечивости какой-то системы, а в другой — о её же противоречивости, ещё

не содержит в себе противоречия, потому что в разных контекстах мы имеем дело с разным понятием противоречивости, зависящим от разного понимания самого процесса доказательства. Так, наряду с только что упомянутым результатом была объявлена непротиворечивость другой теоретико-множественной системы (Куайна). Кроме того, Есенину-Вольпину принадлежит и ряд результатов, формулируемых на языке традиционной (интуиционистской) математики, полученных им как нечто вспомогательное, но имеющих общий интерес.

Что же касается результатов его основных трудов, то, хотя они сейчас мало публикуются и ещё меньше читаются, я думаю, что математикам предстоит разобраться в них и найти ответы на вопросы: может ли ультраинтуиционизм быть истолкован в классической математике или подходящем её расширении; что в таком случае означают ультраинтуиционалистские теоремы, если перевести их на классический язык, или, может быть, указанное невыполнимо, но, как этого и хотел Есенин-Вольпин, вся классическая математика укладывается в ультраинтуиционистские рамки, и, наконец, что содержится в ультраинтуиционизме, что обогащает нас по сравнению с классической математикой.

Когда эта работа будет проделана, я думаю, можно будет оценить содержательно и по достоинству ту титаническую работу, которой фактически отдал Александр Сергеевич большую часть своих сил и своей жизни.

Наш рассказ о Есенине-Вольпине как математике был бы неполон, если бы мы не упомянули его участие на III Всесоюзном математическом съезде в 1956 году. На секции IX «Математическая логика и основания математики» он сделал интересное 20-минутное сообщение «О второй теореме Гёделя». Сообщение состоялось с 16 часов до 16 часов 20 минут во вторник 3 июля. Краткое содержание этого сообщения опубликовано на с. 84—85 третьего тома Трудов Съезда²⁴. Вторая теорема Гёделя, как известно, гласит, что непротиворечивость формальной системы не может быть доказана средствами самой этой системы. Автор сообщения обращает внимание на редко обсуждаемое обстоятельство, что формулы, выражающую непротиворечивость, можно подобрать так, что она окажется доказуемой. Таким образом, к формуле непротиворечивости должны быть предъявлены некоторые дополнительные требования. Примеры этих требований известны и очевидны. Однако автору этих строк неизвестен исчерпывающий список условий, которым должны удовлетворять эти требования.

²⁴ Труды Третьего Всесоюзного математического съезда. — М.: Изд-во АН СССР, 1959. — 249 с.

Юрий Александрович Неретин (р. 02.07.1959) взял на себя труд собрать полезный материал о публикациях Есенина-Вольпина: «Материалы о научной деятельности Есенина-Вольпина», <http://www.mat.univie.ac.at/~neretin/esenin/volpin1.html>.

5. Шизоид

А ты, моя Береника,
Найдя меня в углу,
Улыбку шизофреника
Прими за похвалу.

А. С. Есенин-Вольпин.

Не могу найти источник, где я прочёл о разговоре Надежды Давыдовны Вольпин с психиатром призывной комиссии. «Ваш сын не шизофреник, — сказала психиатр, — но я поставила ему диагноз *шизофрения*, потому что в армии он погибнет». Есенин-Вольпин безусловно имел психические отклонения и, вероятно, легко мог сойти за шизофреника. Вот строки из его стихотворения «Шизофреника», написанного 1 сентября 1941 года, ровно через два года после начала Второй мировой войны (включено в книгу «Весенний лист»):

...Я дождался конца болтовни докторов
И пошёл к ней. Смеркалось.
Я вошёл и сказал, что не буду здоров...
— Рассмеялась!

<...>

Просто бьётся в припадке, кусая траву,
Великан-шизофреник.

Как-то мне довелось присутствовать при проявлении его психической ненормальности. Мы вдвоём шли по какой-то периферийной московской улице и зашли в книжный магазин. В советское время была хорошая традиция (может, она возродилась?). Когда готовился выход научной книги, в магазинах вывешивались листы ватмана с написанным силами работников магазина извещением о грядущем событии и с предложением оставить в магазине почтовую открытку с названием книги и адресом, по каковому открытка будет отправлена, как только книга поступит в магазин. Мы оба испытали удовольствие, увидев в магазине, в который мы зашли довольно бесцельно, плакат о выходе книги Клини. Удовольствие несколько померкло, когда мы заметили, что вместо «Введение в метаматематику» было написано «Введение в математику». Мы попросили исправить ошибку. Нас, как говорится, послали. Алик начал выходить из себя. Я потребовал

вызвать начальство. Начальствующая дама разъяснила, что в полученном ими информационном материале была опечатка: «мате» было написано дважды, да ещё и с перестановкой букв. Алик уже заметно вышел из себя. Мои попытки добиться исправления ни к чему не приводили. Помогло безумие Алика. Он стал стучать кулаками по стеклянному прилавку с криками «А я вам говорю!»; при следующем ударе он явно разбил бы стекло, поранился и пришёл бы в ещё большую ярость. Магазин пошёл на попятную. Дама на короткое время удалилась и вернулась в недоумении. «Я выяснила, — сказала она. — Есть такая наука. Мы исправим». А я до сих пор пребываю под впечатлением существования места, которое может объявить метаматематику существующей. В России термин «метаматематика» появился немногим ранее плаката, а в публичном месте и Алик, и я увидели его впервые.

По всем признакам, Есенин-Вольпин, не будучи шизофреником, был *шизоидом*. Черты, упоминаемые в литературе о шизоидах: формализм, теоретизирование (теория имеет примат над практикой), способность генерировать идеи, примат процесса над целью, отвержение готовых форм, предельная принципиальность — всё это я наблюдал в своём приятеле.

Диссидент Владимир Буковский как-то сказал, что болезнь, от которой Вольпина лечили всю жизнь, называется патологической правдивостью. Подробнее: <http://www.vm.ru/news/2016/03/23/patologicheskii-pravdivij-315277.html>.

Примечания

■ [к с. 366]. Первая встреча Надежды Вольпин с Сергеем Есениным произошла в 1919 году в кафе на Тверской в Москве. По случаю второй годовщины Октября здесь собрались поэты и читали стихи. Должен был выступать и Есенин, но на приглашение конферансье выйти на сцену поэт ответил: «Неохота». Тут Вольпин, страстная поклонница его творчества, подошла к Сергею и попросила прочитать стихи. Есенин встал, учтиво поклонился и сказал: «Для Вас — с удовольствием». С тех пор они часто встречались в этом литературном кафе. Есенин часто провожал Надю до дома, они говорили о поэзии. Первую подаренную Вольпин книгу Есенин подписал так: «Надежде Вольпин с надеждой».

«Вчера я отбила ещё одну яростную атаку Есенина», — пишет Вольпин книге воспоминаний о поэте спустя много лет. Страсть Сергея Есенина не находила ответа в душе Надежды почти три года.



Надежда Давыдовна Вольпин.
1922 год.

Она отдалась ему только весной 1922 года. Позже в пьяных компаниях повеса-поэт будет рассказывать, как лишил неприступную Надежду девственности. Вот один из застольных разговоров:

Есенин: Этот персик я раздавил!

Вольпин: Раздавить персик недолго, а вы зубами косточку разгрызите!

Есенин: И всегда-то она так — ершистая! Вот лишил девушку невинности и не могу изжить нежности к ней.

Они часто ссорились из-за литературных пристрастий. Подумывая жениться на Вольпин, Есенин ста-

вил ей неперемное условие: она должна была бросить писать стихи. Однажды на вечеринке скульптора Конёнкова Сергей признался Надежде: «Мы так редко вместе. В этом только твоя вина. Да и боюсь я тебя, Надя! Знаю: я могу раскачаться к тебе большой страстью!».

«Я сказала Сергею, что будет ребёнок. Это его не порадовало, ведь у него уже есть дети. Хотя в разговоре я дала ему понять, что не рассчитываю на брачные узы», — вспоминала Надежда Вольпин. Их сын, Александр Сергеевич Есенин, родился 12 мая 1924 года в Ленинграде. Отцу и сыну не суждено было встретиться. Мать не хотела показывать ребёнка Есенину. Хотя он постоянно спрашивал о нём у знакомых.

Есенин: Какой у меня сын?

Сахаров (друг Есенина и Вольпин): Как ты в детском возрасте, точный твой портрет.

Есенин: Так и должно быть — эта женщина очень меня любила!

Надежда Вольпин умерла 9 сентября 1998 года, не дожив всего двух лет до своего столетнего юбилея. С ней был дружен директор Воронежского музея Есенина Егор Иванович Иванов. Вот его воспоминания:

Мы дважды встречались с этой очаровательной женщиной. Я записал наши беседы на магнитофонную плёнку. Первая встреча произошла 30 сентября 1996 года в её квартире в Москве.

— Каким человеком при близком общении был Есенин?

— Он был очень умным, очень самостоятельным. С ним я чувствовала себя курсисткой с жалким книжным умишком.

Последние годы жизни Надежда Вольпин жила с бывшей женой сына — Викторией Писак. Виктория и Александр Вольпин-Есенин вынуждены были разойтись, когда он эмигрировал в США. Сейчас Александр Сергеевич работает в Бостонском университете. Бывшая же его жена до самого конца ухаживала за своей свекровью. Сама Надежда Вольпин рассказывала, как упала и сломала шейку бедра. Врачи не надеялись на выздоровление; но её спасла Виктория. Она поддерживала в Вольпин интерес к жизни, читала ей стихи и специально забывала слова и просила Надежду Давыдовну подсказать. Вольпин до самой смерти сохранила свою феноменальную память.

2 [к с. 377]. Саша Лунц внёс важный вклад в теорию размерностей — один из увлекательнейших разделов топологии. Что значит, что размерность отрезка и окружности — единица, круга и сферы — два, шара — три?

Существуют два основных определения, основанных на совершенно разных идеях. Попробуем объяснить эти определения, как говорится, «на пальцах».

Одно из определений — *индуктивная размерность*. Идея этого определения восходит к Пуанкаре: наше пространство трёхмерно, потому что стены в нём двумерны. Поверхности двумерны, потому что их можно разрезать на маленькие кусочки одномерными кривыми. Кривая одномерна, потому что её можно разрезать на маленькие кусочки нульмерным набором точек. А набор точек нульмерен, потому что его и разрезать не надо, он и сам распадается на кусочки. Те, кому повезло с воображением, могут продолжить этот ряд на многомерные пространства.

Другое определение размерности — это так называемая *размерность, определяемая посредством покрытий*, или, короче, *лебеговская размерность*. Её идея, как уже было сказано, совершенно другая. Почему круг имеет размерность два? Потому что его можно покрыть маленькими плитками (наши плитки будут шестиугольными, мы берём за образец пчелиные соты) так, что в некоторых точках сходятся три плитки, но ни одна точка не примыкает к четырём плиткам. Шар имеет размерность три по аналогичной причине: его можно покрыть маленькими кусочками так, что никакая точка не примыкает к пяти кусочкам, но при этом число пять здесь нельзя заменить на четыре.

Для простейших топологических пространств — в частности, для евклидовых — числовые значения индуктивной и лебеговской размерности совпадают. В 1940 году П. С. Александров доказал, что первая из этих размерностей не меньше второй для всех хаусдорфовых компактных пространств. Александров называл — и требовал так называть от своей топологической школы — такие пространства бикомпактами; термин «бикомпакт» ушёл из жизни вместе с Александровым. (Напомним, что все метрические пространства являются хаусдорфовыми.) Лунцу в 1949 году удалось построить пример бикомпакта, индуктивная размерность коего строго больше лебеговской²⁵.

3 [к с. 377]. Впоследствии Гливенко переключилась на компьютеры, математическое обеспечение, математическое моделирование и стала доктором технических наук. Но тогда её интересы не выходили из круга интересов её друзей. Когда я был на третьем, а она на пятом курсе, мы оба были в числе слушателей спецкурса «Теория меры», читавшегося Колмогоровым. Именно она привела меня в эту компанию. Когда я оказался на первом курсе, мне было поручено участвовать в проверке работ очередной XI Московской математической олимпиады. В те годы эта работа оплачивалась, и именно Лена Гливенко у себя на квартире выплатила мне какие-то деньги. Деньги были небольшие, но я с чрезвычайной гордостью принёс родителям свой первый заработок.

4 [к с. 380]. 18 декабря 1976 года Буковский, проведший к этому времени 12 лет в тюрьмах, лагерях, а также — психически здоровый — в психиатрических больницах, был обменян на Генерального секретаря Коммунистической партии Чили Луиса Корвалана, посаженного в тюрьму Аугусто Пиночетом. По этому поводу Вадим Николаевич Делоне сочинил такую частушку:

Обменяли хулигана
На Луиса Корвалана.
Где б найти такую блядь,
Чтоб на Брежнева сменять?

Применение к Буковскому слова «хулиган» связано с тем, что в статье о его аресте в газете «Правда» он был назван «злостным хулиганом». Всех вообще привлекаемых к суду политических оппонентов существующего строя в советских СМИ было принято называть *уголовниками*, поскольку их действия подпадали под 10-ю

²⁵ А. Лунц. Бикомпакт, индуктивная размерность которого больше, чем размерность, определённая при помощи покрытий // Доклады АН СССР. — 1949. — Т. 66. — № 5 — С. 801—803.

часть статьи 58 Уголовного кодекса РСФСР: «58-10. Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений (ст. ст. 58-2 — 58-9 настоящего Кодекса), а равно распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания влекут за собой — лишение свободы на срок не ниже шести месяцев». Читатель заметит, что обозначен только нижний предел даваемого срока, а верхнего срока не указано.

5 [к с. 383]. «Сталинская» Конституция 1936 года:

Статья 125. В соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистического строя гражданам СССР гарантируется законом:

- а) свобода слова,
- б) свобода печати,
- в) свобода собраний и митингов,
- г) свобода уличных шествий и демонстраций.

Эти права граждан обеспечиваются предоставлением трудящимся и их организациям типографий, запасов бумаги, общественных зданий, улиц, средств связи и других материальных условий, необходимых для их осуществления.

6 [к с. 386]. Попробуем объяснить, в чём заключалась проблема, решённая Есениным-Вольпиным. В 1936 году П. С. Александров ввёл понятие диадического бикомпакта. Класс диадических бикомпактов можно описать как наименьший класс, содержащий все метрические компакты и устойчивый относительно тихоновских произведений и непрерывных отображений.

Первая аксиома счётности означает, что каждая точка пространства имеет счётную базу окрестностей. В метризуемых пространствах эта аксиома выполняется, однако бикомпакт с первой аксиомой счётности не обязательно метризуем (соответствующие примеры содержатся в классическом «Мемуаре о компактных топологических пространствах» П. С. Александрова и П. С. Урысона). А как обстоит дело в случае диадических бикомпактов? Верно ли, что всякий диадический бикомпакт с первой аксиомой счётности метризуем? Эту задачу П. С. Александрова и решил Есенин-Вольпин²⁶.

²⁶ А. С. Есенин-Вольпин. О зависимости между интегральным и локальным весом в диадических бикомпактах // Доклады АН СССР. — 1949. — Т. 68. — С. 441—444.

Несколько слов о Димитре Скордеве

Кажется, что моего друга и коллегу, выдающегося болгарского математика Димитра Скордева, родившегося в Софии в 1936 году, я знал в течение всей своей сознательной математической деятельности. Но это, конечно, не так. Впервые я увидел его в Москве, когда после окончания Софийского университета он проходил стажир-



Димитр Генчев Скордев (болг. Димитър Генчев Скордев)
на лекции 8 июня 2006 года. Фото Антона Зиновьева.

ровку на кафедре математической логики механико-математического факультета Московского государственного университета. Кафедрой заведовал Андрей Андреевич Марков. Я работал на этой кафедре и руководил еженедельным семинаром по теории вычислимых функций. Стажёр Скордев пришёл на этот семинар.

Работа семинара состояла, в основном, в решении её участниками предлагаемых мною задач. Решение излагалось у доски решившим её участником на том же или на следующем занятии. Одна из задач выделилась своей трудностью, и никто не мог её решить. Формулировка была проста: доказать, что каждая вычислимая функция обладает бесконечным количеством программ. Понятие программы уточнялось при этом в рамках основанной Колмогоровым теории нумераций. Именно, *программой* вычислимой функции назывался любой её номер в произвольной, но фиксированной главной нумерации вычислимых функций. Пожалуй, в такой формулировке задача слишком проста, и кто-нибудь из участников семинара её бы непременно решил. Прошу извинить мою склеротическую память. (Я пишу эту статью в день, когда мне исполняется 86 лет.) Скорее всего, формулировка была такой: доказать, что для каждой вычислимой функции существует такой алгоритм, который по каждому конечному списку её программ даёт программу той же функции, но не входящую в исходный список. На следующее занятие семинара стажёр Скордев явился с изящным и прозрачным решением этой задачи. Он продолжал ходить на семинар, и мои беседы с ним на близкие нам обоим математические темы оказались для меня очень полезными.

В дальнейшем я помню встречи с Димитром Генчевичем, как я его называл, уже на территории Болгарии.

Точных дат я не помню. Кажется, это было в первой половине 1986 года. По приглашению Скордева, который к тому времени уже 13 лет как стал руководителем сектора математической логики Болгарской академии наук и Софийского университета, я приехал в Софию для чтения трёх публичных лекций на избранные мною темы. О каждой лекции по городу вывешивались афиши. Одна лекция была о входившем тогда в моду нестандартном анализе, другая была о понятии доказательства — не формального доказательства, как в математической логике, а доказательства неформального, психологического, которым пользуются и математики, и нематематики. Тему третьей лекции не помню. Тогда я приучился любить национальный болгарский напиток из бузины — *бузичку*, стакан или кружку которой можно было выпить в розлив в некоторых местах.

Не помню, в этот или в один из следующих своих приездов я был приглашён на горную прогулку с ночёвкой в горах. Мы шли втроём: Димитр Скордев, Владимир Сотиров (мой болгарский аспирант по московской кафедре математической логики) и я. Проблема была в том, что у меня не было подходящей обуви, но таковая была любезно одолжена доцентом Димитром Вакареловым. На машине Сотирова мы ехали, сколько можно, пока не упёрлись в гору. У подножья горы с целью маскировки автомобиль был засыпан снегом, и мы начали подъём. Димитр Скордев запомнился мне своей заботой обо мне, до того в снежные горы не ходившего, а также знанием локальной географии горного массива: он знал имена всех вершин, которые мы видели. Когда после ночёвки в хижке я чистил зубы, он сделал впечатляющий комментарий: «Если вы выплунете воду сюда, она попадёт в Средиземное море, а если сюда — в Чёрное».

С 24 сентября по 4 октября 1986 года в местечке Дружба близ Варны проходила Летняя школа и Конференция, посвящённые 80-й годовщине со дня рождения Курта Гёделя. Я был там одним из приглашённых докладчиков, а труды конференции были изданы в 1987 году в Нью-Йорке, причём их редактором был Димитр Скордев¹. Очередная Летняя школа и Конференция по математической логике проходила в сентябре 1988 года снова близ Варны, но на это раз не в Дружке, а в Чайке. Там мне была отведена роль модератора в дискуссии о понятии *алгоритм*; в центре дискуссии оказался вопрос о разнице между смыслом терминов *algorithm* и *implimentation of an algorithm*. Читатель справедливо упрекнёт меня, что упоминая конференции 1986 и 1988 годов, я ничего не говорю о Скордеве. Отвечу языком конструктивистов: «Его не могло там не быть».

Но вот где он точно был, это на Конференции по математической логике и её приложениям, состоявшейся с 14 по 16 декабря 2002 года в Научной базе «Гюлечица» в Рилских горах. Думается, это был мой последний визит в Болгарию. Одной из главных, если не самой главной темой Конференции была оцифровка письменных текстов. Общее представление об этой теме было таково. Если человечество хочет хранить в памяти компьютеров весь массив накопленных за время его существования письменных текстов, то прежде всего надо этот массив оцифровать. Оцифровать означает перевести его в последовательность дискретных знаков — лучше всего привычных для нас двоичных.

¹ *Mathematical Logic and Its Applications: Proceedings of an Advanced International Summer School and Conference in honor of the 80th anniversary of Kurt Gödel's birth, held September 24 — October 4, 1986, in Druzhba, Bulgaria / Ed. D. Skordev. — N.Y.: Plenum Press, 1987.*

Конечно, это гигантская работа. Желательно, чтобы перед оцифровкой все тексты были переведены в некий единый алфавит, например, латинский как наиболее общепринятый. У меня по этой теме была статья «К проблеме транслитерации русских текстов латинскими буквами», опубликованная в 1967 году в журнале «Научно-техническая информация»². Полагаю, что из-за этой статьи меня и позвали на эту Конференцию. Участников было немного, а математиков и того меньше. Зато была, например, ответственная представительница Государственной публичной научно-технической библиотеки СССР. Вот там профессор Скордев сделал замечательный доклад.

Оказалось, что он весьма тщательно прочёл мою статью о транслитерации. Это позволило ему подвергнуть её в своём докладе убедительной критике. Основной новацией моей статьи было выдвигание перечня требований, которым, на мой взгляд, должна удовлетворять любая система транслитерации. Этот перечень я и сейчас считаю правильным. Однако я считал его не только правильным, но и исчерпывающим. Профессор Скордев привёл пример системы транслитерации, удовлетворяющей всем сформулированным мною требованиям, но очевидно неразумной. В частности, чего я своевременно не заметил, алгоритм транслитерации, подчиняясь всем моим условиям, мог работать недопустимо долго. По существу, профессор Скордев указал, какими ещё требованиями следует пополнить выдвинутый мною перечень.

А после конференции, уже в Софии, я первый и последний раз был приглашён на квартиру к Скордевым; был обед и просмотр большого количества фотографий.

Завершая свои «несколько слов», я хотел бы поблагодарить Димитра Скордева за возможность общения с ним. На моё математическое развитие это общение оказало положительное влияние.

27 ноября 2016 года.

² Научно-техническая информация. — Сер. 2: Информационные процессы и системы. — 1967. — № 7. — С. 12—20. Перепечатано в настоящем издании в кн. 3 «Языкознание» на с. 202—227.

Воспоминания о Виталии Арнольде

Его гибель я воспринимал и воспринимаю как личную трагедию. Он погиб ночью 4 января 2017 года в автоаварии на 512-м километре Новорижского шоссе. В машине было четыре человека, Арнольд сидел рядом с водителем, который не справился с управлением. Все остальные отделались ушибами, сравнительно лёгкими. А в него врезалась смятая крыша опрокинувшейся машины.

Примириться с его смертью я не в состоянии. Хотя Летняя математическая школа в Дубне была далеко не единственной сферой его деятельности, именно в Дубне я видел его, сотрудничал с ним, завтракал и обедал еже-



Виталий Дмитриевич Арнольд
(4 октября 1968 года — 4 января
2017 года). Ратмино, 2006 год.

дневно, и потому именно о Дубне и Арнольде в Дубне я ощущаю свою обязанность написать. Чтобы читатель, читающий этот текст, возможно, в то время, когда Школы в Дубне уже не будет, понимал обстановку, я должен кое-что рассказать ему про Дубну и Школу с некоторой подробностью, могущей показаться чрезмерной. Одна из постоянных преподавателей Школы Гаянэ Панина написала мне 6 января 2017 года: «Чувствую себя осиротевшей...». Я тоже почувствовал и чувствую себя осиротевшим. И далее, в том же письме: «Интенсивность десяти дней Дубны оказывалась неизменно настолько высока, что по пережитому конкурировала с остальным годом». Прошу читателя осознать слова об интенсивности десяти дней Дубны. Ряд российских матема-

тиков, постоянно или временно переселившихся в иные страны, специально приезжал летом в Дубну, чтобы побывать на лекциях и семинарах Школы в Дубне, будь-то в роли преподавателя или слушателя, а также пообщаться с коллегами. Школа в Дубне была особого жанра математическим праздником, и этим своим редким качеством была обязана в основном Виталию.

С Виталием Дмитриевичем Арнольдом я познакомился в Копенгагене в 2004 году. Возможно, я видел его и ранее, но не обратил на него должного внимания и уж тем более не запомнил.

Международные Конгрессы по математическому образованию (ICME — International Congress on Mathematical Education) собираются каждые четыре года. Десятый Конгресс происходил в Копенгагене с 4 по 11 июля 2004 года. Волею случая, а вернее Алексея Львовича Семёнова, который был одним из организаторов национальной презентации России на Конгрессе, я оказался членом российской делегации и даже приглашённым докладчиком на одной из секций. Большинство членов делегации жили в одной и той же гостинице. Как-то за завтраком ко мне подошёл незнакомый мне черновобородый человек лет этак тридцати пяти и поздоровавшись, но не называя себя, осведомился, почему я не читаю лекций на Летней математической школе в Дубне. Я спросил его, кто он такой. Он видимым образом удивился, что я этого не знаю, и назвал себя: «Виталий Арнольд». Я объяснил ему, что потому не читаю лекций в Дубне, что меня туда не зовут. Он возразил, что зовут. Меня, по понятиям Арнольда, звали два раза. Первый раз через Сашу Шеня и второй раз через моего сына, который к тому времени, будучи профессором Огайского университета (Ohio University) уже несколько лет приезжал в Дубну. Я объяснил Арнольду, что то, как меня звали, не было воспринято мною как приглашение. Сын говорил мне что-то вроде «Тебя хотели видеть в Дубне». А про то, как приглашал меня Шень, любил рассказывать сам Арнольд:

Мы не знали, как обратиться к Успенскому и решили сделать это через самого близкого его ученика, Сашу Шеня. Может ли он позвонить Успенскому и пригласить его в Дубну, спросили мы у Шеня? «Нет ничего проще», — ответил он и набрал номер телефона. Мы стояли рядом. «Владимир Андреевич? Здравствуйте, это Саша Шень. Тут собралось некоторое количество странных людей, и они устраивают какое-то странное мероприятие летом в Дубне. Если Вам совсем нечего делать в это время, то Вы

можете туда поехать». Сразу стало ясно, что затея провалилась и что Успенский в Дубну не поедет.

Арнольд пригласил меня напрямую. Оказалось, чтобы получить приглашение, надо было ехать в Копенгаген. Получив приглашение, я сообщил, что согласен. Арнольд также любил рассказывать о моей реакции на его вопрос, когда мне напомнить о предстоящей поездке в Дубну — осенью, зимой или весной. По его словам, я ответил так: «Замените союз *или* на союз *и*, и тогда будет правильно». Трижды мне и позвонили с напоминанием.

Количество участников Летней школы, т. е. отобранных по заявкам старшеклассников и младшекурсников, примерно сто. Преподавателей и сотрудников административного аппарата Школы с учётом членов семей, сопровождавших некоторых преподавателей и сотрудников, примерно пятьдесят. Стандартных способов, которыми указанные полтора человека добирались до Дубны из Москвы, было два. Первый способ — автобусами в количестве один или два, который заказывал главный спонсор Школы, Московский центр непрерывного математического образования, занимающий четырёхэтажный дом по адресу Большой Власьевский, дом 11; отсюда в назначенный час и отправлялись автобусы. Второй способ — экспресс Москва—Дубна, отправляющийся с Савёловского вокзала. Оба способа имели свои неудобства. Общим для обоих была необходимость добраться до места отправления со своими вещами. Я всегда брал много лишнего и ехал с тяжёлым чемоданом, а потом и с двумя¹. С заказанным автобусом не столь редко что-нибудь случалось: то он ломался в пути, а один раз, о чём ниже, вообще не мог выехать со двора. Экспресс Москва—Дубна иногда не доезжал одной остановки до конечной станции Дубна и завершал движение на станции Большая Волга. С обеих станций надо было ещё добираться несколько километров до «пансионата» Ратмино, где проходили занятия Летней школы. Я до сих пор благодарен Виталию, что он избавил меня от этих хлопот по транспортировке. На первую Школу, в которой я участвовал, он обеспечил мне автомобиль к подъезду. На последующие Школы меня вёз одноклассник моего сына Максим Кронгауз. Он был руководителем Летних лингвистических школ для старших школьников. Они переместились в Дубну и происходили впритык перед Летней математической школой. На них меня тоже приглашали.

¹ Меня отчасти оправдывает то, что вскоре я стал ездить и на Летнюю лингвистическую школу, проходившую в те годы в том же месте непосредственно перед Математической школой.

И вот, стараниями Виталия, в июле 2005 года я, тогда 75-летний, впервые приехал на Летнюю школу, а было это днём 19 июля — в традиционный день заезда. Шёл мелкий дождь, стояло несколько корпусов, и не было видно никого кругом, к кому бы я мог обратиться. Передо мною находился административный корпус, единственный из всех трёхэтажный, сзади меня два жилых корпуса, а сзади и несколько сбоку — медицинский. Я пошёл в административный корпус. Там за столом у телефона сидел вахтёр. Я объяснил ему, почему я тут оказался, и спросил, где моя комната. Он отвечал, что со всеми вопросами надо обращаться к Арнольду. Этот же ответ давали все, кого я нашёл в этом корпусе. Где Арнольд, никто не знал. Автобус с Большого Власьевского переулка ещё не прибыл. Впрочем, было обеденное время, и мне предложили пообедать, что я и сделал. К этому времени я уже понял, что Арнольд здесь не просто самый главный, но и всезнающий и всемогущий.

Наконец, появился автобус. Одновременно из небытия возник Арнольд. Он всегда приезжал заранее, чтобы убедиться в готовности, а точнее, чтобы довести «пансионат» до готовности. Всё закрутилось с невероятной быстротой. Вновь прибывшие были накормлены. Все, в том числе и я, были расселены, причём я — с учётом моих высказанных заранее потребностей. На послужинное время было назначено открытие школы. Все собрались в конференц-зале. Каждый преподаватель рассказал, что он собирается изложить в своих лекциях или на своих семинарах. После чего Арнольд вручил каждому бейджик и футболку с надписью «Летняя математическая школа „Современная математика“, Дубна, 2005» и эмблемами спонсоров школы. Футболки различались цветами: для участников, для преподавателей, для сотрудников аппарата, для гостей. Бейджик я взял для коллекции, а не для ношения, помня наставление Павла Сергеевича Александра: «Никогда не носите бейджик. Сколько раз на конференциях я видел следующую картину. К носителю бейджика подходит человек, наклоняется над бейджиком, долго его читает, а потом разочарованно машет рукой и отходит». Когда пришёл мой черёд получать бейджик, я пересказал присутствующим слова Александра. Футболку я не взял, потому что на ней был обозначен размер «L», а мне нужен размер «XXXL». (Через некоторое время я получил от Арнольда — это к вопросу о его всемогуществе — футболку «XXXL».)

У Арнольда было две формы одежды — стандартная и парадная. Стандартная форма заключалась в шортах и тапочках. Торс оставался голым. На ремне шорт висел нож и обширная связка ключей. Кажется, она содержала ключи от всех дверей «пансионата», кроме,

может быть, медицинского корпуса. Когда я пожаловался Арнольду на духоту в конференц-зале — вентиляция традиционно не работала, — тут же им была отперта всегда запертая малозаметная дверь, выходящая прямо на природу. Парадная форма состояла из тех же элементов, что и стандартная, плюс футболка. Почти всегда Арнольд был в стандартной форме. Парадная форма надевалась лишь для выездов, а также для участия в занятиях и трапезах. Появляться в столовой с голым торсом позволял себе один лишь Канэль-Белов.

Арнольд не просто имел ключи от каждой двери, но и знал, что или кто там находится. Если кто, то участников он знал по именам и фамилиям, а сотрудников «пансионата» ещё и по отчествам. А о сотрудниках аппарата Школы я уже и не говорю. Кстати, по именам и отчествам он знал и любил называть в третьем лице основных бардов: Новелла Николаевна, Александр Аркадьевич... Их записей у него была большая коллекция.

У него был специальный талант быть в личных хороших отношениях не только с сотрудниками «пансионата», но и с директорами ОИЯИ — Объединённого института ядерных исследований. Дело в том, что когда я впервые оказался на Летней школе, «пансионат» подчинялся медицинскому управлению ОИЯИ и назывался *санаторий-профилакторий*. Следы этого названия оставались ещё в метках на полотенцах: «с-п». На открытии Школы Арнольд специально объяснил присутствующим, что земельный участок, на котором мы находимся, экстерриториален, потому что он находится во владении международной организации — ОИЯИ — и управляется его членами². Директора сменялись, но добрые отношения с очередным директором оставались. В применении к одному из директоров, Алексею Норайровичу Сисакяну, мне довелось наблюдать это непосредственно. Из сказанного должно быть понятно, что хорошее отношение с директором ОИЯИ было существенным для самой возможности провести Школу не где-нибудь, а в Дубне.

Он знал всех участников Школы. Покидать им территорию Школы, надо сказать, достаточно обширную, запрещалось без специального разрешения. Отпуская отпросившегося участника, Арнольд договаривался с ним о времени возвращения и объявлял ему, что если

² Объединённый институт ядерных исследований был создан на основе Соглашения, подписанного 26 марта 1956 года в Москве представителями правительств одиннадцати стран-учредителей, с целью объединения их научного и материального потенциала для изучения фундаментальных свойств материи. 1 февраля 1957 года ОИЯИ был зарегистрирован ООН. Впоследствии количество членов ОИЯИ возросло до 18 государств.

он не вернётся вовремя, он будет заявлен в милицейский розыск. У Школы было несколько общественных велосипедов, которыми участники могли пользоваться с разрешения Арнольда. Давая такое разрешение, Арнольд помнил, какой именно велосипед кому и на какой срок выдан. Велосипед обычно брался с целью поездки в город Дубна. До Дубны было не то пять, не то семь километров. Надо сказать, что сама Дубна — очень «разбросанная», и осознать её границу непросто.

Читатель вправе высказать законное недоумение. А разве Школа происходила не в Дубне? — спросит он. Большинство считало, что она происходила в придубненском выселке под названием Ратмино. Так все и думали, пока на административном корпусе не появилась табличка «ул. Ратмино, дом 2». Тогда всё прояснилось.

Ещё один пример всезнания, а скорее предусмотрительности Арнольда. В какой-то момент движение по Большому Власьевскому переулку сделали односторонним. А какой-то автомобиль оказался припаркованным так, что заказанный автобус не мог выехать со двора, чтобы повернуть в сторону движения. Окажись я на месте Арнольда, я бы растерялся. Он же точно знал, что делать. Он позвонил по известному ему телефону в ГАИ/ГИБДД и сообщил, что везёт детей в Дубну, что поездка зарегистрирована в милиции под таким-то номером такого-то числа и что возникло неожиданное препятствие. Вскоре приехал милицейский автомобиль, который встал перед автобусом и медленно поехал навстречу движению, вывозя за собою автобус. Когда я услышал рассказ об этом эпизоде, я восхитился тем, с какой предусмотрительностью Арнольд организовал транспортировку и имел под рукой нужные телефоны.

Вспоминаю и другой пример, столкнувший Арнольда с милицией. Я спускался по широкой лестнице со второго этажа административного корпуса, на каком-то этаже находилась комната Оргкомитета Школы; в этой комнате всегда можно было выпить кофе, стояло с десяток компьютеров для всех желающих, а за выделенным компьютером, рядом с напольным кондиционером, сиживал временами сам Арнольд. Навстречу мне по лестнице поднимался мужчина средних лет в штатском с выражением лица скорее приятным. Он представился мне, как начальник того отделения милиции, которому принадлежит Дубна, во всяком случае тот участок, где происходила Школа. И спросил, где он может видеть кого-нибудь из начальства. Надо сказать, что я испытал лёгкий испуг, поскольку граница между милиционерами и бандитами в моём сознании несколько расплывчата. Пришлось вернуться в комнату Оргкомитета, ведя милиционера за собой. Он

увидел людей, молча сидящих за компьютерами, и поначалу слегка растерялся. По-видимому, он не отличал нашу школу от спортивного или пионерского (если такие остались) лагеря и рассчитывал увидеть нечто близкое к разврату. Я подвёл его к Арнольду и объяснил тому, кого привёл. В очередной раз Арнольд восхитил меня — на этот раз тем, что не счёл нужным оторваться от компьютера. Кто главное, было установлено сразу, и начальнику милиции пришлось чуть ли не оправдываться. Он сослался на то, что, как ему доложили, на подведомственной ему территории происходит мероприятие с участием детей, вот он и зашёл проверить. Чтобы как-то оправдать свой визит, он спустился к вахтёру и нажал тревожную кнопку. Вскоре на двух мотоциклах прибыли два милиционера, и сразу стало ясно, что их начальник стоял последним в ряду тех, кого они хотели бы увидеть. Им был устроен разнос. «Почему без форменных шлемов? Вы должны были прибыть через 8 минут, а прибыли через 12» и т. д.

Но главный труд Арнольда заключался в составлении программы. Занятия делились на лекции и семинары. Лекция происходила в конференц-зале, продолжалась (теоретически) 74 минуты и предназначалась для всех участников. Как правило, лектор, объявляя тему, предусматривал одну лекцию, реже две. Я всегда, за одним исключением, ограничивался одной лекцией. Исключение имело место, когда я излагал четыре различных доказательства Теоремы Гёделя, для чего понадобилось три лекции. Преподаватели, проводившие семинары, объявляли тему семинара и количество занятий по данной теме — обычно три или четыре. Семинары по разным темам шли параллельно друг другу. Было четыре параллели. Надо было так хитро составить расписание, чтобы участник мог выбрать для посещения более одного семинара. Тогда нужно было сделать так, чтобы если первое занятие семинара А не пересекалось по времени с первым занятием семинара В, то и все остальные занятия этих семинаров не пересекались бы по времени друг с другом. Эту почти неразрешимую задачу решал Арнольд. Я наблюдал, как он колдовал над таблицей на экране компьютера. Это действительно было колдовство. А ведь надо было ещё учесть пожелания преподавателей. Арнольд включал и это в свой котёл с колдовским зельем. Этот аспект деятельности Арнольда напомнил мне историю, рассказанную знакомым генералом гражданской авиации. В Москве жил совершенно специальный человек, квартира которого была завалена ящиками с дорогими коньяками и лучшими винами. Он был составителем расписаний внутренних авиа-рейсов. Компьютеров не было, и расписание рейсов, прибывающих в Москву, он держал в голове. Заседания Секретариата ЦК КПСС

начинались, условно говоря, в 10 утра. Каждый первый секретарь обкома хотел к этому времени оказаться в здании ЦК на Старой площади. Для этого он хотел прилететь в Москву в 9 утра. Но число первых секретарей обкомов превышало совокупную прилётную возможность всех московских аэропортов.

Всё сказанное не передаёт души и энтузиазма, вкладывавшихся Арнольдом в проведение Летней школы. Ведь всё то же самое можно делать формально, исполняя обязанность. Арнольд проводил Школу крайне неформально. В частности, если график занятий позволял, он организовывал экскурсии на катере по Волге с проходом через шлюз. А если оставалось время, то катер заезжал и в Дубну и плыл, пока эта река не оказывалась перегороженной каким-то производством. Каждый вечер происходили соревнования по волейболу, футболу, настольному теннису. Победители награждались на церемонии закрытия школы. Один из лучших учителей геометрии в России, Заслуженный учитель Российской Федерации Александр Давидович Блинков приглашался на школу для исполнения функций спортивного организатора. Но едва ли не главным среди многочисленных необязательных деяний Арнольда были ежедневные утренние посиделки перед завтраком. Они происходили в так называемом «малом оргкомитете» — комнате в одном из жилых корпусов. Там всегда был запас чайных пакетиков, растворимого кофе, сахара, одноразовой посуды и т. п. Завтрак начинался в 9 часов. В 7 часов с минутами в «малом оргкомитете» появлялся Арнольд, живший с семьёй в том же корпусе и на том же этаже. Точнее сказать, малый оргкомитет всегда располагался в том же корпусе и на том же первом этаже, где жил Арнольд. Я обычно приходил за несколько минут до Арнольда и включал вентилятор. Постепенно приходили желающие преподаватели и участники, и начиналось то, что Коля Андреев называл *байками*. Некоторые из баек, рассказанных мною, изложены в настоящей книге (с. 1062—1082). Где-то в середине посиделок приходила жена Арнольда Наташа и в большой кастрюле варила кофе, разливаемый всем желающим.

Отдельно нужно сказать о деятельности Арнольда вне Летних школ. Он принимал живейшее участие в организации всевозможных математических олимпиад и турниров, нередко в роли вдохновителя. При этом он знал все министерские приказы, касающиеся олимпиад, и его всегда можно было спросить, например, какие права даёт абитуриенту премия, полученная на том или ином соревновании. Виталий щедро приходил на помощь всем, в ней нуждающимся, в частности и особенно в компьютерной сфере. Скажу по себе: сколько

раз я не мог справиться со своим компьютером! Тогда Виталий указывал, и при том точно и подробно, что надо сделать, а если это мне не помогало, тратил время на проезд ко мне и разбирался лично.

Неясно, как Летняя математическая школа «Современная математика» сумеет обойтись без Арнольда, выживет ли. «Что б делали вы без?» — спрашивал небесный герольд в моём «Дифирамбе Виталию Арнольду», произнесённом в качестве тоста на банкете для преподавателей, традиционно устраиваемом один раз во время каждой Школы.

Дифирамб Виталию Арнольду

Нам от богов ниспослан в дар
И в засуху, и в дождь
Арнольд Виталий, иль VitAr³,
Наш вдохновенный вождь!

Днесь возвещает нам герольд
От имени небес:
«Да будет славен сей Арнольд!
Что б делали вы без?».

В его очках и бороде
Есть сила, воля, ум.
Он в Рátмино царит везде,
Наставник наших дум.

Коль есть проблемы у тебя,
Спешу ему их сообщить:
Поможет он, тебя любя,
Он твой надёжный щит.

Не раз помог он лично мне,
Решив дела мои.
Известен он по всей Дубне,
Во всём ОИЯИ.

Сам академик Сисакян
Имеет с ним совет.
Да будет славой осиян
Арнольд на сотни лет!

Поэтическое качество «Дифирамба» посредственное, да и то при либеральном на него взгляде, но всё же мне хотелось завершить им настоящую статью.

³ Ник Арнольда в адресе его электронной почты.

Однако, оказалось возможным завершить статью не моим «Дифирамбом», а оптимистическим объявлением, опубликованным на сайте Московского центра непрерывного математического образования (МЦНМО) 30 января 2017 года:

19—30 июля 2017 года планируется проведение в Дубне (на базе дома отдыха «Ратмино») XVII летней школы «Современная математика», посвящённой памяти Виталия Арнольда, для старших школьников (окончивших 10 или 11 класс) и студентов младших курсов (окончивших I или II курс).

Исходя из опыта прошлых лет, Оргкомитет школы объявляет приём заявок на проведение занятий в рамках будущей школы. Таким образом, часть преподавателей школы получают личные приглашения, часть будет набрана в результате объявляемого настоящим сообщением конкурса.

Традиционно основные курсы школы происходят в форме 4 семинарских занятий по 74 минуты (лучше всего через день, хотя возможны коррективы), впрочем, возможно проведение и меньшего числа занятий. Темы занятий весьма разнообразны. Об этом можно судить по материалам прошлых школ, однако Оргкомитет старается обеспечивать сбалансированность программы школы по разнообразию тематики курсов и их сложности.

От издателя. В 2017 и 2018 годах Школа успешно прошла в Дубне и, начиная с 2018 года, носит название Летняя школа «Современная математика» имени Виталия Арнольда.

Наташа Рычкова

Сокурсникам, друзьям и старшим коллегам Наталья Григорьевна Химченко (12.04.1937—07.03.2007) была известна как Наташа Рычкова — по своей добрачной фамилии. Я помню её с весны 1960 года, когда она заканчивала механико-математический факультет Московского университета и одновременно работала лаборантом кафедры теории вероятностей того же факультета. На эту должность пятикурсницу только что взял Колмогоров, основатель кафедры и её заведующий до 1966 года. Она не стала математиком (в том понимании, как это слово понимается математическим сообществом) и не имела учёной степени. Но если говорить о её служебной лестнице, то по ней она поднялась в 1995 году до должности старшего преподавателя названной кафедры, а в 2003 году была удостоена почётного звания «Заслуженный преподаватель Московского университета». С 1974 по 2004 год она была учёным секретарём кафедры. Это то, что пишут в так называемых «резюме». Но резюме слабо отражает сущность человека. Главное в другом. Рычкова-Химченко была яркой, нестандартной личностью и вошла в историю отечественной науки тем, что играла определённую роль в прижизненной деятельности Колмогорова первой половины 60-х годов и в его посмертной судьбе.

Андрей Николаевич Колмогоров (1903—1987) был не только одним из самых крупных математиков XX века, но и одним из тех весьма немногих, кого можно назвать великими учёными России. «Никто больше Наташи Рычковой не сделал для сохранения памяти о нём», — этими словами заканчивает свои воспоминания о Колмогорове Г. И. Баренблатт (иностраннный член Лондонского Королевского общества, член Национальной академии наук США, Американской академии наук и искусств, Американской инженерной академии и прочая, и прочая, и прочая). Имя Н. Г. Химченко в качестве лица,

Опубликовано в журнале: Новый мир. — 2009. — № 5 (в качестве послесловия к живо написанной мемуарной статье Н. Г. Химченко «Пять детств и три юности»).

подготовившего текст, значится на титульном листе двух основных мемориальных изданий, посвящённых памяти Колмогорова. Это юбилейное, к столетию, издание «Колмогоров», вышедшее в 2003 году в трёх томах: «Биобиблиография», «Избранные места из переписки А. Н. Колмогорова и П. С. Александрова» и «Из дневников». Это вышедший в 2006 году сборник «Колмогоров в воспоминаниях учеников». В этом же качестве Н. Г. Химченко указана на обороте титула вышедшего в 2007 году в двух книгах 4-го тома («Математика и математики») «Избранных трудов» Колмогорова. Однако всё это только вершина айсберга. Химченко принимала деятельное и заинтересованное участие в подготовке к изданию и других текстов, связанных с Колмогоровым, хотя её имя и отсутствует в выходных данных. Среди таких изданий назову в первую очередь сборники «Явление чрезвычайное. Книга о Колмогорове» (М., 1999) и «Колмогоров и кибернетика» (Новосибирск, 2001).

Последние лет пять, а то и более, Наталья Григорьевна была серьёзно больна. Можно пересчитать по пальцам количество раз, когда она смогла покинуть свою квартиру. Тем не менее она героически сидела за компьютером — и это при том, что видела лишь одним глазом, — набирая тысячи страниц, подбирая фотографии, разбирая почерки, переводя иноязычные тексты и редактируя материал. Оставшаяся анонимной её работа по редактированию своим объёмом и содержанием намного превосходила стандартные обязанности того, кто занимается подготовкой текста. (Точно так же объёмы её ответственности и исполняемой работы в качестве учёного секретаря кафедры теории вероятностей превосходили обычные обязанности такого рода.)

У Колмогорова был давний интерес к математической лингвистике и к теории стиха. В 1943 году он записал в своём дневнике: «Так уж я смешно устроен, что формальные анализы ритмов и т. п. помогли мне, в сущности, проникнуть и в существо гётевской поэзии». Стоит отметить, что в 1977 году он выступил в качестве официального оппонента по докторской диссертации М. Л. Гаспарова. Филологические интересы Колмогорова стали приобретать видимые публике очертания в начале шестидесятых годов. Колмогоров начинает выступать с докладами на указанные темы и писать статьи по стиховедению, каковых на сегодняшний день опубликовано одиннадцать. В качестве помощника в этой сфере своей многосторонней деятельности он приглашает Рычкову. Вот Колмогоров составляет для студентов механико-математического факультета «Примерные темы курсовых и дипломных работ по математической лингвистике» на 1960/1961 учебный год

и в конце приписывает: «Руководители: А. Колмогоров, Н. Рычкова. Обращаться на кафедру теории вероятностей к Н. Рычковой». Вот Колмогоров включает её в число соавторов доклада «О русском четырёхстопном ямбе», который он делает в МГУ в декабре 1960 года. Вот осенью 1961 года она вместе с Колмогоровым выезжает в Горький (ныне Нижний Новгород) для участия в «Научном совещании, посвящённом применению математических методов в изучении языка художественных произведений» и делает там доклад «Оценка энтропии речи при помощи опытов по угадыванию продолжения текста», излагающий новые методы, предложенные Колмогоровым. Вот она произносит на указанном совещании совместный с Колмогоровым доклад «Ритмика Багрицкого». «Возможно, что я с Н. Рычковой в течение следующей зимы составлю небольшую книжку [по стиховедению] для изд[ательства] А[кадемии] Н[аук], не претендующую на универсальность», — писал Колмогоров одному из своих учеников в мае 1961 года. Осуществиться этому замыслу было не суждено. Однако после смерти Колмогорова среди его бумаг, сохранившихся у Вяч. Вс. Иванова, был обнаружен машинописный текст статьи «Анализ ритма русского стиха и теория вероятностей» с указанием на нём двух авторов — Колмогорова и Рычковой. С кратким предисловием Рычковой статья была опубликована в 1999 году журналом «Теория вероятностей и её применения». Интерес Колмогорова к лингвистике и стиховедению был тесно связан с его интересом к кибернетике, которая только-только переставала быть — в глазах советских идеологов — «лженаукой». 6 апреля 1961 года он сделал свой знаменитый доклад «Автоматы и жизнь». Хотя это выступление было скромно объявлено «докладом на семинаре», ввиду наплыва публики оно было перенесено из самой большой аудитории Главного здания МГУ в университетский Дворец культуры. Выступление вызвало большой резонанс в обществе. Чрезвычайно популярный в то время журнал «Техника — молодёжи» обратился к докладчику с настойчивой просьбой представить текст для публикации. После некоторого сопротивления Колмогоров сдался и поручил Рычковой составить такой текст, пользуясь весьма несовершенной стенограммой доклада. Текст был составлен, получил одобрение Колмогорова и опубликован в 10-м и 11-м номерах журнала (а впоследствии неоднократно перепечатывался). Главный редактор журнала В. Д. Захарченко выдал тогда бухгалтерии беспрецедентное письменное распоряжение: «Считать Н. Г. Рычкову автором статьи академика Колмогорова „Автоматы и жизнь“ и выплатить ей полный авторский гонорар». Об этом эпизоде и о многом другом Химченко интересно написала в своих

воспоминаниях, опубликованных в упомянутых выше двух сборниках «Колмогоров и кибернетика» и «Колмогоров в воспоминаниях учеников». Как она сама отмечает (в статье во втором из названных сборников), она «проработала рядом, близко с Андреем Николаевичем всего пять лет». Тем не менее нет сомнений, что Рычкова (а эту фамилию она носила до 9 декабря 1966 года) вошла в ненаписанную летопись жизни и деятельности Колмогорова, которому была предана свято. «...Мне эти пять лет осветили всю мою жизнь», — писала Химченко. В упомянутых воспоминаниях можно найти ряд любопытных деталей, характеризующих Колмогорова. Например, что он умело собирал рюкзак, но не чемодан. Что иллюстрирует следующий описанный Рычковой эпизод. Весной 1963 года Колмогоров отправлялся в Рим, чтобы получить высшую в то время мировую награду по математике, премию Фонда Бальцана, из рук президента Италии и в присутствии папы римского, получившего такую же премию, но по другой номинации. Для помощи в укладке чемодана была призвана Рычкова, не обнаружившая среди разбросанных вещей фрака и сообщившая об этом Колмогорову. «Ну-у-у, — промычал, как обычно, он, — я думаю, что у них там в Риме есть же какие-нибудь несостоятельные женихи, кому приходится брать фрак напрокат, вот я и воспользуюсь!». (Ей же, после смерти Колмогорова и — в следующем году — его супруги, была поручена ответственная и многотрудная работа по разбору всего находившегося в квартире Колмогорова, расположенной в Главном здании МГУ, и подготовке её к сдаче.) Из окончательного варианта текста Рычкова удалила некоторые фрагменты как не имеющие отношения к Колмогорову. Два из них кажутся достойными того, чтобы здесь их пересказать. Иностраный стажёр спрашивает, как ему найти «профессоршу Олейник». Ему объясняют, как найти, но указывают, что Олейник — профессор, а профессорша — это жена профессора. Он благодарит и уходит. Но возвращается с вопросом: «А как я должен называть мужа профессора Олейник?». Другой эпизод показывает, что Рычкова-Химченко не лезла за словом в карман (чему я неоднократно бывал свидетелем). Рычкова в качестве учёного секретаря приносит на подпись Б. В. Гнеденко, перенявшему кафедру у Колмогорова, отчёт о нагрузке сотрудников. «А сколько часов Вы приписываете себе, Наташа?» — спрашивает её Гнеденко. «Часы я приписываю только Вам, Борис Владимирович», — отвечает Рычкова.

Рычкова-Химченко была талантливым менеджером. Она 30 лет, пока — в моём присутствии — не взмолилась, была учёным секретарём кафедры. Осенью 1965 года она была откомандирована в аппарат

Оргкомитета предстоящего ближайшим летом в Москве очередного Всемирного конгресса математиков (такие конгрессы проводятся раз в четыре года). Там она в качестве руководителя группы из десяти человек отвечала за переписку на четырёх языках с шестью тысячами корреспондентов. Нет сомнения, что она была бы прекрасным менеджером и на любом другом поприще. Она была наблюдательным и остроумным рассказчиком и хорошо имитировала изображаемых лиц (в частности, Колмогорова).

Публикуемое выше автобиографическое повествование писалось Н. Г. Химченко в 2006 году, доведено до её обучения на первом курсе и оборвано. Утяжеление болезни прервало работу автора, а смерть и вовсе сделала невозможным её завершение. Следует учесть, что Химченко отнюдь не собиралась ограничиваться периодами детства и юности. Некоторые обстоятельства, сыгравшие существенную роль в её судьбе, она всё же успела описать. Таковы доходящий до чудовищности деспотизм матери и случайное, без призвания, попадание на механико-математический факультет Московского университета (в тексте он часто именуется просто математическим факультетом). Но за пределами повествования вынужденно осталось событие, в наибольшей, быть может, степени повлиявшее на её жизнь. Это неудачная пункция спинного мозга, сделанная в 1956 году, после окончания Наташей второго курса.

Николай III

В 1987 году я сблизился с Михаилом Аркадьевым. Хотя он, родившийся 15 марта 1958 года, был младше меня почти на тридцать лет, и мы никогда не бывали друг у друга в доме, мы как-то сразу нашли общий язык и вскоре стали испытывать явную взаимную симпатию. Мы познакомились в доме у Бориса Владимировича Заходера¹ и через некоторое время сдружились. Аркадьев был человек очень образованный. А написанные им сочинения исполнялись за рубежом.

В сезон 1998/1999 годов Аркадьев позвонил мне и пригласил в Большой зал Московской консерватории. Там имел произойти концерт, на афишах которого стояло два имени — знаменитого баритона Хворостовского и Аркадьева. В качестве пианиста Аркадьев давал сольные концерты по России и за границей. В концерте, на кото-

¹ Прикованный к инвалидному креслу на колёсах Заходер зимой и летом жил на даче в деревне Комаровка по соседству с дачей Колмогорова. После смерти Колмогорова и передачи его дачи Ширяеву я сравнительно часто стал бывать даже ночевать на колмогоровской даче: моя пижама и мои простыни находились там постоянно. Через калитку в заборе я проходил на дачу к Заходеру, где иногда встречал гостей, в том числе Аркадьева и очаровательную певицу Таню Куинджи, тогда, думаю, примерно тридцатилетнюю, если не моложе. Впоследствии оказалось, что она купила дачу рядом. Дело в том, что в некотором отдалении от знаменитой Любимовки со зданием домашнего театра — поместья тех Алексеевых, из чьего рода произошёл Станиславский — находился кластер из трёх дач, соединённый с Любимовкой аллеей. Когда-то эти дачи также относились к поместью. В советское время, после различных перипетий, одна из дач стала принадлежать Колмогорову и Александрову, другая — Заходеру, а третья так и осталась во владении наследников Алексеевых. Я ещё видел последнего из этих наследственных владельцев, Халила Алиевича Атакшиева по прозвищу *Буба*, и кое-что про него знал. В конце концов Буба переехал на жительство в Канаду, и тогда Куинджи выкупила у него дачу. Мама Бубы, актриса Елизавета Владимировна Алексеева, являлась внучатой племянницей Станиславского, а именно внучкой его брата. Мне она была известна под именем Лёли Алексеевой как приятельница моей тётки. Мы с сыном чуть не попадали со стульев от смеха, так смешно и похоже она изображала Александрова, пришедшего к ней договариваться о расположении общей помойки.

рый он меня пригласил, он выступал не только как постоянный аккомпаниатор Хворостовского, но и как сольный пианист.

Мне были предоставлены два билета. Я пригласил своего друга Людмилу Викторовну Ардову. Во дворике Консерватории, в условленном месте у правого (если смотреть с Большой Никитской) крыла здания, нас встретила супруга Аркадьева. Она вручила нам билеты и провела нас мимо билетёров прямо в комнату администратора, расположенную сразу после билетёров, слева, ещё до гардеробов. Туда мы и были заведены и там скинули верхнюю одежду. Наши билеты были в директорскую ложу. Во многих театрах страны, и в Большом зале Консерватории тоже, имеются две ложи, чуть ли не нависающие над сценой: правительственная и директорская. Первая располагается слева, если смотреть из зрительного зала, вторая — справа. В консерваторской директорской ложе было несколько рядов и проход по середине. В каждом ряду по три места слева и справа от прохода. Наши места были во втором ряду, ближайšie к проходу и справа от него.

Мы уселись. Через какое-то время в ложе появилась капельдинер в форменном мундирчике и не то носовым платком, не то салфеткой смахнула пыль с трёх ещё не занятых мест в первом ряду слева от прохода. «Ну и ну», — подумал я. Вскоре появились и те, для кого чистились сидения. Я буду называть их в том порядке, в каком они уселись на свои места, считая от стены к проходу. Первый — брюнет средних лет, но уже с едва заметной проседью, в чёрном мундире. Затем — полноватая дамочка несколько вульгарного вида в красном и с какой-то демонстративной как бы бриллиантовой заколкой в подкрашенных чёрных волосах. И, наконец, сухонький седой, но бодрый элегантний старичок в костюме, с галстуком и белым платочком в нагрудном кармане; его зачёсанные назад волосы были убраны в маленькую косичку. Такими я представлял себе старых французских маркизов на театральной сцене. Он меня заинтересовал. Но больше всего меня интересовали погоны на мундире брюнета.

Они были вроде как маршальские: большая звезда во всю ширину погона. У моряков, что отвечало бы цвету мундира, таких погон не было; не было на мундире и полагающихся морякам нарукавных знаков различия. Кто же он такой, размышлял я. Генерал-директор путей сообщения? Генеральный лесничий? Генеральный инспектор горного надзора? Я не знал даже, существуют ли такие звания.

В перерыве я к нему подошёл и после долгих извинений спросил, какое у него звание. Ответ меня ошеломил. «Генерал-адмирал», — ответил брюнет. «Но такого звания не существует», — возразил я. «Не существует в Российской Федерации, а в Российской империи

существует», — возразил он на моё возражение. Видя, что я остолбенел в недоумении, он разъяснил: «Сейчас на территории страны одновременно существуют два государства, и оба легальные: Российская империя и Российская Федерация». Тут я вспомнил, что где-то читал, что на территории африканского заповедника параллельно существуют два «государства», не замечающие друг друга: «государство» мух и «государство» слонов. «А кто же вам присвоил такое звание?». — «Государственный совет». — «А такой существует?». — «Конечно». Видя моё изумление, император разъяснил, что царевич Алексей не был расстрелян² и спасся. Чтобы подыграть ему, я сказал: «Вы, наверное, потому и не ездили на захоронение останков царской семьи³». — «Мы, как Патриарх», — отвечал он. По словам моего собеседника, Алексей вырос, сменил имя и существовал под фамилией Дальский. Когда его сын подрос, отец ему открылся. Император выглядел довольно прилично, чего нельзя сказать об императрице. Только по прошествии времени я осознал, что большой крест, спускавшийся ей на живот, скорее всего, должен был служить доказательством её царского достоинства. И тогда я вспомнил о поведении Пугачёва, который в качестве доказательства его царского достоинства прошёл в алтарь и уселся на престол. Николай III протянул мне свою визитную карточку:



Я спросил императора, есть ли у него офис — нет, «офис» я не сказал, а сказал «штаб». Он отвечал утвердительно. Я настойчиво попросил его заполнить на карточке графу, отведённую для телефона.

² К этому времени останки Алексея ещё не были найдены. Они были найдены лишь в 2007 году.

³ Останки Николая II и других членов царской семьи, кроме детей Николая Марии и Алексея, были торжественно, в присутствии Президента Ельцина, захоронены в Петропавловском соборе Санкт-Петербурга 17 июля 1998 года.

Без особого удовольствия он вписал номер телефона. По этому номеру я никогда не звонил.

Я вспомнил, что видел в журнале, кажется в «Огоньке», фотографию с коронации некоего Николая Дальского в качестве Всероссийского императора Николая III. Коронация совершалась в каком-то подмосковном храме, входящим в юрисдикцию Украинской православной церкви Киевского патриархата, не признанной ни одной из общающихся между собой православных церквей мира. Как мне впоследствии рассказал Михаил Ардов, организаторы мероприятия попросили выдать им для коронации Шапку Мономаха из Оружейной палаты. Был получен ответ с отказом и с рекомендацией обратиться с этой целью в киностудию Мосфильм.

Мысленно я поздравил власти с остроумной операцией по созданию претендента на Российский престол. Если явится кто-то и скажет, что он и есть истинный Царь всея Руси, то мы скажем, что у нас есть свой. Начнутся длительные бесплодные дискуссии на тему, кто царственнее.

В этой связи не могу не упомянуть самозванку, некую Марию Владимировну, неправомерно называемую Великой княгиней. Кажется, в качестве Главы Российского императорского дома её признаёт Русская православная церковь и принимает патриарх Кирилл. Ну, с Кирилла, как говорится, взятки гладки. А вот почему с ней носился глубоко уважаемый мною и как юрист и как человек Анатолий Александрович Собчак, мне непонятно.



Справа налево: «императрица», Николай III, Д. А. Хворостовский, М. А. Аркадьев, неизвестный (сдерживает ироническую улыбку).

Ирина Буяновер

Ирина Семёновна Буяно́вер была первой женой моего друга и однокурсника Роланда Львовича Добрушина и единственной из его жён, не имевшей от него детей. Ударение в её фамилии сообщила мне её однокурсница по младшим курсам мехмата Елена Александровна Морозова. Говоря об Ире Буяновер, другой мой друг, одноклассник с 6-го по 8-й класс, Евгений Семёнович Левитин именовал её не иначе, как Ирой Добровейн, не преминув присовокупить при этом: «Хотя я знаю, что её фамилия Вайнтрауб».

Буяновер имела психологические, а то и психические сдвиги. В число таких сдвигов входила вызывающая самоуверенность. Придя ко мне вместе с Добрушиным в отчую квартиру в Тихвинском переулке, за столом сказала моим родителям: «Сейчас я вас обрадую. Я буду очень много есть. Хозяева ведь любят, когда гости много едят». Уже после смерти Добрушина она позвонила мне и сказала: «Позовите меня к себе. Вам будет интересно».

Однако у неё на квартире, куда меня привёл Добрушин, я встретил вышедшего из заключения известного диссидента Колю Вильямса¹ (1906—2006) и других интересных личностей. Помню, что потом мы куда-то поехали, где нам открыли дверь молодые и красивые Марина Кедрова и Галя Арбузова, обращавшаяся со мной недоброжелательно.

¹ Впоследствии с Вильямсом произошла такая нравоучительная история. У него был друг, также известный диссидент и политзек Юрий Гастев (1928—1993), в 1975 году выпустивший в издательстве «Наука» неплохую научно-популярную с философским оттенком книжку «Гомоморфизмы и модели»; в предисловии Гастев перечислил лиц, которым он выражает благодарность, и в этом перечне были Джон Чейн и Уильям Стокс, чьи работы начала XIX века дали название так называемому «дыханию Чейна—Стокса» (это предсмертное дыхание стало широко известно из официальных бюллетеней о состоянии здоровья Сталина). Судьба занесла Вильямса с Гастевым в Черновцы, где они пропили деньги на билет в Москву. Положение выглядело безнадежным. И тогда кто-то из них сказал: «Ведь не может же быть, чтобы мы умерли в Черновцах. Следовательно, как-то мы в Москву попадём». И продолжили пить на оставшиеся деньги. Как они попали в Москву, мне неизвестно, но они попали. Вильямс скончался в Москве, а Гастев — так даже в Бостоне, что в штате Массачусетс.

Буяновер вообще имела широкие художественные интересы и даже сочиняла недоступные моему восприятию стихи.

Как-то Ира сказала мне: «Добрушин сделает всё, что я ему прикажу». Недоверчиво я возразил: «И что, если вы прикажете ему выброститься из окна, он выбростится?». — «Конечно», — без малейших колебаний ответила Буяновер. — «Ну, прикажите». Во время нашего разговора Добрушин находился в некотором отдалении. Она подозвала его и сказала: «Добрушин, выпрыгни из окна». Добрушин тут же пошёл к окну. Дело происходило на мехмате, на 14-м этаже Главного здания МГУ, в большой аудитории 14-08. Я осознал, что он сейчас действительно выпрыгнет. «Остановите его», — в ужасе сказал я. Она остановила.

На сайте «Поэзия Московского университета» <http://www.poesis.ru/> приведена её краткая биография, а на сайте «Русская виртуальная библиотека» <http://rvb.ru/np/publication/02comm/35/07dobrushina.htm> и список публикаций:

ДОБРУШИНА Ирина Семёновна

Поэт, прозаик.

13.3.1928, Полтава — 1.5.2014, Москва

С 1931 жила в Москве. В 1953 окончила мехмат МГУ по специальности «топология» (научный руководитель Л. С. Понтрягин). Работала в Московском планетарии (1953—1955), параллельно преподавала в МАИ (1953—1956). В 1960—1961 работала на отделении машинного перевода в Московском Государственном институте иностранных языков. С 1961 — инвалид 2 группы.

Любовью к стихам обязана матери, которая не только знала стихи и имела прекрасный вкус на них, но собрала уникальную для своего времени поэтическую библиотеку. Во время войны в эвакуации (Омск, Алма-Ата) библиотека в основном пропала. Стихи писала с детства, но серьёзно к ним не относилась. В основном это были стихи на случай, эпиграммы и т. п. В 1968 познакомилась с В. Герциком; совместно они решили отбросить всё, что было написано до этого года, и начать сначала. (*Поэзия МГУ.*)

П у б л и к а ц и и:

Колючий куст: Стихи, рассказы 1968—1994 / Послел. Б. Шапиро. — М., 1996. — 88 с.

Степь и горы: Стихи и проза / Сост. и предисл. В. Германа. — М.: ОнтоПринт, 2015. — 184 с.

Арион. — 1994. — № 3. — С. 13—18.

Рассказы // Крещатик. — 2003. — № 22.

Стихи // Крещатик. — 2004. — № 26.

Тёплый стан. — М., 1992.

САМ. — С. 600.

Новая Стихия: Антология // Русская поэзия без границ. — М.: Грааль, 2002. — С. 87—89.

Поэты мехмата МГУ. — М.: ЦПИ, 2005.

Рассказ Морозовой от 22 мая 2017 года:

Ирина Буяновер поступала на мехмат вместе со мной в 1946 году, на втором курсе отстала, перешла на курс Добрушина и окончила в 1952 году. Имела роман с Понтрягиным. По-видимому, роман сошёл на нет, когда появилась Александра Игнатъевна, которая первым делом упрятала маму Понтрягина в сумасшедший дом. Понтрягин попал под влияние Шафаревича, который занимался антиеврейством. На III или IV курсах вышла замуж за своего однокурсника Добрушина.

А вот что сам знаменитый математик Лев Семёнович Понтрягин пишет о Буяновер на с. 113—114 своей книги «Жизнеописание Льва Семёновича Понтрягина, математика, составленное им самим» (М., Прима В, 1998; <http://ega-math.narod.ru/LSP/book.htm>):

Помню ещё одну мою ученицу из Московского университета — Ирину Буяновер. Она обладала хорошими математическими способностями и сделала у меня дипломную работу. Я хотел взять её в аспирантуру, но это мне не удалось, так как за ней числился некий проступок. При некоторых обстоятельствах, которые описывать я не хочу, она укусила за руку, весьма серьёзно, зам. декана нашего факультета. При попытках принять её в аспирантуру я объяснялся с ректором И. Г. Петровским и даже перессорился с ним из-за неё.

Ира Буяновер послужила косвенной причиной моего знакомства с Е. Ф. Мищенко. У них был роман, она мне жаловалась на Е. Ф. Мищенко. Не знаю, за что именно, но я решил отомстить ему за неё, а именно провалить его на экзамене при приёме в аспирантуру. На эти экзамены я часто ходил совершенно добровольно, будучи не обязан это делать. На экзамене в аспирантуру Мищенко отвечал не хуже других. Так что проваливать его не нашлось никаких оснований. Поступив в аспирантуру, он сразу стал общаться со мной, стал участвовать в моём семинаре и перешёл ко мне в ученики. Хотя формально, кажется, числился аспирантом П. С. Александрова.

Приведём теперь историю об укушении замдекана в изложении самой Ирины. Её рассказ берём с Интернет-страницы http://www.poesis.ru/poeti-poezia/dobrushina/frm_curi.htm. «Член-кор. NN»

в её рассказе — это Понтрягин. К этому рассказу присовокупим её рассказ о Колмогорове, взятый с той же Интернет-страницы.

КАК Я УКУСИЛА ЗАМДЕКАНА

На четвёртом курсе я решила посещать факультативные лекции профессора Рашевского. Они начинались в семь вечера, и у меня было перед ними окно.

Я вышла из здания (а кончала мехмат я ещё на Моховой) поиграть в волейбол, сняла часы и положила их в сумку. Около семи я отправилась на факультет. Оказалось, что введено новое для нас правило: после шести пускать в здание только по студенческим билетам. Мой лежал на продлении наверху. Я об этом сказала, попросила разрешения сходить за ним в деканат, но без толку. Меня не пустили. Тогда я просто отодвинула плечом вахтёршу и вошла в фойе. И тут в меня вцепился замдекана по хозяйственной части Федосеев. Он меня выслушал, но также внутрь не пустил. Я тоже хотела отодвинуть его плечом, но не тут-то было. Он ударил меня изо всей силы кулаком пониже ключицы в грудь. Я тут же развернулась и дала ему по морде. И завязалась драка. Море студентов и даже кое-кто из профессоров окружили нас и стали наблюдать настоящую драку с активным применением силы с обеих сторон. В какой-то момент Федосеев вцепился в мою сумку и стал её отнимать. Я не отдавала. В ярости я укусила его за палец, оставила сумку и убежала. Меня догнал Мишка Серов, отвёл на какую-то лавочку, я разревелась, он меня утешал. Наконец, я успокоилась и ушла домой.

И вот я засела в своей комнате и стала думать, чем же всё это кончится. За меня говорит то, что драку начал он — но это могут подтвердить только вахтёрши, а они вряд ли выступят как свидетели. Далее: я укусила Федосеева, он ходит по факультету гордый, с обвязанным бинтом пальцем и всем демонстрирует свою боевую рану. Это говорит против меня. Дрались мы на паритетных началах: это видели десятки студентов и даже профессора. К тому же это его вторая драка. Первая была с Маратом Евграфовым. Она случилась в год моего поступления на мехмат. Ребята играли в шахматы, к ним подошёл Федосеев, смешал фигуры на доске и велел уходить домой, так как уже поздно. Как там всё происходило дальше, я не знаю, вернее, уже не помню, но в результате возникшей драки Федосеев сломал Марату руку; несмотря на это Марата вышибли из аспирантуры, а Федосеев остался. Но теперь его вторая драка не с аспирантом-юношей, а со студенткой-

девушкой. Это говорит, скорее, против него, но с меня вины не снимает: я же тоже дралась.

Остаётся одно: сумка. Моя сумка, которую он отнял у меня силой. Я соображаю, что это — уголовное преступление: даже на кража, а грабёж. Вот это — мой единственный шанс. От ребят с факультета я узнала, что Федосеев пытается всучить мою сумку кому-нибудь для её возвращения мне. Я сказала: не брать. И велела распусть слух, что, если меня вышибут с мехмата, я подаю в суд, возбуждаю уголовное дело о грабеже. Свидетелей у меня вагон: видели это многие, и никто не отказывается подтвердить, что Федосеев открыто и силой отнял у меня моё личное имущество. Доказать, что сумка — моя, легче лёгкого.

Я появилась на мехмате через неделю и немедленно была затребована к декану. Дело решили проводить келейно: декан, два замдекана (по учебной и хозяйственной части) и я.

Я отказалась, потребовала независимых свидетелей и запись — протокол обсуждения. Сумку согласилась взять только на этих условиях, иначе иду в милицию. И немедленно. Я хорошо понимала, что возбуждение уголовного дела, даже с исходом не в мою пользу, факультету ни к чему.

И вот мы все у декана. Я рассказываю, как было дело, декан не верит, что Федосеев отказался внять моему предложению сходить наверх в деканат за студенческим билетом. Этот пункт повисает в воздухе. Повисает в воздухе и начало драки. Конец — драку и укус — я подтверждаю. Мне пытаются вернуть сумку и закрыть дело, но на каких условиях — не говорят.

Тогда я предлагаю сначала доказать, что сумка — моя. Описываю её содержимое, его вынимают. Все со мной соглашаются. Далее я утверждаю, что произошла кража (все прямо подскакивают), даже более того, — грабёж, ибо сумка отнята у меня силой, открыто, на людях, что и называется, согласно УК, грабежом. То, что она находится не у меня, а у Федосеева, видят все присутствующие. Всё это заносится в протокол. После этого я беру сумку и ухожу.

Распускаю слух: если меня отчислят, подаю в суд — всё равно доказано, что я подверглась грабежу, а то, что сумка у меня, уже никакой роли не играет. Свидетелей масса.

Через некоторое время появляется приказ: мне — строгий выговор с занесением в личное дело «за недостойное советской студентки поведение».

Скажу кстати, что до сих пор среди мехматян моего поколения бытует легенда (на последней встрече курса я её услышала от Лёли

Морозовой), что выговор я схлопотала (так, дескать, было написано) за «покусание замдекана». Но я-то точно знаю формулировку.

Через неделю на доске объявлений появляется сообщение об увольнении Федосеева.

В то время существовал приказ ректора Университета, что если в течение года у студента никаких нарушений не будет, то выговор снимается автоматически. Я всё же подала через год заявление о снятии выговора, и об этом снятии был опубликован приказ. Однако, начальство его в моё личное дело не положило, а выговор оставило. При распределении это сыграло роль. Но как я распределялась — это особый рассказ, его я напишу позже.

P.S. Добавлю только, что мой шеф, член-кор.NN, потом говорил мне не раз: и как Вы могли, Ира, взять в рот такую гадость?

ЭКЗАМЕН

Андрей Николаевич Колмогоров, конечно, — легенда мехмата. Первое, что я услышала о нём, была присказка: если Андрей Николаевич читает лекцию школьникам, то её, может быть, поймут аспиранты, если аспирантам, то её, может быть, поймут профессора, а если профессорам, то из слушающих её не поймёт никто.

Помню, что на каком-то научно-исследовательском семинаре он с увлечением рассказывал о только что прочитанной монографии и перечислял, какие замечательные результаты он там обнаружил. А через неделю покаянно взял слово и сказал, что ничего такого в этой монографии нет, а он сам по ходу чтения всё придумал.

Моему курсу он читал лекции по теории вероятностей, а семинарские занятия вёл Евгений Борисович Дынкин (к слову скажу, человек, математик и педагог редкого и замечательного таланта).

Оба они принимали у нас соответствующий экзамен. К Евгению Борисовичу была огромная очередь, а к Андрею Николаевичу — никого. А я ждать на экзамене просто не могу и отправилась к нему отвечать. В билете была какая-то задачка, постановку которой я упростила до минимума, и Андрей Николаевич стал немедленно в связи с этим задавать дополнительные вопросы. Я давала ответы, ссылаясь на соображения симметрии и размерности. Такой подход ему понравился и на меня сразу посыпались всё более и более трудные и нетривиальные вопросы.

И тут началась чертовщина. Я, конечно, что-то отвечала, но Андрей Николаевич сразу же перешёл к диалогу, а потом (довольно скоро) и к монологу. Всё, что он говорил, было очень впечатляюще и блестяще. Так и прошёл весь экзамен.

Аня Котова, которой я рассказала эту историю, спросила меня:

— А пятёрку свою Вы получили?

— Конечно. Но это была отметка не моя, а, безусловно, Андрея Николаевича.

Впоследствии Добрушин развёлся с Ириной, поменяв её на свою вторую жену Ларису Филиппову, но до конца жизни, вынуждая терпеть это всех следующих за Ириной трёх его жён, помогал ей деньгами, даже когда она сама вышла замуж. А новым — кажется, третьим — её мужем стал физик Владимир Герцик. Его стихи и краткая биография имеются на упомянутом выше сайте «Поэзия Московского университета». Сайт http://lit-obraz.narod.ru/video/vip/15/myvideo/vladimir_gercik_chitaet_svoi_stikhi содержит несколько более подробные сведения:

Владимир Маркович Герцик родился 10 февраля 1946 года в Москве. Закончил физфак МГУ. В годы учёбы был одним из организаторов неформального поэтического общества на физфаке, активно участвовал в выпуске поэтической стенгазеты «Эврика». Работал в Институте физики Земли, в настоящее время — старший научный сотрудник Международного института теории прогноза землетрясений и математической геофизики РАН. Физик-теоретик, к. ф.-м. н., психолог, выпускник Московской Высшей Школы гуманистической психотерапии. Стихи начал сохранять с 1968 года, хотя писал их и раньше. Живёт в Москве.

Как я уже писал, стихи Ирины Буяновер недоступны моему пониманию. Стихи Владимира Герцика вроде бы доступны, но не задевают. Впрочем, это, возможно, происходит потому, что их доступность для меня, проистекающая из традиционной формы, на самом деле обманчива. Всё же нашёл стихотворение, которые мне скорее понравилось:

Жуки гудят,
И тайна беззаботна.
В отсутствии луны
Смеркаюсь над водой.

(Опубликовано в журнале: Новая Юность, 2004, № 6 (69).)

Собственно, понравилось мне редко встречающееся слово «смеркаюсь». Так же как в цикле «Слепая бабочка» <http://levin.rinet.ru/FRIENDS/Gercik/Gercik1.html> достойным внимания показался лишь квазицентон в первых двух строках одного из стихотворений цикла: «Когда долины оглашает лесов таинственная тварь...».

Евтушенко

Многие считают, что Евгений Александрович Евтушенко (18.07.1932—01.04.2017) был фигурой противоречивой, другие — что цельной. Кто из них прав, не знаю. Мне долго не удавалось выразить адекватным образом свою оценку его поэтического дарования по той шкале, которая строго отличает способного от талантливый и талантливый от великого. По этой суровой шкале Блок и Цветаева являются великими поэтами, а Есенин и Маяковский — состоящими в высшем разряде талантливых. В итоге не нашёл ничего лучшего, как сказать, что Евтушенко был поэтом с большими способностями и проблесками таланта¹.

В 1956 году им было написано стихотворение «А что поют артисты джазовые...», которое, скорее всего, мне бы не запомнилось, если бы не неожиданное содержание, наделённое к тому же глубиной смысла. Вот оно:

А ЧТО ПОЮТ АРТИСТЫ ДЖАЗОВЫЕ...

А что поют артисты джазовые
в интимном,
 в собственном кругу
тугие бабочки развязывая?
Я это рассказать могу.
Я был в компании джазистов,
лихих, похожих на джигитов.
В тот бурный вечер первомайский
я пил с гитарою гавайской
и с черноусеньким,
 удаленьким,
в брючишках узеньких
 ударником...

¹ Но, конечно, не великим, как его подчас называют. Однажды Евтушенко назвал великим поэтом Бориса Слуцкого. Когда я изъявил недоумение, зачем он это сделал, мои проникательные друзья мне объяснили: «Ну неужели не ясно? Евтушенко это сделал в надежде, что теперь и его объявят великим».

Ребята были как ребята.
Одеты были небогато,
зато изысканно и стильно
и в общем выглядели сильно...
И вдруг,
 и вдруг они запели,
как будто чем-то их задели, —
ямщицкую
 тягучую,
текучую-текучую...
О чём они в тот вечер пели?
Что и могли, да не сумели,
но что нисколько не забыли
того, что знали и любили.
«Ты, товарищ мой,
не попомни зла.
Здесь, в степи глухой,
схорони меня...»

1956 год.

В 1957 году Евтушенко написал лучшее, на мой взгляд, своё стихотворение «Со мною вот что происходит»:

Со мною вот что происходит
 Б. Ахмадулиной

Со мною вот что происходит:
ко мне мой старый друг не ходит,
а ходят в мелкой суете
разнообразные не те.
И он
 не с теми ходит где-то
и тоже понимает это,
и наш раздор необъясним,
и оба мучимся мы с ним.
Со мною вот что происходит:
совсем не та ко мне приходит,
мне руки на плечи кладёт
и у другой меня крадёт.
А той —
 скажите, бога ради,
кому на плечи руки класть?

Та,
 у которой я украден,
 в отместку тоже станет красть.
 Не сразу этим же ответит,
 а будет жить с собой в борьбе
 и неосознанно наметит
 кого-то дальнего себе.
 О, сколько
 нервных
 и недужных,
 ненужных связей,
 дружб ненужных!
 Во мне уже осатанённость.
 О, кто-нибудь,
 приди,
 нарушь
 чужих людей соединённость
 и разобщённость
 близких душ!

Это стихотворение его прославило. В СССР, в 1960-х годах, Евтушенко был чрезвычайно популярен, да что там популярен — знаменит. Возьмём, хотя бы песню, сочинённую 25 октября 1962 года одним из лучших наших бардов Евгением Исааковичем Клячкиным (23.03.1934—30.07.1994). Паренёк заигрывает с девушкой, а та, чтобы показать свою значимость, отвечает: «Евтушенко — мой дружок»².

Их было четверо: талантливая Белла Ахмадулина со звенящим голосом, способные с проблесками таланта Евгений Евтушенко и

² Не откажу себе в удовольствии привести текст песни целиком:

По ночной Москве идёт девчонка...
 По ночной Москве идёт девчонка,
 Каблучками цок-цок-цок.
 Вдруг откуда ни возмись, сторонкой —
 Незнакомый паренёк.
 Он ей говорит со знанием дела:
 «Виноват, который час?»
 А она ему на это смело:
 «Два-двенадцать-сорок шесть».
 Он ей: «Что-то я, пардон, не понял,
 Что такое сорок шесть?»
 А она: «Да это ж телефон мой,
 (Господи, какой балда!)



Молодой Евтушенко читает свои стихи на стадионе.

Андрей Вознесенский и примкнувший к ним посредственный Роберт Рождественский. Часто они выступали вместе. Не помню, сколько людей приходило на сольные поэтические выступления Ахмадулиной и Рождественского, но выступления Евтушенко и Вознесенского собирали толпы, особенно большие толпы собирал Евтушенко: он был понятнее.

Евтушенко был тщеславен и свою знаменитость пропагандировал без малейшего стеснения. Вот история, позаимствованная М. В. Ардовым

Позвоните, попросите Асю, —
 Это буду лично я.
 Ну, а вас зовут, я вижу, Вася —
 В общем, познакомились».

Парень осмелел: «А вы поэтов
 Знаете ли вы стихи?».

А она ему в ответ на это:
 «Евтушенко — мой дружок».

Он ей говорит:

«Тогда простите,
 Может быть, нам в ресторан?..».

А она: «Вы завтра позвоните,
 А сейчас меня ждёт муж!».

из неопубликованных записок главного врача поликлиники Литфонда — Евгения Борисовича Нечаева.

В начале шестидесятых, можно сказать — в зените своей славы, Евтушенко вместе с Роланом Быковым шёл ужинать в ресторан Всесоюзного театрального общества. При входе стояла какая-то девица, которая попросила её провести. Поэт и актёр посмотрели на неё и пригласили с собой на ужин.

Быков был сложения не богатырского — он после нескольких рюмок задремал. А поэт стал заигрывать с девицей, но она интереса к нему не проявляла. Тогда он воскликнул: «Да ты знаешь, кто я? Я — Евгений Евтушенко!». В ответ она произнесла: «Тоже мне — Евтушенко нашёлся!». Тут он показал ей членский билет Союза писателей. «Подумаешь, — сказала она. — Таковую ксиву вон на том углу купить можно...».

Тогда Евтушенко стал теребить дремлющего Быкова: «Ролан!.. Ролан!..». Но тот не просыпался... «Ролан, ну проснись!». — «А? — отозвался актёр. — Что?..». — «Ну, скажи ей, кто я!». — «А хуй его знает, кто ты...» — пробормотал Быков и снова погрузился в сон.

В последние годы жизни Евтушенко любил объявлять себя самым знаменитым поэтом мира на том основании, что имел наибольший суммарный, на различных языках, тираж своих книг.

Евтушенко имел специальные основания и на знаменитость внутри России. Он автор написанного в 1961 году текста песни «Хотят ли русские войны» на музыку Эдуарда Колмановского (09.01.1923—27.07.1994); песня, в исполнении популярнейших певцов и ансамблей России, лилась из репродукторов и приёмников по всей стране. Ему принадлежит вошедший, можно сказать, в русский язык афоризм «Поэт в России — больше чем поэт»: эта формула составила первую строку его созданной в 1965 году поэмы «Братская ГЭС».

Если же говорить о проблесках таланта, то один пример был приведён выше: стихотворение «Со мною вот что происходит». Во вступлении к «Братской ГЭС», которое называется «Молитва перед поэмой», есть строки: «...прошу смиренно помощи у вас, / великие российские поэты...». И далее он последовательно обращается к Пушкину, к Лермонтову, к Некрасову, к Блоку, к Пастернаку, к Есенину, к Маяковскому. К каждому из поэтов, к которому он обращается, он пытается воззвать в стиле этого поэта. Воспроизвести стили Пушкина и Лермонтова невозможно, и на этом поприще Евтушенко не преуспел. Подражать Пастернаку непросто, но, на мой

взгляд, Евтушенко это отчасти удалось. Вот строфа из его обращения к Пастернаку:

Дай, Пастернак, смещение дней,
 смещение веток,
 сращение запахов, теней
 с мученьем века <...>

И, наконец, третий проблеск: «Строфы века» — вышедший в 1995 году монументальный фолиант на 1056 страницах размером 21 на 28 см, держать в руках его затруднительно. Евтушенко составлял его около 20 лет. Это антология, как указывает составитель, а скорее книга для чтения, как поправляет составителя научный редактор издания Евгений Владимирович Витковский и с чем согласен великий филолог Михаил Леонович Гаспаров. В ней представлены 875 российских поэтов, от Случевского до самоновейших (на 1995 год). Среди этих поэтов есть авторы второ- и даже третьестепенные, и в этом ценность издания: ведь лес не растёт без подлеска. Желчный критик Виктор Топоров, который критикует всё и вся, нашёл там «обилие текстуальных и фактических ошибок». Гаспаров, однако, в своей рецензии упоминает только две: одно из помещённых в книгу стихотворений является переводом, а другое — пародией. Я смотрел эту книгу десятилетия назад, По моим воспоминаниям, каждому из представленных в ней поэтов отведена одна, максимум две страницы, на коих помещено, как правило, лишь одно стихотворение. Стихотворение сопровождается кратким очерком о его авторе. В своё время мне эти очерки показались довольно точно выражающими суть.

Не следует забывать, однако, слова Пастернака, сказанные им какому-то поэту, принёсшему ему свои стихи: «У меня совершенно нет времени, чтобы искать детали, в которых ваши стихи отличаются от стихов Евтушенко».

Но мнение Пастернака — это мнение одного из немногих великих русских поэтов; вольно или невольно он примерял стихи на себя. Как уже было сказано, Евтушенко пользовался славой, причём такой, какой не пользовался никто из его современников. Залы, где он выступал, ломились от публики; читал свои стихи он чрезвычайно экспрессивно.

Однако некоторые аспекты его стихов и его поведения противоречили принятой морали. Так, в 1957 году Евтушенко написал стихотворение, начинавшееся строками «Ты спрашивала шёпотом: / А что потом? / А что потом? / Постель была расстелена, / и ты была растеряна...». Может быть, именно эти и дальнейшие строки,

а не приведённое выше «Со мною вот что происходит», принесло ему подлинную славу среди современников, в особенности молодых. Существует несколько редакций этого стихотворения, поскольку первоначально оно распространялось лишь с голоса и в списках: тема телесного взаимоотношения полов не вписывалась в каноны советского общества. (Неплохое чтение, сопровождаемое музыкой Нино Рота, предлагает Виктор Астраханцев: <http://www.chitalnya.ru/work/710759/>.) Впервые стихотворение было опубликовано в журнале «Юность»; года публикации мне, к сожалению, установить не удалось. Официозом эти стихи были встречены, говоря мягко, неодобрительно.

В 1960 году Евтушенко написал стихотворение «Нигилист», также не могущее понравиться истеблишменту. В нём есть такие строки:

Носил он брюки узкие,
 читал Хемингуэя³.
 «Вкусы, брат, нерусские...»
 внушал отец, мрачней.
 <...>
 Низвергал Герасимова⁴,
 утверждал Пикассо.
 <...>
 Огорчал он родственников,
 честных производственников
 <...>

Герой «Нигилиста» кончал жизнь героически.

В 1963 году началась настоящая травля Евтушенко.

Дело в том, что в 1963 году он допустил поступок, который с точки зрения Советской власти и её клеветов являлся невыносимым проступком, а скорее даже преступлением. Он позволил себе без разрешения опубликовать статью за границей, статью, не прошедшую фильтр советской цензуры. И преступность заключалась даже не в том, что отдельные её положения вступали в противоречие с принятой точкой зрения, а в самом факте зарубежной публикации. Ведь Пастернака в 1958 году и Синявского и Даниэля в 1965—1966 годах травили не столько за то, — хотя делали вид, что только за то, — что их проза якобы была антисоветской, а за то, что без разрешения властей опубликовали эту прозу за границей.

³ Полагалось носить широкие и прямые брюки и читать отечественных писателей — классиков или обласканных властью современников. — В. У.

⁴ Имеется в виду начальник советских художников Александр Герасимов. — В. У.

В феврале 1963 года Евтушенко опубликовал в западногерманском журнале «Штерн» и во французском еженедельнике «Экспресс» свою «Преждевременную автобиографию». В ней он рассказал о существовавшем антисемитизме, о «наследниках Сталина», писал о литературной бюрократии, о необходимости открыть границы, о праве художника на разнообразие стилей вне жёстких рамок соцреализма. Публикация за границей такого произведения и отдельные его положения были подвергнуты резкой критике на IV пленуме Правления Союза писателей СССР в марте 1963 года.

(<http://www.staroradio.ru/audio/22906.>)

Центральный комитет КПСС был разгневан. За Евтушенко началась слежка. Он продолжал вести себя вольно, встречался с иностранцами по своему усмотрению. Докладные записки о его неправильном поведении читались Брежневым.

Раздражение властей поведением Евтушенко имело место не впервые. Ещё в 1959 году жёлтая газета «Комсомольская правда», делающая вид, что стоит как бы в стороне от прямой пропаганды, опубликовала статью «В погоне за дешёвым успехом» о мещанском творчестве начинающего поэта и его удивительном (и порицаемом!) успехе у женщин. Евтушенко не внял, точнее, внял, но недостаточно.

Пишет Илья Зиновьевич Фаликов в своей книге [Евтушенко: Love story. — М.: Молодая гвардия, 2014. — 702 [2] с.: ил. — (ЖЗЛ: Биография продолжается...: сер. биогр.; вып. 25)]:

В конце марта проходит IV пленум правления Союза писателей СССР. Писатели хором упиваются недавней встречей с руководством партии, речью Н. С. Хрущёва⁵, единодушно одобряют политику партии, клянутся ей в верности, бичуют империализм и его прихвостней, в данном случае Евтушенко с Вознесенским⁶. Всё это печатается в «Литературной газете», излагается в других

⁵ Встреча произошла 7 марта 1963 года в Свердловском (ранее и ныне Екатеринбургском) зале Сенатского дворца Кремля. За столом на возвышающейся сцене сидели члены Политбюро, ниже неё стояла трибуна. Хрущёв говорил о «заискивании перед Западом» советской интеллигенции, безобразно орал на выступающего Андрея Вознесенского и предлагал ему уехать из СССР, выкрикивая: «Сотрём!», «Я не могу спокойно слушать подхалимов наших врагов», «Ишь ты, какой Пастернак!». По словам свидетелей, было очень страшно. После этого Вознесенский долго болел. — В. У.

⁶ В те годы мне доводилось слышать такое высказывание: «Вознесенский — это наш советский Евтушенко». (Полагаю, что слово «советский» использовалось здесь лишь как обозначение территории Советского Союза.) — В. У.

центральных изданиях. Евтушенко получает слово, но речь его не печатают.

30 марта — в день, когда публикуется верноподданническое обращение писательского пленума к ЦК Коммунистической партии СССР, в «Комсомольской правде» выходит фельетон-памфлет «Куда ведёт хлестаковщина». Повод — появление «Автобиографии» в «Экспрессе» и «Штерне».

Сам Евтушенко недоумевал, о чём вспоминал позже:

«Моя автобиография, напечатанная в западногерманском „Штерне“ и во французском „Экспрессе“, вызвала всплеск новой надежды левых сил в Европе после депрессии, вдавненной в души гусеницами наших танков в Будапеште 1956 года. Жак Дюкло, секретарь ФКП, на приеме в мою честь говорил, что после моей автобиографии многие французские коммунисты, сдавшие свои билеты в 1956-м, снова вступают в партию. Посол СССР во Франции Виноградов в своём тосте за меня сказал, что я заслуживаю за свою поездку звания Героя Советского Союза. Во франкистской Испании моя автобиография была запрещена как коммунистическая пропаганда. Правые круги ФРГ критиковали „Штерн“ за эту публикацию. Я, по наивности своей, думал, что меня в Москве встретят чуть ли не оркестрами».

В антиевтушенковскую кампанию активно включился Сергей Михалков. (Сведения взяты с сайта <http://newizv.ru/news/culture/30-04-2013/181886-grazhdane-poslushajte-menja>.)

22 марта 1963 года в газете «Известия» было опубликовано стихотворение Михалкова «Молодому дарованию», вот фрагмент:

Ты говорил, что ты опальный,
Негосударственный поэт,
И шурил глаз в бокал хрустальный,
Как денди лондонский одет.
Ты говорил: «У вас медали,
Ваш труд отметила страна,
А мне не дали — я в опале,
Таких обходят ордена».

4 июня в газете «Правда» тот же Михалков пишет басню про Синицу: «Бездумной легкомысленной Синице / Однажды удалось порхать по загранице. <...> Пожалуй, за границу / Не стоит посылать Синицу!». Через некоторое время неугомонный Михалков

публично — на сцене Большого зала Центрального дома литераторов — спросит у Евтушенко, за сколько тот продан.

В 1964 году мы с моей женой Светланой были в гостях у некоей девушки, у которой в те годы был роман с Евтушенко. Её родителей не было дома. Мы ужинали в её комнате вчетвером: хозяйка, предмет её романа и мы. Евтушенко почти не притрагивался к еде. Я спросил его: «Почему вы ничего не едите?». Евтушенко ответил: «Опальный поэт должен быть худым». (Роман, кстати, закончился следующим образом. Евтушенко снова пришёл к ней и потребовал, чтобы она немедленно ушла с ним. На этот раз родители были дома, и отец удержал её силой. И был прав: через непродолжительное время Евтушенко бы от неё ушёл, что стало бы для неё трагедией.)

Вскоре после этого состоялся его концерт в Актовом зале Главного здания МГУ на Ленинских горах. У заднего входа в здание бурлила огромная толпа, милиционеры в достаточном, казалось бы, количестве с трудом её сдерживали. Зал, в котором полторы тысячи посадочных мест и неопределённое количество стоячих, ломился от публики и не мог вместить всех желающих. Евтушенко сначала прочёл несколько стихотворений, в том числе «Нигилиста», а затем поэму «Братская ГЭС». Читал он с большим чувством, все слушали на одном дыхании. В его устном исполнении поэмы содержались строфы, не вошедшие в печатные издания. В этих строфах мне запомнились такие строки: «...Не важно, что власть советская, / а важно, что просто власть» и «Стояли, делая ручкою, / даже на Мавзолею». После окончания случай свёл нас в гардеробе главного входа. Торжествуя, он сказал мне: «Толпу видели?». Разозлённый его неприкрытым хвастовством, я возразил: «Конной милиции не было».

У многих, в том числе у меня, Евтушенко вызывал раздражение своими пёстро раскрашенными пиджаками. Вот история, которую Михаилу Ардову рассказал Генрих Боровик. В девяностых годах в Москву приехал знаменитый колумбийский писатель, лауреат Нобелевской премии Гарсиа Маркес (06.03.1927—17.04.2014), и Боровик пригласил его к себе домой. Кроме него в гости пришли Чингиз Айтматов и Евтушенко. Поэт был в кожаном пиджаке ослепительного жёлтого цвета, но на ярчайшем фоне были видны мелкие чёрные пятнышки. Его спросили: «Женя, что это за чёрные точки?». — «Мой пиджак шит из кожи страуса, — объяснил Евтушенко, — а эти пятнышки — следы вырванных перьев». На это Гарсиа Маркес сказал: «А вот перья напрасно вырвали. С ними было бы гораздо более живописно».

Эпатажные одеяния Евтушенко ещё как-то смотрелись, когда он

был молодым. Но когда из попугайской рубашки высовывалась морщинистая шея, смотреть на шею было неприятно, а на рубашку противно.

Было огорчительно читать свидетельство об одном из его последних выступлений в России — в 2015 году в Череповце. Рассказывает родившаяся там в 1960 году и побывавшая на этом авторском вечере Елена Колядина⁷:

Поэт всё время упрекал нас, что мало зрителей, что его не отвезли из гостиницы в зал на машине руководства города, как бывало раньше, что слушатели нынче бездари, не понимающие поэзии. На всё это было неловко смотреть. <...> ...Публика начала ёрзать и потихоньку покидать зал.

Колядина критикует также читанные на том вечере стихи Евтушенко, но её мнение мне неинтересно. Хотя и в нём есть зерно истины. Дело в том, что Евтушенко не хотел понимать, что почти все его стихи, за редчайшими исключениями, были либо малоинтересными, либо сверхинтересными — но только для своего времени. Тем он и отличался от больших поэтов, что его стихи не были вечными.

Но всё его эстрадное красование, всё самолюбование, всё хвастовство, все его прегрешения, вольные или невольные, должны быть ему прощены за его гражданский подвиг — стихотворение «Бабий Яр».

Бабий Яр — это овраг на северо-западе Киева. Туда скатывались тела тех, кого расстреливали немцы, 19 сентября на 778 дней занявшие Киев во время Великой отечественной войны (22.06.1941—09.05.1945).

Сообщает Русская служба британской радиостанции BBC http://www.bbc.com/russian/russia/2011/09/110927_babiy_yar_70anno:

С 29 сентября по 11 октября 1941 года эсэсовцы и их местные пособники убили там практически всё еврейское население города — более 50 тысяч мужчин, женщин и детей.

Точное число жертв, покоящихся в гигантском массовом захоронении, установить не удалось. Наиболее достоверная цифра — 70 тысяч.

Число евреев, переживших оккупацию в городе, точно не известно, но, по имеющимся данным, не превышает десяти человек.

Попав впервые в Бабий Яр в 1961 году, Евтушенко был потрясён отсутствием какого-либо памятника погибшим. Более того, на месте массовых расстрелов была свалка. Это зрелище так на него подействовало, что он, сидя в гостинице, за несколько часов написал

⁷ Как Евтушенко учил нас жизни из Оклахомы // Метро. — 2017. — 14 апреля. — С. 17.

стихотворение на эту тему. На следующий день Евтушенко публично прочитал его в Киеве. Оно начиналось словами:

Над Бабьим Яром памятников нет.
Крутой обрыв, как грубое надгробье.
Мне страшно.

А заканчивалось так:

«Интернационал»
 пусть прогремит,
когда навеки похоронен будет
последний на земле антисемит.
Еврейской крови нет в крови моей.
Но ненавистен злобой заскорузлой
я всем антисемитам,
 как еврей,
и потому —
 я настоящий русский!

Поэма «Бабий Яр» стала одним из элементов прорыва двадцатилетнего молчания об ужасе Бабьего Яра.

19 сентября 1961 года стихотворение было опубликовано в «Литературной газете». Евтушенко принёс его в газету накануне, 18 сентября. Главный редактор Валерий Алексеевич Косолапов сказал, что ему нужно посоветоваться с женой, поскольку после публикации его уволят. Жена разрешила. Впоследствии стихотворение было переведено на 72 языка.

Евгений Евтушенко посвятил В.А.Косолапову стихотворение «Красивые глаза», в котором поэт описал обстоятельства выхода в свет поэмы «Бабий Яр»:

А Косолапов улыбнулся мне.
Искрилось в нём крестьянское лукавство,
а это самолучшее лекарство
от страха
 в так запуганной стране:
«Да,
 не соскучится с тобою государство...
Ты обожди.
 Я позвоню жене». —
«Зачем жене?» —
 насторожился я невольно
весь в предвкушении сладостного «За».

«Да потому что буду я уволен». —

«За что?». —

«Да за красивые глаза».

Косолапов действительно в 1962 году — точной даты мне установить не удалось — был уволен с должности редактора «Литературной газеты».

Вспоминает Евтушенко:

Валерий Косолапов сказал, что готов подписаться под каждым моим словом, но это должно быть семейное решение, потому что на следующий день после того, как он пустит такие стихи в печать, его уволят. Пришла его жена, и они закрылись у него в кабинете. Я сидел на краешке стула и нервно ждал. Работники типографии, чтобы меня подбодрить, принесли чекушку водки и солёных огурцов. Супруга Косолапова вышла, пристально на меня посмотрела и сказала: «Не волнуйтесь, Женя, мы решили быть уволенными».

(http://bulvar.com.ua/gazeta/archive/s23_62054/4544.html.)

Ожидание продолжалось, поскольку ещё оставалась возможность пустить тираж под нож. Однако утром газета вышла и поступила подписчикам, в киоски и в библиотеки.

Как пишут в романах, наутро он проснулся знаменитым. Но знаменитость, как известно, далеко не всегда, ох, далеко не всегда была со знаком плюс. В евтушенковском «Бабьем Яре» есть строки:

О, русский мой народ! —

Я знаю —

ты

По сущности интернационален.

Полагаю, что здесь поэт выдаёт желаемое за действительное. (Ну, разве что «по сущности»...). Вокруг стихотворения возникла политическая полемика. Для Евтушенко началась кампания травли. Его заставили внести изменения в текст второй и двенадцатой строф, заменив «евреев» на «украинцев». В прессе против Евтушенко появились заказные статьи, появились и стихи. Так, талантливый поэт и русский националист Алексей Марков⁸ (22.02.1920—29.08.1992) в той же «Литературной газете» поместил злобное и бесталанное

⁸ По некоторым данным, Пастернак писал: «Слушал Алексея Маркова, стихи мне не понравились, но мне кажется, я присутствовал при рождении большого русского поэта». Пастернак дал Маркову рекомендацию в Литературный институт, который тот окончил в 1951 году. Марков писал много

стихотворение «На „Бабий Яр“» с таким началом:

Какой ты настоящий русский,
 Когда забыл про свой народ?
 Душа, что брючки, стала узкой,
 Пустой, что лестничный пролёт.

На стихи Маркова появились и ответы. В основном высказывались этнические евреи. Из поэтов-евреев с наиболее ярким стихотворением «Мой ответ Маркову» выступил Самуил Маршак. Страстный ответ Маркову дал и нееврей, притом человек истеблишмента: депутат Верховного Совета СССР, лауреат 6 Сталинских премий, участник войны в качестве военного корреспондента и кавалер трёх боевых орденов: ордена Красного Знамени и двух орденов Отечественной войны 1-й степени. Это Константин Симонов. Стихотворение Симонова [<http://zamok.druzya.org/index.php?showtopic=3354>] начинается так:

Две разных вырезки из двух газет.
 Нельзя смолчать и не ответить. Нет!
 Над Бабьим Яром, страшную могилой,
 Стоял поэт. Он головой поник.
 Затем в стихах со страстностью и силой
 Сказал о том, что пережил в тот миг.
 И вот другой берётся за чернила.
 Над пылкой фразой желчный взгляд разлит.
 В стихах есть тоже пафос, страстность, сила.
 Летят слова: «пигмей», «космополит».

Последняя строфа стихотворения такова:

А с Евтушенко — каждый честный скажет:
 «Интернационал» пусть прогремит,
 Когда костями поглубже в землю ляжет
 Последний на земле антисемит.

стихов «в стол», например:

Да нет, за сказанное слово,
 мне не закроют все пути,
 а лишь из лагеря большого
 придётся в малый перейти...

1952 год.

В 1968 году, «двойничество» Маркова расшифровали на Лубянке, перехватив его личное письмо с реакцией на ввод войск в Чехословакию: «Что касается Чехословакии — то мне впервые стыдно, что я русский, славянская кровь на наших танках». Но не посадили. Венгерскую кровь на наших танках Марков, надо думать, допуская.

Ко всем этим ответам, однако, напрашивается следующий комментарий. Ни про один из них мне не удалось найти сведений о его публикации. Все они взяты из Интернета. А в 1960-х годах, когда Интернета не было, вероятно, ходили в списках. А значит, нет гарантии, что их написали Маршак, Симонов и прочие — может быть, эти стихи этим авторам приписываются.

Но совершенно реальную и самую сильную поддержку Евтушенко получил с совершенно неожиданной стороны, от одного из великих представителей русской культуры.

Вспоминает Евтушенко:

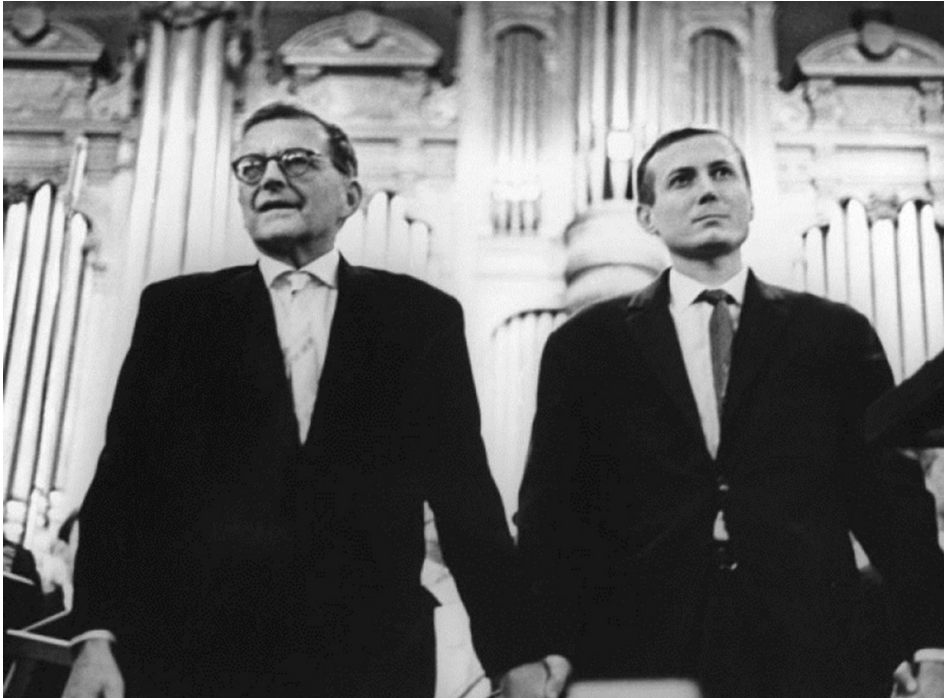
Я сидел и играл с мамой в преферанс, так как она считала, что это отвлекает меня от дурных мыслей. Зазвонил телефон. Человек на проводе представился Дмитрием Шостаковичем. Этого просто не могло быть! Сам Шостакович звонил мне! Ведь я в 11 лет под звуки его симфонии первый раз поцеловал девочку. Кстати, она была старше меня на два года. А вот теперь он звонит и, обращаясь ко мне по имени-отчеству (до этого практически никто так не делал), просит разрешения написать музыку на мои стихи!

(<http://newsland.com/user/957143111/content/vy-pomnite-mir-bez-evtushenko/481772.>)

Надо ли говорить, что Евтушенко с радостью согласился. Тогда Шостакович спросил его, не может ли он приехать незамедлительно. К удивлению Евтушенко, Шостакович сыграл ему на фортепиано все основные темы будущей знаменитой «Симфонии № 13». Все пять частей симфонии написаны на слова стихотворений Евтушенко: «Бабий Яр», «Юмор», «В магазине», «Страхи», «Карьера».

Тринадцатая симфония была создана в невидано короткий срок, но её премьеру власти попытались сорвать. Испугавшись возможных гонений, от исполнения симфонии отказались знаменитости: дирижёр Евгений Мравинский (22.05(04.06).1903—19.01.1988)⁹, лично приглашённый Шостаковичем, и украинский бас Борис Гмыря (23.07 [05.08].1903—01.08.1969), которого лишь чудо убергло от послевоенных лагерей, а то и расстрела. Спасли положение известный дирижёр Кирилл Кондрашин (21.02(06.03).1914—07.03.1981), в декабре 1978 года не вернувшийся из гастролей в Нидерлан-

⁹ Оркестр Ленинградской филармонии под управлением Мравинского, с августа 1941 года находившийся в эвакуации в Новосибирске, 9 июля 1942 года исполнил там 7-ю симфонию Шостаковича. Шостакович оценил исполнение как лучшее. Мне, также эвакуированному в Новосибирск, посчастливилось быть на этом исполнении.



Шостакович и Евтушенко на сцене Большого зала Московской консерватории после исполнения Тринадцатой симфонии.

дах¹⁰ и получивший за рубежом хорошие позиции, и другой бас, солист Московской филармонии Виталий Громадский (р. 10.12.1928). Тем не менее, буквально накануне премьеры Кондрашину пригрозили запретом, если не будет упоминания о русских и украинских жертвах. Евтушенко пришлось добавить четыре строки:

Я здесь стою, как будто у криницы,
дающей веру в наше братство мне.
Здесь русские лежат и украинцы,
с евреями лежат в одной земле.

Эти четыре строки спасли исполнение симфонии.

Замечательный русский писатель Виктор Платонович Некрасов (4(17).06.1911—03.09.1987)¹¹ сказал: *Да, в Бабьем Яру были расстреляны не только евреи, но только евреи были расстреляны здесь лишь*

¹⁰ Когда Кондрашин умер, его бывшая жена, не последовавшая за ним в невозвращение, сказала: «А ведь я говорила ему: „Кирилл, не уезжай“. Лежал бы сейчас на Новодевичьем...».

¹¹ Некрасов прославился как автор повести «В окопах Сталинграда», в 1946 году напечатанной в журнале «Знамя» и в том же году под названием

за то, что они были евреями. Некрасов был не совсем прав: по тем же причинам в Бабьем Яру и других местах уничтожались цыгане.

«Если бы авторы не пошли на компромисс, — указывает Евтушенко фактически оправдываясь, почему он дописал четыре строки, — человечество услышало бы гениальное произведение Шостаковича лишь через 25 лет».

Всё же 18 декабря 1962 года 13-я симфония Шостаковича была исполнена в Москве, в Большом зале Московской консерватории, но тут же снята с репертуара и запрещена.

В завершение очерка — одно из ранних стихотворений Евтушенко:

В погоне за дешёвой популярностью

Мне скоро тридцать. Я герой пародий,
статей, разоблачительных стихов.

Приписаны мне прочно все пороки
и все из существующих грехов.

Мне говорят порой, что я пишу
в погоне за дешёвой популярностью,
Возможно, скажут вскоре, что дышу
в погоне за дешёвой популярностью.

Когда-нибудь я всё-таки умру.
И постараюсь тихо, а не буйно.
Надеюсь, что хоть этим я уйму,
умаслю я умаявшихся уйму.

Не будет хитрой цели у меня.
Но кто-то с плохо сдержанною яростью,
наверно, прошипит, что умер я
в погоне за дешёвой популярностью.

«Сталинград» вышедшей отдельной книгой в издательстве «Московский рабочий». Более книга не переиздавалась. Она была чрезвычайно правдивой, насколько это было возможно в то время, даже слишком правдивой. У армейской и идеологической верхушки, в окопах не сидевшей, повесть вызвала резкую неприязнь и породила презрительный термин «окопная правда». Книга была переведена на 36 языков и вышла общим тиражом более четырёх миллионов экземпляров. 23 октября 2015 года на страницах журнала «The Wall Street Journal» были названы пять лучших в мире книг о Второй мировой войне; книга Некрасова «В окопах Сталинграда» вошла в этот список, причём была поставлена на первое место. Впоследствии Некрасова обвинили в идеологических грехах, включая сионизм (при отсутствии еврейства в анамнезе) и «низкопоклонство перед Западом», и он подвергся травле. В 1974 году Некрасов с женой выехали за границу с выездной визой на пять лет. В 1979 году он был лишён советского гражданства. Похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа в 23 км к югу от Парижа.

Как И. М. Гельфанд и Е. Ф. Мищенко стали академиками

Как по своим научным интересам и занятиям, так и по своему месту в математике XX века Израиль Моисеевич Гельфанд (20.08 [02.09].1913—05.10.2009) и Евгений Фролович Мищенко (09.03.1922—20.07.2010) имеют мало общего. Сейчас этот тезис будет проиллюстрирован краткими о них сведениями. А потом будет объяснено, почему они соединены в настоящем очерке.

Гельфанд родился в пределах, очерченных чертой оседлости, в посёлке Окны (ныне райцентр Одесской области). Мищенко родился в деревне Хотиловка Владимирской губернии.

Гельфанд не имел не только высшего, до даже и законченного среднего образования, что не помешало ему стать одним из крупнейших математиков XX века, выдающимся просветителем и организатором науки. Мищенко получил среднее образование в железнодорожной школе посёлка Новые Вязники, которую окончил в 1940 году. В 1941—1944 годах Мищенко воевал на Карельском фронте, награждён орденами Красной Звезды и Отечественной войны I и II степени.

Гельфанд в 1932—1935 годах был аспирантом Колмогорова, в 1935 году он получил степень кандидата наук, в 1940-м стал доктором (напомним — всё это даже без среднего образования, не говоря уже о высшем). Мищенко провёл свои университетские годы (студенческие и аспирантские, 1946—1953) под непосредственным руководством П. С. Александрова¹ и в 1953 году защитил кандидатскую диссертацию по общей топологии.

Гельфанд с конца 1950 годов увлёкся биологией, нейрофизиологией и медициной. (Интерес к биологии унаследовал его старший внук Михаил Сергеевич Гельфанд — кандидат физико-математических и доктор биологических наук.) Мищенко в 1954 году был принят на работу в Математический институт имени В. А. Стеклова Академии наук СССР, где, оставив топологию, занялся математическими вопросами теории релаксационных колебаний. В этом институте началось

¹ Александров произносил отчество Мищенко с более древним ударением на втором слоге.

его тесное научное сотрудничество с Л. С. Понтрягиным. Не без влияния Мищенко Понтрягин в поздние годы деятельности изменил круг своих научных интересов и переключился с топологии на прикладные задачи математики. В 1962 году Мищенко в составе коллектива из трёх сотрудников Математического института был удостоен Ленинской премии за «Цикл работ по обыкновенным дифференциальным уравнениям и их приложениям к теории оптимального управления и теории колебаний, опубликованных в 1956—1961 годах».

Рассказывают, что директор Гематологического научного центра А. И. Воробьёв, считавший себя учеником Гельфанда, дал ему такую характеристику: «Что сказать о нём? Что Гельфанд хам — это всё равно, что ничего не сказать. Он груб до безобразия». Рассказывают также, что на каком-то банкете в честь Гельфанда другой его ученик Михаил Львович Цетлин, соратник Гельфанда по био- и медицинской кибернетике, сказал: «Израиль Моисеевич, я знаю, почему вы — почётный член многих академий мира, а у нас — не академик!». — «Почему?». <...> — «Потому, что там знают ваши работы, но не знают вас как человека!». Хамство Гельфанда в полной мере проявлялось на его семинаре, знаменитом *семинаре Гельфанда*².

Это хамство на семинаре мне довелось испытать на себе. Придя на семинар и только переступив порог, я услышал: «А вы зачем сюда пришли, кто вас звал?». К счастью, у меня было, что ответить: «Звали меня вы, Израиль Моисеевич. Вы сказали, что будете рады видеть меня на своём семинаре». И далее я изложил, при каких обстоятельствах было сделано это приглашение. Гельфанд не стал притворяться, что забыл, и недовольно пробормотал: «Садитесь». Мищенко, напротив, был человек скорее доброжелательный.

По моим наблюдениям, родившийся в местечке Гельфанд так и

² На мехмате я сблизился и был на «ты» с доцентом кафедры теории упругости Игорем Вячеславовичем Кеппенем (31.08.1924—15.11.2014). Хотя по возрасту он был старше меня более, чем на 6 лет, но по курсу — всего на один год: он воевал. В 1956 году произошло венгерское восстание, вызвавшее, по мнению властей «нездоровые настроения» на мехмате. В 1968 году возникло так называемое «письмо девяноста девяти», требующее освобождения Есенина-Вольпина, силой помещённого в психиатрическую больницу, и повлёкшее доминирование на мехмате мрачных сил; Гельфанд был одним из двух первых, вместе с И. Р. Шафаревичем, подписавших названное письмо. После этих событий мехмат стал пользоваться у властей репутацией одного из центров протестных настроений. В какой-то из указанных двух периодов Кеппен был заместителем декана по учебной работе. И вот что он мне со смехом рассказал. Вечером в понедельник, когда Кеппен был дежурным по факультету, в деканат позвонили из КГБ и спросили, всё ли в порядке. Он отвечал, что всё в порядке, но идёт семинар Гельфанда.

остался местечковым евреем (если я правильно понимаю значение термина). Родившийся во владимирской деревне Мищенко так и остался русским мужиком.

Членами корреспондентами Академии наук СССР они стали: Гельфанд в 1953 году по Отделению физико-математических наук, Мищенко в 1974 году по Отделению механики и процессов управления.

Я познакомился с Гельфандом летом 1953 года, вскоре после его избрания член-кором. Мне он тогда сказал: «Меня хотят заморозить в членах-корреспондентах навсегда». Было видно, что его это волновало. Замораживание произошло хотя и не навсегда, но всё же на более чем тридцатилетний срок. Его также не допускали на международные конгрессы и конференции. Упорное неизбирание великого математика в Академию наук и недопускание его на международные форумы вызвало сначала недоумение, а потом и протесты за рубежом. По поводу того, что Гельфанд был, в терминах советского жаргона, *невъездным*, как-то, в бытность свою Президентом Академии наук высказался М. В. Келдыш: «Вред от невыпускания Гельфанда за границу уже превзошёл весь мыслимый вред, который мог бы произойти от его выезда». Власти уже сами хотели, чтобы Гельфанда избрали, наконец, действительным членом Академии наук, но не могли сломить блокирующую избрание группу академиков во главе с И. М. Виноградовым и Л. С. Понтрягиным.

Теперь следует выполнить обещание, данное в начале статьи, и объяснить, что их соединяет. Гельфанда и Мищенко избрали академиками Академии наук СССР по Отделению математики в один и тот же день, 26 декабря 1984 года. Подумаешь, скажет читатель, мало ли кого избрали академиками в один и тот же день. На каждых выборах Общего собрания Академии за один день избирает десятки академиков. Но дело в том, что избрание Мищенко было прямым следствием избрания Гельфанда.

Дело было так. В 1983 году умер Иван Матвеевич Виноградов и, тем самым, исчезла непробиваемая стена на пути избрания Гельфанда. Что до Понтрягина, то он не обладал той властью, какую обладал Виноградов. Избрания Гельфанда настойчиво желал тогдашний Президент Академии наук Анатолий Петрович Александров. Во время очередных выборов в Академию в 1984 году академиком-секретарём Отделения математики был Николай Николаевич Боголюбов, сменивший к тому же Виноградова на посту директора Математического института имени Стеклова. Боголюбов поддерживал кандидатуру Гельфанда с чрезвычайной решительностью.

Следует иметь в виду, что датой избрания членов Академии наук считается тот день, когда это избрание происходит на Общем собра-

нии Академии. Однако на решение Общего собрания выносятся лишь те лица, которые предварительно прошли процедуру избрания на собраниях соответствующих Отделений. И вот, в помещении Математического института происходит Общее собрание Отделения математики и на нём это предварительное избрание. Сколько в тех выборах было выделено мест для академиков по этому Отделению, этого я не помню, однако помню, что когда предстояло голосование, которое должно было решить судьбу Гельфанда, мест оставалось (или было с самого начала) ровно одно. В Отделении математики состояло тогда 12 академиков³. Для своего избрания (при тайном голосовании), кандидат должен был получить не менее двух третей от этого числа, т. е., в данном случае, не менее 8 голосов. Восемь академиков сообщили Боголюбову о своей готовности голосовать за Гельфанда. Из остальных четырёх помню имена троих: Понтрягин, Дородницын, Никольский (если бы я сумел отыскать список всех двенадцати, то, возможно, вспомнил бы и четвёртого).

Когда прошло голосование, оказалось, что за Гельфанда проголосовало только семеро. Кто-то не выполнил обещания, данного Боголюбову. Тогда Боголюбов пригласил всех восьмерых в свой кабинет директора Математического института и предложил голосовать открыто, т. е. с предъявлением друг другу избирательных бюллетеней. И тут Колмогоров, неожиданно для всех, предложил голосовать за двоих — Гельфанда и Мищенко. Все так и проголосовали. За Мищенко также проголосовали те четверо, которые не вошли в пул восьмерых. В результате Мищенко получил 12 голосов, Гельфанд — 8. Поскольку место было только одно, то согласно Положению о выборах, получалось, что Отделение математики избрало Мищенко академиком, а Гельфанда нет.

Впоследствии я спросил Колмогорова, зачем он сделал такой никак не способствующий избранию Гельфанда шаг. Он отвечал, что по его мнению Мищенко был бы хорошим директором Математического института, а что для Гельфанда Президиум Академии непременно выделит дополнительное место. Так и произошло: дополнительное место было выделено, и избранными на Отделении оказались двое — Мищенко и Гельфанд. Что касается Мищенко, то директором Математического института он не стал, а остался заместителем директора, в какой должности пребывал более тридцати лет, с 1959 по 1994 год.

³ В июне 2017 года в Секции математики Отделения математических наук Российской академии наук состояло уже 26 академиков. Казалось бы, это должно свидетельствовать об успехах российской математики. Увы, это не так. С 1984 года положение математики в России в контексте мировой математики ухудшилось довольно значительно.

Об И. М. Виноградове

Академик Иван Матвеевич Виноградов был личностью примечательной. Более 45 лет он был директором знаменитого Стекловского института (т. е. Математического института имени В. А. Стеклова Академии наук); в этой должности, позволяющей ему управлять математикой в СССР, он и скончался на девяносто втором году жизни. Он был мастером академической интриги; пока он был жив, великий математик Гельфанд так и не стал академиком (и стал им на следующий же год после смерти Виноградова).

Виноградов был невысок ростом, очень коренастый, неуклюжий, бритый наголо... Больше всего был похож на черепаху. Говорили, что он был человек невероятной физической силы, что он мог спиной поднять рояль, а тяжёлую табуретку — одной рукой, держась за ножку. Советской властью он был обласкан, как никто: он был единственным из академиков, не связанных ни с атомным, ни с космическим проектом, дважды удостоенным высшей советской невоенной награды — звания Героя Социалистического труда. Виноградов был яростным антисемитом. Впрочем, знатоки утверждали, что подлинным антисемитом он не был, а антисемитизм был для него удобной маской, которую он сознательно на себя надел, чтобы при режиме государственного антисемитизма с успехом извлекать из этого выгоду. Вот, что пишет о Виноградове



Иван Матвеевич Виноградов
(02(14).1891—20.03.1983).

Сергей Петрович Новиков¹:

У математиков большое моральное влияние приобрёл Иван Матвеевич Виноградов. Он встал на путь антиинтеллигентности и доносничества в интересах своей карьеры ещё в 1929—1932 годах, а после войны вдобавок пошёл работать идеологом-антисемитом.

К характеристике Виноградова: он и его клеветы относили искажение истины к числу полезных рабочих инструментов. Ниже мы увидим, что ему неправомерно приписывалось решение знаменитой *проблемы Гольдбаха*. А сейчас обратимся к вопросу о его непрерывном стаже в роли директора Стекловского института. Рассказывает С. П. Новиков²:

В начале 1977 года Виноградов в возрасте 85 лет (ещё редкостно здоровый) переизбирался директором на очередной пятилетний срок. Из Новосибирска мне позвонил А. Д. Александров и спросил: будем ли мы это терпеть? Нельзя ли привлечь Леонтовича и совместно выступить на Общем собрании [Академии наук]? <...> Первой была речь Данилыча (Александр Данилович Александров. — В. У.). Её содержание было для меня неожиданностью. Гениальное — всегда просто. Он начал так: «Распространена официальная справка о Виноградове как директоре института. Она не соответствует действительности. В ней написано, что он — бессменный директор с 1934 года. Все знают, что в годы войны директором был знаменитый математик — академик Соболев. Всё это — клевета на Соболева, попытка аннулировать его заслуги в трудные годы войны и т. д.».

О том, что Соболев какое-то время был директором Математического института, нет ни слова в статье «Соболев Сергей Львович» в Большой Советской Энциклопедии. Напротив, в одноимённой статье в Математическом энциклопедическом словаре (М.: Советская энциклопедия, 1988) об этом сказано, и названы годы его правления: 1941—1943³. Причины ясны: 1-й полутом 24-го тома 3-го издания БСЭ вышел в 1976 году, при жизни Виноградова, а МЭС —

¹ Новиков С. П. Математики и физики Академии 60—80-х годов // Вопросы истории естествознания и техники. — 1995. — № 4. — С. 57.

² Там же. — С. 60—61.

³ Сайт <http://www.mathnet.ru/php/organisation.phtml?orgid=748> приводит более точные данные: с октября 1941 года по февраль 1944 года.

в 1988 году, после его смерти. Ни в одной из официальных биографий Виноградова не удаётся найти указания, что в военные годы директором было другое лицо.

Теперь обратимся к проблеме Гольдбаха.

Начнём с того, что процитируем статью «Гольдбаха проблема» со с. 188 уже упоминавшегося Математического энциклопедического словаря (МЭС):

ГОЛЬДБАХА ПРОБЛЕМА в теории чисел: всякое ли целое число, большее или равное шести, может быть представлено в виде суммы трёх простых чисел? Эту проблему выдвинул в 1742 году Х. Гольдбах в письме к Л. Эйлеру. В ответ Л. Эйлер заметил, что для решения проблемы достаточно доказать, что каждое чётное число есть сумма двух простых.

Напомним, что *простое число* в современном понимании — это такое целое число, которое, во-первых, больше единицы и, во-вторых, не имеет других делителей кроме единицы и самого себя. (Это же понимание было и у Эйлера, а вот Гольдбах причислял к простым числам также и единицу.)

Предположение, что всякое число, начиная с шести, может быть представлено в виде суммы трёх простых чисел, принято называть *гипотезой Гольдбаха* (*the Goldbach conjecture*). Таким образом, проблема Гольдбаха состоит в проверке гипотезы Гольдбаха. Часто проблему Гольдбаха понимают и так: доказать гипотезу Гольдбаха. Эти два понимания по существу не отличаются друг от друга, потому что в математике требование *доказать* почти всегда означает требование *доказать или опровергнуть*. Аналогично, предположение, что каждое чётное число, начиная с четырёх, может быть представлено в виде суммы двух простых чисел, называют *гипотезой Гольдбаха—Эйлера* или, короче, *гипотезой Эйлера*; соответственно, возникает *проблема Гольдбаха—Эйлера*, называемая также *проблемой Эйлера*. Гипотеза Эйлера и гипотеза Гольдбаха оказываются равносильными: из справедливости первой легко следует справедливость второй, и на это обратил внимание Эйлер в своём ответе Гольдбаху, а из справедливости второй следует справедливость первой, что также почти очевидно. Если желают подчеркнуть количество простых слагаемых, которым интересуются, то гипотезу Гольдбаха называют *тернарной гипотезой Гольдбаха*, а гипотезу Эйлера — *бинарной гипотезой Гольдбаха*; соответственно, возникают тернарная и бинарная проблемы Гольдбаха. Из сказанного следует, что

есть только одна гипотеза (соответственно, только одна проблема) Гольдбаха, имеющая различные эквивалентные формулировки.

Ситуация радикально меняется, если изучать тернарную проблему отдельно для чётных и нечётных чисел. Дело в том, что при выводе бинарной гипотезы Гольдбаха (она же гипотеза Эйлера) из тернарной гипотезы Гольдбаха используется предположение о возможности разложения чётных чисел на три простых слагаемых. Если же ограничиться тернарной гипотезой для нечётных чисел, то вывести отсюда бинарную гипотезу Гольдбаха—Эйлера не удаётся. Но именно тернарной гипотезой для нечётных чисел часто и ограничиваются. Такая ограниченная проблема называется *слабой проблемой Гольдбаха*, и она состоит в проверке *слабой гипотезы Гольдбаха (Goldbach's weak conjecture)*⁴: всякое нечётное число, начиная с 7, может быть разложено на три простых слагаемых.

В авторитетном словаре МЭС 1988 года находим утверждение, что проблема Гольдбаха решена. Приведём соответствующую фразу полностью:

Другим следствием метода (1935—37)⁵ было решение ряда аддитивных проблем с простыми числами и, в частности, решение проблемы Гольдбаха.

Эта фраза написана на с. 677 в статье «Виноградов Иван Матвеевич». Итак, с использованием некоего метода была решена проблема Гольдбаха. Осталось узнать, какой из двух возможных ответов был получен на вопрос, составляющий проблему Гольдбаха и сформулированный выше в цитате со с. 188 того же словаря МЭС. Вот тут и возникают трудности: ответ получить не удаётся.

Посмотрим, что сказано в статье «Гольдбаха проблема» в том же словаре. Находим фрагмент:

В 1937 году И. М. Виноградов доказал, что всякое достаточно большое нечётное число представляется суммой трёх простых чисел, т. е., по существу, решил Г. п. для нечётных чисел. Это — одно из крупнейших достижений современной математики.

Что касается оценки того, что сделал И. М. Виноградов, как одного из крупнейших достижений современной математики, то она

⁴ Следует сказать, что термин «слабый» («weak») в данном контексте характерен для англоязычной литературы, в русскоязычной он встречается крайне редко.

⁵ Имеется в виду способ оценки тригонометрических сумм, принадлежащий И. М. Виноградову. — В. У.

вопросов не вызывает. Вопросы вызывают две детали приведённой цитаты. Первая деталь состоит в бросающемся в глаза отличии от того, что написано в МЭС на с. 677. Если там говорится о решении *проблемы Гольдбаха*, то здесь — о решении её частного случая для нечётных чисел, т. е. о *слабой проблеме Гольдбаха*. Вторая деталь состоит в том, что даже для этого частного случая говорится не о всех нечётных чисел, а лишь о «достаточно больших».

Остаётся теперь только проверить все нечётные числа, предшествующие «достаточно большим», на предмет возможности их разложения, и слабая проблема действительно будет решена — а разница между «решена» и «будет решена» не так уж и существенна. Но для этого нужно знать, где начинаются «достаточно большие числа». В теоремах Виноградова таких оценок не приводится.

По счастью, оказалось, однако, что указанные оценки можно извлечь из доказательства указанных теорем. И хотя сам Виноградов не указал нижнего рубежа «достаточно больших чисел», это сделал его ученик Константин Григорьевич Бороздин. Он установил, что методом Виноградова слабая гипотеза Гольдбаха подтверждается для всех чисел, начиная с числа $3^{14\ 348\ 907}$ (это есть 3 в степени 3^{15}); десятичная запись этого числа занимает свыше шести с половиной миллионов знаков. Названное число приблизительно равно знаменитому (наряду с пи) числу e , возведённому в степень $e^{16,573}$. В 1956 году Бороздин слегка улучшил свою оценку, заменив показатель 16,573 на 16,038. Чтобы слабая проблема Гольдбаха была решена, нужно перебрать все нечётные числа, меньшие порога, указанного Бороздиным, и для каждого из них выяснить, возможно или нет разложить его на три простых слагаемых. Пока это человечеству не под силу. В 1989 году китайские математики Ван и Чэнь понизили этот порог до числа, требующего всего лишь примерно 43 тысячи десятичных знаков для своей записи — а именно, до числа e , возведённого в степень $e^{11,503}$. Но и это число слишком велико для того, чтобы в наши дни — а, возможно, и когда-либо в будущем — можно было перебрать и проверить все нечётные числа, меньшие указанного Ваном и Чэнем рубежа.

Приходится признать, что сделанное на с. 677 в МЭС заявление о решении проблемы Гольдбаха несколько преждевременно. В качестве одного из возможных объяснений причин появления этого заявления может быть предложено такое. Статья об И. М. Виноградове на с. 677 в МЭС практически буквально повторяет одноимённую статью из 5-го тома 3-го издания Большой Советской Энциклопедии (БСЭ). Этот том вышел в 1971 году, при жизни Виноградова, скончавшегося

в 1983 году. Директор Математического института имени В. А. Стеклова Академии наук СССР, дважды (в 1945 и 1971 годах) Герой Социалистического Труда академик И. М. Виноградов был всемогущ и мстителен. Вне сомнений текст статьи в БСЭ с ним согласовывался, и утверждение о том, что им решена проблема Гольдбаха, соответствовало его желаниям. Как это ни печально, но роль личности влияет и на утверждения о степени решённости математических проблем.

Чтобы убедиться, что изложенный казус не представляет собою случайного исключения, заглянем в § 1 обзора А. О. Гельфонда «Теория чисел» на с. 53—81 фундаментальной 1044-страничной книги «Математика в СССР за тридцать лет. 1917—1947» (М.; Л.: Гостехиздат, 1948). Мы читаем:

Этот же глубокий метод позволил И. М. Виноградову доказать, что *всякое нечётное число представляется в виде суммы трёх простых чисел*, и решить тем самым знаменитую проблему Гольдбаха. Гольдбах в 1742 году высказал предположение, что всякое достаточно большое нечётное простое число может быть представлено в виде суммы трёх нечётных простых слагаемых. Все попытки доказать это предположение до работ И. М. Виноградова были безуспешны.

Если, в угоду Виноградову, формулировать высказанное Гольдбахом в 1742 году предположение так, как оно сформулировано А. О. Гельфондом, тогда Виноградов действительно решил проблему Гольдбаха. Но, как мы знаем, Гольдбах высказывал другое предположение, в котором ни одно из указанных Гельфондом ограничений на число не фигурировало: не говорилось ни что оно должно быть нечётным, ни что оно должно быть достаточно большим. Подлинная формулировка Гольдбаха была мало доступна советскому читателю в 1948 году. Кстати, Александр Осипович Гельфонд был также очень крупный математик — не менее крупный, чем Виноградов; в частности, в 1934 году им была решена одна из тех двух проблем, которые составили в совокупности знаменитую Седьмую проблему Гильберта.

Заинтересованный читатель может захотеть знать, каково же положение дел с проблемой Гольдбаха на сегодняшний день (21 августа 2016 года). В её полном виде она остаётся нерешённой. По-прежнему неизвестно, всякое ли чётное число, начиная с шести, есть сумма трёх простых чисел (легко видеть, что здесь можно «трёх» заменить

на «двух», не меняя сути вопроса). Что же касается слабой проблемы Гольдбаха (она же тернарная проблема для нечётных чисел), то она решена. Решил её Харальд Андрес Хельфготт (Harald Andrés Helfgott Seier), перуанский математик, родившийся в Лиме 25 ноября 1977 года. Его дед по отцовской линии эмигрировал в Лиму из бессарабского местечка Новоселица (ныне Черновицкая область Украины). Он бакалавр Брандейского и доктор Принстонского университета (оба в США). По состоянию на 2010-е годы Хельфготт проживает в Париже. В 2013 году он опубликовал две статьи, содержащие в совокупности решение слабой проблемы Гольдбаха. Математическим сообществом это решение признано верным. Теперь мы знаем, что каждое нечётное число, начиная с семи, разлагается в сумму трёх простых чисел.

Столетие Лузина; Никольский умер на 108-м году жизни

Наступающий 9 декабря 1983 года столетний юбилей Лузина было решено отметить осенью юбилейного года путём организации Всесоюзной школы по теории функций на родине юбиляра. Большая Советская Энциклопедия, считавшаяся в советское время наиболее авторитетным справочным изданием, сообщала в своём 15-м, вышедшем в 1974 году, томе, что Лузин родился в Томске. В 1988 году эту же информацию подтвердил Математический энциклопедический словарь. И, наконец, факт рождения Лузина в Томске признала Российская академия наук в списке «Действительные члены Российской академии наук с 1724 года» [<http://ras.ru/members/personalstaff1724/fullmembers.aspx>]. Примечательно, что в этом списке историческая справка о Лузине снабжена пометой: «Последние изменения: 02.12.2002»; таким образом, на конец 2002 года Томск считался официальным местом рождения Лузина. И, наконец, открываем на с. 15 книгу: «Российская академия наук. Персональный состав. Книга 2. 1918—1973. Действительные члены; Члены-корреспонденты; Почётные члены; Иностранные члены» (М.: Наука, 2009). Местом рождения академика Лузина назван Томск.

Итак, родина Лузина — Томск. В таком случае естественным организатором Всесоюзной школы оказывался Томский университет. С ним начались переговоры, поначалу он вроде бы согласился и даже почёл за честь. Но вскоре оказалось, что ему, по советским меркам старому (открыт в 1888 году), такое всесоюзное мероприятие не под силу. Тогда было найдено блестящее по остроумию решение: считать, что Лузин родился не столько в Томске, сколько на берегах реки Томь, а потому провести Школу можно на берегу Томи, под Кемерово, за что и взялся молодой и богатый Кемеровский университет, ещё десять лет назад бывший педагогическим институтом. Ранним утром перед своим выступлением я спустился с высокого берега Томи и искупался в реке, обжигающий холод которой оказался для меня неожиданным. Казалось, река ещё не перестала быть горной. Читатель вправе недоумевать, зачем я столь дотошно доказывал, что Лузин родился в

Томске. Потому что в противном случае моё ледяное по ощущению купание в Томи оказалось бы напрасным, каковым оно, возможно, и было. Дело в том, что Википедия, в чью статью «Лузин» я заглядывал многожды, всегда, как мне казалось и кажется до сих пор, называла местом рождения Лузина город Томск. Но когда я заглянул туда в начале июля 2015 года, вместо Томска стоял Иркутск. Надо сказать, что Иркутск не впервые возникает в этом качестве. Ещё в 1974 году ученик Лузина М. А. Лаврентьев опубликовал статью о Лузине: Николай Николаевич Лузин // Успехи математических наук. — 1974 — Т. 29. — Вып. 5 (179). — С. 177—182. В этой статье автор, опираясь на свои детские воспоминания 1910—1911 годов, утверждает, что Лузин родился в Иркутске. Во время работы Всесоюзной школы Иркутск со ссылкой на Лаврентьева иногда всплывал, но гасился подсознательным нежеланием участников Школы признать, что они находятся в ненадлежащем месте. Посмотрим, что пишет Лаврентьев:

Я познакомился с Н. Н. Лузиным, когда мне было 10 лет, в Германии, в университетском городке Гёттингене. Мой отец, так же как Н. Н. Лузин, были командированы своими университетами (Казань¹, Москва) на два года за границу. С самого начала знакомства у нас установилась тесная семейная дружба. Из разговоров взрослых я узнал многое из жизни Н. Н. Лузина и много помню до сих пор.

1. Семья, гимназия, университет. Н. Н. Лузин родился в 1883 году в Иркутске. Отец Николая Николаевича (как говорил Н. Н. Лузин) был наполовину русский, наполовину бурят, мать русская. У отца было мелкое торговое предприятие. Н. Н. Лузин был единственным сыном. Около 1893—1895 годов семья Н. Н. Лузина переехала в Томск, главным мотивом при этом было дать сыну образование. Мальчика определили в гимназию. Довольно скоро обнаружилась неспособность Коля к математике. Взяли студента-репетитора. Студент попался умный, он обнаружил, что Коля плохо воспринимает готовые рецепты, а трудные задачи, где требуется самостоятельная изобретательность, решает сам без подсказки и часто необычным способом. Когда Коля кончил гимназию, отец ликвидировал свою торговлю и семья переехала в Москву, где Коля поступил в университет. Сначала все жили вместе, но глава семьи увлёкся игрой на бирже и проиграл все свои сбережения. Семья переселилась в комнату захудалой гостиницы. Коля со

¹ Отец М. А. Лаврентьева Алексей Лаврентьевич в то время преподавал механику в Казанском университете. — В. У.

своим другом В. А. Костициным поселился в комнате на Арбате в квартире вдовы умершего врача М. Малыгина. Через год или два В. А. Костицин (в связи со своей революционной деятельностью) должен был скрыться. Н. Н. Лузин в комнате остался один. Он женился на Надежде Михайловне, дочке Малыгиных, с которой прожил до своей смерти в 1950 году.

В университете Н. Н. Лузин учился средне, но по вопросам, которые его интересовали, он читал оригинальные статьи, придумывал свои доказательства. На одном экзамене профессор Д. Ф. Егоров обратил внимание на оригинальность ответов Н. Н. Лузина. Д. Ф. Егоров стал приглашать Н. Н. Лузина к себе домой, давал ему трудные задачи. По окончании [Лузиным] университета Д. Ф. Егоров оставил Н. Н. Лузина при университете для подготовки к профессорскому званию — так тогда называлась наша аспирантура.

Школа по теории функций состоялась с 9 по 18 сентября 1983 года; она была прекрасно подготовлена командой во главе с заведующим кафедрой теории функций и функционального анализа мехмата МГУ Петром Лаврентьевичем Ульяновым.

Верховным же руководителем школы был Сергей Михайлович Никольский, заведовавший в Математическом институте имени В. А. Стеклова тем самым отделом теории функций, первым заведующим которого был Лузин. Кстати, С. М. Никольский — старший из всех учеников Колмогорова: он родился, по новому стилю, 30 апреля 1905 года, скончался 9 ноября 2012 года в Москве на 108-м году жизни.

Последний раз я разговаривал с Никольским весной 2008 года, когда ему уже исполнилось 103 года. Мы встретились с ним на некоем мероприятии, он уже нуждался в поддержке при ходьбе и плохо видел. Однако говорил и мыслил совершенно ясно. Мы оба были рады встрече и предались воспоминаниям о наших прошлых контактах. В частности, о свидании в 1961 году в квартире А. А. Ляпунова, который пригласил нас обоих для того, чтобы помочь Никольскому уговорить меня стать главным редактором Реферативного журнала «Математика»; этот пост со времени основания журнала в 1953 году занимал Никольский, а теперь собирался уходить. У меня хватило здравого смысла отказаться.

Думаю, что идея предложить мне должность в Реферативном журнале возникла у Никольского под влиянием его воспоминаний о нашей совместной деятельности в составе редколлегии Трудов Третьего всесоюзного математического съезда, состоявшегося в Москве с 25 июня по 4 июля 1956 года с участием более 2600 советских

математиков. Никольский был ответственным редактором названных Трудов, я же отвечал за материалы секции «Математическая логика и основания математики», а также за предполагаемый специальный пятый том. В этом специальном томе должна была быть опубликована фактическая, т. е. реально осуществлённая, программа Съезда, каковая, как всегда бывает, отличалась от предварительно намеченной и опубликованной в качестве выпущенной к Съезду отдельной брошюры. Моё требование предъявить для опубликования в пятом томе протокол заключительного заседания Съезда, посвящённого организационным вопросам, и, в частности, решение Съезда, казалось мне естественным; Никольский меня поддержал. Несколькими строками ниже станет ясным, почему получить официальное решение съезда было для меня важным. Требование было предъявлено ответственному секретарю Съезда, коим был Н. М. Коробов. Я был едва оперившимся, а то и ещё не оперившимся юнцом, мне ещё не было 26 лет (они должны были наступить в конце ноября), и хитросплетения интриг в высших математических сферах для меня приоткрылись лишь позже. Коробов же уклонялся как от выдачи решения, так и от заявления, что такового не существует. (Последняя фраза его статьи о Съезде в «Математическом просвещении»² вызывает у меня удивление. Она гласит: «На заключительном заседании съезда было принято решение о созыве следующего четвёртого Всесоюзного математического съезда в 1960 году и о целесообразности создания Всесоюзной математической ассоциации». Я присутствовал на этом заключительном заседании, обсуждение вопроса о создании Всесоюзной математической ассоциации было весьма бурным³, но, по моим воспоминаниям, никакого решения по этому вопросу принято не было. Кстати, названная ассоциация создана не была.) Дело в том, что Коробов всего лишь выполнял верховную волю главы съезда Ивана Матвеевича Виноградова⁴. Дело кончилось тем, что

² Н. М. Коробов. Третий Всесоюзный математический съезд. Математика, её преподавание, приложения и история // Математическое просвещение. — Сер. 2. — 1957. — Вып. 1. — С. 177—178. — [<http://mi.mathnet.ru/mp436>].

³ Помню, в частности, слова председательствовавшего М. А. Лаврентьева, прозвучавшие с высоты сцены Актового зала Главного здания МГУ и обращённые к И. М. Гельфанду, находящемуся среди кресел внизу и оттуда требовавшего его не перебивать: «Вы меня перебили, и я вас переблю».

⁴ Позже отношения между Коробовым и Виноградовым испортились, и тогда оказалось, что первому, состоящему на основной работе в академическом Математическом институте, не дозволено работать по совместительству профессором кафедры теории чисел мехмата МГУ. И тогда Коробов, специалист по теории чисел, к математической логике не имеющий никакого отношения,

меня лишили доступа к организационным и архивным материалам съезда, каковой доступ я до того имел и с немалым интересом им пользовался (одни только письма с требованием ограничить участие евреев в Съезде чего стоили!). По моим воспоминаниям единственным решением, действительно принятым Съездом, было обращение в Президиум АН СССР и в Министерство высшего образования СССР с просьбой создать отдел математической логики в Математическом институте АН СССР и кафедру математической логики в МГУ. Это решение было для меня важно вдвойне: как для избравшего своей внутриматематической специальностью математическую логику и как для инициатора решения. Моя инициатива состояла в следующем. В кулуарах заключительного заседания я свёл двух наших выдающихся математических логиков, П. С. Новикова и А. А. Маркова, и объяснил им, что сейчас уникальный момент, который долго ещё не представится, для того, чтобы поднять вопрос о создании отдела и кафедры. Они согласились. Новиков оратор никакой, а Марков блестящий. Ему и поручили выступить. Марков попросил слова, каковое и было ему предоставлено. На фоне острейшей дискуссии о Всесоюзной ассоциации присутствующие с удовольствием выслушали деловое предложение на нейтральную тему, ни у кого не вызвавшее возражений. Съезд единогласно принял соответствующее решение. Решение Съезда было услышано. Отдел в Математическом институте во главе с Новиковым был образован в 1957 году, кафедра на мехмате МГУ во главе с Марковым — в 1959 году.

Вернёмся, однако, к Никольскому. Своё столетие он встретил в достаточно бодром виде, но тогда нашего общения не произошло. В июле 2004 года я встретил С. М. Никольского в добром здравии в Копенгагене, на X Международном конгрессе по математическому образованию. Он не только выступил на Конгрессе с докладом (на английском, разумеется, языке), но и быстрее многих (а младше его были все!) поднимался по лестницам датских замков во время экскурсий. В июне 2003 года, на юбилейной Международной конференции, посвящённой столетию Колмогорова, Сергей Михайлович не только несколько раз выступал, а главное, лучился неподдельным весельем. Преисполненным бодрости он был и 28 августа 2001 года на собрании в Московском педагогическом государственном университете (МПГУ), посвящённом столетию со дня рождения П. С. Новикова, одного из крупнейших российских учёных XX века, с 1944 по 1970 год заведо-

был взят А. А. Марковым на свою кафедру математической логики; свои обязанности по кафедре Коробов понимал правильно: он неукоснительно молча присутствовал на всех заседаниях кафедры.

вавшего в МПГУ⁵ кафедрой математического анализа. Незабываемое впечатление Никольский произвёл на меня 18 ноября 1997 года — в день, когда у подъезда корпуса «Л» Главного здания МГУ состоялось открытие мемориальных досок Колмогорова и Александрова, чьи квартиры располагались в этом подъезде. После митинга и соответствующих речей ведущий церемонию ректор МГУ В. А. Садовничий пригласил нескольких участников в свой кабинет, где было сервировано угощение. Ректор любезно следил, чтобы бокалы присутствующих не были пустыми и сам их пополнял. Сергей Михайлович на моих глазах выпил почти пол-литра водки, а предложение его проводить отверг, с обиженным видом ответив так: «Я пока ещё не забыл номера своей квартиры».

Возглавлявшуюся Никольским Всесоюзную школу по теории функций принял хороший шахтёрский пансионат, расположенный в живописном месте, на высоком берегу Томи; сами шахтёры отсутствовали. Мы с моим учеником Владимиром Григорьевичем Кановеем вместе читали двухчасовую лекцию (час я, час он) «Н. Н. Лузин и современное развитие дескриптивной теории множеств». Всего в течение конференции было прочитано 8 лекций, 12 пленарных докладов и 93 секционных доклада, распределённых по четырём секциям.

Уже на месте, накануне нашей с Кановеем лекции, оказалось, что нам не хотят давать два часа, поскольку предельное время для лекции было час. Однако два часа — это было условие, поставленное мною ещё в Москве и, как я считал, принятое оргкомитетом. Мой довод состоял в том, что по существу это две лекции, со своим лектором для каждой, хотя и с общим названием. К тому же наши лекции были единственными выступлениями на тему дескриптивной теории множеств — тему, бывшую, по моему ощущению, для Лузина едва ли не главной и наиболее близкой его менталитету. (Как всегда бывает в таких случаях, некоторые из выступлений вообще не имели никакого отношения к лузинской тематике. Что до дескриптивной теории множеств, то к моменту проведения школы интерес к ней на мехмате практически угас⁶; когда в 1947 году я поступал в МГУ,

⁵ Тогда МПГУ назывался МГПИ — Московским государственным педагогическим институтом имени Ленина; это был крупнейший педвуз страны.

⁶ Это подтверждается, в частности, моим телефонным разговором с П. С. Александровым, который в начале XX века внёс выдающийся вклад в эту теорию. Как-то в 1970-х годах, уже после 9 января 1975 года (дня смерти П. С. Новикова) я позвонил ему и спросил, кто сейчас главный специалист по дескриптивной теории множеств; у этого специалиста я имел в виду получить квалифицированную консультацию. Ответ Александрова меня ошеломил и огорчил. Он ответил: «Вы». Если все остальные понимают в дескрипции меньше меня, то дело плохо.

эту теорию уже мало кто знал, но ещё считалось хорошим тоном относиться к ней с почтением.) Предложенное сокращение времени многими членами оргкомитета отнюдь не воспринималось как сокращение, а лишь как наведение справедливого порядка. Однако я с этой точкой зрения не согласился и отказался читать лекцию. Произошёл небольшой скандал, оргкомитет срочно собрался на «чрезвычайное» заседание, на котором, как я потом узнал, Никольский меня поддержал. «Во-первых, он прав», — как мне передавали, сказал Никольский. Его поддержка решила дело. После лекции я настолько выдохся, что отправился в лес — хочется назвать его тайгой, но не знаю, имею ли на это право — лёг там навзничь и часа два лежал в полной прострации. Кусачие существа, видя моё состояние, меня пощадили.

В 1985 году вышел мемориальный 243-й выпуск «Успехов математических наук», посвящённый Лузину (УМН, том 40, выпуск 3 (243)). Во вступительной статье П. Л. Ульянова «Николай Николаевич Лузин (К 100-летию со дня рождения)» повторялась традиционная версия, что Лузин родился в Томске. В этом выпуске были, в частности, опубликованы относящиеся к Лузину тексты двух великих математиков, Колмогорова и Лебега: данное мне Колмогоровым интервью под названием «Ученик об учителе», перепечатанное в настоящей книге на с. 216—219, и ранее не переводившееся на русский язык предисловие Лебега к французскому оригиналу монографии Лузина «Лекции об аналитических множествах и их приложениях». Кановой и я опубликовали в этом выпуске содержание своей лекции в виде двух отдельных статей: В. А. Успенский «Вклад Н. Н. Лузина в дескриптивную теорию множеств и функций: понятия, проблемы, предсказания» (с. 85—116); В. Г. Кановой «Развитие дескриптивной теории множеств под влиянием трудов Н. Н. Лузина» (с. 117—156).

В моей статье, как это отражено в её названии, рассказывалось не столько о теоремах, доказанных Лузиным, сколько о введённых им понятиях, таких как униформизация, решето, конституанта, проективное множество. (Уместно вспомнить мнение Колмогорова, настаивавшего на том, что полноценная научная работа может состоять из одних вводимых понятий — в презумпции их ценности.) Почти столь же существенными были несколько поставленных Лузиным проблем. Неразрешимость некоторых из этих проблем была предсказана Н. Н. Лузиным ещё в 1925 году (при том, что первые результаты о неразрешимости теоретико-множественных гипотез появились лишь в 1963 году).

В один из дней, ближе к концу Школы, несколько участников были доставлены в кабинет ректора Кемеровского университета для ритуальной встречи и ритуальной же беседы за мини-фуршетом. Там я удостоился лестного для себя сравнения с Н. Н. Лузиным, тем более лестного, что я — через Колмогорова — являюсь одним из многих «научных внуков» Лузина. Я сделал в адрес школы комплимент, сказав, что её высокий уровень проявился, в частности, в том, что все многочисленные громкоговорители на аллеях пансионата молчали. Услышав это, С. М. Никольский посмотрел на меня не без некоторой злости и сказал: «Похвалить таким образом мог бы только один человек». «Кто же это?», — спросил я. «Николай Николаевич Лузин», — отвечал Никольский.

Закрытие Школы состоялось 18 сентября, разъезд (для многих, если не для большинства участников — разлёт) был назначен на 20-е, а день 19-го сентября был отведён для речной экскурсии. Предполагалось, что теплоход повезёт нас вверх по реке до каких-то гор и скал, где в пещерах якобы сохранились наскальные изображения. (Пишу «якобы», потому что мой приятель Ростислав Борисович Климов⁷, который под конец жизни стал изучать петроглифы, объяснял мне, что самое трудное это не понять петроглиф, а отличить его от следов оленьей мочи.) В день закрытия Школы состоялся банкет, почти роскошный. На банкет был приглашён капитан экскурсионного теплохода. Капитан явился в полной парадной форме, сверкавшей знаками его капитанского величия. Его посадили на почётное место, окружили знаками внимания и напоили вдрызг, что, как увидит почтенный читатель, привело к некоторым последствиям. Скорее всего впрочем, он уже явился на банкет не вполне трезвым; во всяком случае, ставя своё судно у берега он посадил его на мель, о чём нам предстояло узнать на следующее утро.

В назначенный час утром 19 сентября участники школы собрались на речном берегу и увидели впечатляющий теплоход. И началось то, что я ненавижу: бессмысленное ожидание неизвестно чего⁸. Прошло не менее часа, пока выяснилось, чего, или, точнее, кого мы ждали.

⁷ Климов не имел никаких чинов и регалий, работал скромным редактором в издательстве, однако, по словам лиц, мнению которых я доверяю, был крупнейшим искусствоведом нашей страны.

⁸ Такое ожидание обычно происходит при разъезде с Летних лингвистических школ в Дубне. Участники Школы с вещами около часа стоят у автобуса, долженствующего отвезти их в Москву, и ожидают сигнала к отъезду, каковой должен поступить неизвестно от кого. В Летних математических школах дело обстоит не так. Все быстро собираются у автобуса, грузятся и отбывают.

Мы ждали буфетчицы, без которой экскурсия считалась невозможной. Необходимый товар (конфеты и прочее) уже был на теплоходе, а вот чего не было, так это магазинных весов.

Весы были как бы неотъемлемой частью буфетчицы (думается, потому, что были настроены для обвеса специальным образом, известным только ей). Но нести весы самой ей было не под силу: они были слишком тяжелы. Так что надо было ещё найти человека, согласившегося эти весы донести до теплохода и погрузить на него. Наконец, проблема весов была решена, и, казалось, ничто не мешает нам взойти на теплоход и отплыть. Не тут-то было.

Наш капитан уже не столь сверкал, как накануне, и было видно, что накануне он крепко выпил. Никакого подобия пристани не было. Нас не пускали на теплоход, пока он не будет полностью готов к отплытию. А он готов не был по следующей причине: судно слишком глубоко вдавилось в берег и простые способы, чтобы отчалить, не действовали. Говоря попросту, капитан посадил его на мель. К счастью, среди участников Школы был рослый грузин могучего телосложения. Не был ли он потомком титана, прикованного к одной из скал Кавказских гор недалеко от современного Кутаиси? Он оказался нашим спасителем. Спаситель явился на берег с огромным бревном, упёрся им в борт теплохода и толкнул судно на воду. Гипотеза о титаническом происхождении нашего грузина подтвердилась. На берег был брошен пассажирский трап, и участники школы, наконец, погрузились. Но приключения этим не кончились.

Мы отплыли на расстояние шаговой, считая по берегу, доступности и почувствовали удар: казалось, что теплоход на что-то наткнулся. Он действительно наткнулся на бревно, плывущее ему навстречу. Бревно проткнуло обшивку судна, и вода стала проникать в трюм. Теплоход стал слегка тонуть. Но погружение сумели сравнительно быстро предотвратить — не знаю, откачкой или заплатой. Как бы то ни было, движение вперёд нашего судна прекратилось. Я увидел несколько отдельных брёвен, плывущих нам навстречу. Они были расположены необычно — не горизонтально, а наклонно, так что передняя часть бревна торчала из воды, а задняя была скрыта под водой. Это был авангард молевого сплава, запрещённого в России с осени 1995 года. Вскоре мы оказались окружёнными сплошным ковром из брёвен. Хотя нас уверяли, что скоро всё наладится и мы поплывём дальше, но уверения звучали как-то неубедительно. Я пошёл за благо добраться до берега. И совершил действие, категорически недопустимое: я пошёл к берегу по коврику из брёвен. Этого, как всем известно, делать нельзя по следующей причине: стоит оступиться и

провалиться в воду между брёвнами, как брёвна сомкнутся над тобой и твоя гибель обеспечена. Но я был так раздражён всем происходящим, что раздражение перевесило здравый смысл и опасения за свою жизнь. Боги пощадили меня, и я благополучно дошёл до берега и оказался в знакомых мне местах, куда иногда совершал прогулки. Дойти оттуда до пансионата не составило труда.

Юбилейный 1983 год завершился состоявшимся 13 декабря в МГУ совместным заседанием Московского математического общества и механико-математического факультета, посвящённым 100-летию со дня рождения Лузина. Заседание имело следующую повестку:

1. Вступительное слово Президента Московского математического общества А. Н. Колмогорова.

2. С. М. Никольский «О Всесоюзной школе по теории функций, посвящённой 100-летию со дня рождения академика Н. Н. Лузина (Кемерово, 9—19 сентября 1983 года)».

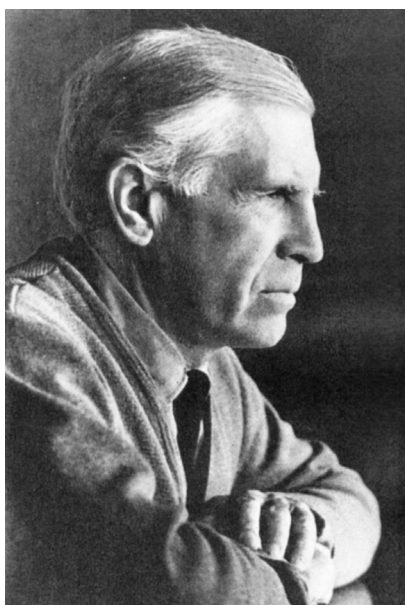
3. П. Л. Ульянов «О работах Н. Н. Лузина по метрической теории функций».

4. Е. П. Долженко, Г. Ц. Тумаркин «Н. Н. Лузин и теория граничных свойств аналитических функций».

5. В. А. Успенский «Н. Н. Лузин и дескриптивная теория множеств».

О Л. С. Понтрягине¹

Колмогорова Понтрягин не любил озлобленно. Нездоровую озлобленность Понтрягина по отношению к Колмогорову я имел случай наблюдать, когда в 1980 году в качестве зрителя присутствовал на докторской защите Аркадия Мальцева в Математическом институте имени Стеклова.



Лев Семёнович Понтрягин
(21.08(03.09).1908—03.05.1988).

Стоило Мальцеву во вступительном слове сказать, что некоторая проблема была поставлена Колмогоровым, как Понтрягин взорвался. «При чём тут Колмогоров, — почти закричал он с места. — Если проблема важная, то так и скажите и объясните, почему важная. Если неважная, то незачем о ней и говорить». Раза два Мальцев забылся и снова упомянул Колмогорова, и снова произошла истерическая вспышка Понтрягина. Колмогоров, разумеется, знал об отношении Понтрягина к себе и что тот пользуется каждой возможностью вставить ему палки в колёса. Как-то, обсуждая со мной свою предстоящую поездку за рубеж — а всякая такая поездка требовала одобрения начальства, без которого нельзя было пересечь границу, — Колмогоров сказал мне: «Ну, тут уже даже Лев Семёнович не сможет меня не пустить».

¹ От издателя. В последние годы жизни Евгения Фроловича Мищенко — ученика Льва Семёновича Понтрягина и на некотором этапе близкого друга — у нас состоялось множество бесед. Из разговоров о жизни Л. С. я вынес, что появление в его жизни второй жены — Александры Игнатьевны — разделило жизнь Л. С. на «до» и «после». Со временем А. И. отдала от него прежних учеников, включая Мищенко, и именно она привнесла

Далее цитата из автобиографической книги Понтрягина; при ссылках эта книга будет обозначаться закурсивленным началом её названия: *Жизнеописание*².

В телевизионной передаче «Сегодня в мире» я сам слышал выступление комментатора В. Зорина, в котором он сообщал, что среднее математическое образование в СССР поставлено очень хорошо и что ему даётся высокая положительная оценка печатью Соединённых Штатов. Нет сомнений, что похвала врагов есть дурной признак. Это было уже в самом конце 70-х годов. Стоит заметить, что сам А. Н. Колмогоров в это время получил Государственную премию Израиля³. Возможно, там высоко оценили тот разгром, происходящий в средней школе Советского Союза.

(*Жизнеописание*, с. 16.)

в его жизнь то нематематическое, что он делал и писал в этот период жизни. Евгений Фролович говорил, что он не может её осуждать, так как она подарила Понтрягину счастье семейной жизни. Почти весь этот период жизни Понтрягина Е. Ф. и Л. С. не общались, и лишь перед смертью Л. С. у них состоялось несколько разговоров, которые подтвердили такое понимание метаморфоз. Но во всех разговорах со мной Евгений Фролович повторял, что прежде всего Лев Семёнович Понтрягин — выдающийся математик и так и надо о нём судить. (Н. Н. Андреев.)

² Полное название: *Жизнеописание Льва Семёновича Понтрягина, математика*, составленное им самим. — М.: ИЧП «Прима В», 1998. — 304 + 16 с. Книга выложена в Интернете: <http://www.ega-math.narod.ru/LSP/book.htm>. Поражает отсутствие информации о редакторе книги. На с. 5 в издательском предисловии говорится:

Текст публикуемого ниже «*Жизнеописания...*» был написан, по воспоминаниям вдовы Льва Семёновича — Александры Игнатьевны Понтрягиной, после тяжёлой болезни, зимой 1982—83 года, и подготовлен к изданию по рукописи, представленной вдовой.

Книга насквозь лична и субъективна, но в ней хорошо отражена эпоха развития науки в Советском Союзе, в частности — развитие математики. Она поражает своей правдивостью и открытостью. <...>

Автор, в силу трагичности своей судьбы, не мог вести дневников, но его цепкая память и острый ум позволили подметить и сохранить в памяти мельчайшие подробности. Привлекает жанровая непривычность и нетривиальность этой книги. И хотя отзывы могут быть диаметрально противоположными, книга нужна и интересна.

Под трагичностью судьбы имеется в виду полная потеря Понтрягиным зрения в 13-летнем возрасте (*Жизнеописание*, с. 10). Открытость книги беспрецедентна. У изрядного числа читателей её текст вызывает отвращение — у некоторых до такой степени, что они отказываются держать книгу у себя дома. Я не уверен, что у большинства людей, включая меня, получилось бы что-нибудь менее отвратительное, пиши они с такой же открытостью.

³ Колмогоров действительно получил в 1980 году одну из самых престижных в то время математических премий — премию Вольфа. Однако государствен-

Это замечательное — хотя и ложное в части утверждения о государственном статусе премии — высказывание Понтрягина удачно соединяет в себе три направления его ненависти: к Колмогорову, к проводимой им реформе математического образования, к евреям. Другое высказывание Понтрягина хорошо дополняет только что процитированное: «Позже, когда издание было подготовлено к печати, Колмогоров уже не числился его главным редактором, а главным редактором был его ближайший сотрудник Шилов, который позже уехал в Израиль. Всё собрание статей оказалось низкокачественным и грубо тенденциозным. Так что Отделение [математики Академии наук] вынуждено было признать его негодным, и, уже набранное к печати, оно было уничтожено и не напечатано». По-видимому, речь идёт о подготовленном издании «Математика в СССР за 50 лет»; по отзывам лиц, которым я доверяю, оно оказалось слишком объективным для начальников Отделения математики АН СССР (в частности, недостаточно их возвеличивающим и перегруженным евреями). Что до Георгия Евгеньевича Шилова, то никуда он не уезжал и скончался в январе 1975 года в Москве на 58-м году жизни.

И Колмогоров, и реформа образования, и евреи были объектами понтрягинской ненависти не всегда.

Здесь мы сделаем перерыв в изложении, чтобы дать читателю общее представление о Понтрягине. Его отец, Семён Акимович Понтрягин, родился в 1875 году в городе Трубчевске, тогда Орловской губернии, участник русско-японской войны. После продолжительного немецкого плена во время Первой мировой войны стал работать счетоводом в Москве, но вскоре тяжело заболел, стал быстро терять трудоспособность и в 1927 году умер. Мать, Татьяна Андреевна Петрова, а после замужества в 1907 году Понтрягина, родилась в 1880 году крестьянкой Ярославской губернии, выучилась в Москве на портниху.

Татьяна Андреевна была выдающейся женщиной: в биографии Понтрягина она сыграла решающую роль. Свидетельствует Л. С. Понтрягин (*Жизнеописание*, с. 23—24):

Не имея никакого систематического образования, она помогала мне готовить уроки, когда я был в школе, читала мне книжки

ной она не является. Сообщает Википедия: «Премия Вольфа присуждается в Израиле с 1978 года Фондом Вольфа (The Wolf Foundation). Премия вручается ежегодно в шести номинациях: сельское хозяйство, химия, математика, медицина, физика и искусство. <...> Фонд имеет статус частной некоммерческой организации. <...> Премия Вольфа — одна из немногих негосударственных премий, имеющих комплексный характер, т. е. охватывающих сразу несколько сфер человеческой деятельности». — В. У.

не только по гуманитарным разделам школьной программы, но и по математике, которой совершенно не знала, причём книги по математике далеко выходили за пределы школьной программы.

Когда я готовился к поступлению в университет, она за десять дней прочла мне 700 страниц обществоведения. От этого чтения мы с ней совершенно одуревали.

<...> Когда я стал студентом университета, она читала мне довольно много книг по математике, в частности на немецком языке, которого также совершенно не знала. Позже помогала мне в моей научной работе, читая книги по математике на русском и немецком языке, вписывала формулы в мои математические рукописи, которые я писал сам на машинке, пропуская места для формул. Часть формул в моей первой книге «Непрерывные группы» (которая стала впоследствии очень известной) были вписаны ею, и работа над редактированием рукописи проводилась частично с нею.

Очевидную трудность представляли математические символы. Рассказывают, что Понтрягин предложил своей матери называть их как угодно, но только всегда одинаково. По свидетельству сайта <http://www.univer.omsk.su/omsk/Edu/Math/ppontragin.htm>, она передавала знак пересечения множеств \cap словами «хвосты вниз», а знак включения \subset словами «хвосты вправо». Так, с помощью матери, Понтрягин поступил в 1925 году на физико-математический факультет Московского университета. Учиться в Университете ему помогала феноменальная память, позволяющая не только понимать, но и запоминать лекции со слуха. После окончания Университета, с 1929 по 1931 год, Понтрягин обучается в аспирантуре у П. С. Александрова, учеником которого он сделался, ещё будучи студентом. В 1939 году Понтрягина избирают членом-корреспондентом, а в 1958 году — академиком Академии наук СССР. Он становится признанным классиком в области топологии. Википедия в своей русскоязычной версии называет его «одним из крупнейших математиков XX века». Мне показалось интересным мнение о Понтрягине как о математике американского математического сообщества. В ответ на мой запрос один из весьма авторитетных американских математиков, лауреат премии Абеля⁴ 1915 года Луи Ниренберг (Louis Nirenberg) написал мне: «I believe that the math'ns in this country have high regard for

⁴ Премия Абеля, наряду с медалью Филдса, считается высшей наградой в области математики; и ту, и другую часто называют «математической Нобелевкой».

him. As for rating, “very eminent mathematician” seems appropriate». (Это свидетельство Ниренберга тем более весомо, что он является одним из 16 математиков, подписавших в 1978 году известную статью в «Заметках Американского математического общества», в которой Понತ್ರягин объявлен в качестве одного из главных антисемитов — см. ниже с. 474.)

Свои труды Понತ್ರягин первоначально печатал на машинке, оставляя место для формул, потом стал диктовать помощникам, а затем стал широко использовать магнитофон.

Вернёмся к тому месту изложения, на котором мы прервались, чтобы сообщить основные биографические факты о герое нашего очерка. Прервались мы на абзаце:

И Колмогоров, и реформа образования, и евреи были объектами понತ್ರягинской ненависти не всегда.

Начнём с евреев. Сам Понತ್ರягин не считал себя антисемитом и при случае говорил, что борется не с евреями, а с сионистами. Надо сказать, что даже между сионистами имеются разногласия относительно того, что есть сионизм. Наилучшее определение, которое мне довелось услышать, таково: «Сионист — это такой еврей, который хочет, чтобы всякий другой еврей ехал в Палестину». Поясню, что это определение принадлежит старым временам, когда Палестина воспринималась как географическая территория и не была разделена на еврейскую и арабскую части. Надо сказать, что заявление: «я не против евреев, я против сионистов» является одной из двух стандартных отговорок антисемитов. (Вторая такова: «У меня есть приятель, и он еврей».) Вот что Понತ್ರягин пишет о сионистах (*Жизнеописание*, с. 144):

...На мир стала надвигаться новая волна сионистской агрессии. Так называемая шестидневная война 1967 года, в которой Израиль разгромил Египет, резко подхлестнула её и содействовала разжиганию еврейского национализма. Я сам, будучи в санатории «Узкое», неоднократно слышал издали ярко выраженные националистические разговоры групп евреев, отдохавших в санатории. Сионистская волна этого периода носила выраженный антисоветский характер.

И далее (*Жизнеописание*, с. 181): «...Сионистские круги упорно стремятся представить Эйнштейна единственным создателем теории относительности». Для психологии Понತ್ರягина весьма характерна его реакция на дело члена-корреспондента Левича, решившего эмигрировать в Израиль. В 1972 году Левич подал документы на выезд в

Израиль, в связи с чем произошло немедленное расформирование возглавляемой им кафедры химической механики механико-математического факультета МГУ. Разрешения Левич не получил, а был отовсюду уволен. В 1977 году возглавил семинар учёных-отказников (значение слова «отказник» будет объяснено ниже). Шум, поднятый за рубежом, заставил всё-таки выпустить Левича, и в 1978 году он оказался в Израиле. По этому поводу Понtryгин пишет (*Жизнеописание*, с. 144): «...Я не знаю и не понимаю, почему его так долго не выпускали в Израиль. Я считаю, что человек, который хочет покинуть Советский Союз, уже не может быть ему полезен». Первая фраза показывает, что Понtryгин не имел ни малейшего представления об актуальной в 1960—1970-е годы проблеме отказа советских властей в праве евреев на свободную эмиграцию в Израиль — отказа, сопровождавшегося увольнением, а иногда и тюремным сроком⁵. Вторая фраза показывает, что Понtryгину была не чужда психология рабовладельца.

Считается, что Понtryгин сыграл немалую роль в исключении Григория Маргулиса из советской делегации на XVIII Международный конгресс математиков в Хельсинки, где Маргулису должны были вручить самую престижную в мировой математике награду — Филдсовскую премию и медаль. Отсутствие Маргулиса на конгрессе стало скандалом.

С 1970 по 1974 год Понtryгин — вице-президент Международного союза математиков, а с 1974 по 1978 год — член Исполкома этого союза, представляя в нём СССР как великую математическую державу. По словам Понtryгина, с этого поста он был отозван Президентом АН СССР А. П. Александровым. Вот как он описывает свою борьбу с сионистами во время работы в Исполкоме:

...Будучи членом Исполкома, я упорно сопротивлялся давлению международного сионизма, стремящегося усилить своё влияние на деятельность Международного союза математиков. И этим вызвал озлобление сионистов против себя. Думаю, что, отстраняя меня от работы в этой международной организации, А. П. Александров сознательно или бессознательно выполнял желание сионистов.

⁵ Так, Натан Щаранский и Йоэль Эдельштейн, подавшие заявление об эмиграции в 1973 и, соответственно, 1979 годах, заплатились тюремными сроками: Щаранский с 1977 по 1986 год, Эдельштейн с 1984 по 1987 год; тюрьма окончилась разрешением на эмиграцию. Я выделил этих двух персонажей ввиду высокого положения, которое они обрели в Израиле: там они стали создателями партии, министрами в правительстве, членами Кнессета. С 18 марта 2013 года Эдельштейн — спикер Кнессета.

Конфликт между американскими сионистами и советскими математиками наметился уже на Международном конгрессе 1974 года в Ванкувере и стал совершенно открытым на конгрессе в Хельсинки в 1978 году. Там среди участников конгресса распространялась многотиражная рукопись под названием «Положение в советской математике», в которой ряд ведущих советских математиков, в том числе я и Виноградов, обвинялись в антисемитизме. Там же на небольшом митинге выступил со злобной речью, направленной против Советского Союза, советский эмигрант Е. Б. Дынкин. Несколько позже в американской печати, в «Заметках американского математического общества» и в журнале «Science», появились статьи с обвинением в антисемитизме, направленные против Советского Союза и советских математиков. Эти статьи инспирировались эмигрантами, выехавшими из Советского Союза в США, имея визы в Израиль⁶.

Как указано на с. 210 *Жизнеописания*, в ноябрьском за 1978 год номере «Записок» («Notices») Американского математического общества появилась статья «Положение в советской математике», в которой говорилось об антисемитизме в советской математике и среди главных антисемитов назывался Понтрягин. В *Жизнеописании*, на с. 215, Понтрягин опровергает обвинение в антисемитизме на примере конкретной цитаты из названной статьи в «Notices»:

Цитата: «Дискриминация евреев в этой области началась в последнем десятилетии. Ярким примером является история «Математического сборника». После смерти И. Г. Петровского⁷ в 1975 году была назначена новая редколлегия во главе с Понтрягиным...». И дальше идёт таблица, из которой следует, что при Петровском было 34% еврейских работ, при моей редакции — 9%. Это рассматривается как антисемитизм. Причём только проценты принимаются во внимание. Не указывается ни одного случая отклонения хорошей работы автора еврейской национальности. Да таких случаев и не было!

Автор этих строк не согласен с Понтрягиным и считает указанное соотношение процентов проявлением антисемитизма. Конкретного

⁶ Автор цитаты явно осуждает тех, кто, получив визу в одну страну, оказался в другой. Но забывает упомянуть, что получение разрешения на выезд в Израиль было единственным способом эмиграции из СССР. — В. У.

⁷ Петровский умер 15 января 1973 года. — В. У.

«случая отклонения хорошей работы автора еврейской национальности» журналом «Математический сборник» привести не могу, но убеждён, что такие случаи были. Приведу, однако, эпизод из собственной жизни, вызвавший раздражение семитофилов. Во второй половине 1960-х годов одному алгебраисту из провинции удалось защитить докторскую диссертацию. Это рассматривалось как невероятная удача, почти чудо: он был еврей. Но ВАК докторскую степень не утвердил. «Прогрессивная общественность» тут же сочла диссертацию замечательной и была возмущена. Я неосторожно сказал: «Я готов признать диссертацию замечательной, если мне предъявят какое-либо доказательство её высокого качества, кроме двух очевидных: автор еврей, а диссертация отклонена ВАК». С другой стороны, могу привести следующий эпизод отклонения ВАК высококачественной диссертации. О нём мне в январе 2016 года напомнил Е. И. Гордон: «...Потрясающий случай с Винбергом, которого в ВАК завалил Понтрягин, думая, что он еврей, а когда ему сказали, что Винберг швед, он сказал: „Что же вы раньше мне об этом не сказали“. Я слышал об этом давно, но несколько лет назад, когда Винберг приезжал делать доклад на Нижегородском мат. обществе, Г. М. Полотовский, спросил его, было ли это, и Винберг подтвердил».

Об антисемитизме Понтрягина много написано, и я не хочу повторяться. Гораздо интереснее, что антисемитом, как уже сказано, Лев Семёнович был не всегда. Евреев мы видим среди его ближайших друзей и учеников. Жду стандартного комментария: «Каждый антисемит оправдывается тем, что у него есть приятель еврей». К Понтрягину это не относится. Он действительно не был антисемитом. Но стал им.

Первым аспирантом Понтрягина, с 1932 по 1935 год, был Израиль Исаакович Гордон (04(17).06.1910—22.04.1985), всего на два года младший своего руководителя. Между ними возникла близкая дружба, что отражено в их переписке. Сохранились 159 писем Понтрягина к Гордону и — не полностью — одно письмо Гордона Понтрягину.

Понтрягин писал письма сам, точнее сказать, сам печатал на машинке вслепую. Конечно, опечаток было больше обычного, но не настолько, чтобы создавать серьёзные помехи в чтении.

Сын Израиля Исааковича, Евгений Израилевич Гордон (р. 17.08.1949), тоже математик, подготовил указанные письма к печати, перенумеровал и вместе со своими «Вступительными замечками» опубликовал в «Историко-математических исследованиях» (Сер. 2. — Вып. 9(44). — М.: Янус-К, 2005. — С. 14—208); письмо И. И. Гордона, в составе примечания № 456, содержится на с. 206. Затем все письма

Понತ್ರягина к Гордону (увы, без нумерации оных) были выложены в Интернет: <http://7iskusstv.com/2011/Nomer11/EGordon1.php>. Если в первых двух письмах, от 1 апреля 1937 года и от 17 марта 1938 года, Понತ್ರягин обращается к адресату по имени отчеству и подписывается «Л. Понತ್ರягин», то уже с третьего письма, датированного 14 мая 1940 года, обращение меняется на «Дорогой Изя», а подпись — на «Лёва». Последнее из опубликованных писем датировано 29 ноября 1969 года. Приведу его полностью:

29/11/69
Дорогой Изя,

только вчера мы с женой вернулись из США, где провели около пятидесяти дней, в основном, в Стенфордском Университете около Сан-Франциско. Разница во времени одиннадцать часов, так что ночь и день меняются местами. Это при моей бессоннице чрезвычайно мучительно, так что около недели в Стенфорде я был нетрудоспособен. Читал там лекции. Оказалось, что переводить с русского на английский некому, и мне пришлось самому говорить по-английски. Когда я узнал об этом, то пришёл в отчаяние и думал, что придётся мне уехать, но потом стал сам говорить по-английски. Конечно, мой язык был далёк от совершенства, и трудиться мне пришлось очень много, как над математикой, так и над языком. Было по две лекции в неделю, по сорок пять минут каждая. Зато я сделал очень много в математике и английский уже не так пугает меня. На международном конгрессе смогу читать доклад по-английски уже без всякого страха.

В Ницце мы также были, а, кроме того, два раза по научным делам ездили в Тбилиси и отдыхать в Крым, но отдых не удался, жена чувствовала себя там очень плохо. Зато в Стенфорде климат отличный, сухо и тепло, и она чувствовала себя хорошо, правда, приходилось заниматься хозяйством. Мы жили не в гостинице, а на квартире, готовила жена, но это было очень приятно и значительно дешевле, чем в столовых.

Вообще весь год был очень утомительный. Зимой были ремонтные дела отопления на даче, а предыдущим летом — ремонт квартиры.

Перед самым отъездом в Америку от нас ушла домработница, и теперь мы в трудном положении. Мама так стара, что за ней требуется уход, и теперь она в санатории Узкое, но придётся ей вернуться, да и стоит это триста семьдесят рублей в месяц, что и при моём заработке слишком много.

Вот такие, в общем, дела. Жизнь как будто идёт интересно, но уж так нагружена, что мне трудно.

За время пребывания в США получил ряд новых результатов и замыслов, думаю уже написать книжку по дифференциальным играм, так что своей научной деятельностью доволен.

Шлю Вам и Нине⁸ сердечный привет.

Лёва

Е. И. Гордон в последних строках своих заметок пишет: «Контакты И. И. и Л. С. прекратились в первой половине 1969 года». Между тем только что приведённое письмо датировано 29 ноября 1969 года. Вот, что он написал мне 28 августа 2015 года:

Действительно, здесь есть неточность. Я имел в виду личные контакты. Последний разговор по телефону состоялся у них в феврале 1969 года. Папа тогда приехал в Москву на похороны своего шурина и ему понадобился телефон личного врача Л. С., которая приходилась нам дальней родственницей. Обычно раньше, когда он приезжал в Москву, Л. С. всегда выражал желание с ним повидаться. Однако последнее перед этим звонком время он несколько раз уклонялся от встречи под предлогом занятости. В этот раз он тоже не предложил встретиться, а после упомянутого Вами письма и на письма отвечать перестал. Так что папа тоже перестал ему писать.

До появления статьи с автобиографией Л. С. в «Успехах» в 1979 (?)⁹ папа категорически отказывался верить до него слухам об антисемитизме Понтрягина. Он говорил, что этого не может быть, так как Л. С. очень умный человек. Когда его при этом спрашивали, почему же Л. С. прекратил с ним отношения без всяких причин, папа отвечал примерно следующее: скорее всего, поскольку я перестал активно работать, то просто перестал быть ему интересен — такое с ним бывало и раньше, что он переставал общаться с людьми, к которым терял интерес. Папа говорил это безо всякой обиды.

Когда появилась эта статья, он был в совершеннейшем шоке, однако практически никогда её не обсуждал и на эту тему не

⁸ Нина Александровна Губарь (29.07.1915—13.08.1994) — жена И. И. Гордона с лета 1938 года, мать Е. И. Гордона. — В. У.

⁹ Имеется в виду статья Л. С. Понтрягина «Краткое жизнеописание Л. С. Понтрягина, составленное им самим», опубликованная в «Успехах математических наук» в 1978 году (т. 33, вып. 6, с. 7—21), <http://mi.mathnet.ru/umn3582>. — В. У.

разговаривал. Только иногда, когда происходили какие-нибудь интересные события, у него вырывалось: «Жалко, что нельзя обсудить это с Лёвой...», как будто бы Лёва уже умер.

Скорее всего, зная папину резкость и прямоту, Понತ್ರягин понимал, что ему не избежать папиных вопросов. Но мне кажется, что доля истины была и в папиной версии — ведь с Рохлиным Л. С. не переставал общаться до самой смерти.

Можно предполагать, что И. И. Гордон счёл свидетельствами антисемитизма такие пассажи статьи Понತ್ರягина: «Он [И. М. Виноградов] стремился собрать у себя лучших молодых учёных» (с. 15) — при том, что евреев Виноградов на работу не брал; «Знакомясь со списками издаваемых книг, я был поражён однообразием имён авторов» (с. 20) — с очевидностью подразумевались имена евреев; «Была попытка со стороны сионистов забрать Международный союз математиков в свои руки. Они пытались провести в президенты Международного союза математиков профессора Н. Джекобсона — посредственного учёного, но агрессивного сиониста. Мне удалось отбить эту атаку» (с. 21).

Как бы то ни было, в *Жизнеописании* имя Гордона, бывшего почти тридцать лет близким другом Понತ್ರягина, даже не упоминается.

Отступление о статье Понತ್ರягина «Краткое жизнеописание...» в «Успехах математических наук» за 1978 год. В статье ни разу не встречается слово «еврей». Декларируется лишь борьба с сионистами.

В таких случаях обвинения в антисемитизме обычно оспариваются антисемитами. Следующий, не привлёкший, кажется, внимания исследователей эпизод российской истории показывает, однако, что в глазах советской власти разницы между евреями и сионистами, в сущности, не было.

Президент США Ричард Никсон в качестве президента посетил Москву дважды. Первый визит состоялся с 22 по 30 мая 1972 года, второй — с 27 июня по 3 июля 1974 года. Через месяц с небольшим после второго визита, 9 августа, произошла знаменитая отставка Никсона под неминуемой угрозой импичмента. Визит 1972 года был первым официальным визитом действующего президента США в СССР (участие Президента Рузвельта в Ялтинской конференции трёх великих держав в феврале 1945 года официальным визитом в СССР не считается). Грандиозность этого события понималась обеими сторонами, прежде всего, советской. Москва была серьёзно зачищена, как человечески, так и архитектурно. Так, благодаря этому визиту появился пустырь у Кремля со стороны Боровицкого холма, между

домом Пашкóва и Кремлём. Столичные старожилы в шутку называли это место «лужайкой Никсона»: свободное пространство здесь появилось в 1972 году, в преддверии приезда Никсона. До этого между Знаменкой и Моховой располагался жилой квартал. Накануне визита дома, включая дома XVII—XVIII веков, снесли, чтобы придать парадному въезду в Кремль торжественный вид. В тени этого «великого» визита как-то потерялся второй визит. Меж тем он-то нам и нужен.

Как хорошо известно, многие советские евреи хотели эмигрировать в Израиль. Для этого необходимо было подать властям соответствующее заявление. В редких случаях просьба об эмиграции удовлетворялась. В большинстве случаев поступал отказ. Получивших отказ называли *отказниками*, или находящимися *в отказе*. Быть в отказе было чревато неприятностями: отказника, как правило, понижали в должности или даже увольняли, их детям отказывали в приёме в вузы, не говоря уже о невозможности поступить в аспирантуру, и т. п. Во время визита в Москву президента США Никсона власти решили предотвратить приезд в Москву евреев из других городов, опасаясь, что те устроят публичные протестные мероприятия, требуя разрешить желающим эмиграцию в Израиль. Эти мероприятия должны были привлечь внимание зарубежных корреспондентов, собравшихся в Москве по случаю приезда Никсона, а то и самого Никсона или хотя бы его свиты. Разумеется, речь шла о предотвращении наплыва в Москву не евреев, а «сионистов». Мне рассказывали, что в Риге так называемых «сионистов», уже купивших билет на поезд Рига—Москва и занявших место, выдворяли из этого поезда. Когда те, которым поручили осуществлять выдворение, спросили на инструктаже, как отличить сиониста, им было отвечено: «По внешнему виду».

Следующий фрагмент статьи «Краткое жизнеописание...» содержит утверждение, которое будет признано неправдой любым независимым судом. Читателю-нематематику нет нужды вникать в математическую суть дела. Достаточно понимать следующее. Понтрягин пишет, что в 1936 году он получил замечательный результат, окрасивший весь год: в каком-то случае некоторых сущностей оказалось ровно две. Однако Понтрягин не пишет, что тогда, в 1936 году, он «решил» задачу неверно. У него тогда получилось не две сущности (как на самом деле), а одна. Он исправил ошибку только через 13 лет. Вот что написано на с. 14 «Краткого жизнеописания...»:

В 1936 году в начале лета я решил эту задачу для $k = 1$ и $k = 2$. К моему удивлению, оказалось, что при $n \geq 3$ имеется лишь

два класса отображений $(n + k)$ -мерной сферы на n -мерную сферу для указанных случаев. Этот результат так поразил меня, что и до сих пор 1936 год кажется мне как бы отмеченным им.

А вот что Понತ್ರягин пишет Гордону 5 января 1949 года:

У меня — интересные математические новости. Помните мою заметку о классификации отображений сферы размерности на два больше, чем та, в которую отображаем, тот случай, когда получался только один класс отображений. Так вот, в этой заметке я при попытке написать полное изложение нашёл ошибки почти что вычислительного характера. Оказалось, что классов отображений имеется ровно два, метод доказательства по существу тот же, что был, но в некоторый момент рассуждения переходят на другие рельсы, и вместо деформации в точку получается новый инвариант, который может принимать значения нуль и единицу. Хотя, конечно, неприятно обнаружить враньё в работе, сделанной тринадцать лет назад, но прежний результат кажется мне теперь тривиальным и бесперспективным. Новый же открывает перспективы дальнейших исследований, и вдохновлённый этим я теперь стараюсь продвинуться сколько-нибудь в том смысле, чтобы найти новые нетривиальные отображения сфер. Для размерности три мне, кажется, уже удалось найти четыре класса различных отображений вместо известных до сих пор двух. Мне бы очень было неприятно, если бы моё враньё обнаружил не только я, но и другие. Точнее, я опасаясь, что одновременно с моей заметкой в ДАН¹⁰ появится какая-либо работа, в которой будет установлено враньё и доказан мой теперешний результат. Заметку я уже написал весьма спешно, доказательство рассказывал Рохлину, и вместе проверяли, заметка появится в конце февраля.

Конец отступления о статье Понತ್ರягина «Краткое жизнеописание...» в «Успехах математических наук» за 1978 год.

Письма Понತ್ರягина Гордону производят сильное впечатление своей человечностью. Вот, например, что он пишет 26 ноября 1965 года своему другу, находящемуся в это время в больнице: «Не знаю, смогут ли мои письма развлечь Вас, но буду стараться». Письма могут и не произвести такого впечатления на неподготовленного читателя: «Письма, как письма», подумает неподготовленный читатель. Но читатель, предварительно прочитавший *Жизнеописание*, мог ожидать

¹⁰ Желаящие смогут найти эту заметку в «Докладах Академии наук СССР» (ДАН). — В. У.

проявлений явно или скрыто выраженной в письмах злобности их автора и быть впечатлён их отсутствием. Как уже говорилось, у большинства моих собеседников, мнение которых о *Жизнеописании* было мне известно, это мнение было крайне отрицательным; текст книги воспринимался как нечто чудовищное. По меньшей мере один читатель нашёл книгу столь отвратительной, что не стал держать её у себя дома. Следует, однако, принять во внимание, что своё *Жизнеописание* Понтягин писал уже на склоне своих лет и — позволительно предположить — при каком-то участии Александры Игнатьевны, размер которого трудно оценить. Кроме того, текст предельно откровенен. Не знаю, каким оказался бы текст другого автора, пишущего на таком же уровне откровенности.

Ниже будет приведён ещё один пример «человечного» письма. Понтягин пишет Елене Феликсовне Пуриц (1910—1997), с которой познакомился в начале 1930 годов в каком-то санатории или доме отдыха. Он влюбился в неё и даже сделал формальное предложение, не имевшее успеха. Вступить в брак ему хотелось не только в силу лирических чувств, но и потому, что он чрезвычайно стремился поехать в США. Приехать туда, причём на год и с матерью, его в 1932 году приглашал знаменитый американский тополог Солон Лефшец (Solomon Lefschetz, 03.09.1884, Москва — 05.10.1972, Принстон). Понтягин надеялся, что в Америке ему сумеют помочь со зрением. Однако поездка без матери для него была невозможна, а власти СССР к этому времени стали выпускать лишь тех, кто мог оставить заложника.

Е. Ф. Пуриц впоследствии вышла замуж за статистика и математика Герша Исааковича Егудина (1908—1984), друга Л. К. Чуковской, и сменила фамилию на фамилию мужа, так что Понтягин пишет уже Е. Ф. Егудиной¹¹. Егудины пережили зиму в блокадном Ленинграде, потеряли родителей и дочку, эвакуировались на Кавказ. После прорыва немцев они вынуждены были оттуда бежать и оказались в Ташкенте, где вначале поселились у Л. К. Чуковской. Теперь предоставим слово Никишке, как её называет Понтягин в своём письме. Ныне, в 2015 году, Никишка — это Никита Дмитриевна Введенская, доктор

¹¹ Родилась в 1910 году в Петербурге, в семье присяжного поверенного. Окончила немецкую школу (Анненшуле), Ленинградский педагогический институт имени Герцена. Окончив аспирантуру, преподавала в институте Герцена, занималась немецкой литературой, переводила Гейне. Была вынуждена уйти из института в результате антисемитской космополитической кампании. Перешла в Финансово-экономический институт, где заведовала кафедрой иностранных языков. Умерла в 1997 году в Петербурге.

(<http://www.famhist.ru/famhist/ap/001dbcf9.htm>.)

физико-математических наук, сотрудник Института проблем передачи информации Академии наук. Мы знакомы с весны 1949 года, когда она заканчивала первый, а я — второй курс мехмата МГУ. Никита — дочь профессора Дмитрия Алексеевича Введенского (январь¹² 1887 — 11.09.1956), основателя урологии в Узбекистане и самого, пожалуй, обаятельного человека из всех, кого мне довелось знать. К сказанному — следующий комментарий из статьи Н. Д. Введенской на сайте Полит.ру: <http://polit.ru/article/2014/09/21/vvedenskaya/>:

Мне очень повезло. Мне было лет 12, когда у нас поселились люди, эвакуированные из Ленинграда: статистик Герш Исаакович Егудин и его жена, замечательная женщина — Елена Феликсовна Пуриц. Нас, как и всех, уплотняли. У нас было две комнаты. Сначала приезжали родственники, но потом они уже вернулись в Москву, а тут, в конце 1942-го, как раз стало известно, что папу мобилизуют. Он сам хотел на фронт, но ему поначалу отказывали: немолодой профессор, заведующий клиникой, консультант всех эвакогоспиталей, тогда он стал хлопотать через разных влиятельных людей и, наконец, добился. И тогда мы стали искать, как самоуплотниться. Через знакомых узнали, что есть некая ленинградская семья, мы познакомились, они стали жить у нас, и мы так сдружились, что стали совершенно родными людьми.

Через Елену Феликсовну Егудину Никита познакомилась с Понтрягиным. И вот, наконец, письмо Л. С. Понтрягина Е. Ф. Егудиной — из Москвы в Ленинград, куда после окончания войны вернулись Егудины. Текст этого письма мне прислала Н. Д. Введенская, у которой хранится машинописный подлинник.

13/4, 53

Дорогая Рыба-Килька¹³, поздравляю Вас с днём рождения. Никишка говорила мне, что, если я напишу Вам, то смогу надеяться на ответ. Вдохновлённый этим, я решил написать Вам. Опять же Никишка говорит, что, быть может, Вы соберётесь в Москву; для всех Ваших друзей это было бы большой радостью. Приезжайте, Лиля, быть может, и для Вас это будет приятно, если не полезно. Относительно возможной пользы пока прогнозов делать невозможно, но скорее нужно думать хорошо, чем плохо. Я теперь уговариваю Никишку поступать в аспирантуру, на что

¹² Месяц январь — и по старому, и по новому стилю. Более точной даты установить не удалось.

¹³ «Килька» — это было прозвище Е. Ф. Пуриц, вызванное её худобой. — В. У.

имеются весьма реальные возможности. Математики теперь дефицитный товар, и спрос на них всюду большой. Ввиду этого есть возможность поступать в аспирантуру, но Никишка сомневается, так как считает, что ей уже теперь следует зарабатывать деньги, ввиду плохого здоровья её отца. Объясните этой глупой девчонке, что ради будущего можно немного потерпеть. Кажется, в давние времена объяснял это Вам. Воспользуйтесь своим авторитетом и скажите Никишке, что аспирантура лучше, чем секретная работа, даже с готовой комнатой. Мы с Вами очень давно не разговаривали, и даже неизвестно, что сообщить. Отмечу важное событие. Прошедшим летом я, будучи на Кавказском побережье, заболел плеввропневмонией и, находясь в глухой грузинской деревне, где не было врача, решил спешно уехать в Кисловодск в санаторий АН СССР. Там меня хотели заморить врачи-гады, собрались лечить аспирином, но благодаря вмешательству начальства приглашён был Вовси¹⁴, который сразу принял решительные меры, так что через две недели я уже встал с постели. В течение зимы я долго сомневался: не отравлен ли я, но теперь успокоился. Вовси вылечил меня от субфебрильной температуры, но не вылечил от бессонницы, которая прогрессирует, так что я, в общем, довольно дохлый. Ввиду того, что теперь всюду предъявляют большие требования в смысле выполнения служебных обязанностей и ввиду дохлости, я взял отпуск в Университете и тружусь только в Академии Наук. По указанию начальства стараюсь освоить новую область математики, имеющую прикладное значение. Это дифференциальные уравнения и их приложения в теории колебаний и теория регулирования. Обыкновенные уравнения — это у нас в стране беспризорная область науки. Полагаю, что, будучи женой математика, Вы владеете терминологией, и потому позволяю себе высказываться по столь специальному вопросу. Здоровье мамы для её возраста удовлетворительно.

Шлю Вам сердечный привет. Пишите, милая Лиля, и ещё лучше — приезжайте в гости.

Лёва.

¹⁴ Мирон Семёнович Вовси (1897—1960), знаменитый врач-терапевт, один из создателей военно-полевой терапии. Двоюродный брат — артист С. М. Михоэлс. Дети двоюродной сестры — математики А. М. и И. М. Ягломы. Был арестован в конце января 1953 года по так называемому «делу врачей-убийц», подвергнут пыткам и объявлен главарём антисоветской террористической организации. После смерти И. В. Сталина дело было прекращено, М. С. Вовси освобождён.

Из приведённых писем видно, что отношение Понತ್ರягина к евреям было совершенно нормальным. Нормальное отношение — это когда человек не различает, с кем он имеет дело, с евреем или неевреем. Для него это столь же безразлично, как, скажем, размер обуви того, кто составляет предмет его интереса в данный момент. Глупо же спрашивать, например, «Как Вы относитесь к тем, кто имеет сороковой номер обуви?». Чтó привело к такому повороту в психологии Понತ್ರягина — об этом можно только догадываться.

Нейтральное отношение к евреям Понತ್ರягин проявлял до поры до времени. «Мне хочется понять, почему я стал объектом столь злобных нападков со стороны сионистов. В течение многих лет я широко использовался еврейскими советскими математиками, оказывал им всяческую помощь. В частности, я помог Рохлину¹⁵ выбраться из проверочного сталинского лагеря и устроиться на работу¹⁶. Я даже готов был поселить его в своей квартире. Теперь они об этом уже не помнят. Правда, в конце 60-х годов, когда я понял, что используюсь евреями в их чисто националистических интересах, я перестал оказывать им помощь, но вовсе не стал действовать против них» (*Жизнеописание*, с. 214). Соответствие действительности заключительных слов этого текста после союза «но» вызывает большие сомнения. Возникает естественный вопрос, что привело к антисемитскому повороту в психологии Понತ್ರягина. Думается, что здесь сыграли роль два фактора. Во-вторых, дух антисемитизма, которым был пропитан кабинет директора Математического института имени

¹⁵ Владимир Абрамович Рохлин (23.08.1919—03.12.1984) окончил мехмат в 1935 году, в числе его учителей были Колмогоров и Понತ್ರягин. Пошёл добровольцем на фронт, попал в плен, бежал, продолжал воевать в Красной армии, был арестован и попал в проверочный лагерь. Из лагеря смог выйти на свободу, благодаря заступничеству Колмогорова и Понತ್ರягина. Вот выдержка из их письма народному комиссару внутренних дел СССР: «Настоящим просим Вас обратить внимание на судьбу Владимира Абрамовича Рохлина, возвратившегося из немецкого плена и находящегося в настоящее время в Коми АССР (Железнодорожный район, посёлок Вожаель, 243/14). Владимир Абрамович Рохлин является, по-видимому, самым выдающимся и одарённым из молодых математиков Москвы, проходивших аспирантуру к моменту начала войны. <...> ...Мы считаем, что в интересах развития советской математики было бы крайне желательно предоставить В. А. Рохлину возможность в ближайшее время вернуться в аспирантуру для продолжения научной работы под нашим руководством. 13 февраля 1946 года. Академик А. Н. Колмогоров. Член-корреспондент АН СССР Л. С. Понತ್ರягин» (цитируется со с. 464 книги: *В. А. Рохлин. Избранные работы. Воспоминания о В. А. Рохлине. Материалы к биографии* / Под ред. А. М. Вершика. — 2-е изд., доп. — М. МЦНМО, 2010. — 576 с.)

¹⁶ Рохлину, из-за пребывания в плену, отказывали в приёме на работу и учёбу.

Стеклова АН СССР (не имеет значения, был ли директор Виноградов истинным юдофобом или всего лишь, по выражению С. П. Новикова «пошёл работать антисемитом»). Но это «во-вторых». А во-первых, влияние его второй жены (с 1958 года) Александры Игнатьевны. А. И. Понтрягина была врачом по профессии и, как мне рассказывали, лечила его, на каковой почве они и познакомились. Понтрягин был к ней очень привязан и очень уважал. Кажется очевидным, что для незрячего человека роль информации, поступающей через слух, гораздо выше, чем для зрячего человека. Слыша то, что говорили в Стекловском институте и, главное, дома, нетрудно было стать антисемитом и проникнуться убеждением, что евреи его используют. «Александра Игнатьевна иногда беседует по телефону с Виноградовым, причём разговаривают они по часу и более. <...> Надо сказать, моя жена отлично разбирается в академических делах и этим здорово помогает мне»¹⁷ (*Жизнеописание*, с. 200). По доходившим до меня сведениям Александра Игнатьевна была убеждённой антисемиткой. А Лев Семёнович видел мир её глазами. И не критически слушал то, что она ему говорила.

То, что было намечено сказать об антисемитизме Понтрягина, сказано. Перейдём к следующему предмету его ненависти — Колмогорову. Вот что Понтрягин пишет о Колмогорове:

А. Н. Колмогоров пользуется во всём мире репутацией выдающегося советского математика. Я познакомился с ним в 1929 году и в течение многих лет поддерживал близкие отношения... <...> А. Н. Колмогоров оказал на меня существенное влияние, прежде всего как математик, как старший товарищ. <...> Мои отношения с Колмогоровым в течение ряда лет были если не дружественными, то, во всяком случае, вполне доброжелательными. Они <...> начали портиться в начале 50-х годов, когда я занялся прикладными вопросами математики: теорией управления и теорией колебаний. И совсем испортились в 1975 году, когда, став главным редактором журнала «Математический сборник», я исключил из состава редакции Колмогорова, который числился в ней около тридцати лет. Я говорю «числился», потому что он не присутствовал на заседаниях редакции последние семнадцать лет <...>, что я установил из протоколов. Именно по этой причине я исключил его из состава редакции. (*Жизнеописание*, с. 18—19.)

¹⁷ Так, именно ей пришла идея выдвинуть Л. Д. Фаддеева сразу в академики, минуя стадию члена-корреспондента. Она сообщила эту идею Виноградову, и он её принял (*Жизнеописание*, с. 200).

Комментарий к той части цитаты, которая касается «Математического сборника».

Журнал «Математический сборник» был основан в 1866 году в процессе преобразования математического кружка, созданного в 1864 году профессором Московского университета Н. Д. Брашманом, в Московское математическое общество. Первый выпуск журнала вышел в свет в октябре 1866 года. Создание Московского математического общества завершилось в январе 1867 года официальным утверждением его устава и списка учредителей. На одном из ближайших заседаний Общества было принято решение о периодичности выпуска журнала «Математический сборник». Первоначально журнал выходил четыре раза в год и издавался на средства членов Общества и частных пожертвователей. С 1894 года журнал начал получать финансовую поддержку от государства. С 1956 года «Математический сборник» стал выходить ежемесячно.

(<http://www.mathnet.ru/php/history.phtml?jrnid=sm&wshow=history>.)

Мне не удалось установить, когда именно Советская власть перестала терпеть, чтобы ответственность за издание авторитетного журнала возлагалось на такую чисто общественную, формально никому не подчиняющуюся и действительно довольно независимую организацию, как Московское математическое общество (ММО). Она, власть, приписала к числу соиздателей свою Академию наук (АН СССР; предположение, что АН СССР также никому не подчиняется, могло вызвать только смех). А потом АН СССР вовсе вытеснила ММО из числа соиздателей. Как бы то ни было, при назначении Понತ್ರягина главным редактором в 1975 году ММО ещё писалось в шапке титульного листа журнала, а Колмогоров был Президентом ММО. Изгонять из редколлегии Президента одной из двух издающих организаций было, на мой взгляд, недопустимым и неприличным. К тому же фраза «Именно по этой причине», мягко говоря, не вполне честна. Достаточно открыть *Жизнеописание* на с. 189 и прочесть: «А Колмогорова исключил вполне сознательно, ввиду своих радикальных расхождений с ним во взглядах».

Хотя автор этих строк присутствовал при начале колмогоровской реформы школьного математического образования и даже принимал некоторое участие¹⁸ в этом начинании, он не берётся назвать точную дату начала реформы. Да и существовала ли таковая? Можно

¹⁸ Так, он самонадеянно полагает, что это он, на одном из совещаний, посвящённых реформе, выступил с инициативой удалить комплексные числа из

принять, что реформа началась в конце 1960-х годов. Эта реформа, как и всякая реформа, начала встречать непредвиденные трудности при своём осуществлении. Постепенно становились недовольны и школьные учителя, и академики, и даже я, прямой и восторженный колмогоровский ученик. Учебники, выпущенные под эгидой моего Великого Учителя, которые я раскрывал с априорным уважением, меня разочаровывали, иногда очень сильно. В прессе стали появляться статьи критической направленности. Наконец, в сентябре 1980 года в журнале «Коммунист», официально определяемом как «теоретический и политический журнал Центрального комитета КПСС», вышла статья Понtryгина «О математике и качестве её преподавания»¹⁹ с критикой колмогоровской реформы (впрочем, имя Колмогорова в статье не было упомянуто) и сочувственным послесловием редакции. Наибольшее раздражение автора вызвало внедрение в школьную программу понятия множества. Цитата из статьи (с. 105 журнала; с. 277 *Жизнеописания*):

...Слово «множество» совершенно безвредно, а, в общем, бесполезно. Но в модернизированных учебниках и программах оно возведено в ранг научного термина, и это повлекло за собой уже серьёзные последствия. Сразу же появились и такие понятия, как «пересечение множеств», «объединение множеств», «включение множеств». И вводятся соответствующие знаки.

На той же странице Понtryгин протестует против слова «конгруэнтный»:

Никакой строитель не будет говорить о двух «конгруэнтных балках» (или закройщик из ателье о двух «конгруэнтных кусках ткани»), а будет говорить о равных, или одинаковых балках (кусках ткани).

программы средней школы. Возражений против этой инициативы было два. Первое состояло в том, что комплексные числа играют первостепенную роль в математике; с этим аргументом я совершенно согласен, но не вижу в нём основания для включения комплексных чисел в программу средней школы. Второй аргумент более серьёзен, и он был высказан на указанном совещании И. М. Ягломом. «Очень важно понимать, что каждое алгебраическое уравнение имеет корень», — сказал Яглом. На это я возразил так: «Ещё важнее понимать, что не каждое алгебраическое уравнение имеет корень. Уравнение $x^2 = -1$ не имеет корня среди действительных чисел точно так же, как уравнение $x^2 = 2$ не имеет корня среди чисел рациональных». В итоге Колмогоров выступил за изъятие из программы комплексных чисел.

¹⁹ Л. С. Понtryгин. О математике и качестве её преподавания // Коммунист. — 1980. — Сентябрь. — № 14. — С. 99—112. — Тираж 891 000 экз. Перепечатано в дополнении к *Жизнеописанию*, с. 270—283.

Соглашаясь с Понтрягиным в его ощущении языка строителя или кройщика, автор этих строк, тем не менее, остаётся решительным сторонником математического термина «конгруэнтный» и его употребления в математике. Кроме критики школьных учебников, Понтрягин заодно (начиная со с. 100—102 в журнале; с. 271—273 в *Жизнеописании*) критикует, не называя автора по имени, брошюру Ю. А. Петрова «Философские проблемы математики» (М.: Знание, 1973). К сожалению, Ю. А. Петров допускал недостаточно продуманные формулировки, например: «...Понятие формулы (предложения) языка является чисто синтаксическим (формальным), не опирающимся на содержание (семантику) и независимым от него». У специалиста по математической логике эта формулировка не вызовет возражений, для неспециалиста же требует разъяснений, а иначе может вызвать гневную реакцию. Понтрягин называет эту формулировку «принципиально ложной».

Следует признать, что статья Понтрягина содержит и разумную критику реформы. Она не вызывала бы моего протеста и отвращения, если бы не место публикации — журнал «Коммунист»; хуже в этом отношении была бы только публикация в газете «Правда». Сколь бы справедливой ты ни считал свою позицию, нельзя в споре с оппонентом обращаться к официальному печатному органу дьявольской власти²⁰. А ведь Понтрягин гордился этим: «...Публикация в руководящем партийном органе — журнале „Коммунист“ в 1980 году моей статьи по вопросам преподавания математики в школе указывает на то, что я пользуюсь у советских властей доверием» (*Жизнеописание*, с. 213). (Кстати, Понтрягин был беспартийный.) По существу, статья Понтрягина вписывалась в жанр публичного политического доноса.

В № 18 за тот же 1980 год, на с. 119—121, в рубрике «После выступления „Коммуниста“» сообщалось как о положительной реакции читателей, от учителей средних школ до академиков, на статью Понтрягина, так и о положительной реакции различных комиссий, советов и т. п. Не скрывалось, что среди откликов имеются «выдержанные в полемическом тоне письма академика С. Л. Соболева, доцента В. П. Стратилатова, профессора Ю. А. Петрова».

²⁰ Не скрою, что есть и другие мнения о природе этой власти. В 1920-х годах председателя Русской православной церкви за границей митрополита Антония (Храповицкого) спросили: «Можно ли считать, что Советская власть — Антихристова?». — «Много чести, — отвечал митрополит. — Просто разбойники».

По моей просьбе Н. Д. Введенская («Никишка» из письма Л. С. Понтрягина к Е. Ф. Пуриц) написала свои воспоминания о Понтрягине, которые, с её позволения, публикуются здесь:

О Льве Семёновиче Понтрягине я услышала ещё до войны, не зная его имени. Мой дядя²¹, который преподавал начертательную геометрию (был профессором), решил защищать докторскую диссертацию. Защита была в Москве, где — не знаю. И вот я помню, как тётя читает при мне письмо о том, как на защиту пришла группа математиков во главе со слепцом. Этот слепец очень резко выступил и провалил защиту.

А познакомила меня с Понтрягиным летом 1947 года Елена Феликсовна Пуриц, близкая знакомая Понтрягина.

Елена Феликсовна Пуриц и её муж математик Герш Исаакович Егудин сыграли большую роль в моей жизни, с Еленой Феликсовной я очень дружила до самой её смерти. Семья Егудиных оказалась в Ташкенте в 42 году, после эвакуации из Ленинграда весной 42-го года на Кавказ, а потом пешего бегства из Эссентуков от немцев. Когда мой папа уезжал на фронт и мы оставались с мамой вдвоём, они поселились у нас «на уплотнение». Так получилось, что мы стали очень близкими людьми.

Елена Феликсовна была филолог, германист. У неё был дар дружить с людьми, среди её друзей было много не только гуманитариев, но и физиков, математиков. Тут я не могу не упомянуть её короткие воспоминания о Л. Д. Ландау «ДАУ, лето 1937-го» в сборнике «Советская жизнь Льва Ландау глазами очевидцев», составленном Г. Е. Гореликом и Н. А. Шальниковой. Со Львом Семёновичем Елена Феликсовна познакомилась в 30-х годах в санатории для научных работников. Он в те годы был в неё влюблён. Потом они дружили, думаю, до начала 60-х годов. Елена Феликсовна говорила, что в первые годы она не ощущала слепоты Понтрягина. Настолько, что однажды, когда они ждали трамвая она (близорукая) спросила: «Лёва, Вы не видите, какой номер подходит?». Он только сказал: «Ой, Лиля».

Во время войны Лев Семёнович послал Елене Феликсовне

²¹ Дядя — это Миша Громов, муж Верочки — папиной сестры, они потом жили в Москве, я жила у них на первом курсе. (Сплетня: Когда ташкентского математика Романовского кто-то спросил, какой математик Громов, он ответил: «У него хороший виноградник».) В проваливании диссертации Громова, как и в борьбе с Зельдовичем (о ней ниже — В. У.) проявилось важное качество Понтрягина: он был человек страстный.

в блокадный Ленинград продуктовую посылку (правда, она, к сожалению, не дошла).

Елена Феликсовна была прекрасной рассказчицей и пересказчицей, много рассказывала мне и о жизни вообще и о своих знакомых. Поэтому мои воспоминания о Понтрягине во многом опираются и на её рассказы.

Я знала (от Елены Феликсовны), что отец Понтрягина был из казаков, но это скрывалось, а мать — из деревни. Она была женщиной очень сильного характера и необыкновенно много сделала для сына. Как-то она сказала Елене Феликсовне: «Я так привыкла читать Лёвущке математику не понимая, что не понимаю даже, когда читаю ему Толстого». Когда они ездили на юг к морю, Лев Семёнович любил заплывать вдаль, а она стояла у воды и свистела в свисток. Она была домашней портнихой и рассказала мне однажды, как обидно ей было, что заказчицы подозревали её в краже части ткани. «Только один раз, — говорит, — я так обозлилась на свою же родственницу, которая стала у стола, чтобы следить за раскроем, что при ней отрезала кусок и отбросила, а она внимания не обратила. Из этого куска потом Лёвущке штанишки сшила».

Летом 47 года я с родителями была в Москве, Елена Феликсовна приехала из Ленинграда повидаться с нами и познакомила меня со Львом Семёновичем, поскольку я через год хотела поступать на мехмат. Потом она была в Москве и летом 1948 года, когда я поступала. Видимо, Лев Семёнович разрешил мне позвонить ему. Он был человеком любопытным до людей, а его возможности были всё-таки очень ограничены, может быть, ему показалось интересным со мной пообщаться.

Из той же деревни, что мать, была и первая жена Льва Семёновича Тася. Я её в Москве не видела, она уже переехала в Ленинград, Лев Семёнович к ней ездил. Там же я с ней познакомилась, когда они вместе пришли к Егудиным в гости. (В тот раз Лев Семёнович принёс в подарок Елене Феликсовне фарфоровую фигурку тигра, сказал, что хотел принести льва, но такой не нашлось.) О Тасе (я не знала её отчества) Л. С. рассказывал Е. Ф., что когда она стала готовить диссертацию (по биологии), всё описание её работы и её выводов записал Л. С. Вышло несколько страниц. Но оказалось, что текст должен был быть гораздо длиннее. «Я воду лил, лил...», — рассказывал Л. С., получилось несколько десятков страниц. А на защите специально отмечали чёткость и краткость изложения.

Лев Семёнович долго очень хорошо относился к Ефремовичу, который преподавал на мехмате, когда Л. С. поступил туда, и был в группе сильных студентов, сформированной Вадимом Арсеньевичем (отношение изменилось много позже). После выхода из лагеря Ефремович несколько лет жил у Понтрягиных. А много лет спустя я узнала историю, которую Лев Семёнович под секретом рассказал Елене Феликсовне: «Лиля, если об этом узнают, погибнут два человека — Вадим Арсеньевич и я». Чтобы жить в Москве, нужна была прописка. Ефремовичу в прописке отказали. Тогда Лев Семёнович обратился с просьбой о прописке к Сталину. Из канцелярии Сталина на просьбу пришёл отказ. А Ефремовича вызвали в жилищный отдел и прописали. Видимо, туда пришло извещение о просьбе и они решили, что это значит «Да». Так вот, Лев Семёнович скрыл отказ, хоть и понимал, что рискует.

Я бывала у Понтрягина раз, иногда два, в месяц. В годы моей аспирантуры, когда ходила на его семинар по уравнениям, немного чаще. Мы шли гулять по улицам, а потом возвращались, и Татьяна Андреевна поила нас чаем с хорошими конфетами. Поэтому и с Татьяной Андреевной я была тоже знакома. Прогулка вечером — это отдых от работы. Мы разговаривали о событиях вокруг и в мире, о книгах. У Понтрягина была большая библиотека, и ему как член-кору присылали планы издательств. Он их показывал и просил посоветовать, что выписать (а ведь тогда выпущенную книгу нелегко было купить). Книги он давал читать, надо было только расписаться в специальной тетради, что и когда взяла. Когда я увидела название его мемуаров, вспомнила, что ему нравилось жизнеописание Бенвенуто Челлини. Говорили и об общих знакомых, Лев Семёнович любил поговорить о людях.

Лев Семёнович, встречая гостя, прежде всего предлагал вымыть руки. Говорил, что отказывалась только Лидия Корнеевна. Он вообще любил рассказывать о своих знакомых и как-то сказал мне: «Говорят, что Делоне сплетник. Это неверно, Делоне враль, а сплетник — это я». Некоторые «сплетни» я помню.

После войны директором Стекловки был С. Л. Соболев. Математики были им недовольны, он был склонен наводить дисциплину. Решили просить его уйти из директоров и договорились, что Лев Семёнович, М. А. Лаврентьев и кто-то третий (забыла кто) пойдут разговаривать с Соболевым. Условились встретиться у Льва Семёновича, он жил с Соболевым на одной лестничной площадке. Ждут — пождут, нет Лаврентьева. Решили идти вдвоём. Звонят в дверь, а Лаврентьев уже там сидит.

Лев Семенович дружил с Андроновым, у того было много общественных обязанностей и заседаний (был чуть ли не членом Верховного Совета²²), и он советовался, как научиться отключаться во время заседаний и думать. А ещё Лев Семёнович рассказал, что когда вышла книга Андропова, Витта и Хайкина, Витт был уже арестован и имя его сняли, а на обложке книги оказалось: «Андронов и Хайкин». Весь тираж пере-переплетали.

«Когда я кончил университет, — рассказал Л. С., — у нас отношения с Павлом Сергеевичем стали портиться. Но потом мы оба поняли, что нам друг от друга никуда не уйти, и отношения наладились». «Все должны заниматься прикладной деятельностью, — это из поздних 1950-х, — вот у Павла Сергеевича есть такая деятельность — он ездит за границу». И ещё об Александрове он как-то сказал: «Когда Павел Сергеевич узнал о женитьбе Андрея Николаевича, он так расстроился, что его было даже жалко».

Лев Семёнович, конечно, знал себе цену. Елене Феликсовне он рассказал как-то, что был у него ученик, у которого всё не получалась диссертация. «Ну, я подкинул ему идейку». А оппонентом был Павел Сергеевич, и он написал на полях работы: «Узнаю Льва по когтям».

Я не помню, много ли мы говорили о Лузине, а вот о пощёчине Колмогорова говорили, когда пощёчину кому-то дал М. М. Постников и его понизили на несколько месяцев в должности. Лев Семёнович заметил, что и Колмогорова в своё время понизили в должности, т. е. фактически в обоих случаях был штраф.

Лев Семёнович много общался с Люстерником. Был такой рассказ: «Звонит Люстерник, начинает говорить о работе, которую он сейчас делает. Я ему говорю: «Лазарь Аронович, у меня сейчас гости, я плохо слежу за Вами». «Хорошо, — отвечает Лазарь Аронович, — я буду говорить подробнее».

О Нётер он мне ничего не говорил о том, что писал потом (об упавшей юбке²³), но рассказал, что когда он слушал её доклад

²² В 1947 году Андронов был избран депутатом Верховного Совета РСФСР и членом Президиума Верховного Совета РСФСР. В 1950 году А. А. Андронов был избран депутатом Верховного Совета СССР. — В. У.

²³ Пишет Л. С. Понтрягин (*Жизнеописание*, с. 51—52.): «К началу четвёртого курса П. С. Александров вернулся из-за границы и привёз с собой ещё профессора фрейлейн Эмми Нётер. И я вновь вернулся к топологии и, кроме того, слушал лекции фрейлейн Нётер по современной алгебре. Лекции эти поражали своей отделанностью, отличались в этом смысле от лекций Александрова, но не были засушенными и казались мне очень интересными.

(ему, наверное, кто-то переводил), он почему-то решил, что она говорила по-английски и спросил её об этом. «А она подумала, что я ничего не понял».

Видимо, придя с работы, рассказал, что обычно во время заседаний под столом развязывает шнурки и снимает ботинки, «тихонечко, чтобы никто не видел». А тут Петровский говорит: «Лев Семёнович, мы кончили, обувайтесь».

Однажды, познакомившись с молодым человеком, он так откомментировал нового знакомого: «Интеллигентность — вредная вещь, за ней не сразу видно, умный человек или нет».

Гуляя, мы, естественно, говорили и о знакомых. Так что Лев Семёнович знал о моих друзьях, а я — о его. Он часто говорил об учениках, и я знала немного о военной биографии Жени (Мищенко)²⁴, о том, что Резо (Гамкрелидзе) снимал комнату у

Лекции свои фрейлейн Нётер читала по-немецки, но они были понятны ввиду необычайной ясности изложения. На первую лекцию этого известного немецкого математика собралось огромное количество народа. Здесь произошло совершенно неожиданное происшествие: нижняя юбка фрейлейн Нётер начала постепенно сползать. Всё внимание слушателей было сосредоточено на этом. В полной тишине происходило сползание юбки, а фрейлейн Нётер героически продолжала читать лекцию. Лекции фрейлейн Нётер существенно отразились на моём математическом мировоззрении, что сказало прежде всего на дипломной работе, где я заново переизложил в усовершенствованном виде свои результаты по теореме двойственности 2-го курса, сильно усовершенствовал их как в геометрическом, так и в алгебраическом направлениях. В дальнейшем я очень охотно обучал своих аспирантов абстрактной алгебре. И один раз даже читал обязательный курс линейной алгебры для студентов. Курс этот был построен в стиле Нётер».

²⁴ «Помню ещё одну мою ученицу из Московского университета — Ирину Буяновёр. Она обладала хорошими математическими способностями и сделала у меня дипломную работу. Я хотел взять её в аспирантуру, но это мне не удалось, так как за ней числился некий проступок. При некоторых обстоятельствах, которые описывать я не хочу, она укусила за руку, весьма серьёзно, зам. декана нашего факультета. При попытках принять её в аспирантуру я объяснялся с ректором И. Г. Петровским и даже перессорился с ним из-за неё. Ира Буяновер послужила косвенной причиной моего знакомства с Е. Ф. Мищенко. У них был роман, она мне жаловалась на Е. Ф. Мищенко. Не знаю, за что именно, но я решил отомстить ему за неё, а именно провалить его на экзамене при приёме в аспирантуру. На эти экзамены я часто ходил совершенно добровольно, будучи не обязан это делать. На экзамене в аспирантуру Мищенко отвечал не хуже других. Так что проваливать его не нашлось никаких оснований. Поступив в аспирантуру, он сразу стал общаться со мной, стал участвовать в моём семинаре и перешёл ко мне в ученики. Хотя формально, кажется, числился аспирантом П. С. Александрова» (*Жизнеописание*, с. 113—114). (Впоследствии И. С. Буяновер стала первой из четырёх жён Р. Л. Добрушина. — В. У.)

вдовы Рамзина²⁵, и они говорили о процессе. О том, что когда Володя (Болтынский) был на фронте, невеста его ждала, и он оказался верным мужем («У него к этому способности»). Всегда очень тепло говорил о Рохлине, называл его Володя. (Я его не встречала, он уже был не в Москве.) Был знаком с О. А. Олейник, а позже — с О. А. Ладыженской и ей очень интересовался. Мне кажется, он любил женское общество²⁶. Я встречала нескольких его приятельниц, например Лиду Грабарь (она его ученица, в мемуарах упоминается под девичьей фамилией²⁷). Много позже, я её как-то встретила и она рассказала, что навещала в сумасшедшем доме Татьяну Андреевну, когда Л. С. и его вторая жена сдали туда Т. А. По слова Лиды, Т. А. была в своём уме. Подробностей этой страшноватой истории я не знаю.

Иногда Понтрягин устраивал вечеринки, гости даже танцевали (тогда это было принято), комната Понтрягина была просторной и почти пустой (в квартире вообще было мало мебели). Помню, на одном таком сборище был Шафаревич.

Лев Семёнович интересовался повседневной жизнью, например, рассказывал со слов знакомой, бывавшей в Югославии, что там принято в домашнем хозяйстве консервировать овощи, фрукты на зиму. Или что гуляя и садясь на траву, надо подкладывать пальто верхом к траве, ведь подкладка потом будет к телу. Сравнивал мою шубу (он же подавал её мне, так что знал, какая она) с шубой, которую заказала Татьяна Андреевна. Кстати о шубах: как-то я выходила со Львом Семёновичем из Стекловки, в гардеробе встретились с Павлом Сергеевичем. «Лев Семёнович, — сказал он, — поздравьте меня с юбилеем. Моей шубе 30 лет».

Иногда у Льва Семёновича возникали странные ассоциации. Он как-то рассказал, что один знакомый взял у него на год денег в долг и ровно через год отдал — как будто в банк на проценты клал. Вообще он, наверное, интересовался ценами разных вещей, но мы, естественно, об этом не говорили.

Льва Семёновича очень мучила бессонница, считалось, что он нажил её в молодости, когда работал очень много и думал о задачах по ночам. Он рассказывал, что пытался предпринимать против бессонницы, и говорил, что ему интересно общаться с людьми, страдающими тем же (тут я плохо годилась в собеседники).

²⁵ См. в Википедии статьи «Рамзин» и «Дело Промпартии». — В. У.

²⁶ Кое-что о теме «Понтрягин и женщины» будет сказано ниже, по окончании текста Н. Д. Введенской. — В. У.

²⁷ Других Лид, кроме Лиды Юденсон, в мемуарах Понтрягина не обнаружено.

Лев Семёнович любил подвижность на отдыхе, рассказывал, что до войны у него была байдарка, он на ней катался со знакомыми. А уже на моей памяти он стал ходить на лыжах (поставил его на них Женя Мищенко). Несколько раз я приглашалась на такие прогулки. Для этого, естественно, днём, мы ездили в Узкое, которое было тогда настоящим загородом, переодевались в санатории и ходили по лыжням — я шла впереди и следила, чтобы Лев Семёнович лыжни не терял.

У Льва Семёновича был фотоаппарат. Он объяснил мне как-то, что ему нравится такой точный механизм: «Ведь я хотел быть инженером». Он иногда просил сфокусировать аппарат на определённое место, а потом сесть там, а он становился, куда надо и щёлкал. Потом проявлял, кто-то, наверное, печатал, а он показывал фотографии и спрашивал, как получилось. Однажды собрал фото знакомых женщин и показывал их.

Поскольку мы разговаривали довольно свободно, то обсуждали и тему антисемитизма. Я, как и многие, знавшие Льва Семёновича не в последние его годы, абсолютно уверена, что он не был тогда антисемитом (а что с ним стало потом — загадка). Однажды он сказал об этом так: «Вас, Никишка, это волнует потому, что это касается ваших друзей. А мои друзья — русские крестьяне. По сравнению с этим еврейский вопрос — эpsilon». А вот к разным «либеральным веяниям» он относился настороженно, примерно по трафарету: «Мы тут создали себе сравнительно спокойную жизнь, примус починаем, математикой занимаемся, а они...».

Ко всем этим отрывочным рассказам я должна добавить, что как с математиком я с Понтрягиным не была знакома, хотя наблюдала несколько раз, как быстро он всё понимает (он вообще был необыкновенно умным человеком). В аспирантуре, а я была аспиранткой О. А. Олейник в Стекловке, я ходила на семинар Понтрягина по уравнениям, мне это было очень интересно и иногда мы говорили о теме семинара. Он тогда начал заниматься уравнениями, интересовался приложениями, часто приглашал людей из Института автоматики и телемеханики. Кстати, он очень протестовал, когда ему начинали рассказывать не инженерную постановку задачи, а её математическую интерпретацию.

Когда я защитила диссертацию²⁸, Лев Семёнович не захотел идти на банкет, но пришёл ко мне в гости домой (я снимала

²⁸ Паспортное имя Н. Д. Введенской — Наталья-Никита, но все звали её Никита. Иногда это приводило к недоразумениям; фильма «Никита» тогда ещё не было. Защита происходила 21 февраля 1957 года на заседании

комнату). Я пригласила ещё Володю Успенского и, по-моему, мы приятно провели время²⁹.

Я начала работать в 1957 году. Как-то так получилось, что мы стали всё реже созваниваться и встречаться. Последний раз, насколько помню, Лев Семёнович позвонил мне на работу в ОПМ спросить телефон Елены Феликсовны (значит, он давно с ней не общался, может быть, рядом уже не было Татьяны Андреевны).

А последний раз я встретила со Львом Семёновичем в 1967 году в Болгарии, в Варне. Там проходил Болгарский математический съезд, Понтрягин на него приехал, а я была в Варне в гостях. Увидела Понтрягина, подошла к нему, он был с женой, с которой я раньше не встречалась. Он, по-моему, обрадовался, сразу пригласил прогуляться. Мы давно не виделись. Он стал рассказывать, что осуществилась его «дезайя», он побывал в Америке (это была мечта его молодости). Ему, по его словам, там всё было интересно. В частности, рассказал, что ехал на очень удобном поезде, в вагоне стоят кресла, которые можно вращать и смотреть в окна в любую сторону (так!). Ещё, между прочим, рассказал, что его товарищи (имелись в виду Мищенко и Гамкрелидзе) уже не раз там побывали. «Мне, — сказал он, — не трудно получить повторное приглашение. А вот они умеют, значит, показать себя так, что их снова приглашают...». Лев Семёнович предложил зайти к нему назавтра. А вечером компания молодых болгарских математиков и я собрались в номере у Володи Тихомирова и, как потом выяснилось, мешали Понтрягину спать. Встретив меня на другой день, он очень зло сказал: «Это, наверное, ваши друзья шумели». А жена добавила: «И как стыдно перед болгарскими товарищами». Как-то про неё всё стало ясно.

Теперь — обещанная в сноске 26 тема «Понтрягин и женщины». Этой теме посвящён специальный блог в Интернете <http://blog42.ws/zhenshhiny-akademika-pontryagina/>. Кое-что на эту тему было рассказано в интервью, которое 2 декабря 1988 года Евгений Бори-

Учёного совета Института математики имени Стеклова АН СССР. Председатель Совета, он же директор Института, И. М. Виноградов, предоставляя диссертанту слово, объявил: «Слово имеет Наталья Дмитриевна Введенская». Вступительное слово диссертанта началось с заявления, сказанного очень решительно: «Во-первых, я не Наталья, а Никита». — В. У.

²⁹ Никита снимала комнату на первом этаже у некоей Доры Германовны по адресу Метростроевская (ныне Остоженка), дом 41. Время мы действительно провели довольно приятно. Понтрягин фотографировал, и это произвело на меня сильное впечатление. — В. У.

сович Дынкин (Е. Б.) взял в Корнелле у Акивы Моисеевича Яглома (А. М.). Соответствующий фрагмент этого интервью следует ниже:

Е. Б.: <...> Есть легенда, что он стал антисемитом из-за того, что Лида Юденсон ему отказала во взаимности.

А. М.: Я думаю, что это ерунда. Единственное, что я могу сказать, что вокруг Понтрягина всегда крутились хорошенькие еврейские девочки. Первое поколение — это были Роза Бари³⁰ и Ася Гуревич.

Е. Б.: Роза Бари, ставшая женой Ефимова.

А. М.: И Ася Гуревич, ставшая женой Рохлина. Это были его первые аспирантки. И за Асей он очень серьезно ухаживал, это была его серьёзная любовь. В следующем поколении, до Лиды Юденсон, была Лена, которая стала женой Бори Каценельбаума. Он сейчас в Институте радиотехники и электроники, а, к сожалению, Лена Нахимсон умерла два года тому назад. Очень симпатичная женщина... И таких еврейских девочек вокруг было без конца. Не говоря уже про мальчиков, потому что с ним ходили гулять и я, и брат, и Кронрод, и Боря Розенфельд.

Е. Б.: Он не проявлял к вам никакой неприязни?

А. М.: Нет, никакой, наоборот. Понтрягин был странным человеком, он всегда расспрашивал, кто как выглядит; с Борей Розенфельдом они обнаружили общую знакомую по внешнему описанию. Фамилию они просто не знали, а имя как-то у них немножко отличалось по памяти. Но по внешнему описанию они установили, что это одна и та же женщина. И, когда мы гуляли, он всегда расспрашивал, кто как выглядит. И о пейзажах расспрашивал. (<http://ecommons.cornell.edu/handle/1813/17258>.)

Л. С. Понтрягин был женат дважды.

Первая супруга — Таисия Самуиловна Иванова. Брак состоялся в июле 1941 года, развод — в 1952 году. Брак был в значительной степени вызван начавшейся войной. Указывает Понтрягин (*Жизнеописание*, с. 95):

Я вступил в мой первый, мало желанный для меня брак с Таисией Самуиловной Ивановой, Тасей. Это произошло потому, что я боялся остаться во время войны и эвакуации вдвоём с матерью, которой было уже за 60. Тася не была для меня чужим человеком. Она была падчерицей подруги молодости моей мамы. И поселилась

³⁰ В записи интервью ошибка. Надо: Бёрри (с ударением на первом слоге). — В. У.

у нас в квартире сперва ненадолго, на время поступления в вуз, ещё в начале 30-х годов. Как раз в это время мать заболела, и она осталась несколько дольше, не перейдя в общежитие. Потом она вообще стала жить в нашей семье, обучаясь сперва в ветеринарном институте, а затем в университете на биофаке, куда я её помог перейти. Всё это время она находилась на моей психологической опеке.

После окончания университета она была направлена на работу куда-то в провинцию, но в отпуск опять приезжала к нам и жила у нас. Как раз это и произошло в начале войны. Я просил её поехать с нами в эвакуацию в память того, что мы помогали ей в течение многих лет. Но она заявила, что поедет с нами только при условии, если станет моей женой. На это мне пришлось согласиться, хотя этот поступок и не делает мне чести.

Тася была мало привлекательна для меня. Но она была сильная молодая женщина, довольно привлекательная физически. Во время эвакуации она была мне хорошей женой. Возможно, что этот брак сохранился бы на всю жизнь, но были два разрушающих его обстоятельства: неукротимый нрав моей матери, которая скандалила с Тасей по всякому ничтожному поводу, и моё собственное ощущение, что это не та жена, которую я хотел бы иметь.

Тут невозможно не вспомнить микророман В. М. Тихомирова «Что делать с женой?» <http://www.guru.ru/mm57/remini.html>:

Нина Карловна Бари всегда очень трогательно заботилась о Дмитрии Евгеньевиче [Меньшове]. Но вот пришла война, Нина Карловна со своим мужем — Виктором Владимировичем Немыцким — собралась эвакуироваться из Москвы. Наступила пора прощания. Нина Карловна сказала: «Дмитрий Евгеньевич, идёт война, я уезжаю, заботиться о Вас некому. Вы бы женились что-ли! Жена будет о Вас заботиться, и душа моя будет спокойна». Дмитрий Евгеньевич слушал со вниманием. Задумался. Но вдруг его лицо выразило недоумение: «А когда война кончится, что я с ней буду делать?».

Никогда не писавший математических диссертаций Понтрягин написал для жены кандидатскую диссертацию по морфологии саранчи. Вот что он пишет в *Жизнеописании* (с. 96):

[Тася] написать диссертацию не могла. Писал диссертацию я, вникая во все перипетии, которые переживала саранча в процессе своего развития. Наконец диссертация была написана и защищена.

Перед защитой и во время защиты я так безумно волновался, как никогда в жизни при защите какой бы то ни было диссертации. Тем более, что сам я никогда никакой диссертации не защищал. Теперь я мог отпустить Тасю на волю, моя совесть была чиста: я дал ей путёвку в жизнь.

По этому поводу расскажу один разговор с Анатолием Ивановичем Мальцевым, известным русским алгебраистом. Я спросил его, как обстоит дело у его жены с диссертацией. Он сказал, что кандидатский минимум сдан, а диссертации нет, хотя она специалист по алгебре, так же, как и он. Я сказал ему: «Так вам же ничего не стоит сделать ей диссертацию». Он ответил: «Она не хочет. Говорит, ты хочешь со мной развестись». Видимо, моя идея о диссертации для развода не очень оригинальна.

Вторая супруга — Александра Игнатъевна, врач по профессии, поженились в 1958 году. Вторую жену Понtryгин любил, уважал и был к ней очень привязан. Вот цитата из упомянутого выше блога <http://blog42.ws/zhenshhiny-akademika-pontryagina/>: «В конце концов, в 1959³¹ году он познакомился с врачом из участковой поликлиники, обслуживавшей территорию дачного посёлка Академии наук. Завязавшееся знакомство перешло во взаимную симпатию и закончилось браком. Жена была на 14 лет младше академика и у неё, как и самого Понtryгина уже был опыт неудачного брака». А вот как об этом пишет сам Понtryгин (*Жизнеописание*, с. 128):

Случилось так, что в начале лета 1958 года Александра Игнатъевна находилась временно в Абрамцево в качестве поселкового врача. Она использовала свой отпуск для приработка. Основным местом её работы был Институт Склифосовского, где она проработала довольно долго и получила большой опыт квалифицированного врача. Она серьёзно относилась к обязанностям поселкового врача. Очень хорошо помню её первый визит к нам. Тогда я серьёзно нуждался в медицинской помощи, как по состоянию лёгких, так и по другим соображениям. В частности, у меня держалось высокое давление. В связи с этим я часто посещал медпункт для измерения давления и для встреч с Александрой Игнатъевной, которая мне нравилась.

Лев Семёнович стал смотреть на мир глазами Александры Игнатъевны. И слушать то, что она говорит. Вот она и объяснила ему, что евреи его используют. С брака с Александрой Игнатъевной и

³¹ По-видимому, дата неверна: см. непосредственно следующую выдержку из *Жизнеописания*. — В. У.

начался перелом в отношении Понತ್ರягина к евреям, а прежде всего появление у него какого бы то ни было вообще отношения к ним. До появления в его жизни второй супруги для него не существовало самой этой проблемы.

Но прервём на время обсуждение общественных проблем. Мои личные контакты с Понತ್ರягиным были очень немногочисленны. Первый из них состоялся в конце февраля — начале марта 1957 года на квартире у Никиты Введенской, где он и я были единственными её гостями. Это эфемерное знакомство было закреплено встречей в Коктебеле осенью 1965 года.

Осенью 1965 года Понತ್ರягины, Лев Семёнович и Александра Игнатъевна, полтора месяца провели в принадлежащем Литфонду Доме творчества писателей в Коктебеле. Я же находился в Старом Крыму вместе с серьёзно заболевшим в первые же дни приезда шестилетним сыном и бабушкой сына, а моей тётцей Натальей Александровной Брюханенко, у подруги которой мы трое и остановились. Я был отпущен на несколько дней в Коктебель, где с нарушением паспортного режима — у меня с собой не было паспорта, а только служебное удостоверение доцента МГУ — поселился в пустующем в это время года пансионате «Голубой залив»³². Пансионат этот располагался в двух шагах от Дома творчества. Поэтому неудивительно, что через короткое время я неожиданно для себя повстречался с Понತ್ರягинами. Александру Игнатъевну я увидел тогда впервые. Она пожаловалась мне на шум, исходящий от соседей за стеной.

³² Я был уверен, что это нарушение паспортного режима останется незамеченным. Но я ошибался. В пансионате мне был выделен двухместный номер, но жил в нём я один. Как-то вечером, возвратившись с прогулки, я обнаружил в своём номере вежливого человека в штатском, интересующегося мною в связи с отсутствием у меня паспорта. Он не стал меня арестовывать, а удовольствовался обещанием, что, переспав эту ночь на занятой мною койке, я завтра утром покину пансионат и Коктебель. Дабы убедиться, что обещание будет выполнено, он сам провёл ночь на соседней кровати. Ведь это была прибрежная зона, и каждый прибывающий в оную подозревался в подготовке побега в Турцию. В тёмное время суток сильный прожектор периодически бил сильным светом в кромку воды и суши, так что световое пятно передвигалось вдоль кромки. Функция *не впускать*, присущая пограничной службе и в большинстве цивилизованных стран являющаяся главной, была скрыта от обывателя, зато функция *не выпускать* была у всех на виду. Если бы не неожиданное столкновение с властями, я, может быть, остался бы ещё на денёк. Дольше было нельзя отлучаться от больного сына. К тому же я выполнил программу: за один день подняться на Святую гору, на Сьюрю-каю и на Легинер. Но больше всего мне было жалко ту женщину, которая в качестве администратора пансионата меня, беспаспортного, поселила. Разговор властей с нею должен был быть суровым.

Надо полагать, что для человека, лишённого зрения, роль других органов чувств повышается и, в частности, шум воспринимается болезненней, нежели у зрячего. Для такого человека, как Понтягин, шум даже должен восприниматься болезненно не в частности, а в особенности: ведь именно слух становится основным каналом поступления интеллектуальной информации. В письмах к Гордону неоднократно упоминается шум как источник неприятностей. Из письма от 21 октября 1951 года: «...Сам я сплю ужасно плохо и представляю себе, какое мучение жить в общежитии, где всё время шум». Из письма от 29 декабря 1959 года: «Дача имеет два существенных недостатка: <...> 2) рядом находится водоканал посёлка, которая несколько часов в сутки заметно шумит, в даче шум не слышен, но на участке слышен, и меня раздражает. И то, и другое, может, удастся преодолеть, быть может, со значительной затратой денег». Вот фрагмент письма от 26 ноября 1965 года:

В первую же ночь нашего пребывания в Литфонде в Коктебеле мы познакомились с поэтом Рождественским, впрочем, что это он, мы узнали только на следующий день. Около десяти вечера в комнате над нами началась пьянка с галдежом. Когда около двенадцати ночи я стал просить быть потише, то в ответ последовал хохот. Это и был Рождественский с друзьями. Через три дня мы перебрались в другой дом, где было очень мало соседей, но наш ближайший сосед писатель Зверев³³ принимал массу гостей, и галдели они часто до полуночи или до часа ночи. Помня неудачный опыт с Рождественским, мы даже не решались просить Зверевых³⁴ соблюдать тишину. Однако под конец их пребывания не выдержали и попросили, на что последовала самая благоприятная реакция, и шума стало гораздо меньше. Через несколько дней на место Зверева поселился поэт Слуцкий с женой — и это уже была полная деликатность и вежливость, и не было никакого шума.

Из письма от 30 ноября 1968 года: «Всё это лето, да и до сих пор, занято у нас ремонтами. Ремонтировали квартиру, вернее мою комнату, и прихожую. Замучались ужасно, зато чисто и совершенно ликвидировали шум с улицы. Тщательно подогнали рамы, проложили

³³ «Илья Юрьевич Зверев» не было именем, полученным им при рождении. Его литературным псевдонимом было «Изольд Зверев». «...В очень трудные, мрачные времена Изольд Зверев любил повторять: „Жизнь — дерьмо. Но если ты сам дерьмо — не сваливай на жизнь“» (А. Б. Борин, «Проскочившее поколение», <http://coollib.com/b/287733/read>). — В. У.

³⁴ Т. е. И. Ю. Зверева и его жену Женю.

поролоновые прокладки и вставили толстые ветреные стёкла. Шума нет, но и воздуха тоже. Можно, конечно, форточку открыть, но тогда и шум лезет». Из письма от 27 марта 1969 года: «Ещё летом мы принялись за частичный ремонт квартиры, которая не ремонтировалась с самого переезда в неё в 1939 году. <...> Главное достижение, которым я горжусь, это реконструкция окон в моей и жене комнате. Теперь они сделаны так хорошо, что шума с Ленинского проспекта почти нет, но нет и воздуха». История со Слуцкими мне запомнилась несколько иначе. Слуцкие жили в непосредственной близости от Понтрягиных, в том же коттедже, и Понтрягины пожаловались мне на исходящий от них шум, но уже не столь обременительный, как от Рождественского и Зверева. Со Слуцкими я был знаком и предложил свою помощь. Александра Игнатьевна ухватилась за моё предложение. Я поговорил со Слуцкими, они проявили полное понимание. Впоследствии мне было сообщено Александрой Игнатьевной, что шума стало меньше, и я удостоился её благодарности.

Помимо шума от соседей Понтрягина волновала ещё отсутствие необходимого ему спутника для любимых им прогулок. В письме Гордону от 26 ноября 1965 года он пишет:

В Коктебеле мы встретили Любу Вольфензон, к сожалению, накануне её отъезда. Так как Александра Игнатьевна чувствовала себя в то время ещё очень слабой, то я сильно нуждался в обществе для прогулок, и Люба была бы для этого весьма хороша, так мне кажется.

Поэтому Понтрягин спросил меня, готов ли я на совместную с ним прогулку. Он взял меня под руку, и мы отправились. Дом Волошина, как и окружающий его Дом творчества, к которому Дом юридически относился, и находящийся по соседству «Голубой залив», расположены на восточной окраине тогдашнего посёлка Коктебель; в XXI веке они находятся чуть ли не в центре модного курортного посёлка. Поэтому «идти в западном направлении» означало долго идти по посёлку, что было малоинтересно. Мы двинулись на восток в сторону мыса Топрах-Кая, или Топрак-Кая, что по-татарски означает «глиняная скала». На советских послевоенных картах этот мыс обозначался как мыс Лагерный. Обиходное его имя (кажется, появившееся теперь и на картах) было Хамелеон³⁵. За этим мысом

³⁵ Это имя он получил, благодаря уникальной способности менять цвет в течение дня. Цвет Хамелеона может меняться от сероватого голубого с утра, до ярко золотого вечером, который постепенно, переходит к розовато-фиолетовому, а после заката солнца обретает оттенки лилового и синего. Данный эффект обусловлен специфическим составом глинистых сланцев,

расположена Енишарская бухта, называемая Тихой, хотя это название в последние годы звучит как издевательство: берег полон автомобилей с включённой музыкой, тентов, купающихся и загорающих и т. п. Но в описываемое время бухта оправдывала своё название, и встретить там можно было от силы нескольких человек.

Нам предстоял трудный путь, о чём я предупредил Понтрягина. Это его не остановило. Мы шли под руку. Не участвовавший, в отличие от моих друзей и коллег, в походах, я, конечно, последний человек, который может оценить качество ходьбы спутника по непростой прогулке, но с моей точки зрения, Понтрягин шёл хорошо. Один раз он меня упрекнул со справедливым раздражением, когда я сказал, как сказал бы зрячему, «осторожно, проволока», не указав точных её координат. По мере приближения к Хамелеону тропинка всё чаще перерезалась глубокими оврагами с довольно крутыми склонами. В некотором месте тропинка оказалась столь крута и узка, что идти под руку было уже невозможным. Понтрягин встал на четвереньки и так дошёл почти до низа. Я был впечатлён.

И, пожалуй, последнее моё общение с Понтрягиным состоялось в апреле 1985 года, когда я решил просить его представить в Доклады Академии наук статью «О подгруппах свободных топологических групп», о которой я заботился. Колмогорова и Александрова, обратиться к которым мне было проще, я не хотел тревожить ввиду их перегруженности подобными просьбами. Поначалу я обратился к А. Н. Тихонову, но его ответ меня напугал. Он сказал: «Мне не хотелось бы, но если очень надо, то я готов». Я понял, что если я скажу «очень надо», расплата за это «очень надо» может оказаться тяжёлой и, главное, весьма неприятной. Поэтому я вежливо закончил разговор. Итак, я позвонил Понтрягину и изложил свою просьбу. Он ответил доброжелательно и разумно. Он сказал, что ему самому не хотелось бы знакомиться со статьёй, но он готов назначить лицо, которому он доверяет и который, ознакомившись со статьёй, сообщит ему своё мнение. В качестве такого лица Понтрягин

из которых сложен мыс. Со временем море успело размыть значительную часть мыса. Постепенный процесс разрушения продолжается и сейчас. Что до названия Лагерный, то кроме топографов и, вероятно, пограничников никто его так не называл. Это название возникло в результате осуществлённой в 1945 и 1948 годах смены имён всех населённых пунктов, имеющих исконные крымскотатарские имена, — за исключением Бахчисарая, Судака и ещё трёх — в русские, как правило, глаз отнюдь не ласкающие. Например, Улú-Узёнь и Корбёк стали Генеральским и Изобильным. Как тут не вспомнить бессмертную фразу Андрея Синявского: «Мои расхождения с советской властью чисто стилистические».

назвал Александра Сергеевича Мищенко. Состоялась встреча автора статьи с Мищенко, которому и было подробно изложено содержание предполагаемой публикации. Мищенко остался удовлетворён. У него был штамп с подписью Понтрягина, в результате беседы он поставил на машинописный экземпляр статьи этот штамп. Это и означало представление статьи Понтрягиным, и статья была довольно быстро опубликована в ДАН.

А через три года, 7 мая 1988 года я присутствовал на похоронах Льва Семёновича. Гроб с телом был выставлен в Математического институте, а затем состоялось захоронение на Новодевичьем кладбище, сопровождаемое траурным митингом. Некоторые из выступающих говорили страстно, особенно Шафаревич. Он произнёс знаменитую фразу покойного «Так сделайте невозможное!», послужившую заголовком к его послесловию к *Жизнеописанию* (с. 291—296; другое послесловие написал известный русский националист, отрицатель масштабов Холокоста и защитник Сталина Вадим Валерианович Кожин, 1930—2001).

Последнее, посмертное свидание — если это можно так назвать — состоялось 11 июня 2003 года в виде неожиданной встречи с его вдовой. В этот день на стене Комаровского дома в торжественной обстановке состоялось открытие барельефов Колмогорова и Александра и сопровождающей их мемориальной доски. Среди прибывших на церемонию оказалась и Александра Игнатьевна. Она попросила меня провести для неё экскурсию по дому, что я и сделал.

На конец очерка я оставил важную часть деятельности Понтрягина — воздвигнутый им фильтр на пути издания книг по математике.

По инициативе Понтрягина в декабре 1970 года Президент Академии наук СССР М. В. Келдыш учредил Группу математиков под председательством Понтрягина для наблюдения за изданием книг в одном из важнейших издательств Академии наук СССР — Главной редакции физико-математической литературы издательства «Наука». (Я пишу «Группа» с большой буквы, чтобы выделить её как административную единицу. В цитатах меняю строчную букву «г» на прописную.) Оставались, конечно, мелкие издательства, а из крупных — издательство «Мир», выпускающее переводы зарубежной научной литературы. Но и оно не сумело ускользнуть. «В дальнейшем, — пишет Понтрягин на с. 174 *Жизнеописания*, — мне удалось добиться того, чтобы книги, переводимые издательством «Мир» на русский язык, также рассматривались Группой». Таким образом, Группа получила возможность влиять на издательство «Мир», не входящее в систему Академии наук.

Решение назначить главным надзирателем за изданием математических книг незрячего человека — это решение, конечно, остроумное, но не без цинизма. Клерк в небесной (или всё-таки в адской?) канцелярии, додумавшийся до такого решения, мог справедливо гордиться. Сам президент Келдыш, чьими рукам было осуществлено это судьбоносное решение, происходил из хорошей семьи, и можно надеяться, что он прочёл «Путешествия Гулливера»³⁶ целиком, включая и третью часть, в которой, в частности, описано посещение Гулливером Большой академии прожектёров в Лагадо. А тогда Келдыш должен был быть знакомым с нижеследующей деталью Большой академии, как об этой детали свидетельствует Гулливер в своих записках:

Там был, наконец, слепорождённый, под руководством которого занималось несколько таких же слепых учеников. Их занятия состояли в смешивании для живописцев красок, каковые профессор учил их распознавать при помощи обоняния и осязания. Правда, на моё несчастье, во время моего посещения они не особенно удачно справлялись со своей задачей, да и сам профессор постоянно совершал ошибки. Учёный этот пользуется большой поддержкой и уважением своих собратьев.

Сам ПонTRYгин мог в лучшем случае подержать в руках ту рукопись, которой ему предстояло дать верховную оценку. «...На каждом заседании Группы нам приходилось принимать решение по списку книг, содержащему около ста названий» (*Жизнеописание*, с. 175). Почти в каждой рукописи можно найти какую-нибудь бяку, которая, даже если бякой не является, будет воспринята как таковая ПонTRYгиным. Можно найти и фразы, которые ему не понравятся политически — например, упоминание математика, которого ПонTRYгин считает недостойным упоминания. Действуя умело, любую мелочь можно раздуть до желаемого эффекта: вызвать у ПонTRYгина неприятие рукописи в целом. Повторяю, прочесть рукопись ПонTRYгин не

³⁶ В детских изданиях «Путешествий Гулливера» для младших присутствует только первая часть — путешествие в Лилипутию. Обычно не сообщается, что у Гулливера были и другие путешествия, и потому большинство пребывает в убеждении, что путешествие к лилипутам это и есть все путешествия Гулливера. Поэтому в сознании большинства Гулливер больше по размеру окружающих его людей и предметов: вспомним конфеты «Гулливер», выделавшиеся большим размером. Меж тем конфеты с таким названием могли бы быть и меньшими других конфет, если прочесть более редкое издание «Путешествий Гулливера» для детей среднего возраста. Там печатаются две части — путешествие к лилипутам и путешествие к великанам. Третья и четвёртая части в детских изданиях встречаются чрезвычайно редко, если вообще встречаются.

мог и выслушать её целиком тоже не мог, а мог только слушать, что ему говорят люди, которых он готов был слушать. В нижеследующей цитате из *Жизнеописания* понятие 'узкий' представлено словами *узок* и *узким*:

...В конце 60-х годов обстоятельства побудили меня познакомиться с работой издательства, в котором печатались мои книги. Обнаружилось, что список авторов, публикующихся там, довольно узок. <...>

Занявшись издательством, я выяснил, что физико-математическое государственное издательство было независимой организацией, которая подбирала авторов, консультируясь с каким-то узким кругом лиц, близких к издательству. Позже «Физматгиз» был включён в издательство «Наука» Академии наук СССР под названием «Главная редакция физико-математической литературы издательства Наука».

После предпринятой Понತ್ರягиным реорганизации издательского дела то же понятие узости сохранилось, только поменялся подпадающий под это понятие круг людей.

Понತ್ರягин вызывает уважение тем, что в общественно-административной области почти всегда добивался того, чего хотел. Источников такого успеха, на мой взгляд, было два. Во-первых, Понತ್ರягин, как было замечено в приводимых выше воспоминаниях Н. Д. Введенской (см. сноску 21), был человек страстный. Во-вторых, он всегда с большим упорством отстаивал дело, казавшееся ему правым; при этом не имеет значения, сам ли он доходил до такой оценки или она была ему кем-то внушена. В отстаивании правого дела Понತ್ರягин был готов проявить немалую смелость. Примером может служить письмо наркому внутренних дел, подписанное Понತ್ರягиным вместе с Колмогоровым, с просьбой освободить Рохлина из проверочного лагеря (см. сноску 15).

Особенно успешен был Понತ್ರягин в управлении издательским делом.

Единственным известным мне случаем, где его успех был не полным, была борьба вокруг поданной в 1973 году заявки на переиздание книги Я. Б. Зельдовича. К этому времени уже вышло пять изданий этой книги общим тиражом 725 тысяч экземпляров (5-е издание — в 1970 году), а издательство «Мир» выпустило её переводы на английский и арабский языки. Заявка была подана на шестое издание.

Яков Борисович Зельдович (1914—1987) был человек непростой. Лауреат Ленинской и четырежды лауреат Сталинской премии, трижды

Герой социалистического труда, один из создателей советских атомной и водородной бомб. Помимо этого он был выдающийся астрофизик. Как-то мне довелось слышать его выступление на Общем собрании Академии наук³⁷. Он говорил об астрофизике и о том, что не надо жалеть на неё средств. Простота и очевидность его аргументации меня тогда поразила. Она состояла в том, что природа в своих астрономических объектах задаром предоставляет нам такие возможности для изучения уникальных физических явлений, какие в земных условиях нельзя получить никаким способом.

В среде физиков Зельдович славился своим юмором. Даже «секретных академиков», игравших решающую роль в атомном проекте, заставляли участвовать в — марксистско-ленинских, разумеется — философских шабашах. На одном из таких сборищ ему было предложено высказаться на тему о форме и содержании. Русскоязычная Википедия сообщает: «Зельдович ограничился одной фразой: „Формы должны быть такими, чтобы их хотелось взять на содержание“». Та же Википедия упоминает такой эпизод. «...Однажды академик Мигдал назвал во время жаркой дискуссии Зельдовича при посторонних людях жопой. Зельдович ничего не ответил, но позже в одной из его статей в „Успехах физических наук“³⁸ появился акростих, приписанный Велимиру Хлебникову: „Могучий и громадный, далёк астральный лад. Желаете откровенья — познайте атомосклад“, с пометкой „Разыскания Я. Б. Зельдовича“. Впрочем, редакция в последний момент заменила слова „Желаете откровенья“ на „Ты ищешь объясненья“». Этот эпизод (с несколько иным вариантом исходного акростиха) и его последствия рассмотрены в статье «Требуется секундант» на с. 880—888 настоящей книги. Коллеги-физики старались соответствовать Зельдовичу по части юмора и избрание его в 1958 году академиком отметили подходящим к случаю подарком. Указывает Википедия: «...Когда Якова Борисовича избрали академиком, в Арзамасе-16 на банкете по случаю этого события Зельдовичу подарили чёрную академическую шапочку (носили такие

³⁷ По-видимому, это было в один из дней, предшествующих дню 16 октября 1986 года, когда Гурий Иванович Марчук сменил Анатолия Петровича Александрова в должности Президента Академии. Поддерживать Марчука от имени верховной власти прибыл член Политбюро Егор Кузьмич Лигачёв. Когда в ответной речи Марчук сослался на Лигачёва как на Юрия Кузьмича, присутствующие мысленно вздрогнули, почувствовав наступление момента истины о степени приобщённости Марчука к внутренней жизни названной власти.

³⁸ Я. Б. Зельдович, В. С. Попов. Электронная структура сверхтяжёлых атомов // Успехи физических наук. — 1971. — Т. 105. — № 3. — С. 411.

примерно до 1960-х годов) и плавки. На шапочке была надпись „Академия Наук СССР“, а на плавках — „Действительный член“».

И вот такой человек написал учебник «Высшая математика для начинающих [...]». Многоточие в прямых скобках означает, что название книги продолжалось различными способами в различных её изданиях. Первая часть названия («Высшая математика для начинающих») оставалась неизменной, в то время как вторая, уточняющая часть варьировалась от издания к изданию. В качестве уточняющего продолжения могло быть «и её приложения к физике», как это было в издании 1963 года, где на обложке вовсе отсутствовала вторая часть названия. В издании 1982 года второй частью названия было «для физиков и техников», что на мой взгляд, было наиболее адекватным указанием на круг читателей. Не позже 1982 года авторов уже стало двое — сам Зельдович и И. М. Яглом; издания с участием Яглома, строго говоря, уже нельзя было считать переизданиями книг без такого участия.

Книга вызвала неоднозначную реакцию. Сейчас выражение «неоднозначная реакция» означает, как правило, отрицательную реакцию. Не боясь казаться старомодным, я употребил это выражение в самом буквальном смысле. «...Книга очевидно плохая, хуже я не встречал, и бессмысленная» (Л. С. Понтрягин, *Жизнеописание*, с. 176). «Я. Б. Зельдович написал замечательный учебник „Математика для начинающих физиков и инженеров“» (В. И. Арнольд, «Истории давние и недавние», <http://www.ega-math.narod.ru/Arnold3.htm>).

Ещё когда я был студентом Университета, меня посетила следующая мысль, очевидность которой укреплялась в последующие годы: физику математикам должен читать не физик, а математик, потративший время и усилия на переваривание физики в себе. Дело в том, что физики и математики говорят на разных языках, а сходство этих языков только затрудняет правильное понимание. И рассуждают физики и математики по-разному³⁹. Лектор-математик выступает здесь в качестве переводчика с физического языка на математический. Разумеется, то же остаётся верным с переменной ролей: математику физикам должен читать физик. Соображение сохраняет силу и при замене физиков или математиков на, скажем, биологов. Тщетно было надеяться на поддержку высказанной мысли как представителями тех наук, студентам которых читаются лекции, так и представителями тех наук, профессора которых эти лекции тра-

³⁹ Различие в методах рассуждения физиков и математиков обсуждается на с. 519—520 кн. 4 «Филология» в статье «Книги моего детства».

диционно читают. Мы хотим, чтобы нашим студентам читали лекции профессионалы в своей области, говорили первые. Мы хотим донести до ваших студентов лучшее, что есть в нашей науке, и поручаем это специалистам, говорили вторые.

И вот физик (и какой физик!) Зельдович решил написать учебник по высшей математике для начинающих физиков и техников. Он справедливо полагал, что этому контингенту не нужны математически точные определения, более того, они вредны. Когда математически и логически не тренированный человек слышит определение предела функции, то слова «для всякого положительного числа ε существует такое положительное число δ , что если..., то...» повергают его в ужас. Зельдович обошёлся без этих устрашающих формулировок и даже вообще без определения предела. Напомним читателям-нематематикам, что производная определяется в математике как предел отношения приращения функции к приращению аргумента при стремлении приращения аргумента к нулю. Термин «предел» в книге Зельдовича был, но математического понятия предела не было. Названный термин понимался на интуитивном уровне. Снова обратимся к недавно цитированному тексту В. И. Арнольда:

В учебнике Зельдовича производная определялась как «отношение приращения функции к приращению аргумента, в предположении, что последнее достаточно малó».

Никаких пределов он здесь рассматривать не хотел, так как, по его словам, «приращения, меньшие 10^{-10} , всё равно нет смысла рассматривать: ведь структура и пространства, и времени в столь тесной близости вовсе не описывается математическим континуумом».

— Нас, — говорил он, — всегда интересует именно отношение конечных приращений, а производные математиков — это просто *приближённые* математические формулы для вычисления отношений этих конечных приращений.

Свой подход к изложению высшей математики для начинающих физиков Зельдович внятно изложил в датированном 1969 годом Предисловии к пятому изданию своей книги, каковое Предисловие мы заимствуем из посмертного шестого издания⁴⁰, где оно повторено.

⁴⁰ Зельдович Я. Б. Высшая математика для начинающих и её приложения к физике. — 6-е изд., испр. и доп. — М.: Физматлит, 2010. — 520 с. [Издание несёт на себе два знака копирайта издательства «Физматлит» — 2007 и 2010 годов].

Обращаем специальное внимание читателя на установочную фразу из этого Предисловия: «В сущности, сталкивались два различных подхода к обучению». А теперь само Предисловие (мы опустили заключительные абзацы, посвящённые самому изданию):

Уже в заглавии книги выражена задача — дать читателю первое представление о дифференциальном и интегральном исчислении и, применяя эти методы к важнейшим разделам физики, показать значение и силу высшей математики.

Понятия производной и интеграла не намного сложнее таких понятий, как «неизвестная величина» или «подобие треугольников», которые незыблемо входят в школьную программу. Давно пора сделать понятие производной и интеграла достоянием всякого культурного человека, чем бы он ни занимался.

Новые понятия вводятся в первой главе максимально просто и естественно. Далее следует глава, посвящённая технике вычислений в высшей математике. В третьей главе и в главах с пятой по восьмую идут применения к геометрии, к процессам ядерных превращений, механике, молекулярной физике, электричеству. Читателю, давно кончившему школу, будет полезна глава 4 о функциях и графиках. Добавление, напротив, выходит за рамки элементарного курса. Наконец, в Заключении очень схематично охарактеризованы более сложные задачи математической физики.

За годы, прошедшие после первого издания (1960 год), отшумели дискуссии, в которых автора обвиняли в математической нестрогости и чуть ли не в развращении молодёжи приблизительным, легкомысленным.

В сущности, сталкивались два различных подхода к обучению.

Во многих учебниках изложение ведётся в форме, напоминающей диспут двух учёных. Учащийся представляется как противник, выискивающий всевозможные возражения. Педагог последовательно, строго логически разбирает эти возражения одно за другим и неопровержимо доказывает правильность своих положений.

В предлагаемой книге учащийся рассматривается как друг и союзник, который готов поверить педагогу или учебнику и хочет применить к природе, к технике те математические приёмы, которые ему предлагают. Понимание приходит в результате анализа примеров и применений. В строго логическом подходе вопрос о значении и пользе изучаемых теорем остаётся в тени. В предлага-

емой книге на переднем плане показаны именно математические идеи и связь их с изучением природы.

Может быть, недостаточное внимание к строгим доказательствам есть проявление потребительского подхода к математике со стороны автора-физика? Мне кажется, что это не так; продвижение математики вперёд совершается также с помощью интуиции, в терминах общих идей, попросту говоря — с помощью вдохновения, а не холодного расчёта. Только потом работа облачается в броню формул и цепь строгих доказательств; в учебниках часто оказываются запрятанными, затушёванными идеи, вдохновлявшие творцов. Восьмидесятилетний патриарх современной математики Рихард Курант писал в 1964 году, что очень долго математики принимали геометрию Евклида за образец строгого аксиоматического подхода, строгой логической дедукции (вывода). Но вот что пишет дальше Курант:

«Упор на этот [аксиоматический, логический] аспект полностью дезориентирует того, кто предположит, что созидание, воображение, сопоставление и интуиция играют только вспомогательную роль в математическом творчестве и в настоящем понимании.

В математическом образовании действительно дедуктивный способ, начинающий с догматических аксиом, позволяет быстрее обозреть большую территорию. Но конструктивный способ, идущий от частного к общему и избегающий догматического принуждения, надёжнее ведёт к самостоятельному творческому мышлению».

Итак, воображение и интуицию Курант ставит на первое место!

Пресловутое противопоставление лириков и физиков (а заодно и математиков) придумано поэтом Б. Слуцким, т. е. «лириком». В математике, как и в других естественных науках, больше поэзии, чем думают профессионалы-лирики. История науки показывает, что хорошая математика имеет пророческий дар: математический анализ известного открывает путь дальше, в новые неизвестные области, ведёт к созданию новых физических понятий. В «Высшей математике для начинающих» я стремился к конструктивному подходу, к выявлению смысла и цели математических понятий, стремился хотя бы отчасти передать дух того героического периода, когда эти понятия рождались.

Когда С. П. Новиков дал письменное согласие отредактировать книгу, Группа Понтягина с предполагаемым мною наслаждением

его отвергла (хотя сам Понтрягин в контексте обсуждаемых событий назвал Новикова «хорошим математиком», см. *Жизнеописание*, с. 177). Сергей Петрович Новиков, кстати, был идеальной фигурой для такой работы, поскольку, оставаясь крупнейшим математиком, сумел успешно впитать в себя физику вместе с её методами рассуждений.

История с книгой Зельдовича наделала много шума в математических и академических кругах. Учёный совет Математического института АН СССР обсудил книгу на заседании 24 июня 1976 года. Вот выдержка из постановления Совета:

Отметить, что обсуждение пятого издания книги Я. Б. Зельдовича «Высшая математика для начинающих» показало, что книга написана непрофессионально, на крайне низком научном и методическом уровне. Книга не может быть рационально использована для знакомства с высшей математикой и не может служить основой для какой-либо переработки, пригодной для употребления. Издание книги было грубейшей ошибкой.

Это постановление, так же как и «Сводка критических замечаний» опубликованы в статье директора МИАН И. М. Виноградова под названием «О книге Я. Б. Зельдовича „Высшая математика для начинающих“, издание пятое, 1970, издательство „Наука“, Москва», опубликованной в 1976 году в журнале «Математический сборник», т. 101 (143), вып. 2 (10), с. 301—312. Статья кончается словами: «С помощью отдельных исправлений устранить недостатки книги невозможно». Статья Виноградова выложена в Интернете: <http://mi.mathnet.ru/msb3903>.

Завершим тему цитатой со с. 179 *Жизнеописания*:

Книга Зельдовича так и не была переиздана тогда. Правда, теперь, в 1982 году, говорят, что она переиздаётся издательством «Наука», <...> кажется, по специальному распоряжению Президента А. П. Александра.

С книгой Зельдовича у меня связано ещё одно воспоминание. На русский язык была переведена книга Липмана Берса (США) «Математический анализ» под редакцией И. М. Яглома⁴¹. В предисловии к русскому изданию своей книги Липман Берс выражает одобрение по адресу книги Зельдовича. С его стороны это является

⁴¹ Берс Л. Математический анализ: В 2 т. — М.: Высшая школа, 1975.

недобросовестным действием. Если он не знает книги Зельдовича, то незачем её одобрять, а если знает, то должен понимать, как она безграмотна, ведь Липман Берс — квалифицированный математик.

Мысль, что квалифицированный математик может иметь точку зрения, отличающуюся от понтрягинской, Понтрягину, видимо, не приходила в голову.

Свидетельствует русскоязычная Википедия: «Л. С. Понтрягин уделял большое внимание вопросам преподавания математики в советской средней школе. Он написал цикл книг по математике для школьников, не ставших, однако, популярными». Среди этих книг — небольшая, на 88 страниц, книжка «Математический анализ для школьников». Её краткость, являющаяся несомненным достоинством, не оправдывает присутствующей в книжке грубой ошибки. Книжка, выпущенная издательством «Наука», выдержала три издания, от 1980 до 1988 года.

Вот что написано на с. 34—35 (дальнейший текст — для математиков):

Производная сложной функции. Будем исходить из двух заданных функций $\varphi(x)$ переменного x и $\psi(y)$ переменного y . Положим

$$y = \varphi(x).$$

Подставим это выражение для y в функцию $\psi(y)$. Тогда мы получим функцию

$$f(x) = \psi(y) = \psi(\varphi(x)).$$

Эта новая функция $f(x)$, образованная из двух функций $\psi(y)$ и $\varphi(x)$, называется *сложной функцией*. Наша задача заключается в том, чтобы найти производную $f'(x)$ сложной функции $f(x)$. При вычислении мы будем пользоваться определением производной. Положим

$$\eta = \varphi(\xi).$$

Тогда

$$\text{при } \xi \rightarrow x \text{ имеем } \eta \rightarrow y.$$

Согласно определению производной

$$\psi'(y) = \lim_{\eta \rightarrow y} \frac{\psi(\eta) - \psi(y)}{\eta - y}.$$

Теперь мы имеем

$$f'(x) = \lim_{\xi \rightarrow x} \frac{\psi(\eta) - \psi(y)}{\xi - x} = \lim_{\xi \rightarrow x} \frac{\psi(\eta) - \psi(y)}{\eta - y} \cdot \frac{\varphi(\xi) - \varphi(x)}{\xi - x}.$$

Таким образом, имеем

$$f'(x) = \lim_{\eta \rightarrow y} \frac{\psi(\eta) - \psi(y)}{\eta - y} \cdot \lim_{\xi \rightarrow x} \frac{\varphi(\xi) - \varphi(x)}{\xi - x} = \psi'(y) \cdot \varphi'(x),$$

причём вместо y в полученный результат следует подставить его значение $y = \varphi(x)$.

Оставляя в стороне небрежное обращение с переменными и постоянными в этом рассуждении (что такое y ?), заметим, что выражение $\eta - y$, встречающееся в знаменателе, может обращаться в нуль. Поэтому приведённое доказательство некорректно. Его можно исправить, но в том виде, в каком оно есть, это доказательство, вероятно, вызвало бы негодование Понтрягина, если бы он его обнаружил у другого автора.

О Л. В. Канторовиче

Будущий Нобелевский лауреат математик и экономист Леонид Витальевич Канторович (06(19).01.1912—07.04.1986) дважды пришёл мне на выручку в день защиты моей диссертации 1 июня. Прежде всего, на самой защите. После выступлений присутствующих официальных оппонентов и зачитывания отзыва официального оппонента отсутствующего он неожиданно взял слово и решительно меня поддержал. Так я с ним и познакомился. Второй раз Л. В. Канторович помог мне вечером, на банкете в Доме учёных. Там произошла некоторая заминка в самом начале. Собравшиеся в недоумении стояли у стола и, по-видимому, ждали моего приглашения — а я тоже растерялся и не знал, что делать. Канторович чутко оценил ситуацию, наполнил свою рюмку, пригласил всех сделать то же самое и произнёс несколько соответствующих поводу ритуальных слов, после чего все с облегчением уселись за стол и начали выпивать и закусывать.

Хотя до поездки в Новосибирск я и не был знаком с Канторовичем, но, конечно, много о нём слышал. Во-первых, ещё во время моего пребывания в аспирантуре Колмогоров, который ценил творчество Канторовича в области чистой математики, велел мне читать объёмистую статью Канторовича и Ливенсона об аналитических операциях и проективных множествах¹, опубликованную в 1932 и 1933 годах в двух томах журнала *Fundamenta mathematicae*. Во-вторых, я знал, что он основоположник линейного программирования и ряда важных методов оптимизации — методов, позволяющих не просто находить решение поставленной задачи, а находить наиболее экономное (оптимальное) её решение². В-третьих, я слушал его пионерские доклады об

¹ Эти множества были открыты Н. Н. Лузиным, учителем Колмогорова.

² Основные идеи содержались в книге Канторовича «Математические методы организации и планирования производства», выпущенной Ленинградским университетом в 1939 году. Эти идеи на многие годы опередили мировую науку, у нас же не получили должного развития, поскольку применение математики в планировании, а тем более в экономике граничило с идеологической ересью. А идеологическая ересь в те годы могла привести в тюрьму.

использовании вычислительных машин и о крупноблочном программировании. В-четвёртых, я слышал (наверное, ещё будучи студентом) следующий рассказ, принадлежащий, возможно, не столько подлинной истории математики, сколько её мифологии, но тем не менее достойный того, чтобы его здесь привести.

Итак, вот рассказ, за достоверность которого не ручаюсь; но выглядит он правдоподобно. Среди задач прикладной математики выделяются так называемые задачи оптимального раскроя. Представим себе, что перед нами кусок материи, из которого мы желаем изготовить выкройки для пиджака. Ясно, что разумно располагая выкройки на этом куске, можно добиться того, что из этого куска получится, скажем, две выкройки, а, напротив, максимализируя неразумие, можно не получить и ни одной и всё пустить в отходы; в первом же случае отходов будет меньше. Речь, таким образом, идёт о том, чтобы добиться уменьшения объёма отходов. Аналогичные задачи встают при резке фанеры, стекла и т. д. Очень близки к этому задачи

В 1942 году во время обсуждения в Госплане СССР идей Канторовича «один из авторитетных статистиков, проф. Б. С. Ястремский сказал: „Канторович предлагает оптимум, а кто ещё предлагал оптимум? Фашист Парето, любимец Муссолини“» [ЛВК, т. 1, с. 59—60]. Не жившим при советской власти и тем более при её высшей фазе, сталинизме, трудно понять, к сколь тяжким последствиям во время войны могло привести обвинение в самослабейшем сочувствии к фашизму — ведь согласно государственной пропаганде война шла именно с фашизмом (на самом деле, конечно, нет, и лозунг войны с фашизмом был обусловлен конъюнктурой: Сталину и его клике на фашизм было глубоко наплевать, и если бы Гитлер на него не напал, Сталин продолжал бы с ним дружить до тех самых пор, пока сам бы на него не напал; я уж не говорю, что идеологией Германии был не фашизм, а национал-социализм, сокращённо — нацизм). После обсуждения «в кабинете председателя Госплана Н. А. Вознесенского состоялось закрытое совещание, где ставился вопрос об аресте Канторовича» [ЛВК, т. 1, с. 60—61, сноска 60]. По утверждению авторитетов, Канторовичу удалось спастись чудом. И избежать не только судьбы Николая Вавилова, добавим мы, но и судеб Акселя Берга, Сергея Королёва, Константина Рокоссовского, Андрея Туполева и др.

Соввласть преследовала так называемое «низкопоклонство перед Западом» и пропагандировала так называемый «приоритет русской и советской науки». Что зачастую приобретало совершенно уродливые формы — вплоть до утверждений, что в России якобы были осуществлены и первый полёт на воздушном шаре, и первый полёт на самолёте, причём самолёт был с паровым двигателем. Здравомыслящая часть населения реагировала ироническими пословицами (в сталинскую эпоху весьма опасными) вроде «Россия — родина слонов» или «Россия — родина приоритетов». Вместе с тем именно она, эта власть, ответственна за то, что ряд подлинных российских приоритетов был отдан на Запад. Так, в частности, случилось и с методом линейного программирования, изобретённым Канторовичем.

о рациональном размещении предметов в заданном пространстве — например, паровозов в трюме парохода. Проблема оптимального раскроя, как видим, есть проблема прикладная, но, как это часто бывает с прикладными проблемами, требующая углублённых математических разработок³. Такие разработки и произвёл в предвоенные годы Канторович, работавший тогда в Ленинграде. На их основе он выработал рекомендации по оптимальному раскрою ткани, долженствовавшие дать грандиозный эффект. Рекомендации были доложены городскому руководству, каковое распорядилось внедрить их на швейных предприятиях Ленинграда — но всё же сперва не во всех и не навсегда, а только в двух и только на год. Чтобы посмотреть, что получится. А получилось так: эти два предприятия дали 8 процентов отходов, а остальные — 21 процент (цифры беру с потолка). После чего директора всех предприятий наотрез отказались выполнять предложенные рекомендации. Потому что те два директора, которые проводили эксперимент, претерпели следующие две неприятности. Во-первых, их предприятия не выполнили план по сдаче отходов в утиль и были за это лишены премий. Во-вторых, каждый год от предприятий требовали уменьшить количество отходов на один процент, а потому этим двум предприятиям запланировали теперь 7 процентов. Их попытки объяснить, что это невозможно (потому что 8 процентов — это научно выведенный абсолютный минимум) встречали следующее возражение: «Это вы всегда так говорите. Вот когда вам снижали процент отходов с 22 до 21, вы тоже говорили, что это совершенно невозможно. Мобилизуйте резервы, проведите соцсоревнование».

Я не решился спросить Канторовича, верен ли этот рассказ, — возможно, из страха, что он окажется неверен⁴, — хотя мог бы

³ Не следует, конечно, пренебрегать и грубой эмпирикой. Так, в Книге рекордов Гиннеса зафиксирован рекорд по количеству людей, которые в состоянии втиснуться в телефонную будку. Количество огромное, что-то вроде 28 человек (цифру воспроизвожу по памяти, желающие могут проверить). Разумеется, часть людей стояла вверх ногами — это достаточно очевидно. Рекорд был достигнут на основе реализации догадки, вряд ли полученной путём математических вычислений: большой палец ноги одного из стоящих на голове членов команды (разумеется, не произвольного, а занимающего совершенно определённую позицию) надлежало засунуть в ноздрю другого участника рекорда.

⁴ Так оно и оказалось. Хотя и не совсем: основа рассказа верна. Вот что сказал по этому поводу сам Леонид Витальевич в интервью, опубликованном уже после его смерти на с. 10 в № 31 газеты «Неделя» за 3—10 августа 1987 года, под заголовком «Смотреть на правду открытыми глазами (Последнее интервью выдающегося учёного)» (перепечатано в [ЛВК, т. 1, с. 76—82]):

...В Петрозаводске один из моих учеников внедрял на лесопильном заводе решение оптимизационной задачи по раскрою материалов. По

это сделать во время прогулки по окрестностям Академгородка⁵, на которую был Канторовичем приглашён. Во время этой прогулки Канторович поделился со мною двумя идеями, которые поразили меня своею необычностью и потому запомнились. Тогда много говорили о регулировании подготовки специалистов с высшим образованием — с тем, чтобы не было перепроизводства ненужных и недопроизводства нужных (а эти «пере-» и «недо-» действительно имели место). Канторович сообщил мне путь решения проблемы: надо рассматривать специалистов как товар, и пусть заинтересованные ведомства покупают у вузов нужных им специалистов; тогда рынок сам расставит всё

расчётам, на одном из видов продукции из того же количества сырья выпуск увеличивался на 4 процента. Это был чисто теоретический вывод, который, естественно, не мог учесть полностью качество самого сырья, возможный процент брака, зависящий от квалификации работников, другие субъективные факторы. Но директор, очень доверявший науке, заложил эти четыре процента в план выпуска. В итоге рост продукции получился на 2,5 процента, что само по себе — дело огромное. <...> Наш директор, дав на 2,5 процента больше, чем за все годы, сорвал план, лишил себя и сотрудников премий и оказался в отстающих.

Много лет назад произошла, пожалуй, наиболее типичная — по непониманию — ситуация, которую сегодня часто вспоминают как анекдот. Но это — не анекдот. На вагоностроительном заводе имени Егорова в Ленинграде с помощью линейного программирования сделали раскрой металла. Это была пионерская работа и в мире, и у нас в стране. Делалось всё в эпоху арифмометров, а не ЭВМ, вообще, вероятно, это было первое в мировой практике реальное применение методов линейного программирования.

После того, как были применены оптимальные методы и несколько сократился расход металла, оказалось, что резко уменьшилась возможность сдачи металлолома. В итоге был сорван план сдачи отходов металла, а раз один из показателей не выполнен, то предприятие не может быть премировано в полном размере. Тогда райком помог преодолеть эту трудность, и в виде исключения премия заводу была сохранена, несмотря на срыв одного из показателей. Второй казус этой ситуации: отраслевое начальство, получив рапорт о том, что завод на 4 процента увеличил использование металла при раскросе, предложило им не терять темп и в следующем году опять подняло план использования металла на те же 4 процента. Выходило, что металл должен использоваться на 101 процент, и пришлось даже писать бумагу от академии, что больше 100 процентов не бывает.

⁵ Помню, Академгородок произвёл на меня тогда большое впечатление своей непохожестью на всё, что я видел вокруг. Речь, конечно, идёт здесь не об архитектуре, там были обычные хрущёвские пятиэтажки; речь идёт о принципах градостроительства, включающих и самоё последовательность воздвижения города (а говоря юридическим языком — одного из районов города Новосибирска). Этими принципами Академгородок был обязан своему создателю Михаилу Алексеевичу Лаврентьеву (кстати, одному из учеников

на свои места. Как видно, Канторович верил в рынок при социализме⁶. Эта вера ещё сильнее проявилась во втором его суждении. Он сказал, что, вообще говоря, при должной организации централизованное советское общество более приспособлено к рынку, чем общество западное. И объяснил, почему. Дело в том, что Канторович создал математическую теорию оптимальных цен, т. е. таких цен на товары, которые должны быть установлены, чтобы экономика работала наилучшим образом. (Разумеется, опасаясь быть обвинённым в каком-нибудь плохом -изме и отклонении от единственного хорошего -изма, т. е. от марксизма-ленинизма, он не мог назвать эти цены ценами, а называл их «объективно обусловленными оценками», а сперва даже всего лишь «разрешающими множителями».) Так вот, сказал мне Канторович, в капиталистическом обществе эти цены если и возникают, то после занимающей определённое время притирки (в течение которой представление об оптимальности может и поменяться), тогда как в советском обществе эти оптимальные цены могли бы быть введены директивно. Каков тот математически обоснованный механизм, который мог бы заставить советскую власть принять такую директиву, это оставалось неясным.

Н. Н. Лузина), который сумел добиться, казалось бы, невозможного, — а именно того, чтобы строительство велось в предложенной им последовательности. Прежде всего были построены дороги. Затем — жилые дома. И только потом — научные институты. В 1963 году большинство институтов размещалось в квартирах, точнее в квартирах располагались административные подразделения, а научные сотрудники работали дома. Тепловая станция, дающая горячую воду, была отнесена за несколько километров от города, чтобы его не задымлять, и от неё по лесу шла толстая труба (по крайней мере в одном месте из неё бил горячий ручеёк, и жители соседней деревни приезжали туда за горячей водой; мне запомнилось специальное устройство для перевозки горячей воды — бидон на колёсах, в виде тачки; видно было, что дырка в трубе приобрела характер постоянного элемента окружающего ландшафта). При строительстве не разрешалось вырубать деревья, поэтому было ощущение, что здания стоят прямо в лесу. Когда я побывал в новосибирском Академгородке в 1981 году, количество деревьев уменьшилось, и вообще всё стало хуже.

⁶ Хотя наша беседа не касалась опасных политических тем, у меня сложилось впечатление, что — подобно многим интеллигентам того времени — Канторович верил в возможность «социализма с человеческим лицом». Сам этот термин, впрочем, возник позже, во время так называемой чешской весны 1968 года. После того, как в августе того же года она была подавлена, распространилось мнение, что социализм с человеческим лицом невозможен. Противоположное мнение состоит в том, что он всё же возможен: ведь на путь социализма с человеческим лицом встали некоторые западноевропейские страны, причём первыми (что кому-то покажется парадоксальным) встали страны с монархической формой правления — такие, скажем, как Швеция и Нидерланды.

Сибирское отделение Академии наук было создано в мае 1957 года, а в марте 1958 года состоялись первые выборы его членов. Л. В. Канторович был избран членом-корреспондентом этого отделения по специальности «экономика». В этом звании я его и застал в июне 1963 года в новосибирском Академгородке. Потом признание властями его заслуг стало возрастать. Через год он уже был избран полным академиком Сибирского отделения по специальности «математика», а ещё через год, в 1965 году, ему была присуждена высшая премия Советского государства — Ленинская премия (за работы по математической экономике, совместно с экономистом В. В. Новожиловым и статистиком В. С. Немчиновым). В связи с этим вспоминаю такой эпизод. Для получения премии Канторович приехал в Москву. На университетском семинаре Колмогорова был объявлен его доклад о его экономико-математических работах. Я был на этом докладе. На доске была изображена схема из кружков и квадратов со стрелками. Стрелки обозначали направления управления и товаропотоки. Объяснялось, что если главный кружок или квадрат, называвшийся «регулирующий орган» и означавший, надо полагать, правительство, выдаст правильную команду, то тогда все остальные кружки и квадраты начнут действовать оптимальным образом, потому что именно такой образ действий будет для каждого из них максимально выгодным. Так что основным побудительным мотивом должна была стать личная выгода участников экономической сцены — что, конечно, совершенно правильно. Я только не мог понять, какие соображения личной выгоды должны были побудить регулирующий орган выдать ту самую необходимую команду, и приготовил соответствующий вопрос, каковой собирался задать докладчику, когда настанет время вопросов. Время, однако, не настало: не было ни вопросов, ни обсуждения, и вообще, конец семинара был несколько скомкан. Было объявлено, что Канторович и его коллеги должны срочно покинуть Университет и ехать на банкет, происходящий как раз по случаю присуждения премии. Так премия за научные исследования послужила препятствием для обсуждения этих исследований на семинаре Колмогорова.

Впоследствии Л. В. Канторович переехал в Москву, в 70-е годы он сделался профессором Института управления народным хозяйством (где обучались, кажется, министры). Московская его квартира располагалась в высотном здании у Красных ворот.

В 1975 году Канторовичу была присуждена Нобелевская премия по экономике⁷. Когда решение о премии было обнародовано в Швеции,

⁷ Если быть педантичным, то премию по экономике следует называть не Нобелевской, а премией имени Нобеля, потому что экономика не входила в перечень наук, указанных Альфредом Нобелем в своём завещании; премия

советские средства массовой информации хранили об этом молчание в течение нескольких дней, потому что высшие власти пребывали в некоторой нерешительности. Если бы премия была, скажем, по математике (хотя по математике Нобелевских премий и не бывает), то всё было бы в порядке. А тут по экономике! Как это возможно, чтобы представители западной буржуазной антимарксистской экономической мысли присудили премию советскому учёному? Не означает ли это, что он недостаточно советский? Считать ли это присуждение признанием достижений советской науки и культуры (как, скажем, присуждение Нобелевской премии Михаилу Шолохову в 1965 году) или антисоветской провокацией (как присуждение Нобелевской премии Борису Пастернаку в 1958 году)? В конце концов решили считать признанием. Я помню интервью Канторовича, через какое-то время опубликованное в Литературной, кажется, газете. Его спросили, как могло получиться, что буржуазные экономисты дали премию экономисту советскому. Он отвечал, что наиболее общие законы экономики едины для капитализма и социализма, — очень смелый ответ, надо сказать. Без провокации всё-таки не обошлось. Дело в том, что в тот же год Нобелевскую премию мира получил Андрей Дмитриевич Сахаров. Его, конечно, не пустили её получать (или он сам не поехал, потому что тогда бы его не пустили обратно, — сейчас уже не помню). В Стокгольме, куда Канторович приехал получать премию, на него набросились корреспонденты. Мне довелось слышать этот эпизод по радио — кажется, даже не в записи, а в прямом эфире. И я вспоминаю следующий диалог. Один из корреспондентов задал Канторовичу вопрос: «Сожалеете ли Вы, доктор Канторович, что доктор Сахаров не смог приехать вместе с Вами в Стокгольм, чтобы получить свою премию?». Надо жить в Советском Союзе в 1975 году, чтобы оценить степень провокационности вопроса и трудность положения, в которое был поставлен Канторович. Но он нашёлся: «Доктор Сахаров и не должен был приезжать в Стокгольм, премии мира вручают в Осло». И действительно, все Нобелевские премии вручает в Стокгольме король Швеции — все, кроме Нобелевской премии мира, которая вручается в Осло в присутствии короля Норвегии. «Ну конечно, — сказал корреспондент, — я оговорился. Так сожалеете ли Вы, что доктор Сахаров не смог приехать, чтобы получить премию?». — «Я уже ответил на этот вопрос». — «Но это

по экономике была учреждена только в 1968 году Госбанком Швеции. Однако и размер этой премии, и процедуры её присуждения и вручения — совершенно такие же, как у Нобелевских премий по физике или химии, поэтому для простоты обычно её также называют Нобелевской.

же не было ответом по существу вопроса». — «Корреспондент вправе быть недоволен ответом на свой вопрос».

Последний раз я видел Канторовича незадолго до его смерти. Расстроенный и несчастный, он стоял в просторном вестибюле Главного здания МГУ. В Актовом зале МГУ только что закончилось заседание Общего собрания Академии наук, на котором ему фактически не дали слова. Т. е. дали, но на условиях, которые он не принял. Дело было так. Вёл заседание Президент Академии наук Анатолий Петрович Александров. Был очень жёсткий регламент — столько-то минут на выступление, кажется десять. Канторович, который был записан на выступление, перед выходом на трибуну попросил пятнадцать. А может быть, регламент был восемь, а Канторович попросил двенадцать. Уже не помню. Помню только, что Канторович очень настаивал, аргументируя тем, что тема его выступления (об экономике страны) очень важная и что он специально приехал из больницы, где проходит лечение; Александров грубо (меня это тогда резануло) ответил: «А не надо было приезжать». И прибавил что-то вроде «Картина была бы более ясной». Канторович не стал выступать. Александров очень следил за регламентом, поскольку заседание надлежало непременно завершить к определённом сроку, после которого все члены Академии переезжали из Университета в Дом учёных, где должно было состояться торжественное вручение Золотой медали имени Ломоносова учёному из одной из азиатских стран. Когда я разговаривал с Леонидом Витальевичем, машины для переезда уже были поданы к главному подъезду. Ему же требовалась машина, чтобы вернуться в больницу.

Колмогоров был одним из двух авторов статьи, написанной к 70-летию Л. В. Канторовича. Статья была первоначально опубликована в журнале «Математика в школе» (№ 2 за 1982 год), а затем перепечатана на с. 512—514 в вышедшем в 1998 году в Новосибирске сборнике «Очерки истории информатики в России» (редакторы-составители Д. А. Пospelов и Я. И. Фет).

Литература

[ЛВК] Леонид Витальевич Канторович: человек и учёный: В 2 т. / Ред.-сост. В. Л. Канторович, С. С. Кутателадзе, Я. И. Фет. — Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2002, 2004.

Т. 1. — 2002. — 542 с.;

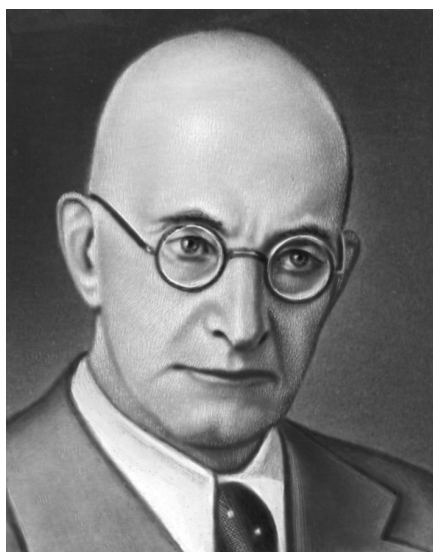
Т. 2. — 2004. — 613 с.

О П. С. Александрове, а также о «деле Лузина» и Айседоре Дункан

1

Павел Сергеевич Александров (25.04(07.05).1896—16.11.1982) был яркой личностью, и странно, что никто из его многочисленных учеников не написал о нём воспоминаний. Даже воспоминания Колмогорова охватывают лишь период с 1929 по 1931 год. Имеется в виду статья: *А. Н. Колмогоров. Воспоминания о П. С. Александрове // Успехи математических наук. — 1986. — Т. 41. — Вып. 6 (252). — С. 87—203. — [<http://mi.mathnet.ru/umn2316>]*. (Перепечатано на с. 131—157 в книге: *А. Н. Колмогоров. Математика в её историческом развитии. — М.: Физматлит, 1991.*)

К счастью, сам Александров оставил мемуарные записки о себе: *П. С. Александров. Страницы автобиографии. [Часть I] // Успехи математических наук. — 1979. — Т. 34. — Вып. 6 (210). — С. 219—249. — [<http://mi.mathnet.ru/umn4191>]*; *П. С. Александров. Страницы автобиографии. Часть II // Успехи математических наук. — 1980. — Т. 35. — Вып. 3 (213). — С. 241—278. — [<http://mi.mathnet.ru/umn3564>]*. При цитировании — *Страницы*.



Павел Сергеевич Александров.

В наследие Александрова входит также несколько очерков общего характера о его понимании занятия математикой. В них, а также в своих устных выступлениях, он подчёркивал эмоциональную составляющую математического творчества, учил видеть в математических построениях красоту и не увлекаться спортивной стороной в работе математика. В одном из очерков, названном «О призвании учёного»

и изданном в 1970 году отдельной брошюрой, Александров писал о некомфортности занятий математикой как всякого творчества:

Выражение «некомфортность» научной работы в применении к занятиям математикой принадлежит не мне, а известному современному математику Куранту. Этой некомфортностью он как-то, уже очень давно, в частном разговоре со мной, объяснял, почему математики в большинстве случаев рано кончают свою собственно творческую работу. Они не выдерживают этого постоянного внутреннего напряжения. Когда я говорю о научной работе, я тоже, конечно, опираюсь на свой опыт, а опыт этот — опыт математика. Но я не думаю, что в других науках — по крайней мере в так называемых точных науках — этот опыт существенно иной. Так называемая «покойная» научная работа, если только речь идёт о настоящей научной работе, представляет собою миф. Настоящая научная работа, т. е. именно искание того, «как же в действительности дело обстоит» — всегда беспокойно, всегда состоит из переходов от одних неудачных попыток к другим, пока не найдётся наконец удачный подход, если он вообще найдётся. Эта работа столь же беспокойна, как работа музыканта, ищущего и тоже долго не находящего, как должна звучать данная музыкальная фраза. Более беспокойна может быть только работа хирурга, сознающего в добавление ко всему прочему, что каждая его неудача может стоить жизни больному. А мы на этих неудачах только и продвигаемся вперёд...

(Александров П. С. Теория размерности и смежные вопросы.

Статьи общего характера. — М.: Физматлит, 1978. — С. 371—372.)

2

С Павлом Сергеевичем Александровым я познакомился ещё студентом во время первого посещения Комаровки. Адрес его тогдашней московской квартиры я не знаю, но осенью 1953 года он переехал в свою новую квартиру в одной из башен Главного здания Московского университета, рядом с квартирой Колмогорова. (Главное здание торжественно открылось 1 сентября 1953 года.) Вот в эту-то квартиру 9 башни «Л» я по какому-то делу зашёл к нему, будучи аспирантом. Провожая меня, он подал мне пальто — я отшатнулся. Он укорил меня замечательной фразой, применимой и к другим ситуациям: «Только лакеи не подают друг другу пальто!».

Постепенно я обнаружил, что разговаривать с Александровым мне

проще, чем с Колмогоровым: Александров был, как и я, человек, Колмогоров же очень часто казался представителем иной, сверхчеловеческой породы. Бывая в комаровском доме, я постепенно сблизился с Александровым. Сам Александров отмечает:

Снова вернусь к комаровскому дому. Он включал в себя не только моих учеников, но в неменьшей степени и учеников Андрея Николаевича Колмогорова. Их много, и я могу здесь назвать только некоторых из них, отдавая преимущество тем, с которыми и у меня установились непосредственные (не только через Колмогорова) дружеские отношения: это, прежде всего, старший по возрасту Борис Владимирович Гнеденко и существенно младшие Владимир Андреевич Успенский, Владимир Михайлович Тихомиров, Альберт Николаевич Ширяев¹. *(Страницы, ч. II, с. 274.)*

Сближению с Александровым способствовало следующее обстоятельство. В 1954/1955 учебном году, ещё до окончания мною аспирантуры (что произошло 15 ноября 1955 года), мне было поручено вести практические занятия (так называемые «упражнения») по математическому анализу в 107-й группе первого курса мехмата. На этих занятиях, проходивших дважды в неделю, отрабатывались методы построения графиков, дифференцирования и интегрирования. По указанию кафедры математического анализа требовалось давать на дом немалое количество задач из знаменитого задачника Бориса Павловича Демидовича «Сборник задач и упражнений по математическому анализу», по первому изданию которого, вышедшему в 1947 году, учился ещё автор этих строк². Взятие интегралов требовало времени, а подчас и изобретательности. В 107-й группе учился студент, которому покровительствовал и помогал Александров. Впоследствии этот студент сделался профессором мехмата. А тогда, как мне рассказывали, Александрову приходилось корпеть над задаваемыми мною интегралами, которые вызывали его раздражение, а некоторые давались с трудом. Он обратился ко мне с просьбой давать поменьше заданий. Я возражал, что это не в моей власти. Тогда он создал комиссию деканата под своим председательством по вопросу о домашних заданиях на первом курсе. По названному вопросу мы с ним активно сотрудничали в атмосфере полного взаимопонимания.

¹ Стоит отметить, что перечисляя «существенно младших», Александров назвал в точности тот самочинный триумвират, который в последние годы жизни Колмогорова пытался взять на себя организацию быта и лечения своего великого Учителя.

² К 1997 году вышло 13 изданий. В 1947—1949 годах, на моих первых двух курсах, мне посчастливилось быть в той группе, в которой упражнения по математическому анализу вёл сам Борис Павлович.

О некоторых существенных чертах характера П. С. Александрова рассказывает хорошо знавший его В. М. Тихомиров в своём интернет-очерке «Кому повею печаль мою?..» <http://www.modernproblems.org.ru/memo/266----1---r.html>:

Павел Сергеевич подчинял свою жизнь непрерываемым правилам, привычкам и обычаям. Над изголовьем его кровати всегда висела рельефная карта Крыма, которую в гимназические годы подарил ему отец; на столике у кровати всегда лежала старинная домашняя Библия. Он просыпался в одно и то же время, делал привычную гимнастику, подолгу занимался туалетом и водными процедурами. В строго определённое время принимал английскую соль³ для правильной работы желудка.

Лет тридцать пять тому назад — эти годы сейчас называют «началом космической эры» — в «Комсомолке» развернулась дискуссия: что взять с собой в космический полёт. В дискуссии принимали участие по большей части девушки. Одни предлагали взять ветку сирени, другие — томик Есенина, третьи — популярную песню. Володя Пономарёв, ученик П. С., тогда ещё студент, прочитав всё это, как-то спросил:

— Павел Сергеевич! А вот Вы, что бы Вы взяли с собою в космос?

— Что за глупости, я бы туда и не полетел, — ответил П. С. Но Володя настаивал:

— Ну, а если бы заставили, что бы Вы взяли?

И тогда П. С. изрёк:

— Ну уж если бы заставили, я прежде всего взял бы с собою английскую соль⁴.

7 мая 1956 года Александров отмечал своё шестидесятилетие приёмом в своей квартире. Я был приглашён и был поражён тем, что Александров принимал гостей в лыжном костюме. Он мне потом объяснил: «Хозяин должен быть одет так, чтобы никто из гостей не почувствовал себя плохо одетым».

Это Александров приучил меня писать слово «Бог» с прописной буквы. Он говорил: «Вот, не велят писать „Бог“ с большой буквы, потому что боятся, как бы Он от этого не засуществовал». Слово «Бог» вообще

³ Теперь абсолютное большинство аптекарей уже не знают и не понимают словосочетание *английская соль*. Им надо сказать *сульфат магния*. А замечательные капли датского короля, которые я охотно принимал в детстве и, кажется, ещё в первые послевоенные годы, теперь вообще не производятся. — В. У.

⁴ Ах, как я это понимаю и как завидую его самодисциплине! — В. У.

занимало большее место в лексике (и, надо думать, в мировоззрении) Александрова, чем у Колмогорова, который, как я понимал, был атеистом. Как-то Александров спустился с антресолей Комаровского дома и поинтересовался, чем это мы с Колмогоровым занимаемся. Узнав, что математической лингвистикой, он выразил своё неудовольствие в следующей примерно форме: «Господь Бог желает, чтобы человек вёл себя тихо и не слишком старался проникать в Его тайны».

Реакция Александрова на слова собеседника была мгновенной и часто острой. «И Александров остро взвинчен» писал Л. А. Люстерник в своих стихах, перечисляя старших учеников Лузина.

Как-то раз в первой половине 1959 года я встретился с Александровым в лифте Главного здания МГУ. «Отчего вы такой грустный?» — спросил он. «У меня родился сын», — отвечал я. «Но это не повод для грусти», — резонно возразил Александров. «Дело в том, что у моего сына обнаружилась кривошея». — «А кто-нибудь кроме вас поставил этот страшный диагноз?». — «Нет», — честно признался я. «А-а-а, — громко и удовлетворённо проговорил Александров с неподражаемой интонацией, откидывая при этом „а-а-а“ голову назад, — ну, тогда я надеюсь, что это не очень страшно».

Речь Александрова была характерной: он говорил на прекрасном русском языке, отчётливо выговаривая слова и слегка грацируя. Приведу два его публичных высказывания, сделанных в его неповторимой манере на Учёном совете мехмата.

Каждый год осенью Учёный совет ритуально обсуждает итоги нового приёма на факультет. На одном из таких обсуждений Александров выступил с критикой действующей системы вступительных экзаменов. «Любой грамотный психиатр скажет, — заявил Александров, — что невозможно поставить психиатрический диагноз на основе кратковременной беседы с пациентом. Требуется наблюдение в течение какого-то времени. Поскольку математические способности представляют собою психическое отклонение, их присутствие или отсутствие невозможно обнаружить за те 30, 40 или даже 50 минут, в течение которых происходит устный экзамен. Поэтому существующая практика бессмысленна».

Второе высказывание можно было бы даже датировать с высокой степенью точности. Это было тогда, когда в советских вузах изменились названия оценок: вместо *посредственно* и *плохо* стали говорить и писать *удовлетворительно* и *неудовлетворительно*, что произошло вследствие очередного постановления Партии и Правительства. Установленный порядок требовал, чтобы учёные советы факультетов обсудили это постановление и благодарили Партию и Правительство

за заботу о высшей школе. В своём выступлении на Учёном совете мехмата Александров призвал не относиться к переименованию отметок как к чистой формальности. «Прежде, — сказал Александров, — когда студент отвечал мне на тройку, я находил его ответ посредственным и делал соответствующую запись в его зачётной книжке. Теперь, услышав тот же самый ответ, я обязан признать, что он меня совершенно удовлетворяет. И в этом расписаться».

С абсолютной же точностью можно было бы датировать заседание Московского математического общества, посвящённое выходу в свет летом 1950 года «гениальных трудов товарища Сталина по вопросам языкознания» (таково было официальное словоупотребление по отношению к этим работам); напомним, что один из эпитетов Сталина был «корифей науки». Сталинских текстов было три и появились они в главной газете — газете «Правда». Первый был опубликован в газете 20 июня с заголовком «Марксизм и вопросы языкознания» и подзаголовком «Относительно марксизма в языкознании» и состоял из ответов на вопросы, якобы заданные Сталину несуществующей на самом деле «группой товарищей». Вторым и третий были опубликованы, соответственно, 4 июля и 2 августа, и представляли собою адресованные конкретным лицам ответы на вопросы, заданные этими лицами в связи с появлением первого текста. Затем эти три текста были объединены и выпущены отдельной брошюрой под общим названием «Марксизм и вопросы языкознания». Советскому народу было предписано ликовать, а научным учреждениям — провести специальные заседания. Книга в твёрдом вишнёвом переплёте: «Сессия отделений общественных наук Академии Наук СССР, посвящённая годовщине опубликования гениального произведения И. В. Сталина „Марксизм и вопросы языкознания“» (Издательство Академии наук СССР, 1951, твёрдый переплёт, 224 с., тираж 10000 экз.) — невольно наводит на ассоциацию с такими наименованиями, как «Перспектив имени Первого тома Сочинений Гениалиссимуса» или «Перспектив имени Литературных дарований Гениалиссимуса», засвидетельствованными героем антиутопии Войновича «Москва 2042».

Не избежало специального заседания и Московское математическое общество. Вот объявление об этом событии:

Заседание 14 ноября 1950 года, совместное с методическим семинаром механико-математического факультета Московского государственного университета.

1. П. С. Александров. «Работы Иосифа Виссарионовича Сталина по вопросам языкознания и их значение для математики».

Я, тогда четверокурсник мехмата, присутствовал на этом заседании. Александров поступил так. Своим красивым, грассирующим голосом он полностью зачитал текст работ великого вождя и учителя, не упуская раскрывать инициалы. Наиболее часто встречающаяся фамилия «Марр» в тексте Сталина всюду сопровождалась инициалами «Н. Я.». Александров вместо этого «Н. Я.» всегда говорил «Николай Яковлевич» в соответствующем падеже. В моих ушах надолго застряла сталинская фраза, произнесённая Александровым с большим артистизмом: «Нет уж, избавьте нас от „марксизма“ Николая Яковлевича Марра».

Так называемый «банкет», даваемый диссертантом после защиты, был непременной частью ритуала самой защиты — как в советское, так и в дореволюционное время⁵. Александров высказался по поводу этической стороны присутствия на банкете: «Моральное право быть на банкете имеет лишь тот, кто до конца высидел всё заседание диссертационного совета, вытерпел все выступления». Это утверждение было тем более сильным, что, бывало, на мехмате случались аж четыре кандидатских защиты подряд, причём объявление результатов, а тем самым и банкет, даже по первой диссертации, происходили лишь после последней защиты.

Всеми этому я был свидетелем сам. В пересказе же мне известно его высказывание о К. К. Марджанишвили после того, как в 1974 году тот был избран действительным членом АН СССР. «Конечно, Константин Константинович, — сказал Павел Сергеевич, — не дотягивает на некоторую дельту до полного академика, но эта дельта с лихвой перекрывается заслугами его отца». Павел Сергеевич имел в виду отца Константина Константиновича, знаменитого режиссёра и одного из создателей грузинского театра Константина Александровича (Котэ) Марджанишвили.

В тридцатых годах, во время своего пребывания в Гёттингене, он как-то мылся в «купальном заведении». И кто-то из сопосетителей, с ним не знакомых, обратился к нему со словами «Герр профессор». Замечательность этого эпизода в том, что Александров и в голом виде не оставлял сомнения, что он профессор.

⁵ У меня была замечательная няня Маша, Мария Ивановна Кураева. Достаточно сказать, что она пекла пироги на свадьбе моей бабки по отцу, а потом последовательно выходила моего отца, меня и моего младшего брата. Машин брат Василий Иванович Бирюков был профессиональным поваром. Ему принадлежит такое высказывание, долженствующее в его глазах показать его созерцательную наблюдательность и интеллигентность: «Летит целая диссертация галок». Для него слово *диссертация* означало скопление пришедших на банкет.

3

Александров и Колмогоров были знакомы с 1922 года. Александров указывает:

В ноябре 1922 года я впервые познакомился с Андреем Николаевичем Колмогоровым. Он — тогда 19-летний студент — пришёл ко мне и рассказал в общих чертах о своей замечательной, большой работе «Операции над множествами». Тетрадь с изложением этой работы вскоре была передана Н. Н. Лузину, у которого она и пролежала до 1929 года, пока Д. Ф. Егоров не отправил её для напечатания в «Математическом сборнике». (*Страницы*, ч. I, с. 245.)

Для меня главное достоинство Александрова состояло в том, что он был ближайшим другом Колмогорова. Даты их рождений обнаруживают мистическое сходство: оба родились 25 апреля, только Александров — по старому стилю, а Колмогоров — по новому. Отнюдь не все оценивают Александрова в целом и его влияние на Колмогорова положительно. Несомненно, однако, что самим Колмогоровым его дружба с Александровым, старшим его на семь лет, воспринималась как залог его счастья и благополучия — и уже за это человечество обязано быть Александрову благодарно. Я благодарен.

Вот, что писал Колмогоров в преамбуле своих упомянутых «Воспоминаний»:

Наша тесная дружба началась в 1929 году. <...> ...Для меня эти пятьдесят три года нашей тесной и неразрывной дружбы явились основой того, что вся моя жизнь в целом оказалась преисполненной счастья, а основой моего благополучия явилась непрестанная заботливость со стороны Павла Сергеевича.

По моим наблюдениям, Колмогоров как, условно говоря, «инопланетянин»⁶, а более точно как представитель особой породы гениев, был не вполне приспособлен к адекватно воспринимаемому окружающими взаимодействием с ними. Зато эту функцию прекрасно восполнял Александров. Именно он, например, договаривался с соседями по Комаровке о расположении места для сбрасывания мусора (о таких переговорах я знаю от одной из соседок, Елизаветы Владимировны Алексеевой: Александров объяснял ей, что помойка должна находиться на биссектрисе⁷).

⁶ Моя мама, присутствовавшая на моей кандидатской защите, увидев и услышав Колмогорова, сказала мне потом: «Он не человек, он марсианин».

⁷ Е. В. Алексеева была, кажется, внучатой племянницей Станиславского. Подруги звали её Лёлей. Как-то она навестила мою тещу Н. А. Брюханенко. Сняв юбку и надев дамские рейтузы с резинками под коленами, Лёля

Дружба между Колмогоровым и Александровым имеет точную дату начала: 16 июня 1929 года. В этот день, пишет Колмогоров в своих «Воспоминаниях», «мы⁸ отплыли вниз по Волге из Ярославля. Для Павла Сергеевича подобного рода сплавное лодочное путешествие было новостью, но он сразу же энергично взялся быть нашим провиант-мейстером и закупил уже перед отъездом из Москвы множество всяких вкусностей. Со дня отплытия — 16 июня — мы с Павлом Сергеевичем и исчисляем нашу дружбу, продлившуюся, как уже сказано, 53 года». До этой даты, указывает Колмогоров, «наши личные контакты с Павлом Сергеевичем были <...> весьма ограниченными, хотя мы и встречались довольно часто, например, на концертах в Малом зале консерватории. Здоровались, но не вступали в какую-либо беседу. По-видимому, меня несколько смущали крахмальные воротнички и некоторая общая чопорность Павла Сергеевича»⁹.

«Мне сейчас грустно по целой совокупности причин, но *никто и никогда в моей жизни не занимал и никто и никогда не будет занимать такого места, какое занимал, занимаешь и будешь занимать ты*», писал Александров из Казани Колмогорову в Москву 14 сентября 1942 года, получив сообщение о браке Колмогорова с его гимназической одноклассницей Анной Дмитриевной Егоровой (18.09(01.10). 1903—16.09.1988). Брак был зарегистрирован в Москве 3 сентября 1942 года. (Как говорили знающие люди, будь Александров в это время в Москве, брака бы не было. «Ему бы не разрешили». Александров вернулся из Казани в Москву 1 октября 1942 года.)

А вот что писал Колмогоров Александрову более чем за десять лет до этого, 12 апреля 1931 года, из Комаровки в Принстон: «Теория единственного друга в современном обществе несостоятельна: жена всегда будет претендовать, чтоб им быть, и соглашаться на это

изображала Александрова как переговорщика по проблеме помойки на биссектрисе. Мы с сыном тоже присутствовали и покатывались со смеху. В то же время я осознал, какими смешными могли казаться обитатели комаровского дома их соседям. Но иногда, по-видимому, и вредными. Так, другой сосед, писатель Б. В. Заходер, попросил как-то Колмогорова одолжить ему пишущую машинку. Колмогоров отказал, пояснив, что пишущая машинка — предмет индивидуального пользования и постоянной необходимости, и потому одолжена быть не может. Заходер не понял и обиделся.

⁸ «Мы» — это Колмогоров, Александров и знакомый Колмогорова ещё по средней школе Николай Дмитриевич Ньюберг (1898—1967), окончивший в 1925 году МГУ по специальности «математика», впоследствии известный биофизик, основатель математической колориметрии, каковой занялся по совету Колмогорова.

⁹ Колмогоров в главе 2 «Воспоминаний», на с. 190, признаётся: «до сих пор не совсем ясно, как я решился предложить быть третьим компаньоном Павлу Сергеевичу. Однако он согласился сразу».

было бы очень печально. При Аристотеле¹⁰ эти две стороны дела не приходили в соприкосновение, жена сама по себе, а друг сам по себе».

«...В 1939 году это было уже просто слабостью, когда после Аниного появления в Комаровке я не поехал немедленно в Пески (где жила Аня с Олегом¹¹), как собирался. Поехать туда я порывался несколько раз, но не решился, так как ясно понимал, что, отправясь я туда один раз — всё пойдёт дальше уже неудержимо. А строить новый, расширенный Анин-Гусе-Пёсий Дом было бы в 1939—40 годах проще и веселее, чем сейчас. Впрочем, и теперь всё будет хорошо!». (Письмо Колмогорова Александрову из Комаровки в Казань от 9 сентября 1942 года.)¹²

Колмогоров был слишком оптимистичен. Тройственного союза, о чём мечтал Колмогоров и с чем на словах соглашался Александров, не получилось. Не получилось и Аниного-Гусе-Пёсего Дома. Показывая мне в 1955 году нарисованный им рисунок, Колмогоров назвал изображённый на рисунке дом двучленно: Гусе-Пёсьим. А Анну Дмитриевну в Комаровке мне доводилось видеть лишь после смерти Александрова.

К письму Колмогорова Александрову из Комаровки в Казань от 6 сентября 1942 года была вложена краткая записка к Александрову от А. Д. Колмогоровой:

Дорогой Павел Сергеевич!

Жду Вас очень-очень, но должна искренне признаться, что горячее желание Вас видеть ощущается мною наравне с некоторым страхом. <...>

Всей душой и сердцем хотелось, чтобы Вы были с нами в нашем счастье.

*С сердечным приветом,
Аня.*

Страх оказался оправданным, и участие Александрова в совместном счастье не состоялось.

¹⁰ По Аристотелю, дружба — это одна душа в двух телах. Полагаю, что дружба между Колмогоровым и Александровым приближалась к Аристотелеву идеалу. — В. У.

¹¹ Олег Сергеевич Ивашев-Мусатов (р. 13.12.1927) — сын Анны Дмитриевны от предыдущего, первого брака (имевшего место в течение нескольких лет в 1920-х годах), впоследствии доцент мехмата. — В. У.

¹² Тексты всех писем и вложений в них даются по книге: Колмогоров: Юбилейное издание: В 3 кн. — Кн. 2: «Этих строк бегущих тесьма...»: Избранные места из переписки А. Н. Колмогорова и П. С. Александрова / Ред.-сост. А. Н. Ширяев; Подготовка текста Н. Г. Химченко. — М. Физматлит, 2003. — 672 с.

4

Жизнь при Советской власти требовала определённого конформизма. К конформизму Александров был склонен более Колмогорова. Надо ли за это его осуждать или быть благодарным, что он брал на себя неприятные обязанности, — не знаю. Уверен, что он ограждал Колмогорова от многих дурно пахнущих обстоятельств и действий. Не имея никаких доказательств, убеждён, что он находился в контакте с госбезопасностью. (В 1980-х годах В. И. Арнольд в беседе со мной выразил мнение, что «Александров к нему [Колмогорову] приставлен».) Убеждён также, что именно под его нажимом Колмогоров подписал (да подписал ли — в самом прямом, физическом смысле?) вместе с Александровым опубликованное в газете «Правда» печально знаменитое письмо с одобрением состоявшейся 13 февраля 1974 года высылки Солженицына из СССР («выдворения», по советской терминологии). Ещё раз повторяю, что я не осуждаю, а скорее признателен Александрову за то, что он брал грязную работу на себя. И поскольку я привык относиться к Александрову хорошо, мне чрезвычайно неприятно было прочесть следующие две фразы из его юбилейной статьи к 90-летию директора Математического института Академии наук могущественного И. М. Виноградова¹³:

И вот теперь самое главное: в оценке И. М. Виноградовым того или иного математика, особенно молодого, основное и определяющее значение имеет всегда лишь один фактор: непосредственная одарённость данного математика, сила его математического таланта. Этот принцип является главным в так называемой кадровой политике И. М. Виноградова как и директора Института.

Словосочетание «лишь один» вызывало, мягко говоря, изумление, а если не мягко — омерзение. Все знали, что одним из определяющих значений для Виноградова был фактор национальности. Евреев он не терпел (или делал вид, что не терпел, что в данном случае несущественно). Оправданием для Александрова служит то, что он уже был в преклонном возрасте, в крайне неудовлетворительном состоянии здоровья и через год умер.

¹³ П. С. Александров. Иван Матвеевич Виноградов как математик и как директор Института (несколько слов к его девяностолетию) // Успехи математических наук. — 1981. — Т. 36. — Вып. 6 (222). — С. 17—20. — [<http://mi.mathnet.ru/umn3101>].

5

Как-то в Комаровке, когда мы находились с ним вдвоём в столовой, она же гостиная, Александров сказал мне, что испытывает чувство ненависти к трём людям, и назвал мне имена этих людей. Это были Николай Николаевич Лузин, Юлия Антоновна Рожанская и Айседора Дункан. Причин ненависти он мне не сообщил, а спросить я не решился. Попробую самостоятельно прокомментировать эту ненависть.

5.1. Лузин

Математикам не надо объяснять, кто такой Николай Николаевич Лузин (27.11(09.12).1883—28.02.1950). Для нематематиков скажу, что это был выдающийся математик, учитель Александрова и Колмогорова, основатель «Лузитании», о которой ниже. Сам он был учеником другого выдающегося математика, ученика Николая Васильевича Бугаева (отца Андрея Белого), Дмитрия Фёдоровича Егорова (10(22).12.1869—10.09.1931), почётного члена Академии наук и Президента Московского математического общества, за свои религиозные убеждения арестованного в 1930 году.

У Д. Ф. Егорова было много учеников, ставших затем видными советскими математиками, образовавшими первое поколение советской московской математической школы. Среди них назову в первую очередь Н. Н. Лузина, В. В. Голубева, В. В. Степанова, И. И. Привалова и значительно более молодого И. Г. Петровского. Все они были и всегда считали себя учениками Д. Ф. Егорова¹⁴. Характер Д. Ф. Егорова, человека исключительной моральной высоты, обладавшего редким чувством долга и редким чувством ответственности, отличался и большой эмоциональной сдержанностью, даже некоторой внешней суровостью. Не удивительно, что он имел исключительный, я бы сказал, абсолютный авторитет у своих учеников, отношения его с ними не были омрачены никакими конфликтами. Большая сдержанность этих отношений не исключала их внутренней эмоциональности. Мне пришлось ознакомиться (благодаря проф. А. П. Юшкевичу) с некоторыми письмами Д. Ф. Егорова к Н. Н. Лузину, относящимися к периоду, когда Н. Н. Лузин испытывал некоторые психологические трудности, связанные с его математической работой и отношением к ней.

¹⁴ Д. Е. Меньшов считал, что у него два учителя: Егоров и Лузин.

Эти письма полны самого горячего участия Д. Ф. Егорова в трудностях, возникших на жизненном пути его ученика, несомненно очень любимого учителем.

Ученики Д. Ф. Егорова относились к своему учителю не только с большим уважением, но и с большой любовью, и так относились к Д. Ф. Егорову не только его непосредственные ученики, но и молодые математики, ученики Н. Н. Лузина, составившие знаменитую, вошедшую в историю московской математики «Лузитанию».

Лузитания считалась «орденом», «командором» которого был Н. Н. Лузин, а «гроссмейстером» — Д. Ф. Егоров. Лузитания была действительно уникальным и неповторимым коллективом молодёжи, жившей не только напряжённой, насыщенной математической жизнью, но и жизнью, которая была непосредственно радостной и весёлой. Такой коллектив мог возникнуть лишь в самые первые годы революции, когда вся страна переживала единственный в истории, неповторимый подъём во всех областях своей жизни¹⁵. Весёлые и необыкновенно оживлённые лузитанские собрания, на которых, кстати сказать, не было ни капли вина, происходили при непрерывном участии учителей всей этой молодёжи — Д. Ф. Егорова и Н. Н. Лузина, и это говорит о том, насколько простыми и непринуждёнными могут быть отношения между учителем и его учениками. (*Страницы*, ч. II, с. 272—273.)

Цитату из П. С. Александрова дополняет цитата из другого лузитанца — М. А. Лаврентьева¹⁶:

Лузитанцы признавали двух начальников «бог-отец-Егоров и бог-сын-Лузин»; Н. Н. Лузин новичкам-лузитанцам говорил: «Главный в нашем коллективе Егоров, окончательная оценка работы, открытия принадлежит Егорову». Новички быстро ориентировались: Д. Ф. Егоров — форма, а содержание — Н. Н. Лузин, но все основные и новички соблюдали форму и три раза в году приходили домой к Д. Ф. Егорову (пасха, рождество, именины). Как правило, говорили старшие, остальные молчали и ждали конца визита. С Н. Н. Лузиным отношения были много проще, и Н. Н. Лузин сам веселился, когда лузитанцы вытворяли студенческие озорства. В управлении «Лузитанией» главными помощниками Н. Н. Лузина

¹⁵ Оставляю эти слова на совести их автора — П. С. Александрова. «Неповторимый подъём» включал террор, гражданскую войну и, вообще, катастрофу российского государства. — *В. У.*

¹⁶ *М. А. Лаврентьев*. Николай Николаевич Лузин // Успехи математических наук. — 1974. — Т. 29. — Вып. 5 (179). — С. 180. — [<http://mi.mathnet.ru/umn4419>].

были три Павла (из которых один Славочка) со своими функциями: П. С. Александров — создатель тайн «Лузитании», П. С. Урысон — хранитель тайн «Лузитании» и В. В. Степанов — глашатай тайн «Лузитании» — ПСЫ).

Александров познакомился с Лузиным в 1914 году. Первоначальное впечатление от Лузина было восторженное.

Однако, по моему убеждению, годами высшего расцвета Н. Н. Лузина как математика, да и как человеческой личности были не годы Лузитании, а непосредственно предшествовавшие годы: 1914—1915. Узнав Лузина в эти самые ранние творческие его годы, я узнал действительно вдохновенного учёного и учителя, жившего только наукой и только для неё. Я узнал человека, жившего в сфере высших человеческих духовных ценностей, в сфере, куда не проникает никакой тлетворный дух. (*Страницы*, ч. I, с. 242.)

Теперь я попытаюсь объяснить, чем, на мой взгляд, было впоследствии вызвано столь сильное чувство Александрова к Лузину — ненависть. Подчеркну, что пять причин ненависти, предложенные ниже, носят совершенно субъективный характер; настаивать на них я не берусь.

Причины первая и вторая: вопросы приоритета. В 1915 году Лузин поставил перед своим учеником Александровым задачу о мощности борелевских множеств. Борелевские множества — это важнейший класс точечных множеств. (Под точечными множествами здесь имеются в виду множества, расположенные в геометрических пространствах.) А «мощность множества» — это математический термин, обозначающий количество элементов множества. Т. е. вопрос стоял так: сколько элементов может быть в борелевском множестве. Ответ на вопрос был эквивалентен решению для борелевских множеств знаменитой проблемы континуума. Вопрос об их мощности воспринимался как один из центральных во всей теории множеств, и его решение рассматривалось как большое открытие. Александров решил эту труднейшую задачу, и это на всю его жизнь осталось его главным математическим достижением¹⁷. На его доклад 13 октября 1915 года в студенческом математическом кружке пришли маститые профессора.

¹⁷ «...Мой результат о борелевских множествах был не только моим первым, но, вероятно, и одним из самых значительных за всю мою жизнь. Его субъективное переживание мною, переживание самого приведшего к нему творческого акта, или, вернее, творческого процесса (ибо длился он всё лето) было тоже ни с чем не сравнимо» (*Страницы*, ч. I, с. 233).

На своём докладе Александров познакомился с двумя математиками, сыгравшими роль в развитии теории множеств: профессором Львовского университета Вацлавом Серпинским (1882—1969) и одним из создателей современной дескриптивной теории множеств Михаилом Яковлевичем Суслиным (03(15).11.1894—21.10.1919).

Далее очень важная цитата из *Страниц* (ч. I, с. 235):

Суслина я в эту осень увидел впервые тоже на своём докладе. Естественно, что как только мы наконец встретились, я рассказал ему во всех подробностях о своих результатах. Мы стали без конца говорить о связанных с ними вопросах¹⁸. Часто в наших разговорах принимал участие и В. В. Степанов, всегда живо откликавшийся на всё, что происходило в тогдашней московской математике. Тогда же именно Суслин предложил назвать новую построенную мною теоретико-множественную операцию *A*-операцией, а множества, получающиеся её применением к замкнутым множествам, *A*-множествами¹⁹. Он подчеркнул при этом, что предлагает эту терминологию в мою честь по аналогии с борелевскими множествами, которые уже тогда стало принято называть *B*-множествами²⁰.

В этой цитате для нас существенны два утверждения:

1. Александров утверждает, что он построил некоторую теоретико-множественную операцию.
2. Суслин предложил называть множества, получающиеся в результате этой операции, в честь Александра — по первой букве его фамилии.

Первое утверждение я считаю неверным. Александров действительно разработал некоторый новый аппарат, с помощью которого уже сравнительно нетрудно построить *A*-операцию, но этого заключительного шага он не сделал. Грубо говоря, Александров по существу придумал *A*-операцию — но не понял, что именно он придумал. Его доказательство того, что у *B*-множеств есть совершенное ядро²¹,

¹⁸ «В многочасовой беседе я Суслину до конца изложил всё содержание доказательства. Это было весной — в марте или в апреле 1916 года. Летом Суслин построил свою почти гениальную, можно даже сказать гениальную, теорию» (*Дело*, с. 89) (объяснение сокращения на с. 542). — В. У.

¹⁹ Отметим, что термин «*A*-множество» появился позже. Суслин, введший в рассмотрение этот класс множеств, назвал их «множествами (*A*)» (в оригинале: «ensembles (*A*)»). — В. У.

²⁰ Первоначально в русской математической литературе их называли «множествами, измеримыми *B*», следуя французскому термину «ensembles mesurables *B*». — В. У.

²¹ Обнаружение у точечного множества так называемого совершенного ядра решает вопрос о его мощности. Это было установлено ещё Кантором.

с высоты нашего нынешнего знания выглядит так: всякое B -множество является A -множеством, а у A -множеств есть совершенное ядро. Но Александров это не формулировал так ясно; он не описал в явном виде A -операцию. Указывает А. Н. Колмогоров²²:

Определение A -операции по существу содержится в той же заметке П. С. Александрова [о мощности борелевских множеств]. <...> К сожалению, более систематического изложения с явным определением A -операции и формулировкой теоремы о том, что каждое борелевское множество является A -множеством, П. С. Александров не опубликовал.

А в явном виде A -операцию сформулировал Суслин, но насколько он сам это придумал, насколько Лузин ему подсказал — неизвестно. Не вполне ясно, возникла ли A -операция у Лузина—Суслина в результате анализа работы Александрова, или же они независимо пришли к той же операции, решая задачу о проекции B -множеств, и лишь после этого (и в результате обсуждений с Александровым) отождествили свою операцию с тем, что в менее явном виде уже содержалось у Александрова.

Рекомендуем читателю очень ясно написанную статью В. М. Тихомирова об истории открытия A -множеств: *Тихомиров В. М.* Открытие A -множеств // Историко-математические исследования. — Вып. 34. — М.: Наука, 1993. — С. 129—139. (Читатель-нематематик может при чтении просто-напросто пропускать математические фрагменты текста.) В этой статье приведена цитата из Колмогорова, вносящая полную ясность в деле о распределении ролей Александрова и Суслина в открытии A -множеств:

П. С. Александровым была доказана важная теорема о существовании совершенного ядра в каждом B -множестве (1916), а М. Я. Суслиным употреблённый в этом доказательстве аппарат был использован для открытия нового класса множеств фундаментальной важности — так называемых A -множеств (1917)²³.

²² А. Н. Колмогоров. Избранные труды. Математика и механика. — М.: Наука, 1985. — С. 355. Или: А. Н. Колмогоров. Избранные труды: В 6 т. — Т. 1: Математика и механика. — М.: Наука, 2005. — С. 392. Оригинал: А. Н. Колмогоров. П. С. Александров и теория $\delta\sigma$ -операций // Успехи математических наук. — 1966. — Т. 21. — С. 275—278. — [<http://mi.mathnet.ru/umn5904>].

²³ А. Н. Колмогоров. Избранные труды: В 6 т. — Т. 4: Математика и математики: В 2 кн. — Кн. 1: О математике. — М.: Наука, 2007. — С. 273. Оригинал: А. Н. Колмогоров. Теория функций действительного переменного // Математика в СССР за 15 лет / Под ред. П. С. Александрова, М. Я. Выгодского и

Задача о проекции B -множеств имеет принципиальный характер. Считалось, что в математическом анализе встречаются лишь борелевские множества и теоретико-множественные операции дополнения, объединения, пересечения и проекции; из перечисленных операций первые три заведомо не выводят за пределы класса борелевских множеств. Великий математик Лебег опубликовал ошибочное доказательство того, что проекция всякого борелевского множества есть снова борелевское множество. Этот факт был для Лебега принципиален, поскольку тогда оказывалось, что, по выражению Лебега, «Анализ замкнут в себе», что давало право называть борелевские множества *аналитическими*. Однако, как пишет Лебег в своём предисловии к исходному, французскому изданию монографии Лузина «Лекции об аналитических множествах и их приложениях», «Доказательство было простым, коротким, но неверным»²⁴. И там же: «источником всех проблем, о которых пойдёт здесь речь, послужила грубая ошибка в моём Мемуаре об аналитически представимых функциях. Плодотворная ошибка, меня просто вдохновило её совершить!». Дело в том, что из этой ошибки в 1916 году возникла новая наука — дескриптивная теория множеств. В том году Лузин поручил своему ученику Суслину изучить тот самый мемуар Лебега, содержащий упомянутую, десять лет никем не замечавшуюся ошибку. Вскоре Суслин обнаружил эту ошибку и указал её Лузину. Вспоминает Вацлав Серпинский²⁵:

Мне довелось быть свидетелем того, как Суслин сообщил Лузину своё замечание и вручил ему рукопись своей первой работы. Лузин очень серьёзно отнёсся к сообщению молодого студента и подтвердил, что тот действительно нашёл ошибку в труде известного учёного. Я также читал рукопись Суслина непосредственно после Лузина и знаю, как Лузин помогал своему ученику и как направлял его работу. Некоторые авторы называют аналитические множества суслинскими; правильнее было бы называть их множествами Суслина—Лузина.

Из наличия ошибки в доказательстве ещё не следует ложность доказываемого утверждения. В результате исследования вопроса о

В. И. Гливенко. — М. ГТТИ, 1932. — С. 37—38. Присутствие Александрова в составе редакции сборника позволяет считать, что он согласен (во всяком случае, был согласен в 1932 году) с формулировкой Колмогорова. — В. У.

²⁴ А. Лебег. Предисловие к книге Н. Н. Лузина «Лекции об аналитических множествах и их приложениях» / Пер. с фр. В. В. Успенского; Комм. В. А. Успенского // Успехи математических наук. — 1985. — Т. 40. — Вып. 3 (243). — С. 9—14. — [<http://mi.mathnet.ru/umn2645>].

²⁵ В. Серпинский. О теории множеств. — М.: Просвещение, 1966. — С. 33.

природе проекций борелевских множеств Суслин и пришёл к своим A -операции и A -множествам и обнаружил, что проекции борелевских множеств это то же самое, что A -множества.

Александров пытался доказать, что классы A -множеств и B -множества совпадают и прекратил свои усилия лишь когда узнал, что Суслин доказал, что класс A -множеств существенно шире класса B -множеств. Это произошло в 1916 году. Указанный выдающийся результат Суслина был опубликован в ведущем французском журнале, публикующем сообщения о научных открытиях: *M. Souslin. Sur une définition des ensembles mesurables B sans nombres transfinis // Comptes Rendus Acad. Sci. Paris. — 1917. — V. 164. — P. 88—91. — [http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k31178/f88.image]*. Текст был написан на французском языке, и писал этот текст Лузин.

Полагаю, что первая причина ненависти состоит в том, что Лузин справедливо не признавал, что это Александров построил A -операцию, и столь же справедливо отдавал приоритет Суслину.

Вторая причина становится ясной из первой фразы ниже-следующей цитаты (*Страницы*, ч. I, с. 235—236)):

Много лет спустя Н. Н. Лузин стал называть A -множества аналитическими множествами²⁶ и стал, вопреки хорошо известным ему фактам, утверждать, что термин A -множество есть лишь сокращение от выражения «аналитические множество». Но к этому времени мои личные отношения с Н. Н. Лузиным, когда-то глубокие и проникновенные, были, по существу, утрачены. <...> Когда Урысон и я летом 1924 года были у Хаусдорфа и говорили с ним много, в частности, и о дескриптивной теории множеств, Хаусдорф в упор задал нам вопрос: как же надо называть новые множества, которые Лузин всюду пропагандирует под названием аналитических? Я твёрдо ответил Хаусдорфу, что Суслин (уже умерший почти 5 лет назад) был первым математиком, доказавшим, что речь действительно идёт о новых множествах, что я, напротив, затратил почти два года на то, чтобы доказать, что

²⁶ Надо сказать, что Лузин имел к этому некоторые основания: ведь проекция A -множества снова есть A -множество. Вспомним, что Лебег называл борелевские множества аналитическими на том ошибочном основании, что якобы операция проекции не выводит за пределы класса борелевских множеств. Можно считать, что Лузин просто перенёс термин «аналитические» на более широкий класс множеств. Однако, чтобы быть последовательным, в таком случае надо называть аналитическими и дополнения к A -множествам, так называемые CA -множества, изучение которых приводит к грозным проблемам неразрешимости в рамках аксиоматической теории множеств, т. е. к границам познания. — В. У.

никаких новых множеств нет, а лишь получается новое определение старого класса борелевских множеств. Поэтому, заявил я, эти множества должны называться суслинскими множествами. После некоторых колебаний Урысон поддержал меня, Хаусдорф принял наше совместное предложение, и в новом издании его «Теории множеств» эти множества называются суслинскими.

Суслинские множества — это правильное название. Тем не менее, на мехмате никто их так не называл: все говорили «*A*-множества», причём эта буква «*A*» не ассоциировалась ни с Александровым, ни со словом «аналитический», а воспринималась как противопоставление букве «*B*» в альтернативном названии борелевских множеств. Для Александрова же эта буква означала первую букву его фамилии и имела существенное значение, приобщавшее его к открытию *A*-операции и, тем самым, косвенно, *A*-множеств.

Ещё раз процитируем высказывание Александрова: «Тогда же именно Суслин предложил назвать новую построенную мною теоретико-множественную операцию *A*-операцией, а множества, получающиеся её применением к замкнутым множествам, *A*-множествами. Он подчеркнул при этом, что предлагает эту терминологию в мою честь по аналогии с борелевскими множествами, которые уже тогда стало принято называть *B*-множествами». И отметим, что это высказывание находится в прямом противоречии с тем, что он говорил 9 июля 1936 года на втором заседании Комиссии Академии наук СССР по делу академика Лузина (цитируется по стенограмме; о деле Лузина ниже):

Суслин назвал их *A*-множествами. Однако он никогда не говорил, что он назвал их так в мою честь. <...> Я не утверждаю, что Суслин назвал их в мою честь, потому что из уст Суслина я никогда об этом ничего не слышал²⁷.

Не берусь объяснять это противоречие. Возможно, причина в том, что в 1936 году были ещё живы и пребывали в активной фазе свидетели появления буквы *A* в наименовании множеств. Как бы то ни было, ясно, что в одном из двух своих заявлений Александров погрешил против истины.

Причина третья: неразрешимая проблема и психологический кризис.
Страницы, ч. 1, с. 236—237:

В качестве научной проблемы для размышлений Н. Н. Лузин поставил передо мною [в 1917 году] не более и не менее как

²⁷ *Дело*, с. 90 (объяснение сокращения в первом абзаце четвёртой причины на с. 542). — В. У.

континуум-проблему в её общей формулировке. Я стал думать над ней все имевшиеся для математических занятий три дня в неделю. Я сформулировал для себя <...> аксиому, казавшуюся мне несомненно верной <...> У меня не было и нет оснований сомневаться, что все рассуждения, сводящие континуум-проблему к моей аксиоме, были правильными. Записав с полной тщательностью своё доказательство (оно заняло целую довольно толстую тетрадь), я стал думать об утверждении, принятом мною за аксиому. Через несколько дней этих размышлений я убедился в том, что моя аксиома не верна <...> Мне стало ясно, однако, что моя работа над континуум-проблемой кончилась тяжёлой катастрофой. Я почувствовал также, что уже не могу перейти в математике, так сказать, к очередным делам, и что в моей жизни должен наступить какой-то решительный перелом.

Через 40 лет было доказано, что континуум-проблема не может быть решена средствами современной математики. Таким образом, Лузин дал своему ученику решить нерешаемую проблему, что привело этого ученика к серьёзному психологическому кризису. Этого Александров Лузину простить не мог.

Причина четвёртая: «дело Лузина». Летом 1936 года в СССР развернулось так называемое «дело Лузина». Оно состояло в политической травле Н. Н. Лузина и разборе его персонального дела Комиссией Президиума АН СССР, продолжавшихся со 2 июля по 5 августа. В 1999 году материалы дела, включая стенограмму заседаний Комиссии, составили содержание книги «Дело академика Николая Николаевича Лузина» / Отв. ред. С. С. Демидов, Б. В. Лёвшин. — СПб.: РХГИ, 1999. — 312 с. — [<http://www.ihst.ru/projects/sohist/books/luzin.pdf>]. При ссылках: *Дело*.

Публично и официально политическая травля Лузина была начата статьями в центральном органе ВКП(б) газете «Правда»: 2 июля 1936 года «Ответ академику Н. Лузину» и 3 июля 1936 года с угрожающим названием «О врагах в советской маске». Клеймо «врага в советской маске» сулило носителю клейма репрессии вплоть до расстрела. По научным и партийным организациям страны прокатилась волна собраний с осуждением лужинщины. Была создана специальная Комиссия Президиума Академии наук по делу Лузина во главе с вице-президентом Академии, старым большевиком Г. М. Кржижановским. К счастью, Сталин, благословивший запуск травли, через некоторое время дал отмашку. Лузин отделался, по тем временам, сравнительно легко: он лишился должностей, но остался членом Академии.

В прессе было сообщено, что он полностью разоблачён и серьёзно предупреждён, а остатки лузинщины подлежат выкорчёвыванию.

Немалую роль в организации «дела Лузина» сыграли и бывшие лузитанцы, составлявшие в 1936 году цвет советской математики. Считается, что главным инициатором дела со стороны математиков был П. С. Александров.

Ясную и информативную вступительную статью к *Делу* написали С. С. Демидов и В. Д. Есакóв: «„Дело академика Н. Н. Лузина“ в коллективной памяти научного сообщества». Её текст выложен в Интернет: <http://russcience.euro.ru/papers/dees99d1.htm>. В статье, на с. 11—12 *Дела*, говорится:

Скрытым нервом событий «дела» предстала борьба за власть внутри математического сообщества, и центральным нападающим на заседаниях специальной Комиссии по делу, созданной Президиумом АН СССР, оказался один из первых учеников Н. Н. Лузина — выдающийся советский математик П. С. Александров.

<...>

...«Дело академика Н.Н.Лузина» следует рассматривать, прежде всего, в контексте политики партии и правительства (т. е. лично И. В. Сталина) в области научного строительства, долженствующей стать авангардом мировой науки завтрашнего дня. В числе важнейших задач такого строительства — воспитание у советских учёных соответствующей идеологии, одной из основных установок которой должен быть «патриотизм советского учёного». Эта политика задавала основные силовые линии поля, в котором развивались события «дела».

Его [«дела»] организаторами и участниками выступали люди, занимавшие в обществе очень разное положение и преследовавшие различные цели. Это — главный редактор «Правды» Л. Мехлис, развернувший на страницах боевого органа партии кампанию по реализации установок И. В. Сталина, и заведующий Отделом науки МК ВКП(б) Э. Кольман, пытавшийся использовать конфликтную ситуацию в Московском математическом сообществе для уничтожения остатков ненавистного ему духа реакционной Московской философско-математической школы. «Удачное» развитие кампании сулило ему немалые политические дивиденды. Это — инициативные «молодые» московские математики, пытавшиеся захватить власть в сообществе. Наконец, это — маневрировавшая верхушка Академии, с одной стороны, не желавшая чрезмерного усиления политического радикализма, могущего повредить Академии, а

потому не настроенная применять к Лузину самые крайние меры (исключение из Академии), с другой, опасавшаяся обвинений в мягкотелости. Каждая из этих сил преследовала свои собственные не всегда совпадающие интересы. В их взаимодействии «дело» родилось и получило своё развитие.

В этой цитате существенно упоминание «инициативных молодых математиков». Члены «Лузитании», многие из коих стали учениками Лузина ещё студентами, выросли и захотели большей самостоятельности и независимости. Лузин этого не понимал. К тому же к началу «дела Лузина» он оказался на руководящих постах, ставящих его в положение руководителя советской математики, к чему он был уже неспособен и вызывал этим раздражение у бывших лузитанцев, многие из которых переросли его в математической силе (но мало кто в глубине и интуиции). Этого Лузин не осознавал. Ситуация описана в разделе 4 «Расцвет и распад Лузитании» статьи Л. А. Люстерника «Молодость Московской математической школы» (Успехи математических наук. — 1967. — Т. 22. — Вып. 4. — С. 147—161. — [<http://mi.mathnet.ru/umn5779>]). Вот, с купюрой, цитата со с. 158 этой статьи:

Тематика всё расширялась,
Своей дорогой каждый шёл —
И школа Лузина распалась
На ряд блестящих новых школ.
Но был мучительно тяжёлым
Процесс распада этой школы.
<...>
Да мало ль что, но кто куда, —
Птенцы уходят из гнезда,
А это Лузин, хоть скрывал,
Болезненно переживал...

Распад Лузитании явился следствием её быстрого роста — в ней стало тесно. Заслугой Н. Н. Лузина было и создание и распад Лузитании.

Лузин, по-видимому, был удивлён и обижен, но не придавал должного значения тому, что на выборах в Академии наук в 1929 году он не был поддержан математиками. По представлению известного кораблестроителя, а также механика и математика Алексея Николаевича Крылова 12 января 1929 года Лузин был избран академиком по кафедре философии, но вскоре решением Общего собрания был

переведён на кафедру математики, на каковой 29 ноября 1930 года освободилось место, занимавшееся Я. В. Успенским. Место, которое Я. В. Успенский занимал с 2 апреля 1921 года, освободилось по его просьбе в связи с эмиграцией в США²⁸.

Одно из предъявляемых Лузину политических обвинений заключалось в том, что Лузин свои наиболее значительные статьи печатает на Западе, а в СССР — лишь второстепенные. В этом обвинении уже ощущалось предвестие развёрнутой в СССР в первые послевоенные годы кампании борьбы с низкопоклонством перед Западом²⁹. Но предъявлялись и более серьёзные обвинения. Например, что ещё до революции, в 1911 году, когда ряд преподавателей и сотрудников Московского университета демонстративно подали в отставку в знак протеста против политики министра народного просвещения Л. А. Кассо, Лузин остался в Университете (*Дело*, с. 151). Для лучшего понимания сути других обвинений надо вспомнить два события 1930 года. Первое — это арест Д. Ф. Егорова в ноябре. Второе — это процесс Промпартии, проходивший с 25 ноября по 7 декабря по сфальсифицированным обвинением над группой видных инженеров и экономистов. Они обвинялись во вредительстве, а также в том, что были шпионами Генерального штаба Франции, готовящими французскую интервенцию. Самой Промпартии не существовало, она была выдумана чекистами.

В письме к академику А. Н. Крылову от 19 августа 1928 года Лузин даёт себе такую характеристику: «Должно быть, по самому своему складу я — просто спокойный мечтатель, несколько боящийся

²⁸ В том, что Н. Н. Лузин занял место, добровольно освобождённое Я. В. Успенским, заключалась злая ирония судьбы. Достаточно взглянуть на цитату из письма Я. В. Успенского к А. Н. Крылову в 1926 году (цитируется по Википедии, статья «Успенский Яков Викторович»):

Относительно Лузина я знаю, что он хороший специалист в своей области (теория множеств и связанная с нею канторовско-лебеговская дребедень), блестящий профессор, создавший в Москве школу своих учеников и своим влиянием упразднивший настоящую математику в Москве... Лично я Лузина почти не знаю и потому, если я позволяю себе высказываться неодобрительно о его направлении, то только потому, что чувствую к этому направлению глубокое омерзение и твёрдо уверен, что мода на это скоро пройдёт. — В. У.

²⁹ В 1947 году в СССР была объявлена кампания по «борьбе с низкопоклонством перед Западом». Летом 1947-го член Политбюро ЦК КПСС Жданов составил закрытое письмо, посвящённое «низкопоклонству и раболепию» интеллигенции перед «буржуазной культурой Запада» и важности «воспитания советской интеллигенции в духе советского патриотизма, преданности интересам Советского государства».

жизни и бессознательно сторонящийся её» (*Дело*, с. 216). И вот на боящегося жизни мечтателя, после длительного отсутствия в СССР вернувшегося в 1930 году из-за границы, обрушиваются процесс Промпартии и арест Егорова.

С. С. Демидов и В. Д. Есаков в своей вступительной статье указывают (*Дело*, с. 17):

События вокруг «процесса Промпартии» и арест Д. Ф. Егорова чрезвычайно перепугали Н. Н. Лузина, незадолго до этого вернувшегося из длительной зарубежной командировки. Он уклонился от участия в руководстве [Математическим] Обществом (вице-президентом которого он был до этого) и, опасаясь разгула идеологов и пролетарского студенчества, покинул Университет. Он нашёл себе пристанище у академика С. А. Чаплыгина в ЦАГИ и продолжал (с 1929) работать в находившемся тогда в Ленинграде Математическом институте им. В. А. Стеклова, где возглавил отдел теории функций. <...> Страх Н. Н. Лузина был вполне оправданным.

Послушаем, что сказал на заседании 9 июля член Комиссии Непременный секретарь Академии наук Николай Петрович Горбунов (член партии с августа 1917 года, с ноября 1917 по декабрь 1920 года — личный секретарь Ленина; будет расстрелян 7 сентября 1938 года):

...У меня есть заявление члена-корреспондента тов. Шнирельмана относительно одного случая, который даёт известный политический штришок и относится к 1930 году. Когда после процесса Промпартии группа московских учёных по инициативе тов. Люстерника решила обратиться к французским учёным с письмом протеста против угрозы интервенции, то Лузин, отговариваясь болезнью, не дал своей подписи под документом, хотя его подпись была очень важна ввиду его связей с французскими учёными.

(*Дело*, с. 91.)

Итак, ученик Лузина блистательный математик Лев Генрихович Шнирельман написал на своего учителя политический донос. (24 сентября 1938 года в возрасте 33 лет, выпущенный из-под короткого ареста, он откроет газ в своей квартире.)

Из выступления Хинчина на заседании 9 июля 1936 года (*Дело*, с. 100—101):

...Все эти бурные в политическом отношении события, годы, которые знаменуются процессом Промпартии и всем, что с ней было связано, в Институте математики Московского университета

переживались особенно бурно, так, как ни в одном из других университетских Институтов не переживались. <...> И на меня произвело совершенно определённое впечатление, которое остаётся незабываемым и до сегодняшнего дня, что на Н. Н. Лузина всё это произвело впечатление абсолютно запугивающее: он испугался на всю жизнь, он дрожал от страха. В это время произошёл и арест Д. Ф. Егорова, и когда Н. Н. выступал, то на его лице было написано, что началось светопреставление, что теперь всех нас заберут и т. д., и он дрожал. Этот страх и дрожание остались у него и до настоящего времени. Когда я был директором Института математики и механики Московского университета, то под влиянием общественных организаций я сделал попытку вновь его привлечь (это было в 1932 году) в Московский университет. Нам казалось, что педагогические его силы будут нам очень полезны. Я написал ему письмо, в котором говорил о том, чтобы он не сомневался, что мы все искренне хотим его возвращения. В ответ на это он просил разрешения зайти ко мне домой и со мной поговорить. Он пришёл ко мне и, должен сказать, что вся беседа, длившаяся 4 или 5 часов, состояла в том, что Н. Н. просто плакал, сокрушался, причём клялся в том, что ему страшно хочется вернуться, но ему мешают причины исключительно медицинского характера, что он чувствует себя нездоровым. Должен сказать, что я тогда был убеждён в абсолютной неискренности этих слов и считаю до сих пор, что причина была причиной чисто политического характера.

Достаточно вспомнить выступление Николая Николаевича на том заседании, которое было посвящено процессу Промпартии — заседанию Математического общества, которое велось под председательством Н. Н. Лузина. Многие из здесь присутствующих присутствовали там и помнят как жалко, как несчастно он себя в этой роли чувствовал и как он сам в качестве председателя, в конце концов, мог только промямлить, что «да, конечно, вредить — это очень нехорошее дело, быть вредителем это очень нехорошо». Ничего другого он не нашёл сказать. Впечатление такой страшной обывательской запуганности. Это и тогда уже у него чувствовалось. Тогда уже чувствовалось (это было в 30-м году всё-таки) отношение к большевикам как к пришедшей какой-то страшной силе, которая всё разрушает, всех схватывает, арестовывает и т. д. Это дрожание за себя чувствовалось во всём и, в частности, сказало в этой истории с документом, которую я тоже очень хорошо помню и где дело обстояло так, как рассказывал

Л[азарь] А[ронович]³⁰. Между прочим, насколько я помню, этот документ стал составляться, и первые подписи стали собираться на том же заседании Математического общества, посвящённого процессу Промпартии. Начали собираться подписи. Н. Н. при этом сейчас же уехал домой и в этот же вечер или на следующее утро он оказался настолько больным, что не только не вышел, но когда просили передать документ для подписи, оказалось, что он не в силах этот документ подписать.

Итак, ученик Лузина крупный математик Александр Яковлевич Хинчин обвиняет своего учителя в политической неблагонадёжности. Хинчин обвиняет Лузина в страхе перед Советской властью, в отказе поддержать кампанию против несуществующей Промпартии с требованием репрессий к её членам и кампанию против воображаемой французской интервенции. Хинчин обвиняет Лузина в совершенно справедливом «отношении к большевикам как к пришедшей какой-то страшной силе, которая всё разрушает, всех схватывает, арестовывает».

Подытоживает Кржижановский: «Он не пожелал примкнуть». Но это старый большевик, ему положено. Читать же, как ученики Лузина (к тому же сильные математики) предъявляют ему политические обвинения и чуть ли не высмеивают его страх, страшно и омерзительно. Выражение *преступное состояние* я знаю от В. Н. Топорова. Как-то я спросил его, бывают ли преступные нации. Он отвечал, что преступных наций не бывает, но бывают нации, вставшие в преступное состояние. В качестве примера были названы немцы при Гитлере, а также некоторые современные нации, о коих умолчим. Так вот, по моему мнению, участвующие в расправе над Лузиным его ученики впали в преступное состояние.

Здесь надо отдать должное Александрову. В преступное состояние, он, пожалуй, не впал, так как никаких политических обвинений Лузину не предъявлял, а напротив заявлял, что ничего антисоветского от Лузина никогда не слышал. Он справедливо упрекал Лузина в присвоении результатов своих учеников (прежде всего П. С. Новикова) и столь же справедливо в писании положительных отзывов на работы, не достойные таких отзывов, и рекомендаций людям, не достойным таких рекомендаций. Впрочем, и этим обвинениям, не носящим, казалось бы, политического характера, бдительные члены комиссии стремились придавать политическую окраску. Вот, например, что сказал Горбунов в своём цитированном выше выступлении:

³⁰ Лазарь Аронович Люстерник историю с документом на заседании Комиссии не рассказывал. Хинчин имеет в виду процитированное выше выступление Горбунова, в котором упоминается Люстерник. — В. У.

«У меня маленьких два дополнения, которые я хотел бы сделать. Ещё два момента важно выяснить. Первый момент³¹ — это в отношении большого количества рекомендаций, которые давались Лузиным. Мне хотелось бы в нашей Комиссии собрать несколько более полно этот материал и расклассифицировать его не только в хронологическом порядке, но также и выяснить, кроме того, кто же были эти лица, которым давались Лузиным рекомендации не только с научной точки зрения, но и с политической точки зрения».

Отзывы и рекомендации я объясняю мягкотелостью Лузина, его неспособностью отказать. Что до присвоения результатов своих учеников, каковое, несомненно, имело место, то тут мне хотелось бы высказать следующие соображения. Для начала приведу цитату из уже упоминавшегося предисловия Лебега к монографии Лузина: «Всякий, вероятно, удивится, когда узнает, читая Лузина, что я, между прочим, изобрёл метод решета и первым построил аналитическое множество³². Никто, однако, не удивится так, как я. Г-н Лузин лишь тогда бывает совершенно счастлив, когда ему удаётся приписать собственные открытия кому-либо другому». По моей оценке Лузин имел феодальное мышление. Собственностью своих вассалов он считал возможным распоряжаться по собственному усмотрению, зато свою собственность считал собственностью своего сюзерена, коим был Лебег. В этом те, кто желал политизировать дело Лузина, тоже видели элементы «низкопоклонства перед Западом» (хотя сам взятый в кавычки трёхчленный термин появился позже): приписывая Лебегу свои достижения, Лузин-де возвеличивает француза, а отнимая у своих учеников их результаты, он принижает роль советской математики.

Как бы то ни было, участие в инспирированной партийными органами травле Лузина было по меньшей мере безнравственным, а для лузинских учеников безнравственным вдвойне и втройне. Учитывая, к каким последствиям могла привести эта травля, оценку «безнравственный» допустимо заменить более сильной.

Дело Лузина вызвало острую реакцию у некоторых европейских математиков, прежде всего французских, лично знавших Лузина. Сошлёмся на статью П. Дюгака (1926—2000), опубликованную в 2000 году в «Историко-математических исследованиях»³³. Статья

³¹ Второй момент — это уже известный читателю донос Шнирельмана. — В. У.

³² Не удивится читатель изданий монографии Лузина в русском переводе: в обоих изданиях то место монографии, на которое ссылается Лебег, опущено; опущено и само предисловие Лебега. — В. У.

³³ П. Дюгак. «Дело» Лузина и французские математики // Историко-математические исследования. — Сер. 2. — Вып. 5 (40). — М.: Янус-К, 2000.

представляет собой обширно комментированную подборку писем математиков друг к другу. Вот несколько выдержек из этих писем. Из письма В. Серпинского к А. Данжуа³⁴ от 30 июля 1936 года:

...Я узнал ужасную новость, касающуюся нашего друга Лузина. <...> Оказывается, что по инициативе Павла Александрова и его сотрудников была организована комиссия из членов Академии [наук] СССР для изучения очень тяжких обвинений, предъявленных Лузину его бывшими «благодарными» учениками, которые требовали изгнания Лузина из Академии. Эти возражения были в основном политического толка. Лузина упрекают в том, что он публиковал самые важные результаты во французских изданиях, в том, что он отказался подписать провокационный адрес к французским учёным <...> Затем Лузина упрекают за его поведение до 1918 года, говоря, что он был на стороне правых и что он так с правыми и остался. <...> Действия г-на Александрова и его компаньонов, конечно, есть такая подлость, на которую, что даже невозможно представить, был бы способен учёный. <...> Г-н Александров был приглашён Варшавским университетом читать лекции осенью 1936 года. Естественно, теперь это приглашение будет отозвано. <...> Г-н Александров и компания совершили подлость, которая должна рассматриваться как таковая, независимо от каких-либо политических и социальных режимов.

Из ответного письма А. Данжуа к В. Серпинскому от 5 августа 1936 года:

Я предупредил Лебега, Монтеля³⁵, Бореля, если только Вы это не сделали сами. Я пошлю им копии Вашего перевода статьи из «Правды». <...> ...Я осуждаю, как и Вы сами и наши польские коллеги, безобразное поведение г-на Александрова. Мне больно, что такой достойный человек, как Хинчин, оказался способным на такие действия. Если стремление занять академическое кресло могло сбить с пути Александрова, то у Хинчина не было столь мощного повода соглашаться на эту ужасную интригу.

Из письма А. Лебега к А. Данжуа от 5 августа 1936 года:

Можно ли сделать что-нибудь полезное для Лузина и при этом не опасное? Официальный протест и шумиха в газетах, подписанная многочисленными фамилиями — неэффективна и опасна.

³⁴ Известный французский математик, ученик Бореля.

³⁵ Поль Антуан Аристид Монтель — известный французский математик. — В. У.

<...> ...Вы увидите, что нападки на Лузина с целью его изгнания и освобождения места для Александрова, начались не вчера. Александров кажется мне к тому же весьма сведущим по части интриганства...

Читателю может показаться непонятным, почему дело Лузина я отношу к числу причин, за которые Александров ненавидит Лузина. Казалось бы, должно быть наоборот: это Лузин должен ненавидеть Александрова (не знаю, была ли ненависть, что-то неодобрительное, безусловно, было). Ответ таков. Хорошо известно, что если Икс сделал Игреку благодеяние, то Икс за это любит Игрека. Переворачивая этот принцип, приходим к заключению, что если Икс сделал Игреку гадость, то Икс за это должен Игрека сильно не любить. Лев Толстой в «Хаджи-Мурате» объяснил этот психологический парадокс: «Николай нахмурился. Он сделал много зла полякам. Для объяснения этого зла ему надо было быть уверенным, что все поляки негодяи. И Николай считал их таковыми и ненавидел их в мере того зла, которое он сделал».

Причина пятая: выборы в Академию наук. В 1946 году состоялись очередные выборы в Академию наук СССР. Член-корреспондент (с 1929 года) П. С. Александров выдвинут кандидатом в академики. Требуется поддержка Лузина.

Письмо, написанное осенью 1945 года Лузиным Колмогорову, оканчивается так: «Теперь о другом: приближается время выборов в Академию. Было бы абсолютной несправедливостью, если бы они протекали без Павла Сергеевича. Его работы, отзвуки которых всюду в мировой литературе, его прекрасные зрелые годы — полнота зрелости — разума — и он сам, интереснейший муж, — всё это заставляет видеть в нём достойного кандидата, польза активности которого для Академии неоценима. Моё убеждение сделано, и при случае Вы мне укажете для этого наиболее целесообразные действия». В ответном письме от 7 октября 1945 года Колмогоров пишет Лузину: «Так как я уже ряд лет занят тем, чтобы различные случайные и привходящие обстоятельства не помешали бы ещё раз вполне справедливому, на мой взгляд, избранию Павла Сергеевича, то я действительно очень ценю Вашу готовность тогда, когда это действительно оказывается нужным, поддержать необходимые для успеха действия». Если основываться только на письмах, можно сделать вывод, что Колмогоров без достаточных к тому оснований решил, что Лузин будет поддерживать не только выдвижение П. С. Александрова, но и его избрание. Между тем, ничего такого ему в письме Лузин не обещал. Неиз-

вестно, указал ли Колмогоров Лузину «наиболее целесообразные действия»; полагаю, что не указал.

Как в своих воспоминаниях пишет Л. С. Понтрягин³⁶, на выборах (другие источники уточняют, что это происходило на заседании экспертной комиссии перед выборами), Лузин сказал речь примерно следующего содержания: «Если мы хотим выбрать выдающегося математика и прикладника, то должны голосовать за Петровского, если мы хотим выбрать выдающегося теоретика, то должны голосовать за Чеботарёва, ну а если мы интересуемся философом, то можем выбрать Александра». Александров избран не был и стал академиком лишь в 1953 году. Встретив Лузина в коридоре, Колмогоров стал упрекать его в обмане. Понтрягин пишет, что Лузин сказал Колмогорову: «Голубчик, успокойтесь, не волнуйтесь, вам надо обратиться к врачу» и начал похлопывать его не то по плечу, не то по руке. Колмогоров, разозлившись, сказал в ответ: «Что же вы хотите, чтобы я вам в физиономию плюнул или по морде дал!», на что Лузин продолжил уговоры обратиться к врачу. После этого Колмогоров ударил Лузина по лицу.

Ученик Колмогорова В. М. Тихомиров, отказавшийся выслушать рассказ учителя об этом событии, пишет в своей книге о Колмогорове³⁷: «Чувствовалось, что он глубоко переживает его [событие]. Но в тот самый момент, когда я отказался его выслушать, как бы вдогонку, Андрей Николаевич воскликнул: „Но у меня же было письмо, где он писал совсем другое, не то, что он говорил мне тогда в лицо“».

5.2. Юлия Антоновна Рожанская

В 1950-е и 1960-е годы я довольно часто бывал на заседаниях Московского математического общества (ММО), куда был избран 24 мая 1955 года, ещё в бытность аспирантом³⁸. Практически всегда председательствовал П. С. Александров — Президент Общества с 1932 по 1964 год. Почти всегда на эти заседания приходила и Юлия Антоновна Рожанская (1901—1967), член ММО с 1927 года.

³⁶ Л. С. Понтрягин. Жизнеописание Льва Семёновича Понтрягина, математика, составленное им самим. — М.: Прима В, 1998. — С. 76. — [<http://egamath.narod.ru/LSP/book.htm>].

³⁷ Тихомиров В. М. Андрей Николаевич Колмогоров, 1903—1987: жизнь, неисполненная счастья / Отв. ред. С. С. Демидов. — М.: Наука, 2006. — 199 с.

³⁸ А 16 октября 1956 года меня избрали членом Ревизионной комиссии ММО.

Для неё это был выход в свет. Ей было между пятьюдесятью и шестьюдесятью; она молодилась. В молодости, говорят, Рожанская была хороша собой, и сохранила это самоощущение. Она садилась в первый ряд, где ей было удобно закидывать ногу на ногу, непрерывно курила и перебивала докладчиков громкими вопросами, произносимыми прокуренным голосом и вызывающими ассоциацию с вопросами, задававшимися героем гоголевской «Коляски»³⁹. Всё это чрезвычайно раздражало председательствующего Александрова, а отчасти и меня. Надо иметь в виду, что в кабинете заведующего отделением математики, коим был Александров, висел плакат с просьбой не курить даже и в отсутствие хозяина. Как правило, Александров терпел, но иногда не выдерживал и просил Рожанскую не перебивать докладчика. В зависимости от настроения, Рожанская могла и не удовлетворить эту просьбу и пыталась отстоять своё право задавать вопросы. Рассказывают, что иногда после завершения доклада она брала слово, чтобы заявить, что проблемы, объявленные докладчиком нерешённым, давно решены ею и соответствующая статья готовится ею к печати.

Но, конечно же, отношение Александрова к Рожанской сформировалось задолго до того. С молодости Рожанская принимала активное участие в математической жизни, прежде всего в топологии, лидером которой в СССР был Александров. Некогда она была ученицей Александрова и членом «Лузитании». Пишет М. А. Лаврентьев⁴⁰:

1922—1926 годы можно считать расцветом «Лузитании». В «Лузитанию» входили: а) старшее поколение (30—35 лет) (И. И. Привалов, В. В. Степанов, П. С. Александров, Д. Е. Меньшов, А. Я. Хинчин, С. С. Ковнер, П. С. Урысон, В. Н. Вениаминов); б) младшее и среднее поколение (20—30 лет) (Н. К. Бари, Ю. А. Рожанская, Л. А. Люстерник, Л. Г. Шнирельман, М. А. Лаврентьев, П. С. Новиков, Л. В. Келдыш, В. В. Немыцкий, А. Н. Колмогоров, Е. А. Селивановский, В. И. Гливенко).

³⁹ «В другом углу завязался довольно жаркий спор о батальонном учении, и Чертокуцкий, который в это время уже вместо дамы два раза сбросил вала, вмешивался вдруг в чужой разговор и кричал из своего угла: „в котором году?“, или: „какого полка?“, не замечая, что иногда вопрос совершенно не приходился к делу» (Н. Гоголь).

⁴⁰ М. А. Лаврентьев. Николай Николаевич Лузин // Успехи математических наук. — 1974. — Т. 29. — Вып. 5 (179). — С. 179. — [<http://mi.mathnet.ru/umn4419>].

В «Лузитании», а возможно ещё раньше, познакомившись на семинаре Д. Ф. Егорова, Рожанская стала женой В. В. Степанова (23.08(04.09).1889—22.07.1950). Полагаю, что в этом качестве она была в Гёттингене вместе с Александровым, Степановым и некоторыми другими. Думаю, что в Гёттингене Рожанская вызвала у Александрова крайне отрицательные эмоции. Несомненно, Александров весьма негативно отнёсся к её браку со Степановым. Рожанская пыталась, и иногда с некоторым успехом, завести романтические отношения с рядом математиков своего окружения, но полного завершения сумела достичь только с Вячеславом Васильевичем Степановым — человеком необыкновенных достоинств, почти «святым», но к браку совершенно не приспособленным; брак этот оказался для него кошмаром.

Рожанская была чрезвычайно активна. Она была членом основанного в 1925 году в МГУ под почётным председательством Александрова Топологического кружка, участником различных топологических конференций (в том числе Первой международной топологической конференции, проходившей в Москве 4—10 сентября 1935 года) и т. п.

Наконец, она пользовалась незаслуженным, по мнению Александрова (какое мнение я ему приписываю), благоволением Лузина. Лузин был первым, кто ввёл систему индивидуальных занятий с учениками у себя на дому. Известно, что он разделил своих учеников на группы, и каждой группе был назначен определённый день недели и определённый час, в которой вся эта группа должна была приходить к нему в его арбатскую квартиру. Так, Колмогоров приходил в составе группы из четырёх лузинских учеников. Но были и группы, состоящие из одного человека. Таких групп было две. Одна группа состояла из Нины Карловны Бари, яркий талант которой был виден уже тогда (впоследствии она прославилась своими математическими работами), другая группа — из Юлии Антоновны Рожанской, в математике не прославившейся. Индивидуальную аудиенцию, даваемую Бари, Александров мог понять и простить; когда я учился и работал на мехмате, я мог наблюдать хорошие деловые отношения между Александровым и Бари. Индивидуальную аудиенцию, даваемую Рожанской, Александров простить не мог — причём не столько Лузину, сколько Рожанской.

Думаю, что отношение Александрова к Рожанской можно было бы выразить фразой: «Всюду лезет и не по чину берёт».

Достаточно ли всего сказанного для чувства ненависти? Не знаю.

5.3. Айседора Дункан

Сергей Есенин (21.09(03.10).1895—28.12.1925) принадлежал к числу самых любимых поэтов Александрова.

В 1924 году Есенин написал своё знаменитое «Письмо к женщине»:

Вы помните,
Вы всё, конечно, помните,
Как я стоял,
Приблизившись к стене,
Взволнованно ходили вы по комнате
И что-то резкое
В лицо бросали мне.

Вы говорили:
Нам пора расстаться,
Что вас измучила
Моя шальная жизнь,
Что вам пора за дело приниматься,
А мой удел —
Катиться дальше, вниз.

<...>

Простите мне...
Я знаю: вы не та —
Живёте вы
С серьёзным, умным мужем;
Что не нужна вам наша маета,
И сам я вам
Ни капельки не нужен.

<...>

Если только вопрошаемый не окажется образованным филологом, стандартным ответом на вопрос, к кому обращено это стихотворение, будет: «К Зинаиде Райх». Зинаида Николаевна Райх была женой Есенина с 1917 по 1921 год. С 1922 года она жена Всеволода Мейерхольда. Отвечающих не смущает, что Мейерхольд мало подходит под характеристику «серьёзный, умный муж». На самом деле «женщина», к которой обращено «письмо» — это Екатерина Романовна Эйгес (27.02(12.03).1890—17.06.1961). С Есениным она познакомилась весной 1919 года. Ей принадлежат «Воспоминания о Сергее Есенине» (Новый мир. — 1995. — № 9. — С. 181—195. — [http://magazines.russ.ru/novy_i_mi/1995/9/eyges.html]). «Катя

была похожа на Зинаиду Райх — все, знавшие обеих, утверждали это», свидетельствует племянница Екатерины Эйгес Л. Г. Чудова в своём отклике на воспоминания тётки (*Л. Г. Чудова. О «Воспоминаниях» Е. Р. Эйгес // Новый мир. — 1996. — № 1. — [http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1996/1/redpost03-pr.html]*).

В своём предисловии к «Воспоминаниям» Эйгес С. В. Шумихин указывает:

Екатерина Эйгес, окончив до революции математический факультет Московского университета, совмещала работу в библиотеках Наркомвнудела, затем — Наркомпроса с учёбой на Высших литературно-художественных курсах (впоследствии — Литературно-художественный институт им. В. Я. Брюсова), писанием стихов, посещением многочисленных поэтических вечеров и выступлений — в Политехническом музее, Доме Печати, литературных кафе. В Москве тех лет такой образ жизни был типичен для развитой, близкой к литературным кругам девушки. По-видимому, стихи Е. Р. Эйгес чего-то стоили и её не только за привлекательную внешность приняли во Всероссийский Союз поэтов. К сожалению, нам неизвестно, сохранились ли её произведения.

Далее приводится названное в предисловии «слабым» стихотворение Эйгес 1918 года, из которого мы процитируем вторую строфу из трёх:

Вернуться вновь к толпе, столице,
Кафе поэтов на Тверской,
В ту жизнь страдающей блудницы,
Забывшей счастье и покой.

Думается, что Екатерина Эйгес не столько была блудницей, сколько считала нужным, следуя тогдашней моде, так себя позиционировать.

В 1980-х годах я иногда бывал у Надежды Давыдовны Вольпин (06(19).02.1900—09.09.1998), благо она жила в соседнем доме. С ней я был знаком через Александра Сергеевича (Алика) Есенина-Вольпина, коего 12 мая 1924 года она родила от Есенина. А с Аликом я был знаком со своего первого курса; он тогда был аспирантом Александрова. (В 1949 году защитил диссертацию по топологии⁴¹, получив классический результат на тему диадических бикомпактов, и уехал преподавать в Черновцы.) Надежда Давыдовна рассказала

⁴¹ А не по математической логике, как написано кое-где. О Есенине-Вольпине см. статью на с. 365—399 настоящей книги.

мне о таком эпизоде. Они шли с Есениным, и у подъезда его дома Есенина поджидала какая-то женщина, отведшая его в сторону для краткого разговора. Вернувшись, Есенин объяснил Надежде Вольпин, что это была Катя Эйгес, просившая денег на аборт. Свидетельствует Л. Г. Чудова: «Отношения Екатерины Романовны с Есениным прекратились в 1921 году в связи с её замужеством (недолгим и неудачным). Есенин в 1922-м уехал за границу с А. Дункан, и после его возвращения они больше по-домашнему не встречались».

Теперь вспомним (или сделаем вид, что вспомнили), что Е. Р. Эйгес была сестрой Александра Романовича Эйгеса, учителя математики Александрова по Смоленской гимназии. *Страницы*, ч. 1, с. 226—227 и 249:

...Зиму 1910—1911 годов я почти сплошь болел, у меня были сначала грипп, потом коклюш и скарлатина. <...> Из-за всех этих болезней я почти не ходил в гимназию, но математикой продолжал заниматься. Несколько раз, пока я болел, а болел я практически всю зиму, меня навещал А. Р. Эйгес, и я не могу словами выразить той радости, которую мне доставляло каждое его посещение. <...> Когда к весне я наконец поправился от своих болезней и смог и сам бывать у Александра Романовича, наше общение стало ещё интенсивнее. В результате я решил уже как следует заняться в первую очередь математикой, а там, может быть, и механикой и небесной механикой. <...> Александр Романович имел огромное влияние на всё моё духовное развитие и я это влияние чувствовал в течение всей моей жизни. <...> Отношение Александра Романовича ко мне до самой его смерти в апреле 1944 года оставалось всё таким же тёплым и сердечным, и я сохраняю и сохраню до своего конца воспоминание об Александре Романовиче Эйгесе как об одном из самых мне близких и дорогих людей.

Перенесёмся на пять лет вперёд. *Страницы*, ч. 1, с. 241—242:

Зимой 1915—1916 годов при одной из своих кратковременных поездок в Москву А. Р. Эйгес познакомил меня со своей младшей сестрой Екатериной Романовной и двумя (тоже младшими) братьями, из которых один был художник, а другой окончил Московскую консерваторию как пианист, но стал заниматься литературой. Оба брата и сестра Екатерина Романовна проживали вместе, снимая квартиру в одном из переулков Новинского бульвара (теперь улица Чайковского). Постоянно бывал у них В. В. Степанов, а также пианист, ученик Игумнова Добровейн, впоследствии известный дирижёр. (Именно он играл В. И. Ленину

«Аппассионату» Бетховена.) В Московском доме младших Эйгесов и я сделался постоянным гостем и это продолжалось до самого моего отъезда из Москвы в Новгород-Северск (летом 1918 года). Особенно хорошо за это время я познакомился с Екатериной Романовной. Когда я осенью 1920 года вернулся в Москву, это знакомство возобновилось с прежней теплотой. Но за 1918—1919 годы в жизнь Екатерины Романовны вошло новое лицо, и им был Сергей Есенин. Екатерина Романовна мне показала толстую тетрадь своих стихов, всю испещрённую пометками, собственноручно сделанными характерным почерком Есенина. Тут были и отдельные критические замечания, но были и целые строчки, прочеркнутые рукой Есенина с им же предложенными изменёнными вариантами. К сожалению, эта тетрадь, которая, несомненно, представляла бы интерес для литературоведов — специалистов по Есенину, безвозвратно погибла. В начале или в середине марта 1921 года Екатерина Романовна познакомила меня с Есениным и мы провели часть вечера вместе. Сколько времени продолжалось это свидание, я сейчас не помню. Но оно мне запало в душу: я почувствовал Есенина как человека, мне кажется, я почувствовал его мягкость, нежность и какую-то незащищённость...

Так кто же был «серьёзный, умный муж» из стихов Есенина? Никто иной, как Павел Сергеевич Александров. *Страницы*, ч. 1, с. 243:

...2-го апреля я вступил в брак с Екатериной Романовной Эйгес. Брак этот не был удачным и заключение его было ошибкой. Екатерина Романовна была человеком, созданным для семейной жизни, я же к этой жизни был вовсе не приспособлен, и для меня ошибкой было бы вступление в какой бы то ни было брак.

Вспоминает Л. Г. Чудова: «Муж Екатерины Романовны, математик Павел Сергеевич Александров (будущий академик, создатель научной школы по топологии), вернувшись в 1924 году из командировки во Францию, порвал с женой, но сохранил дружеские связи с её родственниками <...>». Вспоминает П. С. Александров: «Александр Романович очень любил свою сестру Екатерину Романовну и тяжело переживал неудачу её семейной жизни. Но ни разу в жизни я не слышал и не чувствовал в его отношении ко мне хотя бы намёк на упрёк мне в этом отношении» (*Страницы*, ч. 1, с. 249).

О вершинах весьма разностороннего треугольника Александров—Эйгес—Есенин интересно и содержательно написал В. М. Тихомиров

в статье «„Кому повем печаль мою?“ (Павел Александров, Екатерина Эйгес и Сергей Есенин)», опубликованной в 1996 году в журнале «Вопросы истории естествознания и техники» (№ 1, с. 86—92).

В 1921 году, с целью основать танцевальную школу для девочек, в Москву приехала знаменитая, а то и великая американская танцовщица Айседора (а правильнее — Изадора) Дункан (27.05.1877—14.09.1927). В октябре того же года она познакомилась с Сергеем Есениным, а 2 мая 1922 года они официально оформили брак. Брак был расторгнут в 1924 году.

До сих пор были факты, теперь — мои субъективные попытки объяснить ненависть Александрова к Дункан. Александров мог считать, что Айседора отбила Есенина от Екатерины Эйгес и ненавидеть её за это. Выражаясь фигурально, «эта дрянь Айседора обидела нашу Катеньку». Скорее всего и Екатерина Романовна, и Александр Романович отзывались о Дункан достаточно негативно, и эти негативные отзывы не могли не влиять на Александрова. Что до танцевальных новаций Дункан, то для Александрова, с его классическими вкусами, эти модернистские новации были глубоко чужды.

Полагаю также, что, по мнению Александрова, Айседора Дункан погубила «мягкого, нежного и какого-то незащищённого» Сергея Есенина.



Е. Р. Эйгес и П. С. Александров.



А. Дункан и С. А. Есенин.

6

Не хотелось бы очерк о П. С. Александрове заканчивать Айседорой Дункан. В топологии он был фигурой исторического значения, поскольку вместе со своим другом Павлом Урысоном и Феликсом Хаусдорфом участвовал в создании теоретико-множественной, она же общая, топологии. В Москве он создал мощную и разветвлённую школу теоретико-множественной топологии⁴². Его ученики и ученики его учеников стали профессорами Московского и иных российских и зарубежных университетов. Нельзя забывать его роль в качестве заведующего кафедрой высшей геометрии и топологии, в качестве заведующего Отделением математики механико-математического факультета, в качестве председателя учёного и диссертационного советов этого Отделения.

Павел Сергеевич заботился и об эстетическом воспитании студентов мехмата. С большой теплотой студенты и аспиранты 60-х и 70-х годов вспоминают знаменитые «Александровские вторники», проводимые Александровым в зоне «Б» расположенного в Главном здании МГУ общежития, в одной из гостиных тех верхних этажей, на которых жили мехматяне. Александров приходил на эти вторники с пластинками, иногда весьма редкими, и устраивал прослушивание классической музыки. Прослушивание предварялось краткой вступительной лекцией Александрова, а завершалось обсуждением услышанного. С молодых лет Александров был театралом и меломаном и давал частные уроки специально для того, чтобы оплачивать билеты на концерты и театральные постановки; он не считал возможным обременять этим родителей, денежную помощь которых тратил на хорошую комнату и «безукоризненно доброкачественный стол» (*Страницы*, ч. I, с. 233). В 1919 году Александров уже состоял «в должности руководителя театральной секции подотдела искусств Черниговского отдела народного образования» (*Страницы*,

⁴² Следует отметить, что великий математик В. И. Арнольд не признавал теоретико-множественную топологию математикой, поскольку математику он считал частью физики, каковая должна описывать реальный мир. Думается, ему была близка оценка теоретико-множественной математики как дребедени, данная Я. В. Успенским: см. выше сноску 28 на с. 545. Автор этих строк решительно не готов считать математику частью физики. Но если даже встать на точку зрения Арнольда, то возможно допустить, что в будущем абстрактные топологические пространства понадобятся для описания окружающего нас физического пространства. Ведь если бы человека Древности, «любопытного скифа» по замечательному выражению Пушкина, спросили, какой геометрический объект, плоскость или сфера, лучше описывает земную поверхность, он без сомнения выбрал бы плоскость.

ч. I, с. 237). Но он умел не только посещать театры и концертные залы и руководить театральной секцией, но и читать лекции на гуманитарные темы. А оратором Александров был блистательным, и на мехмате все это знали из личного опыта. Вспоминает Александров:

Возвращаюсь к черниговскому лету. Кроме моих занятий, связанных с театром, я летом 1919 года был, как и предшествующую зиму, занят чтением публичных лекций на литературные темы. Это были лекции о Гёте <...>, Гоголе, Ибсене, Гамсуне и Достоевском. Мои лекции имели большой успех, и не только в Чернигове, но и в некоторых других городах, куда я с ними выезжал, в частности, в Киеве. *(Страницы, ч. I, с. 239.)*

В свои аспирантские годы я слышал рассказы о том, что литературные лекции Александрова были настолько эмоциональны, что слабонервных дам без чувств выносили из зала. И вот такой оратор читает вступительную лекцию на «вторнике» своего имени. Можно себе представить эффект.

Скажу в заключение, что повседневная жизнь математической части мехмата в немалой степени формировалась под влиянием Александрова. У подъезда башни «Л» Главного здания МГУ, где на 3-м этаже находилась его квартира, установлена мемориальная доска.

Светлые воспоминания

В Новосибирском Академгородке мне довелось побывать трижды — в 1963, 1965 и 1981 годах. Каждый раз это было в начале июня и каждый раз было связано с защитой какой-либо докторской диссертации, либо моей собственной, либо такой, на которой я числился официальным оппонентом (у А. В. Гладкого — и уж заодно у Я. М. Барздиня по его кандидатской — в 1965 году и у С. С. Гончарова в 1981 году).

Наибольшие впечатления я получил во время моего первого посещения. Сегодня, после стольких прошедших десятилетий, в памяти осталось лишь самое главное. Не знаю, как сейчас, но тогда Академгородок был сплошь окружён лесом. Но больше всего меня поразило обилие природы не вокруг, а внутри Академгородка. От одного здания до другого я шёл среди деревьев, почти что лесными тропинками. Надо полагать, были и улицы, но я их не помню. Академгородок состоял тогда в основном из пятиэтажных жилых домов. В них же находились и научные институты — под них были переоборудованы квартиры на первых этажах. Собственно, никакого особого переоборудования и не было, просто тот или иной институт занимал несколько комнат. В этих комнатах помещались канцелярия, бухгалтерия, отдел кадров и, можно думать, первый отдел. Научные же сотрудники появлялись лишь по мере надобности. Возможно, были и специальные здания для институтов (ведь моя защита происходила же в каком-то зале), но я этого не помню. Короче, градостроительное устройство Академгородка было тогда ни на что не похожим и очень уютным.

Мне рассказали, что Михаил Алексеевич Лаврентьев был не только основателем Академгородка, но и его строителем. И в качестве строителя, он добился невозможного, а именно — разумной органи-

Опубликовано в сборнике: Институт вычислительной математики и математической геофизики (ВЦ) СО РАН: Страницы истории / Отв. ред. Б. Г. Михайленко; СО РАН, Ин-т вычислительной математики и математической геофизики. — Новосибирск: Гео, 2009. — 612 с.: ил.

зации строительства. Организация заключалась в последовательности возведения сооружений. Все ожидали, что — как это тогда было принято — сперва будут построены величественные здания институтов и «дом культуры», а сотрудники будут ещё долго населять бараки, оставленные строителями. А дороги..., но высказывание о дураках и дорогах всем известно. Лаврентьев сумел победить дураков и велел в первую очередь построить дороги. Асфальтированные шоссе соединяли всё, что требовалось соединить. Во вторую очередь строились жилые дома — по тем временам достаточно комфортабельные. В первых этажах некоторых из них расположились магазины, аптеки, детские сады и прочие необходимые для повседневного быта учреждения, а также, о чём уже было сказано, институты Академии наук. Отдельные здания для всех этих учреждений строились лишь потом, причём здания для институтов — в последнюю очередь.

Лаврентьев распорядился также, чтобы в интересах, как сказали бы теперь, экологической безопасности тепловая станция, снабжающая Академгородок горячей водой, была вынесена за несколько километров от города. Семикилометровая очень толстая труба тянулась от станции к городку через лес. Я не отказал себе в удовольствии пройти вдоль неё. И в некоторой точке маршрута наткнулся на ситуацию, заставившую меня вспомнить одну из фантастических повестей братьев Стругацких. В этой повести, как и положено в так называемой научной фантастике, дело происходит на какой-то далёкой планете. Цивилизация там была не слишком продвинутой, но в течение веков наблюдалось следующее явление. Из какой-то дыры в земле непрерывно выезжала нескончаемая колонна сложной военной техники, которая, пройдя небольшое расстояние по поверхности, скрывалась в другой дыре. Наши космонавты сразу же поняли, что это «нуль-транспортировка», осуществляемая другой, весьма отдалённой (а то и пребывающей в параллельной вселенной) цивилизацией, возможно, давно погибшей. Но для жителей планеты весь этот бесконечный ряд механизмов появлялся неизвестно откуда и уходил неизвестно куда. И ещё: власти планеты по мере сил пытались эти непонятные им механизмы использовать в своих целях. Но вернёмся с далёкой планеты к тому месту трубы, у которого я остановился. В этом месте в трубе была дырка, и из дырки бил фонтан горячей воды — впрочем, фонтан вполне умеренный. Рядом стояло несколько тачек с намертво вмонтированными в них большими, на десятки литров, флягами. Хорошо утоптанная и наезженная тропа вела от дырки к деревне, расположенной не более чем в километре. Легко себе представить, что в шестидесятые годы значила горячая вода для

сибирской деревни! Я понял, что весь быт этой деревни организован вокруг дырки и что жители других деревень смертельно завидуют. Конечно, жители деревни понимали, откуда, куда и зачем идёт труба, но знать им всё это было не для чего: фонтан горячей воды воспринимался психологически как природный источник, как дар Божий — каким он и был. Тут замечательна и редкая мудрость властей — уже не инопланетных, а земных, — не пытающихся заделать дырку, поставить охрану или совершить какую-нибудь иную глупость.

Слово «уютный» в применении к Академгородку 1963 года уже фигурировало в этих моих воспоминаниях. Уютным был и местный Дом учёных, располагавшийся в сравнительно небольшом здании. Не помню, застал ли я его в 1965 году, но в 1981 году его уже точно сменило помпезное сооружение. А в 1963 году обстановка была совершенно домашняя. Вечером в день защиты я устроил, как это было принято, банкет, причём хлопоты по его организации происходили в тот же день, непосредственно после заседания совета, поскольку приехал я лишь поздно вечером накануне. Мне посоветовали устроить его в столовой Дома учёных, куда я и обратился. Однако должной суммы денег у меня не было; деньги должны были прийти по телеграфу через пару дней. Об этом я рассказал администрации столовой. Мне поверили в долг! (Не думаю, чтобы такое было возможно в новом здании Дома учёных.) Более того, пока не пришли деньги, я обедал в этой столовой бесплатно, прося приписать к долгу.

Из того же 1963 года — светлые впечатления от встреч с обитателями Академгородка. С Алексеем Андреевичем Ляпуновым я был хорошо знаком и раньше. Был знаком и с Анатолием Ивановичем Мальцевым, но дома у него побывал лишь в Академгородке — на щедром сибирском обеде с обилием пельменей и водки. А вот с Леонидом Витальевичем Канторовичем познакомился лишь тогда: неожиданно для меня он выступил на моей защите, а потом поднял первый тост на банкете. Вспоминаются и две его мысли, высказанные им мне во время прогулки, — обе из сферы экономики. Первая состояла в том, что ведомства должны платить вузам за направляемых в их распоряжение выпускников, — тогда и не будет перекосов в дефиците одних специалистов и перепроизводстве других. А вторая состояла в том, что при правильной политике централизованная советская экономика окажется более, нежели капиталистическая, приспособлена для так называемых оптимальных цен, теорию которых он разработал, и, тем самым, может быть более успешной; ведь именно при советской системе управления указанные цены, научно

вычисленные, могут быть введены путём издания соответствующей директивы (я не решился спросить, можно ли добиться от власти принятия такой директивы).

Вспоминаются и эпизоды трагикомические. Вот один из них. После защиты я задержался на несколько дней в Академгородке и занимался оформлением необходимых бумаг. На некоторых из них требовалась подпись Анатолия Илларионовича Ширшова, председательствовавшего на том заседании, на котором происходила защита. На время моего пребывания в Академгородке свою трёхкомнатную квартиру уступил мне мой однокурсник по мехмату МГУ Лёва (Лев Яковлевич) Савельев — а сам временно перебрался в другое место; спасибо ему за это. Оказалось, что в точности под его квартирой находится квартира Ширшовых. Всякий раз, когда я принимал душ, происходила протечка. Комизма, надо признать, было мало. Впрочем, Ширшovy вели себя благородно.

Предисловие к книге «Теория алгоритмов: основные открытия и приложения»

Литература. — Приложения: 1. Алгоритмы на родине Аль-Хорезми. — 2. Международная встреча учёных в Хорезме. — 3. Вспоминая Хорезм и Ташкент (I. Год 1977. Ташкент, Ургенч, Хива. — II. Годы 1978—1979. Москва. — III. Год 1979. Ургенч, Хива. — IV. Год 1980. Москва — Юрмала. — V. Год 1986. Ташкент. — VI. Год 1986. Самарканд).

Понятие «алгоритм» давно уже стало привычным не только для математиков: оно является концептуальной основой разнообразных процессов обработки информации; именно наличие соответствующих алгоритмов и обеспечивает возможность автоматизации таких процессов. Вместе с математической логикой теория алгоритмов образует теоретический фундамент современных вычислительных наук (см. [Семёнов, Успенский, 1986]¹).

Не всегда достаточно отчётливо осознаётся, однако, что само слово *алгоритм* содержит в своём составе преобразованное географическое название, а именно слово *Хорезм*. Термин «алгоритм» обязан своим происхождением великому учёному средневекового Востока, чьё имя — Мухаммад бен Муса ал-Хорезми (причём «ал-Хорезми» означает «Хорезмиец»). Он жил приблизительно с 783 по 850 год, и 1983 год был выбран, чтобы отметить 1200-летие со дня его рождения. Его краткая биография, составленная в X веке, начинается так (цитируем по [Булгаков, Розенфельд, Ахмедов, 1983, с. 8]): «Ал-Хорезми. Имя его — Мухаммад ибн Муса, а происхождение из Хорезма». (Ранее писали аль-Хорезми.)

По латинским переложениям написанного на арабском языке арифметического трактата ал-Хорезми² средневековая Европа знакомилась

Опубликовано в книге: В. А. Успенский, А. Л. Семёнов. Теория алгоритмов: основные открытия и приложения. — М.: Физматлит, 1987. — С. 6—10. (Соавтор: Алексей Львович Семёнов.)

¹ В названии этой статьи математическая логика трактуется в широком смысле, включающем в себя и собственно математическую логику (понимаемую как теория формализованных языков), и теорию алгоритмов.

² Русский перевод этого трактата (с латинской рукописи, арабская не сохранилась) помещён в [Хорезми, 1964, с. 9—24] и в [Хорезми, 1983, с. 5—18].

с индийской позиционной системой счисления и с искусством счёта в этой системе³. В латинских названиях составленных в XII веке изложений трудов ал-Хорезми его имя транскрибировалось как *alchorismi* или *algorismi*, а относящийся к тому же веку латинский перевод его арифметического трактата начинался словами «Dixit algorizmi», т. е. «Сказал ал-Хорезми». Отсюда и пошло слово «алгоритм» — сначала для обозначения десятичной позиционной арифметики и алгоритмов цифровых вычислений (т. е. первых алгоритмических процедур, имеющих дело с символами: ведь до того считали на счётной доске — абаке), а затем для обозначения произвольных алгоритмов.

Крупнейший американский специалист по программированию Д. Э. Кнут так начинает первую главу своей многотомной монографии «The art of computer programming» (цитируем по русскому изданию [Кнут, 1968, с. 25]): «Понятие алгоритма является основным при составлении любого вида программ для ЭВМ, и поэтому мы начнём с тщательного анализа этого понятия. Само по себе слово „алгоритм“ (algorithm) очень интересно: на первый взгляд может показаться, будто кто-то намеревался написать слово „логарифм“ (logarithm), но перепутал порядок первых четырёх букв. <...> Оно произошло от имени автора известного арабского учебника по математике — Abu Ja'far Mohammed ibn Mûsâ al-Khowârizmî (около 825 года), означающего „Отец Джафара⁴ Магомед, сын Моисея, уроженец Ховаризма“. В настоящее время Ховаризм — это небольшой советский город Хива». К приведённой цитате уместно сделать два замечания: 1) принятое русское название «Ховаризма» — Хорезм; 2) Хива — это не Хорезм (Ховаризм), а город, расположенный в Хорезмском оазисе, с 1920 по 1923 год — столица Хорезмской Народной Советской Республики, с 1923 по 1924 год — столица Хорезмской Советской Социалистической Республики, ныне — районный центр Хорезмской области Узбекской ССР.

Современная Хорезмская область Узбекистана (областной центр — город Ургенч) является естественной наследницей древнего Хорезма, осознаваемого как колыбель понятия алгоритма. Казалось естественным, что именно на этой земле должно произойти обсуждение основных проблем, связанных с алгоритмами. Разумеется, чтобы

³ Например, с алгоритмом сложения «столбиком» — см. формулировку этого алгоритма в [Хорезми, 1964, с. 13] или в [Хорезми, 1983, с. 9—10] (соответствующий текст воспроизведён также в [Юшкевич, 1976, с. 51]).

⁴ Другие источники именуют ал-Хорезми отцом Абдаллаха, а наиболее ранние источники вовсе не содержат указания, чей он отец (см. [Булгаков, Розенфельд, Ахмедов, 1983, с. 9]). — В. У., А. С.

идея об организации такого обсуждения стала реальностью, была необходима соответствующая инициатива. Такую инициативу взяли на себя уже упомянутый Дональд Эрвин Кнут и Андрей Петрович Ершов. Осенью 1978 года они послали сорока своим коллегам из одиннадцати стран мира письмо, в котором писали:

Не так давно среди некоторых математиков и программистов (к ним относятся и авторы этого письма) возникла идея осуществления своего рода научного паломничества к местам рождения и юности Аль-Хорезми, выдающегося математика средних веков, давшего своё имя слову «алгоритм». Как подсказывает его имя, Аль-Хорезми произошёл из Хорезмского оазиса, знаменитого очага цивилизации, обогатившего человечество целой плеядой замечательных философов, учёных и поэтов. Если же мы вспомним, что наиболее известные работы Аль-Хорезми не только привели к нашему слову «алгоритм», но и что слово «алгебра» также обязано своим происхождением названию его главной работы <...>, то станет ясно, что перспектива посещения этих мест будет источником особых чувств любого математика <...>. Хотелось бы углубиться во взаимную дискуссию по поводу фундаментальных проблем математики и вычислительного дела. Нам представляется, что природа пустыни и дыхание истории, свойственные месту проведения конференции, представят нам особый шанс отвлечься от повседневной работы, окружающей нас дома, помогут сосредоточиться и придадут нашим размышлениям большую философскую глубину и дальность.

Инициатива А. П. Ершова и Д. Э. Кнута была поддержана Академией наук СССР (и прежде всего её Сибирским отделением) и Академией наук Узбекской ССР. В результате с 16 по 22 сентября 1979 года в городе Ургенче состоялся симпозиум «Алгоритмы в современной математике и её приложениях» при 26 советских и 13 зарубежных участниках. В день открытия симпозиума состоялась церемония закладки памятника ал-Хорезми. Рабочие заседания происходили 17, 18, 21 и 22 сентября. Симпозиум завершился «алгоритмическим вечером» с личными воспоминаниями одного из основоположников теории вычислимых функций С. К. Клини на тему «К истории формирования понятия вычислимости». Дальнейшие подробности о симпозиуме см. в [Ершов, Успенский, 1980], [Семёнов, Успенский, 1980], [Ершов, 1980], [Ершов, Кнут, 1981, с. III—V и с. 466—487], [Ершов, Кнут, 1982, ч. 1, с. 4—7 и ч. 2, с. 309—315].

В процессе подготовки к симпозиуму один из его организаторов А. П. Ершов предложил, чтобы на симпозиуме был сделан, как он писал одному из авторов в мае 1979 года, «заглавный доклад на тему что-нибудь вроде „Выдающиеся математические открытия, связанные с понятием алгоритма“». Цель доклада, по замыслу А. П. Ершова, состояла в том, чтобы «дать начальный заряд участникам, как эмоциональный, так и познавательный»; следовало, отобразив несколько выдающихся результатов, «рассказать их сущность на пальцах, т. е. объяснить, а не доказать, и сделать к ним технический, методологический и философский комментарий». Такой доклад и был поручен авторам этой книги. Он состоялся 17 сентября 1979 года под названием «Что даёт теория алгоритмов (Основные открытия в области теории алгоритмов за последние полвека)».

В своём докладе авторы попытались выделить те моменты в развитии теории алгоритмов, которые можно было бы квалифицировать как основные открытия. При этом в качестве открытия могло выступать и формирование понятия, и доказательство теоремы, и создание теории, и даже постановка проблемы. Таких открытий было обнаружено 18 (что дало повод Д. Э. Кнуту, председательствовавшему на докладе, заметить в шутку, что сам перечень 18 открытий образует самостоятельное, 19-е открытие). Одновременно была предпринята попытка очертить основные приложения теории алгоритмов внутри теоретической и прикладной математики. Фактически за отведённые докладчикам полтора часа они успели рассказать только первую часть доклада, посвящённую открытиям; вторая часть, посвящённая приложениям, осталась представленной лишь в виде кратких тезисов на стенде.

Расширенный текст обеих частей доклада был затем опубликован на английском языке в виде статьи [Успенский, Семёнов, 1981] в томе [Ершов, Кнут, 1981], содержащем материалы симпозиума. Переработанный и дополненный русский перевод [Успенский, Семёнов, 1982] этого текста был, далее, опубликован в ротاپринтном издании [Ершов, Кнут, 1982].

Когда встал вопрос об издании ургенчского доклада в виде отдельной книги, авторы оказались перед нелёгким выбором. С одной стороны, высшая правда, вероятно, состояла бы в том, чтобы написать весь текст заново. С другой стороны, эта задача потребовала бы столько времени, что, скорее всего, стала бы неосуществимой, к тому же за это время сама теория алгоритмов, надо думать, шагнула бы далеко вперёд. Прагматические соображения победили, и если не учитывать Дополнение, книга была написана путём сравнительно

незначительного изменения статьи [Успенский, Семёнов, 1982]. Доводом в пользу такого решения послужило и то, что текст названной статьи оказался довольно «устойчивым», и у авторов не появилось ощущения, что в нём надо менять что-либо существенное — не говоря уже об изменении самого перечня основных открытий и основных приложений. Поэтому поправки имели главной целью учесть некоторые последние достижения. Кроме того, в книге появилась новая тема, вынесенная в Дополнение.

Авторы — математики и писали свою книгу для математиков (хотя старались не упустить и философские аспекты темы). Поэтому, возможно, несколько «за кадром» осталось следующее обстоятельство, которое они хотели бы сформулировать здесь в явном виде: понятие алгоритма является не только центральным понятием теории алгоритмов, не только одним из главных понятий математики вообще, но одним из главных понятий современной науки. Более того, сегодня, с наступлением эры информатики, алгоритмы становятся одним из важнейших факторов цивилизации.

Многие достижения теории алгоритмов имеют общематематический и, возможно, общечеловеческий интерес. Авторы стремились поэтому к тому, чтобы данный текст был понятен любому математику, а не только специалисту в области теории алгоритмов.

Литература

- [Булгаков, Розенфельд, Ахмедов, 1983] *Булгаков П. Г., Розенфельд Б. А., Ахмедов А. А.* Мухаммад ал-Хорезми, около 783 — около 850. — М.: Наука, 1983. — 239 с.
- [Ершов, 1980] *Ершов А. П.* Международный симпозиум «Алгоритм в современной математике и её приложениях» // Кибернетика. — 1980. — № 2. — С. 145—147.
- [Ершов, Кнут, 1981] *Algorithms in modern mathematics and computer science / Eds. A.P. Ershov, D.E. Knuth.* — Berlin; N.Y. e. a.: Springer, 1981. — XI + 487 p. — (Lecture notes in computer science; V. 122).
- [Ершов, Кнут, 1982] *Алгоритмы в современной математике и её приложениях: Материалы международного симпозиума / Под ред. А. П. Ершова и Д. Кнута.* — Новосибирск: ВЦ СО АН СССР, 1982. — Ч. 1. — 364 с.; Ч. 2. — 315 с.
- [Ершов, Успенский, 1980] *Ершов А. П., Успенский В. А.* Алгоритмы на родине аль-Хорезми // Научно-техническая информация. — Сер. 2: Информационные процессы и системы. — 1980. — № 1. — С. 28—30. [Публикуется в качестве приложения 1 к настоящей статье].

- [Кнут, 1968] *Knuth D. E.* The art of computer programming. — V. 1: Fundamental algorithms. — Reading, Massachusetts e. a.: Addison-Wesley Publishing Company, 1968. — XXI + 634 p. [Рус. перевод: *Кнут Д.* Искусство программирования для ЭВМ. — Т. 1: Основные алгоритмы. — М.: Мир, 1976. — 735 с.].
- [Семёнов, Успенский, 1980] *Семёнов А. Л., Успенский В. А.* Международная встреча учёных в Хорезме // Международный форум по информации и документации. — 1980. — Т. 5. — № 1. — С. 36—37. [Публикуется в качестве приложения 2 к настоящей статье]. [Англ. перевод: *Semenov A. L., Uspensky V. A.* International meeting of scientists at Khoresm // International forum on information and documentation. — 1980. — V. 5. — N. 1. — P. 37—38].
- [Семёнов, Успенский, 1986] *Семёнов А. Л., Успенский В. А.* Математическая логика в вычислительных науках и вычислительной практике // Вестник Академии наук СССР. — 1986. — № 7. — С. 93—103. [В настоящем издании: кн. 2 «Философия», с. 290—305].
- [Успенский, Семёнов, 1981] *Uspensky V. A., Semenov A. L.* What are the gains of the theory of algorithms: basic developments connected with the concept of algorithm and with its application in mathematics // [Ершов, Кнут, 1981], p. 100—234.
- [Успенский, Семёнов, 1982] *Успенский В. А., Семёнов А. Л.* Теория алгоритмов: её основные открытия и приложения // [Ершов, Кнут, 1982], ч. 1, с. 99—342.
- [Хорезми, 1964] *Мухаммад аль-Хорезми.* Математические трактаты / Пер. Ю. Х. Копелевич и Б. А. Розенфельда; комм. Б. А. Розенфельда. — Ташкент: Наука, 1964. — 131 с.
- [Хорезми, 1983] *Мухаммад аль-Хорезми.* Математические трактаты / Отв. ред. акад. АН УзбССР С. Х. Сираждинов. — Ташкент: Фан, 1983. — 306 с.
- [Юшкевич, 1976] Хрестоматия по истории математики. Арифметика и алгебра, теория чисел. Геометрия / Под. ред. А. П. Юшкевича. — М.: Просвещение, 1976. — 319 с.

Приложение 1. Алгоритмы на родине аль-Хорезми^{5 6}

«Алгоритм в современной математике и её приложениях» — такова главная тема международного симпозиума математиков, проходившего на родине великого узбекского математика к астроному IX века Мухаммеда аль-Хорезми. Международная встреча учёных, которые в течение нескольких дней обсуждали проблему создания математических программ, вчера завершила работу. («Правда», 23 сентября 1979 года.)

Понятие «алгоритм» давно уже стало привычным не только для математиков; оно является концептуальной основой разнообразных процессов обработки информации; наличие соответствующих алгоритмов и обеспечивает возможность автоматизации таких процессов.

Не всегда достаточно отчётливо осознаётся, однако, что само слово *алгоритм* содержит в своём составе преобразованное географическое название, а именно, слово *Хорезм*. Термин «алгоритм» обязан своим происхождением великому узбекскому учёному IX века, полное имя которого — *Абу Абдулла* (или *Абу Джафар*) *Мухаммед ибн Муса аль-Хорезми* (причём *аль-Хорезми* означает «хорезмиец»). По латинским переложениям писанного на арабском языке арифметического трактата аль-Хорезми⁷ средневековая Европа знакомилась с индийской позиционной системой счисления и с искусством счёта в этой системе⁸. В латинских названиях составленных в XII веке изложений трудов аль-Хорезми его имя транскрибировалось как *alchorismi* или *algorismi*, а относящийся к тому же веку латинский перевод его арифметического трактата начинался словами *Dixit algorizmi*, т. е. «Сказал аль-Хорезми»⁹. Отсюда и пошло слово *алгоритм* — сначала для обозначения нашей десятичной позиционной арифметики и

⁵ Опубликовано в журнале: Научно-техническая информация. — Сер. 2: Информационные процессы и системы. — 1980. — № 1. — С. 28—30. (Соавтор: Андрей Петрович Ершов.)

⁶ Международный симпозиум «Алгоритмы в современной математике и её приложениях», город Ургенч, 16—22 сентября 1979 года.

⁷ Русский перевод этого трактата (с латинской рукописи, арабская не сохранилась) помещён в книге: *Мухаммад аль-Хорезми*. Математические трактаты / Пер. Ю. Х. Копелевич и Б. А. Розенфельда. — Ташкент: Наука, 1964.

⁸ Например, с алгоритмом сложения столбиком — см. формулировку этого алгоритма на с. 13 упомянутого русского издания трактатов аль-Хорезми (соответствующий текст воспроизведён также на с. 51 книги: Хрестоматия по истории математики. Арифметика и алгебра. Теория чисел. Геометрия. — М.: Просвещение, 1976).

⁹ См. комментарии Б. А. Розенфельда в книге *М. аль-Хорезми* «Математические трактаты», с. 94.

алгоритмов цифровых вычислений (т. е. первых алгоритмических процедур, имеющих дело с символами: ведь до того считали на счётной доске — абаке), а затем для обозначения произвольных алгоритмов. Первая глава многотомной монографии «The art of computer programming» крупнейшего американского специалиста по программированию Дональда Э. Кнута начинается так (цитируем по с. 25 русского перевода¹⁰): «Понятие алгоритма является основным при составлении любого вида программ для ЭВМ и поэтому мы начнём с тщательного анализа этого понятия. Само по себе слово „алгоритм“ (algorithm) очень интересно... <...> ...оно произошло от имени автора известного арабского учебника по математике — Abu Ja'far Mohammed ibn Mûsâ al-Khowârizmî (около 825 года), означающего буквально „Отец Джафара, Магомет, сын Моисея, уроженец Ховаризма“. В настоящее время Ховаризм — это небольшой советский город Хива». К приведённой цитате уместно сделать два замечания: 1) принятое русское название для «Ховаризма» — Хорезм; 2) Хива — это не Хорезм (Ховаризм), а город в Хорезмской области Узбекской ССР (с 1920 по 1923 год — столица Хорезмской народной советской республики, а с 1923 по 1924 год — столица Хорезмской советской социалистической республики). Современная Хорезмская область Узбекистана (областной центр — город Ургенч) является естественной наследницей древнего Хорезмского оазиса, знаменитого очага цивилизации, обогатившего человечество целой плеядой замечательных философов, учёных и поэтов (среди них — Бируни и Авиценна). Вот почему возникла идея осуществить своего рода научное паломничество математиков и программистов в Хорезм, на родину аль-Хорезми. Имелось в виду и проведение симпозиума, но не просто ещё одного «обычного» симпозиума с чтением заранее подготовленных докладов, а обмена мнениями по поводу фундаментальных проблем математики и вычислительного дела. Природа пустыни и дыхание истории, отличающие место конференции, должны были, по замыслу организаторов, предоставить участникам особый шанс отвлечься от повседневной работы, помочь сосредоточиться и придать размышлениям большую философскую глубину и перспективу.

Ответственную и нелёгкую задачу проведения в городе Ургенче международного симпозиума «Алгоритмы в современной математике и её приложениях», посвящённого аль-Хорезми взяла на себя Академия наук Узбекской ССР — при поддержке Академии наук СССР

¹⁰ Д. Кнут. Искусство программирования для ЭВМ. — Т. I: Основные алгоритмы / Пер. с англ. Г. П. Бабенко и Ю. М. Баяковского; Под ред. К. И. Бабенко и В. С. Штаркмана. — М.: Мир, 1976.

и, прежде всего, её Сибирского отделения и в сотрудничестве с руководством Хорезмской области.

Непосредственными организаторами и руководителями симпозиума были член-корреспондент АН СССР, заведующий Отделением информатики Вычислительного центра СО АН СССР А. П. Ершов (Новосибирск) и лауреат премии Тьюринга, член Национальной академии наук США, профессор Отделения вычислительных наук Стэнфордского университета Д. Э. Кнут (Стэнфорд). Для участия в симпозиуме в Ургенч прибыли также вице-президент АН УзбССР С. Х. Сираждинов (Ташкент), возглавивший оргкомитет симпозиума, почётный член и экс-президент Международной федерации процессов обработки информации (ИФИП) профессор Х. Земанек (Вена), генеральный директор Научно-производственного объединения «Кибернетика» АН УзбССР действительный член АН УзбССР В. К. Кабулов (Ташкент), старший научный сотрудник того же Объединения канд. физ.-мат. наук А. В. Кабулов (Ташкент), заведующий секцией Института кибернетики того же Объединения канд. техн. наук К. Ш. Бабамурадов (Ташкент), член Королевской Нидерландской академии наук, директор Математического центра А. ван Вейнгаарден (Амстердам), член Национальной академии наук США, профессор Университета штата Висконсин С. К. Клини (Мадисон), заведующий отделом Института математики СО АН СССР член-корреспондент АН СССР Ю. Л. Ершов (Новосибирск), старший научный сотрудник того же Института профессор Б. А. Трахтенброт (Новосибирск), директор Института теоретической астрономии АН СССР член-корреспондент АН СССР лауреат Ленинской премии С. С. Лавров (Ленинград), академик-секретарь Отделения механики и процессов управления АН УзбССР член-корреспондент АН УзбССР Т. Р. Рашидов (Ташкент), заместитель заведующего отделом Института кибернетики АН УССР лауреат Государственной премии СССР профессор Ю. В. Капитонова (Киев), старший научный сотрудник того же Института лауреат Государственной премии СССР доктор физ.-мат. наук А. А. Летичевский (Киев), доктор Г. Кауфман¹¹ (Мюнхен), старшие научные сотрудники Математического института АН СССР лауреат Ленинской премии профессор Ю. И. Манин (Москва), профессор Н. А. Шанин (Ленинград), доктор физ.-мат. наук Ю. В. Матиясевиц (Ленинград) и канд. физ.-мат. наук А. О. Слисенко (Ленинград), директор Института основ информатики Польской академии наук

¹¹ Автор только что вышедшей книги по истории вычислительной техники: *H. Kaufmann. Die Ahnen des Computers (von der phönizischen Schrift zur Datenverarbeitung)*. — Düsseldorf; Wien: Econ-Verlag, 1979. — 223 s.

профессор З. Павлак (Варшава), научный сотрудник того же Института профессор А. Мазуркевич (Варшава), экспрезидент Европейской ассоциации теоретического программирования профессор Уорикского университета М. С. Патерсон (Ковентри), заведующие лабораториями Вычислительного центра АН СССР профессор О. С. Рыжов (Москва) и канд. физ.-мат. наук В. М. Курочкин (Москва), старший научный сотрудник того же Центра канд. физ.-мат. наук Н. М. Нагорный (Москва), заведующий сектором Института кибернетики АН ЭССР профессор Э. Х. Тыгу (Таллин), профессор Московского университета В. А. Успенский (Москва), ассистент того же Университета канд. физ.-мат. наук А. Л. Семёнов (Москва), профессор Швейцарского федерального технологического института Э. Шпеккер (Цюрих), профессор Цюрихского университета Ф. Штрассен (Цюрих), старший научный сотрудник Всесоюзного научно-исследовательского института системных исследований Госкомитета СССР по науке и технике АН СССР доктор техн. наук Г. М. Адельсон-Вельский (Москва), заведующий отделом Вычислительного центра Латвийского университета доктор физ.-мат. наук Я. М. Барздинь (Рига), декан факультета прикладной математики Ташкентского университета доктор физ.-мат. наук Г. Н. Салихов (Ташкент), руководитель лаборатории Научно-исследовательского института математики и механики Ленинградского университета доктор физ.-мат. наук Г. С. Цейтин (Ленинград), заместитель директора Вычислительного центра СО АН СССР канд. физ.-мат. наук В. Е. Котов (Новосибирск), доцент Киевского университета А. В. Анисимов (Киев), доцент Варшавского университета А. Кречмар (Варшава), доцент Удмуртского университета Н. Н. Непейвода (Ижевск), научный сотрудник Математического института Болгарской академии наук канд. физ.-мат. наук А. О. Буда (София) и др. Действительный член АН СССР, директор Института кибернетики АН УССР, лауреат Ленинской и Государственных премий СССР В. М. Глушков (Киев) и член Баварской академии наук Ф. Л. Бауэр (Мюнхен) прислали тексты своих докладов.

16 сентября 1979 года в одном из центральных скверов города Ургенча в присутствии участников симпозиума и представителей местной общественности был заложен памятник аль-Хорезми. На митинге выступили председатель Ургенчского горисполкома Б. Курбанбаев и профессор Х. Земанек, крупнейший знаток жизни и творчества аль-Хорезми. В тот же день в большом конференц-зале Дома Советов Ургенча состоялось торжественное открытие симпозиума. Симпозиум открыл вице-президент АН УзбССР С. Х. Сираждинов. При открытии выступили председатель Хорезмского облисполкома Р. И. Ишчанов,

профессор Х. Земанек, член-корреспондент АН СССР А. П. Ершов, член Национальной академии наук США Д. Э. Кнут, действительный член АН УзбССР В. К. Кабулов.

Рабочие заседания симпозиума продолжались четыре дня: 17, 18, 21 и 22 сентября, по два заседания ежедневно. Программа симпозиума, в высшей степени насыщенная и напряжённая, заслуживает того, чтобы привести её полностью.

Утреннее заседание 17 сентября

Председательствует *А. П. Ершов*

- 8.30— 9.50 *Х. Земанек*. Аль-Хорезми сказал. Часть I. Происхождение и личность аль-Хорезми.
9.50—10.30 *С. Х. Сираждинов*. О числах Эйлера и полиномиальных корнях Эйлера.
11.00—12.30 *Д. Э. Кнут*. Алгоритм в современной математике и вычислительная наука.

Вечернее заседание 17 сентября

Председательствует *Д. Э. Кнут*

- 15.30—17.00 *В. А. Успенский* и *А. Л. Семёнов*. Что даст теория алгоритмов? (Основные открытия в области теории алгоритмов за последние полвека).
17.30—18.30 *Я. М. Барздинь*. Индуктивный синтез алгоритмов.

Утреннее заседание 18 сентября

Председательствует *С. К. Клини*

- 8.00— 9.00 *Х. Земанек*. Аль-Хорезми сказал. Часть II. Труды аль-Хорезми и его влияние.
9.00—10.00 *Ю. И. Манин*. Алгоритм как математическая модель.
10.30—12.00 *А. ван Вейнгаарден*. Безъязыковое программирование.

Вечернее заседание 18 сентября

Председательствует *С. С. Лавров*

- 16.00—16.45 *Н. Н. Непейвода*. набросок математической теории синтеза программ.
16.45—17.30 *Э. Х. Тыгу*. Структурированный синтез программ.
18.00—18.30 *А. Кречмар*. От теории схем к алгоритмический и динамической логике.

18.30—19.00 *А. А. Летичевский*. В поисках инвариантных соотношений в программах.

19.00—19.30 *А. Мазуркевич*. Параллельные алгоритмы.

В перерыве между утренним и вечерним заседаниями 18 сентября состоялась общая дискуссия на тему «Как написать программу для машины, содержащую миллион команд?».

Утреннее заседание 21 сентября

Председательствует *М. С. Патерсон*

10.00—11.00 *Б. А. Трахтенброт*. Раздумья о связи между вычислительной наукой и теорией алгоритмов.

11.00—12.00 *Г. М. Адельсон-Вельский* и *А. О. Слисенко*. Что мы умеем делать с проблемами полного перебора.

12.30—13.15 *Ю. В. Капитонова*. Что есть хорошего и что плохого при постановке комбинаторных процессов на машине.

13.15—14.00 *Ф. Штрассен*. Алгоритмы для алгебр.

Вечернее заседание 21 сентября

Председательствует *В. А. Успенский*

16.30—17.15 *С. К. Клини*. Алгоритмы в различных смыслах.

17.15—18.00 *Н. А. Шанин*. Роль понятия алгоритма в семантике арифметических языков.

18.30—19.15 *Ю. Л. Ершов*. Как алгебра помогает решать проблемы из теории алгоритмов (пример).

19.15—20.00 *Г. С. Цейтин*. От логицизма к процедурализму (автобиографический отчёт).

Утреннее заседание 22 сентября

Председательствует *С. Х. Сираждинов*

8.00— 9.00 *Ф. Л. Бауэр*. Алгоритмы и алгебра. (Доклад зачитан *Д. Э. Кнутом*.)

9.00—10.00 *М. С. Патерсон*. Линейный почтальон: алгоритм, направляющий сообщения вперёд и использующий последовательную память.

10.30—11.15 *А. П. Ершов*. К определению вычислимой функции (вычислимые функции над алгебраическими системами).

11.15—12.00 *В. М. Глушков*. О формальном преобразовании алгоритмов. (Доклад зачитан *А. А. Летичевским*.)

Вечернее заседание 22 сентября

Председательствует *Х. Земанек*

16.00—18.00 Открытое заседание, отведённое для кратких сообщений участников симпозиума.

Были сделаны следующие сообщения:

Ю. В. Матиясевич. Что надо делать после того, как доказана неразрешимость массовой проблемы. *Н. М. Нагорный.* Алгоритмы как основа для формулировки конструктивных математических понятий. *Г. Н. Салихов.* Об одном алгоритме для вычисления весов и узлов кубатурных формул. *А. В. Кабулов.* Об одном подходе к созданию пакета прикладных программ. *А. О. Буда.* О четырёх уроках погони за двумя зайцами — теоретическим и системным программированием. *С. С. Лавров.* Наши теории недостаточно безумны. *А. В. Анисимов.* Возвратные преобразователи. *А. Л. Семёнов.* Как правильно выбирать сложные функции.

Заседание завершилось заключительными замечаниями А. П. Ершова и Д. Э. Кнута.

После формального закрытия симпозиума, 22 сентября в 20 часов состоялся «алгоритмический вечер», на котором одни из основоположников современной теории алгоритмов Стивн К. Клини поделился с присутствующими воспоминаниями о возникновении понятия рекурсивной функции.

Работа симпозиума регулярно освещалась областной газетой «Хорезмская правда». 21 сентября состоялась специальная передача ургенчского телевидения. Республиканская газета «Правда Востока» дала 18 сентября информацию о начале симпозиума, а 25 сентября — сообщение о его итогах. Участники симпозиума постоянно (и с благодарностью) ощущали внимание со стороны руководства Академии наук УзбССР, руководства Хорезмской области. Была выдвинута идея присвоить одной из улиц города Ургенча наименование «улица Алгоритма».

Содержательность научной программы симпозиума удачно дополнялась возможностью ознакомления с самобытной культурой Хорезма и других областей Узбекистана. Встреча в Ургенче была уникальной по замыслу и плодотворной по осуществлению; она ещё долго будет служить источником незабываемых воспоминаний для всех её участников. Ургенчский симпозиум, проведённый на древней земле родоначальника понятия «алгоритм», безусловно, войдёт в историю теории алгоритмов.

Приложение 2. Международная встреча учёных в Хорезме¹²

16 сентября 1979 года в городском сквере города Ургенча — центра Хорезмской области Узбекистана — состоялась церемония закладки памятника великому учёному IX века, хорезмийцу Абу Абдулле абу Джафару Мухаммеду ибн Мусе аль-Хорезми. На церемонии наряду с представителями местной общественности присутствовали видные советские и зарубежные математики и специалисты по вычислительным машинам. Право открытия камня на месте будущего памятника было предоставлено почётному члену и экс-президенту Международной федерации по обработке информации (IFIP) австрийскому профессору Х. Земанеку — крупнейшему знатоку жизни и творчества аль-Хорезми. Интерес к биографии и трудам аль-Хорезми не случаен. Роль аль-Хорезми в истории науки может сравниться лишь с ролью Евклида. Через сочинения Евклида Европа знакомилась с геометрией, а через сочинения аль-Хорезми — с арифметикой (прежде всего с возникшей в Индии и распространённой ныне повсеместно десятичной системой счисления) и алгеброй. Слово «алгебра» происходит от названия одного из сочинений аль-Хорезми, а слово «алгоритм» — от его имени: средневековый латинский перевод трактата аль-Хорезми начинался словами «dixit algorizmi», т. е. «аль-Хорезми сказал».

В тот же день в Доме Советов Ургенча открылся международный симпозиум «Алгоритмы в современной математике к её приложениям». Инициатива его организации принадлежит двум известнейшим специалистам в области теории и практики программирования: чл.-кор. АН СССР А. П. Ершову и лауреату премии Тьюринга, члену Национальной академии наук США, профессору Стэнфордского университета Д. Э. Кнуту (автору широко известной многотомной монографии «Искусство программирования для ЭВМ»). Симпозиум открыл председатель оргкомитета вице-президент АН УзССР С. Х. Сираждинов. На открытии выступили председатель Хорезмского облисполкома Р. И. Ишчанов, проф. Х. Земанек, проф. А. П. Ершов, проф. Д. Э. Кнут, генеральный директор Узбекского научно-производственного объединения «Кибернетика» акад. АН УзССР В. К. Кабулов.

¹² Опубликовано в журнале: Международный форум по информации и документации. — 1980. — Т. 5. — № 1. — С. 36—37. (Соавтор: Алексей Львович Семёнов.)



Д. Э. Кнут и А. П. Ершов открывают Симпозиум. На заднем плане слева — С. Х. Сираждинов.

Рабочие заседания симпозиума были очень напряжёнными и насыщенными. Они проходили в течение четырёх дней — 17, 18, 21, 22 сентября, по два заседания ежедневно. Участникам симпозиума была предоставлена уникальная возможность обменяться взглядами по наиболее фундаментальным вопросам алгоритмической теории и практики на родине зачинателя самого понятия «алгоритм». Программа симпозиума заслуживает того, чтобы привести её полностью.

⟨Программа симпозиума приведена в Приложении 1 на с. 576—578. — *Прим. ред.*⟩

Симпозиум в Ургенче, несомненно, будет важной вехой в развитии теории алгоритмов. Его итогом явилось укрепление связей между теорией и практикой, между традицией и новаторством, расширение международного сотрудничества учёных. Участники симпозиума осознавали, что их совместная деятельность протекает на древней земле Хорезма, давшей миру в IX—XI веках аль-Хорезми, аль-Бируни, Авиценну. Ни с чем не сравнимое непосредственное ощущение дыхания истории (в соединении с гостеприимством современных хорезмийцев) в немалой степени способствовало обстановке творческого подъёма, царившей на симпозиуме. Симпозиум закончился — работа продолжается.

Приложение 3. Вспоминая Хорезм и Ташкент

I. Год 1977. Ташкент, Ургенч, Хива

Если начинать историю Ургенчского симпозиума, как она сложилась для меня, издавека, то начинать надо с 1977 года. В ту осень мои ученики Валерий Варданян и Алексей Семёнов¹³ пригласили меня поехать с ними, а также с мамой Семёнова Евгенией Тихоновной¹⁴ в Узбекистан, в живописную горную местность под Ташкентом, на какую-то конференцию, по тематике близкой к искусственному интеллекту. Главным лицом на конференции был Дмитрий Александрович Поспелов. Семёновы были докладчиками, а Евгения Тихоновна ещё и другом Поспелова и одним из организаторов; Варданян и я были зрителями. Наш квартет объединяло желание воспользоваться случаем, чтобы увидеть Узбекистан.

В Ташкенте мы пользовались гостеприимством Марата Захидова, приятеля Варданяна и Семёнова. Он учил нас заваривать чай. Я слушал его со вниманием, понимая, что Ташкент ближе к родине чая, чем Европейская Россия. Во-первых, по мнению узбеков, русские с их двумя ёмкостями — заварочным чайником и самоваром или чайником кипятка — сущие варвары. Узбеки учили: никакого самовара, только один заварочный чайник. Если вы хотите, чтобы чай был не слишком крепким, кладите меньше сухой заварки; но нужно, образно говоря, чтобы каждая молекула воды коснулась каждой молекулы чая. Это главное. Во-вторых — но это теперь, кажется, распространено и в России — чайник необходимо предварительно хорошо прогреть и только после этого засыпать сухой чай. В-третьих, чайник надо залить кипятком на две трети и дать настояться; после чего долить кипятку доверху¹⁵. В-четвёртых, надо произвести так называемую *кайтарму*,

¹³ Варданян проходил аспирантуру и защищал диссертацию под моим руководством, Семёнов же был моим учеником в содержательном смысле, формальным руководителем его аспирантуры и диссертации я не был.

¹⁴ Евгения Тихоновна Семёнова (1926—2010), кандидат технических наук, профессиональный программист (свою первую программу, выполнявшуюся на ЭВМ, написала в 1959 году).

¹⁵ Более тщательная процедура (описанная для зелёного чая, самого уважаемого) требует сначала залить в чайник с сухим чаем небольшое количество кипятка и немного подержать на пару. Затем долить воду до половины, далее до трёх четвертей объёма и только после этого полностью заполнить чайник кипятком. Требуется также, чтобы между каждым подходом заливания кипятка выдерживалась пауза в пределах двух-трёх минут.

т. е. переливание. Кайтарма́ заключается в том, что некоторая часть жидкости выливается из чайника в чашку и затем вливается обратно в чайник, и так несколько раз; только после этого получается то, что имеет право называться чаем. Добавим, напоследок, что чем более уважаем гость, тем меньше чая наливается в его пиалу: пусть гость как можно чаще обращается к хозяину за новой порцией. Полная пиала трактуется как признак неуважения: пей скорей и уходи.

Общеизвестно, и об этом много писалось, что советская экономика имела, подобно айсбергу, две части: легальную надводную и нелегальную подводную. Писалось и о том, что официальная экономика была настолько дурацкой¹⁶, что без подводной части страна не могла существовать иначе как в условиях повседневных репрессий по сталинскому образцу. Нелегальная экономика существовала и на макроуровне, уровне директоров заводов, и на микроуровне, уровне населения. Очередь за мебелью, холодильником, автомобилем растягивалась на несколько лет. Законным способом нельзя было достать ни приличной одежды, ни приличной еды. Но и то, и другое можно было достать с переплатой. Активные поставщики этих благ рисковали свободой, а то и жизнью. Было любопытно наблюдать, как в удалении от центра всесоюзной власти, незаконные с точки зрения драконовских советских законов предприятия процветали почти что открыто. Так, Захидов привёз нас в частную харчевню, наполненную посетителями, где нам подали шашлык из тающей во рту свежей печени молодого барашка. Ничего подобного в официальных предприятиях общественного питания отведать было невозможно. На ташкентском базаре мне удалось увидеть строжайше запрещённое и отвратительное зрелище — петушиный бой. Закон был не единственной силой, препятствующей тому, чтобы посторонний наблюдатель мог такое посмотреть. Другим препятствием были те, кто сделал ставку. Они пребывали в азартном возбуждении и окружали земляной ринг столь плотным кольцом, что протиснуться сквозь них было практически невозможно, а можно было лишь пытаться что-то увидеть поверх голов.

Но самым ярким впечатлением ташкентского базара был почти мелодичный звук маленьких молоточков, которыми мастера стучали

¹⁶ Понимали ли советские вожди ущербность советской экономики? Вопрос, на который я не знаю ответа. А ведь эта ущербность бросалась в глаза. Не могла быть нормальной экономика, при которой сотрудников научных институтов посылают на овощные базы перебирать гнилые овощи, студентов — выкапывать эти овощи, а среднеазиатских школьников и студентов — собирать хлопок.

по керамическим чайникам. Почему чайники при этом не разбивались, до сих пор остаётся для меня загадкой. Я не сразу понял смысл этой странной процедуры. Подойдя ближе, я увидел, что мастер стучал не по керамике, а по медной подкове, соединяющей части разбитого чайника. У нас, в Европейской России, попытались бы склеить. У них, на Востоке (который, как известно, есть дело тонкое), соединяли металлической подковой. Обыденность увиденного мною процесса и уверенность, с которой каждый из дюжины примерно мастеров, бесстрашно колотил по хрупкому чайнику, равнодушие, с которым проходили мимо этого чуда посетители базара — всё это производило на европейца (во всяком случае, на меня) впечатление незабываемое.

Заходил я и в чайхану, не столько попить чаю, сколько посмотреть обстановку. Почтенные седобородые старики в ослепительно белых рубашках под чистыми халатами медленно пили чай. Чистота одежды, да и её носителей, давала разительное несходство с тем, что я видел в московских забегаловках, и я поделился с ташкентцами своими ощущениями. Это естественно, объяснили мне, о стариках заботятся невестки. (Когда я сделался старым, но ещё не настолько, чтобы не ездить в метро, то наблюдал такую закономерность. Если мне кто-то уступал место, то этим кем-то либо была женщина, либо был молодой мужчина с Востока или Кавказа.) Если старик придёт в чайхану неряшливым или в несвежей одежде, на невестку весь махалля будет указывать пальцем с осуждением. Напомню, что махалля в старом городе мусульманского Востока — это квартал, выходящий на улицы и переулки глухими заборами и глухими, без окон, стенами домов. Мнение махалля — это серьёзно.

Но наиболее сильным впечатлением было посещение узбекской свадьбы. Женился аспирант-математик Ташкентского университета. Хотя никто из нас не был с ним знаком, мы четверо получили приглашение на свадьбу. К сожалению, в тот день в 11 утра с минутами у нас был самолёт. Оказалось, что это обстоятельство не противоречит нашему присутствию на свадьбе. Свадьба происходила двухчасовыми сеансами. Наш сеанс был с 8 до 10 часов утра. Мы явились к восьми. У ворот стояло несколько очень почтенных узбеков, которые молча, полными достоинства лёгкими жестом и поклоном пригласили нас войти. Двор был полон народу, человек двести, так что всего через свадьбу проходили тысячи, весь махалля. Все сидели на лавках за длинными столами. В некотором отдалении в двух больших, в человеческий рост, котлах, варился плов. Свежеприготовленный плов подавали на стол, и его полагалось есть руками. Ещё были

фрукты. Никаких напитков, кроме чая. Через некоторое время я был приглашён в выходящую во двор застеклённую террасу дома. Там, за водкой и обычной русской закуской сидело человек пять евреев. Это были профессора и доценты математических кафедр Ташкентского университета, и среди них — Лев Израилевич Волковысский, чьё имя было мне знакомо. Но пора было торопиться в аэропорт. Не помню, куда мы тогда летели — возвращаясь в Москву или же в Ургенч.

Дело в том, что во время конференции наша компания предприняла незабываемую экскурсию в основанную две с половиной тысячи лет назад Хиву. В 1977 году, да и теперь, Хива — это центр Хивинского района Хорезмской области Узбекистана, а центр области — город Ургенч с тогда примерно стотысячным населением. В нём и находится аэропорт.

Мы четверо прилетели в Ургенч и из аэропорта на такси поехали в Хиву (километров десять до города Ургенча и ещё свыше тридцати до Хивы). От водителя узнали много интересного, в частности о том, что калым за невесту, если она туркменка, может превосходить двести, а то и триста тысяч рублей. Думаю, что в те годы это была цена нескольких легковых автомобилей. Позволю себе небольшое отступление. Начало 1980-х годов. Я в гостях у Екатерины Михайловны Вихляевой. В числе присутствующих — её аспирантка, без пяти минут кандидат медицинских наук, интеллигентная туркменка¹⁷. Желая ей польстить, а также показать свою причастность к тайнам Востока, я рассказываю ей, как высоко ценятся туркменки в Хорезме, и высказываю уверенность, что калым за неё — особенно, когда она получит степень, — будет очень большим. «За меня — возражает она к моему удивлению, — не дадут вообще ничего. Чем больше образование, тем ниже цена. Ценятся девочки с начальным образованием. А если нет и начального, что представляет чрезвычайную редкость, величина калыма зашкаливает. Первые два года невестка вообще бессловесна, она не имеет права говорить ни с кем, кроме собственного мужа». — «Ну а если ей захочется пить, как тогда?». — «Тогда она сообщает об этом пяти-, а лучше четырёхлетнему ребёнку, тот идёт к своей бабушке и говорит ей „Невестка хочет пить“».

Но вот мы приехали в Хиву. Общеизвестно, что это город-музей, наподобие русского Суздаля — не в том смысле, что он состоит из музеев, а в том, что он состоит из экспонатов. В Суздале экспонатами являются православные храмы, в Хиве — мечети, минареты

¹⁷ Вспомним, что Джахан Реджеповна Поллыева, помощник президента Российской Федерации в 2004—2012 годах и долгое время главный президентский спичрайтер, — тоже туркменка, притом родившаяся в Ашхабаде.

и мавзолей. Хивинские достопримечательности достаточно отражены в литературе и в Интернете, см., например, сайт <http://venividi.ru/node/4715>.

Но минареты и прочее, они в старом городе, до них надо дойти. Мы идём по главной улице, и я вижу двухэтажный дом, мозаичная надпись на коём меня поражает тем, что она сохранилась. Надпись объявляет, что дом специально выстроен для такого-то богоугодного заведения по инициативе такого-то Великого Князя, некогда бывшего здесь наместником или чем-то подобным. Второе, что поражает, это высохшие какашки, лежащие посреди хивинских улиц. С водой здесь проблема. Когда мы обедаем в ресторане, то, чтобы вымыть руки, приходится заказывать бутылку минеральной воды и поливать из неё на руки. Как готовится пища, лучше не задумываться.

К концу дня возвращаемся в аэропорт Ургенча. Семёновым нужно вернуться в Ташкент на конференцию, а мы с Варданяном решаем продолжить экскурсию и слетать с ночёвкой в Бухару. Самолёты летают нечасто, билетов, разумеется, нет, но удаётся получить у начальника аэропорта обещание, что нас посадят на ближайшие самолёты. И тут я замечаю, что по шоссе от города к аэропорту движется интуристовский автобус, полный пассажиров. Я понимаю, что если места в самолётах и окажутся, то они будут отданы иностранцам. Обречённо я смотрю, как человек тридцать этих интуристов выгружаются. Их всех ведут на второй этаж; там они проводят некоторое время, после чего спускаются и, к моему радостному удивлению, садятся в тот же автобус и уезжают обратно. Иду изучать второй этаж и обнаруживаю наличие там запертого на ключ сортира для иностранцев. Чтобы они могли справить нужду, их везли десятки километров из Хивы в аэропорт! Не побывай я в тот же день в Хиве, я бы не понял смысла этой странной эволюции автобуса.

Отступление. В СССР организация условий для отправления иностранцами естественных надобностей представляла собою серьёзную проблему. Тем более, что иностранцев нередко возили в подмосковные мемориальные музеи-усадыбы, а там проблема вставала особенно остро. Помню два случая. В одном из них для заморского гостя было поставлено ведро в кабинете директора. В другом, где уборная была специально вычищена по такому случаю, после того, как иностранец туда зашёл и заперся, научная сотрудница стала стучать в дверь с криком «Папир!» и просовывать нарезанную газетную бумагу. Представление о специальной туалетной бумаге с трудом пробивалось сквозь государственную границу; сама же бумага появилась значительно позже представления о ней и была в страшнейшем

дефиците; на улице вид человека в свисающем до пупа ожерелье из рулонов такой бумаги вызывал у прохожих острую зависть. К о н е ц о т с т у п л е н и я.

II. Годы 1978—1979. Москва

Как сейчас будет видно, кое-что, рассказанное в первом разделе, имеет прямое и существенное отношение к организации Ургенчского симпозиума.

Через некоторое время после возвращения из Ташкента в Москву я оказался в Московском доме учёных на очередном Общем собрании Академии наук СССР и там повстречал Андрея Петровича Ершова. С Ершовым я был знаком свыше четверти века: в 1950-х годах он был аспирантом мехмата МГУ и посещал мой семинар по теории алгоритмов. На семинаре он сделал доклад, в котором полностью описал универсальную машину Тьюринга; через много лет я вернул ему его тетрадку, в которой программа такой машины была им выписана. В отличие от меня, который попал на Общее собрание из любопытства, достав пригласительный билет, Ершов присутствовал там в силу своего статуса члена-корреспондента Академии¹⁸, избранного по Сибирскому отделению. При встрече Ершов

¹⁸ Андрей Петрович Ершов (19.04.1931—08.12.1988) стал полным академиком (избранным по Сибирскому отделению) в 1984 году. Ученик А. А. Ляпунова, Ершов был одним из пионеров теоретического и системного программирования, и его имя ныне носит Институт систем информатики Сибирского отделения Российской академии наук. Он был одним из инициаторов введения в среднюю школу предмета «Информатика». Именно Ершову принадлежит лозунг «Программирование — вторая грамотность», который он выдвинул ещё в 1981 году на конференции IFIP (Международной федерации процессов обработки информации) в Лозанне. Ершов убедил руководство страны (в частности, используя и аргументы об обороноспособности СССР) запустить массовую программу информатизации средней школы. В 1984 году было выпущено соответствующее (вполне разумное и перспективное) постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР. В этом постановлении было две главные линии: введение курса информатики (который тогда назывался «Основы информатики и вычислительной техники») и «широкое использование вычислительной техники» во всём школьном образовании, во всех предметах. Введение курса состоялось в десятых и одиннадцатых классах всех школ СССР в 1985—1987 годах. Содержание самого курса в основном спроектировали приглашённые для этого Ершовым математики с мехмата МГУ; это два моих ученика, упоминавшийся уже Семёнов и Шень, статья о котором помещена на с. 325—331 этой книги, а также А. Г. Кушниренко и Г. В. Лебедев. При этом создатели курса сразу ориентировались на то, что курс будет изучаться в школах, где нет работающих компьютеров. Ершов, обосновывая необходимость немедленного, до появления в школах

рассказал, что собирается организовать конференцию (названную впоследствии симпозиумом) по алгоритмам в Хорезме, на родине аль-Хорезми, и уже договорился об этом с Дональдом Кнутом, с каковым они будут отбирать докладчиков и руководить конференцией. Помимо Кнута, классика прикладной теории алгоритмов, ожидается участие классика теоретической её версии — Стивена Клини. (Как оказалось впоследствии, Кнут и Клини были не единственными выдающимися участниками конференции, состав в целом был очень сильным.) И Кнут, и Клини объявили, что уже устали ездить на конференции, но на родину аль-Хорезми не могут не поехать. Местом же проведения конференции избран город Хива — исторический центр древнего Хорезма (а как известно, Кнут в своём знаменитом многотомнике «The Art of Computer Programming» вообще отождествлял Хиву с Хорезмом). «Вы с ума сошли», — сказал я Ершову, услышав про Хиву, и рассказал ему про засохшие экскременты на улицах и интуристовском автобусе из Хивы в аэропорт. «Устраивать конференцию надо в Ургенче. Это областной центр, там должна быть приличная гостиница и, скорее всего, даже интуристовская». Ершов выслушал меня со вниманием и, как показало будущее, внял моим доводам. Симпозиум был перенесён в Ургенч.

Осенью 1978 года мне, как и другим потенциальным участникам Симпозиума, пришёл нижеследующий циркуляр, в котором точное место проведения Симпозиума дипломатично не было указано.

компьютеров, введения информатики в школьную программу, писал, что предмет должен быть введён в соответствии с *национальными традициями*. Создатели курса считали, что развивать эту «вторую грамотность» и «алгоритмическое мышление» можно и без компьютера (хотя, правильно используя компьютер, можно это делать лучше), опираясь на высокий уровень математической культуры в стране. История показала перспективность такого подхода.

Национальные традиции, о которых писал Ершов, вызывают в памяти анекдот последних лет советской власти: «Рыбы нет напротив в рыбном, а у нас мясной магазин, у нас нет мяса». (Кстати, воспоминание о наличии в Москве молочных магазинов без молока вызывало гомерический смех у двух тайландцев, встреченных мною на какой-то зарубежной конференции.) В порядке лирического отступления приведу точку зрения Е. П. Велихова, верховного руководителя процесса информатизации повседневной жизни, в том числе школьного образования, в СССР. Велихов мудро указывал, что покупаемые для школ компьютеры должны обладать свойством «нераскурочиваемости» в том смысле, что никакая отдельная деталь, которую можно было бы выковырять из компьютера, не должна представлять интереса для технически или коммерчески одарённого школьника.

АЛГОРИТМЫ В СОВРЕМЕННОЙ МАТЕМАТИКЕ
И ЕЁ ПРИЛОЖЕНИЯХ
Узбекская ССР, октябрь 1979

Глубокоуважаемый коллега!

Не так давно среди некоторых математиков и программистов (к ним относятся и авторы этого письма) возникла идея осуществления своего рода научного паломничества к местам рождения и юности Аль-Хорезми, выдающегося математика средних веков, давшего своё имя слову «алгоритм». Как подсказывает его имя, Аль-Хорезми произошёл из Хорезмского оазиса, знаменитого очага цивилизации, обогатившего человечество целой плеядой замечательных философов, учёных и поэтов. Если же мы вспомним, что наиболее известные работы Аль-Хорезми не только привели к нашему слову «алгоритм», но что и слово «алгебра» также обязано своим происхождением названию его главной работы — а также принять во внимание, что алгебра и алгоритм принадлежат к самым главным концепциям всей теоретической и прикладной математики, — то станет ясно, что перспектива посещения этих мест будет источником особых чувств любого математика, работает ли он над абстрактными или конкретными задачами, размышляет ли он над философскими и фундаментальными проблемами или же стремится ответить актуальным потребностям современного общества.

После обсуждения этой идеи среди более широкого круга специалистов, а также в результате консультаций с Академиями наук СССР и Узбекской ССР сложился план проведения в октябре 1979 года международного симпозиума на тему «Алгоритмы в современной математике и её приложениях». Предполагается, что этот симпозиум будет проведён в подходящем месте Хорезмского региона и организован академией наук Узбекской ССР при поддержке Академии наук СССР и её Сибирского отделения.

Организаторы имеют в виду проведение научного собрания, примерно 30 человек, на основе персональных приглашений примерно равного количества советских участников и гостей из-за рубежа.

Предполагается, что симпозиум будет длиться, примерно, одну неделю, включая четыре дня организованной научной работы и три дня посещения исторических мест: два дня заседаний, затем три дня собственно «паломничества», наконец, два дня заседаний. Для зарубежных участников это будет означать примерно 10-дневное

пребывание в СССР, включая время на переезды и адаптацию к смене часового пояса.

Цель этого письма — установить контакт между потенциальными участниками, так чтобы помочь организаторам в составлении списка приглашений и программы научной работы.

Нам кажется, что такого рода мероприятие предоставит замечательную возможность проведения поистине уникальной и плодотворной конференции, будет источником незабываемых воспоминаний. Вместо проведения просто ещё одного «обычного» симпозиума с чтением заранее заготовленных статей хотелось бы углубиться во взаимную дискуссию по поводу фундаментальных проблем математики и вычислительного дела. Нам представляется, что природа пустыни и дыхание истории, свойственные месту проведения конференции, предоставят нам особый шанс отвлечься от повседневной работы, окружающей нас дома, помогут сосредоточиться и придадут нашим размышлениям большую философскую глубину и дальнорочность. В то же время, мы не думаем, что успех симпозиума придёт сам собой, без предварительной подготовки, в надежде на исключительно спонтанную дискуссию; скорее всего только серьёзная предварительная подготовка позволит нам и самим работать лучше и научиться большему на симпозиуме. Без сомнений участники симпозиума будут весьма различны как по научным интересам, так и по образу мышления. Мы не думаем, что результатом симпозиума явится некоторое внезапное унифицирующее соглашение в мнениях о внутренней природе алгоритма; скорее, мы полагаем, что симпозиум обогатит нас важным опытом, который принесёт свои плоды в будущем.

К письму приложен перечень возможных тем для дискуссии, представляющих ряд общезначимых проблем, в отношении которых участники симпозиума могли бы пожелать достичь взаимопонимания. Мы также прилагаем первоначальный список получателей этого письма. Мы были бы весьма признательны за Ваши замечания по поводу каждого из этих списков, но в особенности, мы хотели бы знать о степени Вашего интереса к участию в симпозиуме.

Ваш ответ, каким бы предварительным он ни был, в отношении этих планов можно послать любому из нас. Мы надеемся получить Ваш ответ к концу ноября, так чтобы дать заблаговременно соответствующую ориентацию организаторам симпозиума. Поскольку нет другой возможности решать непростую задачу формирования сравнительно ограниченного состава участников симпозиума, кроме

лишь как на основе отношения к нему получателей этого письма, мы хотели бы знать о Вашей реакции так скоро, как это возможно.

В ожидании Вашего ответа

С уважением

Профессор Андрей П. Ершов	Профессор Дональд Е. Кнут
Член-корреспондент АН СССР	Член Национальной АН США
Вычисл. центр СО АН СССР	Отделение вычислительных наук
Новосибирск 630090, СССР	Стэнфорд, Калиф. 94305, США

14 мая 1979 года я получил от Ершова письмо, посланное из Новосибирска, где он жил и работал, и датированное 7 мая. Ершов писал:

<...> Этим письмом я хочу ответить Вам <...> большой заинтересованностью в Вашем участии в Ургенчском симпозиуме.

Я хотел бы предложить Вам подумать о том, чтобы сделать на симпозиуме заглавный доклад на тему что-нибудь вроде «Выдающиеся математические открытия, связанные с понятием алгоритма». В каком смысле это должен быть заглавный доклад? Он должен дать начальный заряд участникам как эмоциональный, так и познавательный. Вы могли бы отобрать четыре-пять поистине выдающихся результатов, суметь рассказать их сущность на пальцах, т. е. объяснить, а не доказать, и сделать к ним технический, методологический и философский комментарий. Временной диапазон — от теоремы Гёделя до диофантовости рекурсивно перечислимых множеств.

Моя просьба не очень настоятельна, т. е. беритесь за доклад, только если Вам сильно захочется это сделать. Мне, однако, кажется, что он у Вас очень хорошо получится. Последнюю неделю мая я буду в Москве и буду искать возможности с Вами пообщаться.

Очень надеюсь на Ваше согласие.

На следующий день я писал Ершову:

Благодарю Вас за Ваше письмо от 7 мая, вчера полученное. Ваше предложение чрезвычайно лестно и заманчиво. Основное сомнение моё таково: что? я могу в предлагаемом Вами моём докладе сообщить такого, что? было бы новым и неизвестным для тех 50 наиболее выдающихся специалистов как раз по теории алгоритмов, которые и соберутся в Ургенче. Должен признаться, что пока я не вижу простого способа разрешения этого сомнения — при том, что я очень хотел бы оказаться в Ургенче чем-либо полезным.

Буду очень рад встретиться с Вами в Москве в конце мая. Адрес Вы знаете. На всякий случай телефон: <...>. Я собираюсь

в четырёхдневную командировку в Ленинград, но 25 мая утром должен уже вернуться из неё.

Почему-то А. Н. Колмогоров ничего не знал об ургенчском мероприятии — а ведь он был в списке, помещённом в Вашем первом сообщении. Может ли быть, что он не получил приглашения?

В конце мая Ершов меня посетил и окончательно убедил принять его приглашение. Я и не слишком сопротивлялся, тем более что он согласился с моим предложением сделать моим соавтором упоминавшегося уже Семёнова, работавшего, как и я, на кафедре математической логики мехмата. Я понял, что один я не потяну. Тем более, что планы у меня были грандиозные — дать общий обзор теории вычислимости, как она сложилась к данному времени, а также (по инициативе Семёнова) и основных приложений этой теории. Требовалось ознакомиться с ворохом литературы, что в одиночку было бы для меня невыполнимым. Большая часть лета ушла на подготовку к докладу. Значительную помощь оказал авторам доклада Саша Шень.

Почти сразу я осознал, что самым главным открытием в теории алгоритмов было возникновение самого понятия алгоритма. Возможно, примером для меня послужил ответ доктора Валентина Пильмана из интервью, взятого у него по случаю присуждения ему Нобелевской премии по физике. Интервью бралось через 13 лет после посещения Земли Пришельцами, оставившего на Земле множество загадочных явлений и артефактов. Всё это подробно описано братьями Стругацкими в их повести «Пикник на обочине»¹⁹. Итак, вопрос интервьюера: «И что же, по вашему мнению, является самым важным открытием за все эти тринадцать лет?». Ответ: «Сам факт Посещения».

Найти ту точку в истории математики, когда возникло понятие алгоритма, оказалось не столь простым делом. Я имею в виду понятие именно алгоритма как предписания, а не понятие вычислимой функции. Ощущение различия между этими двумя понятиями, кажущегося мне очевидным, оказалось затруднительным даже для корифеев теории алгоритмов. Вот пример. Участникам Симпозиума было предложено заранее составить список возможных тем для обсуждения, и этот список был затем разослан. Я предложил такую тему: *Может ли понятие алгоритма быть определено в терминах других стандартных (например, теоретико-множественных) математических понятий или же оно столь первично, что если и может быть определено, то лишь с помощью понятий algo-*

¹⁹ Кстати, доктор Пильман, как он показан в повести, списан, на мой взгляд, с Ю. И. Манина — портретно, а отчасти и характерологически.

ритмического же характера? Клини ответил утвердительно на этот вопрос в материалах одной из рассылок, предшествующих Симпозиуму, и в качестве теоретико-множественного определения назвал определение рекурсивной функции. Уже на самом симпозиуме он объявил, что прослушав наш с Семёновым доклад, он понял, что недостаточно внимательно вник в суть моего вопроса.

Итак, я искал точку во времени. Окончательный вывод, к которому я пришёл, состоял в том, что впервые понятие алгоритма, хотя алгоритмом и не названное, появилось в 1912 году в мемуаре Бореля²⁰ «Исчисление определённых интегралов»²¹. На с. 161 названного мемуара Борель выделяет «вычисления, которые могут быть реально осуществлены» (в оригинале — «les calculs qui peuvent être réellement effectués»), а на с. 162 декларирует: «Je laisse intentionnellement de côté la plus ou moins grande longueur pratique des opérations; l'essentiel est que chacune de ces opérations soit exécutable en un temps fini, par une méthode sûre et sans ambiguïté» («Я намеренно оставляю в стороне большую или меньшую практическую длительность; суть здесь та, что каждая из этих операций осуществима в конечное время при помощи достоверного и недвусмысленного метода»). Неудивительно, что эти великие фразы и, тем самым, роль Бореля как первооткрывателя остались незамеченными. Те, кто интересуется интегральным исчислением, оставили их без внимания, а те, кто интересуется алгоритмами, не стали заглядывать в сочинение, посвящённое интегральному исчислению. Да и я бы не знал о них, если бы не наткнулся на декларацию Бореля на с. 100 книги Фёдора Андреевича Медведева (1923—1992) «Французская школа теории функций и множеств на рубеже XIX—XX веков» (М.: Наука, 1976). Уже после этого я открыл трактат Бореля и прочёл декларацию в подлиннике; её приведённый выше русский перевод взят из книги Медведева. В указанном трактате я нашёл много интересного. В частности, оказалось, что именно Борель заложил основы вычислимого анализа; именно, в своём трактате он ввёл понятия вычислимого действительного числа и вычислимой функции действительного переменного. Более того, он высказал утверждение, что всякая такая функция непрерывна — утверждение, доказанное лишь в 1956 году Г. С. Цейтиным (кстати, участником Симпозиума).

²⁰ Эмиль Борель (Émile Borel), один из самых знаменитых математиков XX века, учитель великого Лебега, умер в 1956 году в возрасте 85 лет в результате травмы, полученной им при возвращении из Бразилии.

²¹ Le calcul des intégrales définies // Journal de mathématiques pures et appliquées. — Sér. 6. — 1912. — V. 8. — N. 2. — P. 159—210.

III. Год 1979. Ургенч, Хива

Прямые самолёты из Москвы в Ургенч летали редко — два рейса в неделю. Наш самолёт вылетал из Домодедова 16 сентября в 1 час 05 минут ночи. В Домодедове собралась подавляющая часть участников Симпозиума. После довольно неуютных часов, проведённых в плохо освещённом зале, все наконец оказались в самолёте. Ургенч на два часовых пояса восточнее Москвы, прилетели мы ранним утром, что-то около 6 часов по местному времени. При подлёте к аэропорту я увидел в окне обстановку праздника на лётном поле. Было выстроено несколько десятков пионеров в парадной форме «белый верх, чёрный низ» — белые рубашки с красным галстуком, чёрные брюки или юбки.

По-видимому, стояли они в строю достаточно давно и, надо думать, подзамёрзли. А перед строем происходили узбекские танцы в национальных костюмах. «Что это?» — спросил я пассажирку с соседнего кресла, на вид местную. «В самолёте летят члены правительства Узбекистана», — был уверенный ответ. Она ошиблась. Это встречали нас. Традиционные хлеб-соль, среди встречающих — вице-президент Академии наук Узбекистана С. Х. Сираждинов²², возглавлявший оргкомитет Симпозиума, председатель Хорезмского облисполкома Р. И. Ишчанов «и другие официальные лица» (формула из газет, давшая название скучнейшему советскому фильму 1976 года).

Как позже сообщили Семёнову, участников Симпозиума принимали на уровне индийской правительственной делегации, в составе которой присутствует министр. (Неявно предлагалось понимать, что индийскую правительственную делегацию без министра принимают хуже, а, скажем, французскую правительственную делегацию с министром — лучше; как принимают французскую правительственную делегацию без министра, оставалось неясным.) За медицинское обслуживание



Председатель
Хорезмского облисполкома
Рахим Ишчанович Ишчанов.
Его выражение лица мне
очень нравится.

²² Сагды Хасанович Сираждинов (10.05.1920—03.05.1988) — ученик А. Н. Колмогорова. Он выступал на гражданской панихиде по Колмогорову в МГУ. Если верить Интернету, во время Симпозиума он был ещё и Председателем Верховного Совета Узбекской ССР.

отвечал заместитель министра здравоохранения Узбекистана, а за безопасность движения — заместитель министра внутренних дел.

Надо сказать, что Ершову удалось создать особую психологическую атмосферу Симпозиума — атмосферу эмоциональной приподнятости, почти праздника, но праздника не безделья, а праздника дела. Он правильно понял, что в таком мероприятии нет мелочей — от организации проекционных аппаратов до устройства уборных. Известно, что устройство уборных заняло абзац в составленной Ершовым инструкции местным организаторам и день в программе предварительного посещения Ургенча Сираждиновым. Результат я увидел, когда зашёл в просторную мужскую уборную в здании Облисполкома, в Малом конференц-зале какого-то здания и происходил симпозиум. Уборная была тщательно вымыта и содержала несколько умывальников. При каждом умывальнике имелись крахмаленные полотенце и полочка, на которой располагались мыло и непечатый флакон тройного одеколона. Я оказался единственным посетителем. Пока я там был, открылась дверь, и вошёл местный житель. Войдя, он сразу же остановился и огляделся. Осознав, что это великолепие рассчитано не на него, он удалился, осторожно закрыв за собой дверь.

Участники Симпозиума были размещены в двух гостиницах — в интуристовском «Хорезме» и в «Ургенче». Ершов позаботился, чтобы нас с Семёновым поселили в «Хорезме». Мои друзья, как и мой великий учитель Колмогоров, презирали меня за любовь к комфорту. Это была не единственная любезность Ершова по отношению ко мне.



А. Л. Семёнов и В. А. Успенский, какими они были во время Ургенчского симпозиума.

Тем не менее, в Ургенче, ещё до начала работы Симпозиума, я учинил ему безобразный скандал.

Когда мне стало известно расписание, я обнаружил, что наш с Семёновым доклад поставлен четвёртым (первым в вечернем заседании 17 сентября, первого дня Симпозиума). Первым стоял доклад Земанека «Аль-Хорезми сказал. Часть I. Происхождение и личность аль-Хорезми», вторым — доклад Сираждинова «О числах Эйлера и полиномиальных корнях Эйлера», третьим — полуторачасовой доклад Кнута «Алгоритм в современной математике и вычислительная наука». И только четвёртым, после трёхчасового обеденного перерыва, наш с Семёновым полуторачасовой доклад (который предстояло делать мне) «Что даёт теория алгоритмов? (Основные открытия в области теории алгоритмов за последние полвека)». У меня помутнело в глазах: Ершов меня заманил и обманул. Ведь в своём приведённом выше письме от 7 мая он предлагал мне сделать *заглавный доклад*, долженствующий *дать начальный заряд участникам как эмоциональный, так и познавательный*. И подтверждал в письме от 23 июля: *Я думаю, что Вам легче будет выработать линию, если Вы возьмёте за основу, что это (если не считать «целевой лекции» по Аль-Хорезми) — открывающий доклад*. О первом докладе я был, таким образом, предупреждён. Можно было смириться и с докладом Сираждинова: предоставление ему слова для выступления на тему, к Симпозиуму отношения не имеющую, следовало рассматривать как налог, уплачиваемый верховному хозяину. Но вот Кнут! Моя ярость по поводу того, что его доклад оказался в расписании до нашего с Семёновым, помимо эмоциональной (не люблю обмана!) имела и рациональную подоплёку. Название доклада Кнута допускало возможность, что в нём будет сказано многое из того, что собирался высказать я. (Забегая вперёд, скажу, что пересечение содержаний обоих докладов оказалось нулевым.) Чего только я не наговорил Ершову! Заявление о том, что я отказываюсь выступать в таких условиях, было едва ли не самым мягким из того, что я сказал. Умному и дипломатичному Ершову как-то удалось меня успокоить. Но скандал имел для меня субъективно положительные последствия: у меня повысился уровень адреналина в крови. По опыту (в основном, последующему), я знаю, что для появления у меня во время какого-либо моего выступления чувства уверенности — а оно существенно для успеха выступления — мне полезно перед выступлением иметь конфликт с организаторами.

Было ли моё выступление в Ургенче успешным, не мне судить. Знаю только, что оно было для меня необычно трудным. Прежде

всего, это был мой первый опыт выступления на английском языке, который я знал совершенно недостаточно (да и то в основном письменный). Мой соавтор Семёнов принял чрезвычайные меры, чтобы за короткий срок хоть как-то меня подготовить. Главная орфоэпическая ошибка, которую я совершил, делая доклад, была такова: в слове *probability* я делал ударение не на третьем слоге, что было бы правильным, а на втором. Борис Авраамович Трахтенброт время от времени громко поправлял мой английский. Наконец, я не выдержал, и сказал что-то вроде «Я понимаю, что профессор Трахтенброт понимает только первоклассный английский язык». Время от времени Трахтенброт привставал со своего первого ряда и пил из той бутылки минеральной воды, которая была поставлена мне как докладчику (слава Богу, не из моего стакана). Всем этим он меня отвлекал и сильно раздражал, но зато прибавлял адреналину, так что в конечном счёте я скорее всего должен быть ему благодарен. Всё, что было нами с Семёновым намечено, я рассказать, разумеется, не успел; удалось рассказать только об основных открытиях, а касательно приложений пришлось ограничиться заявлением, что таковые существуют.

Но главная трудность была в другом.

Рабочими языками были русский и английский. По желанию докладчика обеспечивался перевод, но не синхронный, а последовательный, кусками. Нашему «заглавному» докладу перевод был необходим: без него доклад был бы непонятен либо наиболее уважаемой, либо наиболее многочисленной части аудитории. Когда мне было предоставлено слово, Ершов предложил свои услуги в качестве переводчика. Я отказался и сказал, что буду переводить себя сам. Ершов не поверил своим ушам и попросил повторить. «Вы не понимаете, на что вы идёте», — сказал Ершов. Он оказался прав: я не понимал. Но даже если бы я и понимал, для меня всё равно было бы невозможным иметь постороннего переводчика. Это означало бы, что я должен говорить чеканными фразами, признавая каждую из них достойной перевода. Это было для меня невыносимо. Зачитывать же вслух заранее написанный текст, как это делают некоторые уважаемые мною люди, когда читают — в буквальном смысле слова «читать» — доклад или лекцию, я не умею. Я умею говорить только в условиях допустимой импровизации (с годами, увы, это умение утрачивается). В ответственных случаях позволяю себе заглядывать в конспект, как правило, очень краткий. На своих первых лекциях — а это был годовой спецкурс по рекурсивным функциям, прочитанным на мехмате в 1954/55 учебном году, в последний год моей аспирантуры, — у меня не было никаких конспектов; напротив, приходя

домой, я записывал в школьную тетрадь то, что только что узнал на лекции. Всё это я пишу, чтобы объяснить мой решительный отказ на любезное и пророческое предложение Ершова.

Начал я с того, что попросил Семёнова встать, а остальных — приветствовать его аплодисментами. После чего начал говорить по-русски. Поговорив какое-то время, я перевёл сказанное на английский. И так продолжал. Через какое-то время кассандровское предостережение Ершова начало оправдывать себя. Я ощутил усталость мозга, ранее никогда не испытанную. Мысли стали сбиваться. Стал сбиваться и я с принятого ритма изложения: сперва по-русски, затем то же по-английски. В какой-то момент я перестал понимать, произношу ли я перевод сказанного ранее или же говорю что-то новое, требующее последующего перевода. Не помню, как я выпутался. Но ярко помню, что в какой-то момент забыл русский язык. Я говорил по-английски, пора было переходить на русский, и тут я осознал, что не помню русского языка. Я остановился в полном отчаянии. Бог надоумил меня произнести с максимально английским, в моём понимании, акцентом «А тэпэр по-русски», и это сдвинуло меня с точки, казавшейся безнадежно мёртвой.

Когда моё говорение закончилось, я ощутил себя совершенно опустошённым. Сил слушать часовой доклад, следующий за нашим после получасового перерыва, не было никаких. Но не было сил и выйти из здания и идти в гостиницу. Я вышел из зала и в изнеможении сел в небольшом фойе. (В фойе была стойка с чаем, выпечкой и коньяком; буфетчица, привыкшая обслуживать посетителей совещаний в облисполкоме, была в совершенном недоумении, что за всё время Симпозиума коньяк так и остался невостребованным.) Среди выходящей из зала публики показались Клини и Кнут. Они подошли ко мне с сочувствием. Говорил Клини. Он сказал примерно следующее. «Вам кажется, что вы говорили на плохом английском, непонятном для англоязычных слушателей. Не переживайте, вы говорили на том самом языке, который требовался. Мы с Дональдом много бывали на международных конференциях и знаем, что доклады там делаются на особом плохом английском. Так что существует специальный плохой английский язык международных конференций, который их участники, в том числе мы с Дональдом, прекрасно понимают. Вот на таком языке вы и говорили». Внимание со стороны Клини и Кнута, заметивших моё состояние и решивших меня утешить, было, конечно, очень трогательным. Раз уж зашёл разговор об английском языке, я решился задать им вопрос, мучивший меня всё время подготовки доклада.

Мучивший меня вопрос состоял в произношении английского слова *algorithm*, которому предстояло достаточно часто звучать в моём выступлении. Шёл 1979 год. Очень большие словари, в которых, возможно, присутствовало это слово, были мне недоступны. В доступных мне словарях оно отсутствовало. Воспользоваться Интернетом (а само слово *Internet* появилось лишь в 1983 году) было невозможно. А меня интересовал простой вопрос — как в слове *algorithm* произносится диграф *th*. Звонко, как в *that*, или глухо, как в *truth*? Умом я понимал, что с практической точки зрения ответ не имеет значения: как я ни произнесу, мало кто обратит внимания. Но занудство меня заедало, и я потратил массу времени на безуспешные попытки выяснить истину. Эта истина, подумал я, сейчас мне явится. Я написал на листке *that* и *truth* и попросил Клини и Кнута отметить, как они произносят *algorithm*, причём озаботился, чтобы ни один из них не видел, что написал другой. Истина открылась, и она была неприятна и поучительна: Клини и Кнут произносили по-разному! И зачем же я тратил время?

Вечером того же дня — приём, который председатель Хорезмского облисполкома Ишчанов давал в честь участников Симпозиума. Приём происходил в обширном тенистом саду. Помимо обильного угощения были организованы танцы, и наиболее яркое впечатление — танцующий Клини. Клини родился 5 января 1909 года, так что ему в это



В. А. Успенский и супруги Джин и Стефен Коул Клини.

время было за 70. К тому же его ноги были видимым образом деформированы, что он объяснил артритом. И Кнут, и Клини приехали с жёнами — Кнут с Джилл (Jill) и Клини с Джин (Jeanne), причём Клини женился на Джин (после смерти предыдущей жены) за год до Симпозиума. По его словам, познакомились они на танцплощадке, и у каждого уже были внуки. Артрит и возраст не помешали Клини отплясывать очень лихо. «Клини, танцующий на земле аль-Хорезми» — это была формула из моего тоста, взятая на вооружение Ершовым. Второе яркое впечатление — Адриан ван Вейнгаарден (1916—1987), основоположник информатики в Нидерландах, получивший на Симпозиуме один из трёх полуторачасовых докладов (остальные два получили Кнут и мы с Семёновым), который чудовищно напился. Строго говоря, это впечатление уже послебанкетное. Ранним утром в коридоре гостиницы он выглядел очень несчастным и тихо постанывал. Но когда в 10 часов 30 минут дело дошло до его доклада, он выступил как ни в чём не бывало. До этого я принимал на веру, что ван Вейнгаарден великий человек, а тут убедился в этом воочию.

Рабочими днями Симпозиума были 17, 18, 21 и 22 сентября. Промежуточные два дня были оставлены для экскурсий. Вспоминается такой эпизод. Нас вывезли за город, и там стояла небольшая, в два человеческих роста одинокая и крутая скала. Шанин сказал, что мог бы на неё залезть. Я не поверил. Опровергая моё неверие, Шанин как был, не снимая пиджака и в партикулярных башмаках, сумел-таки высмотреть мельчайшие щели и выступы, и, пользуясь ими, забраться на вершину и встать там в полный рост. Подвиг, вызвавший моё восхищение. Но главной экскурсией, без сомнения, была экскурсия в Хиву. Не исключено, что демонстрация Шаниным его скалолазных умений произошло как раз по дороге в Хиву.

За автотранспортное обслуживание Симпозиума отвечал министр автотранспорта Узбекистана. 19 сентября, после завтрака, к каждой из гостиниц было подано по автобусу — с русскоговорящим гидом к «Ургенчу» и с англоговорящим гидом к «Хорезму». Нашим гидом оказалась симпатичная барышня Диляра, или, короче, Диля, говорившая на довольно приличном, с моей малокомпетентной точки зрения, английском. Как она мне потом объяснила, английский она выучила на филологическом факультете Ургенчского пединститута.

Тут самое время сказать, что кроме автобусов был ещё микроавтобус, на котором возили Земанека²³ и его семью (жену и сына).

²³ Википедия характеризует Земанека (Heinz Zemanek, 01.01.1920—16.07.2014) как австрийского компьютерного пионера и разработчика первого на Европейском континенте компьютера, полностью укомплектованного транзисторами.

Земанек, в недавнем прошлом (в 1971—1974 годах, сразу вслед за А. А. Дородницыным²⁴) являлся президентом влиятельной Международной федерации по обработке информации (IFIP), самой главной «компьютерной» ассоциации мира. В Ургенче он был как бы персональным гостем Кабулова — директора Института кибернетики Академии наук Узбекистана и второго человека в Оргкомитете Симпозиума. Первым был Сираждинов, но он бывал в Ургенче наездами; Кабулов же «сидел в лавке», на время Симпозиума переселившись в Ургенч.

И вот мы тронулись. Шоссе, относительно приличное, было совершенно свободно. Время от времени показывались перпендикулярные к шоссе просёлочные дороги. До горизонта они были забиты транспортом: автомобилями, телегами, арбами и т.д. Весь транспорт стоял, потому что ни въехать на шоссе, ни пересечь его их не пускали с раннего утра. Вспомним, кто отвечал за безопасность движения участников Симпозиума. Смотреть на это зрелище, коего я ощущал себя одним из невольных виновников, было стыдно. Меж тем Диля рассказывала нам, что некогда здесь проходил Великий шёлковый путь, и потому в окрестности нашего маршрута шла оживлённая торговля. Время от времени она указывала на определённую точку и сообщала, что здесь был невольничий рынок, основным товаром в котором были *slave girls*. Запомним это слово.

Но вот мы добрались до Хивы. Экскурсия была организована так, что русскоязычную часть я там не встретил. В старом городе не встретил я и хивинцев, кроме специально выделенных для обслуживания экскурсии; город вымер. Думаю, что жителям старого города — территории экскурсии — запретили выходить из домов. Единственный житель, которого мне удалось увидеть, был старик, подпирающий голову ладонью согнутой в локте руки; он возлежал на боку на ковре внутри своего дома, и лицо его было на уровне дверного проёма. Он лежал настолько неподвижно, что я сперва решил, что это изваяние. А может, он и был изваянием? Ведь в начале нашей экскурсии и через несколько часов в конце поза его не изменилась. Время от времени нас заводили в какой-нибудь дворик, где был уже накрыт стол с фруктами и минеральной водой. Иногда угощение сопровождалось национальными танцами (см. фотографии Кнута и танцовщиц).

Нас водили по Хиве, показывая различные древности и исторические достопримечательности. А сзади, на неназойливом расстоянии, но всё же не слишком далеко, за нами следовали две фигуры. Первая

²⁴ Упоминаю об этом факте потому, что он объясняет особые отношения Земанека с советскими компьютерными деятелями.



Участники Симпозиума во время экскурсии в Хиву.

была облачена в чёрную тройку, хотя было достаточно жарко и многие экскурсанты были просто в рубашках. Вторая была в форме полковника милиции. Как выяснилось, человеком в тройке был председатель Хивинского горисполкома, а полковником милиции — начальник городского отдела милиции Хивы. По-видимому, им было велено следовать за англоязычной частью экскурсии, дабы обеспечивать порядок и пресекать провокации.

Нам показали самый высокий в Хиве минарет Ислам-Ходжа высотой в 56 метров, однако предложили подняться на другой, не столь высокий минарет. Посещение этого другого минарета входило в программу, а посещение Ислам-Ходжи в программу не входило. Думается, что нам хотели показать древности, а Ислам-Ходжа был построен всего лишь в 1910 году. Однако иностранцы, прежде всего Кнут и Клини, взбунтовались. Интересно было подняться на самый высокий минарет. Я отправился на переговоры к надзирающей паре. Переговоры велись в основном с человеком в тройке. Кажется, его фамилия была Файзуллаев, так и будем его называть. Он настойчиво убеждал меня объяснить уважаемым иностранцам, что их желание неправильное. Выдвигались всевозможные аргументы: что на такую высоту по непрерывно поворачивающей винтовой лестнице подняться

будет очень трудно, а ещё труднее спуститься; что там очень пыльно и грязно, в частности, от помёта голубей; что минарет заперт, и неизвестно, где ключ. Но, по-видимому, надзирателям была дана инструкция проявлять гостеприимство и выполнять желание знатных экскурсантов. Нашёлся ключ, был открыт внушительный висячий замок, и желающие гуськом потянулись вверх. Сделанные предостережения оказались верными: после спуска у меня дня два побаливали ноги, пыльно, да и грязновато, было очень — но зато мы добрались до самого верха. Не доходя до верха одного поворота, Клини поймал голубя, которого пустил в небо с верхней площадки. Таким образом, предприятие не просто прошло благополучно, но даже лучше, чем можно было себе представить: американский академик пускает голубя мира с вершины минарета! И Файзуллаев, и полковник явно были довольны и стали глядеть на меня благосклонно. А меня они стали рассматривать как посредника между собой и экскурсантами. И через некоторое время попросили намекнуть, что хорошо бы завершить экскурсию. К этому времени программа была полностью выполнена, и все сгруппировались в очередном дворике с угощением. Однако наши надзиратели в дворик не зашли, а остались снаружи.

Я вошёл в дворик и спросил Кнута, всем ли он доволен или хочет ещё его-то. Ожидаемым ответом было «Всем доволен». Но такого ответа не последовало. Вместо этого Кнут сказал, что для полного счастья хотелось бы получить *slave girl*. Должен признаться, я растерялся. Но довольно быстро нашёлся и объявил, что это можно устроить, но об этом меня должна попросить Джилл. Джилл, содержащая в Стэнфорде магазин церковных тканей, сделала невозмутимое лицо и не попросила. «Кто их знает, — предположительно подумала она — в этой гостеприимной загадочной Азии столько непонятного,



Дональд Эрвин Кнут в Хиве.

как бы, если я попрошу, не возникла *slave girl*». Как выяснится, в этих мыслях, которые я ей приписываю, Джилл была недалеко от истины. «Ну вот, — сказал я Кнуту, — Джилл не просит, стало быть, *slave girl* не будет». Не знаю, как бы я вывернулся, если бы Джилл попросила, но она не попросила, а я пришёл в восторг от собственного остроумия, т. е. пришёл в состояние, чрезвычайно опасное.

Вот в этом восторженном состоянии я направился к Файзуллаеву, дабы похвастаться своей находчивостью. Вот, сказал я ему, знаменитый американский академик остроумно пошутил, а я ещё более остроумно ему ответил. Реакция Файзуллаева меня ужаснула. Он изменился в лице, вытянулся, застегнулся на все пуговицы и сказал твёрдым голосом с интонацией, которую до того я от него не слышал: «У нас это невозможно». Попытаюсь реконструировать, что происходило в его мозгу. Разумеется, начальство дало ему соответствующие инструкции. Туда входило указание исполнять желания (отчего для нас открыли не входящий в программу минарет), но указания исполнять специальные желания не было. Главная же направленность инструкций состояла в том, чтобы не допустить провокаций. Экскурсия прошла без провокаций, начальство будет довольно. И вот, когда, казалось бы, всё закончилось, — на тебе, она, провокация! «Передайте ему, что это невозможно. Но в тактичной форме!» — строго сказал он мне. Подойдя к Кнуту, я сказал ему, что пора бы садиться в автобус. И вернулся к Файзуллаеву доложить, что его поручение исполнено. «Вы сказали ему, что у нас такое невозможно?». — «Сказал». — «В тактичной форме?». — «В тактичной форме». — «Он не обиделся?». — «Не обиделся». Файзуллаев снова изменился, но в обратную сторону и даже с перехлёстом. Он вынул записную книжку, вырвал из неё листок и что-то написал. «Вот, — сказал он, протягивая мне листок, — это мой прямой служебный телефон, а это домашний. Если будете в Хиве и что-то понадобится, звоните, я помогу». Мы расстались друзьями, и вся наша компания погрузилась в автобус. За нами поехал и полковник, который продолжал нас сопровождать уже в другом своём качестве — в качестве начальника районного отделения милиции Хивинского района.

Мы возвращались в Ургенч. Но до Ургенча не доехали, а свернули в сторону, в какой-то колхоз, где нам были предложены сперва песни и танцы в местном клубе, а затем роскошный банкет. Среди напитков этого банкета присутствовал коньяк²⁵ производства этого колхоза,

²⁵ Разумеется, этот напиток не был коньяком в строгом смысле слова, но на мой вкус не уступал тем подлинным французским коньякам, которые мне до и после того доводилось пробовать.

не поступающий в продажу; ничего подобного я до того не пил, это был лучший коньяк в моей жизни. Я потом поинтересовался, за чей счёт было устроено всё это пиршество. «Как за чей? — изумились вопросу мои узбекские информанты. — За счёт колхоза». — «А зачем же колхоз стал так тратиться?». — «А его никто не спрашивал. Позвонили сверху и велели дать банкет, вот и всё». Простота нравов была подтверждена и моей беседой с нашим гидом Дилёй, моей соседкой за столом. Я рассказал ей эпизод с Кнудом и его желанием иметь *slave girl* и добавил, что по настойчивости, с которой Файзуллаев велел мне убедить Кнута, что это невозможно, я понял, что это как раз возможно. «Ну конечно, возможно», — отвечала честная Диля.

В Ургенч мы вернулись под вечер и то на несколько минут. Нам предстояло прибыть в аэропорт, а там каждый летел на завтрашнюю экскурсию — в Бухару или в Самарканд, по своему желанию, выраженному при регистрации. Мы с Семёновым выбрали Бухару — он потому, что ранее там не был, а я потому, что хотел осмотреть этот интересный город подробнее; в предыдущий раз Варданян из романтических (чтоб не сказать сексуальных) устремлений торопился вернуться в Ташкент, а оставаться одному мне не хотелось: мне было неуютно оставаться одному, поскольку в городе наблюдался дефицит бензина, и транспортировка в аэропорт могла составить проблему.

В Бухару мы прибыли поздним вечером. Экскурсия была на следующий день. Рассказывать о минаретах и мавзолеях нет нужды, упомяну лишь две детали. Всё время за нашим автобусом следовала карета скорой помощи; к счастью, она не понадобилась. Теперь вторая деталь. Иногда автобус останавливался около стола, и желающим предлагался чай. Чаевар заваривал чай и, прежде чем отдать клиенту чайник, обдавал его крутым кипятком; цель этой операции осталась мне неясной.

На следующий день мне выпало председательствовать на вечернем заседании, открывшимся 45-минутным докладом Клини «Алгоритмы в различных смыслах». В начале своего доклада Клини сделал лестное для нас с Семёновым заявление, что он о многом не стал бы говорить, если бы знал, о чём скажу я.

Необходимо сказать о трапезах участников Симпозиума. Они происходили в соответствующих гостиницах — разумеется, как и проживание, бесплатно. Еда была вкусной и обильной. Как мне потом стало известно, в течение двух недель в «правительственных» на уровне области продуктовых заказах не было мяса: оно шло для указанных трапез. Термин *продуктовый заказ* в данном его значении нуждается в объяснении. В советское время привилегированная часть населения — от членов творческих союзов до членов правитель-

ства — была прикреплена к тем или иным, в зависимости от ранга, продовольственным магазинам или же прямо к продовольственным базам. Прикрепление давало право регулярно, обычно раз в неделю, получать стандартный, зависящий от уровня прикрепления, набор дефицитных продуктов, таких как гречка, курица, сосиски, копчёная колбаса, шпроты, зелёный горошек, коробка шоколадных конфет. Вот такой набор и назывался продуктовым заказом. Заказ оплачивался по обычным ценам входящих в него продуктов; его смысл был не только в том, что входившие в набор продукты были дефицитными, но и в особо хорошем качестве этих продуктов; в заказах повышенного ранга допускалась возможность выбора того или иного варианта заказа.

Главное, что я вынес из этих трапез, это культура сервировки чая (о культуре заваривания было рассказано в разделе I). Для России традиционным было при питье чая иметь на столе две ёмкости — одна для кипятка (самовар или чайник) и другая для заварки, точнее для крепко заваренного чая. Функционирующий самовар теперь редко встретишь, а ведь когда-то он составлял непременную часть правильного стола. Как это у Пушкина в «Евгении Онегине»:

...Зовут соседа к самовару,
А Дуня разливает чай <...>

В более простых случаях самовар отсутствовал, а возникала *пара чая*. Это два фарфоровых или фаянсовых чайника, подававшихся вместе: один небольшой, с крепко заваренным чаем, другой большой, с кипятком. (В 1950-е годы мне довелось увидеть словосочетание «пара чая» в меню столовой посёлка Деденёво при подмосковной станции Турист. В понимании работников столовой это означало два стакана слабо заваренного чая.) В любом случае обе ёмкости пребывали на столе неподвижно, а чашки путешествовали к ним для наполнения: разливала чай неподвижная Дуня. Не так в Узбекистане. Неподвижны чашки каждого из сидящих за столом. Много небольших чайников с уже заваренным чаем бегают по столу от чашки к чашке.

Иногда во время трапезы нас развлекала танцами танцовщица, танцующая перед столом. Я спросил сидящего рядом со мною Манина, почему этот танец меня так захватывает. Потому, отвечал пронзительный Манин, что она не просто танцует, а ведёт любовную игру.

И последнее, о чём хотелось бы сказать, это сопоставление Хорезма и Китая. Как выяснилось, Кнут до того почти год находился в Китае. Я предположил, что в таком случае ему не так интересно здесь, поскольку Хорезм в цивилизационном отношении находится посередине между Америкой и Китаем. Наш разговор был на пути от гостиницы

к облисполкому, где, напомним, и проходили заседания Симпозиума. По улице в это время на двухколёсной арбе, запряжённой ослом, ехал старик в чалме и халате. «Нет, — возразил мне Кнут, — это Китай находится между Америкой и этим местом». (Конечно, можно предположить — и тогда слова Кнута делаются менее яркими, — что в Китае Кнут пребывал лишь в больших городах; хотя, думаю, он не удержался от экскурсии в глубинку.)

IV. Год 1980. Москва — Юрмала

Конец 1979 года и первую половину 1980 года мы с Семёновым занимались преобразованием нашего доклада в текст статьи для сборника материалов Симпозиума, каковой сборник А. П. Ершов намеревался издать в Новосибирске, в вычислительном центре. Этим мы занимались и в Москве, и в Юрмале, куда он приехал, дабы работа не прерывалась. В Юрмале, в Меллужи, наша семья уже много лет снимала дачу по адресу улица Капу, 83. Улица Капу шла параллельно берегу, между нашей дачей и морем не было ни улиц, ни строений, так что можно было идти на пляж сразу в купальных костюмах. Семёнов вёл себя героически. Для его семьи (его, жены, и двух дочерей, из коих младшая, Дарья, родившаяся во время Симпозиума, была в коляске) я снял довольно убогое жилище в Слоке — в разгар сезона даже это было большим везением. На вокзале в Риге, где я их встречал, неожиданно для меня оказалась и Евгения Тихоновна, которая, не покидая вокзала, тут же уехала в Москву. Её цель была довести больного сына. Семёнов приехал с высокой температурой и выпученным воспалённым глазом, на который было страшно смотреть. К тому же при посадке в поезд он ещё не мог и говорить из-за нарыва в горле. К своим недугам Семёнов относился спокойно. Он вообще имеет обыкновение спокойно относиться к событиям, которые других повергли бы в большое волнение. Так, во время проживания в Слоке его старшая дочь, шестилетняя Марья, села на включённую электроплитку. «Получила жизненный опыт, в другой раз не сядет», — такова была отцовская реакция.

Одновременно мы делали и перевод изготавливаемой статьи на английский для последующей публикации в специальном выпуске шпрингеровских «Lecture Notes in Computer Science».

Новосибирский сборник называется «Алгоритмы в современной математике и её приложениях: Материалы международного симпозиума» и вышел в 1982 году; наша статья опубликована в 1-й части сборника на с. 99—342 под названием «Теория алгоритмов: её основные открытия и приложения». Выпуск «Lecture Notes» вышел

в 1981 году, он имеет номер 122, состоит из трудов Симпозиума и называется «Algorithms in Modern Mathematics and Computer Science»; наша статья опубликована на с. 100—234 под названием «What are the gains of the theory of algorithms: basic developments connected with the concept of algorithm and with its applications in mathematics». Можно представить, каких усилий в ту докомпьютерную эпоху нам стоила подготовка, на специальной IBM-овской пишущей машинке, «camera-ready manuscript».

Наконец, летом 1980 года согласованный между обоими авторами предварительный вариант русского текста с сопроводительным письмом к Ершову одного из них, был взят другим автором для отсылки ценным письмом Ершову в Новосибирск. 4 сентября я получил от него заказное письмо, отправленное из Москвы 2 сентября; на письме, однако, стоит дата «14 августа 1980». Необычность этого письма состояла в том, что оно было написано от руки, тогда как все предыдущие письма от Ершова были напечатаны на хорошей машинке либо даже на ротапинтере. Вот это письмо:

В. А. Успенскому
Москва

Новосибирск, 630090
Вычислительный центр
14 августа 1980

Неотправленное вовремя
письмо, которое хотел
вручить Вам в Паланге

Дорогой Владимир Андреевич!

Ваш верный соавтор ровно месяц прикладывал два экземпляра статьи к Вашему письму. Я считаю, что вы продешевили, оценив ваш труд в 30 руб., но, тем не менее, этого оказалось достаточно, чтобы Почта отнеслась к Вашему посланию максимально бережно и доставила мне бандероль в целостности и сохранности. Знал бы я, что там было, я не заставил бы их слать мне второе напоминание. Тем не менее вчера я притащил его домой (я в отпуске до 25-го) и радостно погрузился в просмотр работы.

Мне очень понравилась статья. Может быть даже, это Ваша лучшая работа. Я горжусь тем, что побудил Вас к ней, неосознанно, но угадав счастливое расположение звёзд и Ваших биоритмов, способствовавших осенившему Вас полётному умонастроению. Я в последние месяцы начитался Г. Крайзела и, хотя и находясь под

сильным влиянием его красноречия, хочу заявить, что Ваша проза ничуть не хуже. Думаю, что Алексей Львович также может только порадоваться, что ему выпала доля столь полноценно участвовать в подготовке этого замечательного обзора.

Возможно, что кому-нибудь будет недостаточно Ваших оговорок в отношении отбора и подачи материала. Однако я принципиально поддерживаю авторский подход к написанию обзоров, а Ваши предпочтения я просто разделяю. Меня, скажем, не так волнует некоторый дефицит ссылок на работы, подпадающие под заголовок «обобщённая рекурсия», но зато без всякого жеманства радуется, что Вам удалось показать целостный и широкий охват проблемы конструктивности советскими послевоенными работами. Особенно своевременно Вы преуспели в том, чтобы дать подробный и убедительный анализ колмогоровских идей и работ, оказавших, может быть, не столь заметное, но от того не менее глубокое влияние на современную математическую мысль. Тем самым Вы не только воздали должное Учителю, но и провели серию глубоких и метких рассуждений, сделавших историю вопроса более связной и развёрнутой.

Словом, отпуск на этот раз Вы честно заработали. Ощущая всю крепость своего заднего ума, сообщаю Вам, что находился в Юрмале с 27 июня по 20 июля. Я достал путёвки достаточно незаблаговременно, чтобы предупредить Вас об этом естественным образом, перед отъездом забыл (в том числе и Ваш юрмальский адрес) и, кроме того, надо мной довлела мысль (почти правильная) что Вы не поедете в отпуск, не написав и не прислав мне статьи. Так что мне остаётся лишь наорать на Вас за то, что Вы не решились сойти на Лиелупе²⁶ и задать пару вопросов администратору Дома науки.

За истёкшие полтора месяца я получил прекрасный текст от Н. А. Шанина и ещё одно обещание от Ф. Штрассена. «Шпрингер» заявил официально, что у них нет инструмента для участия в редактировании и перепечатке английских текстов, так что, если будете печатать английский сразу начисто, то не начинайте, пока не получите от издательства бланки для наборных оригиналов.

Размышляя, куда послать письмо, вдруг подумал, не поедете ли Вы в Палангу на 3—5 сентября. Пошлю-ка Вам телеграмму на ул. Капу (не послал).

Ещё раз сердечно благодарю Вас и Алексея Львовича за выдающийся вклад в Труды Ургенчского симпозиума.

Ваш А. Ершов.

²⁶ Лиелупе — одна из железнодорожных станций внутри Юрмалы. — В. У.

V. Год 1986. Ташкент

С 8 по 14 сентября 1986 года в Ташкенте состоялся Первый Всемирный конгресс Общества имени Бернулли по математической статистике и теории вероятностей (Bernoulli Society for Mathematical Statistics and Probability). Обстоятельства сложились так, что мне довелось в нём участвовать и даже произносить совместный с Колмогоровым открывающий доклад «Алгоритмы и случайность». Колмогоров был почётным президентом Конгресса, но в виду возраста и болезни не смог быть в Ташкенте; 20 октября 1987 года он скончался. (Однако зачитанное мною приветствие он составил сам.)

Чуть меньше трёх лет до того то ли от сердечного приступа, то ли от принятого им яда, то ли от выстрела в себя скончался Шараф Рашидович Рашидов, свыше 24 лет состоявший Первым секретарём ЦК Компартии Узбекистана, т. е. фактическим хозяином республики. Кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, дважды Герой социалистического труда, носитель десяти орденов Ленина²⁷ и прочая, и прочая, он, казалось, сидел очень прочно. Но вот 10 ноября 1982 года умер Брежнев, и к верховной власти в Москве пришёл Андропов, Рашидова недолюбливавший. В начале января 1983 года Андропов сделал Рашидову устный выговор, фактически означавший предложение о добровольной отставке. Однако Рашидов в отставку не ушёл. В феврале того же года Политбюро ЦК КПСС приняло Постановление о расследовании злоупотреблений в хлопководстве Узбекистана и поручило Прокуратуре СССР создать следственную комиссию. В начале апреля 1983 года такая комиссия была создана. Участь Рашидова была предрешена. Тем не менее его похоронили в самом центре Ташкента, в сквере напротив музея В. И. Ленина, недалеко от Дворца пионеров. Был разработан проект строительства мемориального комплекса, который мог бы стать местом паломничества. Летом 1984 года в Ташкенте состоялся пленум ЦК КП Узбекистана для избрания нового первого секретаря вместо Ш. Рашидова. На пленуме все выступавшие, которые ещё недавно клялись в верности памяти Рашидова, разоблачали его как деспота, коррупционера, взяточника, нанёсшего непоправимый ущерб узбекскому народу. Его обвиняли в преследовании честных людей, осмелившихся говорить ему правду, создании в республике обстановки раблепия и лизоблюдства, кумовства. Пленум постановил прах Рашидова эксгумировать

²⁷ Орден Ленина, согласно своему статуту, являлся высшей наградой СССР. За время существования СССР два человека были награждены этим орденом 11 раз, три человека (и один из них — Рашидов) 10 раз. 12 орденов Ленина не имел никто.

и перезахоронить на Чагатайском кладбище, где покоятся видные деятели культуры и науки, общественно-политические деятели республики. Ташкентцы, с которым я беседовал, заверили меня, что перезахоронение состоялось. Да иначе и не могло быть: атмосфера была пропитана разоблачением рашидовщины.

Зная всё это, я решил посмотреть, что осталось от бывшей могилы Рашидова, благо гостиница, в которую меня поселили, была неподалёку. Я отправился в вышеупомянутый сквер и обнаружил могилу Рашидова нетронутой. Ни один из моих собеседников не удосужился пойти и убедиться лично — при том, что могила, якобы перенесённая, находилась в центре города.

Рассказанный эпизод так бы и оставался в ранге любопытного факта социальной психологии, если бы он не имел более высокий ранг — не факта, а явления. Дело в том, что нечто подобное мне довелось наблюдать и ранее, в Киеве, предположительно в 1962 году. Я решил совершить экскурсию в район Бабьего Яра и своими глазами увидеть последствия мощного селя. Потому что рассказы киевлян об этих последствиях расходились друг с другом, иногда довольно значительно.

Общеизвестно, что в Киеве произошла одна из величайших трагедий Второй мировой войны. 29 и 30 сентября 1941 года специальная команда войск СС, поддержанная другими германскими войсками и местными коллаборационистами, убило 33 771 мирного еврея, пред-



Так выглядел Бабий Яр в 1941 году.

варительно согнав их в овраг (а всего в Бабьем Яре было расстреляно свыше ста тысяч человек). Овраг этот, как и окружающая местность, назывался Бабьим Яром и находился на окраине Киева. Сейчас эта местность застроена и находится если и не в центре города, то и не на окраине. В описываемое время она выглядела так, как на фото.

Расстрел в Бабьем Яру явил собою не единственный, хотя и самый страшный, акт трагедии. Второй акт состоял в систематическом замалчивании массового расстрела Советской властью. (Стоит сравнить с многолетним отрицанием той же властью расстрела в 1940 году почти 22 тысяч польских пленных, из коих почти 4 с половиной тысячи, в основном офицеров, были расстреляны близ села Катынь Смоленской области.)

Отрицание трагедии, произошедшей в 1941 году в Бабьем Яре, имело две главные причины.

Первая — государственный антисемитизм. Указывалось, что расстреливали не только евреев. На что Виктор Некрасов, чья повесть «В окопах Сталинграда», опубликованная в 1946 году, положила начало так называемой «окопной прозе», сказал: «Да, в Бабьем Яру были расстреляны не только евреи, но только евреи были расстреляны здесь лишь за то, что они были евреями»²⁸. 19 сентября 1961 года в «Литературной газете» было опубликовано пронзительное стихотворение Евгения Евтушенко «Бабий Яр»:

Над Бабьим Яром памятников нет.
 <...>
 Еврейской крови нет в крови моей.
 Но ненавистен злобой заскорузлой
 я всем антисемитам,
 как еврей,
 и потому —
 я настоящий русский!

По словам Евтушенко, главный редактор газеты Косолапов понимал, что после публикации этого стихотворения его уволят. И он действительно был уволен.

Вторую причину раскрыл Анатолий Кузнецов, автор романа «Бабий Яр», в сентябре 1941 года двенадцатилетним мальчиком находившийся в оккупированном Киеве. По словам того же Евтушенко, Кузнецов сказал ему следующее: «Примерно 70 процентов людей, которые участвовали в этих зверствах, это были украинские полицаи,

²⁸ Виктор Платонович был здесь не совсем прав. Цыган, например, в том же Бабьем Яру немцы расстреливали лишь за то, что они были цыганами.

которые сотрудничали с фашистами, и немцы им предоставляли всю самую чёрную работу по убийствам. Поэтому это считается как бы подрывом престижа украинской нации». Вспомним, что *дружбу народов СССР* товарищ Сталин включил в число трёх движущих сил советского общества; другие две были *морально-политическое единство* этого общества и *советский патриотизм*. (И горе было тому, кто на экзамене не мог назвать состав движущих сил.)

Уничтожение памяти о трагедии состояло не только в пассивном забвении, но и в некоторых активных действиях, вызвавших новую трагедию. Вот что пишет Википедия в статье «Бабий Яр», в разделе «После войны»:

В 1950 городские власти постановили залить Бабий Яр жидкими отходами соседних кирпичных заводов. Овраг был перегорожен земляным валом с целью незатопления жилых районов. Параметры вала и пропускная способность дренажной системы не соответствовали нормам безопасности. Утром в понедельник 13 марта 1961, [в 8 часов 30 минут,] в результате бурного таяния снега, вал не выдержал напора воды, и образовавшийся селевой поток высотой до 14 метров хлынул в сторону Куренёвки. Жидкой пульпой была залита площадь около 30 га, разрушено свыше 30 зданий, практически полностью уничтожено трамвайное депо им. Красина. Информация о катастрофе подвергалась цензуре, её масштабы преуменьшались. Многие жертвы были похоронены на разных кладбищах в Киеве и за его пределами с указанием в документах вымышленных дат и причин смерти, часть тел так и осталась найденной в толще затвердевшей пульпы. Согласно официальному сообщению Правительственной комиссии по расследованию причин аварии, «в районе аварии погибло 145 человек». По оценкам современных исследователей Куренёвской катастрофы, реальное количество жертв составило порядка 1,5 тыс. человек. Одновременно было уничтожено Кирилловское кладбище, находившееся в Кирилловской роще — поросшем деревьями участке Бабьего Яра от его середины до устья, где расположена построенная в середине XII столетия Кирилловская церковь. Этот эпизод в истории Бабьего Яра называют Куренёвской трагедией.

Куренёвка — это тот район Киева, на который обрушился сель. В статье «Куренёвская трагедия» та же Википедия сообщает: «Властями было принято решение не афишировать масштабы трагедии. В тот день в Киеве была отключена междугородная и международная связь. Официальное сообщение о катастрофе было передано по радио только 16 марта». И далее там же: «Закрытый суд приговорил шестерых

должностных лиц к тюремному заключению. Согласно заключению экспертной комиссии, причиной аварии названы „ошибки в проекте гидроствалов и дамбы“».

И сама техногенная катастрофа, и вызвавшие её безграмотные действия людей (так называемый «человеческий фактор»), и попытка если не замолчать вовсе её и её причины, то преуменьшить уровень бедствия — всё это было предвестием Чернобыля.

Как я уже сказал, рассказы о последствиях катастрофы расходились. Но все они сходились в одном: увидеть эти последствия невозможно, поскольку там всё огорожено. Я всё-таки решил посмотреть хотя бы на ограду и минут за 10—15 доехал на общественном транспорте до нужного места. Слева от меня был невысокий холм, прорезанный оврагом, по которому сошёл сель, справа — Куренёвка, частично погребённая под этим селом. Я решил пройти по пути селя, предварительно поднявшись на холм.

Идти вниз по оврагу было легко. Под ногами была ровная поверхность застывшей пульпы. Время от времени справа и слева от маршрута встречались люди, что-то копавшие. Как мне потом объяснили, они пытались докопаться до домов и извлечь оттуда ценности. Мне также сказали, что, как правило, они не успевали докопаться за светлое время суток и на ночь закапывали свой раскоп, чтобы им не воспользовались другие. Надо полагать, что находиться там ночью было небезопасно, и потому ночные дежурства не устанавливались.

Завершая спуск, ещё издали я увидел нечто совершенно невысказанное: трамвайный вагон, стоявший с задраным вверх концом под углом примерно 30 градусов к земле, в которую он был до половины вкопан. В вагон можно было войти через окно. Внутри, на том же уровне, что и снаружи, находилась земля, а точнее застывшая пульпа. Второе сильное впечатление, полученное внизу, это одноэтажный дом, в который я вошёл через отсутствующую дверь. Вместо пола была та же застывшая пульпа. Не сразу я осознал, что дом на самом деле двух-, а то и трёхэтажный, и вошёл я не через то, что когда-то было входом с улицы, а через бывшую дверь балкона.

И войти в вагон, и войти в дом можно было совершенно свободно, не требовалось преодолевать каких-либо ограждений, если они вообще наличествовали. Всё оказалось не так, как представлялось моим киевским информантам.

Таким образом, ситуация в Ташкенте с могилой Рашидова явилась для меня повторением ситуации в Киеве с последствиями селя. Что и даёт право говорить о некоем явлении социальной психологии, для которой у меня нет названия.

VI. Год 1986. Самарканд

Для участников ташкентского Конгресса были устроены две экскурсии по выбору — в Бухару или в Самарканд. На этот раз я выбрал Самарканд. Как известно, именно там, в мавзолее Гур-Эмир, был захоронен великий завоеватель Тимур и его потомки. В Самарканде я узнал о легенде, согласно которой вскрывать его гробницу ни в коем случае нельзя: воинственный дух Тимура вырвется наружу, и начнутся страшные войны. Как указывает Википедия, гробницу вскрыли 21 июня 1941 года. На следующий день началась Великая отечественная война. (Возражения, коими полон Интернет, что приказ о начале военных действий был подписан Гитлером несколькими днями ранее, а общее решение о начале войны с СССР было принято ещё в 1940 году, ничего, кроме смеха, вызвать не могут²⁹.) Та же Википедия сообщает, что останки Тимура, первоначально переданные М. М. Герасимову для изучения и восстановления облика Тимура, были с надлежащими ритуалами перезахоронены в декабре 1942 года, после чего начался решительный перелом в Отечественной войне. В качестве иллюстрации процитирую № 143 (7519) газеты «Известия» от 19 июня 1941 года. В этом номере помещён репортаж специального корреспондента ТАСС из Самарканда от 18 июня под заголовком «В склепе Гур-Эмир. Раскопки гробницы Улуг-бека». Вот начало репортажа: «Археологи всё ближе и ближе продвигаются к гробнице самого Тимура. <...> Сегодня с утра экспедиция начала вскрывать гробницу внука Тимура — Улуг-бека. Улуг-бек похоронен в ногах своего великого деда. Тяжёлая каменная плита покрывает прах выдающегося учёного, мыслителя, просветителя XV века». Как известно, научная и просветительская деятельность Улугбека возмутила исламистов, и он, по преданию, был обезглавлен. Вскрытие могилы Улугбека подтвердило обезглавливание. Но главное — в конце репортажа: «Исследования продолжаются. Сегодня ночью экспедиция подготовится к вскрытию гробницы Тимура».

В окрестностях Самарканда мне посчастливилось увидеть сохранившиеся остатки обсерватории Улугбека, в том числе квадрант радиуса 40,21 м; обсерватория эта производила астрономические таблицы с точностью, недоступной в Европе.

Самарканд остался в моей памяти также двумя наблюдениями психологического характера.

²⁹ Они напоминают мне слова Вольфганга Мессинга, слышанные мною на его концерте в Новосибирске, где я был тогда в эвакуации. Мессинг сказал, что ему велят во время его психологических опытов держать «человека из зала за руку», потому что *иначе получается мистика*.

Первое наблюдение проиллюстрировало следующий закон психологии, впервые осознанный мною именно в Самарканде: степень знакомства двух людей усиливается при удалении от места их первоначального контакта, пусть даже виртуального. Поясню на экстремальном фантастическом примере. Представим себе, что два человека с разных континентов планеты Земля, никогда до того не знавшие ни друг друга, ни друг о друге, встретились на удалённой планете среди инопланетян; они ощущают себе родными братьями. Моя встреча произошла не на таком удалении, поэтому братьями мы себя не ощутили, но явно оказались хорошими знакомыми, чего не имело места в Москве. Речь в данном случае идёт о Шавкате Алимове, в то время ректоре Самаркандского университета. В Москве мы не были знакомы, хотя, скорее всего, встречались в коридорах мехмата. Алимов, на 15 лет младший меня, заканчивал не мехмат, а физический факультет (но по кафедре математики), аспирантуру там же, там же (как я предполагаю) защитил и кандидатскую, и докторскую по математике. В 1984 году он вернулся в Узбекистан. В Самарканде мы встретились как старые знакомые (которыми, повторяю, не были) и с момента встречи были вместе вплоть до аэропорта, куда он меня проводил и откуда я возвращался в Ташкент.

Второе наблюдение связано как раз с самаркандским аэропортом. Прибыв туда, я поинтересовался, на какое время назначен вылет самолёта. И получил напугавший меня ответ, что он уже улетел. На самом деле самолёт не улетел, а ждал тех участников экскурсии, включая меня, которые прибыли в Самарканд из Ташкента не на автобусе, а по воздуху и тем же способом должны были отбыть. Но в устах служащей аэропорта её ответ не означал ложь. Фраза «самолёт улетел» означала для неё, что закончилась регулярная посадка на него — если таковая была (не помню, не был ли самолёт специально отведён под нашу экскурсию); однако отлёт задержан, пока не придут те пассажиры, для которых забронированы места. Этот мелкий эпизод показателен для анализа семантики устной речи.

И в заключение — ещё одно вывезенное из Самарканда впечатление, отчасти комическое. На Ургенчском Симпозиуме А. П. Ершов с некоторой торжественностью и чуть ли не под расписку лично выдавал каждому участнику, отмечая в имевшемся у него списке, красочный портрет аль-Хорезми размером с почтовую карточку. Хотя это не утверждалось прямо, но впечатление было такое, что этот портрет в стиле персидской миниатюры имеет такую же древность, как и изображаемое лицо. Каково же было моё изумление, когда, посетив в Самарканде картинную галерею, я увидел этот портрет, написанный маслом и выполненный современным узбекским художником.

Парижские сюрпризы

Казалось бы, чем сейчас может удивить русского путешественника Париж? Не восхитить, не разочаровать, не впечатлить — а именно удивить. Ведь о нём столько всего уже написано! Если говорить о литературе, доступной русскоязычному читателю, то, думается, что из всех зарубежных городов мира вряд ли кто возьмётся соперничать с Парижем по количеству уделённых ему слов. Оказывается, что всё же может и удивить. Не знаю, следует ли радоваться этому или огорчаться. Любезный читатель да рассудит сам.

Автор этих строк побывал в Париже на исходе 2005 года и решается поделиться тремя постигшими его там сюрпризами. По меньшей мере два из них таковы, что могут быть проверены любым желающим на личном опыте.

Сюрприз первый. Как всем известно, Париж славится своими бульварами. «Ах, эти Большие бульвары!». Конечно, современный путешественник, если он обладает хоть малой толикой рационального скептицизма, понимает, что бульвары уже далеко не те, какие были во времена конных экипажей, мужчин в цилиндрах и дам в шляпах с перьями. Но понимает он и то, что не совершить прогулку по Большим бульварам — это было бы неправильно. И он отправляется на тот из них, который более всего на русском слуху — на бульвар Капуцинов.

Бульвар этот известен в России по ряду причин, одна из которых — вышедший в 1987 году фильм режиссёра Аллы Суриковой «Человек с бульвара Капуцинов» с Андреем Мироновым в главной роли. Фильм повествует о том, как в самом конце девятнадцатого или самом начале двадцатого века в ковбойский городок американского «Дикого Запада» приезжает человек с кинопроектором и какие потрясения это влечёт для указанного городка. Ясно, что человек с кинопроектором просто не может прибыть ни из какого другого места, кроме как с бульвара Капуцинов. Ведь «Первый публичный платный [кино]сеанс

состоялся 28 декабря 1895 года в подвале „Гран-кафе“ на бульваре Капуцинов в Париже» (цитата взята из статьи «Люмьер» в 3-м издании Большой советской энциклопедии).

Итак, путешественник идёт по бульвару и проникается духом истории. Разумеется, он нуждается в подтверждении, что идёт по тому самому бульвару. Таковое подтверждение он получает от настенной табличке с названием: Boulevard des Capucines. Удовлетворённый, он идёт дальше, но постепенно — не сразу! — до его сознания доходит, что в названии имеется некоторая странность. Странность выражается в наличии в названии одной лишней буквы. Потому что название «Бульвар Капуцинов» по-французски пишется так: Boulevard des Capucins. Какая-то опечатка, думает наш путешественник, но вскоре убеждается, что лишняя буква присутствует на всех табличках и даже на карте Парижа. И тогда он понимает, что никакой опечатки нет, французские надписи совершенно корректны, а бульвар, если перевести его название с французского на русский буквально, называется не «бульвар Капуцинов», а «бульвар Капуцинок».

Капуцины и капуцинки суть, соответственно, монахи и монашенки Ордена Капуцинов, основанного в Италии в XVI веке; монахи носили остроконечные капюшоны, а капюшон по-итальянски — саррусио. Название бульвара имеет в виду женский монастырь, до своего разрушения в начале XIX века располагавшийся в районе современной улицы де ла Пэ.

Второй сюрприз связан с печальным событием, а именно с гибелью в Париже принцессы Дианы. Все знают, что она вместе со своим другом Доди аль-Файёдом насмерть разбилась на автомобиле, преследуемом папарацци. Это случилось в первом часу ночи 31 августа 1997 года (а родилась Диана 1 июля 1961 года). Автомобиль на большой скорости шёл по набережной правого берега Сены, вверх по течению, и врезался в ограждение там, где набережная на какое-то время превращается в туннель, проходящий под перекинутым через реку мостом Альма (Pont de l'Alma).

Оказавшись у моста Альма на противоположном, левом берегу, я решил перейти через мост и посмотреть, как выглядит сейчас историческое место. Издали можно было углядеть, что там стоит какой-то памятный знак — нечто вроде тумбы, на вершине которой что-то поблёскивает. Когда же я подошёл ближе, то увидел невысокую, не более человеческого роста, колонну, увенчанную скульптурным изображением пламени, выполненным в золотом цвете. Всё это меня не удивило: меня удивило бы, если бы место трагической гибели Дианы оказалось никак не обозначенным. Я вспомнил, что отец Доди очень

богат и что на первом этаже принадлежащего ему самого знаменитого в Лондоне универмага Харродс (Harrods) установлена парная статуя Дианы и Доди — также золотого цвета. В своём магазине, подумал я, он может делать всё, что угодно, а тут, в Париже, установка подобной скульптуры скорее всего требует специального разрешения, получить которое, может быть, и не столь просто, если вообще возможно.

Колонна установлена в непосредственной близости от парапета, перегнувшись через который можно посмотреть на въезд в туннель. Пройти внутрь туннеля нельзя, он не предназначен для пешеходов. Парапет испещрён надписями на разных языках, включая русский и даже, на мой дилетантский взгляд, китайский и японский. Те надписи, которые мне удалось понять, имели примерно такой смысл: «Мы тебя помним», «Нам тебя не хватает», «Ты с нами» и т. д. В некоторых надписях наряду с Дианой упоминался и Доди: наиболее частой из таких была надпись «D & D».

У подножья колонны лежало несколько букетов, сравнительно свежих, и несколько фотографических портретов Дианы. Было ясно, что эта колонна с изображением вечного огня на навершии представляет собою мемориальное, а по существу культовое сооружение, используемое для поклонения памяти Дианы.

На колонне имелась табличка, на которой было что-то написано. Когда я прочёл, что там было написано, я не поверил своим глазам. Чтобы поверить, пришлось переписать надпись целиком. Вот она, эта надпись — с сохранением расположения строк:

FLAMME
DE LA LIBERTÉ
—
RÉPLIQUE EXACTE
DE LA FLAMME
DE LA STATUE DE LA LIBERTÉ
OFFERTE AU PEUPLE FRANÇAIS
PAR DES DONATEURS
DE MONDE ENTIER
EN SYMBOLE
DE L'AMITIÉ FRANCO-AMERICAINE
A L'OCCASION DE CENTENAIRE
DE
L'INTERNATIONAL HERALD TRIBUNE
PARIS 1887—1987

Перевод с французского:

ПЛАМЯ
СВОБОДЫ
—
ТОЧНАЯ КОПИЯ
ПЛАМЕНИ
СТАТУИ СВОБОДЫ
ПРЕДНАЗНАЧЕННАЯ ФРАНЦУЗСКОМУ НАРОДУ
ДАРИТЕЛЯМИ
ВСЕГО МИРА
В ЗНАК
ФРАНКО-АМЕРИКАНСКОЙ ДРУЖБЫ
ПО СЛУЧАЮ СТОЛЕТИЯ [ГАЗЕТЫ]
«INTERNATIONAL HERALD TRIBUNE»
ПАРИЖ 1887—1997

Англоязычная газета «International Herald Tribune», предназначенная для европейского распространения, действительно была основана (под первоначальным более коротким названием «The Herald») в пригороде Парижа 4 октября 1887 года. С момента основания и по сей день ею владеют американские медиамагнаты и американские медиакорпорации. Современный авиапассажир обычно обнаруживает эту газету, притом бесплатно, в зоне отлёта европейских аэропортов, а если он не успел захватить свой экземпляр, то такая возможность будет предоставлена ему в самолёте. (Кстати, связь газеты с авиацией имеет давнюю историю: в 1928 году она стала первой газетой, распространяемой по воздуху — с утренней, к завтраку, доставкой из Парижа в Лондон.)

Таким образом, многочисленные почитатели Дианы возлагают свои цветы к подножию колонны, отмечающей столетие газеты «Интернэшнл Гералд Трибьюн» и принимаемой ими за мемориал «народной» принцессы. Надпись на колонне, воздвигнутой за десять лет до смерти Дианы, никто, надо полагать, не читает.

► Дополнительный штрих к теме. 31 августа 2007 года — десять лет со дня гибели Дианы. Телевидение, в том числе российское, уделяет этому должное внимание и время. В 13 часов по каналу НТВ, в программе «Сегодня», показывают колонну у моста Альма и людей около неё — некоторые стоят на коленях. Закадровый голос сообщает, что люди собрались «у мемориала в виде символического вечного огня». ◀

Третий сюрприз, в отличие от первых двух, не допускает проверки в буквальном смысле. Уверен, однако, что схожая ситуация может встретиться в Париже каждому.

С 13 октября 2005 года по 16 января 2006 года в Париже, в Национальных галереях Большого Дворца, происходила выставка с завлекающим названием: «Меланхолия. Гений и безумие на Западе». Выставка путешествовала по Европе и, кажется, приехала во Францию из Германии. Удачным образом сроки моего пребывания в Париже позволяли на неё попасть. Зажатый между Елисейскими полями и Сеной так называемый Большой Дворец, построенный к Всемирной выставке 1900 года, многими (но не мною) считается ужасным в архитектурном отношении. Посетителей выставки это, однако, не смущало, и когда я приблизился к Большому Дворцу, то увидел длиннющую и казавшуюся неподвижной очередь перед входом. Меланхолия явно выплёскивалась из галереи на улицу. Не обнаружив в себе сил стоять в такой очереди, я уехал.

Позвонившие мне из Бордо друзья Александр Калманович и Алла Викторовна Звонкины меня обругали. Нельзя упускать выпавшую мне редчайшую возможность попасть на столь замечательную выставку; сами они собирались приехать с этой целью из Бордо в Париж. Мне объяснили, как можно избежать очереди. Надо найти заведение с вывеской «Fnac» и там купить билет, который будет стоить несколько дороже, но зато даст право попасть на выставку безо всякой очереди. Ни что такое Fnac, ни где он находится, никто мне сказать не мог. Проходя по площади Бастилии, я случайно увидел нужную вывеску. (Замечу в скобках, что и внутри заведения я не смог узнать, что значит «Fnac».) Там среди прочего действительно был отсек, где происходила предварительная продажа билетов в театры, на концерты и на выставки. Оказалось, что я попал в неудачное время: из нескольких стоек работала лишь одна. Очередь к ней хотя и была неизмеримо короче очереди на выставку, но всё же превосходила мои психологические возможности. Через несколько дней я уже поехал в этот фнак специально. Прошу прощения у читателя за все эти подробности, которые могут показаться излишними; на самом деле время, затраченное на приобретение билета, составляет неотъемлемую часть сюжета.

При моём втором визите во фнаке работало уже несколько окон, и очереди к ним были в разумных пределах. Ближайший день, на который у них были билеты, наступал ровно через неделю, а именно 30 декабря. Это меня устраивало. Чрезвычайно любезно мне был предложен выбор между первой и второй половинами дня. Я

выбрал первую, и это означало, что я могу войти в любое время между 10 и 13 часами. «И что, столь небольшой комиссионный сбор избавляет меня от стояния в очереди?». — «Разумеется, сэр (разговор шёл по-английски). Имея этот билет, вы не будете стоять в очереди».

С радостным чувством 30 декабря я отправился на выставку и в самом начале одиннадцатого часа был перед входом. Очередь на улице показалась мне увеличившейся в длине со времени моего первого неудавшегося посещения, но теперь это меня не касалось. С законным чувством превосходства я протянул свой билет охранявшему вход афрофранцузу (если есть афроамериканцы, то почему бы не быть афрофранцузам?). К моему изумлению, он направил меня в хвост очереди. Оказалось, что имеются две очереди. Одна состоит из тех, кто не имеет билета и кому предстоит его купить, когда он будет допущен внутрь здания. Вторая состоит из тех, кто, как и я, имеет предварительно купленный билет. Вторая очередь короче первой, но незначительно. Охранники при входе запускали посетителей порциями, попеременно то из одной очереди, то из другой.

Очереди располагались параллельно, отгороженные одна от другой переносными барьерами, и потому можно было легко сравнить скорости их движения. Почему-то очередь из не имеющих билета двигалась быстрее, чем очередь билет имеющих: человек из другой очереди, первоначально стоявший рядом со мною, через некоторое время оказался далеко впереди; возможно, что объём порции, запускаемой в здание, был пропорционален длине очереди. Неравенство в скоростях было замечено не только мною, моя очередь стала громко возмущаться, топтать ногами, стучать зонтами, хлопать в ладоши и кричать. Члены моей очереди требовали, чтобы сперва пропустили тех, кто имеет заранее купленный на сегодняшнее число билет (и к тому же оплатил эту услугу), а потом уже тех, кто пришёл, так сказать, на ура. Читателю судить, насколько справедливыми были такие требования; замечу лишь, что не имеющие билета не имели ограничений во времени для входа на выставку, а для билет имеющих каждая минута стояния в очереди сокращала тот отведённый им срок, в пределах которого они могли на выставку попасть. Как бы там ни было, ни топот, ни крики никакого действия не возымели. Требования моей очереди явно расходились с принципами фратерните, а тем более с принципами эгалите.

Надо ещё сказать, что из всех моих парижских дней именно этот день оказался самым неприятным в погодном отношении: дул очень резкий и очень холодный ветер. А я, как назло, был одет нарочито

легко: от дома, где я жил, до автобуса и от автобуса до Большого Дворца было недалеко, а от стояния в очереди, как я предполагал, я избавлен. Судя по их одежде, так же, по-видимому, рассуждали и мои товарищи по несчастью. Несколько раз я порывался уйти — не хватало ещё простудиться и заболеть в Париже за несколько дней до отъезда! Но всякий раз становилось обидно, что я уже столько простоял, и я оставался. Наконец, более чем через час, я был допущен внутрь. Выставка оказалась достаточно интересной, и теперь, по прошествии времени, я склонен рассматривать стояние в очереди как необходимое к ней предварение — с учётом её, выставки, темы. Если театр начинается с вешалки, то выставка начинается с очереди на улице.

Тем не менее, ситуация с реализацией в городе Париже прав, даваемых предварительным приобретением билета на определённое число и на определённую половину дня, прав, специально оплаченных, явилась для меня сюрпризом. И напомнила мне эпизод, случившийся в начале двадцатых годов XX века в другом городе — Тбилиси, тогда ещё Тифлисе. Об этом эпизоде рассказал мне мой отец Андрей Васильевич Успенский.

Будучи студентом, отец со своим приятелем посетил знаменитые тифлиссские бани. Денег у них было мало, но всё же каждый из них оплатил услуги банщика, или, как его там называют, тёрщика. При этом мой отец оплатил мытьё и массаж, а приятель — только мытьё. Их распластали на соседних лавках и помыли. После чего над обоими стали производить одинаковые процедуры. Это удивило моего отца. «Что он делает с моим другом», — спросил он своего тёрщика. «Как что? Массаж делает». — «А ты мне что делаешь?». — «И я тебе массаж делаю». — «Так почему же нам делают одно и то же?». — «А ты что, платил за массаж?». — «Платил». — «Дурак, что платил», — этими словами тёрщик завершил диалог.

В обоих случаях заплатившие платили зря, что роднит обе истории. Однако, есть и отличие, и довольно существенное. Французы, как известно, меркантильны: в романах Бальзака сюжет обычно вращается вокруг годовой ренты в столько-то тысяч экю. Широта грузин не менее известна: если человек щедрый, но обычный (т. е. не грузин), протягивая купюру на чай гардеробщику, говорит «Сдачи не надо», то грузин, как гласит популярный анекдот, протягивает гардеробщику только номерок со словами «Пальто не надо». Сравнивая парижский и тифлиссский эпизоды, находим подтверждение сказанному: в Париже заплатившие недополучили, а в Тифлисе не платившие переполучили.

У йих всё не по-нашему: Западный Берлин и Железный Занавес

Вступление. — Проблемы временного выезда из СССР. — Проход через Железный Занавес. — Первые впечатления. — Стена. — Отъезд. — Прибавление.

Вступление

Я прошёл через железный занавес в буквальном, физическом смысле: 24 июля 1989 года самолёт прилетал в Восточный Берлин, в аэропорт Шёнефельд, а далее надо было пешком проходить сквозь Стену. Предварительно я дал примечательную подписку о том, что если мне во время пребывания в Западном Берлине захочется посетить Западную Германию, то я обязуюсь вернуться в Восточную Германию, а уже оттуда ехать в Германию Западную.

В 1954 году балет Большого театра впервые выехал на гастроли на Запад, а именно во Францию. Поездки на Запад тогда были в диковинку и на любого, побывавшего *там*, смотрели, как на вернувшегося с Луны. «Ну как там, Константин Порфирьевич?» — спросили при мне портного театра, сопровождавшего труппу и только что вернувшегося. «У йих всё не по-нашему», — ответил портной. Сейчас, более чем через десятилетие, в памяти остались два впечатления о том, что именно в Западном Берлине было не по-нашему. Во-первых, не нашёнская пропорция цен. Скажем, чашка кофе в хорошем кафе стоит 4 марки, а наручные электронные часы — правда, выгребаемые покупателем прямо на улице из большой картонной коробки, но исправно идущие, показывающие день недели и т. п. — 1 марку; эта неправильная пропорция до того раздражала некоторых моих коллег из СССР, что они ежедневно отправлялись через стену в Восточный Берлин (благо, наши паспорта давали такую возможность), чтобы ощутить себя в атмосфере нормальных советских ценовых пропорций, когда обычный обед стоит дешевле часов. И второе впечатление. Конференция проходила в помещении Технического университета и

открылась в большой аудитории амфитеатром. После церемонии открытия и одного или двух пленарных докладов нас всех перевели в такую же аудиторию напротив; операция эта выглядела довольно странной. Оказалось, что городские власти, из гигиенических соображений, не позволяют никакой аудитории быть заполненной более двух часов; теперь она в течение какого-то времени должна была пребывать пустой, наподобие поля под паром.

Проблемы временного выезда из СССР

Ассоциация символической логики (Association for Symbolic Logic), сокращённо АСЛ (ASL), — крупнейшая организация современных (т. е. не чуждающихся математики) логиков. Юридически эта организация американская, но широкое иностранное членство делает её по существу международной. Основанная в 1936 году, она регулярно проводит Летние Европейские конференции (European Summer Meetings). На июль 1989 года была назначена очередная такая конференция, и я получил на неё приглашение. Я получал подобные приглашения и ранее, но меня не выпускали из СССР.

Ветер перемен дунул на меня осенью 1986 года, когда меня выпустили на конференцию в Болгарию. Однако в 1987 году на Летнюю Европейскую конференцию АСЛ в Испании выпустить отказались. И до, и после этого несколько зарубежных приглашений я, не давая им хода, просто выбросил.

И вот, наступает 1989 год, и я получаю приглашение на очередную Европейскую конференцию АСЛ. И куда! В Западный Берлин, само существование которого десятилетиями работало на раздор двух противостоящих лагерей. Хуже этого могли быть только Южная Корея или Тайвань. В самом деле, что такое был Западный Берлин юридически? Особая политическая единица, не входящая в состав ни одной из двух Германий. Официальный режим — оккупационный, под номинальным управлением четырёх держав-победительниц: Великобритании, СССР, США и Франции. Всё это я знал. Как мне рассказали впоследствии, за иностранными визами жители Западного Берлина должны были обращаться в военное представительство Норвегии. И тем не менее, к моему изумлению, меня выпустили.

Как известно, когда в 1945 году Германия потерпела поражение во Второй мировой войне, её территория была разделена на четыре зоны оккупации по числу держав-победительниц, и каждая зона управлялась своей державой. Верховной властью для Германии

в целом был союзнический Контрольный Совет, в которой входили представители всех четырёх оккупирующих держав (и который не собирався с марта 1948 года после объявленного советской стороной бойкота). Берлин оказался внутри советской зоны, но был из неё выделен в качестве анклава, находясь под совместным управлением четырёх держав, и, подобно всей Германии, был разделён на четыре зоны оккупации. В 1949 году на территории советской зоны оккупации Германии возникла Германская Демократическая Республика, сокращённо ГДР, которая слилась с советской зоной оккупации Берлина. Эта последняя стала называться в советском блоке просто Берлином и сделалась столицей ГДР. В западном блоке и советском просторечии эта территория стала называться Восточным Берлином. Три западные зоны Берлина стали именоваться в западном блоке просто Берлином, а в советском блоке — Западным Берлином. В приглашении, которое я получил, было написано Berlin (West).

Проход через Железный Занавес

Но до западноберлинских впечатлений надо было ещё дойти — причём не в фигуральном, а самом что ни на есть буквальном смысле. Дело в том, что 24 июля 1989 года наш самолёт из Москвы приземлился в Восточном Берлине в аэропорту Шёнефельд. И мы — кто это «мы» сейчас будет объяснено — прошли пешком от аэропорта до входа в Западный Берлин. Впрочем, возможно, что начальную часть пути мы проделали на электричке или каком-то другом транспорте. Теперь, кто это «мы». Ещё в Москве, в аэропорту Шереметьево, я обнаружил, что на ту же конференцию летит группа советских участников из Новосибирска и городов, входящих в сферу его математического влияния. Я примкнул к этой группе, из коей кто-то уже обладал опытом попадания в Западный Берлин. Он и руководил нашим маршрутом по Восточному Берлину. Деталей маршрута я уже не помню, но помню, что пешком мы шли достаточно долго, пока не дошли до входа в Западный Берлин. Точнее, пока почти не дошли, потому что когда до входа оставалось совсем недалеко, наш вожакий предложил пообедать в кстати подвернувшемся, а ему заранее известном ресторане. Вкусный и обильный обед снабдил меня одним из положительных впечатлений, оставленных Восточным Берлином. Ранее я никогда не вкушал второго блюда на плоских тарелках таких великанских размеров. Но главное, наибольшее впечатление произвели на меня лица людей, которых мы встречали на восточноберлинских улицах: эти лица были светлые, почти радостные и

составляли выпуклый контраст с угрюмыми, недоброжелательными, а нередко и злобными лицами москвичей.

И вот настало великое — переход через стену, точнее под стеной, потому как надо было спуститься в проходящий под стеной тоннель, где и происходил переход из «Демократического Берлина», как его называли на Востоке, в «Свободный Берлин», как его называли на Западе. Выездные визы в наших советских паспортах давали такую возможность¹, а въездная виза в Западный Берлин, юридически оккупированный четырьмя державами, в том числе Советским Союзом, не требовалась. И я в прямом, физическом смысле, пересёк Железный Занавес. Никаких отметок в паспорт при этом не ставилось, ни с той, ни с другой стороны.

В первоначальном, техническом значении термин *железный занавес* синонимичен терминам *пожарный занавес* и *противопожарный экран* и означает огнеупорную дымонепропускаемую конструкцию, опускаемую при пожаре для отделения сцены от зрительного зала и предотвращения распространения пожара и продуктов горения. Сейчас этот термин чаще используется в переносном геополитическом смысле. Чтобы различить эти два смысла мы будем геополитический термин писать с прописной буквы. Хотя выражение «Железный Занавес» было озвучено ещё в 1919 году Жоржем Клемансо, сказавшим «Мы желаем поставить вокруг большевизма Железный Занавес», в языковое клише оно превратилось после знаменитой Фултонской речи Уинстона Черчилля. Фултонская речь (английское название — *Sinews of Peace*) была произнесена Черчиллем 5 марта 1946 года в Вестминстерском колледже в Фултоне, штат Миссури (родном штате президента США Трумэна, в присутствии коего она была произнесена); в СССР считалась сигналом для начала холодной войны. Вот цитата из этой речи:

От Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике, через весь континент, был опущен «Железный Занавес». За этой линией располагаются все столицы древних государств Центральной и Восточной Европы: Варшава, Берлин, Прага, Вена, Будапешт, Белград, Бухарест и София, все эти знаменитые города с населе-

¹ Въездная виза для временного выезда в советском иностранном паспорте была одного из двух видов. Если писалось *Разрешён выезд в ...*, где вместо многоточия стояло название одной из стран «лагеря мира и социализма» — Болгарии, Польши, Венгрии и т. п., — то это означало право выезда именно в эту страну. Если же писалось просто *Разрешён выезд* без указания, куда именно, то это означало право выезда куда угодно, в том числе в Западный Берлин.

нием вокруг них находятся в том, что я должен назвать советской сферой, и все они, в той или иной форме, объекты не только советского влияния, но и очень высокого, а в некоторых случаях и растущего контроля со стороны Москвы.

На той стороне Занавеса мы оказались около станции электрички. (Я по-старинке называю «электричками» поезда пригородного и внутригородского сообщения, не вдумываясь в природу двигателя.) Проехали несколько станций и оказались в центре Западного Берлина.

Первые впечатления

Первое, что ударило мне в глаза — это припаркованные автомобили с неснятыми дворниками (по-научному — стеклоочистителями) на лобовых стёклах. В России при парковке их снимали и брали с собой. Стоили они копейки, но купить их было практически невозможно. Когда не помню сколько лет назад я увидел, что и в Москве при парковке перестали снимать дворники, я понял, что Россия сделала один из важнейших шагов от дикости к цивилизации. Полшага Россия сделала, установив кабины экспресс-фото, т. е. устройства для моментального получения фото в вестибюлях метро. Однако рядом с каждой такой кабиной стоит стул, а на нём тётя, главная функция которой — следить, чтобы ничего не сломали. Вот когда стул с тётей уберут, это будут вторые полшага, а в целом — ещё один важнейший шаг, даже не шаг, а прыжок, к цивилизации. Помню изумление, которое я испытал в Амстердаме в 1993 году. Нужно было сделать фото на документ. Пригласивший меня Пол Витаньи повёл меня в подземный переход, завёл в кабину, опустил монету, нажал кнопку, и моя фотография вылезла сквозь щель. Никакой тётки. Третий, почти нереальный шаг произойдёт, когда представители населения перестанут выжигать кнопки лифтов; возможно, в понимании того, что этого не дожидаться, кнопки лифтов станут делать огнеупорными. (Один мой знакомый, большой эксперт в полиграфической машинерии, человек незлой, возмущался: «Зачем же они выжигают в своём подъезде? Выжигали бы в чужом».)

Следующие впечатления, как положительные, так и отрицательные, ждали меня в отеле, куда меня направил Оргкомитет Конференции. Все эти впечатления были связаны с окнами. Во-первых, я впервые увидел окно, допускающее три позиции: закрытое, открытое с поворотом вдоль боковой вертикальной оси и открытое с поворотом вокруг нижней горизонтальной оси, как фрамуга. Первые две позиции были в России повсеместно, фрамуги тоже были, но только

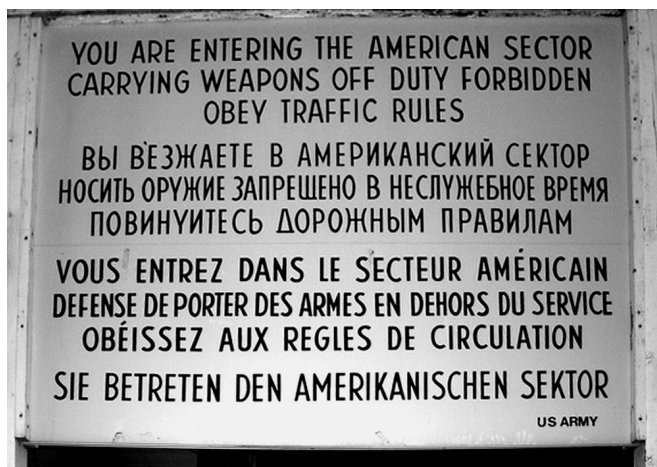
для форточек и не в сочетании в одном окне с первыми двумя. Даже в 1988 году в Венгрии мне не довелось видеть названных трёх возможностей одного и того же окна. Кроме того, в Москве ещё не было пластиковых окон, довольно надёжно защищающих от уличного шума. Не помню, какое окно было в берлинском отеле, но помню, что как только я его закрыл, все звуки, доносящиеся с шумной улицы, на которую оно выходило, мгновенно исчезли. Я был поражён. Но не менее поражён я был отсутствием штор на окнах. Это было для меня немаловажным, так первый же луч утреннего солнца меня будит. Я обратился в ресепшен. Мне сказали, что штор у них нет, поскольку не положено. Тогда я потребовал дополнительное одеяло. Мне было выдано солдатское суконное одеяло. Кое-как я приладил его к окну, но помню, что был очень удивлён и недоволен.

Архитектура Западного Берлина произвела впечатление своей свободой. До сих пор вспоминаю дом, в котором на каждом этаже окна шли не по одной горизонтали, как это принято, а волнами, по контуру кривой, похожей на синусоиду.

Видел я и украшенное четырьмя флагами здание союзнического Контрольного Совета, который, впрочем, много лет как не собирался. Город оказался разделённым на три сектора, границы между которыми хотя и были свободно проходимы, но всё же местами обозначались щитами с надписями на четырёх языках:

«ВЫ ПОКИДАЕТЕ ФРАНЦУЗСКУЮ ЗОНУ ОККУПАЦИИ»,
«ВЫ ВСТУПАЕТЕ В АМЕРИКАНСКУЮ ЗОНУ ОККУПАЦИИ»

и т. д.; эти щиты запомнились мне потому, что русская прописная буква у писалась на них неправильно, а именно, в виде прописной буквы игрек.



Улицы Западного Берлина запомнились мне чистой тротуаров. У нас в Москве достаточно грузовику проехать сперва по размокшей земле, а потом где-нибудь хотя бы одним колесом попасть на тротуар, как липкая грязь подошвами прохожих будет разнесена по всему тротуару. В Западном Берлине такого не замечалось (как не замечалось мною впоследствии в городах США и Западной Европы). Зато моё внимание привлекли земляные работы. Прокладывали не то кабель, не то трубу, забыл, что в точности. Я залюбовался филигранностью процесса. С трудно вообразимой российскому зрителю слаженностью работало шесть механизмов, медленно передвигающихся вдоль канавы. Канавы тоже передвигались, и размер её оставался небольшим и более или менее постоянным. Первый механизм прокапывал канаву. Второй укладывал в неё кабель или трубу, которые подвозились по мере необходимости, но без превышения этой меры. Третий собирал выкопанную землю и грузил её на четвёртый механизм — маленький грузовичок. Грузовичок отвозил погружённую землю к началу канавы. Пятый механизм засыпал канаву этой ранее выкопанной землёй. Шестой тут же укладывал асфальт. Вся картина медленно передвигалась вперёд, не оставляя никаких следов. Почему-то это вызвало у меня ассоциацию с ползущей гусеницей (в детстве я их очень любил).

Однако соблюдение чистоты тротуаров сталкивалось с естественной и распространённой проблемой: на тротуары испражняются собаки. Поговорка гласит: «Не хочу быть кисою, быть хочу собакою, где хочу, там писаю, где хочу, там какаю». Разумеется, на улицах стояли специальные контейнеры для сбора собачьих экскрементов. Уже не помню, носят ли собаководы совочки и пакеты с собой, или же они висят на контейнерах. Скорее всего, и то, и другое. Но возникает естественный вопрос: а дальше что? Куда девать содержимое контейнеров? Решение таково: это содержимое отдают на восток, Германской Демократической республике (ГДР), которой за эту услугу платят немалые деньги. Вопрос собачьего дерьма — это один из немногих вопросов, где Западный Берлин в известной степени зависел от Восточной Германии (ГДР). Западный Берлин изначально стремился к полной независимости и поэтому, как мне рассказали, едва ли не первым мероприятием его властей было бурение глубоких артезианских скважин.

Тем более любопытно, что до 1984 года весь берлинский S-бан² (городская электричка, «надземка») находился в подчинении властей

² S-бан и U-бан суть русифицированные немецкие термины S-bahn и U-bahn.

ГДР. 13—15 августа 1961 года в результате строительства Берлинской стены были закрыты 11 участков S-бана, и единая сеть была разделена на западную и восточную части. Единственной общей точкой этих сетей стала станция Friedrichstraße. Ещё 4 станции Nordsüd-туннеля, находившиеся на территории Восточного Берлина, были закрыты и стали станциями-призраками: западноберлинские поезда S-бана не останавливались на них. Так пишет Википедия. Мне довелось проезжать эти станции — хотя с огорчением должен признаться, что в моих сегодняшних воспоминаниях, противоречащих вешающей истину Википедии, я проезжал закрытые станции не на S-бане, а на U-бане («подземке», метрополитене). Впечатление от безостановочного следования западноберлинского поезда мимо этих станций, находящихся в толще земли Восточного Берлина, было не похожем ни на какую реальность. Вид этих станций сквозь окно проносящегося вагона напоминал кадры из фантастического фильма — то ли о других планетах, то ли о Земле после глобальной катастрофы: перроны освещены тусклым светом, и либо на них не было ни души, либо же стояли солдаты с автоматами поперёк живота (не могу вспомнить, который из двух вариантов имел место).

Полностью забыть про существование ГДР Западный Берлин хотел, но не мог, поскольку он был окружён Восточной Германией со всех сторон. И Восточная Германия, а точнее, советские авиационные власти отвечали за безопасность полётов из Западного Берлина и в Западный Берлин. Как мне рассказывали, в Западном Берлине находился офис представителя этих властей, и перед каждым полётом этому представителю вручалась бумага с описанием маршрута и просьбой обеспечить безопасность полёта. Бумага возвращалась со штампом, сообщающим, что советская сторона не берёт на себя ответственность за этот полёт. Этот штамп читался западноберлинской стороной как гарантия безопасности полёта.

Ещё о теме транспорта. На каждой остановке западноберлинского автобуса висит расписание, которое соблюдается с немислимой точностью: автобус приходит минута в минуту. Как водителям это удаётся на фоне дорожного движения, подчас плотного и напряжённого, я не могу понять до сих пор.

Два скульптурных сооружения врезались мне в память. Оба были весьма натуралистичны. Одно стояло прямо на тротуаре и изображало мотоцикл с сидящей на нём девицей; необычность заключалась в том, что девица была полностью обнажённой. Второе стояло в центре площади и состояло из двух поставленных вертикально автомобилей, частично залитых цементом или глиной. И, наконец, мне

довелось увидеть первый в моей жизни антисоветский памятник — памятник жертвам блокады Западного Берлина. Таких памятников в Западном Берлине несколько, и я не помню, какой именно я увидел. На памятнике у аэропорта Темпельгоф написаны имена 39 британских и 31 американского авиатора, погибших на службе «воздушного моста» во время Блокады Западного Берлина; имена сопровождаются надписью «They gave their lives for the freedom of Berlin in service of the Berlin Airlift 1948/49». Хотя ничего прямо направленного против Советской власти в этой надписи нет, их антисоветский характер очевиден. Напомним, что Блокада Западного Берлина продолжалась с 24 июня 1948 года по 12 мая 1949 года и была одним из первых кризисов холодной войны. Она состояла в блокаде Советским Союзом железнодорожных и автомобильных путей западных союзников в западные секторы Берлина, находящиеся под их контролем³. В целях преодоления блокады западными союзниками был организован так называемый *Берлинский воздушный мост*, заключающийся в массивной перевозке в Западный Берлин товаров по воздуху, включая уголь, причём не только для отопления, но и для электростанций.

Стена

Но самое незабываемое — это, конечно, знаменитая недоброй памятью Берлинская стена, разделяющая Западный и Восточный Берлины. Под прикрытием войск и рабочих отрядов она начала строиться 13 августа 1961 года. Уже 15 августа весь Западный Берлин был обнесён колючей проволокой и стеной общей длиной 199 километров, из коих 43 километра отделяли Западный Берлин от Восточного, а 156 километров приходилось на границу Западного Берлина с остальной, не входящей в Берлин, частью ГДР. Была прекращена также рельсовая связь между обоими Берлинами посредством S-бана и U-бана. Впрочем, часть границы между Берлинами не нуждалась в стене; это была естественная граница, образованная рекой Шпреей.

³ Началась блокада драматично: в ночь с 23 на 24 июня 1948 года в Западном Берлине погас свет: было прекращено снабжение Западного Берлина электричеством, каковое снабжение осуществлялось ГДР. В Западном Берлине в это время проживало 2 миллиона 200 тысяч человек. Вот, что происходило в Западном Берлине 8 июля 1948 года:

В Западном Берлине введены жёсткие нормы экономии электроэнергии. Остановлено движение электричек. Трамваи, троллейбусы и поезда метро ходят только с 6 часов утра до 6 вечера и с очень большими интервалами. В жилые дома электричество подаётся только на два часа утром и на два — вечером. Запрещена подсветка магазинных витрин.

([http://ru.haberler.com/russian-news-281116/.](http://ru.haberler.com/russian-news-281116/))

Вся водная поверхность реки принадлежала Восточному Берлину, и на ней плотно располагались пограничные катера ГДР.

Итак, Стена выросла в центре города в течение двух дней. За время своего существования, с 1961 по 1989 год, Стена несколько раз перестраивалась, её конструкция совершенствовалась и она становилась всё более неприступной.

Как указывает Википедия в статье «Берлинская стена» (посещение 8 апреля 2016 года), «в период, когда город не был разделён, любой берлинец мог свободно перемещаться по городу». Это свободное перемещение создавало странную ситуацию: непроницаемость Железного Занавеса парадоксально сочеталась с наличием в этом Занавесе дыры. Можно было сесть на метро и, выехав из одного Берлина, беспрепятственно приехать в другой. Как рассказывал мне Колмогоров при пересечении границы поездом метрополитена, если поезд идёт с Востока на Запад, по громкой связи произносится фраза «Конец Демократического Берлина», а при движении в обратном направлении — фраза «Конец Свободного Берлина». А может быть, вместо «конец» говорилось «вы покидаете».

Советская пропаганда внушала советским гражданам, что главная задача пограничной службы — не допускать проникновение в СССР и страны социалистического лагеря, «лагеря мира и социализма», враждебных элементов. Тем не менее, у думающей части населения было твёрдое ощущение, что главная задача в другом — не выпускать. Как и во всякой тюрьме, в людей, пытавшихся не имея на то разрешения пересечь Берлинскую стену из Восточного Берлина, стреляли на поражение (см. ниже); для пытавшихся пересечь в обратную сторону такого приказа не было. (В 1993 году я ещё получал выездную визу для поездки в Амстердам.) В оруэлловской Океании, в пропагандистском документальном фильме, показывается как раз расстрел тех, кто на утлых плавсредствах пытается из Океании бежать. К моменту строительства стены через берлинскую дыру сбежало три с половиной миллиона восточных немцев, т. е. приблизительно пятая часть населения Восточной Германии (Википедия, статья «Berlin Wall», посещение 9 апреля 2016 года). Сбежали наиболее активные, молодые, образованные, квалифицированные. Почему этой дырой не пользовались другие обитатели соцлагеря, объяснить не могу — во всяком случае я ничего не слышал о таких попытках.

Ясно, что всё это не нравилось властям ГДР и СССР. Была развёрнута мощная пропагандистская кампания. Был произведён обмен паспортов. Как мне рассказывали, въезд в Восточный Берлин для жителей ГДР, постоянно в Берлине не проживающих, был затруднён.

Затруднён был и переход границы внутри Берлина. Формально границы не было, но собирающихся её пересечь с востока на запад расспрашивали, зачем они это делают и доходчиво объясняли, что этого делать не надо. Пытающихся сбежать ждало серьёзное наказание, но толку от этого было мало (упомянутая статья «Berlin Wall» в Википедии).

С точки зрения восточногерманских властей положение было нетерпимое. Надо было предпринимать радикальные меры. Такой мерой было сооружение Стены. Что и было сделано. Войскам, охраняющим Стену, было приказано по пытающимся тем или иным способом проскользнуть сквозь неё в направлении с востока на запад стрелять на поражение. Не менее ста человек были таким образом убиты. К тем, кто пытался пробраться в обратном направлении, огнестрельное оружие не применялось, с ними всего лишь разбирались.

Я знал, что в Западном Берлине есть Музей Стены, и побывать в нём было моей приоритетной целью. Музей находился у самой Стены или даже в Стене на месте бывшего пропускного пункта «Чарли» («Checkpoint Charley»). Я не отказался от привилегии, предоставляемой музеем гражданам Советского Союза и его сателлитов: посещение Музея для этой категории было бесплатным. Хороший рассказ о Музее — в основном о хитроумных способах преодоления Стены — с ясными иллюстрациями и минимумом текста читатель найдёт на Интернет-странице <http://www.europeanbelarus.org/be/news/2009/11/11/998/>. Здесь я расскажу о личных впечатлениях.

Первое, что бросилось в глаза, был автомобиль. Посетителям Музея предлагалось найти в нём то пространство, в котором мог спрятаться человек, причём спрятаться так, чтобы пограничная стража его не обнаружила. При этом посетителям разрешалось разбирать автомобиль на части с единственной просьбой потом всё восстановить, как было. Я не стал даже браться за эту задачу.

К каким только ухищрениям не прибегали восточные немцы, чтобы убежать из Восточного Берлина, и западные немцы, чтобы кого-то оттуда вывезти! Запомнилось два таких ухищрения.

Первое. Очень низкий автомобиль проезжает под закрытыми шлагбаумами и, оказавшись по ту сторону границы, сразу останавливается. Останавливается он по причине исчерпания топлива, поступающего в мотор чуть ли не из кармана водителя. А в бензобаке спрятан беглец или беглянка. После этого был построен лабиринт заборов, через который должен был проехать автомобиль после шлагбаума.

Второе. Человек вышел ночью на крышу одного из высоких зданий, расположенных вблизи Стены с её восточной стороны и выстрелил из арбалета небольшим якорем в сторону Западного Берлина. К якорю

была прикреплена исключительно прочная нить, другой конец которой оставался в распоряжении арбалетчика. Якорь зацепился за что-то на западной стороне, свой конец нити человек закрепил на крыше. Западный конец нити оказался много ниже восточного, так что нить, будучи натянута, спускалась с востока на запад. После всех этих подготовительных работ человек поставил на нить колёсико с жёлобом по его периметру, так чтобы она не могло соскользнуть. На ось колёсика с обеих сторон были надеты петли, за которые можно было держаться. Ухватившись за эти петли, человек на огромной скорости пронёсся над Стеной и пограничниками. После этого жильцы всех домов Восточного Берлина, расположенных вблизи стены, были выселены, и подступ к стене с её восточной стороны стал невозможным.

В то время, как Западный Берлин жил в буквальном смысле слова под Стеной, каковая с западберлинской стороны была сплошь покрыта граффити, со стороны Восточного Берлина вдоль Стены размещалось несколько этапов укрепления. По мере приближения к самой Стене эти укрепления состояли из:

- 1) специальной запретной зоны с предупредительными табличками;
- 2) рядов противотанковых ежей (альтернативный вариант: зона, усеянная металлическими шипами, в разговорной речи получившая ласковое название *газон Сталина*);
- 3) металлической сетки с колючей проволокой и сигнальными ракетами, преодолев которые срабатывала сигнализация, оповещавшая пограничников о попытке пересечения; патрульной пограничной зоны;
- 4) далее размещалась выравниваемая широкая полоса из песка для обнаружения следов;
- 5) и, наконец, сама стена, на другой стороне которой кипела западная жизнь.



Вид на Стену со стороны Восточного Берлина (слева) и со стороны Западного Берлина (справа).

Но ни полоса отчуждения, ни тем более укрепления с восточноберлинской стороны не могли появиться мгновенно. Возникла архетипическая ситуация, когда люди могут наблюдать происходящие события, но их мышление не может преодолеть некий консервативный барьер, препятствующий преобразовать наблюдение в действие. Сколько евреев могли уехать из Германии, когда их положение в этой стране стало неуклонно ухудшаться, но выезд ещё был свободным. С Берлинской Стеной происходило примерно тоже самое — с заменой слова *неуклонно* на слово *стремительно*. Не могу забыть экспонированных в музее фотографий, отражающих поведение жителей Восточного Берлина, когда они осознали, что происходит. Эти фотографии раздирали душу. Среди них выделялась фотография немолодой женщины, пытающейся вылезти через окно из комнаты в Восточном Берлине, на улицу, расположенную уже в Берлине Западном. В первые дни строительства Стены такая география была ещё возможна. Женщину удерживали присутствовавшие в комнате военные и их гражданские подручные. Но за окном хватало сочувствующих, старающихся перетянуть её в свою сторону. Кажется, их было больше, и к тому же большая часть тела уже находилась снаружи, так что драма должна была завершиться оптимистически.

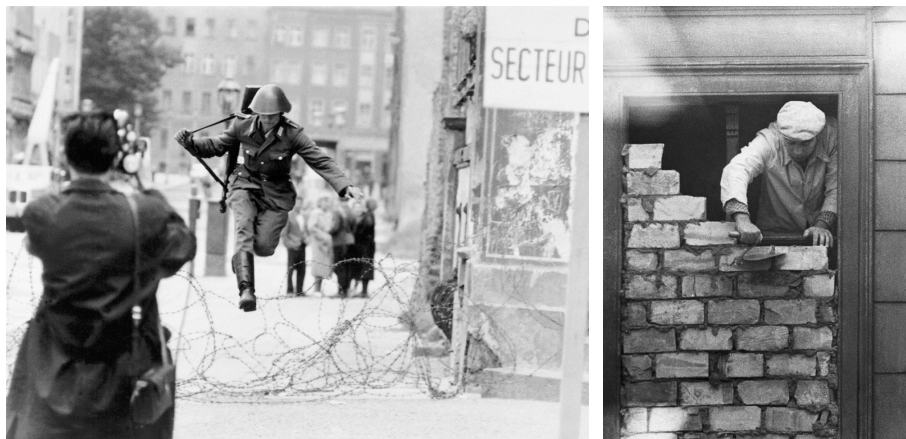
Вот несколько комментированных фотографий, 12 апреля 2016 года взятых с сайта <http://bel-ok.livejournal.com/1756889.html>:

Здания по улице Bernauer Straße оказались в пограничной зоне, и люди, чувствуя, что ловушка захлопывается, стали прыгать из окон.



Сержант Conard Schuman со своего поста наблюдал за ними, наблюдал, да и тоже прыгнул, пока не поздно. Одно из самых

известных фото Берлинской стены. В течение недели, пока строили эту стену, таким же образом сбежало 85 солдат.



Потом 2000 человек с Верпауег Straße отселили и окна заму- ровали.

За время существования Стены из Восточного Берлина сбежало 5075 человек: вплавь, через канализацию, через подкопы, разбивая бульдозером кусок Стены, перелетая через неё (это когда из Западного Берлина прилетали на частном самолёте и вывозили кого-то). 588 человек были убиты или погибли при пересечении этой Стены.

С западной стороны Стены стояли вышки, на которые всякий мог подняться и заглянуть за Стену. Я поднялся и увидел, что с восточной стороны идёт вторая стена, а между ними — вспаханная земля, колючая проволока, иногда собаки и пограничники. До этого я не знал, что Стена двойная. Как раз от моей вышки через Стену был перекинут мост, вход на который с западной стороны был свободным. С восточной стороны мост упирался в башню с дверью в ней. Нет, это неправильно: мост не упирался, потому что башня при- мыкала к кромке моста, мост несколько метров шёл вдоль боковой стены башни, и именно в этой боковой стене была дверь, так что внутрь двери с запада заглянуть было невозможно. Когда я был на вышке, туда поднялись двое, мужчина и женщина. Они простились, и женщина с сумками пошла по мосту. Мужчина смотрел ей вслед с выражением лица, которое я не в состоянии передать. Женщина несколько раз останавливалась и оборачивалась. Ощущение было такое, что они не знали, увидятся ли когда-нибудь впредь — как если бы женщина спускалась в ад. Наконец, она дошла до башни, останови- лась, оглянулась в последний раз, вошла в боковую дверь и исчезла.

Мне выпало посетить Западный Берлин в последние месяцы существования Стены. Вечером 9 ноября 1989 года Берлинская стена пала. К этому времени она уже потеряла своё значение, так как ряд стран советского блока открыл свои границы, и Железный Занавес стал дырявым. Вот как описывает падение Стены Википедия:

9 ноября 1989 года в 19 часов 34 минуты, выступая на пресс-конференции, которая транслировалась по телевидению, представитель правительства Гюнтер Шабовски огласил новые правила выезда и въезда из страны. Согласно принятым решениям, граждане ГДР могли получить визы для немедленного посещения Западного Берлина и ФРГ. Сотни тысяч восточных немцев, не дожидаясь назначенного срока, устремились вечером 9 ноября к границе. Пограничники, не получившие приказов, пытались сперва оттеснить толпу, использовали водомёты, но затем, уступая массовому напору, вынуждены были открыть границу. Встречать гостей с Востока вышли тысячи жителей Западного Берлина. Происходящее напоминало народный праздник. Ощущение счастья и братства смыло все государственные барьеры и преграды.

Обстоятельства, при которых мне довелось узнать о падении Стены, были отчасти трогательными. Я ехал на автобусе по американской глубинке из города Итака, что в штате Нью-Йорк, в город Филадельфия, что в штате Пенсильвания. В Скрантоне мне предстояла пересадка, и я опасался, что могу не успеть к посадке на следующий автобус. Когда я поделился своими опасениями с водителем, он не без лёгкого раздражения сказал мне: «Но у вас же билет». Билет был до Филадельфии, и это означало, что проблема пересадки — это проблема не моя, а автобусной компании. Действительно, в Скрантоне я видел, как из ангара выкатывают пустой автобус для пассажиров, опоздавших на пересадку (другую, не мою). Читатель справедливо заметит, что сказанное касается организации автобусного движения в восточных штатах США в 1989 году и к Берлинской стене не имеет отношения. Провожавшая меня в Итаке Таня Корельская объяснила водителю, что я русский, и попросила посадить у окна, чтобы я мог наслаждаться видом из оно́го. И я наслаждался. В Скрантоне я пересел в новый автобус, но информация обо мне была передана новому водителю, и меня снова посадили у окна. И старый, и новый водитель оба слушали радио.

И вдруг водитель, не упомяну, было это до ли после пересадки, громко и очень взволнованно объявил: «Пала Берлинская стена». Его волнение произвело на меня неизгладимое впечатление. Чувствовалось,

что вопрос Стены для него глубоко небезразличен. По мнению водителя, небезразличен он был и для пассажиров автобуса. Более того, он громко высказал мнение, что более всего это событие касается меня. Он попросил пассажиров выделить кого-нибудь, кто мог бы поговорить со мною по-русски в этот чрезвычайный момент. Меня всегда занимала социология временных, случайно образовавшихся коллективов, таких как очередь, пассажиры вагона и т. п. Было занятно наблюдать, как по законам этой микросоциологии из разрозненных людей образовалось общество. Это общество выделило из себя представителя для переговоров со мной. Место рядом со мной освободили, и на него сел выделенный представитель, точнее села, потому что это была женщина. Я не смог говорить с ней ни на каком языке, кроме моего плохого английского: вся её русскость заключалась в том, что её отец был словак. Но по убеждению автобуса, этого было совершенно достаточно, чтобы признать её русской.

Падение Стены, о которой объявил водитель автобуса, не было, конечно, буквальным. Стена как материальный объект ещё некоторое время оставалась. Но очень быстро она подверглась стихийному разрушению почти дотла немцами, действующими с обеих её сторон, но преимущественно с восточной. Я сразу понял, что это ошибка, которую, впрочем, невозможно предотвратить: эмоциональный порыв был слишком силён. И действительно, впоследствии её стали собирать по кусочкам — не всю, но в отдельных местах — как исторический памятник.

Отъезд

Но вот, 3 августа 1989 года, наступил последний вечер моего пребывания в Западном Берлине. На следующее утро мне предстояло его покинуть и улетать в СССР.

Мне захотелось совершить последнюю и притом бесцельную прогулку по западноберлинским улицам. Меня привлёк выставленный на тротуаре плакат, обещавший дешёвое по цене, но не слишком низкого качества пиво. Я не большой любитель пива, но мысль посетить в последний вечер пивную мне понравилась. Пивная была набита народом. У стойки я выпил кружку и у меня возникли разногласия с хозяином о цене. Он предъявлял мне преёскурант, я же опирался на уличный плакат. Мой немецкий был более чем слаб, поэтому действуя скорее жестами, я вывел хозяина на улицу и показал плакат. Некоторое время он в недоумении на него смотрел, но когда плакат дошёл до его сознания, он безропотно вернул мне несколько монет. Но в процессе общения с ним выяснилось, что я

русский, и эта информация распространилась по пивной. Пока я раздумывал, не выпить ли мне ещё кружку, передо мной появилась наполненная рюмка. «Шнапс», — сказал хозяин. Я дал понять, что я не заказывал шнапса. На что мне было разъяснено, что платить за него не надо, потому как шнапс предложен мне в дар одним из посетителей. Посетитель был мне указан. Это был человек на вид лет 60 в пиджаке и рубашке, требующей пристяжного воротничка, каковой воротничок, однако, отсутствовал. Мне с детства было известно социальное значение отсутствия пристяжного воротничка у рубашек, такой воротничок требующих. Я поймал взгляд неизвестного благодетеля, и мы вежливо подняли наши рюмки, приветствуя друг друга. Когда я поставил пустую рюмку на стойку, я обнаружил там новую наполненную рюмку. Не без удовольствия я выпил и её. При поглощении третьей рюмки я почувствовал лёгкое похлопывание по плечу. Это был всё тот же неизвестный благодетель. Было видно, что ему доставляет удовольствие поить меня шнапсом. Приобняв, он похлопывал меня по плечу, говоря при этом «Горби!». На Западе в это время начинался культ Горбачёва. Четвёртой рюмкой мы с ним чокнулись, и тут я вспомнил, что у меня ещё не собраны вещи. Не без сожаления я покинул гостеприимную пивную и пошёл упаковываться.

На следующее утро меня ждало новое приключение. Гостиница предъявила мне счёт на 8 марок, которых у меня не было. Моё проживание оплачивалось Оргкомитетом Конференции; и вёл я себя очень осторожно, в частности, не пользовался мини-баром и ничего не заказывал в номер, так что эти 8 марок были для меня совершеннейшей — и неприятной — неожиданностью. Оказалось, что это оплата за пользование телефоном. Мне не пришло в голову, что внутригородские звонки могут быть платными. В основном я звонил участникам Конференции в другие гостиницы. Самое обидное, что значительная часть указанных 8 марок приходилась на разговоры, которых на самом деле не было. Поясню. У всех участников Конференции в гостиничном номере стоял телефон. Однако доступ к нему вызывающей стороной был устроен по-разному. В некоторых номерах стоял прямой городской телефон, и если вызываемый мною абонент отсутствовал, то после осознания этого обстоятельства я клал трубку, а разговор, которого не было, не оплачивался. В других номерах телефон был соединён только с ресепшеном. И когда я звонил, мне отвечал сотрудник ресепшена, коего я должен был просить соединить с нужным мне гостиничным номером. Чаще всего после некоторого выяснения мне отвечали, что в данный момент в номере никого нет. Но разговор считался состоявшимся и подлежал оплате.

Выручил меня профессор Дирк Зифкес, который любезно обещал заехать за мной в гостиницу и довезти меня на своём автомобиле до пропускного пункта. Он не только выполнил своё обещание, но и заплатил пресловутые 8 марок.

Я перешёл пропускной пункт и совершил обратный путь до аэропорта. Лица людей, которые повстречались мне в ГДР, показались мне угрюмыми и составили выпуклый контраст со светлыми, почти радостными лицами жителей Западного Берлина.

Прибавление

В апреле 2003 года мне дважды довелось побывать в Германии — и оба раза по мемориальным причинам.

Первый визит был связан с наступающим 90-летием выхода статьи Андрея Андреевича Маркова старшего «Пример статистического исследования над текстом „Евгения Онегина“, иллюстрирующий связь испытаний в цепь»⁴. По-видимому, именно это исследование привело Маркова к важнейшему понятию теории вероятностей — понятию *цепь Маркова* (разумеется, этот термин употреблялся последователями, а не самим автором понятия). Для проведения своего исследования Марков лично выписал первые 20 тысяч букв пушкинской поэмы. Его сын, Андрей Андреевич Марков младший, также известный математик, считал, что с исследований его отца началась математическая лингвистика. Названное 90-летие было отмечено конференцией, которую провёл Центр технологий культуры имени Германа Гельмгольца Берлинского университета имени Вильгельма фон Гумбольдта, а также книгой, вышедшей по материалам конференции⁵. В этой книге, кстати, по моему настоянию, факсимильно воспроизводятся выписанные Марковым 20 тысяч букв «Евгения Онегина».

Вторая мемориальная причина — проводимая Гейдельбергским университетом конференция в память столетия со дня рождения Колмогорова, родившегося в апреле 1903 году по обоим, юлианскому и григорианскому, календарям (12-го по первому и 25-го по второму). Расписание Гейдельбергской конференции было согласовано с проводимым сразу вслед за нею, с 27 апреля по 2 мая, семинаре в замке Дагштуль (Schloss Dagstuhl): «Centennial Seminar on Kolmogorov Complexity and Applications» (Dagstuhl Seminar 03181).

⁴ Известия Императорской академии наук. — Сер. 6. — 1913. — Т. 7. — Вып. 3. — С. 153—162.

⁵ *Andrej A. Markov*. Berechenbare Künste / Herausgeber Philipp von Hilgers, Wladimir Velminski. — Zürich: Diaphanes Verlag, 2007. — 192 s.

Во время первого из двух апрельских визитов я прилетел в аэропорт Шёнефельд, до воссоединения Германии находившийся в Советской Зоне, в ГДР, в Восточном Берлине. При проходе через границу я почувствовал себя в Советском Союзе во времена глубокого застоя. Говорили со мной недоброжелательно, как бы подозревая, что я собираюсь преступным образом проникнуть в Германию для совершения различных неблагоприятных дел. С меня потребовали приглашение на конференцию и долго и недоверчиво его обнюхивали. Потребовали также предъявить обратный авиабилет. Наконец, с неохотой поставили разрешительный штамп. Было ясно, что представитель пограничного контроля имеет въевшийся в него опыт работы в органах. При втором визите я и несколько моих коллег прилетели во Франкфурт. Я стал совать пограничнику обратный билет, приглашение в Гейдельберг, приглашение в Дагштуль. На все эти бумаги пограничник не взглянул, быстро, но внимательно посмотрев лишь на визу, проставленную в паспорте германским консульством в Москве. Поставив печать, он выкрикнул «Next» и был недоволен, что я замешкался, собирая документы, оказавшиеся ненужными.

Сравнение двух германских аэропортов — отягощённого советским прошлым и неотягощённого — оказалось похожим на сравнение словацкого и чешского аэропортов в 1995 году. Как известно, одним из результатов Первой мировой войны был распад Австро-венгерской империи, вследствие чего в Европе возник ряд новых государств. В том числе в ноябре 1918 года возникло государство Чехословакия, каковое с 1 января 1993 года само распалось на два отдельных государства, Чехию и Словакию. Словакия воспринималась как более «советская» по менталитету, нежели Чехия. В упомянутом 1995 году я летел из Москвы в Амстердам самолётом компании «Чешские авиалинии». Рейс предусматривал промежуточную посадку в аэропорту Братиславы, столицы Словакии. Самолёт остановился на лётном поле, и из него выпускали только летевших до Братиславы. Я выглянул в окно. Самолёт был оцеплен вооружёнными людьми в форме с автоматами наперевес. Обстановка была серьёзная и неприятная. К счастью, довольно скоро мы взлетели. На обратном пути непогода вынудила нас приземлиться в каком-то провинциальном аэропорту на территории Чехии. Государственную границу образовывал деревянный барьер по грудь человека; в барьере была дверка, от открытия которой удерживала лишь предостерегающая надпись. Граница никем не охранялась. Я неоднократно открывал дверку и проходил сквозь границу, так как за барьером находилась та часть аэровокзала, где было окошко справочного бюро. Никто меня не останавливал.

Наш ЖСК «Советский писатель»

В начале 1962 года наша семья: Светлана, трёхлетний сын и я — получила ордер на трёхкомнатную квартиру в жилищно-строительном кооперативе (ЖСК) «Советский писатель» у метро Аэропорт. Наконец, наша семья смогла объединиться. До этого мы со Светланой жили в квартире моих родителей в Тихвинском переулке, а сын жил с моей тещей в Большом Спасоглинищевском переулке. С осени мы стали там жить, и сын пошёл в детский сад Литфонда, построенный одновременно с нашим домом и видный из окна нашей новой квартиры.

Получить эту квартиру было непросто. Во-первых, в те времена, чтобы вступить в какой-либо ЖСК, было недостаточно внести соответствующую сумму. Надо было ещё доказать, что количество метров на человека в старой квартире меньше некоей нормы. У нас на какую-то незначительную величину названное количество было выше нормы. Однако Светлана была беременной, и по справке из женской консультации ещё не родившегося ребёнка учли при подсчёте метража, и тогда получалось, что количество метров ниже нормы. Во-вторых, у нас не было денег. Тут помог известный коллекционер Илья Самойлович Зильберштейн (1905—1988), в квартире коего на стенах висели драгоценные картины, а в ларцах иные ценности¹,

¹ Однажды Зильберштейн спросил меня: «Хотите посмотреть истинную редкость?». И вынул из обёрнутого в какую-то материю ларца альманах «Северные цветы» на 1832 год, изданный Пушкиным в 1831 году. До того альманах издавался Дельвигом, скончавшимся в январе 1831 года. В показанном мне выпуске альманаха, оказавшемся последним, Пушкин опубликовал, в частности, такие знаменитые свои произведения, как «Моцарт и Сальери», «Анчар», «Бесы». В предисловии к этому выпуску альманаха было сказано, что вся выручка от продажи этого альманаха (которой, кстати, не оказалось) предназначена для вдовы Дельвига, оставшейся без средств к существованию. Но, пожалуй, самой замечательной была дарственная надпись, сделанная Пушкиным и им подписанная: «Дорогому Евгению Абрамовичу Баратынскому». В 1960—1970-х годах Илья Самойлович женился на младшей его лет на 20 Наталье Борисовне Волковой, каковая была

впоследствии создатель Музея частных коллекций (рядом с Музеем имени Пушкина)², в прошлом — единственный зарегистрированный из мужей моей тётки. Он любил Светлану, их отношения напоминали отношения отца и дочери. Он требовал, чтобы она родила ему «с крантиком». Он сказал ей: «У меня, как у всякого коллекционера, денег нет. Я дам тебе оттиск графики Бенуа, подписанный автором, а ты его продашь. Его подпись показывает, что оттиск делал сам Бенуа, и коллекционеры за это ухватятся». И дал оттиск известной иллюстрации Александра Бенуа к поэме Пушкина, где Медный всадник нависает над убегающим обезумевшим Евгением.



Бюст И. С. Зильберштейна в Музее частных коллекций.

Светлана продала его в букинистический магазин, но к вырученной сумме пришлось ещё что-то докладывать. Всё равно сумма получилась недостаточной для того, чтобы даже мечтать о трёхкомнатной квартире. В заявлении о вступлении в кооператив, поданном осенью 1958 года, мы просили дать нам самую маленькую двухкомнатную квартиру. И таковая нам была выделена в ещё строящемся доме. Дом был замышлен как восьмиэтажный. Однако в процессе строительства было решено увеличить количество квартир, и вместо чердака сделали девятый этаж. Квартиры там имели недостатки: более низкие потолки, между которыми и крышей не было ничего, даже какой-либо пустоты, и поначалу эти крыши протекали прямо в квартиры; служебные трубы, которым место на чердаке, проходили прямо в квартире. Зато квартиры и стоили значительно дешевле. Не без труда, с использованием личных знакомств, удалось поменять выделенную нам двухкомнатную квартиру на трёхкомнатную на девятом этаже. (Я потом любил говорить, что живу на девятом этаже восьмиэтажного дома.) Дом всё ещё строился, и строился долго.

директором Центрального государственного архива литературы и искусства (ЦГАЛИ). По этому поводу М. В. Ардов высказался так: «Зильберштейн — коллекционер такого масштаба, что может жениться только на государственных архивах».

² Поразительный по похожести бюст Зильберштейна стоит в этом музее.

В течение строительства в Большом зале Центрального дома литераторов (ЦДЛ) неоднократно проходили общие собрания пайщиков нашего кооператива. На все из них я ходил. Это было интересно. Планы строительства всё время менялись. Сперва собирались строить панельные хрущёвки по проекту Лагутёнка, иногда называемые «лагутенками». Только много позже поменяли этот проект на кирпичный дом. Во время собраний все пайщики чего-то хотели. Правление кооператива, действуя в своих интересах, умело отвечало на эти хотения. Запомнились два выступления. Первое сделал невысокий пожилой еврей, который вышел на сцену, чтобы спросить: «Будут ли в квартирах антресоли?». Получив ответ председателя правления кооператива, что это пока неизвестно, он очень громко и очень эмоционально заявил «В таком случае я требую занести мой вопрос в протокол собрания». И покинул сцену с видом победителя. Это был Эзра Ефимович Левонтьин (1891—1968). Впоследствии я обнаружил, что он живёт со мной в одном подъезде в трёхкомнатной квартире на третьем этаже, но не подо мною, а напротив. Сейчас там живут его потомки. Ещё более впоследствии я узнал, что он был известен вышедшим в 1928 году сборником стихов «Фелука», а с тех пор работает как переводчик стихов, что родился он в Тегеране, а потом жил в Париже и своим родным языком считает французский.

Второе выступление — это моё. Я выступил на финансовую тему. Моя квартира была с так называемой «лоджией», что её удорожало. Но на девятом, чердачном этаже, что её удешевляло. Схема оплаты, предложенная правлением ЖСК, меня не устраивала. К неудовольствию правления мною была предложена другая схема. Я выступал очень эмоционально, упирая на то, что мы, общее собрание пайщиков, есть верховный орган и как мы решим, так и будет. И потребовал немедленно, здесь и сейчас, провести голосование. Проголосовали поднятием рук, и собрание меня поддержало. Конечно, никаких мандатов не было, поэтому голосовали все присутствующие. В частности за моё предложение голосовали я, моя жена Светлана (что было незаконно, потому что пайщиком был только я), наш друг Катя Малаховская (08.12.1936—04.02.1988), представляющая своего мужа-пайщика Колю Томашевского (01.03.1924—09.08.1992) и Зализняк, не имеющий к кооперативу никакого отношения. Зализняк пришёл посмотреть на зрелище. Перед своим выступлением я сказал ему, что если голосование будет в мою пользу, я дам ему денег, чтобы он мог пригласить Катю отобедать с ним в ресторане ЦДЛ. Катя была настолько прелестна, что его согласие было мне очевидно, и я этого согласия даже и не спрашивал — такой подарок!

В Катином согласии я тоже не сомневался. Проголосовали в мою пользу, и Зализняк получил обещанный подарок. Оба остались довольны обедом. А правление ЖСК меня невзлюбило.

Первоначальный мой адрес был: 2-я Аэропортовская улица, дом 16. Эта короткая ныне не существующая улица шла между 1-й Аэропортовской и улицей Черняховского, параллельно им обеим. Когда я пришёл посмотреть на ещё не начавшееся строительство, я обнаружил, что на этой улице на чётной стороне стоят один или два полуразвалившихся деревянных домишек, один из которых и дал адрес нашему ЖСК. На нечётной стороне я увидел монументальное семиэтажное здание ЖСК «Московский писатель», построенное в 1957 году. Первоначально в этом здании на первом этаже и в подвальных помещениях располагалась поликлиника Литфонда, а также писательский детский сад (и там, и там я бывал, когда переехал на Красноармейскую улицу); потом они переехали в отстроенные для них неподалёку специальные здания. Ныне на доме помещены памятный барельеф, посвящённый Марку Лисянскому, автору стихов, ставших гимном Москвы, и доска в память об Александре Галиче. С самого начала и в разное время в этом доме жил ряд известных и менее известных писателей. С одним из них, драматургом Исидором Владимировичем Штоком (19.03.1908—18.09.1980), известном советскому зрителю по пьесе «Чёртова мельница», поставленной Сергеем Образцовым в своём кукольном театре, я с детства был на ты, у других бывал дома (например, у Надежды Вольпин, матери Есенина-Вольпина, отцом коего был Есенин, мемуаристки и очень остроумной фельетонистки Натальи Ильиной³, проживавшей с мужем, известным лингвистом А. А. Реформатским, у Фриды Вигдоровой, прославившейся документальной записью процесса над Иосифом Бродским), третьи хотя бы раз бывали у меня (так, однажды в нашей со Светланой квартире пел Галич⁴, которого я также видывал на квартире

³ Я благодарен ей за то, что она время от времени вывозила на своём автомобиле нашего сына-дошкольника и его родителей (Светлану и меня) за город на природу. Наше общение, много лет довольно тесное, охладело после того, как я ей высказал своё мнение по поводу её очерка «Путешествие со старым другом по Италии», опубликованного в «Новом мире». Я сказал ей, что считаю неприличным печатать очерк такого содержания, когда никого за границу не выпускают.

⁴ Его пение прерывала его вторая (с 1947 года) жена Ангелина Николаевна Шекрот (Прохорова), с которой он прожил почти тридцать лет и которую он и многие вокруг называли Нюшей. Считая его пение чем-то второсортным, она говорила: «Саша! Ну что ты всё поёшь и поёшь. Ты почитай свои стихи». В конце концов, великий бард не выдерживал и начинал читать свои стихи, довольно посредственные.

в нашем ЖСК у общих знакомых), с четвёртыми был знаком лишь шапочно.

Наконец, весной 1962 года наступил великий день: нам выдали ордер на квартиру, и с осени 1962 года мы стали в ней жить. Мы со Светланой переехали из родительской квартиры в Тихвинском переулке, а сын из комнаты моей тёщи в Спасоглинищевском переулке — мы впервые объединились. Сын начал ходить в детский сад Литфонда, построенный более или менее одновременно с нашими окнами и отделённый от него проволочным забором. Наш дом был построен покоем⁵, мы жили в перекладине. И перекладина, и ножки имели по три подъезда. Перекладина имела с обеими ножками общую крышу и была также соединена с ними лоджиями, имеющимися на всех этажах, кроме первого. Лоджии «втыкались» в торцы каждой из трёх составляющих дома. Каждая из них была разделена пополам непрозрачной лёгкой, чуть ли не фанерной, перегородкой. Считалось, что в случае пожара её будет легко разрубить и спастись в другой части дома. Из тех же противопожарных соображений на последнем этаже каждой из трёх частей проходил сквозной коридор, соединяющий все три подъезда. Первоначально коридор преграждали запертые двери, но по прошествии времени, хотя и немало, двери исчезли. Коридор позволял жителям каждой из составляющих переходить из любой квартиры в любую, не выходя на улицу. Помню радостную встречу Нового, 1963-го года, в нашей перекладине, когда двери всех квартир и в сквозном коридоре были не заперты, и все переходили из одной квартиры в другую. На девятом этаже «перекладины», по причине коридора, было всего две трёхкомнатные квартиры, обе в крайних подъездах и обе с лоджиями, и мы получили одну из них.

И сразу столкнулись с новой проблемой — с отсутствием телефона. В отличие от начала XXI века, когда, купив квартиру в новом доме, покупатель получает коробку без пола, дверей и сантехники, тогда новые квартиры строились не только с названными удобствами, но и с обоями и ввинченными лампочками, свисавшими с потолка на проводах. Но без телефонов. Телефоны были в каждом подъезде у консьержек, которые назывались вахтёршами. Но им строго-настрого было запрещено предоставлять телефон для частных разговоров. Телефоны служили для служебных переговоров и вызова служб экстренной помощи. А нам позвонить вообще никто не мог. Особенно страдал получивший в нашем доме квартиру парикмахер Литфонда Моисей Маргулис. Он работал в подвале или полуподвале

⁵ *Покрой* — старое название буквы *пэ*.

Центрального дома литераторов (вход был с улицы Воровского, ранее и ныне Поварской, а пристроенного нового здания ЦДЛ со входом с улицы Герцена, ранее и ныне Большой Никитской, тогда не было). Он был легендарной фигурой, стриг многих известных писателей, и про него ходило много историй **1**.

Однажды я сдуру постригся у него, и за простую стрижку он слупил немислимую сумму. Телефон был ему необходим, так как он принимал по телефону частные заказы. Я помню его трагическую фигуру, в отчаянии метавшуюся по двору. Мобильные телефоны появились много позже. У меня телефона не было ещё в 1963 году; это я помню точно: в тот год я защищал докторскую диссертацию, и телефон мне был нужен позарез. Приходилось звонить из телефона-автомата, а нам не мог позвонить никто. Потом телефон установили, но соединение, хотя и автоматическое, происходило через коммутатор, установленный в нашем ЖСК; пробиться через этот коммутатор было довольно сложно: большинство жильцов работало дома. Потом коммутатор отменили, ввели прямой номер, но он был спарен с другим номером нашего дома, т. е. оба номера шли через один и тот же кабель, и когда один из номеров был занят, то по другому номеру соединение оказывалось невозможным. Летом 1972 года мой сын заболел в Юрмале менингитом и лежал в больнице, но и позвонить в Ригу, и получить звонок оттуда было затруднительно⁶. Годы спустя меня ввели в Учёный совет Института проблем передачи информации (ИППИ) Академии наук, и тогда, через возникшие связи, удалось получить неспаренный телефон (как говорили тогда, *распарить* свой телефон).

Наш адрес был: Москва, 2-я Аэропортовская улица, дом 16, квартира 138. Соседнюю квартиру с номером не то 137, не то 139, единственную, имеющую с нами общую стену, получил Сергей Сергеевич Иванько. Впоследствии Иванько стал известен как герой повести «Иванькиада» Владимира Войновича, жившего в соседнем ЖСК «Московский писатель». Но чтобы стать героем этой повести, Иванько должен был переехать в названный ЖСК. А для этого проживавший в нём Николай Иванович Богданов (1906—1968) должен был развестись со своей женой и жениться на молоденькой (кажется, медсестре из поликлиники Литфонда). Богданов был известным в 1920-е годы писателем, автором нашумевшей повести «Первая девушка» (1929 год), вскоре запрещённой за избыточный реализм в описании советской действительности и реабилитированная

⁶ Я вынужден был находиться в Москве, так как в тот год был председателем экзаменационной комиссии по математике для абитуриентов гуманитарных факультетов МГУ.

только в хрущёвскую оттепель. Жильцы ЖСК «Московский писатель» затравили его за развод со старой женой, и он вынужден был срочно переезжать. Он поменялся с Иванько, потеряв в площади. А Иванько приобрёл квартиру, соседнюю с той, которая внезапно освободилась и которую получил Войнович решением общего собрания ЖСК в порядке улучшения жилищных условий. На эту освобождённую квартиру стал претендовать Иванько (как выяснилось впоследствии, гэбэшник). Дело в том, что он так усовершенствовал свою квартиру, что уже бросить её никак не мог, а мог только расширяться вбок. История тяжбы Войновича с Иванько и составляет сюжет увлекательной «Иванькиады». Что же касается соседней с нами 137-й или 139-й квартиры, то сейчас там живут уже четвёртые жильцы. Вообще, в нашем доме уже мало осталось тех, кто живёт в нём с момента первоначального заселения.

Из моих окон иногда можно было наблюдать кое-что интересное. Например, однажды я видел, как прославленного в сталинские времена писателя Семёна Бабаёвского, пьяного в доску, вела под руку, а скорее, тащила на себе упитанная, во вкусе тащимого, официантка ресторана ЦДЛ в кружевных передничке и наколке. Лет через двадцать с хвостиком после нашего вселения во дворе я встречал поэта Межирова, которому жаловался, что никак не могу женить моего сына: не вижу подходящей невестки. А впоследствии подружился с Людмилой Улицкой, ставшей с начала 1990-х годов моей соседкой по двору.

Когда осенью 1962 года мы вселились в наш дом, 2-я Аэропортовская улица ещё существовала. Дом наш был вдали от Красноармейской улицы, потому что так, как эта улица идёт сейчас, она шла от своего начала примерно до Авиационного переулка, а потом делала небольшой излом, и начинала идти правее, всё более удаляясь от Ленинградского проспекта. Она пересекала улицу Черняховского и продолжалась между Шебашёвским проездом и Часовой улицей; ныне это продолжение стало безымянным проездом. Улица Усиевича была непроезжей в значительной своей части. Я работал по совместительству во Всесоюзном институте научной и технической информации (ВИНИТИ), расположенном на Балтийской улице, под которой ныне проходит Алабяно-Балтийский тоннель. Часто я ходил туда пешком по улице Усиевича. В непроезжей её части я шёл по тропинке сквозь рощу. В начале улицы Усиевича на месте домов № 1 и № 2 и улицы Черняховского, № 5, строение 2, располагался Инвалидный рынок, которым мы пользовались. (Потом этот рынок перенесли на Часовую улицу, и он стал называться Ленинградским,

но старожилы ещё долго именовали его Инвалидным; его потом сделали крытым, что старому Инвалидному совершенно не пристало; крытым Ленинградский рынок делали постепенно, и самое полезное и интересное продавалось в открытой части, ныне исчезнувшей.)

А перед подъездами нашего дома была большая лужа, по которой мальчишки катались на плотах. Как-то нас посетил А. А. Зализняк. Он припарковал свой синий «москвич» перед этой лужей. Машину угнали, точнее, пытались угнать, потому что угонщик не справился с управлением и загнал машину в лужу. Ему пришлось ограничиться разбитием окна, через которое внутрь хлынула вода, и похищением оставленного в машине плаща. Зализняку очень хотелось посмотреть, что стало с его автомобилем, но как до него добраться? Тут я вспомнил, что А. А. Реформатский, который жил, как я уже писал, в соседнем ЖСК и с которым мы к этому времени, несмотря на то, что он старше меня на тридцать лет, были уже на «ты», — охотник. У него наверняка есть болотные сапоги — до паха, а то и выше. К нему я и направился. Мне открыла дверь Наталья Ильина, за ней стоял её муж, оба несколько растерянные. Я заявил, что объясню всё потом, но попросил немедленно выдать мне болотные сапоги. Они мне были выданы, а растерянность хозяев объяснилась на следующий день. Оказалось, что у меня что-то случилось с часами и я, не подозревая об этом, пришёл к ним в начале второго ночи.

Не помню когда улицы Красноармейская, Усиевича и Черняховского приобрели современный вид, Инвалидный рынок перенесли, а улица Усиевича стала продолжением Красноармейской. Тогда каждой из трёх частей нашего дома дали собственный адрес по Красноармейской улице. Наша «перекладина» покоя, выходящая фасадом на Красноармейскую улицу, получила номер 25, «ножка», ближняя к центру с фасадом на 1-ю Аэропортовскую — номер 23, другая «ножка» с фасадом во двор, в которой в подвале расположилось домоуправление нашего кооператива, — номер 27. Соответственно, радикально изменилась и нумерация квартир, поскольку в каждой из трёх частей бывшего единого дома, сделавшейся отдельным домом, возникла своя нумерация. Так, соседняя с нашей квартира, где когда-то жил Иванько, приобрела номер 95.

Впоследствии во дворе появилось ещё одно строение с подъездами во двор, дом 29, строительство которого началось вскоре после нашего вселения и в который поселились наши друзья Коля Томашевский и Катя Малаховская, а после их смерти живёт их дочь Маша Томашевская; ей я время от времени звоню, дабы получить

консультацию как по древнегреческому и латинскому языкам, так и по вопросам структуры древнеримских личных имён.

Несколько ЖСК вокруг возникли после нашего. Так, к дому 4 по улице Черняховского, принадлежащему старому ЖСК «Советский писатель», был пристроен дом 4а, построенный кооперативом работников театра и цирка. Этим объяснялось появление лилипутов в нашей округе. Потом лилипуты исчезли. По-видимому, их перестали выставлять напоказ в цирках, что, конечно, было бесчеловечным. В этом доме поселились несколько примечательных личностей. Среди них — член РАН математик Реваз Гамкрелидзе и популярный в моё время автор и телеведущий Эдвард Радзинский, телевизионные рассказы которого об острых моментах русской истории я смотрел и слушал с удовольствием; эти его телевыступления прекрасно пародировал Максим Галкин. Я неоднократно пересекался с ним, когда он в широкополой шляпе и плаще или пальто, с надменным видом выходил из калитки дома.

А дом 2 на той же улице Черняховского был построен для кооператива «Кинороботник»; там работал Константин Симонов, о чём сообщает мемориальная доска на стене дома. По адресу улица Усиевича, дом 13 была построена кирпичная башня кооператива «Московский художник». Там, в частности, поселился мой одноклассник с 6-го класса, когда школы уже были разделены на мужские и женские, а потом известный искусствовед Женя Левитин. До 3-го класса включительно он был одноклассником моей будущей жены Светланы, с которой он познакомил меня 28 сентября 1948 года. Наконец, по адресу улица Усиевича, дом 8 было воздвигнуто здание кооператива «Драматург». Это был первый корпус этого ЖСК. Второй был выстроен по адресу улица Усиевича, дом 9, строение 5. С лета 1977 года, сразу по завершении строительства, во втором корпусе стали жить мои будущие друзья Ардовы: Людмила Викторовна и её супруг, писатель и протоиерей Михаил Викторович.

Как видим, все эти кооперативы предназначались для так называемой «творческой интеллигенции». Известно, что доля подгруппы евреев среди названной группы превышает среднюю по любому району Москвы. Посему для этого микрорайона той же подгруппой — вспомним замечательное качество евреев подшучивать над собой — была придумана кличка «Аэроаппортник».

Кто-то из жительниц названных выше ЖСК выгуливал свою собаку чау-чау — одной из китайских пород. Повстречавшаяся ей женщина из одной из стоявших неподалёку хрущёвок с чувством произнесла: «Людям жрать нечего, а жидаы с медведями гуляют».

В некотором отдалении от нашего дома, по адресу Часовая улица, дома 17 и 19, находится один первых послевоенных ЖСК Москвы — ЖСК «Сокол». Дом 17 построили, а дом 19 начали строить пленные немцы, ещё при Сталине. Поэтому в числе первых жильцов дома 17 были адвокаты, ведшие дела наших мародёрствующих генералов, а один адвокат вёл дело знаменитой певицы, исполнительницы народных песен Лидии Руслановой, с сентября 1948 по август 1953 года находившейся в заключении. В одном из подъездов дома 19 с 1970 по 1985 год на 5-м этаже жил с семьёй мой друг Миша Поливанов, с которым я был знаком с довоенных времён. Под ним на 4-м этаже проживал один из наиболее влиятельных иерархов Русской православной церкви, митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим, с 1963 по 1994 год возглавлявший второй из двух главных отделов Московской патриархии — Издательский. На 3-м этаже, под Питиримом, проживал один из лучших российских адвокатов Генрих Пáдва. На первом этаже того же подъезда жил митрополит Пимен, сделавшийся 3 июня 1971 года Патриархом Московским и всея Руси. В той же своей квартире Пимен оставался прописанным (в качестве Сергея Михайловича Извекова) до своей кончины в 1990 году. В другом подъезде дома 19 проживал видный церковный деятель, протоиерей Владимир Рожков — руководитель католического сектора первого из двух главных отделов Московской патриархии, Отдела внешних церковных сношений. Он преподавал также в Московской духовной академии, а в 1968—1970 годах изучал каноническое право в Папском Восточном институте в Риме. С Рожковым связана следующая история, рассказанная мне М. В. Ардовым. 17 апреля 1970 года Рожков был разбужен телефонным звонком. Звонило значительное церковное лицо. «Разбудите митрополита Пимена», — сказала лицо. «Я таких поручений не принимаю», — отвечал Рожков. Подумав, лицо сказала: «Дело в том, что только что скончался Святейший Патриарх Алексий. Как старший по хиротонии, митрополит Пимен становится местоблюстителем патриаршего престола. Следует ему об этом сообщить». — «Ну, пожалуй, я разбужу», — сказал Рожков. В ЖСК «Сокол» проживали и другие представители московского духовенства.

В доме 19 некогда была булочная, я её помню. Вот подслушанный кем-то разговор мывшей пол уборщицы с зашедшей её приятельницей. «Раньше я у евреев работала, а теперь вот здесь», — сказала уборщица. Выражение «у евреев» означало, в терминологии уборщицы, «в ЖСК „Сокол“».

■ [к с. 647]. Сперва — некоторые из ценимых писателями высказываний Маргулиса:

«Вчера я стриг члена Центрального комитета нашей партии, Генерального секретаря Союза писателей товарища Фадеева. Так у него грудь — совсем седой»;

«Во время войны самое главное — это выжить»;

«Что такое судьба? От судьбы не уйдёшь. Вот у меня было два приятеля. Во время войны, когда бомбили, первый брал подушку, одеяло, всё это скатывал и спускался в бомбоубежище. А второй оставался дома, хотя жил на верхнем этаже. Так что такое судьба, от неё не уйдёшь. Первый остался жив, а второго разбомбило к чёртовой матери».

В XIX веке мировую известность получила бородатая женщина Юлия Пастрана (1824—1860), по происхождению индейка из Мексики, скончавшаяся в Москве. После смерти её муж мумифицировал её тело и выставлял его напоказ в городах России и некоторых странах Европы, зарабатывая этим немалые деньги. Поскольку Пастрана была по волосяной части, обо всём этом рассказали Маргулису. Его реакция была неожиданной. Узнав о бизнесе мужа Юлии после её смерти, он сказал: «Вот это любовь!».

Теперь — факт, известный мне от свидетеля, Михаила Викторовича Ардова.

Выступая на юбилее московского Театра сатиры, его отец, Виктор Ефимович Ардов сказал: «В Союзе писателей парикмахером работает Моисей Маргулис, нагловатый, глуповатый еврей». Тут же высказался сидевший во втором ряду Иосиф Леонидович Прут: «Витя, а я передам Маргулису, как ты о нём думаешь». На что Ардов ответил ему со сцены: «Онечка, я тебя очень прошу, окажи любезность, не сочти за труд сказать при этом Маргулису, что я о тебе думаю точно так же». Зал грохнул.

Наконец, истории. Их я неоднократно слышал от ряда собеседников. Здесь я цитирую Геннадия Евграфова по сайту <http://www.alefmagazine.com/pub3090.html>:

Легенда ЦДЛ

Во второй половине XX века в ЦДЛ пользовался славой местный парикмахер, пожилой добрый еврей Моисей Михайлович. Ежедневно имевший дело с головами членов Союза писателей (СП), он считался самым остроумным человеком среди писателей и пользовался у них огромной любовью.

В связи с 50-летием его творческой работы над головами множества членов СП «Литературная газета» вышла с таким заголовком: «50 лет над головой писателя». Какие только писательские головы не попадали под его ножницы! Со всеми — секретарями СП и рядовыми членами, правыми и левыми, националистами и либералами, талантливыми и не очень — он был в хороших отношениях. Его любили и за то, что он хорошо делал свою работу, и за то, что это время можно было провести нескучно. Маргулис рассказывал разные истории из своей жизни, травил, что называется, анекдоты, вспоминал смешные случаи из жизни.

Его любили даже некоторые антисемиты, такие как поэт Сергей Смирнов, однофамилец и тёзка автора «Брестской крепости». Он был горбатым от рождения и антисемитом по призванию. Кто-то из писательских коллег-остроумцев пустил в свет о нём такую эпиграмму:

Поэт горбат,
Стихи его горбаты.
Кто виноват?
Евреи виноваты!

Но даже этот человек относился к тому, под чьи ножницы регулярно подставлял свою голову, с достаточной степенью уважения.

Маргулис и Валентин Катаев

Истории, которые рассказывал направо и налево любимец ЦДЛ Моисей Маргулис, имели большой успех в писательских кругах, многие искренне советовали ему сменить парикмахерские ножницы на перо. Но парикмахер отвечал, что он родился парикмахером и им же закончит свой славный путь, увенчанный писательскими не лаврами, а волосами.

Но самую знаменитую историю, связанную с Маргулисом, Давид Самойлов пересказал мне со слов своего знакомца, тоже поэта и переводчика Якова Козловского. А было так. Вернувшись в очередной раз из Италии, считавшийся советским классиком при жизни знаменитый Валентин Катаев пришёл в ЦДЛ пообедать, а заодно решил постричься у не менее знаменитого Маргулиса. Цирюльня Моисея Михайловича, где он ежедневно совершал свой ежедневный обряд, находилась как раз между каминной залой парткома

и Дубовым залом ресторана. Катаев, хорошо откушавши, окончательно решил совместить приятное с необходимым и завернул к Маргулису. Классик после обеда почему-то пребывал не в настроении, которое приносит хорошая (а по тем временам — очень хорошая) цэдээловская еда, и потому был молчалив и мрачен. «Как будем стричься?» — задал вопрос, не нарушая традиций, М. М. «Молча», — ответил автор ставшего классикой при жизни сочинения «Белеет парус одинокий» и ещё двух-трёх десятков романов, рассказов и пьес. Но для Моисея Михайловича работать молча было невозможно, тем более, что по писательскому дому давно гуляли слухи, что Валентин Петрович побывал на этот раз не в какой-нибудь социалистической Болгарии или в такой же социалистической Польше, а в самом ну если не сердце, то в лёгких капитализма. Поэтому он не утерпел и вступил в разговор со знаменитым клиентом. «Вы были в Риме?» — чтобы удостовериться окончательно в имевшемся факте, осторожно наклоняясь над Катаевым, спросил Маргулис. «Да», — как можно короче ответил советский классик. «И вы имели аудиенцию у папы?» — с восхищением вопрошал Моисей Михайлович, наточивая возле горла классика бритву. «Да», — как можно лаконичней и всё так же сурово и односложно отвечал Катаев. «И, склонив голову, целовали ему туфлю?» — не унимался любопытный Маргулис. Услышав в третий раз краткое «да», он не выдержал и спросил: «И что он вам сказал?». Тут уже не выдержал классик: «Ничего. Только спросил: „Какой засранец стриг тебе затылок?“». Моисей Михайлович, который в большинстве случаев выходил первым по остроумию среди обслуживаемых им именитых (или менее именитых) членов писательского союза, не просто опешил — он чуть не упал в обморок, в довольно опасной близости держа свою опасную бритву. Катаев сдёрнул с себя белоснежную простыню, отодвинул парикмахера в сторону и, не прощаясь, покинул его кабинет.

Эта история, может быть, и придуманная кем-то или самим Козловским, очень веселила Д. Самойлова. А когда у известного сценариста Дыховичного родился сын, который, выросши, стал одним из популярных актёров любимовской Таганки, а затем одним из самых интересных режиссёров последнего времени, по ЦДЛ гуляло очередное высказывание Маргулиса. Каждому очередному клиенту он говорил: «Вы слышали, у Владимира Абрамовича Дыховичного родился сын. Назвали Ваней. Я бы сказал, довольно редкое имя среди евреев».

«Золото хорошо и без романов»

Рассказывал Давид Самойлов и такую историю, известную в писательском клубе. Как-то в кресло к Моисею Михайловичу сел Борис Полевой, редактор популярного в те годы журнала «Юность», в котором печатались Белла Ахмадулина, Василий Аксёнов, Юна Мориц, Анатолий Гладилин и другие не менее популярные писатели и поэты. Не успел Полевой, неплохой публицист и нормальный русский человек, ненавидящий антисемитов, усесться в кресло, как Моисей Михайлович обратился к нему с вопросом: «Борис Николаевич, если не секрет, над чем вы сейчас работаете?». — «Я пишу роман „Золото“». — «Ну, Борис Николаевич, — ответил Маргулис, — золото хорошо и без романов».

Остров Кихну

Летом 1953 года мы с моим младшим братом Борей, родившимся 1 марта 1937 года, побывали на эстонском острове Кихну. Брат был школьником, а я в 1952 году окончил мехмат и теперь был аспирантом мехмата первого года обучения.

Площадь острова 16,4 км². Кихну — самый большой остров в акватории Рижского залива. Его протяжённость с севера на юг не превышает 7 километров, а с запада на восток составляет немногим более 3 километров. Расстояние до порта Пярну — 60 километров. Из этого порта теперь (в 2017 году) можно добраться до Кихну на пароме; дорога займёт 2,5 часа; 4 часа на яхте в безветренную погоду. Но это теперь, теперь. А тогда это была закрытая военная зона, чего я, впрочем, не знал.

Но как туда попасть? В то время мы с братом и мамой около недели жили в Пярну. Я отправился к капитану порта Пярну. Капитан оказался немолодым эстонцем. На столе у него стоял флаг СССР: капитан порта — лицо государственное. Я спросил, как попасть на Кихну. С приятным эстонским акцентом он ответил, что регулярного сообщения с Кихну нет. Тут он вышел из-за стола и подвёл меня к окну. Залив был виден слева, суша — справа. «Видите эти баржи? Некоторые из них вскоре пойдут на Кихну. Брать пассажиров им строжайше запрещено. Но можно попробовать договориться». Я был изумлён. Но поразительные — в устах капитана порта — заявления продолжались. «Баржи стоят на огороженной территории, вход на которую воспрещён. От нас территория отделена вот этим забором. Но в заборе есть дыра. Видите её? Вы не туда смотрите, смотрите правее. Теперь увидели?» ■

Мы воспользовались советами капитана порта и договорились с одной из барж, которая отплывала часа через два. Сложность состояла в том, что никто не говорил по-русски — только по-эстонски. Поэтому мы, собственно, не договаривались, а лишь спросили: «Кихну?». Нам было отвечено: «Кихну». После чего мы прыгнули с причала на баржу. На нас посмотрели, но никто не возражал.

Нужно было внимательно следить за окружающими и поступать, как они. Все спустились в трюм, и мы спустились. Все вылезли из трюма наверх, и мы вылезли. И сделали это весьма вовремя, потому что вдруг с неба в трюм обрушилось что-то белое и сыпучее. Это была мука. Через некоторое время из трюма вылез обсыпанный этой мукой человек. Скорее всего, он заснул там, внизу. Не так сильно, но мы тоже были ею обсыпаны. Потом в пути всё сдуло морским ветром.

Наконец, мы отплыли. Была лёгкая качка, которую я перенёс спокойно, в отличие от брата, который почти всё время блевал через борт. Он знал, что страдает морской болезнью, но это знание не умаляло его упорное желание стать моряком **2**.

Во время качки к нам подполз капитан баржи и потребовал денег за перевоз. Кажется, он выдал нам квитанцию, что-то вроде трамвайного билета.

Через несколько часов остров показался на горизонте. И тогда, что было очень трогательно, те пятнадцать-двадцать человек, которые плыли на барже, — кроме нас, разумеется, — все, как один, запели. Из слов я разобрал и запомнил только «väike Kihnumaa», что переводится как «маленький Кихну». Наконец, мы причалили. Все сошли на берег. Неширокая полоса земли отделяла воду от довольно густого леса. Ступившие на эту полосу стали быстро расходиться по уходящим в лес тропинкам. Надвигались сумерки. Перед нами возникла реальная перспектива остаться на ночь в той точке, в которой мы оказались.

Об острове Кихну я узнал из невольно подслушанных застольных разговоров моих родителей с двумя их приятелями, побывавшими в прошлом году на этом острове. Каким способом они попали на этот остров, сказано не было, но было сказано, что остановились они у местного православного священника. Остров населён православными эстонцами. (Надо сказать, что число православных эстонцев достаточно велико. Переписи вроде бы показали, что их число в первое десятилетие XXI века превысило число эстонцев-лютеран — за счёт того, что многие прежние лютеране сделались атеистами. Патриарх Московский и всея Руси Алексей II, в миру Алексей Ридигер, с 1961 по 1986 год был епископом Таллиннским и Эстонским.) Я воспользовался этим знанием. Остановив предпоследнего, а то и последнего из сошедших с баржи, я стал кланяться и креститься. Меня поняли и указали одну из тропинок, по которой мы вскоре вышли к церкви.

Самого священника мы там не обнаружили, но к нам вышла женщина — кажется, его дочь. Тут уже говорили по-русски. Мы

сослались на приятелей наших родителей, которым был дан здесь кров прошлым летом, и этой ссылки оказалось достаточно, чтобы нам позволили переночевать в сарае и даже дали одеяла.

На следующее утро мы отправились осматривать остров. Первым делом мы попытались пройти его насквозь и выйти к противоположному берегу. Нам это почти удалось: мы увидели маяк. Путь к нему преграждала колючая проволока. Она достаточно обветшала, чтобы мы её без труда преодолели — не то перешагнули, не то нашли проход. Также мы обошлись и со вторым рядом проволоки, метрах в двадцати от первого. Тут мы заметили, что из верхних окон маяка на нас направлен бинокль. Однако никаких враждебных действий маяк не проявлял. Мы подошли к маяку, открыли дверь и полезли наверх по винтовой лестнице. В верхнем помещении мы обнаружили умирающего от скуки матроса, обрадованного нашим появлением. На стенах висели плакаты с контурами зарубежных военных кораблей. Мне запомнился контур аргентинского корвета — по-видимому, опасались, что Аргентина пошлёт флот к Кихну. И вспомнилось стихотворение «Бразильский крейсер» Игоря Северянина, ставшее знаменитым благодаря песне Вертинского, положенной на эти слова. Матрос старался нас задержать подольше и был огорчён нашим уходом.

А мы продолжили знакомство с островом, блуждая по лесным дорогам. На одной из них нам повстречались двое мужчин. Один из них олицетворял верховную гражданскую власть на острове: он был не то председателем местного совета, не то председателем колхоза. Другой был морским офицером. Первый уже знал о нашем присутствии на острове и был этим присутствием обеспокоен. Он подробно расспросил нас, кто мы, с какой целью прибыли и т. д. Свою дотошность он объяснил необходимостью отлавливать бериатов — последователей Лаврентия Бериин, арестованного 26 июня 1953 года. Чувствовалось, что он предпочёл бы, чтобы нас здесь не было. Офицер был пьян и по-военно-морскому прост. «Я вас сейчас застрелю при попытке к бегству и отвечать не буду», — сказал он, слегка пошатываясь. Его спутник его утихомирил.

Мы расстались и продолжили наше лесное блуждание. Через некоторое время мы снова повстречали знакомого нам гражданского начальника, на этот раз одного. Он был эстонец, но прилично говорил по-русски. Он спросил нас, задумывались ли мы, как мы отсюда вернёмся в Пярну. Честно говоря, мы об этом не задумывались. И впервые осознали, что выбраться отсюда может оказаться делом более трудным, чем сюда попасть. Наш собеседник пришёл нам

на помощь. «Сейчас на причале стоит шхуна. Она идёт в Пярну. Капитан вас возьмёт, если вы не опоздаете к отплытию». — «Но наши вещи в церкви». Собеседник неодобрительно покачал головой. «Поспешите». Мы бросились за вещами, оттуда на причал. У причала стояло небольшое двухмачтовое судно без парусов. Мы взошли на борт, и судно тотчас же отплыло. Движущей силой оказался мотор.

Экипаж судна состоял не более чем из пяти человек. Все говорили только по-эстонски. Однако когда капитан приказал в дополнение к мотору поставить парус, что осуществлялось кручением рукояток на лебёдках, палуба наполнилась добрым русским матом.

К нам отнеслись дружелюбно. Посредине пути капитан каждому из нас даже дал по яблоку.

Наш путь до Пярну занял ощутимо меньше времени, чем путь из Пярну до Кихну. И Бору уже не рвало.

Из Пярну мы втроём: мы с Борей и мама направились в Таллинн. В те времена Пярну соединялся с Таллинном узкоколейкой, ныне исчезнувшей. На нашем пути было довольно много остановок. После каждой остановки в вагоне возникала жёсткая перебранка. Поскольку она проходила на эстонском языке, мы не могли понять её причину. Но сам факт перебранки нас удивлял чрезвычайно. Ведь эстонцы (*горячие эстонские парни*), как всем известно, обычно очень спокойны. Мы не могли понять, в чём дело, пока поезд не остановился на каком-то разъезде и стоял достаточно долго, чтобы я мог выйти и осмотреть его снаружи. И мне всё стало ясно.

Объяснение я изложу в форме беседы Холмса с Ватсоном. «Я полагаю, Ватсон, что эта проблема на одну трубку. Ответьте мне на несколько вопросов географического характера. Я бы вас не затруднял, если бы располагал достаточно подробной картой Эстонии на 1953 год. В этой узкоколейке колея одна или две? Одна? Я так и думал. Платформы полустанков, на которых останавливается поезд, расположены по одну сторону от колеи или по разные? По разные, да ещё эти стороны чередуются? Прекрасно! Делятся ли вагоны на вагоны для курящих и для некурящих? Делятся? Замечательно! Отмечена ли категория вагона соответствующей табличкой на борту вагона? Отмечена? Превосходно! Пошлите кого-нибудь убедить, что на каждом вагоне с одной стороны прикреплена табличка „ДЛЯ КУРЯЩИХ“, а с противоположной стороны — табличка „ДЛЯ НЕКУРЯЩИХ“».

На упомянутом разъезде я убедился в правильности объяснения Холмса. Очевидно, рабочему вручили чемоданчик с табличками и наказали привинчивать их бокам вагонов, чередуя. Дойдя до конца

состава и привинтив табличку «для курящих», он обогнул состав, перешёл на другую сторону и, подчиняясь правилу чередования, прикрепил к тому же вагону, но с другого бока, табличку «для некурящих». И т. д.

На пути в Таллинн мы сделали остановку дня на два в прелестном городе Вильянди. Там мы оставили маму, чтобы она имела возможность купить в местном комиссионном магазине картину довольно большого размера. (Купить картину немедленно было невозможно: на пару дней магазин был закрыт то ли на праздники, то ли на учёт. Картина была увидена нами сквозь стекло; возможно, она стояла в витрине.) По Бориным воспоминаниям, картина была отправлена в Москву по почте. Думаю, что процедуру отправки взял на себя магазин. Эта картина потом не менее 20 лет висела в нашей семейной квартире в Тихвинском переулке.

В Таллинне мы втроём вновь соединились.

Всё наше путешествие, начиная с автобуса Рига—Пярну, оплачивалось мною. Дело в том, что недавно я получил гонорар за книгу «Математические беседы», в которой я был соавтором её главного автора, моего первого учителя Дынкина. Книга была выпущена в 1952 году Гостехиздатом. Маме и брату я ежедневно выдавал деньги на пропитание.

В Таллинне выяснилось, что Боря не ел два или три дня, чтобы на сэкономленные деньги купить 18-килограммовую литую штангу — себе для упражнений. Это создало непреодолимое, казалось бы, препятствие при посадке в поезд Таллинн—Москва. У нас оказалось слишком много вещей, чтобы мы могли доставить их с вокзальной площади в вагон. Тогда мне пришла мысль, которой я горжусь: оставить штангу без присмотра посередине вокзальной площади в расчёте на то, что никто её не тронет. Так и произошло, мы благополучно погрузились и вернулись в Москву.

Выше был упомянут автобус Рига—Пярну. Для полноты картины надо объяснить, откуда он возник. Дело в том, что лето вся наша семья: папа, мама и два сына провели в Юрмале — родители в писательском «доме творчества» в Дубулты, а дети в существовавшем тогда филиале этого дома в Дзинтари. Когда было решено, что трое из нас переберутся в Пярну, а потом поедут дальше, отец озаботился тем, чтобы поездка на автобусе была по возможности комфортной. С этой целью он заранее взял нам билет на троику, и этот билет имел номер один. Автобусы были тогда небольшие с выступающим капотом. Когда появились бескапотные тупорылые автобусы, они воспринимались как заморское чудо.

К отправлению автобуса у его двери собралась небольшая толпа. Выделялась группа военных, человек 10—12 рядовых во главе с сержантом. Рядовые были молоды и блистали здоровьем. Наконец, передняя дверь открылась, из неё высунулся водитель и спросил: «У кого билет номер один?» Отец громко сказал: «Билет номер один у меня». В этот самый момент, растолкав всех, сержант погрузил в автобус свою команду. Добры молодцы тут же расселись. Никто не посмел возражать представителям войск оккупантов¹. Но взгляд, которым эстонцы смотрели на русских солдат, был очень выразителен: в нём смешались страх, ненависть и презрение. Мне как русскому было крайне некомфортно.

Мы, да ещё с вещами, кое-как погрузились. Мама сидела, а мы с Борей всю дорогу стояли. По Бориным воспоминаниям, в Таллинне в ресторане нас троих не обслуживали, потому что мы русские; так мы и ушли.

1 [к с. 656]. Санаторий-профилакторий Объединённого института ядерных исследований² стоит на реке Дубне в десяти минутах пешей ходьбы от впадения её в Волгу. Дубна течёт сразу за административным корпусом. Имеется мини-пляж, отделённый от реки забором с запертыми на всякий замок воротами и объявлением: «КУПАТЬСЯ СТРОГО ВОСПРЕЩАЕТСЯ». Рядом с этим объявлением в заборе дыра, и через эту дыру желающие попадают на пляж и купаются. Никто не мог объяснить мне смысл описанного, хотя оно удивляло не одного меня. Я обратился с вопросом к директору санатория-профилактория. Он мне объяснил: «Если бы я открыл ворота, то обязан был бы организовать дежурную медсестру, службу спасения и т. п. А если люди продырявили забор и лезут через дыру — что же я могу поделать».

2 [к с. 657]. Боги воспрепятствовали морской карьере моего брата. Когда в 1954 году Боря подал документы в Высшее арктическое училище и был вызван на медкомиссию, училище не то просто закрыли, не то влили в Высшее инженерное морское училище имени адмирала Макарова. Располагалось оно на Охте. Кажется, его слили с

¹ Да я и сам, находясь в Прибалтике, временами чувствовал себя оккупантом. Две выученные впоследствии фразы на эстонском помогали уменьшить это чувство и наладить минимальный контакт с местным населением: *Ma ei räägi eesti keelt* и *Ma ei saa eesti keelest aru*. Первая фраза означала «Я не говорю по-эстонски», вторая — «Я не понимаю по-эстонски».

² В помещениях санатория-профилактория каждое лето проводится Летняя школа «Современная математика».

Высшим мореходным училищем, но точно не помню. Нужно было срочно подавать документы в это училище. Его снова вызвали на медкомиссию, мы с ним выучили все таблицы, по которым проверяют зрение, поэтому офтальмолога он сумел обмануть. Но не смог обмануть проверку вестибулярного аппарата с использованием центрифуги. У него в запасе был ещё год до призыва в армию. В том же 1954 году Боря подал документы на географический факультет в МГУ. Предстоял устный экзамен по математике. Боря заглянул в аудиторию и увидел там моего друга Добрушина, каковой, по Бориным словам, увидав моего брата, сделал страшную гримасу. Боря испугался и ушёл. В действительности Добрушин его не заметил и поставил бы ему пятёрку при любом ответе. Через год, в 1955 году, Боря подал документы на романо-германское отделение филологического факультета МГУ, но не добрал вступительных баллов из-за четвёрки по сочинению. Были использованы все мыслимые ходы, и с опозданием Боря был принят. Теперь как филолог и историк культуры он хорошо известен как в России, так и за рубежом.

Путешествие на Курильские острова

Моим самым близким другом на мехмате был Роланд Львович Добрушин. В описываемое время мы оба уже кончили мехмат. К сожалению, и это очень грустно для меня, я патологически не могу вспомнить года, когда это произошло, но вот в конце 1960-х или начале 1970-х годов он мне говорит: «Хочешь поехать на Курильские острова?». Я отвечаю: «Очень хочу». — «Только необходимо получить командировку. Я получу, и хорошо бы ты тоже получил».

Я, помимо основной работы в Университете¹, по совместительству работал ещё в ВИНТИ — Всесоюзном институте научной и технической информации. Там у меня были хорошие отношения, и я без труда под каким-то фиктивным предлогом получил командировку.

Время было советское и казённых денег не считали. Я до сих пор помню своё потрясение, когда меня в 1988 году командировали — уже не фиктивно, а так сказать, действительно — в Венгрию на какую-то конференцию по лингвистике (прикладной или математической). Тогда зарубежные командировки сотрудников вузов оформляло Министерство высшего образования. Я пришёл в Министерство, где мне выдали бумагу в кассу Аэрофлота. В бумаге было написано: «Выдать такому-то билет в Будапешт в счёт таких-то миллиардов (хочется сказать, триллионов), которые были перечислены Аэрофлоту Министерством высшего образования». И вот по этой бумажке, безо всякой оплаты, мне выдали билет. Это меня совершенно поразило. Перелёт на Курилы — это, конечно, очень дорогое удовольствие.

В административном отношении Курильские острова входили в Сахалинскую область и были закрытой зоной. Как это у Высоцкого: «Открыт закрытый порт Владивосток, Париж открыт, но мне туда не надо». Даже во Владивосток нужно было специальное разрешение, а уж на Курильские острова тем более.

В московской милиции по предъявлении командировки мне выдали

¹ Тогда университет был в Москве один — МГУ имени Ломоносова.

документ, что мне разрешён въезд на Сахалин и в Сахалинскую область — а тем самым и на Курильские острова.

Лететь туда было очень долго, тогда самолёты летали медленно, и перелёт был с остановкой. Хотелось лететь с комфортом. Район, в котором я живу, называется Аэропорт. Потому что когда-то в древности здесь был первый московский аэропорт — он был на Ходынском поле. И был аэровокзал. Он и сейчас остался, аэровокзал, но там сейчас просто кафе, казино, Бог знает что ещё. А тогда действительно был аэровокзал, на котором даже можно было зарегистрироваться, сдать багаж и сесть на автобус, и этот автобус подвозил тебя к трапу самолёта. На этом вокзале были выставлены модели различных самолётов. Я выяснил, на самолёте какого типа мы летим, внимательно изучил, какие самые удобные места — чтоб спереди и сзади было широко, чтобы, так сказать, вокруг было пространство. И дальше я предпринял невероятные усилия, чтоб получить именно эти места, потому что если вы просто приходите в кассу, вам дают не те, которые вы хотите, а какие угодно. Некоторые наши младшие коллеги работали в министерстве авиации (я бы сказал, подрабатывали — в общем, что-то там они делали); они были тоже математики, тоже кончали мехмат. Я попросил их постараться, чтобы нам дали эти места. Нам дали эти места.

Сдача багажа и регистрация происходила у нас с Добрушиным именно в аэровокзале, т. е. рядом с моей квартирой. Троллейбусная остановка до сих пор, кажется, называется «Аэровокзал». Мы с Добрушиным пришли туда, зарегистрировались и сдали наши чемоданы. В течение нескольких минут все, кто летел в Южно-Сахалинск, сделали то же самое, причём, по громкой связи очень настойчиво говорили: «Все ли зарегистрировались на Южно-Сахалинск, все ли сдали свой багаж? Все сдайте свой багаж, все сдайте свой багаж». Когда, наконец, последний сдал свой багаж, объявили, что полёт откладывается на сутки. Для некоторых это было трагедией. Я-то живу вообще рядом, Добрушин живёт хотя отнюдь не рядом, но всё-таки в Москве, он мог поехать домой городским транспортом. Но ведь там были пассажиры с детьми из других городов, не рассчитывавшие на ночёвку в Москве. Вспомним, что транспортное сообщение в нашей стране организовано так, что если человек живёт, например, в Новосибирске, т. е. гораздо ближе, чем Москва, к Сахалину, он должен всё равно сначала полететь в Москву и потом отсюда лететь на Сахалин, потому что прямого сообщения нет. Один раз я летел в Новую Зеландию, и для этого надо было сначала несколько часов лететь во Франкфурт, а потом лететь в обратную сторону. Такова

специфика нашей транспортной системы (в отличие от американской, где практически из любого города можно полететь в любой, а если с пересадкой, то пересадка по пути). И вот представьте себе, что люди откуда-то из Сибири, которым нужно в Южно-Сахалинск, они прибыли на рейс с детьми, и тут им объявили, что рейс откладывается. Во-первых, где им жить? Они всё специально так подобрали, чтобы их поезд или самолёт прибывал за несколько часов до регистрации рейса, и вот сейчас им негде жить. Более того, все их вещи — детское питание, смена белья и прочее — всё это в чемоданах, которые им было сказано сдать. Они совершенно в отчаянном положении, лучше даже об этом не думать.

На следующий день мы всё-таки сели в автобус, который отвёз нас к трапу самолёта. Зайдя в самолёт, мы обнаружили следующее. Самолёт такого типа, какой должен был быть. Места наши существуют. Но реальность отличается от того макета, который я с наслаждением изучал, думая, какой я умный и предусмотрительный. Весь хвост самолёта был занят чем-то другим, и ровно позади наших мест шла стена. Не то что самолёт короче, а салон самолёта, где сидят пассажиры. Что это означало? Означало это, что спинка не откидывается, потому что ей некуда откидываться, она упирается в стену. А за этой стеной что-то происходило — может быть, было багажное отделение, может, там почву везли. Вот этот конкретный самолёт был переустроен так, что сзади нас была стена. Не временная какая-нибудь там занавесочка. Поэтому надо было сидеть прямо, нельзя было откинуться. Но это ещё не всё. До нас сотни людей летали на этих местах — ну, может быть, не сотни, а десятки, я не знаю, сколько полётов совершил самолёт. Из-за того, что спинка не откидывалась, подушка, на которой сидит человек, была просижена абсолютно, это была просто такая тряпочка, и сидеть нужно было на железе. Потому что если человек откидывается, то вес его распределяется, и значительная часть веса приходится на спинку сидения. А тут получался весь вес на попу, и эта вот попа подушку раздавила совершенно. И вот всё то время, что я летел (надо сказать, что Добрушин очень корректно отнёсся к этому, меня не убил), я думал: вот так мне, дураку, и надо — если слишком суесться о своём комфорте, то всегда получается вот так.

Мы прилетели в Южно-Сахалинск. Южно-Сахалинск — это столица Сахалинской области. С 1905 по 1945 год Сахалин был поделён на две части: на Северную и Южную. Северная принадлежала Советскому Союзу, а Южная (по-японски — Карафуто) — Японии. Таков был результат Русско-японской войны 1905 года, которую Россия

проиграла. А до того Сахалин был весь российский; там была главная российская каторга. Летом-осенью 1890 года Антон Павлович Чехов совершил путешествие на Сахалин с целью посмотреть, как живут каторжане и те, кто освобожден из каторги; последние, как правило, на Сахалине и остаются: деваться им некуда. Результатом путешествия явилась книга Чехова «Остров Сахалин».

После Второй мировой войны, которую Япония проиграла, южная часть Сахалина вернулась в Россию, и весь Сахалин стал наш. Южно-Сахалинск находится как раз в южной части, и эта часть более цивилизованная и более обжитая.

В Южно-Сахалинске мы жили несколько дней, и я много бродил по городу. Жили мы вдвоём в гостиничном номере, но независимой жизнью, т. е. каждый ходил, как хотел. В тех редких случаях, когда мы ходили вместе, Добрушин требовал, чтобы я привёл его к такому месту, где бы он мог поесть острого мяса. Острое мясо было ему необходимо для нормального функционирования.

Вот некоторые из воспоминаний и наблюдений, относящихся к Южно-Сахалинску.

Во-первых, в Южно-Сахалинске оказалось значительное количество корейцев. Редки те нации, русские названия коих разделяются по смыслу: латвиец и латыш, россиянин и русский — значения членов в каждой из этих пар различны. А, скажем, француз — это и этническая, и государственная принадлежность. Кореец — это в данном случае этническая принадлежность, не северный, не южный, да и никакой, в общем. Являются ли сахалинские «корейцы» на самом деле корейцами, неизвестно; когда улучшились отношения с Японией, выяснилось, что многие из них объявили себя японцами и объяснили, что корейцами они назвались, опасаясь за свою жизнь. Большинству из них позволили уехать в Японию. Молодые корейцы ходили всегда группами, все они были в чёрных брюках, белых рубашках, очень чистые и аккуратные. При этом нередко устраивались драки между корейской молодёжью и русской. Побеждали всегда корейцы, хотя корейцев было меньше — десять, может быть, пятнадцать процентов населения Южно-Сахалинска. Корейцы всегда побеждали, потому что если начиналась драка, то почти вся корейская молодёжь, в отличие от русской, сбегалась помогать своим.

Во-вторых, я бывал на южно-сахалинском рынке. У корейцев всё было как-то более аккуратно и чисто, и самое главное, у них всё раньше вызревало — я боюсь называть какие-то овощи и травы, но было так, что у русских ещё это не появилось на прилавке, это появится через две недели, а у корейцев уже есть.

Следующая достопримечательность Южно-Сахалинска — японское кладбище. Там ведь жили японцы довольно долго, с 1905 года, естественно, что у них там есть кладбище. Раз в год жителей государства Японии пускали посетить могилы своих предков (как устроена японская религия, я не очень точно знаю, но знаю, что, в частности, в неё входит поклонение предкам). Они приезжали, посещали кладбище, кланялись предкам и уезжали. Это началось со времени, когда начали нормализоваться отношения с Японией; первые годы после конца войны японцев, разумеется, не пускали. Горожане, которые туда случайно забрели в это время, обнаружили, что если человек пришёл туда во время посещения могилы потомками (а может, и не потомками, а просто какими-то людьми, которые желают поклониться могиле), ему японцы обязательно дают какой-то подарок. Какую-нибудь ручку шариковую — что-нибудь не очень крупное, но подарок. Первый раз это было случайно, потому что люди случайно пришли и ничего не знали. А вот во второй раз уже половина города пришла туда получать подарки. Японцы растерялись, потому что у них не было такого количества подарков. Как они вывернулись в тот раз (ведь не отдать подарок невозможно), я не знаю. Но на третий раз японцы привезли с собой несколько огромных мешков этих подарков, потому что они понимали, что все придут. Уже всем известно стало время, когда приедут японцы, и все знали, что надо туда идти, потому что обязательно будет какой-то подарок, а японцы, готовясь к этому, привозили несколько чемоданов с подарками, потому что они знали, что все русские туда придут. Сам я там не был, это по рассказам. Я думаю, что если бы даже они приезжали, когда я там был, то я бы не пошёл, потому что уклониться от вручения подарка было бы оскорблением.

Следующая история в Южно-Сахалинске, которую я запомнил, такая. Было обеденное время. Гуляя по городу, я увидел ресторан и подумал, что сейчас там пообедаю. Однако вход был заперт, и висело объявление, что ресторан закрыт на обед. Это меня взбесило: рестораны для того и существуют, чтобы во время обеда быть открытыми. Я нашёл задний вход в этот ресторан и вошёл. На меня посмотрели с удивлением, но не побили. Я сказал очень решительно, что я хочу есть. Накормите меня. И сел. Они спросили, откуда я. Я отвечал, что из Москвы. Тогда они, официантки, поварихи и буфетчица, меня окружили и стали с большим интересом на меня смотреть. У нас завязалась беседа. Я им задавал разные вопросы, они мне тоже задавали, в результате они меня полюбили и сказали так: всё, что я заказал из еды, это всё можно повторить

в неограниченном числе раз, не платя за это дополнительно. Но вот то, что я заказал выпить, за это, если я закажу ещё, к сожалению — они были очень смущены — надо заплатить, потому что буфет это отдельная бухгалтерия, и вот там есть понятие меры, там есть понятие количества. А тут общий котёл, какие-то котлеты варятся, жарятся — неопределённое количество. Я поесть люблю, и выпить тоже. Конечно, есть люди, которые и больше моего могут выпить, но вот у меня был рекорд водки — литр сто. (Я сам тогда в это не поверил. Дело было в шестидесятых годах, с одним человеком — мы с ним оба были молодые, дело было на банкете, — и я потом его переспрашивал, говорил, что не может быть, а он всегда отвечал: «Я считал». Литр сто, по его подсчётам, а человек этот — Зализняк.) И вот, что мне рассказали официантки. Они рассказали, что не идут в отпуск несколько лет, у них накапливается большой отпуск, и потом они его тратят на то, чтобы поехать в Москву. Зачем? В Москве они хотят увидеть две вещи. (Насколько я понял, они на тот момент ещё там не побывали). Первое — это слона. Я спрашиваю: «А что, к вам сюда слонов не привозят?». Они говорят: «Нет». — «Т. е. вообще не приезжают какие-нибудь зверинцы, передвижные цирки?». Они говорят: «Да, к нам приезжает хабаровский цирк. У них есть слон. Но они приезжают без слона, потому что перевезти слона через пролив очень сложно». Перевезти слона через Татарский пролив — тот, который отделяет остров от материка, — слишком сложно, поэтому цирк приезжает без слона. Второе для них даже более существенно. Надо пойти на Ленинские горы к Московскому университету, встать рядом с Университетом в произвольном месте и простоять там целый день. Самое главное — не менять места. Вот ты где встал — там и стой, это очень важно. И тогда обязательно мимо тебя пройдёт негр!

Из Южно-Сахалинска мы совершили две короткие экскурсии. Первая из них, предпринятая по моей инициативе, была в посёлок Ново-Александровск, километрах в 10—20 к югу от Южно-Сахалинска. Её целью было ознакомление с устройством единственной имевшейся на территории СССР японской уборной, обеспечивающим непривычную для российского населения чистоту². Сейчас Ново-Александровск является частью Южно-Сахалинска, и не знаю, сохранилась ли уборная. Вторая экспедиция, по инициативе Добрушина, была в город Холмск, главный транспортный центр Сахалина, расположенный в 83 км к западу от Южно-Сахалинска на берегу

² Это устройство разъясняется в статье «Сортирные проблемы» на с. 773.

Татарского пролива. Через Холмск идёт связь с портом Ванино на материке. Ничего интересного, как мы и предполагали, мы там не обнаружили; самым ценным, ради чего мы и поехали, был проезд среди холмов по японской узкоколейке в японских вагонах.

Южно-Сахалинск находится не на берегу. Примерно километрах в восьмидесяти к югу от него находится порт Корсаков. Мы поехали туда и узнали, когда идёт какой-нибудь корабль на Курильские острова. Выяснилось, что послезавтра отходит пассажирское судно «Хабаровск». Мы заранее купили билет в двухместную каюту первого класса и через день уже с вещами приехали в этот Корсаков и погрузились на корабль. Через короткое время мы выяснили, что на этом корабле есть пустующая каюта люкс. Мы с кем-то поговорили, произвели, по-видимому, благоприятное впечатление (потому что там существует какой-то фейс-контроль), и нас туда пустили. Причём административное начальство корабля разделилось на две неравные части: почти все считали, что всё в порядке; но был один какой-то противный, который время от времени приставал к нам с вопросом: «Когда же вы заплатите за билет в люкс?». Мы отмахивались. Билет в люкс был очень дорогой. За пребывание в люксе мы расплатились популярными лекциями для экипажа. Начальству теплохода это пошло в счёт культурно-просветительной работы. Добрушин прочёл замечательную лекцию о теории информации, а я плоховатую лекцию об информационном поиске (который в те времена происходил без применения компьютеров). Люкс роскошен. Помимо прочего там был телефон — местный, конечно, по кораблю. Корабль многоэтажный, не очень большой, но несколько этажей в нём было. Вскоре на корабле стало известно, что мы два московских профессора. Тогда ещё слово профессор производило какое-то впечатление, сейчас это конечно не значит ничего. Когда-то я смотрел один довольно дурацкий советский детективный фильм, где ловили какую-то банду грабителей, и её доблестная советская милиция удачно поймала на лестничной площадке как раз, когда они хотели проникнуть в квартиру профессора (дверь была обита кожей с прибитой табличкой: «профессор имярек»). Помню очень хорошо, хотя давно было это, я был почти мальчик, что один милиционер говорит другому и даже этим бандитам тоже: «Ну, мы уж не будем беспокоить профессора». Профессор — это было что-то вот такое, чего не следует беспокоить даже в таких случаях. Во время нашего путешествия, конечно, было уже не так, уже была нисходящая линия, но всё-таки ещё что-то оставалось. Поэтому нами заинтересовался капитан, и в нашей каюте зазвонил телефон. Капитан приглашал нас

на капитанский мостик. Когда мы туда явились, капитан объявил, что желает показать нам красоту. Действительно, погода роскошнейшая, яснейшая, тёплая, которая была бы жаркой, если бы не морской ветерок. Дельфины вокруг корабля прыгают. Впрочем, это можно посмотреть и в дельфинарии, и это известно. А интересно следующее. Я нигде об этом не читал и нигде об этом не слышал, но это я видел своими глазами. Капитан запустил громкую музыку, которая с корабля разносилась над морем. Тут дельфины окружили довольно ровной окружностью корабль и высунули из воды верхнюю часть туловища. Корабль в центре, он идёт, а окружность передвигается вместе с ним, мы не видим, как это происходит, никакого движения не видно, под водой дельфины, наверное, хвостами что-то делают, но мы видим только постоянную окружность. Раньше они просто плескались и выпрыгивали, а теперь обступили корабль, высунулись и внимательно слушают музыку. Это произвело на меня большое впечатление и производит до сих пор.

Мы плыли несколько дней, пока не приплыли на остров Шикотан. Согласно Сан-Францисскому мирному договору 1951 года Япония отказалась от прав на Курильские острова. Но есть четыре объекта, которые Россия относит к Курильским островам, а Япония не относит, называет их «Северными территориями» и считает, что они принадлежат Японии, а Россия занимает их незаконно. Это острова Итуруп (самый большой из Курильских островов), Кунашир (следующий по величине), Шикотан и группа островов Хабомаи (эта группа вместе с Шикотаном образует так называемую Малую Курильскую гряду). Отвлекаясь в сторону. Я провёл потом некое исследование и опубликовал результаты³. Посмотрев ряд зарубежных справочных изданий на английском, немецком, французском и итальянском языках, я обнаружил, что всюду эти четыре острова называются Курильскими островами. Не знаю, почему наши дипломаты не предъявляют этот аргумент.

Из Курильских островов мы собирались посетить Шикотан и Кунашир. На основании того, что у нас разрешение на Сахалин и Сахалинскую область, мы можем выйти с корабля на берег этого острова. Что значит выйти на берег? Это значит выйти на причал, т. е. на небольшое пространство, где стоит пограничная будка. А дальше нужно получить местное разрешение, за каковым надлежит обратиться в названную будку.

³ См. п. 8.6 статьи «Невтѳн — Ньютѳн — Ньѳтон, или Сколько сторон имеет языковой знак?» на с. 499—501 кн. 3 «Языкознание» настоящего издания.

На острове Шикотан ситуация была такая. Ещё он не показался на горизонте, а уже слышна страшная вонь — вонь оттого, что раздельвают рыбу. От Шикотана тянутся длинные-длинные деревянные мостки, и на них набранные по лимиту женщины режут, кажется, сайру (ту самую, которая в консервных банках). Голову и хвосты выбрасывают в море, потроха тоже в море, и всё это разлагается, от чего страшная вонь. Рыбу упаковывают в банки и запечатывают, это всё тут и происходит, потому что рыбная ловля устроена следующим образом. Имеется так называемая матка — огромный корабль, в котором холодильники и много чего ещё (конференц-залы, где читают лекции о международном положении и последнем съезде КПСС, кинотеатр — в общем, там идёт жизнь), и от него ходят много маленьких судов, которые ловят рыбу и потом привозят её на эту матку.

Здесь произошла любопытная история. Мы стоим рядом с капитаном. Наш теплоход называется Хабаровск. Что говорит капитан, мы слышим: «Восток», — говорит он. А что ему отвечают, мы не слышим, потому что у него наушники. И вот он говорит что-то, говорит, а потом мы вдруг слышим: «Хабаровску». Поначалу я не понял, я решил, что он должен себя называть «Хабаровск», а оказалось, что в данном контексте слово «Хабаровску» означает: «Ответьте Хабаровску».

Вот наш Хабаровск привёз какую-то девицу по лимиту на матку, и переговоры с этой маткой идут. Она тут, на «Хабаровске», а матка, допустим, в пятнадцати километрах от «Хабаровска». Как её доставить? Ну, конечно, можно на катере. Но кто будет спускать этот катер, кто будет платить за бензин — кому это нужно? Это задержка, это отвлечение работников. Поэтому один говорит: «Это же ваш работник! Присылайте нам катер, мы её с удовольствием погрузим». А тот: «А что это мы будем присылать: вам поручено доставить, вот вы и доставляйте». Можно сделать по-другому, говорят тогда эти капитаны: пусть она сойдёт на берег, а с берега на матку ходят служебные катера, они её и привезут. Но на берег она не может сойти. У неё нет даже того уровня разрешения, которое есть у нас. Чем это всё кончилось, я не знаю.

У нас были очень хорошие отношения с начальством корабля, мы там со всеми подружились, нас бесплатно кормили обедом. Я знал, что всегда на всех невоенных кораблях, и на российских, и зарубежных, бывает старший помощник, второе лицо после капитана. А на советских кораблях был ещё первый помощник. Первый помощник осуществлял политическую линию, он следил за тем, чтобы в этом

отношении всё было в порядке. Обычно мы с ним и обедали. С капитаном мы всё-таки не ели, капитан — лицо изолированное.

Когда мы стали подходить к берегу Шикотана, уже начинало смеркаться, а на море началось некое лёгкое волнение. Корабль не может подойти вплотную к острову, мы должны спуститься на нечто, что привезёт нас на причал. И этим нечто оказался плот. И тут не то, чтобы любезность экипажа изменилась, но они, тем не менее, стали хотеть, чтоб мы как можно скорее с корабля перешли на плот. Потому что уже начиналась качка. Если мы во время посадки утонем, то существенно, откуда мы утонем: если с корабля — тогда они отвечают, а если с плота — так это плот отвечает. Поэтому они очень настойчиво пытались нас побыстрее сплавить на плот. На плот погрузили только людей, а багаж их, сказали, потом привезут в какое-то место на берегу, откуда его можно потом забрать. Мы поняли, что для местных жителей это, может быть, и ничего, а для нас это рискованно — может быть, их привезут через три дня, а мы уже должны уезжать оттуда. Тогда мы сделали вид, что у нас какие-то сверхсекретные документы в этих чемоданах. Мы не сказали «секретные документы», потому что говорить, что что-то секретно, само по себе есть нарушение государственной тайны. Поэтому мы сказали: «Мы не можем расстаться с чемоданами». Они вошли в наше положение, и нас единственных выгрузили на этот плот вместе с нашими вещами.

Мы обратились на причале в пограничную будку, и нам дали разрешение на пребывание на Шикотане. Мы разместились в гостинице и пошли исследовать остров. Шикотан вытянут с северо-востока на юго-запад на 27 км, ширина — от 5 до 13 км. Было решено, что надо пройти его насквозь, по узкой части. Довольно долго мы шли, там был местный хребет из холмов, и нам по дороге сказали, что на краю его находится небольшой мыс, который называется Край Света. За ним только Тихий океан. Потом мы приедем на другой остров, и там с берега уже будет видна Япония, а с Края Света не видно ничего, кроме воды.

Мы с Добрушиным образовывали психологически два полюса. Добрушин считал, что если имеется, скажем, вероятность одна треть, что будет хорошо, а две трети, что будет плохо, то разумеется всё будет хорошо, зачем же будет плохо. А я считал, что если из ста возможных случаев в девяноста девяти будет хорошо, а в одном будет плохо, то конечно вот этот случай с нами и произойдёт. Поэтому он не делал ничего, потому что считал, что всё и так будет хорошо, а я очень суетился и боялся опоздать; у меня в голове всё время

были страшные мысли о том, что будет, если мы пропустим обратный рейс «Хабаровска» и останемся на острове, а когда будет следующий рейс — неизвестно.

Маршрут нашего теплохода такой. Он идёт от Камчатки до Шикотана, где мы сошли на берег в посёлке «Малокурильское» на северо-западной стороне острова близ его северо-восточного конца. Далее маршрут идёт на юго-запад вдоль северо-западного берега острова до другого населённого пункта, называемого «Крабозаводское». Там действительно когда-то был завод по переработке крабов, но ко времени нашего прибытия на Шикотан всех крабов уже выловили, и сохранилось только название. Что делали люди, которые раньше работали на крабозаводе, я не знаю, но посёлок остался. Так вот, теплоход идёт на Крабозаводское, там его конечная остановка, а дальше он начинает возвращаться обратно. На обратном пути он должен нас подхватить. И я безумно боялся, что мы опоздаем. Поэтому мы, честно говоря, не дошли до этого мыса, хотя и мне, и Добрушину (мне даже больше, чем ему) из ритуальных соображений хотелось дойти до Края Света и говорить потом: *я был на краю света*. Нет, не дошли, там всё-таки оставалось некоторое расстояние, а я боялся, что мы опоздаем. По дороге мы повстречали очень характерную личность. Совершенно очевидно, что этот человек был надзирателем в сталинском концлагере. Он сказал нам очень решительно, что мы дальше идти не должны. Я возражаю: «А почему мы не должны, у нас есть пропуск». Он говорит: «А чтобы дойти до Края Света, нужно ещё иметь специальный пропуск». Полная чепуха. Полная чепуха, и вообще, кто он такой, он нам случайно повстречался.

Кажется, когда мы вернулись в гостиницу, мы ещё могли поспать, а утром выйти к причалу и уехать. Вместо плота на этот раз приехал катер, мы на него сели и поплыли к кораблю. Если на плот в прошлый раз высадилось всего человек двадцать, то сейчас нас было много. И тут оказалось, что на катере плывёт этот же тип, которого мы встретили накануне. Он тут же стал командовать всей публикой. «Вниз все идите, в трюм, быстрее, что вы тут расстоялись!» — хотя кто он такой, опять-таки, неизвестно, и почему пассажиры катера должны его слушаться. Но все покорно пошли в трюм, кроме нас. Он на нас неодобрительно покосился, но понял, что с нами ничего сделать не может. С ними он тоже ничего сделать не мог, но те его послушались; важно было иметь такой начальственный голос и передающееся другим убеждение, что он имеет право командовать.

Мы доплыли до корабля. Высадившись, мы оказались в распределительном пункте: двухэтажный зал, все подходят, предъясняют

билеты, их распределяют по каютам. И тут произошло поразительное изменение: этот человек перестал быть начальником. Здесь он был никто: любой матрос был главнее его, и он сразу же растворился, стал таким же, как все.

В зале был балкон, туда вышел капитан, заметил нас и нам крикнул: «Ваша каюта ждёт вас!». Мы поднялись в наш люкс и поплыли обратно. Но плыли мы недолго. Мы доплыли до острова Кунашир. Там находится город Южно-Курильск. В административном отношении Курилы делятся на три района: Южно-Курильский, Курильский и Северо-Курильский. Соответственно, центры этих районов назывались Южно-Курильск на острове Кунашир, Курильск на острове Итуруп и Северо-Курильск на острове Парамушир **■**.

Мы, опять-таки, сошли на берег. Та же процедура: причал, разрешение на посещение острова, гостиница. Причал находится в самом Южно-Курильске.

На острове Кунашир находится действующий вулкан Тятя. Мы ещё на пути на Шикотан видели на горизонте, что возвышается гора, и над ней постоянно дымок белого цвета, сливающийся с облаком. (Такие дымящиеся горы типичны для Курильских островов, и народная этимология выводит отсюда наименование «Курильские».) Непонятно, облако происходит из горы или же оно на неё опустилось. Мы понимаем, что это, конечно, интересно. В самом деле действующий вулкан, не уснувший навеки (хотя и «уснувшие навеки» с разной периодичностью, где-нибудь раз в десять тысяч, а то и в сто тысяч лет, просыпаются). Ещё мы знали, что на острове есть горячие источники, полезные для здоровья, насыщенные какими-то там минералами, серой и чем-то ещё. Тоже интересно.

Мы примерно понимали, где находятся эти источники и пошли туда. И — о ужас! — ещё несколько лет назад они были открыты для публики, а с тех пор их захватила пограничная часть. Не пограничный пункт или застава, как в детских книжках, а большое воинское подразделение. Мне подумалось: какая мерзость. Какая мерзость, тут же нет чужих людей, все свои, а эти гады себе захватили и отгородились. Мы подошли к воротам. Разумеется, ворота были закрыты и стоял часовой, но там имелся дежурный, и в его будке был внутренний телефон. Мы позвонили (т. е. я, конечно, звонил, а не Добрушин, потому что ему и так всё было хорошо), я там с кем-то поговорил, сказал, что приехали два московских профессора, и нас пустили и повезли к местному замполиту. Он с нами поговорил. Я спросил, нельзя ли искупаться в источнике. Он сказал, что можно. Позвонил куда-то, сказав при этом изысканно: «Московские гости

изъявили желание». Нам выделили солдата с простынёй, чтобы нас обтереть после купания. Но роль солдата была не только в том, чтобы обтереть, она была гораздо более важная.

Источник выглядит так: это бетонированный бассейн, в который всё время откуда-то сбоку из-под камней втекает струя очень горячей воды. Просто сесть в этот источник невозможно, он слишком горячий. Надо предварительно вылить туда ведро холодной воды и только после этого туда залезть, и всё равно будет горячо, и по мере сидения там вода будет нагреваться. Такая излишняя зацивилизованность мне не понравилась. Зачем же надо было бетонировать всё? Лучше сохранили бы элементы природы, камни. После купания солдат нас действительно обтёр (неотличимо от России XVIII—XIX веков!), и мы вернулись к замполиту, поблагодарили его. Не дожидаясь моих вопросов, он сказал: «Этот источник мы приводили в порядок почти два года, бетонировали». Я открыл было рот, чтобы спросить, зачем же бетонировали. опередив меня, замполит разъяснил, что самая большая трудность была — из-под всех камней и из всех расщелин выковырять остатки битого стекла. Я спросил: «Откуда же тут стекло-то взялось?». Замполит ответил исчерпывающе: «А это местные жители. Они сюда приходили с бутылками, считалось, что как в бане, так и здесь обязательно нужно выпить. А после опустошения бутылок эти бутылки необходимо было разбить о камни». Как известно, таков ритуал, распространённый в нашей стране повсеместно. Некоторое время я сидел с открытым ртом. Потом подумал, что вовремя я остановился и ничего критического не сказал, потому что, слава Богу, те, коих несправедливо я наименовал гадами, всё сделали правильно. А что же местные жители? Они же сами туда придут, и с детьми тоже, — что же они делают, посыпают дно осколками стекла? Ведь это страшное ранение, оно неправильной формы — жуткая вещь. Зачем же они это делают? Объяснить, зачем он это делает, русский человек не может. От широты души.

У нас не было ограничения во времени, потому что корабль наш уже ушёл (как мы будем выбираться, правда, мы ещё не очень ясно понимали). В наш план входило осмотреть остров и подняться на Тятю. Но как его осмотришь — остров большой, он не как Шикотан. Главным гражданским начальством в этом месте был первый секретарь райкома. Я пошёл к нему на приём. В условиях доминирования пограничников делать ему было абсолютно нечего, поэтому он меня довольно быстро принял. Я сказал, вот два профессора, из Москвы, нельзя ли помочь нам куда-нибудь попасть — желательно, на про-

тивоположную сторону острова (потому что все названные острова вытянуты в длину). Он взял трубку, нажал какую-то кнопку и, наслаждаясь собственным хорошо поставленным командирским голосом, сказал: «Машину КГБ к подъезду!». У подъезда стояла машина, а в ней уже сидел корреспондент «Известий» Борис Коновалов, лет на шесть меня младший, которому мы (я, в основном) подыспортили кайф; до сих пор я считаю себя виноватым.

Как-то одновременно мы с Добрушиным успели договориться о том, чтобы присоединиться к экскурсии местной молодёжи на Тятю. (Нас готовы были взять, если у нас есть свои палатки. У нас, конечно, никаких палаток не было.)

Нас повезли на другую сторону острова. По дороге — никаких людей, лесная красота. В лесу заметного размера озеро, а на нём — остров. На острове — домик. В домике две или три комнаты. Наблюдательный Добрушин сказал мне: «Ты заметил, что в домике одна кровать? Одна. Сюда приезжает отдыхать генерал. Он приезжает, конечно, с какой-то охраной, со своим денщиком и прочее, но те уж, видимо, спят на полу, и тем кровати не положены, а кровать — одна, на ней спит генерал». Я тоже видел эту кровать, но как-то не осознал её единичности.

Рядом с озером было какое-то небольшое воинское формирование во главе со старшим лейтенантом. Старший лейтенант обрадовался нашему приезду до безумия, потому что он просто умирал от тоски и скуки, ведь там был только он и ещё три солдата, а больше никого. Поэтому он старался нас ублажить. В моторной лодке он катал нас по озеру, завёз на остров и был готов ублажать и дальше. Но нам с Добрушиным было некогда: ведь мы должны были вернуться, чтобы пойти на Тятю. Коновалов же никуда не спешил и не возражал бы против более длительного пребывания в этих местах.

Мы поехали дальше и вскоре приехали к берегу Кунаширского пролива, отделяющего Кунашир от японского острова Хоккайдо. Япония была совершенно ясно видна на горизонте — даже не на горизонте, а просто видна. Берег, на который мы ступили, оказался усеянным пустыми стеклянными шарами размером в голову ребёнка. Это были японские поплавки. Когда японцы забрасывают сети, то сети держатся на таких стеклянных шарах. А когда бывает буря, то шары отрываются и их прибывает к нам. Это вещь недешёвая, для бедного японского рыбака тем более, поэтому японцы, плюя на государственную границу, пересекают её, приплывают на лодочках и умоляют отдать им эти шары. Обычно им их отдают и не сажают в тюрьму за то, что они просто так приехали в другое государство. Но

всё равно на берегу этих шаров остаётся много, очевидно, бури там бывают достаточно часто.

Нас повели вдоль берега вплоть до мыса, носящего название «Столбчатый». Это одна из достопримечательностей Курильских островов. Название проистекает от того, что берег спускается к морю крутым обрывом, покрытым гранёными каменными столбами высотой в 40, а иногда до 60 метров. В виде этих каменных столбов когда-то оформилась лава. От мыса Столбчатый нас повели вдоль берега назад. По пути обнаружилось хорошее место для купания; Коновалов, Добрушин и я с удовольствием окунулись и стали плавать в достаточно тёплой воде. Те двое расслабились и получали чистое наслаждение. Я же пребывал в напряжении: как бы не опоздать на экскурсию на Тятю. Жужжание внутреннего зуммера редко покидает меня, увы. И в разгар купания я сказал, что надо бы нам возвращаться в город, потому что мы хотим пойти на Тятю. На что Коновалов сказал, что я ему испортил купание, и он был совершенно прав. Потом через много лет мы встретились в Москве, и он это вспомнил и совершенно справедливо смотрел на меня с отвращением. Мне было стыдно, и стыдом. Вся эта история тем более меня не красит, что когда мы трое вернулись в город, мы с Добрушиным прозрели и поняли, что идти на Тятю просто глупо, потому что это просто подъём в гору. В жерло вулкана мы не заглянем, потому что там нет огненной лавы, а есть только пар, который обжигает и из-за которого близко не подойдёшь. В общем, мы поняли, что ничего интересного там нет, поэтому в результате мы не пошли.

Мы поспали на острове ещё ночь и стали думать, как же нам оттуда выбираться. Выбираться на Большую землю, т. е. на Сахалин (для Сахалина Большая земля — это материк, для них Большая земля — это Сахалин), можно только одним способом: на самолёте. А самолёт — это вещь очень непростая, потому что, как правило, там нелётная погода, и на аэродроме собираются огромные толпы людей, которые хотят улететь и не могут, потому что самолёт небольшой, он берёт какое-то ограниченное число людей, полетит — ну слава Богу, полетел, потом ещё раз — полетел, а потом объявляется нелётная погода, а нелётная погода может продолжаться неделю, а то и больше. Нас предупредили: если вы хотите улететь, то лучше бы вам улететь сейчас, потому что потом может случиться нелётная погода с очень неясными перспективами. Но как попасть на такой самолёт? Опять я пошёл к первому секретарю райкома. Он нам выдал какую-то бронь, какой-то супербилет. Мы пошли на аэродром, и тут мне тоже было

стыдно, потому что люди с детьми таборами сидят там уже неделю и не могут улететь, а тут два жулика сейчас полетят.

Действительно, мы сели и полетели и прилетели на Южный Сахалин, но с остановкой на острове Итуруп, самом северном острове из этих четырёх Южно-Курильских островов, а для японцев самом северном из Северных территорий. Из самолёта никого не выпускают, вокруг стоит вооружённая охрана, потому что весь остров военный, никаких гражданских (наверное, где-то там люди всё же есть, но их не видно), аэродром вымощен — я никогда такого не видел — железными плитами, потому что, по-видимому, может быть грязь и что угодно, а военные самолёты должны взлетать и приземляться при любой погоде. Мощёного аэродрома я никогда не видел, а здесь ровное вымощенное поле. Зачем была остановка, я не знаю: возможно, кто-то зашёл, какие-то специальные люди, которые имеют доступ к такому месту. Мы там несколько часов постояли и прилетели на Сахалин, откуда через некоторое время вылетели в Москву, куда у нас уже был обратный билет.

■ [к с. 674]. В 1952 году произошло событие, изменившее всю дальнейшую историю Северо-Курильского района. 5 ноября 1952 года там произошло сильнейшее цунами. Цунами разрушило все населённые пункты района, унеся с собой более 2 тысяч жизней только по официальным данным. Хозяйственные постройки, жилые дома, штабные постройки военных — всё было уничтожено. После цунами многие воинские части были эвакуированы, часть посёлков и находившиеся в них предприятия рыбной промышленности было решено не восстанавливать.

После того как первая волна цунами ушла, многие спустились вниз, чтобы найти пропавших родственников, выпустить из сараев скотину. Люди не знали (а их никто не просветил!): цунами имеет большую длину волны, и порой между первой и второй проходят десятки минут. Примерно через 15—20 минут после отхода первой волны вновь хлынул вал воды ещё большей силы и величины, чем первый. Те люди, которые уцелели после первой волны, думали, что всё уже кончилось. Они спустились с сопок и начали расселяться в уцелевших домах, чтобы согреться и одеться. Вода хлынула на сушу, совершенно уничтожая оставшиеся дома и постройки. Этой волной и был разрушен весь город и погибла большая часть населения. И почти тут же третья волна унесла в море почти всё, что смогла захватить с собой. Пролив, разделяющий острова Парамушир и

Шумшú, был заполнен плавающими домами, крышами и обломками. Цунами, которое позже назвали «цунами в Северо-Курильске» по имени уничтоженного города, было вызвано землетрясением в Тихом океане, в 130 км от побережья Камчатки. Через час после мощного (магнитудой около 9 баллов) землетрясения первая волна цунами дошла до Северо-Курильска. Высота второй, самой страшной, волны в отдельных местах достигала 18 метров. По официальным данным, в одном только Северо-Курильске погибли 2336 человек.

Осенью 1952-го года страна жила обычной жизнью. В советскую прессу, не попало ни строчки: ни о цунами на Курилах, ни о тысячах погибших людей. Пресса в то время освещала лишь положительные события в СССР и только отрицательные в капиталистических странах. Картину произошедшего можно восстановить по воспоминаниям очевидцев, редким фотографиям.

А как же станция слежения за цунами? Её что, не было на Курилах? Была, но раздражала власти своим низким коэффициентом полезного действия. В самом деле, два человека, сменяя друг друга, круглосуточно смотрят на прибор без какой-либо отдачи. И получают зарплату! Поэтому, когда надо было послать сотрудников учреждений на сельхозработы, послали и их. Тут-то и случилось цунами.

Химико–филологический конфликт¹

●► Летом 1963 года состоялись очередные вступительные экзамены в высшие учебные заведения СССР, в том числе — на химический факультет Московского университета. Руководство факультета было разочаровано результатами экзаменов — оказалось, что на факультет не попали многие достойные абитуриенты; некоторые из них ещё в школе проявили явные склонности и способности к химии, и факультет хотел бы видеть этих молодых людей в числе своих студентов. В случившемся химический факультет обвинил экзаменационную комиссию по русскому языку и литературе, считая, что именно на этом экзамене произошёл несправедливый отсев поступающих. Отсев происходил вовсе не только потому, что экзаменуемый получал двойку (двоек на этом экзамене было только 30), — конкурс был настолько напряжённым, что одно лишь снижение отметки с пятёрки до четвёрки могло послужить причиной непоступления. Дело в том, что в 1963 году оценка, полученная на вступительном экзамене по русскому языку и литературе, учитывалась с тем же весом, что и оценки, полученные на вступительных экзаменах по профилирующим дисциплинам. Для химического факультета профилирующими дисциплинами считались химия, физика и математика. Итоговый же балл, учитываемый при конкурсе, вычислялся путём арифметического суммирования трёх слагаемых: 1) суммы всех оценок, полученных на вступительных экзаменах (для химического факультета таких оценок было пять: по трём профилирующим предметам, по русскому языку и литературе и по иностранному языку); 2) суммы всех оценок по профилирующим предметам, взятых из аттестата средней школы; 3) среднего арифметического всех оценок из аттестата средней школы (в МГУ это среднее вычислялось с точностью до одной сотой).

Экзамены происходили в такой последовательности: физика (этот экзамен сдавало 1372 человека), химия (сдавало 1065), математика

¹ Здесь публикуются документы, относящиеся к 1963 году. Перемежающие их комментарии, сделанные для настоящего издания, заключены между семафорами — входным (●►) и выходным (◀●).

(сдавало 927), иностранный язык (сдавало 749) и, наконец, русский язык и литература с 747 сдававшими. Именно последний экзамен для многих оказался решающим: после него составила окончательная сумма баллов. И если кто-то, кого химики хотели видеть в рядах своих студентов, в эти ряды не попал, было естественно обвинить в этом последний экзамен.

Недовольный химический факультет пожаловался ректору, каковым тогда был Иван Георгиевич Петровский. Что должно делать в таких случаях руководящее лицо? Естественно, назначить комиссию для расследования. Что И. Г. Петровский и сделал. Ниже приводится его соответствующий приказ. ◀●

П Р И К А З

Ректора Московского государственного университета
им. М. В. Ломоносова

№ 543

Москва

5 октября 1963 года

1. Для проверки оценок письменных работ по русскому языку поступивших в 1963 году на химический факультет образовать комиссию в следующем составе:

акад. П. С. Александров — председатель,
акад. АН УССР Н. К. Гудзий (филологич. факультет),
проф. О. С. Ахманова (филологич. факультет),
проф. П. С. Кузнецов (филологич. факультет),
доц. В. А. Успенский (каф. математич. логики).

2. Декану химического факультета проф. И. Ф. Луценко предоставить в распоряжение комиссии все необходимые материалы.

3. Комиссии закончить работу в недельный срок и представить в ректорат выводы и предложения в двухнедельный срок.

Р е к т о р
Московского университета
академик

/И. Г. Петровский/

●► Читатель заметит неоднородность сведений, сообщаемых в приказе о членах Комиссии. С целью устранения этой неоднородности сообщая, что кафедра математической логики относилась к механико-математическому факультету Университета; к тому же факультету относилась и кафедра высшей геометрии и топологии, которой заведовал Павел Сергеевич Александров (1896—1982). Ольга Сергеевна Ахманова (1908—1991) заведовала кафедрой английского языка.

Николай Каллиникович Гудзий (1887—1965) и Пётр Саввич Кузнецов (1899—1968) состояли, соответственно, на кафедре истории русской литературы и на кафедре структурной и прикладной лингвистики. Даты смерти наглядно показывают, что в живых из членов Комиссии остался один я, что и не удивительно, так как я, родившийся в 1930 году, был самым младшим (это показывают даты рождения); как будет видно, последнее обстоятельство сыграло свою роль.

Комиссия собиралась по меньшей мере три раза. Первое заседание проходило на 14-м этаже Главного здания МГУ — в кабинете, которым располагал П. С. Александров в качестве заведующего отделением математики мехмата. Последующие заседания проходили на квартире Н. К. Гудзья, находившейся прямо в одном из старых зданий Московского университета, в тылу филологического факультета, неподалёку от университетского Зоологического музея. Старая университетская квартира запомнилась мне наличием двух входов, парадного и чёрного. Почта доставлялась к чёрной двери, не имевшей никакого обозначения. На мой наивный вопрос, как же почта всё-таки доходит, если на двери нет ни номера, ни фамилии, Гудзий снисходительно отвечивал: «Почтальон знает». (Он же как-то пресёк мои ему возражения, спросив, в каком году я окончил университет. «В 1952». — «А я в 1911», — сказал Гудзий.) На заседаниях Комиссии помимо её членов присутствовал также помощник ректора Юрий Алексеевич Салтанов, которого вспоминаю с симпатией.

Мой возраст и достаточно близкое знакомство с председателем предопределили режим работы Комиссии. На первом же заседании я был назначен её секретарём и мне было поручено подготовить решение Комиссии.

В попытке передать атмосферу, в которой протекали наши заседания, приведу ещё один документ — письмо, которое 21 ноября я разослал членам Комиссии: ◀●

Глубокоуважаемый NN!

1. При сём прилагается проект «Выводов и предложений» нашей Комиссии, составленный мною по её поручению. Я старался учесть в этом проекте всё то, что говорилось членами Комиссии на заседании 5 ноября. Прошу извинения, что получился такой длинный текст, но всё, что в нём написано, представляется мне существенным, а у меня уже не оставалось времени изложить то же самое короче.

2. По поручению нашей Комиссии я встречался с председателем экзаменационной Комиссии по русскому языку и литературе доцентом

А. А. Камыниной. Она не согласилась с тем, что при определении правильности оценки сочинения можно исходить из письменного отзыва экзаменаторов о содержании сочинения. А. А. Камынина считает, что отзыв экзаменаторов может не отражать должным образом истинное положение вещей, и поэтому надо вникать в содержание сочинения. Я, в свою очередь, не согласился с этим². Что же касается неправильного указания ошибок, то А. А. Камынина согласилась со мною во всех случаях, кроме одного, в отношении которого я хотел бы знать Ваше мнение. Речь идёт о возможности раздельного написания «от того, что», где «от» — предлог с причинным значением. А. А. Камынина считает, что возможно лишь слитное написание «оттого, что». Я же считаю, что возможно и раздельное, мотивируя это следующими примерами:

«Это причиняло ему страдания» — «От этого он страдал»;

«То, что он так опустил, причиняло ему страдания» — «От того, что он так опустил, он страдал».

Разумеется, я считаю возможным и такие написания (с несколько иными смысловыми оттенками, отражёнными в пунктуации):

«Оттого, что он так опустил, он страдал»;

«Оттого что он так опустил, он страдал».

3. На прошлом заседании Комиссии П. С. Александров и Н. К. Гудзий упрекнули меня в том, что я произнёс слово «найдена» с ударением на первом слоге. Сообщаю, что согласно словарю-справочнику «Русское литературное произношение и ударение» под ред. Аванесова и Ожегова (1959 год) ударение в слове «найдена» и должно быть скорее на первом слоге, чем на третьем.

4. Напоминаю, что, как и было условлено прошлый раз, ближайшее заседание Комиссии будет происходить во вторник, 26 ноября, на квартире Н. К. Гудзия (ул. Грановского, д. 4, 1-й этаж, кв. 10) в 13 часов.

С глубоким уважением, В. Успенский
21.XI.63

² ●► Как я теперь вижу, этот пункт наших разногласий был изложен мною недостаточно внятно. Разумеется, А. А. Камынина была права в том, что отзыв экзаменаторов мог не отражать должным образом истинное положение вещей. Моё возражение состояло в том, что в этом случае оценка должна признаваться неправильной априори, и потому не возникает нужды вникать в содержание сочинения. ◀●

► Поскольку мне предстояло готовить решение Комиссии, то основная моя деятельность протекала вне стен кабинета Александрова и квартиры Гудзия.

Прежде всего я должен был изучить различные нормативные документы, относящиеся как к принципам оценивания сочинений, т. е. письменных работ по русскому языку и литературе, так и к организации вступительных экзаменов (например, утверждённое приказом Министра высшего образования СССР № 332 от 16 марта 1957 года «Положение об экзаменационных комиссиях по приёму вступительных экзаменов в высшие учебные заведения СССР»).

Затем — изучить отчёт экзаменационной комиссии по русскому языку и литературе для дневного отделения естественных факультетов МГУ. Затем — встретиться и иметь неоднократные беседы с её председателем, каковым в 1963 году была Александра Алексеевна Камынина, доцент кафедры русского языка филологического факультета. Она была старше меня года на два, и мне её было искренне жалко. Уверен, что руководимые ею в 1963 году вступительные экзамены «по сочинению», т. е. письменные экзамены по русскому языку и литературе, ничем не отличались по своему качеству от аналогичных экзаменов предыдущих лет (и боюсь, что от экзаменов будущих лет тоже, несмотря на все потуги нашей комиссии); они шли по заведённой стезе, с совершенно обычными для таких экзаменов огрехами (которые кого-то могут и ужаснуть), на основе порочных в самой своей сути принципов их организации. Просто А. А. Камыниной не повезло, что деятельность нашей Комиссии пришлась на её председательствование.

Но самым главным делом, конечно, было изучить сами сочинения поступавших на химический факультет — вместе со всеми теми пометками (подчёркиванием ошибок, знаками вопроса, репликами на полях, рецензиями и оценками), которыми снабдила их экзаменационная комиссия. Не смею предполагать, что произошло бы с этими сочинениями, хранились ли они в экзаменационной комиссии. Но их хранителем был химический факультет, который был готов к полному сотрудничеству с нашей Комиссией (создание которой он же и инициировал). Как уже было сказано, письменному экзамену по русскому языку и литературе в тот год подвергались 747 абитуриентов химического факультета, и все их сочинения были мне предъявлены.

Прежде всего я решил, что буду знакомиться не со всеми сочинениями, а только со 198 избранными; принципы, по которым они были отобраны, указаны в § 1 «Выводов и предложений» нашей Комиссии, приводимых ниже. Затем пришло понимание того, что мне

нужны помощники. И я обратился за помощью к трём четверокурсникам ОСИПЛа (отделения структурной и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ): Боре Городецкому, Оле Крутиковой и Саше Раскиной. (Через полтора года они, вместе с ещё двумя своими однокурсниками, составят первый выпуск ОСИПЛа, а потому будут упомянуты в статье «Лингвистика, математика и новая традиция», напечатанной в журнале «Наука и жизнь»³.) Никто из них не отказал мне в добровольном участии в трудоёмкой работе. Они предоставили мне многочисленные выписки и из самих сочинений, и из комментариев экзаменаторов. Без их помощи мне ничего не удалось бы сделать.

В декабре, когда работа Комиссии была полностью завершена, я попросил П. С. Александрова выразить им письменную благодарность. Мною были составлены три письма, различающиеся лишь именами своих адресатов, словами *студенту* или *студентке* и мужским или женским окончаниями прилагательного *глубокоуважаемый* (а не так безобразно, как принято писать сейчас: «глубокоуважаемый(ая)»): ◀●

Студенту (*или* студентке) IV курса отделения структурной и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ Б. Ю. Городецкому (*или* О. Ф. Крутиковой, *или* А. А. Раскиной)

Глубокоуважаемый (*или* глубокоуважаемая)
Борис Юрьевич! (*или* Ольга Фёдоровна!
или Александра Александровна!)

Мне стало известно о той большой помощи, которую Вы оказали Комиссии, работавшей под моим председательством. Позвольте мне принести Вам свою благодарность за эту помощь.

(академик П. С. Александров)

4 декабря 1963 года.

●► Эти уважительные письма, с обращением по имени и отчеству, да ещё подписанные академиком (а в те годы этот титул вызывал большое почтение) произвели должное впечатление; уверен, что получатели помнят их до сих пор. [В письме от 4 декабря 1963 года Александров писал мне: «Благодарность Вашему студенту и двум студенткам с удовольствием подписал (хотя и не величаю

³ См. сноску без номера об источнике публикации на с. 146 кн. 3 «Языкознание» настоящего издания. — *Прим. ред.*

своих молодых людей „глубокоуважаемыми“ — по имени и отчеству)».]

С самого начала было ясно, что в установленные приказом ректора две недели уложиться невозможно. Хорошо ещё, что уложились в два месяца. Из ректората нас всё время торопили. Наконец, решение комиссии, озаглавленное «Выводы и предложения» (как было предписано ректорским приказом), было мною составлено. Его объём оказался довольно большим. Встал вопрос о быстрой и качественной (трудно совместимые свойства!) перепечатке текста решения. Этот технический вопрос вырос в серьёзную проблему. Компьютеров и принтеров тогда не существовало, печатать надо было на пишущей машинке и при этом не ошибиться в воспроизведении всех тех действительных и мнимых ошибок, которые делали экзаменующиеся (а подчас и экзаменующие). Поручить это обычной университетской машинистке было невозможно. Нужно было найти ответственное и умеющее печатать на машинке лицо. Наиболее подходящим кандидатом на эту роль была Наташа Светлова, в то время младший научный сотрудник возглавляемой Колмогоровым кафедры теории вероятностей механико-математического факультета (через полтора года она блестяще проведёт операцию по вручению кому надо отзыва Колмогорова на диссертацию А. А. Зализняка); я обратился к ней, и она согласилась помочь. Для совместной с ней работы по изготовлению требуемого машинописного экземпляра я направил Машу Ломковскую, работавшую под моим руководством на той кафедре, на которой я состоял. Пишу об этом столь подробно, чтобы объяснить последний, 8-й параграф «Выводов и предложений» Комиссии. Надо сказать, что П. С. Александров принял этот параграф без восторга, но в конце концов уступил.

Датированное 4 декабря решение Комиссии было подписано всеми пятью её членами. У меня сохранилась копия этого решения с подлинными подписями. Думается, что этот документ имеет не только архивное значение. Сделанные в нём наблюдения в своём большинстве сохраняют силу и поныне. Тема организации набора в вузы — будь то на основе вступительных экзаменов или же на основе единого выпускного экзамена — ещё долгое время не утратит своей актуальности. Так называемые «сочинения» до сих пор пишут миллионы школьников и абитуриентов, и можно полагать, что применяемые экзаменаторами методы рецензирования и оценивания этих сочинений небезынтересны широким кругам. А потому привожу документ Комиссии целиком. ◀●

ВЫВОДЫ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ КОМИССИИ ПО ПРОВЕРКЕ ОЦЕНОК ПИСЬМЕННЫХ РАБОТ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ ПОСТУПАВШИХ В 1963 г. НА ХИМИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ МГУ

§ 1.

Комиссия была образована приказом ректора МГУ № 543 от 5 октября 1963 года в составе:

акад. П. С. Александров — председатель,
акад. АН УССР Н. К. Гудзий (филологический ф-т),
проф. О. С. Ахманова (филологический ф-т),
проф. П. С. Кузнецов (филологический ф-т),
доц. В. А. Успенский (кафедра математической логики).

В соответствии с «Правилами приёма в высшие учебные заведения СССР на 1963 год» (пп. XII и XIII), поступавшие в 1963 году на химический факультет МГУ держали экзамен по русскому языку и литературе, проводившийся письменно в виде сочинения. Темы для сочинения были предложены следующие:

«В чём трагедия Печорина?»,

«Демократ-разночинец в изображении И. С. Тургенева»,

«Женские образы в романе Н. А. Островского „Как закалялась сталь“».

Как было сообщено Комиссии, сдавало этот экзамен 747 человек. На каждом из сочинений экзаменаторами отдельно отмечались орфографические, пунктуационные и стилистические ошибки и писался краткий отзыв о литературной стороне сочинения.

Основным исходным материалом для работы Комиссии служили 104 сочинения, выбранные следующим образом. Из 747 сочинений было взято 198 (сюда вошли, во-первых, сочинения тех не поступивших, которые имели высокие оценки по другим предметам; во-вторых, большинство сочинений, оценённых на «отлично»; в-третьих, 26 — из общего числа 30 — сочинений, оценённых на «неудовлетворительно»; в-четвёртых, некоторые случайно выбранные сочинения. Эти 198 сочинений были бегло просмотрены, и те из них, которые чем-либо заинтересовали Комиссию или были оценены на «неудовлетворительно», были отобраны для дальнейшего изучения. Таких и оказалось 104.

§ 2.

Комиссия констатировала, что в отчёте экзаменационной комиссии по русскому языку и литературе о ходе вступительных экзаменов на

дневное отделение естественных факультетов МГУ в июле 1963 года говорится: «К абитуриентам предъявлялись такие же требования, которые предъявляются к учащимся старших классов в средней школе. Нормы оценок за школьные сочинения опубликованы в журнале „Русский язык в школе“, № 1, 1962 год».

Указанные нормы, утверждённые приказом Министра просвещения РСФСР № 308 от 20 сентября 1961 года, предусматривают, что за каждое сочинение выставляются две отметки, отдельно по литературе и русскому языку. Однако на вступительных экзаменах в МГУ этот порядок не соблюдался, и за сочинение всегда ставилась одна отметка. По мнению Комиссии, ставить за сочинение одну отметку — принципиально неправильно, и не столько потому, что это противоречит инструкции, и даже не столько потому, что это противоречит школьной практике, сколько потому, что это противоречит здравому смыслу. Вряд ли можно говорить о соблюдении *в остальном* норм Министерства просвещения, поскольку эти нормы сформулированы раздельно для каждой из двух отметок. Наличие только одной отметки за сочинение сильно затруднило работу Комиссии, которая часто не могла определить, насколько правильно оценены знания поступающих *по русскому языку* (а именно это и составляло задачу Комиссии).

§ 3.

Рассмотрение отобранных 104 сочинений показало следующее:

А. По меньшей мере в 25 сочинениях следовало бы поставить более высокую отметку — с учётом того, что за сочинение — хотя это и было неправильным — ставилась одна *общая* отметка. (При этом Комиссия, имевшая своей целью проверку оценок *по русскому языку*, не изучала литературных качеств сочинений, а полностью опиралась на характеристику этих качеств, дававшуюся в письменных отзывах экзаменаторов; лишь в одном из 25 случаев, когда речь шла об оценке «неудовлетворительно», Комиссия сочла необходимым ознакомиться с содержанием сочинения.) Вот примеры таких сочинений:

1. Сочинение Благодатских Сергея (№ 832). Из отмеченных в заключении экзаменаторов 10 грамматических ошибок бесспорными являются лишь 2 пунктуационных (и ещё 3 пунктуационные ошибки являются спорными). Отзыв экзаменаторов о литературной стороне сочинения (кстати, содержащий грубую пунктуационную ошибку) не соответствует действительности. Оценка — «неудовлетворительно». (Благодатских, кстати, имеет специальность химика-лаборанта химической лаборатории и на вступительных экзаменах по химии, физике и математике получил все «отлично».)

2. Сочинение Махиной (№ 450). Единственная отмеченная ошибка (пунктуационная) таковой не является. Отзыв: «Тема раскрыта недостаточно глубоко». Оценка — «удовлетворительно».

3. Сочинение Дедловской (№ 932). Грамматических ошибок нет. Отмечены две «стилистических» ошибки. Отзыв «Зрелое по мысли сочинение. Тема раскрыта хорошо: достаточно глубоко и последовательно». Оценка — «хорошо».

4. Сочинение Шумова (№ 536). Из двух отмеченных ошибок (пунктуационных) ни одна таковой не является. Отзыв: «Тема раскрыта правильно и обстоятельно». Оценка — «хорошо».

5. Сочинение Зархина (№ 969). Ошибок не отмечено, кроме одной «стилистической». Отзыв: «Тема раскрыта». Оценка — «хорошо».

6. Сочинение Нечаевой (№ 2064). Единственная отмеченная ошибка состоит в написании собственного имени «Бэла» через два «л»: «Бэлла» вместо «Бэла». Отзыв: «Тема раскрыта достаточно самостоятельно». Оценка — «хорошо».

7. Сочинение Будник (№ 2379). Грамматических ошибок не отмечено. Отмечено несколько стилистических ошибок, которые, по-видимому, нельзя считать существенными, как явствует из следующего отзыва: «Автор правильно принимает тему, и раскрывает её с достаточной глубиной. Язык сочинения выразительный, работа грамотная». (Кстати, в отзыве содержится пунктуационная ошибка — лишняя запятая в первом предложении.) Оценка — «хорошо».

8. Сочинение Дорфмана (№ 863). Единственная отмеченная ошибка (пунктуационная) на самом деле таковой не является. Отзыв: «Тема сочинения раскрыта достаточно полно». Оценка — «хорошо».

9. Сочинение Гончарова (№ 605). Из двух отмеченных грамматических ошибок обе таковыми не являются. Отзыв: «Тема раскрыта верно, достаточно глубоко». Оценка — «хорошо».

Вот, для примера, «ошибки», отмеченные в этом последнем сочинении:

1) «Они не мыслят себя без революции, без остатка преданы ей». Экзаменатор подчёркивает окончание в слове «преданы» (и отмечает на полях наличие ошибки), считая, по-видимому, что надо писать «преданны».

2) «Весь мир восторженно рукоплескал триумфальному полёту первой женщины-космонавта В. В. Терешковой». Экзаменатор ставит после слова «космонавта» запятую (и отмечает на полях наличие второй ошибки).

Следует отметить, что в число тех 25 сочинений, о которых идёт речь в данном разделе, не вошли сочинения с явными грамматическими

ческими ошибками, хотя некоторые из таких также можно было бы оценить более высоко (см., например, сочинение Дзантиевой, упомянутое ниже, в разделе В).

Б. В 30 сочинениях оценка снижена (из них в 9 случаях — до «удовлетворительно») при отсутствии грамматических ошибок (т. е. за литературные недостатки). В 17 сочинениях из этих 30 отсутствуют даже так называемые «стилистические ошибки», причём в 6 случаях (из этих 17) оценка — «удовлетворительно». Это лишний раз показывает, сколь неправильно оценивать сочинение одной общей отметкой (а не двумя). Кроме того, Комиссия считает неправильным, что поступающие на химический факультет экзаменуются по литературе.

В. К сожалению, для ряда поступавших, дававших все основания предположить, что они были бы ценными студентами химического факультета, именно сочинение явилось препятствием для поступления. Например, следующие лица были бы приняты на химический факультет, будь у них более высокая оценка за вступительное сочинение:

1. Дзантиева (№ 647) окончила специализированную химическую школу, занималась в химическом кружке при МГУ, проходила стажировку в химической лаборатории, получила на вступительных экзаменах отличные оценки по всем предметам, кроме «русского языка и литературы». Отзыв экзаменаторов о содержании сочинения: «Тема раскрыта интересно, самостоятельно. Хороший литературный язык. Хорошее знание литературного материала». В сочинении отмечена одна ошибка («ни что иное, как» вместо «не что иное, как»). Оценка — «хорошо».

2. Утехин (№ 627) получил в школе специальность «химик-лаборант», на вступительных экзаменах — все «отлично», кроме оценки за сочинение. В сочинении указана одна ошибка, да и та ошибкой не является. Отзыв: «Плохо раскрыта тема. Общие фразы, автор плохо знает роман. Много лишних рассуждений». Оценка — «удовлетворительно».

3. Махова (№ 909) получила на вступительных экзаменах «отлично» по всем профилирующим дисциплинам. В сочинении нет *ни одной* ошибки, кроме явной описки: «к этой девушки». Отзыв: «Автор полно раскрывает тему. Последовательно излагает свои мысли. Хороший стиль». Оценка — «хорошо».

4. Алексина (№ 565) получила на вступительных экзаменах все «отлично», кроме оценки за сочинение. В сочинении нет *ни одной* ошибки (ни грамматической, ни стилистической). Оценка — «удовлетворительно».

5. Карабандурьян (№ 526) с отличием окончил химико-механический техникум, работает в химическом научно-исследовательском институте, на вступительных экзаменах по профилирующим дисциплинам получил все «отлично». Высокий отзыв экзаменаторов о содержании сочинения; две негрубые синтаксические ошибки; оценка — «хорошо».

6. Фельдман (№ 724) имеет квалификацию химика-лаборанта 4 разряда, на вступительных экзаменах получила «отлично» по всем профилирующим дисциплинам. Отмечены одна пунктуационная ошибка (исправляя собственное сочинение, автор зачеркнул не ту запятую) и одна стилистическая (два раза подряд употреблено слово «замечательный»). Оценка — «хорошо».

7. Пажитнова (№ 430) работала на заводе (по-видимому, по специальности), получила на вступительных экзаменах все «отлично», кроме отметки за сочинение. Отметка за сочинение — «хорошо» (из-за неверно поставленной запятой).

Г. В ряде случаев (всего в 16 сочинениях) экзаменаторы обнаружили явное непонимание смысла термина «учитываемая ошибка», т. е. непонимание того, какие ошибки (даже если они являются таковыми) и сколько раз надо учитывать. Так, ошибкой считались явные опiski («Печори» вместо «Печорин»), неправильные написания букв из-за плохого почерка, употребление прописной буквы в словосочетании «Гражданская война», написание фамилии одной из героинь Н. Островского в виде «Кацюм» (а надо — «Кюцам»), неправильное написание имени «Бэла» в виде «Бэлла» (в сочинениях №№ 592 и 2064); иногда одна и та же, но повторяющаяся, ошибка считалась много раз. В нескольких сочинениях подобные «ошибки» были единственными и повлекли за собой снижение оценки.

Д. В 32 сочинениях в качестве ошибок отмечены написания, на самом деле являющиеся правильными. Иногда написание автора является единственно верным, а «исправление» экзаменатора приводит к прямой ошибке. Иногда написание автора является правильным средством выразить авторскую мысль, а «исправление» экзаменатора приводит просто к другому смыслу (например, в сочинении № 551 было написано: «Валя пошла на это ради отца и матери...»; экзаменатор поставил между словами «пошла» и «на» запятую, одновременно переделав предлог «на» на союз «но»; получилось: «Валя пошла, но это ради отца и матери...»). Иногда, наконец, возможны оба написания — и предложенное автором, и предложенное экзаменатором. В 11 сочинениях (№№ 450, 536, 556, 564, 605, 627, 646, 838, 858, 863, 915) все отмеченные ошибки на самом деле таковыми не являются (например, в сочинении № 564 зря указаны все

три ошибки). В сочинении № 637 из 5 отмеченных ошибок — 4 не являются таковыми.

С другой стороны, встречаются и письменные отзывы экзаменаторов с грамматическими ошибками (см., например, сочинения №№ 832, 858 и 2379).

Е. В подсчёт ошибок входят и так называемые стилистические ошибки (наличие которых в ряде случаев существенно влияло на оценку). Многие из этих «стилистических» ошибок указаны совершенно произвольно. Некоторые из них вообще не являются таковыми, а некоторые ничуть не хуже других выражений, которые стилистическими ошибками не объявлены.

По-видимому, следует считать стилистической ошибкой и такой отзыв экзаменаторов:

«Самостоятельны рассуждения автора, но небрежно и ошибки». (В соч. № 1643, с сохранением пунктуации автора отзыва.)

Ё. Хотя Комиссия интересовалась, как правило, только русским языком, она хотела бы отметить, что отзывы экзаменаторов свидетельствуют о некоторых неправильностях в оценке знаний по литературе. Так, в ряде отзывов о сочинениях на тему «Демократ-разночинец в изображении И. С. Тургенева» авторы сочинений упрекаются в том, что они не привлекли других персонажей, кроме Базарова (из других романов), — в то время как лишь роман «Отцы и дети» входит в программу вступительных экзаменов. Не следует также упрекать автора — как это сделано в отзыве о сочинении № 514, — что «тема раскрыта не совсем самостоятельно, по учебнику». Вряд ли стоит снижать оценку (до «удовлетворительно») за то, что — как написано в отзыве о сочинении № 682 — «Печорин подан как страдающий злодей, автор слишком много говорит о страдании, которое Печорин причиняет людям, не видит почти ничего хорошего в нём...»; почему бы не дать автору сочинения возможность не любить Печорина?

Ж. Сочинение Тимковской (№ 514) написано на двух отдельных листах бумаги. Хотя страницы сочинения были пронумерованы сплошь, каждый лист — вместе с его содержимым — был воспринят экзаменаторами (одними и теми же) как самостоятельное сочинение и оценён — первый (с. 1—4) на «хорошо» и второй (с. 5—6) на «удовлетворительно» (эта последняя оценка и была внесена в экзаменационный лист).

§ 4.

Приведённые факты обнаруживают существенные недостатки, имевшие место при проведении приёмных экзаменов по русскому

языку и литературе на естественных факультетах МГУ в 1963 году. Однако Комиссия считала бы определённо неправильным, если бы в результате её работы создалось впечатление, что во всём «виноват стрелочник», т. е. экзаменационная комиссия по русскому языку и литературе (хотя, конечно, и она несёт свою долю ответственности). Комиссия полагает, что обнаруженные недостатки имеют общий характер и повторяются из года в год. Просто в этом, 1963 году, они стали более наглядны, поскольку впервые за последние годы результаты вступительного экзамена по русскому языку и литературе стали учитываться наравне с результатами вступительных экзаменов по профилирующим дисциплинам. Недостатки эти, по мнению Комиссии, свидетельствуют о коренных, принципиальных дефектах в самой системе организации и проведения вступительных экзаменов по русскому языку и литературе. Ниже перечисляются эти дефекты вместе с некоторыми соображениями о способах их устранения.

I. В сложившейся в МГУ неправильной практике за сочинение выставляется одна общая оценка по несуществующей дисциплине «русский язык и литература». В § 2 и в § 3, раздел Б уже говорилось, что надо выставлять две отметки — отдельно по языку и отдельно по литературе. Этот принцип должен быть распространён и на устный экзамен по русскому языку и литературе. Устный экзамен по русскому языку и устный экзамен по литературе — в тех случаях, когда такие экзамены происходят — могут по-прежнему проводиться одновременно, но с обязательным выставлением двух отметок. Принципиально более правильным (хотя, вероятно, трудно осуществимым) было бы наличие двух отдельных экзаменационных комиссий, по литературе и по русскому языку.

II. В настоящее время — согласно «Правилам приёма» лица, поступающие на естественные факультеты МГУ, подвергаются экзамену не только по русскому языку, но и по литературе (в форме сочинения). Комиссии представляется это излишним. Обычные ссылки на то, что знание литературы характеризует общий культурный уровень поступающего, неубедительны: о таком культурном уровне свидетельствует (во всяком случае, должен свидетельствовать) документ о среднем образовании. Вступительные экзамены в вуз не должны подменять выпускные экзамены в средней школе. Кроме того, организовать объективный экзамен по литературе для поступающих на естественные факультеты трудно по крайней мере по двум причинам: во-первых, критерии оценок по литературе не могут быть достаточно чёткими (поэтому вступительный экзамен по литературе следует оставить лишь там, где он является необходимым — на гума-

нитарных факультетах); во-вторых, состав экзаменационной комиссии не может не быть довольно пёстрым (об этом см. ниже, в п. V). В свете сказанного ясно, что письменный экзамен по русскому языку не должен проводиться в форме сочинения.

III. Имеет место догматический подход к оценке знаний поступающих в области орфографии и пунктуации. Грамотность состоит вовсе не в вызубривании последних по времени из изменчивых норм орфографии и пунктуации; более того, по-настоящему грамотному, начитанному человеку трудно соблюдать букву этих норм, поскольку его представления о правильном написании черпаются не из чтения «Правил орфографии», а из чтения литературы. Так, грамотный человек может написать «аристократишко» через «о» на конце (хотя это и противоречит § 39 действующих «Правил русской орфографии и пунктуации», требующему здесь «а»), — потому что так писал Тургенев. А ведь именно такое написание и было сочтено ошибкой в сочинении № 838 (хотя в указанном сочинении это написание было употреблено во взятой в кавычки цитате из Тургенева), и за эту и другую — тоже неверно указанную — «ошибку» была снижена оценка. Грамотный человек может написать «галерея» через два «л» (хотя по последним справочникам надо писать через одно), — потому что так писали Толстой и Гончаров. А ведь именно двойное «л» в «галерее» было единственной ошибкой, указанной в сочинении № 858, оценённом на «удовлетворительно»⁴. Комиссия полагает, что здесь проявляется

⁴ ► Память отсылает меня здесь к сочинению одного из поступавших на ОСИПЛ в 1975 году. Автор сочинения был мне известен как активный и успешный участник традиционных Олимпиад по языковедению и математике; было видно, что он не случайный человек на этих Олимпиадах, а влюблён в лингвистику. Я удивился, узнав, что он получил по сочинению тройку. А обнаружив, что тем самым он не проходит, я решил сделать попытку ему помочь и с этой целью обратился к декану филологического факультета Л. Г. Андрееву. (Я не сумел бы найти декана, если бы он сам не нашёл меня — а оказался я ему нужен потому, что был в то лето председателем экзаменационной комиссии по математике для гуманитарных факультетов МГУ. Декан не сидел в своём кабинете, куда к нему тянулась очередь из ходатаев, а вместе с руководством приёмной комиссии скрывался на другом этаже в никак не обозначенном и запертом на ключ помещении. Там без посторонних помех решались все дела, там же кипятилась вода для растворимого кофе и жарилась на электрической плитке яичница; и то, и другое было мне любезно предложено. Я не понял только, как безвылазно сидевшие в комнате справляли нужду.) Нам принесли сочинение. Мне были продемонстрированы наличествующие в нём грубейшие ошибки, из которых я запомнил написание оборота *то есть* через дефис, в виде *то-есть*, и трактовка слова *виолончель* как существительного мужского рода. Было заявлено, что абитуриент, претендующий на звание филолога, не имеет

принципиально неверное понимание роли грамматических норм: то, что в последних словарях пишут «галерея», означает, что корректор должен исправлять «галлерей» на «галерея», но не означает, что двойное «л» должно считаться ошибкой на экзамене. Необходимо учесть, далее, что орфографические нормы часто меняются, и нормы разных лет противоречат друг другу. Так, относительно того, со сколькими «н» надо писать краткую форму прилагательного «преданный» (в значении «преданный кому-чему») в женском и среднем родах и множественном числе (предана, предано, преданы — или преданна, преданно, преданны) имеются следующие указания: 1) в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (1939 год) — с одним «н»; 2) в «Правилах русской орфографии и пунктуации» (1956 год) и «Орфографическом словаре русского языка» под ред. С. И. Ожегова и А. Б. Шапиро (1956 год) — с двумя «н»; 3) в словаре-справочнике «Русское литературное произношение и ударение» под ред. Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова (1959 год) — с одним «н». А ведь именно написание «преданы» через одно «н» было засчитано за ошибку в сочинении № 605 (см. выше § 3, раздел А). Пушкин, кстати, писал через одно «н». К тому же, как известно, сейчас готовится коренная реформа русской орфографии. В этих условиях следует проявлять большую осторожность в объявлении тех или иных написаний ошибочными. Уместно напомнить декрет Советского правительства о

права быть столь безграмотным и что хорошо ещё, что сочинение не было оценено двойкой. Я не нашёлся, что возразить. Когда в тот же день я рассказал эту историю Андрею Анатольевичу Зализняку, он просветил меня, что так писали в XIX веке. «Он читал хорошую литературу и притом в хороших изданиях», — сказал мне Зализняк. [Последующее изучение вопроса показало, что написание *то-есть* встречается в «Справочном указателе» к 20-му изданию «Русского правописания» Я. К. Грота, вышедшему в 1912 году, а слово *виолончель* употребляли в мужском роде и П. И. Чайковский, и Н. А. Римский-Корсаков: ... *Для 1-ой скрипки, 1-го альты и 1-го виолончеля* (Римский-Корсаков); *Мы присутствуем при последних усилиях борьбы виолончеля за своё самостоятельное существование* (Чайковский). Да и безо всякого изучения я обязан был вспомнить строку из моей любимой поэмы «Первое свидание». А там в 3-й главе встречается выражение «речитативы виолончеля», рифмой к коему служит «Мадонна Рафаэля». Поэма меж тем сочинена Андреем Белым в 1921 году, т. е. всего за сорок два года до описываемого экзамена.] Я почувствовал себя крайне неудобно: выходило, что я глухо фразернулся, как сказали бы сейчас. Писавший сочинение абитуриент всё же недели через три был зачислен на ОСИПЛ: декан Андреев проявил добрую волю (спасибо ему за это) — но это произошло уже без моего участия. Осталось назвать имя автора сочинения. Это Яков Георгиевич Тестелец, ныне один из наиболее ярких российских лингвистов своего поколения. ◀●

введении новой орфографии (1918 год), в котором, между прочим, говорится: «Для всех учащихся и вновь поступающих остаются в силе лишь те требования правописания, которые являются общими для прежнего и для нового правописания, и ошибками считаются лишь нарушения этих правил». (Цитируется по книге: «Современный русский язык; морфология» под ред. В. В. Виноградова; изд-во МГУ, 1952.) С ещё большей осторожностью надо подходить к кажущимся пунктуационным ошибкам: ведь пунктуацией выражается мысль, и, может быть, пишущий так и хотел сказать, как он обозначил своими запятыми. Следует проводить различие между целями экзаменов в школе, проверяющих усвоение учащимися того или иного материала (в том числе нормативного), и целями вступительных экзаменов в вуз, проверяющих грамотность и самостоятельность.

IV. Подход к так называемым «стилистическим» ошибкам часто субъективен. Необходимо прежде всего отличать нарушения *норм языка*, состоящие в неправильном употреблении слов или их форм, от всех прочих явлений (диалектизмов, канцеляризмов, речевых штампов, повторов, многословия и т. д.), относящихся уже не к языку, а к литературе. Такое различие во многих случаях не проводится. Следует также учесть, что в МГУ пытаются поступать отнюдь не только москвичи, а представители самых различных районов СССР. Многие обороты речи, представляющиеся в Москве неправильными, обычны для этих районов, и вряд ли поступающие должны нести за это ответственность. В результате излишне строгих требований в отношении стиля может происходить отсеивание поступающих, принадлежащих к провинциальным или не слишком интеллигентным семьям.

V. Экзаменационная комиссия по русскому языку и литературе для естественных факультетов состоит в значительной степени не из штатных работников МГУ, а из лиц, приглашённых со стороны. Не все члены комиссии, по-видимому, достаточно компетентны. Такое положение вряд ли можно изменить. И так экзаменационная комиссия работала, по сообщению её председателя, с перегрузкой. (Вероятно, перегрузкой следует объяснять случай с сочинением Тимковской, упомянутый в § 3, раздел Ж.)

VI. Вступительный экзамен по русскому языку для поступающих на естественные факультеты был приравнен в этом году по своему весу к вступительным экзаменам по профилирующим естественно-научным дисциплинам. В результате часто решающей для поступления была разница между «хорошо» и «отлично», полученными за сочинение. Комиссия совершенно убеждена в том, что при поступлении на естественные факультеты результаты экзамена по русскому языку

(если такой экзамен сохранится, что нежелательно) должны учитываться во вторую очередь, а в первую очередь должны учитываться результаты экзаменов по профилирующим дисциплинам (как это и было до сего года); лучше всего, если на естественных факультетах для этого экзамена будут установлены лишь две возможные оценки: «зачёт» и «незачёт».

§ 5.

Комиссия полагает, что наилучшим решением вопроса об экзамене по русскому языку (не говоря уже об экзамене по литературе) для поступающих на естественные факультеты была бы полная отмена этого экзамена. Прежде всего, следует доверять средней школе. Далее, любая форма проведения такого экзамена страдает серьёзными недостатками: сочинение не является правильной формой экзамена по русскому языку, как уже говорилось в § 4, п. II; изложение также открывает возможности для субъективного подхода проверяющих и, коль скоро они не обладают достаточной грамотностью и широтой, может привести к печальным последствиям; диктант позволяет более объективно оценить грамотность поступающего, зато ставит этого поступающего в искусственную ситуацию, с которой он редко сталкивается в жизни. Наконец, нельзя не учитывать и практические трудности с комплектованием экзаменационной комиссии.

Исходя из изложенного, Комиссия предлагает

ЭКЗАМЕН ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ И ЭКЗАМЕН ПО ЛИТЕРАТУРЕ (проводимые ли отдельно или в форме совместного экзамена по русскому языку и литературе) ДЛЯ ПОСТУПАЮЩИХ НА ЕСТЕСТВЕННЫЕ ФАКУЛЬТЕТЫ ОТМЕНИТЬ.

§ 6.

Возражая против проведения вступительных экзаменов по русскому языку и литературе для поступающих на естественные факультеты, Комиссия вместе с тем хотела бы высказать некоторые общие соображения о порядке проведения таких экзаменов в тех случаях, когда они проводятся на каких-либо факультетах.

1. При проведении письменного экзамена по русскому языку (отдельно или в составе совместного экзамена по русскому языку и литературе) следует с максимальной осторожностью объявлять те или иные написания орфографическими, пунктуационными или стилистическими ошибками. (С этой целью — и с учётом того, что говорилось

выше, в § 4, пп. III и IV, — было бы целесообразно составить специальную инструкцию экзаменаторам.) Заведомо не должны считаться ошибочными написания, хотя бы и противоречащие действующим нормам, но встречающиеся в печатных текстах.

2. При проведении вступительных экзаменов по русскому языку и литературе (отдельно или совместно) в тех случаях, когда такие экзамены не являются профилирующими, — оценивать результаты экзаменов отметками «зачёт» или «незачёт».

3. В том случае, если на каком-либо факультете проводится письменный экзамен только по русскому языку (а не по русскому языку и литературе), проводить его не в форме сочинения, а в форме диктанта.

4. Исходя из необходимости приближения норм оценок на вступительных экзаменах к требованиям средней школы, а также из желательности более объективно оценивать именно *грамотность* поступающих (см. об этом выше § 2; § 3, раздел Б; § 4, п. I), — при проведении совместного экзамена по русскому языку и литературе (письменного или устного) ставить отдельные оценки по русскому языку и по литературе с внесением каждой из них в экзаменационный лист (при этом ошибки, связанные с неправильным употреблением слов, могут отражаться в обеих оценках).

§ 7.

В случае, если предложения Комиссии будут приняты, необходимо, чтобы они нашли своё отражение в «Правилах приёма» или, по крайней мере, чтобы «Правила приёма» не противоречили этим предложениям.

§ 8.

Комиссия просит ректора МГУ объявить благодарность младшему научному сотруднику кафедры математической логики М. В. Ломковской и младшему научному сотруднику кафедры теории вероятностей Н. Д. Светловой, оказавшим существенную помощь Комиссии в её работе.

Председатель Комиссии

(акад. П. С. Александров)

Члены Комиссии:

(акад. АН УССР Н. К. Гудзий)
(проф. О. С. Ахманова)
(проф. П. С. Кузнецов)
(доц. В. А. Успенский)

4 декабря 1963 года.

●► По указанию П. С. Александрова, решение Комиссии было вручено мною Ю. А. Салтанову для передачи ректору. После чего был издан такой приказ: ◀●

П Р И К А З

Ректора Московского государственного университета
им. М. В. Ломоносова

№ 662

Москва

10 декабря 1963 года.

Образованная моим приказом комиссия по проверке сочинений по русскому языку поступавших на химический факультет Московского университета в 1963 году проделала большую работу, тщательно проанализировав свыше 100 сочинений поступавших. Своим анализом комиссия помогла ректорату обнаружить существенные недостатки в проведении письменного экзамена по русскому языку.

ОБЪЯВЛЯЮ БЛАГОДАРНОСТЬ:

1. Доценту кафедры математической логики В. А. Успенскому за проделанную им лично очень большую работу по проверке сочинений и подготовке развёрнутого и мотивированного заключения Комиссии.

2. Младшему научному сотруднику кафедры математической логики М. В. Ломковской и младшему научному сотруднику кафедры теории вероятностей Н. Д. Светловой за существенную помощь, оказанную ими комиссии в её работе.

Р е к т о р
Московского университета
академик

/И. Г. Петровский/

●► Когда через несколько дней этот приказ стал мне известен, я испытал два чувства: смущения и разочарования.

Смущён я был тем, что выходило, что я напросился на ректорскую благодарность. Действительно, когда я уговорил Александрова предложить такую благодарность для Светловой и Ломковской, я тем самым — чего я тогда не понимал — вынудил его предложить наградить такой же благодарностью и меня. Понимание подобных этических тонкостей административной игры приходило ко мне постепенно, и у меня нет уверенности, что я усвоил их все. Уже значительно позже Колмогоров рассказал мне такую поучительную историю: к нему явился Юрий Васильевич Прохоров с просьбой выдвинуть Евгения Борисовича Дынкина в члены-корреспонденты, что вынудило Колмогорова выдвинуть также и самого Юрия Васильевича (кстати, Прохоров и был избран, а Дынкин нет).

А разочарован я был тем, что главным результатом работы Комиссии оказались благодарности в приказе. Возникло опасение, как бы это не оказалось и единственным результатом. Забегая вперёд, скажу, что именно так и случилось.

У меня не было уверенности, что ректор прочтёт переданный ему 16-страничный документ и, в частности, его §§ 4—6, в котором излагались предложения нашей Комиссии — как мне казалось и кажется, совершенно правильные. В течение почти двух месяцев подготовка этого документа была для меня главным делом, захватившим меня эмоционально. Было невыносимо думать, что всё затраченное время и все усилия пойдут впустую. (Тогда я ещё не знал, что отсутствие результатов у разумной, интенсивной и целенаправленной деятельности — один из вариантов нормального хода вещей.) Поэтому 10 декабря я по своей инициативе явился к Петровскому и имел с ним обстоятельный разговор — не зная о ректорском приказе и скорее всего до подписания такового. Целью моего визита было убедить его, что вина лежит не на комиссии Камыниной (и потому не надо никого наказывать), а на самой системе организации вступительных экзаменов. Преступая, как я теперь понимаю, принятые рамки приличия и субординации⁵, я требовал от Петровского, чтобы он ехал в самые высокие инстанции⁶ и использовал всё своё влияние, чтобы поломать эту систему. Петровский слушал меня терпеливо, с характерной для него смесью выражений вежливой заинтересованности и усталой мудрости⁷ и дал выговориться до конца.

⁵ Но ещё не максимально преступая. Потому что через четыре года произошёл эпизод, о котором не могу вспоминать без стыда: по свидетельству очевидца, я чуть ли не кричал на Петровского. Об этом не украшающем меня случае рассказано в § 6 Послесловия к статье «Серебряный век...» на с. 438—439 кн. 3 «Языкознание» настоящего издания.

⁶ Знай я тогда, как ему суждено умереть, я бы об этом не заикался. А умер он 15 января 1973 года, не дожив трёх дней до 72 лет, выйдя из здания ЦК КПСС на Старой площади, прямо на ступенях этого здания. (Он посетил названное здание для беседы с заведующим отделом науки ЦК С. П. Трапезниковым, специалистом по аграрной политике КПСС. По результату нетрудно догадаться, какой была эта беседа.) В советском бюрократическом языке ЦК КПСС (не как коллегия членов Центрального комитета, а как учреждение) имел названия «директивные органы» и «инстанция».

⁷ Впрочем, по крайней мере однажды усталая мудрость не сопровождалась вежливой заинтересованностью. Как-то раз я вбежал к нему в кабинет, вопия (но всё же с умеренной громкостью): «Иван Георгиевич, Иван Георгиевич! Ваш приказ не выполняется!». Он посмотрел на меня безо всякого интереса и сказал: «А Вы только представьте себе, что бы было, если бы все мои приказы выполнялись». Я ретировался, поражённый мудростью этих слов.

Что же оказалось в сухом остатке от всей деятельности Комиссии и от моих страстных и наивных попыток добиться чего-то от Петровского? Да ничего не оказалось.

Хотя поначалу казалось, что какое-то движение происходит. Орган ЦК КПСС газета «Правда» в номере от 24 февраля 1964 года, на второй странице опубликовала «Письмо в редакцию» под названием «Здесь „арифметический подсчёт“ не годится». В письме было выделено жирным шрифтом: «...Для того, чтобы повысить роль и значение профилирующих дисциплин при отборе молодёжи в высшую школу, следует экзаменовывать поступающих с дифференцированной оценкой только по этим предметам». Мало ли что можно написать в каком-то там письме в редакцию, скажет читатель XXI века. Скажет, и будет неправ. Сейчас, действительно, можно написать и даже опубликовать что угодно, и это не будет иметь никакого влияния на реальную жизнь. В те времена всё было по-другому. Письмо, опубликованное газетой «Правда», воспринималась как директива партии. В данном случае авторитетность текста повышалась личностью автора: письмо было подписано Григорием Даниловичем Вовченко, проректором МГУ — и не просто проректором (и, кстати, кандидатом химических наук), а проректором правящим, партийным комиссаром при беспартийном Петровском⁸. И действительно, правила приёма были (в который раз) изменены, и приём 1964 года проходил уже с преимуществом профи-

⁸ Человек, пытающийся восстановить в своей памяти прошлое, нередко обнаруживает, что его воспоминания, кажущиеся ему совершенно достоверными, опровергаются письменными свидетельствами, современными вспоминаемым событиям. Это естественно: память человека несовершенна, как и он сам. Но изредка наблюдается куда более интересное явление: документы эпохи противоречат друг другу. Вырезка из газеты «Правда» от 24 февраля 1964 года лежит передо мной. Она включает в себя не только вышеназванное письмо с подписью «Г. Вовченко. Профессор, проректор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова», но и верхнее поле газетного листа, на коем ясно видны и указанная дата, и номер 55 (166 641). На обороте — передовая статья с напечатанным красными буквами заголовком «Первейшая обязанность сельских коммунистов» и таким началом: «Сейчас наша главная политика, основное поприще деятельности — производство, борьба за победу коммунистической экономики над капиталистической» (когда у нас снова победят коммунисты, мы снова начнём за это бороться). Однако передо мной лежит и книга

Алексей Андреевич Ляпунов / Ред.-сост. Н. А. Ляпунова, Я. И. Фет. — Новосибирск: Филиал «Гео» Изд-ва СО РАН; Изд-во ИВМиМГ СО РАН, 2001. — 524 с., 34 с. ил.

На с. 418 этой книги опубликовано письмо Л. В. Крушинского А. А. Ляпунову от 10 сентября 1963 года. Письмо содержит постскрипtum:

Р. С. У нас снят Вовченко. Это большая победа И. Г.

лирующих дисциплин — результаты экзаменов по этим дисциплинам стали учитываться с бóльшим весом.

Однако беспристрастный анализ показывает, что если наша Комиссия и повлияла как-то на такое развитие событий, то это влияние было ничтожным. В самом деле, как было сказано в приказе ректора, «своим анализом комиссия помогла ректорату обнаружить существенные недостатки в проведении письменного экзамена по русскому языку». Теперь представим себе, что, напротив, Комиссия не нашла бы никаких недостатков и объявила бы, что все отметки за сочинение выставлены совершенно правильно. Тогда тем более логичным выглядело бы стремление понизить тот вклад, который сочинение вносит в общую сумму баллов. Ведь если проверка и оценивание сочинений происходит неправильно, надо менять технологию проверки и оценивания; если же сочинения проверяются и оцениваются правильно, но при этом происходит нежелательный отсев поступающих, то ничего не остаётся, как менять влияние оценки по сочинению на результаты приёма. Получается, что если бы наша Комиссия приняла решения, противоположные тем, которые были ею приняты в действительности, то вот тогда и были бы основания говорить о влиянии результатов её деятельности на совершенствование правил приёма.

Остались нереализованными главные рекомендации комиссии:

(1) ставить за сочинение две независимые оценки — одну по русскому языку, а другую по литературе, т. е. так, как принято в средней школе;

(2) отменить экзамен по литературе для поступающих на естественно-научные и точные специальности (а хорошо бы и для всех, кроме будущих филологов).

И сейчас, через сорок без малого лет, эти положения кажутся мне такими же естественными и самоочевидными, как тогда. За прошедшие годы мне ни разу не доводилось слышать какие-либо возражения, выдвинутые против них. Почему же они не были воплощены в жизнь? Поиски ответа на этот вопрос представляют собою, на мой взгляд, самостоятельную и интересную проблему социальной психологии. Проще всего разрешить эту проблему с плеча, кавалерийским наскоком, объявив, что Гегель был неправ и что на самом

В редакционных комментариях разъясняется, что *у нас* значит «в МГУ», что И. Г. — это Петровский и что Вовченко «до 1963 был проректором МГУ». Петровский, действительно, тяготился навязанным ему Вовченко и, несомненно, мечтал о его удалении. Однако сопоставление дат приводит меня в смущение. «Летопись Московского университета» за 1964 год <http://letopis.msu.ru/letopis/1964> даёт основания считать, что кандидат технических наук профессор Вовченко перестал быть проректором в 1964 году.

деле всё действительно неразумно. Но это значило бы отмахнуться от проблемы. Я не претендую здесь на её решение, а всего лишь хотел бы поделиться некоторыми предварительными соображениями о причинах, по которым все поступающие в вузы должны писать сочинения на тему типа «Образ Татьяны», причём сочинения эти оцениваются единой отметкой, вмещающей в себя и оценку грамотности, и оценку литературного содержания (хорошо ещё, что не каллиграфии; впрочем, допускаю, что где-нибудь и каллиграфии).

Одна из причин вроде бы лежит на поверхности — это обычная инерция и боязнь что-либо менять (признаю небезосновательность такой боязни: мы много чего поменяли в 1917 году). Названная причина в наибольшей степени относится к неприятной наиболее бесспорного предложения, каковым я считаю предложение о введении двух отдельных и независимых оценок за сочинение — отдельно за грамотность и за содержание. В школе две оценки выставляются по очевидной причине: там есть два отдельных предмета — русский язык и литература — и две оценки с лёгкостью разносятся по разным графам, присутствующим во всех школьных документах: в дневниках, в классных журналах, в табелях об успеваемости, в аттестатах об окончании средней школы. А что делать с двумя оценками при конкурсе? Включать их в общую сумму баллов? Но это неоправданно повысит вес сочинения в конкурсном отборе, в ущерб другим экзаменам. Брать среднюю арифметическую из двух оценок? Но это приведёт к дробной сумме экзаменационных баллов, чего никогда не бывало. Хотя и это вроде бы не должно было служить препятствием: ведь когда в общий конкурсный балл включалось среднее арифметическое всех оценок из аттестата средней школы, этот общий балл в большинстве случаев оказывался дробным. Возможно, сыграло свою роль и такое соображение: по инструкции каждая письменная работа поступающего — по любому предмету, вынесенному на письменный экзамен, — изучается и оценивается двумя независимыми проверяющими. На практике в случае сочинений один из проверяющих представляет языковедение и не слишком вникает в содержание, другой представляет литературоведение и не следит за орфографией. При системе двух независимых оценок для каждого сочинения потребуется уже не два, а четыре проверяющих (два на язык и два на литературу), что либо ляжет непосильной нагрузкой на экзаменационную комиссию, либо потребует едва ли осуществимого удвоения её состава.

Во второй причине я несколько менее уверен, но всё же назову и её в качестве возможной темы для дискуссии. Эта причина состоит

в желании начальства иметь пространство для произвола. Опытный экзаменатор, получив (или уловив) соответствующее указание, сумеет изыскать такое пространство даже и при оценивании письменных работ по математике — скажем, можно объявить погрешностью как отсутствие в работе проверки найденного решения уравнения, так, напротив, и присутствие такой проверки; в последнем случае заявляется, что экзаменующийся не уверен в своём решении. При оценивании грамотности можно засчитывать или не засчитывать за ошибку очевидную опisku; ошибку повторяющуюся можно считать за одну, а можно за несколько, и т. д. Но всё это требует опыта, а подчас и таланта. В случае же сочинения достаточно написать в рецензии «Тема не раскрыта» или, более осторожно, «Тема раскрыта не полностью» — и нужный результат достигнут.

Третья причина более тонкая. Для лучшего её понимания обратимся к начальным фразам тех двух приказов ректора, которые были приведены выше. Мы обнаружим, что в первом приказе говорится о *письменных работах по русскому языку*, во втором — о *сочинениях по русскому языку*. Слово *литература* отсутствует в текстах приказов. И это при том, что официальное название экзамена — *экзамен по русскому языку и литературе*⁹. Моя гипотеза состоит в том, что эта недоговорённость не случайна. Она вызвана тем, что экзамен *по русскому языку и литературе* маскировался под экзамен *по русскому языку*. Именно так, т. е. «экзаменом по русскому языку», назван этот экзамен во втором приказе Петровского (№ 662). Разумеется, я не обвиняю ректора Петровского в попытке ввести кого-то в заблуждение. Скорее, он вводил в заблуждение себя. И это тоже не совсем точно сказано. Попробую сказать яснее, хотя вижу, что это трудно.

Начну с того, что, как и всякий большой начальник, Петровский по ряду вопросов мог иметь и иногда (по меньшей мере один раз) имел неверное представление о том, что в действительности происходит во вверенном ему учреждении. «По меньшей мере один раз» я написал потому, что ровно один раз я был свидетелем его заблуждения. Дело было 19 мая 1959 года на созванном Петровским совещании по вопросу о создании на филологическом факультете отделения прикладной лингвистики. Выяснилось, что ректор Петровский полагал, что филологический факультет делится на отделение литературоведения и отделение языкознания (подобно тому, как механико-математический

⁹ Так он и назван в § 1 «Выводов и предложений» нашей Комиссии. Сама же Комиссия названа в заголовке этого документа так, как это сформулировано в приказе о её образовании, т. е. без слова *литература*.

факультет делится на отделение механики и отделение математики) и что студенты факультета получают дипломы с указанием одной из двух специальностей — специальности литературоведа или специальности языковеда. На мою долю выпала сомнительная честь объяснить ректору (а заодно и присутствовавшему на совещании Колмогорову, который полагал то же самое), что специальности филологического факультета устроены совершенно по-другому, разделяясь по языкам: «русский язык и литература», «французский язык и литература» и т. п. — без деления на литературу- и языковедение. Таким образом, можно считать, что и в случае сочинения Петровский ошибочно полагал, что цель экзамена — проверка грамотности. Но так можно считать только в первом приближении. Более точно было бы сказать, что Петровскому — и не только ему! — хотелось так считать.

Всякий раз, когда при мне заходил разговор о целесообразности вступительных сочинений, со всех сторон — и от явных проходимцев, и от благороднейших личностей — раздавались голоса, что нельзя принимать в вузы безграмотных людей и потому необходим вступительный экзамен по русскому языку. Против этого никто никогда не возражал. Однако некоторые предлагали для проверки грамотности использовать диктант. Я всегда был сторонник диктанта, и вот почему. Очень трудно, если вообще возможно, составить экзаменационную комиссию из достаточно грамотных экзаменаторов (работа Комиссии П. С. Александрова наглядно это показала). Но можно составить текст диктанта со всеми заранее отмеченными допустимыми вариантами написаний — а тогда написанный диктант можно дать на проверку кому угодно (в идеале — компьютеру). Против диктанта обычно выдвигалось такое возражение: в понятие грамотности входит умение грамотно излагать свои мысли. А для этого лучше всего подходит сочинение. Оставалось, правда, неясным, почему эти мысли должны непременно иметь литературоведческий характер. Но это сомнение парировалось заявлением, что среди тем сочинений может встречаться и так называемая свободная тема. Но уж лучше писать о набившем оскомину образе Татьяны, чем на свободную тему «Партия — наш рулевой».

Итак, подытоживая рассуждения о третьей причине. Защитники сочинений — иногда лицемерно, иногда добросовестно заблуждаясь — обосновывают свою позицию прежде всего необходимостью проверки грамотности (с чем никто не спорит), а также необходимостью проверки умения грамотно излагать свои мысли; при этом литературоведческая составляющая сочинений сознательно или подсознательно отодвигается в тень. Это есть один из главных факторов, приводящих

к устойчивости сочинений в качестве обязательного вступительного экзамена для поступающих на решительно все специальности.

Четвёртая причина. Решают те, кто уже прошёл через сочинения. Это обстоятельство оказывает воздействие на психологию принимающих решения. На уровне подсознания действует формула «Мы же писали, и ничего страшного». Тут есть что-то от неискоренимости дедовщины в армии: подвергнувшиеся ей новобранцы потом сами становятся дедами.

Пятая причина — это культовое отношение к литературе, особенно со стороны так называемого образованного слоя. Если Пушкин — наше всё, то тем более нашим всем является тот департамент, по ведомству которого проходит Пушкин, т. е. литература.

Ещё раз повторюсь: все названные причины — не более чем материал для обсуждения, и я на них не настаиваю. Единственное, на чём я готов настаивать, это на том, что чем страннее распространённое явление (или чем распространённое странное), тем интереснее делается анализ его причин.

Как это происходит в наши дни¹⁰. Говорят, что в наши либеральные и плюралистические времена кое-где сочинения заменяются изложениями и даже диктантами. А то и вовсе отменяются для тех, кто сдал на пятёрки профилирующие экзамены. И это должно радовать. Тем более, что не видно, чтобы ситуация с сочинениями менялась к лучшему.

Казалось бы, что-что, а уж проверка сочинений поступающих на филологический факультет Московского университета осуществляется на высшем уровне. Но вот лично мне известный мальчик Коля Воронцов поступал в 2001 году на названный факультет и писал вступительное сочинение «Художественное мастерство Н. В. Гоголя в создании словесного портрета героя (на материале поэмы „Мёртвые души“)». Он получил тройку — возможно, заслуженную. Однако я решительно не согласен по крайней мере с двумя замечаниями экзаменатора, проверявшего сочинение.

В о з р а ж е н и е п е р в о е. В сочинении была цитата из того 3-го абзаца 1-й главы «Мёртвых душ», в котором описываются пожитки П. И. Чичикова, вносимые в гостиничный номер: «ларчик, красного дерева, со штучными выкладками из карельской берёзы». Запятая после слова *ларчик* была экзаменатором зачёркнута и объявлена пунктуационной ошибкой. И действительно, можно найти издания, где именно этой запятой нет. Но можно найти и такие издания, где присутствуют обе запятые, и такие, где обе они отсутствуют.

¹⁰ Писалось в 2002 году.

В этих условиях ни присутствие, ни отсутствие запятой недопустимо считать пунктуационной ошибкой. Кстати, запяты в цитированном обороте могут присутствовать или отсутствовать в зависимости от смыслового оттенка, от той роли, которую мы желаем придать красному дереву как материалу. Предполагаю, что у самого Гоголя были обе запяты — предполагаю потому, что можно проследить процедуру последовательного изгнания запятых советскими редакторами, поправляющими Гоголя:

Н. Гоголь. Сочинения. — Изд. 3-е. — М.—Л.: ГИЗ, 1929. — С. 409: две запяты;

Н. В. Гоголь. Собрание сочинений: В 6 т. — М.: ГИХЛ, 1949. — Т. 5. — С. 8: две запяты;

Н. В. Гоголь. Собрание художественных произведений: В 5 т. — Изд. 2-е. — М.: Изд-во АН СССР, 1960. — Т. 5. — С. 11: одна запятая (после слова *дерева*);

Н. В. Гоголь. Мёртвые души. — М.: Художеств. лит-ра, 1968. — С. 36: ноль запятых (сообщается, что текст печатается по изданию: *Н. В. Гоголь*. Собрание сочинений: в 7 т. — Т. 5. — М.: ИХЛ, 1967).

Возражение второе. В сочинении была фраза: «Плюшкин предлагает Чичикову коньяк, в котором плавал мусор». Экзаменатор зачеркнул *коньяк* и *мусор* и надписал сверху, соответственно, *наливку* и *муха*. Для начала займёмся мухами. Действительно, Гоголь сообщает нам, что в комнате Плюшкина на бюро, среди прочего, находилась «рюмка с какой-то жидкостью и тремя мухами, накрытая письмом». Однако Плюшкин собирается налить (но, по-видимому, так и не наливает) предлагаемый Чичикову напиток в совсем другую рюмку. Относительно чистоты напитка мы должны руководствоваться словами Плюшкина: «Козявки и всякая дрянь было напичкались туда, но я весь сор-то повынул <...>» (так что мусор там действительно когда-то плавал). Перейдём теперь к проблеме наименования напитка. Чем этот напиток был в действительности, сказать трудно, но только Плюшкин называет его ликёрчиком. Таким образом, если экзаменуемого можно упрекнуть в том, что он не знает Гоголя наизусть, то в том же можно упрекнуть и экзаменатора. Признавая отчасти неуместность наличия у Плюшкина коньяка, я при всех усилиях не смог угледеть принципиальной разницы между мухами и мусором в реализации Гоголем своего художественного мастерства.

И, наконец, для меня было полной неожиданностью, что теперь экзаменаторам разрешается что угодно зачёркивать в проверяемых ими сочинениях. В моё время это запрещалось категорически. ◀●

Лермонтов, Колмогоров, женская логика, выездная виза и сексуальный харассмент

Русская литература о женской логике. — Колмогоров и логика. — Правило Колмогорова для женской логики. — Выездная виза. — Никогда не повторяй ту же шутку — даже для других слушателей. — Ничто не предвещало грозы. — «Я — Гойя» (как сказано Андреем Вознесенским). — Сексуальный харассмент. — Утешительный вывод. — Д о б а в л е н и е 1 от июля 2016 года. Кое-что о политкорректности. — Д о б а в л е н и е 2.

Q: How many feminists does it take to change a light bulb?

A: That's not funny! *(Американский анекдот.)*

Что, если когда-нибудь эти записки попадутся на глаза женщине? «Клевета!» — закричит она с негодованием.

(Журнал Печорина, запись от 11-го июня.)

●► Журнал «Неприкосновенный запас» называет себя «очерками нравов культурного сообщества»¹. ◀●

Политкорректность вряд ли относится к указанным нравам, а вот обсуждение проблем политкорректности — относится. Здесь я хотел

Опубликовано в журнале: Неприкосновенный запас. — 2001. — № 1 (15). — С. 91—99.

¹ ●► Точнее, так он себя называл, когда в июле 2000 года писалась эта заметка. На обложке первых 13 номеров, вышедших с 1998 по 2000 год и блестяще оформленных художником Анатолием Алексеевичем Семёновым, название «Неприкосновенный запас» сопровождалось подзаголовком «Очерки нравов культурного сообщества» и указанием статуса: «Критико-эссеистическое приложение к журналу „Новое литературное обозрение“». С 2001 года с обложки журнала исчезло указание его статуса и радикально поменялось оформление: иллюстрации, предоставленные московской галереей «Ковчег» и украшавшие собою указанные 13 номеров, сменились фотопортретами политических деятелей в № 1 (15) за 2001 год и кажущимися вырезанными из чёрной бумаги силуэтами в последующих двух номерах. (Специализацией галереи «Ковчег» является неидеологизированное советское искусство 20-х — 50-х годов.) А главное — сменился подзаголовок (а с ним и направление журнала). Теперь он таков (а оно таково): «Дебаты о политике и культуре». Поэтому при публикации настоящей заметки в первом номере за 2001 год её первая фраза была изложена менее категорично: «Журнал „Неприкосновенный запас“ среди прочего занимается и „очерками нравов“ культурного сообщества». ◀●

бы пригласить читателя к такому обсуждению, рассказав о своём личном столкновении с темой женской логики. «Больно тема какая-то склизкая», — как выразился Галич, правда по другому поводу.

Русская литература о женской логике

Как известно, великая русская литература предсказала многое — от атомной бомбы («Мир рвался в опытах Кюри атомной лопнувшей бомбой» — это у Андрея Белого) до формализации женской логики (это у Лермонтова).

Женская психология интересовала едва ли не всех русских писателей, женская логика — лишь избранных. Если брать только классиков (не относя к таковым, скажем, Аверченко), то прямые заявления на этот счёт можно найти у Тургенева и у Лермонтова. Тургенев устами Пигасова (в «Рудине», гл. 2) заявляет: «...мужчина может, например, сказать, что дважды два не четыре, а пять или три с половиною, а женщина скажет, что дважды два — стеариновая свечка». Придирчивый критик заметит, что здесь скорее говорится не о какой-то там женской логике, а о том, что женщина склонна к высказываниям, лежащим вне всякой логики.

Лермонтов демонстрирует более тонкий подход. Устами (а точнее рукою) Печорина он стремится проанализировать характерные для женской логики структуры рассуждения. Вот запись из журнала Печорина от 11-го июня:

Нет ничего парадоксальнее женского ума: <...> порядок доказательств, которым они уничтожают свои предубеждения, очень оригинален; чтобы выучиться их диалектике, надо опрокинуть в уме своём все школьные правила логики. Например, способ обыкновенный:

Этот человек любит меня, но я замужем, следовательно, не должна его любить.

Способ женский:

Я не должна его любить, ибо я замужем; но он меня любит, — следовательно...

Тут несколько точек, ибо рассудок уже ничего не говорит <...>.

Придирчивый критик и тут не найдёт того опрокидывания всех правил логики, на которое ссылается Печорин. Скорее, скажет этот критик, здесь вступают в конфликт два силлогизма, нравственный и чувственный, и чувственный побеждает. (Сформулируем оба для ясности. Нравственный силлогизм: замужняя женщина не должна

любить никого, кроме своего мужа; он — не мой муж, а я замужем; следовательно, я не должна его любить. Чувственный силлогизм: я люблю того, кто любит меня; он меня любит; следовательно, я его люблю.) Критику мы возразим, что слово *следовательно* во фразе, избранной Печориным для иллюстрирования женского способа, не вполне уместно после двух предшествующих ему посылок: *Я не должна его любить, ибо я замужем* и *Он меня любит*; из этих посылок по правилам обычной логики мало что следует. Кроме того, возразим мы критику, преобладание гедонистического начала, которое прослеживается в печоринском примере, а ещё точнее — использование этого начала в качестве важнейшего элемента логической конструкции, и есть одна из характерных черт женской логики. Это было установлено Колмогоровым (о чём смотри ниже). «При имени Колмогорова тотчас осеняет мысль о русском национальном учёном», как сказал бы Гоголь. Поэтому разговор о русской литературе плавно перетекает в разговор о русской науке.

Колмогоров и логика

Среди представителей российской науки не столь уж много тех, кого по общемировым стандартам можно было бы назвать великим учёным. Таковы, на наш взгляд, трое: Михаил Васильевич Ломоносов, Дмитрий Иванович Менделеев, Андрей Николаевич Колмогоров. Уже для весьма нами уважаемого Ивана Петровича Павлова мы предпочли бы понятие «великий физиолог».

Отступление. Понятие «великий физиолог» так же отличается от понятия «великий учёный», как «великий баснописец» от «великого поэта». Каждый может легко убедиться в различии последних двух понятий, обратившись к дефинициям, используемым в кроссвордах, сканвордах, чайнвордах и аналогичных инструментах развивающего досуга. Не знаю, проводил ли кто-либо исследование этих дефиниций под углом отражения в них общественного сознания; если нет, то стоило бы такое исследование осуществить. Вот результат мысленного эксперимента: *великий русский баснописец* — Крылов; *великий русский поэт* — Некрасов; *наше всё* — Пушкин.

Для полноты картины мы должны привести здесь некоторые факты научной биографии Колмогорова (25.04.1903 н. ст. — 20.10.1987). Логика была любовью его молодости; он вернулся к ней на склоне своих лет. В 1925 году Колмогоров опубликовал статью «О принципе *tertium non datur*», входящую в общепризнанный золотой фонд сочи-

нений по математической логике, сочинений, определивших лицо этой науки. А с начала 1980 года до конца жизни Колмогоров возглавлял кафедру математической логики мехмата Московского университета.

Я прошу прощения у читателей за детали, которые могут показаться обременительными и ненужными, но без них дальнейшее изложение делается существенно менее понятным. Колмогоровская статья 1925 года была посвящена так называемой интуиционистской логике, а именно — её формализации. *Интуиционистская* логика, в отличие от обычной, называемой также *классической*, не признаёт закона исключённого третьего, он же — принцип «третьего не дано» (*tertium non datur*). Этот принцип утверждает, что какое ни возьми высказывание **A**, что-нибудь одно, **A** или **не-A**, непременно верно: не может быть, чтобы было верно нечто третье. Формализация же какой-либо логики, будь то классической, интуиционистской или иной, состоит в том, что предъявляется два точно описанных и исчерпывающих списка: список *аксиом* и список *правил вывода*. Аксиомы провозглашаются истинными по определению; например, в классической (но, разумеется, не в интуиционистской) логике в качестве одной из аксиом как раз и выступает закон исключённого третьего. Правила вывода задают те процедуры, посредством которых из заданных посылок выводятся непосредственные следствия; верны или неверны при этом сами посылки, несущественно. Одним из правил вывода (и для классической, и для интуиционистской логики) является, например, такое правило:

Из двух посылок: [если P, то Q] и P — следует Q.

Или, короче,

Пусть $[P \Rightarrow Q]$ и P; тогда Q.

Это правило иногда называют правилом *modus ponens*, а иногда — правилом отделения. Вот пример на применение правила *modus ponens*. Предположим, что верны два утверждения: *Если NN посещает Банные чтения, то он читает «НЛО»* (это есть $P \Rightarrow Q$) и *NN посещает Банные чтения* (это есть **P**). Тогда верно и утверждение: *NN читает «НЛО»* (это есть **Q**)².

² ●► Для понимания изложенного примера нет нужды знать ни что такое Банные чтения, ни что такое «НЛО» — как не нужно знать, кто таков NN. Оставляя инкогнито NN нераскрытым, поясним всё же, что «НЛО» есть стандартная аббревиатура для названия журнала «Новое литературное обозрение», а Банные чтения — это ежегодно проводимая названным журналом конференция на филологические и культурологические темы; название взято из наименования Банного переулка, в котором когда-то располагалась редакция журнала. ◀●

Правило Колмогорова для женской логики

Всё сказанное имело целью подготовить далёкого от математической логики читателя к восприятию колмогоровского открытия. Открытие состоит в формулировке следующего правила женской логики:

Правило Колмогорова.

Пусть $[P \Rightarrow Q]$ и $[Q \text{ приятно}]$; тогда P .

Сообщая мне своё правило, Колмогоров не утрудил себя приведением какого-либо примера. Приведём таковой для ясности. Итак, вот пример на применение правила Колмогорова: если у мужа найдутся деньги, у меня будет новая шубка; иметь новую шубку приятно; отсюда следует, что у мужа найдутся деньги. Поясним более подробно, как именно правило Колмогорова применяется в этой житейской ситуации. Здесь P — это «у мужа найдутся деньги», Q — это «обладание новой шубкой». Тогда конструкция «если у мужа найдутся деньги, у меня будет новая шубка» может быть записана как $P \Rightarrow Q$, а выражение «иметь новую шубку приятно» — как $Q \text{ приятно}$. Применение к этим двум записям правила Колмогорова даёт P .

Колмогоров сообщил мне своё правило в 80-х годах (скорее всего, летом 1984 года). Я очень обрадовался и в частных беседах рассказал о нём ряду коллег. Они повеселились вместе со мной. Но воистину прав был царь Соломон, сказавший «концом радости бывает печаль» (Притчи, 13:14). Правота царя подтвердилась, однако, не сразу. Надлежало ещё, чтобы Ассоциация символической логики провела свою Европейскую конференцию 1989 года.

Выездная виза

С годами всё больше и больше забывается, как во времена советской власти обстояло дело с временным выездом из СССР. Однако помнить об этом — нравственный долг культурного сообщества³, каковое сообщество выделяется из других сообществ, между прочим, и тем, что его память структурирована и осознана. С целью облегчить работу будущему историку, напомним некоторые основные моменты.

Прежде всего, нужна была выездная виза (последний раз я получал такую ещё весной 1993 года!). Просто так никого не выпускали.

³ Здесь я снова ссылаюсь на полное название журнала «НЗ» ●► — теперь уже бывшее название ◀◀.

Двоемыслие (doublethink), по Оруэллу, состоит не в том, что думается (и говорится) то одно, то другое, а в том, что в сознании мирно уживаются две противоположные мысли.

► Замечательным примером двоемыслия, характерного для советского умонастроения, служило сочетание в нём элементов двух противоположных мировосприятий, материалистического и идеалистического. Материализм был провозглашён официальной идеологической догмой советского общества. Однако это ничуть не препятствовало тому, чтобы объявить идеалистическим представление о гене как о материальном носителе наследственности и, напротив, признать материалистическим и даже канонизировать учение «народного академика» Трофима Лысенко о таинственной жизненной силе, разлитой по всему живому веществу. Именно эта живая сила превращала эмбрион пёнышки или камышовки в птенца кукушки. (Вспомним, что, согласно Лысенке, появление кукушонка в гнезде птицы другого вида объяснялось вовсе не тем, что кукушка отложила в это гнездо своё яйцо, а вылуплением упомянутого кукушонка из яйца, снесённого хозяйкой гнезда; и это таинственное и внезапное превращение одного биологического вида в другой считалось материализмом.) Весной 1951 года я был студентом IV курса механико-математического факультета Московского университета и присутствовал на обязательных (я бы сказал, более чем обязательных) семинарских занятиях по политической экономии социализма; преподаватель политэкономии, проводивший в нашей учебной группе эти занятия, обратился к нам со словами горького и, по-видимому, искреннего упрёка: «Вот вы все тут комсомольцы, — сказал он. — А недавно была Пасха (он, конечно, произнёс это слово со строчной буквы — *В. У.*). Так многие из вас и кулича попробовали, и пасхи». Помнится, меня поразило тогда отсутствие у нашего марксиста малейшего сомнения в мистическом воздействии освящённых предметов — но только воздействию не положительном, а — с его точки зрения — отрицательном. О сходном эпизоде, случившемся много лет тому назад, в советское время, в Ярославле, рассказывает Михаил Ардов в главе «Свежо предание...» своих «Мелочей архи..., прото... и просто иерейской жизни»:

Некий чудаковатый батюшка пошёл в день выборов отдать свой голос. <...> Прежде чем получить бюллетень, батюшка окропил урну и всё вокруг святой водой. Члены избирательной комиссии буквально зашлись от гнева:

— Вы нам тут всё осквернили!

Читатель моего поколения сможет, без сомнения, привести и другие примеры мистицизма, присущего советскому коммунистическому мировоззрению.

Разговор о двоемыслии будет не полон, если не указать, что наряду с очевидным двоемыслием советская идеологическая доктрина содержала в себе и некие механизмы его подавления. На занятиях по марксизму нас, студентов, учили, что марксистская идеология отражает объективную реальность. (По словам Ленина, «учение Маркса всесильно, потому что оно верно»; я бы сказал, что учение Маркса было признано верным в нашей несчастной стране, потому что ему было суждено оказаться в ней всесильным.) С другой стороны, на тех же занятиях нас учили, что всякая идеология относительна, поскольку выражает классовые интересы того или иного общественного класса. Я набрался смелости и задал обучавшему нас лицу вопрос (за который мог бы и поплатиться), как сочетать два указанных тезиса, казалось бы друг другу противоречащих. Ответ был замечателен. Мне было сообщено, что всё очень просто: рабочий класс (а его классовые интересы как раз и выражает марксистская идеология диалектического и исторического материализма) есть единственный общественный класс, относительная, субъективная, классовая идеология которого совпадает с той, которая объективно отражает действительность. ◀●

В советском менталитете одновременно присутствовали, например, две такие идеи: 1) наш строй, наша страна, наш образ жизни и т. д. — самые лучшие в мире; 2) любой нормальный человек, дай только ему такую возможность, отсюда сбежит. Поэтому-то по возможности никого и не выпускали. Совсем не выпускать было нельзя — в частности, чтобы не портить имидж (как сказали бы теперь) страны. Известно высказывание президента Академии наук Келдыша: «Вред от невыпускания Гельфанда уже превзошёл весь мыслимый вред, который мог бы произойти от его выезда». (Израиль Моисеевич Гельфанд — знаменитейший математик; кстати, ученик Колмогорова.)

Процесс получения выездной визы начинался с одобрения иностранного отдела; с какими органами был связан этот отдел, можно было легко догадаться. Иностраный отдел запускал две неприятные, а нередко и унижительные параллельные процедуры: получение медицинской справки и получение характеристики.

Собирающийся временно выехать (даже по частному приглашению!) должен был пройти полное медицинское обследование на уровне врачебно-трудовой экспертизы. Анализ на бледную спирохету со взятием крови из вены (от чего некоторые теряли сознание). Справка из психдиспансера о несостоянии на учёте. Когда один из известных

наших музыкантов, выезжающий на гастроли (кстати, пополнявшие казну), пытался робко протестовать, министерский чиновник доходчиво объяснил ему: «А вы знаете, сколько это будет стоить — вывезти ваш труп из-за рубежа?».

Ещё противнее было получение характеристики, утверждённой райкомом, т. е. районным комитетом Коммунистической партии. Боюсь, что кое-кто из читателей нового поколения (старые-то поколения знают!) может ошибочно подумать, что утверждению райкомом подлежали лишь характеристики членов партии. Глубокое заблуждение. Каждый, партийный или беспартийный, имел свой райком — по месту работы для работающих, по месту жительства для неработающих⁴.

Обычная процедура получения характеристики для выезда состояла в том, что претендующего на временный выезд вызывали в райком, где с ним с пристрастием и с подозрением в дурных намерениях беседовала специальная выездная комиссия, чаще всего состоящая из партийных пенсионеров. Общение с такой комиссией было ещё мучительнее, чем участие в политзанятиях, представлявших собою знамение времени.

Вечером 3 октября 1993 года, когда казалось, что вектор исторического развития России поворачивается вспять, мне довелось

⁴ ●► Создаётся впечатление, что поколение, вступившее в сознательный возраст после крушения советской власти, если и знает что-либо о присущих этой власти мрачных реалиях, то прежде всего о явных, очевидных кошмарах. Оно, это поколение, осведомлено об ужасах Гулага и — уже в гораздо меньшей степени — об ужасах коллективизации, но практически ничего не знает о гнетущих деталях повседневности — в частности, о таком понятии, как «характеристика». О необходимости утверждённой райкомом характеристики при выезде за границу только что было сказано. Но характеристика более низкого ранга, без райкомовской печати, подписанная тремя начальниками: административным, партийным (эта подпись была решающей) и профсоюзным — требовалась по самым разнообразным поводам. Партийное одобрение нужно было, например, при получении разрешения на работу по совместительству — т. е. на дополнительную, помимо основного места найма, работу, дававшую дополнительный заработок. В таком одобрении могло быть отказано без объяснения причин: ведь причины бывают у того или иного решения, а тут ведь нет решения о неодобрении, а всего лишь имеет место отсутствие решения. Институт характеристики был одним из весьма действенных инструментов контроля. Надо ли повторять, что характеристика с подписью партийного начальства требовалась всем — и партийным и беспартийным. (Кстати, в 60-х годах меня звали в партию, но я выдвинул следующее к тому препятствие. Представителям партийных властей я объявил, что не могу быть в партии потому, что ставлю свои личные обязательства выше обязательств общественных. Аргумент был совершенно искренний; лицемерие моё состояло в заверении, что я якобы пытаюсь побороть названный недостаток.) ◀◀

услышать такую произнесённую грустным голосом оценку происходящего: «Опять будет политчас...».

► Впрочем, на политчасах можно было иногда услышать кое-что уникальное. Как известно, Г. А. Насер, президент Египта в 1956—1970 годах, коммунистов в своей стране (более или менее всех, кого ему удалось поймать) посадил в тюрьму. Это не мешало ему быть лучшим другом СССР и даже получить от Хрущёва звание Героя Советского Союза (о чём, впрочем, постхрущёвские советские справочные издания умалчивают). На одном из политических инструктажей, на котором мне пришлось присутствовать, проводившему его уполномоченному лицу был задан вопрос, существует ли в Египте коммунистическая партия. Ответ был таков: «Да, существует — и, находясь в глубоком подполье, поддерживает правительство».

Вместе с политчасом несомненно вернулось бы и обязательное обучение — в течение всех семестров — всех студентов марксизму. Читатель моего поколения не нуждается в напоминании, как это происходило и какова была последовательность так называемых «общественных дисциплин»: сперва история КПСС, затем диалектический материализм, затем исторический материализм. Параллельно с материализмами начиналась политическая экономия: сперва курс политэкономии капитализма, на котором научно доказывалось что капитализм полностью загнил и вот-вот рухнет, затем курс политэкономии социализма, на котором не менее научно обосновывалось неизбежное торжество социализма. И, наконец, венец всего — странная дисциплина под названием «научный коммунизм». ◀

На утверждение райкома выносилась характеристика, содержащая магические фразы «Идеологически выдержан», «Морально устойчив», «Рекомендуется к выезду в ... для ...» и подписанная так называемым «треугольником», состоящим из начальника места работы, партийного секретаря и профсоюзного председателя (а для комсомольцев — ещё и комсомольского вожака). Хотя подпись партийного руководителя геометрически стояла на втором месте, она-то и была самой главной и обычно ставилась хронологически первой, а остальные ставились тогда почти автоматически. Места работы делились на предприятия, организации и учреждения; замечательно, что советский язык так и не сумел выработать единый термин для обозначения всех этих институций. В больших учреждениях, организациях, предприятиях с многоступенчатой иерархической структурой получению подписей треугольника предшествовало получение подписей треугольников, соответствующих всем промежуточным ступенькам. Нередко — как условие получения партийной подписи — предмет характеристики

бывал вызываем на заседания соответствующих звеньев местного партийного руководства: на заседание парткома (высшее звено), партбюро (среднее звено), партгруппы (низшее звено). Чем ниже было звено, тем ближе к характеризруемому были участники собрания, тем с большим смаком они обсуждали подробности его личной жизни («Ты людям всё расскажи на собрании» — всё тот же наблюдательный Галич). Сам я с этим не сталкивался, но слышал и о взятках за подписание нужной характеристики.

Унижение продолжалось и по возвращении. В отчёт о зарубежной командировке полагалось вписывать ритуальную фразу: «В беседах с иностранными учёными разъяснял им миролюбивую политику Советского правительства». Когда в начале 1990-х годов, ещё в СССР, вернувшись очередной раз из-за рубежа, я по привычке написал эту фразу, в иностранном отделе мехмата мне сказали: «Не надо». И я понял, что Советская власть близка к концу. Другое ощущение близкого конца режима я увидел в строках: «Когда Михал Сергеич серьгу проденет в ухо, когда Зайков Рыжкова ногою двинет в брюхо...» (далее не помню), написанных в одном из многочисленных дацзыбао, коими был увешан проход к подъезду клубной части Главного здания МГУ на Ленинских горах.

Не то, чтобы я был совсем невыездной. Меня дважды, в 1958 году и в 1978 году выпускали в Польшу — первый раз в составе группы советских туристов, второй раз по частному приглашению (от ныне покойной незабвенной Марии Ренаты Майенóвой). Но по приглашению зарубежных университетов и конференций не выпускали даже в Болгарию; я написал «даже», потому что по негласной, но всем известной градации Болгария, из всех соцстран, числилась самой духовно близкой и получить разрешение на выезд в Болгарию было много легче, чем куда-либо (разве что в Монголию?).

Однажды я не выдержал и поговорил на тему о своём статусе с компетентными лицами. Не помню уже, были ли они представителями партийных или иных органов, но они оказались в курсе дела. «Не волнуйтесь, — сказали мне, — к вам нет претензий. Не думайте, что вы в чёрном списке. Спокойно работайте». — «Тогда какие же основания меня не выпускать?» — спросил я. «А нет таких оснований». — «Тогда почему же меня не выпускают?». — «А нет оснований выпускать». Мои попытки выдвинуть в качестве основания тот факт, что все расходы готова взять на себя принимающая сторона, были встречены с удивлением. Мне было сказано примерно следующее: «Как взрослый человек Вы должны понимать, что это скорее минус, чем плюс». (Те времена имели свою прелесть: власти

не смущались тогда расходами, а билет Аэрофлота приобретался по безналичной бумажке, выдаваемой с большой лёгкостью.)

Ветер перемен дунул на меня осенью 1986 года, когда меня выпустили на конференцию в Болгарию. Однако в 1987 году на Летнюю Европейскую конференцию АСЛ в Испании выпустить отказались (при том что в приглашении, рассылаемом всем приглашённым, был указан в качестве одного из немногих основных докладчиков — *keynote speakers*). И до, и после этого несколько зарубежных приглашений я, не давая им хода, просто выбросил.

И вот, наступает 1989 год, и я получаю приглашение на очередную Европейскую конференцию АСЛ. И куда! В Западный Берлин, само существование которого десятилетиями работало на раздор двух противостоящих лагерей. Хуже этого могли быть только Южная Корея или Тайвань. В самом деле, что такое был Западный Берлин юридически? Особая политическая единица, не входящая в состав ни одной из двух Германий. Официальный режим — оккупационный, под номинальным управлением четырёх держав: США, Великобритании, Франции, СССР. Всё это я знал. Потом, когда я туда прибыл, я увидел украшенное четырьмя флагами здание Союзного Контрольного Совета, который, впрочем, много лет как не собирался. Город оказался разделённым на три сектора, границы между которыми хотя и были свободно проходимы, но всё же местами обозначались щитами с надписями на четырёх языках:

«ВЫ ПОКИДАЕТЕ ФРАНЦУЗСКУЮ ЗОНУ ОККУПАЦИИ»,

«ВЫ ВСТУПАЕТЕ В АМЕРИКАНСКУЮ ЗОНУ ОККУПАЦИИ»

и т. д.; эти щиты запомнились мне потому, что русская прописная буква у писалась на них неправильно, а именно в виде прописной буквы игрек. Как мне рассказали, за иностранными визами жители Западного Берлина должны были обращаться в военное представительство Норвегии.

Сами приглашающие организаторы понимали деликатность ситуации. Это доказывает следующая деталь. Приглашение пришло ко мне дважды, с разницей в несколько дней. В первом варианте было сказано, что место проведения конференции есть Berlin, West Germany. Во втором варианте первый вариант аннулировался как неточный и объявлялось, что местом проведения конференции является West Berlin.

Короче, сам Бог велел игнорировать подобное приглашение. Но я (видимо, почувствовав что-то в воздухе) отправился с ним в иностранный отдел своего университета. «Оформляйтесь», — сказали

мне. Почти шатаясь, я вышел в коридор. Но вскоре вернулся. «Вы знаете, — сказал я, — оформление требует столько времени и сил... Характеристика, медицинское обследование... А тут мало шансов: два года назад вы не пустили меня по аналогичному приглашению и даже более почётному: ведь моё имя как одного из основных докладчиков стояло в рассылаемых извещениях; впрочем, Вы, конечно, не можете этого помнить». «Отчего же, помним, — возразили мне. — Просто тогда Вы не изъявляли явного желания ехать, а сейчас изъявляете». Почти шатаясь, я вышел в коридор. И снова вернулся. «Вы знаете, — сказал я, — оформление требует столько времени и сил... Характеристика, медицинское обследование... А тут мало шансов: обратите внимание, это ведь Западный Берлин!». «Не мешайте работать!» — сказали мне. Тут я поверил. И меня впервые в моей жизни выпустили за железный занавес.

Я прошёл через железный занавес в буквальном, физическом смысле: 24 июля 1989 года самолёт прилетал в Восточный Берлин, в аэропорт Шёнефельд, а далее надо было пешком проходить сквозь Стену. Предварительно я дал примечательную подписку о том, что если мне во время пребывания в Западном Берлине захочется посетить Западную Германию, то я обязуюсь вернуться в Восточную Германию, а уже оттуда ехать в Германию Западную.

В 1954 году балет Большого театра впервые выехал на гастроли на Запад, а именно во Францию. Поездки на Запад тогда были в диковинку и на любого, побывавшего *там*, смотрели, как на вернувшегося с Луны. «Ну как там, Константин Порфирьевич?» — спросили при мне портного театра, сопровождавшего труппу и только что вернувшегося. «У йих всё не по-нашему», — ответил портной. Сейчас, более чем через десятилетие, в памяти остались два впечатления о том, что именно в Западном Берлине было не по-нашему. Во-первых, не нашенская пропорция цен. Скажем, чашка кофе в хорошем кафе стоит 4 марки, а наручные электронные часы — правда, выгребаемые покупателем прямо на улице из большой картонной коробки, но исправно идущие, показывающие день недели и т. п. — 1 марку; эта неправильная пропорция до того раздражала некоторых моих коллег из СССР, что они ежедневно отправлялись через стену в Восточный Берлин (благо, наши паспорта давали такую возможность), чтобы ощутить себя в атмосфере нормальных советских ценовых пропорций, когда обычный обед стоит дешевле часов. И второе впечатление. Конференция проходила в помещении Технического университета и открылась в большой аудитории амфитеатром. После церемонии открытия и одного или двух пленарных докладов нас всех перевели

в такую же аудиторию напротив; операция эта выглядела довольно странной. Оказалось, что городские власти, из гигиенических соображений, не позволяют никакой аудитории быть заполненной более двух часов; теперь она в течение какого-то времени должна была пребывать пустой, наподобие поля под паром.

Никогда не повторяй ту же шутку — даже для других слушателей

Итак. Ассоциация символической логики объявила очередную конференцию; местом проведения был назначен Западный Берлин.

Ассоциация символической логики (Association for Symbolic Logic), сокращённо АСЛ (ASL), — крупнейшая организация современных (т. е. не чуждающихся математики) логиков. Юридически эта организация американская, но широкое иностранное членство делает её по существу международной. Основанная в 1936 году, она регулярно проводит Летние Европейские конференции (European Summer Meetings). На июль 1989 года была назначена очередная такая конференция, и я получил на неё приглашение. Я получал подобные приглашения и ранее, но меня не выпускали из СССР. К моему крайнему удивлению, на это раз меня выпустили.

Мой доклад назывался «Колмогоров и математическая логика» и был назначен на полвосьмого вечера, т. е. на то время, которое обычно отводилось для социальных мероприятий, образующих шлейф конференции — концертов, приёмов и т. п. Эта деталь предьявляла к докладчику специальные требования. Руководитель конференции проф. Тиле (Thiele) дал понять, что было бы желательно, чтобы доклад имел содержание более широкое, нежели чисто математическое, и что было бы даже неплохо, если бы докладчик нашёл возможность проявить чувство юмора. Запомним это. В рамках конференции в эти часы не происходило никакого параллельного мероприятия, и это обстоятельство, а также уважение к Колмогорову позволили собрать довольно большую аудиторию, человек двести. Запомним и это.

Я рассказывал о выдающемся вкладе Колмогорова в математическую логику в широком смысле (включающем теорию алгоритмов) и, в частности, о том, что он первым предложил формализацию, т. е. систему аксиом и правил вывода, для интуиционистской логики (см. выше). Надо сказать, что классическая логика имеет ясную семантику и потому может быть описана в терминах последней; интуиционистская же логика не имеет столь же ясной семантики и потому её формализация оставалась единственным средством её точного описания.

(Сказанное имеет целью прояснить принципиальную важность работы Колмогорова 1925 года.) В этом месте изложения напрашивалось упоминание о том, как Колмогоров формализовал женскую логику. Я изложил правило Колмогорова. Зал ответил дружным смехом, и никто из около двухсот присутствующих не выразил ни малейшего неудовольствия. Более того, я удостоился публичного комплимента от проф. Тиле, и он любезно взял у меня текст моего доклада, написанный от руки по-английски, с целью отпечатать этот текст и представить его для публикации в «Журнал символической логики» («The Journal of Symbolic Logic», сокращённо «JSL») — официальный орган Ассоциации символической логики.

Упомянуть правило Колмогорова для женской логики в серьёзном научном докладе — это казалось таким остроумным! Находясь в эйфории от собственного остроумия, я решил повторить эту шутку в городе Бостоне, что в американском штате Массачусетс. 16 ноября 1989 года я выступил в Бостонском университете с лекцией «Вклад Колмогорова в логику и в компьютер сайенс⁵». На этой лекции я повторил свою шутку, произнесённую чуть менее четырёх месяцев назад в Западном Берлине. Реакция аудитории была совершенно другой. Вместо смеха — гробовое молчание и общее смущение. После лекции организаторы выразили мне своё крайнее неодобрение; они сказали, что мои слова были в высшей степени политически некорректны — так некорректны, как если бы они были расистскими. (Как если бы я сказал что-нибудь вроде: «Речь идёт о формализации логики этих ...», где вместо многоточия стояло бы название одной из этнических групп, да ещё с каким-нибудь нелестным эпитетом.) Это был мой первый визит в США, я был совершеннейшим новичком в американской проблеме политической корректности⁶, а если говорить честно, то и не подозревал о существовании такой проблемы. Поэтому я был потрясён происшедшим. Я был уверен, что в моей стране никто не почувствовал бы себя оскорблённым, если бы услышал такую шутку. И я убеждён, что к настоящему времени (т. е. к июлю 2000 года) существенного изменения ситуации в России не произошло. По счастью.

⁵ Англоязычный термин «computer science» не имеет удовлетворительного перевода на русский язык. Наиболее близкий перевод — «теоретическая информатика».

⁶ ●●> Зато теперь я знаю, что политкорректность — это не только американская, но и западноевропейская проблема, и что западный мир когда-либо погибнет из-за того тупика, в который он сам себя загнал, эту проблему создав. Кое-какие мысли на эту тему изложены в «Добавлении от июля 2016 года о политкорректности». ◀●●

Ничто не предвещало грозы

Меж тем в Западном Берлине под наблюдением проф. Тиле печатали на компьютере текст моего доклада. А я только мешал этому процессу, внося поправки в присылаемые мне оттуда последовательные версии текста.

Вплоть до повсеместного распространения компьютеров в нашей стране — а это, на мой взгляд, произошло в середине девяностых — изготовление текста на иностранном языке, пригодного для начала редакционно-издательского процесса, представляло собой серьёзную самостоятельную проблему. Сейчас я с лёгкостью набрал на компьютере эпиграф на английском к настоящему очерку. А ещё в 1991 году я посылал японскому коллеге, составлявшему некий сборник, статью для этого сборника, написанную от руки. Но такое можно было позволить себя в отношении коллеги, но не редакции журнала.

Наконец, окончательная компьютерная распечатка была отправлена из Западного Берлина в США, в Ассоциацию символической логики. 11 апреля 1991 года офис Секретаря-Казначей Ассоциации, расположенный в городе Эрбана (Urbana), Иллинойс, уведомил проф. Тиле, что статья получена и направлена проф. Бёджесу из Принстонского университета (штат Нью-Джерси). Проф. Бёджес отвечал в редколлегии журнала за обзорные статьи. Письмом от 24 сентября 1991 года он известил меня, что статья принята.

21 ноября 1991 года я получил пакет из Провиденса, штат Род-Айленд, посланный мне Издательским отделом Ассоциации. В пакете была корректура моей статьи.

Отступление. Таким образом, моя статья, предназначавшаяся для одного из центральных американских изданий, была послана в один штат, рассматривалась в другом, а набиралась в третьем. Отмечаю это потому, что подобную географическую рассредоточенность центров и процедур нахожу существенной чертой американской цивилизации. Как я понимаю, далеко не все центры федерального уровня расположены в Вашингтоне. Что же касается издания, скажем, журнала, то пространственная удалённость друг от друга этапов издательского процесса повышает самостоятельность, а тем самым, и ответственность исполнителей каждого этапа. Как кажется, эта недообсуждённая в нашей печати черта американской цивилизации, а именно, её рассредоточенность, немало способствует очевидным успехам этой цивилизации — и не видно, где бы она могла идти этой цивилизации во вред.

На меня произвело впечатление качество присланной корректуры. Текст был напечатан на таком уровне бережности и аккуратности, к какому я не привык. Особенно меня поразило тщание, с которым был обработан список литературы. Каждая позиция была проверена и перепроверена. Вот типичная и примечательная цитата из сопроводительного письма ведущего редактора Ралфа Сайзера, касающаяся одной из таких позиций: «При перепроверке я обнаружил, что номера страниц должны быть 217—245 (вместо 244)».

В корректурных оттисках изложение колмогоровской формализации интуиционистской логики заканчивалось словами:

Таким образом, здесь мы имеем исторически первую попытку формализовать интуиционистскую логику посредством построения аксиоматической системы.

А после этой фразы, в скобках, шёл следующий пассаж:

(Между прочим, это был не единственный случай, когда Колмогоров предложил аксиоматизацию для некоторой неклассической логики. В частной беседе со мной он выдвинул следующее правило вывода для «женской логики»: «если $[P \Rightarrow Q]$ и $[Q \text{ приятно}]$, тогда P ».)

Разумеется, все цитаты как из корректуры, так и из переписки с журналом, приводятся здесь в переводе с английского. В корректуре словосочетание «женская логика» выглядело так: *a «woman's logic»*. Мне показалось, что неопределённый артикль (если он вообще тут нужен) должен стоять внутри кавычек: «*a woman's logic*», — о чём я, со всеми необходимыми оговорками о моём плохом знании английского и заранее соглашаясь с редактором, и написал на полях корректуры.

Кроме того, в корректуре я добавил следующее подстрочное примечание к формулировке правила Колмогорова:

Аудитория, собравшаяся в Берлине 28 июля 1989 года, встретила доброжелательным смехом моё замечание о формализации Колмогоровым «женской логики». То же самое замечание было встречено недоброжелательным молчанием, когда я делал доклад «Вклад Колмогорова в логику и в компьютер сайенс» в Бостонском университете 16 ноября 1989 года. Я осмеливаюсь полагать, что даже великая борьба за женские права могла бы допускать немного чувства юмора.

Я отослал обратно вычитанную корректуру, и г-н Сайзер подтвердил её получение письмом от 12 декабря 1991 года:

Ваша исправленная корректура пришла сюда сегодня. Спасибо за быстрое её возвращение <...>. Подстрочные примечания будут добавлены там, где Вы указали.

(Всего подстрочных примечаний было два. Другое выражало мою благодарность проф. Тиле, которую я здесь повторяю. Вряд ли он прочтёт эти строки, но уж если не горят рукописи — то тем более благодарности.)

Всё шло как нельзя лучше. Ничто не предвещало грозы.

«Я — Гойя» (как сказано Андреем Вознесенским)

Однако погода изменилась очень быстро. Вскоре я получил новое письмо из Провиденса, датированное 23 декабря 1991 года. Письмо было от Ралфа Сайзера, но в отличие от предыдущих его писем, было написано от руки. Эта деталь сообщала письму подчёркнуто личный характер. Впрочем, не удивлюсь, если американские законы запрещают использовать для таких писем казённое оборудование. Или же автор письма не хотел оставлять в этом оборудовании следы своего письма. Вот что там было написано:

Проблему шутки относительно «женской логики» я передал проф. Бёджесу, и он решил, что было бы лучше просто удалить эту шутку. Мы оба сожалеем о имеющемся в настоящее время недостатке юмора в США, что и вызывает эту необходимость.

Женская логика была написана по-английски безо всякого артикля: *the «woman's logic» joke*. Не исключено, что более глубокий анализ английского текста письма привёл бы к тому, что в русском переводе слово *недостаток* должно быть заменено на *отсутствие*: в подлиннике — *the present lack of humor in the USA*.

Проф. Бёджес также написал мне письмо. Однако до меня оно не дошло. Ничего удивительного: наша страна была в те годы (а отчасти и осталась) очень специальной — VSOP (т. е. «very special old product»), как пишут на этикетках изысканных напитков. В начале девяностых годов время от времени появлялись газетные публикации (кажется, и телерепортажи) о мешках, найденных в подмосковных лесах; мешки были заполнены недоставленными авиаписьмами из-за рубежа.

Возможно, впрочем, что письмо проф. Бёджеса показалось слишком интересным перлюстраторам и они оставили его себе. Я полагаю, что оно действительно было интересным, что косвенно подтверждается короткой запиской проф. Бёджеса от 17 января 1992 года. (Из неё, кстати, я и узнал об утерянном письме.) Вот её полный текст:

Нашёл в газете на следующий день после того, как я написал Вам. Это даст Вам некоторое представление об условиях здесь.

В знак симпатии к проф. Бёджесу помещаю здесь его портрет.

Записку Бёджеса сопровождала ксерокопия газетной заметки. Ни названия газеты, ни даты. Заметка была озаглавлена так: «Франциско Хосе де Гойя осуждён за сексуальный харассмент» («Francisco Jose de Goya Convicted of Sexual Harassment»). Она рассказывала о том, как администрацию одного из кампусов, принадлежащих Пенсильванскому Университету, заставили снять со стены копию знаменитой картины Гойя «Обнажённая маха».



Профессор
Джон Паттон Бёджес.



Картина «Обнажённая маха» Франциско Хосе де Гойя.

Одна из фраз заметки была помечена автором записки:

Суды признают сексуальный харассмент [sexual harassment] имеющим место, коль скоро возникает «враждебная рабочая атмосфера» [«hostile work environment»].

Ссылку на американские суды я воспринял если не как скрытую угрозу, то как предупреждение об опасности. Взятые в кавычки словосочетание разъяснялось в той же газетной заметке следующим образом:

«Враждебная рабочая атмосфера» означает как слова, так и изображения. (И правила вывода, следовало бы прибавить. — В. У.) Это означает ослабление Первой Поправки — и её духа, — установившееся в этой обширной сфере американской жизни.

Вот полный текст Первой Поправки (ратифицированной 15 декабря 1791 года) к Конституции США (введённой в действие 4 марта 1789 года):

Конгресс не должен издавать ни одного закона, относящегося к установлению религии либо запрещающего свободное её использование, либо ограничивающего свободу слова или печати или право народа мирно собираться и обращаться к правительству с петициями об удовлетворении жалоб.

Мне оставалось лишь гордиться тем, что у моего скромного текста оказалась та же судьба, что и у репродукции великой картины.

Сексуальный харассмент

В предыдущем разделе выражение *сексуальный харассмент* использовалось с такой свободой, как если бы оно присутствовало в русском языке. Надеемся, что этим был сделан шаг к его присутствию. Потребность в таком присутствии имеется, поскольку понятие — надо признаться, довольно расплывчатое — есть, а подходящего выражения для него нет. Само выражение *сексуальный харассмент* представляет собою морфологическую передачу⁷ англоязычного выражения *sexual harassment* (с каноническими ударениями — на первом слове в британском английском и на втором в американском английском).

⁷ В лингвистике *морфологической передачей* называется ситуация, когда иноязычное слово транслитерируется с последующим приспособлением его, для удобства склонения и спряжения, к морфологии родного языка.



Предупреждение на монорельсовой станции Окинава (Япония).
Надпись гласит: «ощупывание является преступлением».

Посмотрим, что говорит об этом выражении англоязычная Википедия (Wikipedia):

Sexual harassment is bullying or coercion of a sexual nature, or the unwelcome or inappropriate promise of rewards in exchange for sexual favors. In most modern legal contexts, sexual harassment is illegal. As defined by the US Equal Employment Opportunity Commission (EEOC), “It is unlawful to harass a person (an applicant or employee) because of that person’s sex.” Harassment can include “sexual harassment” or unwelcome sexual advances, requests for sexual favors, and other verbal or physical harassment of a sexual nature.

Приведённая цитата свидетельствует, на наш взгляд, о том, что *sexual harassment* предполагает не только наличие некоторого лица, которое этот *harassment* совершает, но и некую активность со стороны этого лица. В ситуации в одном из кампусов Пенсильванского университета вроде бы отсутствуют оба эти фактора. К этой ситуации скорее применимо то определение, которое было дано администрацией указанного кампуса. Таким образом, определение англоязычной Википедии оказывается уже той реальности, к которой определяемый

термин применяется на практике. Подтверждение этого мнения мы находим, если воспользуемся любезностью той же Википедии, которая предоставляет своим читателям возможность ознакомиться с некими условными, а иногда и безусловными, переводами в иноязычных вариантах Википедии. Если мы попытаемся перейти от английского текста статьи «Sexual harassment» к русскому, то мы получим статью «Сексуальное домогательство».

Сексуальное домогательство — запугивание, издевательство или принуждение сексуального характера, также нежелательное или ненадлежащее обещание вознаграждения в обмен на сексуальные услуги, иные устные или физические (объятия, прикосновения, нападение с целью изнасилования) преследования сексуального характера. В большинстве современных правовых контекстов сексуальное домогательство является незаконным.

Кажется, русский «перевод» наглядно демонстрирует ограниченность принятых определений. Было бы интересно посмотреть американский фильм, в котором изошрённый адвокат находит домогателя в истории с картиной Гойя.

► Европейский парламент в своей Директиве от 23 сентября 2002 года так определяет понятие «sexual harassment»: «any form of unwanted verbal, non-verbal or physical conduct of a sexual nature, with the purpose or effect of violating the dignity of a person, in particular when creating an intimidating, hostile, degrading, humiliating or offensive environment». (*Directive 2002/73/EC, Article 2 (2).*) ◀

Целью всего сказанного в настоящем разделе было убедить читателя в необходимости введения в русский язык нового термина, а также в том, что термин *сексуальное домогательство* для этой цели не подходит. Мы предлагаем термин *сексуальный харассмент*, но настаиваем на этом словосочетании.

Утешительный вывод

Моя статья появилась в июне 1992 года, в 57-м томе «JSL»⁸. Вышеприведённая фраза об исторически первой попытке формализации интуиционистской логики открывала собою страницу 388. Пассаж в скобках о формализации женской логики, шедший непосредственно вслед за этой фразой в рукописи и в корректуре, в публикации отсутствовал.

⁸ *Vladimir A. Uspensky. Kolmogorov and Mathematical Logic // Journal of Symbolic Logic. — 1992. — V. 57. — N. 2. — P. 385—412.*

Однако в этом предсказанном царём Соломоном печальном итоге радости можно при желании попытаться найти и некоторое неожиданное утешение. Этой попыткой и закончим.

Часто говорят и пишут, что для российского менталитета естественно относиться к иным цивилизациям (в частности, к американской) со сплавом неприятия и зависти; не знаю, справедливо ли это. Но можно попытаться классифицировать цивилизации по различным признакам. Российское чувство патриотизма должно тешить себя тем, что есть один признак, по которому американская цивилизация, хотя бы отчасти, не лучше нашей, и другой признак, по которому она определённо дурнее нашей. Или так: по первому признаку американская цивилизация относится (хотя бы частично) к тому же классу, что и российская, а по второму — к другому, худшему. Действительно, во-первых, оказывается, что Америка, так же, как и мы, склонна — по крайней мере в некоторых сферах — жить не по конституции, а по понятиям (хотя бы и запечатлённым в судебных решениях). Во-вторых, с точки зрения отношения к проблемам феминизма наше превосходство несомненно.

Упражнения на классификацию цивилизаций, т. е. выделение оснований такой классификации и распределение цивилизаций по возникающим классам, могут оказаться довольно увлекательными. В советское время нас приучали к тому, что главным признаком являются производственные отношения (отчего цивилизации подразделялись на рабовладельческие, феодальные и т. д.), а вслед за ним по важности идёт образ правления (монархия, республика и т. д.; кстати, наш строй в эпоху Ельцина был определён кем-то умным — увы, не вспомню, кем — как умеренная анархия). Приглашаю читателя подумать и о других, не менее важных признаках, например: прозрачность власти (в противоположность полумистической её закрытости); открытость границ для свободного выезда (здесь можно было бы сопоставить античную Грецию, где одним из тяжелейших наказаний считалось изгнание, и Японию XVII—XVIII веков, где, напротив, выезд за пределы страны сурово наказывался — вплоть до смертной казни); и т. д. Является ли тот или иной признак важным, существенным или же, напротив, неважным, несущественным, станет ясным, быть может, лишь в далёком будущем. Является ли, например, таким признаком наличие табу на те или иные слова? Или существование запретов в области лексики, будь то обценной или сакральной, характерно для всех земных обществ?

Не знаю, отмечались ли в литературе следующие признаки, отличающие нашу цивилизацию от американской. Вот первое отличие: мы — цивилизация кипятка, американцы — цивилизация льда. В 60-х годах я ещё встречал на стенах провинциальных железнодорожных стан-

ций надпись «кипяток» с твёрдым знаком; возможно, эти надписи где-нибудь ещё сохранились; в старые времена (а может быть, где-нибудь и сейчас) пассажиры во время остановок бежали с чайниками к торчащему из стены крану. Титаны с кипятком стояли во всех домах колхозника, стоят они и сегодня в буфетах Московского университета. Я не представляю себе такого титана в кафетерии американского университета, как и не представляю этого кафетерия или американского отеля без машины для делания льда; бумажный же пакетик с чаем американцы погружают в тепловатую воду, искренне полагая, что это и означает заварить чай. Второе отличие касается строения постельного белья. У нас нижняя простыня — это просто прямоугольный кусок материи, а пододеяльник имеет более сложную конфигурацию, он охватывает одеяло. У американцев сходное строение имеет нижняя простыня, обволакивающая своими краями матрас, под одеяло же — в качестве верхней простыни — кладётся просто матерчатый прямоугольник. (Эта классификация содержит и иные классы, к одному из которых относится, по моему наблюдению, Корея: в южнокорейской гостинице мне была предоставлена лишь одна простыня, лежащая на матрасе, а пододеяльника не было вовсе; как мне разъяснили, всякий спит в ночной одежде, каковая и играет роль пододеяльника.) Третье отличие: отечественные унитазы после спуска наполняются свежей водой сверху, американские — снизу. О различии в понимании юмора уже говорилось; впрочем, американский анекдот, воспроизведённый в качестве первого эпитафия, свидетельствует, что американцы начинают двигаться в правильном направлении.

Очень может быть, что различие в представлении о том, что смешно, а что не смешно, и есть самый главный критерий, отличающий одну цивилизацию от другой. Где-то я читал, что для японцев естественно смеяться над калекой или над поскользнувшимся и упавшим стариком; не берусь судить, насколько это верно. Но вот что я испытал на себе во Франции. Узнав, что я на завтрак ел артишок, мои французские друзья и коллеги нашли это чрезвычайно смешным; они рассказывали это друг другу, приглашая посмеяться вместе. Моему недоумению они не могли противопоставить ничего, кроме заявления, что завтракать артишоком — это очень смешно. Сам не знаю почему, но я догадался возразить, что ел артишок сырым; они согласились, что тогда это несколько менее смешно (но всё же смешно). Возвращаясь к вопросу об утешении — утешительно принадлежать к цивилизации, в рамках которой можно есть на завтрак что угодно без боязни показаться смешным.

31 июля 2000 года.

Д о б а в л е н и е 1 от июля 2016 года. Ное—что о политкорректности

Политкорректность предполагает не только запрет на некоторые действия (в виде, скажем, законов), но даже и на свободное обсуждение некоторых вопросов, прежде всего — о различиях между различными категориями гомосапиенсов, в частности об интеллектуальных различиях между мужчинами и женщинами или между белыми и чёрными американцами, о биологических различиях между койсанцами (бушменами и готтентотами) и т. п. Честное признание подобных очевидных различий не является, на наш взгляд, ни сексизмом, ни расизмом: таковыми было признание большей ценности одной категории по сравнению с другой. Весьма ясно на эту тему высказался А. Н. Колмогоров в письме к психологу В. А. Крутецкому⁹:

Есть ещё много «неудобных тем», от обсуждения которых, мне кажется, не следует уклоняться. К ним относится и проблема женского равноправия. В 1922—25 годах я работал в экспериментальной школе с V—IX классами. В математическом кружке двенадцатилетние девочки даже немного обгоняли мальчиков, но в VIII—IX классах часто теряли интерес к математике. По обстановке школы думать о каком-либо давлении традиций не приходилось. В нашей школе-интернате при МГУ, как Вы пишете, 10% девочек. Ими мы очень довольны, но, вероятно, серьёзное обследование обнаружило бы вялость или задержанность их сексуального развития (что, конечно, очень приятно нашей директрисе в вопросах воспитания).

К моральной проблеме принципиальной равноценности полов эти наблюдения, конечно, не имеют отношения.

Для ясности приведу пример расизма¹⁰:

Это стеатопигия у бушменок <...>. Под стеатопигией подразумевают непомерное развитие жировых складок под седалищными мышцами у женщин этого племени, что придаёт им совершенно несообразный вид, увеличивая объём бёдер в несколько раз.

⁹ А. Н. Колмогоров. О развитии математических способностей (Письмо В. А. Крутецкому) // Вопросы психологии. — 2002. — № 4. — С. 103—106.

¹⁰ Приводимая цитата взята из раздела 7 сочинения В. Б. Авдеева «Антирасовый миф о плавильном котле», размещённом в Интернете по адресу http://xpromo.com/ruskolan/avdeev/ras_07_ant.htm с указанием, что оно взято из книги: В. Б. Авдеев. Расология. Наука о наследственных качествах людей. — М.: Белые альвы, 2005. — (Библиотека расовой мысли). — 528 с.

Стеатопигия у бушменок есть «медицинский факт», как сказали бы лет сто-полтораста тому назад, и в её констатации нет и не может быть расизма. Расизм заключается в слове «несообразный». Ведь бушмены могут на тех же основаниях считать несообразным вид женщин, стеатопигией не обладающих. Естественно предполагать, что, скажем, внешность австралийских аборигенов столь же не укладывается в стандартные эстетические представления европейцев, как в представления аборигенов — внешность европейцев.



Слева — рисунок бушменки со стеатопигией.
Справа — рисунок дамы в платье с турнюром.

На Интернет-странице http://pikabu.ru/story/steatopigiya_1415100, посвящённой стеатопигии, сразу вслед за дефиницией помещён цветной рисунок с подписью «В XIX веке таких женщин показывали на ярмарках и в зоопарках». Судя по одежде, изображаемая ситуация относилась к первой половине века. В моём распоряжении нет текстов второй половины века на эту тему, но полагаю, что в применении к стеатопигии бушменских женщин знакомые нам эпитеты термины «непомерный» и «несообразный» использовались достаточно свободно. Тем парадоксальней, что женщины, в целях повышения собственной привлекательности, стремились создать видимость стеатопигии у себя, для каковой цели использовали специальную деталь, надеваемую под юбку — турнюр.

Бостонский опыт 1989 года научил меня многому, но как оказалось, не всему. Весной 1993 года, находясь в Амстердаме, я поделился с голландскими коллегами некоторым наблюдением, касающимся амстердамских трамваев, многие сидения в которых оказывались на удивление грязными. Вскоре я понял и причину этого: те из местных жителей, которые имели явно восточное происхождение, в особенности же молодёжь, обыкновенно сидели, поставив толстую подошву обуви на то же или на соседнее сидение. Моё высказывание вызвало гневный отпор. Мне было сказано примерно следующее: во всём виноваты вы; они ощущают ваш высокомерно-неодобрительный взгляд и, не имея возможности выразить свой протест иначе, ставят ногу на сидение. Я не стал возражать, хотя мне показалось, что причина и следствие поменялись в этом объяснении местами. Будущее показало, однако, что в приведённом объяснении есть доля истины. Летом 2004 года мне довелось ехать в лондонском метро. Напротив сидела молодая прилично одетая негритянка, время от времени разговаривавшая по мобильному телефону. Одну подошву она держала на той же лавке, на которой сидела. Я смотрел на неё, как мне казалось, бесстрастно. Однако, заметив мой взгляд, она поставила на лавку и вторую ступню. Я продолжал смотреть. Она не выдержала и через короткое время смачно плюнула на лавку прямо перед собой, между своими ногами.

Д о б а в л е н и е 2

Два наблюдения о феминистических амбициях — скользкой темы, к которой прикоснулась настоящая статья. Первое. Мужчины никогда не исполняют женских песен. Напротив, мужские песни (т. е. песни, текст которых составлен от лица мужчины, что легко обнаруживается по грамматическим формам) нередко исполняются женщинами; признаюсь, автора этих строк это раздражает, и подобные песни он старается не слушать. Второе. Женщины, говоря о себе, иногда употребляют грамматические формы в мужском роде, например, говорят «я пришёл». Мужчины в подобной ситуации не используют женского рода никогда. Как сказанное согласуется с упомянутыми амбициями, не знаю.

Материалы для классификации цивилизаций

Шаги навстречу. — Различия в направлениях. — Различия в менталитетах. — Различия в культурах поведения.

Шаги навстречу

Ещё в публикации 2001 года среди признаков, различающих американскую и российскую цивилизации, мною был отмечен признак «пристрастия к температуре»: американская цивилизация есть цивилизация льда и льдоделательных машин, российская цивилизация есть цивилизация кипятка и титанов. Я упоминал титаны с кипятком, установленные в буфетах Московского университета, опираясь на свой личный опыт. Имелись в виду конкретные буфеты, расположенные на 8-м и 10-м этажах Первого учебного корпуса и обслуживающие филологический факультет. Тогда я ещё не знал, что с началом третьего тысячелетия, а то и семестром раньше, американизация российской жизни сделает очередной шаг, титаны исчезнут и получить кипяток станет некоторой проблемой. Правда, льдоделательные машины пока не появились — и весьма сомнительно, что появятся в обозримом будущем. Похоже, что всякая подражающая цивилизация сперва стремится воспринять худшие черты цивилизации подражаемой. А на лучшие уже не остаётся ни времени, ни сил. Так что льда ещё нет, но уже нет кипятка. Ситуация чем-то напоминает ту, которую я имел возможность наблюдать в 1995 году в городе Дрездене, принадлежащем той восточной части Германии, которая до объединения была под советским контролем и называлась Германской Демократической Республикой¹: уже никто не говорил по-русски, но

Опубликовано в журнале: Неприкосновенный запас. — 2001. — № 4 (18). — С. 120—131.

¹ Германская *Демократическая Республика*; Народная Республика Болгария; Венгерская и Польская *Народные Республики*; и, пуще того, Корейская *Народно-Демократическая Республика*... Меня всегда смущал тавтологи-

лишь один из нескольких десятков мог объясняться по-английски — при том, что в Западной Германии по-английски говорят очень многие. (А вот наблюдение, сделанное в Варшаве 2 сентября 2001 года: в магазине стоит аппарат для оплаты покупок при помощи пластиковых кредитных карт, но он не работает.)

Было бы неверно думать, что только мы движемся (или пытаемся двигаться) в сторону Запада. Имеет место и встречное движение. Тому два небольших, но показательных примера.

Летом 1996 года мне довелось участвовать в некоей конференции в городе Лилле, что на севере Франции. Оттуда мне предстояло на поезде ехать в Париж вместе с французским коллегой, с тем чтобы остановиться в его доме в парижском пригороде. Коллега назначил мне встречу прямо на вокзале около специально выделенного для подобных ситуаций места, называемого по-французски «point de rencontre» (по-английски «meeting point»), что означает 'место встреч'. Меня испугала идея встречи (для меня столь необходимой) в точке, которая предварительно не была мною осмотрена; я даже позволил себе усомниться в существовании такой точки. Мне было снисходительно объяснено, что я не в России, а в цивилизованной Франции, в каковой имеется закон (было подчеркнуто, что не инструкция, а именно закон), предписывающий, чтобы на каждом вокзале был ясно обозначенный point de rencontre. К сведению собирающихся посетить вокзал Лилля: point de rencontre там отсутствовал. Уж не буду утомлять читателя деталями того, как я всё же сумел найти своего спутника. Скажу только, что мои зловключения, едва не оставившие меня без крова, отчасти компенсировались согревающим душу сознанием, что и во Франции благие законы не исполняются.

Другой пример касается понимания того, что есть определённое издание той или иной книги.

Всех студентов Советского Союза моего и смежных поколений² заставляли штудировать труды так называемых классиков марксизма-

ческий повтор в наименованиях этих стран советского блока, — стран, объединяемых общим названием, в котором звучал тот же повтор: «страны *народной демократии*». Ведь значением греческого прототипа слова *демократия* является 'народовластие', а значением латинского прототипа слова *республика* является 'всенародное дело'.

На с. 314 справочника «Страны мира» (М.: Политиздат, 1991) читаем название страны: *Социалистическая Народная Ливийская Арабская Джамахирия*; а на с. 96 популярной энциклопедии (так именуется это издание) «Страны и народы» (СПб.: Дельта, 1997) разъясняется: «Джамахирия условно переводится с арабского языка как „народовластие“».

² А мои студенческие годы пришлись на 1947—1952 годы.

ленинизма, каковой термин объединял тех четырёх, профили которых выступали друг из под друга на официальных государственных иконах: Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина (профиль Сталина был самым ближним к зрителю и потому уже ни из под чего не выступал). Эти труды надлежало конспектировать (а конспекты предъявлять для проверки). И потом сдавать на многочисленных экзаменах, включая выпускной госэкзамен. Из книг Сталина главной — т. е. все, конечно, были главные, но эта была главнее всех³ — была его книга «Вопросы ленинизма», представляющая собою собрание статей, лекций, выступлений и т. п. Книга неоднократно переиздавалась — всего было одиннадцать изданий. Неудивительно, что состав книги при переизданиях мог меняться⁴, и потому каноническим считалось последнее, одиннадцатое, издание. Удивительным было другое — что одиннадцатые издания были разные. Если судить по каталожным карточкам, то в 11-м издании 1939 года было 611 страниц, а в 11-м издании 1953 года было 652 страницы. До самого последнего времени я полагал, что такое возможно только в СССР. Поэтому я испытал некоторый шок, когда обнаружил, что существуют различные варианты пятнадцатого издания 22-го тома Британской энциклопе-

³ Была, конечно, ещё одна книга, ещё более, пожалуй, главная — так называемый «Краткий курс» (полное название: «История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс»). Но дело в том, что когда мы его проходили (а это происходило на первых двух курсах вузов), он не числился сочинением Сталина, а был анонимен: имя автора отсутствовало. На титульном листе значилось лишь: «Под редакцией комиссии ЦК ВКП(б). Одобрен ЦК ВКП(б). 1938 год». Только когда стало выходить многотомное собрание сочинений Сталина (1949—1951 годы) и оказалось, что один из томов и есть «Краткий курс», — лишь тогда советскому народу было позволено узнать, что автором настольной книги всякого советского человека, во введении к которой утверждалась «уверенность в окончательной победе великого дела партии Ленина—Сталина», является сам товарищ Сталин.

⁴ В уведомлении «От издательства» сообщалось:

Настоящее, одиннадцатое, издание «Вопросов ленинизма» отличается от десятого издания тем, что в него добавлены новые работы, имеющие более или менее актуальное значение: <...>.

В целях сохранения прежнего объёма книги в настоящее издание «Вопросов ленинизма» не включены помещённые в десятом издании <...>.

Эти изменения произведены с согласия автора.

Хотел бы я посмотреть на тех, кто произвёл бы эти изменения без согласия автора! Впрочем, нет сомнений, что текст «От издательства» писал сам Сталин: никто другой не решился бы назвать его работы «более или менее актуальными».

дии (The New Encyclopædia Britannica. — V. 22. — 15th ed. — Chicago e. a.). Эти варианты — совершенно так же, как и варианты 11-го издания «Вопросов ленинизма», — имеют разное количество страниц: 15-е издание 1991 года (ISBN 0-85229-529-4) содержит 1002 страницы, а 15-е издание 1995 года (ISBN 0-85229-605-3) содержит 981 страницу. (Пятнадцатые издания издавались ежегодно, начиная с 1974 года. Так что, включая 1995 год, таковых было 22 версии. Сейчас, наверное, больше, если только начиная с 1996 года не начало издаваться 16-е издание.)

Различие в направлениях

Наиболее убедительное возражение против существования антиподов (в буквальном греческом значении 'тех, кто обращён к нам ногами') состоит в том, что они, если существуют, должны ходить вверх ногами и, соответственно, вниз головой. В антиподской жизни всё наоборот — в частности, стулья у них стоят ножками вверх, а спинкой вниз; матрас у них сверху, а одеяло снизу. Разумеется, антиподы считают, что они ходят ногами вниз и что стулья стоят у них вниз ножками, а матрас — ниже одеяла.

Здесь мы встречаемся с одним из нагляднейших проявлений принципа относительности. Могущество этого принципа я впервые ощутил в своём детстве. Дом, в котором я жил, был одним из многочисленных корпусов, имевших общий московский адрес: Тихвинский переулок, 10/12. Косая черта дроби обычно означает угловой дом: она разделяет два номера, относящиеся к тем двум улицам, на которые этот дом выходит. Здесь же косая черта не разделяет, а соединяет номера, потому что двор, в котором стояли (да и сейчас стоят) указанные корпуса, был столь обширен, что охватывал два соседних номера по Тихвинскому переулку. Параллельно этому переулку идёт улица Палиха, и её домовладение с номером 7/9 (с тем же смыслом косой черты) столь же обширно и тоже состоит из многих корпусов. Тылы обоих дворов примыкают друг к другу. В моём детстве они соединялись сравнительно узким проходом. Естественно, обитатели нашего двора именовали другой двор проходным. Когда я узнал, что жители двора 7/9 называют проходным наш двор 10/12, моим первым чувством было сострадание к их заблуждениям. Вторым чувством было желание просветить их относительно истинного положения вещей. И тут я с ужасом обнаружил, что на всякий мой аргумент они могут выдвинуть точно такой же, но со своей точки зрения. Потрясение, испытанное мною от этой мысли, я помню до сих пор.

Относительность понятий верха и низа не должна препятствовать поиску некоего абсолютного направления в пространстве и тех конфигураций, которые и у нас, и у антиподов расположены одинаково относительно этого абсолютного направления. Правильнее было бы сказать, что наличие таких конфигураций и доказывает существование такого направления. Бросаются в глаза две такие конфигурации. Первая образована постельными принадлежностями, вторая — буквами на корешках книг.

В России к матрасу примыкает простыня простой прямоугольной формы, а к одеялу простыня более сложной формы — пододеяльник, хотя бы частично обволакивающий одеяло. В Америке же, напротив, под одеяло кладётся простая простыня, а простыня более сложной формы — наматрасник — охватывает края матраса. Так что, если пронзить воображаемой осью две постели, одна из которых находится в России, а другая в антиподской точке Америки, то порядок, в котором на этой оси будут следовать друг за другом простыня простая и простыня сложная окажется одним и тем же для обеих постелей. Таким образом, на этой оси присутствует абсолютное направление от простого к сложному (равно как обратное направление — от сложного к простому).

Внимательный читатель обнаружит в только что сказанном уязвимое место. В рассуждении о расположении постельных принадлежностей американцы отождествлялись с антиподами. Но правомерно ли такое отождествление? Ведь антиподы — это те, кто находятся в диаметрально противоположной точке земного шара. Если принять, что Москва лежит на 56 градусе северной широты и 38 градусе восточной долготы, то антиподы москвичей должны находиться на 56 градусе южной широты и 142 градусе западной долготы. Эта точка расположена в Тихом океане между Новой Зеландией, Антарктидой и южной оконечностью Южной Америки — ощутимо ближе к Новой Зеландии, чем к Южной Америке. Скорее всего, там никого нет. Если взять самый восточный населённый пункт России, село Уэлэн на Чукотке с координатами 66° северной широты и 169° восточной долготы, то его антипод имеет координаты 66° южной широты и 10° восточной долготы. Это около Антарктиды, между Южной Америкой и Африкой. Надо плыть по Атлантическому океану к Антарктиде, но слегка не доплыть. Там тоже вроде бы совершенно пусто. Так что на роль наших антиподов скорее уж могли бы претендовать новозеландцы и пингвины. Всё это, конечно, совершенно верно — но лишь с геодезической точки зрения. А не с культурологической. С детства меня приучали к мысли, что антиподами для нас являются

американцы. Так мы и будем считать, не следуя слепо вульгарной геометрии⁵.

Теперь о корешках книг. Приглашаю читателя провести такой мысленный эксперимент. Представьте себе книгу в переплёте и положите её (мысленно) на стол лицевой стороной переплёта вверх. Взглянув на неё сверху, можно прочесть написанные на переплёте имя автора и название книги. Посмотрим теперь на лежащую книгу сбоку, со стороны корешка. Сможем ли мы прочесть то, что на корешке написано?

Ответ таков. Если книга издана в Америке, надпись на корешке прочитывается без труда. Если же книга издана в России, то в подавляющем большинстве случаев надпись на корешке окажется вверх ногами. Дело в том, что у всех известных мне американских книг надпись на корешке идёт сверху вниз, а почти у всех российских — снизу вверх. Если, поэтому, поставить российскую книгу на книжную полку в России, а американскую — на полку в антиподской точке, то а б с о л ю т н о е направление надписи на корешке что для американской книги, что для российской окажется одним и тем же. А это — как и пример с постельными принадлежностями — показывает, что существование абсолютного направления в пространстве является физической реальностью. В последнее время, правда, американское оформление надписи — сверху вниз — стало изредка появляться на корешках российских книг (лет 30 назад этого практически не было). Интересно было бы выяснить, что происходит с надписями на корешках в книгах Европы. По моим весьма беглым и совершенно недостаточным экспериментальным данным, создаётся впечатление (возможно, ошибочное), что у английских книг направление надписи такое же, как у американских, у французских — скорее, как у российских (но с бóльшим числом исключений), у немецких — разнóбой. Науке ещё предстоит выяснить семиотический смысл направления надписей на книжных корешках.

Если не привлекать понятия верха и низа, то наши наблюдения можно было бы выразить с помощью понятия 'между'. У нас простая простыня расположена между сложной простынёй и матрасом; у них сложная простыня расположена между простой простынёй и матрасом. Для книг, стоящих на полке — у нас начало надписи на корешке расположено между полкой и концом надписи; у них конец надписи на корешке расположен между полкой и началом надписи.

⁵ И действительно, было бы как-то странно не считать американцев антиподами. Наше умонастроение здесь следует старинному анекдоту: «Англия — остров? Ну, об этом бы знали!».

Горячая вода у них всегда слева, а холодная справа; в России, в большинстве случаев, — наоборот. Это значит, что если эти разновидности воды управляются двумя вентилями, то вентиль горячей воды расположен в Америке всегда слева, а у нас чаще — справа; если же переключение производится единой рукояткой, то горячая вода у них включается движением рукоятки влево, в России же чаще всего — движением вправо. Для удобства пользования на подобного рода рукоятках часто ставят цветные метки: красную для горячей воды, синюю для холодной. Поскольку такие рукоятки бывают только импортные, в наблюдаемых мною в России случаях цветовая разметка противоречит реальности. Так, реальности противоречат надписи на рукоятках *hot* и *cool* в просторном сортире при Актовом зале РАН (Москва, Ленинский проспект, 32а).

Таким образом, не только вертикальные, но и горизонтальные направления у антиподов иные. Ситуация здесь отдалённо напоминает ту, с которой столкнулись древнеегипетские путешественники, достигшие берегов Ефрата (или Иордана). Они сообщали, что видели реку, «текущую против течения», — для древних египтян, не знавших других рек, кроме Нила, понятия 'на юг' и 'против течения' выражались одним и тем же словом.

Можно наблюдать различия и в направлении движений. В России счёт на пальцах осуществляется посредством их последовательного загибания (т.е. посредством движения в сторону ладони); на Западе — путём последовательного разгибания, выбрасывания сложенных в кулак пальцев (т.е. посредством движения от ладони). Говорят, что на этом ловили шпионов.

Даже отмеченное нами противопоставление американского предпочтения льда российскому предпочтению кипятка можно изложить как противопоставление направлений. А именно, направления «к российской норме» и «к американской норме» на температурной шкале противоположны: первое есть направление в сторону повышения температуры, второе — в сторону понижения.

Читатель легко приведёт примеры противоположных направлений и на более изысканных шкалах — шкале приоритетов, этической шкале и т.п. Один из таких примеров представляется достаточно выпуклым. 31 марта 1968 года президент США Линдон Джонсон сделал ряд важных заявлений. Он объявил, что собирается остановить бомбардировки Вьетнама (и 10 мая начались парижские мирные переговоры) и что не собирается баллотироваться на следующий президентский срок (и следующим президентом был избран Никсон). При этом Джонсон сказал примерно следующее: «Я принял это

решение как свободный человек, как американец, как политический деятель и как член своей партии — и именно в таком порядке». Для советского человека порядок был бы обратный: на первом месте стояло бы членство в Коммунистической партии (а других партий и не было), потом бытие советским гражданином; понятие свободного человека отсутствовало бы вовсе; место понятия 'политический деятель' в советской шкале определить затруднительно.

Границы цивилизаций не обязательно проходят по национальным границам: внутри одной и той же нации могут сосуществовать различные мини-цивилизации — скажем, высший класс и простой народ. Я где-то читал, что при смешивании чая и молока, обыкновенно осуществляемом в России путём наливания молока в чай, в Англии сперва наливают молоко, а потом уже льют в него чай. Однако, как недавно сообщил мне Леонид Владимирович Владимиров, в высшем английском обществе такой способ считается плебейским, и высшие классы льют молоко в чай⁶. (Это различие, как и предыдущие, легко сформулировать в терминах порядка на временной шкале — что идёт раньше, молоко или чай. Или, что то же самое, в терминах направлений: время течёт в одном случае от молока к чаю, в другом — от чая к молоку.) Как предсказал Уэллс в своей «Машине времени», это и подобные различия должны привести к филогенетической дифференциации и образованию новых видов — элоев и морлоков.

Различия в менталитетах

Американка с сильной ангиной ест мороженое. На мой удивлённый вопрос отвечает так: «Инфекция уже подавлена той таблеткой, которую я приняла. А для успокоения воспалительного процесса в горле холод как раз полезен». У нас такое поведение вряд ли возможно. (Я всегда с жалостью смотрю на перекутанных детей в московском метро, потеющих в своих шерстяных рейтузах, в туго завязанных поверх воротника пальто шарфах и в не менее туго завязанных под подбородком тёплых шапках.)

⁶ Хотелось бы считать, что английские лорды следуют в этом отношении примеру среднего россиянина. Но вот что сообщила мне вдова лорда Робина Филлимора (lord Robin Phillimore) леди Мария Филлимор (lady Maria Phillimore, она же Маша Слоним):

В Англии есть две школы — есть те, кто подливает молоко в чай, но моя бабушка Айви придерживалась более правильного, на мой взгляд, метода: чай наливается в молоко. Этому есть даже научное объяснение, в таком случае смесь получается гораздо крепче, чем если молоко в чай.

В своё время Вера Белоусова опубликовала в журнале «Итоги» (в № 7 за 1997 год) остроумное наблюдение о мотивах, по которым люди принимают участие в показываемых по телевидению играх типа российского «Поля чудес». Сходные игры есть и в Америке. Более справедливо было бы сказать, что именно в Америке и есть такие игры, а наши слеплены в подражание американским. Так вот, как заметила В. М. Белоусова, в Америке люди играют, чтобы выиграть, а в России — чтобы появиться на телеэкране, подарить что-нибудь Якубовичу, передать с экрана привет родственникам и друзьям. Казалось бы, всё ясно: они там прагматики, их интересует цель, а мы здесь романтики, нам дорог увлекательный процесс. Но нет: у нас пьют для того, чтобы напиться; у них — чтобы участвовать в процессе.

И, конечно, очень важное различие заключается в отношении — и со стороны властей, и со стороны общества, и со стороны каждого отдельного человека — к закону.

В самой автомобильной стране мира, в Америке, автомобили всегда уступают дорогу пешеходу. В России, разумеется, наоборот. Здесь автомобиль не уступает дорогу пешеходу по той простой причине, что имеет преимущество в силе. И никакая намалёванная на асфальте зебра не спасает от попадания под автомобиль⁷. Естественно задаться вопросом, почему же всё-таки автомобили останавливаются на красный свет. Ответ очевиден: проехав на красный свет, рискуешь попасть под другой автомобиль — и этот рефлекс настолько въедается, что действует даже тогда, когда красный свет означает всего лишь поперечное движение пешеходов (а не поперечное движение транспорта). Короче, в России уважают не закон, а силу; точнее было бы сказать, что силу не столько уважают, сколько смиряются с её верховенством.

●●► Следует признать, что с тех пор, как была написана эта статья, положение в России — по крайней мере, в Москве — с переходом через зебру значительно улучшилось. Примерно с 2005 года в большинстве случаев автомобили стали уступать дорогу пешеходу, идущему по зебре. Почему это происходит, мне в точности неизвестно, это интересная тема для социопсихологического анализа. Одна из правдоподобных гипотез — водители захотели ощущать себя

⁷ ●●► Примерно с 2005 года я начал замечать, что положение стало меняться в лучшую сторону: всё возрастающее количество автомобилей стало останавливаться перед пешеходом, идущим по зебре. Однако появилась новая напасть: судя по сообщениям в средствах информации, члены правящей так называемой «элиты», их родственники и слуги приучились безнаказанно давить простых смертных, как пешеходов, так и едущих в автомобилях ■. ◀●●

принадлежащими к цивилизованной части человечества. Конечно, в России дело обстоит ещё далеко не так, как, скажем, в Англии, где все машины останавливаются, стоит пешеходу занести ногу даже не над проезжей частью, а над кромкой тротуара. Но «у нас, сдав Богу, не Англия», как говаривал Антон Михайлович Васильев, описанный Солженицыным как Антон Николаевич Яконов и о котором я пишу в другом месте. Но всё же, и это главное, к началу третьего тысячелетия менталитет российских водителей сдвинулся в лучшую сторону. Чего не скажешь о менталитете властей, зачастую остающемся на уровне, близком к пещерному. Приведу два примера.

29 января 1999 года Евгений Примаков, тогда премьер-министр правительства России, произнёс на заседании названного правительства: «...мы будем сажать за экономические преступления». Здесь замечательно местоимение «мы». В цивилизованных государствах сажает не правительство, а суд. По российским законам так же обстоит дело и в России. По законам, но не на практике. На практике в серьёзных случаях сажает именно исполнительная власть, а суды лишь оформляют её волю. Так что Примаков честно отразил реальную ситуацию.

14 декабря 2004 года активисты Национал-большевистской партии захватили один из кабинетов приёмной президента Путина (по адресу Москва, ул. Ильинка, 23, подъезд 11) и потребовали встречи с главой государства. 17 декабря сорока нацболам были предъявлены обвинения по ряду статей Уголовного кодекса, в том числе по статье 278 — насильственный захват власти. Хотя через два месяца (16 февраля 2005 года) обвинение по этой статье было снято вышестоящей прокуратурой, оно довольно точно отражало менталитет тех чиновников, для которых властью является само помещение правящих структур, будь-то кабинет или здание. Вспомним, что в советское время словом «цэка» на практике обозначался не столько Центральный комитет правящей партии как некоторое собрание персонажей, сколько обширное серое здание на Старой площади, откуда, как из замка Кафки, испускались директивы. ◀●●

В Голландии мне рассказали такую историю о некоем предпринимчивом человеке. Человека этого мы так и будем называть — Предприниматель (с большой буквы). Так вот, этот Предприниматель задумал открыть бордель. А надо сказать, что публичные дома в Голландии официально запрещены⁸. Предприниматель решил обойти

⁸ Это при том, что каждый может видеть такой дом в центре Амстердама. А на набережной красных фонарей и в прилегающих переулках проститутки

этот запрет следующим образом. Он заявил, что учреждает Церковь Сатаны, что открытое им заведение является монастырём этой религии и что обслуживающие клиентов девицы (а это в своём большинстве были нанятые им студентки университета) есть монахини этого монастыря, монашеское послушание которых в соответствии с учением исповедуемой ими религии состоит в сексуальном обслуживании посетителей. Мало того: Предприниматель потребовал налоговых льгот, полагающихся религиозным организациям. Власти пришли в понятную ярость и попытались бордель закрыть. Однако Предприниматель не пожалел денег на первоклассных адвокатов, которые доказали в суде, что религии бывают разные и не дело светской власти вмешиваться в религиозные догмы. И с ним ничего не могли поделать.

В нашей стране России такой номер бы не прошёл. Потому что и исполнительная, и судебная власти действовали бы не по закону, а по понятиям. В Нидерландах же власти решили пресечь деятельность Предпринимателя следующим способом. Ясно, что заведение с весёлыми девицами не может нормально функционировать без подачи спиртных напитков. А на продажу спиртных напитков нужна лицензия от властей. А власти заявили, что лицензии нашему Предпринимателю не видать. Но Предприниматель (по-моему, он достоин восхищения) сумел обойти и это препятствие. Он объявил, что продажи спиртных напитков у него не будет, а будет бесплатное угощение. Свою позицию он объяснил так: клиенты борделя, то бишь посетители монастыря, — это его дорогие гости и в качестве таковых могут в неограниченном количестве потреблять спиртные напитки совершенно бесплатно. Но при очевидном условии, что гость имеет бокал, — чтобы было куда налить. Приносить бокалы с собой, понятное дело, не полагалось, а надо было пользоваться бокалами, предоставляемыми заведением. Бокалы же предоставлялись в прокат, и притом по немалой цене. Для этого в стенах монастыря была открыта формально от него независимая фирма проката посуды. И тут уже власти проиграли окончательно. А Предприниматель заработал миллионы и прожигает их не то на Багамах, не то на Бермудах.

открыто сидят в витринах своих небольших офисов. Этим не ограничиваются нидерландские странности. В школе меня учили, что столицей Нидерландов является Гаага. Оказалось — Амстердам. «А королева где пребывает?» — спросил я голландцев. — «В Гааге». — «А парламент ваш, правительство?» — «В Гааге». — «Так почему же вы сказали, что ваша столица это Амстердам?» — «Вы спрашивали, что является нашей столицей; мы ответили: Амстердам. А теперь Вы спрашиваете, где находятся королева, парламент и правительство; мы отвечаем: в Гааге».

Реакция на изложенный сюжет может быть двойкой.

Наглядно видно загнивание буржуазного общества — скажут одни. На глазах у власти Предприниматель, да нет — Проходимец, попирает общественный порядок и нравственность. Причём делает это внаглую. И баснословно на своём цинизме наживается. Разумеется, надо было этого жулика задавить, а не прикрываться юридической казуистикой. Власть же, долг которой — охранять общество и государство, повела себя как беспомощный ребёнок. Такая власть не отвечает своему назначению. А общество, где такое могло случиться, безнадежно больно.

Наглядно видна подлинная, а не только провозглашённая, диктатура закона — скажут другие. В судебной тяжбе между государством и частным лицом выиграла не та сторона, которая оказалась сильнее или богаче, а та, чья позиция была более юридически обоснована, — в данном случае выиграло частное лицо. А государство в данном случае есть всего лишь одна из сторон в судебном разбирательстве, и в таком качестве оно проиграло — как может проиграть всякая сторона процесса. И никакие так называемые «высшие соображения государственной целесообразности» не смогли помешать осуществлению буквы и духа закона.

Уклоняясь от выказывания здесь предпочтения какой-либо из этих точек зрения, заметим лишь, что там, где власть безоговорочно уважает закон и готова подчиняться ему даже тогда, когда это ей, казалось бы, невыгодно⁹, — там и население готово подчиняться закону и без боязни относится к власти¹⁰. Ещё в двадцатые, кажется годы, было сказано: «Большевики не соблюдают законы, произвольно ими же установленные». Существует мнение, что население России не уважает законы — в том точном смысле, что не готово добровольно, без принуждения, им подчиняться; к власти же российское население относится опасливо — в том смысле, что постоянно ждёт от неё какого-либо подвоха. Оставляю читателю судить, справедливо ли это мнение. И приведу следующий рассказ, некогда мною слышанный.

Мне рассказывали, что в некоторых больших русских деревнях, расположенных на северо-востоке Европы, а то и в Сибири, велись

⁹ Именно что «казалось бы», потому что в перспективе оказывается, что подчиняться закону — выгодно.

¹⁰ Вспоминается эпизод из шедшего в советском прокате американского фильма «Этот безумный, безумный, безумный, безумный мир», где один из участников гонки за кладом настаивает, что с суммы, которую предстоит найти, непременно следует заплатить налог.

погодные записи. И вот, в одной из таких записей, относящихся к XVII или началу XVIII века, было написано примерно следующее:

Год * *. Набежали разбойники. Пожгли, пограбили деревню. Угнали скот, увели с собой баб.

Год * * *. Набежали власти. Пожгли, пограбили деревню. Угнали скот, увели с собой мужиков.

А ещё кто-то (но кто?) сказал: русская история есть история борьбы невежества с несправедливостью.

●●► В апреле 2008 года я рассказал историю о Предприимчивом Голландце женщине «из простых», но неглупой и попросил её дать свою оценку. Без колебаний она отвечала, что надо было прижать его к ногтю. «А как же закон?» — спросил я её. Она задумалась, а потом сказала: «Это уж у нас в крови — поступать не по закону, а по справедливости». Но потом согласилась, что «поступки по справедливости», начавшиеся в 1917 году, привели к наблюдаемому в наши дни бардаку. ◀●●

Различия в культурах поведения

Пожалуй — всё же — процедуры приготовления и употребления чая образуют классификационный признак не столько общественных классов, сколько наций. Общеизвестна японская чайная церемония. Не так, как в России, пьют чай в Узбекистане. В России чайники — заварочный и для кипятка — величественно стоят на месте, а чашки поступают к ним для наливания. В Узбекистане чашки, а точнее пиалы, стоят на месте, а чайник бегаёт по столу от одной пиалы к другой. Если застолье большое, то и чайников много, но все они функционально одинаковы: принятое в России разделение на заварочный чайник и чайник для кипятка отсутствует, все чайники — заварочные. Использование русскими двух чайников с различными функциями воспринимается узбеками как варварство. Если вам хочется получить более слабый чай, говорили они мне, то положите в чайник меньше сухого чая, а смешивать чайный настой с кипятком недопустимо: это портит вкус чая; чайный настой может и не быть крепким, но должен быть чистым, несмешанным.

Мои узбекские наблюдения относятся к Хорезму осени 1979 года. Там и тогда мне посчастливилось встретиться со знаменитым американским информатиком Дональдом Кнутом, автором многотомного труда «The Art of Computer Programming» (в русском переводе — «Искусство программирования для ЭВМ»). До этого он несколько

месяцев жил в Китае. Я предположил, что в культурологическом отношении Хорезм находится где-то между Соединёнными Штатами и Китаем. «Нет, — возразил Кнут, — это Китай находится посередине между США и Хорезмом».

Китайцев в Узбекистане в заметных количествах вроде бы нет, но вот корейцев там достаточно много: по переписи 1970 года их было 147 с половиной тысяч. Они блюдают свои традиции, как показывает нижеследующая история, которую мне лет тридцать тому назад рассказал московский драматург И. В. Шток. Среди советских среднеазиатских корейцев встречались и писатели; не могу, впрочем, сказать, на каком языке они писали. Один из таких писателей написал пьесу, которую Шток «довёл до ума» (возможно, переведя её сперва с подстрочника). В результате пьеса имела некоторый успех — и даже больший, чем ожидал её автор. Автор был доволен чрезвычайно. «Исидор Владимирович, — сказал он, обращаясь к Штоку. — Вы теперь для меня, как отец. Тó, что Вы сделали для меня, я никогда не забуду. И я хочу Вас отблагодарить по нашему древнему корейскому обычаю. Я со всей своей семьёй приеду к Вам на месяц жить». Изложенный эпизод показывает, что цивилизации можно классифицировать и по способам выражения благодарности.

Важнейший разряд классификационных признаков составляют признаки, связанные с едой, а среди них самые главные заключаются в определении круга съедобных предметов. Каждая цивилизация имеет свои довольно твёрдые взгляды по поводу того, что съедобно, а что нет. (Как тут не вспомнить бессмертные слова Собакевича «Мне лягушку хоть сахаром облепи, не возьму её в рот, и устрицы тоже не возьму: я знаю, на что устрица похожа» и почти столь же бессмертное заявление нашего спикера Г. Н. Селезнёва¹¹, что северокорейцы едят траву вовсе не от голода, а оттого, что у них такой широкий спектр съедобных трав.)

Американцы и канадцы не собирают и не едят грибов — кроме шампиньонов. Когда в американских буфетах я спрашивал, что это за грибы лежат на блюде, вопрос всегда вызывал некоторое недоумение, а затем мне отвечали: «Just mushrooms»; становилось ясно, что слово *mushroom* в американском языке лишь теоретически имеет значение 'гриб', практически же имеет более узкое значение 'шампиньон'. Бывший наш соотечественник, а впоследствии сотрудник русскоязычной службы канадского радио Евгений Серафимович Соколов, гуляя

¹¹ Геннадий Николаевич Селезнёв (1947—2015) был председателем Госдумы РФ в 1996—2003 годах.

с семьёй по опушкам канадских лесов, набрёл на скопление белых грибов и начал их собирать. Заметившие это канадцы пытались его остановить, объясняя ему, что эти растения смертельно ядовиты. Чтобы их успокоить, он вынужден был сказать, что собирает грибы исключительно для того, чтобы морить тараканов. Кстати, было бы интересно выяснить причины такого отношения к грибам североамериканцев европейского происхождения. Не связано ли это с тем, что они не автохтоны на своей земле? А едят ли грибы североамериканские индейцы?

Китайцы, надо полагать, смотрят на нас с не меньшим удивлением, чем мы на не едящих грибов американцев. Ведь мы не едим, скажем, засахаренную свинину. В конце пятидесятых годов её можно было получить — причём не в качестве деликатеса, а в качестве рядовой еды, — в одной из двух главных студенческих столовых, расположенных в цоколе высотного здания Московского университета. До ссоры СССР с Китаем, случившейся в начале шестидесятых, в МГУ было много китайских студентов, и потому в указанной столовой, в особом окне, можно было получить китайскую еду. В очереди к этому окну стояли китайцы, корейцы, вьетнамцы. Из представителей европеоидной расы в этой очереди я ни разу не встречал никого (кроме самого себя), но неоднократно встречал негров¹². К одному из таких негров я решился обратиться с вопросом. Я спросил его, насколько китайская кухня близка к его родной африканской. Он отвечал мне на ломаном русском. «Китайская еда, — сказал он, — очень плохая». «Тогда почему же Вы здесь стоите?» — спросил я. «Потому что здесь еда. А там — и он показал на стойку, где выдавали обычную, русскую еду, — не еда».

Крайний случай — когда считается съедобным всё, что не ядовито. Тогда меняется отношение к понятию 'грязь'. Нам кажется странным (и даже неприятным), когда тот, кого мы считаем дикарём, поднимает с земли плод и поглощает его вместе с приставшей к нему грязью — а точнее, с той субстанцией, которую мы считаем грязью. Но грязью

¹² В начале семидесятых годов любознательные жительницы города Южно-Сахалинска (более точно — работницы кухни одного из тамошних ресторанов) так обосновывали мне своё желание побывать в Москве. Всем известно, говорили они, что если встать около Московского университета и простоять на одном месте целый день, то непременно мимо пройдёт негр. (Было и другое, не менее трогательное желание, звавшее их на материк, не обязательно в Москву, но — на материк. Они хотели увидеть слона. К ним изредка приезжает Хабаровский цирк, рассказывали они мне, но своего слона к ним не привозит: слишком трудно перевезти слона через Татарский пролив.)

мы считаем нечто, априори признаваемое несъедобным. Если же отказаться от этого априорного представления и, напротив, считать съедобным не только плод, но и всё, что к нему прилипло — все комки земли и всех мух, — то поведение нашего едока окажется совершенно естественным.

Не могу вспомнить, кому принадлежит поразившее меня когда-то наблюдение о существовании двух культур, «дистанционной» и «прикасательной». Различие между ними состоит в поведении в процессе непосредственного общения. Человек дистанционной культуры при разговоре с кем-либо инстинктивно оставляет некоторое пространство между собой и собеседником. Человек прикасательной культуры, напротив, должен непременно стоять к собеседнику достаточно близко и, более того, должен во время беседы до него дотрагиваться. Конфликт цивилизаций возникает при контакте представителей двух различных культур. Потому что представитель прикасательной культуры произвольно касается своего визави, а тот — столь же произвольно — от него пятится. Довольно быстро прикасательный человек замечает, что в процессе разговора оба собеседника переместились, причём переместились так, как если бы он, прикасательный человек, навязывал другому своё общество (чего в действительности не имело места), а этот другой пытался этого общества избежать (чего также не имело места в действительности). После чего прикасательный человек обижается, и притом обижается смертельно. По моим воспоминаниям, открывший это явление исследователь поместил людей прикасательной культуры в Северную Африку, а людей дистанционной культуры — в Северную Америку. Но здесь я боюсь ошибиться и заранее прошу прощения у этнографов.

У тех же этнографов я прошу прощения и за возможную ошибку в следующем воспоминании о когда-то прочитанном: представители одного из индейских племён Южной Америки не считают нужным укрываться от зрителей во время акта дефекации, но полагают совершенно неприличным принимать пищу на публике. Ясно, что подход к понятию приличия служит одним из существеннейших дифференциальных признаков, по которым следует классифицировать цивилизации. Однако этот признак, ввиду своей необъятности, превосходит параметры нашего изложения. Скажем лишь, что не только процедура дефекации, но даже и её обсуждение считались неприличными в традиционном российском обществе. Дело здесь обстояло примерно так же, как с сексом. Женщина-мать была поднята в официальном советском менталитете на недостижимую высоту, но каким образом женщина становится матерью — об этом говорить

не полагалась. Сложнее обстояло дело с беременностью. С одной стороны, беременная женщина — это почти женщина-мать. С другой стороны, беременность стояла слишком близко к сомнительному с точки зрения нравственности акту зачатия. Было бы лучше, если бы женщина-мать возникала без беременности — с помощью аиста, например.

Сейчас в отношении секса положение решительно изменилось, и открытое его обсуждение стало общепринятым. В отношении же дефекации и (в несколько меньшей степени) мочеиспускания по-прежнему действует табу. А между тем выделительные функции организма играют в жизни человека первенствующую роль: не рискуя умереть, человек может прожить неограниченно долго без секса, достаточно долго без еды и несколько дней без воды. Не выделять же, когда в этом появляется нужда, не может. *Срать да родить — нельзя погодить*, гласит старинная поговорка. Нельзя было погодить и сидящим в тех танках, которые находились на улицах Москвы во время попытки государственного переворота 19—21 августа 1991 года. (Газеты тех времён сообщали о тревожном звонке по этому вопросу крупного генерала ещё более крупному генералу, а то и маршалу. Звонивший спрашивал, как быть, т. е. куда испражняться танкистам. «Придумайте что-нибудь!» — раздражённо ответил спрошенный.) Не могли погодить миллионы бенгальцев, жителей Восточного Пакистана, бежавших в 1971 году в Индию от репрессий пакистанского правительства, и они стали испражняться в священную для индийцев реку Ганг. (Это в сильной степени стимулировало вмешательство Индии во внутриакистанский конфликт; в декабре 1971 года пакистанская армия в Восточном Пакистане капитулировала перед индийскими войсками, и в январе 1972 года там была провозглашена первая, временная конституция Народной Республики Бангладеш.)

<...>¹³

1 октября 2001 года.

■ [к с. 742]. Ситуацию на московских автодорогах, составляющую примечательную часть российской цивилизации, весьма наглядно описывает немецкая газета «Frankfurter Rundschau» в статье,

¹³ Дальнейший текст, опубликованный в журнале «Неприкосновенный запас» и в первом издании «Трудов по нематематике», был перенесён автором в отдельную статью «Сортирные проблемы», размещённую в настоящей книге. — *Прим. ред.*

опубликованной 18 ноября 2009 года (<http://www.fr.de/panorama/verkehr-jagdszenen-in-moskau-a-1072060>). Статья называется «Сцены охоты на улицах Москвы» (в подлиннике «Jagdszenen in Moskau»), автор Штефан Шолль (Stephan Scholl). Вот перевод статьи:

В четверг в Москве открылась первая конференция под эгидой ООН, посвящённая безопасности дорожного движения. Но участникам лучше всего добираться до места её проведения на метро.

На дорогах России происходит настоящая битва. «В поведении на дорогах отражается наша жизнь, наш менталитет, — заявил спикер Совета Федерации Сергей Миронов на проходившей недавно молодёжной конференции. — Мы не должны забывать, что правила дорожного движения написаны кровью, поэтому мы обязаны их соблюдать».

По данным дорожной инспекции, в России ежегодно регистрируется как минимум 200 000 аварий, в которых погибают 30 000 человек и более 270 000 получают различной степени повреждения. Для сравнения — в Германии в год погибают 5000 участников дорожного движения, а в Швейцарии — менее 400. С 1997 года почти 400 000 российских граждан погибли на дорогах, хотя эти данные, скорее всего, приукрашены. Официальная статистика признаёт только получившими повреждение тех участников аварий, которые погибли не на месте столкновения, а уже в больнице. Причина этой трагедии — плохие дороги, непригодные для управления автомобилями и сами водители. В Москве не составляет никакого труда купить водительские права или без всякой проверки получить свидетельство о прохождении государственного техосмотра. Всё это делается за взятки. В России действует один очень простой закон иерархического подчинения, который постоянно отменяет действие правил дорожного движения.

На самой вершине этой иерархии находятся бронированные лимузины Pullman Дмитрия Медведева и Владимира Путина. Для них и их эскортов движение на участке трассы между их дачами, расположенными на западе от Москвы, и Кремлём несколько раз в день полностью перекрывается. Машины губернаторов, министров и других высокопоставленных чиновников мчатся с включёнными голубыми спецсигналами в сопровождении дорогих импортных джипов по перекрытым улицам, по разделительным зонам и по полосам встречного движения, что часто является причиной самых тяжёлых аварий. «Наши чиновники всё больше становятся похожими на секретных агентов с лицензией на убийство, — жалу-

ется эксперт в области дорожного движения радиостанции „Эхо Москвы“ Александр Пикуленко. — Им разрешено нарушать любые правила дорожного движения».

У кого есть деньги и связи в государственных органах — тот копирует основанный на использовании преимуществ наглый стиль вождения, характерный для власть предержащих. Эти водители настырно продираются по улицам города на своих тяжёлых внедорожниках с тонированными стёклами и часто даже без номеров. Чем больше объём двигателя, чем дороже кузов, тем выше твоё положение в иерархии, последние места в которой занимают велосипедисты и пешеходы. «Я была совершенно поражена тем, как много водителей уступали мне право преимущественного проезда», — призналась 34-летний психолог Ира Бойтенко после того, как она первый раз села за руль своего джипа Lexus LX. Главное правило дорожного движения в России гласит — у сильного всегда преимущество.

11 ноября этого года, спустя всего несколько дней после своего обращения к молодёжи по поводу поддержания порядка на дорогах спикер Совета Федерации Миронов ехал по улицам Санкт-Петербурга в сопровождении эскорта внедорожников фирмы Mercedes. «Сначала мимо меня промчались два милицейских автомобиля, затем меня обогнал внедорожник Mercedes. Во время обгона он задел мою машину передней частью кузова», сообщила впоследствии жительница Санкт-Петербурга Евгения Зендер.

Один из свидетелей происшествия рассказал, что он ещё до столкновения обратил внимание на агрессивную манеру езды водителя за рулём джипа Mercedes. Ни один из водителей из сопровождения не посчитал для себя обязательным остановиться. Сотрудник аппарата Миронова заявил впоследствии в интервью газете «Коммерсантъ», что столкновения нельзя было избежать, так как Евгения Зендер вела свою машину Toyota слишком неуверенно (sic! — В. У.). «За рулём джипа находился профессионал, который был обязан совершить защитный манёвр». На этот раз женщина в автомобиле Toyota и её десятимесячный младенец Саша отделались испугом.

Сортирные проблемы

К терминологии. — Не прерывая движения. — К литературе вопроса. — Несколько замечаний о сортирном деле в США. — Инфраструктура: от Франции до Японии. — Примечания. — Приложение. Биотуалеты в Москве.

К терминологии

Сходить до ветру — вежливый вариант выражения «сходить в уборную».оборот возник в крестьянской среде, где в некоторых деревнях до настоящего времени не только нет уборной в доме, как в городских квартирах, но нет даже на улице. (Из Интернета.)

В начале сентября 1962 года мой сын Владимир, родившийся 29 января 1959 года, пошёл в детский сад. Зная его строптивый характер, я предупредил его, что воспитательницу нужно слушаться. Вернулся он из детского сада озабоченным и озадачил меня следующим вопросом: «Вот ты велел мне слушаться воспитательницу, а она называет уборную туалетом. Но ведь ты учил меня называть уборную уборной. Кого слушаться?». К счастью, я нашёлся. «Всё очень просто, — сказал я сыну, — у нас дома уборная, а то, что в детском саду, это другое, и это называется туалетом».

Несколько цитат из книги С. Матссон «Всемирная история туалетов», о которой пойдёт рассказ в одном из следующих разделов.

Актёр Максим Штраух рассказывал, как его театр однажды играл на детском утреннике спектакль Александра Островского из купеческой жизни. Там героиня актриса по ходу пьесы говорит своему поклоннику: «Приходите ко мне в уборную чай пить». Что тут сделалось с залом, набитым советскими школьниками! Дети так развеселились, что артисты не смогли играть дальше.

(С. 136.)

В словаре языка Пушкина «уборная» определяется как «комната, в которой одеваются». <...> ...В повести «Дубровский» говорится: «в уборной барышни дама, окружённая служанками, убирала бледную, неподвижную Марью Кирилловну». Или в «Пиковой даме» — «старая графиня *** сидела в своей уборной перед зеркалом». В «Капитанской дочке» <...>: «Через минуту двери открылись, и она вошла в уборную государыни. Императрица сидела за своим туалетом». (С. 153—154.)

В XIX веке «туалетной комнатой» или «уборной» стали называть помещение для совершения туалета, т. е. приведения себя в порядок. (С. 153.)

Не знаю, когда и слово *туалет*, и слово *уборная* стали использовать как эвфемизмы для обозначения того места, где человек отправляет естественные надобности. Для обозначения этого места используется множество синонимов, и все они являются эвфемизмами. В Англии стыдливо используют выражение *powder room*, Соединённых Штатах — *restroom* или *bathroom*. Синонимического слова, не являющегося эвфемизмом, в русском языке, да, кажется, и в других европейских языках не существует. Инопланетный исследователь земной цивилизации отметит это обстоятельство как специфическую черту исследуемой цивилизации. Меж тем, мало какое место или, скажем для осторожности, территория, играет такую заметную роль в жизни человека. После успешного посещения уборной (туалета, сортира, отхожего места и т. п.), особенно облегчившись по большой нужде, посетитель испытывает не столь частое ощущение, что он сделал что-то реальное, и более того, что бывает совсем редко, никогда не раскаивается в том, что он сделал.

Указанные выше синонимы лишь в редких случаях очень близки в своих значениях, как имеет место в случае слов *туалет* и *уборная*. Скажем, *отхожее место* определяется в словарях как уборная без канализации, с выгребной ямой. (Следует подчеркнуть, что этот термин происходит от слова *отходить* [в сторону], а не от слова *отходы*). Ясно, что общность значений терминов *отхожее место* и *ватер-клозет* проявляется лишь в общей функции. Если неэвфемистическое слово для обозначения одного из главных мест в жизни человека — места отправления естественных надобностей — отсутствует, то его надо изобрести. Автор этих строк предлагает для этих целей слово *выделительная* — по аналогии с такими словами, как *бельевая, ванная, гримёрная, душевая, кладовая, операционная, прихожая, трапезная, умывальная*.

Я всегда считал, что выражение «туалет типа сортир» стало достоянием российской общественности после культового фильма «Бриллиантовая рука» 1968 года, в котором оно прозвучало в устах Лёлика — героя Анатолия Папанова. Однако оно неожиданно обнаружилось на Интернет-странице <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1068500>, дату появления которой установить не удалось. Вот цитата, взятая из этой страницы:

В сельской местности нередко встречаются туалеты типа «сортир» (т. н. скворечник) — деревянный домик с дверью, в которой вырезано отверстие, как правило в виде сердечка или круга, стульчаком, очком и выгребной ямой. В гостиницах и отелях дверь туалета может обозначаться двумя нолями — 00.

Этимология слова «сортир». Лексема «сортир» появляется в конце XVIII — начале XIX веков, когда в светских кругах в моде был французский язык. Общеизвестно, что в щекотливой ситуации дворяне переходили на французский язык и прямо не употребляли «я пошёл в туалет», а говорили «*je dois sortir*» («*мне надо выйти*»). Соответственно от глагола «*sortir*» вышел своего рода эвфемизм со скрытым значением «туалет». Теперь же это просторечное слово стало грубее, однако при этом не перестаёт использоваться большинством в повседневной жизни.

Всемирный день туалета. Учреждён в 2001 году на международной конференции в Сингапуре. Тогда эксперты туалетного дела из 200 стран создали Всемирную туалетную организацию (ВТО), которая и провозгласила новый профессиональный праздник. Впервые эту дату мир отметил 19 ноября 2002 года.

Не прерывая движения

Неловкая ситуация возникает при отправлении естественных надобностей в условиях, когда человек находится в движении, прервать какое невозможно или затруднительно. В наши дни транспорт дальнего следования — поезда всегда, а автобусы нередко — снабжены для этой цели туалетными помещениями.

Когда транспорт был гужевой, в каретах богатых или знатных пассажиров устраивалось специальное сидение с прикрытым подушкой отверстием, под которым стоял соответствующий сосуд — ведро или горшок. Иногда, для удобства пользователя, это отверстие делалось не в отдельном, а в основном сидении, рядом с тем местом, где этот пользователь сидел, так что сидящему не надо было пересаживаться, а достаточно было слегка подвинуться.

Специфические проблемы возникают, если справлять нужду приходится на плавучем транспортном средстве. Они не возникают в случае круизных судов, неотличимых изнутри от хороших отелей. Кстати, о терминологии. В повседневной речи понятия «судно и корабль» употребляются как синонимы (хотя, если следовать строгой морской терминологией *кораблями* являются только военные плавсредства, гражданские же плавсредства надлежит называть *судами*). Будем в этом вопросе придерживаться повседневной речи. Помещение и, более широко, место для отправления естественных надобностей называется на плавучем транспорте морским термином *гальюн*. Этот термин используется не только на военных плавсредствах, как следует из заголовка сообщения в петербургской Интернет-газете «Фонтанка»: «Финский капитан застрял в гальюне. И посадил на мель паром с пассажирами». Сообщение полностью приводится в затекстовом примечании **1**.

Книга «Обычаи и традиции Российского Императорского флота» историка этого флота Николая Владимировича Манвелова вывешена в Интернете. Нижеследующая цитата приводится из её 8-й главы:

Например, в детском фильме «Отдать швартовы!» попавший на судно мальчик пугается фразы, сказанной юным моряком постарше: «Запомни, салага, моряки в туалет не ходят!». И действительно, морякам положено ходить в гальюн. Само же слово «гальюн» имеет голландское происхождение — выражение *galjoen* первоначально означало носовую оконечность корабля, вернее — специальный свес, к которому крепилось носовое украшение.

Но возникает справедливый вопрос — какое отношение всякие там свесы имеют к уборной (или, как говорили в старину, к «ретираде»)? Всё очень просто — именно за носовым украшением находились отхожие места для команды. Позже, естественно, уборные для нижних чинов располагались уже не за носовыми украшениями, однако слово осталось.

Добавим, что матрос, приставленный к гальюну для поддержания его в соответствии с санитарно-гигиеническими нормами, именовался «гальюнщиком». Назначали на эту «должность» обычно самых никчёмных, чаще всего переведённых в разряд штрафованных. Более того, назвать кого-либо гальюнщиком было серьёзным оскорблением.

(http://militera.lib.ru/h/manvelov_nv/08.html.)

По адресу <http://ru.forvo.com/word/galjoen/> можно прослушать, как слово *galjoen* произносится по-голландски. На слух автора этих строк что-то вроде *хаююн*.

В Амстердаме есть морской музей. Самым замечательным экспонатом в нём служит точная копия чайного клипера, т. е. клипера, на котором в XVII и начале XVIII века в Европу привозили чай из Китая. Посетитель музея может подняться на борт клипера и осмотреть все помещения внутри. Наибольшее впечатление на меня произвёл трюм, где размещалась команда клипера, а также отряд солдат. Точнее, не сам трюм, а мысль о том, что в этом угрюмом месте человек должен был по своей воле просуществовать несколько месяцев. Единственный сотрудник музея, которого я встретил на судне, был мужчина средних лет, облачённый в одежду морского офицера XVII века. Я спросил его, где место пребывания капитана. «Обычно, — отвечал он, — я нахожусь здесь». И указал мне место, о котором я спрашивал. Оказалось, этот музейный консультант играл роль капитана клипера и о капитане говорил только в первом лице. Он показал мне капитанскую каюту («его» каюту) и каюты офицеров, а также офицерский галлюн. Я поинтересовался, где справляют нужду обитатели трюма, т. е. матросы и солдаты. «Капитан» вывел меня на палубу и привёл к почти горизонтальному бушприту, а говоря простым, презируемым моряками языком, бревну, торчащему из носа корабля. Он объяснил, что и малую, и большую нужду солдаты и матросы справляют с бушприта, держась за снасти. Я реально представил себе картину, особенно при больших, захлёстывающих палубу волнах, и пришёл в ужас. Здесь я довольно точно передаю, что мною было услышано и увидено; говорю это потому, что Интернет показывает некие пристройки по обе стороны бушприта, иногда даже со стульчаками.

Олег Кондратенко, мой друг детства, выбрал карьеру офицера-подводника и дослужился до чина капитана 2-го ранга и должности заместителя командира лодки по технической части. Он рассказывал мне замечательные истории о различных казусах; все эти истории вращались вокруг этилового (питьевого) спирта, цистернами поставлявшегося на подводные лодки для промывки чего-то. Но одна история резко выделялась тем, что не была связана со спиртом, а содержала любопытную информацию. Новичка, прибывшего на подводную лодку, прежде всего обучали пользоваться галлюном, а точнее процессу смыва выделенного. Спускаемая вода вместе с содержащимися в ней экскрементами прежде, чем попасть за борт, проходила хитроумную систему шлюзов. Ведь если пытаться её выбросить за борт непосредственно, то произойдёт событие, обратное намеренному: фонтан забортной воды под большим давлением вместе с нечистотами ударит в физиономию незадачливого пользователя. Поэтому надо действовать специальными рычагами в строго опреде-

лётном порядке. Подобное обучение я испытал на себе — правда, не на подводной лодке, а на яхте. Мне посчастливилось несколько дней провести на яхте в Средиземном море у южного берега Франции. На яхте было четверо: пригласивший меня во Францию Брюно Дюран (Bruno Durand)¹, его родители и гость, каковым был я. У меня была своя каюта с галюном; и то, и другое в своей большей части находилось ниже ватерлинии; окно в каюте было на потолке. Как только я попал в каюту, первым делом глава семейства обучил меня, как спускать воду в унитазе, запугав малоприятными последствиями, если я не выполню алгоритм в точности.

Космическая эра внесла свои проблемы в туалетное дело. Первые полёты космонавты совершали в скафандрах и первые космические туалеты были сугубо индивидуальными и каждый такой «туалет» соединялся со своим скафандром. Самый первый космический полёт, состоявшийся 12 апреля 1961 года, — полёт Гагарина — продолжался 108 минут. Однако запасы воздуха и еды на борту «Востока» позволили бы провести в космосе 10 суток². Естественно предполагать, что на 10 суток был рассчитан и «космический туалет». Второй космический полёт (но без облёта Земли) совершил 5 мая 1961 года американец Алан Шепард. Его корабль-капсула достигла высоты приблизительно в 186,5 километров и совершила посадку в водах Атлантического ракетного полигона США в 486 километрах от точки старта. Полёт длился 15 минут 28 секунд, на это время корабль и был рассчитан. Ввиду столь малой длительности в NASA не предусмотрели в космическом корабле возможности удовлетворения астронавтом естественных человеческих потребностей. Однако из-за серьёзных проблем при запуске Шепарду пришлось просидеть в своём скафандре несколько часов в ожидании взлёта. Ему пришлось справить нужду в свой костюм во время полёта. Кажется, датчикам сильно не понравилась такая влажность внутри скафандра. Астронавт Базз Олдрин, второй человек, ступивший на поверхность Луны (21 июля 1969 года) через 20 минут после первого, так объяснял в интервью журналистам, почему именно Алан Шепард стал первым американцем в космосе: «Вообще, — сказал он, — хотели послать обезьяну, но в НАСА пришла куча писем в защиту животных, а в защиту Шепарда не пришло ни одного письма. Вот он и полетел».

¹ Под его началом в городе Монпелье, в Лаборатории информатики, робототехники и микроэлектроники в Монпелье (Laboratoire d'Informatique, de Robotique et de Microélectronique de Montpellier (LIRMM)) сейчас работает Саша Шень.

² <http://historynotes.ru/polet-v-kosmos-yuriya-gagarina/>.

Н литературе вопроса

Всякий, читавший «Путешествия Гулливера», знает, что Гулливер потушил пожар в императорском дворце Лилипутии, облив его струёй своей мочи. (Впоследствии это неуважение к статусу дворца было вменено Гулливеру в преступление.) Когда мой внук Андрей достиг 11 лет, его отец, он же мой сын, решил, что настала пора приобщить Андрея к бессмертной книге в её полном, не сокращённом для детей, виде. Оба упомянутых лица проживали в штате Огайо, в маленьком городе Атенс (Athens), доминирующей структурой которого является Огайский университет (Ohio University), основанный в 1804 году и начавший обучение студентов в 1809 году. Книга — само собой, на английском — была взята в университетской библиотеке. Внук прочёл лилипутский раздел книги и почёл себя обманутым: обещанный ему отцом эпизод с мочеиспусканием на дворец в книге отсутствовал. Мой сын тоже пришёл в недоумении и запросил меня, находящегося в Москве. Состоявшаяся переписка выяснила, что издание, не будучи адаптировано для детей, вышло в свет в XIX веке в викторианской Англии. Издательское предисловие сообщало, что эпизоды, оскорбляющие общественную нравственность, из издания, *разумеется*, удалены.

Рассказанный случай служит одной из иллюстраций к частичной табуированности темы естественных выделений человека в западной культуре XIX—XX веков. Слово «частичной» вызвано тем, что хулиганистые авторы вроде Рабле или Свифта позволяли себе сознательно нарушать табу. Вопрос о сознательном нарушении табу в литературе оставим историкам литературы, а вопрос о том, когда табу перестало действовать — историкам культуры. И ограничимся заявлением, что автору этих строк были неизвестны российские книги на сортирные темы, изданные до наступления третьего тысячелетия (литература для сантехников не имеется в виду). Когда же это тысячелетие наступило, то вместе с ним появились четыре замечательные книги:

- 2001** А. И. Липков³. Толчок к размышлению, или Всё о сортирах. — М.: Коллекция «Совершенно секретно», 2001. — 288 с.
- 2002** Сосуды тайн. Туалеты и урны в культурах народов мира. — СПб.: Азбука-классика; Петербургское Востоковедение, 2002. — 176 с.: ил.
- 2010** Светлана Матссон. Всемирная история туалетов. — СПб.: Алетейя, 2010 — 166 с. + 16 с. ил.
- 2010** Куда король пешком ходил. Гигиена в контексте истории: Ката-

³ Александр Иосифович Липков — доктор искусствоведения, с 2000 года — профессор РГГУ.

лог выставки в Гос. историческом музее, 3 сентября — 3 октября 2010 года. — М., 2010. — 71 с.

Книга Липкова являет собою познавательное и развлекательное чтение одновременно. Здесь нам напоминают о загаженности средневековых городов, простирающаяся до сравнительно недавнего времени. В цитате на с. 49 знаменитый художник Михаил Васильевич Нестеров пишет о ситуации в Москве в 1910 году:

Донская, моя прекрасная Донская, с липовыми аллеями по обе стороны широких панелей, входит в число тех улиц, по которым каждую ночь до рассвета, чуть не большую часть года, тянутся со всей Белокаменной к свалкам ассенизационные обозы. И так будет, пока отцы города не устроят канализацию.

На с. 50 — цитата из Гиляровского:

В темноте тащится ночной благоуханный обоз — десятка полтора бочек, запряжённых каждая парой ободранных, облезлых кляч. Между бочкой и лошадьёю на телеге устроено верёвочное сиденье, на котором дремлет «золотарь», — так звали в Москве ассенизаторов. Обоз подпрыгивает по мостовой, расплёскивая содержимое на камни, гремя на весь квартал. <...> Один «золотарь» спит. Другой ест большой калач, который держит за дужку.

И тут же — информативный комментарий автора, А. И. Липкова: «Напомним, калач — исконная еда золотарей, и форма его специально такова, чтобы хлебное тело можно было отъесть, а изгвазданную золотарской пятернёй дужку — выбросить». На с. 75 книги С. Матссон, о которой мы ещё будем говорить, сообщается любопытная этимология: «Кстати, благодаря этим калачам появилось выражение *дойти до ручки*».

На с. 63—71 читатель найдёт краткое, но не менее информативное изложение религиозных предписаний иудаизма, ислама, буддизма об отправлении естественных надобностей, а также интересное наблюдение автора об отсутствии подобных предписаний в христианстве. На с. 75 — замечательная цитата из указа Петра I «О достоинстве гостевом на ассамблеях имеющем»: «В гости придя, ознакомьтесь с расположением дома заранее на лёгкую голову, особливо отметив расположение клозетов <...>».

На с. 79—92 — рассказ о всевозможных способах подтирки, включая знаменитого гусёнка Гаргантюа, и с почти реалистическим для

советского времени анекдотом: «Отныне, по многочисленным просьбам читателей, наша газета будет выходить в рулонах и без текста». А на с. 93—118 — обсуждение общественных туалетов.

В этом месте изложения я почувствовал, что начинаю скатываться к пересказу книги Липкова. Это неудивительно: книга читается легко, на одном дыхании, факты излагаются вперемежку с историческими анекдотами или даже в форме таких анекдотов, и оставляет желание немедленно поделиться прочитанным. Для полноты картины более полусотни страниц, а именно с. 214—266, заняты анекдотами (уже не историческими) на сортирные темы, надписями на стенах отхожих мест и т. п. Но это на любителя. Остальной текст, хотя и написан с юмором (и даже не без налёта того, что называют «одесским юмором»), но достаточно информативен. Надо переломить себя и перестать пересказывать книгу. Завершу «пересказ» цитатой из очерка о В. И. Ленине пера пролетарского (!) классика Максима Горького. Эту цитату А. Липков приводит на с. 151 своей книги. Вот эта цитата:

Мне отвратительно памятен такой факт: в 19 (т. е. в 1919 — В. У.) году, в Петербурге, был съезд «деревенской бедноты». Из северных губерний России явилось несколько тысяч крестьян, и сотни их были помещены в Зимнем дворце Романовых. Когда съезд окончился и эти люди уехали, то оказалось, что они не только все ванны дворца, но и огромное количество ценнейших северских, саксонских и восточных ваз загадили, употребляя их в качестве ночных горшков. Это было сделано не по силе нужды, — уборные дворца оказались в порядке, водопровод действовал. Нет, это хулиганство было выражением желания испортить, опорочить красивые вещи. За время двух революций и войны я сотни раз наблюдал это тёмное, мстительное стремление людей ломать, искажать, осмеивать, порочить прекрасное.

В воспоминаниях Н. И. Подвойского свержение Временного правительства описывается так: «Массы врываются в комнату <...>». Мне рассказывали, что когда те, кого Подвойский назвал *масса́ми*, ворвались в Зимний дворец, они сумели насрать в напольные вазы, в том числе в малахитовую вазу высотой 182 см и в яшмовую, чья высота с пьедесталом составляет 257 см и которая является самой большой вазой в мире. Принимая в рассуждение высоту ваз, достижение это, несомненно, достойно включения в список рекордов Гиннеса. Однако оно вызвало немалые трудности при очистке ваз.

Книга «Сосуды тайн. Туалеты и урны в культурах народов мира» представляет собою сборник статей, разделённый на три части. Часть I: Нужный вопрос; часть II: Свидетели сакрального; часть III: Толчок в будущее.

Первая часть состоит из двух статей: Игорь [Александрович] Алимов «Вместо предисловия»; Александр [Иосифович] Липков «Русский сортир на фоне Востока и Запада». Уже во втором абзаце статьи Алимова привлекает справедливая констатация: «...Мало кто знает, как справляет свою нужду, например, чукча, находящийся в пути и страдающий несварением желудка при морозе, скажем, в 45° ниже нуля и при сильном ветре. Задача нетривиальная, но чукча как-то с ней справляется. Как? Также мало кто знает, как аналогичную задачу решает абориген Австралии». К сожалению, книга «Сосуды тайн» не обогащает своего читателя знаниями в этих вопросах. В статье Липкова читаем:

Кстати, именно Китаю человечество обязано изобретением туалетной бумаги. Появилась она там в первом веке христовой эры, делалась из коры дерева и материи. Известно, что в средние века семье китайского императора ежегодно поставлялось 15 000 листов туалетной — толстой, мягкой, опрысканной благовониями — бумаги в квадратиках примерно 8 на 8 см. Что же касается Европы, то тут туалетная бумага была изобретена наново в 1860-е годы британским промышленником Джеймсом Олкоком. Его великое новшество чуть было не погибло и не разорило самого первопроходца: товар шёл плохо. Чопорные сыны и дочери Альбиона стеснялись спрашивать в магазине столь низменную принадлежность.

Впрочем, и это, и другие интересные сведения из статьи Липкова можно найти в его книге, о которой говорилось выше.

Вторая часть состоит из шести статей: А[лександр Васильевич] Сильнов «Туалеты в системе общественных построек Древнего Рима»; Александр [Николаевич] Мещеряков «Японские туалеты и урны»; Игорь [Александрович] Алимов «Китай: туалеты и урны. Полевые заметки»; Андрей [Николаевич] Ланьков «Кое-что о корейском туалете»; Нина [Георгиевна] Краснодембская «Об обычаях санитарии и гигиены у народов Южной Азии»; Алексей [Александрович] Хисматулин «Туалеты и урны: ислам».

Наконец, третья часть содержит единственный текст — рассказ «Вредная профессия» Олега Игоревича Дивова, коего Википедия

дефиницирует как писателя-фантаста. Рассказ посвящён систематическому замерзанию канализации на русском Севере и написан в том стиле, который автору этих строк противопоказан. Внимания заслуживает завершение рассказа, им же заканчивается и вся книга: *По самым предварительным оценкам для модернизации коммунальных сетей России понадобится не менее 10 лет и 555 миллиардов рублей. Из газет, осень 2001 года.*

Книга Светланы Матссон «Всемирная история туалетов» читается с не меньшим увлечением, чем книга А. И. Липкова, отличаясь от последней стилем: в ней полностью отсутствуют элементы так называемого «одесского юмора». Книга богато иллюстрирована. Приведём несколько цитат из этой книги, показавшихся нам наиболее интересными.

...Римляне устраивали свои роскошные общественные туалеты под стать своим термам, а во дворце Короля-Солнца, бесподобного Людовика XIV нужду справляли где придётся: в каминные, за портьеры, в цветочные горшки⁴... Ничего ужаснее средневековых городов с точки зрения проблемы туалета человечество не переживало — туалетов почти не было. Существовали горшки, которые выливали прямо на улицу, на головы прохожих. (С. 7.)

[В средневековой Японии] для знатных дам горшками служили элегантные лаковые шкатулки с крышками. В них предварительно наливали немного воды с пряностями для отбивания запаха. Пользование таким «туалетом» было делом весьма непростым. У женщин императорского дома, например, более десяти кимоно из тонкого шёлка надевались друг на друга так, чтобы воротники, рукава и юбки нижних одежд выглядывали из-под верхних. Застёжек не было, наряд закреплялся широким длинным поясом, который завязывали пышным бантом на спине, да ещё добавлялся длинный шлейф. И потому «разоблачиться» из этого наряда для отправления нужды никому и в голову не приходило, тем более, что знатная дама справиться с этим в одиночку была не в состоянии. Поэтому её служанка, стоя на расстоянии, которое определялось правилами приличия, приподнимала специальным шестом накидки своей госпожи и быстро и аккуратно вдвигала пенал в образовав-

⁴ На с. 49 своей книги С. Матссон указывает: «[В Версале] во время больших балов, на которых присутствовало масса народу, иногда отводили одну из комнат для „большой нужды“. После бала её наглухо закрывали на год-два. Затем открывали, вычищали „сухой остаток“ и снова использовали во время другого бала». — В. У.

шеся между накидками и полом пространство. (Примерно также обстояло дело и в некоторых местах средневековой Европы. — В. У.) (С. 15.)

Любопытно, что в классической японской уборной вполне возможно было положить на пол лепёшку (и потом её съесть). Такие уборные были в деревенских домах XIX веке и ещё оставались в прошлом веке. В те времена в Японии все горизонтальные поверхности делились на грязные, по которым ходили в обуви, и чистые, по которым ходили в носках. Все горизонтальные поверхности внутри японского дома считались чистыми (в том числе и пол в туалете). (С. 17.)

Однажды в Таиланде к немцу, ехавшему в поезде, подошёл пассажир, явно кто-то из местных, и попросил ему дать уже прочитанные страницы. Немец буквально от сердца оторвал страницы раздела «Спорт» (на немецком) и участливо презентовал их аборигену, который, не долго думая, расстелил их посреди вагона (несмотря на то, что народу в поезде было немало), сделал своё «дело», свернул безобразия и выбросил в окно. (С. 20.)

...Сегодня средневековые выгребные ямы — подлинные «сокровищницы» для археологов. (С. 43.)

...В соответствии с концепцией «благородной» архитектуры для аристократии (как и при возведении королевских дворцов) «стыдные» помещения попросту игнорировались. *О чём стыдились упоминать, то и не строили* (курсив мой — В. У.). (С. 44.)

Каждое утро Людовик XIV, с целью экономии времени, принимал доклады от подданных, сидя со спущенными штанами на троне-стульчаке, принцесс, своей очередной фаворитки, министров и других персон, которые чувствовали себя весьма польщёнными оказанной им честью. (С. 53.)

«Зловоние разных оттенков всецело господствовало над Москвой», — отмечали современники даже и в середине XIX века. (С. 71.)

<...> В путеводителях по Москве в XIX веке существовал раздел, посвящённый общественным туалетам. С середины XIX века в московских дворах и двориках стали устраивать публичные деревянные туалеты «для прохожего человека», а с конца 1890-х годов в центре города, у вокзалов и рынков появились и каменные. (С. 74.)

Во время визита Леонида Ильича Брежнева во Францию вероломные французы поставили в апартаментах Генерального секретаря «шпионский» унитаз. Получив высочайшие отходы, их тотчас подвергли скрупулёзному анализу и выяснили, чем болеет руководитель советского государства, как его лечат и долго ли он проживёт. Здоровье Брежнева в мире секретов, раскрыть которые помог унитаз... Наши специалисты, вовремя раскусив такое коварство, поставляли им «дезинформацию», т. е. чужие экскременты. Так что в борьбе интеллектов на фекальном фронте победили советские спецслужбы. (С. 101.)

<...> В порядке эксперимента объявления о приёме на работу разместили однажды в туалетах ресторанов. <...> Всего за четыре дня в компанию обратилось в пять раз больше соискателей, чем при объявлении в газетах. А стоимость туалетной рекламы оказалась раз в десять ниже газетной. (С. 120.)

Опубликованные путевые заметки и письма путешественников, многочисленные произведения художественной и мемуарной литературы — все эти тексты оставили нам многочисленные описания процессов поглощения пищи. Полагаю, что собрав все свидетельства, можно восстановить достаточно полную картину того, как питалось лицо — и как, следовательно, мог питаться Александр Сергеевич Пушкин, — совершавшее в первой половине XIX века путешествие из Петербурга в Москву. Но тщетно заинтересованный исследователь будет искать малейших намёков на то, в какой обстановке нашему путешественнику приходилось справлять свою нужду.

Где, спрашивается, узнать, как выглядело то место, которое русский крестьянин прошедших времён предназначал для отправления своих естественных надобностей? С одной стороны, просторечное выражение *сходить на двор*, казалось бы, указывает на отсутствие у этого места крыши. С другой стороны, вспоминается знаменитое четверостишие:

Птица какает на ветке,
Баба ходит срать в овин⁵.
Честь имеем Вас поздравить
Со днём Ваших именин.

⁵ Баба — она, конечно, срёт в отличие от «благородной» публики, которая в этих случаях отправляет естественные надобности. (Если вообще позволено говорить об этих надобностях в применении к такой публике: ведь всё, связанное с бахтинским низом представителей верхних классов, было

А овины имеют крышу. Да и дворы бывают крытые. Именно такие крытые дворы, в которых располагались на ночь и на зиму скот и куры, примыкали к избам в тех подмосковных деревнях, в которых мне доводилось бывать перед войной и в первые послевоенные годы. Из сеней одна дверь вела в избу, другая — на этот крытый скотный двор. Вот в этот двор, на его земляной пол, и справляли малую и большую нужду — когда во двор спускаясь, а когда прямо из сеней, каковые над двором возвышались. В Рязанской же области (уже не по наблюдениям, а по рассказам) скотина помещалась в отдельно стоящем хлеву, и по нужде туда не ходили, а ходили на земляной пол сарая, также отдельно стоящего. Как выяснил журналист Андрей Колесников, в 2010 году деревенские жители Нижегородской области всё ещё «ходили во двор». 1 ноября Колесников, в свите премьера Путина, посетил заново отстроенную деревню Верхняя Верея, сгоревшую дотла во время пожаров сверхжаркого лета 2010 года, и поделился своими наблюдениями в статье «Дома без огня не бывает» («Коммерсантъ», № 204 (4504) от 2 ноября 2010 года, <http://www.kommersant.ru/doc/1532974>). Все дома снабжены различными удобствами, в частности уборными городского типа. Вот фрагмент беседы Колесникова с Владиславом Рязановым, хозяином одного из домов:

— А туалет в доме? — встречаю я.

Мне этот туалет в доме кажется уже величайшим удобством, которого и я в своей квартире никогда не ценил по достоинству и только теперь, кажется, в состоянии оценить.

— А это нам не надо! — резко говорит хозяин дома. — Мы во двор ходим!

— До сих пор? — потрясённо переспрашиваю я.

Он молчит.

В отношении невнимания к указанным насущным сторонам человеческого бытия современная русская литература мало продвинулась по сравнению с литературой прошлых веков (сочинения Владимира Сорокина, постмодернистская поэтика которого основана на смаковании физиологических подробностей, лежат вне пределов обсуждаемой

в значительной степени табуированным. «На президенте был клетчатый пиджак и клетчатые же невыразимые», — писали петербургские газеты по случаю прибытия, точнее приплытия, 20 июля 1914 года в Санкт-Петербург французского президента Пуанкаре.) По ассоциации вспоминается такое. Летом 1954 года доцент геологического факультета Московского университета Сергей Дмитриевич Четвериков (1892—1972), коего Первая мировая война застала обучающимся в гусарской школе, сообщил мне о команде: «Нижним чинам посрать, господам офицерам помочиться!».

темы). Единственное известное мне исключение — это поэма моего любимого поэта Тимура Кибирова «Сортиры», которая, помимо своих художественных достоинств, может служить для последующих поколений незаменимым источником знаний по организации сортирного дела в СССР.

Несколько замечаний о сортирном деле в США

Что говорит о разделении уборных Конституция Соединённых Штатов? Ничего не говорит. Однако было десятилетие, в течение которого она была очень близка к тому, чтобы сказать. Дело было так. 22 марта 1972 года американский Конгресс одобрил поправку к Конституции США относительно равенства прав мужчин и женщин. Но решения Конгресса в таких случаях недостаточно: чтобы поправка к Конституции вступила в силу, необходимо, чтобы она была ратифицирована тремя четвертями штатов. Принимая ту или иную поправку, Конгресс вправе назначить срок, в течение которого она должна быть ратифицирована; если же в назначенный срок ратификации не произойдёт, поправка считается отклонённой⁶. Для ратификации

⁶ Если же Конгресс такого срока не назначил, процесс ратификации может продолжаться сколь угодно долго. Так, 25 сентября 1789 года Конгресс предложил двенадцать поправок к Конституции, не установив никакого предельного срока для их ратификации. Первая из них ждёт ратификации до сих пор. Десять (с 3-й по 12-ю в нумерации 1789 года) были ратифицированы 15 декабря 1791 года; в списке действующих поправок к американской конституции они составляют первый десяток и известны в своей совокупности под названием *Билль о правах*. Вторая из предложенных в 1789 году поправок нуждалась, на момент принятия Конгрессом, в ратификации десятью штатами (потому что штатов тогда было тринадцать), но к 15 декабря 1791 года была поддержана лишь шестью штатами. Затем был большой перерыв, и 6 мая 1873 года поправку ратифицировал штат Огайо. Затем снова был большой перерыв, и 6 марта 1978 года её ратифицировал Вайоминг. После этого ратификация пошла быстрее. Однако к этому времени общее число штатов возросло до пятидесяти, и теперь уже требовалось тридцать восемь штатов для окончательной ратификации поправки. Число тридцати семь было достигнуто 5 мая 1992 года. А через два дня, 7 мая, поправку одновременно ратифицировали Мичиган и Нью-Джерси, так что ни один из этих штатов не может теперь утверждать, что это именно он положил последний камень в фундамент храма. Осталось привести самую поправку. Это есть последняя из вступивших в действие 27 поправок к Конституции США:

Ни один закон, изменяющий размеры вознаграждения сенаторов и членов Палаты представителей, не должен вступать в силу до проведения следующих выборов в Палату представителей.

обсуждаемой поправки был установлен семилетний срок, который затем был продлён до 30 июня 1982 года. Штаты начали было её ратифицировать, но вовремя спохватились, и поправка, не собрав к назначенному сроку требуемых трёх четвертей, умерла. Чтобы понять, почему ей было отказано в ратификации, прочтём первую из трёх частей поправки (остальные две части касаются технических деталей проведения в жизнь этой первой части):

Equality of rights under the law shall not be denied or abridged by the United States or by any State on account of sex.

Перевод:

Равенство прав перед законом не должно отрицаться или ограничиваться ни Соединёнными Штатами, ни каким-либо штатом на основании пола.

С принятием этой поправки оказались бы антиконституционными любые ограничения на посещение лицами одного пола уборных противоположного пола. А тем самым сделалось бы бессмысленным и само разделение уборных на мужские и женские. Осознание этой перспективы явилось едва ли не главной причиной, остановившей процесс ратификации. Последний, 35-й штат — из требуемых тридцати восьми — ратифицировал поправку о равных правах в 1977 году (а первые 22 штата — в течение первого года после принятия поправки Конгрессом). Таким образом, для вступления поправки в конституционную силу (с вытекающими последствиями) не хватило её ратификации тремя штатами.

Западная литература, по-видимому, более продвинута в отношении проблемы сортиров, нежели русская, как можно судить по следующей цитате из очерка Оруэлла «Вспоминая войну в Испании»⁷:

О сортирах слишком много сказано писавшими про войну, и я бы к этому не возвращался, если бы наш казарменный сортир не внёс свою лепту в разрушение моих иллюзий насчёт гражданской войны в Испании. Принятое в романских странах устройство

История с ратификацией этой 27-й поправки кому-то может показаться нелепой. А кому-то она покажется демонстрацией того, что Соединённые Штаты на протяжении более чем двухсот лет осознавали себя одной и той же страной с не меняющейся конституционной системой. Из других государств подобной устойчивостью обладает разве что Великобритания; но, говорят, у неё вообще нет конституции **2**.

⁷ Цитируется по переводу А. Зверева, опубликованному в книге: *Дж. Оруэлл. «1984» и эссе разных лет.* — М.: Прогресс, 1989.

уборной, когда надо садиться на корточки, отвратительно даже в лучшем своём исполнении, а наше отхожее место сложили из каких-то полированных камней, и было там до того скользко, что приходилось стараться изо всех сил, чтобы устоять на ногах. К тому же оно всегда оказывалось занято.

Из этой цитаты для дальнейшего обсуждения запомним отвращение, испытываемое Оруэллом к тем уборным, в которых надо садиться на корточки.

Мы убеждены, что свободное и открытое обсуждение проблемы сортиров (уборных, туалетов, клозетов, нужников, отхожих мест) могло бы принести российскому обществу ощутимую пользу.

Инфраструктура: от Франции до Японии

19 августа 2009 года мой сын, вернувшийся из краткого отдыха в Юрмале, прислал мне письмо:

Теперь — сортирный отчёт о Юрмале.

Нововведения начинаются с поезда. Схемы труб и кранов в поездных сортирах исчезли давно, а вот теперь — и педали больше нет! И воспетый Кибировым «ветер странствий» ³, с шумом врывающийся через отверстие при спуске, больше не врывается. Унитаз теперь самолётного типа, не предполагает сидение орлом, засасывает всё в маленькую дырочку. От педали сохранилась только стрелочка на стене, а спускать нужно рукой (педалью было приятнее и гигиеничнее).

Главное же потрясение — это сортиры в дюнах. Их ликвидировали. Точнее, домики остались, но входы замурованы. Около спасалки в дюнах устроили платный сортир, там сидит тётя и смотрит телевизор (или сама прячется во вверенном ей заведении от дождя). Ни разу я не видел пользующегося этим заведением человека. А вот срущих рядом с замурованными сортирами людей видел.

Общество осуждает проституцию: мол, нехорошо делать деньги на низменных инстинктах. Платные сортиры, на мой взгляд, несравненно более гнусное изобретение. Если и делать такой сортир и сажать при нём тётю, то только для того, чтобы она платила посетителям за то, что они не насрали на природе. <...> Какой бы ни был финансовый кризис, надо было платить уборщикам общественных сортиров, а не зарплату тёте с телевизором и не тем, кто забетонировал входы.

Уровень чистоты в уборных общественного пользования зависит от двух факторов — финансового и архитектурного. Наличествует, конечно, и культурологический фактор, но мы, сознательно упрощая изложение, его исключим.

Финансовый фактор очевиден. Поражающая российского путешественника чистота в сортире американской бензозаправочной станции и его оснащённость туалетной бумагой, мылом, одноразовыми бумажными полотенцами и одноразовыми же бумажными кругами, подкладываемыми под зад⁸, — всё это требует затрат, недоступных бедной стране⁹. Поэтому требовать от наших бесплатных общественных сортиров (если таковые ещё остались¹⁰) чистоты было бы нереально, если бы не архитектурный фактор. О нём и поговорим.

Описание архитектуры уборных в петербургских домах XVIII века — скорее всего, в достаточно богатых домах — можно найти в своде тех сведений, какими в конце названного века располагали о России японцы (а можно ли найти где-нибудь ещё — мне неизвестно). Этот свод, принадлежащий перу выдающегося японского исследователя Кацурагавы, был закончен составлением в 1794 году и поступил на хранение в правительственный архив как материал, не подлежащий распространению¹¹. Лишь в десятых годах XX века он был извлечён из секретных архивных материалов и в 1937 году издан в Японии ограниченным тиражом и не для продажи. В 1943 году был издан его

⁸ Не знаю, как перевести словосочетание *seat protector*. Защитник сидения? Одноразовый подзадник? В последние годы эти бумажные удобства появились и в России, и даже отечественного производства. На больших пакетах, предназначенных для публичных мест (рестораны и т. п.) и содержащих 225 штук, написано «Индивидуальные туалетные покрытия для унитаза», а на карманных пакетах по 10 штук — «Одноразовые покрытия на сиденье унитаза».

⁹ Это соображение подтверждается наблюдаемым различием между чистейшими уборными во французских так называемых высших школах и грязноватыми уборными (с иногда поломанными, а иногда и отсутствующими сиденьями) во французских университетах. Высшая школа (*école supérieure*) — элитарное заведение, дающее профессию; попадают туда по конкурсу; вход в здание по пропускам; студентам платят стипендию. Университет же (*université*) даёт не профессию, а образование; принимают туда всех желающих; вход свободный; стипендию не платят.

¹⁰ Ввиду всеобщей коммерциализации российской жизни их число, можно предполагать, уменьшилось. Принимая, однако, во внимание необъятность России, можно думать, что ещё не во всех сортирных будках при железнодорожных платформах и маленьких станциях взимают плату за вход.

¹¹ В преамбуле к своему труду автор сообщает, что «он составил эту книгу во исполнение тайного приказа, и посему [она], разумеется, содержится в тайне».

перевод на современный японский язык, а в 1978 году — на русский: *Кацурагава Хосю*. Краткие вести о скитаниях в северных водах¹² / Пер. с японского, комментарий и приложения В. М. Константинова. — М.: Гл. редакция восточной лит-ры, 1978. Читаем в названном русском издании (квадратные скобки обозначают вставки переводчика):

Уборные называются [по-русски] нудзуне, или нудзунти [нужник]. Даже в 4—5-этажных домах нужники имеются на каждом этаже. Они устраиваются в углу дома, снаружи огораживаются двух-трёхслойной [стенкой], чтобы оттуда не проникал дурной запах. <...> Над полом в нужнике имеется сидение вроде ящика высотой 1 сяку 4—5 сунов¹³. В этом [сидении] сверху прорезано отверстие овальной формы, края которого закругляются и выстругиваются до полной гладкости. При нужде усаживаются поудобнее на это отверстие, так чтобы в него попадало и заднее и переднее тайное место, и так отправляют нужду. Такое [устройство] объясняется тем, что [в России] штаны надеваются очень туго, так что сидеть на корточках, как делают у нас, неудобно.

Мы видим, что устройство русской уборной удивляет японца и что он, в отличие от Оруэлла, не находит никакого неудобства в сидении на корточках. Всякий русский человек может на короткое время сесть на корточки, но не всякий сумеет комфортабельно просидеть на них долго. Умение достаточно долго сидеть на корточках не уставая — а для этого необходимо положить бедро на голень и опираться на всю подошву — принадлежит к важным умениям, достигаемым лишь тренировкой с детства. Будь моя воля, я обучал бы этому в школах и детских садах. Ведь это позволяет почти в любых

¹² Название вызвано тем, что в основу труда Кацурагавы были положены сделанные им записи допросов, которым были подвергнуты первые побывавшие в России и вернувшиеся (в октябре 1792 года) на свою родину японцы. Это были двое из семнадцати членов экипажа японского судна «Синсё-Мару»: капитан судна Кодаю и матрос Исокити (остальные или умерли, или остались в России). Их судно попало в бурю и потеряло управление; в течение семи месяцев оно носилось по океану, пока в конце концов, в августе 1783 года, не было прибито к берегу одного из Алеутских — в то время принадлежащих России — островов. С февраля по октябрь 1791 года Кодаю жил в Петербурге и пользовался благосклонностью петербургской знати и даже императрицы Екатерины. Разумеется, именно его в основном и допрашивали.

¹³ На с. 405—451 русского издания содержится приложение: «Японские, китайские и айноские слова и выражения, встречающиеся в книге». В этом приложении сказано, что сун равен 3,03 см, а для сяку даны два значения: 30,3 см и 37,8 см. — В. У.

условиях обходиться без специального приспособления для сидения. Вообще, три характерных для восточных народов способа сидения без использования мебели: на корточках, на пятках (голени на полу, бёдра на голених), скрестив ноги «по-турецки» — могли бы служить основанием для классификации цивилизаций.

Возможно, впрочем, что то устройство уборных, которое Оруэлл назвал «принятым в романских странах» и которое широко распространено и в России, не устраивало его по другим причинам. При таком устройстве легко не попасть в дыру. Попадание за дыру неприятно, но ещё не приводит к тяжёлым последствиям. Попадание перед дырой заставляет следующего посетителя до дыры не доходить. Приходилось ли Вам, досточтимый читатель, видеть сортиры с последовательно наваленными от дыры в полу до входа кучами? Мне приходилось. Блестящее описание ситуации дал Асар Эппель в рассказе «Бутерброды с красной икрой»¹⁴:

Выходят в Пушкинском студгородке вот куда: среди бараков на всё про всё имеются два сарая, по виду как бы деревенские амбары. <...> Амбар перегорожен стенкой, которая упиралась бы в потолок, если бы таковой был, но над стенкой пусто, а дальше виднеется изнутри конёк двухскатной крыши. По обе стороны стенки — на мужской и женской половине — помосты из толстенных досок с выдолбленными в ряд восемью дырками. <...> Я тоже родился не во дворце, тоже посещал нужник на задворках, и о том, что на сиденье садятся, а не встают ногами, догадался сам в двадцать три года <...>.

Как известно, народ наш обращается с отхожими местами на редкость небрежно и неопратно. Ему, т. е. народу, ничего не стоит, пренебрегая элементарными навыками прицельности (В оправдание народа: прицеливаться анусом не так уж и просто. — В. У.), загадить края отверстия, измочить пол, оставить на стене отпечаток пальца. Доски всё впитывают, всё присыхает к ним,

¹⁴ Представляется, что прозаический талант Асара Эппеля, заставляющий местами вспомнить о Бабеле, а местами — о Саше Соколове, оценён у нас недостаточно. Приводимый отрывок не даёт полного впечатления. Он описывает деревянный сортир, предназначенный для пользования жильцами бараков Пушкинского студгородка, находящегося в Москве, в районе Останкина. В середине XX века я видел подобные бараки и сортиры в прилегающих краях — в московской Марьиной роще. Мне только кажется, что Эппель несколько переоценивает роль фактора зимних холодов, поскольку нечто подобное случалось и летом. Цитирую по книге: А. Эппель. Травяная улица. — М.; Париж; Нью-Йорк: Третья волна, 1994. — С. 15—16.

намеренная неопрятность порождает неопрятность вынужденную, и расположиться над очком становится всё труднее и труднее. К наклонному сивому жёлобу тоже мешают подойти лужи, особенно если ты на кожмитовой подошве или в тапочках.

А тут — холода на носу. Всё, что впитывалось, начинает заледевать, наслаиваться. О том, чтобы пройти по наледи к очку, не может быть речи уже в начале января. Тактическое пространство уменьшается. Захожий народ отступает в своих действиях ближе к входной двери, беспорядочно гадя на пол.

Тем большее уважительное изумление вызвали у меня сведения, почерпнутые из чтения книг, посвящённых культуре Японии. В классической японской уборной вполне возможно было положить на пол лепёшку (и потом её съесть). Под «классическими уборными» понимались такие, какие, скажем, были в деревенских, да и не только в деревенских, домах в XIX веке и ещё оставались в веке XX. Потому что пол в деревенской уборной считался чистой поверхностью. В классической Японии все горизонтальные поверхности делились на грязные, по которым ходили в обуви, и чистые, по которым ходили в носках. Все горизонтальные поверхности внутри японского дома считались чистыми. (Когда в Японии пустили первый поезд, первыми пассажирами показательного рейса были высшие сановники государства; перед входом в вагон все они оставили на перроне свою обувь, и очень удивились, не обнаружив её на перроне прибытия.) В частности, пол в доме — столь же чистая поверхность, как и поверхность стола. (Потом, при наступлении прогресса, вроде бы стали появляться промежуточные «средние» поверхности — такие, как коридоры в гостиницах; кажется, они требовали промежуточной обуви.)

Всё это было очень увлекательно, но не объясняло, каким образом полы в уборных оставались столь чистыми. Хотелось посмотреть на устройство классической японской уборной своими глазами. Оказалось, что это возможно осуществить, не покидая пределы СССР.

Как известно, южная половина острова Сахалин до войны принадлежала Японии. И уборные там, естественно, были японскими. Однако почти все здания были деревянными (если не бумажными, как в нашем детстве представлялись японские дома) и практически не сохранились. Но, как мне удалось узнать, заведомо сохранилось одно каменное здание. Это было здание, в котором при японцах помещалась сельскохозяйственная станция. В семидесятых годах там размещался Сахалинский комплексный научно-исследователь-

ский институт Дальневосточного научного центра (ДВНЦ) Академии наук СССР (в 1983 году он превратился в Институт морской геологии и геофизики). Здание находилось в посёлке Новоалександровск под городом Южно-Сахалинском (ныне, кажется, посёлок объявлен частью города). Туда я и отправился в упомянутых семидесятых. А прибыв, первым делом пошёл изучать уборную. Оказалось, что всё дело в геометрии отверстия и в способе размещения пользующейся им персоны.

У нас отверстие представляет собою более или менее круглую дыру. У японцев же — достаточно длинную щель. При этом ноги человека, надлежащее положение коих показано специально сделанными в полу лёгкими углублениями, находятся по разные стороны щели. Промахнуться невозможно.

Убеждён, что переход от круглой дыры к продолговатой щели по японскому образцу во многом изменил бы в лучшую сторону российскую реальность¹⁵.

Примечания

1 [к с. 756]. <http://www.fontanka.ru/2011/08/19/164/>:

Финский капитан застрял в гальюне. И посадил на мель паром с пассажирами.

Несколько человек получили ушибы в результате аварии туристического парома в Финляндии, сообщает Reuters со ссылкой на представителя финской береговой охраны. Судно, перевозившее 54 пассажира, село на мель неподалёку от Хельсинки из-за неудачного стечения обстоятельств: капитан парома не смог выбраться из гальюна, в котором заклинило замок. Сколько времени капитан провёл в туалете, неизвестно. По словам собеседника агентства, как только он понял, что замок заклинило, он стал звать на помощь, но члены команды не сразу услышали крики и не сумели освободить капитана вовремя. Береговая охрана намерена расследовать инцидент с целью установить, можно ли расценивать действия капитана как преступную небрежность.

¹⁵ Вспоминается, как в начале 1990-х годов я посетил знаменитую московскую 57-ю школу. Её директор Сергей Львович Менделевич спросил меня, что, на мой взгляд, следует сделать, чтобы улучшить преподавание и усвоение материала. Я отвечал, что самое первое и самое главное — обеспечить чистоту в школьных уборных. Когда я зашёл в школу в следующий раз, я убедился, что рекомендация была принята.

2 [к с. 768]. 20 января 2009 года мой сын, проживающий в штате Огайо, прислал мне оттуда письмо, которое публикуется ниже с небольшой редактурой:

А вот тебе дополнительные сведения про 27-ю поправку к Конституции. Ты с моей подачи включил в Двухтомник историю её более чем 200-летней ратификации, и если будешь переиздавать, то вот дополнения.

У тебя написано, что 7 мая 1992 года Мичиган и Нью-Джерси одновременно её ратифицировали, и это были 38-й и 39-й штат, и что до этого не набиралось трёх четвертей штатов (т. е. не менее 37 с половиной), а с их помощью набралось. Так вот, статья «Twenty-seventh Amendment to the United States Constitution» в Wikipedia утверждает, что это неправильно; что на самом деле 38 штатов набралось за два дня до этого, 5 мая 1992 года, когда другие два штата, Миссури и Алабама, тоже одновременно ратифицировали поправку. Дело в том, что в список ранее ратифицировавших штатов ошибочно не включается Кентукки. Кентукки ратифицировал поправку ещё в июне 1792 года (это был первый месяц Кентукки в составе Соединённых Штатов) — и все забыли про это (включая сам штат Кентукки; он потом ещё раз ратифицировал, в 1996 году, через 204 года, когда уже в этом не было необходимости, поскольку к этому времени поправка была принята). Кентукки тогда все двенадцать предложенных поправок ратифицировал — из них последние десять стали Биллем о правах, первая до сих пор открыта, а вторая стала действующей 27-й. Так вот, если считать Кентукки, то Миссури и Алабама были 37-м и 38-м штатом, а не 36-м и 37-м, как обычно думают.

И надо бы отметить роль великого человека по имени Gregory Watson. Он в 1982 был студентом в University of Texas at Austin, писал работу о поправках к Конституции — и обнаружил, что около двух веков назад предложенная поправка всё ещё имеет возможность быть принятой, потому что при ней нет срока давности. Он получил за свою работу «С» (си) — это соответствует тройке. (Watson's 'C' grade was never amended, сообщается в подписи под его портретом на http://www.post-gazette.com/nation/20021127amendment_27p9.asp). Он стал писать письма по всей стране — и добился таки возобновления ратификационного процесса.

Правда, эта история отчасти говорит о слабом уровне преподавания истории Конституции в University of Texas at Austin.

Преподавательница, поставившая Уотсону тройку (он её не убедил, что ратификационный процесс может продолжаться), могла бы знать, что за четыре года до того Вайоминг ратифицировал эту поправку — после 105-летнего перерыва (до этого был Огайо в 1873 году).

❸ [к с. 769]. <Ветер странствий> из кибиrowsкой поэмы «Сортиры» властно побуждает нас сделать отступление и привести цитату из этой поэмы:

И не забудь про ручку
удобную на стенке, чтобы ты
не грохнулся со стульчака, про тучки
в приспущенном окошке, красоты
необычайной, мчавшиеся кучно
со скоростью экспресса из Читы,
покуда ты, справляя напряжённо
нужду большую, смотришь удивлённо

29

на схему труб и кранов на стене.
Так не забудь! Клянусь, что не забуду!
Теперь нажми педаль. Гляди, на дне
кружок открылся, стук колёс оттуда
ворвался громкий и едва ли не
тревожный ветер странствий... Но кому-то
уже приспичило... Ты только не забудь
мельканье шпал в кружочке этом... Путь

30

воздушный ждёт теперь нас. Затхлый запах,
химически тоскливый, на борту
Аэрофлота ожидает. Трапы
отъехали. И вот гудящий Ту
парит над облаками. Бедный папа
идёт меж кресел, к моему стыду,
с моим гигиеническим пакетом
в конец салона... Этим туалетам

31

я посвящу не более строфы.
Упомяну лишь дверцу. И конечно,
цвет жидкости, смывающей в эфир
земные нечистоты плоти грешной.

Приложение. Биотуалеты в Москве

Знаменитый лингвист Игорь Мельчук был помешан на анально- — хотел написать «генитальном», но это было бы неверно. Нужного аналога слова «анальный» не нашёл. Поэтому напишу так: ...был помешан на дефекационно-мочеиспускательном юморе. Его стандартное приветствие состояло в жесте, теперь уже сделавшимся непонятным: он поднимал правую руку вверх и дёргал вниз за несуществующую цепочку. В старые добрые времена бачок унитаза — по крайней мере, в СССР — подвешивался высоко, и надо было дёрнуть за цепочку, чтобы смыв, увлекаемый собственной тяжестью, с ужасающим грохотом обрушивался по трубе в унитаз. Но я устаивался от него особенного приветствия. «Соавтор! — кричал он мне. — Дело об обмочении!».

«Дело об обмочении» состояло в следующем. На рубеже 1960-х и 1970-х годов мы с Мельчуком стояли на чётной стороне Ленинградского проспекта, у того из входов в метро «Аэропорт», который ближе к центру и который официально называется южным входом. Мы говорили о втором винительном падеже в русском языке. Подошедший милиционер сказал нам «Пройдёмте». Это меня не удивило: в допущении в русском языке падежей, выходящих за рамки той стандартной шестипадежной системы, которая присутствует в школьных учебниках, было что-то глубинно антисоветское.

Нас завели в подъезд ближайшего к южному входу подъезда дома № 62. Этот подъезд был мне хорошо известен, поскольку был проходным: через его заднюю дверь можно было пройти во дворы, в одном из которых был расположен мой дом (сейчас всё перекрыто заборами и заперто). Но я не знал, что одна из дверей первого этажа ведёт не в квартиру, а в милицию. Вот в эту дверь мы и прошли. Нас привели в одно из помещений внутри. Там сидел пьяненький пожилой человек, прилично одетый и с растерянной улыбкой на лице. Его застукали, когда он мочился в этом подъезде. Нечего сказать, выбрал себе подъезд. Теперь его препровождали в вытрезвитель, но предварительно должны были очистить карманы: всё вынуть и запротоколировать. Нам с Мельчуком отводилась роль понятых при составлении протокола изъятия: носовой платок, трёхрублёвая купюра и т. д. Мы подписали протокол, отчего и сделались соавторами. Я сочувствовал задержанному и задал милиционеру, который, кажется, тоже относился к нему не без некоторого сочувствия, вопрос: «А где же он должен был помочиться?». — «При МАДИ есть общественный туалет». Действительно, метрах в двухстах, на «южном торце»

величественного здания Московского автодорожного института размещался соответствующий указатель, направляющий страждущего по ступенькам вниз. Однако сколько я себя помню в этом районе — а живу я там с 1962 года — при попытке спуститься вскоре возникала преграждающая путь решётка. Я обратил внимание милиционера на этот неоспоримый факт. «Ну, тогда на Ленинградском рынке есть туалет». Это верно, но рынок отстоял от места мочеиспускания не менее, чем на километр.

Общественных туалетов в Москве не хватало катастрофически. К тому же многие из немногих имеющихся не работали.

На время больших — особенно с участием иностранцев — мероприятий, бывало, ставились мобильные туалеты на колёсах, но потом их увозили. В тех, которые я видел, гибкая гофрированная труба для стока, спускалась из днища прямо в канализационный люк.

Первые биотуалеты на постоянной основе появились в Москве в 1997 году. Газета «Московский комсомолец» откликнулась на это событие статьёй, вывешенной на сайте газеты 4 июня 2002 года:

3500 очков в пользу цивилизации

5 лет назад в Москве появились первые мобильные туалеты

Как известно, добровольно в туалет не зайдёшь — только по нужде. Но подчас эта нужда бывает настолько острой, что все мысли — только о ней... Несмотря на то, что уличные туалеты не относятся к разряду дефицита, их в Москве по-прежнему мало. Но проблема решается. А сегодня у работников столичных выгребных ям (золотарей) есть повод отложить насос и выпить. Пять лет назад в столице появилось благо цивилизации, без которого сейчас сложно представить нашу жизнь, — передвижные туалетные кабины (ПТК). Или просто мобильные сортиры.

В середине 90-х заморскую диковинку можно было встретить лишь во время массовых мероприятий. Повсеместному появлению мобильных отхожих мест москвичи обязаны МКАД. В период её строительства удалось оценить все прелести переносных сортиров. Дело в том, что с канализацией на МКАД было туго, а кафе и бензоколонок предполагалось множество. Кроме того, как раз в то время власти запретили выгребные ямы в черте города. Вот и пригодились передвижные пластиковые сортиры. Потом ПТК стали появляться по всей Москве. Поначалу они вызывали у горожан живейший интерес. Случались и казусы: как-то зимой один господин во время справления нужды поскользнулся, упал и намертво примёрз к «очку» ягодицами. Кассирша, заподозрившая неладное, освободила мужчину из уз прогресса...

Впоследствии мобильные сортиры полюбились не только москвичам, но и стали предметом зависти приезжих. Рассказывают, что во время авиасалона в Жуковском узбекские лётчики угнали синюю кабинку вместе с фекалиями. Кстати, пустой биотуалет весит 70 кг, а полный — уже 400. Успешно ли долетела московская кабинка до Узбекистана — неизвестно. По другой версии, упёрли её наши милиционеры...

Сегодня в столице — 3,5 тысячи синих кабинок. Примерно по одной на 3 тысячи прохожих (санитарные нормы предписывают 1 «очко» на 500 человек). В Берлине таких кабинок в два раза больше, а народу — в три раза меньше. Но если до Берлина нам далеко, то до Нью-Йорка — ещё дальше. Первые в космосе и балете, мы отстаём от американцев по мобильным сортирам примерно на полвека. Именно в Штатах и изобрели в 1943 году первый биотуалет. Но произошло это во многом... благодаря СССР, куда в те годы американцы отправляли гуманитарную помощь. На вокзалах и в портах началось столпотворение, и нужно было как-то решить проблему с туалетами. Вот американцы и решили. И за прошедшие годы добились поразительных успехов в этой области.

Большинство московских кабинок — американские. В своё время у нас пробовались польские, французские, немецкие и отечественные, но все они не идут ни в какое сравнение с достижениями технической мысли янки. Но в последнее время и наши учёные не отстают: они даже изобрели биотуалет, способный функционировать в суровых условиях Антарктиды. Техника на грани фантастики: откачивает фекалии даже при минус 70! Но, как ни странно, пока она никому не пригодилась. Экспедицию российских туристов-экстремалов не пустили на Южный полюс: «зелёные» подняли хай, раструбив на весь мир про то, что русские справляют естественные нужды прямо на снегу. А ведь отходы жизнедеятельности в условиях вечной мерзлоты каменеют тоже навечно! Так что супертехнология ждёт своего часа.

Кстати, о супертехнологиях. Предела совершенству нет, и люди, занятые в туалетном бизнесе, хоть сейчас готовы установить в Москве новейшие разработки, самые скромные из которых — умывальник с горячей и холодной водой и душ. В японских биотуалетах, к примеру, «клиентам» автоматически делают анализ мочи или кала, результаты которого тут же по Интернету отправляют на медицинскую карточку по месту учёта! О туалетной бумаге в цивилизованных странах даже не вспоминают: услуга автоматической «чистки» в биотуалетах предусмотрена само собой. А чтобы не стелить под попу газетку, на стульчак автоматически протягивается дезинфицирующая целлофановая лента.

— Всё это можно сделать и у нас, — удивил корреспондента «МК» Виталий Челноков из российской Гильдии предпринимателей коммунального хозяйства. Но тут же заставил спуститься с небес на землю: вряд ли передовые технологии продержатся в Москве дольше одного дня. Москвичи не могут привыкнуть к цивилизации до сих пор. Всё, что появляется в сортирах для более комфортного справления нужд, пропадает быстрее, чем об этом узнаёт общественность...

Воруя всё. Мыло «живёт» в синей кабинке не дольше трёх минут (фактически — до первого посетителя). То же самое — с туалетной бумагой, которую иногда выкидывают или обматывают вокруг кабин. Умывальники выдирают с корнем, вентиляционные трубы выламывают, на крыши туалетов прыгают подростки, кабинки поджигают изнутри¹⁶... Но самый распространённый вид вандализма — вырезание дырочек в пластмассовых стенах кабинок. Чтобы подсматривать. Ежемесячно извращенцы кромсают в Москве около 50 кабинок. Удивительно, что подобным хулиганством занимаются чаще всего не дети, а взрослые дяди. Правда, поймали пока только одного: 45-летний примерный семьянин, отец двоих детей, искромсал почти все синие кабинки в районе Воробьёвых гор. Дяденька потом плакал на суде и просил ничего не рассказывать жене.

Ну и как в таких условиях приучать людей к цивилизации? Нет, современные туалетные технологии у нас внедрить пытались, и не раз. Коммерсанты, пять лет занимающиеся установкой биотуалетов в Москве, рассказали корреспонденту «МК» страшную историю о том, как уничтожили установленный на Манежной площади утеплённый туалет с освещением. Внутреннее состояние клозета поражало. Во время сидения клиент мог заказать автоматическую чистку обуви, померить давление, включить музыкальное сопровождение «антипук» (например, шум прибора — чтобы сосед не слышал, как журчит). В прошлом году чудо-туалет по кусочкам разобрали выпускники московских школ во время празднования последнего звонка. Даже дверь с петель сняли. Рекордный случай: туалет с «антипуком» продержался на Театральной площади 4 месяца...

Теперь туалетные коммерсанты стараются делать что попроще. И максимум удобств, на которые могут рассчитывать москвичи

¹⁶ Я знавал человека, который искренне возмущался тем, что в его подъезде выжигают кнопки лифта. Но возмущался он своеобразно: «Что же они в своём-то подъезде выжигают? Выжигали бы в чужом!». Неудержимое стремление населения к вандализму проанализировано в замечательной статье Леонида Ильича Невлера «Культура хамства» // Декоративное искусство СССР. — 1987. — № 9. — http://traditio.wiki/Леонид_Невлер:Культура_хамства. — В. У.

и гости столицы, — это возможность помыть руки, которая есть далеко не везде. За что следует сказать «спасибо» самим себе.

Но самое обидное, что мобильные туалеты не всегда используются по назначению. Дешёвые проститутки зовут их кабинками «быстрого обслуживания», наркоманы прячутся там со шприцами, а мужчины нетрадиционной ориентации «общаются» в смежных кабинках, вырезав дыру размером с попу в общей стене. Так что уважительнее всего золотари относятся к бомжам, находящим в синих кабинках приют. Бомж — лучше любого сторожа. Это верная примета того, что с туалетом всё будет в порядке.

Гиляровский писал о том, как раньше золотари ездили по улицам с огромным ведром и очищали выгребные ямы. Даже калачи с «ручкой» изобрели специально для них — чтобы можно было кушать их грязными руками.

Пять лет назад профессия золотаря возродилась вместе с появлением биотуалетов. Современные золотари считают свой труд почётным, престижным и очень обижаются, что у них до сих пор нет профессионального праздника. Чем они хуже космонавтов, учителей и подводников?..

(Екатерина Пичугина.)

В статье Пичугиной следует не оставить без внимания слово «кассирша» во втором абзаце. Дело в том, что каждый биотуалет был снабжён тётей, которая принимала деньги за вход, выдавала клочок туалетной бумаги и отпирала дверь. (Тёти со сходными, *mutatis mutandis*, функциями сидят на венских стульях при кабинках, установленных в верхних вестибюлях многих станций московского метро и предназначенных для «автоматического» фотографирования клиента; без тётъ всё будет разломано.)

Невзирая на природную склонность населения ломать всё новое, московские власти озаботились установкой биотуалетов с автоматизированным приёмом денег. Увы, ситуация от этого не сильно улучшилась. Если автоматизированные туалеты вытеснят старые, то скорее всего она даже ухудшится, поскольку старые туалеты, в отличие от новых, пребывают под постоянным наблюдением. В самом деле, если сломается какой-то из старых, синих биотуалетов, то есть, кому забить тревогу — это сделает приставленная к нему кассирша, зарплата которой может от этого зависеть. Уровень автоматизации не должен обгонять уровень цивилизованности и общую инфраструктуру.

Положение вещей в Москве хорошо иллюстрирует ситуация с биотуалетами на территориях Ботанического сада Академии наук и ВДНХ, выставки достижений народного хозяйства. Об указанной ситуации мне

рассказала «управнученная» мною Юля Зинова¹⁷, совершившая 9 мая 2014 года со своим приятелем прогулку по этим территориям.

Мы гуляли от станции метро «Владыкино» до станции метро «ВДНХ». В Москве незадолго до этого установили новые уличные биотуалеты «золотистого цвета», как пишут в проектной документации. Туалеты сразу стали называть «золотыми». Тут есть и доля иронии: обошлись они городу более чем в 1 миллиард рублей. При этом это не туалеты, как в Париже или Нью-Йорке, которые автоматически моются после каждого посетителя. Здесь такой автоматизации нет, но, в отличие от «голубой кабинки», есть нормальный унитаз, раковина (говорят, что даже с горячей водой) и писсуар. Но это в теории. А на практике...

Нужно заметить ещё одну вещь: туалеты платные (30 рублей) и плата эта должна взиматься при помощи терминала, расположенного в центре конструкции (в каждом туалете две кабинки, а посередине терминал оплаты).

Вдоль нашего маршрута располагалось довольно много этих самых новых туалетов. Мы обошли все.

Вот что выяснилось. Половина туалетов просто не работала совсем: они были закрыты и либо терминал оплаты не работал вообще (чёрный экран), либо завис в одном из пунктов меню, либо работал, но не работала собственно оплата туалета (а там же можно положить деньги на телефон, оплатить интернет и т. д.), либо всё это было в порядке, но при этом не работали купюро- и монетоприёмники. В общем, попасть внутрь половины туалетов было невозможно.

Ещё часть туалетов, видимо, функционировали, о чём свидетельствовали очереди из 15—20 человек в одну кабинку; в то, что там было бы чисто, я не верю. Это было в начале нашего пути (на территории Ботанического сада), и я надеялась, что мы найдём ещё туалет без такой огромной очереди: на карте было обозначено довольно много точек¹⁸. Таких очередей мы прошли 2 или 3.

¹⁷ В 2006 году Юля поступила и в 2011 году закончила отделение теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ. С тех пор она учится и работает в Дюссельдорфском университете в области компьютерной лингвистики. Весной 2007 года я написал ей рекомендацию для участия в предстоящей Летней математической школе в Дубне. Была она участником и в 2008 году. В последующих школах она уже не могла быть участником, поскольку потеряла статус младшекурсника, но всегда была желанным гостем.

¹⁸ Это, увы, очень характерно (со времени потёмкинских деревень, а то и с более раннего времени): на бумаге всё в порядке. «Гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить», пелось в приписываемой

В Ботаническом саду мы видели и синие кабинки стандартных биотуалетов, но я в тот момент ещё надеялась на новые туалеты и не пыталась воспользоваться синими. На территории ВДНХ большие старые туалеты с уборщицами¹⁹ все были закрыты.

Последняя категория туалетов оставила неизгладимые воспоминания: у них работал терминал оплаты, но при этом он был не нужен, туалеты были открыты. Посещающие их люди очень переживали, что кто-нибудь закроет дверь и потом надо будет платить, чтобы попасть внутрь. Их опасения были напрасны: двери просто не закрывались. Ликование людей по поводу бесплатности туалетов я не разделила: зайдя внутрь, я выбежала оттуда очень быстро. Внутри было невообразимо грязно и ужасно воняло. Ну и света не было, так как все системы туалета не работали. Туалет типа «выгребная яма» был бы просто раем по сравнению с этим. Увидев мою реакцию, какая-то женщина отказалась посещать это заведение, после чего её не совсем трезвый муж стал на неё орать, что тут бесплатно, а она не хочет, видите ли, и дал ей пощёчину. Я долго размышляла о силе «халявы» для русского народа...

После этого мы зашли в какое-то кафе, и я попросила воспользоваться их туалетом. В нём тоже стояла вонь, но терпимая. Я вспоминала туалеты в поездах в Германии и не могла понять, почему в них почти никогда нет запаха, а если есть, он совсем не такой силы, хотя их, наверное, моют не очень часто. И туалетная бумага там всегда есть, и бумажные полотенца для рук.

Ситуация с биотуалетами в Москве очень характерна для российской *инфраструктуры* вообще: вложив немалые деньги, что-то построили, последующим обслуживанием не озаботились, и построенное приходит в упадок. Мне запомнилась история с телефонными аппаратами на одной из подмосковных железнодорожных станций. Кажется, это было в Звенигороде. Во второй половине 1980-х годов мне дважды довелось посетить эту станцию. Во время первого посещения я обратил внимание на несколько очень свежих телефонных аппаратов, прикреплённых к стене в вокзальном помещении. На специальном плакате было разъяснено, что вскоре они вступят в строй, и тогда пассажир сможет по любому из таких аппаратов связаться со

Льву Толстому солдатской песне, навеянной поражением в Крымской войне 1853—1856 годов; боевая численность русской армии была тогда далека от значившейся в списках. — В. У.

¹⁹ Имеются в виду предшественники биотуалетов — надземные или подземные туалеты-здания. — В. У.

справочной службой и получить необходимую информацию. Второе посещение было года через два. Все аппараты были раскурочены, телефонные трубки с вынутыми из них микрофонами и прочими потрохами жалостно болтались на проводах.

Не то в 2009, не то в 2010 году был открыт подземный переход через Ленинградский проспект у так называемого южного выхода из метро «Аэропорт». Открытие было обставлено торжественно, с участием мэра Лужкова. На каждой стороне перехода был установлен лифт для людей с ограниченными возможностями. Через некоторое время я захотел посмотреть на это чудо. Выяснилось, что кнопка лифта не вызывает сам лифт, а всего лишь соединяет с диспетчером, который подаст тебе лифт, если ты сумеешь убедить его (скорее всего, её), что лифт тебе действительно нужен²⁰. Но самое ужасное заключалось в том, что, как разъяснили мне охранники в переходе, лифт работал только с одной стороны, а что с обеих сторон они работали только при торжественном открытии. Я представил себе колясочника, спустившегося в переход, преодолевшего его и обнаружившего, что подняться он не сможет (сможет ли он подняться, совершив обратный путь — это тоже под вопросом). Теперь этого «ужасного» нет: лифты не работают с обеих сторон.

Не знаю, следует ли относить к теме инфраструктуры дурную традицию, идущую с советских времён и глубоко укоренившуюся в сознание администраторов: то, что строится, должно быть построено к какой-нибудь знаменательной дате — Дню города, Дню победы и т. п. Естественно, что в последние дни перед датой всё делается в лихорадочной спешке и кое-как. Не могу не вспомнить своё ощущение удивления, когда в младших классах школы я читал канонический учебник истории СССР. В надлежащем месте сообщалось, что строители такого-то завода взяли на себя социалистическое обязательство закончить строительство на год раньше запланированного срока. А через несколько десятков страниц в другом месте учебника говорилось, что положение в стране было тяжёлым, потому что значительный процент продукции оказывался браком. Меня удивляло, что авторы учебника, утверждённого на очень высоком уровне, не сопоставляли два указанных места текста.

Инфраструктура, инфраструктура и ещё раз инфраструктура!

²⁰ Тут мне вспомнился Стокгольм, где на одной из улиц при перепаде высот на тротуаре имеются ступени, но имеется и лифт, вызываемый непосредственно, безо всякого диспетчера. Но в России, чтобы не выломали кнопки, к нижней и к верхней кнопке нужно было бы приставить по охраннику.

Из записок председателя экзаменационной комиссии

В 1972 и 1975 годах мне довелось быть председателем экзаменационной комиссии по математике для гуманитарных факультетов МГУ, а после этого один раз, в июле 1979 года, заместителем председателя. (Полагаю, что к этому времени начальство опомнилось или же ему разъяснили, что беспартийный не может быть председателем комиссии. К тому же в 1977 году к власти в МГУ пришёл Логунов.) Отдельным эпизодам деятельности этой экзаменационной комиссии и посвящена настоящая статья. Формула «Из записок» — всего лишь оборот речи, никаких записок я не вёл. А зря.

Сейчас, когда пишутся эти абзацы, заканчивается 2016 год. А время, о котором они пишутся, имеет сорокалетнюю, примерно, давность: середина 1970 годов. В Москве был единственный университет — Московский государственный, МГУ. Тó, что сейчас называется университетами, называлось *институтами*, в редких случаях *училищами* (примеры — «Московское высшее техническое училище имени Баумана», «Московское высшее художественно-промышленное училище (бывшее Строгановское)»), и никто не знал слов *Единый государственный экзамен* и аббревиатуры ЕГЭ. Абитуриенты, за исключением некоторых льготных категорий, принимались по результатам вступительных экзаменов. Для их проведения создавались экзаменационные комиссии.

Следующий абзац посвящён общей организации экзаменационных комиссий. Я буду говорить лишь о месте моей работы, Московском университете, хотя предполагаю, что в других, иногородних, университетах, а также в институтах дело было поставлено аналогичным образом.

Экзаменационная комиссия по тому или иному предмету (*предметная комиссия*) возглавлялась её *председателем* и создавалась приказом ректора для проведения вступительных экзаменов по этому предмету. Такая комиссия назначалась для одного факультета — так обстояло дело с экзаменационной комиссией по математике для физического факультета МГУ — или для группы факультетов; в последнем случае ответственным за экзамены на конкретном факультете отвечал

так называемый *старший экзаменатор* по этому факультету. Экзаменационные комиссии нередко путали с *приёмными комиссиями*, но функции у них были разные. Экзаменационная комиссия решала вопрос об экзаменационных оценках, приёмная — вопрос о приёме. Приёмная комиссия была на каждом факультете и возглавлялись деканом, и была Центральная приёмная комиссия МГУ, номинально возглавляемая ректором. Повседневной работой занимался секретарь комиссии, имевший немалую реальную власть. Председатель экзаменационной комиссии, будучи назначен ректором, ректору уже не подчинялся; кажется, он всё же подчинялся Министру. В 1970-е годы, о которых я пишу, факультеты естественных и математических наук сдавали вступительные экзамены в июле, а гуманитарные факультеты — в августе. По крайней мере, так было в МГУ. Сделано это было для того, чтобы абитуриенты, не попавшие в вуз по результатам июльских экзаменов, имели возможность попытаться счастье в августе. Соответственно было две Центральные приёмные комиссии (ЦПК), в июле и в августе. В июле ректор МГУ, математик или физик, уходил в отпуск, и исполняющим обязанности ректора становился проректор по гуманитарным факультетам. Он и возглавлял августовскую приёмную комиссию.

Прошу прощения у читателя за эти скучноватые объяснения, но они необходимы для правильного понимания дальнейшего изложения, описывающего дела давно минувших дней.

Когда меня назначили председателем комиссии для гуманитарных факультетов в 1975 году, я решил начать свою деятельность с того, чтобы познакомиться с секретарём Центральной приёмной комиссии. К сожалению, его имя я забыл, и посему впредь я буду обозначать его с прописной буквы. У Секретаря был кабинет на первом этаже Главного здания МГУ и длинная очередь к кабинету, состоящая, в основном, из родителей абитуриентов. Разумеется, я мог воспользоваться традиционной привилегией советских начальников, открыть дверь в кабинет и войти без очереди. Но я сел в общую очередь, которая шла на удивление быстро. Когда я, наконец, вошёл, я понял, почему.

Секретарь комиссии играл в шахматы с часами со своим заместителем. Когда входил очередной посетитель, а чаще, кажется, посетительница, Секретарь останавливал часы и предлагал посетительнице — а пока я сидел в этом кабинете, все посетители были женского пола — сесть и изложить своё дело. Посетительница была смущена и говорила, что-то подобное словам булгаковской Маргариты, сказавшей Воланду: «Ни в каком случае, мессир. Я умоляю вас не прерывать партии». Секретарь просил её не обращать вни-

мание на шахматы и сообщал, что в шахматы он играет в свободное время, а в кабинете находится для исполнения своих обязанностей и потому готов уделить ей любое количество времени — столько, сколько нужно для изложения её дела. В этой обстановке посетительница терялась, излагала дело торопливо и невнятно и, ничего не добившись, чуть ли не с облегчением покидала кабинет столь любезного чиновника. Я нашёл, что мне есть чему поучиться у Секретаря. Он удивился, что я сидел в общей очереди и вежливо упрекнул меня за это; но я видел, что он оценил моё нестандартное поведение. С тех пор мы сработались, что немаловажно для председателя предметной комиссии. Дело в том, что в процессе приёма в Университет есть момент, когда приёмная и экзаменационная комиссии не могут обойтись друг без друга. Это процедура рассмотрения апелляций, о чём будет сказано ниже. (Жаль, что имя Секретаря затерялось в недрах моей памяти. Когда в том же 1975 году мой сын поступал на мехмат и я, естественно, волновался по этому поводу, Секретарь сказал мне: «Если ваш сын не получит ни одной двойки, то я гарантирую его поступление, даже если все его отметки будут тройками».)

Кроме секретаря ЦПК, была ещё одна категория университетских чиновников, с которым я считал правильным познакомиться. Это были деканы тех факультетов, при поступлении на которые проводились вступительные экзамены по математике. Таких факультета было три: психологический, экономический, при поступлении на которые по математике экзаменовались все абитуриенты, и филологический, где экзамен по математике устраивался для поступающих на специальность «Структурная и прикладная лингвистика». С деканом филфака Алексеем Георгиевичем Соколовым (1921—2004) я уже был достаточно хорошо знаком по своей работе на названном факультете. Знакомство с основателем (в 1966 году) и первым деканом (с 1966 по 1979 год) психологического факультета МГУ Алексеем Николаевичем Леонтьевым (1903—1979) запомнилось мне лишь тем, что из трёх деканов он был единственным интеллигентом. А вот знакомство с деканом (с 1965 по 1977 год) экономического факультета Михаилом Васильевичем Солодковым (1921—1991) произвело на меня незабываемое впечатление. Читаем на сайте «Московские могилы» http://www.moscow-tombs.ru/1991/solodkov_mv.htm: «Главным в 1950-е для него являлась парт. работа. Неоднократно избирался секретарём партбюро ф-та, членом „большого парткома“¹, зам. секретаря, в 1962—1964 — секретарём парткома МГУ».

¹ По-видимому, имеется в виде партком МГУ. — В. У.

А деканом мехмата в это время (с 1969 по 1991 год) был Пётр Матвеевич Огибалов (1907—1991), ставший деканом после знаменитого «Письма девяносто девяти» в защиту Есенина-Вольпина, в каком-то письме уже после его подписания и ниже подписей была сделана приписка, приглашающая ответ присылать на мехмат. В предвоенные годы Огибалов возглавлял Первый отдел МГУ. Огибалов и Солодков составляли хороший тандем, сработанность которого я испытал на себе. Во время рассмотрения апелляций мне позвонил Огибалов и сказал, что все пожелания Солодкова надлежит удовлетворять. Я не стал возражать Огибалову, но про себя решил проигнорировать его звонок. Как я уже отмечал, председатель экзаменационной комиссии в своей деятельности был независим и не подчинялся даже ректору.

Когда я пришёл к Солодкову и представился, он заявил мне, что не понимает, зачем экономистам нужен экзамен по математике. К этому времени, а именно в 1969 году, уже была учреждена *Премия Шведского национального банка по экономическим наукам памяти Альфреда Нобеля*, неофициально Нобелевская премия по экономике; многие работы, за которые выдавалась эта премия, были, по существу, математическими. Солодков этого либо не знал, либо не хотел знать, считая это происками Запада.

«В „Капитале“ Маркса ничего не сказано о математической экономике», — сказал мне Солодков. Что он думал о существующей с 1962 года на его факультете кафедры математических методов анализа экономики, я не знаю. Своим партийным чутьём он почувствовал, что щупальца этой гидры уже пересекли государственную границу и дотянулись до МГУ. «Экзамен по математике на экономическом факультете не нужен», — этими словами Солодков заключил свою краткую, но эмоциональную, речь. По-видимому, он ожидал, что я буду ему возражать. Но я не возражал. «Я с вами совершенно согласен. Давайте отменим этот экзамен к чёртовой матери», — ответил я на гневные слова Солодкова. Надо сказать, что мой собеседник растерялся. При всей своей ненависти к математике он осознавал, что не властен изменить утверждённый Министерством перечень вступительных экзаменов.

Изложу некоторые запомнившиеся эпизоды. По всей стране, за немногочисленными исключениями (к каковым относились естественнонаучные и точные факультеты МГУ и, возможно, других университетов), 1 августа начиналась всесоюзная экзаменационная страда по поступлению в вузы. Разумеется, телевидение не могло пройти мимо этого события. В какой вуз должно было приехать

телевидение снимать начало страды? Естественно, в главный вуз страны — в МГУ. И второй вопрос: какой экзамен более важен и телегеничен — устный или письменный? Ответ: письменный. Так оказалось, что 1 августа в МГУ шёл единственный письменный экзамен — экзамен по математике на психологический факультет. Вот туда, за несколько минут до начала экзамена, и приехала команда из Центрального телевидения с прожекторами, камерами, проводами и прочими аксессуарами. Никого не спрашивая, они стали по-хозяйски всё это размещать и подключать в большой аудитории амфитеатром, предназначенной для экзамена. Очевидно, что съёмка помешала бы ходу письменного экзамена. Я стал их прогонять. Они, особенно начальник команды, вели себя очень нагло. По-видимому, обычно те, которых они снимают, считали для себя честью попасть на телевизионный экран. Всё-таки мне удалось их выгнать. Не прошло и получаса после начала экзамена, когда в аудиторию вбежал слегка испуганный секретарь факультетской приёмной комиссии и сказал, что меня вызывает к телефону заместитель Министра образования. Признáюсь, я несколько растерялся. Но потом нашёлся. Я сказал: «Передайте заместителю Министра, что я с удовольствием с ним поговорю, но потом. Сейчас не могу, потому что у меня идёт экзамен». Больше заместитель Министра меня не тревожил. А обескураженный начальник телевизионщиков явился за несколько минут до конца экзамена и тоном чуть ли не подобострастным просил меня, когда экзамен кончится, задержать сдающих экзамен на несколько минут, а его команда снимет их, как если бы они писали свои работы. Я предположил, что он уже получил нагоняй или опасался его получить за невыполнение редакционного задания. Ему я отвечал, что когда экзамен закончится, на этом закончатся и мои функции и он будет волен договариваться с абитуриентами о чём угодно. Надо сказать, что он договорился довольно успешно, потому что весьма многие были не прочь попасть на экран.

В другую мою каденцию случился аналогичный эпизод. Опять 1 августа, опять единственный в МГУ письменный экзамен, но на это раз на экономическом факультете. Во время экзамена в аудиторию входит секретарь факультетской приёмной комиссии со своими подручными. Все они имеют вид слегка испуганный и одновременно злорадствующий. Выражение их физиономий означает «Вот ты и попался». Они меня активно не любили, я их тоже. Все они составляют свиту неизвестного мне важного лица, держащегося, впрочем, достаточно скромно, которого представляют как начальника Главного управления университетов Министерства высшего образования

СССР. Я прошу его предъявить мне служебное удостоверение. Все, кроме важного лица, впадают в ступор. Лицо предъявляет мне удостоверение. Я благодарю и говорю: «Я убедился, что вы действительно начальник Главного управления университетов. Я готов действовать по вашим указаниям». Заместитель Министра говорит: «Я вижу, что у вас тут всё в порядке, и в указаниях вы не нуждаетесь». Все уходят.

В отличие от других факультетов, с экономическим факультетом у меня были крайне напряжённые отношения. Оно и понятно, если учесть, сколь лживые взгляды на экономику преподавали на этом факультете. Именно по поводу некоего конфликта с приёмной комиссией экономического факультета я обратился к ректору Хохлову, о чём написал в главке «Хохлов» статьи «Ректоры МГУ».

Возможно, причиной конфликта стояла странная и неправильная, на мой взгляд, организация процедуры окончания письменного экзамена, сбора работ экзаменационной комиссией и передача их на хранение факультетской приёмной комиссии. Проверка работ началась на следующий день. Работы писались под шифром, дабы экзаменатор не мог воспользоваться знанием имени пишущего. Такое знание могло бы сделать проверку и, тем самым, оценку необъективной. Соответствие между именем пишущего и шифром было известно факультетской приёмной комиссии, каковая и осуществляла процесс шифрования. В её объективности и невозможности внести в работу исправления или даже полностью её подменить почему-то никто не сомневался. Как и жена Цезаря, она была вне подозрений. Однако приёмная комиссия экономического факультета отнюдь не была женой Цезаря. Было бы правильно, если бы после сбора работ и их шифрования они тут же запирались в сейф, а его код был бы известен только руководству экзаменационной комиссии. Однако этого почему-то не происходило.

И вот что случилось. На экономический факультет поступал внук Михаила Авксентьевича Лесёчко, с 24 ноября 1962 года по 24 октября 1980 года заместителя Председателя Совета Министров СССР. И как раз в этот год я решил отвести на экзамен не четыре часа, как обычно, а пять. Опыт показывал, что четырёх часов абитуриентам не хватает. Через четыре часа после начала экзамена явились члены факультетской приёмной комиссии, чтобы получить от меня собранные работы. Я сказал им, что экзамен длится пять часов, так что остался ещё час. Они пришли в большое беспокойство, мне понятное. К этому времени я уже знал о поступлении внука. Ясно, что они собирались подменить работу и через обещанные сановному деду

четыре часа после начала экзамена доложить его референтам, что внук блестяще решил все задачи. Представители приёмной комиссии стали доказывать мне, что экзамен должен длиться четыре часа. Но, в отличие от них, я хорошо знал соответствующие документы. Там о длительности письменного экзамена ничего не было сказано, из чего я заключил, что её определяет экзаменационная комиссия. Их волнение, временами переходящее чуть ли не в гнев, не поддавалось описанию. Они осознавали своё бессилие и в течение часа пытались мне что-то доказать. Наконец, час прошёл, они чуть ли не вырвали у меня из рук пачку собранных письменных работ и убежали.

В обстановке взаимной подозрительности проходили на экономическом факультете и рассмотрение апелляций. Абитуриент имел право подать апелляцию на свою оценку. Апелляция рассматривалась апелляционной комиссией, состоящей из представителей двух комиссий, приёмной и экзаменационной. Первая не могла изменить оценку, а вторая, хотя и могла её изменить, но не могла это сделать без разрешения приёмной комиссии, так как оценки были уже зафиксированы. Обычно, каждая из комиссий поддерживала тех или иных кандидатов, и работа проходила в форме взаимных уступок. Экономисты же всегда пытались не выполнить договорённости; Солодков, в частности, прямо меня обманул. И это неудивительно: ведь он был одним из основных поставщиков лжи, а ложь была одним из двух столпов советской идеологии (вторым столпом была ненависть). Из многочисленных достойных упоминания эпизодов во время рассмотрения апелляций на экономическом факультете за более чем сорок лет удержались в памяти лишь два.

Первый из них мелок и к тому же касается одного из немногих представителей экономического факультета, к которому я относился с симпатией — Станислава Сергеевича Шаталина (1934—1997). С 1970 по 1983 год он заведовал кафедрой математических методов анализа экономики. Кафедра была основана в 1962 году выдающимся экономистом и статистиком В. С. Немчиновым (как такое допустил Солодков, не совсем понятно; впрочем, Немчинов был очень влиятельным). Подавший апелляцию абитуриент приглашался на заседание апелляционной комиссии, где ему сообщался результат рассмотрения его дела. Теоретически во время беседы с ним результат мог измениться. Одну из апеллянток поддерживал Шаталин. Он сказал, что её следует принять на факультет, потому что она мастер спорта по фехтованию. Этот довод на меня подействовал, не на мехмат же мы её принимаем, в конце концов. Была возможность повысить её оценку, что и было сделано. Когда она предстала перед

нами, я её спросил, является ли она мастером спорта. Она честно ответила, что является кандидатом в мастера. «Врать не надо», — сказал я Шаталину, и он смутился. Где-то в этой книге я писал, что в те годы был довольно наглым.

Второй эпизод более любопытный. Приглашённые апеллянты ждали за дверью решения своей судьбы и вызывались на комиссию по одному. Их апелляции вместе с письменными работами лежали в папках, заведённых на каждого абитуриента при подаче заявления о поступлении на факультет. В папке, помимо заявления, хранился документ о среднем образовании и другие необходимые справки, автобиография, заполненная анкета и т. д. Папки лежали на столе, за которым заседала комиссия. Члены комиссии имели возможность их просматривать. И вот, когда наше заседание подходило к концу и почти все папки были уже изучены, по ним принято решение и решение по тому или иному абитуриенту ему сообщено, я обнаружил, что одна из папок, по которой решение ещё не принято, на столе отсутствует. А я как раз собирался поддержать данную апелляцию и предвидел возражение моих экономических сочленов. Я довольно внимательно следил за происходящим и недоумевал, куда делась папка. Она могла свалиться со стола на пол, но на полу её не было. До сих пор помню своё состояние — почти отчаяние. Наконец, на ум пришло некое предположение, которое оказалось верным. На столе находилась тяжёлая настольная лампа с основанием в виде круга большого радиуса. Кто-то хитроумный из экономистов поставил эту лампу на папку. Я достал папку из-под лампы, экономисты сдались, и апелляция была удовлетворена.

На других факультетах апелляции проходил довольно дружелюбно. Правда, на филологическом факультете мне не удалось добиться повышения оценки за сочинение Яши Тестельца. Я хотел это сделать в ответ на исправления двойки на тройку за письменную работу по математике Маши Бурас. Но тут я сам виноват: они показали мне сочинение Тестельца и убедили, что он пишет с орфографическими ошибками, чего, возможно, не было. Об этом я уже писал в настоящей книге в сноске к статье «Химико-филологический конфликт» (см. с. 694). Тестельца потом всё равно приняли на филфак, и он стал доктором филологических наук с соответствующим числом публикаций. А Бурас, получившая заслуженную двойку по математике, впоследствии проявила способность и понимать, и ценить математические красоты. В 2010 году на Летней лингвистической школе в Дубне я читал лекцию о проблеме Пуанкаре, решённой, как известно, нашим соотечественником Перельманом. Разумеется, я не пытался

изложить хотя бы контуры решения, моя цель была в другом: привести формулировку² и объяснить на пальцах значение каждого из терминов, в неё входящих. Маша не слышала моей лекции, но слышала о ней и приехала ко мне, чтобы я ей её повторил. При этом проявила полное понимание, а все задаваемые вопросы были по делу.

А однажды в разгар проверки работ поступающих на ОСИПЛ в комнату, куда допускались только члены экзаменационной комиссии, вошёл милиционер. Он был в форме, предъявил удостоверение и его не могли не пустить. Чин на нём был небольшой: старший лейтенант или капитан, скорее первое. Он хотел поговорить со мной. «Вы по какому делу, личному или служебному», — спросил я его. «По служебному: дочь моего начальника сюда поступает». По-видимому, он получил служебное задание пойти и обеспечить её поступление. Как это сделать, он не знал. Я сообщил ему, что ничем помочь не могу. На него было жалко смотреть. Он предвидел большие неприятности, когда он вернётся, и окажется, что задание не выполнено.

На психологическом факультете произошло такое приключение. Письменный экзамен по математике был первым, абитуриентам предстояло ещё три экзамена. В день, когда экзаменационная комиссия должна была представить результаты письменного экзамена декану, я явился к Леонтьеву и объявил ему, что у нас 80 процентов двоек. Он изменился в лице. «Это невозможно, — гневно сказал он. — Экзамен будет отменён. Вы лишаете нас конкурса. После вашего экзамена осталось ровно столько абитуриентов, сколько вы нам оставили. Повторяю: экзамен будет отменён. Я сейчас звоню министру», — и он поднял трубку телефона. Но опустил её и сказал другим, просительным тоном: «Я прошу вас. Вы должны были принести мне результаты сегодня. Я даю вам ещё два дня. А ваша комиссия пусть ещё поработает. Ведь нерешённую задачу можно оценить по-разному: не решил, но пошёл по верному пути, не решил вследствие арифметической ошибки... Да вы всё это знаете лучше меня. Поработайте, и через два дня приходите». Комиссии было объявлено, что ей даётся два дня отдыха. Через два дня я пришёл к Леонтьеву и сообщил, что мы поработали и теперь у нас 60 процентов двоек. Он с жаром меня благодарил. Надо ли прибавлять, что у нас с самого начала было 60 процентов. Но если бы два назад ему была бы сообщена цифра 60, она бы его не устроила.

Раз уж была упомянута экзаменационная комиссия, пришло время рассказать, как она работала. На экзамене давалось четыре варианта

² Формулировка проблемы Пуанкаре такова: всякое односвязное трёхмерное компактное многообразие без края гомеоморфно трёхмерной сфере.

задания, с тем, чтобы предотвратить списывание. Каждую работу независимо проверяли два экзаменатора, и каждый выражал своё мнение о каждой задаче, оставляя свои пометки на полях; в конце работы он оставлял свою подпись. Затем первичные проверяющие, обычно тот, кто проверял первым, сдавали работу начальнику варианта — именно не отдавали, а сдавали, обосновывая своё мнение. Если работ было очень много, то они разбивались на кусты, и первичные проверяющие сдавали работу начальнику куста, а уже тот — начальнику варианта. Начальник варианта выносил суждение о работе в целом и принимал решение об оценке. Двойки и пятёрки согласовывались со старшим экзаменатором. Поскольку я много раз состоял в экзаменационных комиссиях, то хорошо знал всю эту механику изнутри. В частности, я знал, что из двух проверяющих фактически проверяет лишь первый, а второй просто доверяет своему коллеге. Поэтому после окончания первичной проверки я распорядился, чтобы в следующую инстанцию, т. е. начальнику куста или начальнику варианта (если кустов не было), работу сдавал тот из проверяющих, чья подпись шла второй. Новый порядок был для проверяющих неожиданностью, и окончание работы комиссии задержалось на сутки против намеченного срока.

Тут уместно вспомнить некоторое происшествие, случившееся при приёме вступительных экзаменов на мехмат в те достаточно далёкие времена, когда устный экзамен проверял один человек. Что тогда было с письменным экзаменом, не помню. Меня назначили принимать устный экзамен. Я был ассистентом мехмата. Экзамены проводились по билетам, состоящим из двух или трёх вопросов. Вопросы эти были довольно дурацкими типа «Параллельные прямые и их свойства». Однако после ответов на вопрос можно и даже нужно было задавать дополнительные вопросы. Вот он расскажет мне про свойства параллельных прямых, подумалось мне, а потом я спрошу его, сколько будет дважды два, а он ответит «пять» — и что я тогда буду делать. Поставлю, конечно, двойку, но он будет настаивать, что прекрасно ответил на все вопросы билета, и это будет чистой правдой. Он подаст апелляцию, которая, разумеется, будет отклонена, но сам процесс её рассмотрения будет нудным и противным. Спрошу-ка его что-нибудь очень простое до ответа на билет. И я спросил, что больше, $\frac{7}{9}$ или $\frac{9}{11}$. «Сколько можно думать?» — спросил он. «Сколько хотите», — сказал я и невольно его обманул. Потому что через сорок минут, не получив никакого ответа, я поставил этому кандидату на профессию математика двойку и пригласил следующего абитуриента. Пригласил немедленно, чтобы исключить контакт между

ним и предыдущим. Повторился прежний сценарий, только на этот раз вопрос был слегка упрощён. Новый абитуриент был спрошен, что больше, $\frac{5}{7}$ или $\frac{7}{9}$. Результат был тот же, с той же двойкой. Больше я таких вопросов не задавал. Через некоторое время меня вызвали в какую-то комнату, где за столом сидели важные люди. По-видимому, они контролировали ход экзаменов. Они стали на меня кричать. «Вы поставили двойку, не дав абитуриенту ответить на билет. Ваше поведение преступно. Вы заслуживаете увольнения», — кричали они. Когда они откричались, я сказал: «У меня всё запротоколировано. Взгляните на протоколы экзамена», — и протянул им две бумаги, где у меня всё было записано, включая время. Главный из них взял бумаги, прочёл их и, передавая соседу, удивлённо сказал: «Но ведь это же простые дроби». «Вот именно, — сказал я. — И оба абитуриента поступают на мехмат». Их тон, оставаясь злым, смягчился. Мне было сказано: «Вы пока идите, а мы тут разберёмся, что с вами делать». Я вернулся к приёму устного экзамена, а они, по-видимому, разбираются до сих пор.

В только что изложенном эпизоде я считал себя правым. В ниже-следующей истории я был целиком виноват. Дело в том, что не помню, в каком году и на каком факультете, в одном из вариантов письменных работ обнаружилась ошибка в задании. Задачу, при решении которой появлялось тригонометрическое уравнение высокой степени, никто, разумеется, не решил. Но и мало кто понял, что задание ошибочно. Как же такое могло произойти? Ведь я проверял все задачи.

Чтобы происхождение ошибки сделалось понятным современному читателю, надо ознакомить его с техникой изготовления сотен копий экзаменационных заданий. Столько копий было нужно, чтобы каждый абитуриент получал своё задание в письменном виде. На какой-нибудь факультет естественно-научной группы могло поступать более тысячи абитуриентов. Текст печатался под копирку в 4—5 экземплярах, сколько копий берёт машинка (не на папиросной бумаге!), а потом во все копии от руки вставлялись формулы. Первый экземпляр председатель комиссии или старший экзаменатор нёс в специальную комнату, где этот экземпляр отпечатывался на литографском камне, а потом отпечаток переносился с камня на нужное число экземпляров. Здесь надо было внимательно следить, чтобы не произошло утечки информации. Литографированный тираж запечатывался в конверт и хранился у старшего экзаменатора.

Моя ошибка — надо сказать, непростительная, — состояла вот в чём. Я проверял не первый машинописный экземпляр, с которого

делался тираж, а второй, под копирку. И убедился, что всё в порядке. А в первом экземпляре в одной из формул стоял минус вместо плюса. В результате чего задача делалась практически нерешаемой. Это было ЧП университетского масштаба.

Когда выяснилось, что на экзамене была задача, которую не решил ни один из экзаменовавшихся, меня вызвали к исполняющему обязанности ректора. Это был гуманитарный проректор, фамилии не помню. Он сказал: «Вам должно быть ясно, что в этом вопросе мы ничего не понимаем и полагаемся на вас. Сейчас в Университете нет никого, кроме вас, кто мог бы нам помочь. Выше вас по математике в Университете никого нет. Мы рассчитываем, что вы найдёте способ выйти из этой крайне неприятной ситуации». С удивлением я обнаружил, что и впрямь в данный момент являюсь в МГУ верховным лицом в области математики. Проректору я ответил: «Я вам обещаю, что жалоб не будет». И действительно, жалоб не было. Потому что всякий, кто начинал решать эту страшную задачу, был признан её решившим и получил за неё полный плюс на полях. Что, разумеется, было учтено в оценке.

Этот случай многому меня научил. Заодно расскажу о другом поучительном эпизоде, случившемся в 1972 году. В Москву для работы в комиссии я приехал из Юрмалы, где наша семья (Светлана, я и сын) ежегодно проводило лето. При этом сына, заболевшего менингитом, я оставил в неврологическом отделении Детской республиканской больницы Латвийской ССР, расположенной в Торнякалнсе — микрорайоне Риги на левом берегу Даугавы. Больница была построена недавно, были предусмотрены кондиционеры, ввиду наличия коих окна не открывались. Но кондиционеры не работали. Это было лето, когда и в Москве, и в Риге стояла невероятная жара. Всеми фибрами я стремился вернуться в Юрмалу. Наступил момент, когда основные экзамены уже закончились. Необходимость моего присутствия в Москве заметно уменьшилась. По моим представлениям, я мог бы уехать. Но кто меня может отпустить? У кого отпрашиваться? В сложных случаях я привык советоваться с великим человеком — Владимиром Георгиевичем Кармановым, доцентом мехмата и заместителем заведующего отделением математики. Но это формально. Неформально же он обладал большими познаниями в устройстве власти в стране и большими и мало кому известными связями. Когда в 1966 году в Москве проходил очередной Международный конгресс математиков и Петровский был его президентом, он сделал Карманова Генеральным секретарём конгресса. И я обратился к Карманову. Он мне сказал: «Кого бы ты не спросил, тебе

ответят отказом. Никто не возьмёт на себя ответственность отпустить председателя экзаменационной комиссии, когда экзамены ещё не кончились. Ты не спрашивай, а поставь в известность. Ты скажи так: «Я уезжаю. Оставляю за себя моего заместителя. Если поступят дополнительные апелляции, их будет рассматривать он совместно с соответствующим старшим экзаменатором. И всё в таком духе». Так я и поступил, и уехал.

Ещё две темы. События первой из них помню смутно, могу обозначить лишь общую их направленность. Но тема важная, не хотелось бы её упускать. Года не помню. В какой-то момент времени, когда все оценки были проставлены и представлены куда следует, на факультете — не помню, на каждом ли — собирался круг неопределённого состава. В качестве постоянных членов туда входил декан, избранные представители деканата и факультетской партийной организации, председатель экзаменационной комиссии и его заместитель, представители Центральной приёмной комиссии и представители партийного комитета МГУ. В директивной форме объявлялось, что надо поднять оценки некоторому количеству абитуриентов из рабочих и крестьян — так, чтобы их процент среди принятых оказался выше, чем сейчас. Процент не объявлялся, а был предметом торга. Центральная приёмная комиссия и партком были за более высокий процент, экзаменационная комиссия им оппонировала. Представители факультета, занимали нейтральную позицию. Им не слишком хотелось, чтобы на первом курсе оказалось много неучей, которых придётся исключить после первой же сессии. Но результаты первой сессии не докладываются в ЦК КПСС, а результаты приёма в МГУ — докладываются. После того, как останавливались на некоем проценте, предъявлялся список этих самых рабочих и крестьян, которым следовало исправить их заслуженные тройки на незаслуженные четвёрки. По малоопытности я не сразу понял, почему увеличивать процент рабочих и крестьян при приёме надо путём искусственного повышения их оценок вместо того, чтобы принять правительственное постановление, выделяющее для этой категории нужное число мест. Потом понял. Ведь когда появлялся список фамилий, невозможно было проверить, действительно ли внесённые в список абитуриенты имеют рабоче-крестьянское происхождение или же они оказались в списке по совершенно другим причинам. Что в интересах начальства любого вуза.

Эпизоды второй темы помню более ясно. Дело происходило на филологическом факультете в 1972 году. В кабинете декана, Алексея Георгиевича Соколова, собралось несколько человек. Среди них я

заметил невысокую моложавую женщину с крашеными волосами. На вид ей было лет 50—60. Она занималась тем, что отслеживала поступление детей и внуков членов партийно-государственного руководства страны. «Кто это?» — спросил я Алексея Георгиевича. «Это помощница Ивана Георгиевича по самым тонким и деликатным вопросам», — отвечал он. Несмотря на свои занятия, она вызвала у меня симпатию. Позже обнаружилось, что симпатию она вызывала не у одного меня, а, например, у В. М. Тихомирова. Впоследствии выяснилось, что неизвестную женщину зовут Елена Борисовна Козельцева, что в МГУ её должность называлась «внештатный референт» ректора, что она подполковник госбезопасности и с 1948 по 1980 год *старший куратор* МГУ имени М. В. Ломоносова со стороны названных органов. Эти сведения я черпаю из статьи о ней в Википедии. Оттуда же и нижеследующая цитата.

...Круг общения Е. Б. Козельцевой далеко не ограничивался элитой советской науки. Например, как вспоминает продюсер Александр Чепарухин, в то время «хипарь» и организатор университетских дискотек, он мог заявиться на день рождения Козельцевой с букетом и подвыпившим другом и столкнуться там лицом к лицу с генералом В. М. Чебриковым³.

Изложенный в цитате эпизод можно истолковывать двояко. Одни восхитятся широтой её взглядов и знакомств, другие — её профессионализмом: для куратора полезно поддерживать личные связи с действительными или потенциальными диссидентами в курируемом учреждении. Не знаю, ощущала ли она, что для старшего куратора КГБ заниматься проталкиванием в Университет детей и внуков партийно-государственных деятелей СССР было делом довольно унижительным. В другой роли я её не видел.

Она оставила любопытные воспоминания «О Келдыше, Петровском, Тихонове, Хохлове и других...»⁴. Если им верить — а я верю, — она поддерживала личные добрые отношения с И. Г. Петровским, М. В. Келдышем и их семьями, спасала сына Келдыша Петю от алкоголизма. К А. Н. Тихонову относилась без особых симпатий. Вот обширная цитата из этих воспоминаний:

Тихонов был очень своеобразный человек, с хитрецей, прикрытой простодушием, за которым скрывался редкий ум.

³ В 1982—1988 годах Председатель КГБ СССР. — В. У.

⁴ Новости разведки и контрразведки (Москва), № 009—010 от 27 мая 2004 года, http://webground.su/rubric/2012/05/27/sport_badminton/retro/.

<...>

И ведь ссорился он с Иваном Георгиевичем из-за штатов. Но я помню, из-за чего они серьёзно разошлись. Смешно, но это так.

Иван Георгиевич очень любил смотреть на красивых женщин, всегда был очарован. Однажды он гулял на Ленинских горах с молодой красивой девушкой, и нёс в корзине её сиамскую кошечку. Как джентльмен. Вели они какую-то лингвистическую беседу. И в это время Тишечка тоже гулял: дело было после обеда, а он любил после обеда пройтись. Идёт и видит прелестную нимфу, Ивана Георгиевича и корзинку с котиком. Вместо того чтобы идти по своей дорожке, он быстро пересекает линию и идёт навстречу нашей паре. Как он мне рассказывал, на лице Ивана Георгиевича было полнейшее неудовольствие. Но Тишечка подошёл и ласково, со всем присущим ему обаянием сказал: «Здравствуйте! Какой прелестный день». Петровский что-то буркнул неразборчивое. Тогда Андрей Николаевич ещё ласковее продолжает: «Иван Георгиевич, представьте меня вашей внучке». «Я не числю вас в числе моих знакомых», — ответил великий академик, развернулся в бешенстве и удалился со своей спутницей. «Вот тебе за то, что ты урезал мои штаты», — подумал Тихонов, и, смеясь, пошёл на факультет⁵.

⁵ Имеется в виду факультет вычислительной математики и кибернетики (ВМК). Факультет был основан в 1970 году Тихоновым при поддержке Келдыша и сопротивлении Петровского. В 1970—1990 годах Тихонов — декан этого факультета. — В. У.

Ещё раз о словесных квипрокво

— Фрицхен, я рада сообщить тебе, что папахен наконец дал согласие на наш брак.

— Все эти пятьдесят лет, дорогая, я специально не штопал свои фланелевые кальсоны, чтобы доставить тебе удовольствие сделать это самой.

Этот диалог (цитирую по памяти) был напечатан в качестве подписи под рисунком в одном из номеров журнала «Новый Сатирикон» (Петербург—Петроград, 1913—1918). А вспомнился он мне при следующих обстоятельствах. В декабре 1997 года автору одной из статей, печатавшихся в 28-м номере «Нового литературного обозрения» («НЛО»), передавалась на просмотр корректура некоторой статьи. Сергей Леонидович Козлов, член редакции, любезно согласившийся включиться в процедуру передачи и ознакомившийся с корректурой, сказал: «Я нашёл там совершенно замечательные опечатки, но не стал их исправлять, чтобы не лишать автора удовольствия самому обнаружить их».

Статья называлась «Почему на клетке слона написано „буйвол“», а её автором был я.

Некоторые опечатки действительно были замечательны. Например, вместо «улица Зодчего Росси» было напечатано «улица Зодчего России». Психология наборщика здесь вполне понятна: зодчий России с большей несомненностью достоин улицы, нежели несколько туманный Росси. Вместо «И Маяковский» было напечатано «И. Маяковский», с точкой после «И», что наводило на мысль о новых разысканиях в биографии поэта. Вместо «субботний» было напечатано «субботник», отчего сразу в памяти всплывает знаменитое бревно, один из концов которого нёс В. И. Ленин на субботнике в Кремле. Происхождение нескольких опечаток было загадочно (например, «[Мая 89]» вместо правильного «[Паст 89]» в списке литературы на букву пэ).

Опубликовано в журнале: Новое литературное обозрение. — 1998. — № 30. — С. 441—444.

Не обладая профессионализмом Сергея Леонидовича¹, автор, к сожалению, не сумел выловить все опечатки — и, тем самым, многие проникли в состоявшуюся публикацию: «НЛО», № 28, с. 329—372². Так, из трёх перечисленных выше опечаток была исправлена лишь одна: было восстановлено уважение к памяти Карла Ивановича Росси — а вот Маяковский так и остался под подозрением, что он имел имя «Иван».

Но самая большая, чрезвычайно огорчительная неприятность произошла с первым абзацем статьи. Вот как он выглядел в авторском тексте.

Жена одного из известных наших артистов так сообщала о планах своего мужа: «Он едет в Швецию через Австралию». Артист отправлялся в Швейцарию через Австрию.

А вот каким он оказался в корректуре и — увы и увы! — остался на с. 329 двадцать восьмого номера «НЛО».

Жена одного из известных наших артистов так сообщала о планах своего мужа: «Он едет в Швейцарию через Австралию». Артист отправлялся в Швейцарию через Австрию.

Здесь дурно не только то, что было искажено высказывание супруги народного артиста. Дело в том, что состоявшаяся в этом высказывании подмена правильных слов «Швейцария» и «Австрия» неправильными словами «Швеция» и «Австралия» играет в статье существенную роль. На базе именно этого примера и вводится центральное для статьи понятие 'словесное квипрокво'. Словесное квипрокво, вообще, состоит в подмене правильного текста неправильным — чем отличается от истинного квипрокво, состоящего в подмене лиц, понятий или вещей. Статья «Почему на клетке слона написано „буйвол“» имеет подзаголовок *Наблюдения о словесных квипрокво (подменах текста) и их причинах*.

Таким образом, в результате неправильного набора словесное квипрокво произошло дважды: сначала процитированная дама заменила

¹ ●► С. Л. Козлов, в качестве члена редакции «НЛО», курировал публикацию в 24-м номере моей статьи «Предварение для читателей „Нового литературного обозрения“ к „Семиотическим посланиям“ Андрея Николаевича Колмогорова», вышедшей с немногочисленными опечатками по моей вине и без единой опечатки по вине редакции. Руководство издательским процессом, связанным с опубликованием в «НЛО» статьи «Почему на клетке слона написано „буйвол“», осуществлялось другими лицами. ◀●

² ●► При публикации этой статьи в настоящем издании, на с. 264—461 кн. 4 «Филология», опечатки исправлены. ◀●

слово «Швейцария» на слово «Швеция», а затем, при воспроизведении цитаты, наборщик заменил слово «Швеция» на слово «Швейцария» (ср. аналогичный случай двойного словесного квипрокво при публикации текстов Маяковского, прокомментированный в «НЛО», № 28, с. 351, абзац 2³).

Поскольку опечатки представляют собой один из частных видов словесных квипрокво (и один из предметов рассмотрения в упоминаемой статье), уместно — в качестве иллюстрации к теме — привести перечень опечаток, сделанных наборщиком, не замеченных в корректуре автором и обнаруженных в статье после её выхода в свет. Автор глубоко признателен каждому, кто возьмёт на себя труд внести соответствующие исправления в доступные ему экземпляры 28-го номера «НЛО».

<...>⁴

Позволю себе воспользоваться случаем, дабы привести свежее подтверждение мнению, что православие приобретает черты государственной религии (это мнение было высказано в «НЛО», № 28, в сноске 3 на с. 334⁵). Газета «Новые Известия» в своём номере от 5 февраля 1998 года, на с. 2, в заметке «Комментарий Бориса Ельцина» пишет:

По словам Б. Ельцина, «Армения входит в стратегическое поле интересов России, она православная страна <...>».

●► Более свежий, и, главное, более яркий (а точнее — вопиющий) пример отнесения монофизитской и дохалкидонской (т. е., строго говоря, отстоящей от православия дальше, нежели католики) армяно-григорианской церкви к числу православных даёт справочник: *Яна Здоровец, Алексей Мухин. Религиозные профессии и секты /* Общ. ред. А. Мухина. — М.: Алгоритм, 2005. — 287 с. В разделе «Православные христиане» (с. 29—102), на с. 87—88, между подразделами об Антиохийской и Грузинской православными церквями, помещён — по алфавиту — подраздел «Армянская апостольская церковь»! ◀●●

Случилось ли здесь истинное квипрокво, при котором армяно-григорианская церковь была принята за церковь православную (каковой она не является), или всего лишь словесное квипрокво, при котором длинное (да ещё и через дефис) и непривычное слово заменилось более коротким и привычным, — об этом остаётся только гадать.

³ См. в настоящем издании кн. 4 «Филология», с. 346, абзацы 2 и 3. — *Прим. ред.*

⁴ При перепечатке в настоящем издании список опечаток опущен. — *Прим. ред.*

⁵ ●► В настоящем издании — в затекстовом примечании № 19 на с. 422 кн. 4 «Филология». ◀●

В знаменитом бестселлере «Крёстный отец», представляющем собою настольную книгу по мафиозной деятельности, есть следующий эпизод. В империи дона Вито Корлеоне были как фирма, занимающаяся автомобильными перевозками, так и фирма, занимающаяся ремонтом автомобильных дорог. Чем выше грузоподъёмность грузовиков, тем дешевле обходятся перевозки, и перевозчик побеждает в конкурентной борьбе. Однако слишком тяжёлые грузовики разрушают дорожное полотно, и потому предельная грузоподъёмность ограничивается соответствующими законами. Поскольку мафиозная фирма-перевозчик нарушала эти законы, то она не только получала на этом сверхприбыль, но и одновременно обеспечивала постоянными заказами принадлежащую тому же клану мафии ремонтную фирму. Эта остроумная комбинация приводила мафиози в восторг: бизнес сам порождает бизнес!

Создание литературы на тему словесных квипрокво не столь уж отдалённо напоминает изложенный эпизод. Тема эта сама по себе неисчерпаема. И притом каждая публикация может служить — по части своих опечаток — предметом новой публикации. Таким образом, и эта моя заметка, буде в ней обнаружатся опечатки, может дать повод к ещё одной публикации. И так без конца. Хотелось бы остановить этот бесконечный процесс, для чего надо избежать опечаток в настоящей публикации. Но как этого достичь? И тут я вспомнил, что когда в 17-м номере «НЛО» печаталась моя заметка «Квазипастернаковское стихотворение „Мельчукам“ и его история»⁶, то корректуру мне не показывали — и публикация получилась без опечаток. Поэтому я прошу редакцию «НЛО» не показывать мне корректуру настоящей публикации.

Послесловие от августа 2001 года

Редакция «Нового литературного обозрения» выполнила мою просьбу и не показала мне корректуру этой заметки. Средство подействовало: заметка была напечатана без опечаток. (Было бы смешно, если бы в статье об опечатках снова появились опечатки — но, как мы увидим ниже, так и происходит.) Обрадованный, я наивно решил, что открыл способ публиковаться без опечаток. Не тут-то было. Моя статья «Лермонтов, Колмогоров, женская логика и политкорректность»⁷ была опубликована в журнале «Неприкосновенный

⁶ См. с. 17—21 кн. 4 «Филология» настоящего издания. — *Прим. ред.*

⁷ См. с. 708—730 настоящей книги. — *Прим. ред.*

запас» («НЗ») с опечатками, по меньшей мере одна из которых была просто ужасающей: всемирно знаменитый математик Израиль Моисеевич Гельфанд, ученик А. Н. Колмогорова, был назван учеником М. В. Келдыша⁸. Пытаясь объяснить филологическим коллегам чудовищность этой опечатки, я привёл такую аналогию: это всё равно, как если бы Иосифа Бродского, поэта круга Анны Ахматовой, назвать поэтом круга Константина Симонова. (Кстати, известный параллелизм между личностными характеристиками и общественными позициями М. В. Келдыша и К. М. Симонова уже отмечался в печати⁹.)

Свидетельствуя чувства уважения и симпатии к редакциям журналов «НЛО» и «НЗ», я хотел бы обратиться к ним с этих страниц с разъяснением причин как отсутствия, так и присутствия опечаток. Каждый раз я отдавал в редакцию и компьютерную распечатку статьи, и тот файл, с которого была сделана распечатка. Произвести в издательстве распечатку непосредственно этого файла было невозможно, потому что я пользовался пакетом издательских программ L^AT_EX, общепринятым в мировой математической среде, но незнакомым издательскому дому «НЛО». Однако на экранах компьютеров этого издательского дома файл раскрывался в виде русского текста, перемежающегося иногда некоторыми другими символами. Если удалить эти другие символы, то возникал правильный русский текст, не содержащий, однако, информации о шрифтовых и иных выделениях, о разделении на абзацы и т. п. Но располагая готовым образцом правильной распечатки и глядя на экран, нетрудно отредактировать файл таким образом, чтобы он получался на выходе принтеров издательского дома «НЛО» в должном виде. Так и было сделано с моей статьёй «Предварение...». Процесс же публикации других двух статей происходил так. Файл не использовался, а с переданной автором в издательство распечатки делался новый набор. Опечатки при этом не могли не возникнуть.

Своей неэффективностью и неэкономичностью описанная процедура (автор набирает статью на компьютере и делает распечатку, а издательство делает с этой распечатки новый набор) напомнила мне историю, которую мне довелось слышать в середине 60-х годов и которую я нахожу замечательной. В Москве, в просторном зале

⁸ М. В. Келдыш был президентом Академии наук СССР в 1961—1975 годах. Его роль как руководителя космических программ была засекречена, и потому в публикациях на соответствующие темы он упоминался под псевдонимом «теоретик космонавтики» (а С. П. Королёв — под псевдонимом «главный конструктор»).

⁹ Этот параллелизм был впервые указан в статье: *К. В. Брушлинский*. Ему была нужна великая Россия // Вестник Российской академии наук. — 1996. — Т. 66. — № 10. — С. 903—906.

заседаний Госкомитета СССР по науке и технике в доме 11 по улице Горького шло совещание, посвящённое вопросам научной и технической информации; я на нём присутствовал. Выступал представитель какого-то министерства — скажем, нефтяного (а может быть — и нефтяного машиностроения). Он жаловался на то, что в его министерство не поступают в достаточном количестве реферативные журналы по его специальности, издаваемые Всесоюзным институтом научной и технической информации (ВИНИТИ). Раньше, рассказывал он, каждый заместитель министра получал отдельный экземпляр. Но теперь навели экономию, и на всех заместителей — а их было не то шесть, не то восемь — выписывается только один общий экземпляр. Но поскольку каждый заместитель министра хочет иметь свой собственный экземпляр журнала, то он велит своим секретаршам перепечатывать для него журнал на машинке и вставлять в него формулы.

Экономический эффект от описанного только что последствия директивы о наведении экономии очевиден. Эпизод с министерской подпиской на журналы я изложил не только в силу ассоциации, но и потому, что он наглядно иллюстрирует кафкианскую сущность советского общества. Ещё в начале советской власти кто-то мудрый заметил: «Большевики не соблюдают законов, ими же произвольно установленных». Но в советское время открыто не соблюдать собственные законы могли позволить себе лишь верхние правящие круги. Те, кто пониже, учились хитроумно их обходить — так, например, как в изложенном только что эпизоде или так, как будет изложено в нижеследующей новелле. Её в середине прошлого века рассказал мне человек, прикосновенный к флоту. Я не помню, было ли тогда уже в ходу слово «компьютер», или всё ещё говорили «ЭВМ», что было сокращением от «электронная вычислительная машина». (А до того говорили ещё длиннее, что-то вроде «счётно-вычислительная цифровая машина». Там, где американцы говорят «крейсер», в России говорят «тяжёлый ракетонесущий атомный крейсер».) Пусть будет ЭВМ, тем более, что это были весьма примитивные по нынешним понятиям устройства. Итак, министерство морского флота решило приобрести ЭВМ. Но ЭВМ, удовлетворяющих нужным требованиям, СССР не производит. Надо закупать за рубежом. Валюта у министерства есть. Однако, чтобы произвести зарубежную покупку какого-то товара, покупающее ведомство должно представить куда следует справку, что товара требуемого качества советские производители не изготавливают. Разумеется, ведомство, отвечающее за производство ЭВМ, которое уже получило премии и переходящие знамёна за достигнутые успехи, такую справку не выдаст никогда. Казалось

бы, положение безвыходное. Но нет, голь, как известно, на выдумки хитра. Судно заходит в порт, скажем, Берген и становится на ремонт. Разрешения ЦК для этого не требуется. Местным властям объявляют о желании заменить паровой котёл. Заинтересованные фирмы бьются за крупный заказ. Наконец, подрядчик выбран, и ему сообщают, что новый котёл должен иметь одну маленькую особенность, а именно — в него должна быть вмонтирована вычислительная машина. Подрядчик изумляется и говорит, что хотя такого в его практике ещё не было, в принципе это возможно, но с учётом необходимой сложной теплоизоляции будет стоить баснословных денег. Заказчик заверяет, что за ценой не постоит. Заказ качественно исполняется. Судно возвращается в советский порт, и там ЭВМ выламывают из котла. Во сколько раз или даже десятков раз описанная экзотическая процедура оказывается дороже вульгарной покупки импортной ЭВМ, судить не берусь.

Возвращаясь к теме опечаток, скажу, что опечатки всегда неприятны, но опечатки в списке опечаток неприятны вдвойне. В девяностых годах в Москве вышли две книги о великом учёном А. Н. Колмогорове: «Колмогоров в воспоминаниях» (1993 год) и «Явление чрезвычайное: Книга о Колмогорове» (1999 год). Не без труда мне удалось поместить во вторую из них (на с. 238—242) свою заметку «Об исправлении некоторых опечаток и неточностей», в которой был дан список исправлений к первой книге. Увы, я не держал корректуру, и опечатки проникли и в этот список. Таковых обнаружено две, на с. 239 и на с. 240:

(1) С. 239, поз. 7.

Напечатано: С. 154, 13-я стр. сн.

Должно быть: С. 158, 13-я стр. св.

(2) С. 240, поз. 35.

Напечатано: С. 664, поз. 7 (1967) и с. 691, поз. 1.

Должно быть: С. 664, поз. 7 (1970) и с. 697, поз. 3.

На эти опечатки мне указал Альберт Николаевич Ширяев, которому приношу здесь свою признательность.

Со страхом ожидаю опечаток в настоящей книге и, в частности, в настоящем послесловии.

Приписка от ноября 2001 года. Во всех опечатках, которые встретятся в настоящем издании, повинен я. Но их было бы гораздо больше (По крайней мере, они были бы другими. — *Прим. при вёрстке, А. Шень*), если бы не Саша Шень, который даже во время пребывания в городе Уппсала (Королевство Швеция) не прекращал своих усилий по обнаружению и устранению разнообразных погрешностей текста.

Послесловие от августа 2008 года

Вернёмся к сюжету, с которого и началась эта статья, а именно — к взаимоотношению автора и редакции во время прохождения корректур.

В редакцию журнала «Новый мир» я прихожу с удовольствием. Я там привечаем. Но я не ожидал, что привечаем до такой степени. До какой — о том рассказ.

В 1-м номере журнала за 2005 год шла моя статья «О единстве человеческого рода, или Зачем ставят памятники?». В конце 2004 года я держал корректуры — и вёрстку, и сверку. Будучи приверженцем буквы ё, я настойчиво просил её сохранить, и получив сверку, был рад убедиться, что моя просьба услышана. Оказалось, что я рано радуюсь. Оказалось, что было два варианта сверки. Первый, с буквой ё, был предъявлен мне. Второй, без буквы ё, пошёл в работу, так что в опубликованном тексте буквы ё нет. Должен ли я был обидеться на то, что меня, как это говорится на современном жаргоне, кинули? Я предпочёл воспринять происшедшее как знак особого к себе уважения. Ведь был прецедент. Когда в 1968 году престарелый португальский диктатор Салазар заболел и перестал управлять государством, ему, шая его, об этом не сказали; более того, специально для Салазара печаталась в одном экземпляре газета, в которой сообщалось о его указах и о чувствах к нему благодарного народа.

Привычные вывихи

Вывих привычный (*luxatio habitualis*). Консервативное лечение в большинстве случаев безуспешно. Прогноз сомнительный.

(*Справочник практического врача. Медгиз, 1956.*)

Если написать *озперанд*, то произношение у этого слова будет совершенно таким же, как и у слова *аспирант*. Писать *озперанд*, конечно, не следует, но наблюдаемое сходство произношений просвещает нас в отношении некоторых существенных особенностей русской фонетики: как указывают лингвисты, изучение письменной речи неграмотных полезно для лучшего уяснения структуры языка.

Приглашаю читателя, склонного к такого рода развлечениям, составить исчерпывающий перечень всевозможных неправильных написаний, имеющих то же чтение, что и слово *аспирант*. Вряд ли какое-то слово из этого списка имеет массовое распространение. Казус, когда какое-либо написание, нарушающее орфографическую норму, получило бы такое распространение, представил бы значительный интерес. Однако подобные казусы — их можно было бы назвать *привычными орфографическими вывихами* — мне неизвестны (и я был бы признателен за их указание). В то же время хорошо известны *привычные орфоэпические вывихи*: массовое распространение произнесений, нарушающих орфоэпическую норму, является признанным (хотя и печальным) фактом. Как ни грустно признавать, ряд таких неправильных произнесений уже одержал победу. Например, на моих глазах (именно глазах, а не ушах) произнесение *плáнер* с ударением на первом слоге совершило эволюцию от орфоэпического парии до закреплённой в словаре позиции с почётной пометой «допустимо» (хотя пока ещё *планёр* удерживает первое место в глазах составителей словарей).

Всё только что сказанное было разбегом перед тем, как объявить, чему будет посвящена настоящая заметка. А она будет посвящена привычным семантическим вывихам. Таким термином мы будем обозначать всякую имеющую массовое распространение ситуацию, при которой вместо какого-либо слова или выражения устойчиво употребляется другое слово или выражение; при правильном, закреплённом в словарях понимании этого другого слова или выражения не может не возникать искажения первоначального смысла. Вот наглядный и печальный пример, о котором мне уже доводилось писать¹: повсеместно укоренённая привычка употреблять слово *сводные* для обозначения братьев и сестёр единокровных, т. е. имеющих общую мать, или единокровных, т. е. имеющих общего отца. А ведь Даль совершенно определённо указывает, что сводные (т. е. *сведённые вместе*) братья и сёстры не имеют между собою ничего общего, кроме того, что их свёл друг с другом брак их родителей.

Когда какое-то патологическое явление имеет массовое и устойчивое распространение, долг исследователя — попытаться выяснить причину этих массовости и устойчивости. Для привычного семантического вывиха, связанного со словом *сводные*, таковой причиной, скорее всего, служит отсутствие объединяющего слова для обозначения лиц, у которых только один из родителей является общим; и тогда в роли этого отсутствующего слова со значением «единокровный или единокровный» выступает слово *сводный*.

Предоставляем читателю отыскать причину, по которой слово *эпицентр* со значением «проекция на поверхность Земли центра землетрясения или взрыва (воздушного или подземного)» стало всё чаще использоваться вместо слова *центр* в значении этого последнего слова. Одна из причин напрашивается: *эпицентр* звучит красивее, престижнее, элитарнее. Вспоминается обед у Ноздрёва, описанный в «Мёртвых душах»: «...Ноздрёв налёг на вина: ещё не подавали супа, он уже налил гостям по большому стакану портвейна и по другому гостерна, потому что в уездных и губернских городах не бывает простого сотерна». На память приходит и известное высказывание: «Плазма, или, короче говоря, протоплазма».

Замена центра на эпицентр, сотерна на гостерн и плазмы на протоплазму может создать ложное впечатление о наличии тенденции к декора-

¹ Успенский В. А. Почему на клетке слона написано «буйвол»: Наблюдения о словесных квипрокво (подменах текста) и их причинах // Новое литературное обозрение. — 1997. — № 28. — С. 337. В настоящем издании: кн. 4 «Филология», с. 305—306.

тивному удлинению. Семантический вывих может состоять и в укорочении. Так, на нерабочий день 12 июня приходится наш государственный праздник — *День принятия Декларации о государственном суверенитете Российской Федерации* (каковое состоялось в 1990 году); газеты же, как правило, называют этот день *Днём независимости России* (не уточняя, впрочем, независимости от кого или от чего).

А недавно мы все были свидетелями того, как 1 января 2000 года было объявлено началом XXI века и третьего тысячелетия (тогда как и тот, и другое начинаются 1 января 2001 года). Это привело к оживлению торговли, туризма и прочих рекламопроизводящих видов деятельности. Особых отрицательных последствий это не имело — если не считать некоторого оглупления населения, которое сравнительно спокойно отнеслось к тому, что 1 января 2001 года XXI век и третье тысячелетие наступили вторично.

Особый разряд семантических вывихов представляют собой искажения пословиц. Так, абсолютное большинство говорит *как кур в ощиц* (хотя куда же ещё куру и попадать?), вместо правильного *как кур во щи* (см., например, «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова на слово *кур*). Не все осознают, что, как сообщает словарь Даля на слово *небога* (со звательной формой *небоже*), пословица *На тебе, Боже, что нам негоже* искажена из малорусской *От тоби, небоже, что нам негоже*.

Впрочем, бывают пословицы, которые так и тянет исказить. Известная пословица *Не говори гоп, пока не перепрыгнешь* многим кажется странной: картина, когда некто говорит *гоп* после перепрыгивания, выглядит неестественной. Недоумение вызывает и популярная латинская пословица *Quod licet Jovi non licet bovi*² (отражённая в строках: «Но слишком много licet Jovi, / И ты у bovi на спине, / В испуге вздёргивая брови, / Как на серовском полотне»). В самом деле, ведь это Юпитер должен был превратиться в быка, чтобы похитить Европу, а не бык в Юпитера. Так что скорее уж *Quod licet bovi non licet Jovi*.

Ещё один замечательный разряд семантических вывихов — это искажения цитат.

Вот начало известной песни:

*Крутится, вертится шар голубой,
Крутится, вертится над головой,
Крутится, вертится, хочет упасть,
Кавалер барышню хочет украсть.*

² Что позволено Юпитеру, не позволено быку (лат.).

Интересно было бы опросить слушателей и исполнителей песни, как они представляют себе описанную здесь сцену. Как выглядит этот желающий упасть голубой шар? Всё дело в том, что подлинная строка звучала так:

Крутится, вертится шарф голубой.

Ясная картина реющего над танцевальной парой шарфа сменилась отчасти мистическим видением неизвестно откуда взявшегося крутящегося шара. Причина, надо думать, чисто фонетическая: звук [ф], зажатый между звуками [р] и [г], не слышен и оттого уничтожается.

Ещё более любопытны искажения при цитировании Пушкина. Наука иногда берётся разъяснить нам, почему Пушкин написал именно так, а не иначе, но никогда не пытается объяснить, почему некоторые строки Пушкина имеют тенденцию запоминаться с искажениями. Вот два примера.

Четвёртая глава «Евгения Онегина» открывается афоризмом *Чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей*, каковой афоризм обычно воспроизводится с заменой слова *легче* на слово *больше*. Ну, здесь всё понятно: естественное противопоставление слов *меньше* и *больше*.

Второй пример требует более углублённого анализа. Как известно, Пушкин жаловался на то, что его угораздило родиться в России с ... и талантом. Теперь спросим самих себя, что должно стоять вместо многоточия в этой жалобе Пушкина. Почти наверное ответ будет — «умом». Во всяком случае, все, кого я ни спрашивал, отвечали именно так.

«С умом и талантом» — так помнят цитату даже филологи достаточно известные. На самом же деле 18 мая 1836 года в письме своей жене из Москвы в Петербург Пушкин писал: «чёрт догадал меня родиться в России с душою и с талантом». В чём причина подмены — в общественном сознании — души умом? Не претендуя на окончательное решение столь тонкого вопроса, решу высказать некоторые соображения. В высказывании Пушкина речь идёт о как бы неуместности в России некоторых качеств. Российский менталитет готов согласиться, что уму, возможно, действительно естественнее пребывать в Германии³, а таланту — в Италии, но не может поверить, что

³ Или в Англии — но только не во Франции.

«Рассудка француз не имеет, да и иметь его почёл бы за величайшее для себя несчастье». Эту фразу написал ещё в прошлом столетии Фонвизин,

Пушкин намекал на неприкаянность в России души. И действительно, даже за н а ш и м в с е м невозможно признать право утверждать, что душа неуютно чувствует себя в России — это в России-то, народ которой, как известно всем, славится прежде всего именно своей душевностью. Уж чего-чего, а души, душевности и духовности у нас хоть жопой ешь.

Главный вывод из сказанного состоит вовсе не в предложенных нами версиях причин искажений популярных цитат. Главный вывод, на наш взгляд, состоит в том, что поиск этих причин имеет научный интерес, поскольку позволяет лучше разобраться в устройстве общественного сознания.

Впрочем, наука состоит отнюдь не только в установлении причин и объяснении явлений с помощью этих причин. («Но объяснят ли объясненья?» — справедливо сомневается поэт.) Наука занимается ещё и тем, что выделяет явления, достойные регистрации, и затем находит для регистрируемых явлений надлежащие понятийные ниши — или, что то же самое, навешивает на эти явления те или иные ярлыки. Одно из явлений, достойных регистрации (независимо от его причин!), — только что описанное всеобщее искажение цитаты из Пушкина. Оно показывает, что существуют как бы два Пушкина: один пребывает в своих текстах, другой — в отражении этих текстов в нашем коллективном сознании. И эти два Пушкина не совпадают друг с другом.

Аналогичным образом не совпадают друг с другом два Лобачевских — истинный и отражённый в бытовом сознании. Имя Лобачевского и термин «геометрия Лобачевского» знают практически все.

и, Боже мой, как, должно быть, весело она у него написалась. Бьюсь об заклад, что у него щекотало от удовольствия на сердце, когда он её сочинял. И кто знает, может, и все-то мы после Фонвизина, три-четыре поколения сряду, читали её не без некоторого наслаждения. Все подобные, отделяющие иностранцев фразы, даже если и теперь встречаются, заключают для нас, русских, что-то неотразимо приятное. Разумеется, только в глубокой тайне, даже подчас от самих себя в тайне.

Так начинает Достоевский вторую главу своих «Зимних заметок о летних впечатлениях». Иного мнения о французах Наполеон Бонапарт. В письме от 24 мая 1796 года он писал (цитирую по книге: *Крылов А. Н. Мои воспоминания.* — Л., 1979. — С. 438):

Все гениальные люди, все, кто занял почётное место на поприще науки, суть французы, какова бы ни была та страна, где они родились.

Каким образом национальный характер одной нации отражается в истинных или ложных представлениях о нём той же самой или, напротив, другой нации — это есть богатая и заслуживающая особого рассмотрения тема.

Но, если спросить, в чём состоит вклад Лобачевского в науку, в подавляющем большинстве случаев ответ будет таким: «Лобачевский доказал, что параллельные прямые пересекаются» (в более редком и изысканном варианте: «Лобачевский открыл, что параллельные прямые могут и пересечься»). Тогда надо немедленно задать второй вопрос: «А что такое параллельные прямые?» — и получить ответ: «Параллельные — это такие прямые, которые лежат в одной плоскости и не пересекаются». После чего можно пытаться (с успехом или без него) убедить своего собеседника в несовместимости между собой двух его ответов.

В качестве вступления в дискуссию о Лобачевском можно также спросить, в чём состоит аксиома о параллельных. Большинство (хотя и не столь подавляющее, как в истории с Пушкиным) сформулирует эту аксиому так: «через точку, не лежащую на прямой, можно провести прямую, параллельную этой прямой». На самом деле сформулированное утверждение является не аксиомой, а несложно доказываемой теоремой. Аксиома же о параллельных состоит в том, что через точку, не лежащую на прямой, можно провести *не более одной прямой*, параллельной исходной прямой. Причину такого искажения объясняет элементарный филологический анализ. Дело в том, что в средней школе, для простоты, обычно внушают такую формулировку: ...*можно провести одну и только одну прямую*..., не заостряя внимания на том, что оборот *можно провести одну* выражает здесь теорему, а *можно провести только одну* — аксиому. В результате в сознании остаётся более простая идея о возможности, а более сложная идея о единственности теряется. Но сказанное никак не объясняет всеобщего заблуждения о сущности сделанного Лобачевским открытия; причины этого заблуждения так и остаются загадкой.

К теме искажённого цитирования близка тема искажённого перевода иноязычных текстов. Здесь тоже можно наблюдать семантические вывихи.

Возьмём, например, английское слово *nationality*. Его так и хочется перевести русским словом *национальность*. Заполняющему анкету русскоговорящему индивидууму не всегда удаётся догадаться, что слово *nationality* в вопросе анкеты означает вовсе не национальность (по-английски — *ethnic origin*), а гражданство. (Значение *национальность* у английского *nationality* теоретически существует, но практически не используется.) Более труден случай с английским словом *humanity*. На русский язык оно может переводиться и как *человечество*, и как *человечность*. Преступлениям против *humanity* (*crimes against humanity*), а точнее — наказаниям этих преступлений,

придаётся сейчас большое значение, об этом много говорят и пишут в зарубежных средствах массовой информации, в том числе в рассчитанных на российского слушателя радиопередачах. При этом иногда звучит *преступление против человечности*, а иногда — *преступление против человечества*. БиБиСи говорит *против человечности*, хотя, по мнению некоторых сотрудников Русской службы, *против человечества* было бы и точнее, и человечнее.

В американских фильмах сравнительно часто возникает сцена суда. А тогда, в русском переводе, с экрана звучит словосочетание: *правду, только правду и ничего, кроме правды*. Здесь, однако, смущает семантическое тождество второго (*только правда*) и третьего (*ничего, кроме правды*) членов. На самом же деле вместо *только правда* должно бы быть *вся правда* или *полная правда*, потому что в английском оригинале здесь стоит *the whole truth*. Ведь полностью ритуальная формула такова: *I promise to tell the truth, the whole truth, and nothing but the truth, so help me God*. Её перевод: *Обещаю говорить правду, всю правду и ничего, кроме правды, и да поможет мне Бог*. В то же время вышеуказанный ошибочный перевод (*правду, только правду и ничего, кроме правды*) приобрёл в современном русском языке статус оборота настолько клишированного, что его пародийное обыгрывание считается общепонятным и не требует объяснений: *обязуюсь перевернуть правду, только правду и ничего, кроме правды* — начертано крупным шрифтом и в цвете на с. 41 № 32 журнала «Огонёк» от августа 2001 года.

И раз уж зашла речь о переводах, коснёмся ещё двух тем: переводов французских текстов в «Войне и мире» и выполненного автором «Лолиты» перевода её исходного английского текста на русский язык. Доброжелательный читатель найдёт основания для включения этих тем в общую тематику семантических вывихов. Как всем известно, один из самых главных романов русской литературы, «Война и мир», начинается с французской фразы «*En bien, mon prince*» и далее полон французских же вкраплений, иногда довольно обширных. Русские переводы даются тут же в подстрочных примечаниях. Язык этих переводов ужасен, точность тоже оставляет желать лучшего. Подстрочные примечания из «Войны и мира» — отличный учебный материал на тему «Как не надо переводить». Убогость языка переводов с французского особенно выпячивается на фоне языка основного русского текста романа. Не знаю, обсуждались ли когда-либо причины того, что в романе величайшего русского писателя присутствует в сносках столь плохой русский язык. Причины эти, на наш взгляд, очевидны: русские переводы французских текстов из «Войны и мира»

не принадлежат Толстому. Он поручил их сделать кому-то — скажем, гувернантке или дальней родственнице (не решаюсь сказать: «Софье Андреевне» — но всё же интересно бы выяснить, кому). Вряд ли он их и читал. Поскольку эти переводы появились в прижизненном издании романа, они были как бы освящены именем Толстого и, возможно, по умолчанию даже приписывались ему. Поэтому при последующих изданиях, вплоть до наших дней, никто не решался их поменять. А надо бы. Разумеется, в серьёзных изданиях надо было бы привести оба перевода, старый и новый. Это была бы благородная и уважительная к памяти Толстого работа: создать русские переводы французских вкраплений, достойные великого романа.

Теперь о «Лолите».

В хороших русских изданиях (плохие издания обходятся без этих излишеств) романа Набокова издатели помещают два замечательных набоковских же текста: «О книге, озаглавленной „Лолита“ (послесловие к американскому изданию 1958-го года)» в переводе самого Набокова⁴ и «Постскрипtum к русскому изданию».

В конце «американского» послесловия Набокова говорится:

...Американский критик недавно высказал мысль, что «Лолита» представляет собою отчёт о моём «романе с романтическим романом». Замена последних слов словами «с английским языком» уточнила бы эту изящную формулу. <...> ...Всякая оценка, основанная на моей английской беллетристике, не может не быть приблизительной. Личная моя трагедия <...> это то, что мне пришлось отказаться от природной речи, от моего ничем не стеснённого, богатого, бесконечно послушного мне русского слога ради второстепенного сорта английского языка <...>.

Однако постскрипtum Набокова к переводу романа на русский язык возражает своему американскому собрату:

Американскому читателю я так страстно твержу о превосходстве моего русского слога над моим слогом английским, что иной

⁴ Переводе довольно-таки вольном, следует сказать. Вот четыре наугад выбранных примера. В третьем абзаце русского постскриптума английское «in Paris» переводится на русский как «в Париже, на рю Буало». В том же абзаце слова «Mark Aldanov, two social revolutionaries, and a woman-doctor» переводятся так: «М. А. Алданов, И. И. Фондаминский, В. М. Зензинов и женщина-врач Коган-Бернштейн». В английском варианте фигурируют американские издатели «W, X, Y, Z», в русском они же обозначаются «Акс, Якс, Экс и Икс». Наконец, в русском переводе слегка абстрактные «my old worlds» конкретизируются: теперь они суть «некогда мною построенные площади и балконы».

славист может и впрямь подумать, что мой перевод «Лолиты» во сто раз лучше оригинала. Меня же только мутит ныне от дребезжания моих ржавых русских струн. <...>

<...> За полгода работы над русской «Лолитой» я <...> пришёл и к некоторым общим заключениям по поводу взаимной переводимости двух изумительных языков.

Телодвижения, ужимки, ландшафты, томление деревьев, запахи, дожди, тающие и переливчатые оттенки природы, всё нежно-человеческое (как ни странно!), а также всё мужицкое, грубое, сочно-похабное, выходит по-русски не хуже, если не лучше, чем по-английски; но столь свойственные английскому тонкие недоговорённости, поэзия мысли, мгновенная перекличка между отвлечённейшими понятиями, роение односложных эпитетов, всё это, а также всё относящееся к технике, модам, спорту, естественным наукам и противоестественным страстям — становится по-русски топорным, многословным и часто отвратительным в смысле стиля и ритма. Эта невязка отражает основную разницу в историческом плане между зелёным русским литературным языком и зрелым, как лопающаяся по швам смоква, языком английским <...>.

Безобидны ли семантические сдвиги?

12 июня 2002 года можно без помех заняться этой заметкой, потому что нерабочий день, государственный праздник: День России. Впрочем, СМИ — печатные вчера (сегодня они просто не вышли) и звуковые сегодня — называют его не иначе, как Днём независимости России. Независимости от кого (или от чего)? Ответить на этот вопрос не так просто. Но вроде бы и не надо, потому что до последнего времени название госпраздника было таким: *День принятия Декларации о государственном суверенитете Российской Федерации* (принятие состоялось в этот день в 1990 году). Итак, произошла подмена правильного текста (в данном случае — названия праздника) текстом неправильным (в данном случае — неправильным названием).

Когда происходит подмена понятий, предметов или лиц, говорят о квипрокво. Когда происходит подмена текстов, говорят о *словесном квипрокво*. При этом происходит ещё и *семантический сдвиг*, поскольку правильный смысл сдвигается куда-то вбок, а на его место с другого бока вдвигается неправильный смысл (который можно было бы назвать *паразитическим*). В приведённом примере неправильный смысл состоит в идее не суверенитета, а именно независимости России (уж не от Эстонии ли)?

Рассмотренный семантический сдвиг заслуживает специального внимания ещё и потому, что имеет *массовый* характер. Массовые семантические сдвиги представляют интерес для исследователя, поскольку они отчасти отражают общественное сознание, а отчасти этим сознанием управляют.

Массовые семантические сдвиги не так уж редки. Все мы недавно были свидетелями широко распространения мнения о том, что XXI век и третье тысячелетие якобы наступили 1 января 2000 года; впрочем, носители этого мнения сравнительно спокойно встретили повторное наступление того и другого 1 января 2001 года. Другой пример.

Опубликовано 14 июня 2002 года на сайте «Русского журнала»: http://old.russ.ru/ist_sovr/20020614.html.

Если спросить, в чём состоит открытие Лобачевского, то большинство ответит так: «Лобачевский доказал, что параллельные прямые пересекаются». Замечательно, что в сознании отвечающих такой ответ мирно уживается с определением параллельных как прямых непересекающихся (типичное двоемыслие по Оруэллу!).

Семантические сдвиги, связанные с началом нового века и с геометрией Лобачевского, сравнительно безобидны (если не считать массового оглупления населения). Все ли сдвиги таковы? Призываем читателя к размышлению на эту тему, ещё не изученную с той глубиной, какую эта тема заслуживает. А мы, со своей стороны, уже начиная со следующего абзаца, предоставим ему некоторые материалы для такого размышления.

Визит президента Буша в Россию в мае 2002 года вновь вернул российские СМИ к пресловутой поправке Джексона—Вэника: ведь Буш почти обещал привезти с собой в Кремль её отмену (наподобие коробки конфет, или торта, или букета, или бутылки, приносимых гостем, — особенно при первом посещении дома), но своего почти обещания не выполнил. И вот, сообщая, что поправка остаётся в силе, диктор телевидения разъясняет: «Поправка Джексона—Вэника увязывает предоставление России благоприятных условий торговли с правом евреев на эмиграцию». Телезритель запоминает: опять эти евреи, всё было бы хорошо, если бы не евреи.

В полдень 31 декабря 1999 года Президент Б. Н. Ельцин ушёл в отставку, и В. В. Путин приступил к временному исполнению полномочий Президента Российской Федерации, о чём известил своим первым указом — указом № 1762. А вторым указом Путина, который он подписал в тот же день, был указ № 1763 «О гарантиях Президенту Российской Федерации, прекратившему исполнение своих полномочий, и членам его семьи». «Указ предоставляет Ельцину и членам его семьи пожизненное освобождение от уголовной ответственности», — неслось с экранов телевизоров. Телезритель запоминает: опять эта семья, мало она моего присвоила себе, так ещё и спросить с неё нельзя.

Но всё дело в том, что в поправке Джексона—Вэника ни слова не говорится ни о евреях, ни о России, — равно как в указе Путина ни слова не говорится о неприкосновенности или освобождении от ответственности членов семьи Б. Н. Ельцина (или какого-либо другого будущего экс-президента).

Поправка Джексона—Вэника названа так по имени членов двух палат Конгресса США: сенатора от штата Вашингтон Генри Джексона (Henry Jackson) и члена Палаты представителей от штата Огайо

Чарлза Вэника (Charles Vanik). Включённая по их инициативе в принятый Конгрессом «Акт о торговле» 1974 года, поправка касается экономических отношений между США и странами с нерыночной экономикой. Она запрещает иметь нормальные торговые и финансовые отношения с любой такой страной, если последняя каким бы то ни было способом ограничивает свободу эмиграции своих граждан — не граждан еврейской, кавказской или иной национальности, а граждан как таковых, без указания их национальности, цвета волос или формы ушей. Для американского менталитета естественно было рассматривать страну, ограничивающую указанную свободу, как тюрьму или концлагерь. (Непонятно, правда, почему странам с экономикой рыночной, тем самым, как бы выдавалась индульгенция на право быть тюрьмой или концлагерем.)

Почитаем теперь указ Путина № 1763 «О гарантиях...». Указ действительно предоставляет пожизненный иммунитет от уголовного преследования — но именно экс-президенту и только ему; «Президент Российской Федерации, прекративший исполнение своих полномочий, обладает неприкосновенностью», — говорится в указе. Что же касается членов семьи бывшего президента, то им этим указом предоставляются лишь определённые льготы в отношении пенсионного обеспечения, медицинского и транспортного обслуживания, охраны и т. п. — но никакого освобождения от ответственности!

Таким образом, в обоих случаях имел место типичный массовый семантический сдвиг (а то и семантический вывих). Предоставляем читателю судить, насколько безобидны подобные семантические сдвиги. Или, напротив, насколько они небезобидны и влекут или могут повлечь политические последствия.

Последствия увязки поправки Джексона—Вэника с правами евреев оценить не так просто. С одной стороны, ничего нового как бы и не сообщается: все и без того знают, кто виноват в том, что в кране нет воды. Кроме того, нельзя не признать, что побудительной причиной, приведшей к появлению этой поправки, действительно была проблема эмиграции евреев, а именно плотина, воздвигнутая советской властью на пути их исхода из СССР. С другой стороны, в современной России права её граждан на эмиграцию никак не ущемляются (и ограничиваются лишь иммиграционными законами принимающей страны¹), а потому само упоминание о правах евреев на эмиграцию — упоминание не в рамках исторической ретроспективы, а в рамках современных проблем — выглядит странным. И не

¹ В те далёкие годы на американскую критику, что из СССР не выпускают людей, советские газеты отвечали так: а вот в США тоже не всех выпускают.

только странным, но и отчасти провокационным: национальная тема есть вещь слишком деликатная, чтобы касаться её без нужды и к тому же с искажениями юридически отточенных законодательных актов — хотя бы и актов иностранных государств. (Реальный ущерб современной России от поправки Джексона—Вэника заключается в том, что, согласно этой же поправке, президент США должен регулярно подтверждать, что Россия не чинит препятствий эмиграции; после каждого такого подтверждения нормальные экономические отношения могут быть установлены, но лишь на короткий срок, до следующего подтверждения. Впрочем, кажется, нас уже признали страной с рыночной экономикой, а тогда поправка Джексона—Вэника вроде бы оказывается к нам неприменимой.)

Более очевидны политические последствия ложного толкования указа № 1763 от 31 декабря 1999 года. Неприкосновенность членов семьи бывшего президента, действительно, есть тема, способная вызвать в обществе большое раздражение. Этим не без успеха воспользовались силы, стремившиеся такое раздражение создать. Многие ещё помнят ту истерию, которая в начале 2000 года поднялась в средствах массовой информации, а ещё больше в Государственной Думе по поводу этого указа. Все называли его не иначе как указом о предоставлении неприкосновенности Борису Ельцину и членам его семьи. Особенно настойчиво так именовался (и, можно полагать, так понимался) этот указ в выступлениях депутатов и журналистов в конце марта 2000 года, когда Дума едва не направила запрос в Конституционный суд о законности указа. И ведь вот что удивительно: никто внятно не разъяснил широким массам (а заодно — депутатам и журналистам), что ни о какой неприкосновенности членам семьи, ни о каком освобождении их от ответственности в указе не было ни слова.

На взгляд автора этих строк, в нынешних условиях, при том качестве правосознания и правоприменения, которое мы имеем, указ был совершенно оправдан. (Возможно, когда-нибудь в России и наступят времена, когда покидающие свой пост президенты не будут нуждаться в особых формах юридической защиты².) Однако, на тот же взгляд, при составлении указа была допущена ошибка, но не

² Если только не сбудутся пессимистические пророчества о конце России. Среди обоснований этих пророчеств довелось слышать и такое. С одной стороны, как утверждают газеты, происходит снижение продолжительности жизни. С другой стороны, возрастает срок обучения в школе: полвека назад была десятилетка, потом ввели одиннадцать лет обучения, а теперь, в первых годах XXI века, собираются перейти на двенадцать. Если эти процессы продолжатся, срок обучения превзойдёт по длительности среднюю продолжительность жизни; тогда и наступит конец.

юридическая и не нравственная, а психологическая. Само название указа: «О гарантиях Президенту и членам его семьи» — создавало ложное впечатление о единстве этих гарантий. Быть может, было бы лучше иметь два отдельных указа: один — о неприкосновенности бывшего Президента и другой — о материальном обеспечении его семьи. (Если бы речь шла об указе Ельцина, непременно сказали бы: «Президента подставили». К чести Путина, о его действиях так не говорят даже те, кому эти действия не нравятся. Как бы молчаливо признаётся, что Путин сам принимает решения и сам за них отвечает.)

К ещё более серьёзным последствиям привёл семантический сдвиг, случившийся с понятием «ЦК КПСС». В первоначальном смысле выражение «Центральный комитет КПСС» [а ранее — «Центральный комитет ВКП(б)», а ещё раньше — «Центральный комитет РСДРП(б)»] означало некоторую коллегия людей, осуществляющую верховную власть в Коммунистической партии, а тем самым — и в Советском государстве. Затем, ещё во времена ВКП(б) (или ещё раньше?), произошёл семантический сдвиг в значении этого выражения, и оно приобрело другой смысл, а именно, стало обозначать учреждение, обслуживающее названную коллегия. Тем самым, это название было незаконно перенесено на аппарат, а вместе с переносом названия на тот же аппарат была перенесена и функция верховного управления; а это, в свою очередь, явилось, может быть, одной из главных причин бюрократизации Советского Союза, бюрократизации, продолжающейся и в современной России. Так что для бюрократии последствия этого семантического сдвига были самые положительные.

Вот ещё характерный пример. Проведите в России опрос, состоялся ли импичмент президенту США Клинтону? Подавляющее большинство респондентов ответят отрицательно. На самом же деле импичмент состоялся — другое дело, что он не увенчался успехом (как и в случае с другим президентом, Эндрю Джонсоном, в 1868 году). Ведь импичмент — это не есть осуждение, это есть официальное выдвижение уполномоченным на то органом (в случае президента США — Палатой представителей Конгресса) обвинений против должностного лица с целью суда, осуществляемого другим уполномоченным органом (в случае президента США — Сенатом). Причина понимания российскими респондентами импичмента именно как осуждения, на наш взгляд, достаточно глубокая. Она заключается в отсутствии — если не в сознании, то в подсознании большинства россиян — чёткой разницы между обвинением и осуждением. Как известно, XXIV съезд КПСС весной 1971 года констатировал, что «в процессе социалистического строительства сложилась новая истори-

ческая общность людей — советский народ». С этим тезисом трудно не согласиться. Каждая историческая общность обладает своим менталитетом. Когда российские митингующие призывают кого-то судить (вспомним знаменитую формулу недавних коммунистических митингов: «Банду Ельцина под суд»), они слово *судить* понимают в смысле *осудить*: возможность судить и оправдать не то что исключается, а даже и не рассматривается. Этот аспект массового правосознания отражён, увы, и в правоприменении. На правоприменительную сторону дела указывал, в частности, Александр Евгеньевич Бовин в «Новых Известиях» за 4 августа 2001 года:

Если, например, в Европе на каждые 100 000 населения приходится 16—18 заключённых, то в России — примерно 700. Почему? Потому что — в частности и в особенности — российское правосудие по традиции имеет карательный, репрессивный, «сажательный» характер. Из ста приговоров — только два оправдательных (на Западе — двадцать).

Именно поэтому, кстати, Президентом Российской Федерации, прекративших исполнение своих полномочий, надо ограждать от уголовного преследования. При большом желании можно предложить и совершенно иную трактовку ситуации со словом «импичмент». Это у них там английское слово «*impeachment*» означает предъявление обвинения и привлечение к суду. А у нас наше русское слово «импичмент» означает осуждение. Тогда окажется, что при переводе английского «*impeachment*» посредством русского «импичмент» нарушена адекватность перевода. Что, конечно, печально.

Ещё более печальный пример нарушения адекватности перевода приводит известный обозреватель О. Р. Лацис в «Новых Известиях» за 25 июля 2001 года. Обсуждая препятствия на пути присоединения России на правах полноправного восьмого члена к клубу ведущих держав, состоящего из США, Японии, Германии, Великобритании, Франции, Италии и Канады, Лацис писал:

Изначально существовали пять проблем, без решения которых с нами не будут разговаривать как с равными в этом клубе мировых тяжеловесов. <...>

Пятая проблема может оказаться для многих неожиданностью: ядерная безопасность. <...>

Ещё в 1995 году Россия подписала соглашение, предусматривающее реконструкцию реакторов наших АЭС <...>. В соответствии с этим соглашением первым подлежал реконструкции блок номер 1

Курской АЭС. ...В нарушение договорённостей этот блок запускали в осенне-зимний период в 1997-м, 1998-м, 1999-м годах. Протесты зарубежных партнёров игнорировались нашим Минатомом. В конце концов обнаружился поразительный факт: русский перевод соглашения, на которое опирался наш министр атомной энергетики, был неточен. Он давал некоторые основания для наших действий. Но Россия подписывала английский текст, который оказался однозначным: пускать курский реактор не следовало.

И вот ещё о юридических проблемах, возникающих при неверном переводе:

В старом тексте Европейской конвенции [по правам человека], до недавнего времени применявшегося в России, существовали ошибки в переводе с английского слов «arrest» и «detention», которые трактовались соответственно как «арест» и «задержание». Такой перевод приводил к многочисленным нарушениям прав арестантов.

Несмотря на фонетическую близость первого слова к русскому «арест», в качестве юридического термина правильно оно переводится на русский именно как «задержание», т. е. первичное лишение свободы и права передвижения. Под словом же «detention» подразумевается русское «арест», т. е. заключение под стражу, требующее определённых санкций.

Новый перевод текста Конвенции исправил лингвистическо-юридический казус <...>.

(Е. Рубцова в «Новых Известиях» за 7 июля 2001 года.)

Кажущееся очевидным, но на самом деле ошибочное соотнесение слов «arrest» и «арест» — не единственный пример обманчивой близости слов английского и русского языков. Например, весьма многие (особенно при заполнении анкет для получения визы), ошибочно полагают, что английское «nationality» соответствует русскому «национальность» — тогда как иностранные посольства интересуются не пресловутым пятым пунктом (по-английски — «ethnic origin»), а гражданством, т. е. принадлежностью тому или иному государству (именно в этом смысле государственные праздники часто называют национальными). В изложенных эпизодах неадекватность перевода приводила к деформации российского правового пространства, а потому и прямо влияла на жизнь российских граждан. Следующий пример подобной неадекватности, хотя также затрагивает юридические термины, деформирует пространство всего лишь художественное

и потому менее опасен. В Америке понятие правосудия не воспринимается как абстракция, и в американских фильмах сравнительно часто возникает сцена суда. А тогда, в русском переводе, с экрана звучит словосочетание: «правду, только правду и ничего, кроме правды» — с довольно-таки бессмысленным повтором одной и той же мысли. Это словосочетание вошло в русский оборот настолько прочно, что на него уже появились пародии; например, в августе 2001 года на с. 41 32-го номера журнала «Огонёк» можно было прочесть: *обязуюсь перевернуть правду, только правду и ничего, кроме правды*. Однако полностью ритуальная формула звучит по-английски так: «I promise to tell the truth, the whole truth, and nothing but the truth, so help me God» — в переводе: «Обещаю говорить правду, всю правду и ничего, кроме правды, и да поможет мне Бог».

И, под конец, ещё об одном массовом семантическом сдвиге. Он состоит в искажённом восприятии названия одного из самых знаменитых русских романов — романа «Война и мир». Слово *мир* имеет несколько значений, из коих мы выделим два главных. В первом значении это слово означает всю Вселенную (*мир Божий*) или выделенную по какому-либо признаку её часть (*всему миру известно*; *мир музыки* и т. п.); это значение в дореформенной орфографии выражалось словом «міръ». Во втором значении — это спокойствие, согласие, мирное состояние; это второе значение в дореформенной орфографии выражалось словом «миръ». Какое из этих значений использовал в названии своего романа Толстой? Большинство, кажется, считает, что первое. На самом деле — второе, т. е. попросту отсутствие войны. При жизни Толстого название романа писалось так: «Война и миръ», а не «Война и міръ», как было бы в первом случае.

Можно задуматься, каковы те подсознательные мотивы, которые приводят к массовому искажению смысла толстовского заглавия. Здесь они менее загадочны, чем в описанном выше случае с искажением открытия Лобачевского. Простое противопоставление военного времени мирному кажется слишком плоским и примитивным, как бы недостойным великого мыслителя. Гораздо более многозначительным, а потому и привлекательным представляется соединение в одном словосочетании понятия войны и понятия мироустройства.

В свете сказанного поучительно взглянуть на номер 52 (2606) «Независимой газеты» от 19 марта 2002 года. На её 1-й полосе начинается, а 11-ю полосу занимает целиком статья «Россия — римская провинция?» с подзаголовком «Нельзя допустить, чтобы мы утратили свои духовные основы и свою историческую память». Автор

статьи — Валерий Павлович Горегляд, первый заместитель третьего лица в нашем государстве (т. е. Председателя Совета Федерации Федерального Собрания РФ). Статья, выражающая обеспокоенность в связи с проникновением в Россию католицизма и, в частности, с возможным визитом Папы, содержит, в числе других, такие суждения:

Но разве язык не определяется религией? Ведь русский язык фактически вырос из христианской литературы <...>.

...Всё это вылилось в реформу правописания при большевиках и дальнейшие реформы, вплоть до современных попыток исказить язык до неузнаваемости. А в итоге мы в массе своей даже не знаем, о чём написан роман-эпопея Толстого, а ведь он — о войне и мире, а «мир» — это не «мир», это социум, society, а не состояние без войны.

Чистая правда, в которой есть хотя бы один процент неправды, — уже ложь.

О двух архетипах тоталитарного мышления

Начну с того, что порекомендую всем хотя бы перелистать вышедшую в декабре 2001 года книгу (которую в дальнейшем буду обозначать [ФФМУ: ОИ]): Филологический факультет Московского университета: Очерки истории / Под общ. ред. М. Л. Ремнёвой. — М.: Изд-во МГУ, 2001. — 557 с.

Совершенно уверен, что тот, кто начнёт её перелистывать, найдёт ряд её страниц достаточно увлекательными, чтобы на них задержаться.

История филологического факультета Московского университета — это не просто история одного из факультетов одного из высших учебных заведений России, это часть культурной истории нашей страны. Поэтому книга [ФФМУ: ОИ] будет интересна гораздо большему количеству читателей, чем та робкая тысяча, которая указана в её выходных данных в качестве тиража.

В нашей стране, как ни в какой другой, культурная история переплетена с историей политической. Поэтому страницы книги не могли оказаться свободными от вкраплений политических сюжетов и эпизодов. Эти сюжеты и эпизоды, даже в тех случаях, когда они носят частный характер, полезны для уяснения того пути, по которому шло (а возможно, идёт и сейчас) наше общественное развитие.

В помещённой на обороте титульного листа аннотации к изданию сказано: «открывается оно вводной главой»; это не совсем точно, потому что в действительности издание открывается текстом песни «Gaudeamus» (что можно только приветствовать), а уже потом, на с. 5—26, следует та самая (и, надо сказать, интересная) вводная глава «История организации филологического факультета Московского университета и становление его структуры» (авторы — М. Л. Ремнёва и А. Г. Соколов). На остальных страницах книги располагается раздел «История кафедр факультета», в этом разделе каждой кафедре отводится своя глава.

Опубликовано 4 июля 2002 года на сайте «Русского журнала»: http://old.russ.ru/ist_sovr/20020704.html.

В посвящённых кафедрам главах упомянутые выше вкрапления политических тем встречаются то в большем, то в меньшем количестве, а иногда их и совсем нет; полагаю, что это подчас объясняется не столько спецификой представленного кафедрой раздела науки, сколько позицией автора главы. Для иллюстрации сказанного приведу начало главы «Кафедра истории зарубежной литературы», создающей у читателя ложное впечатление, что политические соображения не играли никакой роли ни в исследованиях по зарубежной литературе, ни в её преподавании:

Историю преподавания и изучения зарубежной литературы в Московском университете можно было бы представить как историю научных школ, «измов». Мы не станем этого делать <...>.

Но ведь хорошо известно, что в советское время в борьбе научных школ нередко использовалось такое убойное оружие, как навешивание на научных оппонентов идеологических и политических ярлыков. Это навешивание состояло или в прямом неправомерном приписывании оппоненту какого-либо идеологического или политического «изма», или же в неправомерном объявлении политическим того чисто научного, лишённого политического содержания «изма», коего придерживался оппонент.

Влияние политической ситуации на какую-либо сферу деятельности может быть как поддерживающим, способствующим, стимулирующим и т. п., так и, напротив, сдерживающим, препятствующим, негативным и т. п. Например, политическая ситуация в СССР в тридцатых годах XX века стимулировала производство противогазов и препятствовала производству церковной утвари. Хотелось бы как-то назвать эти две противоположные категории влияний, или воздействий, причём назвать по возможности нейтрально, не обозначая никакого к ним оценочного отношения. Скажем, прилагательные *позитивный* и *негативный* не отвечают поставленной цели, поскольку первое из них невольно притягивает к себе позитивное отношение, а второе — негативное. Поэтому мы предлагаем использовать термины *стимулирующее воздействие* и *деструктивное воздействие*, заранее попросив нашего читателя или собеседника не связывать с ними оценочных коннотаций.

В этой заметке нас будет интересовать деструктивное воздействие политической ситуации на деятельность кафедр филологического факультета — точнее, на деятельность одной определённой кафедры, каковая будет указана ниже.

Говоря вообще о деструктивном воздействии на какую-либо кафед-

ру, можно выделить три типа таких воздействий. (Ознакомившийся с изложенной ниже классификацией читатель справедливо заметит, что все эти типы взаимосвязаны, и что, как правило, воздействия второго типа происходят на фоне воздействий первого типа, а воздействия третьего типа — на фоне воздействий второго типа.)

К деструктивным воздействиям первого типа мы относим всякое воздействие, не являющееся специфическим для данной области науки, а тем более для данной кафедры. Подобное *неспецифическое* воздействие как бы разлито в обществе в целом, оно оказывается типичным — в тот или иной период времени — для общего характера отношения власти или общества (или и той, и другого) к науке и образованию. В качестве примера процитируем сказанное в главе «Кафедра истории русской литературы»:

В конце 1910-х — начале 1920-х годов происходит резкая пролетаризация высшей школы <...>. Декретами революционного правительства отменены диплом и аттестаты <...>.

В 1919 году начал функционировать рабочий факультет; в 1920 году в Университете образованы первые партийные ячейки; в 1921 году открыт Институт красной профессуры, призванный готовить специалистов новой формации; в 1922 году сломлено сопротивление «контрреволюционной» профессуры и объявлен принцип классового приёма в вузы; в 1924 году административными мерами обеспечен приток новых студентов, «наиболее ценных в классовом отношении».

Конец 1920-х годов характерен кампаниями по привлечению парттысячников и профтысячников в вузы и институты, студентов-выдвиженцев в аспирантуру <...>.

Шла упорная борьба с той частью профессуры, для которой революция была «насилием толпы» <...>.

Первоочередной задачей стало осмысление научных проблем в свете диалектического и исторического материализма.

Второй тип деструктивного воздействия специфичен для данной области науки — но именно для области в целом, а не для конкретной кафедры, представляющей эту область. Открываем главу «Кафедра славянской филологии»:

Со второй половины 1920-х годов <...> слависты в Московском университете вынуждены были работать в режиме жёсткого идеологического давления, а впоследствии и подвергаясь прямой политической травле и гонениям. <...> 1930-е годы ознаменовались пагубным для славянской филологии, как и вообще отечественной науки,

ужесточением партийного идейно-политического контроля за работой научных учреждений и учебных заведений. <...> В начале 1930-х годов среди славистов прошли массовые аресты. <...> В адрес подвергшихся преследованиям представителей отечественного славяноведения и самой славянской филологии как науки выдвигались абсурдные обвинения в идеологическом пособничестве фашизму.

Наконец, третий тип деструктивного воздействия политической ситуации на жизнь кафедры связан именно с данной конкретной кафедрой. Здесь проявляется характерное для рассматриваемого момента отношение кабинетов и коридоров власти не к университетской науке вообще и даже не к какому-либо её отделу, а к данному совершенно конкретному коллективу. Именно такого сорта воздействие ощутила на себе кафедра структурной и прикладной лингвистики — ощутила в полной мере, вплоть до ликвидации в 1982 году кафедры как отдельной единицы филологического факультета. Летом названного года кафедра была влита в кафедру общего и сравнительно-исторического языкознания, возглавляемую Юрием Владимировичем Рождественским (1926—1999); к названию кафедры Рождественского было добавлено слово «прикладного». Первой акцией Ю.В.Рождественского после распространения его власти на новый коллектив было отстранение от преподавания одного из самых крупных учёных России (да и мира) — гениального А.А.Зализняка (до того Андрей Анатольевич в течение многих лет состоял профессором кафедры структурной и прикладной лингвистики по совместительству и был одним из лучших лекторов университета — что, кстати, отнюдь не всегда сопутствует гениальности).

В 1988 году ликвидированная кафедра была восстановлена под новым названием: она стала называться кафедрой прикладного языкознания. Однако поначалу это было лишь формальным восстановлением, а не возрождением. Подлинное возрождение началось в 1992 году, когда заведующим кафедрой стал Александр Евгеньевич Кибрик (р. 26.03.1939); тогда же кафедра получила новое название, которое она носит и сегодня: *Кафедра теоретической и прикладной лингвистики*. Сходное название *Отделение теоретической и прикладной лингвистики*, сокращённо *ОТИПЛ*, получило и состоящее при кафедре отделение филологического факультета. Именно так, кстати, это отделение называлось и в самые первые годы своего существования, в 1960/61 и 1961/62 учебных годах; затем, вплоть до лета 1982 года оно носило название *Отделение структурной и прикладной лингвистики*, сокращённо *ОСИПЛ*.

Очерк А. Е. Кибрика «Кафедра и отделение теоретической и прикладной лингвистики», посвящённый истории кафедры и одноимённого с нею отделения, полон драматизма. (Этот очерк помещён на с. 349—372 книги [ФФМУ: ОИ], см. также в Интернете <http://www.philol.msu.ru/rus/kaf/otipl/history.htm>.)

В 1970-е годы кафедра структурной и прикладной лингвистики в полной мере ощутила давящий пресс общей политической обстановки в стране (первый тип воздействия). А. Е. Кибрик указывает в своём очерке:

На смену логике поступательного движения и торжеству здравого смысла приходила логика топтания на месте и торжество демагогии. Увлечённость делом, энтузиазм и стремление к разумной деятельности становились всё более подозрительными и предосудительными — это возмущало спокойствие и роняло тень на тех, кто лишь имитировал деятельность и энтузиазм. Укреплялись позиции абсурдного житейского принципа: чем более весомы твои результаты, тем хуже для тебя. В целом по стране усиливалась тенденция «притормаживания инициатив».

([ФФМУ: ОИ], с. 356—357.)

Имел ли место второй тип политического воздействия на науку в применении к отделению и кафедре структурной и прикладной лингвистики? Иными словами, подвергалась ли сама эта отрасль науки политическому давлению (как, скажем, ранее генетика и кибернетика)? Положительный ответ как бы напрашивается. В самом деле, и это отделение, и эта кафедра были созданы на гребне хрущёвской оттепели (отделение в 1960 году, кафедра в 1962 году); стало быть, во время брежневских заморозков надо было их подавить. Однако такой ответ оказался бы слишком простым и поспешным. Ведь примерно в то же время в трёх гуманитарных институтах Академии наук: в Институте языкознания, в Институте русского языка, в Институте славяноведения — были образованы секторы структурной лингвистики (или секторы со сходными названиями); их создание было предписано постановлением Президиума Академии наук СССР от 6 мая 1960 года. И когда кафедра подвергалась гонениям, на эти секторы никто не посягал. Следовательно, второй тип политического воздействия если и был, то он был выражен не слишком остро.

В то же время из очерка А. Е. Кибрика ясно следует, что кафедра подвергалась именно политическим гонениям. Гонения эти происходили по третьему типу нашей классификации, когда предметом и причиной гонений является сам притесняемый коллектив. Попыта-

емся, не ограничиваясь поверхностными явлениями, разобраться в скрытых глубинных процессах и, тем самым, увидеть некую суть.

В очерке А. Е. Кибрика едва ли не главным фактором, определившим отношение к кафедре и отделению структурной и прикладной лингвистики как к политически неблагонадёжным образованиям, была эмиграция в Израиль их бывших выпускников и сотрудников:

В 1973 году кафедра скомпрометировала себя тем, что её бывший сотрудник Виктор Витальевич Раскин эмигрировал в Израиль (за полгода до этого он тихо и необъяснимо для всех уволился)¹, а некоторые из членов кафедры пошли с ним проститься². Двух из них, имевших отношения к преподаванию³ на ОСИПЛе (А. Е. Кибрика и Б. Ю. Городецкого), от этой деятельности отстранили, и «хвост» неблагонадёжности тянулся за ними (и за кафедрой) пятнадцать лет. ([ФФМУ: ОИ], с. 358.)

[Ренат Григорьевич] Котов вменял кафедре в вину патриотизм её студентов (дескать, они считают, что их отделение лучше других на факультете)⁴ и, мягко говоря, намекал (с указанием фамилий), какие из её сотрудников по достоверным сведениям вот-вот предадут Родину в направлении Израиля. ([ФФМУ: ОИ], с. 360.)

Но дело в том, что указанный фактор не сработал бы с такой силой, если бы он не упал на хорошо психологически подготовленную (так и хочется сказать: *унавоженную*) почву. Более того, вся эта проблема еврейской эмиграции была скорее предлогом для нападок на кафедру, нежели подлинной причиной.

Подлинной же причиной было то, что кафедра и отделение вызывали раздражение у двух социальных групп — у партийных функционеров и у университетской филологической элиты (одна из видных

¹ В. В. Раскин работал на кафедре в должности младшего научного сотрудника. — В. У.

² По свидетельству очевидцев, в той толчее, в которой стоя (потому что мебели в квартире уже не было) пребывали человек 30—40 пришедших на отвальную, никому толком поговорить с отъезжающим не удалось; так что единственным реальным результатом присутствия было засвечивание с последующим доносом в партком МГУ. — В. У.

³ Остальные числились на так называемых хоздоговорных ставках. — В. У.

⁴ Я тоже так считал. Точнее, я считал, что на филологическом факультете МГУ выделялись своим высоким качеством два отделения: во-первых (по старшинству) отделение классической филологии и, во-вторых, отделение структурной и прикладной лингвистики. — В. У.

представительниц названной элиты Ольга Сергеевна Ахманова вместо *ОСИП* любила произносить *охрипл*). Здесь необходимо отметить, что влияние функционеров КПСС, партайгеноссе (слово употреблено в множественном числе), было ощутимо в Университете, как нигде: ведь Университет считался прежде всего идеологическим (и только потом образовательным и научным) учреждением, отвечающим за воспитание молодого поколения советских людей. Что касается элиты, то это слово употреблено здесь в нынешнем его понимании, уже включающим в себя влияние⁵.

Можно, далее, поставить вопрос об источниках этого раздражения. Одним из источников, несомненно, был безапелляционный стиль общения и неуживчивый характер заведующего кафедрой Владимира Андреевича Звегинцева. Этот личностный аспект проблемы получает должное (и вместе с тем тактичное) освещение в очерке А. Е. Кибрика; сохраняя к Звегинцеву полное уважение, автор очерка указывает, например, на с. 363, что «в этой затяжной борьбе вновь проявилась его человеческая слабость: не дорожить своими сторонниками⁶ и умножать число противников». Однако этот источник не был единственным; более того, он не был главным.

⁵ Это нынешнее понимание слова элита, кажется, ещё не нашло отражения в словарях. Например, «Толковый словарь иноязычных слов» Л. П. Крысина (М.: Русский язык, 2000) так толкует это слово: «Лучшие представители общества или какой-то его части». Элементарный анализ повсеместного употребления слова «элита» в средствах массовой информации приводит к необходимости заменить в указанном толковании слово «лучшие» словосочетанием «наиболее влиятельные».

⁶ К числу таких разошедшихся со Звегинцевым сторонников принадлежал и Виктор Владимирович Виноградов. На с. 326 в [ФФМУ: ОИ] говорится:

В 1952 году заведующим кафедрой общего языкознания стал Владимир Андреевич Звегинцев (1910—1988), переехавший в Москву из Ташкента. <...> В 1956 году он защитил на филологическом факультете МГУ докторскую диссертацию <...>. Столь нестандартным взлётом своей карьеры Звегинцев был обязан Виноградову, который после отмены марризма сделался главой советского языкознания и нуждался в новых, немарристских кадрах. Как известно, так называемое «новое учение о языке» Н. Я. Марра безраздельно царило в советском языкознании (наподобие тому, как лысенкоизм царил в советской биологии). Оно пошатнулось 9 мая 1950 года, когда газета «Правда» открыла на своих страницах дискуссию по вопросам языкознания, и окончательно пало 20 июня того же года, когда дискуссия завершилась появлением в «Правде» статьи Сталина с критикой марризма. Естественно, заведующий кафедрой общего и сравнительно-исторического языкознания Н. С. Чемоданов, выступивший в дискуссии в поддержку «нового учения о языке», был немедленно отстранён от заведывания кафедрой. После отстранения от руководства проф. Н. С. Чемоданова кафедру общего и сравнительно-исторического

Обнаружить главный источник событий можно, лишь обратившись к социальной психологии советского общества, а именно совершив погружение в разлитое в этом обществе коллективное бессознательное. И тогда становится понятным, что главным источником, питавшим неприязненное отношение к кафедре и отделению структурной и прикладной лингвистики были глубоко укоренённые в подсознании архетипы тоталитарного мышления.

Сейчас я объясню, какие архетипы имеются в виду. (При этом я заранее прошу прощения у того элитарного читателя, который укажет, что термин «архетип» употреблён здесь не к месту.) В данном конкретном случае имеются в виду две архетипические идеи: идея эгалитарности, или всеобщего равенства (провозглашённая в составе знаменитой триады «либерте, эгалите и фратерните»), и идея идеологической агрессии; последняя состоит в насильственном навязывании господствующей точки зрения, причём слово *господствующий* означает здесь не «наиболее распространённый», а «присущий тому, кто в данный момент является господином положения». Обе эти идеи характерны для обеих революций, носящих (возможно, именно в силу доминирования этих идей) титул «Великая», т. е. для Великой Октябрьской социалистической и Великой французской, а также для возникших в результате этих революций репрессивных режимов.

Кафедра структурной и прикладной лингвистики и одноимённое отделение резко выделялись среди других кафедр и отделений филологического факультета, и потому вызывали раздражение — в силу противоречия с идеей всеобщего равенства. Чтобы быть правильно понятым, хочу подчеркнуть, что в данном контексте я трактую эту идею именно как архетипическую, т. е. как такую, которая, во-первых, является общей и неконкретной (а конкретизируется только в конкретных ситуациях) и, во-вторых, спрятана в глубинах подсознания. Эта та же идея, тот же мотив, который — в моём детстве — приводил к выкрику *Шляпу надела! Губы накрасила!* во время трамвайной перебранки (такие были нередки в переполненном вагоне). Это тот же

языкознания курировала проф. О. С. Ахманова, заведовавшая кафедрой английского языка.

Внимательный читатель заметит, что в двух приведённых цитатах, взятых со с. 326 сборника [ФФМУ: ОИ], одна и та же кафедра названа по-разному (то же происходит во втором снизу абзаце на с. 330). Однако как бы ни называлась кафедра, она не могла обходиться без заведующего, и В. В. Виноградов добился перевода Звегинцева из Ташкента в Москву. Однако вскоре Виноградов счёл Звегинцева неблагодарным. Отзыв Виноградова о Звегинцеве в телефонном разговоре со мной весной 1965 года был выдержан в оскорбительных выражениях.

мотив, который руководил создателями известного, почти культового, фильма «Ворошиловский стрелок» при выборе социальных позиций для своих отрицательных героев: из трёх мерзавцев, изнасиловавших девочку Настю, один был сын милицейского начальника, другой — хозяин ларьков, а третий — студент, изучающий структурную лингвистику. Мы видим, что идея эгалитарности — причём не равенства потенциальных возможностей, а уравнивания достигнутого — приводит к отторжению, а затем и к прямой ненависти по отношению ко всему, что выбивается из общего ряда. Кафедра и отделение структурной и прикладной лингвистики из общего ряда выбивались.

Теперь — об идее идеологической агрессии, о навязывании нужных (а, значит, почти всегда — ложных) взглядов посредством применения насилия. Вспомним вторую главу третьей части оруэлловского романа «1984», а именно диалог, происходящий в пыточной камере между руководящим пытками партийным боссом О'Брайеном и заключённым Уинстоном Смитом:

— Сколько я показываю пальцев, Уинстон?

— Четыре.

— А если партия говорит, что их не четыре, а пять — тогда сколько?

— Четыре.

На последнем слогe он охнул от боли.

Вот этот диалог и есть наиболее концентрированное выражение той архетипической идеи, о которой сейчас идёт речь, — нет, не выражение, а проявление, поскольку подсознательные идеи не могут иметь выражений, а могут лишь проявляться в действиях, скрытыми мотивами коих они служат. Какое влияние оказала эта идея на отношение партийных властей к кафедре и отделению структурной и прикладной лингвистики — это мы попытаемся объяснить позже. Но сперва продолжим обсуждение её проявлений.

Я не сразу мог понять подлинную причину разгрома генетики, состоявшегося в СССР в августе 1948 года. Я ещё как-то мог понять борьбу Коммунистической партии с поэзией Ахматовой или с абстракционизмом в живописи — понять, став на точку зрения этой самой партии. Как никак, литература и искусство суть — с точки зрения компартии — явления идеологические и потому требующие вмешательства партийных идеологов. Кроме того, картина, на взгляд указанных идеологов, есть предмет потребительский, она должна потрафлять вкусам зрителя, а потому её качество тем выше, чем она ближе к цветной фотографии. А поэзия должна звать в бой к победе

коммунизма (а то и объявлять, что эта победа уже наступила). Всё это было понятно и объяснимо. Непонятно было, чем им помешала хромосомная теория наследственности.

Одно простое объяснение лежало на поверхности: главный враг хромосомной теории Трофим Денисович Лысенко, в советской прессе любовно называемый *народным академиком*, сумел снискать благоволение диктатора — сперва Сталина, а затем Хрущёва. Личные качества Лысенки, конечно, сыграли свою роль, но приписать всё только им — это было бы слишком примитивно.

Более глубокая причина крылась в том, что советскую власть никак не могло устроить такое положение вещей, при котором вся наследственность якобы была упрятана в гены и, тем самым, приобретённые признаки не наследовались. В самом деле, ведь общеизвестно, что расовые признаки по наследству передаются, а в советском обществе формировалась новая раса под названием «советский человек». Следовательно, и признаки советского человека должны были передаваться по наследству. Как ни грустно признать, это почти верно. Дело в том, что в СССР на протяжении десятков лет происходил отрицательный естественный отбор, результатом которого стало катастрофическое ухудшение генофонда нации. Наиболее нравственно здоровых, активных, предприимчивых и самостоятельно мыслящих ссылали, сажали и убивали (вспомним хотя бы раскулачивание — но это только один из примеров, наиболее массовый). В результате пропорция швондеров и шариковых (скорее шариковых, потому что швондеры потом начали уничтожать сами себя) и их генетических потомков непомерно возросла. Этим во многом определяется сегодняшнее печальное состояние российского общества. А то, что об этом почти не говорят, объясняется защитной реакцией: тема слишком ужасна, чтобы о ней говорить.

Но вернёмся к проблеме передачи по наследству приобретённых признаков (в частности, признаков советского человека). Тут мы подходим к самому главному. Казалось бы, если власть так сильно заинтересована в том, чтобы наследственность не была сосредоточена в хромосомах и чтобы происходило наследование приобретённых признаков, то надо развернуть научно-исследовательскую работу в этом направлении, с тем чтобы добиться изменения природы наследственности. Но нет! Власть идёт по другому пути, она не старается переделать мир в удобную ей сторону, ей это не нужно — не нужно потому, что, как она провозглашает, мир уже устроен так, как ей угодно. Её, советскую власть, устраивает безумное учение Лысенко, утверждавшего, что кукушка не откладывает яиц (а кукушата вылуп-

ляются из яиц других птиц) и что сорняк овсюг потому трудно искореним, что возникает посредством перерождения в него полезных злаков. Лысенко ведь не собирается учить кукушку рождаться из яйца птицы другого вида или заставлять рожь превращаться в овсюг — он утверждает, что всё это так и есть. Если партия называет четыре пальца пятью, то, значит, так оно и есть. Подчеркнём: так оно есть на самом деле, а не только так следует говорить. Диалог О'Брайена со Смитом имел ведь продолжение:

— Сколько пальцев, Уинстон?

— Четыре! Перестаньте, перестаньте! Как вы можете? Четыре! Четыре!

— Сколько пальцев, Уинстон?

— Пять! Пять! Пять!

— Нет, напрасно, Уинстон. Вы лжёте. Вы всё равно думаете, что их четыре.

Когда Лысенко ещё в довоенное время выступал на каком-то форуме, то кто-то осмелился ему возразить (до августа 1948 года это было можно), указав, что его идеи противоречат основным положениям физики и химии. На что Лысенко заявил что-то вроде: «А колхозная практика отменяет и пересматривает догмы физики и химии, она выше их». В ложе раздалась аплодисменты: это аплодировал товарищ Сталин.

Где-то я читал, что зубы, помимо очевидных, имеют и такую функцию: противостоять чрезмерному росту зубов противоположной челюсти. Если в детстве исчезает зуб, то противостоящий ему зуб начинает прорастать в образовавшуюся пустоту. Не знаю, насколько это соответствует истине, но это даёт удобную аналогию. Не встречающаяся сопротивление власть начинает осуществлять экспансию в самые неожиданные стороны, в частности она начинает вмешиваться в устройство физического мира. Это — одно из проявлений архетипической идеи идеологической агрессии. Твардовский приписывает Сталину космологические намерения: «Канала только не хватало, чтоб был бы с Марса виден он». (В качестве косвенной, но полезной иллюстрации к сказанному, уместно вспомнить правительственный некролог по случаю смерти члена Политбюро ЦК ВКП(б) А. А. Жданова, наступившей 31 августа 1948 года. Читаем: «Верный ученик и соратник великого Сталина <...>». Среди 18 подписей под некрологом обнаруживаем и подпись Сталина.)

Это всё идёт издавна, со времён обожествления фараонов и богдыханов. Кажется, китайские императоры были уполномочены

небом повелевать силами природы. А вот какую историю я услышал по радио «Свобода» (или это было ВВС?) 13 декабря 2001 года. Пожизненный президент Туркмении туркменбаши (отец туркменов) Сапармурат Ниязов, приехав в колхоз, настоятельно рекомендует как можно скорее убрать хлопчатник и мотивирует свою рекомендацию тем, что он уже устал удерживать дождь и больше восьми дней не выдержит. Полагаю, что это не пустые слова и что Ниязов, хотя бы отчасти, сам верит в сказанное им.

Лучше всего было бы изменить таблицу умножения. Ясно ведь, что если пятью пять — двадцать пять, а шестью шесть — тридцать шесть, то семью семь должно быть сорок семь. Но это почему-то встречается затруднения. Хорошо было бы изменить ход небесных светил и времена года; это тоже встречается затруднения, поэтому Французская революция всего лишь меняет начало года, меняет начала всех месяцев, меняет длительность большинства из них и даёт им новые названия. Революция в России, оказавшись не в состоянии переместить города на новое место, вынуждена ограничиться меной их названий. А вот памятник, в отличие от города, переместить можно, и потому в 1950 году — только потому, что *можно*, других разумных причин нет, — опекушинский памятник Пушкину был перемещён с Тверского бульвара, на котором он благополучно простоял 70 лет, на Пушкинскую площадь. К тому же ряду явлений принадлежат и снос Сухаревой башни в Москве; и разрушение возведённого в той же Москве на народные пожертвования храма Христа Спасителя с заменой его сперва на так и не построенный Дворец Советов (оставшийся в памяти москвичей только в виде прежнего названия той станции метро, которая с 20 марта 1957 года стала называться Кропоткинской), а затем на бассейн «Москва»; и недавнее уничтожение талибами в Афганистане тысячелетних статуй Будды, ответственность за какое-то уничтожение несёт не ислам (ведь ислам был основной религией в Афганистане и ранее, но на статуи не посягал), а именно утвердившийся в Афганистане тоталитарный режим (разрушение этих двух статуй было провозвестником последующего вскоре разрушения теми же злыми силами двух башен Торгового центра в Нью-Йорке; если бы так называемый цивилизованный мир отреагировал на разрушение статуй Будды с адекватной жёсткостью, то, возможно, не состоялось бы и разрушение башен).

Каждый тоталитарный режим мистичен в своей основе и подспудно исповедует идеалистическую философию. Если же этот режим провозглашает в качестве официальной религии материализм (как это было в СССР), то это имеет столь же малое отношение к истинному

положению вещей, как и лозунг свободы (либерте); как известно, в главной советской песне пелось: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек». Идеалистическая же основа подлинной, а не провозглашаемой идеологии доказывается следующим рассуждением: тоталитарная власть, стремящаяся к устройению материальной реальности (будь то механизм наследственности или количество показываемых пальцев) по своему усмотрению, считает свою цель достигнутой в тот момент, когда ей удалось заставить своих подданных думать, что реальность устроена так, как угодно власти. Так что продержись сталинский режим подольше, ещё, может быть, и учили бы, что семью семь — сорок семь.

Тут я предвижу три возражения от равнодушного читателя (равнодушный скользнёт взглядом и пойдёт дальше или же вовсе зевнёт и прекратит чтение).

Возражение первое. Про семью семь — это уж автор явно перегнул. Ведь про количество показываемых О'Брайеном Смицу пальцев — это всего лишь художественный вымысел Оруэлла, а внедрение лысенкоизма, как признано выше, имело политическую вполне прагматическую мотивацию. При чём же здесь надуманное обсуждение возможного изменения таблицы умножения, если таковое никак не мотивировано и не приносит режиму никакой очевидной пользы? Мой ответ таков. Прагматический мотив лишь сделал биологическую дискуссию более острой, а её результаты — более чудовищными. Прагматическая мотивация совершенно необязательна, что доказывает ряд примеров. Из таких примеров напомним два идеологических «разоблачения», оба относящихся к последнему пятилетию правления Сталина. В 1947 году в русском переводе вышла книга: *Л. Паулинг*, «Природа химической связи»; в ней, в частности, излагалась предложенная её автором на рубеже 20-х и 30-х годов так называемая теория резонанса (в 1954 году Паулинг получил Нобелевскую премию по химии). В следующем, 1948-м, году вышла другая переводная книга: *Д. Уэланд* «Теория резонанса и её применение в органической химии». А вслед за тем началась крикливая кампания по разоблачению теории резонанса как буржуазной, идеалистической, антимарксистской и т. д. Усмотреть здесь какую-либо разумную цель трудно: с тем же успехом теорию резонанса можно было провозгласить материалистической и марксистской. С конца 50-х годов Лайнус Паулинг (Pauling) включился в борьбу за мир (Нобелевская премия мира 1962 года); по сему случаю он был переименован в Полинга, и статья Полинга «Теория резонанса в химии» была опубликована в советском журнале в 1962 году. Второе разоблачение — это разобла-

чение кибернетики как буржуазной лженауки. Смысла в объявлении кибернетики лженаукой не было никакого, это лишь затормозило развитие вычислительной техники и оборонной промышленности. Что касается идеологии, то кибернетика (как и хромосомная теория, и теория резонанса) прекрасно могла быть совмещена с марксизмом, диалектическим материализмом, научным коммунизмом и прочими хорошими, с точки зрения советской власти, «измами» (я перечислил некоторые из тех, которые преподавались в советских вузах). Так что прагматика тут ни при чём, тут чистая патология, приближающаяся к стремлению изменить таблицу умножения.

Рассказывали, что была попытка начать кампанию борьбы с «новой» физикой — с теорией относительности и с квантовой механикой⁷. Говорили, что Курчатов якобы доложил высшему начальству, что запретить эти лжеучения, конечно, можно, но что тогда не будет ни атомной, ни, тем более, водородной бомбы. И начальство отступило. Возможно, что здесь (со стороны начальства) проявился открытый Оруэллом феномен двоемыслия, под которым понимается одновременное существование в мозгу двух противоположных убеждений. Аналогичным образом, государственный антисемитизм сосуществовал с тем, что академики-физики Яков Борисович Зельдович и Юлий Борисович Харитон были и лауреатами Ленинской и иных премий, и Трижды Героями Социалистического Труда.

Возражение второе. И хромосомная генетика, и кибернетика, и теория резонанса — всё это было разрешено после смерти Сталина. Режим изменился и перестал посягать на таблицу умножения. Наука получила возможность развиваться свободно. Мой ответ таков. Возражение справедливо лишь частично. Вмешательство туда, куда не надо, прекратилось не сразу. Так, генетика подвергалась гонениям вплоть до состоявшегося 14 октября 1964 года отстранения от власти Хрущёва, который — при всём его антисталинизме — продолжал

⁷ В связи со сказанным вспоминаю брошюру о партийно-идеологической работе с интеллигенцией. Там указывалось, в частности, что при правильно поставленном подходе и интеллигенцию можно перевоспитать. Так, рассказывалось в брошюре, член-корреспондент Марков опубликовал статью «О природе физического знания» (возможна неточность: пишу название по памяти), осуждённую как идеологически порочную; однако после проведённой с ним работы автор исправился и написал положительно встреченную советской общественностью статью «Логика математическая». Комизм ситуации заключался в том, что авторами названных статей были разные Марковы: первую статью написал физик Моисей Александрович Марков (впоследствии академик), а вторую — математик Андрей Андреевич Марков младший.

поддерживать Лысенко и даже собирався закрыть Академию наук в отместку за то, что она (с подачи А. Д. Сахарова) отказалась избрать в свой состав наиболее одиозного лысенковского ставленника. Но главное не в этом. Главное в том, что надолго остался живучим обсуждаемый архетип тоталитарного мышления — агрессивное желание навязать силой свою точку зрения (как правило, ложную — потому что истину нет нужды навязывать силой). Не следует утешать себя мыслью, что архетипические (т. е. обосновавшиеся в глубинах подсознания) идеи были различными у власти и у подчинённого ей народа. Власть и народ были во многом едины — отчасти (но только отчасти), конечно, потому, что народ был этой властью уже воспитан, а не поддававшиеся воспитанию были уничтожены. Психологическое единство власти и населения было выше, чем это хотелось бы признавать (гораздо выше, чем в сегодняшней России).

Возражение третье. Все эти рассуждения об архетипической идее идеологической агрессии не имеют никакого отношения к нападкам на кафедру и отделение структурной и прикладной лингвистики. Мой ответ таков. Нападки на кафедру в значительной степени являются проявлением именно этой архетипической идеи. Надо только вдуматься в смысл словосочетания *архетипическая идея*. Это есть идея неявная, скрытая даже от её носителя, т. е. им, носителем идеи, неосознаваемая. Это нечто вроде гормонов, присутствие которых ведь тоже не осознаётся человеком напрямую, но которые, тем не менее, в состоянии управлять и настроением, и поведением. Конечно, нельзя представлять себе дело таким образом, что кто-то говорит себе: «Мною овладела идея идеологической агрессии, и потому я сейчас пойду и притесню структурную и прикладную лингвистику». Всё происходит на уровне подсознания — едва ли не самом могущественном из уровней человеческой психологии.

На уровне деклараций горячо приветствовалось развитие прикладной лингвистики и — с большей осторожностью — развитие лингвистики структурной. На самом деле и то, и то было отчасти пугающим. Пугающим, потому что новым и непривычным.

Традиция относилась лингвистику к наукам гуманитарным и потому неточным. Попытка распространения на лингвистику точных методов встречала поэтому сопротивление, психологически совершенно понятное. Традиционные лингвисты боялись растворения лингвистики в математике (разумеется, никто всерьёз не думал, что лингвистика станет разделом математики, это я утрирую, обозначая направление опасений). Поэтому они, шараясь от математики, цеплялись за литературоведение, не желая с ним развода.

Правящая догма относилась лингвистику к наукам общественным и потому идеологическим. Вот передо мной брошюра, разрешённая к печати уполномоченным Главлита 30 октября 1974 года. Авторы — В. Н. Ярцева, Г. В. Колшанский и др. Брошюра называется «Основные проблемы марксистского языкознания (Доклад на Всесоюзной научной конференции по теоретическим вопросам языкознания)». Можно ли себе представить доклад «Основные проблемы марксистской гельминтологии», представленный на конференцию по теоретическим вопросам гельминтологии? Структурная же лингвистика не то чтобы прямо противоречила марксистскому языкознанию, но как-то неприятно это языкознание игнорировало. «Больно тема какая-то склизкая. Не марксистская, ох, не марксистская», — как выразился по сходному поводу Галич.

Таким образом, у университетских лингвистов 70-х годов — по причине ли их традиционности или же марксистской зашоренности — не было оснований любить структурную лингвистику. Напротив, были все основания относиться к ней с подозрением. А подсознательная архетипическая идея интеллектуальной агрессии преобразовывала это неприязненное отношение в прямые действия, а именно в нападки на кафедру структурной и прикладной лингвистики, нападки, приведшие в 1982 году к ликвидации кафедры⁸.

⁸ Ликвидация кафедры (говоря точнее, присоединение её к кафедре общего и сравнительно-исторического языкознания) была прописана в приказе № 940 от 23 июля 1982 года тогдашнего ректора МГУ А. А. Логунова. Анатолий Алексеевич Логунов, по специальности физик, прославился упорной борьбой с теорией Эйнштейна. Кем-то было остроумно подмечено, что создают великие теории, меняющие лицо науки, скромный монах Мендель (сын крестьянина, постригшийся в монахи из-за материальных трудностей) и скромный сотрудник патентного бюро Эйнштейн, а вот борются с ними Т. Д. Лысенко и А. А. Логунов, которые и академики, и Герои Социалистического Труда, и лауреаты высших премий, и президенты (как Лысенко) или, в крайнем случае, вице-президенты (как Логунов) академий. В очерке А. Е. Кибрика в [ФФМУ: ОИ] отмечена негативная роль ректора Логунова в судьбе как кафедры структурной и прикладной лингвистики (на с. 363), так и филологического факультета в целом (на с. 359).

О единстве человеческого рода, или Зачем ставят памятники

Ономастический комментарий. — Культурологическое прибавление.

Мне больше по душе вопрос «Почему нигде не стоят твои статуи?», нежели «Почему они стоят?».

(*Плутарх*. Сравнительные жизнеописания:
Марк Катон [старший], 19.)

— Это кому памятник?

— Пушкину.

— Это который «Муму» написал?

— Нет, «Муму» написал Тургенев.

— Странно. «Муму» написал Тургенев, а памятник
Пушкину. (*Популярный анекдот*.)

Общеизвестно, что человеческие цивилизации¹ весьма и весьма различны в своих обычаях. Эта истина настолько банальна, что, казалось бы, уже не нуждается в подтверждениях (хотя ещё встречаются авторы, перегружающие и без того перегруженную журнальную литературу всё новыми и новыми, совершенно избыточными доказательствами этой банальности, да ещё и не стыдящиеся перепечатывать свои публикации²).

Опубликовано в разделе «Философия. История. Политика» в журнале: Новый мир. — 2005. — № 1. — С. 121—136.

¹ Под цивилизацией здесь понимается весь образ жизни (включая и его материальную сторону, и поведение, и менталитет) какой-либо нации или чего-нибудь подобного. Ревнителю терминологического пуризма, несомненно, скажут, что при указанном понимании надлежит пользоваться не термином «цивилизация», а термином «культура». Но слишком уж много значений у этого последнего термина! К тому же, в применении к иным мирам космического пространства говорят именно о внеземных, инопланетных и т. д. цивилизациях, а не культурах. И автор был бы счастлив, если, рассуждая о делах земных, он смог бы приблизиться к уровню инопланетного их рассмотрения; а на указанном уровне земные «культуры» как раз и являются цивилизациями.

² См., например, В. А. Успенский. Материалы для классификации цивилизаций // Неприкосновенный запас. — 2001. — № 4 (18). — С. 120—131; перепечатка: В. А. Успенский. Труды по нематематике. — М.: ОГИ, 2002. — С. 1235—1255; в настоящей книге с. 734—752.

Но тогда встаёт вопрос, а чем же обеспечивается (да и обеспечивается ли?) единство человеческого рода — помимо очевидных биологических факторов (таких, как ДНК, анатомическое строение, физиологические функции и пр.)? Обнаружение таких факторов представляет собою гораздо более насущную и, что немаловажно, гораздо более нравственную задачу, нежели мелочное выискивание различий. Предлагаемые результаты полевых наблюдений могут трактоваться как хотя и микроскопический, но всё же реальный вклад в решение именно этой великой задачи.

Наблюдения начались осенью 1986 года в Ташкенте и продолжились осенью 2003 года в Монреале.

Итак, Ташкент. Я стою на углу двух оживлённых и достаточно центральных улиц. На том же углу возвышается монумент — памятник кому-то (т. е. какой-то личности) или чему-то (т. е. какому-то событию), но кому? или чему? На монументе ничего не написано: видимо, предполагается, что и так все обязаны знать. Но я не местный, я имею право не знать и потому задаю вопрос прохожим. Все, кого я спрашиваю, проявляют полную доброжелательность. И дают один из двух ответов:

(1) «Я из другого района города, тут оказался случайно, и потому не знаю, что это за памятник»;

(2) «Я тут прохожу по несколько раз в день, памятник примелькался, и я как-то привык не обращать на него внимания, а потому ничего про него не могу сказать».

Мне так и не удалось узнать, кому или чему был посвящён этот памятник (так что он явно не выполнял свою прагматическую функцию, заложенную в семантике корня слова *памятник*). А сама ситуация живо напомнила мне доску приказов в одном хорошо мне известном институте Академии наук СССР (уверен, что на соответствующих досках других советских учреждений можно было прочесть то же самое). Время от времени на доске появлялся приказ примерно такого содержания:

Слесарь Хрыкин, находясь в нетрезвом состоянии, в нарушение служебной инструкции не закрыл вентиль заглушки [или, напротив, перекрыл заглушку вентиля], что привело к подтоплению подвала, причинившему значительный материальный ущерб. Не доложив о случившемся, тов. Хрыкин произвольно покинул рабочее место, унеся ключ от подвала с собой, вследствие чего дверь в подвал пришлось взломать. По тяжести совершённого проступка слесарь Хрыкин заслуживает увольнения. Однако учитывая, что тов. Хрыкин работает в Институте ***** , ограничиться строгим выговором.

Вместо серии звёздочек стояло одно из двух: либо «уже 20 лет», либо «всего только 2 дня». Аналогия с ташкентским памятником очевидна: в обоих случаях прямо противоположные причины приводили к одному и тому же действию, а точнее — бездействию.

Таким образом, и дирекция академического института, и прохожие на ташкентских улицах руководствовались одной и той же моделью поведения, и она, эта модель, может рассматриваться как один из тех признаков единства человечества, которые составляют предмет нашего интереса. Однако данный признак возник в нашем изложении как бы *ad hoc*, в качестве побочного продукта. В настоящей заметке нас занимает именно отношение к памятникам — отношение тех, для кого, собственно, эти памятники и предназначены.

Главное требование, предъявляемое Наукой (с большой буквы) к Эксперименту (также с большой буквы) — это его воспроизводимость (вот почему Наука сомневается в телепатии). Возможно, что ташкентский эксперимент, показывающий, что памятник не служит памятью о том, о чём он должен напоминать, является единичным и невозпроизводимым. В поисках ответа на этот вопрос переместимся из континента Евразия в континент Северная Америка, а именно в город Монреаль.

Монреаль находится в Канаде, а Канаду (во всяком случае материковую Канаду) открыл Жак Картье (Jacques Cartier, 1491—01.09.1557). Шестой том 3-го издания Большой Советской Энциклопедии (БСЭ) в статье «Географические открытия» сухо сообщает в своём столбце 777: «**1534—35.** <...> (т. н. открытие Канады) (Франция; Ж. Картье)». Разумеется, Картье открыл Канаду в том стандартном европоцентричном и культурологическом смысле, при котором равным образом игнорируются как автохтонные аборигены, так и всевозможные викинги типа какого-нибудь Эрика Рыжего (и те, и другие открыли для себя Канаду значительно раньше).

БСЭ не удостоила Жака Картье особой статьёй, а потому довольствуемся тем, что пишет о нём Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона (т. XIV, полутом 28, с. 644):

Картье (Жак Cartier) — франц. мореплаватель (1491—1557). В 1534 г. К., по поручению Франсиска I, отправился исследовать рыбные ловли у о-ва Ньюфаундленда. Он обогнул сев. берег о-ва Ньюфаундленда, прошёл через Белльильский пролив (На современных русских картах — *пролив Белл-Айл.* — В. У.), открыл устье реки св. Лаврентия, которую он первоначально принял за залив, и все открытые земли занял для Франции, под именем «Nova

Francia». В 1535 г. он был снова отправлен для исследования области р. св. Лаврентия и поднялся по реке до места, где ныне г. Монреаль. <...> В третий раз К. сопровождал в 1541 г. Роберваля, назначенного правителем новых французских владений в Сев. Америке, так называемой *Новой Франции*. <...>

Таким образом, Картье занимает в той стране, которая зовётся Канадой, примерно такое же место, как Колумб в той части света, которая зовётся Америкой. В истории же Монреаля ему принадлежит совершенно особая роль. Тот же энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона указывает в статье «Монреаль» (т. XIX, полутом 38, с. 790):

3 октября 1535 г. Жак Картье впервые вступил на эту землю и основал поселение на месте нынешнего М.

Город Монреаль занимает одноимённый остров, образованный рекой св. Лаврентия и её протоком. И вот что сообщает англоязычный путеводитель по Монреалю (Montréal. — 4th ed. — Montréal: Ulisses travel publications, 1999. — P. 15):

...What is known today as the island of Montréal was inhabited by natives of the Iroquois nation. <...> In 1535 and 1541, Jack Cartier, a navigator from Saint-Malo in the service of the king of France, became the first European to briefly explore the island. He took the opportunity to climb the mountain rising up out of its centre, which he christened Mont Royal³.

Запомним из этой цитаты, что Картье не только первым исследовал остров Монреаль, но и поднялся на гору, возвышающуюся в центре острова, и дал этой горе название: «Mont Royal», т. е. «Королевская гора». Напрашивается догадка, что отсюда и произошло название острова и города Монреаль: «Montréal». Догадка верна лишь наполовину, потому что по сведениям, полученным мною из авторитетного источника, как раз написание «Montréal» отражает более раннее состояние французского языка: во времена Картье выражение «Королевская гора» писалось по-французски как «Mont Real». Таким образом, Картье не только основал Монреаль, но и дал ему название, сохранившееся до нашего времени.

³ Остров, который ныне зовётся Монреалем, был населён туземцами-ирокезами <...>. В 1535 и 1541 годах Жак Картье, мореплаватель из Сен-Мало на службе короля Франции, стал первым европейцем, исследовавшим остров. Он предпринял восхождение на гору, возвышающуюся в центре острова, и наименовал её Королевской горой. (Пер. с англ.)

Обратим также внимание, что ирокезы, составлявшие первоначальное население острова, по-французски и по-английски называются *Iroquois*; отсюда следует, что правильным русским названием для жителей Квебека, называемых по-французски и по-английски *Québécois*, будет такое: *квебекезы*; так мы и будем их называть.

Квебек — самая большая (по площади) провинция Канады и, что необычайно существенно, — единственная франкоязычная провинция. Принадлежащий ей Монреаль — второй по числу жителей франкоязычный город мира после Парижа. На улицах Монреаля, хотя и не часто, можно встретить людей, не говорящих по-английски; в квебекской глубинке таких сколько угодно. Кажется, квебекезы до сих пор не могут смириться с итогами Семилетней войны 1756—63 годов, в результате которой Франция (согласно Парижскому мирному договору 1763 года⁴) вынуждена была уступить Великобритании свои канадские владения, т. е. основанную Жаком Картье (и сильно расширившуюся со времён Картье) Новую Францию. И их можно понять: ведь это именно французы первыми увидели Ниагарский водопад, а англичане вообще начали колонизацию материковой Канады лишь почти через сто лет после французов. Ясно, что статус Квебека как одной из провинций британского доминиона многих не устраивает.

Королевой Канады (а тем самым как бы и Квебека) является, как известно, английская королева. Тем не менее королевские лилии Франции по-прежнему украшают флаг Квебека: четыре крупные белые лилии размещены в четырёх прямоугольниках, на которые белый же крест рассекает синее полотнище флага. Всякий, кто подойдёт к дому 59 по лондонской улице Пэлл-Мэлл (Pall Mall), может увидеть этот развевающийся флаг, разве что не нависающий над высокой медвежьей шапкой гвардейца, марширующего вдоль стены Сент-Джеймского дворца. По указанному адресу находится представительство правительства Квебека. Никакая другая канадская провинция не имеет в Лондоне своего собственного представительства — только Канада в целом и Квебек.

Националистические чувства в Квебеке довольно сильны. Квебекские законы, например, предписывают буквам английского текста на вывесках иметь вдвое меньший размер и быть менее яркими, чем буквы французского текста; и это ещё очень либерально: в предыдущем законе, отменённом Верховным судом, английские надписи запрещались полностью. Но и сейчас, скажем, в англоязычной больнице персонал не вправе встречать клиента обращением по-английски. За

⁴ А Монреаль был взят англичанами тремя годами раньше, в 1760 году.

всем этим строго следит специальная полиция⁵. Школы в Квебеке бывают франкоязычные и англоязычные. В англоязычных школах французский язык является, разумеется, обязательным предметом, а в некоторых из них этому языку обучают так называемым методом полного погружения. Это, конечно, замечательно — но нет ни одной франкоязычной школы, где бы этим методом обучали английскому языку. А в 2002 году в Квебеке был принят закон, известный как закон 104, которым запрещалось принимать во франкоязычные школы детей, не говорящих по-французски. Это создало трудности не только для большинства иммигрантов, которые по-прежнему прибывают в Канаду в достаточном количестве, но и для тех англоязычных квебекцев, которые имели благородную, казалось бы, цель, чтобы их дети свободно говорили на главном языке Квебека. Сильны в Квебеке и сепаратистские устремления. Неоднократные квебекские референдумы о выходе Квебека из состава Канады показывают, что сторонники такого выхода недалеки от победы (тот факт, что подобные результаты референдумов привели к бегству капитала из Квебека и к провинциализации этой провинции, мы оставим в стороне⁶). Исторической достопримечательностью Монреаля является балкон монреальской мэрии, с которого вечером 24 июля 1967 года выступал президент Франции Шарль де Голль, посетивший Монреаль в связи с проводимой там всемирной выставкой Expo-67. Выступая с названного балкона, де Голль провозгласил: «Vive le Québec!» («Да здравствует Квебек!»), — а затем, после небольшой паузы, подчеркнувшей значимость произносимого: «Vive le Québec libre!» («Да здравствует свободный Квебек!»). Восторг многотысячной толпы не поддавался описанию. Этот восторг лишь усилил неудовольствие канадского правительства. Недовольствие было столь велико, что де Голль вынужден был отказаться от включённого в программу визита посещения столицы Канады и досрочно вернуться во Францию. (Визит де Голя в Канаду ограничился, таким образом, провинцией Квебек, а отношения Канады и Франции были испорчены на многие годы. С тех пор с этого балкона никто никогда не выступал.)

Неудивительно, что Картье, открывший не просто Канаду, но Канаду прежде всего французскую — ту Новую Францию, наследником коей ощущает себя Квебек — служит для Квебека

⁵ Я признателен Евгению Серафимовичу Соколову за уточнение сведений об этих квебекских реалиях.

⁶ *Квебекистан* — так в 1983 году остроумно окрестил Квебек Александр Константинович Жолковский (как бы предвидя тем самым параллели Ташкент—Монреаль, обсуждаемые в настоящей статье).

вообще и для Монреаля в частности фигурой в известной степени культовой.

Одно из монреальских «чудес света» — это трёхкилометровый мост через реку св. Лаврентия, под которым свободно проходят океанские суда⁷. Открытый в 1930 году, мост был в 1934 году торжественно назван в честь Жака Картье — в знак уважения к четырёхвековому юбилею его первой экспедиции. Указатель имён к изданному в известной галлимаровской серии (Guides Gallimard) франкоязычному путеводителю по Квебеку (Québec. — Editions Nouveaux-Loisirs, 1996) перечисляет двенадцать страниц, на которых упоминается Жак Картье (а никакие другие Картье в путеводителе, само собой, не присутствуют).

Надо ли удивляться тому, что на одном из самых заметных мест Монреаля, на Avenue du Parc (Park Avenue) у подножья той самой Королевской горы (le Mont Royal), на которую когда-то взойёл Картье (а взойдя, как можно предположить, водрузил французский флаг), установлен величественный многофигурный монумент. Сперва я несколько раз видел его издали и мелком, проезжая мимо, а потом расспросил монреальцев и узнал, что это есть памятник Жаку Картье. Тогда я решил рассмотреть его поближе и отправился в специальную экскурсию. Мне присуща некоторая недоверчивость (мои друзья считают, что это я себе лыщу, а на самом деле более правильно было бы называть это качество занудством), поэтому, по прибытии на место, я спросил у встречных: «Кому этот памятник?». И, естественно, получил ответ: «Жаку Картье». Впрочем, будь я не столь поспешен, то мог бы и не спрашивать, потому что на монументе имеется надпись: «Cartier». Полностью же надпись выглядит так:

CARTIER

LA RECONNAISSANCE ET L'ADMIRATION D'UN PEOPLE

(Перевод второй строки: «признательность и восхищение народа».)

Ниже, на пьедестале, с фасадной и с тыльной его частей, высечены два изречения. В одном говорится о единстве населяющих эти земли народов, в другом, что эти народы ныне управляются не произволом, а законами. Чтобы не было сомнений, кому принадлежат эти изречения, каждое из них снабжено высеченной же подписью: «CARTIER». И вот тут почтительного созерцателя (а таковым был я), ощутившего

⁷ Мост знаменитый: как сообщила канадская газета *The Globe and Mail* в номере от 15 октября 2003 года, он занимает второе место в мире по привлекательности для самоубийц (после сан-францисского моста Золотые Ворота): в среднем 45 ежегодных попыток, из коих 10 успешных.

дунувший на него ветер истории, начинают охватывать странные чувства. Что-то такое начинает дуть с совершенно другой стороны — но пока это ещё не ветер, а так, лёгкое дуновение, зефир. Уж больно тексты современны по своему содержанию. К тому же цитаты из Картье оказываются снабжёнными датами, которые сразу и не разглядишь (но помогают пальцы): 1865 и 1867. Но, может быть, это суть даты обнаружения цитат в наследии Картье? Ведь какое-то разумное объяснение этому анахронизму должно же быть, потому что люди, которых я встречаю у памятника (в основном, молодёжь, расположившаяся на его ступенях), продолжают уверенно отвечать, что это есть памятник Жаку Картье, тому самому, чей мост, а даты при цитатах их как-то не смущают — цифры на камне, как я уже говорил, не слишком заметны, да и само соотнесение цифр с сопровождаемыми текстами требует определённой семиотической традиции, каковая может ведь и отсутствовать.

Более того. Задрав голову и внимательно посмотрев на центральную фигуру композиции, обнаруживаешь, что стиль одеяния, в которое облачена эта фигура, куда больше отвечает XIX веку, нежели веку XVI. Лёгкий зефир сомнения превращается в крепкий ветер недоумения. Но пуститься с окружающими в научную дискуссию на тему истории костюма — на это моего английского, а тем более французского (а тем более его квебекского диалекта⁸) было явно недостаточно.

Не оставалось ничего другого, как меланхолически удалиться от монумента по аллее, поднимающейся серпантинном по склону Королевской горы. И тут мне повезло. Дело в том, что по ходу аллеи время от времени, особенно на пересечениях, встречались указатели. На одном из таких указателей одна из стрелок показывала как раз в ту сторону, откуда я шёл; а на стрелке было написано, что она показывает направление к памятнику Жоржу-Этьену Картье (George-Étienne Cartier). Поиск по интернету даёт даты жизни Жоржа-Этьена (06.09.1814—20.05.1873) и сообщает, что он был одним из отцов-основателей Канадской федерации (1867 год).

Казалось бы, всё разъяснилось. Но оставалось то же ташкентское ощущение некой несправедливости. Где, где они, эти признательность и восхищение народа? И зачем же на монументе не указано, что данный Картье — не Жак, а Жорж-Этьен?

Представьте себе выставленное на показ в публичном месте и высеченное на камне изречение с подписью: ЛЕНИН. Может ли кому-нибудь прийти в голову, что имеется в виду не великий вождь

⁸ Я не сразу осознал, что язык, который слышен на улицах Монреаля, — это особым образом озвученный французский язык.

и учитель мирового пролетариата, а известный актёр московского Малого театра Михаил Францевич Ленин (21.02(04.03).1880—09.01.1951)?

Рассказывают, впрочем, что когда Станиславскому сказали: «Умер Ленин», — он стал хвататься за сердце: «Как? Михаил Францевич? Не могу поверить... Я только вчера его видел... Какое горе!». Когда же ему объяснили, что умер другой Ленин, Станиславский сказал с явным облегчением: «Ах, этот...».

Чтобы завершить тему Ленина и одновременно наметить путь к приводимому ниже Ономастическому комментарию — следующий эпизод. В последних числах 1981 года происходили очередные выборы в Российскую академию наук. Академик Иван Матвеевич Виноградов, знаменитый (и в ещё большей степени административно влиятельный) математик, которому предстоит быть упомянутым в Ономастическом комментарии и который в сентябре того года отметил своё девяностолетие, в дни выборов был не вполне здоров и голосовал заочно (на дому или в больнице — уже не помню, где именно). После одного из туров выборов в Отделении математики, принимая представителей счётной комиссии, он спросил как бы в полузабытье: «Ну что, Ленина выбрали?». Представители переглянулись. Одна и та же мысль пришла им в голову: «У старика (или у дяди Вани, как его принято было называть за глаза в кругу приближённых) поехала крыша». Оказалось, что крыша не поехала, а он имел в виду заведующего кафедрой теории функций мехмата МГУ Петра Лаврентьевича Ульянова, баллотировавшегося в члены-корреспонденты (и, кстати, избранного Общим собранием Академии 29 декабря).

По слухам, некий чиновник сказал Белле Ахмадулиной что, дескать, Владимира Владимировича надо бы подвинуть. Она ответила: «Не надо его куда двигать, он хорошо стоит». Говорящий имел в виду Путьина, Ахмадулина — памятник Маяковскому.

Во времена перестройки огромной популярностью пользовалась телевизионная передача «600 секунд», выходившая в эфир на ленинградском, а затем петербургском канале в 1987—1993 годах и бывшая одним из символов перестройки. Её автор и ведущий Александр Невзоров был в те годы знаменитостью. Поэтому книжка с названием «Похождения Невзорова, или Ибикус» шла с лотков нарасхват, особенно в Петербурге. Каково же было разочарование купивших, когда они обнаруживали, что речь в книжке идёт вовсе не о тайнах культового телеведущего, а о начавшихся в 1917 году приключениях, постигших Семёна Ивановича Невзорова, скромного служащего транспортной конторы — персонажа, вымышленного автором пове-

сти, Алексеем Николаевичем Толстым (скончавшимся, кстати, за десять лет до рождения Александра Глебовича).

Отступление. Мне всё же довелось увидеть монумент «настоящему» Картье — Жаку. Случилось это благодаря любезности моего друга Татьяны Дмитриевны Корельской, которая в трудных погодных условиях (при проливном дожде) отвезла меня на своём автомобиле из Монреаля в город Квебек — административный центр одноимённой провинции и, по словам Тани, подлинную столицу франкофонского сепаратизма. Там в крепёрии (сгêregie) можно отведать настоящих, как в какой-нибудь Бретани, французских блинов, а на площади полюбоваться Жаком Картье в подобающем ему обличье, т. е. в камзоле и с мечом или со шпагой — сейчас уже не помню, с чем именно. Конец отступления.

Разумеется, возможна не только омонимия антропонимов, о какой шла речь до сих пор, но и омонимия топонимов. Я знаю двух подруг, собиравшихся навестить свою третью подругу, проживающую в Австралии, в городе Сиднее (Sydney, с кодом аэропорта SYD), и явившихся для покупки билета в одну из московских авиакасс. Им довольно быстро нашли маршрут перелёта и почти уже продали билеты, как обнаружилось, что билеты эти до другого Сиднея (Sydney, с кодом аэропорта SDY), расположенного в американском штате Монтана; у них был реальный шанс в эту Монтану и улететь — впрочем, нет, не улетели бы: при регистрации в аэропорту у них обнаружили бы отсутствие американской визы. А однажды мне довелось присутствовать на экзамене по истории русского языка. Экзамен, для нескольких учебных групп, проходил на филологическом факультете Московского университета. После ответа на билет нескольким студентам (из коих большинство было студентками) был задан один и тот же дополнительный вопрос о месте, в котором не то хранился, не то был обретен некоторый древний текст. Все как один, к удовлетворению экзаменатора, отвечали: «В афонском монастыре». Бойкость ответов вызвала у меня подозрение, что отвечающие не вполне представляют себе, где находятся афонские монастыри. Не могу с достоверностью утверждать о всех, но первая же студентка, мною спрошенная, отвечала: «в Новом Афоне, между Сухуми и Гудатой». Впрочем, здесь мы имеем не омонимию, а квазиомонимию, поскольку Афон и Новый Афон — это, строго говоря, не омонимы.

Но мы что-то сильно отклонились от магистрали изложения. А магистраль заключается в том, что и в Ташкенте, и в Монреале отношение к памятникам со стороны благодарных потомков — т. е. со стороны тех, для кого памятники, собственно, и ставятся —

одно и то же. Да и в Москве можно наткнуться на подобную же ситуацию. Так, и я сам, и многие другие полагали, что у станции метро «Кропоткинская», на развилке между Остоженкой (в советское время — Метростроевской) и Пречистенкой (в советское время — Кропоткинской) стоит Кропоткин; оказалось — Энгельс.

Изложенное и образует одно из доказательств единства человеческого рода, какового единства мы взыскуем. Или думаем, что взыскуем.

Вот ещё две небольшие гири на ту же чашу весов — в пользу единства. Обе они пали на указанную чашу весной 2004 года в Южной Калифорнии.

Первая гиря наблюдается в Сан-Диего в последних числах апреля. Мне предстоит ехать на поезде в Лос-Анджелес, и я прошу моего гостеприимного хозяина Евгения Давидовича Боданского приобрести мне билет через Интернет, используя его кредитную карту. Операция осуществляется без труда. Сразу же на компьютер поступает стандартная благодарность за обращение к железнодорожной компании Amtrak, указание номера заказа, подтверждение его выполнения, а также несколько сообщений с полезной информацией о предстоящей поездке — с номером поезда, с временем отбытия и прибытия и т. п. Среди этой полезной информации содержится и указание, что нужно сделать для того, чтобы на вокзале получить в руки уже оплаченный билет. Можно, конечно, обратиться в кассу, но можно получить билет и из автомата под названием «квик-трак» («Quik-Trak machine»). Этот второй способ рекомендуется как более удобный, поскольку позволяет избежать очереди: «Avoid the line!» — говорится в одном из сообщений. «Skip the line and enjoy the ride», — говорится в другом. Надо ввести в квик-трак номер заказа, погрузить в щель кредитную карту, и автомат незамедлительно выдаст билет. Как всё просто! И какая забота о пассажире! Однако прибыв 29 апреля на железнодорожный вокзал города Сан-Диего я обнаруживаю, что не могу найти на этом вокзале разрекламированных автоматов. Свою неспособность найти квик-траки я приписываю общему неумению отсталого провинциала ориентироваться в передовой и автоматизированной американской цивилизации, так что удивляюсь не слишком сильно. Подлинное удивление наступает, когда оказывается, что провожающий меня гражданин Соединённых Штатов также не может найти на вокзале требуемых автоматов. Приходится стать в очередь в кассу — по счастью, небольшую. И тут память перебрасывает меня на тысячи километров на восток и на десятки лет назад, к сходным железнодорожным впечатлениям. Я вспоминаю, как я ехал на поезде

по России. Кажется, поезд шёл из Риги в Москву. Я стоял у окна вагона и глядел на пролетавшие мимо и изредка задерживавшиеся у станций пейзажи. В окрестности одной из станций был воздвигнут огромный щит, призывавший беречь свою жизнь и с этой целью не переходить через пути, а пользоваться пешеходными мостами. Всё было бы хорошо, если бы не одно обстоятельство: никаких пешеходных мостов в обозримой близости не наблюдалось. ●► А в 2007 году мне довелось ехать в московском трамвае, и заранее записанный голос сообщал, что если вы хотите выйти, то вам следует подать водителю звуковой сигнал — по-видимому, криком, потому как никаких иных устройств для этого ни мною, ни другими пассажирами в вагоне обнаружено не было. ◀●

Вторую гирику временно отложим — мы к ней вернёмся. И заметим, что, разумеется, в деталях американской и российской жизни обнаруживается не только сходство. Моё железнодорожное путешествие из Сан-Диего в Лос-Анджелес выявило проблему, к которой я был совершенно не готов. На перроне в Лос-Анджелесе меня должна была встретить представительница Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе (UCLA), куда я был приглашён прочесть лекцию. Однако по прибытии в Лос-Анджелес я на перроне нужное лицо не обнаружил. Оказалось, что в Лос-Анджелесе невозможно узнать, на какой именно перрон прибывает поезд. Поэтому, доехав до вокзала, она металась в поисках меня, в то время как я метался в поисках её. Ситуация осложнялась тем, что в лицо мы друг друга не знали. Небеса были к нам благосклонны, и каким-то чудом мы нашли друг друга в подземном переходе — по-видимому, привлечённые выражением растерянности на лице каждого из нас. Я давно не пользовался российскими железными дорогами и потому допускаю, что американизация российской жизни охватила и невозможность узнать, куда именно прибывает поезд. Но в 2004 году я был ошеломлён.

●► Ошеломлён я был и в 2008 году, когда мне довелось ехать поездом из Нью-Йорка в Вашингтон. (Я не забыл про вторую гирику, мы до неё доберёмся.) Американские железнодорожные власти (по крайней мере, в Нью-Йорке) относятся к перрону с тем же военизированным уважением, как в аэропортах относятся к лётному полю: они разрешают пассажирам попасть на перрон лишь за несколько минут до отхода поезда. За эти несколько минут надо успеть найти свой вагон и погрузиться. До этого пассажиры находятся на вокзале и — так это было в Нью-Йорке — ждут, когда откроется дверь на эскалатор, который повезёт их на перрон. В моём случае таких дверей было две и находились они одна подле другой. Ошибётся тот,

кто подумает, что это было сделано для удобства пассажиров, дабы не возникало толкучки у единственного эскалатора. Оказалось, что скрывающиеся за дверьми эскалаторы, к которым уже выстроились очереди, везли пассажиров на разные перроны и, следовательно, к разным поездам! Электрические надписи, далеко не заранее вспыхнувшие над дверями, были крайне невняты. Я мог бы приписать сказанное своей тупости, если бы провожавший меня профессор CUNY (The City University of New York), умевший разбираться в реальности, также не мог однозначно понять, в которую очередь нам следовало встать. (Замечу в скобках, что его как не имеющего билета на эскалатор не пустили бы.) В таком положении был не только я с моим любезным провожающим: для осязаемой части людей, стоящих в очереди к двери на эскалатор, оказалось, что они стоят не в той очереди. Мы принадлежали к этой осязаемой части. Правильную очередь и, тем самым, правильную дверь удалось вычислить только путём переговоров с окружающими пассажирами. Помню, что выстояв довольно долго в одной очереди, мы перешли в другую.

Благодарю читателя за терпение, с которым он отнёсся к нашему отступлению, возвращаюсь в 2004 год и перехожу ко второй гирьке на чашу сходства двух цивилизаций, российской и американской. ◀●

Вторая гирька — из Лос-Анджелеса. Утром 1 мая с балкона номера в гостинице со смешным названием «Royal Palace»⁹ я с интересом наблюдаю, как быстро и ловко мусорщики опорожняют мусорные баки в кузов огромного мусоросборочного грузовика. К кабине грузовика прикреплена вертикальная труба, время от времени испускающая тёмный дым. Меня это сильно удивляет, так как противоречит моим априорным представлениям об экологической политике Соединённых Штатов, или, говоря менее выпенденно, о том, как американцы заботятся о чистоте окружающей их среды вообще и воздуха в частности. Я делюсь своим удивлением со знакомыми американцами, и их реакция удивляет меня ещё больше. Так ведь это же тяжёлый грузовик, говорят они, у него такой двигатель. Получается, что грузовикам можно то, чего нельзя легковым автомобилям. Увиденное, а точнее услышанное, снова возвращает меня в Россию и снова на десятки лет назад — на выставку талантливой художницы-подростка Нади Рушевой (31.01.1952—06.03.1969), проходившей в московском

⁹ Смешным ввиду несоответствия действительности: то, что это не palace, очевидно при беглом взгляде снаружи, а то, что это не royal, становится сразу ясным внутри. Впрочем, все необходимые удобства, разумеется, в гостинице имелись.

Музее изобразительных искусств, в Отделе графики этого музея. Надо сказать, что этот Отдел графики (любовно называвшийся его сотрудниками «Гравюрным кабинетом») расположен не в основном здании музея, а в отдельно стоящем двухэтажном особняке. Посетителей в Отделе графики обычно бывало очень немного: Отдел считался подразделением научной части музея, и билет в музей не давал права войти в этот отдел (как не давал он права входа и в другие служебные подразделения). Выставки же для публики устраивались в этом особняке сравнительно редко. Всех посетителей Отдела графики, пришли ли они в его служебные помещения или же в его экспозиционные залы, заставляли надевать войлочные бахилы, поскольку в особняке был старый и очень ценный паркет. Повторяю: посетителей обычно бывало очень немного. На выставку Нади Рушевой очередь стояла на улице, и тогда уже никого не заставляли надевать бахилы. Когда я выказал удивление, мне было резонно заявлено, что на всех не напасёшься.

Это были, как сказано, небольшие гирьки. А вот большая гиря на чашу единства человеческого рода, причём гиря, имеющая прямое отношение к памятникам. Памятник Нельсону в Лондоне и памятник Маяковскому в Москве — едва ли не самые известные среди памятников в этих столицах; соответствующие статуи имеют примерно одинаковую высоту — между 5 и 6 метрами. Как известно, Сталин в конце 1935 года объявил преступлением безразличие к памяти Маяковского (в той же знаменитой резолюции, в которой провозгласил его «лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи»). После этого началось повсеместное прославление Маяковского в названиях учреждений, улиц, площадей и станций метро. В частности, Триумфальная площадь Москвы была переименована в площадь Маяковского, каковой она оставалась по 1992 год; на этой площади и был в 1958 году воздвигнут памятник. (Заметим, что к Маяковскому в большинстве своём положительно относятся и правые, и левые, которых, впрочем на московских кухнях 1960-х годов называли правыми.) Статуя Нельсона стоит на вершине так называемой колонны Нельсона, имеющей высоту 46 метров. Колонна была воздвигнута в 1843 году в центре Трафальгарской площади. Площадь названа в память знаменитого сражения между английским и объединённым франко-испанским флотами, состоявшегося в 1805 году в Атлантическом океане вблизи испанского мыса Трафальгар. Английский флот одержал в этом сражении победу, не потеряв ни одного корабля и потопив или захватив 18 кораблей противника (и ещё несколько кораблей были захвачены вскоре после битвы).

Победа при Трафальгаре на долгие годы обеспечила Англии абсолютное морское превосходство. Адмирал Нельсон командовал английским флотом и погиб в сражении. Он был объявлен национальным героем Англии и торжественно похоронен в главном лондонском храме, соборе св. Павла, в гробу из останков неприятельского корабля. Бронзовые панели на колонне, сделанные из пушек захваченных Нельсоном кораблей, рассказывают о его победах. Перед сражением Нельсон, вызвав свидетелей в свою адмиральскую каюту, написал письмо, в котором просил короля и страну, в битву за которых он вступает, в случае его смерти позаботиться об Эмме Гамильтон. Просьба была полностью проигнорирована, и леди Гамильтон умерла в нищете во Франции, куда бежала от кредиторов. Маяковский, который, по его собственным словам, был «ассенизатор и водовоз, революцией мобилизованный и призванный», который «атакующему классу» отдал « всю свою звонкую силу поэта», который «себя смирял, становясь на горло собственной песне» — он тоже написал предсмертное письмо. Оно адресовано «Всем», но содержит и прямое обращение к власти:

Товарищ правительство, моя семья — это Лиля Брик, мама, сёстры и Вероника Витольдовна Полонская.

Если ты устроишь им сносную жизнь — спасибо.

Советская власть совершенно так же отказалась устроить сносную жизнь Веронике Полонской, как власть английская за сотню с лишним лет до того — Эмме Гамильтон. Четверо из пяти женщин, упомянутых в предсмертном обращении к «товарищу правительству», были признаны наследниками Маяковского (с вытекающими материальными последствиями) — все, кроме Полонской. Это ли не единство человеческого рода!

Сама потребность ставить памятники — не есть ли одно из величайших доказательств единства человечества, выделяющих человека из всех других живых существ. Среди известных дефиниций человека, следующих Аристотелю правилу «родовое понятие — видовое отличие» (таких, как *человек — это двуногое [животное] без перьев; человек — это животное, создающее орудия труда*), наиболее привлекательным мне всегда казалось определение, приписываемое американскому Обществу гробовщиков (наверное, давно уже переименованному в Общество ритуальных услуг или во что-нибудь в этом роде): *человек — это единственное животное, строящее гробницы*. Пожалуй, если заменить здесь слова *строящее гробницы* на *воздвигающее памятники*, получится не хуже.

Поэтому вопрос, для чего ставятся памятники, приобретает почти онтологический интерес. Мы порассуждаем на эту тему в особом прибавлении. Но сперва —

Ономастический комментарий

Понимание текста (в частности, понимание имени), т. е. соотнесение с текстом его смысла, представляет собою функцию от трёх аргументов. Первый аргумент — это сам текст в его физической форме, рассматриваемый с самой что ни есть внешней стороны как последовательность звуков или букв. Второй аргумент — это грамматика языка в самом широком смысле, с включением в неё, в частности, лексики. Наконец, третий аргумент — это контекст, в котором предъясняется текст; понятие контекста здесь употреблено также в самом широком смысле, с включением всех предлагаемых обстоятельств по Станиславскому и, в частности, предшествующего опыта того лица — назовём его *п о н и м а т е л е м*, — которое призвано к пониманию рассматриваемого текста. Таким образом, контекст состоит из двух компонентов: объективного и субъективного. Объективный компонент включает все не зависящие от понимающего внешние обстоятельства, сопровождающие текст. Субъективный же компонент располагается в сознании понимающего.

Уже давно было замечено, что теория имён Готлоба Фреге имеет следующее уязвимое место: существует лишь очень небольшое количество *а б с о л ю т н ы х* имён, значение которых не зависит от контекста (или, что то же самое, остаётся одним и тем же во всех контекстах). Таковы, например, названия некоторых небесных тел: *Солнце, Земля, Луна* — но далёко не всех небесных тел, потому что, скажем, *Венера* — это имя и планеты, и богини. Таковы имена чисел: *пять, сто три* и т. п., некоторых мифологических существ (если они ещё не узурпированы коммерческими фирмами в качестве своих названий), дней недели (да и те перестали быть абсолютными после появления романа Честертон «Человек, который был Четвергом»). Абсолютные имена не подвержены омонимии.

При возникновении же омонимии (что возможно лишь для имён не абсолютных) именно контекст играет, как правило, решающую роль в понимании текста — не исключено, впрочем, что понимании неправильном.

Возвращаясь к эпизоду со Станиславским и двумя Лениными, можно сказать, что разные понимания того, кто именно умер, были вызваны различием контекстов, а именно, их субъективных компонен-

тов. Личный опыт Станиславского выдвигал на первый план актёра М. Ф. Ленина, который затмевал фигуру политика В. И. Ленина¹⁰. Для его собеседника и, вообще, для абсолютного большинства жителей России дело обстояло как раз наоборот. Таким образом, ни для Станиславского, ни для его собеседника никакой омонимии по существу не было — точнее, она ими субъективно не ощущалась: каждый понимал имя *Ленин* однозначно.

Точно так же, для Ахмадулиной Владимир Владимирович однозначно был Маяковским, а для беседовавшего с нею чиновника — Путиным.

А во времена перестройки, когда телевидение, радио и газеты каждый день сообщали что-то новое, для абсолютного большинства телезрителей (а таковыми были почти все) Невзоров с очевидностью был телеведущим, а о повести младшего из трёх Толстых они и не слышали.

Аналогичным образом, для абсолютного большинства жителей США фамилия Бёрлин (Berlin) ассоциируется со знаменитым американским композитором-песенником, автором музыки к фильмам, Ирвингом Берлином (Irving Berlin, 1888—1989), а никак не с английским философом, литературоведом и эссеистом Исайей Берлином (Isaiah Berlin, 1909—1997). Оба Берлина — выходцы из Российской Империи. Первый Берлин занимал в американской культуре примерно такое же место, какое в советской занимал Исаак Дунаевский. В среде российских интеллектуалов скорее всего более известен второй Берлин благодаря своим отношениям с Ахматовой (их знакомство состоялось в Ленинграде осенью 1945 года). Следующая история, которую профессор Лондонского университета и сотрудник Британского совета Питер Норман (Peter Norman) рассказал несколько лет назад Михаилу Викторовичу Ардову, свидетельствует об американизации сознания работников британского посольства в США. Дело было во время второй мировой войны. Исая Берлин служил в названном посольстве. Сведения об его интеллекте и эрудиции дошли до Уинстона Черчилля, который во время своего посещения Америки захотел с ним познакомиться. Однако у сотрудников посольства фамилия «Берлин» однозначно ассоциировалось со всем известным композитором, а не с их сравнительно молодым коллегой, занимавшем в аппарате посольства довольно скромное положение.

¹⁰ Ономастическая (а именно, антропонимическая) точность требует напомнить, что и у актёра, и у политика фамилия «Ленин» была псевдонимом. Разница заключалась в том, что Михаил Францевич Игнатюк Михаилом Францевичем Лениным себя называл, а Владимир Ильич Ульянов Владимиром Ильичом Лениным себя не называл никогда. Он писал либо «Н. Ленин», либо «В. И. Ульянов (Ленин)».

Композитор и был представлен премьеру, сказавшему после состоявшегося свидания: «Мне говорили, что Берлин очень умён, но я этого не заметил». На субъективном уровне, опять-таки, омонимии здесь не было.

22 ноября 1956 года на заседании Президиума ЦК КПСС, т. е. реального высшего органа управления Советским Союзом (в отличие от номинального высшего органа, каковым был Президиум Верховного Совета СССР, ещё товарищем Сталиным названный «коллективным президентом») был сделан выговор Президиума ЦК товарищу Ворошилову за оплошность, им допущенную при исполнении должности Председателя Президиума Верховного Совета, т. е. как бы должности главы государства. Дело в том, что Ворошилов получил телеграмму от бельгийской королевы Елизаветы (королевы-матери, вдовы короля Альберта I¹¹), ответ на какую-то была направлен английской королеве Елизавете II (правлящему монарху).

В советское время огромное количество бумаги (а следовательно, и лесов) тратилось на выпуск большими тиражами макулатурных книг и брошюр, пропагандирующих правящую идеологию. В этой куче, однако, — как это было замечено баснописцами — случалось иногда найти и жемчужное зерно. Вот одно из таких зёрен. К сожалению, не помню выходных данных содержащей его брошюры. Её название было что-нибудь вроде «Партийная работа среди интеллигенции». В брошюре, в частности, приводился следующий успешный пример такой работы: член-корреспондент АН СССР Марков опубликовал в журнале «Вопросы философии» идеологически порочную статью «О природе физического знания», вызвавшую осуждение советской общественности; с ним была проведена разъяснительная работа, в результате которой им была написана положительно встреченная общественностью статья «Логика математическая» для Большой Советской Энциклопедии. И действительно, первая из названных статей была напечатана на с. 140—176 2-го номера за 1947 год только что созданного журнала «Вопросы философии». Статью я тогда же прочёл, и она произвела на меня столь большое впечатление, что её выдирку из купленного мною журнала храню до сих пор. Что до осуждения статьи, то оно вылилось в травлю, начатую философами и поддержанную некоторыми физиками¹², а именно

¹¹ Его смерть была столь необычной для монарха, что невозможно о ней не сказать. Увлечённый альпинист, он погиб в 1934 году, на 59-м году жизни, совершая одиночное восхождение.

¹² Но не всеми! Наиболее авторитетные физики, в том числе Президент Академии наук С. И. Вавилов, пытались защитить Маркова.

влиятельными профессорами физического факультета Московского университета и членом-корреспондентом АН СССР, впоследствии академиком, Б. М. Вулом¹³. Вторая статья была напечатана на с. 338—341 вышедшего в 1954 году 25-го тома второго издания БСЭ. Но всё дело в том, что первую статью написал физик Моисей Александрович Марков (13.05.1908—01.10.1994), а вторую — математик Андрей Андреевич Марков младший (22.09.1903—11.10.1979); в 1953 году они оба одновременно (23 октября) были избраны членами-корреспондентами АН СССР.

В последних двух эпизодах (с Елизаветами и с Марковыми) омонимичные имена сошлись в близких контекстах (королевском в первом эпизоде и академическом во втором). Однозначное понимание делается в таких случаях затруднительным: возникают проблемы, связанные с субъективной омонимией.

В качестве иллюстрации к сказанному приведу следующее личное воспоминание.

Один раз в жизни я оказался в гостях у Виктора Владимировича Виноградова (31.12.1894(12.01.1895)—04.10.1969) и его супруги Надежды Матвеевны. Это случилось майским вечером 1965 года. Академик В. В. Виноградов был тогда директором Института русского языка Академии наук СССР; сейчас этот институт (принадлежащий уже Российской академии наук) носит его имя. Хозяева принимали меня чрезвычайно гостеприимно, с водочкой и закусками; кроме нас троих никого не было. Меня развлекали увлекательнейшей беседой. И вот Надежда Матвеевна, между прочим, сообщила мне следующее: «В Академии наук появилась самозванка — другая Надежда Матвеевна Виноградова». Этой другой Надеждой Матвеевной оказалась родная сестра другого академика Виноградова — Ивана Матвеевича (02(14).09.1891—20.03.1983), многолетнего (с 1932 года) директора Математического института имени Стеклова Академии наук СССР. Иван Матвеевич никогда не имел жены и проживал вместе с сестрой. Надо сказать, что в иерархии Академии наук СССР жёны академиков стояли очень высоко, едва ли не выше самих академиков¹⁴.

Когда мой друг Дмитрий Николаевич Шмелёв был избран академиком, я совершенно искренне поздравил его с тем, что он стал мужем

¹³ Не вспомнилось ли ему его прошлое? В 1920-е годы он был заместителем заведующего отделом агитации и пропаганды одного из райкомов коммунистической партии в Киеве.

¹⁴ Кстати, в отдельных случаях жёны вмешивались в академические дела весьма активно (напоминая тех «матушек», которые управляют приходами своих супругов). Яркий тому пример — Александра Игнатьевна, супруга академика

жены академика. И уж конечно, жена считалась главнее сестры — что имеет свои корни в традиции: ведь именно жена, а не сестра короля или генерала именуется, соответственно, королевой или генеральшей. Но, как выяснилось, сестра Ивана Матвеевича была не согласна с таким распределением ролей. Она заявляла примерно следующее: «Сегодня одна жена, а завтра другая, а я была, есть и буду прирождённая Надежда Матвеевна Виноградова». (Выслушав мой рассказ, Татьяна Вячеславна Булыгина так его прокомментировала: «Они спорили, кто из них надеждаматвеевнее».)

Теперь следует сказать о контексте, в котором проявлялась, причём проявлялась болезненно, эта омонимия. Таким контекстом оказался гараж Академии наук. Здесь надо сделать небольшое отступление на тему привилегий академиков. Одной из таких привилегий является право на пользование казённым автомобилем. Объём этого права менялся со временем — как правило, в сторону уменьшения. Но в 1965 году каждому академику полагался закреплённый за ним длинный чёрный автомобиль с персональным шофёром. Как мне рассказывали, это обстоятельство произвело большое впечатление на знаменитого французского академика Арно Данжуа, который сказал:

Понтрягина. Приведу три цитаты из его автобиографии (*Л. С. Понтрягин. Жизнеописание Льва Семёновича Понтрягина, математика, составленное им самим.* — М.: ИЧП «Прима В» 1998; текст полностью выложен в Интернете). В первой цитате речь идёт о выборах в Академию 1976 года:

Александре Игнатьевне пришло в голову, что Людвиг [Фаддеева] легче выбрать сразу в академики, так как число избирающих меньше и с ними проще договориться. Александра Игнатьевна иногда беседует по телефону с [И. М.] Виноградовым, причём разговаривают они по часу и более. В одной из таких бесед она подсказала ему эту идею. Он её принял. Надо сказать, моя жена отлично разбирается в академических делах и этим здорово помогает мне.

Вторая цитата относится к выборам 1981 года:

Чудовищное намерение Дородницына использовать голос умирающего Глушкова и другие приёмы его поведения на этих выборах привели к тому, что у Александры Игнатьевны с Дородницыным было очень неприятное столкновение в коридоре.

Наконец, третья цитата связана с Международным конгрессом математиков 1978 года в Хельсинки:

Яблонский вечером приехал в Москву и позвонил моей жене. Та спросила его, что же он собирается делать как зам. главы делегации? Он спокойно сказал, что поедет опять на дачу, ехать в Хельсинки ему не придётся. Будучи моим заместителем по делегации, он не позаботился вовремя проверить состояние своих документов и вовсе не стремился спешно ехать выполнять свой долг. Это возмутило мою жену. Она позвонила в ЦК и попросила, чтобы его послали насильно.

«У нас на таких автомобилях ездит только Президент Республики». Советский академик мог распоряжаться этим автомобилем по своему усмотрению — в частности, мог велеть шофёру отвезти кого-нибудь куда-нибудь¹⁵. Ясно, что в этих условиях теми же правами фактически могли пользоваться как супруга, так и иное лицо, облечённое полным доверием академика.

Теперь вернёмся к рассказу хозяйки ужина. «Представляете, — жаловалась она, — я звоню в гараж Академии наук, говорю, что звонит Надежда Матвеевна Виноградова и что я прошу прислать машину, а меня в ответ спрашивают, которая Надежда Матвеевна!».

Уже потом мне говорили, что вопрос о двух Надеждах Матвеевках был поднят в Академии на весьма высокий уровень и было принято поистине соломоново решение: не спрашивать, которая, а посылать сразу две машины к двум подъездам — так спокойнее.

► Вот более свежий пример. В субботний вечер 5 февраля 2005 года Юлия Латынина вела свою еженедельную передачу «Код доступа» на радио «Эхо Москвы». Передача эта на злобу дня, интерактивная, и слушатели приглашаются звонить в студию и задавать вопросы. Одна из позвонивших слушательниц спросила Латынину, почему она некогда назвала Владимира Соловьёва одним из умнейших людей России. Имя Соловьёва было в те дни на слуху: только что, 3 февраля, на канале НТВ он дирижировал очередным выпуском своей телепрограммы «К барьеру» — выпуском скандальным, с участием харизматического антисемита генерала Макашова. Пронзительная (и уважаемая мною) Латынина, которую, на мой взгляд, смутить было невозможно, при этом вопросе, как мне показалось, несколько смутилась и стала утверждать, что такого не говорила. И действительно, трудно предположить, чтобы Юлия Латынина дала такую оценку этому популярному телеведущему. Допускаю, однако, что слушательница была права и что Латынина действительно произнесла когда-то столь лестные слова в адрес Владимира Соловьёва, хотя об этом и забыла. Только имела она в виду не кандидата экономических наук Владимира Рудольфовича Соловьёва (р. 1963), а знаменитого философа, публициста и поэта Владимира Сергеевича Соловьёва (1853—1900). Поскольку политический контекст тех дней, в которые происходила радиопередача, был общим и для

¹⁵ Впоследствии это право было ограничено за счёт устранения слова *кого-нибудь*: академик мог велеть отвезти куда-нибудь только самого себя (разумеется, с сопровождающими лицами). Рассказывали душераздирающие истории о престарелых академиках, вынужденных часами сидеть в автомобиле, пока их молодые жёны посещали модные магазины.

Латыниной, и для её слушателей, возникло ономастически-омонимическое недоразумение (на высоконаучном языке — «коммуникативная неудача»). ◀●

Но ситуация с единым контекстом для двух омонимичных имён в жизни встречается довольно редко. И путаница с двумя Картье только подтверждает этот тезис. Попробуем прокомментировать эту ономастическую путаницу именно с точки зрения контекста.

Наша гипотеза состоит в том, что для жителей Монреаля субъективный компонент контекста, в котором встречалось имя «Картье», был различным в различные периоды истории Канады.



Памятник Жоржу-Этьену Картье в Монреале.

Памятник Ж.-Э. Картье был создан в 1919 году (можно предполагать, что решение о его установке было принято в связи со столетием со дня рождения Жоржа-Этьена). Только что закончилась Первая мировая война, в которой французы и англичане совместно воевали против немцев. Это не могло не приглушить националистические чувства квебекезов (если они вообще в то время были), а о сепаратизме, кажется, не было и речи. Автором памятника был известный

канадский скульптор-монументалист Джордж Уильям Хилл (George William Hill): его англоязычное имя не помешало ему родиться в Квебеке, как не помешало жить и творить в Монреале. Эйфория от победы, достигнутой единством наций, пробуждала в исторической памяти эйфорию от создания Канадской федерации, одним из создателей которой был Жорж-Этьен Картье. «Древняя» же история Канады оказалась менее актуальна, и имя Жака Картье ушло в прошлое. К тому же, историю вообще знают немногие. Разумеется, историю Канады и, в частности, историю её открытия проходили в школах; но по своему опыту советского школьника я знаю, что изучение в школе какой-либо дисциплины прививает скорее ненависть к ней, нежели её знание; вряд ли в канадских школах дело обстояло существенно иначе. Таким образом, в 1919 году в сознании большинства монреальцев Картье был Жоржем-Этьеном и никем другим. (Примерно так же обстояло дело в СССР с именем «Алексей Толстой»; в глазах среднестатистического советского человека это имя скорее ассоциировалось с Алексеем Николаевичем, чем с несоизмеримо более значительным Алексеем Константиновичем¹⁶.) Поэтому и не возникало необходимости писать это двойное имя на цоколе: достаточно было написать просто «Картье». (Здесь уместно вспомнить, что на могиле Акакия Церетели в Тбилиси написано просто «Акакий».) Никакой омонимии, никакой неоднозначности в понимании не ощущалось: Картье был один, и он был Жорж-Этьен.

В наши дни субъективный компонент контекста поменялся. В прошлое теперь ушло как раз создание федерации. Жоржа-Этьена в народе забыли. В то же время вспышка националистических чувств и, главное, наличие моста Жака Картье привели к тому, что фамилия «Картье» стала прочно ассоциироваться именно с Жаком. Снова не ощущается никакой омонимии, никакой неоднозначности: Картье снова один, но только теперь он Жак. И надпись «Картье» на цоколе памятника воспринимается — ну, не всеми, конечно, но большинством — как фамилия Жака Картье.

Едва ли не первым (по крайней мере — первым в русской литературе), кто обратил внимание на существование подобных ономастических коллизий — коллизий, разрешающихся локальной иерархией персонажей, — был Гоголь. Об этом свидетельствует нижеследующий

¹⁶ Мне довелось быть свидетелем того, как Народный артист СССР В. М. Зельдин перед началом спектакля вышел сквозь щель в занавесе на авансцену Центрального театра Советской армии и торжественно произнёс: «Сегодня у нас большое событие: мы даём сотый спектакль пьесы Алексея Николаевича Толстого „Смерть Иоанна Грозного“».

пассаж из «Невского проспекта», в каком пассаже один из двух Шиллеров является более известным, нежели другой:

Перед ним сидел Шиллер, — не тот Шиллер, который написал «Вильгельма Телля» и «Историю тридцатилетней войны», но известный Шиллер, жестяных дел мастер в Мещанской улице. Возле Шиллера стоял Гофман, — не писатель Гофман, но довольно хороший сапожник с Офицерской улицы, большой приятель Шиллера.

Следующие две ситуации можно было бы отнести к категории *парадоксов ономастической омонимии*, если бы таковая существовала.

По слухам, на одной из шекспироведческих конференций, в ходе дискуссии о том, кем же всё-таки был Шекспир, прозвучала фраза *Шекспир был не Шекспир, а его однофамилец*. Здесь усматривается такая омонимия: первое слово *Шекспир* обозначает автора знаменитых пьес, тогда как второе слово *Шекспир* обозначает актёра со стандартными датами жизни, портретом и биографией. (Подразумеваемое же под словом *однофамилец* лицо обозначает обладателя некоей неизвестной нам идентичности.)

Ираклий Андроников рассказывал о своей встрече со сторожем какой-то мемориальной усадьбы, связанной с Лермонтовым. Сторож этот был страстным поклонником Лермонтова и заявил Андроникову следующее: *А проживи Михаил Юрьевич до 37 лет, мы бы ещё посмотрели, кто бы из них был Пушкин*. Ясно, что *Пушкин* в этой фразе имеет значение 'первый поэт России', отличающееся от более примитивного значения 'человек, родившийся там-то и тогда-то'. Скорее всего, при передаче на письме указанной фразы следовало бы писать не *Пушкин*, а *пушкин* — со строчной буквы. Благо, прецедент уже был: собственное имя *Цезарь* при превращении в имя нарицательное, обозначающее носителя верховной императорской власти, обрело и соответствующее написание: *цезарь*.

Нультурологическое прибавление

Предшествующий комментарий, на наш взгляд, был оправдан и даже необходим, поскольку в нём делалась попытка предложить психосемиотическую интерпретацию того, что можно было бы назвать *эффектом двух Картье*. Пуповина, связывающая этот комментарий с основным текстом, достаточно крепка. Что касается настоящего прибавления, его связь с основным текстом более зыбкая, и потому оно может рассматриваться как самостоятельная статья. Это прибавление содержит рассуждения, часто довольно расплывчатые, на

темы, порождённые как названным монреальским эффектом, так и его ташкентским аналогом. Более конкретно, здесь — во исполнение обещания, данного в конце основного текста, — обсуждается вопрос о причинах и целях установки памятников.

Я спросил нескольких человек, для чего, по их мнению, ставят памятники. Большинство респондентов, не сговариваясь, ответили так: «Скульптор заработать хочет, вот и ставят». Но ведь кто-то платит, не так ли? На этот вопрос также нашлись столь же простые и столь же циничные ответы. Постараемся уйти от навязываемых нам простоты и цинизма и поискать чего-нибудь более научного (или хотя бы наукообразного). Где же можно найти такое, как не на элитарной культурологической конференции! На одну из таких конференций (чуть было не сказал — тусовок) и отправился автор этих строк.

На церемонии открытия, целиком посвящённой приветствиям и организационным вопросам, состоялся терминологический спор, считать ли памятником какому-либо лицу улицу, город, гору и, вообще, географический объект, носящий имя этого лица. Например, считать ли Землю Франца-Иосифа памятником австрийскому императору Францу-Иосифу. Обе стороны яростно отстаивали свои позиции. Противники расширенной трактовки слова «памятник» ссылались на то, что даже когда говорят о памятнике, скажем, древней письменности, имеют в виду нечто материальное, например какой-нибудь камень с соответствующими письменами. На это сторонники расширенного смысла энергично возражали, что трудно найти что-нибудь более материальное, чем архипелаг. На это тут же нашлось своё возражение: памятником служит не сам архипелаг, а его имя. Вот это возражение почему-то показалось расширителям особенно обидным, почти оскорбительным. Если следовать этой логике, возмущались они, то и надгробный памятник нельзя считать памятником, а памятником надо считать начертанное на нём имя. «Нас здесь демонстративно не желают понимать», заявили они и потребовали себе отдельную секцию топонимических памятников. (Кажется, в создании такой секции им было отказано, и расширителитопонимисты хлопнули дверью с гордо поднятыми головами.)

По ходу дела заметили, что в цивилизованных обществах считается невозможным давать чему бы то ни было имя человека при жизни этого человека и что в СССР в сталинское время это, напротив, было очень даже принято. Имена как самого Сталина, так и членов его ближайшего окружения щедро раздавались городам и улицам¹⁷.

¹⁷ Кстати, подобная практика сохранялась и первые годы после смерти диктатора: когда Московский метрополитен имени Кагановича переименовали в Московский метрополитен имени Ленина, то, чтобы не обижать здравству-

Западным интеллектуалам стоило бы обратить должное внимание на данное явление и уже по одному этому симптому осознать людоедскую сущность сталинизма.

Чтобы уравновесить печальные размышления, была рассказана такая история. Знаменитейший дагестанский поэт Расул Гамзатов пожаловался Генеральному секретарю Союза писателей Фадееву¹⁸, что ему не дают квартиру в Москве. Фадеев позвонил председателю Мосгорисполкома Промыслову... Тут закричали, что этого не может быть, так как Промыслов стал председателем с 1963 года, а Фадеев застрелился в 1956 году. Робкие попытки рассказчика сказать, что это не суть важно, так как до своего председательства Промыслов был не то первым замом председателя, не то одним из секретарей Московского комитета партии, короче — большим московским начальником, успеха не имели. Ну хорошо, исправил положение рассказчик, Гамзатов пожаловался писательскому начальнику, тот позвонил московскому начальнику, а потом вызвал Гамзатова. «Расул, — сказал он, — так не поступают. Ты меня подвёл. Мне сказали, что тебе предлагали роскошные квартиры и на Арбате, и на улице Горького, и на улице Кирова, но ты отказался». «Да, — отвечал Гамзатов, — но ведь когда я умру, ни одну из этих улиц не назовут моим именем».

Честно говоря, автор уже не может сказать с полной достоверностью, состоялась ли эта конференция в действительности или же всего лишь в его воображении. Он помнит только, что конференция проходила в Москве, считалась весьма престижной (чуть было не сказал — модной) и что как на её пленарных заседаниях, так и на заседаниях ряда её секций и круглых столов состоялись выступления, посвящённые теме памятников — причём не в искусствоведческом и даже не в архитектурном, а в социологическом аспекте этой темы. Секции и круглые столы работали, как правило, параллельно, присутствовать на них одновременно было невозможно; пришлось поэтому большую часть времени пребывать в фойе и пытаться слушать то, что доносилось туда сквозь неплотно прикрытые двери тех залов, где заседали секции и проводились круглые столы.

В одном из пленарных докладов, сделанных зарубежным авторитетом, прозвучало уверенное заявление, что памятник, исполненный

ющего члена Политбюро ЦК КПСС, в его честь переименовали станцию метро Охотный Ряд, которая приобрела редкое по уродству название «Имени Кагановича».

¹⁸ Тут рассказ был прерван выкриком из зала. Кричавший озвучил известную эпиграмму, намекающую на алкоголизм Фадеева: «Когда он выпьет минерального, / тогда мы видим Генерального. / Когда ж он выпьет натурального, / то мы не видим Генерального».

в виде вертикально стоящего мужчины, есть не что иное, как фаллический символ (в случае лысого мужчины это просто очевидно); если же человеческая фигура стоит с простёртой под некоторым углом к горизонту рукой, то и ежу должно быть ясно (*тоже ёж будет понимать* — с удовольствием произнёс по-русски зарубежный авторитет), что именно изображает рука. Среди слушателей, впрочем, нашлись и несогласные: в дискуссии по докладу один из них даже позволил себе сказать, что Фрейд тем, в частности, выделяется среди прочих основоположников великих теорий, что свою теорию он довёл до абсурда сам лично, не передоверяя это последователям. Хотя это хулиганское высказывание и не нашло поддержки у аудитории, всё же предложенное в докладе фрейдистское объяснение природы памятников показалось мне уж слишком научным и захотелось сделать шаг назад, в сторону ранее отвергнутой простоты (но не цинизма).

Сделав этот шаг, зададимся естественным вопросом: откуда вообще пошла сама идея ставить памятники в виде скульптурного изображения того или иного человека? Только такие памятники нас и будут интересовать, только их мы и будем называть словом п а м я т н и к, оставляя в стороне все прочие памятники культуры.

Суммируя те обрывки секционных выступлений, которые удалось расслышать, находясь в фойе конференции, получаем следующую приблизительную картину.

Древнейшими предтечами памятников, запечатлевающих конкретных лиц, были амулеты и иные скульптурные изображения антропоморфных существ, которым — и существам, и изображениям — приписывалась магическая сила. Достоверных сведений о том, кем именно были эти существа, до нас не дошло. Одна из распространённых теорий гласит, что целью первобытного скульптора было изваять мифологическую прародительницу своего племени. Как бы то ни было, и дошедшие до нас каменные бабы, и каменные изваяния острова Пасхи изображают именно человеческие, а не какие-нибудь иные, особи — реальные или мифологические, это уже другой вопрос. Постепенно эти изваяния приобретали всё более и более реалистические очертания.

Во всём сказанном наиболее существенно то, что древнейшие предтечи памятников имели к у л ь т о в ы й х а р а к т е р.

Параллельно с приближением изваяний к человеческому облику происходило становление культа предков. Теперь магической силой наделялись уже не мифологические прародительницы и прародители, а реальные лица, скончавшиеся на памяти скульптора и пребывающие на момент изготовления памятника в своей посмертной ипостаси (в виде духа, души и т. п.). И изваяния, сохраняя культовый харак-

тер, стали изображать этих конкретных, реальных лиц. Тут среди участвующих в конференции специалистов по каменным бабам возникла полемика. Все сходились, что эти бабы имеют сакральный характер. Но одни считали, что они изображают мифологических прародителей (того или иного пола), другие же — что реальных предков. Третьи пытались их примирить, указывая (на наш взгляд, справедливо), что сперва было так, а потом этак: первые скульпторы ваяли лиц мифологических, а последующие, отделённые от первых веками, а то и тысячелетиями, — лиц реальных. (На конференции, кстати, возникла незапланированная, но содержательная дискуссия, в ходе которой обсуждались сходства и различия между евразийскими каменными бабами и изваяниями острова Пасхи — причём обсуждались не с искусствоведческой точки зрения, а с точки зрения культового, социологического и семиотического функционирования этих сооружений.)

Вот здесь мы и подходим к интересующей нас теме. Вспомним, что среди изваяний, изображающих людей, нас интересуют те, которые изображают людей реальных и конкретных, — именно такие изваяния и следует называть памятниками в оговорённом выше смысле.

С появления таких изваяний начинается история памятников. Первыми памятниками, как уже было сказано, были памятники умершим — и археология Древнего Египта подтверждает это с полной ясностью. По-видимому, древнеегипетским скульпторам удавалось добиваться портретного сходства с оригиналом.

Но всё сказанное было лишь разбегом для того, чтобы сформулировать главный тезис, провозглашённый на конференции: **поворотным моментом в развитии той или иной культуры¹⁹ явилось появление монументов здравствующим людям; значимость этого нового этапа функционирования памятников обусловлена тем, что сооружение таких монументов служит внешним проявлением становления нового явления — культа живого человека (а до того культовыми фигурами были лишь существа сверхъестественные, в том числе духи предков); монументы живым людям неразрывно связаны с обожествлением этих людей.**

С наибольшей, кажется, ясностью указанный поворотный момент прослеживается в истории Древнего Египта: новый этап начался тогда, когда фараоны приказали воздвигать себе статуи — как в храмах, рядом со статуями богов, так и вне храмов. Затем эта традиция

¹⁹ Участники, а тем более организаторы конференции, были людьми терминологически грамотными, а потому использовали термин *культура* — в том в точности смысле, в каком в настоящем очерке употребляется термин *цивилизация*.

была продолжена в Древнем Риме, когда статуи императорам стали устанавливаться при жизни последних, а сами императоры стали наслаждаться божескими почестями²⁰. В наше время божеские почести воздавались и прижизненные монументы сооружались азиатским диктаторам: Сталину, Мао, Ким Ир Сену, Саддаму Хусейну, Ниязову. Можно предположить, что во всех случаях — от фараонов до современности — инициатива обожествления и сооружения монументов обожествляемому лицу исходила от самого этого лица. Таким образом, когда ставится памятник живому человеку, в большинстве случаев можно говорить, что этот памятник человек ставит себе сам (говоря о большинстве случаев, мы полностью исключаем из статистики устанавливавшиеся в СССР бюсты Дважды Героев). **Наличие или отсутствие памятников здравствующим лицам можно рассматривать как один из существенных критериев, применяемых при классификации цивилизаций.**

Отступление. Напомним, что мы рассматриваем здесь только такие памятники, которые являются скульптурными изображениями человека. Разумеется, не всякое такое изображение является памятником: памятник всегда предполагает ту или иную форму почитания. Если же говорить о скульптурных изображениях вообще, а не только о памятниках, то желание человека запечатлеть себя в виде такого изображения может и не свидетельствовать ни о самообожествлении, ни о требовании обожествления со стороны окружающих. Скорее здесь прослеживается архетипическое стремление к бессмертию (ср. «Здравствуй, Нетте! Как я рад, что ты живой дымной жизнью труб, канатов и крюков»). Поясню сказанное следующим личным воспоминанием, относящимся к предвоенному июню 1941 года. Десятилетним мальчиком я жил с родителями в подмосковной деревне Шуколово, недалёко от станции Турист Савёловской ветки. В то время деревенская культура ещё достаточно резко отличалась от городской и в ней ощущались архаичные черты. У меня был дешёвенький детский фотоаппарат, вызывавший неподдельный интерес у деревенских жителей. Все хотели, чтобы я их сфотографировал. Замечательным

²⁰ Рассказывают, что Калигула приказал снять голову у статуи Зевса Олимпийского и вместо неё прикрепить изображение своей (Г. И. Соколов. Искусство Древнего Рима. — М.: Искусство, 1971. — С. 139). В. И. Ленин, надо отдать ему должное, не приказывал воздвигать статуи себе, это сделали продолжатели его дела, отчасти следуя при этом Калигуле: как сообщает газета «Известия» в номере от 20 ноября 2003 года на с. 12, в городе Рыбинске памятник царю-освободителю Александру II был сброшен в Волгу, а «на старом гранитном постаменте, изготовленном под Александра, сейчас стоит Ленин».

было то, что никто не просил у меня фотоснимка. Для деревенских жителей было достаточно самого факта быть запечатлённым, и процесс для них полностью завершился щелчком затвора. К о н е ц о т с т у п л е н и я.

Вообще, развитию монументальной скульптуры как части социальной истории человечества было уделено на конференции должное внимание. Однако мне не удалось услышать совершенно чётких и однозначных ответов на тот вопрос, который был поставлен в начале этого Прибавления: «для чего ставят памятники?» (разумеется, кроме памятников самим себе — тут всё ясно). Более или менее расплывчатые ответы, предложенные на одном из состоявшихся в рамках конференции круглых столов, поделили участников дискуссии на две категории, которые мы условно обозначим словами *рационалисты* и *мистики* (*иррационалисты*).

Рационалисты отстаивали ту точку зрения, что памятники ставятся с целью создания в обществе особой психологической атмосферы, каковая атмосфера долженствует помочь власти в проведении угодной ей, власти, политики. Мистики же утверждали (иногда в стыдливой, завуалированной форме), что цель сооружения памятников (если не всех, то многих) — умиловление тех умерших, кому эти памятники ставятся.

Рационалисты ссылались, в частности, на так называемый «Ленинский план монументальной пропаганды», сформулированный в постановлении Совета народных комиссаров от 12 апреля 1918 года «О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг, и выработке проектов памятников Российской Социалистической Революции». Как видим, революция довольно быстро озаботилась прославлением самой себя. Таким образом, памятники деятелям революции носили рекламный характер, вроде сиявших не так давно неоновых надписей на крышах домов «Слава КПСС!» и «Слава советскому народу!» (почему уж тогда не «Слава нам!»?).

В каком-то смысле рекламный характер имеют и памятники историческим деятелям, и памятники деятелям культуры. Они рекламируют прошлое и, тем самым, должны возбуждать столь полезное для функционирования любой власти чувство патриотизма. (Здесь вспоминаются призывы к гражданам, звучавшие во времена Великой французской революции: мужчинам предписывалось вступать в армию, женщинам и детям — щипать корпию, а старикам — велеть выводить себя на улицу, дабы своим видом вдохновлять народ на патриотизм, а войско на мужество.)

Впрочем, многие памятники — не знаю, как в других странах, но в России уж точно — задуманы для прославления не столько тех, кому они установлены, сколько тех, кто велел памятники установить. Чтобы

убедиться в этом, достаточно прочесть надписи на двух петербургских памятниках Петру I:

PETRO PRIMO CATNARINA SECUNDA
и ПРАДЪДУ ПРАВНУКЪ.

В сталинское время самодержец любил маскировать свою самодержавность. Надписи на монументах, выполненных в стиле так называемого «искусства тоталитаризма», были поэтому такими:

ВЕЛИКОМУ РУССКОМУ ПИСАТЕЛЮ
МАКСИМУ ГОРЬКОМУ
ОТ ПРАВИТЕЛЬСТВА СОВЕТСКОГО СОЮЗА
10 июня 1951 года

(на монументе, стоящем на площади Тверской заставы);

ВЕЛИКОМУ РУССКОМУ ХУДОЖНИКУ СЛОВА
НИКОЛАЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ ГОГОЛЮ
ОТ ПРАВИТЕЛЬСТВА СОВЕТСКОГО СОЮЗА
2 марта 1952 года

(на монументе, стоящем в конце Гоголевского бульвара). Иногда даже и в тех случаях, когда установитель памятника не обозначен явно, можно усмотреть намерение именно его, установителя, этим памятником прославить: ведь всякий раз, когда имя изваянного персонажа начертано на цоколе в дательном падеже, предполагается некто в падеже именительном (подобный Екатерине и Павлу) или в падеже родительном с предлогом «от» (подобный Правительству Советского Союза). Случаи, когда на монументе можно увидеть имя автора, крайне редки, и это — дополнительный аргумент в ту же пользу: действительно, необозначенный автор пребывает как бы в падеже творительном и, тем самым, воспринимается как всего лишь посредник, если не инструмент, посредством которого установитель реализует свою волю.

Рационалисты даже памятникам чижиху-пыжиху (установлен в Санкт-Петербурге), ёжиху в тумане²¹, героям Венедикта Ерофеева (установлен в Москве) и букве Ё²² — даже им приписывают рекламный характер.

²¹ ► Установлен на пересечении улиц Золотоворотской, Рейтарской и Георгиевского переулка в Киеве в 2009 году. ◀●

²² Газета «Русский курьер» от 19 ноября 2003 года, с. 12:

Жители города Симбирска <...> довольно справедливо считают букву «ё» своей и даже поставили ей памятник.

(Сын симбирского помещика Н. М. Карамзин — один из первых адептов этой буквы.)

Мистики же, не отрицая рационального, т. е. рекламного, аспекта многих памятников, в защиту своей позиции приводили ряд примеров, из которых я запомнил два.

Пример первый. Знаменитый памятник «Тысячелетие России», открытый в Новгороде в 1862 году, отличается весьма тщательным отбором изображённых на нём исторических персонажей, сгруппированных по нескольким тематическим категориям. В категории правителей России мы видим Николая I, выглядящего неуместным на фоне представленных на памятнике действительно значительных фигур этой категории. Объяснение присутствия Николая весьма просто: Александр II вызвал к себе М. О. Микешина, по подробным эскизам которого изготовлялся памятник, и произнёс что-то вроде «Вы уж батюшку-то не забудьте».

Пример второй. У входа в Российскую государственную библиотеку (до 1992 года она называлась Библиотекой имени Ленина) установлен ровно один памятник — Достоевскому. Спрашивается, почему именно ему? Ответ мистиков: чтобы он не сердился. Для понимания ответа достаточно прогуляться вдоль главного фасада библиотеки в направлении от Воздвиженки к Знаменке и обнаружить на этом фасаде 15 барельефов, на которых последовательно изображены следующие лица, достойные, по мнению Советской власти, представлять отечественную литературу: Руставели, Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Белинский, Герцен, Шевченко, Некрасов, Чернышевский, Добролюбов, Салтыков-Щедрин, Тургенев, Лев Толстой, Маяковский, Горький. В этом списке нет Достоевского, хотя из русских писателей именно он наиболее известен во всём мире: как мне говорили, одним из главных стимулов, побуждающих изучающих русский язык американцев изучать этот язык, является желание читать Достоевского в подлиннике. Но в советские годы к Достоевскому долгое время был приклеен ярлык «реакционный писатель»; человек с таким ярлыком не мог присутствовать рядом с Кремлём, да ещё и на обращённом к Кремлю фасаде. В постсоветское время дух Достоевского был умиловителен сооружением его изваяния более высокого ранга, нежели серийный барельеф.



Памятнику ёжику в тумане в Киеве.

При упоминании Достоевского как умиловливаемого духа один из участников дискуссии объявил, что теперь он понимает, почему на предвыборном плакате партии «Единая Россия», имевшем хождение осенью 2003 года, Достоевский изображён несколько раз. На этом плакате, как известно, карта России исполнена в виде мозаики, а элементами мозаики служат портреты лиц, долженствующих, по замыслу «Единой России», представлять единую Россию. Товарищ Сталин на этой мозаике упирается своей шевелюрой в подбородок академика Сахарова. (Кто-то нашёл там и Берию, но при более тщательном рассмотрении Берия оказался Луначарским.) Так вот, Достоевский встречается там трижды, и это есть явная попытка задобрить покойного писателя. Автору этого объяснения возразили, что Грибоедов встречается там четырёхжды. Ну что ж, было возражено на это возражение, и перед Грибоедовым мы виноваты: Россия не потребовала должного удовлетворения за убийство своего посла, а довольствовалась алмазом. (Этот алмаз, получивший впоследствии название «грибоедовского», был третьим по величине в шахской коллекции — *зато* третьим или *всего лишь* третьим, в зависимости от оценки ситуации. В любом случае как бы выходило, что жизнь Грибоедова была обменена на алмаз.)

Казалось бы, ни у кого сейчас не может быть личной вины перед Грибоедовым, но все сошлись на том, что коль скоро существует коллективная историческая память, то возможно и чувство коллективной исторической вины. Тут возник спор, имеет ли потребность заглаживать вину перед покойниками рациональные причины или же её следует относить к чувствам мистическим. Возобладало психоаналитическое (и тем самым, скорее рациональное) объяснение: для нормализации собственной психики надо сперва чувство вины перенести из подсознания в сознание, а затем удалить из сознания конкретными действиями мемориального характера. Тут на круглом столе прозвучала тема О'Хиггинса.

L. G. V. O'Higgins — такое знаменосочетание можно увидеть в Чили повсеместно. Расшифровывается оно так: Libertador General Bernardo O'Higgins — освободитель генерал Бернардо О'Хиггинс. Судьба Бернардо О'Хиггинса одновременно и уникальна, и показательна. Незаконный сын Амбросио О'Хиггинса, этнического ирландца на испанской службе, просвещённого и деятельного человека, впоследствии вице-короля Перу (а Чили было частью этого вице-королевства), он родился в Чильяне, что в 400 километрах к югу от Сантьяго, 20 августа 1778 года (по другим сведениям — в 1776 году) и первоначально носил материнскую фамилию Рикелме (Riquelme). Получил образование в Чили, Перу и Англии. В 1802 году вернулся в Южную Америку и принял фамилию отца, многие блестящие качества кото-

рого унаследовал. О'Хиггинс был одним из высших руководителей борьбы за независимость испанских владений в Южной Америке, в 1813—1814 годах — главнокомандующим. В феврале 1817 года провозглашён Верховным правителем Чили (Director Supremo de Chile). В этом качестве в январе 1818 года подписал Декларацию независимости Чили. За время своего правления преобразовал страну, проведя конституционную, фискальную и образовательную реформы. Под сильнейшим давлением своих политических оппонентов (противостоять каковому было невозможно без кровопролития, а он хотел кровопролития избежать) в январе 1823 года подписал отречение и удалился в изгнание в Перу, где и умер в бедности 24 октября 1842 года. В 1866 году его останки были доставлены в Чили на военном корабле и с большими почестями перезахоронены на главном кладбище Сантьяго, а 20 августа 1979 года с ещё большими почестями перенесены на Алтарь Отечества. Год его двухсотлетнего юбилея, т. е. 1978 год, был объявлен Годом Освободителя. Ныне он признаётся спасителем отечества и отцом оного и прославлен по всему Чили. Ему воздвигнуты памятники, его именем названы центральные площади и проспекты, школы и национальные парки. Короче, сегодня в Чили он главная культовая фигура. На круглом столе посмертное прославление О'Хиггинса было трактовано как ярчайший пример искупления исторической вины. (Ещё неизвестно, объявили ли бы французы Жанну д'Арк своей небесной покровительницей²³, если бы они сами её не сожгли.)

На конференции проходил ещё один круглый стол, посвящённый заменам памятников — причём не таким примитивным заменам, когда Екатерину II заменяют на Карла Маркса или же Александра II на Ленина, а заменам более рафинированным, когда изображённое на памятнике лицо остаётся тем же самым, но меняется его художественный образ. Мне не удалось узнать, какие примеры таких замен там обсуждались, но можно быть уверенным, что там упоминался хрестоматийный случай с памятником Гоголю. Как известно, гениальный памятник Гоголю работы Николая Андреевича Андреева, установленный в Москве на Пречистенском (ныне Гоголевском) бульваре в первое десятилетие XX века, в 1952 году был отправлен в ссылку в один из дворов Суворовского (ныне Никитского) бульвара, а на его место поставлен выполненный полным тёзкой писателя Н. В. Томским «соцреалистический» Гоголь. (Надпись на этом памятнике: «От Советского правительства» служит ещё одной иллюстрацией к уже

²³ Хотя бы и второго разряда: PATRONNE SECONDAIRE DE FRANCE начертано на табличке, открывающей собою парижскую улицу Жанны д'Арк.

высказанному тезису о том, что целью памятников является прославление их установителей, а вовсе не тех, кому они ставятся.) Шла речь и о более рафинированных заменах, при которых памятник не меняется вовсе, а меняется лишь то лицо, которому он посвящён. Не помню, говорилось ли о реальных или лишь о воображаемых случаях. В числе последних упоминался эпизод, описанный Тимуром Кибировым в его стихотворении «В рамках гласности — 2», начинающемся строкой «Я, конечно, дико извиняюсь» (тут все посетовали, что ни в одном из кибировских сборников нет алфавитного указателя). Эпизод состоял в том, что после перекраски, а точнее подкраски, памятник Сталину объявлялся памятником Пушкину: «Да подкрасить только — и шабаш!». О Пушкине же занятый косметическим ремонтом рабочий высказался так: «Пушкин — наш! Народу он любезен! / Он артиллеристам дал приказ!»²⁴.

Кажется, на том же круглом столе обсуждались и странные перемещения памятников — в частности, не находящее разумного объяснения перемещение знаменитого памятника Пушкина в Москве (Пампуша на Твербуле) с Тверского бульвара на Пушкинскую площадь.

► Уместно привести две относящиеся к теме цитаты из статьи Владимира Абарина «Война в переносном смысле» на сайте Грани.ру (<http://www.grani.ru/>, 16.11.2006):

Сам по себе факт переноса памятника — событие вполне заурядное. В Советском Союзе памятники переставляли с места на место по самым разным причинам и без таковых. Памятник Пушкину, водружённый в 1880 году в конце Тверского бульвара, в 1950 был перенесён на противоположную сторону улицы Горького, как тогда называлась Тверская. Минина и Пожарского поставили в 1818 году посреди Красной площади, а в 1931-м героев нынешнего главного государственного праздника передвинули на край площади, к Василию Блаженному. Но не потому, что они мешали военным парадам и демонстрациям трудящихся, как мне в детстве объясняла, помню, учительница истории. А потому, что это были, оказывается, «представители боярско-торгового союза, заключённого 318 лет назад на предмет удушения крестьянской войны». Статья в «Вечерней

²⁴ Тут все вспомнили «Песню о Ленине» того же Кибирова со следующими словами о предмете песни: «Не пришедши он с полей / превратился в журавлей <...> Обнявшись, сидит с княжной / он весёлый и хмельной — / и за это я его люблю!». Достигли согласия, что Кибиров — великий русский поэт, но разошлись по вопросу о том, публиковалось ли какое-нибудь из процитированных стихотворений после выхода его сборника «Сантименты» (Белгород, 1994).

Москве», откуда взята эта цитата, имела выразительный заголовок: «Пора убирать исторический мусор с площадей». Так что ещё спасибо, что этих душителей народа и впрямь не выкинули на свалку. А в 1952 году в Москве по случаю столетия со дня смерти Гоголя заменили гениальное трагическое изваяние работы Андреева бездарным изделием Томского. И это лишь самые известные примеры, не говоря уже о сносе памятников, в чём тоже отличились и Советский Союз, и новая демократическая Россия. <...>

Могилы и монументы осквернялись всегда — недаром слово «вандализм» происходит от названия древнегерманского племени вандалов, захвативших в 455 году Рим и не оставивших камня на камне от римских кумиров. На праве народа уничтожать символы поверженной власти и на том, что это тоже акт творчества, настаивал французский живописец Гюстав Курбе, по предложению которого в 1871 году, в дни Парижской коммуны, повалили Вандомскую колонну. После разгрома коммунаров колонну поставили на место, а Курбе обязали оплатить издержки, но он умер накануне дня первого платежа. ◀◀

Уничтожению памятников была посвящена специальная секция. Там позиция мистиков, заявляющих о связи памятников с духами умерших, получила подкрепление с неожиданной стороны — от коммунистов²⁵. Пребывающая ныне (соответственно, пребывавшая в прошлом) в Мавзолее мумия была признана на конференции одним из памятников, и даже самым главным памятником, Ленину (соответственно, Сталину). Мумия Сталина, как известно, была вынесена и захоронена. Это произошло на основании принятого 30 октября 1961 года постановления XXII съезда КПСС «О Мавзолее Владимира Ильича Ленина». Принятию постановления предшествовал ряд выступлений, в том числе состоявшееся в тот же день выступление члена партии с 1902 года Доры Абрамовны Лазуркиной. Дора Абрамовна, в частности, сказала:

Вчера я советовалась с Ильичём, будто бы он передо мной как живой стоял и сказал: мне неприятно быть рядом со Сталиным, который столько бед принёс партии.

²⁵ Некоторые участники дискуссии заявили, впрочем, что выступление коммунистов на стороне мистиков не было для них неожиданным, поскольку в менталитете коммунистов — по крайней мере, советских и корейских — много мистики, а само коммунистическое учение есть не что иное, как религия. Их, коммунистов, злобный атеизм — сами они называли его воинствующим безбожием — является прикрытием борьбы с другими религиями, а их постсоветское примирение с православием означает, что они впали в ересь экуменизма.

Речь при получении премии «Просветитель»¹

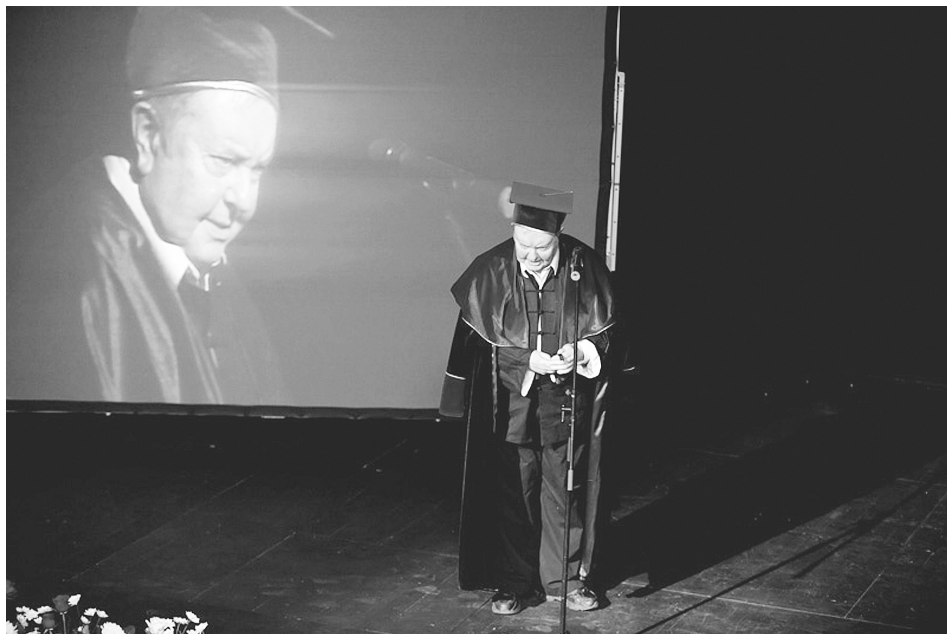
В какой-то момент я приготовился сказать, что премию мне присудили неправильно, потому что если книга проходит по номинации «естественные науки», то, по моему глубокому убеждению, математика к ним не относится. Но поскольку здесь прозвучало «по естественным и точным», то возразить нечего: математика действительно относится к точным наукам (а больше ничего, по-видимому, к ним и не относится). Более того, математику можно считать и гуманитарной наукой.

Я чрезвычайно признателен жюри за оказанную мне честь. Я глубоко благодарен фонду «Династия» и лично Дмитрию Борисовичу Зимину — и не только за премию, но и за то, что этот фонд существует: всё, что я знаю о его деяниях, меня очень вдохновляет и радует. И если в России есть такие люди, как Дмитрий Борисович Зимин, люди, готовые вкладывать собственные свои средства в подобные идеалистические проекты, тогда, может быть, ещё не всё пропало.

Считаю своим долгом отдельно поблагодарить издательство «Амфора» и персонально заместителя главного редактора Елену Сергеевну Суворову, много способствовавшую выходу книги в свет, и редактора книги Татьяну Германовну Филатову. Вклад Татьяны Германовны я хотел бы подчеркнуть особо. Я всегда боялся редакторов и мог бы рассказать немало историй, как смешных, так и грустных, как связанных лично со мной, так и почерпнутых от моих коллег, о неправедной борьбе редакторов с авторами. Татьяна Германовна Филатова была редактором выдающимся: дружелюбным, терпеливым и профессиональным, и я рад, что могу публично об этом свидетельствовать.

Речь произнесена 18 ноября 2010 года в Театральном центре на Страстном бульваре. Опубликовано в журнале: Вокруг света. — 2011. — № 1 (2844). — С. 128.

¹ Редакция журнала «Вокруг света» сопроводила информацию следующим текстом: «Редакция благодарит Жанну Насупкину, исполнительного директора автономной некоммерческой организации „Институт книги, пропаганды чтения и содействия развитию новых технологий передачи информации“ за помощь в подготовке публикации». Пользуюсь случаем выразить Жанне свои тёплые чувства.



Теперь о том, что я хотел сказать этой книгой. Первое — о месте математики в культуре. Культурой обычно принято называть только музыку, поэзию, скульптуру, живопись, архитектуру и тому подобные явления из мира искусства и литературы. Математика же от всего этого остаётся как бы в стороне; вот с этим я не согласен, потому что, с моей точки зрения, математика — это часть общечеловеческой культуры. И второе, что я пытался обозначить косвенно и, возможно, не совсем удачно: в школе, как мне кажется, учат чему-то не тому — чему именно, я не очень знаю, но не тому. Никто не знает, и я в том числе, чему именно надо учить в школе (мне кажется очевидным, например, что все должны знать таблицу умножения, но я с изумлением обнаружил, что не могу с полной убедительностью обосновать это сейчас, в век карманных калькуляторов). Создаётся, однако, странное впечатление, что главная цель школы — вызывать ненависть к любому предмету, который там преподаётся. Мне, например, приходилось встречаться с людьми, которые, окончив школу, математику, естественно, терпеть не могли, и мне иногда удавалось их переучить, переубедить, и тогда они понимали, что математика — это совсем не то, что проходят в школе. Я, повторяю, не слишком точно знаю, чему надо учить, но что учат не тому, абсолютно убеждён. Позвольте ещё раз принести благодарность жюри и фонду и на этом закончить.

Требуется секундант

Послесловие от ноября 1999 года. — Послесловие от января 2002 года.

— Это Вы не чувствуете поэзии, — сказал Сайм.
<...> Он был поэт, ставший сыщиком.
(*Честертон*. Человек, который был четвергом.)

Мы узнаём из сборника сонетов, что преступление
совершится. (О т т у д а ж е.)

То был приятный, благородный,
Короткий вызов, иль *картель*:
Учтиво, с ясностью холодной
Звал друга Ленский на дуэль.
(*Пушкин*. Евгений Онегин. VI : IX.)

Некоторые вещи настолько серьёзны, что по их
поводу можно только шутить. (*Нильс Бор*.)

А уж что может быть серьёзнее вопросов жизни и смерти. Но
всё по порядку.

С 22 по 24 февраля 1998 года в Институте русского языка
имени В. В. Виноградова Российской академии наук (Москва, Вол-
хонка, дом 18/2) проходили III Шмелёвские чтения. Тема чтений
была заявлена так: «Русский язык в его функционировании». Из
желания кое-что послушать, но прежде всего из уважения к памяти
моего покойного друга Дмитрия Николаевича Шмелёва я посетил эту
конференцию при её открытии и при её закрытии. Меньше всего я
ожидал того приключения, которое меня там постигло.

А случилось вот что. Вечером последнего дня, на заключительном
фуршете, ко мне подошёл мой давний знакомец Виктор Петрович
Григорьев со словами: «Картель! Картель!». Чему я был немало

Опубликовано в журнале: Неприкосновенный запас. — 1998. — № 1. — С. 72—73.

удивлён, так как не знал за собой ничего такого, что могло бы обидеть, а тем паче оскорбить Виктора Петровича. Каковое недоумение я и не преминул выразить. «Как же, — возразил В. П., — Вы приписали Хлебникову отсутствующие у него строки. Этих строк у Хлебникова не только нет, но и не могло быть, потому что в них встречается невозможное для него слово „атомосклад“. Картель! Картель!».

Со смешанными чувствами выслушал я эти искренние и взволнованные упрёки В. П. Григорьева.

С одной стороны, я, не скрою, испытал удовлетворение от благородства и изысканности мотива вызова: не вульгарная ревность, как у Ленского, но оскорблённость за приписывание любимому поэту не принадлежащих ему строк! Сюжет, прямо достойный того, чтобы осуществиться на Майане. Читатель помнит прелестное описание нравов этого живописного острова в «Путешествии в страну эстетов» Андрэ Моруа; правящее сословие там составляют эстеты (в количестве шестьсот эстетов на десять тысяч населения); «литературным событием этого (1922-го или 1923-го. — В. У.) года в Майане является Исповедь в шестнадцать тысяч девятьсот страниц, написанная Ручко (виднейший эстет, русский по происхождению. — В. У.), под заглавием „Почему я не могу писать“».

С другой стороны, мне неприятно было осознать в себе отсутствие должной тонкости в восприятии поэзии, а точнее — неспособность ощутить, что слово «атомосклад» невозможно в лексике Хлебникова. А то, что оно невозможно, не подлежало сомнению, поскольку эта невозможность была высказана высоким авторитетом: Виктор Петрович Григорьев — не просто рядовой доктор филологических наук и профессор, но и известный специалист в области языка русской поэзии вообще (в этом своём качестве он заведует Отделом стилистики и языка художественной литературы в ведущем академическом институте — а именно в упомянутом выше Институте русского языка РАН) и особенно в области языка Хлебникова (его перу принадлежит ряд статей о языке Хлебникова и по меньшей мере две монографии на эту тему: «Грамматика идиостиля. В. Хлебников», М.: Наука, 1983, и «Словотворчество и смежные проблемы языка поэта», М.: Наука, 1986).

С третьей стороны, мне казалось, что претензии ко мне — не совсем по адресу, поскольку приписывание ложных строк Хлебникову осуществил не я, а знаменитый физик академик Яков Борисович Зельдович (1914—1987). Мои робкие потуги указать на это обстоятельство не были приняты В. П. Григорьевым, который обвинил меня ещё и в попытках спрятаться за спину Зельдовича.

Но пора указать источник столь крайнего неудовольствия В. П. Григорьева. Таковым источником оказалась моя статья «Предварение для читателей „Нового литературного обозрения“ к семиотическим посланиям Андрея Николаевича Колмогорова», опубликованная в прошлом, 1997-м году в 24-м номере «Нового литературного обозрения». В названной статье, на с. 207¹ означенного номера, в затекстовом примечании 127, можно было прочесть следующее:

На авторитет Брюсова и поэзии вообще ссылается Трижды герой соцтруда акад. Я. Б. Зельдович в своей скрытой полемике с акад. А. Б. Мигдалом. В статье [Зель]², на с. 411, он пишет:

Любопытно, что правильный ответ на вопрос о теории строения материи дан полвека назад русскими поэтами.

В последние годы (статья написана в 1971 году. — В. У.) стало модным противопоставление физиков и лириков. Налицо утрата глубокой сопричастности художника к научному прогрессу. Между тем, когда-то, в 20-е годы, теория относительности и строение атома глубоко волновали воображение всех мыслящих людей. Валерий Брюсов в чеканных стихах рисовал планетарную систему атома, предвосхищая некоторые современные идеи о структуре частиц. Но ещё примечательнее ощущение тесной связи между теорией микромира (поэт-словотворец называет эту теорию «атомосклад») и космосом, выраженное в двустишии Велемира Хлебникова:

Могучий и громадный, далёк астральный лад.
Ты ищешь объясненья — познай атомосклад³.

Таким образом, содержащееся в цитированной статье Я. Б. Зельдовича и В. С. Попова и относящееся к приведённому там двустишию подстрочное примечание с указанием «Разыскания Я. Б. Зельдовича» было полностью воспроизведено на 207-й странице моей статьи в «НЛО», причём было явно указано, что само это подстрочное примечание принадлежит Я. Б. Зельдовичу и В. С. Попову. К этому подстрочному примечанию мною было сделано такое затекстовое примечание 138, помещённое на следующей, 208-й странице⁴:

¹ См. с. 192 кн. 4 «Филология» настоящего издания. — *Прим. ред.*

² Вот эта статья [Зель]: Я. Б. Зельдович, В. С. Попов. Электронная структура сверхтяжёлых атомов // Успехи физических наук. — 1971. — Т. 105. — Вып. 3. — С. 403—440.

³ Разыскания Я. Б. Зельдовича. — *Подстрочное примечание авторов цитируемой статьи.*

⁴ См. с. 195 кн. 4 «Филология» настоящего издания. — *Прим. ред.*

Подлинное двустишие из разысканий Я. Б. Зельдовича не было в 1971 году пропущено в печать цензурой. Восстанавливаем его текст:

Могучий и громадный, далёк астральный лад.
Ты жаждешь объяснения — познай атомосклад.

Составляя затекстовые примечания 127 и 138 к своему «Предварению...», помещённому, как я уже сказал, в 24-м номере «НЛО», я исходил из некоторых презумпций. Увы, на деле все они оказались ложными. Самое ужасное, что и сейчас, после всего, что случилось, они кажутся мне очевидными. Мысль о том, насколько автор этих строк оторван от реальности, повергает автора в содрогание. Вот они, эти очевидные и тем не менее ложные презумпции.

1. Сообщение, что атрибуция двустишия как хлебниковского принадлежит не мне, а Я. Б. Зельдовичу, снимало с меня ответственность.

2. Сам Я. Б. Зельдович своей формулой «Разыскания Я. Б. Зельдовича», без указания какого-либо аутентичного источника, как бы призывал читателя к сомнениям по поводу авторства двустишия.

3. Информация о том, что двустишие при публикации его в [Зель] подверглось цензуре, соединённая с воспроизведением первоначального варианта двустишия, должна была заставить читателя задуматься. Она должна была побудить его к сравнению обоих вариантов и к поискам ответа на естественный вопрос, какие именно особенности двустишия могли помешать его публикации в исходном виде.

4. А помочь читателю докопаться до истины должна была ссылка на полемику, и притом скрытую, академика Зельдовича с академиком Мигдалом. Вот эти-то ключевые слова: «цензура», «скрытая полемика», «Мигдал» — давали, как мне казалось, и сигнал к тому, что двустишие заключает в себе некую тайну, и инструмент к его расшифровке.

5. И уж совершенно невозможно было предположить, что двустишие не будет правильно понято специалистом по совершаемой Хлебниковым игре со словами («Аббревиация», «Сращение», «Ословление», «Скорнение» — вот лишь некоторые из названий разделов в упомянутой выше книге В. П. Григорьева 1986 года).

На этом можно было бы закончить и сказать, что я до сих пор с трепетом ожидаю картеля или картели, каковой или каковая есть, как известно, письменный вызов на дуэль.

Но, быть может, читателю будет небезынтересно узнать, что же привело к выражениям столь резким, что они вызвали вмешательство цензуры. Я не могу гарантировать полную достоверность излагаемых ниже событий; я буду излагать их так, как мне о них рассказывали

в 1971 году мои друзья-физики, объясняя побудительные мотивы поэтических разысканий Зельдовича⁵.

Году этак в 70-м или в самом конце 60-х в Институте физических проблем Академии наук происходит очередное заседание едва ли не главного физического семинара Москвы — знаменитого семинара П. Л. Капицы. Идёт обсуждение новой физической теории, предложенной Я. Б. Зельдовичем. Многим эта теория кажется весьма спорной или просто неверной⁶. Зельдович яростно защищается. И в это время чуть ли не непосредственно в зал заседания вносят письмо от Вернера Гейзенберга, великого немецкого физика, одного из создателей квантовой механики. В письме сообщается, что до Гейзенберга дошли сведения о теории Зельдовича и что он, Гейзенберг, находит её не только весьма интересной, но и совершенно верной. В письме содержится уверенность в блестящем будущем теории.

По свидетельству очевидцев, письмо произвело сильное впечатление на всех присутствующих — но прежде всего на самого Зельдовича. Он разве что не прыгал от радости. Потрясая письмом, он кричал, что истина всегда пробьёт себе дорогу и найдёт поддержку у тех светлых умов, которые в состоянии её воспринять. И тут из последних рядов амфитеатра раздался тихий голос Аркадия Бенедиктовича Мигдала. Он попросил прочесть подряд первые буквы в каждой строке письма — так, как читают акrostих. Почему-то получилось «VY VSE DURAKI». Невозможно передать, что было с Зельдовичем, только что пережившим свой звёздный час. Подобный звёздный час пережил, как известно, Том Сойер, когда он, в присутствии великого человека — окружного судьи и под завистливые взгляды соучеников, получил из рук директора школы награду за знание Библии (читатель помнит, что награда полагалась тому, кто предъявит должное количество поощрительных цветных билетов, выдаваемых за выученные наизусть стихи Библии, и что Том сумел приобрести эти билеты, выменяв их у других мальчиков). Нелёгкая дёрнула судью спросить у Тома имена первых двух учеников Христа, и Том ответил: «Давид и Голиаф». Рассказав об этом душераздирающем эпизоде в четвёртой

⁵ ●► В послесловиях к настоящей заметке будет предпринята попытка дальнейшего приближения к исторической истине. ◀●

⁶ Разумеется, это Бору, которого мы уже процитировали в наших эпитафиях, принадлежит высказывание примерно следующего содержания: «Вопрос не в том, безумна ли теория, а в том, достаточно ли она безумна, чтобы быть верной». И действительно, трудно назвать иначе, как безумной, фундаментальную идею Эйнштейна о том, что одновременность двух событий — понятие не абсолютное, а зависящее от точки зрения.

главе «Приключений Тома Сойера», Марк Твен завершил главу словами: *Из сострадания опустим занавес над концом этой сцены.* Так же поступим и мы.

Если А. Б. Мигдал зашифровал свой выпад против Я. Б. Зельдовича в форме акrostиха, то Зельдович для ответного выпада избрал форму, которую Сергей Игоревич Панов предложил называть *акрословом*: в псевдохлебниковском двустишии надлежит прочесть подряд первые буквы в каждом слове (но слово «ты» — целиком).

Послесловие от ноября 1999 года

2 ноября 1999 года, по прочтении в журнале «Неприкосновенный запас» этой заметки, мне позвонил Сергей Петрович Капица. «По существу, — сказал он, — ты всё изложил правильно». В частности, правильно были и освещена роль А. Б. Мигдала, и воспроизведена цитата из письма. Однако затем С. П. Капица указал на многочисленные отступления от истинных событий, коих он был свидетель и даже отчасти участник (он был привлечён для помощи в переводе письма):

1. Тот еженедельный — по четвергам, с 11 до 13 часов, — знаменитый семинар в руководимом его отцом Петром Леонидовичем Институте физических проблем, на котором случились эти события, был не семинаром П. Л. Капицы, а семинаром Л. Д. Ландау, происходившим, впрочем, в том же помещении, что и семинар П. Л. Капицы.

2. Возникшее на семинаре написанное по-английски письмо (поступившее в Дубну и уже оттуда привезённое на семинар Я. А. Смороди́нским) было не от Гейзенберга: автором письма значился другой классик квантовой механики — Вольфганг Па́ули.

3. Письмо было адресовано Гейзенбергу и содержало критику его новейших построений в области индефинитной метрики — а эта проблематика была тогда в центре внимания физиков, и потому письмо вызвало у присутствующих определённое волнение, причём в наибольшее эмоциональное возбуждение пришёл Исаак Яковлевич Померанчук.

4. Я. Б. Зельдович на данном заседании семинара отсутствовал.

5. Что же именно в таком случае побудило Зельдовича опубликовать в «Успехах физических наук» приписанное им Хлебникову двустишие, остаётся, по словам С. П. Капицы, неясным.

Хотя Сергей Петрович и указал мне некоторых лиц, которые, по его мнению, могли бы ответить на этот вопрос, я решил их не беспокоить и, при подготовке настоящего издания, оставить текст моей заметки в его первоначальном виде.

Послесловие от января 2002 года

Неожиданная встреча, имевшая место 26 января 2002 года в ресторане «Премьер»⁷, позволила внести дальнейшие уточнения в предысторию публикации псевдохлебниковского двустушия. Но сперва объясню, почему я там оказался, — а потом уже, что я там узнал.

Когда осенью 1947 года я пришёл на первый курс механико-математического факультета МГУ, я продолжал считать себя учеником Евгения Борисовича (Жени) Дынкина, тогда аспиранта⁸, чей кружок для школьников, посещаемый мною в 8-м и 10-м классах (а 9-й я, по совету Дынкина, прошёл летом 1946 года), плавно перетёк в кружок для первокурсников. Но одновременно я стал ходить и в замечательный кружок по ТФДП, т. е. по теории функций действительного переменного; этот кружок вёл 26-летний аспирант Александр Семёнович (Саша) Кронрод⁹. Кронрод, которого я знал ещё как руководителя одного из школьных кружков (в правильной терминологии тех лет — как руководителя одной из *секций Школьного математического кружка при МГУ*) был участник войны, носил на груди боевой орден Красного Знамени и, вообще, был яркой личностью¹⁰. Мною он воспринимался как неформальный лидер группы

⁷ Он находится в идущем вдоль тыла старых зданий Московского университета Никитском переулке, во дворе дома 2, между баром «Монтана» и клубом «Дума» — короче, там, где когда-то размещалась лаборатория Н. Д. Зелинского.

⁸ Е. Б. Дынкин окончил мехмат в 1945 году.

⁹ ТФДП исследует функции методами теории множеств. На занятиях кружка Кронрода, как это и было принято на мехматских кружках для младшекурсников, руководителем кружка сообщались минимальные теоретические сведения, а далее предлагались задачи для их самостоятельного решения. Задачи были разной степени трудности, но все они не выходили за пределы, которые Кронрод обозначил следующим образом: «Получив задачу и усвоив её формулировку, Вы должны начать говорить — и непрерывно говорить до тех пор, пока не произнесёте её полное решение».

¹⁰ Узнав, что я собираюсь заниматься математической логикой, Кронрод посмотрел на меня с жалостью и произнёс пророческие слова: «Вам будет очень тяжело». Будучи очным аспирантом мехмата, Кронрод одновременно на половинной ставке работал в каком-то учреждении, где — не прерывая своей аспирантуры (но и не докладывая аспирантурному начальству) — защитил диссертацию на степень кандидата технических наук. Когда срок его аспирантуры подошёл к концу, он не только, как и положено, представил математическую диссертацию, но и предъявил диплом кандидата наук. А наличие этого диплома давало его обладателю право представить свою диссертацию сразу как докторскую. Так Кронрод по окончании аспирантуры мехмата сразу сделался доктором физико-математических наук.

молодых математиков, преимущественно аспирантов мехмата. Будучи первокурсником, я, конечно, не мог претендовать на вхождение в эту группу, но через Кронрода сделался знаком с её членами — в частности, с Георгием Максимовичем (Герой) Адельсоном-Вельским, однокурсником Дынкина, в то время тоже аспирантом. Первые его работы были по ТФДП, но предметом кандидатской диссертации служили операторы в гильбертовом пространстве. Затем он резко поменял тематику и стал одним из наиболее известных в мире российских специалистов по информатике¹¹. Именно в качестве специалиста по информатике он принял участие в знаменитом ургенчском симпозиуме «Алгоритмы в современной математике и её приложениях», о котором рассказывается на с. 568 настоящего издания; его портрет можно найти на с. 480 трудов этого симпозиума: *Lecture Notes in Computer Science*, vol. 122, Springer-Verlag, 1981.

Сейчас George Adelson-Velsky состоит профессором одного из университетов Израиля. Там, в Израиле, 8 января 2002 года он встретил своё восьмидесятилетие. Однако празднование этого события состоялось не только в Израиле, но и в Москве, куда для этой цели прибыл юбиляр. И вот в субботу 26 января в 16 часов в вышеназванном ресторане «Премьер» был накрыт стол на сорок кувертов.

Сказанное объясняет, почему я оказался за этим столом (и был там третьим по стажу знакомства с юбиляром — с осени 1947 года; первые двое были знакомы с 1940 года). Теперь — что я, сидя за этим столом, узнал:

1. Появившееся на семинаре Ландау письмо было на бланке какого-то зарубежного отеля и вообще было сфальсифицировано с большим искусством.

2. Письмо занимало целую страницу. Читать следовало не первые буквы строк, а первые буквы абзацев. И получалось не «VY VSE DURAKI», а просто «DURAKI».

3. Письмо было либо прямо адресовано одному из вице-директоров международного Объединённого института ядерных исследований в Дубне, либо поступило туда в копии.

4. Письмо было всё же именно от Гейзенберга. Но, как я понял, увязано по тематике с его спорами с Паули. Спор был очень острый: на одном из докладов Гейзенберга присутствующий в качестве слушателя Паули качал ногой и время от времени повторял: *Dummkopf*.

¹¹ Совместно с Е. М. Ландисом Г. М. Адельсон-Вельский является автором классической работы 60-х годов о так называемых сбалансированных деревьях, известных во всём мире как AVL-деревья.

5. Аудитория, в которой заседал семинар, была плоской, так что никакого амфитеатра не могло быть.

6. Заседание семинара, на котором произошли описываемые события, имело место в конце 1957-го или начале 1958-го года. И было бы весьма странным связывать эти события со статьёй Зельдовича, опубликованной в 1971 году.

7. Поводом для того, чтобы Зельдович поместил в статью своё двустиишие послужило его совместное с Мигдалом обсуждение некоей безразмерной физической константы, состоявшееся в 1970 году. При обсуждении выявилось различие во взглядах (не менее острое, чем у Паули с Гейзенбергом), и Мигдал обозвал Зельдовича жопой.

8. После этого Зельдович представил в «Успехи физических наук» статью с двустиишием:

Могучий и громадный далёк астральный лад.
Желаешь объясненья — познай атомосклад.

(Так что В. П. Григорьев был отчасти прав: в своей заметке я действительно представил в искажённом виде поэтическое творчество если и не Хлебникова, то Зельдовича.)

9. Редакция журнала УФН не увидела зашифрованной жопы, но пыталась тем не менее убедить Зельдовича снять это двустиишие. Аргументация журнала была такой: рядовому автору редакция не позволила бы включить в текст научной статьи явно не относящиеся к делу стихотворные строки; таким образом, Зельдович как бы злоупотребляет своим положением члена редколлегии; хорошо ли это? Но Зельдович стоял на своём.

10. Однако потом Зельдович одумался и дал телеграмму в редакцию, чтобы *желаешь* заменили на *ты ищешь*. Поскольку замена была произведена уже после всех корректур, Зельдовичу пришлось заплатить немалые деньги за новый набор.

Похороны Сталина

Я тогда был аспирантом первого года механико-математического факультета Московского университета. О смерти Сталина я узнал из утренних газет и сильных чувств по этому поводу не испытал: всё это было ожидаемо, судя по медицинским прогнозам.

Когда день или два спустя мой друг и ровесник Михаил Константинович Поливанов сказал мне: «Слава Богу, подох», — я помню, что слово «подох» меня несколько резануло, хотя он выразился абсолютно правильно, и сейчас я, наверное, выразился бы так же. Тогда, однако, я был более благожелательно настроен к Сталину, чем следовало бы. Советскую власть я не любил с конца 1930-х годов и помню своё впечатление от внезапного осознания этого факта. Но мною явно недооценивалась зловещая роль личности Сталина в строительстве того общества, на священных скрижалях которого было написано, что роль личности в истории ничтожна. Я не думал, что с его смертью что-то серьёзное изменится. Ну умер, ну будет другой. Я считал его частью системы.

Репрессированных родственников в нашей семье, можно сказать, не было — если не считать деда по матери, который в 20-е годы был на короткое время арестован как буржуй, довольно быстро выпущен и мягко сослан в Нижний Новгород, где и умер; я его никогда не видел (т. е. видел — но чисто теоретически, поскольку был младенцем). Семья наша, как и многие семьи, жила в постоянном страхе: все понимали, что на любого человека репрессии могут обрушиться неизвестно когда и неизвестно почему, что могут постучать в дверь в любую секунду. В общем-то, я и сейчас готов к тому, что в дверь постучат и меня посадят, — мы, по сути, до сих пор живём в советской стране.

Траурный митинг в университете очень хорошо помню. Это старый университет на Моховой. Я зашёл в клуб — там сейчас церковь св. Татьяны, а тогда было что-то вроде дома культуры — на сцене стояла баба, которая искренне плакала и произнесла фразу, которую я тоже запомнил: «Нам так хорошо было с тобой». Я думаю, она была преподавательницей марксизма-ленинизма.

На похороны я ходил. Не из сочувствия к Сталину и не из желания почтить память великого человека, а из любопытства. Я хотел быть очевидцем исторического события. Я не сомневался, что дойду до Дома союзов и туда попаду.

Нас было трое аспирантов мехмата. Помню одну спутницу: это была Ирина Тюрина, специализирующаяся по истории механики аспирантка третьего года, очень партийная — она, скорее всего, пошла из уважения к памяти Сталина. И кто-то ещё был третий. Мы шли все вместе. Толпу всё время перегоняли: «Идите туда, идите сюда», иногда говорили в громкоговорители. А потом я увидел нечто, меня поразившее: метрах в двадцати впереди нас поперёк стоял грузовик, на грузовике стоял генерал милиции, а может, войсковой генерал, который смотрел вниз — а там, совершенно очевидно, людей давили о борт грузовика. Он плакал. Плакал не из-за смерти Сталина, как я понимаю, а из-за того, что он видел. Он что-то кричал, я не мог понять что, но было видно, что он совершенно бессилён, он ничего не мог сделать. Лицо у него было искажено ужасом, и он плакал. Это было где-то в районе бульварного кольца. Тогда я понял, что не надо дальше идти. Я находился в том месте, где можно было ещё повернуть назад — те, кто шёл в 10—15 метрах от меня, уже не смогли бы. (Кстати, организовать отсутствие давки и нормальные похороны было бы чрезвычайно просто, если бы просто сказали: «Выстраивайтесь в очередь вдоль Ленинградского шоссе». Но ничего такого не сделали.)

Я стал ходить по бульвару и под утро, часа в 3 или 4, оказался в районе метро «Кировская». Помню, что вдруг заговорили громкоговорители, которые обычно молчали. А говорили они так: «Один, два... пятнадцать, шестнадцать...». Люди стояли и слушали в полном почтении. У меня было ощущение, что один только я не сошёл с ума, потому что понимал — это просто проверка связи. А люди говорили, что это считают колонны там, в Колонном зале.

Потом эти же громкоговорители голосом Левитана сообщили важную информацию: «Назначить Председателем Совета Министров Маленкова Георгия Максимилиановича, назначить Первым заместителем председателя Совета Министров Берия Лаврентия Павловича, назначить Первым заместителем председателя Совета Министров Кагановича Лазаря Моисеевича, назначить Первым заместителем председателя Совета Министров Молотова Вячеслава Михайловича. Признать целесообразным, чтобы товарищ Хрущёв Никита Сергеевич сосредоточился на работе в Центральном Комитете партии и поэтому освободить его от обязанностей первого секретаря Горкома партии».

В этом сообщении проскочило слово, которое многое мне сказало: «...иметь Политбюро, как это и предусмотрено уставом партии». В то время был Президиум ЦК КПСС, а Политбюро не было. Т. е. они косвенно заявили: Президиум — этого нет в уставе партии, это неконституционно. То, что сделал товарищ Сталин — неконституционно. Это произвело на меня колоссальное впечатление.

Вот, всё что я помню. Под утро я вернулся домой.

Гораздо большее впечатление, чем смерть Сталина, на меня произвело сообщение 4 апреля того же 1953 года, когда объявили, что дело врачей отменяется и что всех выпустили. В сообщении написали, что дело врачей было подстроено, что это нарушение социалистической законности, что был оклеветан патриот Михоэлс, который до этого, 13 января, был назван еврейским буржуазным националистом. Думаю, именно 4 апреля стало для меня переломным моментом, так как советская власть не любила признавать свои ошибки. Напротив, было известно, что «органы не ошибаются» и что «у нас зря не сажают».

Ещё могу рассказать одну любопытную вещь. У Евгения Шварца есть пьеса «Тень». Её в Ленинградском театре Комедии поставил режиссёр Акимов, которого я считал одним из самых остроумных людей на свете. В 1958 году Акимов приехал с этим спектаклем на гастроли в Москву. Спектакль шёл 5 марта и начинался с того, что выходил Пролог и произносил следующую фразу: «Пять лет тому назад умер наш король Людовик Девятый мечтательный». Меня поразило, что никто в зале никак не среагировал и, по-моему, даже не понял, в чём дело.

ЛЮБИМЫЙ ВОЖДЬ И УЧИТЕЛЬ — так называли его при жизни. Некоторые именуют и сейчас. А был он, в сущности, великим душегубом.

ТОЛЬКО СЕЗОНА МЕНА не выжило. В 1965 году Николай Недрово вошел в СМОГ, — полтора, злобничко. Возмездие не заставило себя ждать: его обвинили в краже. В 1966 году он был арестован и сослан в лагерь. Позднее, по ходатайству И. Бродского и сосланных, он был освобожден. Позднее, по ходатайству И. Бродского и сосланных, он был освобожден.

Сегодня он — известный персональный выставок, международное сотрудничество. Он является членом правления акционерным обществом «Таланты России».

В 1968 году он был арестован и сослан в лагерь. Позднее, по ходатайству И. Бродского и сосланных, он был освобожден. Позднее, по ходатайству И. Бродского и сосланных, он был освобожден.

В 1969 году он был арестован и сослан в лагерь. Позднее, по ходатайству И. Бродского и сосланных, он был освобожден. Позднее, по ходатайству И. Бродского и сосланных, он был освобожден.

Г. Б.

НА СНИМКАХ:
репродукции картин

«Впоследствии,

когда

отшлифовалась

его великолепная

формула «всё

народом»,

некоторые

пытались

приписать ее

происхождение

Великой

Французской

революции.

Может,

у французов и

было что-нибудь

подобное, но

он-то знал, что

здесь, в России,

он ее вынуждал

и пустил в жизнь»

о. Исакандер (Спирь

Валтасар).



НСО и шифрованная телеграмма

Когда я был на III курсе, Е. Ф. Мищенко, который был председателем Совета НСО¹ мехмата, провёл моё избрание в члены НСО и в руководимый им Совет НСО факультета. В Совете НСО Мищенко сделал меня редактором «Бюллетеня НСО». Бюллетень был стенной газетой. Средства изготовления: ватманская бумага, на которую наклеивались короткие статьи, напечатанные на машинке со вставленными от руки формулами, цветные карандаши и фломастеры; заголовок в полгазеты. Составив такое, я должен был предъявить Бюллетень руководству партбюро (или уже парткома?²) факультета с тем, чтобы получить неохотное разрешение на вывешивание. Приближалась великая дата: 21 декабря 1949 года имело произойти всенародное празднование 70-летия Сталина³.

С этой целью, в частности, музей изобразительных искусств имени Пушкина (ранее имени Александра III, а надо бы имени И. В. Цветаева) был временно закрыт и превращён в Музей подарков Сталину. Понятно, что Бюллетень НСО должен был отозваться на эту великую

¹ Аббревиатура НСО означает «Научное студенческое общество» и читается «энсэо».

² Партийное бюро становилось партийным комитетом, когда число охватываемых им членов партии достигало определённого уровня.

³ А за десять лет до этого Сталина поздравлял Гитлер:

Господину Иосифу Сталину ко дню Вашего шестидесятилетия прошу Вас принять мои самые искренние поздравления. С этим я связываю свои наилучшие пожелания, желаю доброго здоровья Вам лично, а также счастливого будущего народам дружественного Советского Союза.

Адольф Гитлер.

На какое поздравление был получен ответ:

Главе Германского государства господину Адольфу Гитлеру.

Прошу Вас принять мою признательность за поздравления и благодарность за Ваши добрые пожелания народам Советского Союза.

И. Сталин.

(Оба текста взяты из иллюстративного материала на Интернет-странице <http://youtu.be/3iPVmhNgYds>.)

дату. Мне как редактору пришлось писать передовую статью. Но это оказалось недостаточным. Мне было поручено партийным начальством просить П. С. Александрова написать юбилейную статью. Меня охватило тревожное чувство. Как я осмелюсь предложить такое Павлу Сергеевичу? Я ощущал себя персонажем шварцевского «Дракона», Дракона ненавидящего, которому было поручено передать кому-либо из окружения Ланцелота приказ написать панегирик Дракону. Сидя в Комаровке за чайным столом я напрягся и передал Александрову это поручение. Выражение лица Александрова не изменилось, и он только спросил, к какому сроку.

Раз уж зашёл разговор о «Великом Семидесятилетии», упомяну две детали. Первая деталь. Торжественное заседание мехмата в Клубе МГУ (теперь там церковь св. Татьяны). В боковую ложу второго или третьего яруса, в которой я случайно оказался, входит и немедленно выходит под овацию секретарь партбюро или парткома факультета доцент кафедры математического анализа Алексей Денисович Горбунов. Он заходит в ложу, чтобы зычно крикнуть: «Великому Сталину слава!». Вторая деталь. Первоначально Москва была украшена портретами Сталина с двумя датами: 1879 и 1949. Мне довелось слушать разговор двух партийных боссов, из коих старший внушал младшему: «Чтобы нигде двух дат. Отвечаешь головой». По-видимому, две даты рядом производили впечатление дат рождения и смерти. И я обратил внимание, что эта парность дат исчезла по всей Москве.

НСО давало своим членам какие-то преимущества, из коих я помню только одно: право пользоваться библиотекой для преподавателей и аспирантов. При этом оно играло в серьёзную «взрослую» организацию: выборы (но не тайные), членские билеты, членские взносы (кажется) и т. п. На первом этаже здания по адресу проспект Маркса, 9 (того же, где мехмат и где во дворике статуя Ломоносова), в коридорчике между двумя сортирами, мужским и женским было отдельное помещение Центрального совета НСО. Центральный совет НСО охватывал все факультеты МГУ и даже имел собственные бланк и круглую печать, каковыми я не преминул воспользоваться: мне была выдана справка с печатью, что я являюсь Председателем Совета НСО механико-математического факультета. Для дальнейшего важно, что НСО МГУ имело собственный устав, и этот устав был издан в виде брошюры.

Председателем Совета НСО мехмата меня избрали в конце 1950 года, когда я был на IV курсе, и я занимал эту должность два срока, до конца 1952 года, когда я уже был аспирантом первого года обучения. Назову ряд членов Совета НСО: за работу кружков

по механике отвечал будущий академик Тимур Энеев, за работу со школьниками — на курс младшая меня Никита Введенская, за оргработу — на два курса младшая меня Татьяна Вентцель⁴.

И в этот период со мной происходит нижеследующая история.

Зимние каникулы. Звонит телефон в родительской квартире в Тихвинском переулке — в той квартире, где я живу, — и к телефону требуют меня. Мужской голос, не помню, как он представился, задаёт мне вопрос, в советское время не казавшийся таким диким, как он кажется сейчас: «Откуда ждёте телеграмму?». Я отвечаю, что телеграмма может прийти ко мне откуда угодно. Поступает следующий вопрос: «Из Ташкента ждёте?». Тут я вспоминаю, что в Ташкенте на каникулах находится моя приятельница, курсом младшая меня и член Совета НСО Никита Введенская. «Жду», — отвечаю я. — «Тогда не можете ли вы объяснить её смысл?». Текст телеграммы помню дословно:

БЕДНОЕ НСО ЖИВЁТ БЕЗ УСТАВА ВЛОЖИ ПАРОЧКУ
ПИСЬМО Я ЖИВУ ПИШИ

Я рассказал, что НСО — это Научное студенческое общество, что НСО МГУ имеет устав, опубликованный в виде брошюры, что речь в телеграмме идёт о НСО Ташкентского университета, а просьба состоит в присылке нескольких экземпляров упомянутой брошюры.

«Всё понятно, — сказали мне. — У нас к вам нет вопросов». — «У меня к Вам есть. Я бы хотел, чтобы телеграмма была мне доставлена». Часа через полтора в дверь квартиры позвонили и мне вручили телеграмму. На другой день мне вручили другой экземпляр той же телеграммы с пометой «ЗАДЕРЖАНО ДОСТАВКОЙ».

Много спустя я осознал, что в то страшное сталинское время эпизод мог бы иметь и другой, трагический для меня исход.

⁴ Дочь Елены Сергеевны Вентцель, математика, автора рассказов, повестей и романов под псевдонимом «И. Грекова». Т. Д. Вентцель впоследствии стала женой Ю. А. Шрейдера.

Третий Математический съезд

С 25 июня по 4 июля 1956 года в Москве в помещении Московского государственного университета на Ленинских горах проходил Третий Всесоюзный математический съезд. Заседания начинались в 10 часов утра и заканчивались вечером в 19 часов, с перерывом с 13 до 16 часов. Происходили они в основном в аудиториях Главного здания, но иногда также в аудиториях физического и химического факультетов. На обзорные доклады отводилось по 45 минут, на тематические доклады и сообщения 30 и, соответственно, 20 минут.

На съезде было 12 параллельно работающих секций, посвящённых различным разделам математики. Конечно, номер секции, к которой относился тот или иной раздел, не имеет никакого значения. Но всё-таки несколько смешно, что «Математическая логика и основания математики», на международных конгрессах традиционно представленная в первом разделе, на Съезде получила номер девять. Как говорится, догадайтесь, почему. Догадаться не трудно: председателем Оргкомитета Съезда был Иван Матвеевич Виноградов¹, специалист по теории чисел. Он, в Актовом зале МГУ, и открывал Съезд вступительным словом, в котором, как пишет Учёный секретарь Съезда, «отметил заботу о развитии науки, проявляемую Коммунистической партией и Советским правительством, указал особенности развития современной математики и приветствовал участников съезда и иностранных гостей»². В том же зале, после перерыва, председательствующий П. С. Александров предоставил слово Виноградову для единственного пленарного — для всего Съезда — доклада «Некоторые проблемы аналитической теории чисел». Моя тёща Наталия Александровна Брюханенко, работавшая на Центральной студии кинохро-

¹ Он был председателем Оргкомитета Съезда. При нём состояли три заместителя: Павел Сергеевич Александров, Илья Нестерович Векуа, Михаил Алексеевич Лаврентьев — и Учёный секретарь Николай Михайлович Коробов.

² *Н. М. Коробов*. Третий Всесоюзный математический съезд // Математическое просвещение. — 1957. — Вып. 1. — С. 177—178.

ники³ и организовавшая съёмку открытия Съезда, долго помнила слова из этого доклада: «сумма точек под гиперболой».

Что до меня, то я не пропустил ни одного заседания Съезда, а на упомянутой 9-й секции⁴ был не только слушателем, но и докладчиком. Работа открывалась 26 июня моим 45-минутным докладом, происходившим под председательством П. С. Новикова (а затем я был председателем вечернего заседания), 2 июля у меня был 30-минутный доклад на вечернем заседании, 3 июля — 20-минутное сообщение также на вечернем заседании. Хотелось бы рассказать кое-что о содержании моих докладов и сообщения на Съезде. Этот рассказ выносится в затекстовое примечание 1.

Ввиду сказанного мне было естественным находиться поближе к месту прохождения Съезда: путь от родительской квартиры в Тихвинском переулке до МГУ занимал больше часа (добираться в старое здание Университета, где я обучался студентом и аспирантом первого года, было куда проще). Мне помогла упомянутая выше тёща. Я снял комнату в квартире её приятельницы в одной из башен Главного здания (кажется, это была башня «М») Евгении Юрьевны Хин (1905—1970). Она была вдовой видного ираниста и археолога Михаила Михайловича Дьяконова (12(25).06.1907, Санкт-Петербург — 08.06.1954, Москва), от которого ей и досталась квартира. После открытия 1 сентября 1953 года зданий МГУ на Ленинских горах ректор Петровский пригласил Дьяконова, жившего в Ленинграде и руководившего Ленинградским отделением Института истории материальной культуры АН СССР, на работу в МГУ. Дьяконову была предоставлена квартира в башне, но вскоре после переезда он неожиданно умер. Сама Евгения Юрьевна в летнее время 1956 года пребывала на отдыхе. Но я оказался не единственным съёмщиком в этой квартире. Другую комнату снимал мой сверстник, будущий, с 1986 по 2005 год, президент Академии наук Грузии и будущий, с 1990 года, академик Российской академии наук Альберт Никифорович Тавхелидзе (16.12.1930—27.02.2010). Тогда он был просто Алик, а скорее Алеко 2.

В среду 4 июля все те секции, которые имели утренние заседания в этот день, закончили их раньше обычного. В 16 часов началось заключительное пленарное заседание. В протоколе съезда этому заседанию

³ Она работала там в должности директора фильмов. В титрах советских фильмов после перечисления всех участников его создания — от режиссёра до осветителей — последним шла надпись «Директор фильма». Директор исполнял функции главного администратора.

⁴ Председателем секции «Математическая логика и основания математики» был Пётр Сергеевич Новиков, а секретарём — его ученик Сергей Всеволодович Яблонский.

отведены три страницы: 107, 108, 109. Первые две с половиной из них занимает изложение не запомнившегося мне заключительного слова Председателя Оргкомитета. До Виноградова выступил Н. М. Коробов, в качестве Учёного секретаря произнёсший краткий отчёт Оргкомитета. После выступления Виноградова председательствующий М. А. Лаврентьев предоставил слово иностранным учёным, среди которых были такие знаменитости, как Данжуа из Франции, Хуа Локен из Китая, Стинрод из США. Далее *С. Л. Соболев сообщает съезду предложения Оргкомитета о созыве следующего математического съезда, об организации математической ассоциации и об издании трудов съезда.* Курсивом выделен текст, списанный мною с протокола. (Почему протокол находится сегодня, 21 апреля 2017 года, в моём распоряжении, будет объяснено ниже.)

Непосредственно после упоминания сообщения С. Л. Соболева в протоколе скупно написано:

В прениях приняли участие чл.-корр. АН СССР И. М. Гельфанд, чл.-корр. АН СССР А. Д. Александров, академик С. Л. Соболев, чл.-корр. АН СССР А. А. Марков, проф. Н. Н. Мейман, чл.-корр. АН СССР Л. А. Люстерник, акад. М. А. Лаврентьев, акад. А. Н. Колмогоров, проф. Д. А. Райков, проф. Н. М. Коробов.

Далее в протоколе сказано *Съездом были одобрены следующие рекомендации*, и идёт перечень этих якобы принятых Съездом рекомендаций. Они будут приведены ниже, дабы не прерывать ход изложения.

А излагать я буду так, как я запомнил это заключительное заседание. Оно было очень бурным. В частности, Гельфанд сказал, даже не сказал, а с места крикнул Лаврентьеву: «А вы меня не перебивайте!». Усиленный микрофоном ответ Лаврентьева с его председательского места прозвучал оглушительно: «Вы меня перебивали, и я вас перебивью». Речь шла о создании Всесоюзной математической ассоциации, которая должна была охватить всех математиков Советского Союза. Существовали лишь математические общества в отдельных городах: основанное в 1867 году Московское, основанное в 1879 году Харьковское, воссозданное в 1959 году Ленинградское. Среди них своим влиянием выделялось Московское математическое общество. Его ежегодная премия, в частности, была едва ли не самой престижной математической премией в СССР. Московское математическое общество (ММО) с демократическим избранием своих членов и своего Правления, составляло реальную конкуренцию Математическому институту Академии наук и тем сильно раздражало руководство этого Института и прежде всего его многолетнего директора Виноградова.

Виноградов не без оснований считал, что в ММО полно евреев. В вопросе о создании Всесоюзной ассоциации на заключительном заседании Съезда противостояли две точки зрения. Академия наук в лице Виноградова, Лаврентьева и иже с ними считали, что Ассоциация должна состоять при Академии. Носители противоположной точки зрения, среди которых наибольшую активность проявлял Гельфанд, считали, что Ассоциация должна быть совершенно независима. Активен был и Н. Н. Мейман. В какой-то момент я, сторонник второй точки зрения, подошёл к Гельфанду и сказал примерно следующее: «Неужели вы не видите, что когда в защиту вашего мнения выступают только Гельфанд и Мейман⁵, всё противостояние приобретает национальный характер?». В ответ Гельфанд отмахнулся от меня, произнеся что-то вроде: «Отстаньте, Володя, вы ничего не понимаете». А я до сих пор считаю себя правым, а Гельфанда неправым.

К стыду своему не помню, что говорил Колмогоров. А вот что говорил Марков, это помню очень хорошо. Поскольку он говорил по моему наущению. Дело было так. В перерыве заседания я подошёл к А. А. Маркову и П. С. Новикову — стояли ли они рядом или мне пришлось их собрать, вот этого я не помню. Я сказал им, что сейчас, в разгар бурного и бесплодного обсуждения вопроса об Ассоциации самое время выступить с предложением создать отдел математической логики в Математическом институте и кафедре с тем же названием в Московском университете. От текущей дискуссии все уже устали, и это предложение прозвучит как глоток свежего воздуха. Все радостно за него ухватятся и единогласно примут. Надо только потребовать немедленного голосования. Они должны решить, кто из них будет выступать. Посоветовавшись не более минуты, они назначили для выступления Маркова. Это было совершенно естественно. Новиков — оратор никудышный, а Марков — блестящий. Он потребовал слова, выступил, и его предложение было единодушно принято.

Что же касается Всесоюзной математической ассоциации, то никакого решения принято не было. Предложение обратиться в соответствующие организации — Президиум Академии наук и Министерство — о создании отдела и кафедры математической логики

⁵ Помимо дат жизни (1912—2001), Википедия сообщает про Меймана следующее. Советский математик, физик, диссидент, активист еврейского отказнического движения, член Московской Хельсинкской группы. Доктор физико-математических наук (1937), почётный профессор Тель-Авивского университета. В 1953 году стал лауреатом Сталинской премии по теоретической физике. Был другом Л. Д. Ландау. В 1956 году Мейман прочёл на Всесоюзном математическом съезде доклад от имени коллектива из Меймана, Ландау и Халатникова. Эта работа принесла авторам Сталинскую премию.

оказалось единственной рекомендацией, принятой Съездом. Всё написанное, касающееся заключительного заседания Съезда, я не просто вспомнил, когда сочинял это текст, но помнил непрерывно со времени Съезда. Тем сильнее было моё изумление, когда я увидел ниже следующее.

Передо мною, на бланке Математического института имени В. А. Стеклова Академии наук СССР, документ от 13 ноября 1959 года за номером 105-620. Это Выписка из дела *Академия наук СССР, Математический институт им. В. А. Стеклова, № 620. III Всесоюзный математический съезд. Распоряжения, планы, сметы, решения, резолюции и отчёты*. Далее идёт *Отчёт об организации и проведении Всесоюзного математического съезда*. Отчёт подписан Председателем Оргкомитета И. М. Виноградовым и Учёным секретарём Оргкомитета Н. М. Коробовым. И, наконец, сообщается, что *Вышеприведённый текст занимает 53-ю, 54-ю и 55-ю страницы вышеуказанного дела, хранящегося в Архиве Академии наук СССР (Москва, Фонд 651, Опись 1, № 1)*. Подлинных подписей Виноградова и Коробова на имеющемся в моём распоряжении документе нет, но документ заверен надписью «Верно», печатью и неразборчивой факсимильной подписью Учёного секретаря Математического института. Далее курсивом выделен фрагмент, списанный мною из указанного документа.

В тексте отчёта сообщается, что *Съездом были одобрены следующие рекомендации:*

1. *Созвать следующий, 4-й Всесоюзный математический съезд в Киеве в 1960 году.*

2. *Считать целесообразным создание Всесоюзной Математической Ассоциации.*

3. *На следующем Съезде выбрать постоянное руководство ассоциацией и утвердить устав ассоциации.*

4. *Просить Президиум Академии наук совместно с Министерством Высшего Образования и Московским Математическим Обществом организовать сейчас временное руководство ассоциацией, привлекая к её руководству представителей Академий наук союзных республик, Математических обществ и крупнейших университетов.*

<...>

6. *Поручить Оргкомитету на основе предложений, поступивших от секций и отдельных участников Съезда, выработать соответствующее обращение в Президиум АН СССР и Министерство Высшего Образования.*

Примечания:

1. Четвертый Математический съезд состоялся в Ленинграде в 1961 году.

2. О целесообразности создания Всесоюзной математической ассоциации как о рекомендации Съезда пишет и Н. М. Коробов в своей статье о Съезде⁶. Создана Ассоциация не была.

3. Ни выборов руководства Ассоциации, ни утверждения её устава на 4-м съезде не произошло.

4. Мне неизвестно об организации временного руководства Ассоциацией. Полагаю, что оно не было создано.

Эти же рекомендации приведены и в протоколе Съезда. Конечно, можно считать, что все мои воспоминания суть плод так называемой *ложной памяти*. Это мнение отражено в нулевой серии третьего сезона фантастического британского сериала «Чёрное зеркало». В общей нумерации серий она имеет номер 7 и называется «Белое Рождество»; её премьера состоялась в 2014 году. В «Белом Рождестве» действующие лица живут в атмосфере галлюцинаций, ложной памяти и искажённого представления о времени: так, для одного из персонажей проходит пять лет, в то время как для внешнего наблюдателя прошло семьдесят минут. Против мнения о ложной памяти столь же трудно найти возражения, как и против солипсизма.

Позвольте, однако, придерживаться другой модели и считать мои воспоминания истинными, т. е. отвечающие реальности — при том, что я не знаю и не могу объяснить, что такое *реальность*.

Рассуждая в рамках этой второй модели, могу сказать, что не меньшее изумление у меня вызвала *Резолюция секции математической логики и оснований математики 3-го Всесоюзного Математического съезда*, якобы принятая на заключительном утреннем заседании секции 4 июля 1956 года, проходившим под председательством П. С. Новикова. Протокол зафиксировал на этом заседании один 30-минутный доклад, три 20-минутных сообщения и названную «Резолюцию». Так называемая «Резолюция» была подписана председателем секции П. С. Новиковым и членом бюро секции А. А. Марковым (подлинных подписей я не видел, в протоколе их подписи, говоря языком канцеляристов, были заделаны). «Резолюция» гласила:

1. *Считать необходимым регулярный созыв конференций по математической логике. Первую конференцию созвать в 1958 году.*

2. *Считать необходимым создание отдела математической логики в Математическом институте им. В. А. Стеклова АН СССР.*

⁶ Н. М. Коробов. Третий Всесоюзный математический съезд // Математическое просвещение. — 1957. — Вып. 1. — С. 177—178.

3. Считать необходимым создание кафедр математической логики при Московском и Ленинградском университетах.

Свидетельствую, что никакой резолюции секция не принимала, Пункты 1 и 2 составили содержание выступления Маркова, состоявшегося в тот же день, 4 июля, на вечернем пленарном заседании. Отдел математической логики в Математическом институте был открыт в 1957 году, его возглавил П. С. Новиков. Кафедра математической логики на механико-математическом факультете МГУ была открыта в 1959 году, её возглавил А. А. Марков.

Моя активность на Съезде не ограничивалась двумя докладами и сообщением. Я оказался членом Редакционной коллегии Трудов Съезда, состоящей из четырнадцати членов. Одним из этих четырнадцати был ответственный редактор Сергей Михайлович Никольский, представитель старшего поколения учеников Колмогорова. На этом поприще я и познакомился с этим замечательным человеком⁷.

Издательством Академии наук было выпущено четыре тома Трудов. Предполагался выпуск и пятого тома, содержащего организационные материалы Съезда, а прежде всего его протокол. В мои обязанности как члена редколлегии входило отвечать не только за материалы секции «Математическая логика и основания математики», но и за публикацию пятого тома. Мне был выдан пропуск для прохода в Институт, где моя должность была обозначена так: «редактор». Математический институт имени Стеклова предоставил мне папку с документами по организации и проведению Съезда.

Я приходил в Математический институт и читал содержимое названной папки. Наряду с не представляющими для меня интереса финансовыми документами и деловой переписки с участниками Съезда, там изредка попадались и перлы, например, письмо Дороницына не помню кому с требованием ограничить участие в Съезде евреев. Однако моё чтение было прервано. Дело в том, что среди документов я не обнаружил решения Съезда. А оно было для меня важно, потому что касалось математической логики. Напоминаю, что никаких других решений Съездом не принималось. Я обратился к Учёному секретарю Оргкомитета Коробову с просьбой выдать мне решение. В этой просьбе я был решительно поддержан Никольским. Коробов уваливал. Оно и понятно: вопрос о решении Съезда был выше его компетенции. Разговор между Коробовым с одной стороны

⁷ Никольский умер в 107-летнем возрасте. Последний раз я кратко разговаривал с ним, когда ему было 103 года, — он с трудом ходил, но сохранял ясную память. Когда ему было 92 года, он на моих глазах выпил пол-литра водки и без сопровождения отправился из МГУ домой.

Академия наук СССР

Труды
Третьего Всесоюзного
математического
съезда

Москва, июнь - июль 1956

Том V

Организационные материалы съезда

*Текст съезда сверен
с соответствующими материалами
Хронологический & архивный материалы
23-vii-1957. С. Яковлевич*

Москва, 1959

и Никольским и мною с другой произошёл на повышенных тонах. Решение Коробов так и не предоставил, но разговор с ним имел два результата, оба отрицательных. Первый состоял в том, что когда я явился в Институт продолжить чтение папки, мне было заявлено, что доступ к архивам Съезда для меня закрыт. Второй результат заключался в появлении нижеследующего документа.

*Академия наук СССР
Редакционно-издательский совет*

*Москва, М. Харитоньевский пер., 4
Тел. К2-05-53*

16 марта 1960 № 49-675/7

В Издательство Академии наук СССР

Копия: В Отделение физико-математических наук

Копия: В Математический институт им. В. А. Стеклова

В соответствии с письмом директора Математического института академика И. М. Виноградова, Редакционно-издательский совет АН СССР исключает из плана выпуска 1960 года «Труды 3-го Всесоюзного математического съезда, том V», объёмом 9 а. л.

Председатель Редакционно-издательского совета АН СССР

академик — подпись — (А. Н. Несмеянов)

Учёный секретарь — подпись — (А. М. Самсонов)

Тем не менее, у меня остался первый экземпляр машинописи так и не изданного пятого тома, титульная страница которой приведена на с. 904.

И протокол Съезда на 180 пронумерованных листах, и упомянутую выше заверенную копию документа «Отчёт об организации и проведении Всесоюзного математического съезда» — всё это в апреле 2017 года я передал Николаю Николаевичу Андрееву.

Примечания

¶ [к с. 898]. В сделанном 26 июня обзорном докладе «Об алгоритмической сводимости»⁸ я рассказывал о четырёх видах сводимости и связях между ними. Это *сводимость по вычислимости*, состоящая в сведении вычисления одной функции к вычислению другой.

⁸ Краткое содержание этого доклада опубликовано: Труды третьего всесоюзного Математического съезда. — Т. 2. — М.: Изд-во АН СССР, 1956. — С. 66—69.

Это *сводимость по разрешимости*, состоящая в сведении задачи построения разрешающего алгоритма⁹ для одного множества к задаче построения разрешающего алгоритма для другого множества. Это *сводимость по перечислимости*, состоящее в сведении перечисления одного множества к перечислению другого. Это *сводимость проблем*, состоящая в сведении решения одной проблемы к решению другой. В математике под *проблемой* понимается задача построения объекта, удовлетворяющего тем или иным условиям (а сам объект, удовлетворяющий требуемым условиям, называется *решением* проблемы). В 1932 году Колмогоров показал, что проблемы — при надлежаще введённых операциях над ними — образуют интерпретацию интуиционистского исчисления высказываний. В 1955 году интересную разновидность проблем ввёл ученик Колмогорова Ю. Т. Медведев; он же определил понятие *сводимости* для таких проблем.

В 1944 году один из великих отцов-основателей теории вычислимости Эмиль Пост (Emil Leon Post, 11.02.1897—21.04.1954) поставил следующий вопрос: верно ли, что все неразрешимые перечислимые множества сводятся по разрешимости друг к другу? Этот вопрос получил известность под именем проблема сводимости Поста. Советский математик А. А. Мучник и американский математик Р. М. Фридберг (Richard M. Friedberg) в независимых публикациях 1956-го и, соответственно, 1957-го года отрицательно ответили на этот вопрос. Каждый из них построил два неразрешимых перечислимых множества, не сводящихся по разрешимости друг к другу; для получения этого результата ими был открыт и разработан важный метод *приоритета*¹⁰.

Каждое из отношений сводимости даёт *отношение эквивалентности* на совокупности тех объектов, на которых это отношение определено: два объекта объявляются эквивалентными, если каждый из них сводится к другому. Полученное таким образом отношение

⁹ Разрешающий алгоритм для данного множества распознаёт, принадлежит или нет к данному множеству произвольно взятый элемент из более обширного и общеизвестного множества — например, из натурального ряда или из множества всех слов в каком-либо алфавите (что это такое, разъясняется ниже в этом затекстовом примечании).

¹⁰ Подробнее о проблеме сводимости Поста см. в параграфе 1.11 книги: В. А. Успенский, А. Л. Семёнов. Теория алгоритмов: основные открытия и приложения. — М.: Наука, Гл. ред. физ.-мат. лит., 1987. — 288 с. — [Английский перевод: V. Uspensky, A. Semenov. Algorithms: Main Ideas and Applications. — Dordrecht e. a.: Kluwer Academic Publishers, 1993. — 269 p.]. Если какой-то читатель решит, что маловероятно, обратиться к указанному параграфу, он должен иметь в виду следующее. В названном параграфе говорится не о перечислимых, а о породимых множествах. Понятия породимости и перечислимости различаются по смыслу, однако приводят к одному и тому же классу множеств.

эквивалентности приводит к разбиению соответствующей совокупности объектов на классы эквивалентности. Для этих классов приняты специальные наименования. Для сводимости по вычислимости классы эквивалентности называются *степенями невычислимости*, для сводимости по разрешимости — *степенями неразрешимости*, для сводимости по перечислимости — *степенями неперечислимости*, для сводимости проблем по Медведеву — *степенями трудности*. Теорема Мучника—Фридберга означает, что неразрешимые перечислимые множества могут принадлежать разным степеням. А между множествами степеней указанных типов обнаруживаются некоторые любопытные соотношения.

Наименование моего доклада 2 июля было «Понятие программы и вычислимые операторы», а сообщения 3 июля — «Вычислимые операции, вычислимые операторы и конструктивно-непрерывные функции». Доклад и сообщение были тесно связаны тематически¹¹.

В сообщении 3 июля был изложен (разумеется, без доказательства) результат, который считаю своим главным математическим результатом; я помню обстоятельства его получения¹² — это теорема 3 (см. ниже). Он составил основу моей кандидатской диссертации, защищённой в октябре 1955 года. Доказательства этого результата, кроме текста диссертации, хранящейся — или уже только хранившейся? — в библиотеке мехмата, я так никогда и не опубликовал. Основная причина, как ни стыдно в этом признаться, банальная лень. Дополнительная причина, не столь постыдная, но глупая, это преследующее меня, пока я не повзрослел, желание изложить всё в максимально общем виде, но достичь предела в обобщении нереально.

0. Как уже было сказано, доклад 2 июля и сообщение 3 июля тематически были тесно связаны. Я изложу их содержание так, как я сделал бы это сегодня.

Кроме того, я ограничусь лишь такими вычислимыми функциями, аргументами и значениями которых служат натуральные числа. Заме-

¹¹ Их краткое содержание опубликовано: Труды третьего всесоюзного Математического съезда. — Т. 1. — М.: Изд-во АН СССР, 1956. — С. 186 (доклад) и 185 (сообщение).

¹² Теорема 3 заинтересовала меня с семиотической точки зрения — см. Философский комментарий в самом конце настоящего затекстового примечания — хотя слова «семиотика» я тогда, скорее всего, ещё не знал. Помню, как я бродил по улицам и думал только об этом. Озарение пришло, когда в течение некоторого времени я проводил дневные часы в квартире моей тётки в Большом Спасоглинищевском переулке. Сын ещё не родился, тётка и жена уходили на работу, телефона в квартире не было, мобильные телефоны ещё не были изобретены. Вот в этой обстановке меня внезапно осенило.

тим, что все определения и факты с лёгкостью переносятся на более общий случай. Говоря о каком-либо множестве вычислимых функций, в особенности же — о *множестве всех вычислимых функций*, мы всегда будем предполагать, что количество аргументов у функций из рассматриваемого множества заранее фиксировано.

Подчеркнём, что функции не предполагаются всюду определёнными; иногда такие функции называют частичными, но я считаю эту терминологию устаревшей; правильнее всюду определённые функции выделять из всех функций каким-либо эпитетом (иногда в качестве такого эпитета используют прилагательное «тотальная»).

Напомним, что в математике *алфавитом* называется конечный список символов, называемых *буквами*, а *словом* в данном алфавите — конечная цепочка букв этого алфавита. *Вычислимой* называется функция, значения которой могут быть вычислены некоторым алгоритмом. Вот здесь и работает отказ от требования, чтобы функция была определена для всякого аргумента: ведь применяя алгоритм к тому или иному аргументу, мы не можем знать заранее, приведёт ли это применение к какому-либо результату. При сравнении двух выражений, которые содержат переменные и которые при каких-то значениях переменных могут оказаться не определёнными, употребление обычного знака равенства приводит к двусмысленности. Посему в этом случае используется *знак условного равенства* \approx . Запись $A \approx B$ означает, что A и B одновременно определены или не определены и если определены, то равны.

Всякую программу всякого алгоритма, вычисляющего данную функцию, будем называть *программой* этой вычислимой функции.

1. В сообщении была сделана попытка дать достаточно общее и в то же время адекватное определение понятия '*программа вычислимой функции*' как математического объекта. Делается это на основе введённого Колмогоровым понятия нумерации.

Следуя Колмогорову, *нумерацией множества M* называется отображение на M какого-либо подмножества натурального ряда. Ограничимся для простоты лишь такими нумерациями, которые являются отображениями всего натурального ряда, и именно их в дальнейшем и будем называть *нумерациями*. Всякое натуральное число, имеющее своим образом элемент t из M , называется *номером* элемента t в данной нумерации. Колмогорову принадлежит важное понятие *сводимости нумераций*. Пусть α и β — две нумерации одного и того же множества. По определению, α *сводится* к β , коль скоро существует такая вычислимая функция g , что $\beta(g(n)) = \alpha(n)$ для всякого n . Если функция g , фигурирующая в только что сформулированном опреде-

лении сводимости, осуществляет взаимно однозначное отображение натурального ряда на себя, нумерации α и β называются *изоморфными*.

Фиксируем какой-либо способ программирования (метод программирования, как говорил Колмогоров, язык программирования, как говорят программисты) алгоритмов. Всякая программа есть слово в некотором алфавите (*алфавите программ*). Предполагается, что существует *разрешающий алгоритм*, способный отличать программы от слов, программами не являющихся. Таким образом, множество программ является *разрешимым* и, следовательно, *перечислимым*, т. е. его можно представить в виде *вычислимой последовательности слов*. Поскольку последовательность вычислима, то переходы от номера к программе и от программы к номеру происходят алгоритмически. Это позволяет отождествить программы с их номерами.

2. Нумерация какого-либо множества вычислимых функций называется *вычислимой*, коль скоро существует алгоритм, дающий по всякому номеру этой функции в данной нумерации и по всякому её аргументу значение этой функции на этом аргументе и не дающий ничего, если таковое значение отсутствует. Говоря на языке формул, сказанное можно перефразировать так: нумерация ξ множества функций называется *вычислимой*, коль скоро существует такая вычислимая функция G , что если $\xi(n) = f$, то $G(n, x) \simeq f(x)$. Очевидно, что если множество функций обладает вычислимой нумерацией, то все его элементы являются вычислимыми функциями. Очевидно также, что любой способ программирования приводит к вычислимой нумерации множества вычислимых функций. Наша цель состоит в том, чтобы из всех вычислимых нумераций выделить те, которые задаются способами программирования. Если это получится, то номера вычислимых функций при такой нумерации мы и объявим программами.

3. Вычислимая нумерация множества функций называется *главной*, если к ней сводится всякая вычислимая нумерация того же множества. Очевидно, что любые две главные нумерации одного и того же множества сводятся одна к другой. Менее очевидно, что любые две главные нумерации множества всех вычислимых функций изоморфны. Это утверждается *теоремой Роджерса*¹³. Содержательные соображения убеждают, что любой способ программирования приводит к главной нумерации множества вычислимых функций.

4. Остаётся объявить, что номер вычислимой функции в нумерации, порождаемой каким-либо способом программирования, и есть программа этой функции при этом способе программирования.

¹³ H[artley] Rogers, Jr. Gödel numberings of partial recursive functions // Journal of Symbolic Logic. — 1958. — Vol. 23. — No. 3. — P. 331—341.

5. Теорема 1. *Никакого свойства вычислимых функций, кроме двух тривиальных — всеобщего, которым обладает каждая функция, и пустого, которым не обладает ни одна функция — нельзя алгоритмически распознать по их программам.*

Эту теорему обычно называют теоремой Райса, хотя Райс доказал аналогичное утверждение не для функций, а для перечислимых множеств¹⁴. (Здесь действует так называемый *принцип Арнольда*, провозглашённый Владимиром Игоревичем Арнольдом: если какая-либо теорема носит чьё-то имя, то это означает, что носитель имени не доказывал [или не придумывал] эту теорему.)

6. На множестве M всех подмножеств произвольного множества A можно ввести следующую топологию. Сперва введём *базисные открытые множества*. Для любого конечного F из M обозначим через O_F совокупность всех таких L из M , которые содержат F в качестве подмножества. Каждое такое O_F и объявим *базисным открытым множеством*. Далее, как обычно, *открытыми множествами* объявляются любые объединения (они же теоретико-множественные суммы) базисных открытых множеств. Функции отождествляются с их графиками: всякая функция $y = f(x)$ отождествляется с множеством всех таких пар (x, y) , у которых $y = f(x)$. Поэтому функция от s натуральных переменных рассматривается как элемент множества \mathbb{N}^{s+1} . Здесь, как обычно \mathbb{N} означает натуральный ряд, а \mathbb{N}^k его декартову степень с показателем k . Тем самым, множество всех функций оказывается частью множества всех подмножеств подходящей декартовой степени натурального ряда. На множестве всех функций автоматически возникает топология, индуцированная только что введённой топологией на множестве всех подмножеств. При этом множество всех функций оказывается топологически связным, т. е. не допускающим разбиения на два взаимно дополнительных открытых множества.

7. Теорема 2. *Пусть дана какая-либо главная нумерация множества всех вычислимых функций. Если множество всех номеров всех элементов какого-либо подмножества указанного множества перечислимо, то это подмножество открыто.*

Примем во внимание известный факт теории вычислимости, состоящий в том, что если оба взаимно дополнительных множества перечислимы, то они разрешимы. Тогда, поскольку множество всех функций связно, теорема 1 из нашего пункта 5 оказывается прямым следствием теоремы 2.

¹⁴ *H. G. Rice. Classes of recursively enumerable sets and their decision problems // Transactions of the American Mathematical Society. — 1953. — Vol. 74. — No. 2. — P. 358—366.*

8. Теперь введём понятие *вычислимой операции* на множествах. Мы по-прежнему ограничимся подмножествами натурального ряда и его декартовых степеней; перенесение на более общую ситуацию очевидно.

Напомним, что называется кортежем. По определению, *кортеж* длины n есть конечная последовательность из n членов; стоящие на различных местах члены кортежа могут и совпадать. (Лучше говорить «кортеж», чем «энка». А если кортеж имеет длину k ?) Кортеж, все члены коего принадлежат множеству M называется кортежем над M . Условимся через $[q]$ обозначать множество всех членов кортежа q .

Рассмотрим функцию φ , аргументами которой служат кортежи над \mathbb{N}^s , а значениями — кортежи над \mathbb{N} . (При предположенном отождествлении функций с их графиками эта функция есть не что иное, как функция от s натуральных аргументов с натуральными же значениями.) Всякая такая функция задаёт операцию V_φ , аргументами которой служат подмножества множества \mathbb{N}^s , а значениями — подмножества натурального ряда. Эта операция определяется формулой:

$$V_\varphi(K) = \bigcup [\varphi(q)],$$

где объединение берётся по всем q , таким что $[q] \subset K$. Если функция φ не определена для данного q , значением $[\varphi(q)]$ служит пустой кортеж Λ длины ноль. Легко проверить, что введённая такой формулой операция является непрерывной относительно топологии из нашего пункта 6. Если задающая операцию функция φ оказывается вычислимой, соответствующую ей операцию назовём *вычислимой операцией*. Вычислимая операция отражает интуитивное представление о постепенном вычислимом преобразовании подмножеств множества \mathbb{N}^s в подмножества натурального ряда.

9. Напомним, что функции отождествляются с их графиками. Может случиться, что операция сохраняет функциональность, т. е. преобразует всякое множество, служащее графиком функции в множество, служащее графиком функции, иначе говоря, преобразует всякую функцию в функцию. Такие операции естественно назвать операторами. Если свойством сохранения функциональности обладает вычислимая операция, то соответствующий ей оператор называется *вычислимым оператором*.

Ясно, что всякому вычислимому оператору отвечает вычислимое же преобразование программ соответствующих функций. Скажем более точно. Пусть оператор V вычислим; тогда существует такая вычислимая функция g , что если n есть программа для функции θ , то $g(n)$ является программой для функции $V(\theta)$. В самом деле, достаточно к n присоединить программу той функции, которая задаёт

оператор V , тогда полученная композиция будет одной из программ функции $V(\theta)$. Обратное утверждение даётся теоремой 3.

Ф и л о с о ф с к и й к о м м е н т а р и й. Семиотический смысл факта из предыдущего абзаца таков: вычислимое преобразование объектов сопровождается вычислимым преобразованием их имён.

Т е о р е м а 3. *Пусть функция g с натуральными аргументами и значениями обладает следующим свойством. Если m и n служат программами одной и той же вычислимой функции от s аргументов, то $g(m)$ и $g(n)$ так же служат программами одной и той же функции от одного аргумента. Тогда существует вычислимый оператор V со следующим свойством. Для всякой функции θ с программой n значением $V(\theta)$ оператора V на функции θ является функция с программой $g(n)$.*

Ф и л о с о ф с к и й к о м м е н т а р и й. Семиотический смысл теоремы 3 таков: «хорошее» вычислимое преобразование имён сопровождается вычислимым преобразованием соответствующих объектов.

2 [к с. 898]. Про этого Алеко мой друг, ученик Н. Н. Боголюбова старшего, физик-теоретик Миша Поливанов рассказал следующую историю. Тавхелидзе знал, что через год будет решаться вопрос о назначении директора некоего института, что он будет одним из кандидатов и что окончательное решение примет ЦК КПСС — не коллегия из сотен членов¹⁵, а аппарат. С кавказской страстью ему хотелось занять названную должность. Он предпринял следующий, не лишённый остроумия ход. Приобретя небольшую собачку, он стал выгуливать её ежедневно по утрам перед зданием ЦК на Старой площади. Когда в этом здании расположилась выполняющая примерно те же функции Администрация Президента России и после того, как произошла смена президентов, Тавхелидзе не мог бы гулять вблизи от подъездов: там теперь ограждение. А тогда мог. При этом выгуливал свою собачку он ровно в то время, когда сотрудники аппарата ЦК шли на работу. Месяца через два они стали с ним здороваться, а через полгода интересоваться здоровьем собачки. Когда его вызвали для беседы в ЦК, из открытых дверей кабинетов раздалось: «Алеко! Привет, заходи. А что ты тут делаешь?». Он объяснил цель своего появления в коридорах власти и получил заверения, что ему будет оказана помощь. В результате Тавхелидзе был назначен на вожделенную должность директора.

¹⁵ В 1903 году в состав ЦК РСДРП входило 9 человек.

А здесь я всё-таки привык...¹

Многие гуманитарии не любят математики и боятся её, не догадываясь, что она им необходима

Очень даже может быть, что математика — гуманитарная наука, и гуманитариев непременно следует ей обучать, потому что она учит отличать истину от лжи, смысл от бессмыслицы и понятное — от непонятного.

Математика — наука демократичная: в ней студент не обязан верить академику, и академику нужно, как и студенту, доказывать теорему, а не давить авторитетом. В общем, математика способствует тому, чтоб интеллект не только «технаря», но и гуманитария развивался в правильном направлении. Беда, однако, в том, что в наших школах преподают не ту математику, и редкий школьник не приобретает устойчивой ненависти к этому предмету, о чём профессор мехмата МГУ Владимир Андреевич Успенский сообщил на вручении ему премии «Просветитель» 18 ноября 2010 года. Дело в том, что преимущественно для гуманитариев — или, как он сказал на состоявшейся после награждения пресс-конференции, для «образованных дилетантов» — Успенский выпустил книгу «Апология математики». За эту книгу фонд «Династия», основанный Дмитрием Борисовичем Зиминым, в ноябре 2010-го вручил ему премию «Просветитель», почти подгадав к 80-летию профессора.

Эта книга — сборник статей, написанных Успенским с 1965 по 2009 год.

Что касается их тематики, пишет автор в предисловии, все они либо прямо относятся к той не имеющей чётких границ области

Интервью для журнала «Вокруг света». Опубликовано на сайте журнала: <http://www.vokrugsveta.ru/telegraph/theory/1325/> (часть первая); <http://www.vokrugsveta.ru/telegraph/theory/1326/> (часть вторая). Беседовала Анастасия Дмитриевна Нарышкина 2 декабря 2010 года.

¹ Тексты в рамках принадлежат редакции журнала.

знания, которую иногда именуют философией математики, либо в той или иной степени примыкают ней.

Зачем гуманитариям математика и нельзя ли обойтись без неё, — с этим вопросом (и со множеством других) корреспондент «Вокруг света» Анастасия Нарышкина оказалась 2 декабря 2010 года у профессора на кухне, с рюмкой в одной руке — с мороза — и диктофоном в другой.

— Начнём со звяка, — сказал профессор и чокнулся с корреспондентом, задавшей ему первый вопрос — про «Апологию математики».

— А насчёт книжки следующее: она вышла в конце августа 2009 года. Тираж небольшой — три тысячи. Но говорят, что для такой литературы он не такой уж и маленький. Он постепенно расходился и к весне разошёлся совсем. Сейчас то же издательство «Амфора» выпустило новый тираж, с исправленными опечатками. Этот новый тираж я впервые увидел на церемонии награждения и с удовлетворением убедился, что опечатки действительно исправлены.

— ***Вы ожидали, что у книги будет такой успех?***

«Главная цель обучения гуманитариев математике — психологическая. Эта цель состоит не столько в сообщении знаний и даже не столько в обучении методу, сколько в изменении — нет, не в изменении, а в расширении психологии обучающегося, в привитии ему строгой дисциплины мышления. Помимо дисциплины мышления я бы назвал ещё три важнейших умения, выработке которых должны способствовать математические занятия. Перечисляю их в порядке возрастания важности: первое — это умение отличать истину от лжи; второе — это умение отличать смысл от бессмыслицы; третье — это умение отличать понятное от непонятного».

(*Владимир Успенский. Математическое и гуманитарное: преодоление барьера*².)

— Совершенно не ожидал. Но наибольшее потрясение у меня было, когда в конце 2007 года журнальный вариант статьи «Апология математики, или О математике как части духовной культуры», давшей название всему сборнику, напечатали в «Новом мире», причём в двух номерах, с продолжением, — кажется, прежде такое допускалось только для романов. Причём редакция меня честно предупредила, что опубликование в их журнале представляется маловероятным. Но для

² Источник цитаты — кн. 2 «Философия» настоящего издания, с. 48. — В. У.

меня было важно опубликовать статью не в математическом издании, а в «журнале художественной литературы и общественной мысли», как называет себя «Новый мир». А другую мою статью, «Гуманитарное и математическое: преодоление барьера», также вошедшую в сборник, тогда же напечатал «литературно-художественный и общественно-политический журнал» «Знамя». И за это я благодарен обоим журналам. Тем самым утверждалось право математики на место в общественном сознании и в духовной культуре. Мне представлялось также существенным хотя бы намекнуть, что математика помогает лучше понять устройство окружающего нас мира.

Простой пример: вряд ли человечество столь быстро пришло бы к пониманию шарообразности Земли, если бы в умах людей уже не существовало математическое понятие шара. Понимание таких парадоксальных свойств нашей Вселенной, как конечность и искривлённость, было бы затруднительно, если бы в математике уже не было готовых геометрических образований с названными свойствами.

— **А как вы начали писать? Почему?**

— Пишет человек для удовольствия. Сейчас я объясню, как это получилось. Я вообще математик по историческому недоразумению.

— **Как так?**

— Почему в Советском Союзе была развита так сильно математика? Когда я поступал в МГУ — это был 1947 год — думаю, что мы были на первом месте в мире в математике и, безусловно, на первом месте в шахматах. Дело в том, что этим двум сферам деятельности удалось быть свободными от советской идеологии. Ну, может, правильнее было бы сказать, что у нас было тогда не первое, а одно из первых мест в математике. Мой учитель Колмогоров какую-то часть своей жизни — не на протяжении всей жизни, а какую-то её часть — многими воспринимался как первый математик мира. Это было засвидетельствовано премией, которую ему вручили в 1963 году. Как вы, конечно, знаете, Нобелевских премий по математике нет. Есть увлекательное объяснение этому — «Cherchez la femme!» — но это, видимо, враньё. Хотя я допускаю, что Нобель не любил человека по имени Миттаг-Леффлер, который был тогда первый математик Швеции и который, скорее всего, получил бы эту премию.

В 1960-х годах возникла такая, как бы конкурирующая с Нобелевской, ежегодная премия Бальцана. Нобелевскую премию вручает шведский король, Бальцановскую — итальянский президент. Но главная разница в том, что Нобелевскую премию дают по раз и навсегда установленным номинациям: есть, скажем, медицина, есть химия, ну и так далее. А у Бальцановской премии нет фиксированного списка

номинаций: сегодня дают за музыку, в следующий раз ещё за что-нибудь.

Размер Бальцановской премии больше, чем у Нобелевской. Первое присуждение, в 1961 году, было весьма примечательным: они присудили её Нобелевскому фонду. А вот второе присуждение, в 1962-м, было более содержательным: папе Иоанну XXIII; композитору Хиндемиту; неизвестному у нас, но известному на Западе историку Самуэлю Морисону (он исследователь истории американских индейцев); математику Колмогорову; замечательному биологу Карлу фон Фришу, разгадавшему язык пчёл. Вы знаете об этом языке пчёл?

Известно следующее: пчёлы вылетают из улья и летят в разные стороны. Когда какая-то пчела натывается на что-то интересное, она сообщает другим пчёлам две вещи: направление и расстояние. Как? Движениями тела. Чтобы понять это, Фриш делал совершенно фантастические опыты. Я читал когда-то, это безумно увлекательно. Когда Колмогорову дали эту премию, это было жестом его официального мирового признания.

Так вот, я решал, кем мне быть. Если бы я родился в другое время и в другой стране, я бы стал юристом. Ну, вы знаете, что в Англии адвокаты делятся на две категории: солиситоры и барристеры. Барристер (barrister) — это тот, кто выступает в суде, а солиситор (solicitor) — тот, кто готовит дело. Я, скорее всего, был бы солиситором, и даже не солиситором, а теоретиком, скажем, по государственному, по конституционному праву. Или ещё более интересная вещь — церковное право. Но в Советском Союзе заниматься этим было бессмысленно. Литературоведением — тоже бессмысленно, можно было писать только дифирамбы или поношения, как прикажут. Как печально констатировал Пастернак, «кому быть живым и хвалимым, кто должен быть мёртв и хулим, — известно у нас подхалимам влиятельным только одним».

Биология была разгромлена, а ведь у нас была потрясающая биологическая школа. Химию тоже пытались громить — так, теория резонанса, которую разрабатывал Нобелевский лауреат Паулинг (Linus Carl Pauling, 1901—1994), была объявлена идеалистической, а сам Паулинг — реакционером. Но он же, когда его фамилия переводилась как Полинг, был, наоборот, положительным борцом за мир и лауреатом Нобелевской премии мира. Он был дважды лауреатом Нобелевской премии — по химии за резонансную теорию образования химических связей, которая в СССР была признана реакционной, и за борьбу против ядерного оружия.

Даже в физике была попытка: дескать, квантовая теория и теория относительности — это идеализм. Ведь в квантовой теории один из постулатов — что результат наблюдения зависит от процедуры наблюдения, что сам процесс наблюдения меняет результат. Например, чтобы наблюдать этот стакан, я должен его осветить, но свет, как известно, давит на то, что он освещает. Давление света приводит к тому, что со стаканом происходит какое-то изменение. Таким образом, стакан меняется вследствие наблюдения. Но изменение стакана столь незначительно по сравнению с размерами стакана, что не улавливается никакими приборами, и им можно пренебречь. А вот если наблюдать элементарную частицу, то её состояние, вследствие процесса наблюдения, меняется на заметную величину — заметную, опять же, в сравнении с её размерами. Оно и понятно: ведь чтобы наблюдать частицу, вы её вынуждены облучить, и от этого облучения что-то с ней происходит. Но всё это, с точки зрения так называемого «диалектического материализма», который велено было считать единственно верной идеологией, есть махровый идеализм, или, как писал Ленин, «сползание к фидеизму и поповщине».

Одним словом, я тогда думал, чем мне заниматься.

— ***И вы в столь юном возрасте всё это проанализировали?***

— Не то что я сел и проанализировал, но было очевидно, что нельзя идти в гуманитарии.

— ***А что родители говорили?***

— Ничего не говорили. Родитель мой был драматург, мама была театральная переводчица, а я... сам, один такой выродок (вот мой младший брат Борис — он филолог, историк, искусствовед). Интерес к математике у меня был ещё с довоенных времён. Я помню, в Новосибирске, в эвакуации я ходил в букинистический магазин и покупал книги по высшей математике, ничего в них не понимая, выбирая ради красоты названия. Сколько мне было? Тринадцать лет мне исполнилось в поезде на обратном пути из эвакуации, в ноябре 1943 года. В то время при Московском университете были замечательные школьные математические кружки, и я пошёл в такой кружок. Когда я был в восьмом классе, то получил первую премию на Московской математической олимпиаде для школьников. И мой руководитель кружка, Евгений Борисович Дынкин³ сказал: «Нечего вам делать в школе, идите в Университет» — и дали мне от Университета бумагу, чтобы мне разрешили перескочить через девятый

³ <http://www.math.cornell.edu/~ebd/> — эта ссылка ведёт на личную страничку Дынкина на сайте Корнеллского университета.

класс. Напечатано это было на каком-то листке, едва ли не вырванном из тетрадки в клетку, но подписи были — «профессор-доктор» такой-то, «профессор-доктор» такой-то, и печать Московского математического общества.

В 1947 году Владимир Успенский стал студентом мехмата МГУ, в 1964-м стал доктором физико-математических наук, а в 1966-м — профессором того же мехмата. В 1995-м получил кафедру математической логики и теории алгоритмов.

Поскольку я имел психологию отличника, то я всё лето учил — а я не понимал, как можно сдать что-то не на «пять». Девятый класс был тогда самый трудный из всех, самый объёмный. И я всё это сдал и в результате получил такое переутомление, что первые полгода я не мог ходить в школу, в десятый класс. Тогда директриса — очень хорошая, Лидия Петровна Мельникова, — вызвала моего отца и сказала: вообще-то в десятом классе оставаться на второй год нельзя, в любом другом можно, но не в десятом. Вместо оставления на второй год человеку выдают не аттестат зрелости, необходимый для поступления в вуз, а справку о том, что он прослушал курс средней школы. Но в вашем случае, сказала она, я добьюсь того, чтоб ваш сын мог остаться на второй год. Она так сказала, чтобы мои родители не беспокоились, что я останусь со справкой. Я думаю, что я до сих пор не вышел из того переутомления, которое я получил тогда.

Ну, а потом я получил золотую медаль и поступил на мехмат МГУ. Это 1947-й год.

— Но в математике тоже, мне кажется, было не всё благополучно? Ведь уже было дело Лузина. Его же, кажется, посадили?

— Нет, посадили не его, а его учителя Дмитрия Фёдоровича Егорова — почётного члена Академии наук, президента Московского математического общества и профессора Московского университета. И не только посадили, а довели в тюрьме до смерти. Это началось в 1930 году, после чего, насколько я знаю, Лузин покинул Московский университет и перестал заниматься делами Московского математического общества. Знаменитое «Дело Лузина» происходило летом 1936 года и к Университету прямого отношения не имело. Николая Николаевича Лузина не посадили и даже не исключили из числа членов Академии наук. История, тем не менее, была довольно гнусная, потому что против него выступило абсолютное большинство его учеников — а у него была огромная научная школа, представители которой составляли элиту советской математики. А ведь в двадцатые

годы, в период расцвета «Лузитании» (так назывался сплотившийся вокруг Лузина коллектив его учеников) эти самые ученики были в него буквально влюблены. «Дело Лузина» началось со статей в главной советской газете, газете «Правда», официальном органе правящей Коммунистической партии, и стало быстро приобретать угрожающую политическую окраску. Одна из статей называлась «О врагах в советской маске». Сталинское время имело свою мораль, и её основой была ненависть. Название статьи могло быть предвестником репрессий — не только тюрьмы, но и расстрела. Хотя некоторые из претензий лужинских учеников к своему учителю были, возможно, и справедливы, присоединение к политической травле, затеянной партийными функционерами, вряд ли может быть оправданным. Есть книга «Дело академика Лузина», её надо читать. Это потрясающее чтение, страшное, а местами вызывающее омерзение, сравнимое с омерзением от чтения отдельных мест стенографического отчёта печально знаменитой августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 года, закончившейся полным разгромом биологической науки в СССР и торжеством лысенковщины.

Может быть, чтение материалов дела Лузина даже более омерзительно, потому что в осуждении Лузина участвовали крупные математики, а на сессии ВАСХНИЛ с разгромными речами выступали всё-таки не крупные биологи, а безграмотные приспешники безграмотного «народного академика» Лысенко. Лужин действительно нередко обращался с учениками незтично, он человек был со сложным характером и, думаю, мог иногда быть весьма неприятным. Повторяю, однако, что в 1920-х годах почти все участники школы Лузина были в него влюблены. Но со временем и Лужин постарел, и ученики повзрослели; по-видимому, Лужин не заметил этой эволюции и по-прежнему вёл себя, как лидер. Кстати, против него не выступил тот ученик, который имел на то больше всего оснований — это Пётр Сергеевич Новиков, гениальный математик, один из крупнейших российских учёных XX века. Когда в 1957 году восстановили Ленинские премии, не вручавшиеся с 1935 года, то в отечественной математике не нашлось более значительных работ, и Новикову тут же дали Ленинскую премию. Так вот, Лужин его отчасти обокрал, приписав некоторые результаты Новикова себе. Но в оправдание Лузина могу сказать: у него было феодальное мышление: «я феодал, это мои вассалы, и всё, что они делают, — моё, но и я вассал вон того феодала, и всё моё — его».

— *А кто был его учитель-феодал?*

— Я здесь имею в виду его второго (после Егорова) учителя, который отнюдь феодалом не был. Это великий французский математик,

один из крупнейших математиков в истории, Анри Лебег (Henri Léon Lebesgue, 1875—1941).

В 1930 году в Париже была издана на французском языке книга Лузина «Лекции об аналитических множествах». Лебег написал к ней предисловие, в котором говорил:

Всякий, вероятно, удивится, когда узнает, читая Лузина, что я, между прочим, изобрёл метод решета и первым построил аналитическое множество. Никто, однако, не удивится так, как я. Г-н Лузин лишь тогда бывает совершенно счастлив, когда ему удаётся приписать собственные открытия кому-либо другому.

Русский перевод книги Лузина публиковался в СССР дважды и каждый раз — без предисловия Лебега. Меня это искренне изумляло, пока я не узнал, что Сталин потому одобрил травлю Лузина, что это было началом осуществления его плана последовательного отгораживания от контактов с Западом советской науки и культуры в целом (после войны этот план вылился в чудовищную кампанию борьбы с так называемым низкопоклонством перед Западом). Однако в 1983 году отмечалось столетие Лузина, чему был посвящён специальный выпуск журнала «Успехи математических наук», вышедший в 1985 году. Это был хороший повод опубликовать предисловие Лебега. Я попросил своего сына (В. В. Успенского) сделать перевод с французского, и этот перевод с моими комментариями был, наконец, опубликован в названном выпуске.

«Дело Лузина» развивалось в Академии наук и к мехмату имело косвенное отношение — лишь тем, что на нём преподавали некоторые из гонителей Лузина. Когда в 1947 году я поступал на мехмат и когда в 1952 году я его кончал, мехмат был лучшим математическим учебным заведением мира.

— Что за атмосфера была тогда на мехмате?

— Я не знал и не знаю, какая атмосфера была в то время в Консерватории, но мне казалось, что на мехмате такая же, как там. Атмосфера горящих глаз при знакомстве с музыкальной или математической новостью! Потому что это чистое, абсолютное знание... как игра в бисер из одноимённой книги.

«Правила этой игры игр нельзя выучить иначе, чем обычным, предписанным путём, на который уходят годы, да ведь никто из посвящённых и не заинтересован в том, чтобы правила эти можно было выучить с большей лёгкостью. Эти правила, язык знаков и грамматика Игры представляют собой некую разновидность высо-

коразвитого тайного языка, в котором участвуют самые разные науки и искусства, но прежде всего математика и музыка (или музыковедение), и который способен выразить и соотнести содержание и выводы чуть ли не всех наук. Игра в бисер — это, таким образом, игра со всем содержанием и всеми ценностями нашей культуры, она играет ими примерно так, как во времена расцвета искусств живописец играл красками своей палитры. Всем опытом, всеми высокими мыслями и произведениями искусства, рождёнными человечеством в его творческие эпохи, всем, что последующие периоды учёного созерцания свели к понятиям и сделали интеллектуальным достоянием, всей этой огромной массой духовных ценностей умелец Игры играет, как органист на органе, и совершенство этого органа трудно себе представить — его клавиши и педали охватывают весь духовный космос, его регистры почти бесчисленны, теоретически игрой на этом инструменте можно воспроизвести всё духовное содержание мира. А клавиши эти, педали и регистры установлены твёрдо, менять их число и порядок в попытках усовершенствования можно, собственно, только в теории: обогащение языка Игры вводом новых значений строжайше контролируется её высшим руководством. Зато в пределах этой твёрдо установленной системы, или, пользуясь нашей метафорой, в пределах сложной механики этого органа, отдельному умельцу Игры открыт целый мир возможностей и комбинаций, и чтобы из тысячи строго проведённых партий хотя бы две походили друг на друга больше чем поверхностно — это почти за пределами возможного. Даже если бы когда-нибудь два игрока случайно взяли для игры в точности одинаковый небольшой набор тем, то в зависимости от мышления, характера, настроения и виртуозности игроков обе эти партии выглядели бы совершенно по-разному».

(Герман Гессе. Игра в бисер.)

— *И вы, что называется, нашли себя там?*

— Не совсем. С одной стороны, учиться было безумно интересно. С другой, я не считаю себя настоящим математиком.

— *А что это значит?*

— У Петра Сергеевича Новикова на его могиле на Новодевичьем кладбище написано: «Пётр Сергеевич Новиков, математик». Вокруг — могилы со всякими регалиями. (Аналогия: был такой грузинский просветитель Акакий Церетели, так вот на его могиле в Тбилиси написано одно слово — Акакий.) А тут — «математик», не «лауреат таких-то премий» или «академик» (хотя Новиков был и

тем и другим). Вот что это значит. Но мне очень повезло, потому что меня заметил Колмогоров.

— *Как это — заметил?*

— Сейчас я вам расскажу. Моим первым учителем был Евгений Борисович Дынкин, который сейчас профессор в Корнеллском университете в США. Он родился в мае 1924 года, вы представляете, сколько ему сейчас лет⁴. Школьником я ходил на математический кружок при университете, который он вёл, будучи аспирантом. Он оказал мне огромную честь: в конце моего третьего курса, он сказал мне: «Давайте напишем книгу по итогам того школьного кружка, в котором вы были участником». И мы написали такую книгу, которая называлась «Математические беседы»; я ходил в издательство Гостехиздат, вся серьёзная математическая литература шла через него. И я студентом туда ходил и читал корректуру, и это, конечно, было для меня большим событием. И в 1952-м году вышла эта книжка, а в 2004-м, через 52 года, вышло второе издание. А как Колмогоров меня заметил — сейчас я вам расскажу. Ему рассказал обо мне Дынкин. Потому что я там, в кружке Дынкина...

— *Засветились.*

— Засветился. Я даже знаю, на чём я засветился, это дело чрезвычайно простое. Это классическая задача о размножении бактерий, но Дынкин на школьном кружке почему-то её излагал так, как будто речь шла о размножении лордов. Что, кстати, и неграмотно, потому что лорд, благодаря принципу майората, не производит много лордов. Перство в Палате лордов получает только старший сын. (Младших сыновей герцогов и маркизов тоже называют лордами, но это всего лишь из вежливости.) Поэтому я буду излагать эту задачу в терминах размножения бактерий.

Итак, имеется бактерия, через единицу времени она с такой-то вероятностью умирает, а с такой-то — рождает другую бактерию, и тогда их становится две — мама и дочка, а с такой-то вероятностью она рождает две бактерии, а с такой-то — три. Даны все эти вероятности. Требуется выяснить, с какой вероятностью род данной бактерии когда-нибудь прекратится. Очень хорошо помню — Евгений Борисович сказал: я вам напишу некоторое уравнение, которому удовлетворяет вот этот икс, обозначающий искомую вероятность; объяснять, почему это так, я не буду, поскольку, чтобы объяснить, нужно использовать метод производящих функций, которого вы не

⁴ ●► Дынкин родился 11 мая 1924 года в Ленинграде и скончался в Итаке, штат Нью-Йорк, 14 ноября 2014 года. ◀●

знаете. А мне показалось, что это абсолютно очевидно и совершенно элементарно и что можно безо всяких производящих функций объяснить, почему это число икс удовлетворяет выписанному на доске уравнению. Дынкин тогда удивился, а потом рассказал Колмогорову, что есть такой мальчик, который дал для этой известной задачи вот такое простое объяснение.

А дальше... а дальше меня заметил уже сам Андрей Николаевич Колмогоров. Произошло это следующим образом. На мехмате были и есть широко распространены так называемые спецкурсы. Это курсы, которые не входят в обязательную программу, по существу факультативные. За время обучения полагается сдать определённое число таких спецкурсов. В мои студенческие годы люди, которые чем-то интересуются, часто слушали спецкурсы просто для удовольствия, а не для сдачи экзамена. Когда я был на третьем курсе, Колмогоров объявил спецкурс по теории меры.

Колмогоров был устроен так: когда он читал лекции для математиков, — причём это могли быть как школьники, какой-нибудь специальный математический класс, так и академики, это не важно, — то лекции для школьников понимали студенты, лекции для студентов понимали аспиранты, лекции для аспирантов понимали доктора наук, а научные доклады для докторов наук не понимал почти никто. После доклада, на котором надо было ловить каждое слово, все спрашивали друг друга — в надежде, что один понял одно, а другой другое. Но зато публичные лекции Колмогорова, скажем, в Политехническом музее, были абсолютно понятны. Обычным людям, которые к математике не имеют отношения, — им он исключительно понятно всё объяснял. Но когда он говорил для математиков, то ему казалось, что это будет неуважение — разжёвывать им такую очевидность.

Кажется, какой-то мемуарист описал, как он присутствовал при разговоре Андрея Белого с Пастернаком. И он не понимал, он слушал разговор — и ничего не понимал. А потом он понял, почему он ничего не понимает. Они перескакивали через три фразы на четвёртую. А три фразы они не произносили ввиду их очевидности. Поэтому я слушаю спецкурс — и мало что понимаю. На одной из лекций в октябре 1949 года Колмогоров говорит: «Я вам сейчас приведу один факт, доказывать его я не буду, он нам для дальнейшего не нужен, но уж вы мне поверьте, что это так — не может быть такого неизмеримого множества на окружности, которое конгруэнтно своему дополнению». У меня начинает что-то крутиться в голове, и я понимаю, что такое неизмеримое множество существует. На самом деле я бы мог сейчас объяснить вам все произнесённые понятия.

— **Боюсь, что это невозможно.**

— Я всегда своим студентам говорю: имейте в виду, если вы чего-то не поняли, то всегда виноват я.

— **Если бы я была вашей студенткой, эта теория была бы опровергнута очень быстро.**

— Всегда виноват я.

И дальше Владимир Андреевич объясняет, что имел в виду Колмогоров, и под конец спрашивает:

— Понятно или нет?

— **Понятно...**

Разжёвывать очевидное, обращаясь к специалисту, — признак недоверия к его квалификации

— Так вот, Колмогоров говорит: вот такой факт, доказывать не буду, но уж вы мне поверьте, — я очень хорошо помню, как он это сказал, — что на окружности не может быть такого неизмеримого множества, которое при повороте окружности совмещается со своим дополнением.

— **Как же вы поступили?**

— Я подошёл к нему в перерыве и показал, как построить то, чего, по его утверждению, не может быть.

— **А он был доступный человек?**

— Очень, очень доступный. В математике школьник может быть прав, а академик не прав. В гуманитарной сфере всё иначе. Скажем, кто на кого влиял — Пушкин на Баратынского или Баратынский на Пушкина? Допустим, я считаю, что Пушкин, а академик от филологии — что Баратынский, и раз он академик, то он будет прав, а раз он прав, то так оно и есть. В математике тоже есть высочайшие авторитеты, но если авторитет не прав, то это ясно прежде всего ему самому.

— **И вы подошли к Колмогорову...**

— Подошёл в перерыве и сказал: так и так. Только я начал говорить, он мгновенно всё понял, ему не нужно было долго объяснять. Он спросил мою фамилию и произнёс фразу, которую я запомнил: «А-а, вы тот самый дынкинский Успенский!». И следующий час он начал с изложения моей конструкции.

— **Он сослался на вас?**

— Конечно!

— **А он уже был академик?**

— Да что академик, первый математик мира! Академиком он был избран, когда ему ещё не исполнилось 36 лет, и к времени нашего



А. Н. Колмогоров в окружении учащихся Физико-математической школы-интерната при МГУ (ныне СУНЦ МГУ имени А. Н. Колмогорова).

краткого разговора был академиком более десятка лет. Через какое-то время он пригласил меня к себе на дачу в Комаровку. Спросил меня, могу ли я только разговаривать о математике или готов кататься на лыжах, если только о математике — то приезжайте позже, если на лыжах — пораньше. Я сказал, что на лыжах кататься готов, а моё катание на лыжах было в валенках, продетых в верёвочные петли, о существовании других способов я как-то не думал. А у него — крепления, каких я никогда в жизни не видел. Колмогоров был замечателен ещё и тем, что он никогда в жизни, как он говорил, не занимался состязательным спортом, но физической культурой занимался, выстраивая себя физически как совершенную личность. На моих глазах он в 70 лет купался в горном озере Севан, а на земле лежал снег.

— Но всё равно, к сожалению, он заболел...

— Он заболел болезнью Паркинсона, и последний год — а болел он годы, семь лет, — был очень мучителен, ведь Колмогоров был такой активный. В начале ноября 1980 года я привёз к нему главного паркинсолога нашей страны, Эдуарда Израилевича Канделя, — точнее, это Кандель меня привёз, сидя за рулём своего автомобиля. Кандель понимал, что едет к престарелому академику — Колмогорову

тогда было 77 с половиной. Ответ на первый же стандартный вопрос «На что жалуетесь?» поверг профессора неврологии в оторопь. Колмогоров ответил: «Я начал испытывать затруднения при плавании на спине». А потом у него ухудшилось зрение, и он катался на лыжах, не видя лыжни.

— А как вы, в ваших валенках с верёвочками, показали себя в тот первый раз?

— Мне были выданы лыжные ботинки и лыжи с полужёсткими креплениями, которые я видел первый раз в жизни и с которыми я не знал, как обращаться. Это был полный ужас, не хочется вспоминать... половину времени, как мне тогда казалось, Колмогоров стоял на коленях в снегу и поправлял мои крепления. Тем не менее, после лыж, когда мы вернулись на его дачу, он объявил, что берёт меня в ученики. Это произошло в январе 1950-го и, конечно, было везением необычайным. Он дал мне некоторые задания, сказал — вот это очень важная тематика, но у нас в стране ею никто не занимается; я стал ему говорить, что у меня ничего не выйдет, что как математик я слаб и прочее...

— А вы действительно так сомневались в своих силах?

— Я и сейчас сомневаюсь. А он сказал: ну, если ничего не выйдет, будете составлять нам грамотные рефераты.

— Бодрящие слова. Как вы выбирали темы для работы?

— Меня привлекала очень немодная тогда тема — математическая логика. Это было что-то такое, знаете... какой-то такой «идеализм» с мягким знаком после «з», идеализм в математике, что-то очень подозрительное. Сейчас всё совершенно по-другому, математическая логика оказалась тесно связанной с информатикой, а тогда... Ну, он порасспросил меня, чем я интересуюсь, а интересовался я очень абстрактными разделами математики — математической логикой и теорией множеств. Он подарил тогда мне три оттиска старых своих классических работ — двух по математической логике, 1925 и 1932 годов, и одной по теории множеств, 1928 года.

— Однако же от этих абстрактных разделов математики вы пришли к лингвистике и способствовали открытию в МГУ Отделения теоретической и прикладной лингвистики? Какая связь вообще может быть между математикой и лингвистикой?

— Сейчас расскажу. В Отделении историко-филологических наук Российской академии наук состоит академик Вячеслав Всеволодович Ива́нов (ударение в фамилии на втором слоге). Мы познакомились в сентябре 1950-го на дне рождения нашего общего друга Миши Поливанова. Тогда он был не Вячеслав Всеволодович, а Кóма, студент

пятого курса филологического факультета МГУ, а я был студент четвёртого курса механико-математического факультета. Мы вышли вместе и часть ночи гуляли по Москве, обнаруживая взаимный интерес и друг к другу, и к нашим занятиям. Сразу возникло и взаимопонимание, и понимание того, что в лингвистике есть аспекты точных наук. Короче говоря, через некоторое время мы с ним решили открыть семинар по математической лингвистике. Но назвать его так... Знаете, это был как раз тот момент, когда кибернетика из продажной девки мирового империализма...

— *Это же вроде генетика у нас была продажная девка, нет?*

— Кажется, вы правы, кибернетика была всего лишь буржуазной лженаукой на службе у империалистической военщины. За генетику у нас сажали, а за кибернетику — выгоняли с работы. Но если при Хрущёве в отношении к генетике ещё не настал перелом, потому что Лысенко ещё царствовал, то в отношении к кибернетике если и не наступил, то наступал. Что же до математической лингвистики, то она была «так называемая». Поэтому назвать семинар семинаром по математической лингвистике было нельзя, и мы назвали его «Некоторые применения математических методов в языкознании».

— *И вы, два студента...*

— Нет, решение об открытии семинара было принято весной 1956 года, мы тогда уже не были студентами, мы познакомились студентами, а тут мы оба уже ассистенты, он — на филологическом, а я на мехмате. И мы открыли семинар на филологическом факультете. Первое занятие состоялось 24 сентября 1956 года. И семинар стал таким... я бы сказал, оплотом лингвистического свободомыслия. Ходили туда в основном лингвисты, но захаживали и математики. В 1958 году Иванова выгнали из университета за открытую поддержку травимого тогда Пастернака, и работа семинара прекратилась. В следующем году мой двойной тезка Владимир Андреевич Звегинцев, специалист по истории языкознания, работавший на кафедре общего и сравнительно-исторического языкознания филологического факультета, захотел оттуда выделиться и создать как собственную кафедру структурной и прикладной лингвистики, так и соответствующую специализацию студентов с преподаванием им математики. Организационно эта специализация должна была быть оформлена в виде особого, одноимённого с кафедрой Отделения структурной и прикладной лингвистики (ОСИПЛ). И кафедра, и Отделение, которые были созданы, оказались бревном в глазу для всего остального факультета. Они раздражали. Они были какие-то не такие... Особенные. Раздражение засвидетельствовано в известном фильме

Говорухина «Ворошиловский стрелок». Вы помните, что там происходит? Три мерзавца изнасиловали девочку. А кто эти мерзавцы?

— **Я не помню.**

— А я сейчас вам напомним. Один — хозяин ларьков. Ясно, что хозяин ларьков — это априори сволочь. Второй — сын большого милицейского начальника. Тем самым тоже гад. А третий изучает в университете структурную и математическую лингвистику. Ясно же, что мерзавец! Он же, Говорухин, не выбрал человека, который изучает, допустим, химию.

Но вернусь к истории создания ОСИПЛа. В мае 1959 года ректор МГУ Иван Георгиевич Петровский (1901—1973), потрясающий ректор, созвал совещание по этому вопросу, и там я выступил с заявлением, что не надо создавать Отделение структурной и прикладной лингвистики, а надо создать Отделение лингвистики. Помню, Петровский очень удивился: он считал — и присутствовавший на совещании Колмогоров тоже так считал — что филологический факультет разделён на два отделения — лингвистическое и литературоведческое. Подобно тому, как мехмат разделён на два отделения — Отделение механики и Отделение математики. И Петровский, и Колмогоров заведовали кафедрами мехмата, и для них обоих было открытием, что филологический факультет устроен по-другому, что на нём такая каша из лингвистики и литературоведения. От меня на этом совещании они всё это узнали. Филологический факультет был и есть устроен следующим образом. Человек кончает, допустим, русское отделение и получает в дипломе запись: специалист по русскому языку и литературе. Или заканчивает другое отделение, и он специалист по романским языкам и литературе. Я тогда настаивал, что это полная каша и что это надо разделить. Но не имел успеха, потому что, к моему изумлению, против отделения от литературоведов выступили лингвисты. Тогда я придумал такой терминологический трюк: открыть Отделение теоретической и прикладной лингвистики, ОТИПЛ. Я имел в виду, что другой лингвистики не бывает. Звегинцев был против предложенного мною названия, потому что одноимённость кафедры и отделения укрепляла его власть над тем и другим.

Однако меня поддержал Петровский, и в 1960 году впервые произошёл набор студентов на Отделение теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета. Первый раз, кажется, приняли 13 человек, но окончили из них это отделение — пять. По справедливости должны были окончить лишь трое, но ещё двух мы оставили, потому что три — это, конечно, кворум в Палате лордов (сейчас там всё переделали, а раньше это было так), но у нас это

было бы невозможно: нас бы не поняли и закрыли. В 1961 году был второй приём на ОТИПЛ, но всё это время Звегинцев работал над тем, чтобы переименовать ОТИПЛ в ОСИПЛ, и, наконец, преуспел: в 1962 году студентов уже принимали на ОСИПЛ. Наконец, через тридцать лет и кафедра, и Отделение получают те названия, которые они имеют сегодня, — «теоретической и прикладной лингвистики». Так что с 1992 года — снова ОТИПЛ!

— Есть какие-то книги или статьи, которые было бы полезно почитать человеку, далёкому от лингвистики и от математики, чтобы составить себе представление о структурной лингвистике? Или это невозможно, и нужно быть учёным, чтобы в ней что-то понимать?

— Такие книги и статьи есть, хотя их и не много. Прежде всего — книга Юрия Дерениковича Апресяна «Идеи и методы современной структурной лингвистики», она выпущена издательством «Просвещение» ещё в 60-х годах прошлого века. Интересующиеся могли бы также посмотреть энциклопедические статьи в Интернете, набрав в строке поиска «структурная лингвистика». На мой взгляд, однако, полезнее всего было бы сперва почитать что-нибудь о языкознании вообще. Например, книгу, которую написал Владимир Александрович Плуныян. Называется «Почему языки такие разные». Название, на мой слух, неправильное, и я безуспешно пытался спорить с автором. С моей точки зрения, правильнее было бы назвать книгу «Чем языки такие разные» — не «почему», а «чем», поскольку она освещает не причины различия языков, а то, какие свойства языков делают их разными в наших глазах. «До чего же они разные, эти языки!» — вот о чём книга. Но, конечно, главное не в названии, а в том, что книга интересно и доходчиво написана. Говорят, она недавно переиздана, но без таких красивых картинок, как в первом издании. А для читателя, готового на серьёзные усилия... Приходит на ум книга Генри Глисона (Henry Allan Gleason, Jr., 1917—2007) «Введение в дескриптивную лингвистику». (Вводную статью к русскому переводу написал, кстати, Звегинцев, которому вообще принадлежит выдающаяся роль в организации и издании в советское время русских переводов хороших западных книг по филологии и искусствоведению.) Наконец, в нашей стране живёт и здравствует великий лингвист — он меня очень осуждает за то, что я считаю его великим, да ещё и первым лингвистом мира, — это Андрей Анатольевич Зализняк, и у него есть книга «Русское именное словоизменение». Что такое словоизменение? Это склонение и спряжение слов, изменение их по грамматическим категориям — падежам, временам и т. п. А именное

словоизменение — это изменение имён: существительных, прилагательных, числительных, местоимений. Здесь впервые научно описано, как склоняются русские имена.

Изложение — очень ясное и очень точное. Тем не менее прочесть всю книгу — это для неспециалиста слишком тяжело. А вот две её первые главы я рекомендовал бы всякому, не боящемуся интеллектуальных усилий. Там определяется, что такое падеж, род и т. д., — и всё это изложено настолько ясно, что это может прочесть и понять любой человек, и это будет увлекательное чтение. Читатель узнает, в частности, что падежей в русском языке больше, чем школьных шесть, а родов больше, чем школьных три.

Эта книга вышла отдельным изданием в 1967 году, но она также целиком вошла потом в толстый том избранных работ Зализняка. В этом сочинении, кстати, есть теорема (!) об устройстве русского ударения. И я бы ещё рекомендовал старую статью Зализняка «Лингвистические задачи», года три назад переизданную в составе книги «Задачи лингвистических олимпиад», выпущенной замечательным учреждением — Московским центром непрерывного математического образования (МЦНМО)⁵. У Зализняка есть и другие прекрасные сочинения, доступные не только лингвистам, но если вернуться к вашему вопросу про структурную лингвистику, то я рекомендовал бы названные главы и названную статью. Хотя в них не встречается ни термина «структурная лингвистика», ни даже прилагательного «структурный».

— А что даёт математика лингвисту?

— Точность мысли. Возьмём три последние сессии Российской академии наук, на которых были выборы: одна была четыре с половиной, вторая — два с половиной, а третья — полтора года назад. Выбрали ровно четырёх членов-корреспондентов РАН по специальности «языкознание». При этом три из них — выпускники ОТИПЛа/ОСИПЛа, это Владимир Алпатов, Анна Дыбо и Владимир Плунгян. Четвёртый же (но избран он был первым!) — заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики Александр Евгеньевич Кибрик. Когда я пришёл на это Отделение преподавать, он уже окончил классическое отделение филологического факультета и состоял в должности лаборанта. Все пять лет он посещал курс математики, что, как понимаете, было для него совершенно необязательно! Он ходил на все занятия, не пропуская ни одного. Я нахожу это очень существенным: ядро отечественной лингвистики сейчас состав-

⁵ ► В 2013 году тот же МЦНМО выпустил «Лингвистические задачи» Зализняка в виде отдельной брошюры, и притом двумя изданиями. ◀

ляют выпускники Отделения теоретической и прикладной лингвистики Московского университета.

— А как работалось в 1970-е и 1980-е годы?

— Сергей Петрович Новиков, сын того лужинского ученика академика Петра Сергеевича Новикова, о котором я говорил, и тоже академик, которого, когда он был первокурсником, я обучал математическому анализу, он замечательно сказал:

Как-то так получается, что выдающиеся теории создают простые люди (например, теорию относительности создал Эйнштейн, мелкий сотрудник патентного бюро в Швейцарии, генетику создал Мендель, монах, который на огороде возился с горохом), а опровергают Менделя — Лысенко, а Эйнштейна — Логунов. При этом Лысенко — академик, президент Академии сельскохозяйственных наук, трижды лауреат Сталинской премии, Герой социалистического труда, кавалер многих орденов; Логунов — академик, вице-президент Академии наук СССР, лауреат Ленинской и государственных премий, Герой социалистического труда, кавалер многих орденов.

А ведь Логунов пятнадцать лет, с 1977-го по 1992-й, был ректором Московского университета. Всё-таки ректор учебного заведения не должен опровергать общепризнанную теорию, даже если он считает её неверной. Мне скажут, что Лобачевский, будучи ректором Казанского университета, опровергал Евклида. Нет, он не опровергал Евклида, а просто выстраивал другую, неевклидову геометрию.

Но вы спросили, как работалось в то время? Плохо работалось. Летом 1982 года Логунов закрыл кафедру структурной и прикладной лингвистики, точнее присоединил её к кафедре общего и сравнительно-исторического языкознания, которая после поглощения соседа стала именоваться «кафедра общего, сравнительно-исторического и прикладного языкознания». Ею заведовал Юрий Владимирович Рождественский (1926—1999), который меня учил, как надо учить математике. Он прочёл мне небольшую лекцию о том, как надо её преподавать:

Главное в математике — это число, число в платоновском смысле. Вот этому понятию и надо обучать студентов в первую очередь. Раскрывать им смысл чисел: один — это единство мира, два — это его дуальность, три — это троичность, четыре — это четыре стороны света или четыре стихии...

И т. д.

Потом, слава Богу, Логунов ушёл, ректором стал Садовничий, который повёл другую политику, возобновилась кафедра, короткое время именовавшаяся кафедрой прикладной лингвистики и тут же переименованная новым заведующим, Кибриком, в кафедру теоретической и прикладной лингвистики. Кстати, в РГГУ к этому времени уже несколько лет существовало отделение теоретической и прикладной лингвистики.

— А удалось восстановить атмосферу? Всё-таки то закрыли, то открыли, а это 90-е годы, народ начинает разъезжаться... Как оно сейчас?

— Не очень хорошо. Я не готов оценивать своих коллег, я их люблю. Да и я уже не тот, мне 80 лет. У меня уже не горят глаза.

— А молодёжь-то способная есть?

— Есть. Несколько лет назад на филологическом факультете МГУ снова открылся тот семинар, который в 1956 году учредили мы с Ивановым. На этот раз — по инициативе студентов. На ОТИПЛе я преподаю на первом курсе, а далее, на старших курсах, преподают мои коллеги. И вот весной 2002 года, в конце моего преподавания на первом курсе, ко мне подходит самый способный студент курса, Денис Паперно. И он объявляет мне, что курс математики — опять слово «курс», но в другом смысле — показался им настолько разумным, что они хотят, чтобы что-нибудь похожее продолжалось в какой-либо форме. При этом даёт мне список, состоящий из более чем двадцати студентов, желающих участвовать в занятиях. Я говорю — очень хорошо, но подойдите ко мне со списком, когда у вас начнётся третий курс; сейчас у вас энтузиазм, вот если он сохранится за год — отлично. К моему удивлению, энтузиазм угас лишь частично. Паперно нашёл меня в начале своего третьего курса, т. е. осенью 2003 года. Объём нового списка составлял уже треть от первоначального объёма. Я составил объявление, что возобновляется такой-то семинар, а его предыдущее заседание было 9 июня 1958 года.

— И что, семинар ведут те же люди?

— Нет, не те же. Тогда было три человека. Мы с Ивановым поняли, что нам бы никто не дал открыть семинар, мы были всего лишь ассистентами. Поэтому для прикрытия мы пригласили замечательного профессора филологического факультета Петра Саввича Кузнецова (1899—1968), который, помимо прочего, был другом детства Колмогорова. Кузнецов очень давно умер, Иванов давно в Лос-Анджелесе, и сначала я вёл возобновившийся семинар один, потом

я пригласил ещё двоих соруководителей — математика Мати Рейновича Пентуса (теперь он главный руководитель) и лингвиста Петра Михайловича Аркадьева⁶.

— ***А семинар — это как? Раз в неделю?***

— По субботам, но не каждую субботу. Вот в эту субботу, 4 декабря 2010 года, будет семинар, и Денис Паперно будет по скайпу делать доклад из Калифорнии.

— ***Так он свалил в Калифорнию?***

— Он был одним из самых способных студентов ОТИПЛа, каких я знал. Ну конечно свалил! Не исключено, что я даже писал ему рекомендацию в аспирантуру Калифорнийского университета. Кое-кто меня осуждает за подобные рекомендации. Дескать, это непатриотично, этим мы оголяем наше образование, наши кафедры... Тем не менее я пишу рекомендации всем, кто хочет и кто этого достоин. Способного человека я отрываю от сердца, но не держать же его тут насильно! И на мехмате то же самое.

— ***Сейчас вы пишете, как вы говорили, для души...***

— Я и раньше писал для души. Вот сейчас написал статью о теореме Гёделя для ежегодника «Математическое просвещение», надеюсь увидеть её опубликованной в начале будущего 2011 года.

— ***Вы занимаетесь просвещением. А почему?***

— По-видимому, мне нравится объяснять. Какая-то такая объяснительная жилка. И, кроме того, если я что-то не могу объяснить, то это означает, что я сам этого не понимаю. Это такая полезная проверка уровня собственного понимания. И не только проверка. Объяснить — это лучший способ понять.

— ***Вы в МГУ с 1947 года, вы работаете там всю жизнь. Для нашего поколения это феерическая вещь, у нас все скачут с места на место, для вашего — вполне нормально. Однако же чем вызвана такая верность МГУ?***

— Если вуз устойчив (а МГУ — устойчивый вуз), и если человек там преподаёт, то он преподаёт там всегда. В Америке всё по-другому, там скачут из города в город. Но там скачут в поисках лучшей зарплаты из одного университета в другой, но, понимаете, там же условия жизни везде в общем одинаковые. Вы можете жить в крупном городе или в мелком, но у вас нет проблемы уровня жизни. Кроме того, Америка — она, как бы вам сказать, диверсифицирована, что ли. Не уверен в правильности термина. Когда у меня выходила статья

⁶ ●► Впоследствии я пригласил в соруководители ещё одного лингвиста, Александра Чедовича Пиперски. ◀●

в американском журнале, её следовало направить в один штат, ответ о принятии я получил из другого, корректуру из третьего, а печатался журнал в четвёртом. Более того, в Соединённых Штатах отнюдь не все федеральные ведомства находятся в Вашингтоне. Ряд из них — в других городах. Я как-то не представляю себе, чтобы в Российской Федерации какое-нибудь федеральное ведомство располагалось в Казани или Новосибирске.

— Что происходит с нашей математической школой? Вы говорили, что у нас была одна из лучших...

— Ну конечно, одна из лучших! Конечно, она уже совершенно не такая. Когда самые способные люди разъехались... особенно это было в начале девяностых, когда человек просто не мог прокормить здесь свою семью.

— Вам не хотелось уехать?

— Мне никогда не хотелось, но я думаю, что главная причина была всё-таки в возрасте. Когда появилась возможность уехать, мне было уже за 60 лет, и это не то время, когда надо начинать жизнь в другой стране. А здесь я всё-таки привык... Я с удовольствием бывал за границей, но выработал для себя нижеследующую формулировку. Я люблю зоопарки и в каждом месте, где есть зоопарк, стараюсь этот зоопарк посетить. В Берлине, например, есть зоопарк и зоосад, и я побывал в обоих. Хотел бы я, однако, жить в зоопарке? Ответ отрицательный. Но знаете, многие из тех, кто уехали, — я считаю, что они патриоты России. Человек уехал вынужденно, он хотел бы жить в России, хотя, боюсь, не в такой России, которая сейчас.

— Вам удалось поехать по миру? Я читала, что в советское время вас выпускали в Болгарию, в Польшу и всё, а потом?

— Ещё в советское время, летом 1989 года, меня неожиданно выпустили на конференцию на Запад и притом — к совершенному моему изумлению — не куда-нибудь, а сразу в Западный Берлин, который имел тогда статус особой политической единицы с оккупационным режимом. Для меня это было симптомом того, что горбачёвская перестройка вступила в решающую политическую фазу. А осенью того же года меня выпустили в Америку.

Проблемы с выездом прекратились. Хотя ещё в 1993 году мне пришлось получать выездную визу! Удалось побывать в некоторых интересных местах, например, в Новой Зеландии — я бесконечно благодарен сыну, который поехал туда на конференцию и взял меня с собой. Там красиво неслыханно! И притом едешь несколько часов по автостраде и встречаешь не больше двух десятков машин. Безумно красиво. Новая Зеландия была единственным местом, куда я ездил

в качестве сопровождающего лица. В других случаях у меня было собственное приглашение от принимающей стороны. Довелось побывать в Чили, в Китае, в Южной Корее, по нескольку раз в Америке, во Франции, в Германии. И ещё кое-где. Сейчас этим, разумеется, никого не удивишь. А я не избавился от советской психологии и потому каждый раз удивлялся, что можно свободно выехать за границу. Только в самые последние годы, а то и месяцы советской власти мне было разрешено не писать в отчётах о зарубежной командировке ритуальную фразу «В беседах с иностранными учёными разъяснял миролюбивую сущность советской внешней политики». Разумеется, все понимали, что я ничего и никому не разъяснял, но ритуал был обязателен. Можно было бы поездить и больше... но это если бы я был моложе. Сейчас это всё труднее и труднее. Кроме того, должен сказать, что получение визы — это в высшей степени неприятная и унижительная процедура... Проблема выезда сменились проблемой въезда.

— Колмогоров был гений. Как это — работать с гением? Как это вообще — находиться рядом с гением?

— Когда мы находились рядом с Колмогоровым, было физическое ощущение гениальности. Я не могу объяснить, как это. Видно было, что гений. А как вы физиологически чувствуете холод или тепло? Ученики Колмогорова, по словам одного из них, испытывали к учителю чувство «панического уважения». Колмогоровский ученик и одновременно один из крупнейших математиков мира, академик Яков Григорьевич Синай, который сейчас в Америке, он написал про Колмогорова, что все ученики старались как-то ему подражать, как-то повторить Колмогорова, но что основное качество Колмогорова состоит как раз в его неповторимости. Это очень правильно.

— Тяжело ли было с этим сосуществовать — вам, вашим коллегам?

— Мне было очень непросто.

— Почему? Это давит, эта энергия гениальности рядом, или, наоборот, подпитывает?

— И то, и то. Вот он меня пытался к спорту приобщать — у него все ученики были спортивные.

— Так вы потом пошли на лыжах по-настоящему?

— Господи, какое там по-настоящему! Колмогоров ходил на лыжах на десятки километров. Причём он очень характерно ходил: вот он идёт со своими аспирантами, они его обгоняют, потом ждут, потом снова обгоняют. А через некоторое время смотришь — он идёт с той же скоростью, а они выдохлись и сзади плетутся.

А меня на лыжи он так и не поставил. Один раз, мне уже было за сорок, когда мы поехали на какую-то конференцию в горах, он велел мне взять с собой лыжи. Я лыжи взял, но всерьёз на них не ходил, однако счёл, что это было проявление его расположения ко мне, и был тронут. Он прекрасно знал музыку, пытался меня к музыке приучать... конечно, воспитывал значительно и в чём-то воспитал.

— *Т. е. он своих учеников не только математике учил, а сразу показывал, что «быть моим учеником» — означает учиться всему?*

— Да. Он приглашал учеников к себе домой, он жил в основном на даче и, как правило, приглашал именно туда. Он был ренессансный человек или даже античный, выстраивал себя как совершенную личность. Колмогоров был одним из трёх великих учёных России, наряду с Ломоносовым и Менделеевым. В термин великий учёный мною вкладывается представление о многогранности. Поэтому, скажем, Павлов и Перельман суть, соответственно, великий физиолог и великий математик, но я не назвал бы их великими учёными. Один из учеников Колмогорова управлял, по его, Колмогорова, словам, атмосферой, другой — океанами: это Обухов, директор Института физики атмосферы, и Монин, директор Института океанологии. Сколько почётных членов Американского общества метеорологов являются классиками теории русского стиха? Вряд ли кто-нибудь, кроме Колмогорова, у которого свыше десятка публикаций по теории стиха.

Колмогоров А. Н. [Письмо поэту мехмата] // Новое литературное обозрение. — 1993—1994. — № 6. — С. 183—187.

Колмогоров А. Н., Кондратов А. М. Ритмика поэм Маяковского // Вопросы языкознания. — 1962. — № 3.

Колмогоров А. Н. К изучению ритмики Маяковского // Вопросы языкознания. — 1963. — № 4.

Колмогоров А. Н., Прохоров А. В. О дольнике современной русской поэзии (Общая характеристика) // Вопросы языкознания. — 1963. — № 6.

Колмогоров А. Н., Прохоров А. В. О дольнике современной русской поэзии (Статистическая характеристика дольника Маяковского, Багрицкого, Ахматовой) // Вопросы языкознания. — 1964. — № 1.

Колмогоров А. Н. Замечания по поводу анализа ритма «Стихов о советском паспорте» Маяковского // Вопросы языкознания. — 1965. — № 3.

Колмогоров А. Н. О метре пушкинских «Песен западных славян» // Русская литература. — 1966. — № 1. — С. 98—111.

Колмогоров А. Н., Прохоров А. В. К основам русской классической метрики // Содружество наук и тайны творчества. — М.: Искусство, 1968. — С. 397—432.

Колмогоров А. Н. Пример изучения метра и его ритмических вариантов // Теория стиха / АН СССР: Ин-т русской литературы (Пушкинский дом). — Л.: Наука, 1968. — С. 145—167.

Колмогоров А. Н. Анализ метрической структуры стихотворения Пушкина «Арион» // Проблемы теории стиха. — Л.: Наука, 1984. — С. 118—120.

Колмогоров А. Н., Прохоров А. В. Модель ритмического строения русской речи, приспособленная к изучению метрики русского классического стиха // Русское стихосложение. Традиции и проблемы развития. — М.: Наука, 1985. — С. 113—134.

Колмогоров А. Н., Рычкова Н. Г. Анализ ритма русского стиха и теория вероятностей // Теория вероятностей и её применения. — 1999. — Т. 44. — Вып. 2. — С. 419—431.

— Они математические, с формулами? Т. е. человек гуманитарного склада ничего не поймёт?

— Он поймёт абсолютно всё. Там есть статистические подсчёты, но их не больше, чем у великого филолога Михаила Леоновича Гаспарова, у которого, кстати, Колмогоров был официальным оппонентом при защите докторской диссертации.

— Кажется, он был из простой семьи?

— Нет, по матери он происходил из крупных помещиков Ярославской губернии и имел фамилию Колмогоров по деду. Потому что его отец, по фамилии Катаев, был «учёный землемер», что, как мне объяснил Колмогоров, означало агронома и землемера, имеющего высшее образование по этой специальности. С матерью они не были в законном браке. Мать Колмогорова умерла при родах, проездом с юга, её сняли с поезда в городе Тамбове, где она и родила. Она умерла, и Колмогорова воспитывали тётки, и он жил в имении деда, а дед был уездным предводителем дворянства и крупной фигурой губернского, а то и более, масштаба.

— Вы говорите — музыка, лыжи, и у вас, должно быть, сложился какой-то круг увлечений помимо математики и лингвистики? Что это за круг?

— Я всегда поэзией интересовался, когда-то её хорошо знал, некоторые и сейчас считают, что я хорошо её знаю, но я почти всё, увы, забыл.

— **Романа Якобсона** (знаменитый лингвист и литературовед, друг Маяковского, упомянутый в стихотворении «Товарищу Нетте, пар-

ходу и человеку». — *Ред. журнала «Вокруг света»* **вам случалось видеть?**

— Случалось. И видеть, и говорить, и сидеть за одним столом. Но это не означает, что я знаком с Якобсоном, он меня и не вспомнил бы.

— ***Я спросила, потому что Якобсон дружил с Маяковским и писал о нём, и мне приятно было бы познакомиться с Маяковским через, как говорится, два рукопожатия.***

— Господи, я бы вам показал автографы Маяковского, но они лежат в заставленной комнате, к ним не пробьёшься... Моя тёща, с которой у меня были прекрасные отношения, его знала.

— ***Ух ты... это её знакомство как-то отражено в литературоведении?***

— Отражено.

— ***А тогда позвольте спросить, как её фамилия?***

— Брюханенко.

— ***Наталия Брюханенко?***

— Да. Что, вы знаете Наталию Брюханенко?

— ***Кто ж не знает?!***

— У меня есть книжка Маяковского, на которой его рукой написано: «Глаз в Госиздате останавливать не на ком, кроме как на товарище Брюханенко». Пойдёмте, я покажу вам её портрет работы Алисы Порёт.

— ***Что за женщина была Наталия Александровна?***

— У меня были с ней прекрасные отношения, хотя с тещами они обычно бывают плохие. Помнится, на её пятидесятилетие 28 ноября 1955 года я прочёл посвящённые ей строки, начинавшиеся так: «Я знаю, что иные тёщи своих зятьёв вгоняют в мощи. Но мне, другим зятьям назло, безумно с тещей повезло». А у моей жены были прекрасные отношения со свекровью, т. е. с моей мамой. Наталия Александровна была очень властная, очень красивая. Красивая до самой смерти весной 1984 года. Очень достойная женщина, жила на пенсию и не хотела брать от нас денег, неистово любила своего единственного внука — моего сына.

— ***Она так и работала в издательстве?***

— После войны она работала — сейчас это называется администратор или исполнительный продюсер, а тогда это называлось «директор фильма». Она работала на Центральной студии кинохроники. Директором документальных фильмов, т. е. человеком, который всё организует.

— ***А её вы не спрашивали о той части её жизни, которая была связана с Маяковским?***

— Говорила, что в 26 году Маяковский вызвал её к себе в Ялту телеграммой «Убеждённо скучаю». Ну, это всё опубликовано. Она приехала, и он оттуда прислал в Москву телеграмму о том, что название «Октябрьская поэма» должно быть таково: «Хорошо!». Полагаю, что это о чём-то свидетельствует. Но, понимаете, он был настолько старше её⁷... В Ялте он работал в гостинице и хотел, чтобы она была рядом. Он работал за столом, сажал её рядом, запирали на ключ дверь. А она через балкон удирала. Потому что там — ну, танцельки какие-то, и ей туда хотелось. Ещё в Москве она раздражала его своими опозданиями. На подаренном ей томе своих сочинений он надписал:

Гулять, встречаться, есть и пить давай, держась минуты сказанной.
Друг друга можно не любить, но аккуратным быть обязаны.

И заставил приписать «Согласна» и расписаться. Он сделал ей предложение. Это встревожило Лилию Брик. Лет сорок назад была издана книга «Маяковский в воспоминаниях родных и друзей», там Елизавета Андреевна Лавинская, жена авангардного художника и дизайнера Антона Лавинского, рассказывает о своём посещении Бриков летом 1927 года. По её словам, Лиля была расстроенная и злая, со слезами. Потому что общее мнение было: Маяковский женится на Наташе Брюханенко. Шведский исследователь Бенгт Янгфельдт собрал и издал переписку Лили Брик и Маяковского. Там имеется письмо Лили Брик Маяковскому в Ялту, написанное в августе 1927 года, в котором она пишет, что её все уверяют, что он страшно влюблён и обязательно женится, и просит его не жениться. Однако в русском издании переписки письмо печатается без последнего предложения, причём купюра отмечена. Далее, имеется ответная телеграмма Маяковского на это письмо, неоднократно публиковавшаяся, которая завершается фразой: «Целую мою единственную кисячью осячью семью». Киса — это Лиля, а Ося — это её муж Осип Брик. Без купюрованного предложения в письме Лили эта телеграмма не совсем понятна. Мне было любопытно, что содержится в опущенной фразе. Я знал, что Янгфельдт издал эту переписку на английском языке, и подозревал, что там купюры нет. Когда мне случилось быть в Стокгольме, я отправился в Королевскую библиотеку и там ознакомился с английским текстом. На месте купюры я увидел следующее: «Мы все трое женаты друг на друге, и жениться ещё раз грешно». Это

⁷ Наталия Александровна Брюханенко родилась, по новому стилю, 28 ноября 1906 года, скончалась 24 марта 1984 года.

мой вольный перевод с английского, точный русский текст мне не известен. В ответ на это Маяковским и была послана телеграмма, её смысл становится понятным в свете именно этой фразы из Лилиного письма. Итак, Маяковский сделал Наташе предложение, но получил отказ, потому что честно предупредил, что она будет лишь на втором месте, а на первом будет Лиля. Мою будущую тещу это не устроило. Но между ними сохранились хорошие отношения, человеческие и деловые.

— Ну так это не один раз повторялась: он каждой невесте сообщал, что на первом месте у него — Лиля.

— А кому ещё он делал предложение? Безусловно, Веронике Полонской, но почему-то мне сомнительно, чтобы он при этом назначал ей второе место. Кстати, я как-то спросил Лилю Брик, любила ли она Маяковского. Она сказала — нет, я любила всегда только Осю. Она, действительно, настолько любила Осю, что содержала его вдову Евгению Жемчужную. Но вот её заявление, что она Маяковского не любила, противоречит письмам, которые она ему писала.

— Каковы ваши впечатления от Лили Брик?

— Она человек очень умный, очень талантливый (в частности, талантливый скульптор), малопривлекательный, но умеющий быть обаятельным. Вот первое моё впечатление от Лили Брик — в конце 1948 года мы с моей будущей женой Светланой идём в Консерваторию. И Лиля на моих глазах даёт Светлане десять рублей. Это были большие деньги. Лиля Брик мою жену знала с рождения, а Наталья Александровна и Светлана жили очень бедно. И Лиля Брик всегда, когда встречала Светлану, давала ей десять рублей.

— А как вы спросили Лилю Брик, любила ли она Маяковского?

— Мы с ней встретились на какой-то связанной с Маяковским выставке, и я спросил. Мне довелось задать два вопроса околмаяковским дамам: первый — Лиле Юрьевне Брик о том, любила ли она Маяковского, а второй — я спросил у Вероники Витольдовны Полонской, отказывалась ли она от наследства Маяковского. Оказалось, нет, не отказывалась! Это один их поразительнейших фактов. Ведь было завещание Маяковского, в котором точно написано: «Товарищ правительство! Моя семья — это Лиля Брик, мама, сёстры и Вероника Витольдовна Полонская. Если ты устроишь им сносную жизнь — спасибо». Вычеркнули её, твою мать! — у меня других слов нет. К правительству обратился человек, который «всю свою звонкую силу поэта» отдал служению этому самому правительству, который

«себя смирял, становясь на горло собственной песне», — обратился с конкретной просьбой! И после этого Полонскую вычёркивают из списка наследников! Кстати, после смерти в 1978 году Лили Брик и до своей смерти в 1992 году Вероника Витольдовна была бы единственной наследницей Маяковского.

— **А вы как относитесь к Маяковскому?**

— Я люблю его ранние стихи, до «Облака в штанах» включительно, и самые поздние, предсмертные («Я не спешу, и молниями телеграмм мне незачем тебя будить и беспокоить»). Есть прекрасные строки Пастернака, обращённые к Маяковскому и написанные сразу после его смерти:

Ты спал, постлав постель на сплетне,
Спал и, оттрепетав, был тих,
Красивый, двадцатидвухлетний,
Как предсказал твой тетраптих.

Но есть и прижизненное стихотворение:

Я знаю, ваш дар неподделен,
Но как вас могло занести
Под своды таких богаделен
На искреннем вашем пути?

Цветаева замечательно сказала про Маяковского, что двенадцать лет человек убивал в себе поэта, после чего поэт встал и убил человека.

— **А кто ваш любимый поэт?**

— Если не считать Пушкина, который наше всё, то мой любимый поэт здравствует, я считаю его великим русским поэтом, это Тимур Кибиров.

— **Вот вы, получается, и математик, и гуманитарий... а можно задать дурацкий вопрос? Есть мнение, что у математиков и у гуманитариев мозги устроены очень по-разному. У математиков всё должно быть объяснено и уложено по полочкам.**

— А я сейчас вам задам вопрос. Есть такое выражение — «находиться неподалёку». Как по-вашему, человек находится неподалёку от самого себя?

— **Нет.**

— Вот! Это у меня такой тест на гуманитарное мышление. У вас — гуманитарное. А я тут имел дело с одной дамой, Галиной Чубаровой, работающей в маникюрном салоне, и задал ей этот вопрос. Она сказала — да, конечно, находится. А какое расстояние

от человека до самого себя? Уверен, вы скажете, что вообще нет никакого расстояния. А она сказала: «Ноль». Тут я спросил её, что она заканчивала. Оказалось, политехнический институт. И у неё уже поворот мыслей другой.

— *Для меня «неподалёку» означает, что нечто находится на некотором расстоянии от чего-то другого.*

— Ещё один тест. Некоторые из отношений называются симметричными. Определение симметричного отношения таково: всякий раз, когда А находится в этом отношении к Б, то и Б находится в этом же отношении к А. Ну например: быть родственником — симметричное отношение? Конечно. Ведь если А — родственник Б, то и Б — родственник А. А «быть сестрой» — симметричное отношение?

— *Нет.*

— Правильно, потому что если А — сестра для Б, то Б не обязано быть сестрой для А, ведь Б может быть братом. Дружба — симметричное отношение (если А дружит с Б, а Б не дружит с А, то дружбы на самом деле нет), а вот любовь — не симметричное, и на этом построено великое множество произведений художественной литературы. «Находиться неподалёку» — это симметричное отношение или нет?

— *Я бы сказала, что нет.*

— Почему?

— *По-видимому, я скажу ужасную глупость: вот я сижу около этого чайника, обращаю на него внимание и тем самым вступаю с ним в какие-то отношения, как минимум делаю вывод: я от него неподалёку. А ему до меня дела нет, он — чайник, он не знает о моём существовании. Он сам по себе.*

— У вас, Настя, гуманитарное мышление. Но это отнюдь не означает, что оно хуже математического. Для математика отношение «находиться неподалёку» симметрично. Но лингвисты это опровергают, и, думается, они правы. Вот классический пример: можно сказать «велосипед находится неподалёку от гаража», а сказать «гараж находится неподалёку от велосипеда» — нельзя.

О роли математики

О положении дел в математической науке, о лингвистике и её нынешнем состоянии, о преподавании математики в школе и о сегодняшних студентах механико-математического факультета МГУ в программе «Угол зрения» Александр Привалов беседует с профессором, заведующим кафедрой математической логики и теории алгоритмов механико-математического факультета МГУ Владимиром Успенским.

— *Здравствуйте, господа. Сегодня у нас в студии математик, лингвист, заведующий кафедрой математической логики и теории алгоритмов мехмата МГУ профессор Успенский. Здравствуйте, Владимир Андреевич.*

— Здравствуйте, Александр Николаевич.

— *Насколько я понимаю, сейчас вас можно поздравить с ещё одной наградой: буквально на днях вам вручили премию «Просветитель» за лучшую популярную книжку¹.*

— Да, это верно, только в том, что вы сказали, лишнее слово «ещё».

— *Это первая премия в вашей жизни?*

— Ну, в студенческие годы были какие-то премии.

— *Беру слово «ещё» назад, но тогда с колоссальным стыдом, считайте, что я краснею за всё жюри, которые раньше присуждали премии.*

— Нет, подождите Александр Николаевич. Может быть, вы думаете, что позвали сюда лауреата Государственной премии или чего-нибудь, тогда я заранее хочу сказать, что вы позвали не того человека.

— *Нет, мы позвали именно того, кого хотели. Потому что вы ещё не знаете, а когда мы закончим запись и вы выйдете в коридор, вам ещё принесут книжки на подпись. Ваша книжка чрезвычай-*

Отредактированная запись видеобеседы <http://video.yandex.ru/users/vokalbo-xela/view/762>, состоявшейся 6 декабря 2010 года с А. Н. Приваловым в рамках авторской программы «Угол зрения» на телеканале «Эксперт-ТВ». Запись сделана телеканалом, он же дал беседе заголовок: «О роли математики».

¹ Премия была вручена 18 ноября 2010 года.

чайно популярна у нас. Не только у нас, это чудесная книга, и у меня ровно один вопрос — речь идёт о книге «Апология математики». Один вопрос: почему замечательная премия «Промисветитель», основатель фонда² был у нас тут в студии, мы с ним беседовали очень внимательно, почему-то они вам дали премию за книгу естественно-научную? С какого перепуга? Неужели ваша книга действительно естественно-научная?

— Нет, моя книга, безусловно, не естественно-научная, и это послужило темой некоторых моих слов на церемонии награждения... Потому что там у них, как выяснилось, две номинации: естественно-научная и гуманитарная³. Я, конечно, предпочёл бы получить по гуманитарной номинации.

— А кто вы есть? Вы и есть гуманитарий.

— Ну, математика это наука... я бы сказал так, она пополам естественно-научная и гуманитарная. Вот великий наш математик, покойный, к сожалению, великий действительно математик, ученик, как и я, Андрея Николаевича Колмогорова, Владимир Игоревич Арнольд считал, что математика это часть физики. Я с ним решительно не согласен.

— Особенно если учесть, чем он занимался, то это странное суждение.

— Ну, вот он считал, что математика — это часть физики. Но с тем же успехом она часть психологии.

— Или психологии, или, извините меня, Бога ради, теологии. Потому что математика — это наука о том, как устроено либо наше мышление, либо мир в целом, не физический мир.

— Я на самом деле неправильно взялся отвечать на ваш вопрос, Александр Николаевич, потому что нужно было сказать так — а это вопрос не ко мне, это вопрос к жюри. Если есть возможность кому-то вопрос переадресовать, всегда очень хорошо...

— Так и надо делать, да. Нет, но вы действительно довольно много сил положили на то, чтобы взгляд на математику был другой.

— Ну, слава Богу. Но в гуманитарной области конкурировать с Андреем Анатольевичем Зализняком... Он, правда, не получил тогда никакой премии, что, с моей точки зрения, неправильно⁴.

² Дмитрий Борисович Зимин.

³ ► После моего протеста номинацию уточнили и с 2011 года, т. е. с четвёртого присуждения, она стала называться «по естественным и точным наукам». ◀

⁴ А. А. Зализняк вошёл в шорт-лист в том же 2010 году, что и я. Я был совершенно уверен, что он получит премию. Поэтому когда я спустился со

— *Ну не каждый раз, видимо...*

— Не каждый раз, да. Но он великий лингвист. Как Арнольд — великий математик, он великий лингвист. Он всегда очень злится, когда я это говорю, но с моей точки зрения, он крупнейший лингвист мира.

— *Он обижается за мир?*

— Ну, он вообще как-то всегда бывает недоволен этими моими словами. Он человек очень скромный. Очень скромный.

— *Я как раз сегодня, готовясь к нашему с вами разговору, посмотрел ваши сравнительно недавние интервью и обнаружил, что вы до сих пор с удовольствием вспоминаете, что вы когда-то организовали первую традиционную олимпиаду по языковедению и математике.*

— Да.

— *Владимир Андреевич, мы с вами сейчас разыграем сцену, которую когда-то на центральном телевидении играли в передаче «От всей души». Я ту первую традиционную выиграл.*

— Как это так?

— *Так! Единственная первая премия на первой традиционной олимпиаде была моя.*

— Нет... По каким классам?

— *Я был тогда в девятом, но ни в девятом, ни в десятом, ни в одиннадцатом других первых премий не было*⁵.

— Были. Там у нас были... я уж сейчас не помню всё точно, но были две первые премии по самым старшим, по выпускным классам это называлось. Почему? Потому что это такая была пересменка, некоторые выпускные были десятые...

— *Пересменка была на второй олимпиаде, Владимир Андреевич, вы уже путаете*⁶. *Вот когда мы были в десятых-одиннадцатых, там было несколько, там у меня тоже была первая премия.*

— На первой олимпиаде было две первые премии по 11-м классам.

сцены, где происходило вручение, и подошёл к тому ряду, где мы с ним сидели, то не стал пробираться к своему месту, а остался стоять в боковом проходе: не хотелось затруднять соседей по ряду повторным вставанием, когда имя Зализняка будет названо.

⁵ А. Н. Привалов неправ. На самом деле было так. Первую премию за 9-й класс, и притом единственную, действительно получил А. Н. Привалов. По 10-м классам первых премий присуждено не было никому. Однако по 11-м классам были присуждены две первые премии. Их получили Виктор Корниленко и Владимир Терентьев.

⁶ Тут А. Н. Привалов прав.

Я вам скажу честно, вы сами подставились, Александр Николаевич: вашу первую премию я не помню, но не возражаю...

— **Вот так всегда и бывает!**

— А вы бы принесли диплом. Вот тогда бы...

— **Вы знаете, сколько раз с тех пор я переезжал?**

— Да, я понимаю. Были две первых премии, которые я помню, по старшим классам...

— **А я хотел спросить: куда наши братья-лауреаты потом двинулись? Это действительно было тогда очень нетривиально.**

— Да. От первой олимпиады наши братья-лауреаты как-то растворились. А вот от следующих олимпиад действительно очень многие главные лингвисты современные...

— **Они просто пошли на тогда свежее открытое отделение.**

— Да, и кончили его. И я очень радуюсь,... Может быть, как раз нечего радоваться, это показывает ограниченность нашего языкознания, но, скажем, если взять две последние сессии Академии наук, на которых происходили выборы (потому что были сессии, на которых никаких выборов не было), то на них выбрали четырёх членов-корреспондентов по языкознанию. Три из них — выпускники этого отделения⁷, а четвёртый — руководитель этого отделения, но в некотором смысле тоже выпускник. Потому что когда я читал первый раз... Все пять лет, с первого по пятый курс, я там преподавал математику, и он, уже будучи сотрудником филологического факультета, а не студентом — он уже кончил, причём кончил классическое отделение, — все пять лет он исправно ходил на все занятия. Это Александр Евгеньевич Кибрик⁸, который сейчас заведует кафедрой теоретической и прикладной лингвистики.

— **Таким образом, сто из ста, четыре из четырёх.**

— Сто из ста, четыре из четырёх.

— **Ну, это очень сильный результат.**

— Т. е. выходит, что это отделение поставляет ядро нашего языкознания.

— **В каком состоянии сейчас лингвистика в России?**

— Лингвистика в России сейчас в не очень плохом состоянии, хочется сказать — могло быть гораздо хуже, но с ней, поскольку в России она, наконец, приобрела характер настоящей науки, в отличие от того, скажем, когда... Ведь во времена, когда создава-

⁷ Владимир Михайлович Алпатов, Анна Владимировна Дыбо (избраны в 2008 году), Владимир Александрович Плунгян (избран в 2009 году).

⁸ Избран в 2006 году.

лось это отделение, происходила, скажем, всесоюзная конференция очень представительная, где участвовали все лингвисты Советского Союза, anybody who is somebody, конференция или основной доклад на одной назывался «Проблемы марксистско-ленинского языкознания». Я спрашивал — а марксистско-ленинская гельминтология бывает?

— *Да наверняка! Просто вам лично ею не досаждали.*

— Непонятно, всё-таки думаю, что нет. Т. е. тогда была какая-то полная каша в лингвистике. А сейчас — нет. Но именно потому, что она стала настоящей наукой, с ней начали происходить те же неприятности, что и с математикой. Скажем, очень многие сильные лингвисты уезжают на Запад.

— *Про то, как у нас обстоят дела с математикой, я вас потому и спрашивать не стал.*

— Некоторые мои коллеги меня осуждают, когда я даю, если меня просят, рекомендацию скажем, в аспирантуру по лингвистике или по математике какого-нибудь западного университета. Если человек действительно заслуживает, я всегда даю.

— *Ну а как можно не дать?*

— А мне говорят мои коллеги, что же ты такой-сякой разрушаешь отечественную науку, действуешь непатриотично. Я соглашаюсь, что я разрушаю, но не дать я не могу.

— *Это точно вопрос не к вам — насчёт разрушения отечественной науки.*

— Спасибо, но вот я всегда даю.

— *Мы не будем с вами обсуждать вопрос, как с математикой в России, — я понимаю как. Просто мой курс кончил мехмат в 71-м году, нас тогда было много, поскольку мы поступали в год двойного выпуска школ, когда 10-е и 11-е классы были вместе, и вот нас было очень много, нас было почти 750 человек, немислимый совершенно курс. Так вот, когда исполнилось 25, соответственно в 96-м году, отмечалось это в двух местах: в Москве и в Бостоне. И в Бостоне народу собралось больше. Так что про математику я вас не спрашиваю, а вот про преподавание математики я вас спрошу...*

— Лёня Левин⁹ не на вашем курсе был?

— *Нет.*

— Так, про математику.

⁹ Известный специалист в области теоретической информатики, выпускник 1970 года мехмата МГУ (и мой дипломник) Л. А. Левин в 1984 году стал полным профессором Бостонского университета.

— Про преподавание математики. Причём, если позволите, я не буду вас ограничивать в том, о чём именно вы захотите сказать, потому что тут же очевидно несколько слоёв — преподавание математики в школе, преподавание математики в педвузах, преподавание математики для математиков. Это совершенно разные, но очень связанные вещи. Как у нас сейчас обстоит в этой сфере?

— Честно говоря, как преподают математику в школе и в педвузах, я просто не знаю. Но есть такой весьма сомнительный тезис, который я всегда всё-таки высказываю, что иногда создаётся впечатление, что основная задача школы — это выработать ненависть к любому предмету, который там изучается. И математика не исключение. Ну конечно, это не так, это не основная задача.

— Это побочный продукт, скажем так.

— Побочный продукт, да. И математика не исключение. Мне несколько раз приходилось сталкиваться с выпускниками школ, которые, конечно, ненавидели математику...

— Почему «конечно»?

— Ну, некоторые. Нет, неправильно сказал, беру назад. Потому что, конечно, есть люди, которые независимо от школы полюбили математику, не потому что их в школе учили математике. Некоторые как бы изнутри себя полюбили математику. И с ними всё просто. А вот те, которых в школе только... — они не любили. Но вот приходилось, иногда удавалось им объяснить, что математика — это прекрасная вещь, и вообще другое, не то. Теперь, что касается преподавания математики в высших учебных заведениях — по существу я знаю только Московский университет, где я работаю. Я бы ответил Вам так, Александр Николаевич: я воздержусь от ответа на этот вопрос.

— Ну, учитывая, сколько времени вы провели на мех-мате, это достаточно полный ответ. Есть ли возможности каким-то образом воздействовать на процесс? Потому что, насколько я помню, попытки делались ещё Андреем Николаевичем Колмогоровым, когда дела обстояли совсем не так, как сейчас, несколько более проблемно. Но даже тогда попытки начать переворачивать всю пирамиду математического образования в стране кончились очень слабо.

— Слабо, да. Может быть, я впервые публично скажу то, на что я, может быть, не имею морального права, но один раз я решился сказать Андрею Николаевичу, что вообще он занялся не своим делом, не надо было ему лезть в преподавание в школе. Я ему тогда сказал

так: Андрей Николаевич, ваше дело писать учебники даже не для учителей — для профессоров педагогических институтов.

— ***В самом слабом случае. А может быть даже для профессоров мехмата с тем, чтобы они потом...***

— Нет, профессора мехмата тогда были достаточно сильные, и сами понимали, что делать. Ну и сейчас очень сильные есть профессора мехмата. Нет, я вам скажу.. Действительно, я сказал «воздержусь» — и, может быть, подумают, что там полные ужасы... Просто много очень сильных математиков уехало.

— ***Да, это правда, это все знают.***

— Все знают. Вот когда я поступал, когда я учился на мехмате, там преподавали корифеи мировой математики, абсолютные корифеи.

— ***Даже я кое-кого застал.***

— Вот именно.

— ***Т. е. не совсем прав был Андрей Николаевич покойный.***

— Не совсем прав, что он занялся средней школой, потому что... Я вам сейчас скажу. Аналогия тут: в 60-х годах, вы помните, предлагали реформу орфографии — вот эти «огурци»...

— ***«Заец».***

— «Заец» — это, кстати, правильная вещь. Это после фильма «33» он популярным стал, это как раз предложение Зализняка, это правильное предложение. А вот «огурци» и много чего, «мышь» без мягкого знака и пр. — там ситуация вот такая была: может быть, научно это всё правильно, т. е. получается более стройно и пр. Поэтому если вот есть бесписьменный язык, и нужно создавать русскую орфографию из ничего, тогда, может быть, так и надо, я не берусь утверждать, но вполне возможно. Но эта проблема изменения орфографии — проблема не научная, а социальная.

— ***Ну, не только социальная — и экономическая.***

— Экономическая, да. А экономика разве не социальная наука?

— ***Бесспорно.***

— Нет, социальная проблема, проблема в широком смысле социальная. Так вот, изменение преподавания математики в средней школе — не программы для аспирантов, а именно в средней школе... Андрей Николаевич был совершенно прав, когда пытался поставить это на научную основу. Но неизвестно, нужно ли это ставить на научную основу, потому что это проблема социальная. Это переучивание сотен тысяч учителей, это объяснение учителям, преподающим на Камчатке и Чукотке, которые преподают детям, которые, может быть, русский язык-то плохо знают. Это проблема социальная. Чем больше я сейчас говорю, тем больше убеждаюсь, что полная ана-

логия с орфографией. Если из ничего — вот математики не было, а надо её преподавать... Тогда, может быть, так и правильно.

— Нет, разумеется, аналогия, хотя всё-таки не полная. Потому что с орфографией ведь ещё одна беда: изменение орфографии — это разделение всего книжного массива страны на правильный и неправильный. В случае с преподаванием математики так бы не получилось.

— А отчасти получилось бы разделение людей, которые бы учились по-старому и по-новому.

— Ну, им легче было бы найти друг с другом общий язык, чем книжкам, изданным до 18-го года и после 18-го.

— Ну, как-то я легко читаю и те, и другие.

— А книжки между собой договориться не могут, они выглядят странно рядом друг с другом.

— Ну, может быть.

— Вы не следите вообще за тем, что происходит в школе сегодня с математическим образованием?

— Нет.

— Просто это вышло из пределов вашего интереса?

— Но кое-что я знаю.

— Вы же продолжаете преподавать, значит, вы видите вчерашних школьников, которые к вам приходят. В каком они состоянии к вам приходят?

— Ну, я вам могу сказать... Конечно, то, что я сейчас скажу, это не студенты мехмата, хотя, возможно, и среди студентов мехмата тоже есть... Мне однажды пришлось преподавать в начале так называемых лихих 90-х в некотором частном университете, и там такие девицы, которые кончили школу, и вдруг выяснилось, что никто из них не знает таблицу умножения. Ну, они знают, что есть такая таблица.

— Хоть слова слышали?

— Слышали, да. Но самое удивительное, что я не мог им объяснить, зачем это нужно знать, по следующей причине. Я сказал — а вот вам нужно умножить два двузначных числа, перемножить в уме. Они говорят — какие числа? Я говорю — вот такие. Все вынули из сумочек калькуляторы, назвали ответ, ответ оказался правильным, они сказали — пожалуйста, а зачем всё это знать? Я так до сих пор сам... Я допускаю даже, что я им бы мог объяснить, но сам себе полностью убедительно объяснить не могу...

— Разве за нас эту работу не проделал триста лет назад Михайло Васильевич Ломоносов?

— ...который что?

— *«Математику уже затем учить следует, что она ум в порядок приводит».*

— Правильно!

— *А разве это не очевидно?*

— Это совершенно верно. «Ум в порядок приводит» — это верно. Но есть более замечательное средство, чем таблица умножения. Вот с этой точки зрения, может быть, надо учить другому чему-то... В то ограниченное время — каким-то логическим доказательствам...

— *В общем доказать, что это оптимальный вариант, я бы не взялся.*

— Вот я бы не взялся тоже. Таблица умножения минимально приводит ум в порядок, она просто запоминается и всё.

— *Ну, видите, сейчас же есть способы, которые всё-таки заставляют ребят чего-то учить. Но я не очень понимаю, на каком уровне это происходит.*

— Понимаете, Александр Николаевич, преподавание в школе — это слишком ответственная тема, чтобы я дилетантски мог бы сейчас о ней высказываться.

— *Да, я собственно и спросил только ваше мнение о продуктах этого преподавания, причём об избранных продуктах.*

— Общее мнение на мехмате, это не моё мнение, что студент стал значительно слабее. И на мехмате ставится вопрос вполне реально — ну вот сейчас там прибавляется... мехмат — это пять лет, но вот сейчас собираются дать шесть лет...

— *Болонский процесс.*

— Болонский процесс, вот именно, но это отдельная тема непростая.

— *Почти такая же красивая, как ЕГЭ.*

— Вот именно. Значит, и вот если дадут шесть лет, т. е. серьёзные предложения сделать первый курс таким пропедевтическим, т. е. исправлять недостатки средней школы...

— *Но, к сожалению, такого рода слова говорят уже не только мехматовские учителя, а и в других местах. Потому что ко всем приходит какое-то сырьё не вполне пригодное...*

— Да, вот это и есть, Александр Николаевич, ответ на ваш вопрос, как там, в школе.

— *Я надеялся, что на мехмате, может быть, не совсем так дело обстоит.*

— Вот, оказывается, так.

— *У меня впечатление вот какое. Что в годы, когда вы учились, тем более в годы, когда я учился, математика как-то мысленно ставилась, я думаю, довольно многими людьми, по*

крайней мере, образованными людьми, очень высоко. Это была одна из вышних сфер, это была, кроме всего прочего, ещё и модная вышняя сфера. Сейчас ведь этого нет, математика из моды вышла — нет?

— Так всё вышло, конечно. Очень просто, я сейчас вам скажу. Во время, когда я учился, а может быть, и когда вы учились, мы же были по двум областям человеческой деятельности и знания первые: это математика и шахматы. Почему?

— *Потому что и та и другая деидеологизированы.*

— Вот вы сами сказали.

— *Потому что человек, который не хотел учить историю партии дольше необходимого, больше хотел идти туда.*

— Туда. И всё!

— *Ну неужели это всё?*

— Может быть, и всё. Потому что я, например, могу про себя сказать — родился я в другое время или в другой стране, я бы не был математиком, я бы был юристом.

— *Юристом? Как интересно. Т. е. даже не лингвистом, а прямо-таки юристом.*

— Юристом. А должен вам сказать, что математика — это младшая сестра юриспруденции. Математика в нашем современном понимании возникла в античное время в Греции, в народных собраниях, где возникла...

— *Сама идея доказательства.*

— Идея доказательства. Потому что разбирались какие-то дела...

— *Логично.*

— Идея доказательства возникла. Поэтому я вряд ли был бы таким юристом, который выступает в судах — скорее книжно-бумажным юристом...

— *Очень важная отрасль юриспруденции. А ведь понимаете, недавно совсем, в прошлом, что ли, году, наш с вами коллега, тоже математик, доктор физ.-мат. наук, Андрей Александрович Фурсенко, который по совместительству ещё работает министром, сказал по какому-то поводу, что высшая математика убивает в детях креативность. Ведь раньше мы этого сказать бы, наверное, не смогли.*

— Он сказал неудачно. Но я думаю, что его неудачным, условно, словам можно придать некоторый разумный смысл, который, я надеюсь, мой министр — не ваш, а мой министр, имел в виду.

— *Ну, всё-таки наш министр. Ваш в большей степени.*

— Мой в большей степени, да. Дело в том, что в школе высшая

математика что такое? Я думаю, подставим вместо слов «высшая математика» — «дифференциальное и интегральное исчисление».

— *Ну, наверное. Может быть, там из алгебры что-то давали.*

— Не знаю, думаю, только вот это. Нет, из алгебры даже не представляю, что можно давать. Ну, может быть, комплексные числа, не знаю. Так вот, в школе дифференциальное и интегральное исчисление можно дать только в виде некоторых рецептов.

— *В этом смысле они убивают...*

— В этом смысле они убивают креативность... Я надеюсь, что он имел в виду это.

— *Замечательно. Я думаю, что ваш министр был бы очень доволен такой трактовкой, очень хорошо. Есть ли какие-то возможности и есть ли необходимость в том, чтобы математика снова приподнялась в людском мнении? Или того места, которое она сейчас занимает в нашем универсуме, для неё достаточно?*

— Когда говорят о необходимости, всегда нужно говорить, необходимость для чего.

— *Чтобы лучше было.*

— Кому?

— *Человечеству. Я понимаю, что это очень неконструктивно...*

— А может быть, человечеству очень хорошо. Человечество, может быть, как раз очень радуется, когда оно так оглупляется, и такое общество потребления, оглупление... Понимаете, это очень непростой вопрос. Нужно ли это математике для развития математики...

— *Это тоже неочевидно.*

— Абсолютно неочевидно.

— *Может быть, в той небольшой комнате, где она сейчас находится...*

— В общем, это неочевидно.

— *Т. е. нового расцвета математики в России вы не предвидите?*

— К сожалению, не предвижу.

— *А ведь было бы чрезвычайно интересно как-то посмотреть не только на опыте истории российской науки, а вообще на опыте истории науки, в какой степени прорывы в математическом развитии, возникновение сильных школ математики в том или ином месте способствовало или не способствовало развитию науки в целом.*

— Вы совершенно правы, стоило бы посмотреть, но это...

— Я боюсь, что это неочевидно тоже.

— Неочевидно. Но мы можем с гордостью сказать, что первую и пока единственную из семи проблем тысячелетия, за решение каждой из которых был предложен миллион долларов, была решена в нашей стране нашим соотечественником Григорием Перельманом. Ещё раз повторяю: выделено семь проблем и миллион долларов, только для того чтобы сказать, что это важнейшие проблемы, что это ох как важно. Семь главных проблем. Первая и единственная решена в нашей стране. Перельманом.

— И какой бы то ни было оттенок уважения к науке из обсуждения этой темы быстро удалился, потому что он не взял деньги и только об этом все и говорят.

— Об этом все и говорят, да.

— Так может быть, оно так и надо. В конце концов, чем меньше говорят о том, чего не могут понять, тем лучше тем, кто может понять?

— Может быть. Всё-таки мне хотелось бы, чтобы математика воспринималась как часть общечеловеческой культуры. Вот если бы вы любезно упомянули мою книгу «Апология математики», то я там пытаюсь защитить эту точку зрения.

— Вообще в этой замечательной книге защищаются две для меня принципиально важные точки зрения, надеюсь, что и для вас тоже. Во-первых, что есть такое понятие общая культура, а во-вторых, что в нём, несомненно, есть доля математики. Спасибо.

Об «Апологии математики» и не только

— *Зачем вы пишете книги?*

— Хотя я рос в семье, где писали ради хлеба насущного (отец — драматург, мать — театральная переводчица), я в основном пишу для удовольствия.

— *Для удовольствия, но ведь и для читателя. В предисловии к «Апологии математики» вы пишете, что книга рассчитана на гуманитариев, но она, сужу по себе, не многим из них по зубам. Как читатель-гуманитарий воспринял книгу?*

— Я могу судить лишь по косвенным признакам. Пара звонков было от лингвистов, что они книгу прочли, и она им понравилась, но как они её прочли, поверхностно или подробно — этого я не знаю. Любые формы внимания к «Апологии математики» со стороны гуманитариев для меня очень ценны. В частности, ценным было то, что самую существенную, в рисунке, опечатку обнаружил не математик, а профессор-лингвист Анатолий Фёдорович Журавлёв, специалист в области славянского и сравнительно-исторического языкознания. Чтобы обнаружить эту опечатку, надо было мысленно проделать некие операции над изображёнными на рисунке треугольниками. Хотя опечатка появилась не по моей вине, это не делало её менее неприятной. Во втором тираже, вышедшем в 2010 году, эта опечатка исправлена. Для тех, кто пользуется тиражом 2009 года, сообщаю, что на странице 177 левый треугольник изображён на рис. 2 неправильно, он должен быть совершенно таким же, как левый треугольник на рис. 3. Журнальному варианту статьи, одноимённой с книгой, была присуждена премия «Нового мира» за 2007 год, а «Новый мир» — издание определённо гуманитарное. Я, во всяком случае, старался сделать текст максимально доступным. Книга эта — сборник ранее напечатанных статей, но когда мне в январе 2008 года позвонили

Это интервью было дано в январе 2011 года и предназначалось для журнала «Вокруг света», однако ввиду внутриредакционных проблем опубликовано не было. Беседовал Владимир Леонидович Щербаков.

из петербургского издательства «Амфора» и сказали, что ставят её в мартовский план, я ответил, что об этом речи быть не может. На то, чтобы переработать всё тексты, у меня ушло больше года. Что касается гуманитариев, то сегодня я бы использовал другую формулу, родившуюся у меня на пресс-конференции после вручения зиминской премии: книга рассчитана на образованных дилетантов. Я, признаться, и сам себя таковым считаю.

— ***В какой области?***

— Во всех. Да и образование, увы, с возрастом уходит.

— ***Американские издатели исходят из того, что каждая формула, помещённая в популярной книге, уменьшает число её читателей на 30%. В крайнем случае, трудные для восприятия места они выделяют в отдельные блоки, без которых текст и так понятен. Почему вы не пошли по этому пути?***

— Потому что книга написана для тех, кто хочет, сознательно хочет, идти на интеллектуальное усилие. Я настаиваю на том, что всё в ней обычный человек может понять — если захочет.

— ***Объясняя, зачем людям гуманитарных профессий нужна математика, вы приводите такой довод: она учит отличать истинное утверждение от ложного, осмысленное от бессмысленного, понятное от непонятного? Не кажется ли вам, что пример таких крупных математиков как Фоменко и Шафаревич этот тезис опровергает?***

— Начнём с того, что бесспорных тезисов вообще не бывает, кроме разве что «Народ и партия едины». Математика учит отличать верное от неверного по той простой причине, что только в ней верное и не верное абсолютны. Во всех других дисциплинах это в той или иной степени гипотезы.

— ***Но если крупный математик не может поставить свои измышления под контроль логики, в чём тогда роль математики?***

— Мне кажется, вы приписываете мне идею, что математики — это сверхлюди, единственные носители истины и свет человечества. Не думаю, что это можно почерпнуть из моих текстов. И среди математиков бывают разные персонажи.

— ***Студенты вузов не без иронии относятся к своим сверстникам, математикам. Встречается даже выражение: «мехматовское мышление», в смысле механистическое. Так ли это полезно для гуманитария?***

— Всё можно довести до бреда. Но математики эту опасность вполне осознают и любят рассказывать про себя анекдоты. Вот

недавно Виталий Дмитриевич Арнольд рассказал мне последний из таких анекдотов. Жена говорит мужу-математику: «Сходи купи батон, а если будут яйца, принеси десяток». Муж возвращается с десятью батонами. «Зачем столько?», — спрашивает жена. «Так яйца ж были». Над всем должен стоять здравый смысл, и математика не исключение.

— Если человек хочет посвятить себя исследовательской работе в области далёкой от естественных наук, каким минимальным математическим багажом он должен обладать? К примеру, какие математические предметы вы бы ввели на филологическом факультете?

— Я бы ввёл обязательно элементы математической логики, теории вероятностей и математической статистики, а также теории множеств.

— Зачем первые два, это можно понять, а теория множеств-то как может пригодиться?

— Наверное, я неточно сказал. Вместо теории множеств, представляющей собою трудную математическую науку, следовало сказать что-нибудь вроде «простейшие теоретико-множественные понятия». Человек усваивает некие основные понятия, прежде всего само понятие множества. Будет, к примеру, понимать, что студенты-спортсмены — это пересечение двух множеств: множества студентов и множества спортсменов, а не их объединение.

Например, он поймёт, что в русском языке не три рода, а четыре, потому что «сани», «ножницы», «чернила» — суть не слова, употребляемые только во множественном числе, как нас обычно учат, а слова особого, четвёртого рода (открывший этот род Андрей Анатольевич Зализняк назвал его *парным родом*). Да дело даже не в том, что он будет в состоянии узнать и оценить новые факты и новые понятия. А как, спрошу я вас, человека продвигает иностранный язык? Математика — это такой универсальный язык, с помощью которого всё описывается. Точнее, всё, для чего можно создать математическую модель, а такие модели проникают сегодня в весьма далёкие от математики области. Да и вообще, зачем нужно знать, что есть Новая Зеландия?

— Ну, туда я хотя бы могу поехать, а в теорию множеств вряд ли.

— А я вообще не знаю, зачем нужно что-то знать. Многие студенты лингвисты говорят: зачем нам столько математики, не нужно столько, но, тем не менее, те, кто прошли эту математику, почему-то работают лучше, чем другие, и их с удовольствием берут на работу. От профессоров славистики, германистики, арабистики я

неоднократно слышал, что когда студенты, окончившие Отделение теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ и обучавшиеся там математике, приходят к ним, то они работают лучше, чем выпускники профильных кафедр. Почему это происходит, не знаю, но это, как правило, так.

— Я спросил не зачем нужно что-то знать, а без каких знаний нельзя обойтись в современном мире?

— Обойтись можно без всего. Если подходить утилитарно, то вот Россия недавно потеряла три спутника. Это, я считаю, есть следствие падения образованности нашего общества. И никакое Сколково, отдельно взятое, от этого не спасёт. При Советской власти, до которой я отнюдь не охотник, был достаточно высокий уровень образованности и образование ценилось. А сейчас, такое впечатление, что образовательный уровень резко снизился. Раньше на мехмат, где я много лет преподаю, поступали гораздо более сильные молодые люди, чем теперь. Я имею в виду средний уровень. Нынешние не глупее, но они знают меньше. Поэтому серьёзно обсуждается вопрос о введении пропедевтических курсов, которые восполняли бы недостатки школьного образования. Хотя в программе школы всё это есть. А в чём должна состоять образованность?.. — тут, сколько человек, столько мнений. Я вот считаю, что начальные понятия теории множеств необходимы. Никто ведь толком не знает чему нужно учить в школе — по математике и по всем другим предметам.

— И всё же представьте, встает в классемышлёный мальчик и говорит: «Я понимаю, зачем нужно уметь складывать, а это всё зачем?».

— А зачем нужно уметь складывать и умножать? У всех ведь есть калькуляторы в телефоне. Я не берусь отвечать на вопрос: зачем что-то надо знать. Если так рассуждать, то ничего не надо. А мальчику бы я ответил: для тренировки мозгов. Если бы он спросил: зачем нужны мозги? — я бы не смог ответить. Может быть, мне бы удалось вот что объяснить вашему мальчику: для первобытного человека, как и для животного, главным и едва ли не единственным удовольствием была еда; для современного же человека открываются новые виды удовольствий, и среди них — слушание музыки и получение знаний.

— Раз речь зашла о школе. Насколько рационально в ней устроено преподавание математики?

— Не слишком рационально. Полагаю, что много лишнего и одновременно не учат необходимому. Например, школьникам справедливо говорят, что умножение коммутативно, т. е. от перестановки сомножителей результат не меняется. Но не объясняют, почему так

происходит, а объявляют это аксиомой. Но ведь что-то мешает провозгласить и объявить аксиомой, к примеру, коммутативность возведения в степень, т. е. заявить, что x^y в степени x игрек равняется игреку в степени x . Мешает то, что это неверно. А вот то, что x^y , умноженный на игрек, равен игреку, умноженному на x^y , это верно. Значит, дело не в магии слова «аксиома», а в соответствии истинному положению вещей. А по какой причине в школе не объясняют, почему умножение коммутативно? А по той причине, что умножение в школе определяется неправильно, через сложение. И ведь действительно, трудно объяснить, почему сумма семи пятёрок равна сумме пяти семёрок. А что такое на самом деле умножение a на b ? Очень понятно — это вычисление количества клеточек в нарисованном на клетчатой бумаге прямоугольнике с горизонтальной стороной a и вертикальной b . Вот это количество обозначается $a \cdot b$. Теперь поверните лист бумаги на 90° — тогда у того же прямоугольника окажется горизонтальная сторона b , вертикальная сторона a и, следовательно, количество клеточек будет $b \cdot a$. Дистрибутивный, он же распределительный, закон, связывающий умножение и сложение, объясняется столь же просто.

— А может и не надо в массовой школе нагружать детей такими абстракциями? Пусть будет обычное утилитарное образование и отдельные школы, где учат по-другому. Тем более, что хороших учителей на массовую школу не напёшь. К примеру, в Америке так и живут: довольно паршивая массовая школа и есть хорошие платные. То же и к университетам относится.

— Да какая же это абстракция, подсчёт количества клеточек в прямоугольнике на клетчатой бумаге! А про американские университеты кто-то хорошо сказал, что в них русские профессора за американские деньги обучают китайцев. Американцы, конечно, и сами выращивают учёных, но и очень много набирают со всего мира. От нас едут в основном туда. Из других стран тоже. А мы своих учёных можем только в нашей школе вырастить. Если наука национальнoсти не имеет, то образование имеет. Все учат по-разному. А чему надо учить, никто не знает. Я, например, глубоко убеждён, что в школе надо учить умению сидеть на корточках. Заметьте, восточные люди этим искусством владеют, а мы нет. Но скамейки не везде расставлены. Вы идёте — устали, не в лужу же садиться.

— Вы стояли у истоков российской математической лингвистики. Известно, что физики очень часто стимулируют какие-то математические изыскания. А лингвисты?

— Есть направления в математике, которые порождены теоретическим рассмотрением лингвистических проблем. В стране есть два, ровно два доктора физико-математических наук, которые — с временным интервалом 35 лет — получили свои докторские степени за занятия математической лингвистикой как частью математики. Один из них получил очень престижную премию Московского математического общества. Область их интересов — в основном математическая теория грамматик. Грамматик всяких языков, в том числе и машинных. Имеется конечный алфавит. Любая конечная цепочка его знаков называется в математике словом. Языком называется любое множество слов. А грамматика — это конечный механизм для описания этого множества. Они бывают разные эти механизмы, зачастую принципиально разные.

— И что, можно дать общее описание, под которое подводится, условно говоря, и китайский, и русский?

— Всеобъемлющего описания нет. Да и где у вас грамматика русского языка — в строгом смысле она по-настоящему ещё не написана.

— Так это ещё и способ написать грамматику?

— Формально говоря, да. По существу же — нет. Потому что те механизмы описания, которые математики называют «грамматиками», весьма отличаются от тех грамматик, к которым мы привыкли и которые имеют, так сказать, дружеский интерфейс. Математическая же грамматика состоит из символов, ничего не говорящих обычному человеку. Так что из математической грамматики привычной грамматики для русского или китайского языка не получишь. Хотя, конечно, примеры математики берут из естественных языков.

Кажется, что студенты в среднем стали умнее

«Афиша» продолжает публиковать интервью с лучшими преподавателями московских вузов. Третье — с завкафедрой матлогики и теории алгоритмов мехмата МГУ, одним из создателей лингвистического образования в России, который рассказывает, почему профессор не должен формировать личности и как бороться с лженаукой.

— Должен ли профессор не только давать знания, но и формировать личность?

— Сомнительно. Да пожалуй, можно ответить и более категорично — не должен. Другое дело, что он не в состоянии не участвовать в этом формировании, поскольку в формировании личности любого человека произвольно участвуют все, с кем этот человек соприкасается в жизни (в том числе соприкасается и заочно, как с авторами и героями читаемых книг). Но, как я понял, вы имеете в виду сознательное формирование. Сознательно же формировать личность, на мой взгляд, не должен никто, кроме родителей. Я шестьдесят лет жил при советской власти, которая весьма целенаправленно и не без успеха занималась формированием личности — и в результате сформировала особую этническую, а то и биологическую, общность под названием «советский человек». Я сам принадлежу к такой общности и вижу, что ни к чему хорошему подобное сознательное формирование не привело.

— Я не имел в виду обязательно осознанного формирования. Должен ли, к примеру, университетский профессор служить моральным примером? Может ли плохой человек быть хорошим преподавателем?

— Конечно, неплохо, когда кто-то служит моральным примером, университетский профессор, в частности. Но я бы не сказал, что он обязательно должен таким примером служить. А плохой человек, безусловно, может быть очень неплохим преподавателем.

Интервью для журнала «Афиша», № 319 за 23 апреля — 6 мая 2012 года, с. 44—48. В Интернете: <http://daily.afisha.ru/archive/gorod/archive/vladimir-uspenskiy-matematik-lingvist/>. Беседовал Пётр Владимирович Фаворов.

— Кто был ваш любимый университетский преподаватель — и кто из них вас больше всему научил?

— В Московском университете, на мехмате, мне посчастливилось слушать лекции двух совершенно выдающихся математиков и одновременно совершенно выдающихся лекторов (а эти две характеристики совпадают отнюдь не всегда). Это Израиль Моисеевич Гельфанд и Пётр Сергеевич Новиков. Гельфанд читал обязательный курс интегральных уравнений для четверокурсников; лекции Новикова по математической логике и по дескриптивной теории множеств были совершенно факультативны и предназначались для всех желающих. На лекции Гельфанда ломались с других факультетов. На лекциях Новикова вряд ли присутствовало более пятнадцати человек, из коих студенты МГУ были в меньшинстве; один раз я предупредил Петра Сергеевича, что не смогу быть на следующей лекции (причину я не помню, но она должна была быть чрезвычайной), и тогда он её отменил. Лекции Гельфанда поражали своей филигранной отточенностью и продуманностью, и лектор нередко издевался над непонятливостью тех, кто осмеливался задать ему вопрос. Лекция Новикова могла целиком состоять из исправления ошибок предыдущей лекции или из ответа на какой-либо вопрос: математика творилась непосредственно в аудитории. Больше всему научил меня Новиков. Своим математическим, да и не только математическим, мировоззрением я во многом обязан ему. Он был самый глубокий мыслитель из тех, кого я встречал.

— В чём секрет хорошей лекции?

— Об этом надо спросить хороших лекторов. Если у меня спрашивают совета на эту тему, я обычно отвечаю, что преподавание тогда оказывается успешным, когда оно доставляет удовольствие преподающему.

— Какой аспект преподавательской работы доставляет вам наибольшее удовольствие?

— Пожалуй, наибольшее удовольствие получаешь, когда удаётся что-нибудь сложное доходчиво объяснить. И тогда оказывается, что это сложное на самом деле было не столь уж сложным, а только традиционно считалось таковым. Так, сравнительно недавно я предпринял попытку разъяснить нематематикам формулировку той проблемы Пуанкаре, которая решена нашим гениальным соотечественником Перельманом. В этой формулировке много непонятных слов, но каждое из них можно объяснить — хотя бы огрублённо, без точной математики.

— Как менялись лекции и лекторы за те полвека, что вы работаете в МГУ?

— Сперва лучшие лекторы умирали, потом стали уезжать из России. Лекции менялись соответственно.

— Вы без любви отзываетесь о советской власти, но и в настоящем видите мало поводов для оптимизма. Почему при тоталитаризме наука и образование процветали, а сейчас находятся в плачевном состоянии?

— Моё отношение к советской власти, при которой я существовал шестьдесят лет, подмечено вами верно. Что до процветания, то следует оговориться, что весь спектр гуманитарных наук при этой власти совершенно не процветал и развивался в формах уродливых. Полагаю, что такие науки, как история, экономика, социология до сих пор у нас не выздоровели и находятся в неконкурентном состоянии (разумеется, в каждой из них могут иметься, и даже при советской власти имелись, отдельные выдающиеся специалисты). Если что и процветало, то это естественные науки и математика (каковая к естественным наукам не относится). Эти науки нужны были для задач обороны, а этим задачам было подчинено едва ли не всё, что происходило в СССР. Впрочем, задачи сохранения идеологии были важнее даже задач обороны. Полезная и даже необходимая для военной техники кибернетика была запрещена; на неё был навешен ярлык буржуазной лженауки на службе американской военщины (казалось бы, в таком случае её надлежало усиленно развивать, дабы мощь этой военщины опиралась на лженауку, — но нет!). Именно тоталитарный характер государства мог заставить науку работать прямо или косвенно на оборону и, тем самым, её, науку, поддерживать. Но иногда поддерживалась и насаждалась лженаука, даже если вести речь о естествознании (о гуманитарных областях нечего и говорить). Биология, как известно, была при Сталине разгромлена, и воцарилось учение «народного академика» Трофима Лысенко. Это учение объявляло идеализмом признание материального носителя наследственности, а материализмом — разлитую в живых существах «жизненную силу». Биология в России долго не могла восстановиться, и не вполне ясно, до какой степени восстановилась сейчас. Так что процветание даже естественных наук было довольно-таки относительным. Но всё же, сколь ни неприятно это признавать, выходит, что именно тоталитарность советского строя обеспечивала развитие наук (хотя и наряду с лженауками). В нетоталитарных государствах с развитой наукой есть другие механизмы поддержки науки, которые, увы, отсутствовали и отсутствуют в нашей стране. Кроме того, где ещё талантливые и творческие люди могли себя проявить, кроме как в науке и в её преподавании? Разве что в шахматах — и вот почему советская шахматная школа занимала первенствующее положение в мире. А что касается высшего образования, то мы не следовали западным образцам, а сохраняли у себя десятилетиями, а то и веками наработанную систему. Да, наши дипломы не имели международного статуса, но в

условиях непроницаемых границ он был и не нужен. Сейчас в высшем образовании идёт так называемый болонский процесс с переходом на бакалавриат и магистратуру; что это такое, никто толком не знает, к тому же, как у нас всегда, всё делается впопыхах, на скорую руку. Возможно, когда всё устоится, мы получим от этого какую-то пользу, но уверенности в этом нет. Да, наши дипломы будут признаваться за рубежом, но реальную выгоду от этого обстоятельства оценить трудно.

— Исчезает ли в России искусство чтения лекций?

— Не знаю. Иногда заявляют, что поэзия не исчезнет, пока «жив будет хоть один поэт». Если применить этот тезис к искусству чтения лекций, то обнаружится, что оно не исчезло. Потому что по крайней мере одного блестящего лектора я знаю. Это лингвист Андрей Анатольевич Зализняк.

— Что делает его блестящим лектором?

— На этот вопрос так же трудно ответить, как на вопрос, что именно делает великим великого художника или великого композитора. Прежде всего, у Зализняка чрезвычайно ясное, чёткое и последовательное изложение. Оно практически не оставляет места для вопросов, поскольку оказывается, что всё, о чём можно спросить, уже разъяснено. Кроме того, Зализняк даёт на лекциях домашние задания, и желающие разбирают их у доски. Задания составлены весьма продуманно, и я был свидетелем того, как на четвёртой, а то и на третьей лекции по санскриту или по арабскому языку студент разбирает у доски подлинный санскритский или арабский текст.

— Вы преподавали филологам и математикам. Можно ли с первого взгляда отличить студента мехмата от студента филфака?

— Раньше я бы ответил положительно. Теперь же мальчика от девочки не всегда отличишь: унисекс.

— Студенты за эти годы и десятилетия — они больше меняются или больше остаются всё такими же?

— Меняются.

— К лучшему или к худшему?

— Известно, что у стариков, каким я являюсь, раньше и кефир был вкуснее, и погода лучше. Элементы этого восприятия студентов я ощущаю и в себе. Тем не менее — если судить по студентам-лингвистам, которым я преподаю, — кажется, что студенты в среднем стали умнее. Чем это вызвано, не знаю.

— Что даёт понимание основ математики нематематикам?

— О, многое. Прежде всего — умение отличать понятное от непонятного, осмысленное от бессмысленного, доказанное от недоказанного, истинное от ложного. А также правильно выражать свои мысли.

Математика — это гуманитарная наука

От редакции «Троицкого варианта». — Математика, физика и лингвистика. — Математика и музыка. — Как думают математики. — Какой математике учить. — Любимые лекторы. — Примечания (составлены М. Гельфандом).

От редакции «Троицкого варианта»

В новогодние каникулы 2014 года Владимир Андреевич Успенский любезно согласился встретиться и поговорить с Михаилом Гельфандом. Мы публикуем расшифровку стенограммы этой беседы, подвергнушуюся минимальному редактированию. Курсивом показаны места, выделенные в разговоре интонацией.

В ходе интервью В. А. Успенским было рассказано о двух его любимых лекторах, П. С. Новикове и И. М. Гельфанде. Этот рассказ помещён в конце интервью.

Математика, физика и лингвистика

— Насколько я понимаю, у Вас занятия математикой всегда происходили на границе математики и языка, это был в каком-то смысле лингвистический фланг математики.

— Я не могу сказать, что это происходило на границе математики и лингвистики. Скорее, это был логический фланг. Всё-таки математикой я начал заниматься существенно раньше, чем лингвистикой.

Есть такой уважаемый мною человек, Евгений Абрамович Бунимович. В ноябре 2013 года, на церемонии вручения премии «Просветитель», членом жюри которой он состоит, он сказал: «В России есть всего два математика, которые считают, что математика — это гуманитарная наука: это Владимир Андреевич Успенский и я».

Интервью для газеты «Троицкий вариант», № 2 (146) от 28 января 2014 года, с. 4—6. В Интернете: <http://trv-science.ru/2014/01/28/v-a-uspenskijj-matematika-ehto-gumanitarnaya-nauka/>. Беседовал Михаил Сергеевич Гельфанд.

— *Я не математик, но я тоже так считаю.*

— Правильно. Но, скажем, великий Арнольд — наши ранги как математиков несопоставимы, так что я испытываю неловкость, возражая ему, — считал, что математика это часть физики.

— *Я ровно про это и хотел спросить.*

— Если математика — часть физики, то с таким же успехом она — часть психологии. Потому что всё происходит в голове у человека. Возьмите такую науку, как теория чисел. Никаких аксиом там нет. Я плохо отношусь к Виноградову **1**, как и большинство приличных людей, но его книжку «Основы теории чисел» читал с огромным удовольствием.

Она начинается из ничего и доходит до некоторых высот. Потому что в головах имеется некоторое представление о натуральном числе, и если один человек сидит здесь, а другой — в Новой Зеландии, то это представление у них будет одинаковым: ведь выводы, к которым они приходят, совпадают. Значит, это свойство человеческой психологии. Некоторые выводят из этого существование Бога. Об этом я не берусь судить, но сам факт такого единства достоин внимания.

— *Недавно в Science была статья, что восприятие малых количеств у людей в голове находится вовсе не в том месте, где последовательный индуктивный счёт. И имеется пространственный градиент активности в соответствующей зоне коры головного мозга в зависимости от числа предъявленных картинок, от одного до семи **2**.*

— Конечно, а дальше уже «много». Это отражается в языке: два, три, четыре стула, но пять стульев. Мой любимый тезис, что бесконечность — это аппроксимация конечного сверху. Иногда проще сказать не «восемь септильонов», а «бесконечно».

— *«Много» начинается там, где не видно сразу, а надо считать, показывая пальцем.*

— Вы затронули интересный вопрос, мне его иногда задают важные коллеги, — откуда начинается натуральный ряд, с нуля или с единицы? Дело в том, есть два понятия натурального ряда. Есть количественное, оно охватывает ноль: «Сколько здесь крокодилов? — Ноль», а есть «считательное»: если пересчитывать крокодилов, то, конечно, будет «раз, два, три...».

— *Но большинство математиков всё-таки идут от физики. Владимир Игоревич Арнольд, Юрий Иванович Манин **3**, Израиль Моисеевич Гельфанд...*

— Откуда идёт большинство — это я не знаю. Египетская математика идёт от прикладных задач, как пирамиды строить.

— *Т. е. это, скорее, физическая линия.*

— Да, но греческая математика уже идёт от высоких воспарений. Всё-таки европейская математика происходит из Греции, а не из Египта. Пифагор — несоизмеримость отрезков **4**, на хрен она, вообще говоря, была грекам нужна для их физики? А это великое открытие.

— *Но если в европейской математике есть, условно, египетская физическая линия и греческая психологическая...*

— Я бы сказал, психолого-эстетическая.

— *...то как в других математических культурах?*

— Откуда же мне знать?

— *Вы не пытались смотреть?*

— Для этого нужно быть специалистом по истории математики.

— *Вам никогда не хотелось?*

— Хотелось. История математики — это чрезвычайно интересная наука, находящаяся повсеместно на довольно низком уровне. По следующей причине: ею занимаются люди, иногда вполне неглупые, но, как правило, те, у кого не получалась математика. Я с этим столкнулся на следующем примере. Когда мы с А. Л. Семёновым писали книжку про алгоритмы **5**, мне нужно было узнать, у кого появилось понятие алгоритма — не слово (все знают про аль-Хорезми **6**), а понятие алгоритма как описания процесса, который не ограничен в числе шагов, но приводит к результату.

На ответ я наткнулся почти случайно. Впервые это понятие появилось у Эмиля Бореля в 1912 году, но никто об этом не знал, потому что появилось оно в статье Бореля об определённом интеграле. Там он писал о «вычислениях, которые можно реально осуществить», подчёркивая при этом: «Я намеренно оставляю в стороне большую или меньшую практическую длительность; суть здесь та, что каждая из этих операций осуществима в конечное время при помощи достоверного и недвусмысленного метода». Специалисты по математическому анализу, интересующиеся понятием интеграла, это прочли и пропустили мимо. А специалисты по теории алгоритмов в такую литературу не заглядывают. А ведь Борель в точности определил, что такое алгоритм.

— *Примеры алгоритмов были и раньше.*

— *Примеры* — разумеется. Я говорю про понятие, это большая разница. Конечно, у аль-Хорезми были описания, как что-то там складывать...

— *Или европейские математики, которые друг с другом соревновались в решении разных типов кубических уравнений.*

— Задачи на построение — это по существу тоже алгоритм.

— *Раз так, у Евклида не найдётся строгого списка разрешённых операций и их последовательных комбинаций?*

— Не найдётся.

— *А если широко на это посмотреть?*

— Если посмотреть очень широко, да ещё с современных позиций, то, возможно, из книг Евклида можно извлечь такой список. Осознавал ли его Евклид, неизвестно.

— *Ещё о классификации наук. Если считать, что математика — гуманитарная наука, то не является ли лингвистика — естественной наукой?*

— Нет.

— *Именно лингвистика, не филология.*

— Если так, это правильный вопрос. Тогда да, согласен, в значительной степени является. Я считаю, что главная беда лингвистики — что она оказалась склеенной с литературоведением. Как сиамские близнецы. Что её губит.

Математика и музыка

— *Очень многие хорошие математики, которых я мог наблюдать или про которых слышал, много и в каком-то смысле глубоко слушали музыку. Израиль Моисеевич, Манин.*

— Колмогоров...

— *Музыкальный клуб на мехмате...*

— Да, Александров...

— *В моём поколении Максим Концевич...*

— И что?

— *Это правильное наблюдение?*

— Правильное.

— *Не связано ли это с тем, что одни и те же структуры мозга работают?*

— Откуда же мне знать?

— *А если фантазировать?*

— С таким же успехом это может быть связано с тем, что работают противоположные структуры и происходит отдых. Можно сделать такой вывод и написать несколько диссертаций, а можно сделать другой вывод и тоже написать несколько диссертаций.

— *Сейчас, видимо, можно приложить электроды и померить, какие области работают там и там. Меня удивляет, что этого никто не сделал.*

— В мае 2004 года я побывал в Провиденсе, куда меня привезла мой друг Таня Корельская с целью посмотреть церемонию выпуска бакалавров Брауновского университета. Дело в том, что среди тех, на кого надели мантию, была её старшая дочь Ксения. Таня привела меня в дом Вашего отца, которого я знаю с его 11 лет. Там я был напоен лучшей водкой, которую я когда-либо пил, и которую я с тех пор не могу ни забыть, ни найти **7**. А Ксения, занимавшаяся психолингвистикой, привела меня в одну из университетских лабораторий, где мне показали на экране компьютера, как меняется приток крови к различным участкам мозга при произнесении тех или иных слов. Это, конечно, более грубо, чем электроды. Вот Вы — доктор биологических наук, Вы и сделайте.

— *Я не тех биологических наук доктор.*

— Ну, найдите кого-нибудь, кто сделает.

— *А Вы слушаете музыку? Насколько это для Вас существенно?*

— У меня с музыкой очень плохо, я об этом очень сожалею. Андрей Николаевич Колмогоров пытался меня приучить, что-то объяснял. Например, он мне объяснил вещь, которую я до него не понимал. Я не любил пение; как говорила моя тёща, «я не люблю, когда при мне поют», — вот это мне было очень понятно. Он мне объяснил, что это такой музыкальный инструмент. Есть виолончель, есть фортепиано, а есть человеческий голос. Но я задал ему вопрос, на который он не смог ответить: «А слова-то зачем? Я их всё равно разобрать не могу».

— *У Баха понятно, зачем.*

— Это религиозные гимны, тут понятно, зачем.

— *У Баха была целая риторическая система* **8**.

— Это другое дело, тут слова, которые иллюстрируются музыкой. А я помню арию Орфея «Потерял я Эвридику, Эвридики нет со мной», которую на виниловой пластинке мне ставил Колмогоров... Он честно пытался приучить меня к музыке. Андрей Николаевич меня должен был выгнать за эту неспособность, но терпел. Я сам себя в этом смысле считаю человеком патологическим. Это что-то вроде дислексии — я слышу по радио музыку, я понимаю, что я эту музыку много раз слышал и её люблю, но запомнить, кто это и что это, я не в состоянии.

— *Это другое. Вот я, скажем, лица людей не помню. И не связываю с именами. Но саму мелодию помните?*

— Воспроизвести, конечно, не могу. Но я помню, что я эту мелодию много раз слышал, она мне нравится, но что это, не помню.

Единственное, что я могу опознать, — это «Болеро» Равеля, причём не само «Болеро», а ритм барабана 9 — я его с трудом, но выучил.

Ну, подождите. Многие крупные математики, тот же Колмогоров, занимались усиленно спортом. Нет, не спортом, а именно физической культурой.

— Кажется, меньше. И потом, это их не выделяет из других учёных. А вот любовь к серьёзной музыке — это уже специфично для математиков.

— Интересно, да.

— Опять, если бы были под рукой хорошие социологи, можно было бы их на это напустить.

Как думают математики

— Чем отличается хороший математик от плохого? В чём разница во внутренних ощущениях и в способах обращения с материалом?

— Откуда же я знаю? Я же не хороший математик, я только со стороны могу смотреть. Есть несколько жанров математики. Когда-то мне Колмогоров говорил, что может быть очень хорошая работа, в которой теорем почти не доказывается, но вводится система понятий, которая чрезвычайно важна. Сюда же, видимо, относятся те, кто открывают новые теории. Третьи — те, кто решают задачи, которые стояли много лет, в узкой области.

Вот, опять, Виноградов — он хороший математик или нет? Наверное, сильный, и даже очень сильный, хотя и «узкий». Конечно, было бы лучше, если бы не делали вид, что он решил проблему Гольдбаха 10, которую он не решил. Но то, что он действительно решил в этой проблеме, достойно всяческого уважения. Так что есть разные математики. Что-то должно реализоваться: или умение решать сложную проблему, или придумывать новые теории, или создавать новую систему понятий.

— Я бы ещё четвёртое добавил — умение видеть связи между далёкими областями.

— Вы правы. То, что умел делать Ваш великий дед.

— Я из воспоминаний о нём это и узнал — я не сам это придумал. Поскольку я вообще никакой не математик, хотя тоже мехмат заканчивал.

Когда я наблюдал математически сильных людей, на моём курсе и вокруг, у меня всегда было ощущение, что они умеют

обращаться с понятиями, для которых у меня нет соответствующей машинки в голове. Пока можно было формально писать — я чисто алгебраически это делал, но как только чуть выходило за рамки, оказывалось, что я просто не умею про это думать.

— Думаю, Вы не по адресу. Вам надо бы взять какого-нибудь сильного математика, Манина, например.

— Я разговаривал с Юрием Ивановичем [3]. Это не помогает. Они [сильные математики] в этот момент начинают, как поэты, разговаривать образами.

— Колмогоров на моей памяти не меньше двух раз обращал внимание вот на что. Математик, когда он думает, шевелит руками, пальцами. Он явно геометризует какие-то мысленные конструкции. Колмогоров считал, что если изучить эти движения, то можно что-то понять в отношении мышления математика. Кто-то сказал, не помню кто, что математика берёт образы несуществующие и обращается с ними, как с существующими. «Возьмём паракомпакт и выберем в нём точку» — что, как, где возьмём? Как выберем?

— Тогда это возвращает нас к разговору про математику и музыку. Альфред Шнитке говорил, что, когда он пишет музыку, он записывает то, что уже знает. Он не сочиняет последовательно — первую часть, потом вторую, — нет, у него имеется некоторый цельный образ, и его задача, как композитора, наиболее адекватно передать этот образ теми средствами, которые есть в его распоряжении.

— Когда математик пишет статью, он, конечно, в голове её всю уже написал. Технических деталей может не хватать, но всё уже понятно.

— Откуда берутся ошибки в математике? Ошибочные гипотезы — сбой этого механизма? Неправильная картинка в голове возникла?

— Конечно. Но она — мощный двигатель прогресса. Вот, например, у Колумба была ошибочная гипотеза, что если плыть на запад, то там сразу Индия.

— Это пример не совсем про то; тут уж очень конкретно. Есть примеры, когда такие ошибки сильно продвинули математику?

— Убеждён, что есть... Ну вот, у великого математика Анри Лебега [11] была неправильная теорема, которую он опубликовал. Из её опровержения возникла дескриптивная теория множеств. Фунда-

ментальный вклад в эту теорию внёс Николай Николаевич Лузин, создатель московской математической школы. У Лузина была книга [12](#), первоначально, в 1930 году, изданная в Париже по-французски с лестным предисловием Лебега.

Она потом два раза, отдельным изданием в 1953 году и во втором томе собрания сочинений Лузина в 1957 году, выходила в СССР в русском переводе, и оба раза обходились без предисловия Лебега. Это само по себе замечательно — кто такой Лебег, чтобы на него тратить время и бумагу. Про издание 1953 года всё понятно: оно готовилось ещё при жизни Сталина, в период инициированной им борьбы с «низкопоклонством перед Западом». В издание 1957 года предисловие, думается, не было включено по причине традиционного издательского консерватизма.

Русский перевод предисловия удалось опубликовать лишь в 1985 году в связи со столетием Лузина [13](#). Так вот, в этом предисловии было сказано: «Источником всех проблем, о которых пойдёт здесь речь, послужила грубая ошибка в моём Мемуаре об аналитически представимых функциях. Плодотворная ошибка, меня просто вдохновило её совершить». И далее: «Доказательство было простым, коротким, но неверным».

Это вот про что. Сначала на прямой — вы начинаете с отрезков, а дальше применяются три операции: дополнение, объединение счётного числа множеств и пересечение счётного числа множеств. Всякое множество, которое можно получить в результате, называется борелевским. На плоскости — аналогично, только начинаем с прямоугольников. А дальше вопрос: проекция плоского борелевского множества на прямую — это борелевское множество или нет? Лебегу было очевидно, что борелевское, и он это *доказал* и сделал из этого глубочайшие философские выводы, что математический анализ замкнут сам в себе, потому что за пределы борелевских множеств нельзя никуда выйти.

Дальше была драматическая история — в России на семинаре Лузина была обнаружена ошибка. У Лузина был выдающийся ученик, Суслин [14](#), который построил пример борелевского множества, проекция которого не борелевская. Сейчас проекции борелевских множеств называют суслинскими или *A*-множествами, Лузин называл их аналитическими. Им посвящена целая книга [12](#), от которой и пошла современная дескриптивная теория множеств.

Это пример не просто неправильной гипотезы, а неправильной теоремы, которая послужила толчком к созданию целого направления математики.

Какой математике учить

— *Разговор про основы матанализа подводит ещё к одному сюжету. Ясно, что многим нематематикам, условно говоря, филологам и биологам, нужна математика, и их надо ей учить.*

— Ну, филологам вряд ли... Разве что статистика для стиховедения.

— *Лингвистам?*

— Лингвистам — да. Биологам — конечно.

— *Теперь — для чего она им нужна? Первое соображение — тривиальное. Скажем, всем нужна статистика; это часть математики. Биологам нужны дифференциальные уравнения.*

— Это у нас математическая статистика — часть математики. На Западе математическая статистика и теория вероятности образуют отдельный раздел науки, по объёму равный математике, а то и превосходящий её.

— *Везде на Западе или только в США?*

— Точно не знаю.

— *Если США, то понятно, почему так.*

— Да, из практических соображений. Страхование и т. д.

— *Ну вот, первое, чему надо учить — это, грубо говоря, набор навыков, в каком-то смысле инженерных. А вторая причина — это то, что математика «ставит» мозги. Люди должны понимать смысл логических утверждений, понимать, что он может сильно поменяться от изменения порядка слов, что кванторы нельзя переставлять. «Для любого ϵ существует δ такая, что...» и «существует такая δ , что для любого ϵ ...» — это существенно разные вещи.*

— Это главное.

— *Конечно. Но правильно ли учить этому на материале классического анализа, на языке ϵ - δ ? Или сейчас для этого стоит брать какой-нибудь другой раздел математики? Я смотрел программу экзамена на нашем факультете биоинформатики. Вершиной там была лемма о компактности шара.*

— Это им не нужно. Это и на мехмате бывает сложно первокурсникам.

В России всюду поступают так. Берут мехматское образование и в разных местах его урезают, иногда сильно, иногда слабо, иногда, скажем, на ВМК [15](#), оставляют почти такое же. На мехмате понятно, зачем ϵ - δ : математический анализ нужно профессионально выучить.

Учат всюду неправильно.

— *А как правильно?*

— Как правильно, я не знаю. Прежде всего, надо правильно обозначить цели. Может быть, цель — научить логике? Я много лет преподавал математическую логику лингвистам... Ну, например, что является отрицанием утверждения «в этой аудитории каждый из студентов знает хотя бы один из двух языков — баскский или чукотский» **16**? Вот на таких примерах надо учить.

— *Казалось бы, это ничем не отличается от эпсилон-дельта.*

— Правильно. Это не отличается по целям и по способу, но это гораздо нагляднее.

— *Это для лингвистов. А для биологов?*

— Для всех. Какая разница?

— *Может быть, биологов вообще не надо этому учить, потому что не видно, где бы в биологии это было существенно. Лингвисты должны видеть структуру предложения...*

— Все говорят на языке — все должны видеть структуру.

— *Мне казалось, что биологов надо учить на материале комбинаторики. Понять разницу между схемой с возвращением и схемой без возвращения **17** — это примерно такое же интеллектуальное усилие, как понять порядок кванторов.*

— Не совсем. Вы правы, что это усилие такой же трудности. Но содержательно — я не согласен. Чему надо учить биологов — это Вам виднее. Это Вам виднее. Определять это должны не математики, которые всех хотят учить всему, а те, кого учат. Чему надо учить — неизвестно. Чему в школе надо учить, не знает никто.

— *Возможно, я не с того конца зашёл. Есть две области математики, которые имеют дело с простыми и очень естественными объектами: логика, которая фактически работает с языком, и комбинаторика, которая имеет дело с предметами.*

— Комбинаторика имеет дело с множествами. Стало быть, появляются кванторы. Ну, вот совсем простая задача: в Швейцарии каждый знает не менее трёх из четырёх официальных языков. Доказать, что любые три швейцарца могут объясниться на общем языке. Это и комбинаторика, и логика.

— *Видимо, правильный курс должен состоять из таких вещей. Если считать, что есть цель преподавания математики «естественным» учёным, помимо инженерной...*

— Ломоносов говорил, я это по своей брошюре **18** цитирую: «Математику уже за то любить надо, что она ум на место ставит».

— *...из чего такой курс должен состоять?*

— Вы ошибочно полагаете, что я знаю. Но я согласен, что комбинаторика там должна занимать большое место. В частности, такого сорта задачи: имеются монеты, некоторые из них фальшивые, и нужно сколькими-то взвешиваниями определить, какие. Разные схемы могут быть.

— *Всё-таки, это, скорее, про то, как надо учить математике в биологической школе. Это уровень интересных задач и общего развития. А я спрашиваю, надо ли преподавать что-то систематическое.*

— Опять — нужно подойти с другого конца. Кто-то мне давно сказал, что «надо» — слово бессмысленное. Правильно — «надо для чего-то». Вот и решайте.

Вот Лузин, когда учился в гимназии, «поначалу обнаружил полную неспособность к математике в той форме, в которой она преподавалась (заучивание правил и действия по шаблонам)» ¹⁹.

Любимые лекторы

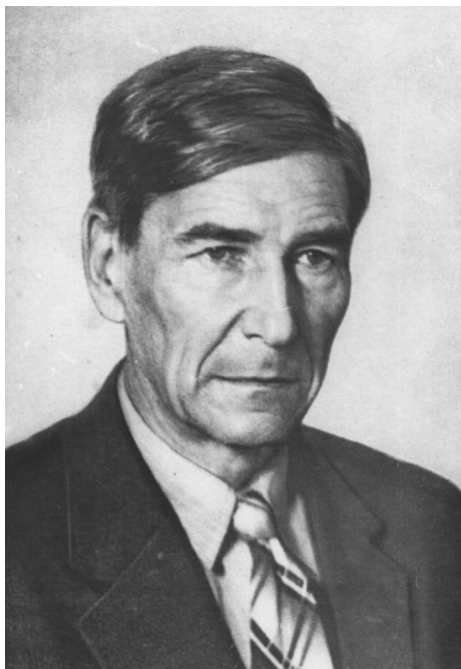
В моей жизни были два совершенно гениальных лектора. Походы на их лекции являлись полным наслаждением. Причём я очень хорошо помню, что, хотя ходить было наслаждением, как на концерт, если лекция отменялась, я был рад. Почему? Не знаю, какая-то психология — я не мог и сейчас не могу объяснить механизм.

Этими лекторами были Пётр Сергеевич Новиков и Израиль Моисеевич Гельфанд. Оба читали на мехмате, в старом здании на Моховой. У них были абсолютно противоположные стили.

У Новикова лекция часто состояла из поправок к предыдущей: он исправлял неточности, даже ошибки. Общение со студентами было, я бы сказал, повышенно любезное. Студентов было мало — это были необязательные лекции по дескриптивной теории множеств, факультатив для желающих. Сидело человек 12, а то и меньше. Помню неприятный момент, когда пришла сотрудница деканата и переписала, кто с мехмата, — оказалось трое.

Народу было так мало, что однажды, когда я не мог прийти на следующую лекцию, я его предупредил — было бы заметно. Его реакция была совершенно неожиданной, он сказал: «Ну так мы отменим». Я его предупредил перед лекцией, и он начал её с объявления, что следующая лекция будет не по расписанию, а через раз.

Среди постоянных слушателей был Есенин-Вольпин. Вот Новиков говорит: «А теперь мы должны ввести целое множество символов». Есенин-Вольпин, естественно, спрашивает: «А что такое символ?» ²⁰.



Пётр Сергеевич Новиков.



Израиль Моисеевич Гельфанд.

И вся лекция уходит на выяснение того, что такое символ. При этом всё у меня было записано, мои конспекты даже ездили в Воронеж ценной бандеролью. Дескриптивная теория множеств — это вещь тяжёлая.

Теперь Гельфанд. Продумано всё до последней мелочи. Необычайно изящно. Он когда-то сказал: «Моцарт! Он не делает ошибок!». (Это было про Колмогорова, который под конец жизни как раз допустил пару ошибок и очень расстраивался.) И вот он сам изяществом стиля своих лекций был, как Моцарт. Это был 1950/1951 учебный год, обязательные лекции по интегральным уравнениям для четвёртого курса. Они читались в одной из больших, но плоских аудиторий (самые большие аудитории — амфитеатром).

Лекции обязательные для четвёртого курса, но на них приходят с других курсов, с других факультетов (с физического бегают) — сидят на подоконниках, висят на люстрах. Читает очень ясно, но как-то раз я чего-то не понял. Я послал ему записку, что такое-то место мне непонятно; не подписался. Он прочитал записку и сказал: «Ну, только полный идиот может написать такое. Он ничего не понимает с самого начала, и непонятно, что он вообще тут делает». Высказался по полной программе. Я пришёл в бешенство: «Твою

мать — я студент, ты профессор, я могу чего-то не понять, твоё дело объяснить — ну или сказать, что сейчас не время, и объяснить после лекции — но не хамить». Кажется, всё-таки, объяснил.

А ещё у него была манера тыкать пальцем в произвольного студента и вызывать к доске. И он тыкает в меня, совершенно случайно: «Вот, мы дошли до такого места, что мы дальше должны делать?». Я знаю, но продолжаю быть в бешенстве и говорю: «Я не знаю». Он спрашивает: «Как это Вы не знаете?». И начинает на меня орать. Когда он кончил орать, я сказал: «Не знаю я потому, что я забыл дома очки и не вижу». Я действительно забыл очки, но, напрягшись, со второго ряда мог разглядеть, хотя с трудом, и всё понял и записал. Он говорит: «Чего Вы тогда тут сидите?». И вот тут я ему врезал. Я сказал: «Сижу я тут потому, что у нас обязательное посещение». Ещё раз повторяю: сидят на подоконниках, с других курсов, с других факультетов, и вообще, это огромное событие — лекция Гельфанда. Что он мог сказать? — «*Садитесь*».

Я понимаю, что накликнул беду на свою голову. Потом экзамен. Экзамен у Гельфанда происходит так: он запускает сразу человек двадцать. Всем даёт задачу, каждому свою, а сам бегаёт и смотрит. Решил человек задачу — может выбрать: немедленно получить тройку или, если хочет больше, ему опять даётся задача, уже следующего уровня, и всё повторяется.

Мне он даёт задачу, русским языком сказать, охренительную. Я чрезвычайно себя ругаю, что её не записал. Несколько лет помнил, потом забылось.

Решить я её не могу. Он на меня поглядывает с большим удовлетворением — конечно, он меня запомнил. Так проходит два часа. Экзамен ещё продолжается, кто-то приходит, уходит. Он видит, что у меня ничего нет. Подходит и спрашивает: «Ну, как у Вас?». Я говорю: «Вот у меня такие-то соображения». Он опять начал орать: «Меня не интересуют Ваши соображения! Меня интересует, решили Вы задачу или не решили. Если решили — пишите решение. Если не решили — так и скажите: „Не решил“».

Дальше произошло нечто невероятное. У меня было такое впечатление, что от этого крика у меня в мозге разорвалась какая-то плёнка. Даже как будто звук раздался. И в эту самую минуту задача решилась. Конечно, всё это время, пока я сидел, что-то такое у меня в селезёнке и родственных органах происходило. Но вот от крика всё решилось. И я тогда ему ехиднейшим голосом говорю: «Простите, Израиль Моисеевич, я думал, Вас интересуют мои соображения, но если Вас интересует всего лишь решение, вот оно». И выписываю

ему решение. Мы оба обалдели совершенно одинаково. Он же видел, что у меня нет ничего... Но надо отдать ему должное, он не стал мне давать другой задачи: эта задача уже была на «шесть». Он с отвращением поставил мне «пять», и я удалился.

А дальше происходит следующее. Подходит конец моей аспирантуры. Она заканчивается 15 ноября 1955 года. Наступает весна 55-го года, а диссертация у меня не написана. Она у меня вся есть в голове, есть публикации — надо сесть и записать. И тут моя жена принимает чрезвычайно странное решение — чтобы я написал диссертацию, меня надо послать в курортный город Палангу, в пансионат Союза писателей. Почему он назывался «пансионат», не ясно — там давали только кров, никакого пансиона не было, питайся, где хочешь.

У меня была комната под крышей, которая страшно раскалялась. В сущности, чердак. Мне было скучно писать диссертацию, поэтому я сначала отредактировал перевод Есенина-Вольпина книги Клини «Введение в метаматематику». Есенин-Вольпин, переведя Клини, совершил этим, конечно, подвиг, но переводил он так. Вот такая фраза: «Все f E g» — как её надо понять?.. В оригинале было: «All f's of E are g's». По-английски «'s» — это множественное число. По-русски как писать — «f-ы»? «g» — это ранее введённые объекты. «E», оказывается, стоит в родительном падеже. И ещё тут пропущено сказуемое-связка. Потом я написал большую статью в «Успехи математических наук», а потом стал лихорадочно писать диссертацию, потом уже в Москве её дописал, отдал перепечатать и успел защититься в срок.

Ну вот. Приезжаю я в этот пансионат, и первых, кого я вижу, — Гельфанда с семьёй, Зорей Яковлевной и тремя сыновьями, старшему из которых, Серёже, было 11 лет; это был Ваш отец. И Гельфанд меня видит. Смешанные чувства отражаются на его лице. С одной стороны, он меня терпеть не может, как мы потом, на следующий день, выяснили. Как и я его. Но там писатели, причём половина — литовских, и я единственный, с кем можно разговаривать. Нет повода для сближения, но происходит вот что: отключается электричество. Там несколько щитов с переключателями, с пробками, что-то перегорело.

И он говорит так: «Вы бегайте по этажам и там выкручивайте и вкручивайте лампочки, а я буду стоять на первом этаже и по Вашим указаниям менять пробки на центральном щите. Это же по Вашей части» (тогда компьютеров не было, главным приложением логики были релейно-контактные схемы). Я начинаю бегать и понимаю, что произошло: я вычисляю ту лампочку, которая перегорела, и

сгоревшую пробку; по одной никак не сходилось. Я тогда был молодой, и в голове что-то ещё работало. Я ему указал пробку, он её поменял, и всё заработало. И дальше мы уже довольно быстро подружились.

Он спросил, чем я занимаюсь, я ответил, и он сказал: «Ну, хорошо, читайте мне лекции по теории алгоритмов». Мы садились на скамейке, и я ему прочёл три лекции, даже рассказал одну свою теорему, такую, которую можно изложить на пальцах даже с доказательством: рассмотрим вычислимые функции, у которых множество значений бесконечно; совокупность их программ сама не может быть множеством значений вычислимой функции. Это довольно просто и красиво доказывается, но как-то до меня никто не сообразил, что такая теорема может быть. Я ему рассказал, ему понравилось.

А в конце третьей лекции я сказал, что больше лекций читать не буду. «Почему, что такое?». А вот почему: я обратил внимание, что к скамейке, где мы сидели, подошёл трёхлетний мальчик и начал что-то лепить из песка, и Гельфанд этим заинтересовался и одним ухом меня слушает, а сам обернулся туда и с увлечением строит куличики. «Вы меня перестали слушать, значит, уже хватит: никакого упрёка, но произошёл естественный конец».

Когда уже надо было уезжать, он мне сказал: «Вы сейчас заканчиваете аспирантуру, я Вас беру в свой отдел в отделении прикладной математики» (оно в несколько раз превосходило численностью, влиянием и финансами Математический институт Академии наук, отделением которого считалось). «А что я там буду делать?». — «Мы с Вами будем писать книгу. Там надо будет охватить всю математику, но не просто общее введение, а в каждом разделе мы возьмём по яркой теореме. Вот я Вам сейчас расскажу, и мы обсудим». Ну, «обсудим» — это просто так сказано, говорил он, а я, раскрыв рот, слушал. Теорема о том, как устроены какие-то поверхности третьего порядка, что-то такое. Теорема о каких-то функционалах. Теорема о том, как у дифференциальных уравнений решения закручиваются куда-то. «Берём эти разделы и пишем, будем обсуждать, Вы будете записывать».

Я пошёл к А. Н. Колмогорову, он мой учитель (как, кстати, и Гельфанда). Я сказал, что меня пригласил Гельфанд, это большая честь. «Да, большая честь. Но я Вам скажу, что будет. В течение года, а если повезёт, то двух, Вы будете его любимой игрушкой. Через два года он забудет о Вашем существовании». Как мне потом сказали некоторые ученики Гельфанда, которые его хорошо знали, так бы оно и произошло. Поэтому я предпочёл не рисковать и пошёл по пути, который предложил Колмогоров, — на мехмат МГУ.

В. В. Успенского // Успехи математических наук. — 1985. — Т. 40. — Вып. 3 (243). — С. 9—14.

14 [к с. 973]. Михаил Яковлевич Суслин — автор (совместно с Н. Н. Лузиным) теории аналитических множеств (*A*-множеств).

15 [к с. 974]. Факультет вычислительной математики и кибернетики МГУ.

16 [к с. 975]. Ответ: «В аудитории найдётся хотя бы один студент, который не знает ни баскского, ни чукотского языка».

17 [к с. 975]. Например, решим две задачи.

(1) В ящике лежат 2 чёрных носка и 2 серых. Из ящика (не глядя) вынимают носок и потом ещё один. Какова вероятность, что носки составили пару одного цвета? Ответ: $\frac{1}{3}$.

(2) В ящике лежат 2 чёрных носка и 2 серых. Из ящика (не глядя) вынимают носок, кладут обратно и потом опять вынимают носок. Какова вероятность, что были вынуты носки одного цвета? Ответ: $\frac{1}{2}$.

18 [к с. 975]. В. А. Успенский. Математическое и гуманитарное: преодоление барьера¹. — 2-е изд. — М.: МЦНМО, 2012. — 48 с.

19 [к с. 976]. «Википедия». Статья «Лужин, Николай Николаевич».

20 [к с. 976]. «Википедия»: «Основу математических и философских взглядов Есенина-Вольпина составляет крайний скептицизм — отрицание всех принимаемых на веру абстрактных понятий».

¹ В настоящем издании: кн. 2, с. 25—64. — *Прим. ред.*

Мы ничтожно мало знаем о мире, в котором живём

► В 2001 году великий российский меценат, пионер отечественной мобильной связи Дмитрий Борисович Зимин на собственные средства основал частный некоммерческий фонд «Династия». Этот фонд выполнял благородную просветительскую миссию: он спонсировал издания, лекции, конференции и другое, содействующее популяризации науки в России; в частности, он спонсировал премию «Просветитель» за лучшие научно-популярные сочинения. 25 мая 2015 года органы Министерства юстиции РФ признали фонд иностранным агентом. Это решение вызвало протесты ряда институций, в том числе Уполномоченного по правам человека в РФ и Совета по правам человека при президенте РФ. Власть не отступила, и Зимин мудро не стал искать правды в наших судах, что привело бы только к потере нервов, времени и денег, а просто-напросто закрыл фонд. 5 июля 2015 года решением Совета фонда «Династия» этот фонд был закрыт. Присуждение премии «Просветитель» с денежной выплатой лауреатам и финалистам из средств Зимина, однако, продолжилось.

Со страницы <http://premiaprosvetitel.ru/info/?161> премии «Просветитель»:

18 ноября 2010 года на торжественной церемонии в Театральном центре «На Страстном» главный приз премии «Просветитель» в области гуманитарных наук получил Сергей Иванов, автор книги «1000 лет озарений» (М.: Вокруг света, 2010), в естественных и точных науках — Владимир Успенский, за «Апологию математики» (СПб.: Амфора, 2009).

Когда, чтобы получить диплом, тяжёлую статуэтку и букет, я поднимался на сцену, на лестнице какая-то девушка накинула на

Интервью опубликовано 17 июня 2011 года на сайте Регионального информационного агентства Нижегородской области «Время Н»: http://www.vremyan.ru/interviews/my_nichtozhno_malo_znaem_o_mire_v_kotorom_zhivem.html. Беседовала Катерина Ткаченко.

меня мантию и надела шапку средневекового доктора¹. Спускаясь со сцены, я спросил эту девушку, какое моё поведение относительно мантии и шапки предполагается — должен ли я её отдать или могу унести с собой. Она не знала и переадресовала меня к другой девушке. Та тоже не знала и сказала: «Это может знать только Жанна Насупкина». Г-жа Насупкина разъяснила мне, что мантию и шапку я должен вернуть², но пока должен остаться в них и идти со статуэткой на третий этаж, где собрались корреспонденты. Иванов и я провели довольно долгое время с этими корреспондентами на третьем этаже, в то время как примерно полтысячи человек, заполнивших зал, выпивали и закусывали на стоячем фуршете в фойе. Когда я спустился в этот зал, все места за столами были уже заняты.

Так я познакомился, а впоследствии и подружился с Жанной. Она оказалась исполнительным директором Института книги. Этому Институту фонд «Династия» поручает организацию церемонии вручения премии и ряда других своих мероприятий.

В моральную обязанность финалистов Премии, а тем паче её лауреатов, входит чтение популярных лекций. С этой целью в июне 2011 года Жанна отвезла меня в Нижний Новгород. 15 июня в половину одиннадцатого утра экспресс «Сапсан» привёз нас в Нижний (уехали в Москву 18-го днём). Там нас поселили на холме, в Кремле, в здании так называемого Арсенала³. На втором этаже Арсенала был конференц-зал, а на третьем — две гостевые комнаты с окнами в скошенном потолке. Однажды я оставил окно в своей комнате открытым, и её залил дождь.

¹ Такое же одеяние получил и С. А. Иванов.

² Лауреаты премии на год становятся членами жюри и навсегда — членами Совета премии. Оказавшись внутри «кухни», я предложил внести некоторые усовершенствования, и мои предложения были приняты. Так, я предложил выплачивать некоторую сумму не только лауреатам, но и остальным членам шорт-листа — так называемым финалистам. Относительно мантии и шапки я высказал неудовольствие тем, что они даются лауреатам всего лишь на время; что касается шапки, то это даже негигиенично. Однако, когда я пришёл на церемонию следующего, 2011 года, то обнаружил, что ни мантий, ни шапок не было вовсе. В ответ на моё возмущение мне объяснили, что мантии и шапки были заказаны и привезены, но их забыли вынести на сцену. С 2012 года лауреаты облачались в мантии и шапки, каковые уносились домой.

³ Здание нижегородского Арсенала было построено в 1837—1843 годах «для хранения оружия, мундирных и амуниционных вещей для запасных войск 6-го пехотного полка» и ещё долго использовалось в качестве склада военного имущества. В 2003 году оно было передано нижегородскому филиалу Государственного Центра современного искусства.

В конференц-зале Арсенала в день приезда я прочёл лекцию о проблеме Пуанкаре, решённой нашим соотечественником гениальным математиком Григорием Яковлевичем Перельманом. Частный Математический институт Клэя (Clay Mathematics Institute), находящийся в штате Массачусетс, включил проблему Пуанкаре в список семи «проблем тысячелетия», за решение каждой из которых обещал выплатить миллион долларов⁴. Эта проблема состоит в требовании доказать гипотезу, выдвинутую в 1904 году великим французским математиком Анри Пуанкаре (1854—1912). Формулировка гипотезы такова: *всякое связное односвязное трёхмерное компактное многообразие без края гомеоморфно трёхмерной сфере*. Я имел амбицию доходчиво разъяснить смысл этой устрашающей формулировки **1**.

После моей лекции Катерина Ткаченко, корреспондент Регионального информационного агентства Нижегородской области «Время Н» (<http://www.vremyan.ru>) взяла у меня интервью. Под названием «Мы ничтожно мало знаем о мире, в котором живём» 17 июня 2011 года оно было вывешено на сайте агентства.

Ниже приводится текст этого интервью. ◀●

— Владимир Андреевич, принято считать, что математика — наука конкретная, прикладная...

— Почему прикладная? Это известное заблуждение, на самом деле математика — это про жизнь и не только. Если следовать такой логике, получится, что и музыка тогда вещь прикладная, ведь под неё маршируют. Но это не так: музыка играет огромную роль, в том числе культуuroобразующую. Совсем как математика. Один астроном сказал, что человек отличается от свиньи тем, что ему иногда хочется поднять голову к небу. А чтобы такое желание возникало, надо развиваться. Есть знания, которые являются обязательными для культурного человека, вне зависимости от того, кем он работает и чем занимается. Математика туда входит.

— Вы довольны тем, как преподают сегодня математику в школе?

— К сожалению, в школе часто преподают скучно и совсем не то. В результате у молодёжи возникает ощущение, что математика — это что-то ненужное, сложное, изучающее какие-то корни и тригонометрические уравнения, которые никак в жизни применить нельзя.

⁴ От полагающегося ему миллиона, как и от всех других высших математических наград, Перельман отказался. До сих пор ни одна из оставшихся шести проблем решена не была.

— Т. е. выпускникам бесполезно объяснять суть гипотезы Пуанкаре?

— Я хочу доказать, что нормальные люди в состоянии понять математику, в том числе и эту гипотезу. Американский институт в 2000 году вывесил список из семи математических проблем тысячелетия, за решение каждой из которых пообещал миллион долларов. Одну Перельман решил, и жаль, что все сразу обратили внимание не на то, как он это сделал, и даже не на то, в чём проблема заключалась, а на то, что он отказался от денег. Здесь сработал всем известный принцип современной журналистики: если собака укусила человека, это не новость, а вот если человек укусил собаку — это уже информационный повод. Перельман оказался таким человеком. Все сразу принялись писать и снимать про то, что он не взял миллион, а он просто очень порядочный человек, считает, что это не только его заслуга, но и тех, кто работал до него, просто он сумел объединить знания.

— Как Вы объяснили гипотезу нижегородцам, пришедшим на Вашу лекцию?

— Я пытался объяснить так, чтобы поняли все, и для этого начал с самого начала, рассказал про линии, поверхности и тела. Положение точки на линии можно характеризовать одним числом, на плоскости — двумя, а точку на теле — тремя и более. Смутные воспоминания из геометрии есть у всех. От окружности все были в шоке, хотя там всё просто: у окружности есть центр, от него задаётся определённое расстояние, и все точки, расположенные от центра на этом расстоянии, и составят окружность. А точки, которые находятся на данном или меньшем расстоянии, образуют круг. Шар — это тоже центр с точками на определённом расстоянии и точками между центром и этими точками, но в пространстве. А все точки, которые создают его границу, т. е. распределены на определённом расстоянии от центра, составляют его поверхность. Поверхность шара называется сферой. Это очень важный момент, в школах очень многие ошибочно называют шар сферой, но между ними есть существенное различие: сфера двумерна, а шар — трёхмерен. Математики любят всё обобщать, поэтому круг называют двумерным шаром. Для фигур существует понятие края. Соседи точки могут быть внутренними, а могут быть внешними. Вот если у точки есть внешние соседи, значит, это точка края. Видите, всё просто!

— Гипотеза Пуанкаре звучит для непосвящённого страшно: всякое связное односвязное трёхмерное компактное многообразие без края гомеоморфно трёхмерной сфере. Что такое, например, гомеоморфный?

— Две фигуры гомеоморфны, если каждую из них можно непрерывно преобразовать в другую. Проще всего пояснить, наверное, через ассоциацию. Крылья бабочек и птиц похожи: и те, и другие машут, но они не являются гомеоморфными, потому что у них разная природа; в биологии такие органы называются *аналогами*. А вот, если взять крылья птиц, грудные плавники рыб и передние копыта лани, то они, несмотря на внешние различия, имеют общее происхождение; в биологии такие органы называются *гомологами*. Гомологи могут быть непрерывно преобразованы друг в друга через общего предка. Поэтому, при очень сильном огрублении понятия гомеоморфности, они гомеоморфны. У них одна суть. Например, буквы «ь» и «б» гомеоморфны, печатные заглавные «Д» и «А» тоже. Вы, наверное, проходили тесты на уровень интеллекта, там часто встречается задача «найди лишнюю фигуру». Так вот, представьте, что у вас есть круг, квадрат и квадрат с дыркой в форме квадрата. Как вы считаете, какая из этих фигур лишняя? На самом деле — дырявый квадрат. Потому что путём растяжения и сжатия из круга всегда можно сделать квадрат, из квадрата — круг; они гомеоморфны. А вот дырку вы никуда не денете, она мешает. Это логика и абстрактное мышление.

— **Как Вы сами считаете, все ли поняли гипотезу?**

— Понять может каждый, если захочет и не испугается. А то, бывает, человек слышит слово «многомерный» и сразу пугается. Есть даже такой термин «полиагорафобия» или «плюроагорафобия» — боязнь многомерного пространства.

— **Чего бояться, мы же сами живём в трёхмерном мире?**

— Это очень интересная тема. Возможно, то пространство, в котором мы живём, является трёхмерным компактным образованием без края, о котором и писал Пуанкаре. Представьте, что где-то есть двумерный мир, в котором на плоскости живут двумерные разумные существа. Они ни разу не видели ничего трёхмерного, и не смогут увидеть, ибо сами плоские. Но некоторые из этих существ начинают задумываться, что могут существовать другие миры, в которых больше измерений. Они не могут представить ни сферу, ни куб, но путём титанической силы мысли могут сообразить, что такое вообще возможно. Так же и мы когда-то жили и думали, что может быть только так и не иначе. Но благодаря своему воображению и математической логике сейчас мы многое допускаем. Всё берётся из наших представлений. Откуда древние люди вынесли понятие шара? Просто видели яблоко, каплю росы, комок навоза, который катит навозный жук и т. д. Потом человек начал мыслить. Наблюдайте и мыслите, мы ещё так мало знаем о мире, в котором живём...

■ [к с. 985]. Прилагаю анонс моей лекции, вывешенный на сайте фонда «Династия»: <http://www.dynastyfdn.com/news/758>. Разумеется, слова о том, что я предприму попытку изложить — хотя бы приблизительно — найденное Перельманом решение, были фантазией авторов этого анонса.

15 июня 2011 года, в среду, состоится встреча с известным математиком и лингвистом **Владимиром Успенским** на тему «**Апология математики, или О математике как части духовной культуры**».

В своей лекции он очертит место математики в современной культуре и пояснит основные понятия и проблемы «царицы наук», а также предпримет попытку **доступно изложить проблему Пуанкаре и её решение**, найденное Григорием Перельманом.

<...>

Н а ч а л о л е к ц и и
15 июня 2011 года в 18:30

А д р е с:
Нижний Новгород, Кремль, корпус 6
В х о д с в о б о д н ы й

Слова эти привели к недоразумению. Один из профессоров Нижегородского университета пришёл на лекцию, а выходя пожаловался своему коллеге, что не узнал ничего нового.

Эпопея первая

По мнению моей жены Светланы, в моей жизни было две эпопеи: рождение нашего сына и защита Зализняка. Наш приятель Вася Катанян, носитель юмористического голоса (подобно тому, как Миша Поливанов был носителем аристократического голоса) называл эпопеи опупеями.

Эпопейный характер рождения Владимира Владимировича был вызван прежде всего моим безумием, но был и другой фактор: роды были тяжёлые и осложнённые. Осложнения, фиксированные в справке, выданной Светлане при выписке, привели к увеличению послеродовой части декретного отпуска. Мальчик родился 30 января 1959 года весом 4850 г и длиной 56 см. Теперь таким весом мало кого удивишь, а тогда он был чемпионом родильного дома № 23, что на Шаболовке, только его носили на кормление в единственном числе, тогда как всех остальных медсестра носила по-двое, по числу своих подмышек. В упомянутой справке было, в частности, написано, что родился мальчик-гигант. Кстати, это был первый пример, когда я столкнулся с преступным характером организации советской медицины. Года через два-три после родов появились подозрения, что у Светланы диабет. Анализы подтвердили его наличие, притом в запущенной форме. Оказалось, что рождение крупного ребёнка является одним из симптомов диабета у матери¹, и это написано в учебниках по эндокринологии чуть ли не для медсестёр; в учебниках по акушерскому делу я этой важнейшей информации не нашёл. Матери, родившие крупных детей, совета провериться на диабет не получали.

Безумие же моё проявилось в том, что я был убеждён, что всё почему-либо пойдёт неправильно. Инструментов, позволяющих посмотреть на плод внутри матери, тогда ещё не было. Нас уверяли, что будет двойня (разумеется, я решил, что будет пятерня, и

¹ И это даже имеет простое объяснение: во время беременности выработку инсулина для матери берёт на себя поджелудочная железа плода, от чего она увеличивается, а вместе с нею пропорционально и весь плод.

впоследствии мы со Светланой придумали пять имён, даже больше, поскольку каждый из новорождённых мог иметь свой пол). Я стал изучать литературу по акушерству в той её части, которая касалась патологических родов. Наиболее информативными оказались буклеты, почти листовки, которые главные акушеры областей направляли подчинённым им главным акушерам районов. Узнал много интересного. Например, что поворот плода осуществляется путём захвата за нижнюю челюсть. Что если плод появляется не в каноническом порядке, то это, вообще говоря, не смертельно. Скажем, может сначала родиться одна нога; не смертельно. Смертельный случай я обнаружил один: родилась одна рука. В таком случае спасти плод невозможно; его вынимают по частям. Случай редкий, но у нас он должен был произойти обязательно.

Родильный дом был выбран по тому принципу, что его главный врач разрешил, в случае начала родов, звонить ему ночью. Водитель такси, которое я с трудом поймал на стыке Палихи и Тихвинской улицы, был очень недоволен тем, что ему пришлось везти беременную, о чём я его не предупредил. Когда мы подъехали к нашему подъезду и я вывел к нему Светлану, на его лице было ясно написано, что он считает, что я его обманул. Он боялся, что она родит в его машине. В роддоме, стоило ей зайти за тот барьер, куда уже закрыт вход сопровождающим, она грохнулась в обморок.

Роды были тяжёлые и продолжались долго. Я то ходил, то бегал по Шаболовке рядом с родильным домом. Примерно напротив роддома был кинотеатр, в котором шёл фильм, о котором я много слышал, но ещё не видел, — «Леди Гамильтон». Я посетил три последовательных сеанса, но каждый раз от волнения не мог высидеть более 15 минут. Мобильной связи тогда ещё не существовало. Наконец, я из автомата позвонил домой. Мне сказали, что из родильного дома звонили и сообщили, что родился мальчик.

Тут же в моей голове возникло новое опасение: его перепутают с другим, не по злобе, а по небрежности. Сообщения о том, что в родильном доме поменяли друг на друга новорождённых и обнаруживалось это, когда оба ребёнка уже прижились в семьях, где их приняли за своих, — такими пугающими сообщениями средства массовой информации время от времени развлекали публику. Посему в первую же ночь после родов я отправился в Телеграфный переулок и опустил письмо с изложением своего опасения и просьбой проследить, чтобы подмены не произошло, в почтовый ящик Рафаила Лазаревича Зака, главного врача родильного дома. На следующий день Зак разъяснил мне, что в моём случае подмены быть не может,

потому что мой сын — единственный в роддоме, кого носят на кормление по-одному.

Светлана находилась в родильном доме дольше обычного — и до, и после родов. А я, кроме дня родов, всё это время находился в вестибюле, делал передачи и обменивался записками, с её стороны часто если не прямо паническими, то близкими к этому. Особенно ей досаждало невыключаемое радио в палате. С большим трудом и надлежащими финансовыми вливаниями мне удалось его выключить. Оказалось, что санитарки и медсёстры меня запомнили. 15 февраля 1961 года в том же роддоме мой друг Наталья Леонидовна Трауберг рожала своего второго ребёнка — дочь Марию. Её поразил следующий эпизод. Её везли на каталке по коридору. И она услышала следующую фразу, сказанную будничным голосом предположительно одной медсестрой другой: «Там Успенский пришёл». В её рассказе подчёркивалось, что больше всего её поразил будничный тон. А я действительно пришёл в роддом, чтобы передать ей поздравление.

И вот настал день выписки. Осознавая своё безумие, я почёл за благо устраниться от процедуры получения и перевозки новорождённого. Мог ли я доверить перевозку таксомотору, наполненному микробами? Поэтому я попросил своего друга Мишу Поливанова, у которого или в семье которого был автомобиль, забрать Светлану с младенцем из роддома и привезти его на Большой Спасоглинищевский переулок к бабушке (Светланиной матери) Наталии Александровне. У неё наш сын жил до тех пор, пока мы летом 1962 года не вселились в только что построенный кооперативный дом у метро «Аэропорт». Естественно, в роддоме Поливанов принял поздравления в качестве счастливого отца.

Я ждал какой-нибудь патологии, и она не замедлила обнаружиться. Ребёнок родился с кривошеей. Как известно, одна из её причин — тяжёлые роды, причём у мальчиков она встречается чаще, чем у девочек. Оба фактора имели место. Настроение у меня было ужасное, и это заметил Павел Сергеевич Александров, ехавший со мной в одном лифте, где и произошёл диалог. «У Вас такое выражение лица, как если бы произошла большая неприятность, — сказал он. — Что-нибудь случилось?». — «У меня родился сын». — «Но это никак нельзя считать неприятностью». — «Да, но он родился с кривошеей». Помолчав, Александров сказал: «Это, действительно, очень неприятно. А кто-нибудь, кроме Вас, поставил этот страшный диагноз?». Я вынужден был признать, что никто. «А-а-а, — произнёс Александров своим неповторимым каркающим голосом. — В таком случае я думаю, что это не очень страшно». Тем не менее я потребовал, чтобы Свет-

лана отвезла нашего сына в Институт детской ортопедии или какое-то похожее учреждение. Никакого такси, туда и обратно на коляске, Светланой везомой. Там приёма ожидали мамы с младенцами, у которых было три руки, или нога росла из головы, или что-то подобное. Осмотрев нашего сына и найдя его совершенно здоровым, Светлану с позором выгнали. Этот случай меня несколько отрезвил, и моё безумие стало постепенно приходить в нормальный для меня уровень².

Первое лето после рождения сына мы провели в Голицыне — мне первый и последний раз в своей жизни пришлось снимать подмосковную дачу. Впечатление от съёма дачи, проходившего в весеннюю распутицу, было сильное. Вот я перехожу улицу, поднимаю ногу, чтобы сделать шаг, а мой башмак остаётся глубоко ушедшим в жидкую и вязкую глину. Как бы то ни было, дачу я снял. Летом выяснилось, что в Голицыне снимала дачу Татьяна Максимовна Литвинова со своей матерью Айви Вальтерероной³ и двумя дочерьми — тринадцатилетней Машей и одиннадцатилетней Верой⁴; там мы и познакомились. Татьяне Максимовне тогда было не то сорок, не то сорок один и для нас она была Таней. Светлана рассказала ей, что сын достался ей очень дорого. А сын был белокурый, «налитой», в отдельные моменты похожий на фарфорового пупса. Когда его купали в детской эмалированной ванне, некоторые из проводящих лето в Голицыне дам специально приходили смотреть на это зрелище. Как-то Таня попросила у Светланы разрешения вынуть Володю из ванны. «Мама, не бери его в руки, — в ужасе сказала Вера. — Ты же слышала, какой он дорогой. А вдруг ты его уронишь и разобьёшь. Что мы тогда будем делать?».

Приложение. Володечка

С осени 1962 года наша семья — папа, мама и сын — объединилась в только что полученной квартире в выстроенном в 1961 году ЖСК «Советский писатель». Одно время, к сожалению, очень короткое, у

² Этот нормальный уровень был охарактеризован Ю. М. Лотманом в письме от 26 февраля 1979 года моему брату: «Владимир Андреевич был как-то выведен из своего обычного состояния „за три минуты до катастрофы“» (Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский. Переписка 1964—1993 / Составление, подготовка текста и комментарии О. Я. Кельберт и М. В. Трунина; под общ. ред. Б. А. Успенского. — Таллинн: Изд-во ТЛУ, 2016.

³ Урождённая Айви Лоу (Ivy Low, 04.06.1889—16.04.1977), подданная Великобритании, вдова Максима Максимовича Литвинова, с 1930 по 1939 год наркоминдела СССР.

⁴ Маша и Вера родились, соответственно, 06.11.1945 и 23.01.1948.

нас была замечательная домработница, 17-летняя прелестная девочка Шурочка, сбежавшая из отсутствующей ныне деревни Новый Мир, что в Переславском районе Ярославской области. (Она говорила так: «Светлана Марковна звонили, сказали, что задерживаются и чтобы вы обедали без неё».)

Чтобы различить отца и сына, носящих одно и то же имя, сына стали называть Володечка. В кругу наших друзей это имя сохранилось до сих пор. Я его никогда так не называл.

Володя стал ходить в построенный одновременно с ЖСК и практически на той же территории писательский детский сад («Детский сад Литфонда СССР»).

После первого же дня он задал мне вопрос, поначалу поставивший меня в тупик. «Ты меня учил, что я должен слушаться воспитательницу. Но она говорит туалет, а мы говорим уборная. Как быть?». После некоторой паузы я нашёл ответ: «Но ведь помещение в детском саду и помещение в нашей квартире устроены внутри по-разному. То, что у нас, называется уборная. А то, что в детском саду, называется туалет».

Когда во время прогулки во дворе детского сада все дети, сбившись в кучу, копали снег или что-нибудь из него строили, наш сын делал примерно то же самое, но всегда в одиночестве, в отдалении от других. Мы со Светланой не без беспокойства наблюдали эту картину.

Когда Шурочка приводила его из детского сада, или же Светлана забирала его оттуда, Светлана всегда спрашивала: «Какие новости?». Ему очень не хотелось огорчать маму, но он был человек честный (и остался таковым), поэтому отвечал «Нет новостей» и как бы ощущал личную вину за отсутствие новостей. Но однажды он выбежал из детского сада в радостном возбуждении от того, что может обрадовать маму, и, не дожидаясь вопроса, чуть ли не закричал: «Есть новость! Крючкин обкакался».

А однажды он рассказал нам ужасную историю. Надо сказать, что аппетит у него был прекрасный. Однако именно он был несправедливо обвинён в том, что не выпил свой стакан кефира. В детском саду в определённое время детям давали по стакану кефира. Стаканы выставлялись на стол в количестве, равном количеству детей в группе. И вот однажды воспитательница обнаружила невыпитый стакан. На её грозный вопрос «Кто не выпил кефир?» ответа, естественно, не последовало. Тогда она объявила, что сейчас придёт врач со шлангом, и этот шланг будет засунут всем в желудок, и тогда станет ясным, в чём желудке нет кефира. Володечка наглядно представил, как над ним производят эту страшную процедуру, и со слезами и под

град упреков объявил виновным себя. После чего ещё раз съел кефир.

Осень 1965 года сын провёл в Старом Крыму в обществе своей бабушки Натальи Александровны Брюханенко и своего отца. Нас приютила старая знакомая моей тёщи, в Старом Крыму постоянно проживающая. Сын поехал туда с субфебрильной температурой от недолеченной лёгкой московской простуды. Надеялись, что крымский, хотя и не морской, воздух всё излечит. Но не излечил. Все мои планы гулять с сыном в окрестностях Старого Крыма рухнули. Почти всё время сын проводил в постели. Симпатичные местные врачи нашли у него что-то в сердце. В Москве нас встречал Зализняк, который нёс Володечку на руках от вагона поезда до своего голубого «Москвича». Мы со Светланой не находили себе места. Московские врачи поставили страшный диагноз: ревматизм сердца. Но другие московские врачи этот диагноз отменили. Однако было велено как можно скорее удалить гланды, при удалении коих всегда удаляют и аденоиды.

И вот поздней осенью 1965 года мы со Светланой сдали нашего сына в больницу, предварительно договорившись с женщиной-врачом, которой предстояло делать операцию. Операция считается стандартной и лёгкой. В день операции после оной Светлана поехала в больницу, узнать у врача, как всё прошло. Врач сказала ей, что всё в порядке, но что надо ещё кое-что дорезать, поэтому сына выпишут не послезавтра, как предполагалось, а ещё через несколько дней. Что и произошло. Субфебрильная температура и кардиологические проблемы исчезли.

Настало лето 1967 года. Мы втроём сидели на большой застеклённой террасе — латышские хозяева называли её верандой — на даче, которую мы снимали в Юрмале по адресу улица Капу, 83. После этого года в летний сезон мы жили там ежегодно вплоть до 1991 года включительно. И сын рассказал нам, как проходила операция. «Меня усадили в кресло, — сказал он, — и пристегнули руки ремнями к поручням. После чего засунули в рот много всяких гадостей. Всё время, пока мне удаляли первую glandу, я занимался тем, что освобождал руку от ремней. И когда мне это удалось, я выдернул все гадости изо рта. Полилась кровь, сёстры навалились на меня по несколько с каждой стороны и держали мои руки. Они меня возненавидели и больно щипали за живот. Гадости вставили снова, вырезали вторую glandу, но не до конца».

Мы со Светланой были потрясены тем, что он почти два года копил в себе эти ужасные воспоминания, а нам ничего не говорил.

На каникулах в младших классах школы Зализняк организовал небольшой поход с ночёвкой в лесу для своей семьи (папа, мама и дочь Анюта, на несколько месяцев младшая Володи) и меня с Володей. Мы отправились с Савёловского вокзала, сошли на станции Яхрома и, пересёкши канал Волга—Москва, углубились в лес. Переночевали в палатке. Утром следующего дня Володя умывался и чистил зубы, наклонившись над ручьём. Я решил пошутить, что было априори неправильным, и брызнул ему водой на оголённую шею. Володя не оценил моей глупой шутки и объявил, что не будет со мной разговаривать. Я возразил, что по правилам походов ссоры в походе запрещены. Он тут же стал со мной разговаривать и вообще вести себя, как ни в чём не бывало. Во второй половине того же дня мы вернулись в Москву. На площади Савёловского вокзала Володя спросил меня, кончился ли поход. Я отвечал положительно. Услышав, что поход закончился, Володя перестал со мной разговаривать и не разговаривал несколько дней.

В должное время, в сентябре 1966 года, Володя пошёл в школу. Я посетил несколько школ с углублённым изучением чего-то, они мне не понравились, и предпочтение было отдано обыкновенной школе на 1-й Аэропортовской улице, ходу до которой было несколько минут. В 2000-х годах старое здание этой школы снесли и выстроили новое в «современном стиле», но без обязательного в новых школьных зданиях бассейна. Причина тому — как раз под зданием школы близко к поверхности проходит тоннель метрополитена.

Учительница 1-го класса — важная фигура в развитии человека. Володе с таковой повезло. Нина Фёдоровна была молодая и симпатичная ■.

Вспомнив свои муки летом 1946 года при перепрыгивании через 9-й класс (см. выше на с. 204 Приложение 3 к статье «Колмогоров как центр моего мира»), я решил, что Володя перескочит через 2-й класс и пойдёт сразу в 3-й. В отличие от моего случая приказа по району не потребовалось, всё решилось на уровне школы. Всё лето 1967 года, на упомянутой даче в Юрмале, сын под моим наблюдением проходил программы дисциплин 2-го класса, включая программу по предмету «физкультура»; достать такую программу было непросто. Нельзя сказать, что это отняло у него много времени: кроме физкультуры он всё уже знал. И вот в один из последних дней августа произошёл экзамен. Я попросил разрешения на нём присутствовать и, к моему изумлению, таковое получил. Экзаменационная комиссия состояла из двух немолодых учительниц. Физкультуру никто у него не спросил, а вопросы были по арифметике и русскому языку. Я помню эти вопросы.

Первый вопрос: «Повторить семнадцать пять раз». Володя ответил: «Семнадцать, семнадцать, семнадцать, семнадцать, семнадцать». Скорее всего, я ответил бы так же. Экзаменаторы переглянулись: «Ребёнок не понимает смысла вопроса». Они хотели, чтобы он сказал «восемьдесят пять». Разумеется, он знал, что пятью семнадцать будет восемьдесят пять.

Второй вопрос: «На какое правило слово *пищать*?». Володя стал говорить, что слово это происходит от слова *писк* и что здесь происходит чередование. Далее он сказал, что после буквы *щ* не пишется буква *я*. Все эти премудрости не устроили экзаменаторов. Оказывается, искомое правило было такое: в неопределённом наклонении в конце пишется мягкий знак.

Таким образом, экзамен за 2-й класс Володя провалил. Тем не менее его приняли в 3-й класс. Туда он и пошёл в сентябре 1967 года.

Школа очень любезно предложила нам выбрать тот из двух параллельных третьих классов, в который будет переведён наш сын. Сын выбрал тот, а именно 3 «а», в коем учился его приятель. Я не обратил должного внимания на характеристику, данную директрисой классной руководительнице и учительнице почти по всем предметам, как это было принято в начальных классах: «Она старая комсомолка». В пятом классе пришлось переходить в другую параллель, из 5 «а» в 5 «б».

Вскоре родителей вызвали к директору. Дело, к счастью, упиралось в деньги. Мальчики, и среди них Володя, бросали снежки со школьного двора в застеклённое окно двери, пока не разбили стекло. В школе с участниками хулиганства провели воспитательную беседу, а с их родителей собирали деньги на восстановление. Между мной и сыном произошёл такой диалог: «Зачем ты кидал снежки?». — «Все кидали». — «А все зачем кидали?». — «За дверью стояла девочка». — «Теперь запомни. Меня не интересует, что делали все. Ты должен всегда отвечать, почему именно ты что-то делал».

В следующий раз директриса была разъярена. «Ваш сын проявил неуважение к школе, больше того — демонстративное неуважение», — чуть ли не кричала она. А произошло следующее. Во время урока приоткрылась дверь и заглянула завуч. Все, кроме Володи, встали. Он остался сидеть. Такое оскорбление выходило за все рамки. «Тебя учили, что когда старший выходит в класс, надо вставать?». — «Учили». — «Почему же ты не встал?». — «А она не вошла, а только заглянула». — «Но ты же видел, что все встали?». — «Видел». — «Так почему же ты не встал?». И тут он мне врезал: «Ты же сам меня учил, что я не должен ссылаться на то, что делают окружающие».

Как-то Володя вернулся из школы значительно раньше обычного, примерно часов в 11. «Отпустили», — лаконично ответил он на наши вопросы. Когда нас вызвали в школу, мы узнали, что означает это «отпустили». Оказывается, учительница сказала: «А кому неинтересно, может взять портфель и идти домой». Володя так и поступил.

1 [к с. 995]. В первые годы я время от времени встречался с Ниной Фёдоровной в окрестностях школы. А потом она исчезла. Через время, показавшееся мне продолжительным, я снова её встретил и обрадовался. Мне показалось, что она тоже была рада встрече. «Нина Фёдоровна, куда вы пропали? Где вы были всё это время?». Оказалось, что она только что вернулась из Индии, где работала в советской школе для детей работников посольства. Она объяснила мне, что организация обучения посольских детей зависит от размера посольства. Если советское посольство большое, такое как в США или в Индии, там образуется полная средняя школа, в меньших посольствах — неполная средняя или начальная, в совсем маленьких дети остаются на родине. «Но почему же вы не загорелая?». — «В Индии загореть невозможно, можно только сжечь кожу. На улице я перебегала из тени в тень». — «Однако в Индии много чудес, есть на что посмотреть. Наверное, были замечательные экскурсии». И тут она мне рассказала поразительную историю. В посольстве, как и всюду в СССР, пятидневная рабочая неделя. На субботу и воскресенье всегда устраивалась двухдневная экскурсия: Индия большая, и два дня — тот минимум, чтобы успеть доехать, посмотреть и вернуться. Родители, естественно, хотели бы взять своих детей с собой. Но в школе, как и всюду в СССР, шестидневка. Самостоятельно перейти на пятидневку школа не может. Посол писал министру просвещения, что он лично гарантирует, что учебный процесс не пострадает, если шесть дней еженедельного обучения заменить пятью. Из СССР ответили, что Краснопресненское РОНО⁵ не разрешает. Все школы при посольствах были приписаны к Краснопресненскому РОНО, потому что Министерство иностранных дел находится в Краснопресненском районе.

⁵ РОНО — районный отдел народного образования.

Эпопея вторая

Что касается второй эпопеи, то Светлана потом сказала мне, что, знай она, как всё обернётся, она никогда не допустила бы, чтобы я был оппонентом у Зализняка. К Зализняку она относилась очень хорошо, но какой жене понравится, когда к её мужу помощники приходят по ночам. Такое случалось не часто, но случалось, особенно, когда время начало сгущаться непосредственно перед защитой и потом, во время прохождения дела в ВАКе.

Большинство фактов этой эпопеи изложено в предшествующих статьях настоящего издания, прежде всего в книге 3. Тем не менее, руководитель второго издания «Трудов по математике» Н. Н. Андреев счёл целесообразным — и я с ним согласился — собрать всё вместе и изложить подробно. Таким образом, да не рассердится читатель, некоторые куски этой статьи дословно совпадают с соответствующими кусками книги 3.

С Андреем Анатольевичем Зализняком я познакомился в 1957/58 учебном году. В июле 1957 года Зализняк вернулся из Парижа, где находился по студенческому обмену, и продолжил своё обучение в МГУ в качестве пятикурсника филологического факультета. Года за два до этого мы шли по Моховой с Комой Ивановым мимо Московского университета. Во дворе филологического факультета резвились студенты. Иванов показал мне сквозь решётку забора одного из них, в широко распространённом тогда ворсистом лыжном костюме (во время лыжных катаний ворс обледеневал), и сказал, что это очень талантливый студент по фамилии Зализняк. В течение 1956/57 учебного года мы с Ивановым вели на филологическом факультете учреждённый нами семинар «Некоторые применения математических методов в языковедении» (НПММвЯ) — первый семинар по математической лингвистике в СССР. (Семинар был бы невозможен, не пригласи мы в соорганизаторы лицо в ранге профессора; на эту роль охотно согласился и присутствовал на всех заседаниях Пётр Саввич Кузнецов.) 9 июня 1957 года состоялось последнее в учебном году занятие семинара, на котором обсуждались дальнейшие планы его работы, каковыми планам, увы,

не суждено было сбыться: Иванов был изгнан из Университета за открытую поддержку Пастернака **И**, травля которого началась как раз в это время. Хотелось как-то сохранить на филологическом факультете дух математики, к которому факультет не без сопротивления стал привыкать. Поэтому в 1957/58 учебном году я объявил на филологическом факультете факультативный курс математики, не требующий предварительных знаний и предназначенный для всех желающих.

Как ни удивительно, некоторое количество желающих нашлось, среди них мне запомнились двое: Сусанна Печуро (22.07.1933—01.01.2014), первокурсница Историко-архивного института, в 1956 году вышедшая из лагеря и не принятая на исторический факультет МГУ, несмотря на отлично сданные экзамены, и Андрей Зализняк (29.04.1935—24.12.2017), студент-пятикурсник филологического факультета. 21 сентября 1956 года Зализняк, тогда пятикурсник филологического факультета МГУ, был отправлен по так называемому «студенческому обмену» в Париж, откуда вернулся в июне 1957 года. Поскольку он, согласно официальной формулировке, *потерял год в Париже*, то, вернувшись, он снова сделался пятикурсником.

По-видимому, Печуро испытывала ко мне доверие; она рассказывала, что политических в лагере поддерживало взаимное обучение: каждый преподавал остальным, то, что знал. Она была очень миловидна, и я запомнил её чёрную котиковую шубку и такую же шапочку. Стало быть, наши беседы происходили зимой, и сейчас я засомневался, не следует ли в моём изложении заменить её посещение моего факультативного курса в 1957/1958 учебном году посещением семинара НПММВЯ, происходившего в предыдущем учебном году, когда она ещё не была первокурсницей.

Что до Зализняка, то он точно посещал мой курс в 1957/1958 учебном году. Меня поражали его вопросы. Они были совершенно неожиданными. Не нахожу лучших слов, чем сказать, что они были перпендикулярны изложению. Причём перпендикуляр уходил куда-то в четвёртое измерение.

Постепенно мы с ним сдружились, впоследствии очень близко. Он пригласил меня к себе домой. В то время все жили довольно скромно, как правило, в коммунальных квартирах. Зализняк жил в Курбатовском переулке, в полуподвале ныне, увы, не сохранившегося одноэтажного деревянного дома. Окно его комнаты «было в земле до половины, а верхняя половина была уже на вольном воздухе»¹.

¹ В кавычки взяты слова Зализняка, взятые из документального фильма о нём с, мягко говоря, странным названием «Яндекс, Гугл и алгоритм»

Зализняк, сравнительно недавно вернувшийся из Парижа, накрыл стол со всей возможной изысканностью. Я помню тарелочку с разложенными на ней веером ломтиками сыра. Будучи спрошен, едят ли французы творог²; он ответил: «Если сумеют назвать сыром, то едят».

Тогда он ещё готов был на уровне человека с улицы обсуждать вопрос о том, сколько он знает языков. Выходило что-то около сорока. Выяснилось, что с десятков из них он выучил до поступления в Университет. Зализняк разъяснил мне, что любой подобный перечень, как и самоё выражение *знать язык* не имеет точного смысла. Можно ли считать знающим санскрит человека, умеющим читать тексты на этом языке, но проваливающегося при попытке поддержать на нём разговор? Или знающим китайский человека, в состоянии объясниться на улицах Пекина, но не в состоянии прочесть китайскую газету? (Уже много лет спустя кто-то назвал мне такой критерий знания иностранного языка: слышать и понимать, что говорят на улице случайные прохожие.) Способом изучения нового языка было чтение учебников и словарей. Зализняк сообщил мне парадоксальный факт. Учить язык лучше по плохому учебнику, нежели по хорошему, потому что хороший учебник побуждает к простому запоминанию, а плохой — ещё и к думанью: думать приходится над тем, как можно изложить то же самое лучше и понятнее.

Летом 1961 года я наблюдал, как Зализняк на моих глазах, притом будучи за рулём, выучил эстонский язык. (Скорее всего, слово «выучил» Зализняк не признал бы.) Мы тогда с жёнами совершили автомобильное путешествие из Юрмалы в Таллинн и обратно. Подъезжая к Эстонии, Зализняк ещё не полностью знал эстонский алфавит. Подъезжая к Таллинну, он уже мог спрашивать дорогу и понимать ответ. На обратном пути Зализняк мог читать эстонскую газету. Материалом для обучения ему служили имевшийся у меня учебник эстонского языка, впервые раскрытый им уже в пути, и, в большей степени, эстонские газеты, покупаемые по дороге. Эти газеты он продолжал читать и в Юрмале.

Основным стимулом к познанию иностранных языков и, тем самым, к вовлечению Зализняка в лингвистику было любопытство. (А более правильный стимул к познанию вряд ли и существует.) Как и все мальчики его возраста, Зализняк собирал марки. На марках было

Зализняка». Фильм режиссёра Александрова был выпущен в 2015 году в серии «Острова», показываемой телеканалом «Культура».

² Одно из моих любимейших блюд, если из натурального молока и без малейшей кислинки.

что-то написано ненашими буквами. Интересно было установить, что́. Но от марок трудно было ждать другого поведения: они происходили из зарубежных стран. А вот вывеска, написанная иностранными буквами, казалась почти невозможной. Однако именно такая вывеска явилась Зализняку летом 1946 года, когда его мать Татьяна Константиновна послала своего одиннадцатилетнего сына с сумочкой за спиной к дальним родственникам в Белоруссию. Тогда он впервые увидел вывеску, написанную иностранными буквами, но находящуюся на территории СССР. Он должен был сойти на станции Оранчицы, что он и сделал. И испытал нечто вроде культурного шока: на станционном здании он увидел надпись Ога́цзузе. Война только что закончилась, дело происходило в Западной Белоруссии, которая ещё недавно была в составе Польши, и надпись была на польском. Всем хватало дел, и до замены надписи руки (коих было очень мало) не доходили. Теперь там написано на белорусском: Аранчыцы.

Я стал ходить на небольшой семинар, скорее факультативный курс по русскому языку, который он вёл на филологическом факультете. Когда Зализняк был аспирантом, никто не позволил бы ему вести семинар, а тем более курс. Это были — по крайней мере вначале — совершенно неофициальные, почти тайные занятия с его личными знакомыми, среди которых были, в частности, Светлана Шур, Вера Коннова, чуть позже Марина Гловинская. Когда я стал посещать эти занятия, они уже перестали быть тайными: вместе со мной, например, на них ходил Игорь Милославский.

До переезда на Ленинские горы факультет обладал обаянием старого здания. Его коридор совершал многочисленные изломы, которым следовала и стенная газета. Стены были обклеены многочисленными объявлениями, из коих запомнилось такое: «Очередной литературный вторник переносится с четверга на пятницу». Занятия Зализняка проходили в маленькой угловой аудитории одного из таких изломов, каковая аудитория была частью коридора. Занятия были живые и интересные. Я запомнил до сих пор анализируемое на них различие между выражениями «королевский дворец» и «дворец короля». А много позже, летом 1963 года, во время нашей с ним лесной прогулки под Переславлем-Залесским **2** я радостно и ошеломлённо воспринял совершённое им открытие четвёртого рода в русском языке. То́, что ещё в школе нас учат называть *существительными, употребляемыми лишь во множественном числе*, является ничем иным, как особым родом, который Зализняк называл *парным родом*. Я сожалею, что, дабы избежать слишком большой революционности — сейчас бы сказали *экстремизма*, — он не ввёл понятие четвёртого рода в свой

«Грамматический словарь». Но ввёл понятие *условного ударения*, о коем ниже.

Я начал понимать, что имею дело с явлением совершенно исключительным, с человеком гениальным. Позднее я выработал такую формулу: «Зализняк в лингвистике это как Колмогоров в математике». При этом, окончив в 1958 году МГУ, Зализняк был всего лишь аспирантом филологического факультета, а быв вынужден бросить аспирантуру, сделался младшим научным сотрудником Института славяноведения РАН, в каковом работал до самой смерти. Кандидатскую диссертацию он представил в этот Институт лишь в конце 1964 года. В том же 1964 году Зализняк начал продолжавшуюся тринадцать лет работу над своим «Грамматическим словарём русского языка», первое издание которого вышло в 1977 году, потом вышло ещё не менее шести изданий, захватив и XXI век. В словаре впервые давалось полное описание русского склонения и спряжения, описание явное, без многоточий и выражений «и т. д.», подразумевающих ссылки на аналогию. Работу над этим словарём не назовёшь иначе, как подвигом. В своём Предисловии к четвёртому изданию словаря (М.: Русские словари, 2003) Зализняк писал:

Нынешним молодым читателям уже трудно представить себе, что эта работа делалась вручную. «Это же немыслимый абсурд — делать такую работу без компьютера», — доводилось мне слышать. В действительности рабочим инструментом были четыре хлебных лотка, раздобытых в соседней булочной; в каждый входило 25 тысяч карточек из тонкой бумаги. Работа делалась вне каких бы то ни было планов Академии наук, и именно это позволило словарю выйти в свет, причём в том виде, который соответствовал замыслам автора: тогдашний директор Института русского языка АН СССР Ф. П. Филин требовал от издательства «Русский язык» снять словарь с производства, но издательство, которое в ведомственном отношении было независимо от Академии наук, ему не подчинилось. (Член-корреспондент АН СССР с 1962 года, директор Института языкознания АН СССР с 1964 по 1968 год, директор Института русского языка с 1968 по 1982 год Федот Филин был известен, в частности, своими обличениями противников марксизма — политическими обвинениями в начале 1930-х годов и обвинениями в космополитизме в конце 1940-х годов. — В. У.)

Фундаментальные исследования Зализняка в области морфологии русского языка начались ещё раньше. Они начались с его рус-

ско-французского словаря, вышедшего в 1961 году и неоднократно переиздававшегося³.

Словарь предназначался для франкоязычного пользователя. О том, что двуязычные словари должны принципиально зависеть от того, на носителя какого из двух языков они рассчитаны, я впервые прочёл в сочинениях Щербы. Например, русско-французский словарь для франкоязычного пользователя должен быть устроен по другому, нежели русско-французский словарь для пользователя русскоязычного. Русский язык флективен. Это значит, что грамматическая форма слова указывается с помощью так называемых *флексий* — специальных морфем, выражающих сразу несколько грамматических значений. Так, в слове «хороший» флексия «-ий» указывает и на именительный падеж, и на единственное число, и на мужской род.

Классическими примерами флективных языков, помимо русского являются немецкий и латинский. Флективность русского языка ставит перед составителем рассчитанного на иностранца русско-иностранного словаря непростую задачу: надлежит либо включить в русскую часть словаря все формы слова, что едва ли возможно практически, либо сопроводить словарь ёмкими правилами русского словоизменения — что и сделал Зализняк. Он приложил к словарю свой первый шедевр — краткий очерк русского словоизменения, т. е. склонения и спряжения⁴. В дарственной надписи на подаренном мне экземпляре Зализняк употребил слово *понимателю*. Это лестное для меня слово свидетельствовало о печальном факте: в то время почти никто не понимал новаторский характер и значение труда Зализняка. И это непонимание продолжалось ещё несколько лет. Когда весной 1965 года Зализняк защищал свою диссертацию, один из руководящих языковедов МГУ, Тимофей Петрович Ломтев, догнал меня в коридоре филологического факультета, чтобы задать такой вопрос: «А что, до вашего Зализняка не знали, как склоняются русские слова?». Знали, конечно, но на уровне использования языка его носителями. Папуасы свободно пользуются падежами, но вряд ли в состоянии описать систему склонения своего языка. Очерк поражал отточенной логикой изложения. Зализняк установил основные схемы,

³ Краткий русско-французский учебный словарь. Около 10 000 слов. С приложением «Очерка русского словоизменения и сведений по русской фонетике». — М.: ГИС, 1961. — 632 с.

⁴ «Очерк русского словоизменения и сведений по русской фонетике». Парал. тит. л. на франц. яз.: «Précis de déclinaison et de conjugaison russes précédé de quelques éléments de phonétique». О некоторых аспектах этого очерка Зализняк начал думать ещё в Париже, когда принял предложение вести занятия по русскому языку для студентов Эколь Нормаль.

по которым происходит русское словоизменение, придумал удобную индексацию этих схем и снабдил каждое словарное слово соответствующим индексом. Полностью русское склонение было описано впервые именно Зализняком. Здесь существенно слово «полностью»: впервые было дано описание, не использующее слов «и так далее», многоточий и других подобных апелляций к аналогии. Параллельно шла титаническая работа над созданием «Грамматического словаря русского языка» — словаря, дающего для каждого (из более чем стотысячного списка!) русского слова все его формы. Работа продолжалась тринадцать лет и увенчалась выходом в 1977 году первого издания словаря.

Указанный грамматический очерк, предназначенный для франкоязычного подлинника, был написан по-французски, причём самим автором словаря. Очерк затем помещался в ряде русско-иностранных словарей. Это обстоятельство породило неожиданную гонорарную проблему. Естественно, переиздания словаря оплачивались автору в соответствии с существовавшими тогда расценками. А какой гонорар следует выплачивать автору грамматического очерка, написанного автором по-французски, переведённого на португальский приглашённым издательством переводчиком и помещённым в Русско-португальский учебный словарь, первое издание которого вышло в 1964 году? Этого никто не знал. Составители официальных расценок явно не были готовы к такой ситуации. Издательство решило не выплачивать ничего. Тем более что юристом издательства был бывший юрист Союза писателей, уволенный после его статьи в газете, утверждавшей, что писатели получают слишком много. Я обратился к одному из главных советских авторитетов в области прав автора — Аркадию Ваксбергу. Ваксберг, до того, как стать известным журналистом и популярным писателем, был юристом — специалистом по авторскому праву. Его кандидатская диссертация 1953 года называлась «Издательский договор по советскому гражданскому праву». В издательстве «Искусство» вышли две его книги, соответственно в 1958 и 1961 годах: «Издательство и автор» и «Об авторском гонораре». Мы с ним были знакомы, и я обратился к нему за советом. Он сказал, что дело совершенно безнадежное. Надо сказать, что Зализняк брал меня с собой в издательство для моральной и юридической поддержки. Ответ Ваксберга меня не устроил, и мы с Зализняком и издательским юристом поднялись на следующий уровень, как в буквальном смысле — на следующий этаж, так и в административном — к величественной даме, директору издательства. Зализняк молча сидел в углу, переговоры вёл я, делая такие заявле-

ния: «Автор с этим не согласен», «С этим автор может согласиться». На следующий день Зализняку позвонили из издательства и сказали: «Приходите, только без своего юриста, и мы обо всём договоримся». И действительно, договорились: был принят мой вариант оплаты (я был польщён званием юриста). Из тех наработок «Грамматического приложения», которые относились к склонению, родились как диссертация Зализняка, так и его знаменитая монография 1967 года «Русское именное словоизменение», принадлежащая золотому фонду лингвистики.

Было ясно, что Зализняк как лингвист превосходит всех известных мне лингвистов. Это мнение разделял и мой друг и однокурсник Роланд Добрушин, ученик Колмогорова, выдающийся математик, специалист в области математической физики, теории вероятностей и теории информации. Добрушин заслуживает того, чтобы посвятить ему несколько отдельных абзацев.

Роланд Львович Добрушин родился в Ленинграде 20 июля 1929 года, умер в Москве 12 ноября 1995 года. При жизни он не получил должного признания в СССР. Признание в отечестве он получил после кончины, когда Лаборатория в Институте проблем передачи информации РАН, которой он заведовал, стала называться Добрушинской лабораторией. В зарубежье он был признан очень широко, однако, в отличие от многих своих коллег, не эмигрировал. В 1980 году был избран членом Американской академии наук и искусств, в 1993 году — членом Национальной Академии наук США. В 1978 году Добрушин был приглашённым часовым⁵ докладчиком на секции Международного конгресса математиков в Хельсинки. Часовые секционные доклады на секциях Конгресса занимают второе по престижности место после двух форумных, для всего Конгресса, докладов, один из которых открывает Конгресс, а другой его закрывает. Однако выездной визы Добрушин не получил. Обычно докладчики, которые по тем или иным причинам не могут присутствовать на Конгрессе, присылают текст доклада и договариваются с кем-либо из участников, что тот сделает доклад от имени автора. Добрушин так поступать не стал. Вместо его доклада в расписании Конгресса образовалась пустота. Политическая деятельность на Конгрессах не допускается. Поэтому во время, отведённое для доклада, участники секции вышли на улицу и устроили демонстрацию с протестом против невыпускания Добрушина из СССР. Был и другой эпизод, даты которого не помню. В США назначается небольшая американо-советская конференция. В аэро-

⁵ «Час» понимается здесь как академический час, т. е. продолжается 45 минут.

порту советскую делегацию встречают представители американской стороны. Они спрашивают, прилетел ли доктор Добрушин. Получив отрицательный ответ, они сообщают, что конференция отменяется, и удаляются, оставив советских в аэропорту в полной растерянности.

Добрушин любил жениться. У него было четыре жены, причём он оказывал необходимую поддержку предыдущим жёнам; будучи женат на четвёртой, финансово поддерживал первую, хотя та уже была замужем. Сыновей не было, а было четыре дочери: по одной от второй и третьей жены и две от четвёртой. Старшую свою дочь, Катю, он выделял и боготворил; мне было приятно, что в письме ко мне от 7 октября 2016 года она назвала меня «папиным самым близким другом»⁶. Кате ещё предстоит сыграть свою роль в нашем повествовании. Чтобы не слишком прерывать основное изложение, некоторые черты характеристики Добрушина выносятся в затекстовое примечание **3**.

Два человека, первая сознательно, второй бессознательно, повлияли на мою решимость способствовать для Зализняка устранению несоответствия между внешним статусом младшего научного сотрудника без степени и подлинным статусом выдающегося исследователя. Первая — Лариса Евгеньевна Филиппова, вторая из четырёх жён Добрушина. Второй — мой тёзка Владимир Андреевич Звегинцев, заведующий кафедрой структурной и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ. При этой кафедре состояло одноимённое отделение (ОСИПЛ), на котором преподавали как я, в качестве откомандированного мехматом, так, на птичьих правах, и Зализняк.

Что до Филипповой, то она сделала Добрушину заявление, сыгравшее решающую роль в излагаемой эпопее. «Если Зализняк такой гениальный, как утверждаете вы с Успенским, — сказала она, — почему же вы не делаете его доктором (наук)?».

Необходимо подчеркнуть, что в те времена докторская степень была чем-то много большим, нежели нынче.

Что до Звегинцева, то здесь решающую роль сыграл один разговор между мной и Сашей Раскиной, тогда студенткой ОСИПЛа;

⁶ Мне это было приятно ещё и потому, что я тоже считал Добрушина одним из своих самых близких друзей, но ведь мог и ошибаться. Дело в том, что дружба, в отличие от любви, отношение симметричное. Не может быть так, чтобы X был другом Y и при этом Y не был другом X . Что касается любви, то это отношение несимметричное, и этой несимметричности посвящена большая часть мировой литературы. Как сказано в песне Окуджавы, «я опять гляжу на Вас, а Вы глядите на него, а он глядит в пространство».

разговор этот предположительно имел место осенью 1964 года. Ввиду важности для меня этого разговора я решил подкрепить собственную память памятью Саши. Поэтому 12 декабря 2001 года я обратился к Саше с просьбой вспомнить указанный разговор; она ответила мне немедленно:

Dear V. A.!

Вот что я помню по этому поводу. На каком курсе — не помню, мы (как минимум Оля, Боря и я, а как максимум все пятеро⁷) обратились к Звездинцеву с просьбой, чтобы Зализняк — не помню в точности, что: или читал у нас больше курсов, или он тогда вёл только какой-то семинар, что-то необязательное (и, может, даже не на нашем курсе), а мы хотели, чтоб он был, что называется, *regular staff*; в общем, мы хотели «больше Зализняка». На что Звездинцев сказал примерно следующее: «Да бросьте вы: что вам дался этот Зализняк?! МИЛЫЙ МАЛЬЧИК (вот это — 100%! — А. Р.), я не спорю, но не более». Когда я Вам это рассказала, Вы этого «милого мальчика» повторили с таким выражением голоса и лица, что в Верочкином детективе⁸ Вы бы своего тёзку и убили. Но что я ещё помню — что потом <...> Вы мне сказали: <...> что Вы твёрдо решили, что Зализняк должен сразу докторскую защищать, в тот момент, когда услышали про «милого мальчика». А Вы это помните?

<...>

Далее между нами произошёл следующий обмен сообщениями. Я — Саше Раскиной:

Дорогая Саша!

<...> Вы упоминаете два наших разговора, разделённых защитой Зализняка. Из них я помню только первый, и то неточно.

⁷ «Все пятеро» — это те из студентов ОСИПЛа первого набора (1960 год), которые удержались на этом отделении и составили выпуск 1965 года; вот их имена: Ольга Крутикова (ныне Кривнова), Борис Городецкий, Александра Раскина, Ольга Шуметова, Евгений Лобов. «Оля, Боря и я» — это Крутикова, Городецкий и Раскина. — В. У.

⁸ Под «Верочкиным детективом» подразумевается эвентуальный детективный роман, принадлежащий моей снохе Вере Михайловне Белоусовой. Московские издательства выпустили в свет три её детектива. Я нахожу их интересными и потому позволю себе рекомендовать их читателю, особенно роман «По субботам не стреляю» — несмотря на неудачное, на мой взгляд, название (я предпочёл бы «Меня обвиняют в убийстве») и неквалифицированное вмешательство в текст издательского редактора. — В. У.

А именно, я помню общий смысл ответа Звегинцева, но не буквально. Более того, в изданной Ширяевым книге «Колмогоров в воспоминаниях» я на с. 354 привожу эпизод с обращением студентов (без называния их по имени) к Звегинцеву и ответ Звегинцева в следующей форме: «Зализняк — это несерьёзно». Таким образом, слов «Милый мальчик» — не помню.

Саша Раскина — мне:

Насчёт Звегинцевского «несерьёзно» — похоже, но в точности не помню; но «милый мальчик» — на 100%.

Саша Раскина вспоминает о моей реакции на пересказанные мне ею слова Звегинцева. И действительно, эти слова причинили мне боль, и я до сих пор помню, как у меня сжалось сердце; ещё немного, и я потерял бы сознание. Я остро ощутил нравственный императив — свою обязанность устранить препятствия, мешающие встрече в аудитории Зализняка с желающими обучаться у него студентами. Мне было ясно, что дистанция между научным и педагогическим уровнем Звегинцева (профессора, доктора наук, заведующего кафедрой) и научным и педагогическим уровнем Зализняка (на тот момент — младшего научного сотрудника без учёной степени) огромна; но если говорить о направлении этой дистанции, то она совсем не в ту сторону, как это думалось Звегинцеву. Сегодня я могу сравнить уровень Зализняка в лингвистике только с уровнем Колмогорова в математике. А что касается слов «Зализняк — это несерьёзно», то уже после переписки с Сашей Раскиной я нашёл в своих записях 60-х годов подтверждение тому, что именно эти слова были произнесены Звегинцевым (точнее, были пересказаны в качестве Звегинцевских Сашей во время нашего давнего с нею разговора).

И вот, наконец, свершилось великое: Зализняк представил в свой родной Институт славяноведения АН СССР свою кандидатскую диссертацию.

В Ы П И С К А

из протокола заседания сектора структурной типологии славянских языков [Института славяноведения АН СССР] от 8 января 1965 года

Слушали:

О рекомендации к защите диссертации А. А. Зализняка на соискание учёной степени кандидата филологических наук и утверждении автореферата диссертации к печати.

Постановили:

1. Считать диссертацию А. А. Зализняка «Классификация и синтез именных парадигм⁹ современного русского языка» законченной и просить Учёный совет Института славяноведения принять диссертацию А. А. Зализняка к защите.

2. Опубликованные по теме диссертации статьи освещают основные проблемы, рассматриваемые в работе.

3. Утвердить к печати автореферат А. А. Зализняка по теме диссертации.

4. Рекомендовать в качестве официальных оппонентов доктора филологических наук П. С. Кузнецова (филологический факультет МГУ), доктора физико-математических наук В. А. Успенского (механико-математический факультет МГУ) и кандидата филологических наук Ю. Д. Апресяна (Институт русского языка АН СССР).

5. Направить диссертацию А. А. Зализняка на внешний отзыв в сектор структурной и прикладной лингвистики Института языкознания АН СССР.

Учёный секретарь сектора
доктор филол. наук И. И. Ревзин

Появление оппонента-математика, дополнительно к обязательным для кандидатской диссертации двум, было вызвано присутствием в тексте диссертации теорем, что для филологических текстов было явлением более чем редким, если вообще до того встречавшимся. Три теоремы Зализняка давали возможность минимизировать количество схем ударения в именных парадигмах, а более точно — подвести формальную математическую базу под неформальные лингвистические рассуждения, приводящие к такой минимизации. В выросшей из диссертации монографии «Русское именование словоизменения» эти теоремы составляют раздел 6.20. Вот как в этом разделе формулируется теорема 1:

Теорема 1. Для любой простой матрицы верно, что среди её результирующих матриц есть хотя бы одна такая, где число разных строк (s) равно числу связок исходной матрицы (k), и нет такой, где $s < k$.

Все участвующие в формулировке термины: «простая матрица», «результирующая матрица», «связка» математически точно определяются в предыдущих абзацах монографии. Математически корректно

⁹ Парадигмой данного слова называется совокупность всех его словоформ. Именные парадигмы — это парадигмы имён: существительных, прилагательных, числительных, местоимений. — В. У.

излагаются и доказательства этих теорем. Сами же теоремы нужны автору для обоснования того, что предложенная им акцентуационная классификация парадигм на основе введённого с этой целью понятия условного ударения является оптимальной — в том смысле, что требует для своего воплощения минимального количества классов. Чтобы не прерывать изложения событий эпопеи, отнесём более подробный комментарий в затекстовое примечание 4.

И вот Учёный совет Института славяноведения Академии наук СССР принял кандидатскую диссертацию А. А. Зализняка к защите. Были утверждены рекомендованные сектором оппоненты, автореферат был напечатан и разослан. Экземпляры диссертации, напечатанные на пишущей машинке, были розданы оппонентам. Защита была назначена на 31 марта 1965 года, на 15 часов.

Дату принятия диссертации к защите я не помню, но именно с получения оппонентами экземпляров диссертации начались события эпопеи.

Прежде всего, я обзвонил моих коллег по оппонированию и убедился в полном их единодушии в вопросе о том, что диссертационная работа несомненно заслуживает докторской степени. Однако защита на степень доктора наук требовала, чтобы в составе оппонентов были три доктора, а их в данном случае было только два. Напомним, что Апресян стал членом РАН лишь в 1992 году, а в описываемое время был лишь кандидатом наук — хотя уже тогда был выдающимся лингвистом.

Далее, мы с Добрушиным обсудили вопрос, кого можно было бы привлечь в качестве оппонента-доктора. И сошлись, что оптимальной фигурой был бы член-корреспондент АН СССР Рубен Иванович Аванесов. Он был глухой, носил в ухе наушник (точнее, «внутриушник») от слухового аппарата, а сам аппарат был невидим: он находился в области живота, под рубашкой. Глухота не помешала ему быть специалистом по тонкостям русского произношения и быть автором широко известного словаря на эту тему. Именно глухота способствовала его доброму отношению ко мне. Дело в том, что во время первой беседы с ним я чуть наклонился, по-видимому, непроизвольно подражая Колмогорову, каковой во время чтения лекций или бесед иногда наклонялся. Получилось, что я говорю прямо в микрофон слухового аппарата. Аванесов сказал: «Вы первый человек, которого я хорошо слышу». И с тех пор меня любил. Единственным его сыном был олигофрен в тяжёлой стадии, из-за чего он вынужден был постоянно жить на даче за городом.

Среди сотрудников Аванесова была диалектолог Софья Константиновна Пожарицкая. Так её называли в официальных кругах, в своём

окружении она именовалась *Гая Куханова*. В качестве таковой она готовилась стать третьей женой Добрушина, каковая процедура была Добрушиным стимулирована. Сейчас мы увидим, как излагаемая эпопея, отчасти инициированная Филипповой, ускорила неизбежный процесс смены жён.

В качестве Пожарицкой Куханова была любимой ученицей Аванесова. Добрушин постановил, что мы с ней должны поехать на дачу к Аванесову и убедить его согласиться стать на защите Зализняка четвёртым оппонентом — необходимым третьим доктором. Для детального обсуждения плана Добрушин и Гая Куханова пришли к нам домой. На руках у них был кулёк с младенцем Катей, родившейся 3 июня 1964 года — дочерью Добрушина и его жены Ларисы Филипповой. У него потом была дочь от Гали и ещё две дочери от последней, четвёртой жены. У первой жены детей не было. Катя была первой и самой любимой из четырёх дочерей. О визите Добрушина с Галей и Катей мой сын, родившийся 30 января 1959 года, доверчиво рассказал однокурснице Ларисы. Эта однокурсница была близким другом нашего дома, в том числе моего сына. А та — чего я никогда ей не простил — рассказала Филипповой: «Добрушин и Куханова расхаживают по гостям с твоей дочерью». Филипповой такой оборот событий понравиться не мог, и они с Добрушиным расстались.

И вот мы с Кухановой едем на дачу к Аванесову. За городом был глубокий снег, причём снег продолжал идти. Мы едем под вечер, протоптанная тропинка от станции к даче частично уже заметена. Стоило мне сделать шаг в сторону, как я провалился в сугроб. Аванесов принял нас — любимую ученицу и человека, с которым у него были хорошие отношения — любезно, сразу понял ситуацию и довольно быстро согласился. На вырванных листках из блокнота он написал предварительный отзыв и выразил согласие быть оппонентом. «Аванесова прямо с пролёточки принесли на защиту коготочки» — так изложенный эпизод отразился в так называемом «пасквиле», написанным другом Зализняка знаменитым переводчиком стихов Анатолием Гелескулом (21.07.1934—25.11.2011). Было принято, чтобы на день рождения Зализняка Гелескул дарил своему другу сочинённый им «пасквиль».

В те времена в целях обеспечения публичности защит диссертаций и бракоразводных процессов и о тех, и о других полагалось давать объявление в местной газете (о защите с указанием места и времени, о разводе с указанием места, времени и того нарсуда, в коем «дело подлежит рассмотрению»). 22 марта 1965 года в газете «Вечерняя

Москва» появилось нижеследующее объявление:

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
Академии наук СССР
(Трубинковский пер., 30-а)
31/III—65 г., в 15 час., на соискание
ученой степени кандидата фило-
логических наук **ЗАЛИЗНЯКОМ А. А.**
на тему: «Классификация и синтез
именных парадигм современного рус-
ского языка».

ВАК, чтобы не забывали о его существовании, раз в несколько лет меняет свои инструкции. Так, когда в 1955 году кандидатскую диссертацию защищал учитель Зализняка Вячеслав Всеволодович Ива́нов и она была признана оппонентами достойной докторской степени, порядок был таков. На заседании, на котором защищалась кандидатская диссертация, Учёный совет — а тогда не было деления советов на учёные и диссертационные — принимал решение обратиться в ВАК за разрешением поставить ту же диссертацию на другом заседании как докторскую. В 1965 году порядок был другой. При наличии должного состава оппонентов на заседании, на котором защищалась кандидатская диссертация, членам Совета выдавалось два бюллетеня и одновременно проводилось два независимых тайных голосования: одно за степень кандидата, другое за степень доктора.

Я составил и напечатал на машинке следующее письмо:

Председателю Учёного совета
Института славяноведения АН СССР

Мы считаем, что представленная на соискание учёной степени кандидата наук диссертация А. А. Зализняка, по которой трое из нас (Ю. Д. Апресян, П. С. Кузнецов, В. А. Успенский) являются официальными оппонентами, а четвёртый (Р. И. Аванесов) готов быть таковым, отвечает всем требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям. Поэтому на основании п. 24 Инструкции о порядке присуждения учёных степеней и присвоения учёных званий (утв. ВАК 9.4.1960 г.) мы просим рассматривать предстоящую защиту не только как кандидатскую, но одновременно и как докторскую — с тем, чтобы в конце заседания были решены два вопроса: о присуждении учёной степени кандидата филологических наук и о представлении к утверждению в учёной степени доктора филологических наук.

Член-корреспондент АН СССР Р. И. Аванесов
Кандидат филологических наук Ю. Д. Апресян
Доктор филологических наук, профессор П. С. Кузнецов
Доктор физико-математических наук В. А. Успенский

31.3.1965

По-видимому, я ожидал, что получив это письмо, Председатель Совета прольёт слезу умиления и после всех положенных выступлений проведёт два голосования. Как мы увидим, действительность, увы, оказалась сложнее.

До заседания Совета предстояло преодолеть ещё одно препятствие. Необходимо было уговорить Зализняка. Надо сказать, что все наши усилия по его докторизации держались от него в тайне: его скромность в сочетании с некоторой неустойчивостью нервной системы делала его реакцию непредсказуемой. Но во время заседания Совета тайна перестала бы быть тайной. Нужно было лицо, пользующееся у Зализняка наивысшим авторитетом. Таким лицом был Вячеслав Всеволодович Иванов. В выборе Иванова был некий макиавеллизм. Ведь десять лет назад Иванов с уверенной надеждой на успех собирался получить докторскую степень за свою кандидатскую диссертацию, но попытка провалилась. И вот теперь он должен был уговаривать Зализняка согласиться на подобную попытку. В 1955 году вторая, докторская защита Иванова прошла на ура, в средствах массовой информации его именовали не иначе как доктором наук. Однако ВАК рассматривал вопрос о присвоении ему учёной степени несколько лет, потеряв при этом экземпляр диссертации. Все эти годы Иванов пребывал без степени и, в конце концов, получил диплом кандидата. Теперь кандидату наук Иванову предстояло убедить Зализняка не отказываться от докторской степени. Уговорить Иванова сделать это было поручено Добрушину. Тот со своей задачей успешно справился. Предполагалось, что в день защиты Зализняк будет перехвачен Ивановым перед входом в Институт славяноведения. Что и произошло, и своему учителю Иванову Зализняк подчинился.

В назначенное для проведения защиты время собрался Учёный совет. Зал был полон и даже переполнен. Перед началом заседания председателю Совета И. А. Хренову (он же — директор Института славяноведения) было вручено приведённое выше письмо за четырьмя подписями. Оно было для него, как и для абсолютного большинства присутствующих, полной неожиданностью. Ожидавшуюся мною слезу Хренов не обронил, а поступил так: в заседании объявил перерыв, а подписавших письмо пригласил в свой кабинет.

Там он поставил нас перед следующим выбором. Самый простой вариант — Зализняк сегодня защищает кандидатскую диссертацию, он, Хренов, гарантирует успешность защиты. В другом варианте сегодня не происходит ничего, защита откладывается, а вопрос о докторской степени будет изучаться. По словам Хренова, наше письмо явилось для него и для Совета в целом полной неожиданностью,

а вопрос слишком серьёзный, чтобы решать его с бухты-барухты. Хренов говорил разумные вещи, и нам нечего было ему возразить. Но, прежде всего, сказал Хренов, следует спросить самого диссертанта. В директорский кабинет был вызван Зализняк, который на заданный ему вопрос ответил, что согласен на откладывание.

Вслед за Хреновым все покинули его кабинет и воротились в зал заседаний. Там Хренов объявил, что заседание откладывается на неопределённое время вплоть до прояснения вопроса. Присутствующие были разочарованы, а особенно супруга диссертанта Лена Падучева. Со слезами она сказала: «А ведь мог бы быть уже кандидат». Накануне она и моя жена Светлана вывезли из ресторана «Арагви» огромную кастрюлю лобио для традиционно следующего за защитой так называемого «банкета». Хотя защита и не состоялась, банкет состоялся и был, по слухам, очень весёлым. Лена пела, а пела она прекрасно; в её репертуар входили Галич, Клячкин, Матвеева и им подобные. Я обожал Ленино пение. Когда она пела матвеевские «Развесёлые цыгане...», я млеял от восторга. Оппонентов, однако, на банкет не позвали.

Мы не представляли, какие проблемы влечёт за собою откладывание защиты.

Первая из них возникла почти сразу. Зализняка стали призывать на военную службу. Этого бы не было, защиты он кандидатскую диссертацию и став, таким образом, кандидатом наук. Напомним, что наделённые полномочиями решать вопросы об учёных степенях советы, вопрос о кандидатской степени решают окончательно, *присваивая* степень, и диссертант становился кандидатом наук сразу после успешной защиты¹⁰. Что касается докторской степени, то совет лишь *ходатайствует* перед ВАКом о присвоении такой степени. (Возможно, в последние годы правила в очередной раз поменялись.) Кандидатов наук в армию не призывали. Если бы не моё желание немедленно сделать его доктором, 31 марта Зализняк стал бы кандидатом и не имел бы проблем с призывом. Я остро и мучительно ощущал свою вину за происходящее.

На повестки, поступающие одна за другой, Зализняк не реагировал, а скрылся в подмосковной Загорянке, на небольшой даче своего друга Гелескула. Иногда он мне звонил. Повестки с требованием явиться в районный военкомат Зализняк получал не из районного военкомата, а из городского. Знатоки считали это очень плохим

¹⁰ Во всяком случае, так было. Например, когда я защищал кандидатскую осенью 1955 года, я начал получать кандидатские деньги по справке, выданной мне Учёным советом.

признаком, свидетельствующим о серьёзности намерений военного ведомства. По-видимому, он был им нужен для каких-то особых целей. В кругу близких друзей Зализняка считалось, что названному ведомству он нужен как полиглот. Окарикатуренная картина событий представлялась такой: на него надевают парашют и сбрасывают в джунгли, где он выполняет спецзадание. Надо сказать, что в свои школьные годы, при переходе из 8-го в 9-й класс, т. е. летом 1950 года, во время игры в футбол, исполняя, как обычно, функции вратаря, Зализняк получил удар коленом в нос, каковой удар этот нос ему сломал. Через 15 лет выяснилось, что — если не сделать операции, от которой он отказался, — Зализняк не может пользоваться такими самолётами, полёт на которых вызывает перепад давления¹¹. (Колмогоров тоже не летал на самолётах по сходной причине: у него было что-то не в порядке в носоглотке. Летал ли на самолётах Пастернак, мне неизвестно.)

Полиглотство Зализняка стало известно широкой публике из очерка журналистки Галины Башкировой «Рассказывают полиглоты», опубликованного в первом номере за 1964 год широко читаемого журнала «Наука и жизнь». Зализняк наивно и доверчиво беседовал с Башкировой, не предполагая, что у него берут интервью. На всякий случай он взял с неё обещание согласовать с ним любой текст, который она соберётся опубликовать на темы, с ним обсуждавшиеся. Он ещё не знал повадок журналистов. Разумеется, текст был опубликован безо всякого обсуждения. Особую гнусность, которую Башкирова, уверен, не осознавала, публикации придавала следующая деталь. Публикация начиналась с вопроса 10 стандартной анкеты из личного дела: «Какими иностранными языками и языками народов СССР владеете?». Ответ был подан как напечатанный на машинке. Создавалось впечатление подлинности, что Зализняк заполняет анкету:

10. Какими иностранными языками и языками народов СССР владеете? латынь, древне-греческий, санскрит, авестийский, древнеперсидский, древнееврейский, арамейский, аккадский, арабский, старославянский, готский, древневерхненемецкий, древнеанглийский, древнесаксонский, древнеисландский, древнепруссский, хеттский, английский, французский, голландский, немецкий, шведский, датский, норвежский, польский, чешский, болгарский, сербский, албанский, новогреческий, румынский, итальянский, провансальский, испанский, португальский, украинский, белорусский, литовский, латышский, венгерский, эстонский.

¹¹ На низколетящих, до километра, самолётах мы с Зализняком летали в сентябре 1960 года в Черновцах.

Падучева собиралась отыскать Башкирову и набить ей морду. Дело ограничилось намерением. Тем не менее, общее мнение заключалось в том, что это Башкирова виновата в повышенном интересе к Зализняку военкомата. Так это или не так, неизвестно. Но даже если так, вина Башкировой — ничто перед моей виной, затеявшей всю эту авантюру с немедленной докторизацией. Надо было ещё более немедленно предпринять какие-то чрезвычайные шаги. Мы с Добрушиным не нашли лучшего шага, чем обратиться к одному из сильных мира сего. Персона должна была быть не только влиятельной, но и готовой отнестись положительно к содержанию диссертации Зализняка.

И мы с Добрушиным отправились к Акселю Ивановичу Бергу. Лет за пять до того Лев Израилевич Гутенмахер и я пришли на квартиру к Бергу; меня Гутенмахер взял с собой для поддержки в деле сохранения автономности возглавляемой им Лаборатории электро моделирования АН СССР. Убедил ли Гутенмахер Берга сохранить Лабораторию, цель которой был построить машину, умеющую отвечать на вопросы и притом голосом любимого артиста — этого я не помню. Но помню, как Берг нам сказал: «Я могу любое постановление Совета Министров задержать на два дня». В дни нашего с Добрушиным визита Берг был Председателем Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «Кибернетика», созданный, по слухам, специально под него. Научных советов в Академии наук много, но этот был единственный, наделённый всеми атрибутами научного института. Совет призван был поддерживать всё кибернетическое во всех науках, в том числе в языкознании¹². Вот в этот Совет, в обширный кабинет Берга мы с Добрушиным и направились.

Если не объяснить, что представлял собой Аксель Иванович Берг (1893—1979), будет не вполне понятно, почему наши с Добрушиным надежды возлагались именно на него. Себя он называл шведом, отсюда имя Аксель. Гражданское звание академика (а академиком тогда было мало¹³, и это звание много значило) он сочетал с

¹² Например, Вяч. Вс. Иванов посвятил роли Берга во внедрение в СССР современного языкознания специальную статью «Академик А. И. Берг и развитие работ по структурной лингвистике и семиотике в СССР».

¹³ Возьмём, например, ежегодный «Справочник» Академии наук. Формат его монотонно увеличивается: скажем, в 1983 году — $60 \times 84 \frac{1}{32}$, в 2007 году — $70 \times 90 \frac{1}{32}$. Количество страниц тоже: в 1983 году — 749 страниц, в 2007 году — 1221 страница, которые уже не умещаются в один том. У меня каким-то чудом сохранился справочник 1948 года. Страничка с выходными данными вырвана. Но непосредственно видно, что формат — меньше вышеназванных, а число страниц — 407 плюс нумерованные страницы Календаря и Записной книжки на 1948 год, вплоть до 12 декабря. После-

военно-морским званием инженер-адмирала, на погонах у него было три звёздочки, а четырёх звёздочек в инженерно-корабельной службе уставами не допускалось. (Три звёздочки у сухопутных означали генерал-полковника, у морских — адмирала, а четыре — генерала армии или адмирала флота.) Звание академика внушало уважение в военной среде, а звание инженер-адмирала — в среде академической. С 1916 по 1922 год был сперва штурманом, а с августа 1921 года — командиром на подводных лодках. В августе 1919 года подлодка, на которой он был штурманом, потопила английский эсминец, что стало первой победой российского подводного флота. Берг внёс выдающийся пионерский вклад в становление радиотехники и, в частности, радиолокации в нашей стране. 18 сентября 1955 года был назначен заместителем министра обороны СССР. Ночью 20 июня 1956 года в поезде, в собственном вагоне, полагаящемся ему по его рангу, с ним случился сильный сердечный приступ. Скорее всего, приступ можно было бы купировать грелкой с горячей водой. Однако врача в поезде не нашлось, а нашёлся выскочка, объявивший, что он знает, что такие вещи лечатся льдом. Достали лёд из холодильника вагона-ресторана и тем окончательно загубили здоровье Берга. По его просьбе, после двух инфарктов, в ноябре 1957 года он был освобождён от должности заместителя министра. Но сохранил большие связи и влияние.

Добрушина и меня Берг знал и после нашей просьбы довольно быстро назначил нам аудиенцию. Аудиенции у Берга всегда начинались с морской точностью: минута в минуту. У нас было две просьбы, большая и малая. Малая просьба состояла в том, чтобы подписать отзыв на диссертацию Зализняка. Некий вариант текста на полстраницы мы приготовили заранее. Эту просьбу Берг охотно исполнил. Он внёс в текст некоторые изменения редакционного характера, дописал одну-две фразы и передал бумагу в соседнюю комнату, где она была перепечатана на бланке и проставлен номер. После чего Берг текст отзыва подписал. Так что с малой просьбой проблем не было. Большая просьба состояла в том, чтобы освободить Зализняка от призыва в армию. Тут Берг задумался. И было, над чем.

Мы, в свою очередь, продолжали в оба уха сообщать ему о значении Зализняка для языкознания вообще и для нового, киберне-

дующие страницы вырваны (предположительно из осторожности, чтобы никакой записи не пришлось на 21 декабря — День рождения Сталина). А 407 страниц содержат в себе материал, отсутствующий в более поздних изданиях «Справочника»: тут и Устав Академии наук СССР, и Положение об аспирантуре Академии, и ещё кое-что.

тизированного языкознания в частности. Наконец, он сделал то, чего делать ему очень и очень не хотелось (это было видно), — позвонил Федосееву. В Академии наук СССР было заведено иметь вице-президента, непременно члена ЦК КПСС, курирующего гуманитарный блок. В 1962—1967 и в 1971—1988 годах таким вице-президентом был Пётр Николаевич Федосеев. Его основные труды были посвящены проблемам исторического материализма, научного коммунизма, научного атеизма, критике буржуазной философии и социологии. По собственному опыту знаю, что попасть к нему на приём было много труднее, чем попасть к Президенту Академии наук Несмеянову. Ах, как Бергу не хотелось ему звонить. Но мы не уходили. И он понял, что от нас не отделаться. И он позвонил.

С Бергом Федосеева соединили сразу. В энергичных и тщательно отобранных выражениях Берг изложил суть дела. И получил высочайшее разрешение написать бумагу на его имя. А я в который раз убедился в простом правиле: если ты хочешь подать бумагу, её действие усилится многократно, если адресат предварительно разрешит ему написать. Немалое время ушло на составление текста, который должен был быть одновременно кратким и убедительным. Текст сочиняли все трое: Берг, Добрушин и я. Наконец, он был напечатан на бланке совета, получил номер и подпись Берга и — не помню точно — печать. Во всяком случае мы с Добрушиным хотели, чтобы была печать, а нам объясняли, что на письмах печать не ставится. Ниже приводится этот текст, из которого я впервые узнал о наличии в Академии наук Второго отдела. Чем занимается Первый отдел, существующий в каждой организации, все знали: он был заместителем Госбезопасности в данной организации. Само же существование Второго отдела было известно не многим. Как мне разъяснили, этот отдел осуществлял связь с военными структурами.

ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТУ АКАДЕМИИ НАУК СССР
академику П. Н. ФЕДОСЕЕВУ

Глубокоуважаемый Пётр Николаевич!

Младший научный сотрудник Института славяноведения АН СССР ЗАЛИЗНЯК А. А. ведёт выдающиеся исследования в области изучения русского языка современными методами, важными для кибернетики. В настоящее время им представлена в учёный совет Института славяноведения кандидатская диссертация (о защите которой, назначенной 31 марта 1965 года, было объявлено в газете «Вечерняя Москва» от 22 марта 1965 года). По мнению официальных оппонентов диссертанта, к которому присо-

единились академик А. Н. Колмогоров¹⁴, член-корреспондент АН СССР Э.¹⁵ И. Аванесов и я (отзывы прилагаются), А. А. Зализняк заслуживает за представленную им работу учёной степени доктора филологических наук, в связи с чем защита была отложена и сейчас решается вопрос о постановке его диссертации на защиту в качестве докторской.

По имеющимся сведениям в настоящее время А. А. Зализняк, являющийся младшим лейтенантом запаса, призывается Краснопресненским райвоенкоматом г. Москвы.

Ввиду того, что диссертация А. А. Зализняка имеет принципиальное научное значение (как первая выдающаяся диссертация в области исследования современными методами конкретного языка), прошу Вас дать указание Второму отделу Президиума АН СССР принять необходимые меры к отсрочке призыва А. А. Зализняка до защиты им диссертации.

Академик (А. И. Берг)

«5» мая 1965 г.

Меж тем Берг уже демонстрировал явные признаки утомления и раздражения, чего на моей памяти никогда, ни до, ни после, не наблюдалось. «Я сделал всё, что мог, идите к Федосееву», — сказал Берг. И прибавил: «Если бы хоть кто-нибудь когда-нибудь потратил на меня столько времени и сил, сколько я сегодня потратил на вашего Зализняка». Мы поблагодарили и удалились. Впрочем, зла на нас Берг не затаил.

Идти к Федосееву было недалеко. Совет по кибернетике размещался в здании Вычислительного центра Академии наук по адресу ул. Вавилова, 40. Никаких «Золотых мозгов», они же «Одеколон», ещё не было, и кабинет Федосеева находился в старом здании Президиума Академии, т. е. в здании Александрийского (Нескучного) дворца по адресу Большая Калужская улица, 14 (ныне Ленинский проспект, 14). К Федосееву нас не допустили, но его предупредённая секретарша забрала у нас бумагу и через короткое время вынесла её обратно, но уже украшенной резолюцией Федосеева. Дословно я этой резолюции не помню, но примерно она была такова: *Начальнику Второго отдела полковнику Баранову. Прошу помочь, или Прошу принять меры.* А может, и без *Прошу*, просто *Примите меры.*

Второй отдел помещался в одном из флигельков, расположенных в тылу дворца и отделяющих его от Нескучного сада. Сергей

¹⁴ О роли Колмогорова будет сказано далее. — В. У.

¹⁵ Опечатка. Должно быть «Р.». — В. У.

Сергеевич Баранов принял нас в очень небольшой приёмной и был вполне любезен. Он был в штатском, худощав, роста среднего или чуть выше. Помимо той двери, через которую мы вошли, в приёмной оказалось ещё две двери напротив друг друга. Получив бумагу и бегло с нею ознакомившись, он удалился с бумагой в недра через одну из дверей и вскоре появился, выйдя к нам через дверь напротив. Такую эволюцию он проделал ещё раз. Наконец, он вывел к нам коренастого человека небольшого роста и сказал: «Это инспектор нашего отдела Давид Абрамович Кузинец, он будет заниматься вашим делом». Прежде всего Давид Абрамович, спросил у нас, к какому районному военкомату приписан Зализняк. Мы отвечали, что к Краснопресненскому. Эта информация его явно обрадовала. «С Таганским было бы сложнее». Тайный смысл его реакции разъяснился позже.

Какие действия со стороны Второго отдела я предполагал? Я предполагал, что Кузинец составит письмо от Академии наук в Министерство обороны, или в Генеральный штаб, или в иное высокое военное ведомство. В этом письме, предполагал я, сославшись на надлежащие правительственные постановления (от такого-то числа, номер такой-то, статья такая-то) Академия наук СССР попросит включить Зализняка в одну десятую процента или в группу из десяти человек, ежегодно направляемых вместо армии в распоряжение Академии. Вместо этого Кузинец открыл ящик стола и вынул оттуда занявший полстолешницы расчерченный лист бумаги. Как я понял, это было расписание всех банкетов всех районных военкоматов Москвы. Военкоматы любили устраивать банкеты по всем поводам. Вспомним, что кроме общегосударственных праздников есть ещё множество военных — День танкиста или День артиллериста, например. Но и День шахтёра при желании можно отпраздновать. Внимательно изучив соответствующую строку этого листа, Давид Абрамович сказал: «Ближайший банкет в Краснопресненском военкомате тогда-то. Моя задача мне ясна. Мне нужно пойти на этот банкет, сесть рядом с военкомом и напоить его вусмерть».

Я был совершенно потрясён и потрясение сохранил до сих пор. Конечно, мне было известно, что многие серьёзные дела решаются на совместной выпивке, но чтобы выпивка оказывалась элементом бюрократической переписки, состоящей из писем на бланке и резолюций — представить такое у меня не хватало воображения.

Расставаясь с нами, Кузинец спросил, с кем из нас поддерживать связь. Добрушин посмотрел на меня умоляюще. Я ответил: «Со мной», — и дал свой домашний номер телефона.

Прошло какое-то время, и Кузинец мне позвонил. «С вами говорит Давид Абрамович. Вы понимаете, с кем вы говорите?». Я отвечал, что понимаю. «Тогда берите лист бумаги и записывайте. Ваш Зализняк должен явиться в Краснопресненский военкомат. Там его направят на медицинскую комиссию. Врачей он должен обходить в следующем порядке¹⁶. Вот здесь будьте внимательны в записи. Глазник, невропатолог... и т. д. Повторите порядок врачей». Я повторил, мы распрощались, и я стал ждать звонка Зализняка.

Мобильных телефонов тогда не было, стационарные же были привилегией меньшинства населения. Звонить Зализняку было некуда, поэтому единственная связь заключалась в том, что он время от времени мне звонил. Он знал о нашем с Добрушиным визите к Бергу и ждал результатов.

И вот Зализняк утром позвонил. Я рассказал ему о звонке Кузинеца и сказал, что ему надо идти в военкомат. «Так меня же оттуда уже не выпустят». — «Выпустят», — отвечал я, хотя стопроцентной уверенности в этом не имел. Впрочем, стопроцентной уверенности я не имел и не имею ни в чём. «Так что же, идти?» — с надеждой на отрицательный ответ переспросил Зализняк. «Да, нужно идти». — «Но вы понимаете, что ответственность на вас?». — «Понимаю». — «Я иду только потому, что вы велите мне идти». — «Понимаю. Берите бумагу и записывайте». И я продиктовал ему порядок обхода врачей. А сам, в большой тревоге, не будучи в состоянии чем-либо заняться, стал ждать от него вестей.

Много ли, мало ли времени прошло, звонок, но не телефонный, а в дверь квартиры. Появляется Зализняк, и прежде, чем я успеваю опомниться, ставит на стол кухни бутылки вина, которые извлекает из своих карманов, включая, кажется, и нагрудный карман пиджака. Думается, что количество бутылок могло бы претендовать на книгу Гиннеса в номинации «количество бутылок, размещённых в карманах пиджака и брюк». Начало, по словам Зализняка, было очень страшное. Первый врач: «Годен», второй врач: «Годен», и так до четвёртого врача включительно. Как только Зализняк вошёл в военкомат, ему был вручён обходной лист с перечислением всех врачей, которых он должен был обойти и каждому из которых он должен был этот лист предъявить, чтобы они проставили своё заключение. На листе стоял некий шифр из букв и цифр. Невропатолог объяснила Зализняку

¹⁶ Право призывника выбрать порядок врачей медицинской комиссии — одно из странных проявлений либерализма в столь антилиберальном учреждении, как военкомат. Обычно призывник выбирал того врача, к которому меньше очередь.

значение шифра — «парашютные войска». Таким образом, воображаемая картина последующих событий, которая выше была названа окарикатуренной, оказалась гораздо ближе к истине, чем мы думали. Наконец, дело доходит до пятого врача. Пятый врач: «Негоден». На вопрос «Что мне теперь делать?» врач отвечал: «Идти домой». — «А к следующему врачу идти не надо?». — «Не надо».

Пришла беда — отворяй ворота, гласит русская пословица. Почти одновременно с повестками из военкомата пришло известие, что Институт славяноведения не хочет ставить диссертацию Зализняка на защиту. Удар, надо сказать, был сильный и поначалу привёл меня в растерянность. Хотя его можно было ожидать.

Вспомним причину отмены заседания совета 31 марта. Официально эта отмена была мотивирована необходимостью глубже разобраться в деле и, в благоприятном случае, объявить новую защиту. На новой защите, если таковая состоится, на голосование должно быть поставлено два отдельных вопроса — о кандидатской степени и о докторской степени; так полагалось по процедурным правилам, действовавшим в те годы.

Однако быстро обнаружилось, что сама мысль о возможности присуждения степени доктора филологических наук за кандидатскую диссертацию многими воспринимается с трудом: понятие о научном результате, естественное для математиков, оказалось чуждым для гуманитариев-традиционалистов. К тому же, большинство в Институте славяноведения и его Учёном совете составляли не лингвисты и даже не филологи, а экономисты и историки, специалисты по славянским древностям. Вспомним блоковское «Собрать по перу, / До глаз в бороде утонувший, / О причитаньях у южных хорватов / Рассказывал долго»¹⁷. Эти-то специалисты по причитаниям у древних хорватов, историки и экономисты (не исключаю, что среди них могли быть, скажем, и музыковеды) стали говорить — и, надо признать, не без оснований, — что если диссертация Зализняка такая новаторская и замечательная, то пусть она защищается в каком-нибудь языковедческом институте. Но в том-то и дело, что обстановка в советском языкознании в 1965 году была такова, что диссертация, открывающая новый этап в языкознании (а именно такой и была диссертация Зализняка), была немислима. В любом из двух языковедческих институтов Академии наук, т. е. в Институте языкознания или в Институте русского языка, её бы непременно зарубили ещё даже до вынесения на учёный совет. То же произошло бы на филологическом факультете МГУ.

¹⁷ А. А. Блок, «Жизнь моего приятеля».

Вот три характерных эпизода, два из коих были упомянуты выше. Рубен Александрович Будагов, которого через 5 лет после описываемых событий, в 1970 году, изберут членом-корреспондентом, как-то, когда проблема диссертации ещё не возникла, сказал в моём присутствии: «Ну вот, Зализняк — он же не имеет научного профиля. То он преподаёт старославянский, то санскрит, то арабский...». А Тимофей Петрович Ломтев, управлявший русистикой на филологическом факультете, уже в связи с диссертацией сказал мне: «А что, до вашего Зализняка никто не знал, как склонять русские существительные?». Когда в 1964 году студенты кафедры структурной и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ обратились к своему заведующему В. А. Звегинцеву с просьбой привлечь А. А. Зализняка к преподаванию, Звегинцев ответил: «Зализняк — это несерьёзно».

Поэтому было необходимо добиться, чтобы диссертацию, и притом в качестве докторской, согласился рассмотреть именно тот самый совет Института славяноведения, куда она была представлена в качестве кандидатской.

Против защиты в их совете выступил историк М. Н. Тихомиров — единственный в то время академик в составе Института.

Дело приняло настолько серьёзный оборот, что я решил обратиться за помощью к Колмогорову и 2 мая отправился в Комаровку. Андрей Николаевич оценил как важность проблемы, так и степень моей взволнованности и уделил мне достаточно времени. Тут же он написал на машинке письмо в Учёный совет Института славяноведения.

Привожу это письмо полностью:

В УЧЁНЫЙ СОВЕТ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ АН СССР

Общеизвестно, что одним из существенных течений современного языкознания является стремление к уточнению приёмов логического анализа языковых явлений с применением навыков мысли, выработанных в теории множеств и математической логике. Образцовые работы этого направления не столь малочисленны. К ним принадлежат и работы А. А. Зализняка

а) о категориях рода и одушевлённости в русском языке (Вопросы языкознания, 1964, № 4);

б) об ударении в современном русском склонении (Вопросы языкознания, 1964, № 1 и подробнее — Русский язык в национальной школе, 1963, № 2).

Эти работы с логической стороны безупречны и радуют соединением нетривиальных логических приёмов анализа с полным владением фактическим материалом и пониманием связей между результатами «синхронного описания» и задачами реконструкции исторического генезиса изучаемых явлений.

Но работа «Классификация и синтез именных парадигм современного русского языка», представленная А. А. Зализняком в качестве кандидатской диссертации, по моему мнению должна занять выдающееся место не только в русском, но и в общем языкознании, так как, насколько мне известно, ни в отечественной, ни в зарубежной литературе исчерпывающему формальному исследованию современными в смысле логических приёмов методами не подвергался столь большой массив фактов. Судя по отзывам оппонентов, фактическая состоятельность проведённого анализа не вызывает сомнения¹⁸. Я думаю, что выполненный А. А. Зализняком труд вполне логично было бы отметить присуждением за него докторской степени.

2 мая 1965 г.

(А. Колмогоров)

От Колмогорова, с его дачи в Комаровке, я отправился пешком в Загорянку, где у Гелескула скрывался Зализняк. Колмогоров взялся меня провожать, одновременно указывая путь. Я с трудом за ним поспевал. Мне хотелось обрадовать Зализняка наличием отзыва Колмогорова. К сожалению, ни Зализняка, ни даже Гелескула я не застал, а застал лишь так называемую «Гелескулиху» — сестру Гелескула. Я передал ей информацию на словах, оставив отзыв у себя.

Далее я заверил в канцелярии мехмата подпись Колмогорова на нескольких экземплярах отзыва. Отзыв Колмогорова мог пригодиться, если защита Зализняка всё же состоится в Институте славяноведения. Он же мог пригодиться и в попытках освободить Зализняка от военной службы.

Вручить это письмо заместителю директора Института славяноведения Игорю Михайловичу Шептунову, в ту пору заправлявшему Институтом, и получить у него расписку (!) на копии я попросил одну из близких сотрудниц Колмогорова, Наташу Светлову¹⁹. Светлова и вручила, и добилась требуемой расписки, сославшись на

¹⁸ Очень колмогоровская фраза. Колмогоров готов подписаться лишь под тем, в чём убедился сам. Уровень мировой литературы по языкознанию ему известен, но в отношении того, соответствует ли описание фактам, он ссылается на оппонентов. — В. У.

¹⁹ Ныне — Наталья Дмитриевна Солженицына.

поручение академика Колмогорова (какового поручения, разумеется, не было). «Академик Колмогоров поручил вам потребовать от меня расписки?» — спросил изумлённый Шептунов. Светлова недогнущим голосом отвечала: «Да». Шептунов стал было хвататься за телефон, но потом сдался и расписку написал. Любопытно, что сказал бы Колмогоров, дозвонись до него Шептунов!

А незадолго до того я имел и непосредственную беседу с Шептуновым, в которой пытался убедить его в необходимости поставить диссертацию Зализняка на защиту в управляемом им Институте. Я решился на блеф. Я сказал: «Если диссертация Зализняка не будет поставлена на защиту, ваш институт закроют». Шептунов вытаращил на меня глаза — но не так сильно, как можно было бы себе представить, потому что некоторые неуловимые черты смутного времени в воздухе всё-таки ощущались (всего полгода, как сняли Хрущёва, да и постановление Президиума АН СССР от 6 мая 1960 года о создании Института семиотики никто не отменял). Всё же он возразил: «Институт Академии наук закрыть невозможно». Я был готов к этому возражению и имел с собой на этот случай наглядное пособие, демонстрирующее возможность закрытия Института Академии наук.

Дело в том, что как раз в это время, в начале 1960-х, был закрыт существовавший с 1939 года Институт механики²⁰ АН СССР, и в его стенах был открыт Институт проблем механики. Причиной такого преобразования был затяжной конфликт внутри Института механики, уходящий корнями в конфликт между двумя «главными» советскими академиками-механиками Седовым (1907—1999) и Ишлинским (1913—2003); оба были прикосновенны к космическим проектам. Инициатор этой операции, первый директор Института проблем механики Александр Юльевич Ишлинский, человек, на мой взгляд, замечательный, сказал мне по этому поводу: «Если вы когда-нибудь захотите закрыть институт и создать новый, не делайте этого в старых стенах. В них сохраняется склока». На встречу с Шептуновым я захватил собою два последовательных ежегодных справочника Академии наук. В первом из них присутствовал Институт механики в сопровождении достаточно подробных сведений о нём, с указанием всех заместителей директора, телефонов отдела кадров, парткома, профкома и т. п. Во втором ежегоднике на этом месте было написано «Институт проблем механики» без каких-либо подразделений и начальников кроме директора-организатора, каковым был указан

²⁰ Механика понимается здесь не в бытовом смысле (как «главный механик корабля»), а как раздел физики и прикладной математики.

Ишлинский. Вот эти два справочника я достал из портфеля и показал Шептунову. На Шептунова это произвело должное впечатление, и он поверил. Он немедленно организовал мне аудиенцию у директора Института славяноведения — с тем, чтобы я объяснил тому положение вещей. Директора звали Иван Александрович Хренов, и он был динозавром старой школы. Он мне не поверил (и правильно сделал). Когда я вернулся к Шептунову и сообщил, что Хренова мне убедить не удалось, Шептунов выразился в том смысле, что вот, дескать, Хренов уже окостенел и не в состоянии адекватно реагировать на изменяющуюся ситуацию. Хренова удалось убедить позже, прибегнув к помощи Андрея Сергеевича Монины, колмогоровского ученика, работавшего тогда в аппарате ЦК КПСС (и сам факт его работы там я отношу к тем «неуловимым чертам смутного времени», которые только что были упомянуты).

Впоследствии Монин стал директором Института океанологии АН СССР и академиком. А в то время он был заместителем заведующего Сектором науки Идеологического отдела ЦК КПСС. А может, такого сектора не было вовсе, а был Отдел науки, и Монин был заместителем заведующего этим отделом. Эмоциональную встряску от пересечения порога знаменитого серого здания на Старой площади, процедуру проверки паспорта и пропуска, неоднократно повторённую — всё это я запомнил, кажется, навсегда. И вот мы с Добрушиным в кабинете Монины.

Добрушин более подробно, чем ранее по телефону, объясняет Монину суть дела. Я ещё что-то о результатах Зализняка добавляю от себя. Диссертацию Зализняка мы с собой не взяли, но взяли автореферат, с которым Монин на наших глазах знакомится довольно подробно. Монин снимает трубку и звонит Хренову. Не помню, звонит ли он через хреновскую приёмную или на столе у Хренова стоит специальный телефон, связывающий его с ЦК, но только Хренов отзывается немедленно. «Здравствуйте, это Монин из ЦК КПСС». Эту фразу я запомнил почти дословно, из остальных помню, да и то не дословно, лишь отдельные; их немного. Что говорит Хренов, мне не слышно, могу только догадываться по репликам Монины. «Ну, с Иваном Ивановичем мы всегда находим общий язык и взаимопонимание». Я понимаю, что Иван Иванович — это Иван Иванович Удальцов, который с 1959 по 1962 год был директором Института славяноведения. В 1962 году он передал эту должность Хренову, а сам стал заместителем заведующего Идеологическим отделом ЦК (и заведующим сектором науки, если таковой был). «Не стоит его вызывать. Это ведь будет как бы испытанием его скромности и, тем самым, вынудит его отказаться от степени доктора». Разговор с Хреновым

закончился. Нам с Добрушиным Монин сказал: «Я думаю, что всё будет в порядке».

И действительно, Институт славяноведения сделал вид, что никогда и не отказывался рассматривать диссертацию Зализняка. Разумеется, решающую роль сыграл звонок Монина. Звонка бы не было, если бы мы с Добрушиным не попали к нему на приём. Приёма бы не было, если бы не Добрушин. Так что если бы не Добрушин, неизвестно, когда Зализняк стал бы доктором наук. В отличие от Добрушина я был с Мониним едва знаком, так что вряд ли попросил бы у него аудиенции в его цеховском кабинете; кроме того, мнение Добрушина было для Монина авторитетнее моего. Так что Добрушину, скорее всего, следует отвести главную роль в успехе предприятия.

Настало время подумать о некоторых деталях непосредственно защиты. Прежде всего следовало расширить состав Совета. Такое допускалось. Более точно, допускалось однократное, на время защиты, пополнение Совета специалистами в теме диссертации. Предельное разрешённое число дополнительных членов было пять, а самое расширение Совета должно было быть утверждено ВАКом. Мы (т. е. Добрушин, я и сочувствующие) составили такой список: Ольга Сергеевна Ахманова, Роланд Львович Добрушин, Исаак Иосифович Ревзин, Александр Александрович Реформатский, Себастьян Константинович Шаумян. Этот список мы представили руководству Совета, и он не вызвал возражений. Теперь следовало получить разрешение ВАКа. Обычно ВАК давал такие разрешения, но процесс его получения, включающий отсылку запроса из Института в ВАК, рассмотрение в ВАКе, ожидание подписи Председателя ВАКа, каковым был Министр высшего и среднего специального образования СССР, поступление разрешения в Институт, мог затянуться. Поэтому все перечисленные этапы надо было брать на себя. И я отправился в ВАК.

ВАК тогда был Отделом Министерства высшего и среднего специального образования СССР и находился в здании Министерства. Министр по должности был Председателем ВАКа.

Посещение ВАКа, как и все мои подобные действия, было облегчено тем, что в те годы вход во многие учреждения был свободный: ни кодовых замков, ни магнитных рамок, ни строгих охранников. Возможно, надо было показать служебное удостоверение. С собою я нёс отпечатанную на бланке Института славяноведения просьбу для защиты Зализняка дополнить Совет вышеуказанными специалистами, а также проект ответа ВАК. К тому времени я уже выяснил, какую форму должен иметь положительный ответ ВАК на подобную просьбу. Свобода входа позволила мне провести накануне

предварительную рекогносцировку, во время которой, в частности, был обнаружен большой зал, уставленный столиками с пишущими машинками. Не менее половины машинок были свободны. Каждый мог подойти и её использовать. Поэтому когда я пришёл с необходимыми документами, со мною пришла машинистка. Её наличие могло оказаться необходимым, поскольку Министр, он же Председатель ВАКа, Вячеслав Петрович Елютин, отвергал без рассмотрения любой подносимый ему на подпись документ, если обнаруживал в нём опечатку или орфографическую ошибку. В моей памяти не осталось, как мне удалось провести прошение из Института славяноведения через канцелярию, согласовать положительный ответ и получить ВАКовский бланк для напечатания этого ответа. Процедуру напечатания взяла на себя приведённая мною машинистка. На следующий день я принёс подписанный Елютиным ответ в Институт славяноведения.

Параллельно всему сказанному развивался ещё один сюжет — *подэпопея*, как сказали бы математики. Дело в том, что мне очень хотелось получить отзыв о диссертации Зализняка не от кого-нибудь, а от самого Виктора Владимировича Виноградова, директора Института русского языка Академии наук (сейчас этот Институт носит его имя), заведующего кафедрой русского языка МГУ, фактического главы советского языкознания. Мы встречались с Виноградовым в апреле и мае 1963 года на заседаниях комиссии «для подготовки предложений по улучшению работы в области семиотики»²¹. Эта комиссия из десяти человек была создана распоряжением Президиума Академии наук, и мы оба оказались её членами. В те годы я иногда бывал довольно наглым, чем сегодня отнюдь не горжусь. На одном из заседаний комиссии, сидя напротив Виноградова и глядя на него, я сказал: «В задачи настоящей комиссии не входит установление круга тех лиц, кто задержал развитие структурной и математической лингвистики в нашей стране». Но я же на другом заседании предложил устроить нашей комиссии пасхальные каникулы, что заметно понравилось Виноградову. Была надежда, что он меня запомнил.

Осада Виноградова началась достаточно заблаговременно, что оказалось весьма предусмотрительным. В течении примерно месяца я звонил ему в Институт русского языка, и каждый раз секретарша объясняла мне, почему именно сейчас он не может со мной поговорить. Как правило, в ответ на мой вопрос мне рекомендовали позвонить послезавтра. Но я не прекращал своих попыток, и моя настойчивость была вознаграждена. Как-то раз, позвонив с уверенностью в стан-

²¹ О названии, составе и работе этой комиссии см. настоящее издание, кн. 3 «Языкознание», с. 324—326.

дартном ответе, я получил ответ совершенно нестандартный: «Виктор Владимирович оставил вам свой домашний телефон и просил позвонить ему сегодня вечером». Когда я позвонил, мне было назначено прийти завтра вечером.

Виноградов жил в квартире 11 знаменитого и престижного Дома Моссельпрома по адресу Калашный переулок, 2/10 **5**.

В назначенное время я явился по назначенному адресу. Был накрыт стол, и, неожиданно для себя, я был принят со всем московским гостеприимством, с графинчиком (ах, где эти графинчики!), закуской и всем прочим. Мы ужинали втроём: Виноградов, его супруга Надежда Матвеевна и я. (Кое-какие детали этого ужина см. выше, на с. 860, в «Ономастическом комментарии» к статье «О единстве человеческого рода, или Зачем ставят памятники».) Был безумно увлекательный разговор — говорил в основном хозяин дома, — но я не запомнил ничего, кроме фразы, сказанной о каком-то известном лингвисте: «Его же приходилось к стулу привязывать». Ситуация с памятью сейчас напомнила мне редкие по увлекательности и почти не касающиеся математики разговоры с Колмогоровым в поездах Москва—Новосибирск и Новосибирск—Москва, из коих я также не запомнил ничего. Верховные силы любезно дали мне дважды насладиться увлекательностью не по чину и решили, что этого достаточно.

Я готов был слушать и дальше, но всё же запоздало опомнился, обнаружив, что уже час ночи (время прекращения работы метро), и вскочил со стула с извинениями. «Не волнуйтесь, — сказала мне Надежда Матвеевна, — мы ложимся поздно. Сейчас только Виктор Владимирович начнёт варить себе суп». — «Но ведь я пришёл по делу!» — с ужасом воскликнул я, осознав, что до дела так и не дошло и вряд ли дойдёт. «Так зачем же здесь говорить о делах, — возразил Виктор Владимирович. — Вот мы теперь познакомимся, а по делу прошу завтра в мой кабинет в Институте». Было назначено время. Зачем Виноградов избрал такой двухступенчатый путь, почему я был столь любезно принят четой Виноградовых — всё это остаётся загадкой для меня по сей день.

«Я должна вас проводить до первого этажа: у нас подъезд запирается на ночь на ключ», — объявила Надежда Матвеевна. Я распрощался с Виктором Владимировичем и мы спустились на первый этаж. Она посмотрела на часы: «Сейчас вам предстоит зрелище. Будет возвращаться пьяный Глазунов с компанией». И действительно, стоило ей отпереть подъезд, как гогочущая компания, содержащая в себе художника Глазунова, ввалилась внутрь. Я подивился хронологической точности их действий. Можно предположить, что экономя

на такси, они всегда приезжали на последнем метро. Их появление объяснялось тем, что у Глазунова на чердаке была мастерская.

На следующий день я явился в Институт русского языка и был принят как старый знакомый. В кабинете мне было предложено одно из обширных, под любой зад, и очень мягких кресел чёрной кожи. Наша беседа прервалась только один раз: приоткрылась дверь и заглянула Елена Андреевна Земская. «Не обращайтесь, это мой замдиректора», — сказал Виноградов. С собой я принёс копию диссертации, каковую и оставил Виноградову с просьбой дать отзыв. Набравшись смелости — впрочем, жанр беседы к ней располагал, — я отдельно попросил Виноградова дать отзыв на бланке Института и украсить его гербовой печатью. Было условлено точное время получения отзыва в пролёте лестницы филологического факультета, когда Виноградов пойдёт на занятия или на заседание.

Встреча состоялась, и отзыв на бланке и с печатью я получил. Полностью отзыв Виноградова воспроизведён на с. 144—145 кн. 3 «Языкознание» настоящего издания. Здесь я только скажу, что отзыв был достаточно глубоким и в то же время достаточно комплиментарным, с употреблением выражения *научный подвиг* и с замечанием, что Зализняк мог бы быть «видным иранистом, романистом или германистом». Последнее замечание, вступающее в разительный контраст с высказыванием Будагова об отсутствии у Зализняка лингвистического лица, подкреплялось ссылками на соответствующие сочинения Зализняка; создавалось впечатление, что Виноградов читал всю русскоязычную лингвистическую литературу — знатоки говорили, что так и было, прибавляя «и не только русскоязычную». Виноградов обнаружил у Зализняка и микроскопическое количество неточностей, а также прямую ошибку: так, слово *себя* было в диссертации отнесено к числу слов, не имеющих множественного числа. Слово «диссертация» в отзыве отсутствовало. Труд Зализняка назывался «научной монографией». Кончался отзыв словами: «Присуждение <...> учёной степени доктора филологических наук было бы заслуженной наградой».

Наконец, на 26 мая 1965 года было назначено новое заседание Совета Института славяноведения. 18 мая 1965 года появилось новое объявление о защите, на этот раз в газете «Московская правда»:

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
 Академии наук СССР
 (Трубниковский пер., 30-а)
 26/V—65 г., в 15 час., на соискание
 ученой степени кандидата филологических наук **ЗАЛИЗНЯКОМ А. А.**
 на тему: «Классификация и синтез
 именных парадигм современного
 русского языка».

Как видно из объявления, и при новой дате диссертация Зализняка была заявлена как кандидатская.

Следующий фрагмент стенограммы заседания Учёного совета Института славяноведения АН СССР 26 мая 1965 года проясняет дальнейший ход событий. Данный фрагмент отражает тот этап заседания, который наступил сразу после вступительного слова диссертанта.

И. А. Хренов. Имеются ли вопросы к Андрею Анатольевичу? (Вопросов нет.) Слово предоставляется И. М. Шептунову для зачитания отзывов, полученных на диссертацию.

И. М. Шептунов оглашает:

1. Решение сектора структурной типологии славянских языков Института славяноведения АН СССР.

2. Отзыв сектора структурной и прикладной лингвистики Института языкознания АН СССР, подписанный заведующим доктором филологических наук А. А. Реформатским и учёным секретарём И. А. Мельчуком.

3. Письмо издательства «Советская Энциклопедия» от 24 марта 1965 года, подписанное главным редактором словарей М. В. Лазовой, заведующей редакцией словарей на романских языках К. С. Выгодской и заведующей редакцией словарей на русском языке И. К. Сазоновой.

4. Письмо академика А. И. Берга (секция семиотики Совета по кибернетике при Президиуме АН СССР) от 30 апреля 1965 года.

5. Письмо академика А. Н. Колмогорова от 2 мая 1965 года.

6. Письмо доктора филологических наук Р. Г. Пиотровского, старшего научного сотрудника Института языкознания Ленинградского отделения АН СССР от 23 мая 1965 года.

7. Отзыв академика В. В. Виноградова от 24 мая 1965 года.

Из ленинградской больницы Академии наук Александр Алексеевич Холодóвич (11(24).05.1906—20.03.1977) прислал мне письмо для Учёного совета Института. Письмо, как и большинство подобных текстов Холодовича, начиналось колоритно:

Учёному Совету Института Славяноведения Академии Наук СССР

Краткое заявление

Поражённый жесточайшим инфарктом и прикованный на длительный срок к академической больничной койке, я лишён:

а) по велению сложившихся обстоятельств возможности лично участвовать в интереснейшем споре докторов наук по диссертации А. А. Зализняка и доказывать устно, надеюсь, вместе с другими

докторами наук, право А. А. Зализняка самому именоваться впредь доктором филологических наук;

б) а по приказу ведущих меня докторов права держать в руке перо свыше 5 минут.

Приведу ещё одну фразу из «Краткого заявления»: «Читая А. А. Зализняка, меня всё время не покидало впечатление абсолютной законченности исследования в данной области: <...> все факты приняты во внимание, получена истина в последней инстанции <...>». Письмо было подписано 23 мая 1965 года и к защите уже не поспело. Сейчас оно опубликовано на с. 189—191 сборника: Проблемы типологии и общей лингвистики. Международная конференция, посвящённая 100-летию со дня рождения проф. А. А. Холодовича: Материалы. — СПб.: Нестор-История, 2006. — 196 с.

Возвращаемся, однако, к стенограмме.

И. А. Хренов. Прежде чем приступить к заслушиванию выступлений официальных оппонентов по диссертации, я хотел бы сделать некоторое разъяснение Учёному совету.

На имя Председателя Учёного совета Института славяноведения 31 марта с. г. поступило письмо, подписанное кандидатом филологических наук Ю. Д. Апресяном, доктором филологических наук П. С. Кузнецовым, доктором физико-математических наук В. А. Успенским и членом-корреспондентом АН СССР Р. И. Аванесовым. В этом письме сказано: «Мы считаем, что представленная на соискание учёной степени кандидата филологических наук диссертация А. А. Зализняка превышает требования, предъявляемые к кандидатским диссертациям. Поэтому на основании п. 24 Инструкции о порядке присуждения учёных степеней и званий, мы просим рассматривать настоящую защиту не только как кандидатскую, но и как докторскую с тем, чтобы были решены два вопроса: о присуждении учёной степени кандидата филологических наук и о представлении к учёной степени доктора филологических наук». После получения этого письма мною, согласно п. 24 Инструкции, о которой было сказано, был назначен дополнительный оппонент по диссертации, член-корреспондент АН СССР Р. И. Аванесов, который дал положительный отзыв и также высказался за присуждение А. А. Зализняку степени доктора филологических наук. Кроме того, дирекцией института была направлена просьба в ВАК, чтобы на сегодняшнее заседание Учёного совета был включён ряд специалистов при рассмотрении диссертации тов. Зализняка. Мы просили включить на сегодняшнее заседание Учёного совета

следующих товарищей: проф. Ахманову О. С., доктора физико-математических наук Добрушина Р. Л., доктора филологических наук Ревзина И. И., доктора филологических наук Реформатского А. А. и доктора филологических наук Шаумяна С. К. На это письмо мы получили следующее разъяснение: «ВАК разрешает на время защиты диссертации тов. А. А. Зализняком <...>» (зачитывает письмо ВАК, подписанное председателем ВАК тов. Елютиным). Таким образом, следуя Инструкции о порядке защиты диссертаций и исходя из тех мер, которые были проведены дирекцией и мною как председателем Учёного совета, мы сегодняшнюю защиту диссертации тов. Зализняка должны рассматривать и как диссертацию на соискание степени кандидата филологических наук и как диссертацию на степень доктора филологических наук. Конечно, результаты того и другого покажет тайное голосование членов Учёного совета. Каждому члену Учёного совета для голосования будет дано два бюллетеня: бюллетень по поводу голосования на степень кандидата филологических наук и бюллетень по поводу голосования на степень доктора филологических наук, причём оба бюллетеня надо заполнить.

После этого сделанного председателем Учёного совета разъяснения была избрана счётная комиссия, а затем последовательно выступили четыре официальных оппонента: П. С. Кузнецов, В. А. Успенский (т. е. я), Р. И. Аванесов, Ю. Д. Апресян.

Р. И. Аванесов, в частности, сказал (цитирую из записей, которые в течение защиты делала Н. Г. Рычкова): «Всегда считалась, что наша наука описательная. Теперь это уже теоретическая наука. А в математике и физике так всегда и бывает. Писал кандидатскую, а написал докторскую. Этот наш случай свидетельствует о совершенности нашей науки. Институт славяноведения может гордиться, что в его коллективе работает такой [учёный], как Зализняк».

П. С. Кузнецов, зачитав выдержки из своего отзыва, в конце объявил, что хочет сделать небольшое отступление. В этом своём отступлении он сказал (снова цитирую из записей Н. Г. Рычковой): «На третьем курсе Зализняк был мальчиком, который очень много читает, но который ещё не всё переварил. А когда приехал из Франции — всё понимает самостоятельно. А сегодня даже не знаю, с кем его сравнить из молодых кандидатов и докторов. Не в ущерб другим, а в плюс ему».

Ю. Д. Апресян отметил, что решения, найденные А. А. Зализняком, отличаются не только глубиной и оригинальностью, но и лингвистической содержательностью.

Мой отзыв опубликован в настоящем издании, в кн. 3 «Языкознание», на с. 129—139.

Диссертант отвечал всем официальным оппонентам сразу. Неофициальных оппонентов оказался всего один — Самуил Борисович Бернштейн, заведующий тем сектором славянского языкознания Института славяноведения, в который пришёл А. А. Зализняк, когда поступил на работу в Институт, и откуда он перешёл в сектор структурной типологии славянских языков, когда таковой был создан. Бернштейн провёл лестное сравнение данной защиты с магистерской защитой Шахматова в Московском университете в 1894 году; тогда он сразу получил степень доктора русского языка и словесности. Бернштейн оценил также очень серьёзные научные исследования в различных областях — прямой контраст с вряд ли известным Бернштейну знаменитым высказыванием Будагова об отсутствии у Зализняка лингвистического лица, неоднократно нами цитировавшимся. (Фрагмент стенограммы, содержащий выступление С. Б. Бернштейна и мой комментарий к нему, опубликованы на с. 139—141 кн. 3 «Языкознание» настоящего издания.)

Других неофициальных оппонентов, кроме Бернштейна, не оказалось, и после его выступления последовало заключительное слово диссертанта. Затем — по выражению председательствующего, «в порядке информации» — Шептунов демонстративно неуважительным тоном зачитал письмо отсутствовавшего на защите Михаила Николаевича Тихомирова, историка и единственного академика в составе Института славяноведения и тем более в составе его Учёного совета²². В письме выражался протест против проведения данной защиты в данном совете. Мотивировка же была примерно такая: если кандидатская диссертация Зализняка и впрямь настолько выдающаяся, что может претендовать на докторскую степень, то естественным местом для её защиты является совет компетентного языковедческого учреждения: Института языкознания АН СССР, Института русского языка АН СССР или филологического факультета МГУ — а отнюдь не совет Института славяноведения, большинство в коем составляют не языковеды, а литературоведы, историки и экономисты. В записках Н. Г. Рычковой, кратко фиксировавшей ход защиты, приведена такая фраза из письма Тихомирова: «Решительно отказываюсь голосовать, поскольку не специалист». Аргументы Тихомирова, честно говоря, были справедливы. Однако, как уже говорилось, в те годы столь революционная диссертация в любом из языковедческих советов вне всяких сомнений была бы — в качестве докторской — провалена.

²² 2 сентября 1965 года М. Н. Тихомиров скончался.

Необходимо подчеркнуть, что и работа над диссертацией, и последующая тринадцатилетняя работа над созданием знаменитого «Грамматического словаря», в котором, во-первых, классификация именных лексем распространялась на лексемы глагольные, а во-вторых, применялась к колоссальному массиву русских лексем, — всё это осуществлялось Зализняком по его собственной инициативе и не было вписано в академические планы. Реакция языковедческого начальства на тот если не переворот, то поворот в русистике, произведённый этой деятельностью Зализняка, была, как сказали бы теперь, весьма неоднозначной. Зализняк отмечает это в процитированном выше первом абзаце предисловия к 4-му изданию «Грамматического словаря».

После оглашения письма Тихомирова был объявлен перерыв для голосования. Ниже приводится фрагмент стенограммы, относящийся к оглашению результатов голосования председателем счётной комиссии. Таковым был Сергей Александрович Никитин, специалист по истории южных славян, заведующий сектором истории зарубежных славянских народов периода феодализма и капитализма Института славяноведения АН СССР. Направления его деятельности приводятся специально для того, чтобы читатель мог оценить, кому предстояло оценить диссертацию Зализняка.

С. А. Никитин. (Оглашает протокол счётной комиссии по результатам голосования за присуждение А. А. Зализняку учёной степени кандидата филологических наук.)

Всего членов Учёного совета — 31 человек. Присутствовало на заседании 23 человека. В голосовании приняли участие 23 человека. При вскрытии урны обнаружено 23 бюллетеня. За присуждение Зализняку А. А. учёной степени кандидата филологических наук подано 22 голоса, против — 1. Недействительных нет.

(Аплодисменты.)

(Оглашает протокол счётной комиссии по результатам голосования за присуждение А. А. Зализняку учёной степени доктора филологических наук.)

Всего членов Учёного совета — 31 человек. Присутствовало на заседании 23 человека. В голосовании приняли участие 23 человека. При вскрытии урны обнаружено 22 бюллетеня. Признаны недействительными 2 бюллетеня. За присуждение Зализняку А. А. учёной степени доктора филологических наук подано 17 голосов, против — 3.

(Аплодисменты.)

Казалось бы, эпопея успешно завершилась и можно почтить на лаврах. Но это примитивный взгляд наивного наблюдателя. Человек, разбирающийся в процедуре присуждения учёных степеней, понимает, что эпопея завершится тогда, когда соискатель получит на руки диплом ВАКа. Так что теперь эпопея не заканчивалась, а начинался её следующий этап. Прежде всего, надо было собрать и правильно оформить все документы, необходимые для представления в ВАК. Далее, надо было проследить, чтобы эти документы были ВАКом приняты, потому что были широко известны пугающие случаи, когда документы отвергались в приёмном окне, если приёмщик или приёмщица, находясь в плохом настроении, придиралась к какому-нибудь отклонению от стандарта. Затем начиналась внутренняя канцелярская работа ВАКа, состоящая в подготовке «дела» к заседанию Экспертной комиссии²³ по соответствующей специальности, в данном случае по языкознанию. Экспертная комиссия была единственным звеном, где диссертация рассматривалась по существу. Из Экспертной комиссии диссертация, как правило, посылалась на дополнительный отзыв. В редких случаях положительного решения без дополнительного отзыва она передавалась сразу на Пленум ВАКа, который, за редчайшими исключениями, утверждал положительное решение Экспертной комиссии и постановлял выдать диплом доктора наук. (Кандидатские диссертации доходили до Пленума только в отдельных проблемных случаях.)

Нужно было, чтобы вопреки традициям всё произошло очень быстро, пока не опомнились многочисленные доктора филологии, разделяющие недоумение Тимофея Ломтева (см. выше): «А что, до Зализняка не знали как склонять русские существительные?». Опомнившись, они могли навредить делу, во всяком случае, значительно его затянуть. Ближайший Пленум ВАКа был назначен на 19 июня, а следующий был глубокой осенью. Меж тем начиналось лето, и здравый смысл, и опыт единодушно предвещали слабую вероятность того, что летом канцеляристы Института славяноведения захотят утруждать себя оформлением необходимых бумаг; и дай Бог процесс их оформления начнётся осенью. К тому же, защита произошла в среду, что оставляло мало дней для манёвров в течение той же недели.

Если банкет и был, то оппонентов на него не звали, что, на мой взгляд, правильно. Сразу после защиты с большим букетом цветов я отправился на дом к Лоре Филипповой и вручил его ей как инициатору

²³ Сейчас эти экспертные комиссии именуется экспертными советами. Мне не удалось установить, когда произошло переименование.

докторизации Зализняка. Это была высшая награда с моей стороны. Следующей по рангу наградой был автореферат Зализняка с его автографом, и потом уже автореферат без автографа. Автореферат с автографом был мною вручён, в частности, Наташе Светловой. Когда она, после насильственной высылки своего мужа, А. И. Солженицына, эмигрировала вместе с детьми и архивом, она озаботилась тем, чтобы вернуть мне этот автореферат. Я был впечатлён: можно представить, сколько у неё было предотъездных дел.

Среди бумаг, идущих из Института в ВАК, особое место занимала стенограмма. В отношении остальных бумаг я мог рассчитывать на помощь коллег Зализняка по Институту. Стенограмма составлялась стенографисткой. На каждой защите тогда непременно присутствовала стенографистка. Помню своё удивление, когда на какой-то защите на мехмате, я обнаружил отсутствие стенографистки; вместо неё на столе стояла чёрная коробочка, оказавшаяся диктофоном. Во время защиты я познакомился со стенографисткой и взял у неё её домашний адрес. Мне дважды повезло: она жила недалёко от меня, в районе будущей Планетной улицы, и оказалась довольно симпатичной. Помню, как с маленьким сыном раза два я её посещал. Короче, удовлетворительная стенограмма была готова в рекордно короткие сроки. Одновременно были готовы и все сопутствующие документы и проставлены должны подписи. Тут свою роль сыграло и то, что Зализняк пользовался симпатией со стороны технических сотрудников, а точнее сотрудников Института. Все они стремились помочь.

Не помню, кто отнёс папку с документами, так называемое «Дело», в ВАК, но там все документы были приняты без проблем.

Далее путь любого принятого «Дела» был таков. Как это описано в кафковском «Замке», «Дело» поступало к некоторому секретарю. От Кафки ситуация отличалась в двух отношениях. Во-первых, в ВАКе секретари обладали меньшей надменностью и назывались инспекторами. Во-вторых, если у Кафки каждый секретарь хотел получить поступающее «Дело», то инспекторы ВАКа отнюдь этого не хотели, но не могли избежать, потому что каждое «Дело» поступало к тому инспектору, коему оно было назначено. Кем назначено — не знаю. Почему не хотели, скоро будет ясно. Мне удалось найти того инспектора, к которому попало «Дело» Зализняка и вступить с ним в неформальные отношения. В момент нашего знакомства он с ненавистью оформлял «Дело» докторской диссертации по геологии. Оформление заключалось в заполнении некоторой стандартной анкеты, прилагаемой к «Делу» и вместе с «Делом» поступающей в Экспертную комиссию.

Ненависть была совершенно естественна: имеющихся в «Деле» сведений было не достаточно, чтобы ответить на все вопросы анкеты. Почему не затребовать эти сведения от диссертационного совета, прописав соответствующие требования в Инструкции ВАКа — этого я понять не мог. Я предложил инспектору свою помощь. Он настолько обрадовался, что отдал мне «Дело», над которым он работал и которое включало самоё диссертацию, на дом, рискуя тем, что я всё это потеряю. На следующий день я принёс ему черновик заполненной анкеты, от которого он пришёл в восторг и тут же отдал на перепечатку (или он печатал сам?). После этого получить от него и оформить «Дело» Зализняка уже не составляло проблем. Я не отошёл от него, пока «Дело» Зализняка не было полностью готово для передачи в Экспертную комиссию и пока не получил заверения, что оно поступит на ближайшее же заседание этого совета.

Заседание Экспертной комиссии предстояло очень скоро, может быть, на следующий день. Наступал один из самых трудных и, во всяком случае, самый тонкий момент эпопеи. Как уже указывалось выше, Экспертная комиссия, как правило, посылала диссертацию на дополнительный отзыв. Вот, в качестве примера, выписка из типичного протокола заседания Экспертной комиссии от того же числа, когда рассматривалось «Дело Зализняка»:

СЛУШАЛИ:

Дело № 88628 о присуждении учёной степени доктора филологических наук Ильенко С. Г. на основании защиты диссертации на тему: «Вопросы теории сложноподчинённого предложения в современном русском языке» в совете ЛГУ 26 ноября 1964 г.

Докладывает ст. научн. сотр. Чешко Е. В.

ПОСТАНОВИЛИ:

Послать на дополнительный отзыв Н. Ю. Шведовой (Институт русского языка АН СССР).

Обращаем внимание читателя, на дату защиты диссертация Ильенко. Только в начале июня следующего года она добралась до Экспертной комиссии. И это отнюдь не исключение. Напротив, срок очень типичный.

В совершенно необычном случае Зализняка дополнительный отзыв казался мне весьма вероятным и даже естественным.

Однако, если Экспертная комиссия решит послать диссертацию Зализняка на дополнительный отзыв, это может затянуть докторизацию на неопределённый срок, а то и вовсе её провалить — вспомним

казус с Вяч. Вс. Ивановым. Но как этому помешать, я не знал. Впервые в ходе обсуждаемого процесса я впал в состояние растерянности. Единственное, что я мог придумать, это в день заседания Экспертной комиссии минут за двадцать до начала встать в фойе ВАКа и пытаться что-то пробормотать членам Комиссии, идущим на своё заседание. Наверное, я располагал списком членов Комиссии, но абсолютное большинство фамилий мне ничего не говорило, тем более что Комиссия была не по языкознанию, а по филологическим наукам. Некоторые из проходящих мимо здоровались со мной: они могли знать меня по Университету, где я преподавал на ОСИПЛе, либо же помнить как оппонента на недавнем заседании Учёного совета Института славяноведения. Этим, здоровающимся, я что-то говорил жалобным голосом. Вообще, я представлял собой фигуру довольно жалкую. Но тех, которым я что-то говорил, было незначительное меньшинство. Я был в таком помрачении, что уже не помню, как и когда я узнал, что Экспертная комиссия приняла положительное решение, не посылая диссертацию на дополнительный отзыв.

Ниже приводится решение Экспертной комиссии:

СЛУШАЛИ:

Дело № 210594 о присуждении учёной степени доктора филологических наук Зализняку А. А. на основании защиты диссертации на тему: «Классификация и синтез именных парадигм современного русского языка» в совете Института славяноведения 26 мая 1965 г.

Докладывает проф. Колшанский Г. В.

ПОСТАНОВИЛИ:

Диссертация представляет собой попытку на новых принципах построить полную классификацию именных парадигм русского языка. Диссертант исследовал весь состав имён русского языка и дал оригинальную и точную формулировку правил склонения в русском языке. По широте классификации это первый труд в русском языкознании. Автор достиг очень значительных и во многих отношениях новых результатов.

Кроме теоретического значения, труд Зализняка имеет существенное практическое значение — для обучения русскому языку иностранцев, составление словарей, решения вопросов правописания и решения задач прикладного языкознания (информация, перевод и др.).

В диссертации используются плодотворно достижения русистики и удачно объединяются методы традиционные и структурные.

Это труд высокого научного уровня.

Экспертная комиссия рекомендует согласиться с решением Учёного совета института.

Лучше не скажешь. Я расслабился и решил, что дело сделано. А зря. Дело будет сделано, когда я увижу ВАКовский диплом. Я не понимал, что может случиться, но всё же допускал возможность чего-то, что я не мог предвидеть. И это «что-то» произошло. Впрочем, я обязан был это предвидеть.

В какой-то из немногих дней между Экспертной комиссией и Пленумом ВАКа в Сибирском отделении АН СССР была назначена защита диссертации Алексеем Всеволодовичем Гладким, на коей мне предстояло выступить в роли официального оппонента. Это была первая в нашей стране докторская диссертация, которая может быть охарактеризована как диссертация по математической лингвистике как части математики. (Через тридцать пять лет, 6 октября 2000 года, Мати Рейнович Пентус защитил на мехмате МГУ вторую и последнюю на сегодняшний день докторскую диссертацию с той же характеристикой.) Мне надо было лететь в Новосибирск. Светлана и шестилетний Володя вызвались меня провожать в аэропорту Домодедово. В начале Варшавского шоссе Володе стало дурно от тряски на автомобиле и загазованной атмосферы. Он и его мама вышли, и это было к лучшему, потому что Светлане, и так весьма неодобрительно воспринимавшей моё участие во второй эпопее, особенно не понравилось бы то, что произошло далее. Она считала, что эпопея благополучно завершилась и она может о ней забыть.

А произошло вот что. Кажется, мы уже выехали за пределы Москвы. И тут мы были обогнаны другим автомобилем, давшим нам знак остановиться. Во втором автомобиле находилось Доверенное Лицо, уполномоченное присматривать в Москве за ходом дела. Оно сообщила мне ошеломляющую новость. Аппарат Пленума ВАКа вернул «Дело» Зализняка в Экспертную комиссию. Проблема заключалась в том, что Экспертная комиссия в своём заключении использовала стандартную формулировку: она рекомендовала согласиться с решением Учёного совета. Но ведь в данном конкретном и необычном случае решений Учёного совета было два: отдельно по кандидатской и по докторской степени. С чем соглашаться? Всё это выяснялось постепенно, в самолёт я сел, ещё не имея полной информации. Полностью картина стала мне ясной из телеграмм, полу-

ченных в Новосибирске. Но это меня встряхнуло, расслабленность кончилась, и был приведён в действие план «Б», разработанный на случай непредвиденных обстоятельств.

Ещё в апреле я, с целью завести знакомство, пригласил в ресторан учёного секретаря Экспертной комиссии. В дальнейшем он будет именоваться Секретарём. Наверное, он имел учёную степень кандидата филологических наук, но учёным не был, а был чиновником. Основная трудность в общении с ним состояла в том, что он жил в Подмосковье без телефона. Но его подмосковный адрес я узнал. Теперь этот адрес пригодился. Я позвонил из Новосибирска Доверенному Лицу в Москве и просил его съездить к Секретарю в его подмосковный дом, объяснить ситуацию и просить помочь. Он помог, специально для этого приехав в Москву. Его помощь была бесценна. Материалы экспертных комиссий, требующие утверждения Пленумом, тиражировались для раздачи членам Пленума. Секретарь успел в последний момент: уже была готова форма, так называемая *восковка*, для тиражирования постановления Экспертной комиссии. Впоследствии я видел эту восковку. Секретарь сумел в уже готовой восковке приписать в конце: «о присуждении А. А. Зализняку учёной степени доктора филологических наук».

Решением Пленума Высшей аттестационной комиссии от 19 июня 1965 года Андрею Анатольевичу Зализняку была присуждена учёная степень доктора филологических наук.

Примечания

1 [к с. 999]. Ходили слухи, что Зализняк не подписывает никаких протестных писем. Это неверно. По инициативе Мельчука, сам Мельчук, Владимир Дыбо²⁴ и Зализняк подписали письмо Министру высшего образования СССР В. П. Елютину против отстранения от должности преподавателя филологического факультета Московского университета Вяч. Вс. Иванова. Именно из-за этого письма Зализняк не кончил аспирантуру МГУ, а ушёл из неё примерно за год до её планового конца — ушёл в ситуации начавшегося парткомовского гонения.

Дата официальной реакции на позицию Вячеслава Всеволодовича в оценке текста Б. Л. Пастернака — 4 декабря 1958 года. В этот день комиссия Учёного совета филологического факультета МГУ вынесла соответствующее решение.

²⁴ Владимир Дыбо — аспирант Института славяноведения, жил в общежитии аспирантов этого института в подмосковном посёлке Никольское.

СССР
МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
Московский ордена Ленина и ордена Трудового красного знамени
Государственный университет имени М. В. Ломоносова
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

№ 29/60

28 апреля 1960 года.

РЕШЕНИЕ

комиссии Учёного совета филологического факультета МГУ
от 4 декабря 1958 года

В общественные организации факультета в ноябре 1958 года поступили сигналы об антипатриотическом поведении доцента кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания Вячеслава Всеволодовича Иванова. Для проверки этих сигналов президиум Учёного совета факультета назначил комиссию в составе профессоров Самарина Р. М., Ломтева Т. П., Ефимова А. И., доцентов Звегинцева В. А., Соколова А. Г., секретаря партбюро доцента Юшина П. Ф. и председателя профбюро доцента Бабенко И. И.

Комиссия, ознакомившись с материалами, вызвала на своё расширенное заседание Вяч. Вс. Иванова и заслушала его объяснение.

В своих объяснениях Вяч. Вс. Иванов заявил о несогласии с оценкой советской и партийной общественностью антисоветского романа Б. Пастернака «Доктор Живаго».

Кроме того комиссия на этом заседании пыталась выяснить характер отношений Вяч. Вс. Иванова с изменником Родины, невозвращенцем, ныне гражданином США Р. О. Якобсоном. На заседании комиссии Вяч. Вс. Иванов отрицал какие-либо личные связи и неофициальные встречи с Якобсоном. Однако впоследствии, спустя несколько дней, в беседе с секретарём партбюро П. Ф. Юшиным он вынужден был признать, что играл роль посредника в организации частной встречи Якобсона с Пастернаком на даче последнего. Кроме того, в той же беседе Вяч. Вс. Иванов сообщил и о другой частной встрече с Якобсоном в Москве.

Комиссия ознакомилась также с выступлением Вяч. Вс. Иванова на международном лингвистическом конгрессе в Осло, на Международном Славянском конгрессе в Москве и его статьёй, напечатанной в № 5 журнала «Вопросы языкознания» за 1958 год. Из этих материалов видно, что Вяч. Вс. Иванов всячески поддерживает и популяризирует работы Р. Якобсона как в своих выступлениях на международных съездах, так и в советской прессе.

Такой характер личных связей и апологетическое отношение к идеям, концепциям и личности врага марксизма Якобсона несовместимы с достоинством советского учёного-патриота.

Идейно-моральная неустойчивость Вяч. Вс. Иванова проявлялась и ранее (в публичной защите идейных ошибок профессора С. М. Бонди, отмеченных в решении МГК КПСС в 1957 году).

Комиссия считает также необходимым подчеркнуть, что за годы пребывания Вяч. Вс. Иванова на факультете он не проявил себя активным общественником и борцом за внедрение марксизма-ленинизма в языкознание.

Таким образом, на основании длительной и подробной беседы с Вяч. Вс. Ивановым и всестороннего обсуждения указанных выше фактов комиссия пришла к единодушному заключению, которое она выносит на рассмотрение и утверждение Учёного совета.

1. Вячеслав Всеволодович Иванов своими антипатриотическими поступками в отношениях с Б. Пастернаком и Р. Якобсоном обнаружил отсутствие элементарной идейной устойчивости, необходимой для советского учёного и преподавателя — воспитателя советских студентов.

2. В длительной товарищеской беседе в комиссии Вяч. Вс. Иванов не проявил никакого стремления осознать допущенные им ошибки и, как обнаружилось позднее, проявил неискренность, скрыв ряд существенных фактов, касающихся его встреч с Якобсоном.

3. Освободить Вячеслава Всеволодовича Иванова по изложенным выше мотивам от должности преподавателя филологического факультета Московского университета.

Решение комиссии было принято Учёным советом единогласно.

В результате тайного голосования за оставление Вяч. Иванова в должности доцента был подан 1 голос, против 17 бюллетеней, недействительных бюллетеней — 2.

Секретарь Учёного совета

(А. Д. Калинин)

2 [к с. 1001]. Мы гуляли по лесным дорогам и тропинкам. Оказалось, что всё это время мы находились под пристальным наблюдением прятавшихся за деревьями и нами не замеченных мужиков окрестных деревень. Они находились в лесу, чтобы скосить растущую там между деревьев, а также на полянках траву. Делать это было строжайше запрещено, поскольку трава принадлежала государству. То, что никто её не косил и она вся сгнивала, властей не волновало. Главное, было

уберечь её от «хищения социалистической собственности». Мужики были убеждены, что мы представители власти, приехавшие из районного, а то и областного центра, дабы поймать их в момент совершения ими преступления. Иначе цель наших передвижений объяснить они не могли.

В конце прогулки, когда мы уже приближались к нашей деревне, мы наткнулись на странную картину. На лесной поляне на корточках или пнях сидели крестьяне. Они сидели по окружности спинами друг к другу. Перед каждым или каждой был небольшой костёр, на котором что-то варилось и булькало. В большинстве своём они были мне знакомы, я поздоровался. Как выяснилось, допустив этим чудовищную бестактность. Я должен был пройти мимо, сделав вид, что их не заметил. Они сидели спинами, чтобы никто никого не видел и, тем самым, не мог выдать на возможном допросе. Дело в том, что они гнали самогон, что числилось уголовным преступлением.

❏ [к с. 1006]. Вряд ли кто сейчас помнит студенческие строки Добрушина, сказанные им при взгляде на стены Университета на Моховой:

Стены коричневые, воздух весенен
Чёрт побери тебя, предок Есенин.

Добрушин был человек красивый (на мой взгляд), очень умный (один из самых умных, кого я встречал), бесстрашный и граждански активный. Получая паспорт, он мог записаться русским, но записался евреем, чтобы не уклоняться от связанных с этим последующих трудностей. Вот его собственные слова, сказанные в интервью Е. Б. Дынкину (<http://iitp.ru/ru/about/434.htm>): «Это был сорок пятый год, и я тогда уже хорошо понимал, что значит быть евреем. Поэтому и записался».

Добрушину принадлежат несколько умных и новых для меня идей. Из них мне запомнились две. Первая: *не следует приносить жертвы, от этого всем только хуже, и жертвователю и жертвополучателю*. Вторая идея проясняет роль денег в СССР. Как известно, деньги в Советском государстве не имели такой универсальной функции, как на Западе. Например, были лекарства, которые нельзя было купить ни за какие деньги. Однако некоторые из них можно было достать, получив подпись высокого чиновника Министерства здравоохранения, а то и Министра. Для отдельных лекарств требовалась подпись Председателя Совета Министров СССР. Таким образом, *функция денег как всеобщей меры стоимости переносилась в СССР с денежных знаков на время ответ-*

ственного работника — точнее, на продолжительность отрезка времени, помноженную на уровень ответственности.

Что до гражданской активности, то прежде всего вспоминается его яркое выступление в конце октября или начале ноября 1956 года во Дворце культуры МГУ на собрании комсомольского актива мехмата, призванного осудить создателей настенного «Литературного бюллетеня», свидетельствующего о свободомыслии его создателей, точнее — об их, в терминах Оруэлла, *мыслепреступлении*, так как ничего формально недозволенного в бюллетене не было. От Добрушина, как от всякого преподавателя, власти ждали осуждения, но вместо этого получили защиту. Об этом выступлении хорошо пишет Р. А. Минлос в статье «Гражданская позиция Р. Л. Добрушина» (<http://iitp.ru/ru/about/424.htm>). Острота реакции начальства на «Бюллетень» во многом объяснялась тем, что его появление совпало по времени с так называемыми «Венгерскими событиями» (23.10—09.11.1956). Помимо выступления Добрушина, собрание запомнилось мне беспрецедентным осознанием собственной власти как органа низовой демократии. Во-первых, оно сместило назначенного начальством председателя за то, что тот вне очереди дал слово представительнице райкома КПСС, вынырнувшей из кулис, как чёртик из табакерки. Во-вторых, оно потребовало, чтобы «Бюллетень» был принесён в зал и полностью зачитан; начальники изворачивались изо всех сил; тем не менее, известный принцип, впоследствии выраженный в словах «Я Пастернака не читал, но скажу», здесь не сработал: «Бюллетень» был принесён и прочитан вслух.

Добрушин считал, что подлинная цель всевозможных писем протеста, состоит не в том, чтобы добиться выполнения указанного в письме требования, а в том, чтобы повысить в обществе уровень дозволенного. В полной мере он относил это к знаменитому «Письму девяноста девяти» от 9 марта 1968 года с протестом против незаконной принудительной госпитализации Есенина-Вольпина в психиатрическую больницу. Когда я сказал ему, что не подписал это письмо²⁵, его реакция была неожиданной: «Ну что ж, ты не поддался на нашу провокацию».

Лучшее из воспоминаний о Добрушине написала Е. В. Падучева — см. её статью «Мой Добрушин» (<http://iitp.ru/ru/about/425.htm>).

²⁵ Я не подписал это письмо как от общей нелюбви к коллективным письмам, так и от предвидения того, что впоследствии подписавших заставят отказываться от своих подписей и каяться, а я не был уверен, что устою против давления.

4 [к с. 1010]. Приведу цитату из моего оппонентского отзыва.

Для одного фрагмента классификации автору удалось показать — и это является выдающимся достижением — оптимальность предложенного им решения. Речь идёт о так называемом «условном ударении», которое по произволу может быть приписано основе или окончанию в том случае, когда один из этих компонентов не содержит гласной. Автор сперва показывает, что выбор именно условного ударения в качестве основы описания приводит к меньшему числу акцентуационных схем, чем другие решения. Затем автор задаётся вопросом о том, как именно — чтобы получить наименьшее число схем — надо расставлять условные ударения в тех случаях, когда такая расстановка произвольна. Этот вопрос, как показывается в диссертации (на с. 133), сводится к следующей чисто математической задаче комбинаторного характера. Имеется матрица из m строк и n столбцов. На каждом пересечении строки и столбца стоит один из трёх знаков: «+», «-» или «0». Нужно заменить каждый из имеющихся в матрице нулей плюсом или минусом так, чтобы в полученной матрице без нулей число разных строк было минимальным. Эту задачу автор самостоятельно ставит, остроумно решает и получает теорему о наилучшем способе расстановки условных ударений в русском языке. Подобная ситуация появляется в науке впервые. Мы имеем здесь доказанную теорему не о модели языка (которая сама есть идеализированная математическая конструкция, лишь приближённо отражающая реальный язык), а о реальном русском языке. Автора можно поздравить с блестящим результатом такого жанра, который не встречался до сих пор в науке.

Напомним, что *парадигмой* данного слова называется совокупность всех его словоформ. Каждому слову соответствует определённое распределение ударений по его парадигме; это распределение называется *схемой ударения* рассматриваемого слова. Схем ударения много. Желательно найти способ описать их наиболее экономно. Вот Зализняк с помощью своих теорем и устанавливает, что способ, который он предлагает, является наиболее экономным. Предложенный Зализняком способ основан на введённом им новом понятии — понятии *условного ударения*. Поясним на примере. Во всех косвенных падежах слова *стол* ударение стоит на окончании; в именительном падеже окончания вроде бы нет, а слово односложно, поэтому спрашивать, где здесь ударение, бессмысленно. Но можно считать, что и в именительном падеже слова *стол* имеется окончание, только мы его не

видим, и именно на нём стоит условное ударение. В других же падежах условное ударение совпадает с действительным. А тогда можно сказать, что ударение (условное!) во всех падежах слова *стол* стоит на окончании. Это явно короче, чем говорить, что в одних падежах действует одно правило, а в других — другое.

5 [к с. 1029]. Как ни странно, квартира в Доме Моссельпрома была не первой квартирой, где жил Виноградов и где я бывал. Предыдущей его квартирой было не известное мне количество комнат в коммунальной квартире в Большом Афанасьевском переулке, напротив перпендикулярного к нему Малого Афанасьевского. Самого Виноградова я там видел только мельком в коридоре. А бывал я в этой квартире вместе с родителями, поскольку в ней жила приятельствующая с ними пара: Борис Васильевич Гольд (1905—1974) и Анна Иосифовна Кальманок (1908—1988). Первый был учёный в области автомобилестроения, и от него я слышал такой поучительный рассказ об академике Евгении Алексеевиче Чудакове, одном из руководителей советского автомобилестроения²⁶. Как-то вскоре после смерти последнего, случившейся в 1953 году, рано утром Гольд зашёл в кабинет Чудакова и встретил там старую уборщицу, которая ему сказала: «Вот Евгений Алексеич — они были настоящий барин. Каждое утро со мной за ручку здоровкались». Вторая была известна как популярная детская писательница Нелли Кальма.

Приложение.

Где похоронен великий лингвист Андрей Зализняк?

Андрей Анатольевич Зализняк скоропостижно скончался 24 декабря 2017 года около трёх часов дня у себя дома в Москве. Он был последним из российских исследователей, заслуживших сочетание своей профессии в науке со словом «великий». Сейчас таких не осталось никого.

У нас нет сейчас ни великих математиков, ни великих физиков, ни великих биологов, ни великих экономистов — никого. «Мы жили в эпоху Зализняка, мы имели счастье быть его современниками, сейчас это отчётливо осознаётся», — сказал академик В. А. Плунгян.

²⁶ А в области железнодорожного транспорта работал академик Владимир Николаевич Образцов, отец кукольника. Он руководил проектированием и функционированием железнодорожных узлов и станций. Когда и Чудаков, и Образцов состояли в Президиуме АН СССР, этот Президиум именовали образцово-чудаковатым.

Точно так же при жизни Колмогорова те математики нашей страны, кто не был отравлен ни тщеславием, ни идеологическим безумием, осознавали, что живут в эпоху Колмогорова.

28 декабря Зализняк был похоронен на Троекуровском кладбище Москвы. Для него самого вопрос о месте своего захоронения был мелким и даже мелочным, я это знаю. Но для общества и государства этот вопрос есть вопрос признания. В данном случае признание величия Зализняка состояло бы в наличии его могилы на Новодевичьем кладбище, выполняющем функцию если не национального, то столичного пантеона (с невероятной пестротой погребённых лиц, доходящей иногда до неприятия, но с неизбежностью вытекающей из понятия «пантеон»).

Разрешение на захоронение на Новодевичьем кладбище выдаёт мэрия Москвы, а именно лично мэр Сергей Семёнович Собянин. Он и отказал в таковом. Ответственность с ним разделяет президент Академии наук Александр Михайлович Сергеев, который обязан был разрешения добиться. Г-да Собянин и Сергеев объединяются в этом абзаце как верховные руководители: первый — территории, на которой проживал Зализняк, второй — ведомства, в котором Зализняк работал.

В подобных «мелких» деталях и высвечивается подлинное отношение нашего государства к науке.

Table talks в Forest Falls

Про царя и айсорку Анну Бадаловну. — Про иностранный язык. — Парадоксы карьеры.

► По наивности мне казалось, что если текст опубликован в выложенном в Интернете журнале, имеющем Международный стандартный серийный номер (*International Standard Serial Number — ISSN*), и появляется при открытии в Интернете этого журнала, то это на века. Суровая действительность опровергла мои представления. Русскоязычный журнал *Terra Nova* выпускался в Калифорнии группой энтузиастов и был зарегистрирован системой ISSN под международным номером 1557-6752. В числе энтузиастов были и мои приятели Евгений Боданский и не имевшая других занятий его жена Ксана. Они поручили своему зятю Андрею Архипову записать на диктофон мои рассказы, слышанные ими в Калифорнии, в их доме в горном селении *Forest Falls*, где я пользовался их великодушным страннопримством. Архипов исполнил поручение в Москве в сентябре 2005 года. В 2006 году «Застольные рассказы» появились на с. 24—27 майского номера журнала *Terra Nova* (№ 5/11) и, соответственно, в Интернете. Однако в 2016 году журнал в Интернете отсутствовал, а номер 1557-6752 оказался у другого журнала, что мне кажется полным безобразием. Но это дало мне повод сменить название статьи. ◀

Про царя и айсорку Анну Бадаловну

► В старые добрые времена Москва была полна киосков. Потом относительно тех из них, в которых торговали пищевыми продуктами, вдруг обнаружили, что в них не соблюдаются санитарные нормы; скорее всего, нормы, по крайней мере, в большинстве продуктовых киосков, действительно не соблюдались. И их закрыли. А заодно закрыли и все остальные киоски. Внятной причины для закрытия

Опубликовано в журнале: *Terra Nova*. — 2006. — № 5/11. — С. 24—27.

остальных названо не было; вроде бы считалось, что они нарушают приличествующее первопрестольной благолепие. Полагаю, что истинной причиной было то, что киоски своей доступностью составляли конкуренцию магазинам, крышуемым городскими властями. Именно в таких киосках, а то и просто со столов, мне удавалось купить любимые мною байковые рубашки с нагрудным карманом. Теперь такие рубашки мне не попадают. Как бы то ни было, когда в конце октября 2010 года на пост мэра Москвы вступил Собянин, чуть ли не первым его деянием было изъявление неудовольствия уличными киосками. И в течение месяца их не стало.

Вот что один из бывших киоскёров, Арсен Гяго из обувной мастерской «Катрин» рассказал в мае 2015 года о сапожном деле в Москве новостному агентству «Мослента» (<http://moslenta.ru/article/2015/05/25/sapozhnik>):

Сапожники-ассирийцы работали на московских улицах почти сто лет. Теперь большую часть их палаток убрали, но продолжатели семейного дела ещё остались в старых [обувных] мастерских.

Раньше работы было очень много, поэтому отдельные мастерские стояли везде, и в каждой не один-два человека, как сейчас, а несколько, и без перерывов на чай. Сейчас если хорошая погода — клиенты идут целыми компаниями, а в плохую погоду нет никого. Но в связи с кризисом, мне кажется, снова больше будет. Уже от многих слышал: пошла в магазин, посмотрела на цены, решила — лучше в этой обуви ещё похожу.

Я в детстве у бабушки в сапожной будке торчал, обувь чистил. В будках только ассирийцы работали. Сначала даже не будки были, а уличные шкафы. В них всё хранилось: стельки, шнурки на продажу и самодельные гуталины. А человек работал на улице и в снег, и в дождь. В 1953 году мой прадед получил первую палатку в районе станции метро «Краснопресненская», которой тогда ещё не было. В 70-е появились чёрные будки. Для тепла посередине ставили обогреватели из-под троллейбусных сидений, которые специально переоборудовали под розетки. Наши бабушки, кстати, не только чистили, но и подковы прибивали — знаете, такие металлические, чтобы пятки не снашивались.

<...>

Лет 15 назад Лужков подарил городу новые палатки, для нас — бесплатно. Потом товарищ Собянин их убрал. Я пытался восстановить: думал, если мама инвалид второй группы, как-то можно. Не получилось. ◀●

Лет этак тридцать-сорок назад у южного выхода из метро «Аэропорт» имелся обувной киоск, где можно было купить шнурки, почистить обувь и прибить подмётку. Там сидела айсорка (известно, что чистильщики обуви в Москве — всегда айсоры, или, выражаясь научно — ассирийцы¹) Анна Бадаловна, помню её имя и отчество. Поскольку я у неё часто чистил обувь, у меня были с ней хорошие отношения, настолько хорошие, что однажды я занял у неё денег. Почему я занял денег — это тоже примета времени. Это было ещё при советской власти. Рядом находился молочный магазин, и там что-то такое «выбросили» (слово советского новояза, означающее внезапное появление какого-то товара, как правило, редкого). Кажется, тогда «выбросили» сыр, и его надо было немедленно купить, пока он не закончился, а денег у меня не было. Я подошёл к Анне Бадаловне и попросил срочно дать мне пять рублей взаймы. И она дала. Я просто хотел сказать, что у нас были доверительные отношения. Можно было говорить начистоту. И можно было занять денег.

И когда она в очередной раз мне чистила обувь (а чистка обуви стоила что-то около двадцати копеек в то время), мы с ней разговорились, и она вдруг высказала претензии... к царю! Она сказала: всё-таки очень нехорошо царь с нами поступил... плохой царь... плохо что-то там он сделал... не так — и всё такое... Я не особенно задумался сначала, какой царь. Ну, наверное, Николай Второй, который может быть в черту оседлости их включил или какие-нибудь ограничения ввёл... я не знаю. А потом мне пришло в голову спросить, а кто — царь? Ответ её меня совершенно потряс, почему я и рассказываю эту историю. Нет, не Николай Второй. Навуходоносор! Царь её — Навуходоносор! А нехорошо он поступил, потому что он проиграл войну Вавилону! Бог знает когда! Он должен был не то с хеттами, не то с Эламом заключить союз, а он, в общем, не то сделал, не туда пошёл... Неправильно себя повёл политически. Не с теми воевал, и поэтому они все оказались в рассеянии («нехорошо с нами поступил»). У неё претензия (!) к Навуходоносору. Это её царь. Хочется сказать: «Во бля! Вот историческая память!». Причём она говорила не для тусовки московской интеллигентской, а искренне: вот это её царь, который её подвёл, и она к нему имеет претензии... История настолько замечательная, что можно простить маленькие исторические несуразности. Навуходоносор был царём не Ассирии, а как раз Вавилонского царства, уничтожившего

¹ По данным Всероссийской переписи 2002 года в России числилось 11 084 ассирийца.

Ассирийскую империю. И вступил на престол через несколько лет после окончательного падения Ассирии. Но всё равно, возлагать ответственность на Навуходоносора — это прекрасно!

Про иностранный язык

В первые годы после войны по Москве ходили трофейные фильмы, и все их смотрели. Например, «Девушка моей мечты», чуть ли не любимый фильм Гитлера, с Маришкой Рёкк. Это были уже отстоявшиеся трофейные фильмы, которые прошли все цензуры, комитеты, Главное управление по кинематографии и прочее, и прочее. А когда наши войска наступали, то просто какие-то фильмы попадали к ним в руки, и местное военное начальство хотело их смотреть. О таком фильме и речь.

Естественно, фильм был не на русском языке. Зовут переводчика. При штабе есть переводчик. Ему говорят, что он сперва должен посмотреть фильм, чтобы потом квалифицированно перевести. Он смотрит и обнаруживает, что фильм на языке, которого он не знает. Говорит, что не знает этого языка, поэтому не может переводить. А ему — т. е. как это, ты не знаешь? Ты кто у нас? Ты по штатному расписанию «переводчик с иностранного языка». Фильм на каком языке? На иностранном. Переводи, а то сейчас пойдёшь под военный трибунал. Война, и дисциплина военная. Ну, тот начинает переводить. Языка он абсолютно не знает, но переводит, куда денешься.

Короче говоря, там по сюжету была пара какая-то, которых он объявил братом и сестрой. А когда этот «брат» потянул «сестру» в постель, то вся публика просто ахнула. Он как-то это всё «перевёл», т. е. выкрутился, и все остались очень довольны. Генерал ему сказал: ну, вот видишь, прекрасно перевёл, молодец. После чего фильм начал ходить по окрестным штабам.

И вот месяца через два из какого-то дальнего штаба приезжает на автомобиле порученец и говорит, что их генерал просит откомандировать на время этого переводчика к ним. Тут все очень удивились, говорят, у вас же есть свой переводчик, чего вы, в чём проблема-то? Порученец отвечает, что свой переводчик у них действительно есть, он даже переводил нам этот фильм — но вот один наш майор, он был временно прикомандирован к вам и на вашем просмотре присутствовал, так вот этот майор сказал, что ваш переводчик переводит гораздо интереснее. Наш переводчик не так интересно переводит. Большая просьба одолжить вашего переводчика.

Парадоксы карьеры

Как это там поётся у Высоцкого: «...и весь Савёловский вокзал». Так вот я родился и жил в этом районе: напротив Бутырской тюрьмы, между Савёловским вокзалом и теперешней станцией метро «Новослободская», которой тогда ещё не было². Короче говоря, недалеко от знаменитой Марьиной Рощи. В послевоенные годы, когда я был студентом и аспирантом МГУ, в нашей семье много лет работала домработницей Катя Колпакова. Она была взята в дом из того же села Дурное (ныне Октябрьское) Пронского района Рязанской области, откуда происходила моя няня Маша. В нашей квартире было довольно тесно, и её спальным местом служили полаты в передней, к которым была пристроена лестница. (Когда она уходила от нас, она очень трогательно прощалась с этими полатами.)

Естественно, Кате очень хотелось получить какую-нибудь жилплощадь. С этой целью она от нас и ушла. Сперва она сделалась истопником при нашем домоуправлении. Ей выделили служебную комнату, потом какую-то другую, уже более постоянную. В общем, она постепенно продвигалась по служебной лестнице и одновременно — по уровню «прописанности» в Москве. Перестав у нас работать, она тем не менее нередко к нам заходила.

На Новослободской улице, вблизи Палихи, была мебельная фабрика. Сейчас её уже снесли, на её месте стоит какой-то дом. А при мебельной фабрике была столовая, но туда можно было входить и всякому человеку с улицы. Если у столовых были разряды, то, думается, у этой столовой разряд был наипоследнейший. Стульев в этой столовой не было, это была стоячка; ели стоя на трёхлапых столах со столешницей под мрамор. Вот в эту столовую Катя устроилась уборщицей. В её функции входило мыть пол, убирать грязную посуду со столов и тряпкой, сильно смахивающей на половую, эти столы протирать. Кроме того, она отвечала за сохранность ложек. Других столовых приборов в этой столовой не было.

Это была экспозиция. Теперь рассказ. В начале Большой Дмитровки, которая тогда ещё называлась Пушкинской улицей — рядом со служебным входом в Центральный детский театр (теперь это Российский академический молодёжный театр), в подвале или полуподвале располагалось кафе «Садко», ●► сейчас, в 2016 году, там кофейня «Nadin»³. ◀● Я был уже доцентом механико-математического факуль-

² Она была открыта в 1952 году — в год окончания мною МГУ.

³ Уж не знаю, как допустили, что имя русского былинного героя поменяли на имя французской кокотки.

тета МГУ, но преподавал также и на филологическом факультете, расположенном в старом здании Университета напротив Манежа. Обычно я в рестораны и кафе не ходил, но тут что-то такое меня привело, я оказался в центре Москвы и зашёл в «Садко» поесть; пользоваться столовыми старого здания Университета я не умел.

Сел я за столик, ко мне взять заказ подходит официантка, и я с удивлением обнаруживаю, что этой официанткой является Катя. В кружевной наколочке, в крахмальном передничке — короче, одета по всей форме. «Катя, как ты поднялась по своей служебной лестнице! — говорю. — Ведь ты была полomoйкой в забегаловке 17-го разряда, а тут ты вот какая...». Но вижу, что она совершенно неадекватно реагирует на мою похвалу и говорит, что, мол, ничего хорошего во всём этом нет. Выяснилось, что та столовая закрылась на ремонт и их всех разбросали по московским предприятиям общественного питания⁴, а её — вот сюда, в «Садко». Но здесь ей гораздо хуже. Потому что, хотя она в чистой наколочке, в чистом передничке, — но здесь нет никакого навара, и просто никакого смысла нет работать. Чаевые мелкие, в общем, ерунда полная. А там...

Её работа, действительно, состояла в основном в том, чтобы протирать столы. Там, конечно, как и во всех заведениях подобного рода, висел огромный плакат: «Приносить и распивать спиртные напитки строго воспрещается». Естественно, и приносили, и распивали. Значит, первая функция была: не замечать. А вторая функция: давать стаканы. В благодарность за это ей оставляли бутылки. Пустые бутылки, если кто помнит, хотя формально принимались в специализированных магазинах или специальных ларьках, но на практике сдать их было иной раз и невозможно: то затаривание, то переучёт, то ещё что... (Указанные сложности сохранились и в постсоветский период, что отражено в последних минутах кинофильма «Президент и его внучка», выпущенного кинокомпанией «Киноmost» в 1999 году: Президент России пытается сдать бутылки.) В общем, сдать было очень трудно. Бутылка стоила двенадцать копеек. Она сдавала по десять. Но, конечно, без всякой очереди, без всякого счёта. Она приходила с заднего входа, сдавала сразу несколько десятков бутылок, говорила: «Зин, я тебе принесла девяносто пять бутылок» и получала деньги — по десять копеек, а не по двенадцать, но зато без всяких проблем. И на полном доверии. Бутылки никто не пересчитывал. Очень важно, что всё основывалось на полном взаимном доверии. Вот это и был её главный доход.

⁴ Моё посещение кафе «Садко» происходило в советское время.

Но... и на Солнце есть пятна. Должна же быть какая-то неприятность. А неприятность состояла в том, что воровали ложки. Виллок там не было, ножей не было тем более. Были алюминиевые ложки, которые гнулись в руках. Но, тем не менее, их воровали. А ей за них расплачиваться, так как за ложки отвечала она, поэтому украденные ложки — это её убыток.

Откуда же брать ложки? Примерно раз в месяц, а иногда и в два месяца приходил ложечник. Он приносил с собой небольшой чемодан ложек. Ложки эти были украдены с того завода, где их производили. Правило было такое: можешь отказаться, сказать, нет, мне сегодня не нужно. И ложечник спокойно уходил, без проблем и без обиды. Но если берёшь — то весь чемодан. Поштучно он не продавал, а вот так: или берёшь весь чемодан ложек, или не берёшь. Не берёшь — он уходит и придёт снова через месяц-другой. Чемодан ложек! Чемодан ложек стоит денег. У Кати таких денег, как правило, нет. Но они всегда есть в кассе, у кассирши. Кассирша безотказно деньги даст. Но под умеренные проценты.

И так всё это крутилось к полному взаимному удовольствию и на полной взаимной честности. Все были довольны! Все действующие лица: и Катя, и ложечник, и кассирша.

А нравы в окрестностях Марьиной Рощи были очень простые. Помню рассказ Кати, совершенно замечательный. Она это очень эпически рассказывала: «Ну, он её... задушил, значит, шарфиком... А как пошёл к Савёловскому вокзалу продавать этот шарфик, вот тут-то его и повязали».

Из рассказанного М. В. Ардову

Из статьи «Довески» и книги «Исподтишка меняются портреты»

В начале восьмидесятых мы сблизились с Владимиром Андреевичем Успенским. Это самый умный, разносторонне образованный человек из всех, кого я знаю. По счастью, он и живёт неподалёку от меня, и мы с ним общаемся почти всякий день. В. А. — доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой в Московском университете. Он автор не только множества научных работ, но и замечательного двухтомника — «Труды по нематематике» (М.: ОГИ, 2002).

Я хочу привести здесь некоторые суждения и рассказы моего друга.

— Юрий Михайлович Лотман на одной из своих лекций в Тартуском университете, которую мне посчастливилось слышать, говорил об Отечественной войне 1812 года: «Вторгшись в пределы России, Наполеон собирался занять русский трон или посадить на него кого-нибудь из своих родственников. При этом он рассчитывал на поддержку крестьян, которых он обещал освободить от крепостной зависимости. Однако желаемой поддержки он не получил, народ изгнал иноземцев. Потому что в сознании русского крестьянина русский царь не может быть французом. В сознании русского крестьянина природным, законным русским царём может быть только немец».

— В 1954 году я познакомился с доцентом геологического факультета МГУ Сергеем Дмитриевичем Четвериковым. В ранней молодости он учился в гусарской школе, где и встретил начало Первой мировой войны. Это событие запомнилось ему на всю жизнь. «Нас всех построили на плацу в конном строю, — вспоминал Четвериков. —

Опубликовано М. В. Ардовым в его мемуарах «Довески» (Новый мир. 2010. № 8) и затем в его книге «Исподтишка меняются портреты» (М.: Б.С.Г.-Пресс, 2013); а также в книге «Мелочи архи..., прото... и просто иерейской жизни» (М.: Б.С.Г.-Пресс, 2013).

К нам выехал, тоже верхом, приземистый и кривопузый гусарский полковник, начальник нашей школы. Он зачитал Высочайший манифест, после чего зычным голосом закричал: „Господа гусары! Поздравляю вас со всероссийским бардаком!..“». Тот же Четвериков уверял меня, что в гусарских подразделениях была принята команда: «Нижним чинам поссать, господам офицерам помочиться!».

— В довоенные годы для членов Союза писателей устроили экскурсию в сумасшедший дом. Мой отец Андрей Васильевич Успенский записался. Это происходило в то время, когда был опубликован декрет Советского правительства, где объявлялось, что роженицам полагается отпуск — два месяца до родов и два после. Рассказывая о посещении психиатрической больницы, отец говорил о стенной газете, которую выпускали пациенты. Там была замечательная статья — реакция на этот самый декрет о четырёхмесячном отпуске. Автор рассуждал так: а что, если какая-нибудь баба будет рожать три раза в год? Значит, она вообще работать не будет? А зарплату ей будут платить полностью!

— С моим другом Михаилом Константиновичем Поливановым — ныне, увы, покойным — я был знаком ещё с довоенных времён. Его отец был весьма уважаемым профессором Московского энергетического института. Он там заведовал кафедрой теоретической электротехники. Все, кто работал с ним, вспоминают его с придыханием. Он был интеллигентный человек, дворянин (род прослеживается со времён Орды, Миша показывал мне их герб). В молодости он ездил в Коктебель, был знаком с Максом Волошиным, знал поэзию... Вот его рассказ. При его кафедре была лаборатория. И ему потребовалось взять в эту лабораторию на работу человека, который по этнической принадлежности был итальянцем. Время было самое советское, т. е. антисемитское. Может, даже ещё при «товарище Сталине»... Константин Михайлович Поливанов пошёл к начальнику отдела кадров Энергетического института и сказал: «У меня такое дело: нужно в лабораторию взять человека, но он итальянец. Как вы к этому отнесётесь? Возможно ли это?». Тот задумался, чувствовалось, что проблема не простая... Потом кадровик сказал: «Видите ли, такого закона, чтобы не принимать на работу „итальянцев“, не существует. Но, с другой стороны, вы сами всё понимаете — иначе бы вы ко мне не пришли... Ну, давайте я вас так спрошу: а много ли у вас этих „итальянцев“ на кафедре и в лаборатории?». Поливанов говорит: «Ни одного нет». — «Как ни одного нет?». — «Да так — нет». И тут до начальника что-то стало доходить... Он сказал: «Так он что — итальянец?» — «Ну да. Я и говорю: итальянец». — «Господи!..

Так он у вас итальянец! А я-то думал про этих „итальянцев“... Так зачем вы ко мне пришли? Нужен — берите, не нужен — не берите!». История эта, замечательная сама по себе, может, в частности, служить одним из доказательств того, что в русском языке советского периода слово «еврей» считалось неприличным.

— Однажды между мной и моим другом Дмитрием Николаевичем Шмелёвым — ныне также, как и большинство моих друзей, покойным — состоялся следующий примечательный разговор. «Митя, — сказал я ему, — мне кажется, что ты антисемит. Я тебя люблю и буду любить не меньше независимо от твоего ответа, поэтому отвечай честно». — «Ты прав, — отвечал он, — я евреев не люблю. Я две нации не люблю — евреев и русских. А другие мне как-то не попадались».

<...>

— Мой младший брат Борис Андреевич Успенский — известный филолог — однажды ехал в метро, и к нему пристал пьяный. Чего-то он от Бори хотел... И брат не знал, как от него отделаться. И в конце концов, когда попутчик задал очередной вопрос, Боря так ему ответил: «Я не могу с вами разговаривать, потому что я — глухонемой». Тут пьяный отчасти протрезвел и, поражённый, спросил: «Вы — глухонемой?». Боря твёрдо сказал: «Да, я — глухонемой». И на этом разговор прекратился.

<...>

— В 1967 году издательство «Мир» выпустило сборник «Математика в современном мире». Я принимал участие в этом издании и поэтому довольно часто встречался с ведущим его издательским редактором, каковым был Р. А. Фесенко. Края передних зубов у него были выщерблены — как он объяснил, вследствие ударов, каковые наносил ему следователь. Дело в том, что он был одним из тех, кто подвергся массовой послевоенной репатриации из Харбина на «историческую родину» с последующей неизбежной репрессией. Мне рассказывал Р. А. Фесенко, что, как только пассажирские вагоны пересекали советскую границу, репатриантов перегружали в вагоны товарные и развозили по лагерям. Такой судьбы, по его словам, избежали лишь единицы (одну из таких «единиц» я знал — это была Наталья Иосифовна Ильина, ко времени моего с нею знакомства уже бывшая известной советской писательницей). Процесс репатриации из Китая если не сотен, то тысяч человек не был мгновенным, и я усомнился в достоверности рассказа. «Если, как вы утверждаете, репатриация продолжалась несколько месяцев, — сказал я своему собеседнику, — то не может быть, чтобы сведения о том, что проис-

ходит с репатриантами по пересечении ими границы, не просочились в западную прессу, а оттуда в Китай. А тогда репатриация должна была бы прекратиться». Фесенко мне возразил: «А сведения и просочились, и в Харбине они стали известны. Но поскольку западная пресса описывала всё, что было в действительности, то русские харбинцы посчитали эту информацию злостной клеветой. Они допускали, что пограничные власти могли по тем или иным причинам арестовать отдельных репатриантов, но чтобы почти всех — это не вмещалось в их способность восприятия и потому воспринималось как заведомая ложь, которой нельзя верить».

<...>

— Не только междугородную, но и внутригородскую связь первоначально обслуживали, конечно же, телефонистки. В ряде телефонных узлов Москвы так было ещё в конце 1940-х годов, а то и позже. У абонентов этих узлов стояли телефонные аппараты без диска, и, вместо того чтобы нужный номер набрать, надо было сказать его телефонистке. А кнопочных аппаратов тогда вообще не было. Скажем, у моего друга Миши Поливанова, жившего тогда на Летниковской улице, был телефон В1-96-05. Ведь когда телефонные номера в Москве были шестизначными, то первая цифра заменялась русской буквой, и на циферблате рядом с цифрой 3 располагалась буква В, третья по счёту в алфавите. Жил я тогда в Тихвинском переулке, и на телефонном аппарате был диск, при помощи которого и набирался номер Поливанова. А вот в квартире нашего общего друга Жени Левитина в Дегтярном переулке аппарат был без диска. В этой квартире я должен был поднять трубку и произнести: «Кировская один, девять, шесть, ноль, пять». Потому что телефонные номера, начинающиеся с буквы «В», относились к Кировскому телефонному узлу. Буква «Г» означала Арбатский, «Д» — Миусский, «К» — Центральный узел, и надо было произносить, соответственно, «Арбат», «Миуссы», «Центр»; произносить «Киров» было не принято. В первые годы существования телефонов — в царское и в раннее советское время — полагалось сперва сказать что-нибудь любезное вроде «Барышня, прошу» и потом уже нужный номер. На что телефонная барышня отвечала: «Даю». Рассказывают, что через некоторое время оказалось, что петербургская телефонная сеть перегружена несостоявшимися соединениями. Потому что многие абоненты брали телефонную трубку только для того, чтобы услышать слово «даю», произнесённое молодым женским голосом, — после чего отъединились. Тогда барышням разрешили вместо короткого «даю» отвечать более длинно: «Соединяю». На мой взгляд, кстати, характер чело-

века отражается в тех начальных словах, которыми он даёт знать звонящему, что он трубку снял и готов слушать. Одни говорят «да», другие — «алло» (но чаще «аллё», а то и «алё»), третьи — «слушаю», четвёртые — «слушаю вас», пятые — «я к вашим услугам». Я знал и такого, кто говорил: «В аппарате».

<...>

В те же шестидесятые мой приятель с женой¹ были в гостях у одной дамы, а у неё в те годы был роман с Евтушенкой. Они ужинали вчетвером, но при этом популярный стихотворец к еде почти не притрагивался.

— Почему вы ничего не едите? — спросил мой друг. Евтушенко ответил со свойственной ему серьёзностью:

— Опальный поэт должен быть худым.

<...>

Помнится, я сказал Владимиру Андреевичу Успенскому:

— Валентин Стёнич утверждал: «Любое слово русского языка может быть еврейской фамилией».

Мой друг задумался и уточнил:

— Еврейской фамилией может быть любое сочетание русских букв.

Из книги «Мелочи архи..., прото... и просто иерейской жизни»

А теперь я [М. Ардов] хочу привести небольшой рассказ моего близкого друга Владимира Андреевича Успенского.

— Когда в конце сентября 1993 года началось открытое противостояние президента Ельцина и Верховного совета во главе с Хасбулатовым, руководство Русской православной церкви безуспешно пыталось сыграть роль посредника и миротворца. Состоялись какие-то безрезультатные встречи в Даниловском монастыре. Когда неуспех этих попыток стал очевиден, на телеэкранах появился митрополит Кирилл (главный из претендентов на патриарший престол). Своим хорошо поставленным голосом он объявил о решении Синода. Мне кажется, я помню его слова почти дословно. «Властью, данной нам от Бога, — торжественно и грозно сказал Кирилл, — мы определяем и постановляем: тот, кто первым прольёт кровь, будет АНАФЕМА». В первых числах октября противостояние дошло до вооружённых

¹ «Приятель с женой» — это я со Светланой. Даму я не назову, скажу лишь, что роман завершился довольно-таки драматически. — В. У.

столкновений: 3 октября ополчение Хасбулатова захватило одно из зданий мэрии и атаковало Останкинский телецентр; 4 октября танки Ельцина обстреляли Белый Дом и сломили сопротивление хасбулатовцев. Через несколько дней после этого (возможно, что уже 5-го) я встретил митрополита Питирима. Встреча произошла на ступенях Международного университета в Москве (как я слышал, Питирим был одним из его учредителей). Я поднимался по лестнице, он спускался. Знакомы мы не были, но я к нему обратился. «Ваше высокопреосвященство, — спросил я, — вот кровь пролилась, так кто же теперь будет анафема?». Ответ Питирима показался мне замечательным. «А то один Аллах ведает», — ответил мне митрополит. Почти столь же замечательной показалась мне реакция на этот эпизод одной моей знакомой, не позволяющей себе сомневаться в непорочности церковных иерархов. Когда я рассказал ей об ответе Питирима, она воскликнула: «Как хорошо! Митрополит — он знает, когда, что и кому сказать».

Застольные рассказы в Дубне

Николай Николаевич Андреев, кому настоящее издание обязано своим существованием, пожелал, чтобы в книгу моих воспоминаний непременно были включены *байки* — истории, которые он и участники Летних дубнинских математических школ «Современная математика» слышали от меня во время ежедневных «утренних посиделок» с кофе (см. с. 411 настоящей книги). При этом он уточнил, что если они уже опубликованы в этой или в ранее вышедших книгах настоящего издания, то повторять их не надо. Вот частичный перечень того, о чём он мне говорил, либо с указанием места опубликования, либо же с немедленным раскрытием темы.

1. О моей няне Маше. (Пекла пироги на свадьбе моей бабушки; ехала из Кисловодска в Москву с пересадками, потому что вместо прямого билета покупала билет от одного пункта пересадки до другого.)

Статья «Няня Маша» опубликована выше, на с. 50—55 настоящей книги.

2. О том, как несколько раз собирались, а потом раздумывали переезжать из деревни Шуколово в Москву летом 1941 года в первые дни войны.

Опубликовано в статье «Воспоминания о детстве» на с. 38—39 настоящей книги.

3. Об Александрове. (Перемена названий оценок: посредственность считать удовлетворительной.)

Опубликовано выше, на с. 527 настоящей книги в статье «О П. С. Александрове, а также о „деле Лузина“ и Айседоре Дункан».

4. Максимально полно про диссертацию А. А. Зализняка.

Статья «Эпопея вторая» опубликована выше на с. 998—1048 настоящей книги.

5. На вступительном экзамене снизили оценку, так как писал, как в книжках XIX века.

Опубликовано выше в сноске 4 на с. 694—695 настоящей книги в составе статьи «Химико-филологический конфликт». В этой сноске

рассказывается, как абитуриенту филологического факультета МГУ снизили отметку по сочинению за то, что он писал «то есть» через дефис, а слово «виолончель» употреблял в мужском роде. Однако, как разъяснил мне А. А. Зализняк, в XIX веке так и писали. К этому необходимо добавить следующее. Я обожал, да и сейчас обожаю поэму Андрея Белого «Первое свидание». Многие строки из неё я знал наизусть. В частности, те, в которых описывается, как дирижировал Василий Ильич Сафонов:

Кидаясь белой бородой
 И кулаками на фаготы, —
 Короткий, толстый и седой, —
 Он выборматывает что-то;
 Под люстры палочкой мигнув,
 Душой, манжетой, фалдой, фракком
 И лаком лысины метнув, —
 Валторну поздравляет с браком;
 И в строгий разговор валторн
 Фаготы прорицают хором,
 Как речь пророческая Норн,
 Как каркнувший Вотанов ворон;
 А он, подняв свою ладонь
 В речитативы вьолончеля:
 — «Валторну строгую не тронь,
 Она — Мадонна Рафаэля!».
 И после, из седых усов
 Надувши пухнувшие губы
 На флейт перепелиный зов
 Приказ выкидывает в трубы;
 И под Васильем Ильичом,
 Руководимые Гржимали,
 Все скрипоканты провизжали,
 Поставив ноги калачом.

Как я мог тогда не вспомнить эти гениальные строки и встречающуюся в них словоформу мужского рода *вьолончеля*, ума не приложу.

6. О трамваях в Москве. (Связность сети, нумерация в цвете.)

В моём детстве и в моей молодости, когда водитель сидел не в тёплой кабине, как сейчас, а на открытой ветру и холоду площадке, каждой цифре номера соответствовал цвет фонаря. Номер, в абсолютном большинстве двузначный, был крупно написан на белом

круге, помещавшимся спереди, над кабиной водителя. Под кругом была табличка, на которой были написаны наименования двух конечных станций маршрута. Но в темноте — а зимой темнота наступала рано — нóмера приближающегося к остановке трамвая, а надписи на табличке тем более, издали было не видно. Поэтому по бокам таблички располагались фонари цветов, соответствующих цифрам номера. Как обстояло дело с однозначными и буквенными номерами, не помню. (Трамвай, первоначально, с 1911 года, ходивший по Бульварному кольцу, имел номер «А» и ласково именовался *аннушкой*; маршрут «Б» имел прозвище *букашка*.) До сих пор помню, как в детстве мы с бабушкой Юлией Дмитриевной стоим в вечерних сумерках на Тихвинской улице, на остановке «Тихвинский переулок» и, вглядываясь в снежный туман, ждём своего трамвая. Вскоре сквозь этот туман начинают проступать огоньки; трамваи идут один за другим, но всё не те. Наконец, приходит наш 41-й и везёт нас через всю Москву на Таганку, к Фанталовым: хозяйка дома, Мария Дмитриевна, была бабушкиной сестрой (а Фанталовой была по своему мужу, хозяину дома, известному профессору литейного дела Леониду Ильичу).

Одновангонных трамвайных составов тогда не было, они были двух- или (в большинстве своём) трёхвагонными. Пассажиры входили в вагон через заднюю дверь, выходили через переднюю; через переднюю дверь первого вагона, под наблюдением водителя, входили инвалиды, пожилые люди и пассажиры с детьми¹. В каждом вагоне близ задней двери помещался кондуктор. От 3-го вагона ко 2-му, от 2-го к 1-му и от конца 1-го к водителю под потолком проходила верёвка. Когда посадка, по мнению кондуктора 3-го вагона, заканчивалась, он дёргал за эту верёвку, и она приводила в действие колокольчик, висевший над головой кондуктора второго вагона. Кондукторы 2-го и 1-го вагонов, услышав звонок, поступали аналогичным образом. Последний колокольчик висел над головой водителя.

Трамвайный билет всегда был дешевле билета в метро с его сияющими мраморными станциями, чистыми вагонами с автоматическими дверьми и эскалаторами. Продолжительное время трамвай стоил три копейки, а метро — пять. Это казалось естественным и продолжалось и после войны, и даже когда я уже работал в МГУ. Помню моё изумление, когда мне, тогда «молодому преподавателю», С. Л. Соболев, только то вернувшийся из какой-то европейской столицы — кажется,

¹ Популярен был такой анекдот. Расталкивая всех, через переднюю дверь собирается войти женщина средних лет и молодой человек лет шестнадцати. «Пропустите, я с ребёнком». — «Да какой же это ребёнок, у него уже борода растёт». — «Подумаешь, ребёнок забыл побриться».

из Стокгольма — сообщил, что там трамвайный билет стоит дороже входа в метро. «Это естественно, — видя моё изумление, сказал Соболев. — Метро — это демократический, подземный транспорт. А из окон трамвая можно смотреть на окрестности». (Вспоминаю задачу, обсуждавшуюся в кулуарах математического кружка при МГУ, в котором я участвовал. Докажите, что из теоремы Пифагора не вытекает, что билет на метро стоит столько-то. Решение: теорема Пифагора была всегда, а билет на метро стоил по другому.)

Когда я смотрел на карту трамвайных путей Москвы, я наслаждался её топологической связностью. Меня радовала мысль, что из любой трамвайной остановки до любой другой можно доехать на трамвае. Рядовой пассажир должен был ехать с пересадками, а большой трамвайный начальник, в своём персональном вагоне, — без пересадок. Моя радость продолжалась вплоть до 1973 года. В том злосчастном году удалили рельсы, пересекавшие улицу Горького² близ Белорусского вокзала, по которым трамвай с Лесной улицы шёл на Большую Грузинскую. После этого единая трамвайная сеть распалась на два связанных куска, причудливо располагающихся на карте Москвы. Я был огорчён чрезвычайно. Уничтожилась последняя ниточка, связывающая эти два куска. После этого я перестал следить за устройством сети и не знаю, из какого количества связанных кусков состоит она сейчас, в 2017 году.

7. Про Зильберштейна.

Опубликовано на с. 642—643 в настоящей книге, в статье «Наш ЖСК „Советский писатель“».

8. Про вопрос Л. Ю. Брик, заданный Н. А. Брюханенко на похоронах Маяковского.

На похороны Маяковского близко дружившая с ним Наталия Александровна Брюханенко пришла, будучи беременна Светланой, моей будущей женой. Заметив её беременность, Лиля Юрьевна Брик спросила: «От Володи?». Наталия Александровна ответила честно: «Нет». Я иногда думаю, что было бы, как изменилась бы её жизнь, жизни Светланы и моя, если бы она ответила: «Да». Такой ответ никого бы не удивил.

9. О названии поэмы Маяковского «Хорошо».

Опубликовано выше в настоящей книге на с. 939 в статье «А здесь я всё-таки привык...».

10. О фразе «четвёртый нам не нужен» в письме Л. Брик Маяковскому.

² Ныне этот её участок называется, как и раньше, Тверской-Ямской.

Опубликовано в кн. 4 «Филология» настоящего издания на с. 349—351 в статье «Почему на клетке слона написано „буйвол“...» и на с. 939—940 в настоящей книге.

11. Визит С. Лема.

Опубликовано в настоящей книге на с. 166 в статье «Колмогоров как центр моего мира». К опубликованному там можно добавить следующую деталь. Он жил в Кракове. За ним прислали автомобиль и несколько часов везли в Варшаву на встречу с одним из первых советских космонавтов. Видимо, встреча с Лемом входила в программу визита космонавта в Польшу. Лем живописно рассказывал о том, как во время их встречи, во время которой им нечего было друг другу сказать, непрерывно звонил телефон. Трубку брал некий специальный человек, который важным голосом — его голос Лем по мере сил изображал — говорил одно и то же: «Нет, космонавт не может сейчас подойти. Космонавт занят».

12. Про кооперативные дома вашего района и их жильцов.

Опубликовано в настоящей книге на с. 642—655 в статье «Наш ЖСК „Советский писатель“».

13. О Конгрессе в Узбекистане.

Опубликовано в настоящей книге на с. 566—615 в статье «Предисловие к книге „Теория алгоритмов: основные открытия и приложения“» и приложениях к ней.

14. О Карманове и очередном Конгрессе математиков.

Владимира Георгиевича Карманова (24.04.1922—17.02.2003) я вспоминаю как великого человека. Не у одного меня Карманов оставил такое впечатление. Хотя подтвердить это ощущение конкретными фактами не могу.

Карманов мог многое такое, чего не могли другие. Вот, например. В 1984 году я приехал на дежурство в санаторий АН СССР «Узкое», где вместе с Анной Дмитриевной пребывал Колмогоров. В обязанности дежурного входило гулять с Андреем Николаевичем по парку, поддерживая его под руку. За это дежурного кормили обедом, каковой на три персоны подавался в номер. Мне довелось быть свидетелем неожиданного приезда двух лиц, В. Г. Карманова и Е. Ф. Мищенко. В то время Колмогорова беспокоили зубы, ему требовалась искусственная нижняя челюсть. Однако от обращения к протезисту его удерживала мысль о затруднительных для него, но необходимых многократных поездках — для заказа, для примерки, для установки, для исправления. Мищенко проходил аспирантуру и защищал кандидатскую диссертацию у П. С. Александрова, неоднократно бывал в Комаровке и был достаточно близок Колмогорову. Он ему

сказал: «Владимир Георгиевич отвезёт Вас в такое место, где вы пробудете всего два часа и уедете оттуда с челюстью». Колмогоров воспользовался услугами Карманова и получил требуемую челюсть.

На мехмате Карманов занимал скромную должность доцента кафедры вычислительной математики. В 1970 году в МГУ был создан факультет вычислительной математики и кибернетики (ВМК), и Карманов перешёл туда — вместе, кажется, со всеми сотрудниками кафедры вычислительной математики мехмата. С 1978 года, после защиты в 1976 году докторской диссертации, был профессором ВМК. Я помню его по мехмату. Мы сблизились. И довольно быстро перешли на ты, хотя он был на восемь с половиной лет старше меня. Я воспринимал его как «старшего товарища», хотя и был убеждён в его связях с ГБ.

В биографии Карманова сказано, что «за участие в Великой Отечественной войне В. Г. Карманов награждён пятнадцатью медалями». Полагаю, что в этом утверждении есть ошибка. Карманов не был участником Великой отечественной войны. Война имеет право называться *отечественной*, когда отечество защищается от нападения на неё. Таких войн в нашей истории было две, когда мы защищались от Наполеона и от Гитлера. Однако Карманов после окончания средней школы в 1940 году был призван в Красную армию и до 1946 года служил в 75-м пограничном отряде на восточных рубежах нашей страны. Если он в какой войне и участвовал, то в войне, которую СССР объявил Японии 8 августа 1945 года, денонсировав Пакт о ненападении, уже после того, как 6 августа американцы сбросили атомную бомбу на Хиросиму (а 7 августа, кстати, советская авиация уже бомбила занятую японцами Манчжурию). Эту войну отечественной назвать никак нельзя. Пограничные войска находились тогда в ведении Народного комиссариата государственной безопасности. Полагаю, что оттуда идут связи с ГБ. В 1951 году Карманов окончил (с отличием) мехмат по специальности «вычислительная математика» и поступил в аспирантуру мехмата. Его научным руководителем был назначен известный специалист по вычислительной математике В. А. Диткин. Однако, что характерно, над своей диссертацией он работал не совсем по специальности В. А. Диткина, а под влиянием Андрея Васильевича Бицадзе. В глазах окружающих меня математиков Бицадзе был если не прямой гэбэшник, то — по мнению тех математиков, к мнению коих я прислушивался — уж точно стукач. В 1984 году с ним произошёл скандал при очередных выборах в Академию наук. Будучи членом-корреспондентом по Отделению математики он очень хотел стать академиком. Понимая, что в родном Отделении математики

его зарубят, он успешно прошёл выборы в созданном в 1983 году Отделении информатики, вычислительной техники и автоматизации. Однако на Общем собрании Академии, которое согласно Положению о выборах принимает окончательное решение, он не собрал должного числа голосов. Такие случаи являются чрезвычайными и происходят довольно редко. В случае Бицадзе это произошло после темпераментного выступления Сергея Петровича Новикова.

Советские административные структуры Карманова ценили. Так, в 1978 году он был назначен заведующим отделом естественных наук Высшей аттестационной комиссии при Совете Министров СССР — должность, которую он занимал вплоть до 1986 года.

Зайдя на дачу Карманова на Николиной горе я как-то встретил там моего тёзку Владимира Андреевича Мельникова. Тот сидел на крыльце и плёл корзину. В детстве, в деревне, меня учили (и, что удивительно, научили) плести корзины. Поэтому я сел рядом и стал заинтересованно смотреть. Мельников вскоре, после смерти Колмогорова осенью 1987 года и до своей смерти весной 1993 года, был заведующим нашей кафедрой математической логики.

На мехмате Карманов успешно, с 1954 года, исполнял функции заместителя заведующего Отделением математики при П. С. Александрове в качестве заведующего. Не помню, в каком году они оба одновременно уходили в отпуск, и Отделение оставалось без присмотра. Тогда был издан приказ по Отделению математики — назначить меня и. о. — никакого другого приказа по этому Отделению я не помню. Я не мог отказать Александрову, но испугался. «Вот ко мне придут и принесут не подпись чек на миллион рублей. И что делать?» — спросил я Карманова. «Чек на миллион спокойно подписывай, — отвечал он. — Потому что найдётся ещё несколько инстанций, чтобы исполнение чека проконтролировать. Вот если принесут чек на три рубля, тогда думай».

В августе 1972 года мой тринадцатилетний сын лежал в находящейся в Риге республиканской детской больнице с диагнозом *менингит*. Я рвался в Юрмалу, где оставалась Светлана, но не мог уехать, так как в тот год был председателем экзаменационной комиссии по математике для гуманитарных факультетов МГУ. Я был в отчаянии, и не знал, кто может меня отпустить. Я обратился к Карманову за советом. Он дал мне совет, произведший на меня большое впечатление и оказавший значительное влияние на моё административное воспитание. Его совет состоял в том, что согласование моего отъезда должно иметь не разрешительный, а уведомительный характер. Карманов сказал: «Нет такой власти, которая может тебя

отпустить. Поэтому никого не спрашивай, а скажи: „Такого-то числа я уезжаю. Такие-то являются моими заместителями. Распределение обязанностей между ними — такое-то“». Так я и поступил: собрал своих заместителей, объявил им о своём отъезде и уехал.

16—26 августа 1966 года в Москве впервые в СССР состоялся Международный конгресс математиков (International Congress of Mathematicians, 15-й по счёту в списке Конгрессов. Московский Конгресс проходил на Ленинских горах, в аудиториях Главного здания МГУ, а также физического, химического и биологического факультетов МГУ.

Общежитие Университета в этом здании было преобразовано в гостиницу для участников конгресса. В МГУ, на доске приказов мехмата, можно было прочесть приказ о назначении obsługi для этой гостиницы. Приказ состоял из пунктов, подобных следующим: «Студента 2-го курса механико-математического факультета Сидорова Петра Ивановича назначить на должность горничной», «Студента 4-го курса Петрова Ивана Сидоровича назначить на должность старшей горничной».

Президентом Конгресса был выдающийся математик ректор МГУ Иван Георгиевич Петровский, а Генеральным секретарём Петровский назначил Карманова. Это был правильный выбор. Для церемонии открытия Конгресса великий Карманов сделал невозможное: он смог открыть закрытый на ремонт кремлёвский Дворец съездов.

Карманову выпало вести всю техническую работу по организации и проведению Конгресса. По его инициативе моя младшая приятельница и друг нашей семьи Наташа Рычкова (12.04.1937—07.03.2007), возможно, уже Химченко — по мужу, — осенью 1965 года была откомандирована в аппарат Конгресса математиков. Там она, в качестве руководителя группы из десяти человек, отвечала за переписку на четырёх языках с шестью тысячами корреспондентов.

Карманов нравился мне тем, что даже к самым серьёзным делам он относился с юмором. Как-то мы пришли с ним в обширный офис группы переписки. На полу там лежали доставленные с почты, но ещё не распакованные увесистые пакеты с поступившими письмами. Произнеся какую-то ироническую тираду относительно этих, пришедших с разных концов Земли писем, Карманов весьма ловко послал ногой одну из тяжёлых пачек из одного угла помещения в другой.

Надо признать, что его отчасти распирало чувство собственного всемогущества в качестве Генерального секретаря. Мало на кого он мог излить это чувство. На меня мог. Он привёл меня в предоставленную ему комнату в общежитии Университета. Архитектура

общежития была устроена так, что две комнаты составляли единый блок, на которые полагались отдельные душ и туалет. Комната Карманова была единственной в блоке; я даже не подозревал, что такие комнаты существуют. Комната была прекрасно оборудована, холодильник был полон требующих холода крепких и менее крепких напитков и закусок к ним; то, что не требовало холода, размещалось на закрытых полках. Он был явно доволен произведённым на меня впечатлением. По-видимому, в этой комнате Карманов принимал важных гостей. Впрочем, мог и остаться на ночь — имелся раскладной диван и всё необходимое для сна.

А однажды он сказал мне: «Иду к Ивану Георгиевичу, мне нужна ещё одна должность для Оргкомитета Конгресса». Надо сказать, что должности в Оргкомитете укомплектовывались за счёт штатных мест МГУ, как заполненных, так и вакантных. На ожидаемый вопрос, какая должность ему нужна, он ответил: «Проректора» — и посмотрел на меня, чтобы увидеть, произвёл ли он меня должное впечатление. Эта должность была ему нужна для своего заместителя, которого он собирался нанять. Я помню мужчину, коего он нанял, но фамилии его не помню. Если выбор Рычковой был блестящим решением Карманова, то выбор этого человека остаётся для меня сомнительным. Не знаю, насколько он был полезен Карманову, но через какое-то время в одной из главных центральных газет, не то в «Правде», не то в «Известиях», появился подвал о нём как о жулике.

Во время Конгресса я мало общался с Кармановым: ему было не до меня. Но однажды он позвонил мне домой. Он сказал: «У меня для тебя поручение, которое тебе не понравится. Но это поручение от Ивана Георгиевича. Он просит тебя съездить к Есенину-Вольпину и уговорить его не приходить на свой доклад. Тебе будет предоставлена машина». Поручение было и в самом деле малоприятным, но деваться было некуда. Пришлось ехать к Есенину-Вольпину. Если память меня не подводит, он жил в одном из переулков, отходящих от Волоколамского шоссе. Я приехал и объяснил ему цель моего приезда. Как я и ожидал, он отказался не приходить на свой доклад. О чём мною и было доложено Карманову. Есенин-Вольпин³ пришёл и сделал свой доклад на секции «Математическая логика и основания математики». Председателем этого заседания был Д. А. Бочвар⁴.

³ Известный диссидент, первый российский правозащитник, неоднократно подвергавшийся противозаконным аресту и принудительному психиатрическому лечению. См. с. 365—399 настоящей книги.

⁴ Дмитрий Анатольевич Бочвар (07.08.1903—09.10.1990) — личность примечательная; жена и дочь не были его достойны. С одной стороны — один из

Пятнадцатиминутный, как все «рядовые» доклады, доклад Есенина-Вольпина был поставлен последним, с 11:20 до 11:35 в последний день работы Конгресса, в пятницу 26 августа. Полагаю, что это было сделано с умыслом, дабы в случае скандала не задерживать начало следующего доклада. Однако скандала не было: доклад был на темы оснований математики и ничего, чего могли бы опасаться власти, не произошло. Доклад назывался «Об ультраинтуиционистской программе обоснования математики», в которой докладчик пропагандировал изобретённый им ультраинтуиционизм.

Московский Конгресс установил новый рекорд по числу участников: заявку подали 5600 человек, фактически приняли участие 4280, в том числе 1470 из СССР, 725 из США, 398 из обеих Германий, 286 британцев, 280 французов. До сих пор неизвестно, кто из французских гостей зарегистрировался как легендарный Бурбаки⁵. Свидетельствую, что полка, на которую клались письма на имя Бурбаки, регулярно опустошалась.

Церемония открытия Конгресса состоялась в Большом Кремлёвском дворце, а последующие заседания проходили в 40 аудиториях здания МГУ. Конгресс продолжался 11 дней, из них рабочих 10. Точное число докладов в протоколах Конгресса почему-то не указано, изначально планировались 17 пленарных и 64 тематических.

Вместо обычных двух медалей Филдса⁶ были впервые вручены сразу четыре. Они были вручены в Кремле, во Дворце съездов, во время торжественного открытия Конгресса. Одна из этих премий была присуждена французскому математику Александру Гротендику (Alexander Grothendieck, 28.03.1928—13.11.2014), одному из круп-

основоположников квантовой химии в СССР, заведующий сектором квантовой химии Института элементоорганических соединений АН СССР. С другой стороны — крупный специалист в области математической логики; логикой он интересовался, когда в 1920-х годах во время стажировки по химии в Германии слушал лекции Давида Гильберта. Пионер теории многозначных логик и математического исследования логических парадоксов в СССР: его статья 1938 года «Об одном трёхзначном исчислении и его применении к анализу парадоксов классического расширенного функционального исчисления» была первой в нашей стране на эти темы. С 1965 года Бочвар был заведующий отделом семиотики ВИНТИ и сектором математической логики этого отдела.

⁵ Николя Бурбаки (Nicolas Bourbaki) — псевдоним группы французских математиков, в то время ещё тщательно скрывавшей свой состав. Она выпустила серию томов, объединённых названием «Начала математики» (*Éléments de mathématique*; неправильно переводится как «Элементы математики»). Цель серии была изложить всю математику на основе аксиом теории множеств.

⁶ Медаль Филдса в то время была высшей международной премией в области математики. Вручается раз в четыре года.

нейших математиков XX века. Однако лауреат отказался от участия в Московском конгрессе в знак протеста против подавления инакомыслия в СССР и советской политики в Восточной Европе. Властями были предприняты шаги, чтобы замазать неприезд Гротендика. Обычно медали Филдса вручает глава того государства, в котором происходит Конгресс. Так, нашему соотечественнику Григорию Перельману медаль (от которой Перельман отказался) должен был вручать король Испании Хуан Карлос. В 1966 году медали вручал Президент Академии наук СССР М. В. Келдыш. Он бегло огласил список из четырёх лауреатов и, в нарушение традиций, пригласил их всех чохом на сцену. Понять, кто есть ху, не знаящим их в лицо было затруднительно. Не все сразу поняли, что вышло трое, а не четверо. Да даже и те, кто понял, не поняли, что не вышел именно Гротендик.

Кроме скандала с Гротендиком, международные СМИ много внимания уделили «инциденту со Смэйлом». Стивен Смэйл (Stephen Smale, р. 15.06.1930), профессор Калифорнийского университета, был также удостоен вручённой ему на Конгрессе медали Филдса за работы по дифференциальной топологии, но он был ещё более известен как активный противник войны во Вьетнаме. В день закрытия Конгресса он организовал в МГУ пресс-конференцию, где подверг резкой критике не только США, но и СССР (за подавление венгерского восстания 1956 года). Немедленно двое в штатском усадили его в автомобиль и, как он позднее рассказал, несколько часов (до момента закрытия Конгресса) возили по музеям, обращаясь с ним подчёркнуто вежливо.

На Конгрессе я имел возможность увидеть и в кулуарах задать вопрос двум интересовавшим меня участникам Конгресса.

Первый — великий Алонзо Чёрч (Alonzo Church, 14.06.1903—11.08.1995), один из основателей (вместе с Эмилом Постом и Аланом Тьюрингом) теории вычислимости. В своей статье 1936 года «The Calculi of Lambda-Conversion» он не только ввёл понятие вычислимой функции, но и впервые (одновременно с Аланом Тьюрингом и независимо от него) показал алгоритмическую неразрешимость некоторой математической проблемы, из чего вытекало отсутствие решения у знаменитой Entscheidungsproblem (проблемы разрешения), поставленной Давидом Гильбертом в 1928 году. (Entscheidungsproblem состояла в требовании построить такой алгоритм, который позволял бы отвечать на вопрос об истинности или ложности любой математической проблемы.) В 1956 году в издательстве Принстонского университета вышла монография Чёрча «Introduction to Mathematical

Logic, vol. I». Во введении к ней сжато и точно излагаются основы онтологии Готлоба Фреге. Я был титульным редактором её перевода на русский язык: «Введение в математическую логику, том I». На Конгресс Чёрч прибыл с небольшим, 15-минутным докладом о дифференциальных уравнениях: «Reduction of the Monge—Ampère Equation». Доклад был поставлен в первый рабочий день Конгресса, 17 августа на секции «Дифференциальные уравнения с частными производными». Вопрос, который я ему задал, заключался в том, выйдет ли когда-нибудь том второй. Ответ был отрицательным.

Вторым участником Конгресса, коему мною был задан вопрос, был Поль Коэн (Paul Joseph Cohen, 02.04.1934—23.03.2007), поставивший точку в одной из самых знаменитых проблем математики, проблеме континуума (она же первая проблема Гильберта). Его делаемый по приглашению Организационного комитета получасовой доклад «The Independence of the Continuum Hypothesis and the Axiom of Choice» происходил 18 августа с 10:00 до 10:30 на секции «Математическая логика и основания математики». Проблема континуума заключается в требовании доказать гипотезу континуума, или континуум-гипотезу, выдвинутую в 1877 году создателем теории множеств великим математиком Георгом Кантором. В 1940 году другой великий математик, Курт Гёдель показал, что эту гипотезу невозможно вывести из стандартных аксиом теории множеств и, тем самым, что её невозможно доказать средствами современной математики. Гипотеза заключается в том, что не существует совокупности (в математической терминологии — *множества*), количество членов⁷ (в математической терминологии — *мощность*) которой больше количества натуральных чисел, но меньше количества точек на прямой. В 1900 году третий великий математик, Давид Гильберт, предложил на II Международном конгрессе математиков 23 кардинальные проблемы математики. Тогда Гильберту было 38 лет. Решение каждой из проблем Гильберта воспринимается математиками как событие в математике. Проблема континуума идёт в списке Гильберта первой.

В 1963 году Коэн, используя изобретённый им метод *форсинга*, показал, что континуум-гипотезу нельзя не только доказать, что было показано Гёделем, но и опровергнуть в аксиоматической теории множеств и, тем самым, невозможно опровергнуть средствами современной математики. Проблема континуума оказалась неразрешимой: её нельзя решить ни в положительном, ни в отрицательном смысле. Возможность таких проблем была предугадана ещё Н. Н. Лузиным,

⁷ В математической терминологии члены совокупности называются *элементами множества*.

писавшим в 1935 году по поводу некоторых проблем теории множеств: «Проблемы такого рода заставляют отказываться от традиционного взгляда на смысл слов „решение проблемы“». За свой результат Коэн в 1966 году получил медаль Филдса — высшую в то время награду в области математики. В 1967 году ему была присуждена Национальная медаль США за научные достижения, вручаемая в Белом доме. Коэн отличался разнообразными интересами. Он говорил на английском, шведском, французском, испанском, немецком и идише, играл на фортепиано и скрипке, пел в хоре Стэнфордского университета и в шведской фолк-группе. И вот такого замечательного человека — помнится, это произошло в столовой МГУ — я спросил, верна или нет, по его мнению, гипотеза континуума в наивном смысле, если её понимать не как математическую, а как естественнонаучную гипотезу. Коэн, как и можно было ожидать, развёл руками. Вопрос был, конечно, глуповатым: в наивном, естественнонаучном смысле никаких бесконечных множеств вообще не существует. Понятие бесконечного есть не что иное, как аппроксимация сверху представления об очень большом конечном.

15. Третий съезд в Москве. Хин и Тавхелидзе.

Опубликовано в настоящей книге на с. 897—912 в статье «Третий математический съезд». О Евгении Юрьевне Хин см. с. 898, об Альберте Никифоровиче Тавхелидзе см. с. 898, 912.

16. Об оппонировании М. А. Луниной, точнее, об одной фразе, которая была произнесена на защите.

Дело было так. В 1977-м, кажется, году заведующий кафедрой теории функций механико-математического факультета Пётр Лаврентьевич Ульянов попросил меня быть оппонентом у его аспирантки М. А. Луниной по дескриптивной теории множеств. Я согласился. Диссертация была интересной — почему, будет сказано в следующем абзаце. В своём отзыве, однако, я указал, что некоторые из её рассуждений можно значительно сократить, если использовать определённые теоремы дескриптивной теории. Эти теоремы были либо ей неизвестны, либо, хотя и известны, но не находились в её активном багаже. Мои замечания были встречены ею довольно агрессивно, и она пожаловалась Ульянову. В своей речи на защите в качестве научного руководителя — а речь руководителя произносится сразу после вступительного слова диссертанта — Ульянов её поправил. Он заявил, что это честь для аспиранта, что крупный учёный — эту характеристику я оставляю на его совести — дал не только отзыв о диссертации, но и конкретные рекомендации по упрощению содержащихся в ней доказательств.

Теперь объясню, чем интересна диссертация Луниной и почему Н. Н. Андреев пожелал, чтобы я написал о некоей фразе из моего выступления. Вот цитата из письма, присланного мне Андреевым:

Вы оппонировали М. А. Луниной. И выступая, сказали: «Обычно математиком называют того, кто доказывает теоремы. На самом деле математик это тот, кто способен найти ошибку в доказательстве». (По точным воспоминаниям С. П. Коновалова.)

Лунина как раз и нашла ошибку в доказательстве, причём совершенную не абы кем-то, а Н. Н. Лузиным в статье *Lusin N. Sur un exemple arithmétique d'une fonction ne faisant pas partie de la classification de M. René Baire // C. R. Acad. Sci. Paris. — 1926. — N. 182. — P. 1521—1522* и в следующем году повторённую затем в другой его статье⁸.

Пафос первой из упомянутых статей Лузина состоял в том, что, как утверждал автор статьи, он предъявил очень просто, при помощи непрерывных дробей, задаваемое множество, которое является аналитическим, но не борелевским, или, в современной терминологии, такое A -множество, которое не является B -множеством. Оба эти свойства он доказывал путём построения так называемого решета, просеивающего предъявленное им множества. Напомним, что A -множества (они же аналитические множества в терминологии Лузина) определяются как проекции борелевских множеств (они же B -множества).

В указанных публикациях Лузин утверждал, что он построил решето, просеивающее предъявленное им множество. *Решето* и *просеивание* — важные понятия дескриптивной теории множеств, введённые Н. Н. Лузиным. Как он установил, множества, *просеянные* сквозь борелевские решёта, суть в точности A -множества. По поводу понятия решета Анри Лебег писал в своём предисловии к знаменитой монографии Лузина «*Leçons sur les ensembles analytiques et leurs applications*»⁹ (Collection de monographies sur la théorie des fonctions, publiée sous la direction de M. Émile Borel). — Paris: Gauthiers-Villars et fils, 1930. — 328 p. (в русских переводах монографии это

⁸ *Lusin N. Sur les ensembles analytique // Fund. Math. — 1927. — N. 10. — P. 1—95.* Русские переводы обеих статей: с. 323—325 в книге *Лузин Н. Н. Лекции об аналитических множествах и их приложениях.* — М.: Гостехиздат, 1953; с. 315—316 и 443—445 в книге *Лузин Н. Н. Собрание сочинений.* — Т. 2. — М.: Изд-во АН СССР, 1958.

⁹ Монография была издана в Париже по-французски, за что Лузин впоследствии подвергся поношению. Русский перевод названия: «Лекции об аналитических множествах и их приложениях».

предисловие отсутствует): «Всякий, вероятно, удивится, когда узнает, читая Лузина, что я, между прочим, изобрёл метод решета и первым построил аналитическое множество. Никто, однако, не удивится так, как я. Г-н Лузин лишь тогда бывает совершенно счастлив, когда ему удаётся приписать собственные открытия кому-либо другому. Странная причуда; она мне кажется простительной, поскольку нет опасности, что г-н Лузин создаст школу в этой области» (*Лебег А.* Предисловие к книге Н. Н. Лузина «Лекции об аналитических множествах и их приложениях» / Пер. В. В. Успенского // *Успехи математических наук.* — 1985. — Т. 40. — Вып. 3. — С. 1—11).

Как установила Лунина в своей диссертации, в рассуждении Лузина содержалась ошибка. Построенное им решето действительно просеивало некоторое A -множество, не являющееся B -множеством. Однако это просеянное множество не совпадало, а было лишь собственным подмножеством предъявленного заранее и описанного наглядно множества.

Это наблюдение Лунина не только поместила в свою диссертацию, но и оформила в виде статьи, отправленной в журнал «Математические заметки». Статья была прислана редакцией журнала мне на заключение. Обычно просьба о рецензировании подписывается заведующим (чаще заведующей) редакцией. В данном случае письмо было подписано главным редактором Сергеем Борисовичем Стечкиным и содержало просьбу даже не прорецензировать, а организовать тщательное рецензирование. Ещё бы, речь шла об ошибке в статье автора с мировой известностью. Я попросил разобраться в тексте своего ученика Владимира Григорьевича Кановея. Кановея, весьма компетентный в дескриптивной теории и рецензент чрезвычайно внимательный к деталям, ошибок в статье Луниной не обнаружил. Статья была опубликована: *М. А. Лунина.* Об арифметическом примере Лузина аналитического множества, не являющегося борелевским // *Математические заметки.* — 1977. — Т. 22. — Вып. 4. — С. 525—534.

Труд В. Г. Кановея не прошёл втуне. В том же журнале он опубликовал статью: *В. Г. Кановея.* Доказательство одной теоремы Лузина // *Математические заметки.* — 1978. — Т. 23. — Вып. 1. — С. 61—66. В этой статье Кановея показал, что теорема Лузина всё же верна: наглядно описанное Лузиным с помощью непрерывных дробей множество действительно является A -множеством, но не является B -множеством.

Чувства Луниной, когда она нашла дефект в статье Лузина, были мне понятны. Дело в том, что ещё когда я был первокурсником,

Дынкин поручил мне разобраться в некоторой статье известного немецкого математика Людвига Бибербаха (1886—1982). Названия статьи не помню, да и содержание помню весьма приблизительно. Но помню три трудности, для меня с нею связанные. Во-первых, статья была по-немецки, которого я практически не знал, но величие мехмата проявлялось, в частности, в том, что когда студенту давали разобрать иностранную статью, не спрашивали, знает ли он соответствующий язык или нет. Во-вторых, статья была опубликована в немецком журнале, а иностранные журналы в студенческой библиотеке мехмата отсутствовали, а хранились в Кабинете математики, находящемся неподалёку в здании Фундаментальной библиотеки МГУ имени Горького (при чём тут Горький?). В кабинет этот студентов не пускали (за исключением членов Научного студенческого общества, членство в котором я получил на III курсе); однако Дынкин выдал мне специальную бумагу, по которой меня пускали. Главная же трудность состояла в том, что мне не удавалось понять доказательство основной теоремы статьи. Сквозь мой склероз пробивается что-то на тему о приближении многочленами функций двух переменных. А после многочасовых сидений в названном Кабинете я пришёл к выводу, что теорема неверна. Это было для меня шоком. Я был ещё маленький и не знал, что в серьёзных журналах могут быть напечатаны неверные утверждения. Наконец, я решился доложить о ситуации Дынкину. Мы вместе пришли в Кабинет математики, и Дынкин убедился, что я прав. А для меня это осталось эмоциональным потрясением. Возможно, что Лунина пережила нечто подобное.

17. НСО и зашифрованная телеграмма.

Опубликовано в одноимённой статье на с. 894—896 настоящей книги.

18. Объяснение Андроникова, почему он похож.

Ираклий Луарсабович Андроников был блестящим имитатором, лучшим из всех виденных и слышанных мною. Я понимал, как можно имитировать голос. Но Андроников делался похожим! Как ему это удавалось, мне было непонятно. И я задал ему вопрос. «Конечно, — ответил Андроников, — я не могу изменить форму своего лица. Но форма лица — это не главное для достижения сходства. Главное — это мимика. Вот её я и показываю».

19. Встреча Пастернака в Переделкине.

Во второй половине 1950-х годов мы со Светланой несколько зим и примыкающими к ним осенними и весенними месяцами жили в Переделкине на даче Андроникова. Дача эта стояла на той же одно-

сторонней улице Павленко, что и дача Пастернака, замыкая собою улицу. И вот как-то ненастным ноябрьским вечером мы идём со станции «к себе» на дачу. Бьющий в лицо холодный дождь делает наш путь весьма нерадостным. Навстречу нам по улице Павленко прогулочным шагом движется Борис Леонидович Пастернак, с которым мы были шапочно знакомы. Мы здороваемся, и я в полном недоумении спрашиваю, что он тут делает. Его ответ меня поразил. «У меня разыгрался радикулит, — промычал Пастернак. — И врачи прописали мне моцион».

20. Некролог Фадееву.

Когда умер А. А. Фадеев, Мариэтта Шагинян объявила, что если в некрологе будет написано, что у него был алкоголизм, она застрелится. Она стала звонить в ЦК КПСС, но не дозвонилась. В некрологе, опубликованном в газете «Правда», главной газете СССР, и, конечно, во всех других газетах, было написано в объяснение самоубийства Фадеева, что он страдал тяжёлой болезнью — алкоголизмом. Как всем известно, старая дурра не застрелилась. (А ведь в молодости писала такие стихи: «Кто б ты ни был, заходи прохожий, / душен вечер, сладок запах нарда. / Для тебя всегда покрыто ложе / золотистой шкурой леопарда».) Это я знаю понаслышке. А вот что я видел сам. В одной из районных газет Московской области вместо «алкоголизм» стояло «запой». Видимо, дело было так. Слово «запой» было в первоначальной версии некролога. Потом был разослана новая версия, но эта газета не успела исправить. Мне не встретился человек, который видел газету с первоначальной версией.

21. Посадка на автобус Рига—Пярну, билет № 1 и солдаты. Узкоколейка от Пярну до Таллинна.

Публикуется в статье «Остров Кихну» на с. 656—662 настоящей книги.

22. Теплоход «Хабаровск», музыка и дельфины. Высадка на остров Шикотан. Японское кладбище.

Публикуется в статье «Путешествие на Курильские острова» на с. 663—679 настоящей книги.

23. Катанян и Параджанов. (Заодно первый визит к Светлане.)

Опубликовано в кн. 4 «Филология» настоящего издания на с. 281—283 в статье «Почему на клетке слона написано „буйвол“...».

24. Второй визит Никсона.

9 августа 1974 года президент США Ричард Никсон под угрозой неминуемых импичмента Палаты представителей Конгресса и осуждения Сенатом ушёл в отставку. А чуть больше месяца до того, с

27 июня по 3 июля того же года, Никсон побывал в СССР со своим вторым визитом.

Его первый визит в СССР был в мае 1972 года. Об этом визите много писали и говорили, и он оставил видимый след в облике Москвы. Никсон прилетал во Внуково и далее въезжал в центр Москвы по улице Димитрова (ныне — Большая Якиманка) и Большому Каменному мосту. Хотели, чтобы при съезде с моста Москва впечатлила его своим великолепием. С этой целью снесли несколько зданий в районе Боровицкой площади. Появилась «проп्लешина Никсона», обнажившая действительно великолепный Дом Пашкова, подножный холм которого был застроен.

Второй визит Никсона не получил столь значительного внимания со стороны СМИ. Однако во время этого визита имели место события, коих я был косвенным свидетелем. Каких-либо упоминаний о них в Интернете я не обнаружил.

Наша семья — я, Светлана и Володя — проводила лето, как обычно, на ежегодно снимаемой нами даче в Юрмале. Вокруг жили приезжавшие туда на лето рижские евреи.

Надо иметь в виду, что в это время обострился вопрос с *рефьюзниками*, или *отказниками*. Так называли евреев, которым было отказано в выезде в Израиль. Иногда доведённые до отчаяния отказники устраивали демонстрации в Москве у посольства США, привлекая внимание иностранных корреспондентов. Западный мир негодовал. Зачем это было нужно советским властям, не знаю. Но власти упорствовали. Довольно много отказников проживало тогда в Латвийской ССР. Власти опасались, что отказники воспользуются визитом Никсона и понаедут в Москву, чтобы протестные демонстрации были замечены съехавшимися со всего мира для освещения визита в Москву президента США иностранными корреспондентами, а то и самим Никсоном. Поэтому власти приняли меры, чтобы такого не случилось. Об этих мерах мне стало известно из рассказов соседей.

Меры состояли в том, что евреев снимали с идущих в Москву поездов. К человеку, уже занявшему своё место, подходили люди в штатском и выводили из вагона. Исключение делалось для лиц, имевших при себе командировочное удостоверение или иные документы, удостоверяющие необходимость пребывания в Москве.

Акция носила массовый характер, и для её проведения требовались люди. Для этих людей устраивались инструктажи. Слово «евреи» при этом не использовалось. Оно было заменено словом *сионисты*. На вопрос «А как же мы распознаем сионистов?» давался исчерпывающий ответ: «По внешности».

25. Расул Гамзатов и его квартира.

Расул Гамзатович Гамзатов (08.09.1923—03.11.2003) — советский и российский поэт, прозаик, переводчик, участник Великой Отечественной войны, публицист и политический деятель. Народный поэт Дагестанской АССР (1959). Герой Социалистического Труда (1974). Лауреат Ленинской (1963) и Сталинской премии третьей степени (1952). Член ВКП(б) с 1944 года. Кавалер высшего ордена РФ — ордена Святого апостола Андрея Первозванного (награждён 8 сентября 2003 года, десятое из состоявшихся на 3 июля 2017 года восемнадцати награждений). В 1962—1966 годах и с 1971 года был членом *Президиума Верховного Совета СССР* (нашего коллективного президента, по выражению Сталина). Летом 2013 года в Москве, на Яузском бульваре, ему был установлен памятник.

Из воспоминаний Георгия Данелии о Расуле Гамзатове:

В шестидесятых годах Народного поэта Дагестана Расула Гамзатова избрали (назначили) членом Президиума Верховного Совета СССР (высший орган законодательной власти). Расул впервые явился на заседание этого Президиума и занял своё место за длинным столом. Вокруг стола ходили хорошенькие девушки в белых кофточках с бантиками и деликатно спрашивали у членов Президиума: «Не хотели бы вы послать телеграмму?». Расул сказал, что хочет. Взял у девушки гербовый бланк, на котором сверху, красным по белому, написано: «Правительственная телеграмма», что-то написал, отдал бланк девушке и сказал:

— «Молнию», пожалуйста!

Девушка быстро, почти бегом, направилась к выходу из зала заседаний.

— Девушка! Одну секундочку! — остановил её Председатель Президиума Анастас Иванович Микоян. — Расул Гамзатович, я думаю, товарищам интересно, кому наш любимый поэт в этот памятный день отправляет телеграмму и что он написал? Если это не секрет, конечно.

— Не секрет. Пусть девушка прочитает.

Девушка посмотрела в телеграмму и покраснела.

— Дайте мне, — сказал Микоян.

Девушка принесла ему бланк с телеграммой, и Анастас Иванович прочитал: «Дорогая Фатимат! Сижу в Президиуме, а счастья нет. Расул» (Фатимат¹⁰ — жена Расула).

Это ему простили. Обиделись немножко, но простили.

¹⁰ Другое русское написание — Патимат. — В. У.

...На одном из заседаний после голосования Микоян сказал:

— Товарищи, Министерство здравоохранения рекомендует через каждый час делать пятиминутную производственную гимнастику. Думаю, и нам стоит последовать этому совету. Не возражаете?

— Возражаем, — сказал Расул.

— Почему? — насторожился Микоян.

— Я целый час руку поднимаю — опускаю, поднимаю — опускаю. Разве это не гимнастика?

И это ему простили! Но когда на правительственном банкете в Кремле, по случаю юбилея Октябрьской революции, Расул поднял тост «За дагестанский народ, предпоследний среди равных», а на вопрос — «Как это могут быть среди равных предпоследние?» — ответил: «Последние у нас — евреи», — это ему уже простить не смогли! На него так обиделись, что даже исключили из членов Президиума. Но через какое-то время вернули, — видимо, поняли, что без Расула Гамзатова на Президиуме стало очень скучно.

Гамзатову многое прощалось за то, что он был весёлый, контактный, доброжелательный человек. Кроме того, властям он был необходим, как подлинный представитель северокавказской и азиатской литератур. Он был аварец и писал на аварском языке и действительно был поэтом. Он рано начал писать стихи и печататься на аварском. Словом *подлинный* мы противопоставляем Гамзатова таким искусственно созданным фикциям, как казахский народный поэт-акын Джамбул Джабаев, который как поэт существовал только в переводах на русский язык и в текстах приставленных к нему казахских помощников. Григорий Цезаревич Свирский упоминает в своих мемуарах такой эпизод. Михаил Светлов встречает в ресторане ЦДЛ толстого туркмена, который начинает Светлова упрекать: «Ты перевёл мой стих совсем-совсем неправильно». «Будешь шуметь, — весело сказал подвыпивший Светлов, — переведу тебя обратно». В советское время многие поэты кормились переводами¹¹.

В 1945—1950 годах Гамзатов учился в Литературном институте имени Горького Союза писателей СССР. А на год раньше Гамзатова тот же институт окончили Наум Исаевич Гребнев¹² (1921—1988) и Яков Абрамович Козловский (1921—2001), оба участники войны. Они-то и перевели подавляющее большинство произведений

¹¹ Ах, восточные переводы,
Как болит от вас голова.

(Арсений Тарковский.)

¹² Настоящая фамилия — Рамбах.

Расула Гамзатова на русский язык. С изданием собственных стихов, по причине государственного антисемитизма, у обоих возникли непреодолимые трудности¹³.

Историю про квартиру Гамзатова рассказал мне Михаил Ардов.

Мне неизвестны жилищные условия Гамзатова. То ли он действительно нуждался в их улучшении, то ли его, по словам Воланда, *испортил квартирный вопрос*, то ли в Москве у него не было неслужебной квартиры, но только он захотел квартиру в Москве. За помощью он обратился к своему приятелю Кобзону. Тот отправился на приём к «начальнику Москвы» Промыслову¹⁴ и изложил проблему.

— Да мы предлагали ему три очень хорошие квартиры в центре Москвы — на улице Горького, на улице Пушкина и на улице Чайковского, — возмутился Промыслов. — И ни одну из них он не взял...

Не менее возмущённый Кобзон немедленно позвонил Гамзатову и излил своё возмущение:

— Расул, ты поставил меня в совершенно дурацкое положение. Тебе же в Моссовете предлагали три квартиры, но ты сам от них отказался!

— Да, предлагали, — ответил Гамзатов, — но на каких улицах? Ведь когда я умру, ни одну из этих улиц не переименуют...

¹³ См. статью Альфреда Ходорковского «Последнее интервью, или история одного перевода» в журнале «Русский базар» <http://russian-bazaar.com/ru/content/16074.htm>.

¹⁴ Владимир Фёдорович Промыслов был Председателем исполнительного комитета Моссовета в 1963—1986 годах (соответствует мэру).

Указатель имён

Иван Иванович Фандерфлит
Женат на тётке Воронцова.
Из них который-то убит
В отряде славного Слепцова.
«Иван Иванович Фандерфлит
Был только ранен, — я-то знаю».
— «А Воронцов?» — «Тот был убит.
Ах, нет! Не то! Припоминаю:
Ни Воронцов, ни Фандерфлит —
Из них никто не был убит,
Ни даже тётка Воронцова...
Одно известно: люди эти
И вовсе не были на свете;
И даже, кажется, — навряд
Была и тётка Воронцова?
Но был действительно отряд,
Да только — вовсе не Слепцова...».
— «Затем пронёсся слух таков,
Что вовсе не было отряда,
А был поручик Пирогов...».
— «Да был ли? Справиться бы надо».
И справками, в конце концов,
Одна лишь истина добыта:
Иван Иванович Воронцов
Женат на тётке Фандерфлита.

Алексей Николаевич Апухтин.
«Кумушкам». 1888

Как правило, в указатель не вошли имена, используемые в качестве названий произведений (например, «Анна Каренина») и в сочетаниях: улица, премия, институт и т. п. (имени) такого-то.

Курсивом выделены номера страниц, на которых данное лицо упомянуто в качестве элемента библиографического описания.

Жирным шрифтом выделены номера страниц, на которых приводятся годы жизни (иногда только год рождения или год смерти) данного лица.

В составе имени жирным шрифтом выделяется фамилия.

В качестве отсыльного слова используется «*alias*». В отсылках написание имени указывается с той минимальной степенью детализации, которая достаточна для нахождения в русской части этого написания — например, «Гаспаров» (а не «Гаспаров Михаил Леонович») и «Колмогоров Андрей» (а не «Колмогоров Андрей Николаевич»).

Николай Алексеевич Богомолов был настолько любезен, что прислал ценные уточнения к Указателю. Рад его поблагодарить.

- Абаринов** Владимир Константинович 876
 Абдаллах 567
Абрамов Александр Михайлович 190, 194, 195, 197
Абрахам Ральф 71, *alias Abraham*
Аванесов Рубен Иванович 161, 683, 695, 1010—1012, 1019, 1032, 1033
Авдеев Владимир Борисович 731
Аверченко Аркадий Тимофеевич 709
 Авиценна (ибн Сина Абу Али Хусейн ибн Абдуллах ибн аль-Хасан ибн Али) 573, 580
Адельсон-Вельский Георгий Максимович 575, 577, 887, *alias Adelson-Velsky*
Адян Сергей Иванович 135, 176, 177
Айзенберг Михаил Натанович 370
Айтматов Чингиз Торекулович 439
Акименкова, учительница 103—105, 109
Акимов Николай Павлович 891
Аксёнов Василий Павлович 655
Алабин, прораб 349
Алданов Марк Александрович 815, *alias Aldanov*
Алеева Анна Сергеевна 200, *alias Алексеева* Анна, **Красюк**, **Штекер** Анна
 Александр I 268—281, 288—292, 297—301
 Александр II 279, 299, 870, 873, 875
 Александр III 894
 Александра Фёдоровна, императрица 275, 280, 295
Александров Александр Данилович 131, 452, 899
Александров Анатолий Петрович 357, 360, 449, 473, 507, 512, 522
Александров Владимир Юрьевич 1000
Александров Павел Сергеевич 63, 68, 69, 77, 99, 112, 113, 116, 124, 126—132, 134, 136, 140, 148, 155, 170, 177, 180, 186—188, 197, 199, 202, 211, 220, 305, 337, 342, 356, 367, 386, 398, 399, 407, 415, 419, 425, 447, 463, 471, 492—494, 503, 504, 523, 524—561, 681—687, 698, 699, 705, 895, 897, 969, 991, 1062, 1066, 1068
Александрова Варвара Сергеевна 132
Алексеев Владимир Сергеевич 201
Алексеев-Станиславский Константин Сергеевич 201, *alias Станиславский*
Алексеева Анна Сергеевна 199—201, *alias Алексеева*, **Красюк**, **Штекер** Анна
Алексеева Елизавета Васильевна 201
Алексеева Елизавета Владимировна (Лёля) 201, 419, 530
Алексеева Людмила Михайловна 371, 380—382
Алексеева Людмила Сергеевна 201
 Алексей Николаевич, цесаревич 268, 421
 Алексий, схимник 277
 Алексий I 651
 Алексий II 657, *alias Ридигер*
Алексина, абитуриент 690
Алимов Игорь Александрович 762
Алимов Шавкат Арифджанович 615
Алпатов Владимир Михайлович 930, 946
Алперс Борис Владимирович 43
 Альберт I 859
Альцгеймер Алоис 302
Амбарцумян Виктор Амазаспович 169

- Андреев** Леонид Григорьевич 694, 695
- Андреев** Николай Андреевич 875, 877
- Андреев** Николай Дмитриевич 260, 261
- Андреев** Николай Николаевич 14, 411, 469, 905, 998, 1062, 1075
- Андроникашвили** Элевтер Луарсабович 341
- Андроников** Ираклий Луарсабович 865, 1077
- Андронов** Александр Александрович 492
- Андропов** Юрий Владимирович 170, 366, 609
- Анисимов** Анатолий Васильевич 575, 578
- Анисимов** С. 95
- Анна Бадаловна, киоскёр 1051
- Антоний, митрополит 488
- Апресян** Юрий Дереникович 161, 929, 1009, 1010, 1012, 1032, 1033
- Апухтин** Алексей Николаевич 1083
- Аракчеев** Алексей Андреевич 273, 290
- Арбузова** Галина Алексеевна 423
- Ардов** Виктор Ефимович 652
- Ардов** Михаил Викторович 13, 247, 422, 433, 439, 643, 650—652, 713, 858, 1056—1061, 1082
- Ардова** Людмила Викторовна 420, 650
- Аристотель 532, 856
- Аркадьев** Михаил Александрович 419, 420, 422
- Аркадьев** Пётр Михайлович 933
- Арнольд** Виталий Дмитриевич 158, 404, 405—413, 957
- Арнольд** Владимир Игоревич 63, 69, 140, 187, 190, 195, 196, 508, 509, 533, 560, 910, 944, 945, 967
- Аррениус** Сванте 206
- Арсенин** Василий Яковлевич 305
- Артоболевский** Иван Иванович 94
- Артёмов** Сергей Николаевич 177, 190
- Архимед Сиракузский 71, 172
- Архипов** Андрей Анатольевич 1049
- Астраханцев** Виктор Васильевич 436
- Атакшиев** Халил Алиевич (Буба) 201, 419
- Атлас** Виктория Захаровна 23, *alias* Горная
- Афиногенов** Александр Николаевич 43, 44
- Ахмадулина** Белла Ахатовна 431—433, 655, 850, 858
- Ахманова** Ольга Сергеевна 681, 687, 698, 832, 833, 1027, 1033
- Ахматова** Анна Андреевна 141, 330, 331, 804, 834, 858, 936
- Ахмедов** Ашраф Ахмедович 570
- Бабаёвский** Семён Петрович 648
- Бабамурадов** Камал Шаймарданкулович 574
- Бабель** Исаак Эммануилович 772
- Бабенко** Галина Петровна 573
- Бабенко** И. И. 1042
- Бабенко** Константин Иванович 573
- Бавструк** Николай Фёдорович 243
- Багрицкий** Эдуард Георгиевич 416, 936
- Бажуков** В. Б. 131
- Базаров** Евгений Васильевич 692
- Балакина** Ольга Станиславовна 62
- Бáлаш** Эрих-Грегор Эрвинович 114
- Бальзак** Оноре де 622
- Бальмонт** Константин Дмитриевич 248
- Бальмонт** Нина Константиновна 248

- Бальцан** Эудженио 141, 142, 417, *alias* **Balzan**
- Баранов** Сергей Сергеевич 1019, 1020
- Баратынский** Евгений Абрамович 642, 924
- Баренблатт** Григорий Исаакович 71, 76, 141, 353, 414
- Барздинь** Ян Мартынович 562, 575, 576
- Бари** Нина Карловна 217, 498, 553, 554
- Басов** Николай Геннадиевич 170
- Бассалыго** Леонид Александрович 75, 101, 102, 168, 190, 195
- Бауэр** Фридрих Людвиг 575, 577
- Бах** Иоганн Себастьян 970, 981
- Бахвалов** Сергей Владимирович 141, 205
- Бахрушин** Сергей Владимирович 74
- Башкирова** Галина Борисовна 1015, 1016
- Баяковский** Юрий Матвеевич 573
- Бездомный** Иван 246
- Безродный** Игорь Семёнович 100
- Беккер** Александр Иосифович 27, 28
- Беккер** Юлия Иосифовна 27, 28
- Белинский** Виссарион Григорьевич 873
- Белоусова** Вера Михайловна 742, 1007
- Белый** Андрей 84, 168, 234, 266, 534, 695, 709, 923, 1063, *alias* **Бугаев** Андрей
- Бельмиш** Анна 234
- Бельская** Изабелла Кузьминична 317
- Бенедиктов** Иван Александрович 36
- Бенкендорф** Александр Христович 289
- Беннигсен** Леонтий Леонтьевич 292
- Бенуа** Александр Николаевич 643
- Берг** Аксель Иванович 91, 92, 202, 204, 259—261, 314, 516, 1016, 1017—1019, 1021, 1031
- Березин** Феликс Александрович 361
- Берендгоф** Борис Сергеевич 51
- Берия** Лаврентий Павлович 178, 658, 874, 890
- Берков** Павел Наумович 250
- Бёрлин** Ирвинг 858, 859, *alias* **Berlin** Irving
- Бёрлин** Исая 858, 859, *alias* **Berlin** Isaiah
- Бернштейн** Самуил Борисович 1034
- Бёрри** Роза Яковлевна 497
- Берс** Андрей Александрович 151
- Берс** Липман 512, 513
- Бетховен** Людвиг ван 186, 558
- Бёджес** Джон Паттон 722, 724, 725
- Бибербах** Людвиг 1077
- аль-Бируни Абу Рейхан Мухаммед ибн Ахмед 573, 580
- Бирс** Амброс 278, 295, *alias* **Bierce**
- Бирюков** Василий Иванович 49, 54, 529
- Бирюкова** Мария Ивановна 50, *alias* **Кураева**, Маша
- Бицадзе** Андрей Васильевич 1067, 1068
- Благодатских** Сергей, абитуриент 688
- Блинков** Александр Давидович 411
- Блок** Александр Александрович 430, 434, 1022
- Бовин** Александр Евгеньевич 822
- Богачёв** Иван Дмитриевич 358, 359
- Богданов** Николай Иванович 647
- Боголюбов** Николай Николаевич (отец) 912
- Боголюбов** Николай Николаевич (сын) 177, 196, 362, 449, 450

- Богомолов** Николай Алексеевич 1083
- Боданская** Ксана Михайловна 1049
- Боданский** Евгений Давидович 852, 1049
- Бойтенко** Ирина 752
- Бокгольд** Маргарита Фридриховна 330, 331
- Бокгольд** Софья Семёновна 331
- Болейн** Анна 241
- Болибрух** Андрей Андреевич 387
- Болошин** Игорь Александрович 189
- Болтянский** Владимир Григорьевич 494
- Бонапарт** Наполеон, *alias* Наполеон I
- Бонди** Сергей Михайлович 1043
- Бор** Нильс 333, 880, 884
- Борель** Эмиль 550, 592, 968, *alias* **Borel**
- Борин** Александр Борисович 501
- Боровик** Генрих Аверьянович 439
- Боровков** Александр Алексеевич 146
- Бороздин** Константин Григорьевич 455
- Борхес** Хорхе Луис 142
- Боски** Дмитрий Леонидович 332
- Боски** Екатерина Герасимова 332
- Босх** Иероним 892
- Ботичелли** Сандро 892
- Бóчвар** Дмитрий Анатольевич 315, 316, 1070, 1071
- Брамс** Иоганнес 186
- Брауэр** Лёйтзен Эгберт Ян 122, 390, 391, *alias* **Brouwer**
- Брашман** Николай Дмитриевич 486
- Брежнев** Леонид Ильич 222, 345, 398, 437, 609, 765
- Брик** Лили (Лиля) Юрьевна 856, 939—941, 1065
- Брик** Осип Максимович 939, 940
- Бродский** Иосиф Александрович 645, 804, 893
- Брокгауз** Фридрих Арнольд 242, 281, 291, 296, 336, 844, 845
- Бруевич** Николай Григорьевич 94
- Бруни** Лев Александрович 248
- Бруни** Марьяна Львовна 241, 248
- Бруно** Джордано 378
- Брушлинский** Константин Владимирович 804
- Бруштейн** Александра Яковлевна 43
- Брюсов** Валерий Яковлевич 882
- Брюханенко** Наталия Александровна (**Брюхоненко** Наталья Александровна) 255, 419, 500, 530, 642, 643, 897, 938—940, 970, 991, 994, 1065
- Бугаев** Андрей Николаевич 168, *alias* **Белый**
- Бугаев** Борис Николаевич 241, 242
- Бугаев** Николай Васильевич 168, 534
- Буда** Анатолий Олегович 575, 578
- Будагов** Рубен Александрович 162, 350, 1023, 1030, 1034
- Будник**, абитуриент 689
- Буканова** Ася Александровна 191, 192, 194
- Буковский** Владимир Константинович 380, 381, 395, 398
- Булгаков** Павел Георгиевич 570
- Булинский** Александр Вадимович 190
- Булыгина** Татьяна Вячеславовна 861
- Бунимович** Евгений Абрамович 966
- Бурас** Мария Михайловна 792, 793
- Бурбакі** Николія 89, 1071, *alias* **Bourbaki**
- Бухштабер** Виктор Матвеевич 228, 229

- Буш** Джордж Уокер (сын) 818
Буяно́вер Ирина Семёновна 423—429, 493
Быков Ролан Антонович 434
- Бавилов** Николай Иванович 516
Бавилов Сергей Иванович 859
Вакарелов Димитр (Димитър) Иванов 402
Ваксберг Аркадий Иосифович 1004
Ван Тянь-Цзэ 455
Ван дер Варден Бартель Леендерт 124
 Варвара Петровна, завуч 207, 208
Варданян Валерий Арамович 19, 581, 585, 604
Варейкис Иосиф Михайлович 28
Васильев Антон Михайлович 178, 382, 383, 743
Васильев Николай Борисович 188
Ватсон Джон 659
Введенская Вера Алексеевна 489, *alias* Громова
Введенская Никита (Наталья-Никита) Дмитриевна 16, 239, 244, 342, 481—483, 489—494, 495, 496, 500, 896
Введенский Дмитрий Алексеевич 482
Вейн Александр Моисеевич 183
Вейнгаарден Адриан ван 574, 576, 599
Векуа Илья Нестерович 897
Великсон Любовь Григорьевна, *alias* Вольфензон
Велихов Евгений Павлович 195, 196, 587
Вениаминов Владимир Николаевич 553
Вентцель Елена Сергеевна 896, *alias* Грекова
- Вентцель** Татьяна Дмитриевна 88, 342, 896
Венцлова Томас 232, 258, 295
Верещагин Николай Константинович 176, 329
Вертинский Александр Николаевич 658
Вершик Анатолий Моисеевич 484
 Вивиан 257
Вигдорова Фрида Абрамовна 645
Визитэй Генриетта Васильевна 62
 Вильгельм I 291
 Вильгельм II 291
Вильямс Николай Николаевич 423
Винберг Эрнест Борисович 157, 475
Винер Норберт 60, 308
Виноградов Виктор Владимирович 164, 259, 260, 696, 832, 833, 860, 1028—1031, 1047
Виноградов Дмитрий Иванович 47
Виноградов Иван Матвеевич 177, 361, 449, 451, 452—457, 461, 474, 478, 485, 496, 512, 533, 850, 860, 861, 897, 899—901, 905, 967, 971, 981
Виноградов Николай Дмитриевич 336
Виноградов Сергей Александрович 438
Виноградова Мария Николаевна 336
Виноградова Надежда Матвеевна, жена В. В. Виноградова 860, 862, 1029
Виноградова Надежда Матвеевна, сестра И. М. Виноградова 860—862
Виноградова Юлия Дмитриевна 47, 50, *alias* Успенская Юлия
Вислобоков А. Д. 95
Витаньи Пол 627

- Витковский** Евгений Владимирович 435
- Витт** Александр Адольфович 492
- Вихляева** Екатерина Михайловна 584
- Владимиров** Владимир Сергеевич 180, 195, 196
- Владимиров** Леонид Владимирович 741
- Власов** Алексей Константинович 128
- Влэдуч** Георгий Эмильевич (Ми-
лиевич) 314, 315
- Вобси** Мирон Семёнович 483
- Вобси** Соломон Михайлович, *alias*
Михо́элс
- Вовченко** Григорий Данилович 338, 701, 702
- Вознесенский** Андрей Андреевич 244, 433, 437, 724
- Вознесенский** Николай Алексее-
вич 516
- Войнович** Владимир Николаевич 528, 647, 648
- Войтыла** Кароль 145, *alias* Иоанн
Павел II
- Воланд 786, 1082
- Волкова** Наталья Борисовна 642
- Волковысский** Лев Израилевич 584
- Волконский** Пётр Михайлович 287, 290
- Волошин** Максимилиан Алексан-
дрович 77, 502, 1057
- Вольпин** Александр Сергеевич,
alias **Есенин-Вольпин**, **Yesenin-
Vol'pin**
- Вольпин** Надежда Давыдовна 365,
366—368, 369, 370, 394, 395,
396, 397, 556, 557, 645
- Вольф** Рикардо 469, 470, *alias* **Wolf**
- Вольфензон** Любовь Григорьевна 502
- Воробьёв** Андрей Иванович 448
- Воробьёва** Инесса Львовна 1061
- Воронцов** Николай Валентинович 706
- Воронцов** Николай Николаевич 303
- Ворошилов** Климент Ефремович 859
- Вул** Бенцион Моисеевич 860
- Выгодская** Клавдия Семёновна 1031
- Выгодский** Марк Яковлевич 538
- Высоцкий** Владимир Семёнович 1053
- Вышинский** Стефан 145
- Вэник** Чарлз 818—820
- Гаазе-Раппопорт** Модест Георги-
евич 237—239, 242
- Гаврилов** Михаил Александрович 85, 124
- Галиганова** Анна Сергеевна (Ню-
ша) 53
- Галич** Александр Аркадьевич 165,
408, 645, 709, 717, 841, 1014
- Галкин** Илья Саввич 338
- Галкин** Максим Александрович 650
- Гальперн** Самарий Александро-
вич 205
- Гамзатов** Расул Гамзатович 867,
1080, 1081, 1082
- Гамзатова** Фатимат (Патимат)
Саидовна 1080
- Гамильтон** Эмма 856
- Гамкрелидзе** Реваз Валерианович 493, 496, 650
- Гамсун** Кнут 561
- Гаргантюа 760
- Гаспаров** Борис Михайлович 262,
264, 283, 295
- Гаспаров** Михаил Леонович 73,
415, 435, 937
- Гастев** Юрий Алексеевич 423
- Гегель** Георг 702
- Гейзенберг** Вернер 884, 885, 887, 888

- Гейне** Христиан Иоганн Генрих 481
Гейтс Билл 328
Гелескүл Анатолий Михайлович 1011, 1014, 1024
 Гелескулиха 1024
Геллер Эммануил Савельевич 61
Гельфанд Израиль Моисеевич 69, 128, 129, 141, 175, 220, 329, 447, 448—451, 461, 714, 804, 899, 900, 962, 966, 967, 969, 971, 976—980
Гельфанд Михаил Сергеевич 12, 966—982
Гельфанд Сергей Израилевич 970, 979
Гельфонд Александр Осипович 137, 456
Герасимов Александр Михайлович 436
Герасимов Михаил Михайлович 614
Герман Валентин Станиславович 424
 Германн 285
Герцен Александр Иванович 272, 297, 299, 300, 873
Герцик Владимир Маркович 424, 429
Гессе Герман 921
Гёдель Курт Фридрих 125, 127, 130, 214, 215, 312, 387, 388, 392, 393, 402, 410, 1073, *alias* **Gödel**
Гёте Иоганн Вольфганг фон 320, 329, 415, 561
Гильберт Давид 79, 124, 129, 196, 386—388, 456, 1071—1073, *alias* **Hilbert**
Гиляревский Руджеро Сергеевич 384
Гиляровский Владимир Алексеевич 760
Гинзбург Александр Аркадьевич, *alias* **Галич**
Гитлер Адольф 38, 516, 548, 614, 894, 1052, 1067
Гладилин Анатолий Тихонович 655
Гладкий Алексей Всеволодович 562, 1040
Глазунов Илья Сергеевич 1029, 1030
Глен Ника Николаевна 330, 331
Глен Николай Владимирович 331
Глен Раиса Александровна 330
Гливенко Валерий Иванович 539, 553
Гливенко Елена Валериевна (Лена) 114, 303, 377, 398
Глисон Генри Алан 929, *alias* **Gleason**
Гловинская Марина Яковлевна 1001
Глушков Виктор Михайлович 575, 577, 861
Глушковая Людмила Францевна 296
Глюк Кристоф Виллибальд 126
Гмыря Борис Романович 444
Гнеденко Борис Владимирович 64, 97, 99, 175, 196, 197, 417, 525
Говорухин Станислав Сергеевич 928
Гоголь Николай Васильевич 267, 553, 561, 706, 707, 710, 864, 872, 873, 875, 877
Гойя Франциско Хосе де 724, 725, 728, *alias* **Goya**
 Голиаф 884
Голицын Александр Николаевич 273, 290, 291
Голь Шарль де 847
Головина Лидия Ивановна 188
Голубев Валерий Леонидович 183
Голубев Владимир Васильевич 131, 222, 337, 345, 534
Гольд Борис Васильевич 1047
Гольдбах Христиан 453—457, 971, 981, *alias* **Goldbach**
Гончаров, абитуриент 689
Гончаров Иван Александрович 694
Гончаров Сергей Савостьянович 562

- Горбаневская** Наталья Евгеньевна 15, 16
Горбачёв Михаил Сергеевич 286, 346, 639, 717
Горбачёв Н. 104
Горбунов Алексей Денисович 895
Горбунов Николай Петрович 546, 548
Гордеев Дмитрий Иванович 195
Гордон Евгений Израилевич 475, 477
Гордон Израиль Исаакович 475, 476—478, 480, 501, 502
Горегляд Валерий Павлович 825
Горелик Геннадий Ефимович 489
Горенко Анна Андреевна, *alias* **Ахматова**
Горная Виктория Захаровна 24, *alias* **Атлас**
Городецкий Борис Юрьевич 685, 831, 1007
Горский Дмитрий Павлович 118
Горький Максим 41, 51, 201, 320, 761, 872, 873, 1077
Горьков Андрей Макарович (Андрик) 35
Горьков Макар Максимович 35, 36
Горькова Антонина Макаровна (Тоня) 35
Гостев Вадим Иванович 131
Готье Пьер Жюль Теофиль 206
Гофман, сапожник 865
Гофман Эрнст Теодор Вильгельм (Эрнст Теодор Амадей) 865
Грабарь Лидия 494
Градштейн Израиль Соломонович 129
Гребнев Наум Исаевич 1081, *alias* **Рамбах**
Грекова Ирина Николаевна 896, *alias* **Вентцель** Елена
- Гржимали** Иван Войцехович 1063
Грибоедов Александр Сергеевич 874
Григалюнене Инесса Викторовна 16
Григорьев Виктор Петрович 880—883, 888
Гришин Николай Васильевич, *alias* **Томский**
Громадский Виталий Александрович 445
Громов Михаил Яковлевич 489
Громова Вера Алексеева, *alias* **Введенская** Вера
Гроссман Василий Семёнович 892
Грот Яков Карлович 695
Гротендик Александр 1071, 1072, *alias* **Grothendieck**
Грудзинская Иоанна (Жаннета) Антоновна 275
Губарь Нина Александровна 477
Гудзий Николай Каллиникович 681, 682, 683, 684, 687, 698
Гудкова Виолетта Владимировна 42
Гулливер Лемюэль 505, 759
Гумилёв Николай Степанович 39, 77, 190, 242, 331
Гуревич Александр Викторович 56, 57, 58, 207, 208
Гуревич Аркадий 56, 208
Гуревич Ася 497
Гутенмахер Лев Израилевич 312, 313, 1016
Гутман Геннадий Рафаилович, *alias* **Евграфов** Геннадий
Гучков Александр Иванович 268
Гяго Арсен 1050
- Д**авид 884
Даль Владимир Иванович 809, 810
Дальский Николай Николаевич 422
Данелия Георгий Николаевич 1080
Данжуа Арно 148, 550, 861, 899

- Даниэль** Александр Юльевич 370, 371
Даниэль Юлий Маркович 380—382, 436
Дарвин Чарльз 95
д'Арк Жанна 241, 875
Дарузес Нина Леонидовна 278
Дашковская Татьяна 501, 502
Дедловская, абитуриент 689
Делинь Пьер 196
Делоне Борис Николаевич 110, 491
Делоне Вадим Николаевич 398
Дельвиг Антон Антонович 642
Демидов Сергей Сергеевич 542, 543, 546, 552
Демидович Борис Павлович 123, 525
Демосфен 111
Дёмина Наталия Валентиновна 222, 224, 325
Джабаев Джамбул 1081
Джафар 567
Джекобсон Натан 478
Джексон Генри 818—820
Джонсон Линдон 740
Джонсон Эндрю 821
Дзантиева, абитуриент 690
Диана, принцесса 617, 618, 619
Дибич-Забалканский Иван Иванович 270, 290
Дивов Олег Игоревич 762
Диляра (Диля), гид 599, 600, 604
Диткин Виталий Арсеньевич 131, 1067
Дмитриев Виктор Алексеевич 195
Добровейн Исай Александрович 557
Добровольский Андрей Андреевич 297
Добролюбов Николай Александрович 873
Добрушин Роланд Львович 64, 81, 136, 137, 141, 164, 423—425, 429, 493, 662—666, 668, 669, 672—674, 676, 677, 1005, 1006, 1010, 1011, 1013, 1016—1018, 1020, 1021, 1026, 1027, 1033, 1044, 1045
Добрушина Ирина Семёновна 424, *alias* Буяновер
Добрушина Екатерина Роландовна 1006, 1011
Долженко Евгений Прокофьевич 185, 467
Домбровский Юрий Осипович 892
Домино, лис 30
Дон Кихот 303
Дора Германовна 496
Дородницын Анатолий Алексеевич 450, 600, 861, 903
Дорфман, абитуриент 689
Достоевский Фёдор Михайлович 561, 812, 873, 874
Драгалин Альберт Григорьевич 167, 176
Дракон 895
Дрожжин Олег 27, *alias* Кондратенко Николай
Дроздов Василий Михайлович 273, *alias* Филарет
Друскин Михаил Семёнович 981
Дубёнская Матильда Исидоровна 138
Дубинин Николай Петрович 236
Дубов Сергей Леонидович 301
Дунаевский Исаак Осипович 858
Дункан Айседора 367, 534, 557, 559, 560
Дурасов Василий Алексеевич 256
Дыбо Анна Владимировна 930, 946
Дыбо Владимир Антонович 340, 1041

- Дынкин** Евгений Борисович 111, 112—114, 153, 204, 303, 375, 376, 428, 474, 496, 497, 660, 699, 886, 887, 917, 922, 923, 1044, 1077
- Дыховичный** Владимир Абрамович 654
- Дьяконов** Михаил Михайлович 898
- Дэвис** Джефферсон 32
- Дюгак** Пьер 549
- Дюкло** Жак 438
- Дюран** Брюно 758, *alias Durand*
- Дюфрень** Жан 76
- Дягилев** Сергей Павлович 304
- Евграфов** Геннадий 652
- Евграфов** Марат Андреевич 426
- Евклид 579, 931, 969
- Европа 810
- Евтушенко** Евгений Александрович 430, 431—446, 611, 1060
- Егоров** Борис Фёдорович 262, 264, 295
- Егоров** Дмитрий Николаевич 196
- Егоров** Дмитрий Фёдорович 460, 530, 534, 535, 545—547, 554, 918, 919
- Егорова** Анна Дмитриевна 196, 531, *alias Колмогорова* Анна
- Егудин** Герш Исаакович 481, 482, 489
- Егудина** Елена Феликсовна 481, 482, *alias Пуриц*
- Екатерина II 278, 280, 288, 771, 872, 875
- Елизавета Алексеевна, императрица 290, 301
- Елизавета, бельгийская королева 859, 860
- Елизавета II 859, 860
- Елизаренкова** Татьяна Яковлевна (Тася) 264, 265
- Елпатьевский** Константин Васильевич 295
- Ельцин** Борис Николаевич 268, 286, 287, 346, 421, 729, 802, 818, 820—822, 1060, 1061
- Елютин** Вячеслав Петрович 1028, 1033, 1041
- Емельянов** Алексей Михайлович 364
- Ерофеев** Венедикт Васильевич 872
- Ершов** Андрей Петрович 64, 568, 569, 570, 572, 574, 576—580, 586, 587, 590, 591, 594—597, 599, 606—608, 615, *alias Ershov*
- Ершов** Юрий Леонидович 136, 151, 574, 577
- Есакóв** Владимир Дмитриевич 543, 546
- Есенин** Сергей Александрович 365, 366—369, 371, 395—397, 430, 434, 526, 555, 556—559, 645, 1044
- Есенин-Вольпин** Александр Сергеевич 93, 94, 136, 220, 222, 365—368, 369, 370—399, 448, 556, 645, 788, 976, 979, 982, 1045, 1070, 1071, *alias Yesenin-Vol'pin*
- Ефимов** Александр Иванович 1042
- Ефимов** Николай Владимирович 141, 219, 226, 497
- Ефремович** Вадим Арсеньевич 491
- Ефрон** Илья Абрамович 242, 281, 291, 296, 336, 844, 845
- Жданов** Андрей Андреевич 545, 836
- Железнов** Николай Андреевич 86
- Жемчужная** Евгения Гавриловна 940
- Жирмунский** Виктор Максимович 141

- Жолковский** Александр Константинович (Алик) 88, 847
- Жуковский** Василий Андреевич 281, 282
- Жуковский** Николай Егорович 127
- Журавлёв** Анатолий Фёдорович 955
- Журавлёв** Юрий Иванович 151, 302, 306, 307
- Журбенко** Игорь Георгиевич 190
- Зайков** Лев Николаевич 717
- Зак** Рафаил Лазаревич 990
- Зализняк** Андрей Анатольевич 73, 76, 88, 156, 157, 160—165, 261, 295, 340, 341, 644, 645, 649, 668, 686, 695, 829, 929, 930, 944, 945, 949, 957, 964, 989, 994, 995, 998, 999, 1000—1048, 1063
- Зализняк** Анна Андреевна 995
- Замдберг** Изольд Юдович, *alias*
- Зверев** Изольд
- Зарубина** Анна Юрьевна (Аня) 19
- Зархин**, абитуриент 689
- Захарченко** Василий Дмитриевич 94, 416
- Захидов** Марат Тишаевич 193, 581, 582
- Заходер** Борис Владимирович 201, 301, 419, 531
- Звегинцев** Владимир Андреевич 162, 164, 362, 832, 833, 927—929, 1006—1008, 1023, 1042
- Зверев** А. 768
- Зверев** Игорь Николаевич 188
- Зверев** Изольд (Илья) Юдович (Юльевич, Юрьевич) 501, 502
- Звонкин** Александр Калманович 620
- Звонкина** Алла Викторовна 620
- Здоровец** Яна Игоревна 802
- Здоровов** Юрий Арсеньевич 24
- Зевс** Олимпийский 870
- Зелинский** Николай Дмитриевич 886
- Зельдин** Владимир Михайлович 864
- Зельдович** Яков Борисович 489, 506, 507—509, 512, 513, 839, 881, 882—885, 888
- Земанек** Хейнц 574—576, 578, 579, 595, 599, 600, *alias* **Zemanek**
- Земская** Елена Андреевна 1030
- Зендер** Александр 752
- Зендер** Евгения 752
- Зензинов** Владимир Михайлович 815
- Зильберштейн** Илья Самойлович 642, 643, 1065
- Зимин** Дмитрий Борисович 878, 913, 944, 983
- Зинова** Юлия Александровна 782
- Зиновьев** Антон Кирилов 400
- Зифкес** Дирк 640
- Золотарёв** Владимир Михайлович 64, 190
- Зорин** Андрей Леонидович 301, 320
- Зорин** Валентин Сергеевич 469
- Зыков** А. В. 91
- Зыков** Александр Александрович 118
- Ибсен** Генрик 561
- Иван VI Антонович 279
- Ива́нов** Вячеслав Всеволодович (Кома) 86—88, 139, 232, 233, 235, 260, 261, 282, 295, 313—315, 317, 318, 340, 416, 926, 927, 932, 998, 999, 1012, 1013, 1016, 1039, 1041—1043
- Иванов** Егор Иванович 396
- Иванов** Сергей Аркадьевич 983, 984
- Иванова** Мария 47
- Иванова** Таисия Самуиловна 490, 497—499
- Иванько** Сергей Сергеевич 647—649

- Ива́шев-Мусатов** Олег Сергеевич 173, 190, 202, 532
- Ива́шев-Мусатов** Сергей Николаевич 178
- Ивлев** Борис Михайлович 173
- Игнатюк** Михаил Францевич 858, *alias* Ленин Михаил
- Игумнов** Константин Николаевич 557
- Извеков** Сергей Михайлович 651, *alias* Пимен
- Иисус Христос 122, 150, 884
- Ильенко** Сакмара Георгиевна 1038
- Ильин** Арлен Михайлович 135
- Ильина** Наталья Иосифовна 645, 649, 1058
- Ильичёв** Леонид Фёдорович 259, 260, 371, 372
- Ильюшин** Алексей Антонович 171
- Ильяшенко** Юлий Сергеевич 220
- Иоанн XXIII 141, 143—145, 916, *alias* Ронкалли
- Иоанн Павел II 145, *alias* Войтыла
- Иорданская** Лидия Николаевна 88
- Исаков** Сергей Геннадиевич 298
- Искандер** Фазиль Абдулович 892, 893
- Исокити** 771
- Ишлинский** Александр Юльевич 131, 164, 175, 1025, 1026
- Ишчанов** Рахим Ишчанович 575, 579, 593, 598
- Кабулов** Анвар Василевич 574, 578
- Кабулов** Васил Кабулович 574, 576, 579, 600
- Каганович** Лазарь Моисеевич 866, 867, 890
- Казанник** Алексей Иванович 268, 286, 287
- Калигула, император 870
- Калинин** А. Д. 1043
- Калинин** Илья Александрович 332
- Калинин** Михаил Иванович 349
- Кальманок** Анна Иосифовна (**Кальма** Нелли) 1047
- Кальмар** Ласло 117
- Камынина** Александра Алексеевна 683, 684, 700
- Кандель** Эдуард Израилевич 78, 183, 925
- Канель-Белов** Алексей Яковлевич 408
- Кановей** Владимир Григорьевич 463, 464, 1076
- Кантор** Георг 385, 387, 388, 537, 1073
- Канторович** Всеволод Леонидович 522
- Канторович** Леонид Витальевич 147, 151, 175, 515, 516—522, 564
- Капитонова** Юлия Владимировна 574, 577
- Капи́ца** Пётр Леонидович 884, 885
- Капи́ца** Сергей Петрович 303, 885
- Карабандурьян**, абитуриент 691
- Карамзин** Николай Михайлович 273, 274, 300, 872
- Карамзина** Катерина Андреевна 273
- Карман** Теодор фон 130
- Карманов** Владимир Георгиевич 384, 796, 1066, 1067—1070
- Карнап** Рудольф 315
- Карпелевич** Фридрих Израилевич 123, 340
- Картье** Жак 844, 845—849, 851, 863, 864, *alias* Cartier Jacques
- Картье** Жорж-Этьен 849, 863, 864, *alias* Cartier George-Etienne
- Каспрович** Эразм Лукаш 297
- Кассо** Лев Аристидович 545
- Катаев** Валентин Петрович 653, 654
- Катаев** Георгий Иванович 138
- Катаев** Георгий Матвеевич 138
- Катаев** Дмитрий Иванович 138

- Катаев Иван Иванович** 138
Катаев Иван Матвеевич 138
Катаев Николай Матвеевич 138, 937
Катанян Василий Васильевич 989, 1078
Кауфман Ганс 574, *alias* **Kauffmann**
Кафка Франц 743, 1037
Каценельбаум Борис Захарович 497
Кацурагава Хосю 770, 771
Кашкин Иван Александрович 295
Кедрова Марина Михайловна 423
Кёкконен Урхо Калева 265, 285
Келдыш Леонид Вениаминович 153
Келдыш Людмила Всеволодовна 141, 153, 217, 553
Келдыш Мстислав Всеволодович 153, 202, 204, 259, 449, 504, 505, 714, 798, 799, 804, 1072
Келдыш Пётр Мстиславович 798
Кельберт Ольга Яковлевна 992
Кеппен Игорь Вячеславович 448
Кибиров Тимур Юрьевич 767, 769, 776, 876, 941
Кибрик Александр Евгеньевич 345, 829, 830—832, 841, 930, 932, 946
Кикоин Исаак Константинович 83, 175
Ким Ир Сен 870
 Кирилл, митрополит затем патриарх 422, 1060
Киро Сергей Николаевич 188
Киришон Владимир Михайлович 42—44, 51
Киселевская Светлана Марковна 121, *alias* **Успенская** Светлана
Китов Анатолий Иванович 139, 237
Китредж Одри Ксения 970
Клемансо Жорж 626
Клемент Фёдор Дмитриевич 258—260
Климов Ростислав Борисович 465
Клини Джин 598, 599, *alias* **Kleene** Jeanne
Клини Стивн (Стефен) Коул 117, 136, 213, 389, 390, 394, 568, 574, 576—578, 587, 592, 597, 598, 599, 601, 602, 604, 979, *alias* **Kleene** Stephen
Клинтон Билл 821
Клэй Лэндон Томас 985, *alias* **Clay**
Клячкин Евгений Исаакович 432, 1014
Книппер-Чехова Ольга Леонардовна 201
Кнорре Марианна Михайловна 199
Кнут Джилл 599, 602, 603, *alias* **Knuth** Jill
Кнут Дональд Эрвин 567—569, 570, 571, 573, 574, 576—580, 587, 590, 595, 597—606, 746, 747, *alias* **Knuth** Donald
Кобзон Иосиф Давыдович 1082
Кобрин Кирилл Рафаилович 332
Ковнер Семён Самсонович 553
Коган-Бернштейн Елена Яковлевна 815
Кодаю 771
Кожина Евгения Александровна 501
Кожин Вадим Валерианович 504
Козельцева Елена Борисовна 798
Козлинский Владимир Иванович 199
Козлов Василий Васильевич 190, 194
Козлов Сергей Леонидович 800, 801
Козловский Яков Абрамович 653, 654, 1081
 Козочка 23, *alias* Biquette
Колесников Андрей Иванович 766
Колмановский Эдуард Савельевич 434

- Колмогоров** Андрей Николаевич 20, 59—231, **235**, 236—238, 240, 243—249, 282, 297, 298, 304, 305, 308—311, 325—327, 329, 330, 361, 362, 375, 398, 401, **414**, 415—419, 426, 428, 429, 447, 450, 460, 462—465, 467—470, 484—487, 492, 503, 504, 506, 515, 520, 522—525, 527, 530—534, 538, 539, 551—554, 591, 593, 594, 609, 632, **640**, 686, 699, 705, **710**, 711, 712, 714, 720, 721, 723, 731, 801, 803, 804, 806, 882, 899, 900, 903, 906, 908, 909, 915, 916, 922—926, 928, 932, 935—937, 944, 948, 949, 969—972, 977, 980, 1002, 1005, 1008, 1010, 1015, 1019, 1023—1025, 1029, 1031, 1048, 1066—1068, *alias* **Kolmogoroff**, **Kolmogorov**
- Колмогоров** Валерий Павлович 104
- Колмогоров** Павел Афиногенович 104, 105
- Колмогоров** Яков Степанович 137
- Колмогорова** Анна Дмитриевна 132—134, 139, 146, 147, 173, 178, 181, 183, 184, 191, 192, **196**, **197**, 202, 532, 1066, *alias* **Егорова**
- Колмогорова** Вера Яковлевна 109, 138
- Колмогорова** Мария Яковлевна 109, 137
- Колмогорова** Надежда Яковлевна 109
- Колпакова** Екатерина Васильевна 53, 1053—1055
- Колумб** Христофор 313, 845, 972
- Колшанский** Геннадий Владимирович 841, 1039
- Кольман** Эрнест (Арношт) Яронинович (Натанович) 94, **95**, 543
- Колядина** Елена Владимировна 440
- Конашевич** Владимир Михайлович 29
- Кондратенко** Николай Никитич 27, *alias* **Дрожжин**
- Кондратенко** Олег Николаевич 27, 28, 757
- Кондратов** Александр Михайлович (Саша) 88, 96, 97, 242, 245, 936
- Кондрáшев-Иванов** Ипполит Михайлович 178
- Кондрашин** Кирилл Петрович **444**, 445
- Коннова** Вера Фёдоровна 1001
- Коновалов** Борис Петрович 676, 677
- Коновалов** Сергей Петрович 1075
- Константин Павлович, великий князь 266, 268—278, 281, 282, 287—292, 296, 300
- Константин Порфирьевич, портной 623, 719
- Константинов** Владимир Михайлович 771
- Константинов** Николай Николаевич 310
- Концевая** Екатерина Абрамовна 95
- Концевич** Максим Львович 969
- Конёнков** Сергей Тимофеевич 396
- Копелев** Лев Зиновьевич 178
- Копелевич** Юдифь Хаимовна 571, 572
- Корвалан** Луис 398
- Корельская** Татьяна Дмитриевна 637, 851, 970
- Корлеоне** Вито 803
- Корниленко** Виктор 945
- Коробов** Николай Михайлович 188, 461, 462, 897, 899, 901—903, 905
- Коровин** Вячеслав Иванович 105—109

- Коровина** Ирина Михайловна 105—109
- Королюк** Владимир Семёнович 141
- Королёв** Сергей Павлович 194, 359, 516, 804
- Корф** Модест Андреевич 271, 274—278, 280, 281, 287—290, 296, 297, 299
- Коршунова** Галина Петровна (Галля) 265, 285
- Косолапов** Валерий Алексеевич 441, 442, 611
- Костицин** Владимир Александрович 460
- Костомаров** Дмитрий Павлович 363
- Кострикин** Алексей Иванович 114
- Котельников** Владимир Александрович 175
- Котов** Вадим Евгеньевич 575
- Котов** Ренат Григорьевич 831
- Котова** Анна Юрьевна 429
- Кошелёв** Алексей Дмитриевич 298
- Коэн** Пол Джозеф 387, 389, 390, 1073, 1074, *alias* Cohen
- Крайзель** Георг 607
- Крапивина** Татьяна Константиновна 1001
- Краснов** Михаил Михайлович 180
- Краснодембская** Нина Георгиевна 762
- Красюк** Анна Сергеевна 199, *alias* Алеева, Алексеева Анна, Штекер Анна
- Кречмар** Антоний 575, 576
- Кржижановский** Глеб Максимилианович 542, 548
- Кривнова** Ольга Фёдоровна 1007, *alias* Крутикова
- Кристи** Ирина Григорьевна 220
- Кришон** Владимир Михайлович 43
- Кронгауз** Максим Анисимович 406
- Кронрод** Александр Семёнович 111, 220, 221, 377, 497, 886, 887
- Кропоткин** Пётр Алексеевич 852
- Круг** Герман Карлович 34
- Круг** Елена Карловна 34
- Круг** Карл Адольфович 34
- Круг** Наталья Карловна (Тата) 34
- Крупский** Владимир Николаевич 176
- Крутецкий** Вадим Андреевич 731
- Крутикова** Ольга Фёдоровна (Оля) 685, 1007, *alias* Кривнова
- Крушинский** Леонид Викторович 701
- Крылов** Алексей Николаевич 127, 544, 545, 812
- Крылов** Иван Андреевич 72, 235, 710
- Крысин** Леонид Петрович 832
- Крючкин** 993
- Ктулху 24
- Куайн** Уиллард Ван Орман 393
- Кубилюс** Йонас Пятро 141
- Кудрявцев** Валерий Борисович 176, 179
- Кудрявцев** Лев Дмитриевич 141
- Кудрявцева** Елена Владимировна 16
- Кузинёц** Давид Абрамович 1020, 1021
- Кузичев** Александр Сергеевич 176, 351
- Кузнецов** Анатолий Васильевич 611
- Кузнецов** Пётр Саввич 73, 74, 86, 87, 138, 139, 161, 235, 318, 681, 682, 687, 698, 932, 998, 1009, 1012, 1032, 1033
- Кузьма, пожарный 29
- Кузьминский** Константин Константинович 370
- Куинджи** Татьяна Владимировна 419
- Кулакова** Наталья Александровна 411

- Кураев** 51
Кураева Мария Ивановна 51, 529, 1053, 1062, *alias* **Бирюкова**, Маша
- Курант** Рихард 124, 511, 524
Курбанбаев Б. 575
Курбе Гюстав 877
Курочкин Владимир Михайлович 575
- Курош** Александр Геннадиевич 124, 131, 133, 136, 188, 221, 304
Курчатов Игорь Васильевич 839
Кутателадзе Семён Самсонович 522
Куханова Галя 1011, *alias* **Пожарицкая**
- Кушниренко** Анатолий Георгиевич 586
Кюри Мария 709
Кюри Пьер 709
Кюцам Тая 691
- Лавинская** Елизавета Андреевна 939
Лавинский Антон Михайлович 939
Лаврентьев Алексей Лаврентьевич 459
Лаврентьев Михаил Алексеевич 151, 219, 459, 461, 491, 518, 535, 553, 562, 563, 897, 899, 900
Лавров Святослав Сергеевич 574, 576, 578
Лагутёнок Виталий Павлович 644
Ладыженская Ольга Александровна 141, 494
Лазарев Пётр Петрович 80
Лазаревский Николай Иванович 296
Лазова Майя Вячеславовна 1031
Лазуркина Дора Абрамовна 877
Ланда Лев Наумович 88
Ландау Лев Давидович 489, 885, 887, 900
- Ландау** Марк Александрович, *alias* **Алданов**, **Aldanov**
Ландис Евгений Михайлович 220, 887
Ланцелот 895
Ланьков Андрей Николаевич 762
Ларина Татьяна Дмитриевна 703, 705
Ласкер Эммануэль 366
Латынина Юлия Леонидовна 862, 863
Лажути Делир Гасемович 261, 308, 309, 313, 314
Лацис Отто Рудольфович 822
Лебег Анри Леон 464, 539, 540, 549, 550, 592, 920, 972, 973, 981, 1075, 1076, *alias* **Lebesgue**
Лебедев Геннадий Викторович 586
Левашёв Василий Васильевич 287
Левин Леонид Анатольевич 167, 169, 947
Левин Юрий Иосифович 264
Левитан Юрий Борисович 890
Левитин Евгений Семёнович (Женя) 207, 423, 650, 1059
Левич Вениамин Григорьевич 472, 473
Левонти́н Эзра Ефимович 644
Лейбниц Готфрид Вильгельм 323
Лем Станислав 166, 323, 1066
Ленин Владимир Ильич (**Ленин** Николай) 16, 17, 220, 546, 557, 609, 714, 736, 761, 800, 849, 850, 857, 858, 866, 870, 875, 877, 917
Ленин Михаил Францевич 850, 857, 858, *alias* **Игнатюк**
Ленский Виктор Степанович 171
Ленский Владимир 880, 881
Леонов Виктор Петрович 156
Леонтович Михаил Александрович 452

- Леонтьев** Алексей Николаевич 787, 793
- Леонтьева** Нина Николаевна 88
- Лермонтов** Михаил Юрьевич 434, 709, 803, 865, 873
- Лесёчко** Михаил Авксентьевич 790
- Лесскис** Георгий Александрович 263, 296
- Летичевский** Александр Адольфович 574, 577
- Лефшец** Соломон 481, *alias* **Lefschetz**
- Лёвшин** Борис Венедиктович 542
- Либерман** Александр Абрамович 301
- Ливенсон** Евгений Максимилианович 515
- Лившиц** Бенедикт Нахманович (Наумович, Константинович) 239
- Лигачёв** Егор Кузьмич 507
- Лидия Фёдоровна, учительница 30
- Лидяев** Сергей Фёдорович 131
- Лилина** Мария Петровна 200
- Лимбах** Иван Юрьевич 295
- Линник** Юрий Владимирович 136
- Липков** Александр Иосифович 759—763
- Лисянский** Марк Самойлович 645
- Литвинов** Максим Максимович 992
- Литвинова** Айви Вальтеровна 741, 992, *alias* **Лоу, Low**
- Литвинова** Татьяна Максимовна 992
- Лихтерман** Владимир Арнольдovich 184
- Лихтерман** Леонид Болеславович 184
- Лобанов-Ростовский** Дмитрий Иванович 271, 288
- Лобачевский** Николай Иванович 156, 235, 345, 812, 813, 818, 824, 931
- Лобов** Евгений Иванович 1007
- Лович** Иоанна (Жаннета) Антоновна, *alias* **Грудзинская**
- Логвинова** Валентина Антоновна 190
- Логунов** Анатолий Алексеевич 176, 179, 338, 360, 361—364, 785, 841, 931, 932
- Ломковская** Мария Владимировна (Маша) 686, 698, 699
- Ломоносов** Михаил Васильевич 20, 72, 349, 710, 936, 950, 975
- Ломтев** Тимофей Петрович 162, 1003, 1023, 1036, 1042
- Лондон** Джек 31
- Лопухин** Пётр Васильевич 274
- Лотарёв** Игорь Васильевич, *alias* **Северянин**
- Лотман** Алексей Юрьевич (Алёша) 255, 283
- Лотман** Григорий Юрьевич (Гриша) 255, 283
- Лотман** Михаил Юрьевич (Миша) 255, 283
- Лотман** Юрий Михайлович 165, 253—282, 283, 284—298, 333, 992, 1056
- Лоу** Айви 992, *alias* **Литвинова** Айви, **Low**
- Лужков** Юрий Михайлович 784, 1050
- Лузин** Николай Николаевич 94, 132, 184, 185, 186, 216—219, 305, 458, 459, 460, 463—465, 467, 492, 515, 519, 527, 530, 534, 535, 536, 538—554, 918—920, 973, 976, 981, 982, 1073, 1075, 1076, *alias* **Lusin**
- Лузина** Надежда Михайловна, *alias* **Малыгина**
- Лукашевский** Сергей Маркович 370, 377

- Луначарский** Анатолий Васильевич 874
- Лунин** А. 60
- Лунин** Валерий Васильевич 364
- Лунина** Мария Александровна 1074—1077
- Лунц** Александр Лазаревич 303, 377, 397, 398
- Лупанов** Олег Борисович 175, 176, 195, 196
- Луценко** Иван Фомич 681
- Лысенко** Трофим Денисович 314, 350, 360, 713, 835, 836, 840, 841, 919, 927, 931, 963
- Людовик XVIII 266
- Люстерник** Лазарь Аронович 110, 205, 492, 527, 544, 546, 548, 553, 899
- Ляпунов** Алексей Андреевич 7, 92, 139, 151, 202, 204, 237, 302—310, 314, 460, 564, 586, 701
- Ляпунова** Анастасия Савельевна 307
- Ляпунова** Елена Алексеевна (Ляля) 306, 307
- Ляпунова** Наталья Алексеевна (Туся) 202, 306, 307, 701
- Мазуркевич** Антоний 575, 577
- Майенóва** Мария Рената 717
- Мака́шева** Ирина Георгиевна 260
- Макашов** Альберт Михайлович 862
- Максвелл** Джеймс Клерк 242
- Малаховская** Екатерина Брониславовна 233, 234, 644, 645, 649
- Маленков** Георгий Максимилианович 890
- Малиновский** Александр Александрович 307
- Малыгин** Михаил Алексеевич 460
- Малыгина** Надежда Михайловна 460
- Мальцев** Анатолий Иванович 132, 133, 141, 146, 147, 148, 149—151, 310, 499, 564
- Мальцев** Аркадий Анатольевич 468
- Мамардашвили** Мераб Константинович 332
- Манвелов** Николай Владимирович 756
- Мандельштам** Осип Эмильевич 60, 266
- Манилов** 362
- Манин** Юрий Иванович 574, 576, 591, 605, 967, 969, 972, 981
- Манн** Томас 146
- Мао** Цзэдун 870
- Маргарита 786
- Маргулис** Григорий Александрович 473
- Маргулис** Моисей Михайлович 646, 652—655
- Марджанишвили** Константин Александрович (Котэ) 529
- Марджанишвили** Константин Константинович 131, 529
- Марецкая** Мария Георгиевна 88
- Мария Николаевна, великая княжна 421
- Мария Павловна, великая княгиня 273
- Мария Фёдоровна, императрица 273, 275, 280
- Марк Порций Катон старший 842
- Маркес** Гарсиа Габриэль 439
- Марков** Алексей Яковлевич 442, 443
- Марков** Андрей Андреевич (отец) 640
- Марков** Андрей Андреевич (сын) 88, 121, 122, 137, 141, 152, 167—169, 173, 176, 211, 221, 401, 462, 640, 839, 860, 899, 900, 902, 903, *alias Markov*

- Марков** Моисей Александрович 839, 859, 860
- Марков** Павел Александрович 41
- Маркс** Карл Генрих 714, 736, 788, 875
- Маркушевич** Алексей Иванович 141
- Марр** Николай Яковлевич 529, 832
- Марсен** Джерольд Элдон 71, *alias* **Marsden**
- Мартемьянов** Юрий Семёнович 88
- Мартин-Лёф** Пер 159
- Маруся, домоправительница 181
- Марутян** Александр Николаевич 61
- Марчук** Гурий Иванович 189, 194, 195, 507
- Маршак** Самуил Яковлевич 28, 443, 444
- Матвеева** Новелла Николаевна 253, 282, 408, 1014
- Матиясевич** Юрий Владимирович 574, 578
- Матссон** Светлана Николаевна 753, 759, 760, 763
- Махина**, абитуриент 689
- Махова**, абитуриент 690
- Маша, няня 26, 28, 33, 35, 40, 48—55, 529, 1053, 1062, *alias* **Бирюкова**, **Кураева**
- Маяковская** Александра Алексеевна, *alias* **Павленко**
- Маяковская** Людмила Владимировна 856, 940
- Маяковская** Ольга Владимировна 856, 940
- Маяковский** Владимир Владимирович 77, 88, 430, 434, 800—802, 850, 855, 856, 858, 873, 936—941, 1065
- Медведев** Дмитрий Анатольевич 751
- Медведев** Феликс Николаевич 367
- Медведев** Фёдор Андреевич 592
- Медведев** Юрий Тихонович 123, 135, 136, 906, 907
- Медуза, учительница 207
- Межиров** Александр Петрович 648
- Мей** Лев Александрович 250
- Мейерхольд** Всеволод Эмильевич 555
- Мейман** Наум Натанович 899, 900
- Меклер** Густава Исааковна 24, 28, 30, 40, 41, 49, 53, 55, 530, 656, 659, 660, 917, 938
- Меклер** Мирра Исааковна 38
- Мелетинский** Елеазар Моисеевич 333, 335
- Мельников** Владимир Андреевич 176, 177, 362, 363, 1068
- Мельникова** Лидия Петровна 206, 918
- Мельчук** Игорь Александрович 88, 340, 777, 803, 1031, 1041
- Менделёвич** Сергей Львович 774
- Менделеев** Дмитрий Иванович 20, 72, 73, 710, 936
- Мендель** Грегор Иоганн 249, 360, 841, 931
- Меньшов** Дмитрий Евгеньевич 219, 498, 534, 553
- Мергелян** Сергей Никитович 169
- Мери** Леннарт 254
- Мессинг** Вольф (Вольфганг) Григорьевич (Гершкович) 614
- Мехлис** Лев Захарович 543
- Мещеряков** Александр Николаевич 762
- Мигдал** Аркадий Бенедиктович 507, 882—885, 888
- Мизес** Рихард фон 99
- Микешин** Михаил Осипович 873
- Микоян** Анастас Иванович 1080, 1081
- Миллионщиков** Михаил Дмитриевич 141

- Милославский** Игорь Григорьевич 1001
- Минин** Кузьма Анкудинович 876
- Минлос** Роберт Адольфович (Боб) 7, 244, 249—252, 1045
- Минц** Абрам Яковлевич 184
- Минц** Зара Григорьевна 255, 283
- Мионов** Андрей Александрович 616
- Мионов** Сергей Михайлович 751, 752
- Миттаг-Леффлер** Магнус Гёста 915
- Михаил Александрович, великий князь 268
- Михаил Павлович, великий князь 269, 273, 281, 299
- Михайленко** Борис Григорьевич 9, 562
- Михайлов** Александр Иванович 382, 383
- Михалевич** Владимир Сергеевич 175
- Михалков** Сергей Владимирович 438
- Мйхинов** Егор Онисимович 383
- Михбэлс** Соломон Михайлович 483, 891
- Миша, мальчик из Соколовой Пустыни 34
- Мищенко** Александр Сергеевич 504
- Мищенко** Евгений Фролович 175, 425, 447, 448—450, 468, 469, 493, 495, 496, 894, 1066
- Млодзиевский** Болеслав Корнелиевич 216
- Мозер** Юрген Курт 69
- Моисеев** Николай Дмитриевич 306, 307
- Молотов** Вячеслав Михайлович 890
- Молошная** Татьяна Николаевна 295, 318
- Монин** Андрей Сергеевич 64, 72, 141, 164, 175, 936, 1026, 1027
- Монтель** Поль Антуан Аристид 550
- Монтини** Джованни Баттиста Энрико Антонио Мария 145, *alias* Павел VI
- Морисон** Самуэль Элиот 143, 916
- Мориц** Юна Петровна 655
- Морозова** Елена Александровна 188, 423, 425, 427, 428
- Морозова** Надежда Николаевна 42
- Моруа** Андрэ 881
- Моцарт** Вольфганг Амадей 977
- Мравинский** Евгений Александрович 444
- Муссолини** Бенито 516
- Мухин** Алексей Алексеевич 802
- Мучник** Альберт Абрамович 906, 907
- Мясников** Пётр Вениаминович 345
- Набоков** Владимир Владимирович 815
- Навуходоносор, царь 1051, 1052
- Нагибин** Фёдор Фёдорович 155
- Нагорный** Николай Макарьевич 575, 578
- Наживин** Иван Фёдорович 245, 246
- Найман** Анатолий Генрихович 285
- Наполеон I 258, 300, 812, 1056, 1067
- Нарышкина** Анастасия Дмитриевна 12, 913, 914
- Нáсер** Гамаль Абдель 716
- Насупкина** Жанна Валерьевна 878, 984
- Наумов** Виктор Петрович 301
- Нахимсон** Елена 497
- Невзоров** Александр Глебович 850, 851, 858
- Невзоров** Семён Иванович 850, 858
- Невлер** Леонид Ильич 780
- Недбайло** Николай Михайлович 892, 893
- Нейман** Джон фон 69, 71, *alias* Neumann

- Некрасов** Виктор Платонович 445, 446, 611
- Некрасов** Николай Алексеевич 72, 434, 710, 873
- Нельсон** Горацио 855, 856
- Немзер** Андрей Семёнович 264
- Немчинов** Василий Сергеевич 520, 791
- Немыцкий** Виктор Владимирович 141, 498, 553
- Непейвода** Николай Николаевич 575, 576
- Неретин** Юрий Александрович 222, 394
- Нержин** Глеб Викентьевич 178
- Несмеянов** Александр Николаевич 259, 260, 314, 335, 338, 339, 905, 1018
- Несмеянова** Татьяна Николаевна 338
- Нестеров** Михаил Васильевич 760, 892
- Нетте** Теодор Иванович (Янович) 870, 937
- Нечаев** Евгений Борисович 434
- Нечаев** Константин Владимирович, *alias* Питирим
- Нечаева**, абитуриент 689
- Нётер** Амалия Эмми 492, 493
- Никитин** Сергей Александрович 1035
- Никифорова** Екатерина 46
- Никиш** Артур 200
- Николаев** Лев Николаевич 62
- Николаева** Татьяна Михайловна 8, 317—324
- Николай I 254, 269—278, 281, 282, 287—291, 296, 297, 299, 300, 873
- Николай II 268, 269, 279, 421, 1051
- Николай III 421, 422
- Никольский** Сергей Михайлович 64, 131, 185, 196, 450, 460, 461—465, 467, 903, 905
- Никсон** Ричард Милхауз 478, 479, 740, 1078, 1079
- Нина Фёдоровна, учительница 995, 997
- Ниренберг** Луи 471, 472, *alias* Nirenberg
- Ниязов** Сапармурат Атаевич (Туркменбаши) 837, 870
- Нобель** Альфред Бернхард 520, 788
- Новиков** Пётр Сергеевич 20, 85, 119, 123, 135—137, 141, 147—149, 153, 209, 210, 217, 304, 392, 462, 463, 548, 553, 898, 900, 902, 903, 919, 921, 931, 962, 966, 976
- Новиков** Сергей Петрович 113, 153, 188, 195, 196, 219, 221, 452, 485, 511, 512, 931, 1068
- Новичкова** Анастасия Порфирьевна 338, 363
- Новожилов** Виктор Валентинович 520
- Ногина** Елена Юрьевна 176
- Ноздрёв** 809
- Норман** Питер 858, *alias* Norman
- Носовский** Глеб Владимирович 965
- Нюберг** Николай Дмитриевич 531
- Образцов** Владимир Николаевич 1047
- Образцов** Сергей Владимирович 645
- О’Брайен** 834, 836, 838
- Обухов** Александр Михайлович 68, 72, 141, 175, 936
- Огарёв** Николай Платонович 277, 278, 297, 299
- Огибалов** Пётр Матвеевич 113, 114, 219, 223, 788
- Ожегов** Сергей Иванович 683, 695
- Окуджава** Булат Шалвович 365, 1006
- Олдрин** Базз 758

- Олейник** Ольга Арсеньевна 417, 494, 495
- Оленин** Алексей Николаевич 271, 274, 281, 297
- Олкок** Джеймс 762
- Орлов** Алексей Георгиевич 337
- Орлов** Алексей Фёдорович 289
- Оруэлл** Джордж 713, 768, 769, 771, 772, 818, 834, 838, 839, 1045
- Орфей** 126, 970
- Осповат** Александр Львович 811
- Островский** Александр Николаевич 28, 753
- Островский** Николай Алексеевич 687, 691
- О'Хиггинс** Амбросио 874, *alias* **O'Higgins** Ambrosio
- О'Хиггинс** Бернардо 874, 875, *alias* **O'Higgins** Bernardo, **Рикелме**, **Riquelme**
- Павел I** Петрович 269, 278—280, 291, 298, 872
- Павел VI** 145, *alias* **Монтини**
- Павлак** Здзислав 575
- Павленко** Александра Алексеевна 856, 940
- Павлов** Иван Петрович 72, 95, 235, 710, 936
- Пáдва** Генрих Павлович 651
- Падучева** Елена Викторовна 76, 88, 165, 313, 315, 317, 995, 1000, 1014, 1016, 1045
- Пажитнова**, абитуриент 691
- Пален** Пётр Алексеевич фон дер 292
- Пан**, бог 194
- Панина** Гаянэ Юрьевна 404
- Панов** Михаил Юрьевич 14
- Панов** Сергей Игоревич 885
- Панфилов** Владимир Зиновьевич 261
- Панюнин** Никита Михайлович 7, 14, 302
- Папанов** Анатолий Дмитриевич 755
- Паперно** Денис Аронович 932, 933
- Параджанов** Сергей Иосифович 1078
- Парамонов** Андрей Альбертович 332
- Паремузов**, одноклассник 207
- Парето** Вильфредо 516
- Пархоменко** Алексей Серапионович 190
- Пастернак** Борис Леонидович 5, 64, 84, 160, 242, 434—437, 442, 521, 916, 923, 927, 941, 999, 1015, 1041—1043, 1045, 1077, 1078
- Пастернак** Евгений Борисович 237
- Пастрана** Юлия 652
- Патерсон** Майкл Стюарт 575, 577
- Пáули** Вольфганг 885, 887, 888
- Паулинг** Лайнус Карл 916, *alias* **Полинг**, **Pauling**
- Пачелли** Эудженио Мария Джузеппе Джованни 145, *alias* Пий XII
- Пентус** Мати Рейнович 176, 933, 1040
- Перельман** Григорий Яковлевич 792, 936, 954, 962, 985, 986, 988, 1072
- Пермяков** Евгений Владимирович 7, 20, 253
- Петер** Рожа 125, 150
- Петерсон** Карл Александрович 53
- Петров** Борис Николаевич 94
- Петров** Юрий Александрович 488
- Петрова** Татьяна Андреевна, *alias* **Понтрягина** Татьяна
- Петровский** Алексей Сергеевич 244
- Петровский** Иван Георгиевич 87, 128—130, 141, 152, 179, 187, 335—337, 339—352, 353, 354, 355, 357, 359, 362, 384, 425, 474, 493, 534, 552, 681, 699—702, 704, 705, 796, 798, 799, 898, 928, 1069, 1070

- Печорин** Григорий Александрович 687, 691, 692, 708—710
- Печуро** Сусанна Соломоновна 999
- Пётр I** 279, 760, 872
- Пётр III** 278—280
- Пиаже** Жан 142
- Пигасов** Африкан Семёнович 709
- Пий XI** 144, 145, *alias* **Ратти**
- Пий XII** 144, 145, *alias* **Пачелли**
- Пикассо** Пабло 436
- Пикуленко** Александр Александрович 752
- Пильман** Валентин 591
- Пимен**, митрополит 651, *alias* **Извеков**
- Пиночет** Аугусто Хосе Рамон 230, 231, 398
- Пиотровский** Раймонд Генрихович 1031
- Пиперски** Александр Чедович 933
- Писак** Виктория Борисовна 397
- Питирим**, митрополит 651, 1061
- Пифагор** 968
- Пичугина** Екатерина 781
- Плиско** Валерий Егорович 176
- Плунгян** Владимир Александрович 20, 929, 930, 946, 1047
- Плунгян** Надежда Владимировна 19
- Плутарх** 842
- Плюшкин** 707
- По** Эдгар 369
- Погорелов** Алексей Васильевич 157
- Подвойский** Николай Ильич 761
- Подколзин** Александр Сергеевич 176
- Подловченко** Римма Ивановна 302
- Пожарицкая** Софья Константиновна 1010, 1011
- Пожарский** Дмитрий Михайлович 876
- Полевой** Борис Николаевич 655
- Полетаев** Игорь Андреевич 93, 94, 151, 237, 240, 246
- Поливанов** Константин Михайлович 1057
- Поливанов** Михаил Константинович 56, 86, 88, 139, 234, 235, 239, 244, 651, 889, 912, 926, 989, 991, 1057, 1059
- Поливанова** Мария Константиновна 234
- Полинг** Лайнус Карл 838, *alias* **Паулинг, Pauling**
- Полльева** Джахан Реджеповна 584
- Полонская** Вероника Витольдовна 856, 940, 941
- Полотовский** Григорий Михайлович 475
- Полторацкий**, поручик 291
- Поляков** Пётр Иванович 289
- Померанчук** Исаак Яковлевич 885
- Пономаренко** Пантелеймон Кондратьевич 346, 350
- Пономарёв** Владимир Иванович 526
- Понтрягин** Лев Семёнович 79, 80, 177, 424—426, 448—450, 468, 469—514, 552, 861
- Понтрягин** Семён Акимович 470
- Понтрягина** Александра Игнатьевна 425, 468, 469, 481, 485, 494, 499, 500, 502, 504, 860, 861
- Понтрягина** Татьяна Андреевна 470, 471, 491, 494, 496
- Понырев** Иван Николаевич, *alias* **Бездомный**
- Попов** Владимир Степанович 507, 882
- Попов** Гавриил Степанович 272, 300
- Порет** Алиса Ивановна 938
- Поспелов** Дмитрий Александрович 91, 140, 160, 202, 522, 581

- Пост** Эмиль Леон 118, 120, **906**, 1072, *alias* **Post**
- Постников** Михаил Михайлович 492
- Потапов** Михаил Константинович 231
- Поуст** Эмиль Леон, *alias* **Пост**, **Post**
- Прегер** Фредерик 373, *alias* **Praeger**
- Предводителей** Александр Саввич 134
- Привалов** Александр Николаевич 12, 943—954
- Привалов** Иван Иванович 534, 553
- Пригарина** Наталья Ильинична 165
- Примаков** Евгений Максимович 743
- Пришвин** Михаил Михайлович 126
- Промыслов** Владимир Фёдорович 867, 1082
- Прохоров** Александр Владимирович (Саша) 88, 184, 190, 191, 195, 197, 202, 936, 937
- Прохоров** Юрий Васильевич 175, 184, 195—197, 699
- Прохорова** Ангелина Николаевна, *alias* **Шекрот**
- Прохорова** Ирина Дмитриевна 332
- Прут** Иосиф Леонидович 652
- Пуанкаре** Анри 157, 196, 397, 792, 793, 962, **985**, 986—988
- Пуанкаре** Раймон 766
- Пугачёв** Емельян Иванович 421
- Пуриц** Елена Феликсовна **481**, 482, 483, 489—492, 496, *alias* **Егудина**
- Путин** Владимир Владимирович 346, 751, 766, 818, 819, 821, 850, 858
- Пушкин** Александр Сергеевич 5, 60, 198, 250, 267, 279, 329, 335, 434, 560, 605, 642, 643, 695, 706, 710, 754, 765, 811—813, 837, 842, 865, 873, 876, 880, 894, 924, 937, 941
- Пятигорский** Александр Моисеевич 332—334
- Рабле** Франсуа 759
- Работнов** Юрий Николаевич 131
- Равель** Жозеф Морис 971
- Радзинский** Эдвард Станиславович 650
- Разумовский** Василий Григорьевич 175
- Райков** Дмитрий Абрамович 899
- Райс** Генри Гордон 910, *alias* **Rice**
- Райх** Зинаида Николаевна 555, 556
- Рамбах** Наум Исаевич 1081, *alias* **Гребнев**
- Рамзин** Леонид Константинович 494
- Раскин** Виктор Витальевич 831
- Раскина** Александра Александровна (Саша) 685, 1006—1008
- Ратти** Аброджио Дамиано Акилле 144, *alias* Пий XI
- Рахилина** Екатерина Владимировна (Катя) 18, 19
- Рашевский** Пётр Константинович 129, 426
- Рашидов** Турсунбой Рашидович 574
- Рашидов** Шараф Рашидович **609**, 610, 613
- Рёбиндер** Пётр Александрович (Пьерик) 55
- Ревзин** Исаак Иосифович 88, 1009, 1027, 1033
- Ремнёва** Марина Леонтьевна 345, 826
- Репман** Евгения Альбертовна 74
- Рерих** Николай Константинович 892
- Реформатский** Александр Александрович 318, 645, 649, 1027, 1031, 1033
- Рёкк** Марика 1052
- Рид** Джон 219
- Ридигер** Алексей Михайлович 657, *alias* Алексей II

- Рикелме** Бернардо 874, *alias Riquelme*, **О'Хиггинс** Бернардо, **O'Higgins** Bernardo
- Римский-Корсаков** Николай Андреевич 695
- Роберваль** Жан-Франсуа де ла Рок де 845, *alias Roberval*
- Рогинский** Арсений Борисович 258
- Роджерс** Хартли 909, *alias Rogers*
- Рожанская** Юлия Антоновна 217, 534, 552, 553, 554
- Рождественский** Роберт Иванович 433, 501, 502
- Рождественский** Юрий Владимирович 58, 164, 829, 931
- Рожков** Владимир Степанович 651
- Розенкноп** Ион Зельманович (Лёня) 114
- Розенфельд** Борис Абрамович 497, 570, 571, 572
- Розенцвейг** Виктор Юльевич 88, 297
- Розов** Николай Христович 188
- Рокоссовский** Константин Константинович 516
- Романов** Арнольд Константинович 175
- Романова** Мария Владимировна 422
- Романовский** Всеволод Иванович 489
- Ронкалли** Анджело Джузеппе 145, *alias* Иоанн XXIII
- Росси** Карл Иванович 801
- Ростовцев** Яков Иванович 272, 300
- Ростопчин** Фёдор Васильевич 287
- Рота** Нино 436
- Рохлин** Владимир Абрамович 478, 480, 484, 494, 497, 506
- Рубин** Лев Григорьевич 178
- Рубцова** Евгения 823
- Рудницкая** Евгения Львовна 297, 299
- Рузвельт** Франклин Делано 478
- Руммо** Пауль Эрик 258
- Русланова** Лидия Андреевна 651
- Руставели** Шота 873
- Ручко** 881
- Рушева** Надежда Николаевна 854, 855
- Рыбаков** Анатолий Наумович 892
- Рыбников** Константин Алексеевич 90
- Рыжков** Николай Иванович 717
- Рыжов** Олег Сергеевич 575
- Рычкова** Наталья Григорьевна (Наташа) 9, 59, 63, 88, 91, 92, 94, 99, 197, 203, 204, 414, 415—418, 532, 937, 1033, 1034, 1069, 1070, *alias* **Химченко**
- Рязанов** Владислав 766
- Саатчиан** Аршавир Лазаревич 297
- Савельев** Лев Яковлевич (Лёва) 150, 565
- Сагомян** Артур Яковлевич 230
- Саддам** Хусейн 870
- Садовничий** Виктор Антонович 175, 195, 196, 345, 364, 463, 932
- Сазонова** Инна Кузьминична 1031
- Сайзер** Ралф 723, 724, *alias* **Sizer**
- Сайм** Гэбриел 880
- Салазар** Антониу ди Оливейра 807
- Салихов** Гайбулла Назруллаевич 575, 578
- Салтанов** Юрий Алексеевич 682, 699
- Салтыков-Щедрин** Михаил Евграфович 873
- Самарин** Роман Михайлович 1042
- Самойлов** Давид Самуилович 653—655
- Самсонов** Александр Михайлович 905
- Сарычева** Тамара Александровна 175
- Сафонов** Василий Ильич 1063
- Сахаров** Александр Михайлович 396

- Сахаров** Андрей Дмитриевич 170, 222, 370, 380, 521, 840, 874
Светлов Михаил Аркадьевич 1081
Светлова Наталья Дмитриевна (Наташа) 163, 686, 698, 699, 1024, 1025, 1037, *alias* **Солженицына**
Свирский Григорий Цезаревич 1081
Свифт Джонатан 759
Севастьянов Борис Александрович 63, 64
Северянин Игорь 245, 246, 658
Седов Леонид Иванович 230, 1025
Селезнёв Геннадий Николаевич 747
Селивановский Е. А. 553
Селивёрстов Николай Александрович 74
Семенко Ирина Михайловна 335
Семенович Александр Фёдорович 107, 108, 155
Семёнов Алексей Львович 9, 175, 176, 189, 190, 192, 193, 405, 566, 571, 575, 576, 578, 579, 581, 585, 586, 591—596, 599, 604, 606, 608, 906, 968, 981, *alias* **Semenov**
Семёнов Анатолий Алексеевич 708
Семёнов Николай Николаевич 156
Семёнова Дарья Алексеевна 606
Семёнова Евгения Тихоновна 581, 585, 606
Семёнова Мария Алексеевна 606
Семёнова Татьяна Владимировна 338, 363
Сенаи Матильда Исидоровна, *alias* **Дубенская**
Сендеров Валерий Анатольевич 225
Сеньи Антонио 143
Сергеев Александр Михайлович 1048
Сергеев Евгений Михайлович 114
Серов Михаил 426
Серпинский Вацлав 537, 539, 550
Сетон-Томпсон Эрнест 30
Сильнов Александр Васильевич 762
Симанский Сергей Владимирович, *alias* Алексей I
Симонов Константин (Кирилл Михайлович) 443, 444, 650, 804
Синаи Матильда Исидоровна, *alias* **Дубенская**
Синай Яков Григорьевич 190, 935
Синявский Андрей Донатович 380, 381, 436, 503
Сираждинов Сагды Хасанович 136, 175, 195, 571, 574—577, 579, 580, 593, 594, 595, 600
Сисакян Алексей Норайрович 408, 412
Сифоров Владимир Иванович 81
Скловская-Кюри Мария, *alias* **Кюри** Мария
Скордев Димитр (Димитър) Генчев 400, 401—403
Скулачёв Владимир Петрович 364
Слисенко Анатолий Олесевич 574, 577
Слоним Вера Ильинична 992
Слоним Мария Ильинична 741, 992, *alias* **Филлимор** Мария, **Phillimore** Maria
Слуцкий Борис Абрамович 430, 501, 502, 511
Случевский Константин Константинович 435
Слёзкин Николай Алексеевич 230
Смирнов Сергей Васильевич 653
Смирнов Юрий Михайлович 127, 132
Смит Уинстон 834, 836, 838
Смородинский Яков Абрамович 885
Смэйл Стивен 1072, *alias* **Smale**
Собакевич Михаил Семёнович 747
Собинов Леонид Витальевич 201

- Соболев** Сергей Львович 116, 123, 124, 131, 139, 151, 175, 237, 305, 452, 488, 491, 899, 1064, 1065
- Соболевский** Андрей Николаевич 16
- Собчак** Анатолий Александрович 286, 422
- Собянин** Сергей Семёнович 1048, 1050
- Сойер** Томас 884, 885
- Соколов** Александр Всеволодович (Саша) 772
- Соколов** Алексей Георгиевич 787, 797, 798, 826, 1042
- Соколов** Глеб Иванович 870
- Соколов** Евгений Серафимович 747, 847
- Солженицын** Александр Исаевич 170, 178, 260, 533, 743, 1037
- Солженицына** Наталья Дмитриевна 1024, 1037, *alias* **Светлова**
- Соллогуб** Владимир Александрович 269, 287, 297
- Соловьёв** Владимир Рудольфович 862
- Соловьёв** Владимир Сергеевич 862
- Соловьёв** Юрий Петрович 195
- Солодков** Михаил Васильевич 787, 788, 791
- Соломон, царь 712, 729
- Сорокин** Владимир Георгиевич 766
- Сорокин** Юрий Николаевич 382
- Сосинский** Алексей Брониславович 62, 195
- Сотиров** Владимир Христов 402
- Спенсер-Черчилль** Уинстон Леонард, *alias* **Черчилль**
- Сперанский** Михаил Михайлович 272, 274, 288, 297, 300
- Сталин** Иосиф Виссарионович 38, 44, 130, 219, 220, 249, 320, 342, 346, 348, 350, 353, 368, 423, 437, 483, 491, 504, 516, 528, 529, 542, 543, 612, 651, 736, 832, 835, 836, 838, 839, 855, 859, 866, 870, 874, 876, 877, 889—895, 920, 963, 973, 1057, 1080
- Станиславский** Константин Сергеевич 177, 199—201, 419, 530, 850, 857, 858, *alias* **Алексеев-Станиславский**
- Стёнич** Валентин Иосифович 1060
- Степанов** Вячеслав Васильевич 217, 534, 536, 553, 554, 557
- Стечкин** Сергей Борисович 1076
- Стинрод** Норман Эрл 899
- Стокс** Уильям 423
- Стратилатов** Валентин Петрович 488
- Стругацкий** Аркадий Натанович 308, 563
- Стругацкий** Борис Натанович 308, 563
- Стурдза** Роксана Скарлатовна 301, *alias* **Эдлинг**
- Суворин** Алексей Сергеевич 298
- Суворова** Елена Сергеевна 878
- Суперфин** Габриэль Гавриилович 265
- Суриков** Василий Иванович 293
- Сурикова** Алла Ильинична 616
- Суслин** Михаил Яковлевич 537, 538—541, 973, 982, *alias* **Souslin**
- Сутгоф** Александр Николаевич 299
- Сыркин** Александр Яковлевич 264
- Сю** Эжен 31
- Табак** Юрий Михайлович 234
- Тавхелидзе** Альберт Никифорович 898, 912, 1074
- Тагор** Рабиндранату 198
- Тамерлан ибн Тарагай, *alias* Тимур

- Тамм** Игорь Евгеньевич 191, 235, 236, 243
- Тараканов**, полковник 150
- Тарелкин** Кандид Кастанович 260, 314
- Тарковский** Арсений Александрович 1081
- Тартаковский** Андрей Григорьевич 299—301
- Татищев** Сергей Спиридонович 288, 297
- Твардовский** Александр Трифонович 836
- Твен** Марк 885
- Телингатер** Майя Соломоновна 27
- Телингатер** Соломон Бенедиктович 27
- Тереза Калькуттская 142
- Терентьев** Владимир Александрович 945
- Терешкова** Валентина Владимировна 689
- Тестелец** Яков Георгиевич 695, 792
- Тиле** Эрнст-Йохен 720—722, 724, *alias* Thiele
- Тимирязев** Климент Аркадьевич 74
- Тимковская**, абитуриент 692, 696
- Тимофеев-Ресовский** Николай Владимирович 307, 310
- Тимур ибн Тарагай 614
- Титов** Юрий Васильевич 381, 382
- Тихомиров** Владимир Михайлович 57, 64, 102, 153, 155, 165, 167, 183, 184, 190, 193—197, 202, 208, 239, 243, 496, 498, 525, 526, 538, 552, 558, 798
- Тихомиров** Михаил Николаевич 161, 1023, 1034, 1035
- Тихонов** Андрей Николаевич 131, 175, 503, 798, 799
- Ткаченко** Катерина 13, 983, 985
- Толстая** Светлана Михайловна 1001
- Толстая** Софья Андреевна 815
- Толстой** Алексей Константинович 864
- Толстой** Алексей Николаевич 851, 858, 864
- Толстой** Лев Николаевич 24, 245, 349, 490, 551, 694, 783, 815, 824, 825, 873
- Томашевская** Мария Николаевна 649
- Томашевский** Николай Борисович 88, 233, 644, 649
- Томский** Николай Васильевич 875, 877
- Топоров** Виктор Леонидович 435
- Топорóв** Владимир Николаевич 8, 88, 261, 264, 265, 295, 317, 548
- Торвальдсон** Эрик Рыжий 844
- Тосунян** Ирина Сергеевна 367, 369
- Трапезников** Сергей Павлович 353, 354, 359, 700
- Трауберг** Наталья Леонидовна 7, 88, 232—248, 991
- Трахтенброт** Борис Авраамович 117, 119, 120, 147, 151, 574, 577, 596
- Тропин** Иван Трифонович 175
- Трофимов** Виктор Титович 363
- Троцкий** Лев Давыдович 207, 220
- Трубецкой** Сергей Петрович 272, 274, 287, 291, 297, 299
- Трумэн** Гарри 626
- Трунин** Михаил Владимирович 992
- Тулумбайский** Гумер 28, *alias* Шагиахметов
- Тумаркин** Генрих Целестинович 185, 467
- Тумаркин** Лев Абрамович 141
- Туполев** Андрей Николаевич 516
- Тургенев** Иван Сергеевич 42, 687, 692, 694, 709, 842, 873
- Тыгу** Энн Харальдович 575, 576
- Тьюринг** Алан Матисон 1072
- Тюрина** Ирина 890
- Тютчев** Фёдор Иванович 72

- Уайльд** Оскар 257, *alias* **Wilde**
- Удальцов** Иван Дмитриевич 344
- Удальцов** Иван Иванович 1026
- Улицкая** Людмила Евгеньевна 648
- Улугбек** (Мухаммед Тарагай ибн Шахрух ибн Тимур Улугбек Гураган) 614
- Ульянов** Владимир Ильич, *alias* **Ленин** Владимир
- Ульянов** Пётр Лаврентьевич 131, 185, 460, 464, 467, 850, 1074
- Уотсон** Грегори 775, 776, *alias* **Watson**
- Урысон** Павел Самуилович 128, 399, 536, 540, 541, 553, 560
- Успенская** Светлана Марковна 31, 32, 35, 55, 97, 121, 123, 146, 165, 166, 233, 248, 255, 262, 265, 282, 285, 439, 642—646, 650, 796, 938, 940, 989—994, 998, 1000, 1014, 1040, 1060, 1065, 1068, 1077—1079, *alias* **Киселевская**
- Успенская** Юлия Дмитриевна 49—52, 55, 336, 1064, *alias* **Виноградова** Юлия
- Успенский** Андрей Васильевич (Успеня) 24, 25, 28—32, 34, 38, 40, 41, 42—44, 45, 49, 51, 53, 55, 622, 917, 1057
- Успенский** Андрей Владимирович 759
- Успенский** Борис Андреевич 5, 32, 39—41, 44, 45, 52, 55, 88, 139, 154, 255, 265, 311, 656, 657, 659—662, 917, 992, 1058
- Успенский** Василий Дмитриевич 45, 46, 47—49, 51
- Успенский** Владимир Владимирович 31, 41, 55, 166, 193, 255, 405, 419, 500, 539, 642, 646, 647, 753, 759, 769, 775, 796, 920, 934, 938, 982, 989, 990—997, 1011, 1040, 1068, 1076, 1079
- Успенский** Димитрий 46
- Успенский** Яков Викторович 545, 560
- Утехин**, абитуриент 690
- Ушаков** Дмитрий Николаевич 213, 318, 695, 810
- Ушаков** Максим Александрович 19
- Уэланд** Джордж Уиллард 838
- Уэллс** Герберт Джордж 741
- Фабр** Жан-Анри 33
- Фаворов** Пётр Владимирович 12, 961
- Фаддеев** Дмитрий Константинович 131
- Фаддеев** Людвиг Дмитриевич 485, 861
- Фадеев** Александр Александрович 652, 867, 1078
- аль-Файёд** Доди 617, 618
- Файзуллаев** 601—604
- Фаликов** Илья Зиновьевич 437
- Фанайлова** Елена Николаевна 332
- Фанталов** Леонид Ильич 1064
- Фанталова** Мария Дмитриевна 1064
- Федорчук** Виталий Васильевич 227
- Федорчук** Виталий Витальевич 227, 228
- Федосеев**, замдекана 426—428
- Федосеев** Пётр Николаевич 260, 1018, 1019
- Феллини** Федерико 253
- Фельдман**, абитуриент 691
- Фесенко** Р. А. 1058, 1059
- Фет** Яков Ильич 91, 140, 160, 202, 307, 522, 701
- Фёдор** Кузьмич, старец 292
- Филарет**, архиепископ затем митрополит 271, 273, 274, 288, 290, 291, 298, *alias* **Дроздов**

- Филатова** Татьяна Германовна 878
Филин Федот Петрович 1002
Филиппова Лариса Евгеньевна 429, 1006, 1011, 1036
Филлимор Мария 741, *alias* **Сло- ним** Мария, **Phillimore** Maria
Филлимор Робин 741, *alias* **Phil- limore** Robin
Фиников Сергей Павлович 131
Финн Виктор Константинович 261, 311—316, 370, 371, 383
Фоменко Анатолий Тимофеевич 361, 956, 965
Фомин Сергей Васильевич 155
Фонвизин Денис Иванович 811, 812
Фондаминский Илья Исидорович 815
Франклин Бенджамин 179
Франц-Иосиф, император 866
Франциск I 844
Фреге Готтлоб (Готтлоб) 857, 1073
Фрейд Зигмунд 868
Френкель Абрахам Галеви (Адольф) 387, 392
Фридберг Ричард М. 906, 907, *alias* **Friedberg**
Фрицхен 800
Фриш Карл Риттер фон 143, 916
Фрумкина Ревекка Марковна 88
Фурсенко Андрей Александрович 952
- Майкин** Семён Эммануилович 492
Халатников Исаак Маркович 900
Харди Годфри Харольд 130
Харитон Юлий Борисович 839
Харкевич Александр Александро- вич 81
Хасбулатов Руслан Имранович 1060, 1061
- Хаусдорф** Феликс 336, 337, 540, 541, 560
Хворостовский Дмитрий Арка- дьевич 419, 420, 422
Хейеноорт Еан ван 70, *alias* **Heijenoort**
Хелемский Александр Яковлевич 229, 230
Хельфготт Харальд Андрес 457, *alias* **Helfgott**
Хемингуэй Эрнест Миллер 436
Хесин Григорий Борисович 54
Хйжий Максим Леонидович 288
Хилл Джордж Уильям 864, *alias* **Hill**
Химченко Наталья Григорьевна 298, *alias* **Рычкова**
Хин Евгения Юрьевна 898, 1074
Хиндемит Пауль 143, 916
Хинчин Александр Яковлевич 69, 125, 128, 129, 137, 218, 247, 546, 548, 550, 553
Хисматулин Алексей Александро- вич 762
Хлебников Виктор Владимирович (Велемир) 507, 881—883, 885, 888
Хлодовский Игорь Николаевич 217
Ходорковский Альфред 1082
Холмс Шерлок 154, 659
Холодóвич Александр Алексеевич 1031, 1032
аль-Хорезми Мухаммад бен Му- са 566, 567, 568, 570, 571, 572, 573, 576, 579, 580, 587, 588, 595, 599, 615, 968, *alias* **Khowârizmî**
Хохлов Рем Викторович 179, 194, 258, 335, 354, 355—360, 362, 790, 798
Храповицкий Алексей Павлович, *alias* **Антоний**

- Хренов** Иван Александрович 164, 1013, 1014, 1026, 1031, 1032
Христианович Сергей Алексеевич 151
Хрущёв Никита Сергеевич 141, 146, 164, 249, 259, 314, 372, 437, 716, 835, 839, 890, 927, 1025
Хрыкин, слесарь 843
Хуа Локен 899
 Хуан Карлос, король 1072
 Хусейн Саддам 870
Хэпбёрн Одри 351
- Цветаев** Иван Владимирович 894
Цветаева Марина Ивановна 237, 240, 246, 430, 941
 Цезарь Кай Юлий 790, 865
Цейтин Григорий Самуилович 575, 577, 592
Церетели Акакий Ростомович 864, 921
Цермело Эрнст 387, 392
Цетлин Михаил Львович 448
Циолковский Константин Эдуардович 351
Цитладзе Элизбар Семёнович 141
- Чайковский** Пётр Ильич 695
Чалидзе Валерий Николаевич 370
Чаплин Чарлз Спенсер 253
Чаплыгин Сергей Алексеевич 546
Чахмахчев Григорий Гайкович 194
Чеботарёв Николай Григорьевич 552
Чебриков Виктор Михайлович 798
Чебышев Пафнутий Львович 85
Чейн Джон 423
Челлини Бенвенуто 491
Челноков Виталий Вячеславович 780
Чемоданов Николай Сергеевич 832
Чепайтис Виргилиус-Юозас Владович 88, 166, 248
- Чепайтис** Томас Виргилиевич (Тристрамас) 248
Чепайтите Мария Виргилиевна 7, 232, 243, 991
Чепарухин Александр Геннадиевич 798
Черкасов Андрей Николаевич 141
Черкасов Ростислав Семёнович 155
Черненко Константин Устинович 171
Черников Виктор Петрович 107, 108
Чернов Игорь Аполлонович 254, 255
Чернышевский Николай Гаврилович 873
Чернышёв Александр Иванович 290
Черняк Яков Захарович 298
Чертокуцкий Пифагор Пифагорович 553
Черчилль Уинстон Леонард 249, 626, 858
Честертон Гилберт Кит 857, 880
Четвериков Сергей Дмитриевич 766, 1056, 1057
Чехов Антон Павлович 201, 666
Чешко Елена Владимировна 1038
Чёрч Алонзо 1072, 1073, *alias Church*
Чижевский Александр Леонидович 72, 235
Чижевский Николай Прокопьевич 235
Чистякова Регина Александровна 176
Чичиков Павел Иванович 362, 706, 707
Чубарев Аркадий Моисеевич 175
Чубарова Галина Сергеевна 941
Чудаков Евгений Алексеевич 1047
Чудова Людмила Григорьевна 556—558

- Чуковская** Лидия Корнеевна 330, 481, 491
- Чуковский** Корней Иванович 24
- Чурлянис** Николай Константинович, *alias* **Чюрлёнис**
- Чэнь** Цзинь-Жунь 455
- Чюрлёнис** Микалоюс Константинас 126, 892
- Шабовски** Гюнтер 637
- Шагал** Марк Захарович 892
- Шагиахметов** Габдулхак Залялетдинович 28, *alias* **Тулумбайский**
- Шагиня** Мариэтта Сергеевна 1078
- Шальникова** Наталья Александровна 489
- Шаляпин** Фёдор Иванович 201
- Шанин** Николай Александрович 121, 122, 211, 212, 574, 577, 599, 608
- Шапиро** Абрам Борисович 695
- Шапиро** Борис Израилевич 424
- Шапиро** Зоря Яковлевна 979
- Шапировский** Борис Эмильевич 226, 227, 228
- Шаталин** Станислав Сергеевич 791, 792
- Шаумян** Себастьян Константинович 1027, 1033
- Шафаревич** Игорь Ростиславович 220, 225, 226, 425, 448, 494, 504, 956
- Шахматов** Алексей Александрович 1034
- Шварц** Евгений Львович 891
- Шварцбург** Семён Исаакович 173
- Шведова** Наталья Юрьевна 1038
- Швейцер** Альберт 981
- Шевельков** Владимир Фёдорович 363
- Шевченко** Тарас Григорьевич 873
- Шейнкман** Михаил Аркадьевич, *alias* **Светлов**
- Шекрот** Ангелина Николаевна 645
- Шекспир** Вильям 865
- Шеннон** Клод 85, 86, 159
- Шень** Александр Ханевич (Саша) 19, 193, 325—329, 330, 331, 405, 586, 591, 758, 806
- Шень** Ханхань 330, 331
- Шепард** Алан Бартлет 758
- Шептунов** Игорь Михайлович 163, 164, 1024—1026, 1031, 1034
- Шестаков** Виктор Иванович 85
- Шестериков** Сергей Петрович 287, 297
- Шехтман** Валентин Борисович 176
- Шиллер**, жестианных дел мастер 865
- Шиллер** Иоганн Кристоф Фридрих 100, 865
- Шилов** Георгий Евгеньевич 470
- Шильдер** Николай Карлович 275, 276, 278, 280—282, 288, 290—292, 298
- Шипунова** Анна Владимировна (Аня) 19
- Ширшов** Анатолий Илларионович 150, 151, 565
- Ширяев** Альберт Николаевич 6, 59, 99, 145, 175, 183, 184, 188, 190, 193, 197, 202, 211, 297, 298, 419, 525, 532, 806, 1008
- Шклярский** Давид Оскарович 188
- Шмелёв** Дмитрий Николаевич 860, 880, 1058
- Шмидт** Отто Юльевич 124
- Шнирельман** Лев Генрихович 546, 549, 553
- Шнитке** Альфред 972
- Шокарев** Сергей Юрьевич 301
- Шолль** Штефан 751, *alias* **Scholl**
- Шолохов** Михаил Александрович 521

- Шостакович** Дмитрий Дмитриевич 444, 446
- Шпеккер** Эрнст 575
- Шрейдер** Юлий Анатольевич 384, 385, 896
- Штаркман** Всеволод Серафимович 573
- Штекер** Анна Сергеевна 199, *alias* **Алеева, Алексеева** Анна, **Красюк**
- Штекер** Георгий Андреевич 199
- Шток** Исидор Владимирович 42, 43, 645, 747
- Штрассен** Фолькер 575, 577, 608
- Штраух** Максим Максимович 753
- Шувалов** Виктор Валерьевич (Витя) 19
- Шульгин** Василий Витальевич 268
- Шуметова** Ольга Ивановна 1007
- Шумилина** Аза Леонидовна 313
- Шумихин** Сергей Викторович 556
- Шумов**, абитуриент 689
- Шур** Светлана Михайловна 1001
- Шурочка, домработница 993
- Щаранский** Натан (Анатолий) Борисович 473
- Щеглов** Юрий Константинович 88
- Щерба** Лев Владимирович 1003
- Щербаков** Владимир Леонидович 12, 955
- Эвклид**, *alias* Евклид
Эвристика 126, 970
- Эдельштейн** Йоэль (Юлий) Юрьевич 473
- Эдлинг** Роксана Скарлатовна 301, *alias* **Струдза**
- Эйгес** Александр Романович 557, 558, 559
- Эйгес** Екатерина Романовна 555, 556—559
- Эйдельман** Натан Яковлевич 276
- Эйлер** Леонард 453, 454, 576
- Эйнштейн** Альберт 253, 266, 360, 361, 472, 841, 884, 931, 965
- Экберг** Анита 241
- Энгельгардт** Владимир Александрович 170
- Энгельс** Фридрих 203, 736, 852
- Энеев** Тимур Магометович 342, 896
- Эппель** Асар Исаевич 772
- Эрик** Рыжий, *alias* **Торвальдсон**
- Эшби** Уильям Рос 307—309
- Юденсон** Лидия 494, 497
- Юпитер** 810, *alias* Jovi
- Юшин** Пётр Фёдорович 1042
- Юшкевич** Адольф Павлович (Доля) 534, 571
- Яблонский** Сергей Всеволодович 148, 861, 898
- Яворская** Татьяна Леонидовна 176
- Яглом** Акива Моисеевич (Кика) 64, 95, 141, 240, 244, 245, 249, 250, 251, 252, 483, 497
- Яглом** Исаак Моисеевич (Изя) 95, 240, 244, 245, 249, 250, 251, 252, 483, 487, 497, 508, 512
- Якобсон** Роман Осипович 96, 267, 937, 938, 1042, 1043
- Яконов** Антон Николаевич 178, 743
- Якубович** Леонид Аркадьевич 742
- Якушкин** Вячеслав Евгеньевич 299
- Янгфельдт** Бенгт 939
- Янин** Валентин Лаврентьевич 75
- Янков** Вадим Анатольевич 381, 390
- Яновская** Софья Александровна 90, 110, 119, 123, 136, 137, 174, 188, 210, 304, 311, 390
- Ярцева** Виктория Николаевна 841
- Ястремский** Борис Сергеевич 516

- Abraham** Ralph 71, *alias* **Абрахам**
Adelson-Velsky George 887, *alias*
Адельсон-Вельский
Aldanov Mark 815, *alias* **Алданов**
Ashby William Ross, *alias* **Эшби**
- Baire** René-Louis 1075
Balzan Eugenio 142, *alias* **Бальцан**
Berlin Irving 858, *alias* **Бёрлин**
 Ирвинг
Berlin Isaiah 858, *alias* **Бёрлин**
 Исайя
Bierce Ambrose Gwinett 278, *alias*
Бирс
 Biquette 23, *alias* **Козочка**
Borel Félix Edouard Justin Émile
 305, 592, 1075, *alias* **Борель**
Bourbaki Nicolas 1071, *alias* **Бурбаки**
Brouwer Luitzen Egbertus Jan 390,
alias **Брауэр**
Burgess John Patton, *alias* **Бёджес**
- Cartier** George-Étienne 849, *alias*
Картье Жорж-Этьен
Cartier Jacques 844, 845, *alias*
Картье Жак
Cheyne John, *alias* **Чейн**
Church Alonzo 1072, *alias* **Чёрч**
Ćiurlionis Mikalojus Konstantinas,
alias **Чюрлёнис**
Clay Landon Thomas 985, *alias* **Клэй**
Cohen Paul Joseph 387, 389, 1073,
alias **Коэн**
- Durand** Bruno 758, *alias* **Дюран**
- Ershov** A. P. 570, *alias* **Ершов**
 Андрей
- Friedberg** Richard M. 906, *alias*
Фридберг
- Gleason** Henry Allan Jr. 929, *alias*
Глисон
Gödel Kurt Friedrich 387, 402,
alias **Гёдель**
Goldbach Christian 453, 454, *alias*
Гольдбах
Goya Francisco Jose de 725, *alias*
Гойя
Grothendieck Alexander 1071, *alias*
Гротендик
- Harvey** B. M. 981
Heijenoort Jean van 70, *alias* **Хей-**
еноорт
Helfgott Seier Harald Andrés, *alias*
Хельфротт
Hilbert David 129, *alias* **Гиль-**
берт
Hilgers Philip von 640
Hill George William 864, *alias*
Хилл
- Jackson** Henry, *alias* **Джексон**
 Jovi 810, *alias* **Юпитер**
- Kauffmann** Hans 574, *alias* **Ка-**
уфман
 al-Khowârizmî Abu Ja'far Moham-
 med ibn Mûsâ 567, 573, *alias*
Хорезми
Kleene Jeanne M. 599, *alias* **Клини**
 Джин
Kleene Stephen Cole 389, *alias*
Клини Стивн
Knuth Donald Ervin 570, 571, *alias*
Кнут Дональд
Knuth Jill 599, *alias* **Кнут Джилл**
Kolmogoroff A. 129, *alias* **Колмо-**
горов Андрей
Kolmogorov A. N. 69, 728, *alias*
Колмогоров Андрей

- Lebesgue** Henri Léon 920, 981, *alias* Лебер
- Lefschetz** Solomon 481, *alias* Лешец
- Low** Ivy 992, *alias* Литвинова Айви, Лоу
- Lusin** Nicolas 981, 1075, *alias* Лузин
- Markov** Andrej A. 640, *alias* Марков Андрей Андреевич (отец)
- Marsden** J. E. 71, *alias* Марсден
- Neumann** John von 69, *alias* Нейман
- Nirenberg** Lui 471, *alias* Ниренберг
- Norman** Peter 858, *alias* Норман
- O'Higgins** Ambrosio 874, *alias* О'Хиггинс Амбросио
- O'Higgins** Bernardo 874, *alias* О'Хиггинс Бернардо, Riquelme, Рикелме
- Pauling** Linus Carl 838, 916, *alias* Паулинг, Полинг
- Phillimore** Maria lady 741, *alias* Филлимор Мария, Слоним Мария
- Phillimore** Robin lord 741, *alias* Филлимор Робин
- Post** Emil Leon 118, 120, 906, *alias* Пост
- Praeger** Frederick A. 373, *alias* Пререп
- Rice** Henri Gordon 910, *alias* Райс
- Riquelme** Bernardo 874, *alias* Рикелме, O'Higgins Bernardo, О'Хиггинс Бернардо
- Roberval** Jean-François de La Rocque de 845, *alias* Роберваль
- Rogers** Hartley Jr. 909, *alias* Роджерс
- Scholl** Stephan 751, *alias* Шолль
- Schuman** Conard 635
- Semenov** A. L. 571, 906, *alias* Семёнов Алексей
- Sizer** Ralph 723, *alias* Сайзер
- Smale** Stephen 1072, *alias* Смэйл
- Souslin** M. 540, *alias* Суслин
- Stokes** William, *alias* Стокс
- Thiele** Ernst-Jochen 720, *alias* Тиле
- Vanik** Charles, *alias* Вэник
- Velminski** Wladimir 640
- Watson** Gregory 775, 776, *alias* Уотсон
- Wheland** George Willard, *alias* Уэланд
- Wilde** Oscar 298, *alias* Уайльд
- Wolf** Ricardo 470, *alias* Вольф
- Yesenin-Vol'pin** Alexander 373, *alias* Есенин-Вольпин
- Zemanek** Heinz 599, *alias* Земанек

Книги издательств ОГИ и Б.С.Г.-Пресс
можно приобрести:

В РОЗНИЦУ В МОСКВЕ

- Книжный магазин «Москва»; м. «Пушкинская», «Тверская»; ул. Тверская, 8; тел. (495) 629-64-83, 797-87-17;
- ТД «Библио-Глобус»; м. «Лубянка»; ул. Мясницкая, 6/3, стр. 1; тел. (495) 781-27-37;
- Московский Дом книги; м. «Арбатская»; ул. Новый Арбат, 8; тел. (495) 789-35-91;
- Дом книги «Молодая Гвардия»; м. «Полянка»; ул. Большая Полянка, 28; тел. (495) 238-50-01;
- Книжный магазин «Фаланстер»; м. «Пушкинская», «Тверская»; Малый Гнездниковский пер., 12/27; тел. (495) 629-88-21;
- Сеть магазинов «Республика»; тел. (495) 251-65-27;

В РОЗНИЦУ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

- Санкт-Петербургский Дом книги; м. «Невский Проспект», «Гостиный Двор»; Невский пр-т, 28; тел. (812) 448-23-55;
- Сеть магазинов «Буквояд»; тел. (812) 601-0-601;
- Книжный магазин «Все свободны»; наб. Мойки, 28; тел. (911) 977-40-47;

О П Т О М

- КД «Б.С.Г.-Пресс»; Москва, ул. Бауманская, 43/1, стр. 1; тел. (495) 626-24-70;
- «А. Симпозиум»; Санкт-Петербург, 20-я линия В. О., 5/7; тел. (812) 325-66-61.

Наши книги в электронном формате можно найти по адресу:

www.bibliorossica.com/publishers.html

Владимир Андреевич Успенский

ТРУДЫ ПО НЕМАТЕМАТИКЕ

В пяти книгах

Книга 5

ВОСПОМИНАНИЯ и НАБЛЮДЕНИЯ

* * *

Ответственный за выпуск *Н. Н. Андреев*. Редакторы *М. Ю. Панов*,
Н. М. Панюнин. Художник переплёта и суперобложки *М. Ю. Панов*

Подписано в печать 29/X 2018 года. Формат 70 × 100 ¹/₁₆. Печ. л. 70,0.
Усл. печ. л. 90,74. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура
литературная, картографическая № 151. Тираж 1500 экз. Заказ 02121/18.

Объединённое гуманитарное издательство.
105005, Москва, ул. Бауманская, 43/1, стр. 1.
Тел.: (495) 626-24-75; e-mail: izdatelstvo.ogi@yandex.ru

Фонд «Математические этюды».
115573, Москва, Ореховый бульвар, 41, офис 119

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, промышленная зона Боровлёво-1, комплекс №3А.
<http://www.pareto-print.ru/>